РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ восьмой. ЯНВАРЬ. 1877 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ княгини Екатерины Романовны **Дашковой,** геліографическій снимокъ съ гравированнаго на мѣди въ 1767 г. портрета. Исполнено въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ художникомъ г. **Скамони.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.
Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, № 90—1.
1877.

I-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го января.

Перечень русско-историческихъ книгъ

съ 1870 г.

Адмиралъ Александръ Ивановичъ Панфиловъ. Спб. 1872. Тип. Д-та Удѣловъ. In-8°, 8 стр. 1230 экз. Ц. 10 к.

Адмиралъ Алексѣй Самуиловичъ Грейгъ. Біографическій очеркъ. Состав. А. Асланбеговъ. Спб. 1873. Ц. 1 р.

Адмиралъ И. Ф. Крузенштернъ, первый русскій плаватель вокругъ свѣта. Спб. 1873. 110 экз. Ц. 10 к.

Адмиралъ Павелъ Степановичъ Нахимовъ. Спб. 1872. Тип. Д-та Удѣловъ, In-8°, 30 стр. 1230 экз. Ц. 10 к.

Александръ Васильевичъ Суворовъ, генералиссимусъ русскихъ войскъ. Его жизнь и побѣды. Составлено по исторіямъ Н. А. Полеваго и генерала Д. А. Милютина. Съ портретомъ. Спб. 1870. Тип. II-го Отдѣл. Соб. Е. И. В. Канц. In-8°, 90 стр. 4500 экз.

Біографическіе очерки Вл. Новаковскаго. Царь-богатырь Петръ Великій. Съ портретомъ. Спб. 1870. Изд. тип. Тов. «Общ. Пользы». In-12°, 160 стр. 1540 экз. Ц. 75 к.

Біографія Вольскаго именитаго гражданина Василія Алексѣевича Злобина. А. Леопольдова. Саратовъ. 1872.

Бисмаркъ, русскій главноначальствующій южною (украинскою) арміею въ 1737 г. М. 1871. 300 экз.

Богданъ Хмельницкій. Н. И. Костомарова. Изд. 3-е, испр. и дополн. 3 тома. Спб. 1870. (IX-й, X-й и XI-й томы «Историческихъ монографій и изслѣдованій»). Ц. 5 р.

Анекдоты и черты изъ жизни графа Милорадовича. Издано Григ. Милорадовичемъ. Кіевъ. 1870. Тип. Өедорова. In-18°, 89+17 стр. 600 экз. Ц. 30 к.

Бородинское сраженіе. М. 1872. 200 экз. Ц. 1 р.

Борьба не на животъ, а на смерть съ новыми историческими ересями. М. П. Погодина. М. 1874. 1200 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Бунтъ военныхъ поселянъ въ 1831 г. Разсказы и Воспоминанія очевидцевъ. Изд. Ред. «Русской Старины». Спб. 1870. In-8°, V+282 стр. 1200 экз. Ц. 1 р. 25 к. Все изданіе разошлось.

Воспоминаніе о Василіѣ Өедуловичѣ Громовѣ. Съ портретомъ. Спб. 1870. Тип. Дома Призр. малол. бѣдныхъ. In-8°, 107+36 стр. 1500 экз. Ц. 75 к.

Гродненскій сеймъ 1793 г. Послѣдній сеймъ Рѣчи Посполитой Д. И. Иловайскаго. М. 1870. Унив. типографія. In-8°, XXVI+274 стр. Ц. 1 р.

Императорскій С.-Петербургскій университетъ въ теченіе первыхъ пятидесяти лѣтъ его существованія. Историч. записка, сост. по порученію Совѣта унив-та В. В. Григорьевымъ. Спб. 1870. Тип. Безобразова. In-8°, 432+96+CXXII стр. 1500 экз.

Іезуиты въ Россіи. Свящ. М. Я. Морошкина. Т. II. Спб. 1870. Ц. 2 р. 50 к. (Т. I, 1867 г. Ц. 2 р. 50 к.).

Княженіе Даніила Галицкаго, по русскимъ и иностраннымъ извѣстіямъ. Николая Дашкевича. Кіевъ. 1874. Унив. тип. In-8°, 159 стр. 200 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Руководство къ русской исторіи. Д. Иловайскаго. Изд. 15-е. М. 1874. Тип. Грачева, In-8°, 1+172 стр. 12000 экз. Ц. 40 к.

Хивинскій походъ въ 1873 г. (По официальнымъ источникамъ). Спб. 1874. Тип. Д-та Удѣловъ. In-8°, 166 стр. 100 экз. Ц. 1 р. (Въ продажѣ нѣтъ).

Истина. Повременное изданіе русскихъ старообрядцевъ въ Пруссіи, перенесенное нынѣ въ Псковъ. Изд. К. Е. Голубова. Псковъ. 1869 — 1870. Книжки 6—16. Ц. каждой книжки 75 к., а для изъявившихъ желаніе получать ихъ постоянно отъ издателя—ц. по 50 к. съ перес.

Исторія евреевъ отъ сотворенія міра до построенія втораго храма. П. Беера. Перев. на русскій языкъ Бернарда Сегаль. Варшава. 1872. Ц. 32 к.

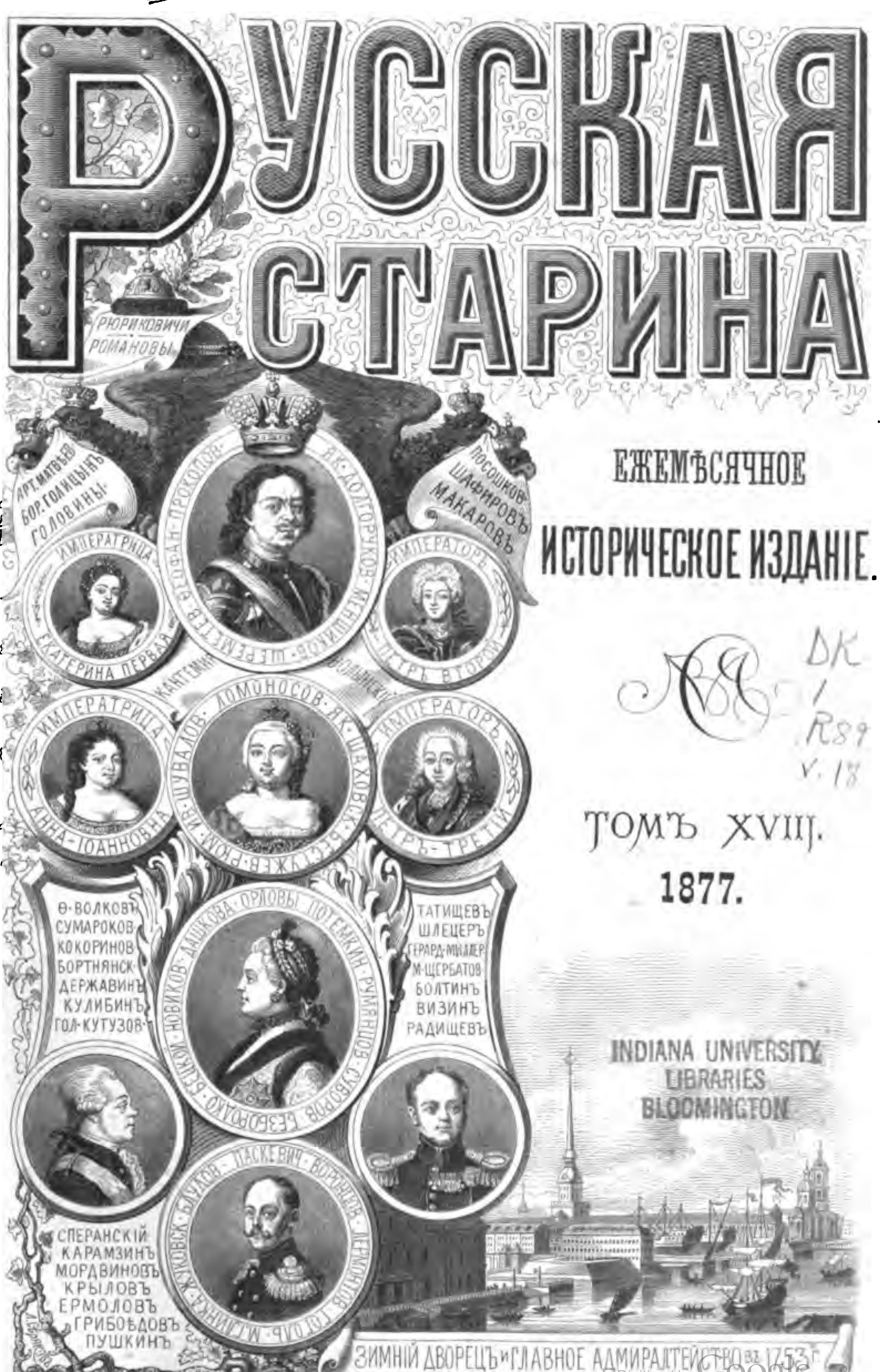
Исторія еврейскаго народа въ библейскій періодъ. Бернарда Сегаль. Съ при-

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

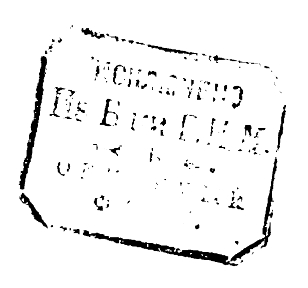
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

1877.

Russkaia starina

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ».

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 4 ФЕВРАЛЯ 1876 г.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.



ПЯТИДЕСЯТИЛѢТНІЙ И СТОЛѢТНІЙ ЮБИЛЕИ

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

29-го декабря 1876 г. академія наукъ праздновала свой полуторастолѣтній юбилей. Этотъ юбилей,—третій со времени учрежденія академіи наукъ,—находится въ исторической связи съ своими предшественниками—пятидесятилѣтнимъ и столѣтнимъ юбилеями академіи. Въ празднованіи этихъ полувѣковыхъ годовщинъ были и свои особенности, рисующія болѣе или менѣе ярко тогдашнее время, были и черты общія, выражающія внутреннюю связь между двумя періодами въ жизни академіи.

I.

Внѣшнему устройству и обстановкѣ пятидесятилѣтняго юбилея старались придать какъ можно болѣе блеска и великолѣпія, неразлучныхъ спутниковъ вѣка Екатерины II. По порученію конференціи, академикъ Штелинъ, извѣстный своею изобрѣтательностью въ сюжетахъ для иллюминацій и похвальныхъ надписей, принялъ на себя устройство декоративной части во всѣхъ ея подробностяхъ, отъ разнообразныхъ украшеній главной залы до аллегорическихъ рисунковъ на пригласительныхъ билетахъ. Приготовленія къ юбилею были весьма продолжительны, потому что день празднества все откладывался, да откладывался.

Собственно говоря, днемъ учрежденія академіи наукъ, основанной по мысли Петра Великаго, слѣдовало бы считать 22-е января 1724 года, потому что въ этотъ день Петръ Великій утвердилъ докладъ объ учрежденіи академіи. Немедленно по

утвержденіи Петромъ Великимъ проекта академіи наукъ, началась дѣятельная переписка съ иностранными учеными, и приняты были мѣры къ скорѣйшему открытію академіи. Въ 1725 году уже дѣйствовала академическая конференція: академики собирались для научныхъ совѣщаній, и въ собраніи читались мемуары по наукамъ математическимъ. Первое торжественное собраніе хотѣли устроить на другой день тезоименитства Екатерины I, т. е. 25-го ноября; но по Невѣ шелъ ледъ и сообщеніе съ Васильевскимъ островомъ было прервано. Пришлось отложить собраніе до 27-го декабря. Торжественное собраніе академіи наукъ, происходившее 27-го декабря 1725 г., признано днемъ открытія академіи наукъ; послѣдующія торжественныя собранія происходили обыкновенно 27-го декабря, и пятидесятилѣтній юбилей академіи предположено было праздновать 27-го декабря 1775 года. Но по разнымъ причинамъ праздество было отложено до 1-го августа 1776 года.

Ровно за пятьдесятъ лѣтъ до этого, 1-го августа 1726 года, происходило торжественное собраніе академіи наукъ въ присутствіи императрицы Екатерины I. Къ празднеству приглашены были: высшее духовенство, высшіе чины гражданскаго и военнаго вѣдомствъ и дипломатическій корпусъ. Для императрицы принесли въ академію изъ сената тронъ, на которомъ обыкновенно Петръ Великій сидѣлъ при пріемѣ пословъ. Актъ состоялъ изъ рѣчей неудобопонятныхъ для публики, по крайней мѣрѣ для значительной ея части, и изъ пира, напоминающаго отчасти ассамблеи временъ Петра Великаго. Академикъ Байеръ произнесъ на нѣмецкомъ языкѣ похвальное слово императрицѣ; академикъ Германъ читалъ на латинскомъ языкѣ рѣчь, заключавшую въ себѣ обзоръ исторіи геометріи и важнѣйшихъ математическихъ открытій и т. д. Чтеніе рѣчей показалось нѣсколько длинноватымъ и скучноватымъ даже для присяжныхъ любителей академическаго краснорѣчія. За рѣчами послѣдовала музыка; за музыкою—угощеніе. Въ три часа пополудни началось собраніе, а императрица оставила академію съ наступленіемъ ночи; пиръ въ академіи продолжался цѣлую ночь.

Предположенное собраніе 1-го августа 1776 года не состоялось. Отсутствіе двора, уѣзжавшаго въ Москву, и другія обстоятельства заставили отложить празднованіе юбилея. Наконецъ объявлено было, что 29-го декабря 1776 года будетъ праздно-

ваться пятидесятилѣтній юбилей академіи. День этотъ назначенъ самою императрицею Екатериною II, изъявившею желаніе присутствовать на академическомъ актѣ.

Ко дню юбилея академія наукъ приняла праздничный видъ. Зала торжественныхъ собраній и смежныя съ нею комнаты украсились картинами и статуями; живопись, скульптура и архитектура истощили свои средства для приданія цѣлому возможно-большаго эффекта. На площадкѣ лѣстницы и при входѣ въ первую комнату стояли статуи ученыхъ знаменитостей древняго міра, иностранныхъ и русскихъ. Въ опредѣленіи національности видна та же свобода и развязность, которая такъ ярко выражается въ тогдашнихъ понятіяхъ и спорахъ о происхожденіи народовъ и сродствѣ языковъ. Изъ четырехъ статуй—одна изображала Платона, перваго академика; другая—Пиѳагора, перваго философа; остальныя изображали «двухъ знаменитыхъ россійскихъ философовъ, жившихъ въ шестомъ и пятомъ столѣтіи предъ Рождествомъ Христовымъ: Анахарсиса и Токсариса—россіянина, родившагося въ нынѣшней Малой Россіи».

Въ малой конференцъ-залѣ, украшенной живописью, панелями и пиластрами, висѣли грудныя изображенія шести славнѣйшихъ философовъ древняго и новаго міра: Діофанта, изобрѣтателя алгебры, Ньютона, Птоломея, Коперника, Аристотеля и барона Вильгельма фонъ-Лейбница.

Главная зала академическихъ собраній представляла «столповидный великолѣпный театральный видъ», производившій оптическій обманъ, увеличивая и расширяя залу. У входа въ залу изображена была Натура, окруженная произведеніями трехъ своихъ царствъ, и снимающая покрывало съ наукъ естественныхъ; подъ нею надпись: investigaudo—чрезъ испытаніе.

На главной стѣнѣ залы большая картина, писанная масляными красками, изображала всю академію наукъ въ лицахъ, т. е. всѣ четыре ея отдѣленія или классы: математическій, астрономическій, физическій и историческій. Математика держитъ въ одной рукѣ грифель, въ другой—аспидную доску, на которой написаны двѣ знаменитыя алгебраическія выкладки Леонарда Эйлера. Физика одѣта въ зеленое платье; подлѣ нея—многочисленные виды животнаго и растительнаго царства, находящіеся въ различныхъ краяхъ Россіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ—электрическая

машина, воздушный насосъ, химическая печь, и т. п. Астрономія изображена въ видѣ женщины въ синей одеждѣ, усѣянной звѣздами; она вноситъ въ зодіакъ новое свѣтило—вензелевое имя ея императорскаго величества. Исторія—въ видѣ женщины, облеченной въ красную одежду, съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ и съ раскрытою книгою въ рукѣ; на книгѣ золотыми буквами написано: дѣянія (res gestae) Екатерины II.

Анатомія и физіологія представлены въ видѣ двухъ геніевъ, изъ которыхъ одинъ разсматриваетъ систему пульса и кровотеченія во всемъ человѣческомъ тѣлѣ, другой указываетъ неизвѣстный доселѣ путь, по которому течетъ кровь въ человѣческомъ зародышѣ, пока онъ получитъ дыханіе. Словесныя науки изображены также въ видѣ геніевъ; они сидятъ за столомъ, на которомъ видны: Меркуріевъ жезлъ и нѣсколько книгъ, а именно: ars poetica Горація, Метаморфозы Овидія и сочиненіе Лонгина о высокомъ.

На столѣ академическаго собранія поставленъ былъ бронзовый ковчегъ, въ которомъ хранятся въ академіи наукъ рукописные матеріалы для знаменитаго Наказа, даннаго коммисіи для составленія проекта новаго уложенія. На ковчегѣ, заключающемъ въ себѣ собственноручную рукопись Екатерины II, вырѣзана надпись:

Гласъ мудрости даетъ Россіи здѣсь уставы;
Здѣсь человѣчества и правосудья правы
Екатериною Второй съединены,
И Россамъ къ счастію пути отворены.

За два дня до акта окончательно составленъ былъ церемоніалъ торжественной встрѣчи. Всѣ академики должны были встрѣтить императрицу внизу лѣстницы, у самаго входа, и идти передъ нею до главной залы, по два въ рядъ, младшіе впередъ. По приходѣ въ залу, лица, имѣющія произносить рѣчи, т. е. директоръ академіи наукъ и три академика, должны были занять мѣста за столомъ противъ государыни. Другимъ академикамъ назначены мѣста за столомъ по правую и по лѣвую сторону; адъюнкты должны были размѣститься на стульяхъ во второмъ ряду, за ординарными академиками. Почетнымъ членамъ предоставлены мѣста, ближайшія къ императрицѣ, и т. д.

Въ назначенный день, 29-го декабря 1776 года, къ десяти

часамъ утра, собрались въ академію наукъ всѣ ея дѣйствительные члены, съ директоромъ академіи во главѣ. Зала торжественныхъ собраній быстро наполнялась лицами, ожидавшими пріѣзда императрицы. Но надежды академіи не исполнились. Въ одиннадцать часовъ явился шталмейстеръ ея величества, Ребиндеръ, и объявилъ отъ имени государыни, что по причинѣ суровой погоды она не можетъ присутствовать на академическомъ актѣ; но ея величество непремѣнно посѣтитъ свою академію (son académie) въ одно изъ лѣтнихъ ея собраній.

Въ половинѣ двѣнадцатаго прибыли въ академію наукъ ихъ высочества великій князь Павелъ Петровичъ и великая княгиня Марія Ѳедоровна. Они встрѣчены были директоромъ академіи, всѣми академиками и адъюнктами; на всемъ протяженіи лѣстницы стояли питомцы (элевы) академіи, а передъ входомъ въ конференцъ-залу—ученики младшаго возраста съ ихъ воспитательницею.

Актъ начался краткою привѣтственною рѣчью непремѣннаго секретаря академіи наукъ Іоанна Альберта Эйлера, сына знаменитаго Эйлера. Ораторъ говорилъ, что науки, едва зарождавшіяся въ Россіи во времена, основателя академіи, Петра Великаго, достигли полнаго развитія въ «обильное чудесами» царствованіе Екатерины II, и сравнивалъ академію, осчастливленную присутствіемъ высочайшихъ особъ, съ жилищемъ блаженныхъ—съ Олимпомъ и съ Елисейскими полями. Эйлеръ произнесъ свою рѣчь по французски; при переводѣ ея на русскій языкъ, для помѣщенія въ русской газетѣ, рѣчь значительно распространена. Въ подлинникѣ вовсе не упоминается о Екатеринѣ I; въ русскомъ переводѣ читаемъ: «Никогда сходство именъ не было толико ощутительно. Екатерина Первая, кажется, предзнаменовала наукамъ счастіе и славу, въ которой они процвѣтутъ нѣкогда подъ владѣніемъ Екатерины Вторыя» и т. д.

Главнымъ ораторомъ на академическомъ праздникѣ былъ директоръ академіи Сергѣй Герасимовичъ Домашневъ. Съ именемъ его связаны не особенно пріятныя воспоминанія для академіи. Несмотря на свой умъ и образованность, Домашневъ не понялъ своего положенія какъ въ отношеніи къ ученой конференціи, такъ и въ отношеніи къ коммисіи, которая въ то время управляла академіею наукъ. Въ средѣ академиковъ, составлявшихъ комми-

сію, директоръ былъ primus inter pares, имѣя съ своими сочленами одинаковыя обязанности по управленію академіею и одинаковыя права. Но онъ хотѣлъ присвоить себѣ власть, непредоставленную ему закономъ; заговорилъ съ равноправными сочленами оскорбительнымъ тономъ начальника, и посылалъ имъ ордеры, наполненные самыми рѣзкими выходками противъ академиковъ. Образъ дѣйствій заносчиваго директора, осужденный и правительствомъ и обществомъ, повелъ къ тому, что Домашневъ долженъ былъ удалиться изъ академіи.

Въ литературной средѣ Домашневу гораздо болѣе посчастливилось, нежели въ академической. По крайней мѣрѣ, современники его весьма сочувственно отнеслись къ его литературнымъ произведеніямъ. Въ изданномъ въ Ливорно, въ 1771 году, французскомъ переводѣ любопытныхъ замѣтокъ Дмитревскаго о нѣкоторыхъ русскихъ писателяхъ находимъ такія извѣстія: «Сергѣй Домашневъ, офицеръ главнаго штаба, отдался словесности съ самыхъ юныхъ лѣтъ, и постоянно работалъ съ большимъ успѣхомъ. Ода, которую онъ написалъ по случаю восшествія императрицы на тронъ, въ 1762 году, когда ему было только шестнадцать лѣтъ, и другія, написанныя имъ въ послѣдствіи, доставили ему видное мѣсто между нашими поэтами. Ему принадлежитъ большое число стихотворныхъ и прозаическихъ произведеній, напечатанныхъ въ журналѣ «Полезное увеселеніе», издававшемся въ Москвѣ, въ 1761 году, при университетѣ. Проза его столько же одобряется, какъ и стихи, и мы обязаны ему весьма хорошими прозаическими переводами, которые онъ, по скромности, издалъ безъ своего имени. Сверхъ того, онъ написалъ небольшую всеобщую исторію стихотворства и стихотворцевъ всѣхъ народовъ, и опытъ объ исторіи и историкахъ. Эти два сочиненія напечатаны въ Москвѣ, въ 1763 году, безъ имени автора. Этотъ пріятный писатель не достигъ еще двадцати пяти лѣтъ отъ роду. Чего должны мы ожидать отъ него! Теперь онъ служитъ въ русскомъ флотѣ, въ Архипелагѣ».

Новиковъ, въ своемъ словарѣ русскихъ писателей, говоритъ: «Домашневъ, Сергѣй, штабъ-офицеръ полевыхъ полковъ, писалъ стихи. Его послѣднія двѣ оды: первая—на взятіе Хотина, а другая—на морское при Чесмѣ сраженіе, весьма изрядны и заслуживаютъ похвалу. Онъ сочинилъ краткое описаніе нѣкото-

рыхъ нашихъ стихотворцевъ весьма не худо; также о пользѣ наукъ, сатирическій сонъ, оду на любовь, и другія мелкія стихотворенія, напечатанныя въ ежемѣсячномъ сочиненіи: «Полезное увеселеніе», 1761 и 1762 годовъ, въ Москвѣ. Перевелъ въ стихи Вольтерову сказку «Что нравится женщинамъ», также Мармонтелевыхъ нравоучительныхъ сказокъ двѣнадцать, напечатанныхъ 1764 года, въ Москвѣ, въ двухъ частяхъ. Есть еще и другія его стихотворенія; но онѣ въ свѣтъ не изданы».

Въ ряду литературныхъ опытовъ Домашнева особенно выдается рѣчь его, произнесенная на юбилейномъ актѣ академіи. Суть рѣчи заключается въ томъ, что явленія нравственнаго міра, дѣйствія человѣческія, представляютъ такой же неистощимый и въ высшей степени важный матеріалъ для научной любознательности, какъ и законы міра физическаго, раскрывающіеся въ изучаемой учеными жизни природы. Основную мысль автора можно бы выразить словами современнаго намъ поэта: «человѣчество живетъ немногихъ лучшихъ головою». Домашневъ говоритъ: «Положить можно правиломъ, что число великихъ людей, явившихся на землѣ, есть измѣреніе средствъ къ достиженію народнаго благоденствія... Владѣтели земные — свѣтила исторіи, коихъ можно уподобить центру круга случаевъ, ими въ движеніе приведенному. Дѣяніямъ и подвигамъ сихъ предъизбранныхъ отъ Провидѣнія умовъ одолжена исторія своимъ изяществомъ, а родъ человѣческій пользою, отъ оной на него изливаемою». Для доказательства этой, непреложной, по мнѣнію автора, истины, онъ обращается къ новѣйшему періоду русской исторіи, т. е. собственно къ царствованію Екатерины II. Произведеніе ораторскаго краснорѣчія Домашнева издано подъ такимъ заглавіемъ: «Рѣчь о обязанности, которую имѣютъ ученыя общества присоединять къ физическимъ наблюденіямъ и нравственныя, коихъ важность доказана новѣйшимъ періодомъ исторіи россійской».

Хвалебная рѣчь Домашнева есть въ своемъ родѣ такой же апотеозъ Екатерины II, какъ и знаменитая ода Державина—Фелица. Восхваляя Екатерину, оба писателя, далеко неравные между собою по силѣ таланта, опираются на историческихъ фактахъ и указываютъ ихъ въ объяснительныхъ примѣчаніяхъ, которыя имѣютъ существенное значеніе и въ пользующейся громкою и вполнѣ заслуженною извѣстностью одѣ Державина и въ

забытой всѣми рѣчи Домашнева. На этомъ основаніи, митрополитъ Евгеній замѣчаетъ: «Рѣчь Домашнева весьма замѣчательна по чистотѣ русскаго слога и по многимъ статистическимъ изъясненіямъ».

Приводимъ нѣсколько строкъ изъ рѣчи, которая во время своего появленія и гораздо позднѣе признавалась замѣчательною. Домашневъ говоритъ: «Когда большая часть въ обществѣ живущихъ, различными предметами движимая, волнуется и занимается собою, нужно конечно было, чтобъ нѣкоторые изъ сочленовъ онаго посвятили себя на изслѣдованіе причинъ и на примѣненіе дѣйствій, присвоительныхъ человѣчеству. И такъ, сословія ученыхъ, уединенно отъ мятежа свѣта поучающіяся, тѣмъ не менѣе вникаютъ въ происшествія онаго. Хотя главныя ихъ наблюденія обращены на изслѣдованіе законовъ естества, но исчисляя уставы, коими движутся въ неизмѣримомъ пространствѣ погруженныя свѣтила, опредѣляя взаимныя сихъ громадъ равновѣсія, раздробляя (чтобъ обнять крайности чувствуемыхъ твореній) на первыя начала малѣйшія тѣла, обитаемый нами шаръ составляющія, изыскуя законы перемѣнъ качествъ ихъ чрезъ различное одно съ другимъ смѣшеніе; все сіе однако на тотъ конецъ, дабы открыть человѣку сношенія, которыя онъ по мѣсту, въ кругѣ созданій ему назначенному, съ окружающими его веществами посредствомъ чувствъ своихъ имѣть долженъ какъ для содержанія бытія своего, такъ для спокойства, выгодъ и пріятностей онаго. Посвящая таковымъ образомъ бдѣнія свои на пользу человѣчества, можетъ ли испытатель не усугубить вниманія своего смотря на связь нравственныхъ случаевъ, судьбу смертныхъ устроющихъ? Физическія причины вѣчны и непремѣнны; но нравственные случаи, по многообразному и случайному ихъ сочетанію, представляютъ заключенія, столь быстро уносимыя другимъ порядкомъ случаевъ, что еслибъ недремленное попеченіе любомудрыхъ въ семъ мгновенномъ расположеніи ихъ не захватывало, то бы часто самыя величайшія для пользы рода человѣческаго истины были невоскресимою жертвою всепоглощающаго времени; цѣпь правилъ, благотворительныхъ обществу, безпрестанно бы прерывалась, и человѣчество, лишенное испытанія предшедшихъ порожденій, въ вѣчномъ младенчествѣ погружено бы было. Ибо какую бы цѣну имѣло пребываніе человѣческое на землѣ, если бы воспоминаніе

вещей прежде бывшихъ не соединяло жизнь нашу съ временемъ предслѣдовавшимъ.

«Сія часть упражненій ученыхъ обществъ, исторіею именуемая, есть, конечно, наиполезнѣйшее изъ знаній человѣческихъ, когда связь дѣйствій, оную составляющихъ, была собрана философомъ. Посредствомъ сей связи послѣдующіе роды наслѣдуютъ испытанію, и обогащаются мудростію родовъ, имъ предшедшихъ. Сквозь мятущагося вихря дѣянія рачительный наблюдатель опредѣляетъ тѣ эпохи, кои можно назвать корнями происшествій... Обязаны будучи упражняться и сею частью наблюденій, да соберемъ тщательно достопамятные случаи отечества нашего, происшедшіе во времена наши» и т. д.

Обозрѣніе этихъ достопамятныхъ случаевъ и составляетъ содержаніе весьма обширной юбилейной рѣчи Домашнева. Почти на каждой страницѣ ея находится по нѣскольку объяснительныхъ примѣчаній въ такомъ родѣ. Авторъ говоритъ: «Разумъ промысла, порабощенный прежде чужой несытости, трудится и распространяется уже къ своему собственному благу; пріобрѣтеніе нужнѣйшихъ для народа вещей облегчается» и пр., и подкрѣпляетъ слова свои слѣдующими примѣчаніями. «Откупы, которые въ Россіи столь распространились до 1762 года, что не оставалось почти промысловъ вольныхъ, и множество людей принуждены были просить, чтобы имъ дозволено было искать пропитанія, уничтожены указомъ 1762 года іюля 31-го дня. Збавка съ соли по десяти копѣекъ съ пуда обнародована указомъ 1775 года апрѣля 5-го дня. Не можно было найти общественнѣйшаго способа къ благодѣянію, ибо каждый человѣкъ и каждый день оное чувствуетъ. При первой збавкѣ никто не обѣщалъ себѣ его надолго, и трудно было отгадать, чтобы непосредственно послѣ шестилѣтней и столь обширной войны (ибо оная производилась въ трехъ частяхъ свѣта) збавка сія еще умножилась» и т. д., и т. д.

По окончаніи рѣчи Домашнева, академикъ Гильденштедтъ прочелъ свой мемуаръ: Sur les produits de la Russie et les avantages qu'on en peut retirer relativement au commerce—«О всѣхъ въ Россіи произрастеніяхъ, кои могутъ замѣнить многіе изъ чужихъ земель вывозы и тѣмъ усугубить коммерческій перевѣсъ въ пользу Россійской имперіи».

За Гильденштедтомъ снова выступилъ Домашневъ, и заявилъ,

на французскомъ языкѣ, о задачахъ, предложенныхъ и предлагаемыхъ академіею наукъ для полученія премій. Въ день юбилея предполагали увѣнчать наградою работы по двумъ слѣдующимъ задачамъ.

1) Объяснить какъ свойство звуковъ, производимыхъ цилиндрическими трубами съ боковымъ отверстіемъ, такъ и различіе этихъ звуковъ соотвѣтственно положенію и величинѣ отверстія.

2) Объяснить кровотвореніе—expliquer la sanguification.

Въ отвѣтъ на первую задачу прислано нѣмецкое сочиненіе съ девизомъ: «истолкованіе явленій природы доставляетъ неутолимое удовольствіе». Но оказалось, что истолкованіе, придуманное авторомъ, доставило удовольствіе только ему самому; академія же нашла рѣшеніе вопроса неудовлетворительнымъ. Отвѣтъ на вторую задачу увѣнчанъ преміею. Авторомъ былъ докторъ медицины Тувенель, въ Монпелье (de la faculté de Montpellier).

Вновь предложена была для соисканія награды, въ двѣсти червонцевъ, слѣдующая задача: указать наилучшіе, основанные на точныхъ опытахъ и положительно доказанные способы для приданія русскому дубу той же или даже бо̀льшей прочности, какою обладаетъ дубъ нѣмецкій и англійскій.

Домашнева смѣнилъ непремѣнный секретарь, провозгласившій, на французскомъ языкѣ, имена иностранныхъ почетныхъ членовъ академіи наукъ, избранныхъ ко дню юбилея, и прочиталъ письмо Фридриха II въ отвѣтъ на письмо Домашнева. Домашневъ посланъ былъ въ Берлинъ для объявленія прусскому двору о бракосочетаніи великаго князя Павла Петровича, и воспользовался своимъ пребываніемъ въ Берлинѣ для приданія новаго блеска предстоявшему академическому торжеству. Онъ письменно просилъ Фридриха II принять званіе почетнаго члена петербургской академіи наукъ, и въ отвѣтъ получилъ письмо Фридриха II, которое и приводимъ какъ во французскомъ подлинникѣ, такъ и въ современномъ ему русскомъ переводѣ.

«Со многою благодарностію принимаю предложеніе, отъ васъ мнѣ сдѣланное. Я нахожу себя просто, какъ называютъ италіанцы, (dilettante) охотникомъ, слѣдственно, малоспособнымъ въ обществѣ нѣкоторыхъ изъ славнѣйшихъ мужей въ Европѣ, которыхъ глубокое ученіе мнѣ извѣстно. С.-Петербургская академія можетъ оправдать выборъ свой потому только, что я пріемлю

истинное участіе во всемъ, что можетъ усугубить благосостояніе и славу Россійской имперіи, августѣйшей оныя самодержицы и высокоименитаго ея дома. И какъ несумнѣнно науки чрезъ распространеніе познаній и откровеній человѣческихъ просвѣщаютъ умы, умягчаютъ нравы, утѣшаютъ упражняющихся въ оныхъ, и распространяютъ славу государствъ, ихъ покровительствующихъ, не менѣе какъ побѣды оружія, я всегда буду споспѣшествовать пользѣ сей академіи, которая возвѣститъ и предастъ будущимъ родамъ высокіе таланты своей премудрой покровительницы. За симъ прошу Бога, чтобы Онъ оградилъ васъ своею святою благодатію».

Monsieur de Domaschnev. Je reçois avec bien de reconnaissance les offres de l'académie de Petersbourg. Je ne suis que ce que les italiens appellent dilettante, et par consequent peu propre à me trouver dans la companie de quelques uns des plus savans hommes de l'Europe, dont la profondeur des connaissances m'est connue. Cependant ce qui peut justifier le choix de l'académie de Petersbourg, c'est la part sincere que je prends à tout ce qui peut augmenter la prosperité et la splendeur de l'empire de Russie, de son auguste souveraine et de son illustre famille. Et comme certainement les sciences éclairent en répandant leurs connaissances et leurs découvertes, qu'elles adoucissent les moeurs, servent de consolation à ceux qui les cultivent, et étendent la gloire des états qui les protègent aussi loin que les armes des guerriers, je m'interesserai toujours vivement pour cette académie, qui publiera et transmettera à la postérité les talens insignes du grand génie qui est à sa tête. Sur ce je prie Dieu qu'il vous ait, monsieur de Domaschnev, en sa sainte et digne garde. Fréderic.

Potsdam, ce 17 de novembre 1776.

Сверхъ Фридриха II, провозглашено было двадцать почетныхъ членовъ между иностранцами. Въ числѣ ихъ встрѣчаемъ имена: Бюффона, Галлера, Кондорсе и другихъ ученыхъ различныхъ странъ Европы: Франціи, Англіи, Германіи, Италіи, Швеціи, Голландіи, Швейцаріи.

Затѣмъ академикъ Румовскій прочиталъ по русски составленное имъ начертаніе или планъ физическаго описанія Россіи— труда, предпринятаго главнымъ образомъ на основаніи обшир-

ныхъ и драгоцѣнныхъ матеріаловъ, добытыхъ академиками во время ихъ продолжительныхъ ученыхъ путешествій по Россіи.

Въ заключеніе директоръ академіи провозгласилъ имена отечественныхъ почетныхъ членовъ. При произнесеніи имени великаго князя Павла Петровича, всѣ академики встали, чтобы привѣтствовать его высочество, удостоившаго принять званіе почетнаго члена академіи. Въ числѣ двѣнадцати русскихъ почетныхъ членовъ, избранныхъ въ это званіе за свои заботы о распространеніи наукъ въ Россіи и за содѣйствіе своими трудами ученымъ цѣлямъ академіи,—находятся имена знаменитаго іерарха своего времени митрополита Гавріила, представителя русскаго духовенства въ коммисіи для составленія проекта новаго уложенія; князя Потемкина; графа Петра Александровича Румянцева-Задунайскаго; графа Никиты Ивановича Панина; Ивана Ивановича Шувалова; князя Михаила Михайловича Щербатова и другихъ.

По провозглашеніи почетныхъ членовъ была поднесена ихъ высочествамъ новая карта Россійской имперіи, составленная академиками, и золотыя медали, выбитыя по случаю юбилея.

Этимъ и заключилось памятное для академіи празднество перваго ея юбилея. Черезъ два дня, 1-го января 1777 года, всѣ академики являлись во дворецъ къ императрицѣ, и представили ей двадцатый томъ повременнаго академическаго изданія—novi commentarii.

Литературнымъ памятникомъ перваго юбилея служитъ изданный къ этому дню почтенный трудъ библіотекаря Бакмейстера объ учрежденіяхъ, послужившихъ основою для академіи наукъ—о библіотекѣ и музеѣ рѣдкостей. Essai sur la bibliothèque et le cabinet de curiosités et d'histoire naturelle de l'académie des sciences. Спустя около трехъ лѣтъ послѣ своего появленія, трудъ Бакмейстера былъ изданъ и въ русскомъ переводѣ.

II.

Празднованіе столѣтняго юбилея академіи наукъ происходило отчасти по той же программѣ, какъ и празднованіе перваго юбилея. Актъ также состоялъ преимущественно изъ рѣчей, хотя онѣ и не произносились въ такомъ изобиліи, какъ при первомъ юбилеѣ; главными ораторами были также президентъ академіи наукъ и ея непремѣнный секретарь; ко дню юбилея избрано также много почетныхъ членовъ, русскихъ и иностранныхъ, и между иностранными первое мѣсто занималъ также прусскій король. и т. д.

Для устройства юбилея учрежденъ былъ особый комитетъ, который за нѣсколько мѣсяцевъ до акта, именно въ августѣ 1826 года, представилъ конференціи такого рода программу предстоящаго торжественнаго собранія академіи:

1) Президентъ откроетъ собраніе рѣчью, соотвѣтствующею академическому празднеству.

2) Непремѣнный секретарь прочтетъ историческій очеркъ трудовъ академиковъ, со времени ея основанія до дня столѣтняго юбилея, и сообщитъ свѣдѣнія о постепенномъ обогащеніи научныхъ коллекцій академіи.

3) Академикъ по каѳедрѣ политической экономіи и статистики, Шторхъ, прочтетъ по французски мемуаръ о какомъ-либо любопытномъ предметѣ изъ области своей науки.

4) Непремѣнный секретарь прочтетъ извѣщеніе о задачахъ, предлагаемыхъ на премію, составленное академиками: Шторхомъ, Петровымъ и Кругомъ.

5) Академикъ по каѳедрѣ химіи Захаровъ покажетъ два изобрѣтенные имъ прибора, и объяснитъ ихъ употребленіе.

6) Непремѣнный секретарь провозгласитъ имена избранныхъ академіею наукъ почетныхъ членовъ и корреспондентовъ.

7) Раздача золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ медалей, выбитыхъ ко дню юбилея.

За невозможностью увеличить число чтеній на академическомъ актѣ, комитетъ полагалъ, что все то, что академики пожелаютъ представить къ юбилею, слѣдуетъ издать отдѣльно и раздать по нѣскольку экземпляровъ на актѣ. По этому поводу выразили го-

товность: академикъ Грефе—сочинить поэму на греческомъ языкѣ; академикъ по каѳедрѣ ботаники Триніусъ—составить проектъ ученаго путешествія внутри Россіи; академикъ по каѳедрѣ математики Коллинсъ—составить сравнительное обозрѣніе жизни и научной дѣятельности умершихъ академиковъ Фусса и Шуберта.

Программа, составленная комитетомъ, исполнена съ самыми незначительными измѣненіями. За нѣсколько дней до юбилея депутація отъ академіи наукъ являлась къ Государю Императору и къ нѣкоторымъ изъ членовъ императорской фамиліи съ просьбою почтить своимъ присутствіемъ юбилейное празднество академіи. Депутація состояла изъ слѣдующихъ лицъ: министра народнаго просвѣщенія А. С. Шишкова, президента академіи наукъ С. С. Уварова, академика А. К. Шторха и непремѣннаго секретаря академіи П. И. Фусса. Императоръ Николай принялъ академическую депутацію въ высшей степени благосклонно, и выразилъ свою волю не только посѣтить академію, но и принять званіе ея почетнаго члена.

29-го декабря 1826 года, въ половинѣ двѣнадцатаго, прибыли въ академію: императоръ Николай Павловичъ, императрица Александра Ѳедоровна; императрица Марія Ѳедоровна, присутствовавшая и на первомъ юбилеѣ академіи; государь цесаревичъ Александръ Николаевичъ и великій князь Михаилъ Павловичъ съ супругою Еленою Павловною. Та же депутація, на которую возложено было пригласить высочайшихъ особъ, встрѣтила ихъ на открытомъ крыльцѣ академическаго дома.

Въ числѣ посѣтителей были: высшее духовенство, члены государственнаго совѣта, министры, сенаторы, дипломатическій корпусъ, генералъ-адъютанты, директоры департаментовъ и канцелярій, и вмѣстѣ съ тѣмъ члены университета, начальники различныхъ учебныхъ заведеній, и т. д.

Собраніе открыто рѣчью президента академіи наукъ С. С. Уварова, весьма замѣчательною какъ по своему содержанію, т. е. по выбору приводимыхъ данныхъ, такъ и по основной мысли, дающей фактамъ яркое и опредѣленное освѣщеніе. Въ бѣгломъ очеркѣ Уваровъ указываетъ на положеніе и дѣятельность академіи наукъ въ царствованіе Петра Великаго, Елисаветы Петровны, Екатерины II и Александра I.

«Слѣды генія неизгладимы,—говоритъ Уваровъ,—составленная изъ членовъ, избранныхъ Петромъ, стремясь къ цѣли, которую онъ предназначилъ, академія, лишенная безсмертнаго своего основателя, не преставала находиться подъ его вліяніемъ, и когда на тронъ Россіи возсѣла императрица Елисавета, академія почувствовала, что на тронѣ дочь Петра I. Науки приняли новую жизнь, академія распространила кругъ своей дѣятельности. Одинъ изъ тѣхъ необыкновенныхъ геніевъ, коихъ лучъ наукъ озаряетъ внезапно среди мрачной и низкой доли, Ломоносовъ, не только знаменитый поэтъ, но первый изъ нашихъ естествоиспытателей; Ломоносовъ, создавшій и языкъ поэзіи и словарь физическихъ наукъ, употребилъ тогда дѣятельное усердіе къ распространенію славы и трудовъ академіи. Поощренные прекраснымъ его примѣромъ, многіе изъ соотечественниковъ нашихъ прославились на поприщѣ наукъ, и академія, воздвигнувъ ему памятникъ, ознаменовала свою признательность къ его заслугамъ...

«Въ славный вѣкъ Екатерины II, путешествія академиковъ по Россіи, начавшіяся уже въ 1733 году отправленіемъ Крашенинникова въ Камчатку, возобновлены были при новыхъ соображеніяхъ съ вящшею дѣятельностію. Тогда прославились: Палласъ, Фалкъ, Георги, Гильденштедтъ, Рычковъ, Румовскій, Гмелинъ, Лепехинъ, и многіе другіе, коихъ имена останутся незабвенными въ лѣтописяхъ академіи и въ памяти Россіи. Иные, занимаясь астрономическими и географическими наблюденіями, странствовали по отдаленнѣйшимъ краямъ имперіи, и возвращались повѣривъ положеніе главнѣйшихъ мѣстъ Россіи, и обогативъ астрономію важными открытіями. Другіе, посвятивъ себя наукамъ естественнымъ, дѣлили между собою обширное поле, предъ ними лежащее и дотолѣ неприкосновенное. Вмѣстѣ съ симъ собирались въ первый разъ вѣрныя свѣдѣнія о народонаселеніи, о климатахъ, о теченіи рѣкъ, о земледѣліи, о природной промышленности той или другой отдаленной области имперіи; открывались средства къ лучшему устроенію торговыхъ сношеній и мѣстнаго управленія; ближе знакомились съ духомъ и съ обычаями народовъ, соединенныхъ подъ однимъ скипетромъ, но тогда, еще болѣе нежели теперь, различествующихъ между собою степенями образованія и даже признаками разнороднаго

происхожденія своего. Географическія карты, исполненныя дотолѣ съ ошибками, мало по малу исправились; памятники исторіи и языковъ, поясненные трудами академиковъ, возбудили общее вниманіе. Словомъ, науки, выходя изъ тѣсныхъ предѣловъ ученаго кабинета, и оставляя характеръ мечтательныхъ умозрѣній, поступили на поприще гражданской дѣятельности. Къ картинѣ сихъ полезныхъ трудовъ академіи можно присовокупить, что отличнѣйшіе изъ воспитанниковъ тогда существовавшей академической гимназіи были, по волѣ императрицы, отправлены въ чужіе края для усовершенствованія своихъ познаній...»

Упомянувъ о принятіи императоромъ Павломъ званія почетнаго члена академіи, Уваровъ замѣтилъ, что этотъ государь «обозрѣвалъ Европу въ прежнемъ ея блескѣ и въ такое время, въ коемъ успѣхи просвѣщенія и общежитія были предметомъ общаго къ нимъ стремленія» и т. д.

За русскою рѣчью президента слѣдовала французская рѣчь непремѣннаго секретаря и академика по каѳедрѣ математики Фусса. Она заключаетъ въ себѣ краткое обозрѣніе трудовъ академіи наукъ въ теченіе столѣтія, съ 1726 по 1826 годъ. На первомъ планѣ являются заслуги академиковъ въ области математики и ученыя путешествія по Россіи, совершенныя академиками въ восемнадцатомъ столѣтіи. Печальная судьба, постигшая нѣкоторыхъ изъ путешественниковъ, вызываетъ невольное участіе и сожалѣніе. Наука требуетъ жертвъ, и не малое число ихъ выпало на долю нашей академіи. Краткій перечень ихъ въ рѣчи Фусса дѣйствуетъ сильнѣе самыхъ цвѣтистыхъ описаній.

Изображая ученую дѣятельность академіи, ораторъ говоритъ: «Нѣтъ сомнѣнія, что число и изобрѣтательный духъ математиковъ, коими академія имѣла счастіе обладать съ самаго учрежденія ея, способствовали къ утвержденію славы ея въ чужихъ краяхъ, особливо въ такое время, когда открытіе новаго исчисленія величинъ безконечныхъ совершенно преобразовало видъ наукъ математическихъ, когда всѣ умы восторжены были блистательнымъ и счастливымъ приложеніемъ сего анализа къ задачамъ, дотолѣ неприступнымъ для усилій величайшихъ геометровъ. Довольно наименовать двухъ братьевъ Николая и Даніила Бернулли, ихъ соотечественниковъ Леонарда Эйлера и

Германа, также Гольдбаха, Крафта отца и Эпинуса, дабы показать, сколь великое участіе академія, совокупными усиліями сихъ членовъ своихъ, въ первое пятидесятилѣтіе своего существованія, принимала въ быстрыхъ успѣхахъ всѣхъ отраслей наукъ математическихъ, которыя были слѣдствіемъ постепеннаго усовершенствованія высшей аналитики и геометріи. Двѣ новыя отрасли анализа, не менѣе важныя: вычисленіе синусовъ и вычисленіе варіаціонное, проложившія новые пути къ рѣшенію множества задачъ величайшей важности, восприняли свое начало и усовершенствованіе въ нѣдрахъ академіи, будучи произведеніемъ генія великаго Эйлера. Вся первая половина столѣтія, протекшаго со времени учрежденія академіи, была временемъ математическихъ открытій. Во вторую же половину новое поколѣніе ученыхъ, на основаніи столь прекрасномъ и столь прочномъ, начало воздвигать зданіе правильнѣйшее, прибавлять къ оному части новыя, пополнять недостаточныя, утверждать слабыя, и сей подвигъ былъ совершенъ самимъ ветераномъ Эйлеромъ и учениками его: Іоанномъ Альбертомъ Эйлеромъ, Лекселемъ, Крафтомъ (младшимъ), Румовскимъ, Котельниковымъ, Николаемъ Фуссомъ, также Яковомъ Бернулли, Шубертомъ, Гурьевымъ, Висковатовымъ и Коллинсомъ...

„Естественная исторія всѣхъ трехъ царствъ природы—наука столь же обширная, сколь важная и полезная, обязана академіи великими успѣхами. Въ доказательство сего, довольно привести на память высокопочтеннымъ слушателямъ путешествіе двухъ Гмелиновъ, Палласа, Гильденштедта, Лепехина, Фалка и Георги, коихъ журналы и записки содержатъ драгоцѣнныя наблюденія относительно зоологіи, ботаники, минералогіи и даже географіи, этнографіи, технологіи, экономіи и статистики... Путешествія сіи сопряжены были съ опасностями и стоили академіи многихъ жертвъ:

Ловицъ убитъ казаками Пугачева.

Гмелинъ (младшій) умеръ въ плѣну у лезгинскаго хана.

Гильденштедтъ, плѣненный тѣмъ же ханомъ, обязанъ былъ спасеніемъ по близости находившемуся корпусу генерала Медема, который послалъ шестьсотъ казаковъ, для преслѣдованія лезгинцевъ.

Адъюнктъ Черной умеръ въ плѣну у киргизовъ.

Фалкъ и Редовскій, утомленные и разстроенные отъ долговременнаго и затруднительнаго путешествія, до окончанія онаго лишились жизни»...

Каждое изъ 2,500 разсужденій, помѣщенныхъ въ 72 томахъ трудовъ академіи или изданныхъ отдѣльно, содержитъ въ себѣ «какое-либо новое открытіе, любопытное наблюденіе, новую систему, новую методу, новое доказательство или рѣшеніе, коими во время изданія ихъ обогатилась область наукъ математическихъ, физическихъ и историческихъ, взятыхъ во всей обширности ихъ значенія. Европа, весь ученый міръ призналъ и уважилъ сіи обогащенія наукъ, воздавъ академіи должную ей дань признательности» и т. д.

Послѣ рѣчи Фусса была поднесена Высочайшимъ особамъ «золотая медаль, вырѣзанная къ незабвенному воспоминанію о семъ торжествѣ, по изобрѣтенію г. академика Келера, извѣстнымъ художникомъ графомъ Ѳедоромъ Петровичемъ Толстымъ».

Затѣмъ непремѣнный секретарь прочелъ по русски программы задачъ, изъ которыхъ одна предложена по физикѣ, одна по русской исторіи и одна по государственному хозяйству. Сверхъ этихъ задачъ, предложенныхъ отъ академіи, предлагались еще двѣ по русскому праву: одна президентомъ академіи, другая—неизвѣстнымъ лицомъ, предоставившимъ, подобно президенту, сто червонцевъ въ распоряженіе академіи для награды за удовлетворительное рѣшеніе задачи.

По русской исторіи предложена слѣдующая задача: «Какія послѣдствія произвело господство монголовъ въ Россіи, и именно какое имѣло оно вліяніе на политическія связи государства, на образъ правленія и на внутреннее управленіе онаго, равно какъ и на просвѣщеніе и образованіе народа». При этомъ пояснялось: «Для надлежащаго на сей вопросъ отвѣта требуется, чтобъ оному предшествовало полное описаніе внѣшнихъ отношеній и внутренняго положенія Россіи до перваго вторженія въ оную монголовъ, и чтобы въ послѣдствіи показано было, какія именно перемѣны произведены господствомъ монголовъ въ состояніи народа. При чемъ желательно бы было, чтобы, кромѣ разсѣянныхъ показаній, содержащихся въ россійскихъ лѣтописяхъ, помѣщено было сли-

ченіе всего того, что можетъ быть почерпнуто изъ восточныхъ и западныхъ источниковъ относительно тогдашняго состоянія монголовъ и обращенія ихъ съ покоренными народами».

По исторіи русскаго права предложена президентомъ задача: «Какое находится отношеніе между самымъ древнимъ правомъ русскимъ и самымъ древнимъ правомъ прочихъ славянскихъ народовъ? Обнаруживается ли изъ сличенія всѣхъ отрывковъ сихъ правъ, что всѣ народы словенскаго племени имѣли одинаковыя общія основанія права? И если сіе дѣйствительно окажется, то въ чемъ разнствовало общее словенское право отъ римскаго и германскаго?»

За чтеніемъ программы задачъ послѣдовало провозглашеніе избранныхъ ко дню юбилея академіи почетныхъ членовъ и корреспондентовъ.

Званіе почетныхъ членовъ академіи приняли, подобно императору, наслѣдникъ цесаревичъ и великіе князья Константинъ Павловичъ и Михаилъ Павловичъ, а также и король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ.

Сверхъ того академія избрала двадцать девять почетныхъ членовъ: тринадцать русскихъ и шестнадцать иностранныхъ, и двадцать три члена-корреспондента: четырнадцать русскихъ и девять иностранныхъ. Между русскими встрѣчаемъ имена: митрополита Евгенія, занимающаго одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ исторіи русской науки; адмирала Николая Семеновича Мордвинова; барона Ивана Ивановича Дибича; графа Михаила Семеновича Воронцова; одного бывшаго и одного будущаго министра народнаго просвѣщенія: князя А. Н. Голицына и князя К. А. Ливена. Въ числѣ иностранныхъ почетныхъ членовъ были: величайшее свѣтило тогдашней европейской поэзіи—Гете, и первостепенные ученые того времени: Нибуръ, Блуменбахъ, Гершель, Мальтусъ, Абель-Ремюза, Шампольонъ младшій и др.

Членами-корреспондентами избраны: знаменитый филологъ Востоковъ; писатель Гнѣдичъ; Строевъ, Арсеньевъ, Погодинъ, Копитаръ, Декандоль, Беръ, бывшій въ то время профессоромъ физіологіи въ Кенигсбергѣ, и др.

Въ заключеніе была прочтена краткая благодарственная рѣчь академика Шторха. Рѣчь эта, за слабостью зрѣнія автора, про-

читанная академикомъ Коллинсомъ, заключаетъ въ себѣ, кромѣ благодарности высочайшимъ особамъ за посѣщеніе академіи, ту мысль, что наука составляетъ общее благо человѣчества, и академія наукъ, достойная своего имени, разливаетъ свѣтъ знанія повсемѣстно. Открытія Лавуазье и Гершеля ускорили успѣхи химіи и астрономіи въ Россіи; теорія Леонарда Эйлера, члена русской академіи,—о построеніи и управленіи кораблей,—послужила Франціи для усовершенствованія ея флота.

По окончаніи акта Высочайшія особы болѣе часа оставались въ академіи, разсматривая академическія изданія и бесѣдуя съ академиками.

Вечеромъ того же дня, князь Сергѣй Николаевичъ Салтыковъ прислалъ въ даръ академіи составленное Екатериною II наставленіе для воспитанія ея внуковъ Александра Павловича и Константина Павловича. Рукопись эту положено хранить въ академіи наукъ вмѣстѣ съ рукописью Наказа, даннаго коммисіи для составленія новаго уложенія.

М. И. Сухомлиновъ.

ОТЪ МАЛОЯРОСЛАВЦА ДО БЕРЕЗИНЫ

1812 г.

I.

Сраженіе при Малоярославцѣ и первые дни отступленія великой арміи Наполеона.

съ 6-го по 19-е октября 1812 г.

Возвратившись послѣ Тарутинскаго сраженія (6-го окт.) въ главную квартиру фельдмаршала, „первый, кого я встрѣтилъ, былъ князь Кудашевъ“,—говоритъ одинъ изъ иностранныхъ офицеровъ, находившійся въ нашихъ войскахъ и пользовавшійся довѣренностію кн. Кутузова, полковникъ Кроссаръ. Увлекаясь успѣшнымъ началомъ наступательныхъ дѣйствій, къ которымъ такъ долго готовились, начала которыхъ съ такимъ нетерпѣніемъ ожидали, сказалъ ему Кроссаръ: „теперь, не теряя ни минуты времени, надо двинуть войска въ Боровскъ“. Кн. Кудашевъ, близкій фельдмаршалу человѣкъ, знавшій болѣе другихъ его предположенія, отвѣчалъ: „мы не пойдемъ туда со всею арміею; но отправимъ сильный корпусъ въ эту сторону“ [1]).

Вѣсть о пораженіи Мюрата вывела изъ бездѣйствія Наполеона; немедленно онъ отдалъ приказъ объ отступленіи и на другой день (7-го окт.) самъ оставилъ Москву и вывелъ свои войска. Въ то время, когда его войска были въ полномъ движеніи, въ Тарутинскомъ лагерѣ господствовало, повидимому, совершенное спокойствіе. Утромъ во всѣхъ корпусахъ служили благодарственные молебны за дарованную побѣду; фельдмаршалъ съ своею свитою слушалъ молебенъ при гвардейскихъ войскахъ, передъ иконою Смоленской Богоматери. Послѣ полудня встрѣчали послѣдніе три казачьихъ полка, при-

[1]) Baron de Crossard, Mémoires milit. et historiques, т. V, стр. 46.

бывшие съ Дону въ дополненіе 42-хъ полковъ, уже находившихся при арміи кн. Кутузова. Послѣ пораженія авангарда, Наполеонъ не могъ уже оставаться въ бездѣйствіи и ему не предстояло инаго дѣйствія какъ отступленіе. Этотъ вопросъ фельдмаршалъ считалъ рѣшеннымъ, но для него еще не былъ въ это время рѣшенъ весьма важный вопросъ: какое направленіе изберетъ французскій императоръ для своего отступленія? Цѣль кн. Кутузова заключалась въ томъ, чтобы принудить противника къ отступленію по разоренной и не представлявшей никакихъ средствъ для существованія дорогѣ на Можайскъ къ Смоленску, по которой онъ пришелъ въ Москву. Цѣль Наполеона, конечно, была иная: онъ намѣревался открыть новую, неопустошенную дорогу — на Калугу. Но на Калугу шли двѣ дороги отъ Москвы, расходясь подъ острымъ угломъ, старая и новая. Первая короче и, слѣдовательно, давала способъ скорѣе достигнуть цѣли; но она вела прямо на укрѣпленный Тарутинскій лагерь. Если бы, послѣ пораженія непріятельскаго авангарда, кн. Кутузовъ продолжалъ наступательныя дѣйствія, то, безъ сомнѣнія, вынудилъ бы своего противника, потерявшаго (инициативу) свободу дѣйствія, принять сраженіе. Поэтому Наполеонъ и двинулъ свои войска по старой Калужской дорогѣ. Но самъ онъ не думалъ вызывать противника на рѣшительный бой и брать приступомъ укрѣпленный Тарутинскій лагерь, зная разстроенное состояніе своихъ войскъ. Это вполнѣ подтверждаютъ его дальнѣйшія дѣйствія. Лишь только онъ убѣдился, что кн. Кутузовъ возвратилъ войска въ Тарутинскій лагерь, какъ повернулъ свои со старой Калужской дороги на новую, обличивъ дѣйствительную цѣль своихъ дѣйствій — обойдя русскія войска безъ рѣшительнаго сраженія, выйти на новую, неопустошенную дорогу. Но пока эта цѣль не обнаружилась вполнѣ, какъ же могъ дѣйствовать русскій главнокомандующій?

Очевидно, ему предстояло быть готовымъ какъ на одной, такъ и на другой дорогѣ встрѣтить непріятеля, который могъ, дѣлая ложныя движенія на одной изъ нихъ и тѣмъ отвлекая вниманіе противника, быстро перейти на другую и безпрепятственно, или преодолѣвъ сопротивленіе незначительныхъ партизанскихъ отрядовъ, двинуться на Калугу. Въ этихъ видахъ и были соображены предварительныя мѣры, предпринятыя княземъ Кутузовымъ. Вечеромъ на другой день послѣ Тарутинской битвы (7-го окт.), онъ получилъ донесеніе генерала Дорохова,—находившагося около с. Ѳоминскаго на новой Калужской дорогѣ съ незначительнымъ партизанскимъ отрядомъ, составлявшимъ одно изъ звѣньевъ той цѣпи, которою князь Кутузовъ окружалъ непріятеля, находившагося въ Москвѣ, съ тою цѣлію, чтобы они дѣй-

ствовали вмѣстѣ съ возставшими противъ врага крестьянами,—въ которомъ онъ извѣщалъ о появленіи значительнаго непріятельскаго отряда, а именно дивизіи Бруссье съ легкою конницею Орнано.

Въ подкрѣпленіе кн. Кутузовъ послалъ ему два пѣхотныхъ полка. Черезъ день (9-го) Дороховъ, донося о своихъ дѣйствіяхъ, предполагалъ, что движеніе этого отряда могло быть предварительнымъ всей непріятельской арміи [1]). Это замѣчаніе совпадало съ соображеніями главнокомандующаго, который наканунѣ уже сдѣлалъ распоряженіе о томъ, чтобы къ с. Ѳоминскому двинулась дивизія гвардейской конницы съ ротою конной артиллеріи и весь шестой корпусъ Дохтурова, которому подчинены были отряды Дорохова и партизановъ Фигнера и Сеславина.

„Его свѣтлость желаетъ,—писалъ ему А. П. Ермоловъ,—чтобы предпріятіе сіе покрыто было непроницаемою тайною" и поручалъ ему къ 4-мъ часамъ утра приготовить войска къ походу, прибавивъ: „я получилъ повелѣніе въ званіи моемъ находиться подъ начальствомъ вашимъ" [2]).

Эти войска выступили въ назначенное время изъ Тарутинскаго лагеря, а, между тѣмъ, авангардъ, находясь на р. Чернишнѣ, зорко слѣдилъ за Мюратомъ, стоявшимъ у Воронова. Его движеніе по направленію къ новой Калужской дорогѣ окончательно объяснило бы намѣренія Наполеона. Но, сверхъ того, въ тотъ же день (10-го окт.) кн. Кутузовъ предписалъ Милорадовичу, для вѣрнѣйшаго удостовѣренія въ положеніи непріятеля, сдѣлать ложное нападеніе на Вороново. Чтобы скорѣе получить отъ него извѣстіе, ему поручено было устроить летучую почту, поставить по 6-ти казаковъ въ Леташевкѣ, Тарутинѣ, Чернишнѣ и Спасъ-куплѣ [3]).

Для войскъ Дохтурова труденъ былъ переводъ отъ Тарутина до Аристова. Шелъ мелкій осенній дождь, когда они выступили, а нѣсколько бывшихъ передъ тѣмъ дождливыхъ дней испортили и такъ плохія проселочныя дороги. Батарейную артиллерію безпрестанно вытаскивали изъ грязи, что, конечно, замедлило движеніе. По совѣту Ермолова, ее оставили на пути, подъ небольшимъ прикрытіемъ, потому что при войскахъ было достаточное количество легкой артиллеріи. Къ вечеру корпусъ подошелъ и остановился у самаго с. Аристова; а нѣкоторые конные отряды подвинуты были впередъ для сообщенія съ отрядомъ Дорохова, который находился не вдалекѣ отъ

[1]) Донесеніе г. Дорохова 7-го и 9-го окт. Воен. журналъ г. Толя.

[2]) Донесеніе Ермолова къ Дорохову 9-го окт. 1812. Записки Ермолова, т. 1, прилож., стр. 369—370.

[3]) Предписаніе 10-го окт. Леташевка.

большой дороги въ Боровскъ, у села Катова. Г. Дохтуровъ предполагалъ остановиться у Аристова на нѣсколько часовъ „для варенія каши, —какъ доносилъ онъ князю Кутузову,—ночью же продолжаю я маршъ до села Деднева“, въ полуверстѣ отъ котораго находился отрядъ г. Дорохова. Но вскорѣ пріѣхалъ самъ Дороховъ, узнавъ о приближеніи корпуса Дохтурова, и объяснилъ, что онъ долженъ былъ отступить отъ с. Катова, потому что на Боровской дорогѣ, около села Митяева, усмотрѣно до 2.000 непріятельской пѣхоты, а въ Катовѣ сосредоточено отъ осьми до десяти баталіоновъ и кавалерія. Сверхъ того, около Ѳоминскаго и за Нарою онъ замѣтилъ значительныя непріятельскія силы; но количество ихъ опредѣлить трудно, по причинѣ лѣсистой мѣстности. На лѣвой сторонѣ Нары находились партизаны Сеславинъ и Фигнеръ, получившіе еще изъ Тарутина приказанія развѣдывать о непріятелѣ. Дохтуровъ остановился при Аристовѣ, ожидая отъ нихъ болѣе опредѣленныхъ свѣдѣній. „Если точно не узнаю,— писалъ онъ фельдмаршалу,—о силахъ непріятеля, въ Ѳоминскомъ стоящихъ и которыя уже сверхъ 8 или 9 тысячъ, примѣченныхъ г. Дороховымъ, тогда по точному воли вашей свѣтлости смыслу, не вдаваясь въ сраженіе, могущее много стоить и между тѣмъ не вѣрное, воздержусь отъ атаки“ [1]). Вслѣдъ за отправленіемъ этого донесенія, пріѣхалъ Сеславинъ и донесъ, что, скрываясь въ лѣсу, верстахъ въ четырехъ близь Ѳоминскаго, онъ видѣлъ какъ мимо его прошелъ Наполеонъ и его свита съ гвардіею и другими войсками. Пропустивъ ихъ, ему удалось захватить и нѣсколько плѣнныхъ, и одного изъ нихъ „расторопнаго гвардейскаго унтеръ-офицера привелъ съ собою“. Этотъ унтеръ-офицеръ далъ слѣдующее показаніе: „четыре уже дня, какъ мы оставили Москву. Тяжелая артиллерія и кавалерія, утратившая лошадей, и всѣ излишнія тяжести отправлены по Можайской дорогѣ, подъ прикрытіемъ польскихъ войскъ кн. Понятовскаго. Завтра главная квартира императора будетъ въ Боровскѣ. Далѣе войска направляются на Малоярославецъ“. Опытный генералъ, доказавшій свою доблесть и самоотверженіе при защитѣ Смоленска, понималъ всю важность предстоявшихъ ему дѣйствій. Получивъ свѣдѣнія отъ Дорохова, онъ немедленно, въ 7 часовъ пополудни (вечеромъ), отправилъ донесеніе о нихъ къ фельдмаршалу, объяснивъ, что ожидаетъ болѣе точныхъ свѣдѣній отъ партизановъ, отправленныхъ на лѣвую сторону Нары. Не болѣе какъ черезъ два часа, выслушавъ донесеніе Сеславина и снявъ допросы съ плѣннаго, онъ вновь отправилъ донесеніе къ кн. Кутузову, въ 9 часовъ по полудни. Это донесеніе,

[1]) Донесеніе Дохтурова 10-го окт., изъ Аристова, въ 7 часовъ пополудни.

сознавая всю его важность, онъ поручилъ своему дежурному штабъ-офицеру Бологовскому доставить фельдмаршалу. Понимая смыслъ приказанія своего начальника, Бологовскій взялъ съ собою запасныхъ лошадей, чтобы ускорить до послѣдней степени свой переѣздъ отъ Аристова до Тарутина, осеннею ночью и по дурнымъ проселочнымъ дорогамъ. Сообщая эти извѣстія, Дохтуровъ писалъ кн. Кутузову: „Я остановилъ корпусъ въ Аристовѣ и далѣе не пойду; ибо вблизи большія непріятельскія силы не даютъ возможности атаковать. Кавалерію всю подвину я впередъ для наблюденія за непріятелемъ, не выпуская его изъ вида. На Боровскую дорогу пошлю сильнѣйшія партіи узнать о количествѣ и родѣ войскъ, туда слѣдующихъ, что довольно можетъ обнаружить намѣренія непріятеля“ [1]). Свѣдѣнія, доставленныя Дохтуровымъ, дополнились донесеніемъ Дорохова г. Коновницыну, въ которомъ онъ извѣщалъ, что два его полка оттѣснены сильнѣйшимъ непріятелемъ, занявшимъ уже Боровскъ, къ которому тянутся отъ Ѳоминскаго значительныя его силы. Это подтверждалось и показаніемъ, снятымъ съ одного двороваго человѣка, явившагося къ г. Дохтурову прямо изъ Боровска [2]).

Съ такими извѣстіями пріѣхалъ въ Леташевку маіоръ Бологовскій „въ ночь съ 10-го на 11-е число“, какъ замѣчено въ дневникѣ г. Толя, и, вѣроятно, по расчету времени, которое онъ долженъ употребить на поѣздку, въ началѣ 1-го часа ночи. Всѣ спали въ главной квартирѣ; по обыкновенію, онъ вошелъ въ избу Коновницына, которой двери никогда не запирались и всякій пріѣзжій съ военными извѣстіями имѣлъ право его будить. Но въ это время Коновницынъ былъ нездоровъ и поручилъ поручику Щербинину читать получаемыя извѣстія и будить его лишь въ томъ случаѣ, если они будутъ важны. Прочитавъ донесенія, Щербининъ немедленно его разбудилъ, и, познакомившись съ ихъ содержаніемъ, Коновницынъ послалъ за генер. Толемъ и вмѣстѣ съ нимъ отправился въ избу къ фельдмаршалу. Выслушавъ донесенія, кн. Кутузовъ позвалъ Бологовскаго.

— „Разскажи, мой другъ, что такое за событіе, о которомъ ты привезъ мнѣ вѣсть? Неужели въ самомъ дѣлѣ Наполеонъ оставилъ Москву и отступаетъ? Говори скорѣе, не томи сердца, оно дрожитъ“.

Письменныя извѣстія ему хотѣлось дополнить и оживить подробнымъ разсказомъ очевидца-свидѣтеля. Выслушавъ его, кн. Кутузовъ заплакалъ и, обратясь къ иконѣ Спасителя, сказалъ:

---

[1]) Донесеніе Дохтурова кн. Кутузову изъ Аристова, 10-го окт., въ 9½ часовъ пополудни.

[2]) Донесеніе Дорохова 10-го окт.

— „Боже Создатель мой! Наконецъ Ты внялъ молитвѣ нашей, и съ этой минуты Россія спасена!" [1]).

Давно предвидѣнное, трепетно ожидаемое, великое событіе, на которомъ расчитаны всѣ послѣдующія дѣйствія, разъ совершившись, какъ будто поражаетъ неожиданностію и возбуждаетъ желаніе удостовѣриться въ немъ болѣе и болѣе, развѣдавъ всевозможныя подробности.

Въ тоже время дежурный генералъ получилъ слѣдующую записку отъ Ермолова: „Г. генералъ-лейтенанту Коновницыну имѣю честь донести, что, усмотря изъ донесеніи г. Дохтурова его свѣтлости, нужно, думаю, сколько возможно скорѣе отправить г. Платова между Подольскомъ и Красною Пахрою. Оттуда удобно можно наблюдать движеніе непріятеля, если онъ отступаетъ, и преслѣдовать его съ выгодою, и послать партію на Москву, и удостовѣриться въ показаніи плѣнныхъ объ оставленіи Москвы. Г. Милорадовичу со всею кавалеріею нужно не одною ограничивать себя демонстраціею. Я думаю, что непріятель всѣми силами пойдетъ на Боровскъ для сокращенія своей линіи и соединенія съ приспѣвающими къ нему сикурсами. Надобно будетъ перемѣнить позицію арміи. Надобно быть на Калужской дорогѣ, на Боровскъ идущей. Конечно, Москвы не удержитъ непріятель, но это еще не значитъ отступленіе. Прошу показать бумагу мою его свѣтлости и благоволить увѣдомить, какія будутъ сдѣланы распоряженія. Я полагаю, что корпусъ г. Дохтурова нужно здѣсь на нѣсколько оставить. Это не мало будетъ развлекать силы непріятеля" [2]).

Это письмо, изъ котораго видно, что Ермоловъ движенія Наполеона къ Боровску еще не считалъ отступленіемъ, могло если не смутить фельдмаршала, то замедлить оставленіе большой арміею Тарутинскаго лагеря. Но онъ болѣе придавалъ вѣры извѣстіямъ, сообщеннымъ г. Дохтуровымъ, и немедленно предписалъ войскамъ приготовиться къ выступленію въ походъ. Атаману Платову предписано было „немедля ни мало" выступить на Спасское къ Малоярославцу съ 15-ю казачьими полками и ротою конной артиллеріи и „слѣдовать на Боровскую дорогу къ г. Малоярославцу, откуда тотчасъ послать отрядъ къ Боровску. Симъ движеніемъ прикроете вы первоначально Калужскую или Боровскую дорогу, на которой непріятель въ силахъ показался и на которую и вся армія нынѣ дѣлаетъ движеніе. Полковнику Ефремову съ тремя казачьими полками прикажите форсиро-

---

[1]) Записки сенат. Бологовскаго, рукоп.

[2]) Безъ обозначенія мѣста и числа, съ помѣтою рукою Коновницына: «11-го октября».

ваннымъ маршемъ идти къ вамъ на соединеніе, равно идущимъ вновь къ прибывшимъ полкамъ. Двумъ же полкамъ, находящимся у г. Дохтурова, приказано будетъ идти къ вамъ на соединеніе". Сосредоточивая большую часть казачьихъ полковъ подъ начальствомъ атамана, кн. Кутузовъ подготовлялъ значительную силу для преслѣдованія непріятеля. Въ селѣ Спасскомъ предписано было генералу Ивашеву устроить понтонные мосты на р. Протвѣ и исправить дорогу отъ Тарутина, чтобы войска безпрепятственно могли по ней слѣдовать къ Малоярославцу. Предупреждая ген. Дохтурова о движеніи Платова, фельдмаршалъ предписалъ ему немедленно идти къ Малоярославцу, а четыре казачьихъ полка усиленнымъ маршемъ отправить по направленію на дорогу къ Боровску и ожидать прибытія Платова. „Идя фланговымъ маршемъ,—писалъ ему Коновницынъ,—вы положеніемъ вашимъ, до прибытія главной арміи, будете прикрывать оную".

Калуга имѣла чрезвычайно важное значеніе для нашей дѣйствующей арміи, находившейся въ Тарутинскомъ лагерѣ. Въ ней сосредоточивались всѣ боевые и продовольственные запасы для войскъ, черезъ нее проходили почти всѣ подкрѣпленія къ нимъ. Въ это время, по свидѣтельству губернатора сенатора Каверина, въ ней „стекшіеся къ арміи транспорты расположены были по той сторонѣ рѣки Оки верстъ на шесть или еще больше въ великомъ множествѣ". Находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Калугою, кн. Кутузовъ поручилъ генералу Коновницыну увѣдомить сенатора Каверина о движеніи войскъ изъ Тарутинскаго лагеря къ Малоярославцу. „Сейчасъ получено извѣстіе, что непріятель съ частію своихъ силъ взялъ направленіе къ Боровску. Для узнанія его дальнѣйшихъ намѣреній приняты всѣ нужныя мѣры. Нѣсколько казачьихъ полковъ, подъ личнымъ начальствомъ самого атамана, наблюдаютъ всѣ его движенія и отряжены къ Малоярославцу для прикрытія новой Калужской дороги, куда переходитъ и вся армія. Извѣщая о семъ в. п-во, я увѣренъ, что вы сдѣлаете заблаговременно всѣ нужныя по сему распоряженія. Впрочемъ, предоставляю себѣ право доставить вамъ всѣ свѣдѣнія о непріятелѣ по мѣрѣ того, какъ они до меня доходить будутъ". Но распоряженій въ отношеніи городовъ Калужской губерніи, которымъ угрожалъ непріятель, Каверинъ не имѣлъ и времени сдѣлать. Это повелѣніе фельдмаршала встрѣтилось на пути съ его донесеніемъ къ нему отъ того же (11-го окт.) числа, въ которомъ онъ писалъ: „Сейчасъ прибылъ ко мнѣ изъ Боровска тамошній земскій исправникъ и донесъ, что Боровскъ заняли непріятельскія войска и, по его словамъ, примѣрно въ числѣ десяти тысячъ человѣкъ, что подтвердилъ вслѣдъ за нимъ прибывшій городничій. Для подробнѣйшаго о томъ свѣдѣнія, я долгомъ поставилъ съ симъ объявле-

ніемъ отправить къ вашей свѣтлости исправника, какъ очевидца происшествія". Это извѣстіе было чрезвычайно важно: оно доказывало, что соображенія Ермолова были невѣрны и что Дохтурову слѣдовало ускорить движеніе къ Малоярославцу. Между тѣмъ, онъ встрѣтилъ неожиданное препятствіе на пути. „По повелѣнію вашей свѣтлости,—писалъ онъ карандашомъ, на клочкѣ дрянной бумаги, князю Кутузову,—изъ Аристова я слѣдую къ Малоярославцу, но, прибывъ къ Спасскому, нашелъ, что Протва отъ спущенныхъ мельницъ такъ сдѣлалась глубока, что безъ мосту ни артиллеріи, ни пѣхоты переправить не можно. Строится мостъ и какъ поспѣетъ, тотчасъ перейду. Сіе можетъ быть часа черезъ два. О кавалеріи же моей я давно извѣстій не имѣю". Это донесеніе Дохтурова получено кн. Кутузовымъ вслѣдъ за донесеніемъ Калужскаго губернатора о занятіи непріятелемъ Боровска.

„На донесеніе ваше, сейчасъ полученное, его свѣтлость приказалъ васъ извѣстить,—отвѣчалъ ему немедленно Коновницынъ,—что по обстоятельствамъ вашему корпусу необходимо до разсвѣта прибыть въ Малоярославецъ. Главнокомандующій увѣренъ, что вы употребите всѣ возможные способы для скорѣйшаго построенія мостовъ. Равномѣрно о кавалеріи вашей желаетъ имѣть скорое извѣстіе".

Вся эта переписка происходила въ одинъ день, 11-го октября, въ который 16 письменныхъ приказовъ было отдано главнокомандующимъ, не считая словесныхъ распоряженій о приготовленіи войскъ къ походу.

Собираясь приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, отъ которыхъ зависѣла судьба похода, князь Кутузовъ, всѣми способами подготовляя успѣхъ, желалъ имѣть положительныя свѣдѣнія о движеніи непріятельскихъ войскъ за Вороновымъ. Можетъ быть, въ этомъ случаѣ имѣли вліяніе и соображенія Ермолова, сообщенныя имъ генералу Коновницыну. Поэтому, Милорадовичу предписано было сдѣлать усиленную развѣдку (рекогносцировку), чтобы открыть дѣйствительное направленіе непріятельскихъ войскъ по старой Калужской дорогѣ. Если же онъ удостовѣрится, что авангардъ Мюрата начнетъ фланговое движеніе вверхъ по Нарѣ для соединенія съ Наполеономъ, то долженъ былъ слѣдовать за главною арміею въ Малоярославцу, оставивъ для наблюденія за нимъ по старой Калужской дорогѣ казаковъ и часть кавалеріи. Съ тою же цѣлію партизанскому отряду кн. Кудашева предписано перейти съ Тульской дороги на старую Калужскую, „гдѣ остается часть авангарда для прикрытія обозовъ главной арміи".

Извѣстія Милорадовича не заставили себя долго ожидать. Исполняя данное ему предписаніе, онъ немедленно предпринялъ движеніе на Вороново, утромъ 11-го окт. Но баронъ Корфъ, не доходя еще до этого

села, получилъ отъ начальника передоваго отряда, ген. Карпова, донесеніе, что на разсвѣтѣ непріятель оставилъ занимаемую имъ позицію и казаки заняли село. Развѣдавъ о движеніи непріятеля, Милорадовичъ доносилъ, что онъ двинулся по направленію къ новой Калужской дорогѣ. Получивъ это извѣстіе, кн. Кутузовъ „около полудня" двинулъ всю армію изъ лагеря на Леташевку, гдѣ была его квартира, и с. Спасское, а къ вечеру потянулись за ней обозы [1]). Въ продолженіе всей ночи, осенней и темной, по проселочнымъ, хотя по возможности исправленнымъ дорогамъ, двигались войска и „на разсвѣтѣ" подошли на разстояніе пяти верстъ отъ Малоярославца. Здѣсь фельдмаршалъ, остановивъ для отдыха войска, послалъ Коновницына узнать и донесть ему о ходѣ продолжавшагося сраженія при этомъ городѣ.

Битва при Малоярославцѣ началась съ разсвѣтомъ [2]). Генералъ Дохтуровъ, получивъ въ 11 часовъ утра (11-го октября) повелѣніе фельдмаршала, немедленно выступилъ и „около 11-ти часовъ вечера", пришелъ въ Спасское." Мы нашли воду въ рѣчкѣ (Протвѣ) очень высокою, и тотчасъ начали устраивать мосты. Ни понтоновъ, ни инженеровъ не было; но смѣтливость русскаго человѣка замѣнила тѣхъ и другихъ. Тотчасъ, подъ руководствомъ офицеровъ генеральнаго штаба, начали разбирать близь лежащія избы; стали сколачивать бревна деревянными гвоздями, какъ кто умѣлъ; изъ пакли, находившейся между бревнами, скручивали веревки, нѣкоторую часть которыхъ принесли крестьяне, и — работа закипѣла. Часа черезъ два первые плоты были спущены и прикрѣплены къ берегу. Въ это время, т. е. около одиннадцати часовъ вечера, пришелъ Платовъ съ казаками. Онъ нашелъ возможность въ верстѣ лѣвѣе переправиться черезъ рѣчку и идти къ Малоярославцу. Впереди съ правой стороны видны были огни непріятеля, но невозможно было опредѣлить—на какомъ разстояніи отъ Малоярославца. Около двухъ часовъ по полуночи можно было по одиночкѣ кое-какъ перебираться на противоположный берегъ. Дохтуровъ приказалъ полковнику Глѣбову съ его 6-мъ егерскимъ полкомъ, вмѣстѣ съ 33-мъ полковника Бистрома, перейти на ту сторону, а мнѣ вести ихъ въ Малоярославецъ. Расположивъ полки въ городѣ, мнѣ, какъ исправлявшему должность оберъ-квартирмейстера, приказано было осмотрѣть позицію передъ нимъ по дорогѣ въ Калугу для расположенія

[1]) Прилож. къ журналу г. Толя: описаніе сраженія при Малоярославцѣ.

[2]) Она подробно описана у нашихъ военныхъ историковъ: Бутурлина, Михайловскаго-Данилевскаго и Богдановича; но есть и отдѣльныя описанія и изслѣдованія, Вл. С. Глинки: Малоярославецъ въ 1812 г. Спб. 1842 г.; И. П Липранди: Матеріалы для отечественной войны 1812 г. Спб. 1867 г., стр. 25 и слѣд.

войскъ и поспѣшить имъ на встрѣчу",—говоритъ участникъ въ походѣ [1]). По пути ихъ обгоняли казаки Платова, а встрѣчались жители города, оставлявшіе свои домы, и заявляли также, что французовъ тамъ еще нѣтъ. Передъ самымъ разсвѣтомъ они подошли къ городу.

Въ нашемъ отечествѣ почти всѣ рѣки, не только большія, но даже ихъ притоки, протекаютъ между совершенно противоположными берегами: горнымъ или возвышеннымъ,—потому что дѣйствительныхъ горъ во всей Европейской Россіи не имѣется,—и низменнымъ. Эта противоположность рѣчныхъ береговъ до такой степени рѣзко выступаетъ на видъ, что даже самая почва по обѣимъ сторонамъ не только большой рѣки, но даже рѣчки, бываетъ совершенно различна. Бо̀льшая часть не только губернскихъ, но уѣздныхъ старыхъ городовъ и особенно монастырей находятся на горныхъ берегахъ, естественно, потому что ихъ не затопляетъ разливъ весеннихъ водъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ по такому положенію они представляются весьма красивыми, конечно, по преимуществу—издали и притомъ съ луговаго берега. Таковъ и Малоярославецъ. Онъ стоитъ на горномъ берегу одного изъ притоковъ Москвы-рѣки, на р. Лужѣ. Протекая разнообразными изгибами, она образуетъ какъ бы треугольникъ, въ остромъ концѣ котораго на другомъ, горномъ, берегу расположенъ городъ. Въ этотъ треугольникъ, низменный и частью болотистый, должны были стягиваться непріятельскія войска, назначенныя для его занятія. Противоположный берегъ окружаетъ весь этотъ треугольникъ высотами, господствующими повсюду надъ другимъ берегомъ. Ихъ должны были занять русскія войска, предназначенныя защищать городъ. Непріятелю предстояло или взять его приступомъ или обойти. Въ первомъ случаѣ, предстоявшая битва сосредоточилась бы на незначительномъ пространствѣ и войска Дохтурова могли противодѣйствовать сильнѣйшему непріятелю, по крайней мѣрѣ, нѣсколько времени. Съ цѣлію предупредить обходъ города съ одной стороны, фельдмаршалъ отправилъ атамана Платова; а въ случаѣ обхода съ другой, они бы встрѣтили всю русскую армію, двигавшуюся изъ Тарутинскаго лагеря.

Кто же прежде занялъ Малоярославецъ — французы или Дохтуровъ? Писатели французы увѣряютъ, что два баталіона дивизіи Дельсона заняли городъ и въ 5 часовъ утра ихъ атаковали войска Дохтурова и прогнали. Таково было начало битвы при Малоярославцѣ [2]). Такъ думали и въ нашей главной квартирѣ. Въ журналѣ

---

[1]) И. П. Липранди, Матеріалы, стр. 26 и слѣд.

[2]) Fain, Manuscrit, т. II, стр. 243; M. Chambray, Expedition de Russie, т. II, стр. 326, 329.

генералъ-квартирмейстера Толя записано: „корпусъ г. Дохтурова, несмотря на всѣ усилія предупредить непріятеля при этомъ городѣ, нашелъ его уже занятымъ непріятельскимъ авангардомъ, подъ командою генерала Дельсона“. Въ журналѣ военныхъ дѣйствій, который фельдмаршалъ посылалъ постоянно императору, сказано, что Дохтуровъ; „приблизясь къ Малоярославцу, нашелъ часть силъ непріятельскихъ въ немъ“ [1]).

Между тѣмъ очевидецъ, пришедшій съ первыми двумя полками въ городъ, разсказываетъ: „я ѣхалъ вмѣстѣ съ шефами обоихъ егерскихъ полковъ, въ головѣ колонны. Все наше вниманіе было устремлено на непріятельскіе огни, находившіеся у насъ въ правой сторонѣ. Мы въѣхали въ городъ и при громкомъ разговорѣ выѣхали на площадку. Здѣсь внезапно послѣдовалъ на насъ залпъ, какъ нѣкоторые полагали, ружей изо ста. Мы, ѣхавшіе впереди, бросились назадъ, къ головѣ 6-го егерскаго полка, у котораго ружья были въ полунагалищахъ и не заряжены. Между тѣмъ, непріятель пересталъ стрѣлять. Немедленно Глѣбовъ повелъ свой полкъ, и мы прошли весь городъ до самаго моста, который тотчасъ и велѣно разбирать. Ни съ той, ни съ другой стороны выстрѣловъ не было“; но немного спустя, когда еще не совсѣмъ разсвѣло, „у моста началась сильная ружейная перестрѣлка“ [2]). Залпъ, сдѣланный на нашихъ офицеровъ, свидѣтельствуетъ, что прежде нашихъ войскъ въ городѣ уже былъ непріятель' но въ незначительномъ количествѣ. Тоже говорилъ и Дохтуровъ въ подробномъ донесеніи князю Кутузову о Малоярославецкомъ сраженіи. „Узнавъ, что непріятель съ малою частію находится въ городѣ,—писалъ онъ,—я, чтобы не дать ему усилиться болѣе и уничтожить при самомъ началѣ сіе покушеніе, остановился съ полками въ трехъ верстахъ, отрядилъ 33-й егерскій полкъ, приказавъ ударить на непріятеля и немедленно истребить его, назначивъ 6-й егерскій полкъ ему въ подкрѣпленіе. Сіе было исполнено съ успѣхомъ, а непріятель вытѣсненъ изъ города до самой нижней части онаго, гдѣ удержался только въ крѣпкихъ и укрытыхъ мѣстахъ“ [3]). Но онъ немедленно былъ подкрѣпленъ дивизіею Дельсона. Это обстоятельство, безъ сомнѣнія, и подало поводъ утверждать, что городъ былъ уже занятъ французами, когда подошли къ нему полки Дохтурова; но на самомъ дѣлѣ едва-ли они не подходили въ одно и тоже время съ французскими.

---

[1]) Извѣстія о воен. дѣйствіяхъ въ 1812 г. Спб. 1813 г., стр. 174.
[2]) Г. Липранди, Матеріалы, стр. 27 и 28.
[3]) Донесеніе Дохтурова кн. Кутузову 14-го октября 1812 г.

Таково свидѣтельство самого Дохтурова, сохранившееся въ разсказѣ полковника Кроссара. Когда князь Кутузовъ подошелъ къ Малоярославцу,—говоритъ онъ,—къ нему подъѣхалъ Дохтуровъ и, разсказывая про ходъ битвы, сказалъ: „въ то самое время, когда мои передовыя войска входили въ городъ съ одной стороны, съ другой входилъ непріятель“ [1]). Это подтверждаетъ и одинъ французъ, участникъ въ событіяхъ. „Едва два баталіона изъ авангарда вице-короля вошли въ Малоярославецъ, какъ неожиданно ихъ атаковали два русскіе полка [2]).

Въ то время, когда Доктуровъ намѣревался отъ Аристова двинуться къ Спасскому, по предложенію Ермолова, онъ послалъ конницу барона Меллера-Закомельскаго съ конно-артиллерійскою ротою и казачьими полками къ Боровску, произвесть обозрѣніе и потомъ возвратиться къ его корпусу. Съ конницею отправился и Ермоловъ. „Туманно было утро,—говоритъ онъ,—и не рано начали проясняться предметы. Мы увидѣли Боровскъ, окрестности его, занятыя войсками и артиллеріею въ большихъ силахъ, часть пѣхоты, вышедшую изъ города по почтовой дорогѣ, по р. Протвѣ во многихъ мѣстахъ конные пикеты, которые тотчасъ сбиты, но, подкрѣпленные скрытыми въ лѣсу резервами, усилили перестрѣлку. Баронъ Меллеръ, хотя и не желалъ по краткости дня завязать дѣло, принужденъ былъ, однако же, послать часть войскъ и половину конно-артиллерійской роты. Проскакавши съ версту молодымъ березнякомъ, еще сохранившимъ листъ, представилась намъ не вдалекѣ почтовая изъ Боровска дорога, а на ней бивуакъ арміи италіянскаго вице-короля и французскій корпусъ маршала Даву. Не теряя времени, возвратились мы на лѣвый берегъ р. Протвы, пославъ нѣсколько казаковъ къ Малоярославцу, чтобы узнать, что̀ тамъ происходитъ, и ночью отыскать насъ на возвратномъ пути къ генералу Дохтурову“ [3]). Дойдя до Спасскаго и устроивая мосты для переправы, Дохтуровъ безпокоился, не имѣя извѣстій отъ своей конницы, писалъ объ этомъ кн. Кутузову, и, получивъ отъ него повелѣніе доставить о ней свѣдѣнія, послалъ ее отыскивать и получилъ донесеніе Ермолова, который сообщалъ ему, что „отрядъ Дорохова и корпусъ барона Меллера-Закомельскаго теперь въ селеніи Пяткинѣ, на правомъ берегу Протвы. Казаки имѣли перестрѣлку близь дороги, изъ Боровска идущей, въ шести верстахъ отъ Малоярославца, и непріятельскіе форпосты отступили; но было поздно и нельзя осмотрѣть непріятеля. Одна партія осмотрѣла лагерь при

---

[1]) B. Crossard, Mémoires militaires et histor., т. V, стр. 48.

[2]) B. Dennié, Itinéraire de l'emp. Napoléon, стр. 108.

[3]) Записки, т. I, стр. 231.

самомъ городѣ. Непріятель зажегъ его; но бо̀льшая часть города, отъ Калуги лежащая, слышно, не занята, ибо успѣли истребить переправу. Въ 10 или 11 часовъ мы выступаемъ въ Спасское на соединеніе съ вами и потомъ, если прикажите, то ночью же и до города, что̀, думаю я, необходимо нужно и самому корпусу тоже".

Ближе узнавъ положеніе дѣлъ, Ермоловъ измѣнилъ свой взглядъ и понялъ необходимость спѣшить къ Малоярославцу; но главнокомандующій это давно понялъ и, понуждаемый имъ, туда спѣшилъ уже Дохтуровъ. Получивъ извѣстія отъ полковъ, вступившихъ въ Малоярославецъ, и донесеніе Ермолова, Дохтуровъ послалъ въ подкрѣпленіе двумъ полкамъ полковника Вуича, съ двумя егерскими полками 25-й дивизіи и ротою легкой артиллеріи. Битва началась на разсвѣтѣ и „въ сіе время,—доносилъ потомъ кн. Кутузову Дохтуровъ,—со всею колонною и со всею кавалеріею, въ семъ мѣстѣ къ ней присоединившеюся, я прибылъ къ городу и расположился около онаго, стараясь сколь возможно воспользоваться всѣми выгодами, способствовавшими къ непремѣнному предположенію удержать дорогу Калужскую, несмотря ни на какія усилія непріятеля и на не весьма удобную позицію, которую ваша свѣтлость сами изволили видѣть" [1]).

На пространствѣ небольшаго уѣзднаго городка завязался упорный бой; сила нападеній и стойкость защиты какъ со стороны французовъ, такъ и съ нашей, были одинаковы; городъ нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки. На незначительномъ пространствѣ и нельзя было ввесть въ дѣло большихъ силъ; во всякомъ случаѣ, вице-король италіянскій могъ располагать гораздо бо̀льшими силами, нежели начальникъ одного изъ корпусовъ русской арміи; а между тѣмъ Дохтуровъ упорно сражался противъ бо̀льшихъ силъ непріятеля съ шести часовъ утра до двухъ по полудни. Только мѣстоположеніе, котораго всѣ выгоды были на сторонѣ нашихъ войскъ, дало возможность Дохтурову такъ долго отражать нападенія постоянно прибывавшихъ силъ непріятеля. Но его войска, которыя почти всѣ уже были введены въ дѣло, кромѣ кавалеріи, которая и не могла быть употреблена, и одного баталіона Псковскаго мушкетерскаго полка, уже начинали утомляться и успѣхъ перешелъ бы окончательно на сторону непріятеля, если бы въ это время не пріѣхалъ Коновницынъ.

Выступивъ изъ Тарутинскаго лагеря, наши войска шли всю ночь „въ грустномъ раздумьи". Темная, осенняя ночь усиливала унывіе,—войска полагали, что они отступаютъ. Но перейдя Протву и приближаясь къ Малоярославцу, услыхали громъ орудій, все болѣе и болѣе

[1]) Донесеніе кн. Кутузову 14-го октября 1812 г.

усиливавшійся по мѣрѣ ихъ приближенія къ городу. Уныніе смѣнилось желаніемъ скорѣе достигнуть поля битвы. Впереди шелъ корпусъ Раевскаго, за нимъ Бороздина и при нихъ находился князь Кутузовъ. Не доходя пяти верстъ до Малоярославца, онъ велѣлъ сдѣлать привалъ и самъ сѣлъ посреди колоннъ на обычную свою скамейку. Порываясь на битву, Раевскій продолжалъ движеніе и почти подошелъ къ городу, когда, замѣтивъ это, фельдмаршалъ велѣлъ ему остановиться. Генер. Ермоловъ говоритъ, что два раза безуспѣшно посылалъ просить подкрѣпленій. Раевскій свидѣтельствуетъ, что Ермоловъ подъѣзжалъ къ его корпусу и, узнавъ, что онъ не можетъ идти впередъ безъ повелѣнія князя Кутузова, объявилъ, что ѣдетъ къ нему съ просьбою о подкрѣпленіи войскъ, дѣйствовавшихъ въ Малоярославцѣ. Но Ермоловъ не упоминаетъ объ этой поѣздкѣ. Вѣроятно, вслѣдствіе его настояній, кн. Кутузовъ послалъ Коновницына удостовѣриться въ положеніи дѣлъ. Коновницынъ, убѣдясь въ необходимости усилить войска, самъ принялъ участіе въ боѣ, отправивъ барона Левенштерна донесть фельдмаршалу о ходѣ битвы и просить подкрѣпленій [1]). Кн. Кутузовъ немедленно послалъ усиленнымъ ходомъ корпусъ генерала Раевскаго, который возстановилъ равновѣсіе боя и въ четвертый разъ вырвалъ городъ изъ рукъ непріятеля. Но съ тѣмъ же упорствомъ и мужествомъ, какъ наши отстаивали его, нападалъ и непріятель.

Князь Евгеній Богарне, вице-король Италіи, распоряжался боемъ въ этотъ день, лучшій изъ всей его боевой жизни, какъ назвалъ его Наполеонъ на другой день, обнимая своего пасынка [2]). Хотя извѣстіе, привезенное полковникомъ Бартеми о томъ, что русское войско спокойно остается въ Тарутинскомъ лагерѣ, и послужило поводомъ къ тому, что Наполеонъ повернулъ свои войска на новую Калужскую дорогу и надѣялся, обойдя кн. Кутузова, безъ большаго сраженія овладѣть Калугою,—но на такую случайность онъ рѣшился потерявъ свободу дѣйствій (инициативу); но не могъ расчитывать съ увѣренностію, тѣмъ болѣе, что въ этомъ случаѣ требовалась невозможная по обстоятельствамъ для его войскъ быстрота движеній. Они двигались медленно; проселочныя дороги и ненастная погода, въ свой чередъ, усиливали медленность, не говоря уже о томъ, что разстроенныя войска, обремененныя огромнымъ обозомъ съ добычею и несоразмѣрною съ ихъ числомъ артиллеріею, и не могли двигаться скоро.

---

[1]) Записки г. Ермолова, т. I, стр. 233—234; письмо Раевскаго къ Жомини, рукоп.; Михайловскій-Данилевскій: Полн. собр. соч., т. V, стр. 194 и слѣд. Левенштернъ: Denkwürdigkeiten eines Livländers, изд. Шмитта, т. I, стр. 257.

[2]) Fain, Manuscrit, т. II, стр. 251—252; Labaume, Relation, стр. 264.

Въ такомъ положеніи, естественно, онъ не могъ забыть о существованіи русской арміи и не опасаться, чтобы она не двинулась ему во флангъ или наперерѣзъ пути въ новомъ его направленіи. Въ этомъ смыслѣ онъ бесѣдовалъ 11-го октября съ княземъ Евгеніемъ Богарне, съ которымъ онъ болѣе, нежели съ кѣмъ-либо изъ своихъ боевыхъ служителей, могъ говорить откровенно, конечно, въ той мѣрѣ, въ какой позволяли его природныя свойства и вынуждало тяжкое положеніе[1]). Вице-король, который въ продолженіе двухъ дней постоянно видѣлъ въ этой сторонѣ отряды казаковъ Дохтурова, посланныхъ имъ сторожить дорогу къ Боровску, по приказанію фельдмаршала, и потомъ его легкую конницу, конечно, долженъ былъ опасаться этого движенія со стороны нашихъ войскъ. Отправивъ къ Малоярославцу дивизію Дельсона, онъ поручилъ ему быть готовымъ немедленно возвратиться къ Боровску по первому его требованію[2]). Въ виду такого приказанія, Дельсонъ, который могъ ранѣе Дохтурова занять городъ, не вошелъ въ Малоярославецъ, а расположился за рѣчкою Лужею и распорядился устроить мостъ. Въ городъ онъ послалъ лишь незначительный отрядъ, способный извѣстить о приближеніи непріятеля, а не вступать съ нимъ въ бой. Получивъ отъ него извѣстіе о вступленіи въ городъ передовыхъ полковъ Дохтурова, Дельсонъ ввелъ въ дѣло свои войска. Въ упорномъ бою Дельсонъ былъ убитъ въ то время, какъ подошелъ вице-король. Поручивъ начальство надъ его войсками генералу Гюльельмино, онъ послалъ ему въ подкрѣпленіе дивизію Бруссье, а дивизія Пино и италіянская гвардія оставались въ резервѣ, готовыя ихъ поддерживать. Послѣ полудня къ мѣсту боя пріѣхалъ Наполеонъ. Остановившись на возвышенности, за которою идетъ низменная долина р. Лужи до самаго Малоярославца, онъ могъ наблюдать за ходомъ дѣла. Придвинувъ корпусъ Даву и гвардію, онъ указывалъ мѣста, гдѣ строить батареи и велѣлъ навесть второй мостъ на р. Лужѣ. Эти распоряженія и самое значеніе для него Малоярославца показываютъ, что онъ хотѣлъ овладѣть имъ во что бы то ни стало до прибытія арміи кн. Кутузова[3]).

Отправивъ ускореннымъ ходомъ къ Малоярославцу корпусъ Раевскаго въ помощь Дохтурову, фельдмаршалъ самъ повелъ вслѣдъ за нимъ всѣ свои войска. Между тѣмъ Раевскому снова удалось прогнать непріятеля изъ города; но подкрѣпленный италіянскими войсками, ди-

---

[1]) Тамъ же, стр. 242 и слѣд.

[2]) Fain, Manuscrit, т. II, стр. 243; Labaume, Relation, стр. 254.

[3]) М. Шамбре, Expedition de Russie, т. II, стр. 329 и слѣд.; Fain, Manuscrit de 1812, т. II, стр. 242 и слѣд.; Labaume, Relation de la campagne de Russie, стр. 255 и слѣд.

визіею Пино, ни разу не принимавшею участія въ сраженіяхъ, и италіянскою гвардіею, желавшею отличиться въ глазахъ вице-короля, надъ которымъ парилъ орлиный взоръ Наполеона, они принуждены были его очистить. Пользуясь успѣхомъ, непріятель вышелъ за городъ на Калужскую дорогу; но, встрѣченный картечью нашихъ батарей, немедленно отступилъ въ черту города, который остался въ его рукахъ. Въ это время, около пяти часовъ пополудни, на маленькой лошади, почти безъ свиты, подъѣхалъ къ Малоярославцу кн. Кутузовъ.

— „Это передовое дѣло,—поспѣшилъ ему сообщить полковникъ Кроссаръ, понимавшій общій планъ дѣйствій фельдмаршала,—непріятель хочетъ прорвать выходъ (un defilé) и не успѣетъ въ этомъ".

— „Эти господа,—съ недовольнымъ видомъ отвѣчалъ ему кн. Кутузовъ,—завязали генеральное сраженіе, чего я не желалъ".

Но Кроссаръ объяснялъ, что непріятель стремится проложить себѣ путь, и, указывая на мѣстоположеніе, которое должны были занять войска, говорилъ, что въ двухъ или трехъ мѣстахъ нужно бы возвесть полевыя укрѣпленія.

— „Оставайтесь при мнѣ,—сказалъ ему кн. Кутузовъ; какъ бы я ни былъ молчаливъ—не отъѣзжайте",—и продолжалъ приближаться къ Малоярославцу.

Не только ядра, но и пули непріятеля достигали до него. Генералы Тормасовъ и Ланской обращали его вниманіе на опасность. Испуганная не вдалекѣ упавшей гранатой, его лошадь шарахнулась въ сторону и выбила бы его изъ сѣдла, еслибъ адъютантъ его Монтрезоръ не схватилъ ее подъ уздцы. Онъ продолжалъ осматривать позицію и слѣдить за битвой. Указывая на нѣкоторыя мѣста, онъ спросилъ барона Кроссара:

— „Тамъ, конечно, вы полагаете, надо воздвигнуть укрѣпленія?"

Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ немедленно велѣлъ подозвать къ себѣ генерала Фёрстера и настоятельно поручилъ ему воздвигнуть ихъ въ продолженіе ночи, такъ чтобы къ утру они совершенно были готовы.

Дѣлая распоряженія, чтобы занять позицію въ разстояніи около одной версты отъ города, онъ долженъ былъ, для безопасности своихъ войскъ, выгнать изъ него непріятеля. Хотя, по свидѣтельству одного изъ своихъ адъютантовъ, онъ будто бы выражалъ мысль, что вице-король непремѣнно отступитъ, однакоже, съ цѣлію овладѣть городомъ и обезпечить позицію, которую рѣшился занять, онъ ввелъ въ дѣло корпусъ Бороздина. Это „новое съ нашей стороны подкрѣпленіе поражаетъ и въ седьмой разъ вытѣсняетъ непріятеля, который, послѣ невѣроятныхъ усилій, долженъ былъ уступить мужеству нашихъ войскъ.

Невозможно себѣ вообразить ужаснѣйшаго вида, какой представлялъ Малоярославецъ. Пожаръ, начавшійся съ полудня, оставилъ по себѣ одни слѣды бывшихъ домовъ, груды тѣлъ сдѣлали улицы совершенно непроходимыми и, не смотря на то, этотъ пунктъ до утра былъ необходимо нуженъ для россійской арміи". Приведенныя строки изъ военнаго журнала генералъ-квартирмейстера Толя свидѣтельствуютъ, что къ концу боя городъ остался за нами; а между тѣмъ всѣ французскіе писатели, участники въ происшествіяхъ, утверждаютъ, что въ концѣ битвы имъ удалось овладѣть Малоярославцемъ и удержаться въ немъ. И они совершенно правы: къ утру слѣдующаго дня городъ былъ въ ихъ власти. Когда войска Бороздина снова потѣснили италіянцевъ, вице-король выдвинулъ всю свою гвардію, императоръ Наполеонъ прислалъ ему двѣ дивизіи изъ корпуса Даву, которыя, перейдя мосты по р. Лужѣ, стали на флангахъ италіянской арміи и удержали свои мѣста. Мосты остались во власти непріятеля и, конечно, часть города. Перестрѣлка, хотя и незначительная, продолжалась почти всю ночь, а передъ разсвѣтомъ вышли изъ города войска Бороздина и непріятель его занялъ. Въ нашихъ войскахъ полагали даже, что очищеніе Малоярославца войсками Бороздина случилось по какому-то недоразумѣнію [1]). Но это было не такъ: они оставили городъ, когда и слѣдовало его оставить, по связи съ общимъ расположеніемъ русскихъ войскъ и потому, конечно, по приказанію фельдмаршала.

„13-го числа до разсвѣта, главнокомандующій, въ ожиданіи сразиться съ непріятелемъ, расположилъ армію, отступя двѣ съ половиною версты назадъ, въ весьма выгодной позиціи. Войска, занимавшія Малоярославецъ, получили повелѣніе войти въ позицію",—записалъ генералъ Толь [2]).

Въ то время, когда фельдмаршалъ послалъ на бой корпусъ Бороздина, подходилъ къ Малоярославцу Милорадовичъ, сдѣлавъ переходъ въ 50 верстъ. Такого скораго прихода авангарда не ожидалъ фельдмаршалъ и назвалъ Милорадовича крылатымъ. Онъ обнялъ его, говоря:

— „Ты ходишь скорѣе, чѣмъ летаютъ ангелы".

Такимъ образомъ, къ вечеру 12-го октября сосредоточились всѣ его войска. Всѣхъ занимала мысль о завтрашнемъ днѣ.

— „Сей день,—записалъ въ военномъ журналѣ Толь,—есть одинъ изъ

---

[1]) Михайловскій-Данилевскій. Собр. сочин., т. V.

[2]) Прилож. къ Журналу воен. дѣйствій: описаніе сраженія при Малоярославцѣ.

знаменитѣйшихъ въ войнѣ 1812 г.; ибо потерянное сраженіе при Малоярославцѣ повлекло бы за собою пагубнѣйшія слѣдствія и открыло бы путь непріятелю чрезъ богатѣйшія наши губерніи". Какое значеніе придавалъ этому дню современникъ, участникъ въ событіяхъ, такое же потомъ придавалъ и замѣчательный нашъ военный писатель, спустя много лѣтъ. „По моему мнѣнію,—говоритъ Н. А. Окуневъ,—самая Бородинская битва не была такъ нужна для Наполеона, какъ битва при Малоярославцѣ. Правда, что первая открыла ему входъ въ Москву, но не принесла ничего, кромѣ безплоднаго трофея и гибельныхъ послѣдствій, между тѣмъ какъ спасеніе всей его арміи зависѣло отъ послѣдней" [1]).

Не одни русскіе смотрѣли такъ на дѣло при Малоярославцѣ: такой же былъ взглядъ и непріятелей. Маршалъ Сенъ-Сиръ говоритъ, „что всѣ усилія французскихъ войскъ при Малоярославцѣ остались безъ послѣдствій; русскіе сохранили свои позиціи и обладаніе Калужскою дорогою". Полагая, что Наполеонъ могъ поправить положеніе дѣлъ, преслѣдуя потомъ наши войска до Гончарова, прибавляетъ: „но для этого надо было дать сраженіе; но мнѣ кажется очевиднымъ, что онъ этого не хотѣлъ. Занять безъ боя Малоярославецъ—была основная мысль его отступленія. Кажется, въ это время только онъ понялъ всю силу тѣхъ бѣдствій, которымъ подвергалъ свою армію" [2]).

Съ грустью указываетъ гр. Сегюръ своимъ боевымъ товарищамъ на это мѣсто битвы, „гдѣ остановилось завоеваніе вселенной, гдѣ исчезли плоды 20-ти лѣтнихъ побѣдъ и началось страшное разрушеніе" всего, что думалъ создать Наполеонъ [3]).

Обѣ стороны могли себѣ приписывать побѣду, потому что битва 12-го октября не была рѣшительною. Ея значеніе должны были опредѣлить послѣдующія за нею дѣйствія.

Какія же предположенія обдумывались въ простой избѣ небольшой деревни Городни, куда послѣ сраженія прибылъ Наполеонъ, и на бивуакѣ подъ открытымъ небомъ, гдѣ провелъ ночь престарѣлый нашъ фельдмаршалъ, въ то время, когда продолжался бой и еще не опредѣлилось удержать-ли наши войска напоръ непріятеля предѣлами Малоярославца?

Князь Кутузовъ выстроилъ всю армію въ боевомъ порядкѣ не въ дальнемъ разстояніи отъ Малоярославца съ тою цѣлію, чтобы встрѣтить непріятеля, если онъ прорвется черезъ городъ. Поэтому, прибли-

---

1) Разсужденіе о большихъ военныхъ дѣйствіяхъ въ 1812 г., русск. переводъ. Спб. 1833 г., стр. 217.

2) Mémoires, Paris, 1831, т. III, стр. 279 и слѣд.

3) Histoire de Napoléon et de la grande armée, т. II, стр. 133.

зясь къ мѣсту сраженія, онъ съ неудовольствіемъ сказалъ Кроссару, что, вмѣсто передоваго дѣла (une affaire de poste), какъ предполагалъ, онъ видитъ, что его генералы завязали генеральное сраженіе, разумѣя не упорныя свалки въ улицахъ маленькаго городка, но на позиціи, только что занимаемой войсками и не изслѣдованной, если бы непріятель прорвался чрезъ городъ. Онъ рѣшился однако же принять на ней сраженіе; выслушавъ соображенія Кроссара и повѣривъ ихъ собственнымъ обозрѣніемъ, немедленно велѣлъ строить полевыя укрѣпленія. Но принять на такой позиціи сраженіе могло вынудить только то обстоятельство, если бы наши войска не удержались въ Малоярославцѣ; поэтому, желая устранить его, онъ двинулъ на бой корпусъ Бороздина и послалъ Коновницына, сказавъ ему:

— „Ты знаешь, какъ я тебя берегу и всегда прошу не бросаться въ огонь: но теперь прошу тебя очистить городъ“ [1]).

Высокія боевыя качества генерала Коновницына понималъ, конечно, фельдмаршалъ; ихъ знала вся армія и цѣнила по достоинству, не исключая и тѣхъ, которые напрашивались въ его враги очень усердно, но безуспѣшно, встрѣтивъ препону въ столь же высокихъ его нравственныхъ качествахъ. Порученіе, данное кн. Кутузовымъ Коновницыну, показываетъ какое онъ придавалъ значеніе тому, чтобы преградить непріятелю путь за предѣлы города. Къ ночи затихъ бой, непріятель былъ отодвинутъ къ сторонѣ города, подходившей къ р. Лужѣ. Кн. Кутузовъ пріѣхалъ къ приготовленному ему бивуаку и ходилъ молча взадъ и впередъ подъ открытымъ небомъ, въ осеннюю ночь, лунную и теплую, какъ будто весною, освѣщенный заревомъ горѣвшаго Малоярославца. Онъ приказалъ позвать къ себѣ полковника Кроссара, и лишь только онъ явился, фельдмаршалъ поручилъ ему найти сзади новую и болѣе удобную позицію для сраженія. Умный и опытный офицеръ главнаго штаба сразу понялъ весь смыслъ этого приказанія. Позиція, которую онъ самъ совѣтовалъ укрѣплять, предполагая возможнымъ принять на ней рѣшительное сраженіе, по мнѣнію кн. Кутузова, оказывалась негодною. Онъ принялъ бы на ней сраженіе въ виду особыхъ обстоятельствъ, т. е. если бы непріятель, прорвавшись черезъ Малоярославецъ, вынудилъ его къ сраженію; но устранивъ эти обстоятельства, онъ не могъ не подумать о перемѣнѣ позиціи; удерживать ея не слѣдовало, потому что она была слишкомъ узка: конницѣ, которою такъ была сильна армія кн. Кутузова, не было простора для дѣйствій. Впереди, менѣе чѣмъ въ верстѣ, находились обгорѣлыя развалины города, котораго улицы были завалены убитыми и ранеными, а

[1]) Михайловскій-Данилевскій, Собр. сочиненій, т. V. стр. 196.

за нимъ крутые скаты берега Лужи, противоположная сторона которой была во власти непріятеля. Въ тылу, менѣе чѣмъ на версту, находился глубокій оврагъ передъ селомъ Нямцевымъ, въ которомъ протекалъ ручей Корижа, впадающій въ Лужу,—оврагъ, трудный для перехода по крутизнѣ скатовъ и по узкой и длинной плотинѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ идетъ чрезъ него большая дорога въ Калугу. „Размышляя о занятой позиціи,—говоритъ баронъ Кроссаръ,—фельдмаршалъ замѣтилъ, что, прилегая къ лѣсамъ, она представляла слишкомъ мало пространства, чтобы дѣйствовать его силами и что особенно конница была бы стѣснена въ движеніяхъ. Князь Кутузовъ расчитывалъ на конницу, которая какъ числомъ, такъ и достоинствомъ, превосходила непріятельскую, совершенно истощенную. Сверхъ того, онъ понималъ, что какъ ни трудно было бы непріятелю взять эту позицію, однако же возможно. Чтобы скорѣе овладѣть дорогою въ Калугу, онъ, по всей вѣроятности, сосредоточилъ бы нападенія на лѣвую сторону, а она-то и была слаба“ [1]). Не всѣ однако же такъ скоро поняли, какъ баронъ Кроссаръ, значеніе распоряженій Кутузова. Тѣ, которые постоянно требовали наступательныхъ дѣйствій, не были ими довольны. Генералъ-квартирмейстеръ Толь, явившись къ фельдмаршалу, съ свойственнымъ ему жаромъ и откровенностію, къ которой давало ему право особенное къ нему расположеніе кн. Кутузова, сталъ отказываться писать диспозиціи объ отступленіи войскъ на новое мѣсто. Толь говорилъ, что, по его мнѣнію, диспозиція можетъ состоять только въ томъ, чтобы идти впередъ, прогнать непріятеля за Лужу и потомъ преслѣдовать. Кн. Кутузовъ спокойно выслушивалъ горячія рѣчи своего любимца, который былъ тоже ему преданъ, хладнокровно опровергалъ его доводы, какъ вошелъ генералъ Бенигсенъ.

— „Желаю вамъ успѣха, фельдмаршалъ, для довершенія дѣла, начатаго подъ Эйлау“,—сказалъ онъ.

Кн. Кутузовъ, конечно, понявшій смыслъ привѣтствія, полнаго насмѣшки и самохвальства, не обратилъ на это вниманія, но воспользовался, чтобы прекратить споръ съ Толемъ. Обратясь къ нему съ улыбкою, онъ сказалъ:

— „Видите, опытный генералъ говоритъ, что завтра нападетъ на меня непріятель, а вы хотите, чтобы я дѣйствовалъ какъ заносчивый гусаръ. Нѣтъ, нѣтъ,—я долженъ приготовиться чтобы встрѣтить непріятеля“,—и, положивъ руку на плечо Толя, прибавилъ: „поди, милый, и напиши то, что я тебѣ говорилъ“.

Болѣе всѣхъ суетился сэръ Робертъ Вильсонъ. Онъ не стѣснялся

[1]) B. Crossard, Mémoires, т. V, стр. 53 и слѣд.

постоянно давать совѣты фельдмаршалу и упорно настаивать на своихъ мнѣніяхъ. Онъ считалъ опаснымъ переводить значительное войско черезъ Нямцевскій оврагъ, ночью, по единственной и довольно длинной плотинѣ на большой дорогѣ, предполагалъ, что неминуемо послѣдуютъ безпорядки и замѣшательства, чѣмъ можетъ воспользоваться непріятель. Его нападеніе въ это время причинило бы великія бѣдствія русскимъ войскамъ и, во всякомъ случаѣ, погибъ бы ея аріергардъ. Долго защищая принятое имъ рѣшеніе, фельдмаршалъ наконецъ былъ выведенъ изъ терпѣнія назойливымъ англичаниномъ.

— „Ваши соображенія меня не убѣждаютъ,—сказалъ онъ. Я лучше желаю построить золотой мостъ, pont d'or, какъ вы называете, моему непріятелю, нежели поставить себя въ такое положеніе, чтобы получить coup de collier. Сверхъ того, я опять повторяю то, что уже нѣсколько разъ вамъ говорилъ, что я вовсе не убѣжденъ, будетъ ли великимъ благодѣяніемъ для вселенной совершенное уничтоженіе Наполеона и его войска. Наслѣдство послѣ него не попадетъ въ руки Россіи или какой нибудь иной изъ континентальныхъ державъ, но достанется той державѣ, которая уже завладѣла морями, и тогда ея владычество будетъ невыносимо".

Намъ, русскимъ, нельзя не благодарить англичанина, сохранившаго на память потомству приведенныя слова кн. Кутузова [1]). Въ то время, когда иностранцы, враги Наполеона, окружавшіе русскаго государя въ это время, обращали все вниманіе на Англію и желали, чтобы она руководила дѣлами континентальной Европы [2]), онъ одинъ выразилъ совершенно вѣрный взглядъ на политику Великобританіи.

Въ ту же ночь, кн. Кутузовъ, озабочиваясь о дорогѣ на Медынь, приказалъ сильному отряду, подъ начальствомъ полковника Иловайскаго, слѣдовать къ этому городу и занять его; а генералу Платову съ 20-ю казачьими и однимъ егерскимъ полками, переправясь черезъ Лужу выше Малоярославца, стараться напасть на правое крыло непріятеля и открыть настоящее направленіе его дальнѣйшихъ движеній [3]). Утомленный трудами и заботами этого великаго дня, рѣшившаго судьбы России и Наполеона, кн. Кутузовъ, „исполнивъ долгъ главнокомандующаго, подъ шумомъ еще гремѣвшаго боя, почти подъ ядрами, спокойно заснулъ на буркѣ, подъ открытымъ небомъ. Я видѣлъ его",—говоритъ одинъ изъ очевидцевъ-свидѣтелей, пріѣхавъ къ нему отъ Милорадовича за приказаніемъ, вмѣстѣ съ другими, почтительно ожи-

[1]) Narrative of evonts during the invasion of Russia by Napoleon Bonaparte, London 1860, 2-е изд., стр. 234.

[2]) Письма барона Штейна, Pertz, das Leben des Freih. v. Stein, т. III, стр.210.

[3]) Журналъ воен. дѣйствій ген. Толя.

давшими его пробужденія. „Ему шелъ тяжкій 70-й годъ (68-й). Сдѣлавъ главное свое дѣло, онъ смѣло могъ положиться на своихъ сотрудниковъ. Эта сцена осталась у меня въ свѣжей памяти,—никѣмъ не описанная“ [1]).

Иного рода зрѣлище, въ сравненіи съ бивуакомъ и ставкою подъ открытымъ небомъ кн. Кутузова, представляла въ тоже время курная изба въ деревнѣ Городнѣ, на 10-й верстѣ по дорогѣ отъ Малоярославца къ Боровску. Въ ней занялъ квартиру императоръ Наполеонъ, прибывъ вечеромъ послѣ сраженія подъ Малоярославцемъ. Онъ позвалъ къ себѣ Бертье, Мюрата и Бессіера. Посадивъ ихъ вокругъ стола, на которомъ была разложена карта Россіи, онъ говорилъ:

— „Прибытіе кн. Кутузова измѣнило положеніе дѣлъ; непріятель принимаетъ боевое положеніе, мы нападемъ на него, сраженіе неизбѣжно. Должны ли мы дать сраженіе при настоящемъ положеніи дѣлъ? Наша главная цѣль заключается не въ томъ, чтобы занять Калугу, но достигнуть Смоленска. Намъ слѣдовало прежде всего обезпечить себѣ путь и мы этого достигли. Дорога на Вязьму намъ открыта. Конечно, измѣняя направленіе въ движеніяхъ войскъ, можно открыть менѣе истощенную дорогу; но это—второстепенная выгода. Можно ли пріобрѣсть ее цѣною сраженія“?

Говоря безъ перерыва, онъ, казалось, по мѣткому замѣчанію Фена, выражалъ свои мысли вслухъ, а не предлагалъ вопросы для совѣщаній. Дѣйствительно, онъ вдругъ прервалъ рѣчь, схватываясь руками за голову, оперся локтями на столъ, устремилъ взглядъ на карту и оставался въ неподвижномъ положеніи. Его собесѣдники съ удивленіемъ переглянулись между собою, молчаливо ожидая, что̀ послѣдуетъ. Но болѣе часа прошло въ ожиданіи, какъ вдругъ Наполеонъ всталъ и отпустилъ ихъ по квартирамъ, не выразивъ своего рѣшенія и не выслушавъ ихъ мнѣній [2]). Но вслѣдъ за тѣмъ, въ ту же ночь, онъ отдалъ приказанія: Даву поручилъ составлять авангардъ, предваряя, что на другой день утромъ (13-го октября) онъ приблизится къ нему со всею гвардіею; Нею, который съ двумя дивизіями находился въ с. Ѳоминскомъ,—придвинуться на дорогу между Боровскомъ и Малоярославцемъ, оставивъ въ Боровскѣ дивизію Клапереда для охраны парковъ и обозовъ. Маршалу Виктору онъ поручилъ начальнику своего штаба написать, тайнописью, что, оставаясь безъ извѣстій отъ него, онъ не знаетъ положенія дѣлъ. Но если обстоятельства не вы-

---

[1]) Записки гр. П. Хр. Граббе, «Русск. Архивъ» 1873 г., № 3, стр. 0417.

[2]) Fain, Manuscrit, т. II, стр. 247 и слѣд.; M. Chambray, Histoire de l'expedition, т. II, стр. 334.

нудили его на какое либо движеніе, то чтобы онъ съ дивизіею Жерара и бригадою легкой кавалеріи шелъ немедленно на Ельну и оттуда занялъ бы дорогу на Калугу, чтобы встрѣтить армію и соединиться съ ней [1]). Эти распоряженія и составляютъ послѣдствія долгой думы, въ которую онъ былъ погруженъ въ присутствіи своихъ маршаловъ. Онъ самъ такъ поставилъ вопросъ, что, кажется, не сомнѣвался въ ихъ отвѣтѣ, но съ нимъ не могла примириться его гордость. Поэтому, не выслушавъ мнѣній ни одного изъ нихъ, онъ сдѣлалъ немедленно послѣ ихъ ухода такія распоряженія, которыя явно выражали намѣреніе—дать сраженіе на другой день.

Въ ночь съ 12-го на 13-е октября въ главныхъ квартирахъ обѣихъ воюющихъ сторонъ приняты были важныя рѣшенія: Наполеонъ силою хотѣлъ прорваться въ Калугу и въ этомъ смыслѣ сдѣлалъ распоряженія; кн. Кутузовъ рѣшился преградить ему путь и переводилъ войска за Нямцевскій оврагъ, чтобы съ этою цѣлію занять новую, болѣе выгодную позицію. Тотъ же ярый противникъ этой мѣры, сэръ Робертъ Вильсонъ, свидѣтельствуетъ, что въ то время, какъ начался переходъ нашихъ войскъ черезъ Нямцевскій оврагъ „къ счастію и непонятно почему, замолкли непріятельскіе выстрѣлы и ихъ войска не выступали изъ города. Время длилось, аріергарда не тревожили, двѣ гранаты, пущенныя непріятелемъ, только возбудили осторожность, такъ что Уваровъ (котораго онъ обрекалъ на гибель и увѣряетъ, что и онъ раздѣлялъ его мнѣніе) спокойно перешелъ на новую позицію. Непонятное бездѣйствіе со стороны непріятеля и, дѣйствительно, покровительство Провидѣнія, благопріятствовали спасенію русскихъ войскъ“ [2]), говоритъ онъ, никакъ не подозрѣвая ничтожества своихъ военныхъ соображеній. То, чего онъ не понималъ, было очень ясно. Опытный военачальникъ, очевидно, не предпринялъ бы подобнаго перевода значительныхъ войскъ въ виду сильнаго непріятеля. Но войска были двинуты ночью, и приходили на разсвѣтѣ на новую позицію, когда главныя силы непріятеля отступили за Лужу. По мѣрѣ отступленія войскъ за Нямцевскій оврагъ, ихъ мѣсто постепенно занималъ авангардъ Милорадовича, совершенно достаточный для того, чтобы встрѣтить и отразить частное и случайное нападеніе.

Озабоченный дѣйствительно затруднительнымъ передвиженіемъ войскъ на новую позицію, кн. Кутузовъ, въ эту же ночь, далъ предписаніе Платову немедленно произвесть поискъ на лѣвый берегъ Лу-

---

[1]) M. Chambray, Histoire de l'expedition, т. II, стр. 335 и прилож. къ т. III; приказы, отданные Наполеономъ въ Ѳоминскомъ и Боровскѣ, 23-го и 24-го октября н. с.

[2]) Sir Robert Wilson's narrative, стр. 234—235.

жи, чтобы получить болѣе вѣрныя свѣдѣнія о положеніи непріятеля, и донесъ государю о бывшемъ сраженіи; онъ писалъ:

— „Завтра, полагаю, должно быть генеральное сраженіе, безъ котораго я ни подъ какимъ видомъ Наполеона въ Калугу не пущу" [1]. Хотя кн. Кутузовъ не имѣлъ прямыхъ извѣстій объ оставленіи непріятелемъ Москвы, однакоже всѣ обстоятельства убѣждали его въ этомъ. Потому въ тоже время онъ увѣдомилъ гр. Витгенштейна и Чичагова отношеніями одинаковаго содержанія. Послѣднему онъ писалъ: „Непріятель, кажется, совсѣмъ оставилъ Москву и, съ намѣреніемъ отступить изобильными нашими провинціями, потянулся со всѣми силами по новой Калужской дорогѣ къ Боровску. При всѣхъ хитрыхъ и свойственныхъ ему движеніяхъ, намѣреніе его было предупреждено, и 11-го и на 12-е число въ ночи ген. Дохтуровъ съ корпусомъ приблизился къ Малоярославцу, нашелъ часть непріятельскихъ войскъ въ немъ и въ 5 часовъ утра завязалось дѣло, которое въ послѣдствіи, съ приближеніемъ всѣхъ нашихъ войскъ, сдѣлалось довольно значущимъ сраженіемъ и продолжалось по одиннадцатый часъ ночи. Предметъ сраженія былъ городъ, который восемь разъ занимаемъ нами и столько же уступаемъ былъ сильному стремленію непріятеля; при послѣднемъ ударѣ нашихъ стрѣлковъ, онъ остался за нами. Завтра, я полагаю, должно быть генеральному сраженію, безъ коего въ Калугу я ни подъ какимъ видомъ его не допущу" [2].

На другой день (13-го октября), въ два часа по полуночи, Наполеонъ послалъ своего ординарца узнать о положеніи нашихъ войскъ, а на разсвѣтѣ самъ отправился къ Малоярославцу; кромѣ свиты, его сопровождали три взвода конницы. Проѣхавъ нѣсколько верстъ, они внезапно поражены были шумомъ свалки и окружены казаками. Эти казаки принадлежали къ тѣмъ тремъ значительнымъ отрядамъ, которые Платовъ отправилъ для поиска на лѣвый берегъ Лужи. Въ 4 часа переправившись черезъ рѣку, они направились къ большой дорогѣ; прикрываемые лѣсомъ, подошли близко къ ней и, наблюдая бивачные огни непріятеля, находившіеся на другой сторонѣ дороги, замѣтили, что по ней двигается отъ Боровска къ Малоярославцу непріятельская артиллерія. Казаки немедленно напали и захватили до 40 орудій; но завидѣвъ обозъ, бросились его грабить и одна изъ партій напала на взводы конницы, сопровождавшіе Наполеона. Партія была незначительна и скоро отражена; но онъ подвергался крайней опасности. Казакамъ удалось забрать и привесть только 11 орудій и

---

[1]) Донесеніе отъ 13-го октября.

[2]) Отношеніе Чичагову и такое же Витгенштейну отъ 13-го октября.

одно знамя; но за то въ обозѣ имъ досталось нѣсколько боченковъ золота [1]). Наполеонъ не продолжалъ пути въ Малоярославецъ и возвратился въ Городню. Хотя онъ показывалъ видъ, что не придаетъ значенія этому происшествію, посмѣялся даже надъ ген. Раппомъ [2]), котораго въ свалкѣ сшибли съ лошади и порядочно помяли, но едва ли оно не произвело на него, такъ дорожившаго своей особой, весьма сильнаго впечатлѣнія. Попасть на пику или на арканъ казака, конечно, ему и на мысль никогда не приходило до этого происшествія, котораго послѣдствія и оказались немедленно. Между тѣмъ казаки показывались повсюду. Въ тоже время ген. Кутейниковъ сдѣлалъ набѣгъ у Боровска и отбилъ обозъ съ церковнымъ серебромъ и бумагами. „Эта конница, въ сущности неопасная,—писалъ Наполеонъ маршалу Жюно на другой день послѣ происшествія,—однако же очень утомляетъ" [3]). Въ 10 часовъ утра императоръ Наполеонъ вновь поѣхалъ къ Малоярославцу и до 5-ти часовъ по полудни осматривалъ поле сраженія и позицію, занятую войсками кн. Кутузова за Нямцевскимъ оврагомъ, куда утромъ благополучно, не смотря на зловѣщія предсказанія сэра Роберта Вильсона, перешелъ и авангардъ Милорадовича,—и послѣ осмотра, продолжавшагося слишкомъ шесть часовъ, возвратился въ Городню. Цѣлый день прошелъ въ бездѣйствіи, совершенно несогласно съ его предписаніями движеній войскъ, которыя онъ далъ наканунѣ. Мнѣніе маршаловъ, по крайней мѣрѣ большинства, было ему извѣстно; не смотря на то, онъ снова собралъ ихъ въ своей избѣ и на этотъ разъ, предложивъ вопросъ, выслушалъ ихъ соображенія. Кромѣ заносчиваго Мюрата, никто не совѣтовалъ давать сраженія. Маршалъ Бессіеръ находилъ позицію кн. Кутузова неприступною; съ нимъ соглашался и князь Евгеній. Если бы даже удалось выиграть сраженіе,—говорили они,—то невозможно было бы воспользоваться побѣдою при недостаткѣ конницы. Притомъ, потеря въ людяхъ была бы значительна и еще болѣе ослабила бы войска. Множество раненыхъ, если не бросить ихъ на произволъ судьбы, потребовали значительныхъ перевозочныхъ средствъ и стѣснили бы движенія войскъ. Всѣ были согласны, что, не теряя времени, слѣдуетъ отступать; но по какому пути? Маршалъ Даву предлагалъ всетаки идти на Калугу, но черезъ Медынь и Юхновъ.

---

[1]) Журналъ воен. дѣйствій кн. Кутузова, «Сѣверная Почта» 1812 г., № 86, приложеніе.

[2]) Rapp, Mémoires, стр. 226.

[3]) Приказъ, отд. въ Боровскѣ, 16-го октября н. ст. М. Шамбре, Expedition, de Russie, т. III, прилож. стр., 444.

— „А вы что скажете, Мутонъ?“ спросилъ Наполеонъ, взявъ его за ухо.

— „Я полагаю,—отвѣчалъ рѣшительно графъ Лобау,—что слѣдуетъ немедленно отступать за Нѣманъ и притомъ по самой краткой дорогѣ, чтобы скорѣе оставить страну, гдѣ и такъ слишкомъ пробыли долго“.

Императоръ Наполеонъ не объявилъ своего рѣшенія и на другой день (14-го октября), утромъ, поѣхалъ снова къ Малоярославцу съ гвардіею и двумя корпусами конницы. Что же значило это грозное движеніе?

Едва ли возможно сомнѣваться въ томъ, что императоръ Наполеонъ не желалъ вступить въ битву со всею русскою арміею. Его войска ожидали сраженія и готовились къ нему на другой день послѣ битвы въ Малоярославцѣ. Между тѣмъ цѣлый день прошелъ въ бездѣйствіи и на слѣдующій не было сдѣлано имъ никакихъ распоряженій. Онъ велъ съ собою войска для того только, чтобы не подвергнуться снова опасности отъ наѣзда казаковъ, а цѣль движенія состояла въ томъ, чтобы удостовѣриться—сохраняютъ ли наши войска ту грозную позицію, которую наканунѣ онъ тщательно изучилъ. Въ этомъ могли, кажется, его убѣдить извѣстія, которыя, по его же распоряженію, часто привозили его ординарцы. Въ послѣдствіи, заднимъ числомъ, французскіе писатели придумали, что будто бы во время этого движенія императоръ Наполеонъ получилъ извѣстія объ отступленіи кн. Кутузова. Конечно, какъ и въ большей части случаевъ, поводъ къ тому подалъ самъ Наполеонъ тѣми ложными свѣдѣніями, которыя онъ въ этотъ же день поручилъ своему начальнику штаба сообщить маршалу Жюно, „что, отразивъ нашу армію отъ Малоярославца, онъ шелъ напасть на нее въ занятой ею позиціи за этимъ городомъ; но она отступила. Маршалъ Даву ее преслѣдуетъ; но морозы и нужда избавиться отъ множества раненыхъ послужили поводамъ къ тому, что императоръ рѣшился идти на Можайскъ и оттуда на Вязьму“ [1]).

Но утромъ 14-го октября наши войска оставались на занятой ими позиціи и только въ ночь начали отступленіе къ Дѣчину, послѣ того уже, когда императоръ Наполеонъ отдалъ приказаніе къ отступленію на Можайскъ и самъ находился въ Боровскѣ [2]).

Едва ли также возможно сомнѣваться и въ томъ, что онъ хотѣлъ избѣжать отступленія по истощенной дорогѣ отъ Можайска къ Смоленску и что предложеніе маршала Даву идти на Медынь и Юхновъ

---

[1]) Приказъ, дан. въ Боровскѣ 26-го окт. н. ст. Шамбре, т. III, прил., стр. 446

[2]) Воен. журналъ ген. Толя.

въ Калугу соотвѣтствовало и его желаніямъ. Но онъ получилъ въ это время извѣстіе, что корпусъ Понятовскаго, которому онъ предписалъ сдѣлать движеніе изъ Вереи по дорогѣ къ Медыни, встрѣтилъ русскія войска; его авангардъ былъ разбитъ, потерялъ пять пушекъ и много плѣнныхъ. Такого извѣстія достаточно было для того, чтобы убѣдить императора Наполеона [1]), что кн. Кутузовъ принялъ мѣры для охраны этой дороги и если бы онъ двинулся по ней, то, конечно, встрѣтилъ бы всю его армію подъ Медынью, какъ встрѣтилъ ее подъ Малоярославцемъ. Потому, не доѣхавъ даже до возвышенности, съ которой онъ наблюдалъ за битвою въ Малоярославцѣ, за которою уже начинается луговой берегъ Лужи, онъ остановился, и на бивуакѣ сдѣлалъ всѣ распоряженія объ отступленіи войскъ на Можайскъ. Въ порядкѣ движенія войскъ самымъ важнымъ было то, что онъ самъ вмѣстѣ съ гвардіею долженъ былъ идти въ авангардѣ.

Предоставивъ попеченіе о войскахъ своимъ маршаламъ, онъ отступалъ не какъ главнокомандующій, а какъ императоръ, и притомъ такого качества, который былъ готовъ всѣмъ пожертвовать для личной безопасности. „Съ этого времени онъ думалъ только о Парижѣ,—говоритъ гр. Сегюръ,—точно также какъ, выѣзжая изъ Парижа, онъ только и думалъ о Москвѣ“ [2]). Въ тотъ же день онъ провелъ ночь въ Боровскѣ, а на другой (15/27), по пути въ Верею, получилъ увѣдомленіе отъ маршала Мортье, что онъ, совершивъ злобный подвигъ разрушенія Кремля, оставилъ Москву, идетъ на соединеніе съ нимъ и ведетъ со собою двухъ русскихъ плѣнныхъ.

Вечеромъ въ тотъ же день, какъ были взяты въ плѣнъ баронъ Винценгероде и Нарышкинъ, корпусъ Мортье выступилъ изъ Кремля. Ихъ посадили въ карету, окруженную жандармами, которая должна была ѣхать посреди колонны молодой гвардіи. Но истощенныя лошади съ трудомъ тащили карету; ихъ заставили идти пѣшкомъ.

„Нѣтъ нужды,—писалъ Нарышкинъ,—говорить о томъ тяжеломъ чувствѣ, которое испытывало мое чисто русское сердце, проходя Москву, съ которой соединялось столько историческихъ славныхъ воспоминаній. Сходя съ лѣстницы, которая когда-то была обрызгана кровью одного изъ моихъ предковъ за его преданность престолу, я увидалъ ее, загрязненную присутствіемъ непріятеля, покрытую кусками лошадинаго мяса и на нижнихъ ступеняхъ валялись цѣлые конскіе трупы. Ужасная ночь, которой я никогда не забуду“. Корпусъ Мортье утратилъ также дисциплину, какъ и всѣ другія войска.

---

[1]) Тьеръ, Hist. de l'empire, книга XXVII.
[2]) Hist. de Napoléon et de la grande armée, т. II, стр. 143.

Кромѣ нѣсколькихъ полковъ молодой гвардіи, онъ состоялъ изъ разнородныхъ частей, испанцевъ, португальцевъ и нѣмцевъ и спѣшенной кавалеріи и представлялъ нестройную толпу, подвигавшуюся въ безпорядкѣ, которую надо было безпрерывно останавливать, чтобы привесть въ какой нибудь порядокъ. „Во время одной изъ такихъ остановокъ,—говоритъ Нарышкинъ,—мы услышали выстрѣлъ изъ пушки, который былъ условленнымъ знакомъ, чтобы подорвать Кремль. Дѣйствительно, вскорѣ за нимъ послѣдовали взрывы". Нѣкоторые изъ французскихъ офицеровъ оказывали особенное вниманіе нашимъ плѣннымъ, которыхъ имена сохранила ихъ благодарная память. На пятый день они достигли Вереи, гдѣ должны были присоединиться къ великой арміи. „Когда мы прошли городъ,—продолжаетъ Нарышкинъ,—къ намъ подъѣхалъ адъютантъ, велѣлъ спѣшиться двумъ жандармамъ и лошадей ихъ предложилъ намъ, говоря, что насъ требуетъ императоръ. Мы исполнили приказаніе. Наполеонъ обозрѣвалъ окрестности Вереи, разспрашивая одного несчастнаго проводника, котораго нашли въ городѣ. Когда мы подъѣхали, онъ обернулъ къ намъ голову и продолжалъ обозрѣніе. Наконецъ онъ сошелъ съ лошади и за нимъ вся свита: Бертье, Мюратъ, Коленкуръ, Лористонъ, Раппъ и другіе, и стали въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, также какъ и эскадронъ, который ихъ сопровождалъ. Насъ заставили слѣзть съ лошадей и съ жандармами повели къ Наполеону. Тогда началась ужасная встрѣча, какой не помнятъ старые французскіе офицеры, чтобы кому либо дѣлалъ Наполеонъ". Подобныя дерзкія выходки часто случались съ Наполеономъ, способнымъ раздражаться и не умѣвшимъ умѣрять раздраженіе, а въ это время, сознавая гибельное положеніе, онъ былъ раздраженъ еще болѣе.

—„Вы служите русскому императору?" спросилъ онъ барона Винценгероде. На утвердительный отвѣтъ, онъ запальчиво спросилъ: „а кто вамъ позволилъ?" и, не дожидаясь отвѣта, продолжалъ: „негодяй! я встрѣчаю васъ повсюду, зачѣмъ вы пріѣзжали въ Москву? подсматривать какъ шпіонъ"?—Нѣтъ, государь,—отвѣчалъ Винценгероде,—я вѣрилъ чести вашихъ войскъ.—„А что вамъ за дѣло до моихъ войскъ? негодяй, посмотрите въ какомъ положеніи Москва! 50 такихъ негодяевъ (misérables), какъ вы, привели ее въ такое положеніе. Вы побудили императора Александра воевать со мною вмѣстѣ съ Австріею. Это сказалъ мнѣ Коленкуръ. Вы устроили истребленіе моихъ солдатъ по дорогамъ. О, ваша судьба рѣшена. Жандармы, возьмите его, разстрѣляйте и избавьте меня отъ него! Со мной не равенъ бой. Черезъ шесть недѣль я буду въ Петербургѣ. Разстрѣлять его сейчасъ"... „Эти ужасныя ругательства,—замѣчаетъ Нарышкинъ,—выражавшія бѣшенство

человѣка, понятно, поразили Винценгероде; но онъ соблюдалъ спокойствіе и, казалось, постепенно возвышался надъ тѣмъ, кто осыпалъ его ими". Силу этого спокойствія почувствовало чуткое самолюбіе Наполеона: „Или,—продолжалъ онъ,—отдать его подъ судъ. Если вы саксонецъ или баварецъ, то вы мой подданный, я вамъ государь,—тогда его разстрѣлять; если же онъ не мой подданный,—то это иное дѣло".

На угрозу разстрѣлять Винценгероде спокойно отвѣчалъ:

— „Я 25 лѣтъ ожидаю, что французская пуля поразитъ меня, я рѣшился на это. Моя жена и дѣти находятся въ безопасности. Императоръ Александръ не оставитъ ихъ". Повторивъ, что его непремѣнно велитъ разстрѣлять, если онъ окажется саксонцемъ или баварцемъ, Наполеонъ обратился къ Нарышкину:

— „Вы—Нарышкинъ, сынъ оберъ-камергера. Что касается до васъ, то вы храбрый офицеръ, вы исполняете свой долгъ; но зачѣмъ вы служите при такихъ негодяяхъ? Вы должны служить съ русскими" и далъ знакъ, чтобы ихъ увели.

Винценгероде былъ подвергнутъ допросу. Раппъ, Нарбоннъ, Бертье, одинъ за другимъ его допрашивали. Но какъ онъ былъ пруссакъ и, слѣдовательно, не принадлежалъ къ Рейнскому союзу, то, конечно, допросъ долженъ бы немедленно окончиться; но домогались узнать не его ли партія поймала какого-то курьера съ важными депешами. Нарышкина разлучили съ Винценгероде и, чтобы болѣе выказать различія между ними, императоръ Наполеонъ пригласилъ его къ своему столу. Потомъ обоихъ отправили въ Мецъ, въ качествѣ военноплѣнныхъ [1]).

Въ станѣ кн. Кутузова не знали, конечно, какой опасности подвергался Наполеонъ отъ наѣзда казаковъ и не могли принимать въ расчетъ этого обстоятельства при соображеніяхъ о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ. Но самая простая и естественная мысль, на которой останавливалось вниманіе, была та, что императоръ Наполеонъ употребитъ всѣ способы, чтобы избѣгнуть отступленія по дорогѣ отъ Можайска къ Смоленску, уже въ силу того правила военной науки, которое онъ самъ провозглашалъ, что не слѣдуетъ дѣлать того, чего желаетъ непріятель. Бездѣйствіе такого быстраго на рѣшенія противника, какъ Наполеонъ, въ продолженіе цѣлыхъ сутокъ, давало поводъ предполагать, что, удерживая свой авангардъ передъ нашими

[1]) Рукоп. записка Нарышкина въ письмѣ къ Данилевскому. Сравн. Fain, Manuscrit, т. II, стр. 257; Rapp, Mémoires, стр. 228 и слѣд.; Dennié, Itineraire, стр. 118; Segur, Hist. de Nap. et la grande armée, т. II, стр. 153 и слѣд.

войсками, расположенными на высотахъ за Нямцевскимъ оврагомъ, онъ прикрываетъ только иной путь отступленія. Какой же иной могъ быть путь, какъ не на Медынь и Юхновъ къ Ельнѣ или Мстиславлю? Донесеніе полковника Иловайскаго о нанесенномъ имъ пораженіи авангарду корпуса Понятовскаго близь Медыни подкрѣпило предположеніе фельдмаршала [1]), точно также какъ и записка Бертье къ Сансону, заключавшая порученіе развѣдать дороги чрезъ Малоярославецъ и Медынь къ Вязьмѣ, захваченная въ обозѣ, отбитомъ г. Кутейниковымъ [2]). Октября 14-го онъ „положилъ со всею арміею перейти боковымъ маршемъ на дорогу, ведущую изъ Медыни въ Калугу. Ночью съ 14-го на 15-е октября вся армія двинулась по новой Калужской дорогѣ и, сдѣлавъ большой привалъ при деревнѣ Дѣчинѣ, продолжала двумя колоннами движеніе и на разсвѣтѣ остановилась при Полотняныхъ заводахъ“ [3]). Во время остановки при Дѣчинѣ, кн. Кутузовъ предписалъ дивизіи генерала Паскевича, усиливъ ее драгунскимъ полкомъ и батарейною и конною артиллеріею. Въ предписаніи ему фельдмаршалъ объяснилъ цѣль его движенія: „Предметъ назначенія вашего заключается въ томъ, чтобы имѣть сію дорогу во власти нашей и воспрепятствовать покушеніямъ непріятеля, который былъ бы въ равныхъ силахъ съ вами и имѣющаго намѣреніе по сей дорогѣ идти въ Калугу, для чего давайте, какъ можно чаще, извѣстія о непріятелѣ. Если силы Наполеона оставятъ Калужскую дорогу, въ такомъ случаѣ наша армія перейдетъ къ Полотнянымъ заводамъ“ [4]). Едва двинулся въ походъ генералъ Паскевичъ, какъ черезъ нѣсколько часовъ фельдмаршалъ получилъ донесеніе Милорадовича, который писалъ, что непріятель отступилъ отъ Малоярославца къ Боровску, и что онъ занялъ городъ, пославъ отрядъ для наблюденія за его движеніями. Вмѣстѣ съ этимъ донесеніемъ кн. Кутузовъ получилъ слѣдующую записку отъ Ермолова: „Его свѣтлости имѣю честь донести, что оба корпуса, въ авангардѣ находящіеся, теперь при самомъ городѣ на сей сторонѣ рѣки. Непріятеля преслѣдуютъ четыре кавалерійскіе полка, четыре орудія и всѣ казачьи полки авангарда. Теперь, если смѣю предложить мое мнѣніе, то обоимъ корпусамъ пѣхоты тотчасъ идти въ Медынь, при нихъ одному корпусу кавалеріи, всѣмъ по большой почтовой дорогѣ, хотя гораздо бы лучше идти нѣсколько лежащею внутри дорогою. При

[1]) Донесеніе Иловайскаго изъ Медыни отъ 13-го октября.

[2]) Подлинная въ Учен. архивѣ главн. штаба; донесеніе кн. Кутузова императору 16-го сентября, отъ Полотняныхъ заводовъ.

[3]) Военный журналъ ген. Толя.

[4]) Приказъ Паскевичу отъ 14-го октября, Дѣчино.

Малоярославцѣ оставить одну бригаду пѣхоты, дабы какая нибудь партія, желая присоединиться, не могла показаться около города. Бригада сія будетъ составлять аріергардъ обоихъ корпусовъ. Арміи, думаю, тотчасъ идти къ Медынн, 26-й дивизіи (ген. Паскевича) подвинуться тотчасъ къ самому городу и ему приказать казачьимъ изъ Медыни полкамъ открыть связь съ двумя идущими корпусами. Арміи слѣдовать поспѣшнѣе. Генерала Платова войска не примѣтили отступленія войскъ непріятельскихъ и недавно еще присылали спросить генерала Милорадовича. Генер. Платову, именемъ вашей свѣтлости, пошлю я сію минуту бумагу, чтобы, умноживъ число полковъ въ Медыни, съ бо̀льшею частію своихъ войскъ шелъ за непріятелемъ и наблюдалъ его, между тѣмъ, и по дорогѣ отъ Вереи къ Медыни. Медынь для непріятеля тоже, что и Малоярославецъ,—пункты, прикрывающіе флаговое отступленіе. Пожалуйте повелѣніе, корпуса ожидаютъ, чтобы идти въ Медынь. Прошу покорнѣйше объ ускореніи, буде сіе согласно съ волею вашей свѣтлости“. Соображенія Ермолова совпадали съ принятыми уже рѣшеніями кн. Кутузова и оправдывались другими извѣстіями, полученными въ тотъ же день.

Калужскій губернаторъ Каверинъ сообщилъ фельдмаршалу донесеніе кордоннаго начальника маіора Лопатина изъ Медыни, который ему писалъ, что 12-го октября, въ 3 часа пополудни, онъ получилъ извѣстіе, что непріятель въ большомъ количествѣ по дорогѣ отъ Вереи вступилъ въ Медынскій уѣздъ къ селу Егорьевскому, гдѣ для прикрытія этой дороги находился казачій отрядъ капитана Александрина. Въ 7-мъ часу онъ извѣстилъ казачьяго полковника Быхалова, находившагося въ Медыни, что непріятель прошелъ это село и село Кременское и находится уже не далѣе, какъ въ семи верстахъ отъ города. Быхаловъ объявилъ всѣмъ жителямъ Медыни, что онъ болѣе удерживать непріятеля не можетъ и чтобы всѣ изъ города выѣзжали и спасались [1]).

Вмѣстѣ съ извѣстіемъ объ отступленіи непріятеля къ Боровску, въ главную квартиру приходили донесенія отъ передовыхъ отрядовъ, — „что непріятель идетъ разными путями, тянется отъ Боровска, тянется отъ Вереи на Медынь, откуда неизвѣстно еще куда сіи части примутъ движеніе“ [2]). Генер. Платовъ доносилъ, что непріятельскій обозъ изъ 4,000 повозокъ идетъ по дорогѣ изъ Вереи на Медынь; но полагалъ, что этотъ „обозъ и прикрытіе примутъ направо къ

---

[1]) Донесенія Лопатина изъ Медыни, 12-го октября, пополудни въ 10-мъ часу, и Каверина изъ Калуги, 13-го октября 1812 г.

[2]) Донесенія графа Орлова-Денисова и Кайсарова отъ 14-го октября.

сторонѣ Гжатска"[1]). Партизанъ кн. Кудашевъ доносилъ, что партія, отправленная имъ къ Боровску, замѣтила, что почти вся непріятельская армія „тянется вправо отъ себя къ Медыни"[2]). Вслѣдъ за тѣмъ, Паскевичъ, увѣдомляя, что прошелъ Медынь и стоитъ въ 4-хъ верстахъ впереди города, сообщилъ слѣдующее извѣстіе: „непріятель въ Егорьевскомъ. Отъ плѣннаго, взятаго казаками, узнали, что передъ нами Понятовскій съ двумя польскими дивизіями и тремя французскими полками. Онъ также говоритъ, что слухъ носится, что они хотятъ идти черезъ Медынь въ Калугу"[3]).

Изъ Боровска непріятель могъ отступать какъ на Можайскъ, такъ и на Медынь. Всѣ извѣстія указывали на послѣднее направленіе. Намѣреваясь преградить ему и это направленіе и вынудить къ отступленію на Можайскъ и оттуда къ Смоленску, фельдмаршалъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія. 17 приказовъ написано было въ кратковременную стоянку въ Дѣчинѣ. Милорадовичу предписано было съ авангардомъ идти на Медынскую дорогу къ деревнѣ Улановской, оставивъ передъ Малоярославцемъ одну бригаду пѣхоты и три казачьихъ полка, съ полуротой конной артиллеріи, подъ начальствомъ генерала Карпова. Сообщая объ этомъ предписаніи Ермолову, кн. Кутузовъ извѣщалъ его, что „вся армія немедленно переходитъ на Медынскую дорогу къ Полотнянымъ заводамъ", но въ это время онъ получилъ слѣдующее отъ него увѣдомленіе: „Его свѣтлости имѣю честь донести, что хотя предлагалъ я движеніе двухъ корпусовъ пѣхоты прямо отъ Малоярославца на Медынь, но послѣднія полученныя извѣстія, что непріятель отъ Малоярославца выходитъ въ 25-ти верстахъ на дорогу, къ Медыни идущую, заставляютъ изъ предосторожности взять внутреннюю дорогу, отойдя по Калужской дорогѣ семь верстъ, и потомъ фланговымъ маршемъ на Медынскую дорогу въ село Адамовское. Излишняя дорога, нерѣшительность нѣкоторое время въ опредѣленіи пути войскамъ авангарда произошли отъ генерала Платова, не дававшаго о непріятелѣ свѣдѣнія и не усмотрѣвшаго которымъ путемъ онъ отступилъ. Дабы не потерять времени и быть къ Адамовскому, то уже, не ожидая повелѣній вашей свѣтлости, корпуса выступаютъ. Арміи нужна скорость. Генерала Паскевича подвинуть впередъ Адамовскаго. Генералу Платову именемъ вашимъ приказалъ идти Медынскою большою дорогою, чѣмъ онъ прикроетъ движеніе авангарда"[4]).

По распоряженію князя Кутузова, летучій корпусъ генерала Пла-

[1]) Донесеніе отъ 15-го октября изъ деревни Зайцево.

[2]) Донесеніе отъ 15-го октября изъ-подъ Малоярославца.

[3]) Донесеніе Паскевича отъ 16-го октября, въ часъ пополуночи.

[4]) 3 часа по полудни, безъ числа, но помѣта полученія: 15-го октября.

това оставленъ былъ между Малоярославцемъ и Боровскомъ съ „непремѣннымъ повелѣніемъ открыть настоящее направленіе, которое возьметъ непріятельская армія. Съ этою же цѣлію предписано дѣйствовать партизанамъ кн. Кудашеву, Фигнеру и Сеславину, находившимся на флангахъ и въ тылу непріятельской арміи" [1]).

Ложныя движенія непріятеля къ Медыни для того, чтобы скрыть дѣйствительное отступленіе къ Можайску, совершенно удались. Въ нашей главной квартирѣ были увѣрены, что онъ пытается открыть путь на Медынь, и болѣе всѣхъ—Ермоловъ. Получивъ его депеши, фельдмаршалъ писалъ генералу Платову: „Будучи извѣщенъ въ 6 часовъ сего утра объ отступленіи непріятеля, я сдѣлалъ сообразныя тому движенія и армія, дѣлая маршъ, лѣвымъ флангомъ переходитъ къ Полотнянымъ заводамъ. Я весьма сожалѣю, что казаки ваши теперь только васъ о томъ извѣстили, тѣмъ болѣе, что отрядъ вашъ дѣйствуетъ въ тылу непріятельскомъ и имъ гораздо удобнѣе заблаговременно усматривать движенія непріятельскія" [2]).

Бѣгство жителей Боровска, Малоярославца и Медыни, которые, спасая жизнь и имущество, стекались въ Калугу, мѣры предосторожности, принятыя гражданскими и военными начальниками, взволновали городъ. Октября 11-го, узнавъ, что непріятель подошелъ къ Малоярославцу, жители Калуги „всѣ до единаго перебрались на правый берегъ Оки, на которой наведены были два моста и приготовлены лодки и суда. Начальствующіе заботились о переправѣ за рѣку хлѣбныхъ запасовъ и военныхъ снарядовъ. 600 человѣкъ работали день и ночь. Были приготовлены уже горючія вещества, чтобы сжечь оставшееся еще значительное количество запасовъ. Раненыхъ и больныхъ отправили въ Бѣлевъ и Одоевъ. Весь день жители, отъ старцевъ и до грудныхъ младенцевъ, разложивъ огни, по причинѣ наступившаго холода, на возвышенныхъ берегахъ Оки, стояли толпами вокругъ костровъ, не зная, что̀ послѣдуетъ съ ихъ городомъ и ожидали послѣдняго удара", говоритъ свидѣтель-современникъ [3]). Водворилось нѣкоторое спокойствіе, когда узнали объ исходѣ сраженія при Малоярославцѣ; но приближеніе нашихъ войскъ къ Калугѣ возбудило тревогу. Хотя, по порученію кн. Кутузова, дежурный генералъ Коновницынъ, увѣдомляя сенатора Каверина объ отступленіи непріятеля отъ Малоярославца, и писалъ, „что Калуга совершенно

---

[1]) Военный журналъ генерала Толя.

[2]) Отношеніе кн. Кутузова отъ 15-го октября. Дѣчино.

[3]) Зельницкаго: Описаніе происшествій 1812 г. въ Калужской губ. М. 1815 г., стр. 94—95.

обезпечена" [1]); но тѣмъ не менѣе, узнавъ о тревогѣ калужанъ, самъ главнокомандующій черезъ два дня послѣ того написалъ градскому головѣ слѣдующее письмо:

„Именемъ моимъ, поручаю вамъ успокоить купеческое и мѣщанское сословія, которыя, какъ я слышалъ, пустыми слухами приведены въ волненіе и опасность. Увѣрьте ихъ, что я ищу дать врагу сраженіе, но никакъ не ретирую́сь, и что цѣль моя не въ томъ состоитъ, чтобъ выгнать непріятеля изъ предѣловъ нашихъ, но чтобъ, призвавъ въ помощь Всемогущаго Бога, изрыть имъ могилы въ нѣдрахъ Россіи. Уповайте на Бога, молите его о поддержаніи силъ и храбрости нашего воинства; исполняйте ваши обязанности и будьте покойны. Вы есте и будете защищены: въ томъ удостовѣряетъ васъ всегда доброжелательный и усердный Кн. Гол. Кутузовъ" [2]).

Но перейдя къ Полотнянымъ заводамъ, кн. Кутузовъ достигалъ и другой, болѣе отдаленной, но тѣмъ не менѣе важной цѣли по стратегическимъ соображеніямъ. „Каждый усмотрѣть можетъ,—пишетъ въ своемъ дневникѣ генералъ Толь,—что въ семъ положеніи россійская армія находилась на кратчайшемъ пути черезъ Юхновъ къ Вязьмѣ и потому могла удобно отрѣзать непріятелю отступленіе къ сему городу". Изъ Полотняныхъ заводовъ кн. Кутузовъ доносилъ императору (16-го октября), что „13-го числа непріятель остался на лѣвомъ берегу Лужи, а армія наша заняла высоты праваго берега сей рѣки. Между тѣмъ легкія наши войска, простиравшіяся до дороги, ведущей къ Медыни, по которой непріятель могъ еще пробраться къ Калугѣ, стали единогласно увѣдомлять, что корпуса его стремятся по сей дорогѣ. Сіе тѣмъ вѣроятнѣе сдѣлалось, что на оной были уже сраженія между нашими легкими войсками и непріятельскими отрядами.

„Очевидно было и то, что непріятельское намѣреніе клонилось къ тому, чтобы всѣми способами обойти насъ въ Калугѣ, и потому армія, оставя сильный авангардъ, подъ командою генерала Милорадовича, 14-го числа пошла къ селу Дѣчину. Сего числа непріятель цѣлый день оставался въ виду нашего авангарда безъ всякаго дѣйствія. Въ ночи съ 14-го на 15-е непріятель отступилъ къ Боровску. Легкія наши войска настигли его на 6-й верстѣ отъ Малоярославца и провожали до самаго Боровска. Дошедшія извѣстія о движеніи непріятеля отъ Вереи до Боровска къ Медыни побудили меня заранѣе отрядить 26-ю дивизію на Медынскую дорогу, а съ арміею сдѣлать фланговое движеніе на сію дорогу, и потому отъ села Дѣчина выступила

---

[1]) Отношеніе отъ 14-го октября, изъ Дѣчина.

[2]) Письмо отъ 16-го октября, изъ Полотняныхъ заводовъ.

она въ ночи съ 15-го на 16-е число и перешла къ Полотнянымъ заводамъ; авангардъ-же, оставя бригаду пѣхоты съ тремя казачьими полками въ Малоярославцѣ, перешелъ къ Медыни, куда и генералъ-маіоръ Паскевичъ съ 26-ю дивизіею отъ Полотняныхъ заводовъ двинулся къ нему-же на соединеніе. Войсковой атаманъ Платовъ, исключая всѣхъ отдѣльныхъ партій, съ 15-ю полками наблюдаетъ по близости движенія непріятельскія, имѣя сильныя партіи къ сторонѣ Вереи.

„Сейчасъ полученными извѣстіями подтверждается, что непріятель находится около Вереи и Боровска, что больныхъ и обозы свои отправляетъ назадъ по Смоленской дорогѣ. Изъ сего хотя и заключить должно, что непріятель, не успѣвъ въ своемъ предпріятіи на Калугу, возьметъ направленіе чрезъ Можайскъ на Смоленскъ, но, не взирая на то, остаюсь я еще на нѣкоторое время на Медынской дорогѣ. А чтобы совершенно затруднить отступный его маршъ, усилены партизаны, съ сей стороны дѣйствующіе, да сверхъ сихъ назначается летучій корпусъ, состоящій изъ новоприбывшихъ полтавскихъ казаковъ, перемѣшанныхъ съ донскими казаками, съ двумя полками пѣхоты, подъ командою генералъ-адъютанта Ожаровскаго, для дѣйствія прямо на Смоленскъ". Въ концѣ этого донесенія кн. Кутузовъ собственной рукою приписалъ: „Москва конечно отъ непріятеля оставлена, но никто еще изъ моихъ посланныхъ не возвратился, а потому еще и не доношу офиціально" [1]).

Фельдмаршалъ долженъ былъ остаться на нѣкоторое время въ Полотняныхъ заводахъ послѣдующей весьма важной причинѣ при соображеніяхъ о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ нашихъ войскъ противъ отступавшаго непріятеля. „Главная армія,—записалъ въ своемъ дневникѣ ген. Толь,—имѣла дневку 15-го и 16-го чиселъ, дабы присоединить къ себѣ артиллерійскіе парки и провіантскія фуры, отдѣлившіеся отъ нея при Тарутинѣ въ то время, когда она предприняла боковой маршъ къ Малоярославцу".

Въ продолженіи этихъ трехъ дней, когда все вниманіе русскаго военачальника сосредоточивалось на томъ, чтобы пресѣчь Наполеону путь на Медынь и оттуда на Калугу или Юхновъ, какъ пресѣкъ ему путь черезъ Малоярославецъ, цѣль Наполеона заключалась въ томъ, чтобы отступать какъ можно скорѣе на Можайскъ. Къ ея достиженію клонились всѣ его распоряженія и ложными движеніями отдѣльныхъ отрядовъ на Медынь онъ только прикрывалъ дѣйствительный путь отступленія его войскъ. Отъ своихъ боевыхъ сотрудниковъ онъ не могъ ея скрывать болѣе; но желалъ скрыть отъ Европы. Онъ хотѣлъ

[1]) Донесеніе 16-го октября, отъ Полотняныхъ заводовъ.

убѣдить, что его отступленіе не вынуждено непріятелемъ, а добровольное, что онъ намѣревался напасть на армію кн. Кутузова, но она отступила и маршалъ Даву ее преслѣдуетъ, что онъ побѣдоносно идетъ для сближенія съ своими флангами, чтобы занять зимнія квартиры.

Но таково ли было состояніе его войскъ, чтобы онъ могъ думать о новыхъ битвахъ?

Что касается до ихъ числа, то оно было достаточно для того, чтобы силою проложить себѣ дорогу; но могъ ли рѣшиться на это императоръ Наполеонъ, понимая качества своихъ войскъ въ это время? Они утратили дисциплину еще въ Москвѣ и много стоило заботъ ему и его маршаламъ, чтобы сколько нибудь водворить ее снова, въ нѣкоторыхъ частяхъ войскъ. Желаніе сохранить добычу и съ нею возвратиться на родину могло возбудить мужество и храбрость этихъ войскъ, что и показала битва при Малоярославцѣ. Еслибъ она окончилась совершенною побѣдою и Наполеону удалось бы открыть путь на Калугу, то, можетъ быть, она продолжилась бы и далѣе, но— не надолго. Не могъ же такой полководецъ, какъ Наполеонъ, какъ нѣкоторые изъ тѣхъ, о нихъ же рѣчь будетъ впереди, полагать, что, въ продолженіе мѣсяца устраивая и увеличивая свои войска въ Тарутинскомъ лагерѣ, встрѣтивъ и отразивъ его при Малоярославцѣ, опытный нашъ военачальникъ немедленно открылъ бы ему путь на Калугу и отступилъ бы за Оку! Утративъ дисциплину, французскія войска не представляли уже надежной боевой силы, которая могла бы выдержать упорную борьбу. Но довѣріе къ своему непобѣдимому вождю, который, по мнѣнію не только солдатъ, но и большинства высшихъ чиновъ, способенъ побѣдоносно вывесть ихъ изъ всякаго затруднительнаго положенія,—поддерживали духъ и вселяли нѣкоторую бодрость. Это настроеніе продолжалось до тѣхъ поръ, пока они думали, что идутъ впередъ, съ оружіемъ въ рукахъ, пролагая себѣ путь въ отечество, чрезъ богатыя, неопустошенныя мѣстности и сохраняя награбленную ими добычу. Но поворотъ отъ Малоярославца, чрезъ Боровскъ и Верею, на Можайскъ, на опустошенную дорогу къ Смоленску былъ вѣрно почувствованъ смышленными французскими солдатами. „Это отступленіе уронило духъ солдатъ, безпокойство постоянно возрастало, тѣмъ болѣе, что небо перестало намъ благопріятствовать. Мелкій и холодный дождь, начавшійся съ 14-го (26-го) послѣ полудня, такъ испортилъ дороги, что лошади падали отъ изнеможенія и уже оказывались отсталые“,—говоритъ баронъ Денье [1]) и его показаніе подтверждали другіе очевидцы и участники въ походѣ.

[1]) Itinéraire de Napoléon, стр. 114; М. Шамбре, Histoire de l'expedition, т. II, стр. 341.

„Солдаты шли съ опущенными глазами, какъ бы отъ стыда и униженія“ [1]). Дороги конечно испортились отъ часто перепадавшихъ дождей; но по такимъ же дорогамъ слѣдовали и русскія войска и не считали бѣдствіемъ этого обстоятельства; холода еще не начинались. Участники въ событіяхъ говорятъ, что „во все время отступленія, погода была превосходная (superbe) и только, когда приближались къ Смоленску, начались морозы съ 25-го окт.“ [2]). Когда войска, двигаясь къ Можайску, проходили Верею „этотъ день (15-го окт.),—говоритъ М. Шамбре,—былъ замѣчателенъ тѣмъ, что начались холода. Ночью термометръ упалъ до 4-хъ градусовъ ниже точки замерзанія. Мы вступали, такъ сказать, въ область зимы. Впрочемъ, погода была очень хороша, солнце еще сохраняло силу, чувствовали себя бодрѣе, пока находились въ движеніи; но ночи были жестоки“ [3]). Но если войскамъ Наполеона и трудно было переносить и незначительные морозы, то во всякомъ случаѣ—отъ того безпорядка, который господствовалъ въ великой арміи. Дѣйствительная зима началась по свидѣтельству самихъ же французовъ, участниковъ въ событіяхъ, только двѣ недѣли (25-го—26-го окт.) спустя послѣ сраженія въ Малоярославцѣ. Морозы, хотя и легкіе, скрѣпили однакоже почву, улучшили дороги и потому должны были оказать большую помощь скорѣйшему отступленію. Но это обстоятельство, весьма важное для всякаго устроеннаго и правильно отступавшаго войска, не оказало никакой пользы для великой арміи. Кромѣ того, что въ ней была утрачена дисциплина, что она была поражена уныніемъ, она не имѣла конницы, необходимой соразмѣрно ея количеству, для того чтобы считаться боевою силою, достаточною для противодѣйствія русской арміи, располагавшей значительнымъ количествомъ конницы регулярной и особенно казаковъ. Притомъ лошади въ великой арміи не были подкованы на шипы. Хотя послѣ оставленія Москвы и движенія до Малоярославца находили подножный кормъ, но, истощенныя послѣ долгой стоянки въ Москвѣ и въ авангардѣ при Чернишнѣ, лошади не могли поправиться. Число конницы едва достигало до 15 тыс., да и та не могла отправлять съ успѣхомъ дѣятельной службы. Маршалъ Даву послѣ трехъ переходовъ конницы Груши, присоединенной къ аріергарду и охранявшей его тылъ, долженъ былъ, по ея неспособности къ движеніямъ, удалить впередъ своего корпуса. Многочисленную артиллерію, которую никакъ не хотѣлъ убавить Наполеонъ, не смотря на представленія

---

[1]) C-te Segur, Histoire de Napoléon, et de la grande armée, т. II, стр. 143.
[2]) M-me Fusil, L'incendie de Moscou et retraite de Napoléon, стр. 24.
[3]) Histoire de l'expedition, т. II, стр. 354.

маршаловъ, едва тащили измученныя лошади. Чтобы поспѣвать за движеніями войскъ, надобно прибавлять или перемѣнять лошадей. „Во время перехода отъ Боровска къ Вереѣ,—говоритъ одинъ изъ участниковъ въ отступленіи,—императоръ два раза останавливался на дорогѣ и смотрѣлъ проходившіе въ большомъ безпорядкѣ обозы. Онъ могъ убѣдиться, что у насъ много было безполезныхъ экипажей" [1]). Онъ могъ убѣдиться въ этомъ и въ первый день по выходѣ изъ Москвы, когда самъ едва могъ пробираться между обозами, въ нѣсколько рядовъ тянувшимися по широкой Калужской дорогѣ. Но принудить войска бросить хотя бы часть награбленной ими въ Москвѣ добычи или продовольствія, добытаго ими самими, онъ не рѣшался, чтобъ не возбудить войска къ прямому неповиновенію. Ограничившись приказаніемъ маршалу Даву жечь излишніе экипажи, онъ отправился въ авангардъ и не обращалъ никакого вниманія на то положеніе, въ какомъ находились войска, шедшія за его главною квартирою, окруженною гвардіею. Въ отношеніи къ продовольствію его войска находились въ изобиліи и скудости въ одно и тоже время. Авангардъ Мюрата нуждался въ продовольствіи съ первыхъ дней отступленія. „Войска, отступая, жгли все на своемъ пути. Каждый вечеръ мы видѣли со всѣхъ сторонъ зарева пожаровъ. Не было никакихъ средствъ, кромѣ тѣхъ, которыми запаслись въ Москвѣ; но мы, которые принадлежали къ авангарду и стояли у Винкова [2]), откуда мы могли ихъ добыть, чтобы не умирать съ голоду?... Эгоизмъ началъ овладѣвать всѣми. Каждый тщательно скрывалъ продовольствіе, которое удавалось ему достать. Не было товарищества, не было довѣрія. Уныніе изображалось на всѣхъ лицахъ". Когда войска авангарда (9-го окт.) сошлись съ молодою и старою гвардіею, вышедшею изъ Москвы, они были поражены какъ ея внѣшнимъ видомъ, такъ и богатствомъ добычи и продовольствіемъ, которымъ она была снабжена. „Гордо и красиво, бодро и здорово, двигалась она въ сомкнутыхъ колоннахъ,—говоритъ очевидецъ,—хорошо одѣтая и снабженная достаточнымъ продовольствіемъ. У каждаго было по три — четыре бѣлыхъ хлѣба и по фляжкѣ вина. За ними слѣдовали такіе обозы, какихъ не видывали съ тѣхъ поръ какъ ведутся войны". Это было въ то время, когда, по обѣщанію своего непобѣдимаго вождя, гвардія думала побѣдоносно открыть себѣ путь въ неопустошенныя войною области Россіи чрезъ Калугу. „Между нами,—продолжаетъ тотъ же очевидецъ,—возвращавшимися изъ несчастнаго лагеря, послѣ пораженія, было много такихъ,

---

[1]) Gl. Paixhans, Retraite de Moscou, стр. 36.
[2]) Mémoires du colonel Combe, стр. 142.

которые завидывали своимъ богатымъ собратьямъ по оружію. Грустно было смотрѣть, когда кто нибудь изъ нашихъ, чрезвычайно нуждавшихся, людей обращался къ нимъ съ просьбою удѣлить хлѣба и вина или даже продать за деньги, какъ они жестокосердно и грубо обходились съ ними" [1]). Недостатокъ въ продовольствіи ощущался даже и въ войскахъ, вышедшихъ изъ Москвы; въ нѣкоторыхъ частяхъ, заготовленное ими продовольствіе „было распредѣлено не равномѣрно, какъ вообще военная добыча грабежомъ. У одного полка былъ скотъ и не было хлѣба, у другаго была мука и не было мяса. Даже въ одномъ и томъ же полку замѣчалась такая неравномѣрность. Нѣкоторыя роты умирали съ голоду, тогда какъ другія находились въ изобиліи. Начальники приказывали дѣлиться, но эгоизмъ употреблялъ всѣ способы, чтобы обмануть ихъ дѣятельность и избавиться отъ ихъ власти. Впрочемъ, чтобы сохранить продовольствіе, слѣдовало сохранять лошадей для перевозки его, а отъ недостатка корма онѣ падали въ значительномъ количествѣ ежедневно. Солдаты, удалявшіеся отъ дороги, чтобы найти фуражъ и продовольствіе, попадались въ руки казаковъ. Дорога была покрыта взорванными зарядными ящиками, пушками и оставленными повозками, которыхъ не могли тащить изнуренныя лошади".

„Съ первыхъ дней это отступленіе походило на бѣгство" [2]), говоритъ одинъ изъ самыхъ добросовѣстныхъ очевидцевъ-свидѣтелей, герцогъ Фезанзакъ. Въ безпорядочномъ войскѣ, утратившемъ дисциплину, не могло и быть правильнаго и равномѣрнаго распредѣленія продовольствія, тѣмъ болѣе, что самыя распоряженія Наполеона способствовали къ тому. Конечно, онъ не могъ обобрать все продовольствіе, добытое солдатами грабежомъ, и расходовать его равномѣрно; но и тѣ запасы, которые приготовлены были имъ въ Москвѣ, въ особыхъ магазинахъ, были розданы войскамъ при ея оставленіи несвоевременно и неравномѣрно. Онъ берегъ ихъ въ складахъ на случай отступленія; но вызванный къ внезапному отступленію послѣ извѣстія о Тарутинскомъ сраженіи, онъ велѣлъ раздавать ихъ въ то время, когда уже былъ объявленъ походъ. Естественно, что при такихъ условіяхъ нѣкоторые изъ полковъ и ротъ получили значительное количество продовольствія, другіе менѣе, а нѣкоторые и ровно ничего. Когда началъ отступленіе корпусъ маршала Нея, по свидѣтельству того же очевидца, „Симоновъ монастырь былъ въ огнѣ: тамъ жгли запасы продовольствія, которыхъ не могли увезти съ собою,

---

[1]) Roos, Ein Jhar aus mein Leben, стр. 168—169, 172—173.

[2]) Duc de Fezansac, Souvenirs militaires, стр. 280—281.

и, по недостатку распоряженій, въ это время полковые начальники не были объ этомъ предварены. Оставалось довольно мѣста въ фургонахъ, а передъ нашими глазами горѣли запасы, которые, быть можетъ, спасли бы нашу жизнь“ [1]). Въ общей сложности, запасовъ продовольствія, вывезенныхъ великою арміею изъ Москвы, быть можетъ, и было бы достаточно на все время движенія до Смоленска, особенно принявъ въ соображеніе, что оттуда подходили транспорты съ продовольствіемъ на встрѣчу войскамъ и были, хотя и незначительные, запасы въ Колоцкомъ монастырѣ, Вязьмѣ и Дорогобужѣ. Но послѣдствіемъ ихъ безпорядочнаго распредѣленія и потребленія въ войскахъ, утратившихъ значеніе стройной боевой силы. и постоянно увеличивавшейся убыли перевозочныхъ средствъ, было то, что продовольствіе войскъ не могло быть обезпечено. Воинственный духъ, возбужденный въ войскахъ по выходѣ изъ Москвы и выразившійся въ упорномъ боѣ въ Малоярославцѣ, быстро падалъ. Участь раненыхъ способствовала этому упадку. Не смотря на всѣ заботы маршала Даву, бо̀льшая часть раненыхъ при Малоярославцѣ были брошены на произволъ судьбы. „Кто же захочетъ драться для спасенія другихъ въ ожиданіи собственной погибели, — говоритъ одинъ изъ участниковъ въ происшествіяхъ. Между тѣмъ, было много экипажей, но Наполеонъ, находясь въ авангардѣ, ничего не видалъ; офицеры, не желая разстаться съ награбленною добычею, не давали мѣста раненымъ; усталыя лошади тянули безполезныя орудія, а усталые солдаты въ отчаяніи ложились на дорогѣ, ожидая казаковъ“ [2]). Въ Колоцкомъ монастырѣ находилось еще нѣсколько тысячъ больныхъ и раненыхъ. Не смотря на распоряженія императора Наполеона, по недостатку перевозочныхъ средствъ, они не были отправлены въ Смоленскъ. Узнавъ объ этомъ по приближеніи 17-го окт. къ этому монастырю, онъ приказалъ на каждый проходившій экипажъ, начиная съ своихъ, размѣстить раненыхъ, при чемъ поручилъ переносить ихъ Виртембергской бригадѣ, состоявшей уже изъ 200 чел. „Человѣколюбіе, или самолюбіе, или желаніе уберечь своихъ опытныхъ солдатъ внушило ему эту мѣру?—говоритъ Шамбре, — я не знаю. Но ея послѣдствія были вредны для войскъ и гибельны для этихъ несчастныхъ, потому что не было средствъ для ихъ существованія и они не могли вынесть затрудненій и лишеній походной жизни. Надо было ожидать, что многіе изъ нихъ будутъ оставлены“. Такъ и случилось въ дѣйствительности: „ихъ оставили на попеченіе,— говоритъ другой свидѣтель происшествія,—

---

[1]) Тамъ же, стр. 277.
[2]) Alfr. Assolant, 1812, Campagne de Russie, стр. 213.

грубымъ кучерамъ, гордымъ камердинерамъ, невѣжественнымъ маркитантамъ и возгордившимся солдатскимъ женамъ, которые желали какъ можно скорѣе отъ нихъ избавиться", по неволѣ исполняя приказаніе, принявши ихъ какъ лишнюю кладь на свои обремененные добычею возы, которые едва тянули истощенныя клячи. „Во время ночлеговъ и даже на походѣ, когда этимъ несчастнымъ надо было выходить изъ экипажей, они ихъ бросали,—продолжаетъ тотъ же свидѣтель. На слѣдующее утро видѣли многихъ изъ нихъ: они лежали на дорогѣ и умоляли о помощи".

„Этотъ день (18-го октября) былъ весьма грустный,—говоритъ третій участникъ въ событіяхъ. Множество раненыхъ, которыхъ размѣстили по экипажамъ, были брошены. Одни лежали на землѣ, другіе оставались въ повозкахъ, изъ которыхъ выпряжены были лошади и унесена лучшая поклажа. Эти бѣдные и несчастные умоляли насъ, простирая руки о помощи. Раздирающимъ душу голосомъ они напоминали намъ, что они также французы, что ранены подлѣ насъ и просили не оставлять ихъ". Когда главная квартира Наполеона достигла Гжатска, и тамъ оказалось множество раненыхъ.

„Повсюду раненые, все раненые!—восклицаетъ четвертый участникъ въ событіяхъ,—и управленіе арміею не имѣетъ возможности оказать имъ помощь, не имѣя никакихъ перевозочныхъ средствъ. Воспользовались экипажами нѣкоторыхъ офицеровъ, но ихъ было недостаточно. Уныніе овладѣло уже многими и съ каждымъ днемъ уменьшало наши и такъ недостаточныя средства" [1]). При такомъ настроеніи войска, безпорядокъ усиливался съ каждымъ переходомъ. Спѣшенные кавалеристы, снабженные оружіемъ, которымъ не умѣли дѣйствовать, первые побросали ружья. Ихъ примѣръ подѣйствовалъ на другихъ и толпы безоружныхъ увеличивались постоянно и затрудняли движеніе войскъ [2]). Ничтожное препятствіе, встрѣченное на пути, ручей, въ которомъ прибыла вода, оврагъ или плотина, останавливали движеніе, скопляли толпы людей и многочисленные обозы, и производили безпорядокъ, выходившій изъ всякихъ предѣловъ возможности. Императоръ самъ испыталъ это при переходѣ черезъ Колочу, между Можайскомъ и Колоцкимъ монастыремъ. „Это не болѣе какъ незначительный ручей,—говоритъ гр. Сегюръ,—достаточно было двухъ бревенъ, столько же козелъ и нѣсколькихъ досокъ, чтобы устроить переправу. Но безпорядокъ и

---

[1]) B. Fain, Manuscrit, т. II, стр. 259; Paixhans, Retraite, стр. 38; Chambray, Hist. de l'expedition, т. II, стр. 356; C. Segur, Histoire de Napoléon et de la grande armée, т. 11, стр. 163—164; B. Peyrusse, Mémorial, стр. 114; Dennié, Itinéraire de Napoléon, стр. 121.

[2]) Roos, Ein Jahr aus mein Leben, стр. 181.

безпечность были таковы, что императоръ долженъ былъ остановиться. Потопили нѣсколько пушекъ, которыя хотѣли перевезти вбродъ. Казалось, каждый корпусъ шелъ какъ хотѣлъ и не существовало главнаго штаба. Никакого общаго распоряженія, никакой связи, которая бы соединяла всѣхъ въ одно цѣлое" [1]). Поле Бородинскаго сраженія, покрытое тысячами труповъ людей и лошадей, объѣденныхъ собаками и волками, надъ которыми носились тучи вороновъ, производило сильное впечатлѣніе на проходившія мимо него войска. Истребленіе огнемъ военныхъ запасовъ, находившихся въ Колоцкомъ монастырѣ, взрывы зарядныхъ ящиковъ въ присутствіи самого императора, конечно, не возбуждали бодрости солдатъ, а еще менѣе жестокія мѣры, принятыя въ отношеніи къ русскимъ плѣннымъ.

Упорно не признавая бѣдственнаго положенія, въ которомъ находилась великая армія, Наполеонъ, какъ бы въ побѣдоносномъ шествіи, велъ вслѣдъ за своею главною квартирою толпу русскихъ плѣнныхъ, простиравшуюся до 2,000 человѣкъ разнаго званія. „Много было купцовъ и крестьянъ; французы, ссылаясь на ихъ бороды, говорили мнѣ, что это казаки. Тутъ были и дворовые люди и даже лакеи въ ливреяхъ, которые, по мнѣнію провожавшихъ насъ, были также переодѣтыми солдатами",—говоритъ одинъ изъ плѣнныхъ. „На одномъ изъ переходовъ, идя рядомъ съ французскимъ офицеромъ,— продолжаетъ онъ,— въ нѣсколькихъ шагахъ за нами раздался ружейный выстрѣлъ, на который я не обратилъ вниманія, полагая, что причиною тому неосторожность какого нибудь конвойнаго солдата. Вслѣдъ за выстрѣломъ, подошелъ къ офицеру унтеръ-офицеръ, донесъ, что пристрѣлилъ одного изъ плѣнныхъ, и возвратился на свое мѣсто. Я не вѣрилъ ушамъ своимъ и просилъ офицера объяснить мнѣ слышанное мною.

— Я имѣю письменное повелѣніе,—сказалъ онъ мнѣ съ вѣжливостью,—пристрѣливать плѣнныхъ, которые, по усталости или другой причинѣ, отстали отъ хвоста колонны болѣе 50 шаговъ. На это дано конвойнымъ предписаніе однажды навсегда. Что же касается до офицеровъ,—прибавилъ онъ,—какъ число ихъ не слишкомъ значительно, то велѣно мнѣ, ихъ пристрѣливши, хоронить.

Послѣднія слова, кажется, были имъ сказаны изъ какой-то странной учтивости и нѣкоторымъ образомъ лично мнѣ въ утѣшеніе. Я отвѣчалъ ему, что, судя о товарищахъ моихъ по себѣ, я не думаю, чтобы кто нибудь сталъ настаивать на исполненіи той части его обя-

---

[1]) C. Segur, Hist. de Napoléon et de la grande armée, т. II, стр. 158—159.

занности, которая относилась до похоронъ, и объявилъ ему отъ имени всѣхъ, что мы избавляемъ его отъ сего лишняго труда".

На вопросъ нашего плѣннаго, чтò могло быть причиною такого жестокаго повелѣнія и какъ можно требовать отъ голодныхъ людей, чтобы они шли не отставая одинъ отъ другаго? офицеръ отвѣчалъ: „эта мѣра принята для того, чтобы отставшіе плѣнные, отдохнувъ, не стали тревожить насъ". Баденскимъ гренадерамъ, оберегавшимъ императорскій обозъ и кухню до самой Березины, приказано было и сопровождать плѣнныхъ и они усердно исполняли жестокій приказъ. При дальнѣйшемъ движеніи усталыхъ и голодныхъ плѣнныхъ, чаще и чаще раздавались выстрѣлы. „Иногда,—продолжаетъ В. А. Перовскій,—мы слышали ихъ до 15-ти и болѣе. Конвой перемѣнялся почти черезъ день; но образъ обхожденія съ нами былъ всегда одинаковъ. Смѣняющійся офицеръ давалъ нужныя на то наставленія своему преемнику и мы не замѣчали даже смѣны нашихъ спутниковъ... Несчастный плѣнный, чувствуя, что силы его покидаютъ, отставалъ понемногу, прощаясь съ товарищами; всѣ проходили мимо его, одинъ конвойный солдатъ оставался при немъ, пристрѣливалъ его и потомъ догонялъ колонну, заряжая ружье. Мнѣ случилось разъ видѣть стараго солдата, упавшаго на дорогѣ отъ усталости. Оставшійся конвойный, чтобы пристрѣлить его, три раза прикладывалъ дуло своего ружья къ его головѣ, три раза спускалъ курокъ, ружье осѣкалось. Наконецъ онъ ушелъ и прислалъ другаго, у котораго ружье было исправнѣе. Иногда плѣнные, предчувствуя свою участь, завидя вдали на дорогѣ церковь, старались дотащиться до ней, становились по нѣскольку рядомъ у дверей на паперти, молились и ихъ застрѣливали" [1]). Баденцы разсказывали потомъ, что жестокій приказъ былъ данъ самимъ императоромъ и что многіе изъ его штаба не одобряли его [2]). Кто же иной и могъ дать такой приказъ въ присутствіи самого императора Наполеона при войскахъ? но исполнители однакоже отличались неменьшею жестокостью и безчеловѣчіемъ. Иначе относились къ такимъ поступкамъ французскія войска.

„Мы были поражены,—говоритъ одинъ изъ участниковъ въ походѣ,—въ продолженіи пути ужаснымъ зрѣлищемъ—пристрѣливаніемъ тѣхъ русскихъ плѣнныхъ, которые не могли слѣдовать съ другими. Когда несчастный падалъ отъ изнеможенія, ему прострѣливали голову и бросали между трупами, которыми давно покрыта была вся дорога

---

[1]) Записки гр. В. А. Перовскаго, «Русс. Архивъ» 1865 г., изд. 2-е, стр. 1050 и слѣд.

[2]) Roos, Ein Jhar aus mein. Leben, стр. 187.

отъ Смоленска къ Москвѣ“ [1]). Описывая дорогу, покрытую взорванными остатками зарядныхъ ящиковъ, оставленными повозками, пушками, палыми лошадьми, другой участникъ въ событіяхъ, полковой командиръ въ корпусѣ маршала Нея, упоминая о поджогахъ селъ и деревень, говоритъ: „зрѣлище такого разрушенія не было такъ ужасно, какъ иное, бывшее передъ нашими глазами. Передъ нами шла колонна русскихъ плѣнныхъ, охраняемая войсками Рейнскаго союза. Имъ едва давали по куску конской кожи на пропитаніе и солдаты убивали каждаго, который не могъ идти. Мы находили на дорогѣ ихъ трупы съ простреленными головами. Я долженъ отдать справедливость солдатамъ моего полка, которые были возмущены подобными дѣйствіями. Впрочемъ, они понимали, какому жестокому мщенію при видѣ этого варварства могутъ подвергнуться тѣ изъ нихъ, которые попадутъ въ руки непріятелю“ [2]). Въ свитѣ Наполеона многіе возставали противъ такой жестокой и безполезной мѣры; но въ его присутствіи никто не смѣлъ выразить своего мнѣнія. Только Коленкуръ громко говорилъ:

— „Какая ужасная жестокость! вотъ просвѣщеніе, которое мы вносимъ въ Россію! какое впечатлѣніе это произведетъ на непріятеля? не оставляемъ-ли мы въ его рукахъ множество раненыхъ и плѣнныхъ? Не имѣетъ-ли онъ возможность воздать намъ ужаснымъ мщеніемъ?“ [3]).

Наполеонъ, по свидѣтельству гр. Сегюра, хранилъ мрачное молчаніе; но потомъ, будто бы, прекратились подобныя дѣйствія.

Войскамъ аріергарда, утромъ 14-го октября, попался въ плѣнъ русскій субалтернъ-офицеръ. Снимая съ него допросъ, маршалъ Даву узналъ, что наши войска направляются на Медынь къ Вязьмѣ, т. е. по той дорогѣ, которую онъ предлагалъ Наполеону для отступленія. Съ донесеніемъ объ этомъ допросѣ онъ отправилъ и самого офицера въ главную квартиру императора, которую встрѣтилъ у Можайска. Тамъ его подвергнулъ новому допросу самъ императоръ.

„Сначала онъ спрашивалъ его небрежно; но замѣтивъ, что плѣнный знаетъ дороги, названія мѣстностей, разстоянія, и узнавъ отъ него, что русскія войска идутъ на Медынь и Вязьму, онъ сосредоточилъ вниманіе. Не предполагаетъ-ли Кутузовъ его предупредить тамъ такъ же, какъ подъ Малоярославцемъ, отрѣзать ему отступленіе къ Смоленску, какъ отрѣзалъ отступленіе къ Калугѣ и отбро-

---

[1]) Paixhans, Retraite de Moscou, стр. 49.

[2]) Fezansac, Souvenirs militaires, стр. 281—282.

[3]) C. Segur, Hist. de Napoléon et de la grande armée, т. 11, стр. 165.

сить его въ пустыню, безъ продовольствія, безъ убѣжища, посреди всеобщаго возстанія? Но первымъ его движеніемъ было презрѣніе къ этому извѣстію" [1]). Онъ поручилъ однакоже князю Невшательскому написать маршалу Даву: „плѣнникъ, котораго вы прислали, не знаетъ о движеніи непріятеля, потому что онъ отдѣлился отъ него вечеромъ 13-го октября, а 14-го, въ 11 часовъ утра, былъ взятъ въ плѣнъ, т. е. три часа спустя послѣ того, какъ непріятельскіе аванпосты могли узнать о нашемъ отступленіи. Если непріятель идетъ на Смоленскъ, тѣмъ лучше; всѣ наши средства соединены и мы нападемъ на его тылъ съ арміею болѣе сильною, нежели какую могли противопоставить ему восемь дней тому назадъ. Но дурно, однакоже, что распространяются такіе слухи, что объ этомъ разсказываютъ адъютанты. Это даетъ арміи ложныя понятія о силахъ непріятеля. Вѣроятно, вашъ переводчикъ ошибся и не понялъ отвѣтовъ плѣнника. Безъ сомнѣнія, субалтернъ-офицеръ и не могъ имѣть объ этомъ свѣдѣній" [2]).

Русскій офицеръ, вечеромъ 13-го октября, когда нашъ главнокомандующій уже дѣлалъ распоряженія о движеніи на другой день войскъ, съ цѣлію отрѣзать непріятелю путь отступленія на Медынь, могъ знать объ этомъ; но если не зналъ, то выразилъ самое естественное при тогдашнихъ обстоятельствахъ соображеніе. Оно не могло не останавливать вниманіе и самого Наполеона, если только, по замѣчанію одного изъ его боевыхъ сотрудниковъ, „онъ не привыкъ не предполагать въ своихъ противникахъ той смѣтливости, которую онъ самъ бы выказалъ на ихъ мѣстѣ". [3]). Если онъ, по видимому, не придавалъ значенія этому извѣстію и даже выражалъ желанія, чтобы русскія войска направились къ Смоленску, то потому только, что не желалъ, чтобы это извѣстіе распространилось въ войскахъ. Достигнуть Смоленска и, затѣмъ, покойныхъ зимнихъ квартиръ, достаточно снабженныхъ продовольствіемъ, составляло единственное желаніе войскъ и нѣсколько поддерживало ихъ духъ. „Нельзя не удивляться,—говоритъ М. Шамбре,—что Наполеонъ выражаетъ желаніе, чтобы непріятель двинулся къ Смоленску и, слѣдовательно, предупредилъ бы его на этомъ пути. Конечно, онъ скрывалъ свои взгляды, но можно ли было выразить такую мысль въ письмѣ къ маршалу, тогда какъ во всей арміи не нашлось бы такого тупаго офицера, который могъ бы

---

[1]) Тамъ же, стр. 157.

[2]) Приказъ маршала Бертье изъ главной квартиры при Можайскѣ 17-го (29-го) октября, въ 2 ч. утра. Шамбре, т. II, стр. 477.

[3]) C. Segur, тамъ же, стр. 157.

раздѣлять это желаніе“ [1]). Но маршалы Наполеона должны были повиноваться ему, а не разсуждать. Распространяя это мнѣніе, онъ надѣялся поддержать въ войскахъ еще не утраченную ими вѣру въ его непобѣдимость и способность успѣшно выйти изъ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Чтоже касается до его собственнаго взгляда, то онъ выразился немедленно по полученіи этого извѣстія въ сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ. Они состояли въ томъ, чтобы ускорить отступленіе, которое съ этого времени и превратилось въ совершенное бѣгство.

Онъ опасался, напротивъ, что кн. Кутузовъ встрѣтитъ его подъ Вязьмою, куда онъ имѣлъ возможность придти прежде него. Въ виду этого обстоятельства, онъ ускорялъ отступленіе своихъ войскъ и тѣмъ усиливалъ еще болѣе ихъ разстройство. Маршалъ Даву, начальствуя надъ аріергардомъ, полагалъ, что, для обезпеченія отступленія всей арміи и не жертвуя своими войсками, онъ долженъ отражать постоянныя нападенія на него нашихъ передовыхъ войскъ, не дававшихъ ему покоя. Онъ былъ правъ съ точки зрѣнія военачальника, заботившагося не только о ввѣренныхъ его непосредственному начальству войскахъ, но и вообще о чести великой арміи. Но онъ ошибался въ томъ, что считалъ возможнымъ правильно отступать, тогда какъ обстоятельства побуждали бѣжать, не понималъ желаній императора Наполеона—спасти единственно самого себя при общемъ крушеніи, желаній, которыхъ онъ, конечно, никому не высказывалъ, но которыя обличаются его дѣйствіями. Но маршалъ Даву иначе понималъ свои обязанности. Въ Вязьмѣ на мѣсто Даву онъ назначилъ начальникомъ аріергарда маршала Нея. „Наши движенія казались ему слишкомъ медленными“,—говоритъ одинъ изъ участниковъ похода. Послѣ перваго перехода изъ Силѣева, Наполеонъ поручилъ начальнику штаба отдать слѣдующій приказъ: „напишите герцогу Ельхингельскому, что какъ только онъ приметъ начальство надъ аріергардомъ, то шелъ бы съ нимъ какъ можно скорѣе, потому что тратится время безъ движеній. Даву задерживаетъ вице-короля Италіянскаго и кн. Понятовскаго при каждомъ нападеніи казаковъ“ [2]). Не защита отъ нападеній непріятеля, но быстрое движеніе къ Смоленску составляло цѣль, къ которой направлены были распоряженія императора Наполеона, какихъ бы жертвъ ни стоило такое отступленіе, сколько бы трудовъ и изнуреній оно ни причинило его войскамъ. Не одна недогадливость маршала Даву, что обстоятельства сложились такъ, что нечего было и думать о какихъ бы то ни было правилахъ военнаго искусства,

[1]) М. Шамбре, Hist. de l'expedition, т. II, стр. 447.
[2]) Fain, Manuscrit, т. II, стр. 260 и 278.

была причиною того, что онъ шелъ медленнѣе, нежели желалъ императоръ Наполеонъ; но и его распоряженія затрудняли движеніе маршала. Выступивъ во главѣ авангарда изъ Боровска къ Можайску, императоръ Наполеонъ, не довольствуясь взрывомъ Кремля, который онъ считалъ удачнымъ, поручилъ жечь всѣ села и деревни, какъ встрѣчавшіяся на пути, такъ и въ недальнемъ разстояніи отъ дороги, по которой онъ слѣдовалъ. Съ этою цѣлью онъ составилъ особый отрядъ, вооруженный факелами, который долженъ былъ жечь всякое жилье въ ущербъ мирнымъ жителямъ [1]). Аріергардъ Даву встрѣчалъ пустыню, лишенную всякихъ средствъ продовольствія и всякаго убѣжища. „Честь имѣю просить вашу свѣтлость,—писалъ онъ маршалу Бертье,—дать приказъ тѣмъ войскамъ, которыя идутъ впереди аріергарда, чтобы они не безпокоились жечь деревни, чѣмъ уничтожаются всѣ средства, въ которыхъ такъ сильно нуждается аріергардъ. Эту обязанность жечь деревни слѣдуетъ возложить на аріергардъ, а войска императора извлекли бы изъ этого пользу“ [2]). Это отношеніе, обличавшее нѣкоторую самостоятельность маршала, конечно, было непріятно Наполеону и способствовало его смѣнѣ и порученію маршалу Нею вести аріергардъ. Онъ, конечно, лучше могъ понять тайную мысль своего повелителя, какъ и доказалъ въ послѣдствіи. Но оно не осталось безъ послѣдствій, отрядъ зажигателей не былъ устроенъ, впрочемъ, можетъ быть, и потому, что казаки, окружавшіе великую армію, не дали бы этому отряду зажигателей безнаказанно совершать свои подвиги.

Императоръ Наполеонъ опередилъ свои войска на нѣсколько переходовъ и пришелъ въ Вязьму 19-го (31-го) октября, между тѣмъ какъ его аріергардъ находился въ это время у с. Гриднева, между Гжатью и Можайскомъ. Еще продолжалась прекрасная осенняя погода. Термометръ показывалъ отъ 3-хъ до 5-ти градусовъ тепла, солнце еще грѣло и только на утреннихъ заряхъ легко морозило. Такая погода могла бы только облегчать движеніе правильно отступавшей и благоустроенной арміи; но не въ такомъ положеніи были войска Наполеона. Имъ было тяжело переносить и легкіе осенніе холода, которые едвали не первый почувствовалъ ихъ предводитель и поспѣшилъ принять мѣры. „Холодъ въ тотъ день, когда онъ прибылъ въ Вязьму,—говоритъ маркизъ Шамбре [3]), —усилился; но погода еще стояла прекрасная

---

[1]) Буржуа, Tableau de la campagne de Moscou par le témoin oculaire, стр. 95 и 185.

[2]) М. Шамбре, Hist. de l'expedition, т. III, прилож., стр. 448—449. Отношеніе Даву къ Бертье изъ Вереи 28-го окт. н. ст.

[3]) Histoire de l'expedition en Russie, т. II, стр. 357.

и солнце не утратило силы. Но замѣтили, что Наполеонъ, въ первый разъ послѣ выступленія изъ Москвы, уже ѣхалъ въ каретѣ и также въ первый разъ одѣлся въ польское платье: соболью шубу, покрытую зеленымъ бархатомъ и украшенную золотыми шнурами, мѣховую шапку и сапоги. Это платье онъ носилъ во все время отступленія и когда усиливался холодъ, то ѣхалъ въ каретѣ. На бивуакахъ пѣхота старой гвардіи строилась въ каре вокругъ главной квартиры, которая по возможности помѣщалась въ уцѣлѣвшихъ немногихъ домахъ и избахъ. Очевидно, онъ вовсе не думалъ раздѣлять труды и лишенія своихъ солдатъ, какъ это дѣлали многіе изъ завоевателей въ подобныхъ обстоятельствахъ". Заботясь о самомъ себѣ, онъ не только бросилъ на произволъ судьбы свои войска, исключая лишь остатка старой гвардіи, оберегавшей его особу; запрещено было однако же авангарду жечь: эта обязанность возложена была на маршала Даву. „Едва-ли какое нибудь предписаніе,—говоритъ съ удивленіемъ герцогъ Фезензакъ,—которымъ императоръ изливалъ свою месть на строенія, исполнялось съ такою точностію и даже добросовѣстностію" [1]).

Въ такомъ положеніи находилась великая армія, черезъ десять дней послѣ выхода изъ Москвы и черезъ пять послѣ сраженія въ Малоярославцѣ. Могъ-ли Наполеонъ думать о сраженіяхъ съ русскими войсками, которыя, по сознанію самихъ непріятелей, находились въ иномъ положеніи, хотя и не превышали ея количествомъ.

А. Н. Поповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Souvenirs militaires, стр. 281.

ЕВДОКІЯ АНДРЕЕВНА ГАННИБАЛЪ,

первая жена Абраама Петровича Ганнибала

1731—1753.

I.

Личность Абраама Петровича Ганнибала не разъ составляла предметъ статей какъ ученыхъ, такъ и беллетристическихъ. Правнукъ Ганнибала, А. С. Пушкинъ передалъ намъ полную романическихъ приключеній исторію своего прадѣда. За нимъ пошли изыскатели: Д. Н. Бантышъ-Каменскій, Д. И. Языковъ, М. Н. Лонгиновъ, князь П. В. Долгоруковъ и М. Д. Хмыровъ. Въ архивахъ они нашли много документовъ, довольно ярко озарившихъ оригинальную личность Ганнибала. Тѣмъ не менѣе, въ ней все еще остаются стороны мало изслѣдованныя. Такова, напримѣръ, женитьба Ганнибала на первой супругѣ-красавицѣ гречанкѣ, жизнь съ нею, разводъ и заключеніе ея въ монастырь. Пушкинъ, а за нимъ и другіе, говорятъ, что Абраамъ Петровичъ потому развелся съ нею, что она родила ему бѣлую дочь, Поликсену. Поэтому Ганнибалъ заподозрѣлъ жену въ невѣрности и принудилъ ее постричься въ Тихвинскомъ монастырѣ, а дочь Поликсену оставилъ при себѣ, далъ ей тщательное воспитаніе, богатое приданое, но никогда не пускалъ ее къ себѣ на глаза (соч. Пушкина, изданіе Исакова, т. IV, стр. 7). За Пушкинымъ этотъ разсказъ повторили: князь Петръ Долгоруковъ и Хмыровъ, не замѣчая того, что Пушкинъ разсказываетъ это по семейнымъ преданіямъ, которыя легко подвергаются искаженію, преувеличенію. Они не подумали, что Ганнибалъ не имѣлъ права и не могъ заключить свою жену въ монастырь, и притомъ по одному подозрѣнію. Въ монастырь заключались только по опредѣленію духов-

наго начальства, которое мотивомъ для заключенія не могло же признать одно только рожденіе бѣлой дѣвочки. Необходимы были другія причины, другіе поводы, которые до сихъ поръ читающей публикѣ оставались неизвѣстными. Какіе же это поводы?

Въ архивѣ С.-Петербургской духовной консисторіи намъ удалось найти бракоразводное дѣло Ганнибала (№ 2,466). Воспользуемся этимъ документомъ, чтобы насколько возможно освѣтить темную личность красавицы гречанки, дополнить пробѣлы въ біографіи самого Ганнибала и показать обращикъ бракоразводныхъ дѣлъ того времени. Вотъ грустная исторія отношеній между Абраамомъ Петровичемъ и его супругою.

II.

Въ концѣ 1730 г., въ Петербургѣ проживалъ капитанъ галернаго флота Андрей Діоперъ, человѣкъ небогатый, семейный. Старшую дочь онъ выдалъ замужъ, за какого-то Богдана Халябія, а младшая, Евдокія, оставалась при отцѣ. Въ это время она сблизилась съ флотскимъ поручикомъ Кайсаровымъ и думала выйти за него замужъ. Но на бѣду, изъ Селенгинска пріѣхалъ въ Петербургъ Ганнибалъ, познакомился съ Діоперомъ и его дочерью и попросилъ у отца ея руки. Евдокія не соглашалась выходить замужъ за Ганнибала, «понеже,—какъ говорила она,—арапъ, и не нашей породы». Но отецъ и зять не обратили на это вниманія, принудили повѣнчаться съ Ганнибаломъ. Евдокія должна была покориться имъ, но до свадьбы отдалась Кайсарову.

Ганнибалъ повѣнчался 1731 г. между 6-мъ числомъ января и 21-мъ февраля. Спустя мѣсяцъ послѣ свадьбы, изъ Петербурга онъ откомандированъ былъ въ Перновъ, учить кондукторовъ математикѣ и черченію. За Ганнибаломъ отправилась туда и его жена. Жизнь въ маленькомъ городкѣ, съ нелюбимымъ мужемъ, молодой женщинѣ очень не понравилась. Она стала искать развлеченій и нашла ихъ. Между подчиненными мужу кондукторами она обратила вниманіе на Шишкова. Этотъ молодой человѣкъ въ Перновѣ разыгрывалъ роль Донъ-Жуана. Еще до прибытія туда Ганнибаловъ, онъ познакомился съ мѣщанкою Моршею, у которой была взрослая дочь. Шишковъ пообѣщалъ жениться на этой дѣвушкѣ, вступилъ съ нею въ связь и обманулъ. Морша

жаловалась на Шишкова начальству, которое распорядилось: Шишкову учинить наказаніе на тѣлѣ, да тѣмъ дѣло и покончить. Однако, размолвка между Шишковымъ и Моршей продолжалась не долго; Шишковъ по прежнему сталъ бывать у ней. Съ Моршей познакомилась и Евдокія Андреевна Ганнибалъ. Въ воскресенье, въ великомъ посту 1731 г. (Пасха была тогда 9-го апрѣля), пришла она къ Моршѣ и младшую дочь ея, Марію Елизабетъ, послала за Шишковымъ. Тотъ явился. Сѣли играть въ карты, въ короли, «и когда онъ, Шишковъ, король былъ, то ей, капитаншѣ, наложилъ, чтобъ она его цѣловала, что̀ капитанша и учинила». Послѣ этого Евдокія Андреевна, въ отсутствіе мужа, нерѣдко призывала къ себѣ Шишкова чрезъ писаря Тимофѣева, и при такихъ свиданіяхъ завелись у нихъ любовные разговоры.

— «Я тебя люблю всѣмъ сердцемъ», говорилъ Шишковъ.

Евдокія отвѣчала ему такого же рода признаніемъ.

Отъ того у нихъ «любленіе пошло» и шло до конца февраля 1732 года.

Въ такомъ небольшомъ городѣ, какъ Перновъ, связь между Шишковымъ и Евдокіею Ганнибалъ не могла долго скрываться и слухи объ ней, съ различными прибавленіями, дошли и до Абраама Петровича. 28-го февраля, онъ подалъ доносъ въ перновскую канцелярію, что, того же числа, кондукторъ Гавріилъ Кузьминскій объявилъ ему, что кондукторъ Яковъ Шишковъ «хвалился его, капитана, окормить» и объ этомъ Кузьминскій слышалъ отъ кондуктора Фабера. Фаберъ подъ присягою показалъ, что, 26-го числа того же мѣсяца, мѣщанка Морша говорила ему: «приходилъ-де ко мнѣ Шишковъ и говорилъ, что капитанъ Абраамъ Петровъ боленъ и кабы капитанша была умна и послала въ аптеку и купила чего и дала-бъ ему, Петрову, и онъ бы не долго сталъ жить». Тоже показала и сама Морша.

Подавъ жалобу на своихъ подчиненныхъ, Ганнибалъ принялся и за жену, и плохо стало бѣдной. Онъ приставилъ къ ней крѣпкій, надежный караулъ и неоднократно бралъ ее къ себѣ, въ свои покои. Тамъ, въ стѣны, повыше роста человѣческаго, ввернуты были кольца. Туда вкладывались руки несчастной и ея тѣло повисало на воздухѣ. Въ комнатѣ заранѣе приготовлены были розги, батоги, плети и мужъ «билъ и мучилъ не-

счастную смертельными побоями необычно», принуждая ее, чтобы она на судѣ при допросахъ показала, будто «съ кондукторомъ Шишковымъ хотѣла его, Ганнибала, отравить и съ нимъ, Шишковымъ, блудъ чинила». При этомъ, въ случаѣ, если она покажетъ не по его желанію, «грозилъ ее, Евдокію, убить». Послѣ такихъ внушеній, въ канцеляріи (гдѣ производилось дѣло о нарушеніи супружеской вѣрности и гдѣ самъ Ганнибалъ игралъ роль не маловажную), Евдокія все показывала по желанію мужа, чтобы только вырваться изъ его рукъ. Тѣмъ не менѣе, въ теченіе мѣсяца она жила у мужа и только въ концѣ марта того же года взята была въ канцелярію. Ее посадили на Госпитальный дворъ, куда обыкновенно заключались осужденные. Тамъ, подъ крѣпкимъ карауломъ, провела она пять лѣтъ «пока суды кончались». На содержаніе арестованныхъ никто не обращалъ вниманія и арестанты Госпитальнаго двора питались или на средства родныхъ, или на доброхотныя подаянія христолюбцевъ. На содержаніе Евдокіѣ Андреевнѣ мужъ ничего не давалъ и самъ нарочно затягивалъ дѣло, чтобы подольше продержать ее подъ карауломъ. Арестанткѣ не разъ приходилось страдать отъ голода, въ ожиданіи милостыни. Нечего уже и говорить о другихъ условіяхъ быта въ Госпитальномъ дворѣ.

Вотъ, на основаніи документовъ, исторія разрыва между Ганнибаломъ и его женою. Здѣсь нѣтъ ни одного слова о рожденіи бѣлой дѣвочки. И во всемъ дѣлѣ объ ней не упоминается. Очевидно, ея и не существовало.

III.

Между тѣмъ, Абраамъ Петровичъ не терялъ напрасно времени. Онъ сошелся съ дочерью капитана Перновскаго полка Шеберга [1]), дѣвицею Христиною, и жилъ съ нею въ Ревельскомъ уѣздѣ на мызѣ. Пошли дѣти и родители стали заботиться объ ихъ будущности, а будущность незаконнорожденныхъ дѣтей неприглядна. Поѣхали въ Ревель повѣнчаться и тамъ стали искать подходящаго православнаго священника. Полковые священники того времени были вполнѣ подчинены офицерамъ, а слѣдовательно, и Ган-

[1]) Въ разсматриваемомъ дѣлѣ, вторая жена Абраама Петровича называется различно: Шелберхъ, Шеберхъ и Шебергъ.

нибалу. Къ нимъ-то онъ и обратился, но встрѣтилъ много затрудненій. Священники отказывались вѣнчать его подъ различными предлогами. Ганнибалъ условился, наконецъ, съ священникомъ полковой церкви во имя Θеодора Стратилата, Петромъ Ильинымъ, и тотъ повѣнчать согласился. Новая бѣда. Петръ Ильинъ объяснилъ, что вѣнчать можетъ только по «вѣнечной памяти»—документу, котораго у Ильина не было. Надо было достать такую «память» у кого-нибудь изъ приходскихъ священниковъ. Поискали,—наконецъ, добыли у священника Николаевской Ревельской церкви Ивана Филиппова, и Петръ Ильинъ повѣнчалъ Ганнибала на Христинѣ Шебергъ.

Это произошло въ 1736 году, когда Евдокія Андреевна Ганнибалъ томилась въ Госпитальномъ дворѣ, потому что «суды еще кончались». Теперь необходимо было покончить съ первой женою. По мнѣнію Абраама Петровича, это не представляло особенной трудности. Стоило только сказать слово перновскимъ офицерамъ, у которыхъ находилось дѣло объ Евдокіѣ Андреевнѣ. И дѣйствительно, гг. офицеры учинили сентенцію:

— «Прелюбодѣицѣ (Евдокіѣ Андреевнѣ) учинить наказаніе — гонять по городу лозами, а прогнавши, отослать на Прядильный дворъ, на работу вѣчно; а Ганнибалу, какъ невинному, за руками всѣхъ присутствующихъ, выдать аттестатъ».

Теперь, казалось, все дѣло покончилось; но при Аннѣ Ивановнѣ на нарушеніе супружеской вѣрности женою смотрѣли уже не такъ строго, какъ при Петрѣ I. Для приведенія приговора въ исполненіе необходимо было утвержденіе высшей судебной инстанціи, а между тѣмъ Евдокія Андреевна упросила кого-то написать прошеніе въ Фортификаціоную контору, чтобы ее вытребовали въ Петербургъ. Ее вытребовали. Теперь дѣло Абраама Петровича приняло оборотъ для него не совсѣмъ удобный. Въ царствованіе Анны Ивановны вліяніе его ограничивалось однимъ только Перновымъ, а въ Петербургѣ птенцы Петра I не пользовались особеннымъ уваженіемъ. Мало того, ихъ старались устранять отъ дѣла, притѣснять, а Ганнибалъ изъ Сибири вернулся самовольно. Въ Петербургѣ могли припомнить и это.

И въ самомъ дѣлѣ, Евдокія Андреевна въ Петербургѣ не оставалась въ бездѣйствіи. Отъ ея имени подана была, 1-го марта 1737 г., челобитная въ святѣйшій синодъ. Въ ней подсудимая

заявляла, что показанія свои, въ перновской канцеляріи, дала неправильно, опасаясь угрозъ мужа; неправильно показалъ и кондукторъ Шишковъ, по командѣ подчиненный Ганнибалу. Евдокія просила дѣло объ ней произвести въ духовномъ вѣдомствѣ и тамъ же передопросить какъ мужа ея, такъ и свидѣтелей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она просила освободить ее изъ-подъ караула, дабы «голодною смертію не помереть».

Святѣйшій синодъ, послѣ продолжительной переписки съ Фортификаціонною конторою, вытребовалъ это дѣло, и 3-го декабря 1743 г. оно поступило въ синодъ [1]). Синодъ передалъ дѣло преосвященному Никодиму, епископу с.-петербургскому, и, по распоряженію его, Евдокія Андреевна отдана на поруки и поселилась у своихъ знакомыхъ на Васильевскомъ островѣ, въ приходѣ церкви св. апостола Андрея Первозваннаго.

Но со вступленіемъ на престолъ дочери Петра I, Елисаветы, петровскіе птенцы стали возвышаться. Къ числу ихъ относился и любимый деньщикъ Петра I, Ганнибалъ. Въ 1746 г. онъ былъ уже генералъ-маіоромъ, т. е. имѣлъ чинъ, по тогдашнему времени, весьма знатный. Бороться съ такою знатною персоною, особенно въ виду расположенности къ нему императрицы, становилось трудно. На бѣду свою и Евдокія Андреевна не вела себя осторожно. Молодая женщина, просидѣвшая 11 лѣтъ въ заключеніи, не съумѣла совладать съ собою. Случай свелъ ее съ подмастерьемъ академіи наукъ Абумовымъ и плоды этой связи скоро обнаружились. Время родовъ приближалось, а между тѣмъ агенты Ганнибала глазъ не сводили съ несчастной и все доводили до свѣдѣнія своего патрона; это было тѣмъ легче, что Ганнибалъ жилъ на томъ же островѣ, въ Благовѣщенскомъ приходѣ. Какъ быть? обратилась она за совѣтомъ къ своему духовнику, Андреевской церкви священнику Андрею Никифорову. И тотъ посовѣтовалъ ей обратиться въ консисторію съ покаяніемъ. Евдокія Андреевна такъ и сдѣлала.

17-го мая 1746 г., она подала въ консисторію прошеніе (за неграмотностью ея, подписанное духовникомъ, Андреевскаго собора священникомъ Андреемъ Никифоровымъ), въ которомъ сознавалась во всѣхъ своихъ проступкахъ. Въ заключеніе она доносила кон-

---

[1]) Спустя 12 лѣтъ послѣ подачи Ганнибаломъ перваго прошенія.

систоріи, что она и теперь «такою же своею виною одержима есть, какъ и нынѣ имѣется чревата», и просила развести ее съ Ганнибаломъ, уже женившимся на другой, съ которою тотъ прижилъ нѣсколькихъ дѣтей.

И дѣйствительно, чрезъ нѣсколько времени Евдокія Андреевна родила дочь Агрипину[1]). Ребенокъ родился слабенькимъ и скоро отправился на вѣчное упокоеніе къ Самсонію, на кладбище.

На основаніи прошенія Евдокіи Андреевны, консисторія послала Ганнибалу запросъ по слѣдующимъ пунктамъ:

1) Дѣйствительно-ли онъ повѣнчанъ? 2) Кто и въ какой церкви вѣнчалъ его? 3) По чьей вѣнечной памяти? и наконецъ 4) которымъ показанъ бракомъ?

На это Ганнибалъ отвѣчалъ только, что въ 1736 году онъ дѣйствительно повѣнчанъ въ Ревельской соборной церкви съ дочерью умершаго капитана Шелберга, дѣвицею Христиною, вторымъ бракомъ, и въ настоящее время уже имѣетъ съ нею 5 человѣкъ дѣтей. На другіе вопросные пункты онъ не отвѣчалъ, а только заявилъ, что о томъ, какимъ образомъ вступилъ онъ въ супружество съ Христиною Шелбергъ, и какимъ показалъ себя бракомъ, а также о поступкахъ своей первой жены Евдокіи—онъ, 23-го мая 1746 г., подалъ челобитную государынѣ императрицѣ.

Кажется, Ганнибалъ считалъ для себя унизительнымъ отвѣчать консисторіи и думалъ, что императрица сама рѣшитъ бракоразводное дѣло. Вышло не такъ. Прошеніе Ганнибала императрица препроводила въ синодъ, синодъ—въ с.-петербургскую консисторію, и опять минуло три года. Положеніе Ганнибала стало весьма щекотливымъ; дѣти росли, мальчиковъ пора бы опредѣлить въ кадетскій корпусъ, или записать въ гвардію, и между тѣмъ какія права имѣли они? Первый бракъ Ганнибала не былъ расторгнутъ, а потому и второй не могъ признаваться законнымъ, а слѣдовательно, и дѣти отъ этого брака должны были признаваться также незаконнорожденными: лишались правъ на поступленіе въ какое бы то ни было заведеніе и сословіе, за исключеніемъ крестьянскаго. Стоило призадуматься. Ганнибалъ препроводилъ Евдокію въ консисторію, но пожалѣлъ денегъ на содержаніе ея и консисторія опять отпустила ее на свободу и она

[1]) Не она-ли и подала поводъ выдумать бѣлую отъ перваго брака дочь Поликсену?

по прежнему жила на островѣ и называлась законною женою Ганнибала. И вотъ, 15-го сентября 1749 года, Ганнибалъ «самъ просилъ консисторію, чтобы въ разсужденіе его долговременной и безпорочной службы и вторичнаго брака, его всемилостивѣйше оборонить, и бывшую его жену Евдокію взять въ консисторію и за чинимое ею прелюбодѣяніе отрѣшить отъ него вовсе, дабы оная прелюбодѣица долѣе не называлась его женою и, таскаючись на волѣ, своими непотребствы еще болѣе его къ безчестію не довела». Къ этому прошенію приложенъ былъ и выданный Ганнибалу изъ военнаго суда аттестатъ, въ которомъ кондукторъ Шишковъ обвиненъ «въ ослушаніи команды и фальшивыхъ доношеніяхъ, и въ блудѣ жены его, капитана, и въ отравѣ его, капитана, женою и имъ Шишковымъ—кондукторъ Гаврила Кузьминскій въ вѣдомствѣ приличился. И означенные кондукторы предъ судомъ признались во всемъ винны, и предъ судомъ кондукторы Шишковъ и Кузьминскій слезно христіанскаго прощенія у Петрова просили и тотъ ихъ простилъ. Поэтому судьи, признавая Петрова правымъ, выдали ему аттестатъ, а Шишкова и Кузьминскаго признали во всемъ повинными».

Во главѣ подписей на этомъ аттестатѣ стоитъ слѣдующая: «вмѣсто прапорщика Сергѣя Иванова, по его прошенію, поручикъ Кондратій Воробьевъ подписался».

Прошеніе это поступило къ преосвященному Ѳеодосію, архіепископу с.-петербургскому, и онъ предложилъ: 1) Евдокію Андрееву съ Ганнибаломъ разлучить. 2) По силѣ указа отъ 8-го января 1744 г., учиня ей наказаніе, послать въ Оренбургъ, или, по разсмотрѣнію синода, въ отдаленный монастырь, на монастырскіе труды вѣчно, потому что «таковая скверводѣица въ резидующемъ градѣ быти не можетъ». 3) А «генералъ-маіору Ганнибалу, къ тому второбрачію не малую подала причину сентенція суда о наказаніи жены и ссылкѣ ея на Прядильный дворъ на работу вѣчно, что и всякому, не совершенно знающему духовныхъ правъ, покажется за дѣйствительное разлученіе. Сверхъ же всего, съ нынѣшнею его второбрачною женою въ сожитіи уже 13 лѣтъ и имѣетъ 6 дѣтей, чего ради, вмѣсто разлученія, снабдить его церковною эпитиміею, и, сверхъ того, денежнымъ штрафомъ, а съ сею его женою бракъ его утвердить. Что-жъ военный судъ, забывъ публикованный имянной блаженной и вѣчной славы достойной памяти государя императора Петра Великаго въ 1724 г. указъ, по которому повелѣно прелюбодѣйнымъ дѣламъ быть вѣдомымъ въ святѣйшемъ синодѣ, не токмо единый судъ производили, но и сентенцію надъ прелюбодѣицею утвердили и тѣмъ оному Ганнибалу ко второбрачію оказію дали и за то присутствующіе, кои подъ аттестатомъ подписались, подлежатъ суду».

Послѣ этого Евдокія Андреевна опять таки отдана была на по-

руки, съ тѣмъ, чтобы она «удалялась отъ прелюбодѣйнаго житія, подъ опасеніемъ наижесточайшаго наказанія, безъ всякаго помилованія». Но, 5-го декабря того же года, поручители Евдокіи Андреевны отъ поручительства отказались. Того же числа Ганнибалъ подалъ въ консисторію прошеніе, чтобы «жену его, ради ея непотребствъ, на поруки не отдавать, а, до рѣшенія дѣла въ синодѣ, содержать въ консисторіи подъ карауломъ, обѣщая присылать ей пропитаніе». Преосвященный Ѳеодосій исполнилъ желаніе Ганнибала и Евдокія Андреевна очутилась въ арестантской с.-петербургской духовной консисторіи. Неизвѣстно, доставлялъ-ли ей Ганнибалъ пропитаніе и, если доставлялъ, то какое? но Евдокіѣ Андреевнѣ пришлось долго просидѣть подъ карауломъ.

17-го ноября 1750 года святѣйшій синодъ прислалъ это дѣло къ разсмотрѣнію новому архіепископу с.-петербургскому Сильвестру Кулябкѣ, который возбудилъ новые вопросы, подавшіе поводъ къ новой перепискѣ. Требовалось узнать: какого вѣроисповѣданія вторая жена Ганнибала и на какомъ основаніи повѣнчана? А надо замѣтить, что Шебергъ была лютеранкою; православнымъ позволялось вступать въ бракъ съ иновѣрными только съ разрѣшенія епархіальнаго начальства [1]), а Ганнибалъ, вступая въ бракъ съ Христиною Шебергъ, объ этомъ и не подумалъ. Вотъ и поводъ къ новой перепискѣ, которая опять затянула дѣло, пока не нашли, что виновный священникъ Петръ Ильинъ уже скончался. Послѣ того консисторія навела справки въ церковныхъ законоположеніяхъ по этому предмету, но признала необходимымъ оставить Евдокію у себя подъ карауломъ, потому что русское законодательство того времени, по вопросу о нарушеніи брачнаго союза, подвергалось измѣненіямъ. При теремной до-Петровской жизни нашихъ женщинъ, дѣлъ о нарушеніи ими супружеской вѣрности встрѣчалось не много. Съ освобожденіемъ женщинъ изъ-подъ замковъ и запоровъ, при отсутствіи твердыхъ нравственныхъ началъ, преступленія такого рода значительно умножились и Петръ Великій вздумалъ остановить зло изданіемъ строгихъ законовъ противъ нарушенія женщинами супружеской вѣрности. Виновныхъ прогоняли по городу розгами и потомъ заключали въ Прядильный дворъ въ пожизненную работу. 8-го января 1744 года заключеніе въ Прядильномъ дворѣ замѣнено было ссылкою въ Оренбургъ, но въ 1751 году отсылочная коммисія прекратила свои дѣйствія. И вотъ, духовное начальство очутилось въ такомъ положеніи, что, рѣшая дѣла о прелюбодѣяніи, оно своихъ рѣшеній не могло приводить въ исполненіе. Синодъ

[1]) Архивъ с.-петербургской духовной консисторіи заваленъ дѣлами такого рода.

имѣлъ право наказывать только частнымъ, келейнымъ образомъ, а прелюбодѣица подвергалась наказанію публичному, и такія наказанія совершались только по опредѣленію власти гражданской, съ которою, однако, синодъ неохотно вступалъ въ сношенія. Да и кромѣ того, съ упраздненіемъ отсылочной коммисіи, стало невозможнымъ и отсылать виновныхъ въ Оренбургъ.

Окончательное опредѣленіе консисторіи по дѣлу первой жены Ганнибала состоялось только 9-го сентября 1753 г.:

Евдокію Андреевну признали виновною въ преступныхъ сношеніяхъ до свадьбы съ Александромъ Кайсаровымъ и послѣ—съ Шишковымъ и Абумовымъ и присудили: съ Ганнибаломъ ее развести и препроводить въ губернскую канцелярію для отсылки куда таковыхъ посылаютъ, или въ отдаленный монастырь въ труды монастырскіе вѣчно. Бракъ Ганнибала съ Христиною Шебергъ утвердить, наложивъ на него эпитимію и денежный штрафъ. Съ Евдокіи Андреевой взять подписку, «чтобы она впредь женою Ганнибала не называлась и въ новое прелюбодѣяніе не впадала, подъ опасеніемъ наижесточайшаго наказанія, а за прежнее свое согрѣшеніе принесла покаяніе предъ отцомъ духовнымъ и строго исполняла эпитимію, какая ей будетъ наложена».

Въ петербургской епархіи женскихъ монастырей тогда не было и святѣйшій синодъ повелѣлъ заключить виновную въ Староладожскій [1]) женскій монастырь.

24-го января 1754 года, утромъ, Евдокію вывели изъ консисторскаго заключенія, объявили приказъ отправляться въ монастырь и сдали ее отставному солдату Щеколдину, которому и поручили доставить ее въ Новгородскую духовную консисторію. На дорожные расходы выдали Щеколдину 3 рубля и приказали доставить Евдокію на мѣсто бережно. Посадилъ онъ ее въ сани и повезъ въ Новгородъ. Тамъ, въ консисторіи, уже полученъ былъ указъ синода, — дабы Евдокію Андреевну содержать въ монастырѣ неисходно и наблюдать «дабы оная, пребывая въ покаяніи, приходила въ церковь къ повседневному молитвословію, келейнаго правила не оставляла и, по возможности, въ монастырскихъ послушаніяхъ обращалась нелѣностно».

Изъ консисторіи отправили ее въ монастырь, гдѣ она и скончалась. Такъ «окончились суды».

С. И. Опатовичъ.

---

[1]) А не Тихвинскій, какъ говоритъ Пушкинъ.

ГЕРЦОГИНЯ КИНГСТОНЪ

И ДѢЛО ОБЪ ИМѢНІИ ЕЯ ВЪ РОССІИ [1]).

1777—1798 гг.

Въ 1738 году при дворѣ принцессы уэльской, матери будущаго короля великобританскаго Георга II, явилась осемнадцатилѣтняя фрейлина миссъ Елизавета Чэдлей, дочь полковника англійской службы, родомъ изъ графства Девонширскаго. Одинъ изъ предковъ ея, храбрый морякъ, участвовалъ въ сраженіи англійскаго флота съ Непобѣдимою армадою короля испанскаго Филиппа II. Своею плѣнительною наружностью, а также острымъ и игривымъ умомъ, она тотчасъ же привлекла къ себѣ толпу самыхъ восторженныхъ и страстныхъ поклонниковъ. Молва гласила, что во всемъ Соединенномъ королевствѣ не было ни одной дѣвицы, ни одной женщины, которая могла бы не только поспорить, но и равняться красотою съ плѣнительною Елизаветою Чэдлей. Крестьяне той мѣстности, въ которой росла миссъ Елизавета, называли ее волшебницей, разсказывая, что красота ея обаятельна до такой степени, что не только домашнія животныя, но и дикіе звѣри безъ зова приближаются и ласкаются къ ней. Въ

---

[1]) Источники: два подлинныя дѣла, производившіяся, одно въ сенатѣ, а другое въ вѣденіи генералъ-прокурора: «объ имѣніи покойной герцогини Кингстонъ и объ отдачѣ подъ судъ полковника Гарновскаго» съ 1789 по 1798 годъ, и книжки подъ заглавіемъ: «Authentic particulars of the Lisabeth the late duchess Kingston during her conection with the duke her residence at Dresden, Vienna, St.-Petersburg et cet...» London, 1789. Histoire de la vie et des aventures de la duchesse Kingston. Londres, 1789. Memoires de la baronne Oberkirch, и также разныя о ней замѣтки, разъясненныя въ русскихъ историческихъ изданіяхъ и въ примѣчаніяхъ академика Грота къ «Сочиненіямъ Державина».

числѣ поклонниковъ этой необыкновенной красавицы, во время пребыванія ея въ Лондонѣ, явился молодой герцогъ Гамильтонъ. Неопытная дѣвушка скоро попала въ сѣти, разставленныя ей ловкимъ волокитою, и предалась ему со всѣмъ пыломъ первой любви. Герцогъ воспользовался этимъ и затѣмъ — какъ нерѣдко водится — не смотря на свои прежнія увѣренія, обѣщанія и клятвы жениться на ней, обманулъ ее, уклонившись отъ брака съ обольщенной имъ дѣвушкою подъ разными вымышленными имъ предлогами. Впрочемъ, сама миссъ Елизавета, въ краткой своей біографіи, передаетъ исторію первой своей любви нѣсколько иначе: ей сообщили, что Гамильтонъ влюбился въ другую. Сообщеніе это, быть можетъ, было вымышлено врагами жениха, но молва объ его невѣрности до того сильно подѣйствовала на молодую дѣвушку, что она въ письмѣ своемъ къ герцогу отказалась отъ брака съ нимъ, но тѣмъ не менѣе она во всю жизнь не могла забыть предмета своей первой сердечной страсти.

Жестоко разочарованная въ первой своей любви, миссъ Елизавета, въ 1744 году, обвѣнчалась съ влюбившимся въ нее капитаномъ Герveемъ, братомъ графа Бристоля. Такъ какъ бракъ этотъ былъ совершенъ противъ воли родителей Гервея и миссъ Елизавета не хотѣла потерять званіе фрейлины при дворѣ принцессы уэльской, то молодая чета сохранила бракъ въ непроницаемой тайнѣ. Связь же Елизаветы съ герцогомъ Гамильтономъ не была никому извѣстна, а потому самые богатые и знатные женихи Англіи продолжали по прежнему искать руки красавицы и всѣ удивлялись, почему молоденькая миссъ, не имѣвшая никакого наслѣдственнаго состоянія, отказывалась такъ упорно отъ самыхъ блестящихъ предстоявшихъ ей замужствъ. Тайные супруги жили, однако, между собою не слишкомъ ладно. У нихъ начались, съ перваго же дня супружества, размолвки, а потомъ ссоры, вскорѣ обратившіяся въ непримиримую вражду. Мистриссъ Елизавета сочла за лучшее разлучиться съ мужемъ и чтобы скрыться, какъ отъ него, такъ и отъ наскучившаго ей лондонскаго общества, отправилась путешествовать по Европѣ. Во время этого непродолжительнаго, впрочемъ, путешествія, она побывала въ Берлинѣ и Дрезденѣ. Въ столицѣ Пруссіи король Фридрихъ Великій, а въ столицѣ Саксоніи курфирстъ и король польскій Августъ III, въ особенности же его жена, оказали мистриссъ Гарвей или миссъ Чэдлей чрезвычайное вниманіе. Фридрихъ Великій до такой степени былъ увлеченъ ею, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ велъ съ нею постоянную переписку. Недостатокъ денежныхъ средствъ принудилъ ее отказаться отъ дальнѣйшаго путешествія по Европѣ и она вскорѣ возвратилась въ Англію, но оказалось, что здѣсь ей невозможно было

оставаться. Разгнѣванный противъ нея мужъ не только что сталъ дурно обращаться съ нею, но и грозилъ ей, что онъ о тайномъ ихъ бракѣ объявитъ принцессѣ уэльской, подъ покровительствомъ которой состояла Елизавета, считавшаяся по прежнему, какъ незамужняя, въ числѣ фрейлинъ принцессы. При этой угрозѣ капитанъ встрѣтилъ однако въ своей молодой супругѣ ловкую и смѣлую противницу.

Узнавъ, что пасторъ, который вѣнчалъ ее съ Герввеемъ, уже умеръ и что церковныя книги того прихода, гдѣ она вѣнчалась, находились въ рукахъ его преемника, человѣка довѣрчиваго и безпечнаго, миссъ Елизавета отправилась къ нему и попросила у него позволенія сдѣлать въ этихъ книгахъ какую-то пустую справку. Не подозрѣвая въ такой просьбѣ ничего злонамѣреннаго, пасторъ охотно разрѣшилъ миссъ Елизаветѣ просмотрѣть церковныя книги и въ то время, когда пріятельница ея занимала болтливаго пастора интереснымъ для него разговоромъ, сама она вырвала тайкомъ изъ книги ту страницу, на которой былъ записанъ актъ объ ея бракѣ. Возвратившись домой, она преспокойно объявила мужу, что никакихъ слѣдовъ ихъ брака не существуетъ, что она считаетъ теперь себя совершенно свободною, что онъ, если желаетъ, можетъ заявить объ ихъ бракѣ и принцессѣ, и вообще кому угодно, но что онъ никакими доказательствами не подтвердитъ своего заявленія. Къ этому она добавила, что при такихъ условіяхъ онъ, вѣроятно, согласится отказаться отъ тяжести лежавшихъ на немъ брачныхъ узъ. Гервей, не желавшій дать свободу Елизаветѣ только изъ ненависти къ ней, послѣ нѣкотораго колебанія принялъ эту сдѣлку, тѣмъ болѣе, что въ эту пору самъ влюбился въ другую, и такимъ образомъ молодая женщина получила право жить гдѣ и какъ ей вздумается.

Спустя нѣкоторое время послѣ того, мистеръ Гервей, по смерти своего старшаго брата, наслѣдовалъ титулъ графа Бристоля, а вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ и весьма значительное родовое состояніе. Вскорѣ онъ такъ опасно захворалъ, что не было никакой надежды на его выздоровленіе, и тогда миссъ Елизавета Чэдлей задумала сдѣлаться формально графинею Бристоль и получить при этомъ вдовью долю изъ имѣнія умирающаго. Съ этою цѣлью она начала то въ томъ, то въ другомъ случаѣ заявлять о своемъ тайномъ бракѣ съ капитаномъ Гервеемъ, теперешнимъ графомъ Бристолемъ, и разсказывать, что у нея отъ этого брака есть сынъ. Однако, графъ Бристоль, вопреки всѣмъ предсказаніямъ и опасеніямъ медиковъ, сталъ поправляться и вскорѣ совершенно выздоровѣлъ. Онъ узналъ о слухахъ, распускаемыхъ его женою и теперь, въ свою очередь, хотѣлъ начать процессъ, чтобъ

доказать, что тайнаго брака между нимъ и миссъ Елизаветой никогда не существовало. Дѣло, впрочемъ, приняло иной оборотъ.

Еще въ ту пору, когда мистриссъ Елизавета не истребила акта о своемъ бракѣ съ Гервеемъ, она плѣнила собою стараго богача герцога Кингстона и когда продѣлка ея съ больнымъ графомъ Бристолемъ не удалась, то она успѣла убѣдить этого старика жениться на ней. Супруги жили, повидимому, весьма ладно, т. е., въ томъ смыслѣ, что старый, добродушный герцогъ былъ въ полной власти у своей бойкой супруги. Онъ умеръ въ 1773 году и по смерти его оказалось завѣщаніе, по которому все его громадное состояніе, неподлежавшее безусловному наслѣдованію по родству, должно было перейти безраздѣльно къ его вдовѣ. Недовольные такимъ посмертнымъ распоряженіемъ герцога, родственники его завели съ герцогинею разомъ два процесса—уголовный и гражданскій, обвиняя леди Кингстонъ въ двоебрачіи и оспаривая дѣйствительность духовнаго завѣщанія въ ея пользу. Противники ея находили, что завѣщаніе герцога не могло быть примѣнено къ ней, какъ къ вдовѣ завѣщателя, потому что она, какъ вступившая съ нимъ въ бракъ при жизни перваго мужа, графа Бристоля, не можетъ быть признана законною женою герцога Кингстона. Оказалось, однако, что завѣщаніе стараго богача было составлено очень ловко: онъ отказывалъ свое состояніе не графинѣ Бристоль, не герцогинѣ Кингстонъ, а просто миссъ Елизаветѣ Чэдлей, тождественность которой съ лицомъ, имѣвшимъ право получить послѣ него наслѣдство, никакъ невозможно было оспаривать. Какъ бы то ни было, но уголовный процессъ грозилъ герцогинѣ страшною опасностью: судъ могъ выкопать изъ-подъ спуда старинный англійскій, не отмѣненный еще въ ту пору, законъ, въ силу котораго ей за двоебрачіе грозила смертная казнь. Въ самомъ же снисходительномъ случаѣ, ей, какъ двумужницѣ, слѣдовало наложить чрезъ палача публично клеймо на лѣвой рукѣ, выжегши его раскаленнымъ желѣзомъ, и приговорить ее къ продолжительному тюремному заключенію. Избавиться отъ такого приговора было слишкомъ трудно, такъ какъ совершеніе брака ея съ Гервеемъ было доказано ея служанкою, которая была одною изъ присутствовавшихъ при бракѣ свидѣтельницъ. Противникамъ герцогини удалось выиграть затѣянный ими уголовный процессъ, такъ какъ миссъ Елизавета Чэдлей была признана законною женою капитана Гервея, носившаго потомъ титулъ графа Бристоль, а потому второй ея бракъ, съ герцогомъ Кингстономъ, какъ заключенный при жизни перваго мужа, былъ объявленъ недѣйствительнымъ, при чемъ, однако, въ виду разныхъ уменьшающихъ вину обстоятельствъ, она была освобождена отъ всякаго наказанія и только, по приговору суда,

была лишена неправильно присвоеннаго ею себѣ титула герцогини Кингстонъ.

По поводу суда надъ герцогиней Кингстонъ, въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, отъ 23-го апрѣля 1776 года, сообщалось изъ Лондона слѣдующее: „Вчера кончился судъ надъ герцогинею Кингстонъ. Она говорила въ защищеніе себя рѣчь, продолжавшуюся цѣлый часъ, и по окончаніи оной была поражена обморокомъ“. Послѣ того судьи разсуждали, слѣдуетъ ли избавить ее отъ наложенія клейма, такъ какъ отъ такого наказанія освобождены духовные и благородные. „Напослѣдокъ,—разсказываютъ „С.-Петербургскія Вѣдомости“,—удостоена она сего преимущества, однакожъ съ тою оговоркою, что ежели она впредь то же самое преступленіе сдѣлаетъ, то право сіе не послужитъ ей въ защиту“. Послѣ того лордъ-канцлеръ объявилъ ей, что ей не будетъ учинено никакого тѣлеснаго наказанія, но что, какъ онъ думаетъ, изобличеніе собственной совѣсти замѣнитъ жестокость того наказанія, и что она отнынѣ будетъ называться графинею Бристольскою. Въ заключеніе лордъ-канцлеръ переломилъ свой бѣлый жезлъ въ знакъ уничтоженія брачнаго союза между миссъ Елизаветою Чэдлей и герцогомъ Кингстономъ“. Неизвѣстно, впрочемъ, почему та часть судебнаго приговора, которая гласила о лишеніи Елизаветы герцогскаго титула и фамиліи Кингстонъ, не была приведена въ исполненіе, такъ какъ Елизавета всюду, а между прочимъ и въ Россіи, продолжала пользоваться во всѣхъ офиціальныхъ актахъ титуломъ герцогини Кингстонъ, безъ всякаго возраженія со стороны англійскаго правительства. Она сама такой благопріятный для нея исходъ дѣла объясняетъ неяснымъ изложеніемъ постановленнаго о ней приговора. Не смотря на неблагопріятный исходъ уголовнаго процесса, въ силу завѣщанія покойнаго герцога, все его громадное состояніе было признано безспорною собственностію Елизаветы и она, сдѣлавшись одною изъ богатѣйшихъ женщинъ въ цѣлой Европѣ, не замедлила показать свое богатство въ Петербургѣ.

Около той поры повсюду уже гремѣла слава императрицы Екатерины II; объ ней начинали говорить въ Европѣ какъ о великой государынѣ и о необыкновенной женщинѣ. Герцогиня Кингстонъ увлеклась этой молвою и задумала не только обратить на себя вниманіе прославляемой русской царицы, но если возможно, то и пріобрѣсти ея особое расположеніе. Герцогиня Кингстонъ, обезславленная въ Англіи уголовнымъ процессомъ, при которомъ раскрылось въ печальномъ свѣтѣ все ея прошлое, надѣялась, что ласковый пріемъ, встрѣченный ею при дворѣ императрицы Екатерины, возстановитъ въ обществен-

номъ мнѣніи англичанъ ея репутацію и она повела дѣло такъ, чтобъ прежде поѣздки въ Петербургъ заручиться вниманіемъ Екатерины.

Въ числѣ разныхъ рѣдкихъ и драгоцѣнныхъ предметовъ, доставшихся герцогинѣ по завѣщанію втораго ея мужа, было множество картинъ, писанныхъ знаменитѣйшими европейскими художниками, и герцогиня черезъ русскаго посланника въ Лондонѣ изъявила желаніе передать эти картины, какъ дань своего глубочайшаго и безпредѣльнаго уваженія, въ собственность императрицы, съ тѣмъ, чтобъ выборъ изъ этихъ картинъ былъ произведенъ по непосредственному личному усмотрѣнію Екатерины. По поводу этого, велась продолжительная дипломатическая переписка между русскимъ посломъ въ Лондонѣ и канцлеромъ императрицы. По всей вѣроятности, недобрая молва о герцогинѣ дѣлала разрѣшеніе вопроса о такомъ съ ея стороны подаркѣ чрезвычайно щекотливымъ. Между тѣмъ, герцогиня вступила въ переписку съ нѣкоторыми лицами, имѣвшими вліяніе при дворѣ императрицы, прося ихъ оказать ей содѣйствіе для исполненія ея намѣреній. Картинная галлерея герцогини Кингстонъ пользовалась громкою извѣстностію не только въ Англіи, но и во всей Европѣ, а императрицѣ очень хотѣлось имѣть въ своемъ дворцѣ замѣчательныя произведенія живописи, потому она и рѣшилась принять предложеніе, сдѣланное ей герцогиней въ такой почтительной формѣ.

Получивъ изъ Петербурга увѣдомленіе о согласіи императрицы, герцогиня Кингстонъ отправила изъ Англіи въ Россію корабль, нагруженный картинами, выбранными изъ галлереи ея покойнаго мужа. Неизвѣстно, какія именно изъ нихъ отобрала для себя императрица Екатерина и гдѣ онѣ нынѣ находятся, но надобно полагать, что государыня осталась весьма довольна присланнымъ ей изъ-за моря подаркомъ, такъ какъ она за него благодарила герцогиню, черезъ своего посланника въ Лондонѣ, въ самыхъ благосклонныхъ и лестныхъ выраженіяхъ. Послѣ этого леди Кингстонъ могла уже съ достаточною увѣренностію расчитывать на радушный пріемъ со стороны императрицы, и вотъ она стала готовиться къ поѣздкѣ въ Петербургъ и собственно для этого заказала великолѣпную яхту.

Въ то время, когда герцогиня собиралась отправиться въ Балтійское море, Англія вступила въ вооруженную борьбу съ отложившимися отъ нея сѣверо-американскими колоніями. Леди Кингстонъ опасалась, что вслѣдствіе этого и въ европейскихъ моряхъ можетъ возгорѣться война и что жертвою этой войны можетъ сдѣлаться ея яхта, если будетъ захвачена сѣверо-американскими крейсерами, появленія которыхъ со дня на день ожидали у береговъ Англіи. Въ виду этого, герцогиня обратилась къ французскому морскому министру съ прось-

бою о позволеніи поднять на ея яхтѣ французскій коммерческій флагъ, какъ нейтральный. Позволеніе это ей было дано безъ всякихъ затрудненій и, благодаря хорошей погодѣ и легкому попутному вѣтру, плаваніе герцогини Кингстонъ кончилось благополучно и яхта ея остановилась на Невѣ, не въ дальнемъ разстояніи отъ Зимняго дворца.

II.

Появленіе леди Кингстонъ возбудило въ Петербургѣ громкій говоръ и общее вниманіе. Всѣ „знатныя обоего пола" персоны спѣшили, по приглашенію герцогини, осматривать ея яхту, отличавшуюся необыкновенною роскошью и изяществомъ отдѣлки, а также и всевозможными удобствами и приспособленіями для морскихъ путешествій. Толпы любопытнаго народа собирались на набережной Невы, чтобъ хотя издали поглазѣть на прибывшую изъ-за моря яхту, о которой въ городѣ ходила молва, какъ о какомъ-то невиданномъ еще здѣсь чудѣ. Герцогиня, принимая на яхтѣ посѣтителей и посѣтительницъ, дѣлавшихъ или отдававшихъ ей визиты, разсказывала каждому и каждой изъ нихъ, что она рѣшилась предпринять такое дальнее и небезопасное путешествіе, сопряженное съ громадными издержками, единственно для того, чтобы хоть разъ въ жизни взглянуть на великую монархиню, славою которой наполнена вся вселенная. Такія рѣчи герцогини доходили до Екатерины и славолюбивой государынѣ были пріятны восторженные о ней отзывы богатой и знатной иностранки, пользовавшейся дружбою Фридриха Великаго и не имѣвшей, повидимому, никакой надобности заискивать для себя расположеніе со стороны русской государыни и императорскаго двора. Предрасположенная этимъ въ пользу леди Кингстонъ, Екатерина принимала знаменитую путешественницу чрезвычайно привѣтливо. Русскіе вельможи и разныя барыни усердно слѣдовали въ этомъ случаѣ примѣру, поданному имъ свыше. Всѣ они, наперерывъ другъ передъ другомъ, желали представиться герцогинѣ и старались обратить на себя ея особенное вниманіе. Они безпрестанно приглашали ее къ себѣ въ гости, устраивая въ честь ея блестящіе праздники. На эти почтительныя и любезныя приглашенія герцогиня отвѣчала тѣмъ, что, въ свою очередь, давала на яхтѣ обѣды и балы. Обходясь со всѣми съ чрезвычайной любезностью, леди Кингстонъ заискивала между тѣмъ расположеніе тѣхъ изъ вельможъ, которые имѣли въ ту пору особенное значеніе при дворѣ и пользовались въ обществѣ большимъ вліяніемъ, и вскорѣ герцогиня сдѣлалась самою желанною и самою видною гостьею тогдашняго высшаго круга въ Петербургѣ. Въ торжественныхъ слу-

чаяхъ и на дворцовыхъ выходахъ она являлась съ осыпанною драгоцѣнными камнями герцогскою короною на головѣ, слѣдуя въ этомъ случаѣ существовавшему тогда и донынѣ существующему среди англійскихъ дамъ обычаю—надѣвать, вмѣсто модныхъ головныхъ уборовъ, геральдическія короны, соотвѣтствующія титуламъ ихъ мужей. Въ Петербургѣ считали герцогиню Кингстонъ владѣтельною особою; говорили, что она близкая родственница королевскому дому и пускали въ ходъ баснословные разсказы объ ея несмѣтныхъ богатствахъ и безцѣнныхъ сокровищахъ, а въ офиціальныхъ русскихъ актахъ давали ей титулъ не только свѣтлости, но и высочества. Императрица приказала отвести для леди Кингстонъ одинъ изъ самыхъ лучшихъ домовъ въ Петербургѣ, а когда сильная буря повредила стоявшую на якорѣ на Невѣ яхту герцогини, то императрица простерла свою любезность къ гостьѣ до того, что распорядилась, безъ вѣдома ея, произвести исправленіе яхты на казенный счетъ. Вообще герцогинѣ жилось въ Петербургѣ отлично, гдѣ она, по словамъ русской поговорки, каталась какъ сыръ въ маслѣ: всѣ угождали ей, всѣ разсыпались передъ ней въ учтивости и любезностяхъ и ей недоставало только сердечныхъ побѣдъ; но пора такихъ побѣдъ для нея миновала: ей въ эту пору шелъ уже пятьдесятъ седьмой годъ; тѣмъ не менѣе, всѣ находили, что герцогиня была красивая на свои годы дама и чрезвычайно представительная персона.

Надобно предполагать, что леди Кингстонъ,— не пользовавшейся, не смотря на громадныя богатства и громкій герцогскій, правда, отнятый у ней по суду, титулъ,—никакимъ значеніемъ среди слишкомъ щепетильнаго аристократическаго общества въ Англіи, чрезвычайно польстила та встрѣча, какая была оказана ей въ Петербургѣ, гдѣ обращали постоянное на нее вниманіе и выражали ей уваженіе и государыня, и дворъ, и все общество, и гдѣ даже народъ, при встрѣчѣ съ нею на улицахъ, снималъ шапки передъ нею, какъ передъ владѣтельной особой. Прельщаемая всѣмъ этимъ и въ то же время сильно оскорбленная пренебреженіемъ, какое ей—вслѣдствіе полученныхъ изъ Лондона инструкцій—оказывалъ англійскій посолъ, находившійся въ Петербургѣ, леди Кингстонъ стала подумывать о томъ, чтобы разстаться съ своей непривѣтливой родиной и поселиться на всю жизнь въ гостепріимной Россіи. Въ особенности ей желательно было получить званіе статсъ-дамы при императрицѣ Екатеринѣ, такъ какъ званіе это, даваемое государынею съ большою разборчивостію, должно было возвысить ее въ общественномъ мнѣніи и если не окончательно уничтожить, то все же, по крайней мѣрѣ, хоть нѣсколько ослабить ту оскорбительную молву, которая на счетъ ея была распространена въ Англіи по по-

воду ея уголовнаго процесса. Сама герцогиня писала о себѣ, что она, имя которой гремѣло по всей Европѣ, сдѣлалась жертвою клеветы и ложныхъ слуховъ.

Когда герцогиня заявила болѣе близкимъ къ ней лицамъ о своемъ желаніи сдѣлаться статсъ-дамой русскаго двора, то лица эти замѣтили, что ей, какъ иностранкѣ, прежде чѣмъ пустить въ ходъ подобную просьбу, необходимо пріобрѣсти недвижимое имѣніе въ Россіи. При своихъ громадныхъ денежныхъ средствахъ, она не затруднилась нисколько сдѣлать подобное пріобрѣтеніе и черезъ нѣсколько недѣль купила на свое имя въ Эстляндіи у барона Фитингофа имѣніе, за которое заплатила семьдесятъ четыре тысячи тогдашнихъ серебряныхъ рублей. Имѣніе это, по родовой ея фамиліи Чэдлей, было названо Чэдлейскимъ или Чудлейскими мызами. Сдѣлавшись такимъ образомъ владѣлицею, судя по цѣнѣ, довольно значительнаго имѣнія въ Россіи, леди Кингстонъ начала разными путями стараться о томъ, чтобы на плечѣ ея явился осыпанный бриллiантами портретъ императрицы, какъ знакъ высокаго придворнаго званія, которое ей такъ хотѣлось получить. Не смотря, однако, на то расположеніе, какое постоянно оказывала государыня своей гостьѣ, Екатерина, по своимъ личнымъ соображеніямъ, отклонила домогательства герцогини подъ тѣмъ благовиднымъ и нисколько не оскорбительнымъ для леди Кингстонъ предлогомъ, что, по принятымъ ею правиламъ, званіе статсъ-дамы не предоставляется никогда иностранкамъ, не смотря на особенную благосклонность и уваженіе государыни къ ихъ знатности и персональнымъ достоинствамъ.

Разочарованная въ своихъ суетныхъ ожиданіяхъ, леди Кингстонъ приняла отказъ императрицы съ крайнимъ огорченіемъ. Въ добавокъ къ этой неудачѣ, оказалось, что купленное ею имѣніе въ дѣйствительности далеко не стоило той суммы, какая была за него заплачена, и что изъ него трудно было сдѣлать какое либо хозяйственное употребленіе, такъ какъ въ немъ можно было только рубить лѣсъ, да ловить рыбу. Тогда одинъ прожектёръ предложилъ герцогинѣ устроить въ Чудлейскихъ мызахъ винный заводъ, увѣривъ ее, что она съ этого завода будетъ получать огромные доходы, въ которыхъ, надобно сказать кстати, при богатствѣ, оставленномъ ей покойнымъ герцогомъ, она вовсе не нуждалась. Тѣмъ не менѣе, ей полюбилась эта мысль и она приняла сдѣланное ей предложеніе, и вотъ графиня-герцогиня, пэресса Великобританіи по обоимъ мужьямъ, блестящая и чествуемая всѣми гостья императрицы, желавшая занять при дворѣ ея такое высокое положеніе, обратилась вдругъ ни съ того, ни съ сего—въ содержательницу виннаго завода! Поручивъ это новое промышленное

заведеніе надзору и управленію какого-то англійскаго плотника, служившаго на ея яхтѣ, герцогиня,—хотя разставшаяся съ императрицею самымъ дружественнымъ образомъ, но въ душѣ недовольная испытанною ею неудачею,—отправилась на своей яхтѣ изъ Петербурга во Францію и высадилась въ приморскомъ городѣ Калэ.

Жители этого города встрѣтили леди Кингстонъ съ необыкновенною торжественностію. Толпа народа поджидала на берегу пролива появленіе ея яхты; при выходѣ ея на пристань, молодыя дѣвушки, разодѣтыя по праздничному, поднесли ей цвѣты, и она, при радостныхъ крикахъ населенія, вступила въ приготовленный для нея отель, гдѣ ее ожидали представители города и роскошный завтракъ. Такая общественная демонстрація, по случаю пріѣзда леди Кингстонъ въ Калэ, объясняется тѣмъ, что агенты ея пустили слухъ, будто бы герцогиня намѣрена навсегда поселиться въ этомъ городѣ и употребить свои громадныя средства въ пользу его жителей, учреждая на свой счетъ воспитательныя, учебныя и разныя благотворительныя заведенія. На слѣдующій день къ ней начали являться съ визитами знаменитые горожане, поздравляя ее съ благополучнымъ прибытіемъ въ ихъ городъ и благодаря герцогиню за оказанную ему ею честь. Умалчивая, конечно, о своемъ водочномъ заводѣ, такъ нежданно-негаданно устроенномъ въ Россіи, герцогиня передъ явившимися къ ней посѣтителями пускалась въ пространные разсказы о своемъ пребываніи въ Петербургѣ, восхищалась имъ и съ восторгомъ передавала о той привѣтливой и почетной встрѣчѣ, какая была оказана ей и со стороны императрицы Екатерины, и со стороны всѣхъ русскихъ вельможъ и ихъ семействъ, и о томъ вниманіи, какое выказывалъ ей даже простой народъ. Въ этихъ разсказахъ упоминалось и объ обширныхъ пріобрѣтенныхъ герцогинею въ Россіи помѣстьяхъ или владѣніяхъ, обитатели которыхъ сдѣлались ея вѣрноподданными и, являясь передъ нею, не смѣли иначе приблизиться къ ней, какъ поклонившись нѣсколько разъ въ землю и поцѣловавъ раболѣпно край ея одежды. Она хвалилась необыкновеннымъ расположеніемъ къ ней императрицы, съ которой—по словамъ герцогини — она свела самую тѣсную дружбу и которая считала скучно проведеннымъ день, если она не была вмѣстѣ съ леди Кингстонъ. Герцогиня разсказывала и о блистательномъ празднествѣ, устроенномъ ею въ честь императрицы. На этомъ празднествѣ, затмившемъ все, что до того времени было видано въ Петербургѣ, находилось одной только прислуги сто-сорокъ человѣкъ. Жители и жительницы Калэ слушали всѣ эти разсказы развѣсивъ уши, а англичане, которые пріѣзжали въ этотъ городъ и бывали у герцогини, возвращаясь въ Англію, не только по-

вторяли разсказы, слышанные ими отъ леди Кингстонъ, но еще и добавляли ихъ своими собственными прикрасами, такъ что вскорѣ во всей Англіи заговорили о той необыкновенной благосклонности, какую удалось англійской леди пріобрѣсти у славной и могущественной русской государыни.

III.

Не смотря на почетъ, оказанный герцогинѣ жителями Калэ, однообразная тамъ жизнь скоро прискучила леди, которая, впрочемъ, до нѣкоторой степени оправдала ожиданія мѣстнаго населенія своими человѣколюбивыми пожертвованіями на общественную пользу и разнаго рода благодѣяніями, оказанными ею частнымъ лицамъ. Хотя постоянство не было принадлежностью характера герцогини, которая обыкновенно говорила, что она опротивѣла бы самой себѣ, если бы болѣе часу оставалась въ одномъ и томъ же расположеніи духа, но, тѣмъ не менѣе, мысль о сближеніи съ императрицею Екатериною и о появленіи при ея дворѣ въ блестящемъ положеніи не покидала леди Кингстонъ, не смотря даже на однажды уже испытанную неудачу. Ей думалось также, что ея владѣнія, не приносившія никакого ей пока дохода ни сами по себѣ, ни отъ находившагося въ нихъ водочнаго завода, заслуживаютъ того, чтобы еще разъ лично осмотрѣть ихъ и узнать на мѣстѣ о причинѣ ихъ неудовлетворительнаго состоянія. При разсмотрѣніи отчетовъ, присланныхъ герцогинѣ отъ управляющаго ея эстляндскимъ имѣніемъ, ей пришло въ голову, что имѣніе это будетъ совершенно въ иномъ положеніи, если ввести тамъ систему сельскаго хозяйства, усвоенную въ Англіи, что тогда имѣніе это сдѣлается образцовымъ во всей Россіи, а владѣтельница его пріобрѣтетъ себѣ громкую и почетную извѣстность. Кромѣ этого эстляндскаго имѣнія, у герцогини были уже въ ту пору великолѣпный домъ въ Петербургѣ и значительные участки земли подъ столицей. И честолюбивыя стремленія, и хозяйственныя соображенія побудили герцогиню снова предпринять, въ 1782 году, путешествіе въ Россію, но на этотъ разъ она поѣхала туда сухимъ путемъ, а не моремъ, въ сопровожденіи многочисленной свиты.

Герцогиня отправилась въ Петербургъ черезъ Германію и Австрію, съ тѣмъ, чтобы, проѣхавъ черезъ Эстляндію и осмотрѣвъ тамъ свои помѣстья, провести нѣкоторое время въ полюбившемся ей Петербургѣ. Къ этому времени она успѣла свести близкое знакомство съ княземъ Потемкинымъ и надѣялась на его предстательство у императрицы въ ея пользу.

После побывки герцогини при блестящемъ дворѣ Екатерины, дворы тогдашнихъ нѣмецкихъ мелкихъ владѣтелей казались ей уже такими ничтожными, что на нихъ не стоило обращать никакого вниманія, хотя тамъ путешествующую съ богатой обстановкой англійскую герцогиню готовы были встрѣтить съ особымъ почетомъ. Она быстро миновала Германію и пріѣхала въ Вѣну, гдѣ ее поразила роскошь тамошнихъ вельможъ-богачей и гдѣ она была принята императоромъ Іосифомъ II не особенно-благосклонно. Изъ Вѣны герцогиня написала письмо къ одному изъ сильнѣйшихъ въ ту пору литовско-польскихъ магнатовъ, князю Карлу Радзивиллу, извѣщая его, что она намѣрена побывать у него въ гостяхъ. Князь Карлъ Радзивиллъ жилъ не въ ладахъ съ королемъ польскимъ, Станиславомъ Понятовскимъ, а слѣдовательно, и съ императрицею Екатериною, покровительствовавшею посаженному ею на польскій престолъ Понятовскому. Съ Радзивилломъ герцогиня познакомилась въ Римѣ въ то время, когда онъ, изгнанный изъ отечества, готовился выставить противъ Екатерины извѣстную самозванку княжну Елисавету Тараканову, выдавая ее за дочь императрицы Елисаветы Петровны отъ тайнаго брака съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ Разумовскимъ. Изъ свѣдѣній, сохранившихся о герцогинѣ Кингстонъ, нельзя, впрочемъ, заключить, чтобы она участвовала въ козняхъ Радзивилла.

Герцогиня была также очень близка и съ другою личностію, подготовлявшею смуты въ Россіи, съ однимъ изъ весьма извѣстныхъ въ прошломъ столѣтіи авантюристовъ — Стефаномъ Зановичемъ, который странствовалъ по Европѣ подъ разными именами, а въ 1773 г. пытался въ Черногоріи выдать себя за покойнаго императора Петра III. Не успѣвъ въ своемъ дерзкомъ намѣреніи, Зановичъ выбрался изъ Черногоріи и жилъ въ Польшѣ, принявъ фамилію Вартъ, которую съ графскимъ титуломъ носила и герцогиня Кингстонъ по купленному ею въ курфиршествѣ баварскомъ имѣнію. Проживая въ Польшѣ, Зановичъ сблизился съ тамошними магнатами, въ особенности съ княземъ Карломъ Радзивилломъ, съ которымъ онъ также познакомился въ Римѣ предъ появленіемъ Таракановой и, по всей вѣроятности, былъ въ этомъ случаѣ дѣятельнымъ пособникомъ Радзивилла, какъ уже самъ пускавшійся въ самозванство. При первомъ знакомствѣ съ герцогиней, Зановичъ, явившійся къ ней въ богатомъ албанскомъ костюмѣ, разшитомъ золотомъ и украшенномъ бриллiантами, выдалъ себя ей за потомка древнихъ владѣтельныхъ князей Албаніи. Она была увлечена его смѣлымъ умомъ и чрезвычайною находчивостію, дѣлала ему драгоцѣнные подарки. По словамъ самой леди Кингстонъ, Зановичъ былъ „лучшимъ изъ всѣхъ Божіихъ созданій“ и до того плѣ-

нилъ герцогиню, что заставилъ ее забыть Гамильтона. Встрѣчается извѣстіе, что она хотѣла выйти за него замужъ. Изъ сохранившихся объ этомъ Стефанѣ Зановичѣ біографическихъ извѣстій трудно сказать не былъ ли онъ изъ числа тѣхъ братьевъ графовъ Зановичей, которые, поселившись въ Шкловѣ, у извѣстнаго любимца Екатерины и игрока Зорича, были признаны виновными въ поддѣлкѣ ассигнацій и, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ заключенія въ Шлиссельбургской крѣпости, были посажены на корабль въ Архангельскѣ и отправлены оттуда за границу.

Зановичъ, о которомъ идетъ рѣчь, родился въ 1752 году въ Албаніи, близь ея границъ съ Черногоріей. Отецъ его, Антоній Зановичъ, переселился въ 1760 году въ Венецію, гдѣ нажилъ большое состояніе, торгуя туфлями восточной выдѣлки. Въ Венеціи выросли его сыновья, получившіе въ послѣдствіи хорошее образованіе въ Падуанскомъ университетѣ. Въ 1770 году Стефанъ Зановичъ и братъ его Премиславъ отправились путешествовать по Италіи и, встрѣтивъ во время этого путешествія какого-то молодаго богача англичанина, обыграли его шулерскимъ образомъ на 90,000 фунтовъ стерлинговъ. Родители проигравшагося юноши не захотѣли платить Зановичамъ такой громадный карточный долгъ. По жалобѣ ихъ возникло уголовное дѣло, кончившееся тѣмъ, что братья Зановичи, какъ игроки-мошенники, были высланы изъ великаго герцогства Тосканскаго съ запрещеніемъ появляться туда когда либо. Послѣ этого Зановичи, гоняясь за счастьемъ на игорныхъ столахъ, странствовали, въ 1770 и 1771 годахъ, по Франціи, Англіи и Италіи, а въ 1773 году братья разстались, такъ какъ старшій изъ нихъ, Стефанъ, отправился въ Черногорію и тамъ, какъ мы уже сказали, пытался выдать себя за императора Петра III. Въ 1776 году онъ странствовалъ по Германіи подъ именами Беллини, Балбидсона, Чарновича и графа Кастріота-Албанскаго. Въ это время, неизвѣстно для какихъ именно цѣлей, онъ получалъ весьма значительныя суммы отъ польскихъ конфедератовъ, старавшихся побудить Турцію къ новой войнѣ съ Россіею. Въ 1783 году Стефанъ Зановичъ появился въ Амстердамѣ подъ именемъ Царабладаса, но тамъ за долги былъ посаженъ въ тюрьму; поляки выкупили его изъ тюремнаго заключенія и тогда онъ, подъ именемъ князя Зановича-Албанскаго, началъ принимать дѣятельное участіе въ возстаніи Голландіи противъ императора Іосифа II. Инсургенты щедро снабжали его деньгами, а онъ обѣщалъ имъ подбить черногорцевъ къ нападенію на австрійскія владѣнія. Вскорѣ, однако, надъ нимъ разразилась бѣда: по заявленію турецкаго посланника изъ Вѣны въ Амстердамъ, онъ былъ заподозрѣнъ въ самозванствѣ и посаженъ въ

тюрьму; его обвиняли въ мошенничествѣ и обманахъ и ему готовилась слишкомъ печальная будущность, когда, 25-го мая 1785 года, онъ былъ найденъ въ тюрьмѣ мертвымъ на своей койкѣ: оказалось, что онъ какимъ-то острымъ орудіемъ перерѣзалъ себѣ жилу на лѣвой рукѣ. По разсказу герцогини Кингстонъ, Зановичъ умеръ принявъ ядъ, находившійся у него въ перстнѣ. Передъ смертью онъ написалъ герцогинѣ письмо, въ которомъ сознавался, что онъ жилъ подъ чужими именами, и что онъ былъ вовсе не то лицо, за котораго его принимали. Къ чести голландскаго правительства надобно сказать, что это письмо не было распечатано, но во всей неприкосновенности было доставлено по адресу. Какъ самоубійца, Зановичъ былъ преданъ позорному погребенію безъ совершенія надъ его тѣломъ похоронныхъ христіанскихъ обрядовъ. Такія свѣдѣнія о Стефанѣ Зановичѣ сообщаетъ авторъ книжки подъ заглавіемъ „Histoire de la vie et des aventures de la duchesse de King ston“. По всей однако вѣроятности, онъ смѣшиваетъ Стефана Зановича съ другимъ самозванцемъ, Степаномъ Малымъ, родомъ изъ Крайны, который въ 1769 году господствовалъ въ Черногоріи. Подъ видомъ лекаря онъ, пройдя всю Черную Гору, провозгласилъ себя въ Майнѣ всенародно императоромъ Петромъ III, низверженнымъ съ престола. Черногорцы повѣрили ему, признали его своимъ правителемъ и, не смотря на его деспотизмъ, не выдали его ни русскимъ, ни туркамъ, съ которыми вели изъ-за него кровопролитную войну. Степанъ Малый управлялъ Черногоріею четыре года и въ семидесятыхъ годахъ былъ убитъ своимъ слугою, родомъ грекомъ, подкупленнымъ турками. Въ это время онъ не имѣлъ уже никакой власти въ Черногоріи и былъ совершенно слѣпъ, но тѣмъ не менѣе турки страшились его. Очевидно, что этотъ Степанъ и по времени рожденія, а также и по времени и обстоятельствамъ смерти, не могъ быть Стефаномъ Зановичемъ, но легко можетъ статься, что этотъ послѣдній явился въ Черногоріи, подражая примѣру Степана Малаго, и что самозванство его тамъ не имѣло никакого успѣха.

Вообще относительно Зановичей въ біографіи герцогини Кингстонъ представляется значительная путаница. Авторъ этой біографіи заимствовалъ свои свѣдѣнія, вѣроятно, изъ сочиненія Бартольда: „Die geschichtlichen Persönlichkeiten in Jacob Casanova's Memoiren“. Бартольдъ разсказываетъ, что Стефанъ и Предиславъ Зановичи, родомъ далматинцы, въ 1776 году явились въ Постдамѣ и успѣли втереться въ общество принца прусскаго, гдѣ Стефанъ выдавалъ себя за албанскаго государя. Очевидно, однако, что этотъ Стефанъ Зановичъ, умершій въ 1785 году, не могъ быть тѣмъ Зановичемъ, который го-

стилъ въ Шкловѣ у Зорича и потомъ до 1788 года жилъ въ Шлиссельбургской крѣпости. Обратимся къ Кингстонъ.

Получивъ письмо герцогини, Радзивиллъ поспѣшилъ отвѣтить на него самымъ любезнымъ приглашеніемъ, и приготовилъ къ ея пріѣзду такія великолѣпныя празднества, которыя должны были затмить чуть-ли не всѣ прежніе пиры, даваемые княземъ, сорившимъ въ подобныхъ случаяхъ деньги безъ всякаго счета. Мѣстомъ свиданія съ леди Кингстонъ князь назначилъ одну принадлежавшую ему деревеньку, называвшуюся Бергъ и лежавшую по большой дорогѣ, не въ дальнемъ разстояніи отъ Риги, черезъ которую должна была проѣзжать герцогиня, направляя свой путь въ Петербургъ. Въ этой деревенькѣ, по распоряженію Радзивилла, былъ наскоро выстроенъ великолѣпный домъ для пріема герцогини, и когда она пріѣхала туда, то явившійся къ ней одинъ изъ шляхтичей, состоявшихъ на службѣ во дворѣ Радзивилла, доложилъ ей, что наияснѣйшій князь желаетъ встрѣтить свою знаменитую гостью безъ всякаго церемоніала, какъ старый и искренно преданный ей другъ, а потому онъ представится ей запросто, пораньше на слѣдующее утро. Дѣйствительно, на другой день, только что разсвѣло, какъ показался въ Бергѣ Радзивиллъ. Поѣздъ его состоялъ изъ сорока различныхъ экипажей, въ каждый изъ нихъ была запряжена шестерня превосходныхъ коней. Въ этихъ экипажахъ сидѣли дамы и дѣвицы, заранѣе приглашенныя Радзивилломъ на предстоящее празднество и собравшіяся наканунѣ въ назначенное мѣсто. За длинной вереницей экипажей слѣдовало шестьсотъ лошадей; на однѣхъ изъ нихъ ѣхали конюхи, пикинеры, ловчіе, стремянные, доѣзжачіе и шляхтичи, служившіе у Радзивилла, а другихъ лошадей они держали въ поводу, а на сворахъ было при нихъ до тысячи гончихъ псовъ. Самъ Радзивиллъ былъ на кровномъ арабскомъ скакунѣ, въ сбруѣ съ золотой отдѣлкой и украшенной драгоцѣнными каменьями. Князя окружали со всѣхъ сторонъ его надворные казаки и гусары.

Представившись герцогинѣ, Радзивиллъ пригласилъ ее проѣхаться, въ сопровожденіи всего поѣзда, въ особо приготовленной парадной каретѣ, за нѣсколько миль отъ деревни Бергъ, въ то мѣсто, гдѣ среди лѣса, на нарочно расчищенной обширной полянѣ, было построено, въ нѣсколько дней, нѣчто въ родѣ небольшаго, чистенькаго городка, посреди котораго находился назначенный для герцогини особый домикъ со всѣми удобствами барскаго жилья. Княжескій поѣздъ прибылъ на эту поляну подъ вечеръ, почему празднество началось великолѣпнымъ фейерверкомъ, послѣ котораго, на близь лежащемъ озерѣ, происходило примѣрное сраженіе двухъ кораблей. По окончаніи фейерверка и морской битвы, князь повелъ герцогиню по городку,

домики котораго оказались ярко освѣщенными лавками, наполненными самымъ дорогимъ и разнообразнымъ товаромъ. Радзивиллъ предложилъ герцогинѣ выбирать все, что ей понравится, и такимъ способомъ преподнесъ ей множество цѣнныхъ подарковъ. Послѣ того, гостья, хозяинъ и сопровождавшее ихъ многочисленное общество отправились въ обширное помѣщеніе, занятое княземъ, гдѣ онъ, среди самой роскошной обстановки, открылъ балъ съ герцогинею, какъ съ царицею праздника. Лишь только, по окончаніи танцевъ, всѣ гости оставили бальную залу, ее охватило яркое пламя, такъ какъ наружныя стѣны этой постройки смазаны были легко-воспламеняющимся составомъ, и гости Радзивилла, при такомъ неожиданномъ освѣщеніи, оставили мѣсто увеселенія, чтобы ѣхать въ замокъ Радзивилла, гдѣ ихъ ожидали роскошный ужинъ и удобный ночлегъ. На одно это празднество, какъ передаетъ герцогиня, Радзивиллъ истратилъ до 50,000 тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

Герцогиня провела въ гостяхъ у Радзивилла двѣ недѣли, въ продолженіе которыхъ она посѣтила и знаменитый родовой его замокъ, находившійся въ мѣстечкѣ Несвижѣ. Не вдалекѣ отъ этого мѣстечка, окруженнаго тогда густыми дебрями, Радзивиллъ для потѣхи герцогини устроилъ охоту на кабановъ. Охота происходила ночью, при свѣтѣ факеловъ; на нее, по приглашенію Радзивилла, съѣхались всѣ сосѣдніе паны съ ихъ семействами и каждый изъ нихъ имѣлъ при себѣ множество слугъ, и вся эта ватага кормилась сытно и вкусно въ теченіе нѣсколькихъ дней на счетъ тароватаго магната. По ночамъ, во время проѣзда герцогини по владѣніямъ Радзивилла, которыя съ малыми перерывами тянулись чрезъ всю Литву, дороги были освѣщаемы пылавшими кострами и смоляными бочками, а около ея кареты ѣхали провожатые съ зажженными факелами. Во всѣхъ мѣстечкахъ, принадлежавшихъ князю, мѣстныя власти являлись привѣтствовать герцогиню, о приближеніи которой возвѣщали жителямъ пушечные выстрѣлы. Въ свою очередь, и мелкая шляхта, раболѣпствовавшая передъ Радзивилломъ, въ угоду могущественнаго магната, приготовляла его гостьѣ если и не такія пышныя, то все-же чрезвычайно радушныя встрѣчи.

Сама Кингстонъ, разсказывая въ своей краткой біографіи, помѣщенной въ „Запискахъ“ баронессы Оберкирхъ, о томъ пріемѣ, какой ей сдѣлалъ Радзивиллъ,—прибавляетъ, что онъ, страстно влюбленный въ нее со времени знакомства въ Римѣ, просилъ ея руки, но она отказалась вступить съ нимъ въ бракъ, не желая оставаться въ дикой странѣ, среди сарматовъ, которые одѣваются въ звѣриныя шкуры.

IV.

Изъ этой дикой страны леди Кингстонъ, разставшись дружески съ Радзивилломъ, отправилась въ Петербургъ, гдѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ встрѣтили ее съ такимъ почетомъ и гдѣ теперь ожидало ее горькое разочарованіе. Прежній чрезвычайно-благосклонный пріемъ, оказанный герцогинѣ со стороны императрицы Екатерины, замѣнился теперь вѣжливою и сдержанною холодностью. Русскіе вельможи не чествовали уже ее какъ въ первый пріѣздъ, а народъ не зазѣвывался уже на герцогиню, пріѣхавшую не на великолѣпной яхтѣ, а въ обыкновенномъ дорожномъ экипажѣ. На этотъ разъ Петербургъ показался герцогинѣ совсѣмъ не тѣмъ городомъ, какимъ онъ показался ей въ 1776 году. Она была теперь въ немъ совершенно незамѣтною личностью; отношенія ея къ двору ограничились сухимъ офиціальнымъ представленіемъ, и императрица не приглашала ее въ свой избранный кругъ, а петербургская знать не устраивала въ честь ея никакихъ праздниковъ. При такой неблагопріятной обстановкѣ, герцогинѣ вскорѣ пришлось убѣдиться, что ей нечего было ожидать и искать въ Петербургѣ, и что получить желаемое ею званіе статсъ-дамы рѣшительно нѣтъ никакой возможности. Въ добавокъ къ тому, всѣ ея надежды—составлявшія, впрочемъ, собственно капризъ, а не потребность,—надежды на полученіе ею громадныхъ доходовъ съ купленныхъ ею въ Эстляндіи Чэдлейскихъ мызъ, оказались несбыточными. Водочный заводъ не только не приносилъ своей знатной владѣлицѣ никакихъ прибылей, но, напротивъ, казна, за разныя открытыя опущенія на заводѣ, а также за неточное соблюденіе тамъ узаконеній и правилъ по винокуренной и питейной части, наложила на герцогиню штрафы и денежные начеты, такъ что тотчасъ по пріѣздѣ ея въ Петербургъ, къ ней явился полицейскій офицеръ, представившій ей, на основаніи указа казенной палаты, о платежѣ причитающихся съ нея разнаго рода взысканій. Независимо отъ этого, занятіе по водочной части сильно уронило въ общественномъ мнѣніи столицы прежнюю знаменитую петербургскую гостью: на нее уже не смотрѣли теперь какъ на знатную иностранную путешественницу, сорящую деньгами, но скорѣе какъ на заѣзжую промышленницу, желавшую поразжиться посредствомъ надуванія казны и на счетъ испивающаго люда. Обаяніе, окружавшее герцогиню въ первый пріѣздъ, совершенно исчезло и прежнія розказни объ ея несмѣтныхъ богатствахъ замѣнились теперь болтовней, которая могла бы даже легко подорвать фи-

нансовый кредитъ герцогини, если бы только она нуждалась въ немъ. Вслѣдствіе этого, вторая поѣздка леди Кингстонъ въ Россію обошлась безъ всякаго шума и по своимъ результатамъ была для нея гораздо непріятнѣе чѣмъ первая, послѣ которой герцогиня всетаки увозила съ собою хотя нѣкоторыя воспоминанія, льстившія ею ненасытимому самолюбію. Побывъ нѣсколько дней въ Петербургѣ и не заставъ здѣсь Потемкина, на покровительство котораго она надѣялась, герцогиня вернулась въ Калэ на нанятомъ французскомъ коммерческомъ суднѣ, не представлявшемъ той роскоши и тѣхъ удобствъ, какими отличалась ея собственная яхта.

По возвращеніи во Францію, герцогиня Кингстонъ, какъ сама она говорила, окончательно избрала мѣстомъ постояннаго своего пребыванія городъ Калэ, жители котораго — по словамъ ея біографа — не переставали пользоваться ея необыкновенною къ нимъ щедростью. Въ 1786 году она задумала-было поѣхать въ Англію, и въ кингстонгоузскомъ замкѣ начались уже приготовленія къ пріѣзду его владѣтельницы; но узнавъ, что англійскія газеты снова въ непріязненномъ тонѣ заговорили о ней, и что на счетъ ея стали появляться въ Лондонѣ самые оскорбительные, до-нельзя грязные пасквили и памфлеты, она отказалась отъ своего намѣренія посѣтить Англію и рѣшилась навсегда остаться во Франціи, переселившись на житье въ Парижъ. Тамъ она наняла на всю жизнь въ улицѣ Кокронь великолѣпную гостинницу, называвшуюся „Parlement d'Angleterre, а въ недальномъ разстояніи отъ Фонтенебло купила замокъ Сентъ-Ассизъ, заплативъ за него 1,400,000 ливровъ. Въ этомъ роскошномъ замкѣ она, послѣ его покупки, прожила одну только недѣлю. Она умерла въ Сентъ-Ассизѣ скоропостижно, отъ разрыва сердца, 28-го августа 1788 года, на шестьдесятъ девятомъ году отъ рожденія.

Баронесса Оберкирхъ, видѣвшая герцогиню за нѣсколько дней до ея смерти, писала о леди Кингстонъ слѣдующее: „она дѣйствительно женщина необыкновенная; она поверхностно знала чрезвычайно много, такъ какъ проводила время съ людьми умными, образованными, бывшими въ ту пору знаменитостями во всей Европѣ. Хотя она только слегка могла касаться того или другаго ученаго или вообще важнаго вопроса, но говорила превосходно и картинно". При большомъ знакомствѣ съ практическою жизнью, она имѣла слишкомъ пылкое воображеніе и была горда и упряма. Не смотря на глубокую старость, леди Кингстонъ, по словамъ баронессы Оберкирхъ, сохраняла еще слѣды поразительной красоты, а походка ея была такая же, какая была у королевы Маріи Антуанеты, а королева, по словамъ г-жи Лебренъ, отличалась такою величественною походкою, какой во всей Европѣ

не имѣла ни одна женщина. Впрочемъ, баронесса Оберкирхъ идетъ въ своихъ похвалахъ еще далѣе, говоря, что старуха-герцогиня „выступала какъ богиня“ и что никто не умѣлъ поклониться и такъ величественно и такъ граціозно, какъ леди Кингстонъ.

Послѣ смерти герцогини, осталось въ Парижѣ разнаго рода имущества на милліонъ четыреста фунтовъ стерлинговъ; къ этому нужно прибавить помѣстье, купленное въ Россіи, и богато-отдѣланный въ Петербургѣ домъ, а также и лежавшіе въ разныхъ банкахъ капиталы. Въ общей же сложности, все ея состояніе простиралось, по самой умѣренной оцѣнкѣ, до трехъ милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, хотя она и тратила доставшееся ей отъ мужа наслѣдство безъ всякаго расчета, бросая пригоршнями деньги куда ни попало.

Однажды она показала баронессѣ Оберкирхъ свои драгоцѣнности и баронесса, хотя порядкомъ уже присмотрѣвшаяся къ такимъ вещамъ, была поражена необыкновенною рѣдкостію и стоимостью драгоцѣнныхъ камней. Дорогихъ вещей было у герцогини Кингстонъ такое множество, что каждую изъ нихъ надо было занумеровать и записать въ особый инвентарь, представлявшій объемистую книгу.

Замѣчательно, что, не смотря на неудачи, испытанныя въ обѣихъ поѣздкахъ въ Петербургъ, герцогиня Кингстонъ чувствовала къ нему какое-то особое влеченіе, которое и высказано ею въ ея завѣщаніи. Въ немъ леди Елизавета говоритъ, что въ случаѣ, если она умретъ по близости Петербурга, то чтобы ее непремѣнно похоронили въ этомъ городѣ, такъ какъ она желаетъ, чтобы прахъ ея покоился въ томъ мѣстѣ, куда при жизни постоянно стремилось ея сердце. Нѣкоторую часть своего состоянія она предоставила тѣмъ лицамъ, съ которыми познакомилась въ бытность свою въ Россіи, и, между прочимъ, завѣщала императрицѣ Екатеринѣ драгоцѣнный головной уборъ изъ бриліантовъ, жемчугу и разныхъ самоцвѣтныхъ камней.

V.

Завѣщаніе герцогини Елизаветы Кингстонъ вызвало въ Россіи продолжительный и запутанный процессъ, заслуживающій вниманія какъ по его ходу, такъ и по предметамъ спора. Завязалось въ судебныхъ и административныхъ мѣстахъ и „вотчинное“ и „тяжебное“ дѣло, наполнившее собою нѣсколько толстыхъ фоліантовъ. Приказные того времени судили и рядили надъ завѣщаніемъ покойной герцогини, называя ее въ офиціальныхъ актахъ „Кингстоновой“, и даже еще проще—

„Кингстоншей“. Дѣло это велось очень долго, и, по всей вѣроятности, оно тянулось бы еще долѣе, если бы на него не обратилъ вниманія императоръ Павелъ, чрезвычайно не любившій ни медленности, ни проволочекъ, и быстро разрѣшавшій своею верховною властью такіе юридическіе вопросы, которые, по ихъ сложности, требовали постепеннаго производства и разносторонняго обсужденія.

Только что смерть герцогини и содержаніе ея завѣщанія сдѣлались извѣстны въ Россіи, какъ коллежскій совѣтникъ баронъ Фридрихъ фонъ-Розенъ, служившій въ ту пору совѣтникомъ эстляндскаго губернскаго правленія, предъявилъ свои права на полученіе „Чудлейскихъ мызъ“ въ силу упомянутаго завѣщанія. Права барона оказывались чрезвычайно шаткими. Въ исковомъ своемъ прошеніи онъ объяснялъ, что герцогиня Кингстонъ, рожденная Елизавета „Чудленгъ“, составленною ею во Франціи, 8-го октября 1786 года, духовною отказала состоящія въ ревельскомъ намѣстничествѣ Чудлейскія мызы со всѣмъ къ онымъ принадлежащимъ, — съ тѣмъ, чтобы аптекарю ея выдать 30,000 рублей, а нѣкоторыхъ ея людей отпустить на волю—одной особѣ и ея наслѣдникамъ, однако не упомянула имя оной, но оставила на сіе бѣлое мѣсто“. Этою неупомянутою въ завѣщаніи герцогини особою и считалъ себя баронъ Фридрихъ фонъ-Розенъ. Разумѣется, что въ подтвержденіе этого слѣдовало представить доказательства и доводы и, съ своей стороны, баронъ нисколько не затруднился этимъ. То обстоятельство, что герцогиня Кингстонъ подъ „бѣлымъ мѣстомъ“ разумѣла его, барона Розена, а не какую либо другую особу, онъ принялся объяснять тѣмъ, что умершая герцогиня „за оказанное имъ, Розеномъ, ей почтеніе, любовь и заслуги и дабы наградить расходы, употребленные для нея на поѣздки, уже въ 1783 году помянутыя Чудлейскія мызы со всѣмъ, что въ оныхъ по кончинѣ ея найдется, при свидѣтеляхъ ему и его фамиліи подарила, такъ, чтобы ихъ, по смерти ея, ему во владѣніе получить“.

Тѣмъ временемъ, пока принялись въ низшей судебной инстанціи разсматривать правильность претензіи, предъявленной барономъ Розеномъ къ наслѣдству, оставшемуся въ Россіи послѣ герцогини Кингстонъ, изъ Лондона, черезъ посредство тамошняго русскаго посланника графа Воронцова, была прислана выписка изъ духовнаго завѣщанія герцогини, засвидѣтельствованная архіепископомъ кэнтерберійскимъ. Изъ этой выписки оказывалось, что исполнителемъ посмертной воли герцогини былъ назначенъ кавалеръ Пэнъ, который, пріѣхавъ въ Петербургъ, передалъ, съ разрѣшенія императрицы, свое пол-

номочіе полковнику Гарновскому, вступившему, вслѣдствіе этого, во всѣ права и обязанности душеприкащика по наслѣдству, оставшемуся въ Россіи послѣ „Кингстонши". Домогаться этого наслѣдства явился въ Петербургъ графъ Беме, оказавшійся соперникомъ барону Розену по Чудлейскимъ мызамъ, но такъ какъ онъ въ завѣщаніи вовсе упомянутъ не былъ, то и былъ устраненъ русскими судебными мѣстами отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ.

Полковникъ Гарновскій, начавшій вѣдать наслѣдство, оставшееся послѣ герцогини Кингстонъ, былъ, безъ сомнѣнія, одинъ изъ самыхъ ловкихъ русскихъ дѣльцовъ прошлаго столѣтія. Онъ чрезъ правителя канцеляріи князя Потемкина, извѣстнаго Василія Степановича Попова, состоялъ въ числѣ весьма близкихъ людей къ князю Потемкину, и во время отсутствія Потемкина изъ Петербурга увѣдомлялъ его подробно обо всемъ, что̀ дѣлалось и говорилось при дворѣ и въ домахъ знатныхъ лицъ. Свои письма или донесенія Гарновскій посылалъ на имя Попова и писалъ ихъ въ родѣ поденныхъ записокъ, которыя представляютъ много интереснаго. Записки эти были напечатаны въ „Русской Старинѣ" изд. 1876 г. и изъ нихъ между прочимъ видно какою расторопностью отличался полковникъ, успѣвавшій втереться всюду. Что же касается его отношеній къ герцогинѣ, то онъ сблизился съ нею, провожая ее изъ Петербурга во Францію при возвращеніи ея туда изъ первой поѣздки въ Петербургъ. Въ біографіи герцогини, записанной баронессою Оберкирхъ, упоминается, что леди Кингстонъ всѣ свои дѣла въ Россіи поручила надзору и попеченію господина Гарновскаго, а изъ писемъ ея къ нему должно заключить, что она считала его самымъ преданнымъ ей въ Россіи человѣкомъ. Въ августѣ 1787 года герцогиня поручила своему камердинеру Джону Лилли, бывшему въ то время въ Петербургѣ, переговорить съ Гарновскимъ по всѣмъ ея дѣламъ, а самому Гарновскому, между прочимъ, писала: „если нужда потребуетъ, то вы откроетесь и князю Потемкину, ибо я не хочу, чтобы отъ него что либо было скрыто. Увѣрьте его,—писала далѣе герцогиня,—что я очень сожалѣю, что не увижусь съ нимъ до зимняго пути". Въ другомъ письмѣ, отъ 24-го октября того же года, герцогиня писала Гарновскому, что она „считаетъ себя чрезвычайно несчастливою, такъ какъ отъ всего свѣта обижена", и просила его посовѣтовать ей, что̀ дѣлать съ Чудлейскими мызами. Наконецъ, въ послѣднемъ ея письмѣ къ Гарновскому, написанномъ не задолго до смерти герцогини, она просила Гарновскаго извѣстить ее объ ея „другѣ" кн. Потемкинѣ, выражая сожалѣніе, что во время своего послѣдняго пріѣзда въ Петербургъ, она не застала тамъ князя, а между тѣмъ хо-

тѣла просить черезъ него о чемъ-то императрицу. Въ заключеніе она поручила Гарновскому передать Потемкину, что у него, Потемкина, во всемъ свѣтѣ нѣтъ лучшей пріятельницы какъ она, герцогиня. Переписка же Гарновскаго съ леди Кингстонъ не дошла до насъ, даже въ самомъ небольшомъ отрывкѣ.

Лишь только умерла герцогиня, какъ секретарь ея, бывавшій съ нею въ Петербургѣ, поспѣшилъ увѣдомить письмомъ Гарновскаго, что ему, „добродѣтельному“ (vertueux) Гарновскому, живущему въ С.-Петербургѣ и состоящему при канцеляріи кн. Потемкина, въ уваженіе его почтительной привязанности и тѣхъ постоянныхъ и тяжелыхъ заботъ, какія онъ оказывалъ въ отношеніи герцогини во время ея поѣздки изъ Петербурга во Францію, куда онъ былъ посланъ съ нею по волѣ ея императорскаго величества, — герцогиня отказала пятьдесятъ тысячъ рублей, которыя слѣдуетъ ему получить въ теченіе года со дня кончины герцогини. Въ письмѣ этомъ сообщалось также и о томъ, что герцогиня завѣщала императрицѣ великолѣпный головной уборъ и всѣ свои картины, находившіяся въ Петербургѣ, съ тѣмъ, впрочемъ, условіемъ, если государыня пожелаетъ принять ихъ, то она приметъ на себя уплату 150,000 рублей тѣмъ лицамъ, которыя будутъ назначены въ Англіи исполнителями духовнаго завѣщанія герцогини.

Нѣкоторыя изъ этихъ картинъ были, однако, предметомъ спора между герцогинею и графомъ Чернышевымъ. При первой поѣздкѣ въ Россію, герцогиня, освѣдомившись о томъ вліяніи, какое имѣлъ при дворѣ графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ, предложила ему письменно въ подарокъ нѣсколько картинъ, выбранныхъ ею самою. Когда же, по пріѣздѣ ея въ Петербургъ, ей представился Чернышевъ, то онъ, благодаря герцогиню за сдѣланный ему подарокъ, замѣтилъ, что присланныя ему картины стоятъ по крайней мѣрѣ 10,000 фунтовъ стерлинговъ, такъ какъ между ними были произведенія Рафаэля и Клодта Лоррена. Услышавъ это, герцогиня, не имѣвшая никакого понятія въ живописи, пожалѣла, что такой слишкомъ цѣнный подарокъ достался въ руки Чернышева, и захотѣла возвратить эти двѣ картины подъ предлогомъ, что онѣ были самыя любимыя картины ея покойнаго мужа, и потому начала при другихъ, бывшихъ у нея въ это время гостяхъ, благодарить графа за позволеніе оставить эти картины въ его домѣ до тѣхъ поръ, пока не будетъ отдѣланъ собственный ея домъ, купленный въ Петербургѣ. Хитрость эта однако не удалась: Чернышевъ не возвратилъ картинъ, говоря, что онѣ подарены ему герцогинею въ полную собственность, а герцогиня, отре-

каясь отъ того, что она сдѣлала графу такой подарокъ, громко говорила о безчестномъ присвоеніи имъ этихъ картинъ и даже въ своемъ завѣщаніи привела длинный разсказъ о томъ, какимъ недобросовѣстнымъ путемъ Чернышевъ завладѣлъ картинами, которыя были отданы ему только на сохраненіе.

Чернышевъ въ этомъ случаѣ былъ не совсѣмъ правъ, это слѣдуетъ заключить изъ замѣтки, находящейся въ „Дневникѣ" Храповицкаго. Подъ 8-мъ янв. 1790 года Храповицкій пишетъ: „Читали мнѣ (т. е. читала императрица Екатерина) изъ духовной Кингстонши ея возраженіе на присвоеніе картинъ графомъ Чернышевымъ. Онъ вчера заговорилъ, будто онѣ подарены ему, а я ему сказала: qu'à sa place à la première demande je les aurais jetés par la fenêtre. Замѣтили каковъ онъ".

Императрица приказала признать завѣщаніе герцогини Кингстонъ дѣйствительнымъ въ Россіи. Тогда Гарновскій обратился къ государынѣ съ просьбой, въ которой объяснялъ, что хотя герцогиня и завѣщала ему пятьдесятъ тысячъ рублей, но что онъ не надѣется получить эту сумму, такъ какъ за границею наслѣдники, завладѣвъ всѣмъ имѣніемъ леди Кингстонъ, начали оспаривать правильность ея завѣщанія, а все недвижимое ея имущество, находившееся во Франціи, было расхищено тотчасъ же послѣ ея смерти. Въ виду этого, Гарновскій просилъ государыню, чтобы, въ замѣнъ назначенныхъ ему по духовной герцогинею денегъ, были ему отданы ея домъ, находившійся въ Петербургѣ у Измайловскаго моста, и участокъ земли, лежавшій у Краснаго-кабачка, а также пожалованная императрицею герцогинѣ земля по рѣкѣ Невѣ, въ Шлиссельбургскомъ уѣздѣ, близь такъ называемыхъ Островковъ.

При покровительствѣ Потемкина, Гарновскому не трудно было получить благопріятную для него резолюцію по этой просьбѣ. Домъ герцогини Кингстонъ и упомянутыя земли достались ему. Надобно полагать, что домъ этотъ былъ отдѣланъ чрезвычайно роскошно. Такъ въ „Описаніи" извѣстнаго праздника, даннаго въ 1790 году Потемкинымъ въ Таврическомъ дворцѣ, между прочимъ, замѣчено, что въ главной залѣ этого дворца на каждой изъ эстрадъ стояло по вазѣ изъ бѣлаго каррарскаго мрамора съ отличною рѣзьбою, а подножіе ихъ было изъ сѣраго мрамора, „поелику— говорится далѣе въ „Описаніи"— вазы сіи имѣли чрезвычайный размѣръ по пространству мѣста, въ которомъ находились, то можно судить о величинѣ оныхъ и драгоцѣнности" и затѣмъ добавлено, что кн. Потемкинъ купилъ ихъ изъ оставшагося имущества герцогини Кингстонъ.

Вступивъ въ права душеприкащика, Гарновскій началъ распоряжаться въ Чудлейскихъ мызахъ самовольно, какъ полный безотчетный хозяинъ; онъ вывозилъ оттуда къ себѣ въ Петербургъ и цѣнные предметы, и разный домашній скарбъ. Между тѣмъ баронъ Розенъ, считая себя владѣльцемъ этихъ мызъ, тщетно во всѣхъ судебныхъ инстанціяхъ старался доказать свои права на полученіе означеннаго имѣнія, ссылаясь на то, что оно было подарено ему герцогинею при свидѣтеляхъ, а именно: въ присутствіи ея капельмейстера чеха Цигалы, и ея „подружки“ или компаніонки де-Мюнье, искавшей, впрочемъ, и въ свою очередь съ имѣнія герцогини и не заплаченнаго ей за нѣсколько лѣтъ жалованья, и не выданныхъ ей по обѣщанію „знатныхъ“ подарковъ и доводя, на основаніи этого, сумму своего иска до 12,000 рублей. Судебныя мѣста, въ виду сбивчивости свидѣтельскихъ показаній Цигалы и де-Мюнье, подкрѣпляя свои рѣшенія и шведскими, и датскими, и русскими законами, а также и уставами благороднаго эстляндскаго рыцарства, отказывали барону Розену въ его искѣ. Въ апелляціонныхъ своихъ жалобахъ онъ указывалъ на то, что рѣшеніе состоялось не въ его пользу только вслѣдствіе „развратнаго“ толкованія словъ и въ доказательство особаго къ нему расположенія герцогини ссылался, между прочимъ, на то, что она однажды поручила ему „купить пару волторнъ“. Какъ ни хлопоталъ баронъ, но очевидно было, что при такой слабости юридическихъ доказательствъ дѣла ему не выиграть и, дѣйствительно, онъ умеръ, не дождавшись развязки начатаго имъ процесса и передавъ свою тяжбу съ Гарновскимъ въ наслѣдіе двумъ своимъ дочерямъ.

VI.

Распоряжаясь полновластно въ Чудлейскихъ мызахъ, Гарновскій, вопреки завѣщанію герцогини, не отпускалъ на волю четырехъ ея рабовъ (esclaves), которымъ она, послѣ своей смерти, предоставила свободу; не уплачивалъ никому денегъ, слѣдовавшихъ по завѣщанію, и не приводилъ въ исполненіе той статьи духовной, въ силу коей 1/10 часть всѣхъ доходовъ герцогини съ принадлежащихъ ей въ Россіи владѣній была назначена „той особѣ или тѣмъ особамъ, которой или которымъ ея императорскому величеству благоугодно будетъ разрѣшить принять эти деньги для собственнаго ихъ употребленія“. Имея повсюду покровителей и благопріятелей, нажитыхъ во время Потемкина, Гарновскій не хотѣлъ никого и ничего знать. Онъ слылъ въ ту пору

однимъ изъ самыхъ первыхъ петербургскихъ богачей. Управляя домашними дѣлами кн. Таврическаго, а также принадлежавшимъ тогда князю, а нынѣ казнѣ, стекляннымъ заводомъ, находившимся подъ Петербургомъ, за Александро-Невскимъ монастыремъ, Гарновскій дѣйствительно нажилъ большія деньги и, между прочимъ, задумалъ употребить часть ихъ на постройку у Измайловскаго моста громаднаго каменнаго дома, носящаго и понынѣ имя перваго своего владѣльца. Сосѣдомъ при постройкѣ, затѣянной Гарновскимъ, оказался знаменитый Гавріилъ Романовичъ Державинъ, излившій свой гнѣвъ на Гарновскаго въ одномъ изъ своихъ стихотвореній, озаглавленномъ „Второму сосѣду“, такъ какъ Державинъ въ своихъ стихотворныхъ произведеніяхъ „первымъ сосѣдомъ“ считалъ М. С. Голикова, съ которымъ онъ жилъ прежде рядомъ на Сѣнной площади. Сосѣдомъ же Гарновскаго Державинъ сдѣлался тогда, когда онъ, Державинъ, купилъ у Измайловскаго моста домъ, принадлежащій нынѣ римско-католической духовной коллегіи и стоявшій рядомъ со строившимся домомъ Гарновскаго. Обращаясь къ строителю этого дома, Державинъ писалъ:

Почто же, мой второй сосѣдъ,
Столь зданьемъ пышнымъ, столь отличнымъ
Мнѣ солнца застѣняя свѣтъ,
Дворомъ межуешь безграничнымъ
Ты дому моему заборъ?
Ужель полей, прудовъ и рѣчекъ
Тьмы скупленныхъ тобой мѣстечекъ
Твой не насытятъ взоръ?

Гарновскій задумалъ выстроить домъ въ такимъ громадныхъ размѣрахъ, до которыхъ въ ту пору не доходили еще частныя постройки въ Петербургѣ, гдѣ его домъ, по своей величинѣ и вышинѣ, долженъ былъ быть самымъ обширнымъ зданіемъ послѣ Зимняго дворца. Великолѣпное это зданіе должно было примыкать къ дому Державина „эрмитажемъ“, въ которомъ предполагалось устроить садъ и фонтаны. Гарновскій строилъ свой домъ, расчитывая на то, что его купитъ императрица для кого нибудь изъ великихъ князей или великихъ княженъ, и надѣялся, что онъ при этомъ, благодаря содѣйствію князя Потемкина, перехватитъ порядочный кушъ. Державинъ, однако, пророчилъ ему недоброе, говоря:

Богъ вѣсть, что́ рокъ готовитъ намъ?
Быть можетъ, что сіи чертоги,

«Назначенны тобой царямъ»,
Жестоки времена и строги
«Во стойла конски» обратятъ!
За счастіе поруки нѣту,
И чтобъ твой Фебъ свѣтилъ вѣкъ свѣту—
Не бейся объ закладъ!

Предсказаніе Державина на счетъ Феба, свѣтившаго Гарновскому, и подъ которымъ онъ подразумѣвалъ Потемкина, вскорѣ сбылось. Могущественный покровитель предпріимчиваго полковника умеръ прежде, чѣмъ этотъ послѣдній успѣлъ подвесть подъ крышу свой громадный домъ. Гарновскій, насколько могъ, воспользовался смертью своего покровителя. Такъ какъ онъ, Гарновскій, завѣдывалъ Таврическимъ дворцомъ, принадлежавшимъ тогда Потемкину, то, узнавъ о смерти его владѣльца, онъ тотчасъ принялся вывозить оттуда въ свой домъ картины, статуи, мраморъ и разные строительные матеріалы. По поводу этого Державинъ писалъ:

Къ чему ты съ рвеньемъ столь безмѣрнымъ
Свой строишь постоялый дворъ,
И, ахъ, сокровища Тавриды
На баркахъ свозишь въ пирамиды
Средь полицейскихъ ссоръ?

Этой послѣдней строфою Державинъ намекалъ на слѣдующее обстоятельство: когда Гарновскій принялся по-своему опустошать Таврическій дворецъ, то одинъ изъ наслѣдниковъ князя Потемкина, генералъ-прокуроръ Самойловъ, остановилъ черезъ полицію своевольныя распоряженія Гарновскаго. Затѣмъ, все кончилось для Гарновскаго вполнѣ благополучно и онъ до конца царствованія Екатерины II спокойно владѣлъ своимъ домомъ и также спокойно распоряжался Чудлейскими мызами герцогини Кингстонъ.

Когда, 6-го ноября 1796 года, вступилъ на престолъ императоръ Павелъ Петровичъ, то онъ пожелалъ водворить повсюду правосудіе и нелицепріятіе; но онъ уже слишкомъ увлекался этимъ благимъ желаніемъ и безпрестанно впадалъ въ ошибки, ставя выше законовъ свои личныя вспышки. Онъ, между прочимъ, приказалъ, чтобы генералъ-прокуроръ Самойловъ представилъ ему списокъ всѣхъ дѣлъ, нерѣшенныхъ въ сенатѣ. Въ этотъ роковой для Гарновскаго списокъ попало и дѣло объ наслѣдствѣ послѣ герцогини Кингстонъ. Безъ всякаго сомнѣнія, это дѣло, отмѣченное фамиліею герцогини Кинг-

стонъ, само по себѣ должно было бы привлечь вниманіе государя, но вѣроятно также и то, что Самойловъ, помня разграбленіе Таврическаго дворца Гарновскимъ, воспользовался этимъ дѣломъ, чтобы порядкомъ проучить зазнававшагося Гарновскаго. Освѣдомившись у генералъ-прокурора о сущности упомянутаго дѣла, государь узналъ, что окончаніе его замедляется неблаговиднымъ образомъ дѣйствій душеприкащика герцогини, полковника Гарновскаго. Императору Павлу Петровичу, сильно недолюбливавшему князя Потемкина, было, разумѣется, извѣстно, что Гарновскій находился въ числѣ людей самыхъ близкихъ къ покойному князю и что онъ былъ его креатурою. Этого обстоятельства, помимо даже вопроса о правосудіи въ отношеніи наслѣдниковъ герцогини Кингстонъ, было вполнѣ достаточно, чтобы вызвать со стороны впечатлительнаго и вспыльчиваго Павла Петровича самыя крутыя мѣры противъ Гарновскаго. Не входя въ разборъ вопроса о томъ, на какомъ основаніи Гарновскій распоряжался имѣніемъ герцогини Кингстонъ, императоръ тотчасъ же подписалъ указъ о немедленномъ отобраніи отъ Гарновскаго Чудлейскихъ мызъ. „Все имѣніе ея,—сказано было въ этомъ указѣ,—оставить въ казенномъ секвестрѣ и дѣла, до онаго касающіяся, гдѣ оныя подъ разсмотрѣніемъ состоятъ, скорѣе привести къ концу“.

Прежде, однако, чѣмъ по общему ходу тогдашняго слишкомъ медленнаго дѣлопроизводства могъ быть полученъ на мѣстѣ этотъ высочайшій указъ, поступила непосредственно къ императору жалоба отъ графа Стенбока на Гарновскаго, какъ на душеприкащика герцогини Кингстонъ, уклоняющагося отъ добросовѣстнаго и точнаго исполненія ея посмертной воли. Надобно сказать, что въ числѣ лицъ, которымъ были назначены по духовной леди Кингстонъ денежныя выдачи, находился и проживавшій въ Чудлейскихъ мызахъ аптекарь Мейеръ. Герцогиня, какъ замѣчено было выше, назначила выдать ему 30,000 р., но Гарновскій, подъ тѣмъ предлогомъ, что аптекарь названъ былъ въ завѣщаніи не Мейеромъ, а Майеромъ, на-отрѣзъ отказался выплатить завѣщанную ему сумму, утверждая, что между Мейеромъ и Майеромъ существуетъ большая разница и что, поэтому, явившійся за полученіемъ наслѣдства аптекарь Мейеръ вовсе не есть тотъ аптекарь Майеръ, которому оно должно быть выдано. Напрасно подавая просьбу за просьбой, добивался почтенный фармацевтъ ускользавшаго, вслѣдствіе неточности одной только буквы, изъ его рукъ весьма значительнаго куша. Гарновскій настаивалъ на своемъ отказѣ и Мейеръ, выбившись, наконецъ изъ силъ, передалъ свою претензію къ Гарновскому отставному полковнику графу Вилиму Стенбоку.

Стенбокъ, какъ видно, былъ человѣкъ неробкаго десятка и онъ, не думая долго, написалъ прямо императору, на французскомъ языкѣ, трогательное письмо, выставивъ въ самомъ неблаговидномъ свѣтѣ поступки Гарновскаго, который, по словамъ Стенбока, пользуясь своими обширными связями въ Петербургѣ и имѣя повсюду множество покровителей, безнаказанно притѣсняетъ и обижаетъ бѣдныхъ людей. Разумѣется, что въ этой жалобѣ, какъ и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, все упованіе просителя возлагалось единственно на правосудіе государя. Въ заключеніи своего письма Стенбокъ просилъ, чтобы его величество приказалъ взять Чудлейскія мызы въ казенный секвестръ, дабы онъ, Стенбокъ, могъ быть удовлетворенъ, хотя бы и въ разные сроки, изъ доходовъ, получаемыхъ нынѣ душеприкащикомъ герцогини Кингстонъ, полковникомъ Гарновскимъ.

Не принявъ въ соображеніе, могъ ли данный генералъ-прокурору указъ о взятіи имѣнія герцогини Кингстонъ, по краткости времени, дойти до тѣхъ мѣстъ и лицъ, на которыхъ лежала обязанность окончательно исполнить его,—императоръ Павелъ Петровичъ, въ припадкѣ страшнаго гнѣва за неисполненіе его повелѣнія, написалъ, 16-го іюня 1797 года, собственноручно тогдашнему генералъ-прокурору князю Александру Борисовичу Куракину слѣдующее: „повелѣваемъ вамъ дать отвѣтъ, почему указъ нашъ объ отобраніи отъ полковника Гарновскаго имѣнія покойной герцогини Кингстонъ не исполненъ и, отыскавъ виновныхъ таковаго неисполненія, отдать непремѣнно подъ судъ, каковому подвергнуть и самого Гарновскаго". Тщетно Гарновскій заявлялъ князю Куракину, что онъ, Гарновскій, дѣйствовалъ въ отношеніи этого имѣнія вполнѣ законно, какъ душеприкащикъ, утвержденный указомъ въ Бозѣ почивающей императрицы Екатерины II Алексѣевны; что онъ, сообразно съ доходами, получаемыми имъ съ этого имѣнія, удовлетворяетъ всѣ претензіи, открывающіяся по оставшему послѣ герцогини наслѣдству. Въ подтвержденіе этого онъ представилъ князю Куракину даже какіе-то счеты, изъ которыхъ оказывалось, что онъ, въ силу исполняемаго имъ завѣщанія, выплатилъ уже одинъ разъ 159,000, а другой разъ 146,000 рублей. Къ этому Гарновскій добавилъ, что если онъ не удовлетворяетъ домогательствъ барона Розена и претензіи аптекаря Мейера, перешедшей нынѣ къ графу Стенбоку, то онъ поступаетъ совершенно правильно, повинуясь законамъ, такъ какъ въ пользу этихъ лицъ донынѣ не состоялось никакого судебнаго рѣшенія, безъ котораго онъ не считаетъ себя въ правѣ распоряжаться имуществомъ покойной герцогини въ пользу тѣхъ лицъ, которыя несомнѣннымъ образомъ не доказали своихъ притязаній.

Однако прежде чѣмъ князь Куракинъ успѣлъ представить государю докладъ и объясненія по этому дѣлу, онъ получилъ отъ тогдашняго с.-петербургскаго генералъ-губернатора графа Буксгевдена письмо, въ которомъ отъ лица графа излагалось: „въ сходственность послѣдовавшаго мнѣ всевысочайшаго повелѣнія его императорскаго величества:—исключеннаго изъ службы Гарновскаго прикажите посадить подъ караулъ въ первой караульной и потомъ отошлите къ генералъ-прокурору для отдачи подъ судъ — оный посаженъ и отъ здѣшняго коменданта барона Аракчеева къ вашему сіятельству присланъ быть имѣетъ". На третій день послѣ подписи этого письма, Аракчеевъ прислалъ подъ военнымъ конвоемъ къ Куракину взятаго подъ караулъ Гарновскаго, для котораго и началась теперь самая бѣдственная пора.

Свѣдѣнія о распоряженіяхъ императора Павла Петровича въ отношеніи Гарновскаго заимствованы нами изъ подлиннаго дѣла „объ имѣніи герцогини Кингстонъ и объ отдачѣ подъ судъ полковника Гарновскаго" [1]), и они не сходятся нѣсколько съ тѣми свѣдѣніями, которыя сообщаетъ академикъ Я. К. Гротъ въ примѣчаніяхъ къ „Сочиненіямъ" Державина (т. I, стр. 440). Тамъ сказано: „Гарновскій, какъ повѣренный Потемкина, переводилъ во время турецкой войны огромныя суммы, не давая никому отчета; онъ подвергся подозрѣнію въ незаконномъ ихъ употребленіи и, по восшествіи на престолъ Павла, никогда неблаговолившаго къ Потемкину, былъ посаженъ въ крѣпость". Безъ всякаго сомнѣнія—какъ мы это уже и замѣтили—нерасположеніе Павла къ Потемкину отозвалось бѣдственно на кліентѣ князя, Гарновскомъ, но ни изъ дѣла объ отдачѣ его подъ судъ, ни изъ бумагъ, относящихся къ его аресту, вовсе не видно, чтобы при этомъ возникалъ вопросъ о деньгахъ, переходившихъ къ Потемкину чрезъ Гарновскаго. Прямою и, можно даже сказать, единственною причиною гибели Гарновскаго была принесенная императору графомъ Стенбокомъ жалоба на Гарновскаго, какъ на недобросовѣстнаго душеприкащика герцогини Кингстонъ.

Дѣло Гарновскаго, производившееся въ сенатѣ по имѣнію герцогини, значится оконченнымъ 14-го апрѣля 1798 года, при чемъ относительно его не состоялось никакого обвинительнаго приговора и онъ, только въ силу высочайшаго указа, лишился права быть душеприкащикомъ покойной герцогини, такъ какъ въ право это вступила казна, и намъ неизвѣстно, какъ при ея представительствѣ разрѣшились претензіи барона Розена и аптекаря Мейера.

[1]) Дѣло это было сообщено намъ Г. К. Рѣпинскимъ. *Ред.*

Что же касается Гарновскаго, то онъ, по окончаніи въ сенатѣ этого дѣла, былъ выпущенъ изъ крѣпости, но очутился въ самомъ бѣдственномъ положеніи, такъ какъ всѣ дѣла его были разстроены въ конецъ и самъ онъ находился подъ надзоромъ „Тайной экспедиціи“ [1]). Державинъ былъ для него зловѣщимъ, но правдивымъ пророкомъ: дѣйствительно, „жестокія и строгія времена обратили построенные имъ, Гарновскимъ, чертоги, предназначавшіеся царямъ, въ конскія стойла“, такъ какъ домъ Гарновскаго, по разнымъ на него начетамъ, былъ отобранъ въ казенное вѣдомство и обращенъ въ казармы конногвардейскаго полка. Самъ же Гарновскій, за неплатежъ частныхъ долговъ, попалъ въ городскую тюрьму, гдѣ и оставался до вступленія на престолъ императора Александра Павловича. Онъ потерялъ все свое громадное состояніе до послѣдней копѣйки и хотя послѣ испытанныхъ имъ передрягъ и пускался въ разныя спекуляціи, преимущественно по коммисаріатской части, но уже не могъ поправиться и кончилъ жизнь въ крайней бѣдности. Годъ смерти его въ точности неизвѣстенъ, но на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ надобно полагать, что неудавшійся душеприкащикъ герцогини Кингстонъ умеръ въ 1810 году.

Е. П. Карновичъ.

---

[1]) П. с. З. т. XXVI № 19, 784: указъ императора Александра, 13 марта 1801 г., прощенія людей, содержавшихся по дѣламъ производствъ Тайной Экспедиціи.

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ МЕНШИКОВЪ

ВЪ РАЗСКАЗАХЪ

бывшаго его адъютанта Аркадія Александровича Панаева.

I.

1853 — 1854.

Въ исходѣ декабря 1853 года, мною было получено приказаніе отъ кн. Меншикова прибыть къ нему въ Севастополь. Наканунѣ моего отъѣзда, по обычаю адъютантовъ князя, я отправился къ его другу Алексѣю Ѳедоровичу Орлову, за могущими быть отъ него порученіями.

Графъ Алексѣй Ѳедоровичъ принялъ меня въ своемъ кабинетѣ, гдѣ я засталъ его лежащимъ на диванѣ. Вставъ съ него, онъ перелегъ на другой.

— „Да, кажется, нужнаго-то ничего нѣтъ",—сказалъ онъ мнѣ,— „а вотъ передай, что я. по прежнему, переваливаюсь съ одного дивана на другой",—прибавилъ онъ улыбнувшись. „Впрочемъ, если что́ придумаю, напишу".

На слѣдующій день графъ Орловъ прислалъ мнѣ письмо для передачи князю Меншикову. Уложивъ депеши въ сумку, я надѣлъ ее себѣ на грудь, и благословясь, покатилъ на Московскую желѣзную дорогу. Выѣхалъ я 6-го января 1854 года, при жесточайшемъ морозѣ, и отъ Москвы до самаго юга ѣхалъ сопутствуемый не менѣе лютыми, истинно „крещенскими" морозами. Верстъ, помнится, за сто не доѣзжая Перекопа, я пересѣлъ на перекладную телѣгу и, по временамъ, обгоняя войска, достигъ предпослѣдней станціи къ городу. Здѣсь наѣхалъ я на встрѣчный обозъ верблюдовъ, до того времени мною невиданныхъ. Издали этотъ обозъ показался мнѣ отрядомъ исполиновъ, въ стройномъ порядкѣ, мѣрною поступью выступающихъ.

Симферополь я проѣхалъ ночью, а на разсвѣтѣ приблизился къ Бахчисараю. Здѣсь, вниманіе мое приковалъ видъ рощи прелестныхъ пирамидальныхъ тополей. Послѣ долгаго однообразнаго путешествія по степнымъ пространствамъ, нельзя не очароваться живописными мѣстностями Крыма, начинающимися къ югу отъ Бахчисарая. Горы, зеленѣющія долины—въ половинѣ января, послѣ снѣговъ и морозовъ,—слишкомъ рѣзкій и съ тѣмъ вмѣстѣ пріятный переходъ, производящій на путешественника обаятельное впечатлѣніе.

Въ Бахчисараѣ я нѣсколько оправился отъ дороги, приформился— и вотъ уже я на Бельбекѣ, послѣдней станціи до Севастополя, о которомъ я не имѣлъ никакого понятія. Съ большимъ любопытствомъ и нетерпѣніемъ желалъ я увидѣть нашъ военный портъ, владычествующій на Черномъ морѣ. Ямщикъ везъ меня прямо на перевозъ черезъ бухту и когда мы поднимались въ гору отъ рѣки Бельбекъ, то видъ моря обдалъ меня холодомъ: въ мрачныхъ его водахъ было что-то гнетущее, невыразимо тоскливое. Вскорѣ дорога уклонилась отъ моря, а я, подъ гнетомъ безотраднаго впечатлѣнія, пробормоталъ про себя: „настоящее черное море!...“

Ямщикъ, полагая, что я обращаюсь къ нему, сказалъ, указывая рукою впередъ:

— А вотъ, видите на горѣ стоитъ фура? Съ этого мѣста какъ разъ увидите и Севастополь, и весь флотъ, какъ на ладони... Очень красиво посмотрѣть!

Желая, такъ сказать, однимъ взглядомъ окинуть общую величественную картину, я поджидалъ, скоро-ли достигнемъ мѣста, указаннаго ямщикомъ. Внезапно онъ остановилъ лошадей, съ крикомъ: „задавили! задавили!!“

Я встрепенулся, соскочилъ съ телѣги—и что же увидѣлъ? Та самая фура, про которую мнѣ говорилъ ямщикъ, придавила возничаго колесомъ и шея его затормозила возъ; вмѣсто ожидаемой картины Севастополя и Чернаго моря, я увидѣлъ лужу крови, хлынувшую изъ гортани несчастнаго! Съ трудомъ мы высвободили его; онъ, какъ видно, спускаясь съ горы, хотѣлъ придержать молодыхъ воловъ, но, слѣзая съ фуры, попалъ ногою въ развилки дышла, опрокинулся, а волы его и придушили на смерть. Мнѣ такъ и не удалось взглянуть на Севастополь. Положивъ трупъ на возъ, мы спустили его къ пристани и сдали на гауптвахту...

Кровь задавленнаго человѣка упредила мой взглядъ и преградила его въ ту самую минуту, когда я напрягалъ его, чтобы увидѣть Севастополь. Это обстоятельство породило во мнѣ суевѣрную, безотвязную мысль: не ожидаетъ ли меня впереди кровь задавленнаго Севасто-

поля? Когда севастопольцы сомнѣвались въ возможности видѣть у себя непріятеля, у меня не выходила изъ памяти кровь, которою, на моихъ глазахъ, былъ облитъ порогъ этого города.

Переправясь черезъ бухту на Екатерининскую пристань, я вошелъ во дворъ маленькаго, скромнаго дворца Екатерины II, въ которомъ тогда помѣщался князь Александръ Сергѣевичъ. Онъ меня очень ласково встрѣтилъ, принялъ депеши и сказалъ, что ожидалъ меня. Въ это время уже приводили въ порядокъ сѣверное укрѣпленіе; князь ѣздилъ туда ежедневно и, вслѣдствіе этого, послѣ обѣда 16-го января, по порученію его свѣтлости, я отправился въ Балаклаву, къ начальнику города, полковнику Манто, для совѣщанія съ нимъ о закупкѣ лошадей. Ввечеру я былъ въ городѣ и засталъ Манто за чаемъ. Полковнику была очень лестна довѣренность князя и онъ употребилъ всевозможное стараніе, чтобы угодить его свѣтлости.

Матвѣй Аѳанасьевичъ Манто, градоначальникъ Балаклавы и командиръ тамошняго греческаго баталіона, родомъ грекъ, почтенныхъ лѣтъ, роста небольшаго, но крѣпкаго тѣлосложенія, любилъ свой родимый уголокъ. Съ одушевленіемъ разсказывая мнѣ про Балаклаву, Манто просилъ доложить его свѣтлости, что, въ виду военныхъ событій, можно ожидать покушеній непріятеля на городъ и, потому, ему необходимо имѣть нѣсколько мортирокъ, которыя Манто располагалъ размѣстить у входа въ бухту. Говоря объ удобствахъ, какія можетъ представить Балаклавская бухта, Манто замѣтилъ, что наши моряки почему-то считаютъ входъ въ нее военныхъ судовъ почти невозможнымъ, ссылаясь на то, что и самый малый военный пароходъ долженъ осторожно въ нее втягиваться. Между тѣмъ Манто убѣдился, что мнѣніе моряковъ не совсѣмъ вѣрно: былъ случай, что разъ, въ бурю, купеческое судно довольно значительнаго размѣра вошло въ бухту даже ночью, никѣмъ не замѣченное, и Манто только утромъ увидалъ нежданнаго гостя вблизи своего балкона. Балконъ его дома висѣлъ надъ водой. Онъ вывелъ меня на него и, показывая бухту, утверждалъ, что въ водахъ ея и понынѣ видны мачты затонувшихъ судовъ, по мѣстнымъ преданіямъ, принадлежавшихъ генуэзцамъ.

— Это можетъ дать вамъ понятіе о значительной глубинѣ бухты, — замѣтилъ Манто при этомъ,—и ходъ въ нее, хотя и труденъ, но всетаки возможенъ, особенно если взять въ соображеніе, что шкиперъ упомянутаго судна, который ввелъ его въ бурю и ночью, зналъ этотъ входъ только потому, что шестнадцать лѣтъ тому назадъ, еще мальчикомъ, живалъ въ Балаклавѣ. Бывали и кромѣ того случаи появленія судовъ, окончательно утвердившіе меня въ моемъ мнѣніи.

На слѣдующее утро, мы, вмѣстѣ съ Манто, отправились осматривать бухту.

— Жаль, что у меня нога болитъ и я не могу проводить васъ на скалу, гдѣ у меня стоитъ постъ,—говорилъ дорогою мой любезный хозяинъ, — оттуда можно видѣть и входъ въ бухту, и Черное море во всей ихъ красѣ...

Между тѣмъ, самъ того не замѣчая, Манто карабкался, легче меня, на скалу и вмѣстѣ со мною достигъ площадки, на которой были поставлены часовые. Съ этого мѣста дѣйствительно былъ прекрасный видъ и если-бы не рѣзкій вѣтеръ, то здѣсь пріятно было-бы остаться и подолѣе. Указавъ мнѣ мѣста, на которыхъ онъ предполагалъ разставить мортирки, мой спутникъ не только съ прежней легкостью спустился со скалы, но еще и мнѣ подсоблялъ.

Успокоивъ его обѣщаніемъ походатайствовать у князя о присылкѣ ему мортирокъ, я сдержалъ слово и, въ первый-же день моего возвращенія, за обѣдомъ, передалъ свѣтлѣйшему просьбу Манто. Командиры пароходовъ, въ этотъ день обѣдавшіе у князя, услыхавъ о томъ значеніи, какое Манто придаетъ Балаклавской бухтѣ, принялись надъ нею трунить, называя ее лужей и подтверждая, что входъ въ бухту для военныхъ судовъ невозможенъ. Я, болѣе или менѣе проникнутый мнѣніемъ Манто, отстаивалъ его, имѣя въ виду скромныя требованія предусмотрительнаго балаклавскаго старожила... Моряки возстали на меня, перечисляя множество опытовъ, сдѣланныхъ для изученія пролива, т. е. входа въ бухту. Адъютантъ его свѣтлости, баронъ Вилебрандъ, сказалъ мнѣ: „еслибы рѣчь шла о лошади, вамъ и книги въ руки; но, что касается до морскаго дѣла, то предоставьте намъ знать лучше этотъ предметъ“. Я замолчалъ, но князь серьезнѣе отнесся къ моему сообщенію и тутъ-же, за столомъ, распорядился о доставленіи къ Манто мѣдныхъ мортирокъ. Въ послѣдствіи, когда, 13-го сентября, англичане атаковали Балаклаву, эти мортирки ввели въ заблужденіе непріятелей и они не отважились войти въ городъ, пока командиръ батарей, поручикъ Марковъ, не выпустилъ всѣхъ, до единаго, снарядовъ. Правъ былъ старикъ Манто: тотчасъ по занятіи Балаклавы, въ бухту ея вошла англійская эскадра, за нею—три большихъ корабля, буксируя за собою еще транспорты. Удобства Балаклавской бухты обнаружились; англичане, оцѣнивъ ее по достоинству, воспользовались бухтою какъ нельзя лучше и устроили въ ней прекрасный военный портъ.

Въ Балаклавѣ я дождался назначеннаго мнѣ въ проводники, изъ деревни Карань, прапорщика Николая Бамбука. Мы переѣхали

Байдарскую долину, южнымъ берегомъ достигли Ялты и, татарскими селеніями, чрезъ Бахчисарай, возвратились въ Севастополь.

Въ Бахчисараѣ я остановился въ чистенькомъ домикѣ балаклавскаго коммисіонера Василія Подпати. Побродилъ по базару, сдѣлалъ нѣкоторыя покупки и, припомнивъ „Бахчисарайскій фонтанъ" Пушкина, полюбопытствовалъ взглянуть на эту достопримѣчательность. Я спросилъ моего спутника: „гдѣ фонтанъ?" и получилъ отвѣтъ, что фонтановъ въ Бахчисараѣ много, и въ подтвержденіе своихъ словъ онъ указывалъ мнѣ на водоемы—каменныя корыта, въ которыя съ сосѣднихъ скалъ струятся рудники. Наконецъ онъ привелъ меня во дворецъ бывшихъ хановъ, въ покояхъ котораго было нѣсколько изсякшихъ фонтановъ и въ ихъ числѣ „фонтанъ слезъ", мраморный, съ крестомъ на верху, именно воспѣтый Пушкинымъ. Сознаюсь, ничего особеннаго не сказалъ онъ моему воображенію...

Въ послѣдствіи Бахчисарайскій дворецъ пригодился намъ для склада доставленныхъ изъ Россіи полушубковъ: ждали-то мы ихъ къ зимѣ, но поспѣли они къ лѣту. Ихъ свалили въ дворцовыхъ покояхъ, гдѣ они и сгнили, послѣ чего долгое время во дворецъ, вслѣдствіе отвратительнаго смрада, нельзя было и носу показать.

О тогдашнемъ житьѣ-бытьѣ крымскихъ татаръ я сказалъ-бы — если-бъ только рѣчь не шла о магометанахъ—что жили они, какъ у Христа за пазушкой. Погубилъ ихъ религіозный фанатизмъ, слѣдствіемъ котораго было ихъ переселеніе въ Турцію. Народъ они, большею частью, были весьма достаточный; жили въ чистенькихъ сакляхъ, успѣшно занимались хозяйствомъ и разными сельскими промыслами...

Порученіе, возложенное на меня княземъ, заняло почти шесть дней. Онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ моего возвращенія и немедленно послѣ него приступилъ къ послѣдовательному изученію Севастополя и его окрестностей. День его обыкновенно былъ расположенъ слѣдующимъ образомъ:

До полудня князь занимался въ кабинетѣ; потомъ уѣзжалъ, до обѣда; подъ вечеръ опять садился на лошадь, совершая свои разъѣзды до чаю; вечеромъ опять принимался за работы въ кабинетѣ, просиживая далеко за полночь. У князя былъ особый способъ съемки мѣстностей въ его карманную памятную книжку, съ которымъ онъ очень скоро и легко меня ознакомилъ. Листки записной книжки были разлинованы клѣтками извѣстнаго масштаба; князь, не сходя съ коня, наносилъ на эти листки очеркъ обозрѣваемой мѣстности, для необходимыхъ справокъ въ случаѣ надобности. Онъ никогда не пропускалъ безъ вниманія не только направленіе дорогъ, но и ихъ отклоненіе, стараясь доискаться причины этихъ отклоненій, и часто пересѣкая

мѣстность напрямки. Устье и потоки каждой балки скоро стали ему совершенно извѣстны; всѣ проходимыя балки онъ переѣзжалъ по разнымъ направленіямъ, желая узнать на сколько онѣ приспособимы для передвиженія войскъ. Въ балкахъ, берега которыхъ, по своей крутизнѣ, не допускали переходовъ, онъ изучалъ русло. При подобныхъ изслѣдованіяхъ, князь не ограничивался исключительно окрестностями Севастополя; онъ объѣзжалъ берега и долины рѣкъ: Бельбека, Качи, Черной и, наконецъ, Алмы. Когда прибывали войска, въ особенности кавалерія, князь предлагалъ начальникамъ частей дѣлать тѣ-же изысканія, какія дѣлалъ самъ, совѣтуя, при этомъ, совершать объѣзды цѣлыми частями, дабы пріучать войска къ пересѣченной мѣстности. Ожидая въ этихъ мѣстахъ военныхъ дѣйствій, свѣтлѣйшій дѣлалъ, по временамъ, маневры, то на южной, то на сѣверной сторонахъ Севастополя.

Разъѣзжая верхомъ, князь не разбиралъ дорогъ и очень часто рисковалъ. Разъ намъ встрѣтился подъемъ по хрящеватой почвѣ, и до того крутой, что лошади затруднялись вскарабкаться. Князь слѣзъ со своего „Подласаго", намоталъ себѣ его хвостъ на обѣ руки и, приказавъ мнѣ вести своего коня въ заводу̀, поднялся на крутизну.

До прибытія моего въ Крымъ, его свѣтлости указали на единственнаго офицера, хорошо знакомаго съ окрестностями Севастополя: то былъ инженеръ морской строительной части Старченко... такъ мало прежде интересовались севастопольцы этимъ предметомъ. Этому-то Старченко принадлежитъ та заслуга, что, при князѣ, онъ первый ударилъ киркой на оборонительной линіи.

Въ описываемое время при князѣ находились: Николай Карловичъ Краббе, Иванъ Григорьевичъ Сколковъ, Викторъ Михайловичъ Веригинъ, баронъ Вилебрандтъ, въ качествѣ ординарца мичманъ Томаловичъ, Александръ Дмитріевичъ Камовскій и Гротъ.

Озабоченный приведеніемъ укрѣпленій въ порядокъ, князь часто сходился, толковалъ и занимался съ Корниловымъ; очень цѣнилъ его способности, исполнительность и готовность на все, что только касалось обезпеченія Севастополя и флота; но князя постоянно безпокоило предубѣжденіе, питаемое къ свѣтлѣйшему моряками. Онъ ихъ очень любилъ; былъ къ нимъ не только ласковъ, но, можно даже сказать, предупредителенъ. Изъ одиннадцати мундировъ, право носить которые было ему предоставлено, онъ избралъ и предпочиталъ морской, и носилъ его постоянно, въ знакъ уваженія ко флоту. Желая сблизиться съ моряками, князь приглашалъ ихъ къ обѣду, по кружкамъ сверстниковъ и лицъ одинаковыхъ чиновъ, дабы младшіе не стѣснялись собесѣдничествомъ

старшихъ, а начальники—присутствіемъ подчиненныхъ. При всемъ томъ, старанія князя были мало успѣшны: моряки постоянно его дичились. Въ этомъ былъ много виноватъ Корниловъ. Человѣкъ развитой, умный, много работавшій съ княземъ, хорошо знавшій его намѣренія, мысли, предположенія, — отъ него свѣтлѣйшій ничего не скрывалъ,—Корниловъ могъ содѣйствовать его сближенію съ моряками, но, къ сожалѣнію, онъ этого не только не дѣлалъ, а еще колебалъ къ нему довѣренность, какъ моряковъ, такъ и сухопутныхъ войскъ. Свѣтлѣйшій, впрочемъ, никогда не осуждалъ Корнилова, такъ какъ цѣнилъ его хорошія качества, но только досадовалъ на холодность и натянутость отношеній къ себѣ этого полезнаго дѣятеля. Эту досаду я нерѣдко подмѣчалъ въ князѣ.

Съ самаго моего пріѣзда въ Севастополь, свѣтлѣйшій посовѣтовалъ мнѣ сблизиться съ моряками; приказалъ представиться всѣмъ высшимъ морскимъ властямъ и, помню, говаривалъ: „прекрасные, братецъ, есть ребята между моряками. Ты съ ними сойдись... меня они не любятъ,—что дѣлать: не угодилъ!" Съ цѣлію этого сближенія я ходилъ на берегъ бухты, гдѣ, недалеко отъ Екатерининской пристани, подымали затонувшій турецкій пароходъ „Первазъ-Бахры". Работы водолазовъ привлекали сюда моряковъ и цѣлый день, смѣняя одни другихъ, они подходили, толковали, дѣлали свои замѣчанія. Здѣсь, встрѣчаясь, съ ними я знакомился; по вечерамъ искалъ случая сойтись гдѣ нибудь съ моряками у нашихъ общихъ знакомыхъ; но они, по большей части, уклонялись отъ сближенія съ адъютантами князя, даже не ходили во флигель, въ которомъ мы помѣщались, и осуждали того изъ своихъ товарищей, кто отступалъ отъ этого предвзятаго правила.

Снабдивъ князя лошадьми, я занялся, по порученію его свѣтлости, заготовленіемъ вьюковъ, на случай военныхъ дѣйствій внѣ города. Изъ этого можно видѣть какъ заблаговременно онъ думалъ о томъ маневрированіи, за которое въ послѣдствіи севастопольцы, по подстрекательствамъ Корнилова, такъ на него негодовали.

Скудныя средства и недостатокъ рукъ на работахъ сокрушали свѣтлѣйшаго: многія работы были затѣяны, а производить ихъ было некому; войска, между тѣмъ, прибывали, но князь не имѣлъ права обращать ихъ на инженерныя работы. Разъ, объѣзжая очертаніе оборонительной линіи, князь остановился, кажется, противъ 5-го бастіона, возлѣ помѣщенія вновь прибывшаго Волынскаго полка. Люди были на ученьи; поздоровавшись съ ними, князь заговорилъ съ полковникомъ Хрущовымъ. Когда его свѣтлость выразилъ ему затрудненія свои въ недостаткѣ рабочихъ рукъ, Хрущовъ, долго не думая, по-

просилъ его предоставить нѣкоторыя изъ работъ Волынскому полку. Лицо князя просіяло отъ радости: но онъ спросилъ при этомъ: не навлечетъ-ли этимъ Хрущовъ на себя неудовольствія своего начальства? Но полковникъ бралъ всю отвѣтственность на себя, прибавивъ, что работа будетъ людямъ полезна, тѣмъ, что разовьетъ въ нихъ силы. На другой же день Хрущовъ поставилъ людей на работу и во все ея продолженіе самъ былъ за инженера.

Такъ отрекомендовалъ себя Александръ Петровичъ Хрущовъ съ первыхъ дней прибытія своего въ Севастополь... Имя его занимаетъ видное мѣсто въ лѣтописяхъ обороны многострадальнаго города. Приведенный мною случай можетъ служить вѣскимъ доказательствомъ тому, какихъ усилій стоила князю подготовка Севастополя къ оборонѣ: свѣтлѣйшему приходилось вымаливать себѣ и средства, и рабочія силы, какъ будто дѣло шло о какихъ-то частныхъ постройкахъ, въ которыхъ никто не заинтересованъ, кромѣ самого строителя! Князь никогда не забывалъ услуги, оказанной волынцами, и этотъ полкъ былъ, изъ пѣхотныхъ, его любимѣйшимъ.

Съ весною усилилось прибытіе войскъ въ Севастополь. Когда гусарскій герцога Лейхтенбергскаго полкъ вступалъ въ городъ, свѣтлѣйшій выѣхалъ къ нему на встрѣчу. Командиръ полка Халецкій, въ князя издалека, молодецки подобравъ лошадь, лихо, въ ланхъ, подскакалъ къ князю. Онъ произвелъ на свѣтлѣйшаго пріятное впечатлѣніе и князь громко поздоровался съ полкомъ. Гусары грянули дружно и съ того времени онъ полюбилъ этотъ полкъ, хотя и неопытный, еще незакаленный, но хорошій полкъ, полный рвенія и готовности. Въ день встрѣчи лейхтенбергцевъ, князь ѣхалъ рядомъ съ полкомъ; Халецкій, рисуясь на борзомъ конѣ, представлялъ его свѣтлости эскадронныхъ командировъ по одиночкѣ. Свѣтлѣйшій былъ видимо доволенъ. Послѣ холодности моряковъ, ему особенно отрадно было видѣть сочувствіе къ себѣ войскъ.

Начальниковъ прибывавшихъ частей войскъ свѣтлѣйшій въ первый же день прибытія приглашалъ къ обѣду, сажалъ возлѣ себя, разспрашивалъ ихъ, бесѣдовалъ съ ними и потомъ дѣлалъ о нихъ почти безошибочное заключеніе. Не утомляя солдатъ смотрами, князь зорко всматривался въ ихъ бытъ, вникалъ въ духъ полка, вѣрно оцѣнивалъ его достоинства. Солдатами онъ вообще былъ доволенъ; командирами— не всегда.

3-го іюня, въ обѣденную пору, когда мы были за столомъ, кто-то внезапно прибѣжалъ сказать, что не вдалекѣ крейсируютъ три непріятельскіе парохода. Князь вскочилъ изъ-за стола и тутъ же, сколько мнѣ помнится, вошелъ Корниловъ и сталъ просить князя разрѣшить

ему выйти съ шестью пароходами атаковать непріятельскихъ крейсеровъ. Всѣ мы отправились на кровлю библіотеки (или „на библіотеку“, какъ говорили севастопольцы), откуда постоянно дѣлались наблюденія надъ моремъ.

Съ библіотеки князь увидалъ, что непріятельскіе пароходы—большихъ размѣровъ, и совѣтовалъ Корнилову не выходить въ море, чтобы не подвергать сравненію нашихъ паровыхъ судовъ съ большими непріятельскими и тѣмъ не обнаружить недостатковъ первыхъ. Корниловъ—человѣкъ пылкій — настоялъ на своемъ. Уважая отвагу адмирала, свѣтлѣйшій далъ ему свое дозволеніе, не раздѣляя однако-же его надеждъ... Корниловъ даетъ сигналъ и спѣшитъ ударить на пароходы; князь остался на библіотекѣ. Пароходы вышли и, въ сравненіи съ непріятельскими, показались намъ еще меньшихъ размѣровъ. Свѣтлѣйшій тревожно слѣдилъ за ходомъ дѣла, угрюмо ворчалъ,.. но когда пароходы союзниковъ, не принимая боя, увели нашихъ на горизонтъ, а наши, послѣ перестрѣлки, повернули назадъ, свѣтлѣйшій только сказалъ мнѣ:

— „Пойдемъ пить чай“.

Подали чай. Князь сѣлъ на одномъ концѣ балкона, я на другомъ; онъ молчалъ. Этимъ временемъ пароходы вернулись, бросили якорь, и Корниловъ поспѣшилъ въ Екатерининскій дворецъ. Только что князь вышелъ въ залу, чтобы встрѣтить адмирала, какъ тотъ, въ свою очередь, стремительно распахнулъ дверь и, не переступая порога, громко и съ горячностью произнесъ:

— Вы правы, ваша свѣтлость! У насъ нѣтъ пароходовъ... Они насъ не подпустили, да и борты у нихъ настолько выше нашихъ, что сцѣпиться невозможно!

Лѣто шло. Оборонительная линія была сомкнута и вооружена; изыскивались средства, чтобы ее еще по возможности усилить; работы продолжались. Тутъ кстати прибылъ къ намъ гость—инженеръ, явился къ свѣтлѣйшему и съ первой же встрѣчи расположилъ его въ свою пользу. Гость этотъ былъ саперный подполковникъ Тотлебенъ.

Въ южной арміи Тотлебенъ состоялъ при генералѣ К. А. Шильдерѣ и, послѣ его смерти, будучи свободенъ и не получая опредѣленныхъ занятій у кн. М. Д. Горчакова, отпросился въ Севастополь „посмотрѣть,— какъ онъ самъ мнѣ разсказывалъ,— вооруженную крѣпость, ожидающую непріятеля, чего никогда еще не видалъ“. Кто знаетъ Тотлебена, кому извѣстна его любознательность, тотъ не усомнится, конечно, что намѣренія этого инженера не имѣли иной цѣли, кромѣ той, которую онъ мнѣ высказалъ. Зная военныя способ-

ности князя Александра Сергѣевича, Тотлебенъ говорилъ мнѣ, что пріѣхалъ у него поучиться и высказывалъ это чистосердечно.

Тотлебенъ прибылъ въ Севастополь 10-го августа и просилъ у его свѣтлости позволенія осмотрѣть укрѣпленія во всѣхъ подробностяхъ; любовью своею къ наукѣ онъ заинтересовалъ князя, который выразилъ ему свое расположеніе еще и за то, что Тотлебенъ былъ преданнымъ и любимымъ сподвижникомъ покойнаго Шильдера, котораго свѣтлѣйшій зналъ за способнѣйшаго инженера и глубоко уважалъ. Здѣсь замѣчу, что князю очень хорошо было знакомо инженерное дѣло; онъ любилъ его, интересовался имъ всегда, былъ въ курсѣ производства инженерныхъ работъ во всемъ свѣтѣ и обладалъ въ своей библіотекѣ рѣдкимъ собраніемъ древнѣйшихъ и новѣйшихъ книгъ по части инженернаго искусства.

По уходѣ Тотлебена, что̀ было уже въ сумерки, князь послалъ за мной.

— „Сюда пріѣхалъ изъ южной арміи, — сказалъ мнѣ князь, — саперный офицеръ и очень мнѣ понравился. Онъ тамъ состоялъ при Шильдерѣ и, кажется, былъ его любимецъ, что само по себѣ уже выгодно его рекомендуетъ. Кромѣ того, онъ по фамиліи Тотлебенъ, а я знаю, что былъ на Кавказѣ генералъ Тотлебенъ—очень практичный и способный человѣкъ: онъ тамъ провелъ войска по такому пути, котораго теперь и отыскать не могутъ [1]). Объ этой заслугѣ своего предка пріѣзжій Тотлебенъ и не зналъ, но ему очень лестно, что они родственники. Ты сходи къ Тотлебену; онъ остановился въ нумерахъ гостинницы; познакомься, онъ тебѣ понравится. Предложи ему мою лошадь и завтра же поѣзжай съ нимъ; покажи все по порядку“.

Я исполнилъ приказаніе князя: познакомился съ Тотлебеномъ и на слѣдующій день мы начали объѣзды по оборонительной линіи, отъ 6-го бастіона. На первый случай ѣздили до обѣда, но осмотрѣли немного, потому что Тотлебенъ, не торопясь, вникалъ во всѣ подробности произведенныхъ работъ. Посвященный во все, что было у насъ по этой части сдѣлано, и будучи хорошо знакомъ съ мѣстностью, противулежащею нашей оборонительной линіи, я объяснялъ моему спутнику все то, что зналъ. Вниманіе, съ которымъ Тотлебенъ меня выслушивалъ, обстоятельные его распросы, уваженіе и довѣренность, выказываемыя имъ къ познаніямъ князя Меншикова въ инженерномъ искусствѣ, все это расположило меня въ его пользу. Возвратившись съ

---

[1]) При этомъ князь подробно разсказалъ мнѣ о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ подъ предводительствомъ Тотлебена, на Кавказѣ, но разсказъ этотъ, къ сожалѣнію, совершенно изгладился изъ моей памяти.

А. П.

перваго объѣзда, я поспѣшилъ передать князю о впечатлѣніи, произ веденномъ на меня Тотлебеномъ, прибавивъ къ тому, что нашъ гость непохожъ на тѣхъ инженеровъ, которые были тогда въ Севастополѣ: онъ, въ случаѣ надобности, не станетъ ожидать разрѣшеній отъ строительнаго департамента на производство тѣхъ или другихъ экстренныхъ работъ въ военное время, а съумѣетъ найти сподручныя къ нимъ средства. Это послѣднее обстоятельство особенно порадовало князя.

Поручивъ мнѣ продолжать знакомство Тотлебена съ интересующимъ его предметомъ, князь уволилъ меня отъ сопутствія его самого въ ежедневныхъ поѣздкахъ. Такъ, въ теченіе цѣлой недѣли, мы съ Тотлебеномъ объѣзжали оборонительную линію. Онъ не разъ бывалъ приглашаемъ свѣтлѣйшимъ къ обѣду, во время котораго и самъ гость успѣвалъ все болѣе и болѣе снискивать расположеніе князя. Наконецъ свѣтлѣйшій, убѣдясь, что Тотлебенъ достаточно посвященъ въ предметъ, самъ повторилъ съ нимъ осмотръ всей оборонительной линіи съ моря и съ сухаго пути и, сообразивъ, что Тотлебенъ будетъ ему весьма полезенъ, предложилъ ему остаться при себѣ, выразивъ надежду, что князь Горчаковъ препятствовать этому желанію не будетъ. Тотлебенъ изъявилъ со своей стороны полнѣйшую готовность состоять при свѣтлѣйшемъ, при чемъ шепнулъ мнѣ, что главнокомандующій южною арміею не жаловалъ Шильдера, а по немъ и имъ, Тотлебеномъ, не подорожитъ. Такъ и вышло: лишь только князь написалъ объ этомъ предметѣ Горчакову, какъ тотъ выразилъ совершенное свое согласіе.

Посвятивъ новаго нашего инженера во всѣ подробности произведенныхъ работъ, свѣтлѣйшій поспѣшилъ дополнять и усиливать ихъ, пользуясь содѣйствіемъ и услугами Тотлебена. Наконецъ, придумано было, на Зеленой горѣ, внѣ севастопольскихъ укрѣпленій, устроить редутъ, для тресировки котораго, 31-го августа, князь съ Тотлебеномъ въѣхалъ на эту гору и при себѣ приказали его разбить. На слѣдующій день послѣ разстановки рабочихъ, предположено было начать осмотръ мѣстности, лежащей впереди оборонительной линіи. Къ сожалѣнію, я не успѣлъ показать Тотлебену окрестностей Севастополя, такъ какъ 1-го сентября получено было извѣстіе о появленіи непріятельскаго флота съ десантомъ.

Изучая устройство оборонительной линіи, Тотлебенъ ознакомился и со всѣми затрудненіями, которыя встрѣчалъ свѣтлѣйшій; при этомъ онъ не одинъ разъ выражалъ свое удивленіе тому, что князь еще успѣлъ такъ много сдѣлать. Линія была сомкнута и посильно вооружена; всѣ болѣе доступныя мѣста были означены возведеніемъ уси-

ленныхъ батарей; самое-же главное—линія была обдумана и очерчена такъ, что въ послѣдствіи оставалось только возвести на ней то, чего не успѣлъ возвести свѣтлѣйшій. Сочувствуя князю, Тотлебенъ указывалъ ему на подручныя средства, которыми въ минуту крайности можно будетъ произвольно воспользоваться, и вполнѣ сознавалъ, что княземъ было сдѣлано все то, что только можно было придумать для предупрежденія внезапнаго нападенія непріятеля на Севастополь. Со своей стороны, Тотлебенъ предполагалъ начать съ того, чтобы осыпать землею каменные завалы.

Конечно, укрѣпленія, найденныя Тотлебеномъ при его пріѣздѣ, не могли идти въ сравненіе съ тѣми, которыя возникли въ послѣдствіи, во время долговременной обороны; но, во всякомъ случаѣ, они были закончены въ такой мѣрѣ, что непріятель устрашился ихъ—и, при всѣхъ своихъ громадныхъ средствахъ, не рѣшился атаковать Севастополь открытою силою, а приступилъ къ осаднымъ работамъ. Спрашивается: чья тутъ заслуга, если не князя Александра Сергѣевича?

Многія замѣчательныя, офиціальныя сочиненія обвиняютъ его, будто бы онъ не ожидалъ важныхъ дѣйствій союзниковъ противу Севастополя и вообще Крыма... Прошу прислушать:

21-го января 1854 г., въ секретномъ своемъ донесеніи (за № 233) Императору, князь выражаетъ опасенія, что непріятель предприметъ атаку на Севастополь съ моря и суши въ значительныхъ силахъ для овладѣнія городомъ и для истребленія флота.—27-го числа того-же мѣсяца, въ другомъ секретномъ донесеніи (№ 237) Государю-же, онъ выражаетъ предположеніе о покушеніи непріятеля въ значительныхъ размѣрахъ—на Крымъ. Въ донесеніи того-же дня (№ 241), предостерегаетъ о могущемъ быть, по вышесказанному поводу, возмущеніи крымскихъ татаръ. Февраля 16-го (№ 259), сообщаетъ его величеству о соображеніяхъ, дѣлаемыхъ татарами на случай высадки турокъ въ Крыму. Марта 25-го (№ 288), повергаетъ на благоусмотрѣніе Императора мысль объ огражденіи сѣвернаго берега бухты оборонительной стѣною. Марта 31-го (№ 296), испрашиваетъ дозволеніе объ употребленіи войскъ для обереженія отъ нечаяннаго нападенія и для наблюденій за окрестностями Севастополя. Въ донесеніи, отъ 9-го апрѣля (№ 299), подтверждаетъ свои опасенія на счетъ предпріятія союзниковъ на Крымъ.

Въ перепискѣ съ военнымъ министромъ, въ мартѣ (№№ 297, 344 и 362), свѣтлѣйшій прилагаетъ попеченіе—за неимѣніемъ войскъ—обратить на дѣйствительную службу льготныхъ ногайцевъ Крымскаго полуострова; вооружить государственныхъ крестьянъ русскаго народо-

населенія въ Крыму; присоединить двѣ роты Балаклавскаго греческаго баталіона, поручивъ имъ наблюденіе за южнымъ берегомъ Крыма.—Апрѣля 9-го (№ 393), пишетъ военному министру, чтобы во ожиданіи военныхъ дѣйствій на полуостровѣ—травяное довольствіе лошадей отмѣнить. Апрѣля 10-го (№ 406), пишетъ атаману Хомутову и совѣщается съ нимъ о томъ, чтобы онъ, въ случаѣ высадки непріятеля, расположилъ свои войска такъ, чтобы они могли поспѣть на извѣстные пункты Крыма. Апрѣля 18-го (№ 455), предписываетъ полковнику Залѣсскому поспѣшить перевозкою провіанта изъ Евпаторіи въ болѣе безопасное мѣсто. Апрѣля 21-го (№ 484), проситъ главноуправляющаго путями сообщенія графа П. А. Клейнмихеля дать въ его распоряженіе роту рабочихъ для исправленія дорогъ, по которымъ должно ожидать передвиженія войскъ въ окрестностяхъ Севастополя.

Въ маѣ мѣсяцѣ, пользуясь прибытіемъ саперъ, князь прокладываетъ новую дорогу, которая ведетъ отъ Инкерманскаго моста черезъ рѣку Черную, по скатамъ южнаго берега бухты, совершенно прикрытая, на корабельную сторону. Эта дорога значительно сокращаетъ сообщеніе сѣверной стороны Севастополя съ южной, обезпечивая движеніе по ней войскъ. Дѣйствительная польза этой дороги была неоцѣненна: она не разъ выручала насъ во время обороны Севастополя.

Продолжаю перечень документовъ, свидѣтельствующихъ о дѣятельности и предвѣдѣніи свѣтлѣйшаго:

Іюня 15-го (№ 782), онъ совѣщается съ атаманомъ Хомутовымъ о мѣропріятіяхъ на случай высадки непріятеля. Іюня 21-го (№ 806), предсказываетъ военному министру о высадкѣ союзниковъ, а 29-го числа того-же мѣсяца (№ 384), во всеподданнѣйшемъ донесеніи Императору, предусматриваетъ мѣсто высадки и количество силъ, въ которыхъ непріятель совершитъ ее, и заключаетъ донесеніе слѣдующими словами: „мы положимъ животы свои въ отчаянной битвѣ на защиту святой Руси и праваго ея дѣла; каждый изъ насъ исполнитъ долгъ вѣрнаго слуги Государю и истиннаго сына отечества; но битва эта будетъ одного противъ двухъ, чего, конечно, желательно избѣгнуть“.

Іюля 7-го (№ 903), свѣтлѣйшій пишетъ военному министру, что, въ виду ожидаемой имъ высадки вблизи Евпаторіи, полезно позаботиться о возможности подвоза провіанта къ арміи черезъ Геническъ. Іюля 11-го (№ 399), доноситъ Государю, что, въ виду спѣшной необходимости, онъ, свѣтлѣйшій, проситъ князя Горчакова прислать ему 16-ю дивизію, не испрашивая предварительнаго разрѣшенія у его величества. Вмѣстѣ съ тѣмъ докладываетъ, что онъ совѣтуетъ глав-

нокомандующему южною арміею распустить слухъ, будто мы имѣемъ намѣреніе дѣйствовать противъ Варны, затѣмъ, чтобы этимъ слухомъ задержать сосредоточенныя тамъ непріятельскія войска. Заключая свое донесеніе изложеніемъ крайней необходимости въ этой дивизіи, князь говоритъ... „въ этой дивизіи (въ южной арміи), можетъ быть, нѣтъ такой тамъ необходимости, какъ здѣсь, въ Севастополѣ, на который непріятель смотритъ, конечно, какъ на вѣнецъ всѣхъ своихъ достиженій". Іюля 13-го (№ 957), увѣдомляетъ Реада о намѣреніи союзниковъ дѣйствовать въ Крыму. Іюля 14-го (№ 401), проситъ перевезти на подводахъ передовыя войска 16-й дивизіи. Іюля 20-го (№ 405), пишетъ Государю, что непріятель, какъ онъ думаетъ, ранѣе мѣсяца не соберется еще въ тѣхъ силахъ, въ какихъ намѣренъ сдѣлать десантъ. Іюля 21-го (№ 996), пишетъ начальнику 16-й дивизіи генералу Квицинскому, чтобы онъ спѣшилъ съ дивизіею сколь возможно. Іюля 28-го (№ 407), увѣдомляетъ Императора о средствахъ, принятыхъ для ускоренія марша войскъ. Августа 5-го (№ 1069), отдаетъ бригадному командиру Щелканову приказаніе слѣдовать съ 1-ю его бригадою на Алму; того-же числа (№ 1070), предписываетъ Квицинскому пододвинуть 2-ю бригаду. Августа 17-го, князь, въ ожиданіи высадки непріятеля, къ бригадѣ Щелканова на Альмѣ присоединяетъ бригаду 17-й дивизій.

Изъ содержанія всѣхъ этихъ донесеній и распоряженій, съ января по сентябрь 1854 года, очевидно, что князь не только ожидалъ высадки, но даже опредѣлялъ время, мѣсто и размѣры силъ, въ которыхъ она будетъ совершена въ Крыму. Можно-ли обвинять князя Александра Сергѣевича въ безпечности его отношеній къ этому важному вопросу? Онъ оборонялъ Севастополь крупицами изъ-подъ ногъ инженернаго департамента; собиралъ разбросанные, никому не нужные обрывки войскъ. Серьезный взглядъ князя на покушеніе союзниковъ на Севастополь приписывали малодушному желанію свѣтлѣйшаго придать случайному своему посту бо́льшее значеніе.

Если нѣкоторые писатели обвиняли князя Меншикова въ томъ, что онъ до высадки непріятеля подготовлялъ оборону Севастополя единственно въ ожиданіи какого нибудь незначительнаго отряда, выброшеннаго непріятелемъ вблизи города, то они не такъ его поняли. Онъ засталъ Севастополь совершенно открытымъ къ доступу непріятеля со стороны суши—и въ такой мѣрѣ, что если-бы турки (не говорю уже о ихъ союзникахъ) предприняли какую нибудь ночную экспедицію, то и они могли-бы овладѣть не только нѣкоторыми укрѣпленіями съ тыла, но даже и самымъ городомъ, при томъ отсутствіи войскъ, при которомъ находился Севастополь во всю зиму съ 1853

на 1854 годъ. Считая таковое событіе вполнѣ возможнымъ, князь, за неимѣніемъ бóльшихъ средствъ, пользовался средствами наличными, едва достаточными противъ тѣхъ мелкихъ покушеній, въ исходѣ 1853 года, которыхъ можно было ожидать только со стороны турокъ, въ отплату намъ за Синопъ. По этому-то князь, обозрѣвая береговыя батареи, какъ напримѣръ, Константиновскій фортъ, въ виду необезпеченной его горжи, говорилъ Корнилову, что и горсть турокъ, выброшенная позади этого форта на берегъ, можетъ безъ труда овладѣть горжею, да такъ, что покуда мы опомнимся, непріятели успѣютъ заклепать всѣ орудія и даже взорвать самый фортъ. Точно въ такомъ-же положеніи былъ и 10-й № батареи, по своей уединенности, и долженъ былъ опасаться нечаяннаго нападенія.

Свѣтлѣйшій пріѣхалъ изъ Николаева единственно затѣмъ, чтобы попристальнѣе взглянуть на существовавшія въ то время береговыя укрѣпленія и сдѣлать свои о нихъ заключенія. Между прочими ихъ недостатками онъ замѣтилъ, что симметрически прорѣзанныя амбразуры лишали возможности направлять огонь нѣкоторыхъ орудій куда слѣдуетъ. Поэтому онъ приказалъ эти недостатки немедленно исправить, форты-же усилить вооруженіемъ ихъ верковъ. Усматривая при этомъ, что при ихъ постройкѣ не имѣлось въ виду нападеній на нихъ съ тыла, сдѣлалъ распоряженія о защитѣ горжъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ угрожала возможность овладѣть фортами съ берега. Этимъ князь началъ распоряженія свои по укрѣпленію Севастополя.

Князь прибылъ изъ Николаева, такъ сказать, на легкѣ, съ однимъ сакъ-вояжемъ; увидѣлъ безпечность, въ которой пребывало инженерное вѣдомство, и не рѣшился оставить Севастополя.

Въ Николаевѣ у свѣтлѣйшаго былъ приспособленный рабочій кабинетъ, ожидавшій его въ надлежащемъ порядкѣ, снабженный всѣмъ необходимымъ для обычныхъ его занятій. Въ послѣдствіи я узналъ, что повсюду, гдѣ князь, время отъ времени, имѣлъ мѣстопребываніе, тамъ ожидалъ его кабинетъ со всѣми принадлежностями для письма и научныхъ справокъ. Имѣть кабинетъ въ порядкѣ было для свѣтлѣйшаго существенною потребностью, — въ Севастополѣ у него таковаго еще не было. Никому не довѣряя перевозки своего кабинета, князь, пребывая въ Севастополѣ, все надѣялся улучить досужее время и, по собственному его выраженію, „скатать въ Николаевъ“... Досужаго времени не оказывалось и поѣздку свою онъ откладывалъ со дня на день. Наконецъ, потерявъ всякую надежду отлучиться, свѣтлѣйшій, 20-го февраля 1854 г., послалъ въ Николаевъ меня, со своимъ человѣкомъ, для перевозки въ Севастополь

его кабинета и оставленныхъ вещей. Передалъ мнѣ ключи, разсказавъ подробно какимъ послѣдовательнымъ порядкомъ забирать бумаги, книги и проч. такъ толково и ясно, что въ Николаевѣ я могъ распорядиться, будто кабинетъ князя давно былъ мнѣ знакомъ. Я не могъ достаточно надивиться и памяти и аккуратности князя.

Когда Тотлебенъ приступилъ къ осуществленію предначертаній князя Меншикова, то свѣтлѣйшій увидалъ, что новый инженеръ хорошо его понялъ и съ любовью предался дѣлу. Это несказанно радовало князя и онъ, располагаясь совершенно на Тотлебена, имѣлъ возможность поотдохнуть отъ мелочныхъ заботъ. У него стало болѣе времени: онъ могъ навѣщать лагери, расположенные тогда на видныхъ мѣстахъ, затѣмъ, чтобы непріятель не рискнулъ высадиться вблизи Севастополя. Лагерь на южной сторонѣ, около Камышевой бухты, былъ генерала Моллера; а на сѣверной—генерала Кирьякова.

Подошелъ день Бородинскаго праздника (26-го августа). Отслушавъ въ лагерѣ молебенъ, князь поздравилъ Бородинскій полкъ и уѣхалъ; мы-же, адъютанты, остались пировать: ѣли, пили, пили, ѣли — наконецъ, добрались до шампанскаго. Предсѣдателемъ пира былъ Кирьяковъ; подлѣ него сидѣлъ старый герой Бородина — отставной, слѣпой генералъ Бибиковъ, жившій на Бельбекѣ въ своемъ небольшомъ имѣніи. Начались заздравные тосты; провозглашалъ Кирьяковъ... Дошла очередь до гостя-ветерана: Кирьяковъ всталъ, значительно взглянулъ на сосѣда и протяжно, съ разстановками произнесъ:

— Выпьемъ теперь, господа, за здоровье нашего почтеннѣйшаго гостя... (Бибикова подтолкнули, онъ всталъ)... настоящаго Бородинца,—продолжалъ Кирьяковъ,—и... стараго... вете-ри-нара!!

Сконфуженный ветеранъ поспѣшилъ опуститься; тоста не подхватили; мы, чуть не лопаясь со смѣху, салфетками зажимали себѣ рты... но Кирьяковъ, хотя ему и подсказывали: „ветерана! ветерана!!“ не замѣчая своей ошибки, залпомъ осушилъ бокалъ и, довольный своимъ возгласомъ, сѣлъ.

Это была первая неловкость, сдѣланная Кирьяковымъ....

II.

За двѣ недѣли до высадки непріятеля на берегъ Крыма, общее количество сухопутныхъ войскъ, бывшихъ въ распоряженіи князя, состояло изъ трехъ бригадъ пѣхоты: мушкатерской — 14-й, егерской — 17-й и резервной 13-й дивизій, изъ 6-го саперного и 6-го стрѣлковаго ба-

таліоновъ; изъ бригады гусаръ 6-й кавалерійской дивизіи и трехъ батарей артиллеріи. При этомъ всѣ упомянутыя части войскъ были далеко не въ полной численности... Очень немного; особенно если принять въ соображеніе, что и въ мирное время, для содержанія карауловъ въ Севастополѣ, находилась постоянно дивизія.

Безъ малаго за годъ до высадки, свѣтлѣйшій уже заботился о подготовкѣ для содѣйствія себѣ дѣльныхъ офицеровъ. Для этого онъ не пропускалъ безъ вниманія ни одного изъ мало-мальски способныхъ, къ какому бы роду оружія или вѣдомству ни принадлежалъ офицеръ. Способностью разгадывать человѣка по первому впечатлѣнію князь былъ одаренъ въ высшей степени. Ожидая отъ моряковъ большой помощи при предстоявшей оборонѣ города, онъ нечувствительно, исподоволь, знакомилъ морскихъ офицеровъ съ инженерными работами и подробностями гарнизонной службы въ стѣнахъ осажденнаго города. Онъ приглашалъ ихъ сопутствовать себѣ при разъѣздахъ; всегда умѣлъ привлекать ихъ вниманіе на множество предметовъ, имѣвшихъ отношеніе къ оборонѣ, но, до того времени, почти невѣдомыхъ морякамъ. Князь давалъ имъ порученія—сначала косвенныя, съ цѣлію только заинтересовать предметомъ, а потомъ, вовлекая въ полное участіе, возлагалъ на избранниковъ своихъ и отвѣтственныя должности. Этотъ способъ обращенія съ людьми, которыхъ князь желалъ развить, ему постоянно удавался. Свѣтлѣйшій отлично умѣлъ пользоваться свѣжимъ взглядомъ моряковъ на условія сухопутной службы—взглядомъ, чуждымъ рутины и не отуманеннымъ общепринятыми воззрѣніями на эти условія.

Шестнадцатая дивизія вступила въ Крымъ недѣли за двѣ до высадки непріятеля. Въ ожиданіи ея прибытія, свѣтлѣйшій поѣхалъ прямо на рѣку Алму; отсюда, съ остатковъ старинныхъ окоповъ, надъ устьемъ рѣки [1]), открывался видъ верстъ на пятнадцать.—„Здѣсь,—сказалъ князь,—между Алмой и Евпаторіей, союзники—если они только не опоздаютъ— должны сдѣлать высадку, занявъ, разумѣется, одновременно и Евпаторію... Но, чтобы они не вздумали высадиться гдѣ-либо поближе къ Севастополю, я расположу на Альмѣ, въ виду съ моря, одну бригаду 16-й дивизіи. Сюда мы прійдемъ съ остальными войсками—позадержать непріятеля“.

Едва мушкатерская бригада успѣла расположиться лагеремъ на Алмѣ, на позиціи, избранной свѣтлѣйшимъ, едва онъ успѣлъ ее объ-

[1]) То были остатки укрѣпленій, возведенныхъ, можетъ быть, во время Крымскихъ походовъ Миниха въ 1736—1739 гг.

ѣхать, какъ непріятельскій флотъ былъ уже въ морѣ на высотѣ Евпаторіи—то было 1-го сентября.

На Алминскую позицію князь Александръ Сергѣевичъ, со всѣми лицами, состоявшими при немъ на службѣ, выѣхалъ 3-го сентября. Настоящаго, правильно сформированнаго штаба у него еще не было, да и самъ онъ собственно не имѣлъ никакого назначенія: ему, какъ старшему лицу изъ находившихся тогда въ Крыму, подчинялись прибывавшія туда войска — и только. Такимъ образомъ, находились при свѣтлѣйшемъ: въ качествѣ дежурнаго штабъ-офицера, подполковникъ Вуншъ, присланный къ князю командиромъ береговой линіи, адмираломъ Серебряковымъ; въ качествѣ секретаря — Александръ Дмитріевичъ Камовскій; чиновникъ отъ министерства иностранныхъ дѣлъ—Гротъ и мы, пять адъютантовъ: Сколковъ, Веригинъ, Вилебрандтъ, Грейгъ и я, Панаевъ.

Въ концѣ лѣта 1854 года, когда войска стали прибывать, Вуншъ въ помощники себѣ взялъ капитана Лебедева, который занялъ должность дежурнаго штабъ-офицера; должность начальника штаба занялъ самъ Вуншъ. За ординарцевъ при князѣ состояли: лейтенантъ Степенко, мичманы: князь Ухтомскій и Томиловичъ. Двухъ послѣднихъ свѣтлѣйшій отдалъ на попеченіе мнѣ, какъ-бы дядькѣ. Кромѣ того, для исправленія должности офицера генеральнаго штаба, въ концѣ лѣта былъ присланъ князю кирасирскаго полка штабъ-ротмистръ А. И. Жолобовъ, только что кончившій курсъ въ военной академіи. Докторомъ при свѣтлѣйшемъ состоялъ Таубе.

Въ такомъ-то составѣ двинулся штабъ—если только можно назвать его таковымъ—изъ Севастополя, и, сдѣлавъ первый переходъ до праваго берега рѣки Качи, расположился отдыхомъ на помѣщичьемъ хуторѣ. Мы собирались къ обѣду, какъ во дворъ вошелъ вновь прибывшій въ армію докторъ; фамиліи не помню, знаю только, что онъ былъ назначенъ въ одинъ изъ гусарскихъ полковъ. Онъ пришелъ явиться къ князю, о чемъ и просилъ меня доложить свѣтлѣйшему. Зная какъ онъ, въ это время, былъ озабоченъ, я уже думалъ отклонить неумѣстное соблюденіе формальности, какъ свѣтлѣйшій, въ окошко, самъ увидалъ доктора и позвалъ его къ себѣ.

Долго мы дожидались выхода нежданнаго гостя и уже порядочно проголодались; наконецъ, онъ выскочилъ на дворъ, красный какъ ракъ. Пыхтя и отдуваясь, подошелъ онъ къ намъ; мы всѣ съ любопытствомъ на него смотрѣли, не понимая причины этого волненія. „За что,—думалъ я,—свѣтлѣйшій его распекъ? Небывалая вещь!“

— „Я какъ изъ бани!—произнесъ наконецъ докторъ, отирая потъ и не смотря ни на кого въ особенности,—свѣтлѣйшій задалъ мнѣ

такой экзаменъ, какого я и въ академіи не держалъ... И откуда у него столько свѣдѣній, и все такіе существенные, чисто научно-практическіе вопросы?... Могъ-ли я предполагать: адмиралъ и такой старый человѣкъ—и столько свѣдѣній въ медицинѣ. Я насилу собрался съ мыслями и ежели-бы онъ самъ не ободрилъ меня, я бы, просто, въ тупикъ сталъ. Послѣ, я уже оправился и разговорился съ княземъ, какъ съ коллегой. Главное—неожиданность: я никогда не слыхивалъ, чтобы князь Меншиковъ былъ такъ свѣдущъ въ медицинѣ. Я ему—просто: „честь имѣю явиться"—а онъ и пошелъ меня пытать, такъ что въ потъ бросило,—продолжалъ докторъ.—Интересный, господа, человѣкъ,—произнесъ онъ съ одушевленіемъ послѣ минутнаго молчанія,—но, кажется, свѣтлѣйшій остался мною доволенъ: къ обѣду пригласилъ... Теперь я буду посмѣлѣй!..."

— „Да, батюшка,—шутливымъ тономъ замѣтилъ ему Веригинъ,—мы никого не пропустимъ безъ вниманія..."

Отобѣдавъ на̀-скоро, свѣтлѣйшій ушелъ къ себѣ; распоряженіямъ у него не было конца. Безпрестанно пріѣзжали съ наблюдательныхъ постовъ казаки съ донесеніями о томъ, что̀ было особеннаго замѣчено при высадкѣ непріятеля. Такъ какъ намъ, адъютантамъ, порученій еще не было, то я и предложилъ товарищамъ воспользоваться большой диванной комнатой и соснуть, въ виду того, что ночь можетъ быть очень тревожная. Мы всѣ полегли, однако никому не спалось... Веригинъ и Грейгъ шутили; другіе притаились, притихли; я все хотѣлъ мысленно изобразить себѣ картину предстоящаго боя: однако это мнѣ не удавалось... Поднялись и стали балагурить.

Когда стемнѣло, князь позвалъ меня и поручилъ принимать присылаемыхъ съ постовъ и докладывать по усмотрѣнію. Какъ я ни сторожилъ подъѣзжавшихъ, чтобъ спросить ихъ ранѣе, чѣмъ свѣтлѣйшій могъ заслышать движеніе на дворѣ,—онъ всетаки каждый разъ выходилъ на крыльцо и прислушивался къ опросамъ.

Раннимъ утромъ 4-го сентября, свѣтлѣйшій поднялся, поспѣшилъ сдѣлать всѣ необходимыя распоряженія, сѣлъ на коня и поѣхалъ на Алму. Отъѣхавъ версты три, мы услышали канонаду: то непріятель съ пароходовъ обстрѣливалъ мѣсто своей высадки. Князь прибавилъ ходу своей лошади, и безъ того уже бѣжавшей крупной рысью. Войска, которыя мы обгоняли, спѣшили сколько могли; при всемъ томъ отсталыхъ было много. Подгоняя и ободряя ихъ, мы едва поспѣвали за свѣтлѣйшимъ. День былъ ясный, веселый. Раскаты выстрѣловъ возбуждали наше нетерпѣніе. Мнѣ показалось, что бой уже начался... Однако, пріѣхавъ на Алму, мы увидѣли, что здѣсь все тихо: войска занимаютъ позиціи и устраиваютъ бивуаки.

Князь, быстро объѣхавъ расположеніе войскъ, пристально осмотрѣлъ позицію, передвинулъ нѣкоторыя части и велѣлъ тотчасъ-же приступить къ возведенію двухъ земляныхъ укрѣпленій для батарей, обстрѣливающихъ бродъ и мостъ на Алмѣ, — противу нашего праваго фланга. Потомъ онъ выбралъ высоту на площадкѣ, на которой велѣлъ мнѣ расположить его ставку. Это была маленькая, для помѣщенія одного человѣка сдѣланная палатка; подлѣ нея другая, солдатская, для прислуги, и третья—для ефрейторскаго караула. Возлѣ ставки князя и мы разбили себѣ нѣсколько палаточекъ.

Приказъ всѣмъ нашимъ отрядамъ собираться на Альму былъ отданъ княземъ вскорѣ по появленіи въ морѣ непріятельскаго флота. Войска спѣшили на позицію, предусмотрѣнную свѣтлѣйшимъ, какъ могли и кто только могъ, такъ что 8-го сентября, на зарѣ, едва успѣли дотянуться хвосты Московскаго и Углицкаго полковъ и, по мѣрѣ прихода, вступали на приготовленныя имъ мѣста уже въ боевой позиціи. Къ полудню 8-го сентября порядокъ расположенія ея приблизительно былъ слѣдующій:

Противъ моста на Алмѣ—Владимірскій пѣхотный и Казанскій егерскій полки; правѣе—Суздальскій пѣхотный и Углицкій егерскій. За Владимірскимъ, въ скрытомъ мѣстѣ, былъ баталіонъ моряковъ, опредѣленнаго назначенія не имѣвшій: его участіе въ дѣлѣ зависѣло отъ случая крайней необходимости. Сзади, нѣсколько лѣвѣе Казанскаго полка, стояли четыре баталіона бригады 13-й резервной дивизіи; за нею, бригада 17-й дивизіи была расположена такъ, что, принимая атаку, могла сама, въ случаѣ надобности, поддержать резервные баталіоны 13-й дивизіи; лѣвѣе отъ упомянутой бригады—Московскій пѣхотный полкъ, занимавшій, частію въ разсыпномъ порядкѣ, огороды и высоты надъ бродами чрезъ рѣку. За Московскимъ въ резервѣ стояли—Волынскій, въ полномъ составѣ, и 3 баталіона Минскаго полка. Послѣдніе имѣли въ виду поддерживать свой второй баталіонъ, командированный для наблюденія за лѣвымъ флангомъ позиціи. Наблюденіе за правымъ флангомъ всей позиціи поручено было двумъ полкамъ казаковъ. Гусарская бригада была въ закрытомъ резервѣ; употребить ее предполагалось для атаки праваго фланга того непріятельскаго отряда, который бы могъ устремиться на нашъ лѣвый флангъ.

7-го сентября, часовъ около четырехъ по полудни, непріятель, съ первоначальнаго своего расположенія сдѣлавъ движеніе впередъ, оттѣснилъ наши аванпосты версты на двѣ, до того, что цѣпь снялась и собралась въ лощинѣ Булганакъ. Цѣпь составлялъ гусарскій герцога Лейхтенбергскаго полкъ, въ поддержку которому князь Меншиковъ

немедленно послалъ гусарскій Веймарскій. Чтобы внушить непріятелю, что мы далеко не такъ слабы, какъ были на самомъ дѣлѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и для ободренія кавалеріи, свѣтлѣйшій, слѣдомъ за Веймарцами, послалъ казачью батарею, полки Тарутинскій и Бородинскій съ 4-ю пѣшею легкою батареею. Этотъ небольшой отрядъ, по наружности, былъ цвѣтомъ всего воинства, собравшагося на Алмѣ. Дѣйствительно, въ строю, было чѣмъ полюбоваться: егеря, подобранные „на чистоту", могли быть украшеніемъ гвардейскихъ полковъ. Командиръ Бородинскаго полка казался человѣкомъ положительнымъ, но, какъ въ послѣдствіи оказалось, лишенный военныхъ свѣдѣній, былъ весьма не находчивъ; что касается до командира Тарутинскаго полка, то онъ болѣе похожъ былъ на полковаго попа, да таковымъ оказался и на самомъ дѣлѣ. Казачья батарея была очень подвижна, а четвертая легкая, съ своимъ командиромъ, была, что называется —„настоящая" батарея. Веймарскій гусарскій полкъ былъ отлично надутый мыльный пузырь: наливные, вороные, хорошо подобранные кони съ рослыми, краснощекими всадниками—имѣли очень нарядный видъ и съ восемью баталіонами егерей представляли, по истиннѣ, грозную массу, озаренную, предъ глазами непріятеля, лучами заходящаго солнца. Пользуясь этимъ эффектомъ, князь поручилъ генералъ-лейтенанту Кирьякову—искусенымъ маневрированіемъ выказать этотъ отрядъ въ угрожающемъ положеніи, на видномъ мѣстѣ и въ числительности, бо́льшей противу настоящей. Съ этой цѣлью свѣтлѣйшій приказалъ, раздвинувъ весь отрядъ такъ, чтобы онъ занялъ наибольшее пространство, производить имъ такія движенія, чтобы однѣ и тѣ-же части отряда показались непріятелю вдвойнѣ.

Что-же сдѣлалъ Кирьяковъ? Поспѣшно перейдя мостъ въ первой лощинѣ, онъ сжалъ отрядъ въ резервный боевой порядокъ, чѣмъ скрылся отъ глазъ непріятеля, и, выдвинувъ нѣсколько наизволокъ 4-ю легкую батарею, снялъ ее съ передковъ... да тутъ и остался! Веймарскій гусарскій полкъ онъ послалъ атаковать непріятельскую кавалерію, которая выказалась на лѣвомъ флангѣ ихъ позиціи въ весьма слабомъ составѣ. Эта атака, удачно выполненная, въ совокупности съ ударомъ двухъ казачьихъ полковъ, бывшихъ на готовѣ обогнуть лѣвый флангъ непріятеля—могла истребить всю жалкую его кавалерію. Слѣдомъ за гусарами понеслась казачья батарея и остановилась на спускѣ въ Булганакскую лощину, на противуположной сторонѣ которой была, какъ разъ, непріятельская конница; гусары-же, спустившись въ самую лощину, остановились въ ней—не зная зачѣмъ. Между тѣмъ казачья батарея, снявшись съ передковъ, нѣсколькими выстрѣлами черезъ головы своихъ гусаровъ успѣла привести непріятеля

въ замѣшательство и тогда-то на его сторонѣ пали первыя жертвы Крымской экспедиціи. Какъ жаль, что не состоялся ударъ гусаровъ! они ждали, что начнутъ казаки, а казаки смотрѣли на гусаровъ; послѣднихъ, бывшихъ въ весьма щекотливомъ положеніи въ лощинѣ и не видѣвшихъ непріятеля,—обуялъ страхъ неизвѣстности. Англо-французы, пользуясь возможностью оправиться, пустили два ядра по казакамъ, которые тотчасъ-же скрылись. Этимъ временемъ, командиръ Лейхтенбергскихъ гусаръ генералъ Халецкій, видя, что Веймарцы поскакали на лѣвый флангъ непріятеля, поспѣшилъ присоединиться къ своимъ: повернувъ повзводно направо, онъ покатилъ Булганакской лощиной на рысяхъ—но свои его не признали: подъ вліяніемъ тяжелой неизвѣстности о томъ, что́ кругомъ ихъ творилось, слыша только пушечные выстрѣлы, Веймарцы, завидя гусаръ Халецкаго въ бѣлыхъ курткахъ (что для нихъ не было новостью: они и сами носили такія-же), крикнули „непріятель!" повернули — и драло... Видно, у страха глаза велики. Лейхтенбергцы, не ожидая этой прыти—такъ какъ полагали, что наша взяла, — въ недоумѣніи остановились, и, подумавъ немного, поспѣшили присоединиться къ отступавшимъ... Батарея, не понимая причины улепетыванія гусаръ, осталась на позиціи одна, безъ всякаго прикрытія.

Между тѣмъ, Кирьяковъ, полагая, что Веймарцы отступили отъ непріятельской конницы, ударившей ихъ во флангъ, внезапно завидѣлъ одинъ эскадронъ Лейхтенбергцевъ, который несся на рысяхъ прямо къ отряду, и, принявъ его за непріятельскій, скомандовалъ батареѣ: „пли!" Батарейный командиръ не рѣшался, сомнѣваясь, чтобы этотъ эскадронъ могъ быть непріятель; но Кирьяковъ настаивалъ такъ упорно, что батарея мигомъ выпустила 8 снарядовъ. Посыпались свои, эскадронъ бросился врознь. Жалости достойная картина этой кровавой безтолочи была какъ на ладони передъ глазами свѣтлѣйшаго... Всѣ бывшіе у ставки князя видѣли это, ломали руки, тужили — а помочь было невозможно. Изъ опасенія, чтобы генералъ-лейтенантъ Кирьяковъ опять чего не напакостилъ, князь поспѣшилъ воротить его въ свое мѣсто. Но, какъ-бы вы думали? Эта к.... (своими ушами слышалъ!), подходя къ свѣтлѣйшему съ донесеніемъ, еще издали закричалъ:

— А, какова батарейка, ваша свѣтлость?! Съ одного выстрѣла положила одиннадцать человѣкъ, и что-то двадцать лошадей!...

Первая мысль моя была, что онъ говоритъ про казачью батарею, палившую по непріятелю, но Кирьяковъ поспѣшилъ разъяснить, прибавивъ:

— Правда, что это были свои, но могъ быть и непріятель; слѣ-

довательно, это не отнимаетъ достоинства у артиллеристовъ... Батарейный командиръ въ отчаянии: хлопочетъ теперь надъ убитыми и ранеными гусарами!...

Свѣтлѣйшій только махнулъ рукой, давая этимъ знать генералу, чтобы онъ удалился.

Таковы были наши первыя жертвы перваго дня Крымской кампаніи! Правда, и казаки потеряли двухъ убитыми—но непріятельскимъ ядромъ. Въ молодомъ полку Попова, какъ онъ самъ мнѣ послѣ говорилъ: „взвыли ребятишки, когда увидѣли сорванные черепа станичниковъ... Что станешь съ ними дѣлать?“ заключилъ Поповъ,—„еще никогда убитыхъ не видали“.

Какъ бы въ утѣху за неудачи этого несчастнаго дня, судьба послала намъ плѣннаго французскаго полковника генеральнаго штаба, Ла-Гонди (La-Gondie), состоявшаго въ распоряженіи лорда Раглана. Ла-Гонди былъ куда-то посланъ; ѣхалъ довольно шибко, но, по близорукости, принялъ нашихъ Лейхтенбергцевъ за своихъ: наткнулся прямо на командира (генерала Халецкаго), который и велѣлъ его взять своему ординарцу. Гонди не сопротивлялся и этотъ живой трофей достался намъ даромъ. Плѣнника съ торжествомъ повели къ свѣтлѣйшему, который очень хорошо видѣлъ, что подвигъ тутъ не геройскій, но такъ какъ къ ставкѣ его сбѣжался чуть не весь лагерь—взглянуть на перваго плѣннаго, да еще и полковника генеральнаго штаба,—то князь, въ поощреніе ординарца, похвалилъ его за удаль, пожаловалъ ему знакъ военнаго ордена и за призовую лошадь, очень старую и изнуренную, 150 руб. сер. деньгами. Къ чести ординарца, унтеръ-офицера Зарубина, замѣчу, что деньги онъ бралъ неохотно: „куда онѣ мнѣ?“ говорилъ онъ—„убьютъ, такъ пропадутъ“.

Эти слова оправдались: 13-го октября, подъ Балаклавою, онъ погибъ отъ непріятельской пули: полѣзъ въ свалку за валявшимся на землѣ револьверомъ... Товарищи кричали ему:

— Эй, не лазь, убьютъ!

— Авось! отозвался онъ,—пистолетъ-то хорошъ....

Пуля угодила ему прямо въ лобъ и грохнулся смѣльчакъ нà-земь не пикнувъ.

Возвращаюсь къ плѣннику. 8-го сентября, ординарецъ князя, лейтенантъ князь Ухтомскій, рано утромъ, отвезъ Гонди въ Севастополь. Дорогой, желая прокатить француза по русски, на тройкѣ, опрокинулъ его гдѣ-то на бугрѣ, однако благополучно, и доставилъ его на мѣсто здрава и невредима.

Вечеромъ 7-го сентября, свѣтлѣйшій послалъ меня на казацкій бивуакъ передать казакамъ, чтобы они не ограничивались охра-

неніемъ нашего праваго и наблюденіемъ за лѣвымъ флангомъ союзной арміи; помимо этой обязанности, князь приказалъ казакамъ: направлять свои разъѣзды къ Бахчисараю и Симферополю, на случай какихъ либо покушеній врага на эти пункты; ночью имѣть пикеты передъ фронтомъ непріятельскаго лагеря, прикрывая одновременно и аванпостную цѣпь нашихъ гусаръ, которые, находясь такимъ образомъ во второй линіи, будутъ бодрѣе себя чувствовать. О назначеніи казаковъ на линію впереди гусаръ послѣдніе были увѣдомлены своевременно.

Передавъ это приказаніе князя, я получилъ отъ двухъ полковыхъ командировъ казацкихъ, Попова и Тацина, такія увѣренія въ ихъ бдительности, что, не смотря на непроглядную темноту ночи, можно было, казалось, спать спокойно въ нашемъ лагерѣ. Отправляясь въ обратный путь, я захватилъ за собою казацкаго юнкера Хомутова [1]), который былъ наряженъ къ свѣтлѣйшему на посылки. Отправляя его, командиръ наказывалъ двумъ его дядькамъ, старымъ казакамъ, беречь юнкера какъ зѣницу ока. Они, дѣйствительно, чуть не на рукахъ его несли.

Къ ночи съ 7-го на 8-е сентября непріятель не воротился на старую позицію, а ночевалъ тутъ-же, т. е. верстахъ въ шести отъ насъ, за небольшимъ возвышеніемъ. Вслѣдствіе этого, наши аванпосты въ двѣ линіи далеко не уходили: казаки находились въ Булганакской лощинѣ, а гусары на томъ мѣстѣ, на которое съ вечера выходила бригада 17-й дивизіи.

Атаку со стороны союзной арміи надо было ожидать утромъ; поэтому войска, рано позавтракавъ, отправили обозы къ рѣкѣ Качѣ, а сами стали готовиться къ бою. Тогда-то, на мѣстѣ, отведенномъ для перевязочнаго пункта, совершенно случайно, для всѣхъ неожиданно, явилась наша первая русская „сестра милосердія“—Елисавета Михайловна Хлапонина. Не могу не посвятить нѣсколькихъ словъ воспоминанію объ этой достойнѣйшей женщинѣ.

Однимъ изъ лучшихъ батарейныхъ командировъ тѣхъ войскъ, которыя постепенно прибывали въ Севастополь лѣтомъ 1854 года, былъ подполковникъ Дмитрій Дмитріевичъ Хлапонинъ. Недавно повѣнчанный, онъ пріѣхалъ къ намъ съ молодой женою, очень красивой наружности. Елисавета Михайловна Хлапонина, рожденная Борисова, возбудила живѣйшее вниманіе севастопольскаго общества. По вечерамъ, когда на Екатерининской пристани играла музыка и

---

[1]) Сынъ Михаила Григорьевича Хомутова, наказнаго атамана войска Донскаго. А. П.

въ числѣ гуляющихъ бывала Хлапонина, то собирался оживленный кружокъ людей, дорожившихъ милою, пріятною бесѣдою Елисаветы Михайловны. Непремѣннымъ участникомъ этого кружка бывалъ генералъ Кирьяковъ, имѣвшій притязаніе на любезность и остроуміе. При тогдашнемъ настроеніи духа всего общества на заносчиво-воинственный ладъ, удалые разсказы Кирьякова, громогласныя его обѣщанія „шапками закидать" союзниковъ, наконецъ, георгіевскій крестъ въ петлицѣ — расположили въ пользу генерала общественное мнѣніе и снискали ему, довольно дешево, права авторитета. Севастопольцы, не выключая моряковъ, даже самого князя Александра Сергѣевича, возлагали надежды на такого лихаго генерала. Отвлеченный служебными занятіями, я не успѣлъ еще провѣдать о появленіи въ Севастополѣ красавицы Хлапониной, какъ князь, проѣзжая какъ-то со мною мимо Екатерининской пристани, сказалъ:

— „Здѣсь появилась красавица, которая вскружила голову нашему Кирьякову. Надо взглянуть"...

Мы сошли съ лошадей и князь, спустившись по ступенькамъ на пристань, присоединился къ кружку, образовавшемуся около Елисаветы Михайловны и гдѣ во всеуслышаніе разглагольствовалъ Кирьяковъ. Свѣтлѣйшему представили Е. М. Хлапонину; онъ поговорилъ съ ней нѣсколько минутъ и когда опять сѣлъ на лошадь, то сказалъ мнѣ: „миловидная и умненькая особа!" Я, издали, не вглядѣлся въ нее.

Въ другой разъ, еще до высадки непріятеля, свѣтлѣйшій, объѣзжая расположеніе войскъ на сѣверной сторонѣ, завидѣлъ вдали амазонку, совершенно одну.

— „Это Хлапонина!—сказалъ онъ мнѣ, подъѣзжая ближе;—какъ же это она одна... Не случилось ли чего? Надо спросить"...

Когда же князь, освѣдомившись у ней, узналъ, что мужъ ея, которому надо было зачѣмъ-то заѣхать на батарею, оставилъ Елисавету Михайловну на нѣсколько минутъ, то сказалъ: „въ такомъ случаѣ мы будемъ охранять васъ до его возращенія".

И дѣйствительно, свѣтлѣйшій не тронулся далѣе, пока не возвратился Хлапонинъ.

Раннимъ утромъ 8-го сентября, когда мы выпроваживали обозы съ Алминской позиціи, Елисавета Михайловна была на бивуакѣ, простилась съ мужемъ и отправилась къ Севастополю. Проѣзжая мимо перевязочнаго пункта, она увидѣла собраніе полковыхъ докторовъ, остановилась и спросила, что́ тутъ такое будетъ? Ей отвѣчали, что сюда, когда начнется сраженіе, будутъ приносить раненыхъ для перевязки. Первою мыслію Хлапониной было: что̀, если вдругъ да принесутъ сюда ея мужа? Далѣе она не поѣхала и осталась на перевязочномъ

пунктѣ. Дѣло началось: снаряды и пули залетали даже и сюда, раненыхъ несли, но между ними не было мужа Хлапониной. Сознавая, что и она можетъ приносить посильную пользу, Елисавета Михайловна засучила рукава, опоясалась салфеткой и принялась за дѣло, не замѣчая ни усталости, ни голоду, ни опасности. Облитая кровью, она перевязывала раны съ необыкновенною энергіею и только отступленіе нашихъ войскъ увлекло Хлапонину вмѣстѣ съ перевязочнымъ пунктомъ къ Севастополю. Богъ услышалъ молитвы этой великодушной женщины: мужъ ея не былъ раненъ, но у лошади его ядромъ оторвало голову и—замѣчательная вещь! лошадь, безъ головы, устояла на ногахъ нѣсколько секундъ, покуда Хлапонинъ успѣлъ соскочить съ нее... тогда только трупъ коня рухнулся на землю. Уцѣлѣвъ подъ Алмою, Хлапонинъ принесъ въ жертву отчизнѣ свое здоровье при оборонѣ Севастополя: во время бомбардировки онъ былъ сильно раненъ въ голову и контуженъ въ ноги. Однажды, на обратномъ пути съ княземъ отъ Бельбека къ лагерю, мы встрѣтили экипажъ, въ которомъ наша прекрасная сестра милосердія везла раненаго мужа въ Симферополь... Не забыть мнѣ этого ужаснаго зрѣлища! Сильно контуженный и раненый, Хлапонинъ сидѣлъ подлѣ жены вытянувшись, съ вытаращенными глазами и открытымъ ртомъ. Князь пристально всмотрѣлся въ путниковъ, потомъ быстро отвернулся: глаза его наполнились слезами.

— „Хлапонинъ живъ,—произнесъ онъ,—но какой ужасъ... И чѣмъ эти бѣдныя женщины виноваты?"

Выраженіе лица Елисаветы Михайловны неизгладимо врѣзалось въ мою память; проникнутое скорбію, оно какъ будто говорило: „мужъ мой живъ, и еще не все потеряно".

Прошли годы: Хлапонинъ поправился-было на столько, что получилъ мѣсто въ коммисаріатѣ; служилъ на сколько дозволяли силы; но контузія взяла свое и Дмитрій Дмитріевичъ, помаявшись, принужденъ былъ наконецъ и вовсе отказаться отъ служебной дѣятельности. Нынѣ мужъ и жена бѣдствуютъ въ Петербургѣ, забытые всѣми: она, первая, по времени, сестра милосердія, не напоминаетъ о себѣ по скромности и, для поддержки своего и мужнина существованія, недавно еще искала мѣста или работы [1]).

А. А. Панаевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Мы, съ своей стороны, надѣемся, что голосъ почтеннаго автора не будетъ гласомъ вопіющимъ въ пустынѣ: въ этой надеждѣ поддерживаетъ насъ благотворная дѣятельность нашего Общества Краснаго Креста. Ред.

ВОЙНА РОССІИ СЪ ТУРЦІЕЙ

1854 г.

Письмо генерала Барагэ д'Илье (Baraguai d'Hilliers) къ маршалу С. Арно [1].

Константинополь.—3-го (15-го) января 1854 г.

Г. министръ! Со времени моего послѣдняго письма, турецкія дѣла приняли весьма неутѣшительный оборотъ (une tournure peu rassurante). Однако, что касается до военной организаціи, Оттоманская армія сдѣлала большіе успѣхи. Но сколько затрудненій я долженъ былъ преодолѣть, чтобы достигнуть подобнаго результата. Была минута, когда я думалъ, что долженъ буду отказаться отъ возложеннаго на меня порученія. Благодаря моимъ стараніямъ, входъ въ Босфоръ обезпеченъ отъ нечаяннаго нападенія: подвижная эстакада и множество плавучихъ батарей защищаютъ его. Со стороны Балканъ оборонительныя работы почти окончены. Наконецъ, султанъ, благодаря моимъ неоднократнымъ просьбамъ, только что приказалъ отпустить нашимъ инженерамъ необходимыя средства, чтобы немедленно начать обширныя фортификаціонныя работы, которыя обратятъ Константинополь въ первоклассную крѣпость. Бастіонная ограда и отдѣльные форты (земляныя, временныя укрѣпленія) будутъ достаточны для защиты доступовъ къ этому городу и позволятъ ему выдержать продолжительную осаду. Не смотря на всѣ мои усилія. турецкая резервная

---

[1]) Въ собраніи печатаемыхъ въ «Русской Старинѣ» матеріаловъ о Восточной войнѣ, письмо это заслуживаетъ особеннаго вниманія читателей. Изъ него видно въ какомъ грозномъ для себя видѣ нашимъ врагамъ представлялись политическія и военныя событія въ началѣ 1854 года. Кн. М. Д. Горчаковъ получилъ копію съ этого письма въ февралѣ мѣсяцѣ. **Ред.**

армія еще не организована. Рекруты и волонтеры, однако, прибываютъ со всѣхъ мѣстъ Оттоманской имперіи, для зачисленія въ строй, но недостаетъ офицеровъ, чтобы обучать ихъ. Я ожидаю съ большимъ нетерпѣніемъ прибытія перваго экспедиціоннаго корпуса генерала Канробера, съ которымъ, я увѣренъ, мы сойдемся. Необходимо поспѣшить послать это подкрѣпленіе султану, потому что скоро русская армія откроетъ наступательныя дѣйствія; она уже угрожаетъ переходомъ черезъ Дунай въ нѣсколькихъ пунктахъ. Если экспедиціонный корпусъ явится вò-время, турецкая имперія будетъ спасена. Теперь настало время доставить Европѣ зрѣлище французской побѣды на берегахъ Дуная. Я убѣжденъ, что, несмотря на искусныя соображенія Омеръ-паши, онъ не будетъ въ состояніи держаться въ предстоящей кампаніи. Нельзя его оставить одного подъ ударами русскихъ, которые собираются вытѣснить его изъ Валахіи. Турецкій главнокомандующій не съумѣлъ воспользоваться одержаннымъ имъ первоначальнымъ успѣхомъ; онъ опоздалъ своевременно выполнить принятый планъ дѣйствій; благодаря своей медлительности, онъ далъ русской арміи время удвоить свои силы и отдохнуть; если, при первой встрѣчѣ, онъ не разобьетъ своего противника, то дѣло султана на половину проиграно.

Къ веснѣ слѣдуетъ ожидать отпаденія Австріи, которая, да будетъ упомянуто вскользь, не соблюдаетъ нейтралитета. Можно быть увѣреннымъ, что оно послужитъ началомъ всеобщаго распаденія. Правда, что Австрія во всѣхъ своихъ сношеніяхъ выказываетъ духъ соглашенія и миролюбивыя стремленія, кажущіяся безкорыстными. Этимъ она намѣревается скрыть благовиднымъ образомъ интриги, которыя замышляетъ за одно съ русскимъ дворомъ, съ которымъ она связана тайнымъ договоромъ. Продолжая изъявлять свои миролюбивыя стремленія, она добивается съ одинаковымъ упорствомъ своей части наслѣдія султана. У меня на этотъ счетъ имѣются положительныя свѣдѣнія; впрочемъ, сторонники царя нисколько не скрываютъ здѣсь своихъ надеждъ и намѣреній.

Султанъ вскорѣ отправится въ Шумлинскій лагерь. Его присутствіе на театрѣ военныхъ дѣйствій возбудитъ новую энергію въ оттоманскихъ войскахъ.

Диванъ въ его отсутствіе отдастъ приказаніе о сформированіи и снаряженіи 100,000 челов. конницы, 10-ти новыхъ стрѣлковыхъ баталіоновъ и 300 баталіоновъ линейной пѣхоты.

Повторяю, я жду съ нетерпѣніемъ Канробера, чтобы положеніе дѣлъ перемѣнилось и сдержать данное мною султану обѣщаніе отъ имени е. в. императора французовъ. Примите и пр.

Всеподданнѣйшее письмо князя Паскевича.

Варшава.—14-го марта 1854 г.

Всемилостивѣйшій Государь! Пріѣхавъ сегодня въ Варшаву, я нашелъ, что здѣсь все спокойно и благополучно. — Дорогою встрѣтилъ я, около Динабурга, курьера изъ Вѣны [1]). Сегодня также получены извѣстія отъ барона Мейендорфа. Кажется, что дѣла наши съ Австріею принимаютъ оборотъ все болѣе и болѣе благопріятный. Судя по послѣднему разговору императора съ присланнымъ изъ Берлина Мантейфелемъ, полагать должно, что примѣръ Пруссіи подѣйствуетъ и политика Австріи сблизится съ политикою Берлинскаго двора. — Съ другой стороны, Австрія начинаетъ, какъ видно, не довѣрять Франціи, вслѣдствіе поведенія ея въ Италіи и замысловъ Мацини произвести бунтъ въ Ломбардіи. Притомъ и всѣ значительныя лица въ Вѣнѣ громко говорятъ противу союза съ Франціею.—Извѣстія сіи меня порадовали; но по частнымъ слухамъ, здѣсь полученнымъ, Австрія продолжаетъ сборъ войска въ Венгріи и Галиціи, около Лемберга и Кракова, который укрѣпляютъ; но для вѣрности я послалъ сейчасъ агентовъ для собранія о томъ свѣдѣній. Посему невозможно, кажется, ослаблять еще теперь предосторожности, принятыя нами противъ Австріи, пока обстоятельства не объяснятся. — Сообщивъ о настоящемъ положеніи дѣлъ въ отношеніи Австріи кн. Горчакову, я сообщилъ ему, чтобы онъ дѣйствовалъ по принятому плану, сообразно мѣстнымъ обстоятельствамъ.

Сегодня я получилъ также курьера отъ кн. Горчакова. Содержаніе его письма и бумагъ, въ особенной запискѣ изложенное, имѣю счастіе представить. Судя по сдѣланнымъ распоряженіямъ, ожидать должно, что переправа за Дунай, вѣроятно, будетъ произведена согласно предположенію. Дай Богъ, чтобы оная удалась.

---

[1]) Припомнимъ здѣсь, что въ виду предстоявшаго, по мнѣнію князя Варшавскаго, немедленнаго разрыва съ Австріею, онъ, нисколько не стѣсняясь высочайшею волею, послалъ князю Горчакову отъ себя приказаніе изъ Петербурга: «если вы еще не взяли Мачина, Исакчи и Тульчи и не устроили переправы, то не начинайте перехода, ибо, пока дѣла съ Австріею не объяснятся, намъ нѣтъ необходимости переходить черезъ Дунай» (предписаніе за № 110 отъ 9-го марта 1854 г.) и позже (10-го марта), со станціи Катежной, на дорогѣ въ Варшаву: «если вы еще не совершили переправы за Дунай, то и не форсируйте ее». Между тѣмъ, еще 8-го марта императоръ Николай писалъ князю Горчакову: «съ нетерпѣніемъ ожидать буду, было ли благословеніе Божіе нашему предпріятію черезъ Дунай». Высочайшее повелѣніе относительно переправы чрезъ нижній Дунай никогда не было отмѣняемо Государемъ. См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., т. XV. (Письма кн. И. Ѳ. Паскевича къ кн. М. Д. Горчакову).

Ред.

Всеподданнѣйшее письмо князя М. Д. Горчакова.

Браиловъ.—16-го марта 1854 г.

Всемилостивѣйшій Государь! Сейчасъ имѣлъ я счастіе получить письмо В. И. В. отъ 8-го сего мѣсяца и начертаніе будущихъ дѣйствій. Согласно разрѣшенію вашему, я осмѣлился сдѣлать противъ онаго отступленіе, а именно оставить у генерала Лидерса, для движенія до Гирсова, и 2-ю бригаду 14-й дивизіи. Распоряженія мои вы изволите усмотрѣть изъ копіи рапорта моего генералъ-фельдмаршалу, которую доложитъ военный министръ.

Движеніе къ Гирсову Лидерса, оставя у Исакчи одну 7-ю дивизію, кажется, совершенно безопасно, ибо предписано ему, при первомъ извѣстіи о непріятельской высадкѣ, отойти всѣми силами къ Исакчѣ и Браилову. Я расчитывалъ, что подобнаго десанта не послѣдуетъ прежде половины апрѣля и что лучшій способъ побудить непріятеля не предпринимать къ намъ высадки есть сохраненіе дѣйствіямъ генерала Лидерса сколь можно долѣе видъ чисто наступательный.

Сколь ни тяжело будетъ оставить Валахію безъ боя, но необходимо будетъ это сдѣлать, если Австрія объявитъ войну и я приготовлю все къ подобному обратному движенію. Впрочемъ, какъ бы я заблаговременно ни стягивался въ Валахіи, австрійцамъ меня можно будетъ отрѣзать быстрымъ движеніемъ изъ Сѣверной Трансильваніи и Буковины въ Сѣверную Молдавію. Но это одинъ изъ тѣхъ шансовъ, въ опасеніе коихъ заранѣе портить дѣла не должно. Преждевременное очищеніе Валахіи имѣло бы ужасное вліяніе на возстаніе христіанъ, которое, кажется, начинаетъ разгораться. Сбудься движеніе австрійцевъ неожиданно въ мой тылъ на Яссы, мы ихъ разобьемъ или умремъ съ честью, а у васъ Россія велика и будетъ кѣмъ насъ замѣнить.

Но я не теряю надежды, что дѣла не дойдутъ до столь отчаяннаго положенія. Сейчасъ отправлюсь въ Букарестъ, чтобы распорядить отступленіе Мало-Валахскаго отряда, съ такимъ соображеніемъ, чтобы оно послѣдовало не слишкомъ рано и не слишкомъ поздно.

Въ то время какъ я оканчиваю настоящее письмо, получаю донесеніе, что турки отступаютъ отъ Гирсова къ Черноводамъ и что моя казачья партія, съ лѣваго берега Дуная, заняла Гирсовъ. Съ глубокимъ благоговѣніемъ и пр.

Кн. М. Д. Горчаковъ—кн. И. Ѳ. Паскевичу.

Браиловъ.—16-го марта 1854 г.

Ваша свѣтлость изволили мнѣ предписать:

1) Имѣть въ виду, что около половины апрѣля, можетъ быть, потребуется взять отъ ввѣренныхъ мнѣ войскъ одну пѣхотную дивизію къ Кишиневу или Бендерамъ. Въ исполненіе сего, я назначаю на этотъ конецъ 7-ю пѣхотную дивизію, и, дабы имѣть ее въ готовности, предписалъ не удалять отъ Дуная, а употреблять для работы по усиленію береговыхъ батарей и для устройства сильнаго мостоваго укрѣпленія близь Исакчи.

2) По овладѣніи Мачинымъ, Исакчею и Тульчею, не подыматься къ Гирсову. По всѣмъ вѣроятіямъ, должно было считать, что, для овладѣнія Мачинымъ, Исакчею и Тульчею, потребуется не менѣе двухъ недѣль, что движеніе къ Гирсову могло бы начаться только въ концѣ марта, а овладѣніе Гирсовымъ послѣдовать не прежде какъ въ первыхъ числахъ апрѣля. Но неожиданно быстрое овладѣніе Тульчею и Мачинымъ, оставленіе непріятелемъ Исакчи и свѣдѣнія, полученныя:

а) что турки очистили уже береговыя батареи противъ Гирсова, и б) что силы ихъ сосредоточиваются не у Бабадага, а у Черноводъ—измѣняютъ положеніе дѣлъ.

Имѣя неожиданно свободнаго времени болѣе двухъ недѣль, я счелъ, что вмѣсто того, чтобы провести эти 15 дней въ бездѣйствіи, надлежитъ воспользоваться ими для занятія Гирсова и устройства тамъ моста и мостоваго укрѣпленія, такъ какъ это доставитъ намъ большія выгоды, какой бы оборотъ война ни приняла.

Вслѣдствіе сего я предписалъ генералу Лидерсу: 1) Если по ходу дѣлъ ему окажется возможнымъ быть въ Гирсовѣ прежде 2-го апрѣля (вѣроятно, онъ будетъ тамъ около 23-го марта), то прійти туда съ главными силами (34 баталіона, 14 эскадроновъ и 5 сотень); по прибытіи своемъ, немедленно приступить къ возведенію тамъ прочнаго мостоваго укрѣпленія и устройству моста; 2) если бы до прибытія его къ Гирсову послѣдовала хотя нѣсколько серьезная высадка въ нашихъ предѣлахъ, около Одессы или Бессарабіи, то немедленно обратиться къ сѣверу, для охраненія мостовъ у Исакчи и Браилова и замѣщенія 7-й пѣхотной дивизіи, которая въ подобномъ случаѣ, вѣроятно, пойдетъ въ Бессарабію; 3) исполнить то-же, если бы турки или одни, или въ совокупности съ европейцами, угрожали ему нападеніемъ въ такихъ силахъ, противъ коихъ онъ не могъ бы бороться съ вѣрною надеждою на успѣхъ. Но сего ожидать нельзя, ибо хотя

и есть частное извѣстіе, что первый вспомогательный французскій корпусъ (я считалъ его не болѣе какъ въ 15,000) прибылъ уже въ Константинополь, но мало вѣроятія, чтобы даже и въ томъ случаѣ, если онъ высадится у Варны, онъ двинулся въ совокупности съ турками далѣе Черноводъ прежде половины апрѣля, а гораздо прежде сего мостовое укрѣпленіе и мостъ у Гирсова будутъ готовы.

Въ томъ случаѣ, если, по устройству того и другаго, генералу Лидерсу пришлось бы, согласно сказанному выше, отступать къ сѣверу, онъ оставитъ въ Гирсовскомъ тетъ-де-понѣ достаточный гарнизонъ.

Если, какъ я почти навѣрное полагаю, турки оставили уже и самый Гирсовъ, я прикажу полковнику Зурову, противъ Гирсова, на лѣвомъ берегу Дуная стоящему, занять этотъ городъ легкимъ отрядомъ до прихода генерала Лидерса. Овладѣніе же Гирсовымъ и устройство тамъ обезпеченнаго укрѣпленіями моста представляютъ слѣдующія выгоды:

1) Турки будутъ думать, что я дѣлаю рѣшительное наступленіе въ Болгарію, и остановятся у Черноводъ, или запрутся въ крѣпости, ожидая прибытія своихъ союзниковъ.

2) Сіи послѣдніе, думаю, тоже предпочтительно захотятъ меня встрѣтить около Базарджика, Черноводъ, Варны или Силистріи и умѣрятъ свои наступательныя предпріятія, а можетъ быть, отсрочатъ десанты.

3) Овладѣніе Гирсовымъ и возведеніе тамъ моста и укрѣпленій въ большой степени облегчатъ оборонительныя дѣйствія наши въ Валахіи и Бабадагской области и наступательныя дѣйствія къ Силистріи, если окажется возможнымъ таковое предпринять.

Донося о томъ в. св., имѣю честь объяснить, что я также предписалъ, чтобы, при первомъ извѣстіи о высадкѣ непріятеля въ нашихъ предѣлахъ, было поставлено въ Измаилѣ четыре баталіона дѣйствующей пѣхоты, а въ Киліи одинъ баталіонъ, независимо отъ резервовъ, тамъ находящихся.

Вотъ что я доносилъ прежде полученія повелѣній вашихъ отъ 7-го марта, сейчасъ мнѣ доставленныхъ. По соображеніи оныхъ съ обстоятельствами и съ общимъ начертаніемъ государя императора, на счетъ послѣдующихъ дѣйствій нашихъ, я не дѣлаю теперь измѣненій въ вышеупомянутыхъ распоряженіяхъ. Я расчитываю, что десанта въ наши предѣлы прежде апрѣля они не предпримутъ и что наступательный видъ, сохраняемый моими дѣйствіями, есть лучшее средство задержать ихъ отъ высадки въ Бессарабіи или около Одессы. Лидерсъ же всегда

успѣетъ, если нужно, своевременно отойти за Дунай или чрезъ Гирсовъ, или чрезъ Браиловъ.

Опасаюсь, однако, что англичане овладѣютъ устьями Сулина. Серьезному покушенію ихъ на семъ пунктѣ, за неимѣніемъ тамъ постоянныхъ фортификаціонныхъ работъ, воспрепятствовать я не могу. Но если они и утвердятся на устьѣ Сулина, то въ этомъ еще небольшая бѣда, ибо въ Дунай ихъ мелкихъ судовъ наша флотилія не должна впустить: она должна ихъ разбить при раздѣленіи Килійскаго и Сулинскаго рукавовъ, гдѣ будетъ дѣйствовать подъ покровительствомъ береговыхъ батарей.

Лучшимъ пунктомъ для сосредоточенія, въ случаѣ надобности, 7-й дивизіи въ Бессарабіи, я полагаю Болградъ.

Кн. М. Д. Горчаковъ—военному министру[1]).

Браиловъ.—16-го марта 1854 г.

Любезный князь! я только что получилъ бумаги, отправленныя вами 8-го числа сего мѣсяца. По моему рапорту генералъ-фельдмаршалу, вы увидите, на чемъ я остановился въ настоящее время. Я буду осмотрителенъ, но не испорчу хода дѣлъ несвоевременной осторожностію, въ которой упрекнулъ бы меня государь императоръ, послѣ того, какъ онъ разрѣшилъ мнѣ измѣнять, сообразно съ обстоятельствами, частности въ его планахъ дѣйствій. Я былъ принужденъ остаться здѣсь двумя днями дольше; сегодня ночью я уѣзжаю въ Букарестъ.

Наши дѣйствія должны, пока только это возможно, сохранить характеръ наступательный. Это единственное средство, чтобы устрашить нашихъ многочисленныхъ враговъ и не позволить христіанамъ вполнѣ упасть духомъ. Не получивъ разрѣшенія издать прокламацію къ болгарамъ, съ цѣлью призванія ихъ къ оружію, я удержался отъ всякой манифестаціи, какъ писанной, такъ и печатной. Но за то одно изъ моихъ дѣйствій не останется безъ послѣдствій. Я принесъ въ даръ, отъ своего имени, колоколъ въ православную церковь Мачина[2]). Вы знаете, что турки запрещаютъ христіанамъ имѣть колокола. Тотъ, который я послалъ, былъ принятъ съ восторгомъ, и очень можетъ быть, что онъ возвѣститъ паденіе Турціи. Да будетъ такъ! Я приказалъ снабдить колоколами и другіе города. Изъ уваженія къ ближнему, жалкіе сподвижники невѣрныхъ не осмѣлятся протестовать.

---

[1]) Переводъ съ французскаго.

[2]) Противъ этого мѣста на письмѣ князя Горчакова была сдѣлана императоромъ Николаемъ собственноручная отмѣтка: «parfaitement bien fait».

Ред.

Всеподданнѣйшее письмо князя М. Д. Горчакова.

Букарестъ.—22-го марта 1854 г.

Всемилостивѣйшій Государь! Изъ записки моей военному министру [1]), В. И. В. изволите усмотрѣть распоряженія мои въ продолженіе сихъ послѣднихъ дней; кажется, что они вполнѣ соотвѣтствуютъ высочайшему начертанію вашему и вмѣстѣ съ тѣмъ положенію дѣлъ, какимъ оно отнынѣ представляется [2]).

Новыя удовлетворительныя извѣстія изъ Австріи много насъ облегчатъ: по крайней мѣрѣ, хотя на нѣкоторое время съ этой стороны нечего опасаться.

Расположеніе генерала Лидерса съ 30-ю баталіонами у Гирсова, имѣя мостъ, къ которому турки будутъ знать, что я прійти могу къ нему на помощь, будетъ ихъ держать въ страхѣ, и можно почти навѣрное полагать, что до времени прибытія французовъ къ Варнѣ и появленія хорошей травы, они не только ничего не предпримутъ на нашемъ лѣвомъ флангѣ и центрѣ, но даже будутъ бояться наступленія отъ насъ; а это можетъ также побудить французовъ не торопиться съ десантами.

Главная моя забота съ Калафатомъ. Отводить теперь генерала Липранди къ Краіову, изъ опасенія Австріи, кажется, не нужно. Но вообще весьма важно бы сократить нашу линію. Съ другой стороны, очищеніе Малой Валахіи, особенно въ настоящую минуту, когда морскія державы намъ объявили войну, имѣло бы самыя вредныя послѣдствія. Духъ единовѣрныхъ намъ племенъ упалъ бы, турки вступили въ этотъ негодный край и взбунтовали бы его, такъ что мнѣ пришлось бы опасаться за тылъ черезъ Питешти. Князь Варшавскій полагалъ, что нужно бы отвести генерала Липранди къ Краіову около 1-го апрѣля. Но теперь Австрія усмиряется и онъ предоставилъ мнѣ дѣйствовать по обстоятельствамъ. Остается еще 10 дней, подумаю еще и посмотрю, что̀ укажутъ они. Торопиться, кажется, нечего. Каждый лишній день сохраненія наступательнаго вида, съ нашей стороны, можетъ принести много пользы, особенно возстанію Греціи, которое можетъ вдругъ разыграться.

---

[1]) См. ниже записку князя Горчакова отъ 22-го марта 1854 г., изъ Букареста.

[2]) Въ письмѣ къ военному министру, отъ того же 22-го марта, находится нижеслѣдующее откровенное признаніе князя М. Д. Горчакова, имѣющее весьма важное значеніе для характеристики его какъ полководца: «Je me casse la tête pour voir s'il n'y aurait pas moyen de tenter quelque mouvement agressif utile, sans sortir du cercle que S. M. a tracé avec tant de sagesse. Je n'ai encore rien trouvé, peut-être cela viendra-t-il». Ред.

Очень много думаю я о томъ, что В. И. В. изволили взять лично на себя самую тяжкую долю. Мнѣ кажется, что англичане употребятъ большія усилія для дѣйствій въ Балтійскомъ морѣ. Но Богъ великъ, а русскій царь грозенъ.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и проч.

Записка кн. М. Д. Горчакова—военному министру.

Букарестъ.—22-го марта 1854 г.

Положеніе дѣлъ представляется теперь, по моему мнѣнію, въ слѣдующемъ видѣ:

А) Возстаніе христіанскихъ племенъ начинаетъ брать нѣкоторую важность и переходъ нашихъ войскъ за Дунай—съ толикимъ нетерпѣніемъ ими ожидаемый—долженъ его оживить и усилить.

Б) Поведеніе Австріи еще не ясно, но трудно думать, если она и рѣшится на войну съ нами, чтобы мы не узнали о томъ положительно, хотя недѣли за три впередъ.—Сами французы и англичане соблюли нѣкоторыя формы прежде объявленія оной.—Притомъ послѣднія свѣдѣнія отъ барона Мейендорфа значительно успокоительнѣе чѣмъ прежнія.

В) Нѣтъ еще извѣстія, чтобы десантныя войска морскихъ державъ, кромѣ передоваго французскаго отряда, тысячъ, кажется, въ 10 или 15, и одного англійскаго полка,—прибыли въ Турцію. Куда же они сдѣлаютъ десантъ — неизвѣстно, свѣдѣнія о семъ слишкомъ неосновательны и разнорѣчивы.

Г) Главная надежда наша лежитъ на возстаніи единовѣрныхъ племенъ, и движеніе, обнаруживающее, что мы намѣрены перейти къ оборонительной войнѣ, безъ сомнѣнія, совершенно парализируетъ ихъ дѣйствія, особенно при извѣстныхъ проискахъ морскихъ державъ, которыя имъ обѣщаютъ права и покровительство.

Соображая всѣ эти обстоятельства съ высочайшимъ начертаніемъ, мнѣ препровожденнымъ отъ 8-го марта, и съ повелѣніемъ генералъ-фельдмаршала отъ 15-го сего марта, я полагаю, что для дѣйствій въ духѣ оныхъ и соотвѣтственно настоящему положенію дѣлъ, а равно неожиданно быстрому успѣху нашему за Дунаемъ, надлежитъ, съ одной стороны, не терять изъ виду угрожающую опасность отъ Австріи и отъ десантовъ съ моря, съ другой—сохранить операціямъ нашимъ, сколь можно долѣе, видъ чисто наступательный, дабы не охлаждать порыва христіанъ.... [1]).

[1]) Затѣмъ кн. Горчаковъ переходитъ въ запискѣ своей къ подробному перечисленію принятыхъ имъ мѣръ, сущность которыхъ изложена въ выше помѣщенномъ рапортѣ князя Михаила Дмитріевича генералъ-фельдмаршалу, отъ 16-го марта. Ред.

....Я посылаю къ ген.-адъют. Лидерсу 500 человѣкъ сформированныхъ и вооруженныхъ болгаръ и сербовъ, а на дняхъ отправляю къ ген.-лейт. Липранди до 1,500 таковыхъ людей. — Какъ употребить сформированныхъ грековъ, я еще не рѣшился: они вообще много умничаютъ. Нѣсколько охотниковъ изъ бывшихъ при переправѣ у Браилова, пришедъ въ Мачинъ, начали было грабить турокъ и мечеть, такъ что ихъ должно было унять и возвратить на нашъ берегъ.

Вообще мнѣ кажется, что положеніе наше съ 23-мя баталіонами на нижнемъ Дунаѣ, съ тремя мостами и предмостными укрѣпленіями и съ 30-ю баталіонами у Гирсова — есть самое выгодное, какое при настоящихъ обстоятельствахъ можно желать.

Императоръ Николай—князю Паскевичу.

С.-Петербургъ.—24-го марта 1854 г.

Вчера вечеромъ прибылъ курьеръ отъ Горчакова съ подробностями славной переправы и съ неожиданнымъ извѣстіемъ покинутаго Гирсова. Горчаковъ прислалъ мнѣ также копію съ записки его къ тебѣ, въ которой онъ отвѣчаетъ на посланный ему отсюда планъ кампаніи, когда мы ожидали скораго объявленія войны намъ Австріею. Мысли Горчакова вполнѣ согласны съ тѣмъ, что я самъ тогда писалъ касательно моего желанія, чтобы мы извлекли возможную пользу отъ удачнаго перехода черезъ Дунай, что не могу не желать, чтобы ты согласился на его предложенія, которыя, кажется, соединяютъ всѣ условія осторожности съ извлеченіемъ возможной пользы отъ теперешнихъ нашихъ успѣховъ.—Онъ дѣйствовалъ и видитъ дѣло, по моему, славно, и достоинъ всякой похвалы.

Ничего дальнѣйшаго не знаю про дѣйствія австрійцевъ; давно ничего не получалъ изъ Вѣны; вѣроятно, тебѣ уже болѣе извѣстно, чѣмъ мнѣ.—Генералъ Гессъ въ Берлинѣ. Что изъ сего послѣдовало, тоже еще не знаю, но, по частнымъ свѣдѣніямъ, идетъ, говорятъ, хорошо.—Дай Богъ!—Какъ бы хорошо подступить покуда къ Силистріи и тѣмъ предупредить затѣи союзниковъ.—Быть можетъ, Омеръ-паша выйдетъ къ намъ изъ Шумлы или Рущука и его разбить до прихода союзниковъ.

Во всякомъ случаѣ, полагаю, что нашъ переходъ черезъ Дунай измѣнитъ нѣсколько ихъ затѣи десантовъ къ намъ, а мы до того успѣемъ быть вездѣ готовыми къ отпору, не такъ ли? Здѣсь все кипитъ. Гарнизонъ въ Кронштадтъ пришелъ. — Сегодня начали приходить гренадеры и это ежедневно будетъ продолжаться.—Работы также идутъ успѣшно. Начала Нева вскрываться и послѣдняя пора всему быть готовымъ.—Новаго ничего не знаю, кромѣ объявленія намъ войны союзниками. Буди воля Божія.

Обнимаю душевно; цѣлую руку княгини. Твой навсегда искренно доброжелательный „Николай“.

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ СѢРОВЪ

Очерки и замѣтки о музыкѣ

1844 — 1845.

Письма А. Н. Сѣрова къ В. В. Стасову [1]).

11-го іюля 1844 г.

Вчера давали „Фрейшюца" (бенефисъ Петрова). Я былъ въ театрѣ единственно для того, чтобъ повѣрить окончательно: что̀ такое эта опера по моимъ нынѣшнимъ понятіямъ о музыкальной драмѣ.

Я старался дѣлать наблюденія, какъ человѣкъ, въ отношеніи „Фрейшюца", совершенно новый, т. е. безъ малѣйшаго opinion anticipée [2]) (хотя это весьма трудно было, потому что я знаю всю оперу наизусть.

Вотъ результатъ моихъ наблюденій.

Сперва объ цѣломъ: конечно, эта опера не первостепенная, съ Моцартовыми ни малѣйшей параллели, и, какъ я думаю, найдутся и не Моцартовы оперы, изъ старыхъ, которыя станутъ гораздо повыше „Фрейшюца".

Но по счастливой мысли либретто, къ которому какъ нельзя лучше пришлось Веберовское направленіе, опера эта имѣетъ много увлекательно-хорошаго, и оставляетъ по себѣ впечатлѣніе какой-то невыразимо пріятной полноты, которое было бы еще лучше, еслибъ не мѣшалъ тонъ einer bürgerlicher Natur [3]), разлитый по цѣлой пьесѣ.

Не забудь, что это все относится только къ тому, ка́къ я чувствую эту оперу по партитурѣ, и, разумѣется, не въ дѣйствитель-

---

[1]) Письма А. Н. Сѣрова, писанныя, въ разное время, ко мнѣ, начали печататься въ «Русской Старинѣ» съ августовской книги 1875 года, и съ тѣхъ поръ они являлись въ семи книгахъ этого изданія. Напечатанныя до сихъ поръ письма обнимаютъ періодъ времени отъ середины 1840 по середину 1844 года; остальныя будутъ помѣщены въ «Русской Старинѣ» въ теченіе настоящаго года. В. С.

[2]) Предвзятаго мнѣнія.

[3]) Буржуазной натуры.

номъ впечатлѣніи послѣ спектакля на нашей сценѣ. Тутъ, кромѣ смѣшнаго и жалкаго, почти ничего (исключенія впереди).

Вотъ еще нѣсколько общихъ замѣчаній: въ цѣлой оперѣ почти нѣтъ настоящаго пѣнія, и именно оттого, что Веберъ не умѣлъ употреблять голоса ни отдѣльно, ни даже въ хорахъ, ни женскіе, ни мужскіе. Интервалы и скачки въ мелодіи нестерпимы. Оркестръ употребленъ несравненно лучше, но, по бо́льшей части, видны лучшія намѣренія, нежели дѣйствительное исполненіе, и это даже (за что бы я прежде выцарапалъ глаза) замѣтно и въ увертюрѣ. Слишкомъ много, если такъ выразиться, возни въ оркестрѣ, спокойной красоты почти нигдѣ нѣтъ.

Теперь самая важная статья: характеры. Изъ нихъ вполнѣ удаченъ одинъ: это Annchen. Не могу сказать, чтобъ онъ принадлежалъ Веберу, это совершенно тотъ же типъ, какъ Susanna [1]), какъ Despina [2]) и особенно Blonde въ „Entführung" [3]). Но тотъ характеръ натураленъ, и по этому самому исключительно предъ всѣми изященъ (хотя и тутъ во многомъ анти-пѣвческіе интервалы большая помѣха). Характеръ Агаты (которая должна была быть той натуры какъ Contessa, Constanza, Fiordiligi [4]) очерченъ слабо, и большая ея арія особенно замѣчательна по вычурнымъ интерваламъ.

Характеръ Макса до пошлости пассивенъ, и хотя это зависѣло отъ либретто, но и Веберъ сильно виноватъ. Вѣдь D. Ottavio [5]) тоже довольно пассивное лицо, между тѣмъ у Моцарта... Большая арія Макса въ 1-мъ дѣйствіи и терцетъ его съ Агатой и Анетой во второмъ чрезвычайно неловки для голоса (Allegro въ обоихъ нумерахъ) и ихъ никто на свѣтѣ хорошо не споетъ.

Каспаръ, болѣе рельефный характеръ по либретто, въ музыкѣ не довольно сильно обрисованъ. Впрочемъ, на Каспарову долю выпадаютъ два мѣста, которыя я причисляю къ лучшимъ изъ всей оперы: увидишь въ концѣ.—„Trinklied", которую я прежде такъ любилъ и которой вчера такъ сильно апплодировали, оригинальная, но недовольно красивая вещь; для голоса же, какъ и все,—весьма неловкая.

О прочихъ характерахъ говорить нечего, развѣ двѣ, три реплики Куно, да отчасти пѣсни Киліана со „Spottchor" крестьянъ (слово „Spottchor" напоминаетъ мнѣ, сколько подлецъ Мейерберъ безсо-

[1]) Въ «Фигаро» Моцарта.

[2]) Въ «Cosi fan tutte» Моцарта.

[3]) «Похищеніе изъ Сераля» Моцарта.

[4]) Въ операхъ Моцарта: «Фигаро», «Похищеніе изъ Сераля», «Cosi fan tutte».

[5]) Въ «Донъ Жуанѣ» Моцарта. В. С.

вѣстно попользовался „Фрейшюцемъ“ въ „Робертѣ“, en outrant tout ce qui était assez outré chez Weber [1]). Есть нѣкоторая тѣнь характера въ Пустынникѣ, si son apparition n'était pas aussi bêtement „Deus ex machina“ [2]). Теперь замѣчу тебѣ то, что̀ я считаю лучшимъ въ оперѣ:

1) Начало сцены въ „Волчьей долинѣ“, т. е. все до литья пуль (гдѣ я не нахожу красоты; музыка отъ страшнаго утрированныя перешла нѣсколько въ burlesque), но за то начало (невидимый хоръ духовъ и речитативъ Каспара при заклинаніи и условіи съ Самізлемъ) irréprochable и должно стоять высоко въ искусствѣ [3]);

2) le début аріи Каспара въ 1-мъ дѣйствіи;

3) дуэтъ Агаты и Анхенъ въ началѣ 2-го;

4) маленькая баллада и большая арія Анхенъ въ 3-мъ; наконецъ, въ 5) почти весь финалъ оперы, по весьма удачно веденному драматизму и по какой-то особенной теплотѣ въ самыхъ звукахъ.

Когда я кончилъ, мнѣ смѣшно стало подумать, что̀ бы сказалъ прочитавшій вмѣстѣ эти строки и мое прежнее мнѣніе о „Фрейшюцѣ“. Впрочемъ, я не болѣе грѣшилъ въ этомъ случаѣ какъ нѣкто, [4]) называвшій во время о̀но „толкотней звуковъ“ Allegro увертюры „Zauberflöte“.

23-го августа 1844 г.

Я весь потонулъ въ своихъ работахъ, а особенно, въ Бетховенской мессѣ [5]). Я ею совершенно полонъ, хотя борьба, извѣстная тебѣ [6]), еще не кончилась и, вѣроятно, не кончится еще долго, даже послѣ возможно лучшаго исполненія у насъ (чего надо будетъ, какъ ты увидишь, также весьма долго ждать). Я просмотрѣлъ всю „Мессу“, но, конечно, знаю въ ней чрезвычайно мало. Знаю только то, что она во всякомъ случаѣ трудна до крайности. Арранжировать я принялся не „Credo“, какъ мы-было назначили, а по лоскуточкамъ изъ разныхъ частей. Трудность необычайная, и именно въ этой части преимущественно предъ другими. Въ первое наше meeting ты услышишь изъ

---

[1]) Преувеличивая все, что уже и такъ было преувеличено.

[2]) Еслибы его появленіе не было такъ глупо Deus ex machina.

[3]) Безупречно.

[4]) То-есть—я. В. С.

[5]) Вторая Месса Бетховена, которую мы тогда выписали, въ полной партитурѣ, изъ-за границы, такъ какъ въ Петербургѣ ея нигдѣ не существовало.

[6]) Съ самаго начала А. Н. Сѣровъ никакъ не могъ помириться съ своеобразною формою «Мессы» (особенно «Credo» и «Gloria») и находилъ чѣмъ-то непозволительнымъ, непонятнымъ и спутаннымъ несимметричность и совершенную свободу формы ихъ. В. С.

„Credo“ только одну маленькую часть Qui propter nos homines et propter nostram salutem descendit de coelis (Des-dur). Это будетъ образчикъ, но какой! У меня также готова частичка изъ „Gloria“, и именно заключеніе: Presto. Но главное, чѣмъ я занялся сплошь, и что̀ будетъ готово къ слѣдующей пятницѣ, это: Sanctus (Adagio), Pleni sunt coeli (Allegro), Osanna (Presto), Praeludium и Benedictus. Это все вмѣстѣ всетаки менѣе „Credo“, а „Credo“ невозможно дробить, и потому оно отлагается. Изучивши эту сверхъ-естественную музыку, какъ ты видишь, уже довольно практически (и никогда лучше нельзя изучить вещь какъ копіею или, что̀ все равно, аранжировкою— еще маленькая идея: вѣдь порядочно уже быть въ музыкѣ Gerard Audran'омъ [1]), не правда ли?), я могу тебѣ сказать о ней нѣсколько результатныхъ словъ (т. е. результатныхъ ad interim, поколику я теперь знаю „Мессу“). Объективность и, неразлучная съ истинною объективностью, красота частей доведена до высшей степени. По объективности, эта „Messa“ рѣшительно равна „Реквіему“ [2]), и, слѣдовательно, тутъ все кончено. Но чего я не могу себѣ представить, это общаго впечатлѣнія, общей атмосферы. Мнѣ случалось встрѣчать на пространствѣ одной партитурной строчки (или страницы) двѣ, три далекія другъ отъ друга идеи, равно объективно выраженныя. Ка́къ-то все это сливаться должно! Не повредитъ ли такая объективность общему. Впрочемъ, все это, вѣроятно, отъ того, что я мало, слишкомъ мало знаю это созданіе, которое во всякомъ случаѣ также высоко, какъ „IX-я симфонія“, и потому требуетъ изученія, изученія и изученія. О, еслибъ меня сподобилъ Богъ совершить какъ слѣдуетъ трудъ аранжировки этой „Мессы“, я уже могъ бы считать себя сдѣлавшимъ нѣчто. Такое переложеніе будетъ чего-нибудь стоить. Но какая ужасающая бездна труда! Ты все это увидишь на дѣлѣ. Иногда я долженъ бросить перо отъ душевнаго волненія, при встрѣчѣ, на каждомъ шагу, новыхъ чудесъ, точно въ твореніи Божіемъ. Это дѣйствительно цѣлый міръ, какъ и все, я думаю, истинно геніальное. Помнишь ли ты въ „Sanctus“, предъ „Pleni“, въ оркестрѣ tremolando Celli e Viole, а голоса (solos) шепчутъ ppp: „Sanctus, Sanctus, Sanctus, Dominus Deus Sabaoth!“ Это просто на небесахъ! Вообще, что касается до намѣреній, ты уже знаешь какъ это! Собственно музыка истинно небывалая. И ритмъ, и гармонія, и инструментовка, и основныя идеи, и развитіе ихъ, и модуляціи — если ихъ еще можно такъ назвать — все ново, все поразительно. И ка̀къ я надъ

[1]) Одранъ—знаменитый граверъ. В. С.

[2]) Моцарта.

этимъ всѣмъ учусь! Пусть не выйдетъ изъ меня ничего порядочнаго, я теперь живу хорошо, и чувствую, что живу какъ слѣдуетъ! Одною изъ причинъ, почему я выбралъ „Sanctus“ и проч., а не „Credo“, былъ и расчетъ мой на нашихъ исполнителей [1]). Необычайная трудность „Credo“, въ его бронзовости, отшатнула бы ихъ съ самаго начала, тогда какъ „Sanctus“ и „Benedictus“, хотя также ровно столько же трудны для исполненія, но представляются какъ-то занимательнѣе. Въ „Sanctus“, въ „Praeludium“ каждый инструментъ слышенъ порознь; это для исполнителей, каковы бы они ни были, всегда пріятно, потому что входитъ въ область виртуозности; а въ „Benedictus“ длинное solo 1-й скрипки. И для меня собственно эти части легче аранжировать, какъ болѣе прозрачныя, тогда какъ для „Credo“ я долженъ буду привыкнуть употреблять массы рельефно.

Вмѣстѣ съ моими переложеніями изъ „Мессы“, я трудился въ эти дни весьма прилежно и надъ „Jdomeneo“ [2]). Эта музыка, въ сравненіи съ „Мессою“, поразительно проста, но красота истинно античная. Все такъ органически на мѣстѣ, такъ непринужденно натурально, что можетъ привести въ отчаяніе человѣка, который къ этому же и долженъ будетъ стремиться. Я надѣюсь, что мои переложенія откроютъ для тебя и „Jdomeneo“ въ новомъ свѣтѣ, близкомъ къ настоящему. Я уже почти кончилъ весь финалъ 2-го акта (т. е. самая буря готова раньше, ибо я началъ съ конца). Еще не могъ я удержаться, чтобъ не приготовить къ нынѣшней же пятницѣ квинтетъ изъ „Волшебной флейты“ 1-го акта: „hm! hm! hm!“ Я на немъ остановился именно по расчету на наше исполненіе. Это будетъ чудесно, отвѣчаю! Звуки будутъ истинно волшебные, и именно отъ ловкаго соединенія тембровъ скрипичныхъ съ фортепіанными. Какъ ты видишь, я не сижу сложивши руки. Рѣшительно вздохнуть некогда.

17-го сентября 1844 г.

Владиміръ Рафаиловичъ. Написавъ мнѣ такой жестокій отказъ [3]), вы, вѣроятно, полагали навсегда отдѣлаться отъ моихъ преслѣдованій касательно „Виндзорскихъ проказницъ“. Думая такъ, вы сильно ошиблись. Со мною не такъ легко развязаться. Когда, кромѣ васъ, у меня

---

[1]) Въ началѣ, переложеніе это было сдѣлано для фортепіано въ четыре руки со струннымъ квартетомъ.

[2]) Опера Моцарта.

[3]) Отвѣтъ Сѣрова на письмо В. Р. Зотова, въ которомъ онъ отказывался отъ составленія либретто по пьесѣ Шекспира «Виндзорскія кумушки», которую я предложилъ въ это время А. Н. Сѣрову какъ сюжетъ для оперы.

В. С.

нѣтъ на примѣтѣ рѣшительно ни одного изъ пишущихъ, къ кому бы я могъ безъ стѣсненія сердца обратиться съ такимъ предложеніемъ; когда, между тѣмъ, я жажду серьезной музыкальной дѣятельности и нуждаюсь въ побужденіяхъ извнѣ; когда, наконецъ, я имѣю уже ваше полусогласіе,—естественно, что я не могу и не долженъ оставить васъ въ покоѣ до тѣхъ поръ, пока вы не скажете: да, и не начнете работать. Теперь вы уже знаете, о чемъ я васъ прошу, но мнѣ хотѣлось бы хотя нѣсколько опровергнуть приведенныя вами причины отказа и въ заключеніе присовокупить съ своей стороны нѣсколько совершенно новыхъ для васъ убѣжденій въ возможности моего предпріятія, съ которымъ проститься я рѣшительно не въ силахъ. Вамъ показался страннымъ выборъ піесы. Это правда, что опера съ такимъ сюжетомъ не будетъ похожа ни на одну изъ существующихъ, но мнѣ того и нужно (не говоря о томъ еще, что новость всего уже можетъ служить ручательствомъ за успѣхъ). И если, съ одной стороны, я понимаю, что вамъ не понравились переодѣванія и похищенія, которыя дѣйствительно на сценѣ, особенно въ старину, такъ часто встрѣчались (хотя у Шекспира это все совершенно иначе), то я, съ другой, не могу не удивиться, какъ васъ не поразила прелесть характеровъ изъ которыхъ соткапа эта превосходная вещь: бѣшенаго ревнивца Форда, этого хвастливаго и трусливаго подлеца Фальстафа, этого умнаго, любящаго Фентона, этихъ забавныхъ дурней Слендера и Каіуса— а женщины-то: шалуньи Miss Ford, Miss Page и безподобная въ своей наивной граціи Miss Anne! Гдѣ вы найдете разомъ столько матеріаловъ для настоящей сценической вещи? Вы пишете мнѣ, что не осмѣлитесь наложить свою руку на Шекспировскіе разговоры, съ тѣмъ чтобы исказить ихъ удлиненіемъ и укорачиваніемъ. Но, Боже сохрани! никто этого не потребуетъ. По моимъ понятіямъ, Шекспиръ можетъ и долженъ остаться неприкосновеннымъ почти во всемъ, и особенно въ разговорахъ, гдѣ не слѣдуетъ выпускать ни одной идеи. Моя мысль: именно передать въ музыкѣ все, что Шекспиръ влагаетъ въ своихъ дѣйствующихъ лицъ, и нашъ трудъ будетъ состоять исключительно въ томъ, чтобы заключить Шекспира въ рамки оперы. Какъ это должно быть сдѣлано? для отвѣта намъ даны наши головы и сверхъ того на вашей сторонѣ сценическая опытность, а на моей—въ нѣкоторой степени таковая же музыкальная. При томъ мнѣ кажется, что и трудность здѣсь не такъ велика, какою вамъ представлялась. Главное дѣло—планъ или сценаріумъ, и потому мы надъ нимъ подумаемъ, а передать тѣ изъ разговоровъ, которые войдутъ въ наши рамки,—для васъ будетъ сущая бездѣлица. Я за одно вамъ уже могу ручаться, что если моя мысль осуществится, то свѣтъ будетъ имѣть первую

оперу съ непогрѣшимымъ либретто, ибо я разумѣю такъ: гдѣ характеры вполнѣ вѣрны и выдержаны, тамъ и ходъ піесы равно безукоризненъ, а этого до сихъ поръ не было еще ни въ одной оперѣ (не исключая и Моцартовыхъ). Еще я долженъ вамъ сказать, что вы, не совсѣмъ постигли мои музыкальныя намѣренія. Въ письмѣ вашемъ вы упоминаете о музыкѣ въ учено-нѣмецкомъ родѣ, которая, разумѣется, къ нашей оперѣ пристанетъ какъ къ коровѣ сѣдло. Но разумѣется, что и итальянская музыка Шекспиру не будетъ къ лицу. Шекспиръ можетъ быть выраженъ только такою музыкою, гдѣ съ красотою формъ постоянно сливается истинность выраженія, и именно такая музыка (до сихъ поръ существующая въ операхъ одного Моцарта) есть мой идеалъ. Не знаю, кому придетъ въ голову величать эту музыку учено-нѣмецкою, тогда какъ въ ней не должно быть видно ни учености, ни націи композитора, а видна только изящная натура. Вы говорите, что въ случаѣ трудной музыки нельзя ожидать хорошаго исполненія на нашей сценѣ, и, слѣдовательно, нельзя ожидать и успѣха,—но можно и должно стараться, чтобъ музыка не была трудною ни въ какомъ отношеніи, сообразно самому сюжету, а что касается до блистательной обстановки, то мнѣ кажется, это здѣсь нужно будетъ менѣе, нежели гдѣ-нибудь. Быть можетъ, не потребуется даже ни одной новой декораціи. Дѣло не въ нихъ, а во внушеніи исполнителямъ настоящаго смысла. Объ этомъ можно будетъ намъ съ вами позаботиться. Вотъ все, что я считалъ нужнымъ сказать въ защиту своего предпріятія. Одно, чего я не могу опровергнуть изъ вашихъ доводовъ, это личныя ваши причины, т. е. множество другихъ занятій и собственное ваше нерасположеніе къ предложенному мною труду (который вамъ угодно называть гигантскимъ). Но теперь, когда, какъ я надѣюсь, успѣлъ хотя нѣсколько уравнять затрудненія предстоящаго пути, добавлю, что: 1) насъ никто не гонитъ, и что, слѣдовательно, вы можете работать потихоньку, когда и какъ вамъ угодно; 2) если вы приметесь за работу, то смѣю увѣрить васъ, самимъ вамъ трудно будетъ покидать ее. Великій, истинно эстетическій, трудъ сильно завлекателенъ. Одно, что могло бы, такъ сказать, парализировать общую нашу дѣятельность, это невозможность въ скоромъ времени слышать наше созданіе исполненнымъ на сценѣ. И въ самомъ дѣлѣ, не весело трудиться, какъ говорятъ нѣмцы, „ins Blaue“. Но и это, благодаря моему счастію, устраняется. Нынѣшней зимою я буду имѣть около себя цѣлое общество просвѣщенныхъ артистовъ-любителей (пѣвцовъ и музыкантовъ), которые согласны подъ моимъ руководствомъ исполнить все, что мнѣ вздумается, такъ что, между прочимъ, и каж-

дый номеръ моей будущей оперы можетъ быть исполненъ по мѣрѣ изготовленія, и, быть можетъ, лучше чѣмъ на сценѣ Большаго театра [1]).

Октябрь 1844 г.

Въ субботу отдалъ мнѣ визитъ Даргомыжскій. Онъ непремѣнно требовалъ посмотрѣть мои сочиненія. Я ему показалъ почти все, что у меня есть въ нѣсколько понятномъ для чтенія видѣ. Онъ разсматривалъ (потому что читаетъ музыку въ головѣ какъ книгу, совершенно свободно) внимательно и сказалъ: „видна неопытность, но талантъ несомнѣнный“. Онъ человѣкъ весьма прямодушный, и отъ него мнѣ это было весьма пріятно слышать, тѣмъ болѣе, что кромѣ тебя этого еще никто мнѣ не говорилъ. Послѣднія его слова были: Je vous conseille de travailler fortement [2]). И въ самомъ дѣлѣ, никто теперь мнѣ не можетъ другаго совѣтовать. Я тружусь каждый день....

Принимаюсь за „Виндзорскихъ“ какъ только поспѣетъ либретто, а тамъ увидимъ. Кромѣ того, не оставляю ни сонатъ, ни давно задуманной ораторіи, ни даже чрезвычайно полезной этюды въ трагическомъ родѣ музыки, именно оперы на либретто „Нормы“ (быть можетъ, не всей, а по фрагментамъ).

1845.

Февраль 1845 г.

....Сижу надъ „Русланомъ“, котораго иначе я не успѣю просмотрѣть какъ слѣдуетъ—до открытія спектаклей [3]). „Фигаро“ до того превосходенъ, что я часто ни о чемъ другомъ не могу думать, кромѣ объ этой неоцѣненной партитурѣ. Все до такой степени органически, что рѣшительно невозможно представить себѣ иное омузыкаленіе текста и сценическаго дѣйствія. Куда тутъ Россини съ своимъ „Цирюльникомъ“! А партитура Глинки, при всѣхъ неоспоримыхъ достоинствахъ, противъ Моцартовскихъ оперъ, кажется какою-то неудавшеюся штукою (ein verfehltes Kunststück). Сколько вычурности и какъ мало правды! А всетаки я чрезвычайно себѣ благодаренъ, что вздумалъ поучиться надъ этой партитурой, и увѣренъ, что и въ слѣдующихъ актахъ много найдется умнаго и интереснаго.

---

[1]) Не смотря на убѣжденія Сѣрова, В. Р. Зотовъ отклонилъ отъ себя трудъ либретто.

[2]) Я вамъ совѣтую крѣпко работать.

[3]) Партитуру «Руслана» А. Н. Сѣровъ получилъ въ то время, изъ театра, черезъ посредство своего знакомаго, О. К. Гунке, управлявшаго тогда театральною нотною конторою. В. С.

17-го февраля 1845 г.

....Приходить-ли тебѣ въ голову, сколько мнѣ надобно учиться на всѣхъ и на всемъ, чтобъ быть порядочнымъ человѣкомъ! Много, невыразимо много, а между тѣмъ все ученье уже у меня подъ руками, въ тѣсныхъ предѣлахъ моихъ двухъ комнатокъ. Да еще, конечно, надо прибавить туда натуру и живыхъ людей.—Пока прощай! Меня отрываютъ казенныя работы.

3-го марта 1845 г.

....То, что я теперь дѣлаю изъ „Мессы", до того восхитительно, что я болѣе и болѣе убѣждаюсь въ необходимости признать эту „Мессу" лучшимъ изъ Бетховенскихъ созданій. Въ XI-й симфоніи одна послѣдняя часть только можетъ стать на ряду съ этой дивной „Мессой", которую мы теперь такъ мало еще знаемъ. Арранжировка до того завлекаетъ меня, что я послѣ поста примусь за исполненіе другаго бывшаго у насъ sur le tapis плана: арранжирую въ 4 руки всю „Мессу" для изданія въ свѣтъ, за границей. Трудъ большой, но прекрасный, и, какъ я думаю, благодарный.

P. S. Я могу себя поздравить съ нѣкоторымъ успѣхомъ въ арранжировкѣ, потому что съ партитуры „Мессы" арранжировать прямо на̀-чисто и такъ отчетливо, какъ я арранжирую, право не бездѣлица.

12-го марта 1845 г.

Партитура перваго акта „Руслана" уже у меня дома. Гунке самъ принесъ ее вчера.

Въ первомъ актѣ „Руслана" самая интересная и дѣйствительно лучшая вещь финальный ensemble (Es-Dur), но, разумѣется, только до похищенія, а тамъ пойдутъ удивительныя штуки. Послѣднее же Allegro, по моему мнѣнію, плохо, потому что въ немъ очень мало музыки, а Мейерберовскій шумъ и только (не говоря о нелѣпости плана и текста). Второй актъ (вѣроятно, въ одномъ томѣ съ третьимъ) будетъ занимательнѣе перваго. Тамъ антрактъ, баллада Финна, сцена Фарлафа съ колдуньей и, наконецъ, Голова—вещи по своей инструментовкѣ чрезвычайно курьезныя.

Сегодня отецъ мой случайно узналъ, что я началъ писать оперу [1]),

[1]) Опера эта была — «Мельничиха въ Марли», которую А. Н. Сѣровъ задумалъ писать вслѣдствіе того, что за годъ передъ тѣмъ, въ началѣ 1844 года, этотъ водевиль, въ русскомъ переводѣ, долженъ была исполниться на домашнемъ театрѣ у однихъ общихъ знакомыхъ, и А. Н. Сѣровъ (занимавшій тутъ также роль—комика) написалъ нѣсколько музыкальныхъ номеровъ для этой пьесы, а въ послѣдствіи, увлекшись довольно граціознымъ сюжетомъ, рѣшился воспользоваться имъ для оперы. В. С.

и, къ удивленію моему, весьма доволенъ. Дай Богъ только, чтобъ у меня было побольше чистыхъ мелодій, а за все прочее я спокоенъ. Но, конечно, это, другими словами, просить у Бога того, чего именно, быть можетъ, нѣтъ. И всего досаднѣе, какъ мы вчера разсуждали, что въ этомъ мы окончательно убѣдимся только тогда, когда вещь уже будетъ брошена на съѣденіе толпы.

23-го мая 1845 г.

Въ обмѣнъ на Флаксмановы новыя для насъ чудеса, посылаю тебѣ — откровенную дрянь Фелисіена Давида [1]). Объ этомъ, какъ ты самъ увидишь, не стóитъ много словъ терять. Но для меня, признаюсь тебѣ, — совершенно непостижимъ Берліозъ: съ его знаніемъ такъ хвалить такое ничтожество?! Предъ Давидомъ нашъ Даргомыжскій—чуть не Моцартъ (а о Глинкѣ и говорить нельзя). Еще нѣсколько споснѣе прочаго маршъ каравана (впрочемъ, весьма глупый и несносно повторяющійся) и восхожденіе солнца предъ молитвой Муэцзина, но и то какъ пошловато, какъ обыкновенно.

Симферополь.—16-го ноября 1845 г. [2]).

....Многія изъ нашихъ золотыхъ надеждъ и не сбылись и не сбудутся; другія, быть можетъ, сбудутся, но объ этомъ послѣ, а вотъ тебѣ мое настоящее: я здѣсь только мѣсяцъ съ днями, а между тѣмъ имѣю „въ своемъ полномъ распоряженіи“ всю палату, прекрасный органъ лютеранской церкви, лучшую изъ здѣшнихъ піанистокъ вмѣстѣ съ ея роялемъ, который превосходенъ, и, наконецъ, выбранъ капельмейстеромъ имѣющаго состояться аматерскаго спектакля и офиціальнымъ директоромъ имѣющаго прибыть сюда антрепренерскаго театра, т. е. полнымъ хозяиномъ актеровъ, актрисъ, піесъ и музыки. И для всего этого со стороны моей ни малѣйшихъ усилій. Все это, такъ сказать, ждало меня. О службѣ я упоминаю тебѣ такъ, для свѣдѣнія. Разумѣется, что если бы я хотѣлъ, я рѣшительно могъ бы перевернуть въ палатѣ все на свой ладъ, къ видимой пользѣ дѣлъ. Но изъ чего хлопотать?! Чиновниковъ отличныхъ и безъ меня такъ много! Скажу тебѣ только, что служба для меня здѣсь далеко не такъ противна, какъ въ Петербургѣ, и резонъ мой самый простой: надо мной нѣтъ никакой ферулы, я самъ-большой. При томъ же, изъ всей службы нашей одно, чтò немного походитъ на дѣло, это моя

---

[1]) Рѣчь идетъ здѣсь о «Пустынѣ», ораторіи Фелисьена Давида, надѣлавшей въ то время много шума въ Парижѣ и даже Европѣ.

[2]) Въ сентябрѣ 1845 г., А. Н. Сѣровъ поѣхалъ въ Крымъ по распоряженію министерства юстиціи: его назначили товарищемъ предсѣдателя Симферопольской уголовной палаты. В. С.

уголовная часть. До меня, чрезъ вѣрнаго человѣка, дошелъ слѣдующій обо мнѣ отзывъ здѣшняго высшаго круга: C'est un jeune homme, non seulement très instruit, mais qui comprend parfaitement bien son affaire [1]).

Впрочемъ, не знаю какъ считать, добромъ или зломъ, для себя, что здѣсь во всемъ, въ службѣ и искусствѣ, въ мысляхъ и дѣлахъ, надо мной рѣшительно нѣтъ никого. Я, такъ сказать, выше всѣхъ цѣлою головою.

Въ отношеніи музыки я, какъ мы и ожидали, въ довольно странномъ положеніи,—dans un état militant [2]). Не имѣя до сей поры своихъ фортепіанъ, я долженъ довольствоваться возможностью играть по вечерамъ въ гостяхъ, то тамъ, то сямъ. Чаще всего у М-me Славинской. Она разучиваетъ быстро, и я никакъ не могу отнять у нея артистической натуры и сильнѣйшей любви къ искусству... Но бѣда въ томъ, что она—дѣльной музыки не слыхала вовсе. Теперь я убѣдилъ г-жу Славинскую разучивать со мною въ четыре руки увертюру „Оберона", которую я нарочно арранжировалъ, потому что эта музыка какъ-то доступнѣе всѣмъ, нежели наша, а между тѣмъ и мнѣ еще много доставляетъ удовольствія. Арранжировка удалась великолѣпно. Въ другихъ домахъ, гдѣ меня просили играть, я нашелъ кое-какія оперы и уцѣпился за нихъ, а то-бы пришлось рѣшительно отказаться отъ игры. Вездѣ эта новѣйшая дьявольщина, или, какъ я называю, „турлю-бурлю"! Есть, правда, одинъ домъ (семейство доктора Мюльгаузена), гдѣ любятъ Бетховена и гдѣ есть его симфоніи въ четыре руки. Но въ этомъ домѣ мнѣ еще не удавалось музицировать, потому что я всего одинъ разъ тамъ былъ. Не смотря на то, что я вовсе не отказываюсь отъ блестящей игры, Славинская нѣсколько раскусила въ чемъ дѣло, и невольно уважаетъ меня, какъ артиста, которому, по ея словамъ, грѣшно сидѣть въ уголовномъ судѣ.

Органиста здѣсь нѣтъ вовсе, и вотъ чтó я называю одной изъ несбывшихся надеждъ: нѣкому меня учить ни контрапункту, ни органу! [3]) Въ лютеранской церкви здѣсь бываетъ служба всего разъ въ мѣсяцъ и роль органиста занимаетъ, ничего въ музыкѣ не смыслящій, кистеръ (онъ-же и учитель въ церковной школѣ). Но органъ всетаки въ моихъ рукахъ, и сдѣлалось это очень просто. Въ домѣ Славинскихъ я какъ-то упомянулъ о своемъ желаніи попользоваться орга-

---

[1]) Это молодой человѣкъ не только очень образованный, но отлично понимающій свое дѣло.

[2]) Въ положеніи воюющемъ.

[3]) Это входило въ нашу программу, при отъѣздѣ А. Н. Сѣрова въ Крымъ, такъ какъ до тѣхъ поръ онъ вовсе ни съ кѣмъ не проходилъ музыкальной теоріи, и жаловался на то не разъ. В. С.

номъ, на что хотѣли было просить позволенія у патрона Lutherischer Gemeinde [1]), д-ра Мюльгаузена. Случившійся при этомъ нѣмецъ, аптекарь (вообще довольно образованный и умный человѣкъ), сказалъ мнѣ, что я могу играть, когда хочу и безъ особеннаго позволенія. Стоитъ только пойти съ нимъ, аптекаремъ, прямо къ кистеру и взять у него ключи отъ церкви и отъ органа. Это было въ воскресенье (т. е. разговоръ), а на слѣдующій день я такъ и сдѣлалъ, какъ сказано. Аптекарь досталъ ключи, съ тѣмъ, что теперь я и самъ, безъ него, могу ими пользоваться, когда угодно. Я игралъ на органѣ уже два раза, часа по три! Въ первый разъ мѣха надувалъ аптекарь, а во второй разъ я взялъ для этого своего Бориса [2]). Слушать себя я еще долго никому не позволю, потому что прежде нужно выучиться владѣть этимъ гигантскимъ инструментомъ. Заранѣе скажу тебѣ не за новость, что все искусство органиста заключается въ умѣньѣ распоряжаться регистрами и въ употребленіи педали. Первое, для меня, очень просто, потому что зависитъ прямо отъ артистической воли; второе трудно, потому что требуетъ большой механической привычки, кромѣ знанія аккордовъ, въ чемъ также, безъ упражненія, легко ошибиться. Во всякомъ случаѣ, я надѣюсь скоро сдѣлать большіе успѣхи, хотя, къ сожалѣнію, никто не можетъ руководить меня. До всего надо добираться самому тяжелымъ опытомъ.

20-го ноября 1845 г.

Вообще, не знаю, что̀ дальше будетъ, но мнѣ кажется, что, при самомъ умномъ распоряженіи органомъ, онъ всегда будетъ самъ по себѣ, и для оркестрныхъ цѣлей его врядъ ли когда нибудь можно будетъ употребить. Изъ всего, что я сказалъ, ты уже заключишь, что моя жизнь здѣсь сосредоточена во мнѣ самомъ гораздо болѣе, нежели въ Петербургѣ. И это мнѣ очень полезно. Разговаривать такъ, чтобы былъ выходъ настоящимъ моимъ мыслямъ объ искусствѣ и обо всемъ, долго было рѣшительно нѐ съ кѣмъ.

Теперь я нашелъ человѣка весьма по себѣ, и который меня много радуетъ, также какъ и я его. Именно въ домѣ Княжевича (одномъ изъ оазисовъ) встрѣтился я съ 25-ти лѣтнимъ юношей, Бакунинымъ. Онъ образовался прежде въ Твери, потомъ въ Московскомъ университетѣ, потомъ въ Германіи, и служитъ въ Таврической казенной палатѣ совершенно случайно (о чемъ послѣ). Съ перваго разговора со мной, мы оба вдругъ почувствовали, что изъ всего симферопольскаго общества мы одни можемъ вполнѣ понимать другъ друга.

---

[1]) Лютеранской общины.

[2]) Слуга, нанятый въ Петербургѣ. В. С.

Представь себѣ мою радость, когда, слово за словомъ, оказалось, что въ области мысли онъ цѣнитъ всѣхъ тѣхъ, кого мы цѣнимъ. Онъ не музыкантъ, но понимаетъ Бетховена, какъ слѣдуетъ истинному гегелисту. У него, такъ сказать, только и есть два бога: Бетховенъ и Гегель. Вообще онъ совершенный студентъ, чтó мнѣ чрезвычайно нравится. Въ меня отъ влюбляется съ каждымъ разомъ болѣе и болѣе, въ мои мысли, въ мою натуру, даже въ мою наружность. Онъ весь кипитъ горячею мыслію, и умственную дѣятельность, также какъ и мы, ставитъ выше всего. Объ искусствѣ, совершенно по-нашему, я съ нимъ не могу говорить, потому что онъ этимъ не такъ занимался; за то онъ, съ своей стороны, хочетъ передать мнѣ знаніе философіи, которую изучалъ серьезно, и мы съ нимъ по вечерамъ читаемъ „Феноменологію“ и „Логику“ Гегеля, который у него весь (кромѣ „Эстетики“). Ты не любишь слишкомъ довѣрять моимъ хваламъ, но здѣсь я, право, ничего не преувеличиваю. Я не смѣю сказать, конечно, рѣшительнаго приговора объ этомъ человѣкѣ, но знаю, что здѣсь, въ степи, онъ для меня чрезвычайно отрадное явленіе. Онъ читалъ все, чтó мы читали (и еще много другаго), много знаетъ, но въ томъ, чего не знаетъ, любознателенъ простодушно, довѣрчиво, безъ всякихъ предубѣжденій и заносчивости. Это для меня уже чрезвычайное достоинство. Понимаетъ онъ все быстро и память у него сильная. Послѣ бесѣды съ нимъ, я чувствую, что жилъ по человѣчески, тогда какъ здѣсь всѣ другіе... Объ немъ, конечно, я буду часто тебѣ писать, по мѣрѣ узнаванія; теперь пока довольно [1]).

Другое и въ другомъ родѣ отрадное для меня явленіе — это Самойловъ [2]). Тутъ, конечно, одна сторона, но сторона немаловажная. Самойловъ въ душѣ—актеръ и съ огромнымъ талантомъ. Какъ человѣкъ хорошо образованный и много видѣвшій, онъ умѣетъ и на словахъ передавать все то, какъ онъ понимаетъ драматическое искусство практически, и изъ разговоровъ съ нимъ я много высасываю дѣльнаго. Разумѣется, что все, что я писалъ къ тебѣ выше объ моихъ театральныхъ занятіяхъ, сдѣлалось чрезъ сближеніе съ Самойловымъ, который, такъ сказать, ухватился за меня обѣими руками. Съ нимъ я надѣюсь многое обдѣлать для собственныхъ моихъ цѣлей. Но это еще далеко впереди. Онъ не музыкантъ, но очень ловко владѣетъ комнатнымъ теноромъ и держитъ въ головѣ бездну оперной музыки; не художникъ, но славно рисуетъ и обладаетъ весьма хорошимъ вкусомъ во всемъ, чтò касается изящной сценической обстановки. Отъ

[1]) Въ послѣдствіи, въ 1846 году, А. Н. Сѣровъ совершенно охладѣлъ къ г. Бакунину, и даже разошелся съ нимъ.

[2]) Директоръ гимназіи въ Симферополѣ, братъ извѣстныхъ талантливыхъ артистовъ, Василія Васильевича и Вѣры Васильевны Самойловыхъ. **В. С.**

нужды онъ самъ рисуетъ декораціи, и по своимъ рисункамъ передѣлалъ за-ново симферопольскій театръ, который вышелъ премиленькій.

Во время этого письма мнѣ сдѣлали еще новое предложеніе: для баловъ собранія (изъ которыхъ одинъ уже былъ) изъ одного хорошенькаго фортепіаннаго вальса сдѣлать оркестрный. Я не отказался и отъ этого, потому что это новая и добрая для меня практика.

Наконецъ, я могу перейти къ моему будущему и здѣсь прежде всего надо мнѣ побранить тебя. Что же ты медлишь присылкой мнѣ французскаго либретто [1]), безъ котораго я связанъ по рукамъ и по ногамъ? Даже отсутствіе у меня дома фортепіано не помѣшало бы мнѣ работать, потому что въ зародышѣ работа идетъ лучше безъ фортепіано. Теперь, конечно, почти каждый день я дѣлаю что-нибудь, но незамѣтныя бездѣлушки, а къ большему остается только готовиться, что̀ мнѣ надоѣло, потому что никогда нельзя почувствовать себя вполнѣ готовымъ, а просто надобно дѣлать, и все придетъ.

Если либретто будетъ въ моихъ рукахъ готовое, и за мной самимъ не будетъ остановки, то „Мельничиха" дойдетъ въ Петербургъ не иначе, какъ побывавъ на сценѣ или у меня въ Симферополѣ, или въ Севастополѣ (гдѣ театръ очень порядочный). Въ Севастополѣ живетъ одинъ капельмейстеръ, чрезвычайно опытный въ своемъ дѣлѣ, и у меня къ нему будетъ письменная рекомендація, и онъ мнѣ много услужитъ. Это было бы для меня тѣмъ лучше, что хорошо выступить на Петербургскую сцену съ какою нибудь готовою репутаціею, не говоря уже о томъ, что я могу на опытѣ повѣрять самъ себя и улучшаться, что̀ въ Петербургѣ было бы не такъ ловко. Но либретто, либретто! Еслибъ мнѣ здѣсь, въ Симферополѣ, найти какого-нибудь рифмоплета, все бы уладилось вдесятеро скорѣй.

Такъ какъ дѣло идетъ о моей внутренней жизни, то скажу тебѣ еще, что въ Петербургѣ, особенно въ послѣднее время, мнѣ какъ-то не оставалось часовъ для чтенія. Здѣсь я читаю ревностно все, что привезъ съ собою. (А я взялъ только тузовыхъ). Прочелъ оба томика Flourens объ своихъ старыхъ друзьяхъ, Кювьѐ и Бюффонѣ. и прочелъ съ большимъ наслажденіемъ (хотя тамъ, для профановъ въ естественныхъ наукахъ, много сухаго). Читаю теперь малоизвѣстныя комедіи Шекспира. и нахожу въ нихъ красоты самыя неожиданныя. Гете и Шиллера у меня съ собой только тѣ томики, которые непосредственно мнѣ нужны, но у моего пріятеля, аптекаря, Гете и Шиллеръ вполнѣ, и къ моимъ услугамъ. Вальтеръ-Скотта у меня также только одинъ томъ, но по мѣрѣ надобности выпишу издому и другіе томы. Байронъ выписывается изъ Одессы и скоро.

А. Сѣровъ.

---

[1]) Рѣчь идетъ о французскомъ либретто «Мельничихи», въ томъ видѣ, какъ этотъ водевиль давался на Михайловскомъ театрѣ въ Петербургѣ. В. С.

РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
въ 1876 г.

Исторія Россіи, соч. Д. Иловайскаго. Ч. I. Кіевскій періодъ. Москва 1876.— Разысканія о началѣ Руси, соч. Д. Иловайскаго, Москва 1876. — Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ, И. Забѣлина. Ч. I. Москва, 1876.— Варяги и Русь, историческое изслѣдованіе С. Гедеонова. Ч. I и II. Спб. 1876 г.

I.

Истекшій 1876 годъ былъ не бѣденъ такими сочиненіями по русской исторіи, которыя на долго останутся свѣтлыми явленіями въ нашей ученой литературѣ. Изъ нихъ, по достоинству популярности, первое мѣсто принадлежитъ Исторіи Россіи г. Иловайскаго. Это начало труда, которому предстоитъ явиться, вѣроятно, въ нѣсколькихъ томахъ; теперь вышелъ только первый томъ, обнимающій кіевскій періодъ нашей древней исторіи. Судя по началу, мы вправѣ ожидать сочиненія, вполнѣ удовлетворяющаго потребности, вызываемой текущимъ состояніемъ нашей исторической науки.

Надобно сказать, что уже болѣе тридцати лѣтъ русская исторія привлекаетъ къ себѣ много умственныхъ силъ нашихъ и можно указать на множество полезныхъ и дѣльныхъ изданій и статей по этой наукѣ. Главное мѣсто между ними слѣдуетъ дать обнародованію сырыхъ матеріаловъ и источниковъ, подготовляющему поле дѣйствія для будущихъ тружениковъ науки. Что касается до оригинальныхъ сочиненій по русской исторіи, то бо̀льшая часть изъ нихъ носитъ на себѣ характеръ отрывочности: это все либо изслѣдованія, либо монографіи; между ними, безъ сомнѣнія, можно указать на очень почтенные труды, отмѣченные признаками дарованія, основательныхъ свѣдѣній и добросовѣстнаго изученія предмета, но намъ недоставало полной, цѣльной русской исторіи, предназначенной для всеобщаго чтенія. Ученыя изслѣдованія историческихъ вопросовъ и даже строй-

ныя изложенія частей отечественной исторіи, взятыхъ отдѣльно, не могутъ удовлетворить большинству читающей публики, тѣхъ особъ, которыя вовсе не нуждаются въ спеціальномъ знакомствѣ съ частными вопросами науки, а желаютъ имѣть надлежащее понятіе о прошлой судьбѣ всего своего народа: для нихъ нужна полная и немноготомная исторія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не такая краткая, что годится для школъ и приспособляется къ выучиванію наизусть подъ руководствомъ наставниковъ; нужна исторія для чтенія и притомъ исторія не для учащагося юношества, а для взрослыхъ людей, вступившихъ на жизненный путь и уже подготовленныхъ достаточно школьнымъ воспитаніемъ. Знаменитые труды Карамзина и Соловьева не могутъ удовлетворить этой потребности. Исторія Государства Россійскаго, при всѣхъ своихъ неоцѣнимыхъ и, можно сказать, вѣчныхъ достоинствахъ, недостаточна уже и потому, что обрывается среди такихъ событій, когда русская исторія становится преимущественно любопытною для читателей нашего времени. Исторія Соловьева во многихъ отношеніяхъ неудобна для всеобщаго чтенія. Во первыхъ, — она многотомна: дошедши до первыхъ лѣтъ царствованія Екатерины II, заключаетъ уже 26 большихъ томовъ; понятно, какъ много нужно досуга, чтобы человѣку, не посвятившему себя спеціально изученію отечественной исторіи, взять на себя подвигъ читать ее. Во вторыхъ, она и по своему изложенію вовсе не приспособлена ко всеобщему популярному чтенію. Авторъ иногда половину тома своей исторіи посвящаетъ подробному разсмотрѣнію такихъ сторонъ, которыя мало представляютъ интереса для неспеціалистовъ, и отсюда-то общій укоръ, дѣлаемый повсемѣстно этой исторіи, именно — что она скучна въ чтеніи. Для спеціально-занимающихся наукою, это сочиненіе долго останется важнымъ и незамѣнимымъ. Хотя достоинство его уменьшится, когда изданы будутъ цѣликомъ всѣ матеріалы, служившіе автору и теперь хранящіеся ненапечатанными въ архивахъ, но проницательный умъ автора, вѣрное обсужденіе событій, правильное очертаніе историческихъ характеровъ, учено-безпристрастное отношеніе къ явленіямъ исторической жизни — все это неотъемлемыя качества, отразившіяся въ огромномъ трудѣ московскаго профессора. Тѣмъ не менѣе, всетаки этотъ трудъ — не для всеобщаго чтенія! Понятно, что, при недостаткѣ въ сочиненіяхъ, отличающихся полнотою и вмѣстѣ удобочитаемостію для лицъ всякаго положенія въ жизни, г. Иловайскій принялъ на себя какъ нельзя болѣе кстати призваніе написать пригодную для чтенія публики исторію, именно, дать русской читающей публикѣ то, въ чемъ она нуждается.

Передъ нами, какъ мы сказали, первый томъ предпринятаго г. Иловайскимъ труда. Авторъ начинаетъ свою Русскую Исторію оригинальнымъ способомъ — описаніемъ Византіи IX вѣка, ея мѣстоположенія, ея дворцовъ, ея памятниковъ зодчества и искусствъ, однимъ словомъ — всей ея культуры. Описаніе сдѣлано кратко, но даровито и ясно. Мы вполнѣ раздѣляемъ правильность и удобство такого пріема: прежде всего сдѣлать очеркъ того культурнаго міра, который по-

вліялъ на младенчествующій русскій народъ и намѣтилъ ему путь къ исторической роли, выработанной имъ въ послѣдствіи. Такое описаніе Царьграда внесено по поводу эпохи перваго крещенія Руси, которое и было настоящимъ началомъ гражданственности и исторической жизни Руси. Г. Иловайскій придаетъ большое значеніе въ этомъ случаѣ принятію крещенія Черными Болгарами, жителями береговъ Боспора Киммерійскаго, и даже думаетъ, что у нихъ-то явилось впервые славянское письмо, которое тогда заимствовалъ въ Крыму св. Кириллъ. Это, какъ извѣстно, опирается на одномъ мѣстѣ Паннонскаго житія славянскихъ апостоловъ, гдѣ говорится о какомъ-то Русинѣ, сообщившемъ св. Константину—Кириллу русскія письмена и переводъ евангелія. Мѣсто это, къ сожалѣнію, находится не во всѣхъ спискахъ Паннонскаго житія и много разъ уже подвергалось основательнымъ сомнѣніямъ. Какъ ни пріятно оно звучитъ для нашего національнаго самолюбія, но безпристрастіе требуетъ сказать, что прежде надобно провести черезъ самую строгую критику всѣ редакціи Паннонскаго житія и потомъ уже отважиться дѣлать какое-либо заключеніе объ этомъ важномъ, но далеко неразрѣшенномъ вопросѣ. Въ особенности нельзя упускать изъ вида, что славянскіе апостолы, прежде своей дѣятельности между Славянами, неподвластными Византійской имперіи, неизбѣжно обращались среди славянскихъ племенъ, жившихъ въ срединѣ имперіи и давно уже знакомыхъ съ христіанствомъ. Славянскіе апостолы имѣли возможность или заимствовать уже готовыя письмена, а можетъ быть и начатки переводовъ отъ этихъ Славянъ, или же (если дѣйствительно изобрѣтеніе письменъ принадлежитъ двумъ братьямъ) начертать письмена и начать евангельскую проповѣдь на славянскомъ языкѣ; но этимъ они могли быть обязаны близости къ этимъ поселеннымъ въ имперіи Славянамъ, а не случайному знакомству съ какимъ-то Русиномъ, встрѣтившимся съ философомъ Константиномъ въ то время, когда философъ отправлялся къ хазарскому народу, а не къ Славянамъ.

Г. Иловайскій не начинаетъ историческаго повѣствованія съ Рюрика, сдѣлавшагося давно уже, такъ сказать, казеннымъ лицомъ у нашихъ историковъ; авторъ считаетъ его миѳическою личностію, но въ своемъ повѣствованіи не вдается въ разборъ всѣхъ сказокъ о варяжскомъ пришествіи, отнеся такой разборъ къ другому своему сочиненію, о которомъ мы скажемъ ниже въ своемъ мѣстѣ. Сообщивши кратко объ обычаяхъ языческихъ Руссовъ на основаніи разныхъ источниковъ, въ томъ числѣ и восточныхъ, г. Иловайскій первымъ историческимъ княземъ русскимъ считаетъ Игоря, такъ какъ «это былъ первый кіевскій князь, который заставилъ говорить о себѣ иноземныхъ писателей». Нельзя отрицать существованія князя Олега, такъ какъ имя его упомянуто въ договорѣ съ Греками, но сказанія, записанныя о немъ у нашего лѣтописца, совершенно баснословнаго свойства и настоящій, дѣйствительно существовавшій нѣкогда, кіевскій князь Олегъ для насъ неизвѣстенъ. Г. Иловайскій исключаетъ и Олега изъ своей исторіи, рѣшившись вносить въ нее только то, что имѣетъ несом-

нѣнный признакъ фактической истины. Походы Игоря на Грековъ приведены на основаніи византійскихъ источниковъ; только смерть Игоря и месть Ольги, событія историческія, приведены вкратцѣ по русской лѣтописи. О путешествіи Ольги въ Царьградъ авторъ руководствуется описаніемъ Константина Порфиророднаго; о ея же крещеніи, о которомъ Константинъ, угощавшій у себя во дворцѣ Ольгу, не упоминаетъ вовсе, г. Иловайскій говоритъ такъ: «Была ли Ольга окрещена уже въ Кіевѣ, и отправилась въ Константинополь собственно поклониться цареградскимъ святынямъ, получить благословеніе отъ патріарха и знаки вниманія отъ императоровъ Константина и его сына Рокана, или она, подобно упомянутымъ князьямъ Черныхъ Болгаръ, желала принять крещеніе изъ рукъ самого патріарха и имѣть своимъ воспріемникомъ императора — въ точности неизвѣстно. Замѣчательно однако, что въ числѣ ея спутниковъ мы находимъ священника Григорія». Походы Святослава на Востокъ объяснены прежними давними отношеніями Руси къ Хазарамъ, а подвиги этого князя въ Болгаріи изложены на основаніи повѣствованія Льва Діакона и извѣстій другихъ византійскихъ историковъ. Говоря о Владимірѣ, авторъ справедливо сомнѣвается въ достовѣрности извѣстія русскаго лѣтописца объ огромномъ числѣ наложницъ, содержимыхъ этимъ княземъ, и о чрезвычайномъ его женолюбіи: «едва-ли народъ, говоритъ г. Иловайскій, особенно такой подвижной какъ кіевляне, относился равнодушно къ столь крайнему выраженію самовластія». Также вполнѣ справедливо говоритъ авторъ по поводу крещенія Руси при Владимірѣ: «Обращеніе Владиміра въ христіанство сдѣлалось достояніемъ народной легенды, занесенной въ нашу лѣтопись. Она повѣствуетъ о посольствахъ въ Кіевъ отъ разныхъ народовъ, каждаго съ предложеніемъ своей вѣры, а потомъ о посольствѣ кіевскихъ мужей въ разныя страны для знакомства съ богослуженіемъ. Но Русь давно уже была знакома съ этими народами, съ ихъ пропагандой (мусульманскіе Болгаре, хазарскіе Евреи, латинскіе Нѣмцы и Греки). Окончательное торжество греческой религіи совершилось просто и естественно. Не смотря на гоненія, восточное христіанство продолжало дѣйствовать неотразимо. Не только въ народѣ, но и въ дружинѣ, въ самомъ семействѣ князя были христіане. Наиболѣе усерднымъ проводникомъ новой религіи на Руси, какъ и вездѣ, были женщины. Въ числѣ Владиміровыхъ женъ упоминаются Чехиня, Болгарыня и Гречанка, которыя, безъ всякаго сомнѣнія, были усердными миссіонерами въ семьѣ русскаго князя и продолжали дѣло бабки Владиміровой Ольги.... Русскій князь, окруженный отчасти христіанами и имѣвшій въ своемъ владѣніи цѣлую христіанскую область [1]), уже былъ вполнѣ приготовленъ къ перемѣнѣ религіи»... Такимъ образомъ, въ «Исторіи г. Иловайскаго» становится яснѣе и правильнѣе великое событіе крещенія Руси, которое въ прежнихъ «исторіяхъ»

---

[1]) Черноморскаго побережья, покореннаго отцомъ Владиміра и населеннаго Черными Болгарами, которыхъ г. Иловайскій считаетъ Славянами.

затемнялось принятіемъ на вѣру сказокъ, занесенныхъ въ нашу первоначальную лѣтопись. Также замѣчательно правильно авторъ указываетъ на время Владимира, какъ на время усиленія варяжскихъ наемныхъ дружинъ; «съ ихъ помощью Владимиръ завоевалъ себѣ кіевское княженіе и съ тѣхъ поръ Варяги присутствуютъ на службѣ великаго князя, а иные, награжденные намѣстничествами въ русскихъ городахъ, навсегда поселяются въ Россіи». Мы, съ своей стороны, прибавимъ, что въ эпоху Владимира собственно и появились на свѣтѣ эти Варяги въ смыслѣ наемныхъ дружинъ, отправлявшихся въ Греческую имперію, и часть ихъ, подъ этимъ именемъ, оставалась въ наемной службѣ русскихъ князей. Извѣстія нашей лѣтописи о Варягахъ ранѣе Владимира намъ кажутся случайнымъ переносомъ позднѣйшихъ пріемовъ на старѣйшія эпохи—черта, почти повсемѣстная въ источникахъ, касающихся отдаленныхъ временъ, когда, за неимѣніемъ или за скудостію письменныхъ памятниковъ, легко принимались за несомнѣнные факты народныя преданія, имѣющія свойство спутываться. Таково наше мнѣніе объ эпохѣ появленія Варяговъ въ исторіи; г. Иловайскій, судя по многимъ мѣстамъ въ его сочиненіяхъ, кажется, такого же мнѣнія. Говоря о Ярославѣ Владимировичѣ, авторъ вѣрно подмѣтилъ, что великое значеніе этого князя въ русской исторіи основано на его трудахъ по устроенію русской земли и особенно по распространенію христіанства. Г. Иловайскій понимаетъ вѣрно необходимость удѣльнаго порядка, развившагося надолго въ Руси по смерти Ярослава, вопреки прежнимъ историкамъ, изъ которыхъ многіе думали видѣть ошибку въ раздачѣ удѣловъ дѣтямъ. «Единовластіе могло быть только личное и временное. Подобно Владиміру, Ярославъ только и могъ выразить единеніе русскихъ земель, укрѣпивъ ихъ за своимъ семействомъ. Нравы и понятія восточныхъ Славянъ были еще слишкомъ далеки отъ мысли о настоящемъ полномъ единодержавіи». Понятіе о Руси,—говоритъ г. Иловайскій,—какъ о единомъ нераздѣльномъ владѣніи, о единомъ государствѣ, еще не сложилось. «Если-бы кіевскій князь вздумалъ всю русскую землю отдать одному сыну, то остальные сыновья и родственники не признали бы такого распоряженія и общими силами подняли бы противъ него оружіе. Государственное начало и единеніе русскихъ земель, повторяемъ, поддерживались только тѣмъ, что онѣ находились во владѣніи одного княжескаго рода и что князь, сидѣвшій въ Кіевѣ, считался старѣйшиной всѣмъ князьямъ русскимъ».

Событія, слѣдующія за смертію Ярослава, у г. Иловайскаго изложены съ замѣчательною ясностію. Сухія и неосмысленныя повѣствованія о княжескихъ междоусобіяхъ, составляющихъ суть былевой русской исторіи этихъ временъ, у многихъ историковъ наводили на читателей смертную скуку, а въ школахъ дѣлались непреодолимымъ камнемъ преткновенія для учащихся, которые въ сущности сами не могли понять, для чего имъ нужно вызубривать наизусть эту дребедень. У г. Иловайскаго, напротивъ, онѣ дѣлаются не только удобочитаемыми, но даже занимательными: авторъ съумѣлъ вездѣ указать на своеобраз-

ныя черты характеровъ дѣятелей, на причины и поводы, двигавшіе событіями. Нѣкоторыя, какъ напримѣръ, трагическая судьба Василька, эпопея походовъ Владимира Мономаха на Половцевъ, животрепещущая борьба бойкаго Изяслава Мстиславича съ Ольговичами и съ своимъ дядею—изложены мастерски. Нельзя безъ одобренія указать также на черты внутренней жизни, начатки просвѣщенія и гражданственности, о которыхъ авторъ бесѣдуетъ въ главахъ VI-й и VII-й. Начало русскаго лѣтописательства авторъ справедливо относитъ къ Сильвестру, выдубицкому игумену, не придавая большой важности разнымъ измышленіямъ нашихъ ученыхъ насчетъ Нестора лѣтописца и небывалаго веденія лѣтописи въ древнѣйшія времена. Разбитіе событій по годамъ авторъ, явно руководствуясь Сухомлиновымъ, приписываетъ вліянію Пасхальныхъ таблицъ, давшихъ первый зародышъ хронологіи. Относительно сказки о призваніи Рюрика съ братіею, г. Иловайскій думаетъ, что она составилась во времена Владимира Мономаха и что при этомъ имѣла вліяніе гордость князей, начавшихъ мечтать о своемъ происхожденіи. Это мнѣніе автора имѣетъ за собой степень вѣроятія, но, по нашему взгляду, не можетъ еще выйти изъ области предположеній въ область несомнѣннаго историческаго факта: могло быть много и другихъ поводовъ къ образованію на Руси подобной сказки, тѣмъ болѣе, что въ ней играетъ важную роль призваніе, а призваніе князей было въ большомъ распространеніи на Руси съ конца XI вѣка и особенно въ Новгородѣ; оно могло свидѣтельствовать скорѣе объ умаленіи княжеской власти, зависѣвшей отъ народа, чѣмъ о ея высотѣ, и едва ли высокомѣріе какого бы ни было князя могло повести къ измышленію этой сказки.

О Русской Правдѣ г. Иловайскій вполнѣ правильно полагаетъ, что это былъ сборникъ древнѣйшихъ русскихъ постановленій, основанныхъ на обычаяхъ, впервые составленный Ярославомъ и дополняемый при его преемникахъ. Разбирая вопросъ о сословіяхъ по Русской Правдѣ, г. Иловайскій считаетъ смердовъ общимъ названіемъ свободныхъ людей, такъ что слово смердъ и людинъ однозначительны. Съ этимъ едва ли можно согласиться, такъ какъ по нѣкоторымъ лѣтописнымъ извѣстіямъ (напримѣръ, на совѣтѣ Владимира Мономаха съ князьями и дружиною о походѣ на Половцевъ) ясно видно, что смердами назывались только поселяне-земледѣльцы, но какіе именно—всѣ ли вообще или особый классъ ихъ — это еще вопросъ, на который можно представить болѣе или менѣе вѣроятныя предположенія, но нельзя сказать послѣдняго слова. Слово смердъ имѣло презрительный смыслъ (какъ показываетъ его этимологія отъ глагола смердѣть) и въ этомъ-то смыслѣ князь Олегъ Святославичъ, не желая подчиняться рѣшенію съѣзда, говорилъ, что не хочетъ сидѣть на одномъ коврѣ со смердами, разумѣя вообще лицъ не княжескаго рода, которыя были бы участниками съѣзда, имѣвшаго тогда значеніе общерусскаго вѣча. Но за то, кромѣ этого мѣста, гдѣ явно о смердахъ говорится въ переносномъ и притомъ

въ презрительномъ смыслѣ, названіе смердовъ вездѣ встрѣчается въ значеніи сельскихъ жителей.

Первый томъ Исторіи Россіи г. Иловайскаго останавливается на событіяхъ, совершавшихся на югѣ Россіи въ первыхъ годахъ XIII столѣтія. То была эпоха, когда, по словамъ автора, «посреди междукняжескихъ отношеній, вырабатывалась отдѣльность русскихъ областей, при помощи разнообразія въ характерѣ населенія и въ другихъ мѣстныхъ условіяхъ» и когда «каждая изъ областей начинала жить своею собственною историческою жизнію, имѣя во главѣ особую вѣтвь княжескаго дома», когда, наконецъ, Кіевъ переставалъ быть главою Руси, хотя «все еще служилъ главнѣйшимъ средоточіемъ древне-русской образованности, пока не надвинула съ востока новая темная сила и въ конецъ не разрушила матери русскихъ городовъ».

Остается пожелать, чтобы авторъ этой исторіи продолжалъ и окончилъ свой трудъ такимъ же образомъ, какъ онъ начатъ.

II.

Другое сочиненіе г. Иловайскаго «Разысканія о началѣ Руси» составлено имъ, какъ онъ самъ объясняетъ, «вмѣсто введенія въ Исторію Россіи», заключаетъ рядъ изслѣдованій надъ вопросами, которые, въ самой его исторіи, являются уже какъ бы рѣшенными и переданными въ неотъемлемое достояніе научныхъ истинъ. Здѣсь читатель встрѣчаетъ и эллино-скиѳскій міръ, со всѣми загадочными названіями Геродота, Птоломея, Страбона,—и средневѣковыхъ Роксоланъ, Языговъ, Готовъ, Гунновъ, Утургуровъ, Кутургуровъ. Въ этомъ хаотическомъ лабиринтѣ путался уже не одинъ ученый умъ и въ своемъ увлеченіи полагалъ, что ему удалось открыть новую Америку, а потомъ приходилъ къ разочарованіямъ, увидавши, что на самомъ дѣлѣ ничего не открылъ, кромѣ предположеній, вѣроятныхъ до извѣстной степени. Тоже въ сущности, по нашему убѣжденію, случилось и съ г. Иловайскимъ въ большей части его «Разысканій». Разрушена г. Иловайскимъ норманская система, но она была, такъ сказать, плохо сколочена и уже въ значительной степени расшатана и подкопана трудами другихъ ученыхъ; она основывалась главнымъ образомъ на произвольно-истолкованномъ смыслѣ нѣкоторыхъ мѣстъ нашей лѣтописи, къ которымъ требовали безусловной вѣры въ понимаемый извѣстнымъ способомъ лѣтописный текстъ, вѣры словно въ какое-то евангеліе, тогда какъ по самому свойству, общему всѣмъ историческимъ письменнымъ источникамъ, надобно было искать въ лѣтописи не столько несомнѣнныхъ историческихъ фактовъ, сколько народныхъ преданій, сказаній и вѣрованій. Г. Иловайскій сталъ понимать текстъ лѣтописи правильно,—не такъ какъ его понимало большинство прежнихъ ученыхъ; но не съ такимъ успѣхомъ г. Иловайскій принялся за разслѣдованіе неясныхъ извѣстій и намековъ у всевозможнѣйшихъ писателей византійскихъ, вос-

точныхъ, и западныхъ. Результатомъ такого разслѣдованія вышло только то, что г. Иловайскій дошелъ до многихъ вѣроятностей. Но вѣроятность не есть еще полная истина. Вѣроятность не исключаетъ возможности другой вѣроятности, противуположной первой, тогда какъ истина всегда только одна—и двухъ истинъ, касающихся одного и того же вопроса, быть не можетъ. Какое же пріобрѣтеніе для науки отъ размноженія «вѣроятностей»? Только такое, что черезъ ихъ столкновеніе между собою могутъ другіе ученые доискаться истины, но и то при особенно счастливомъ случаѣ. Однако, этого можетъ и не случиться и тогда «вѣроятности», сбитыя съ позиціи другими «вѣроятностями», потеряютъ всякую силу. Это чаще всего случается и всего возможнѣе въ историческихъ вопросахъ, гдѣ затемнѣніе, побуждавшее къ предположеніямъ, происходило отъ недостатка ясныхъ извѣстій. Обрѣтеніе какого нибудь новаго, яснаго извѣстія и бываетъ тѣмъ счастливымъ случаемъ, когда вѣроятность можетъ обратиться въ полную истину. Но въ такомъ мракѣ, въ какой погружены эти блуждающія тѣни съ именами народовъ европейскаго сѣверовостока, о которыхъ не сохранилось ясныхъ и точныхъ письменныхъ источниковъ, мы долго принуждены будемъ отваживаться на всякіе вымыслы и предположенія. Прежде нежели судьба пошлетъ намъ какіе нибудь новые, до сихъ поръ совершенно неизвѣстные источники, мы, переворачивая на всѣ лады извѣстныхъ уже намъ и западныхъ, и византійскихъ, и восточныхъ писателей, едва ли сдѣлаемъ какой нибудь вкладъ въ науку, какъ бы искренно и добросовѣстно ни старались этого достигнуть. Еще существуютъ для насъ, при положительномъ отсутствіи письменныхъ источниковъ, два важныя подспорья,—это археологическія раскопки и изученіе памятниковъ народнаго быта и слова, на сколько отразились въ послѣднихъ остатки глубокой древности, достигшіе до отдаленныхъ поколѣній, живущихъ въ наше время, или жившихъ въ близкое къ намъ время, — но тѣмъ и другимъ надобно заниматься съ бо̀льшею энергіею, чѣмъ этого рода занятія идутъ у насъ теперь—и всетаки слѣдуетъ пользоваться нашими какъ археологическими открытіями, такъ и этнографическими соображеніями не иначе, какъ съ крайнею осторожностію и осмотрительностію. И тотъ и другой путь до такой степени скользки и покрыты тьмою, что изъ сдѣланнаго уже нами до сихъ поръ, намъ почти ничего не открылось важнаго для рѣшенія вопросовъ, занимающихъ г. Иловайскаго [1]). По крайней мѣрѣ книга г. Иловайскаго имѣетъ дѣло главнымъ образомъ съ письменными историческими памятниками, а въ недостаточности и темнотѣ ихъ ни мало не сомнѣвается и самъ г. Иловайскій.

Не ограничиваясь опроверженіемъ всякихъ норманническихъ толкованій о

[1]) Такъ, напримѣръ, о большей части вещей, найденныхъ въ землѣ, трудно а иногда и совсѣмъ невозможно указать: къ какому времени и еще болѣе какому народу принадлежатъ онѣ, а изъ разныхъ этнографическихъ чертъ въ современной намъ жизни народа, очень мало найдется такихъ чертъ, древность которыхъ можетъ быть опредѣлена точнымъ образомъ.

прибытіи Руси съ Балтійскаго моря, г. Иловайскій видитъ предковъ нашей Руси въ Роксоланахъ. Подобная мысль не разъ приходила и намъ, какъ только мы занимались древними народами, жившими нѣкогда въ нашемъ отечествѣ. Точно также, подобно г. Иловайскому, и мы думали, что нашествіе Гунновъ было собственно возстаніемъ славянскаго племени противъ угнетавшихъ его Готовъ; но, всмотрѣвшись безпристрастнѣе, мы увидѣли несостоятельность подобныхъ предположеній, въ особенности перваго, основаннаго единственно на созвучіи. Роксоланы составляли вѣтвь Сарматовъ, а Сарматы, иначе Савроматы, по извѣстіямъ греческихъ писателей, близко знавшихъ ихъ, принадлежали къ мидійскому племени; между Мидами же и Славянами, какъ всѣмъ извѣстно, связь до того слабая, что едва ли можно признавать за Славянъ народъ, о которомъ сохранилось извѣстіе, что онъ представлялся въ свое время родственнымъ съ Мидами, тѣмъ болѣе, что и сохранившіяся немногія собственныя имена, принадлежащія Сарматамъ, не показываютъ явно ничего славянскаго. Что Миды и Славяне — одного арійскаго племени, это еще не даетъ намъ повода признавать Сарматъ за Славянъ, отговариваясь тѣмъ, что въ глубокой древности языки народовъ арійскаго племени не были такъ различны какъ теперь. Вѣдь и Нѣмцы и Кельты—арійскаго племени, отчего же Сарматамъ быть болѣе похожимъ на Славянъ, чѣмъ на Нѣмцевъ или Кельтовъ? Г. Иловайскій, не имѣя другихъ доказательствъ болѣе тѣхъ, которыя были намъ давно уже вѣдомы, представляетъ мысль о тождествѣ Руси и Роксоланъ почти за несомнѣнную историческую истину. То же выходитъ и относительно славянизма Болгаръ до поселенія ихъ на Дунаѣ. Г. Иловайскій ухватился горячо за Черныхъ Болгаръ, о которыхъ мелькомъ упоминается въ нашей лѣтописи, и, признавая Болгаръ за Славянъ, помѣщаетъ ихъ первобытное жилище около Чернаго и Меотійскаго морей, находитъ, что они же были прежде извѣстны подъ именемъ Утригуровъ и Кутригуровъ, считаетъ ихъ древнѣйшими славянскими обитателями Черноморскаго полубережья и строитъ на этомъ предположеніи много важныхъ выводовъ, измѣняющихъ наши давно уже общепринятые историческіе взгляды. Такимъ образомъ, у г. Иловайскаго выходитъ, что и нашъ славяно-церковный языкъ, и переводъ св. евангелія, и славянскія письмена,—все, что мы приписывали изобрѣтенію св. Кирилла и Меѳодія—есть произведеніе этихъ Черноморскихъ Болгаръ и отъ нихъ-то св. апостолы заимствовали эти сокровища. Въ послѣднемъ случаѣ, г. Иловайскій опирается на мѣсто въ Паннонскомъ житіи Кирилла, о которомъ мы говорили выше. Самое это мѣсто, какъ мы выше указали, требуетъ тщательнаго разсмотрѣнія и безпристрастной критики, безъ чего не может быть внесено въ область несомнѣнныхъ источниковъ. На чемъ же собственно г. Иловайскій основываетъ славянство Болгаръ, которыхъ, какъ извѣстно, ученые единогласно считаютъ народомъ угорскаго или тюрко-финнскаго племени, полагая, что они сдѣлались Славянами только съ поселенія своего въ предѣлахъ Византійской имперіи, гдѣ они смѣшались съ обитавшими тамъ уже давно славянскими племенами? Г. Иловай-

скій представляетъ три разряда доказательствъ: историческія, этнографическія и филологическія. Историческія доказательства ограничиваются тѣмъ, что, при сопоставленіи извѣстій у разныхъ византійскихъ и западныхъ историковъ, Утригуры и Кутригуры [1]), явно указываемые принадлежащими къ Гуннамъ, есть вмѣстѣ и Болгары, по крайней мѣрѣ многое, отнесенное одними къ первымъ, другими относится къ послѣднимъ. Но это собственно не даетъ намъ права признавать Болгаръ принадлежащими какому бы то ни было племени, пока мы окончательно не рѣшили, что̀ такое были Гунны и ихъ вѣтви—Утригуры и Кутригуры. Гораздо состоятельнѣе доказательства этнографическія и главное изъ нихъ сравнительно скорое усвоеніе Болгарами славянскаго элемента съ тѣхъ поръ какъ они поселились въ Мизіи. На это указывалъ болѣе всего Венелинъ, когда съ особенною страстностію пытался доказать первобытное славянство своихъ соотечественниковъ. И дѣйствительно, скорое ославяненіе пришедшаго въ Мизію народа искушаетъ думать, что этотъ народъ былъ уже славянскимъ еще въ прежнемъ своемъ отечествѣ; но, съ другой стороны, и это обстоятельство не на столько сильно, чтобы рѣшить историческій вопросъ окончательно. Мы можемъ указать на многіе примѣры скораго перерожденія народностей, при способствующихъ тому обстоятельствахъ. Намъ говорятъ, что, черезъ два вѣка послѣ прибытія Болгаръ, въ ихъ новомъ отечествѣ не высказывалась никакая другая народность, кромѣ славянской; но мы укажемъ на примѣръ онѣмеченія Славянъ въ сѣверной Германіи: тамъ, гдѣ въ XIII вѣкѣ были чистые Славяне, въ XVI уже почти всѣ были Нѣмцы. И у насъ на Руси можно представить тому рѣзкіе и поучительные примѣры: нынѣшнія губерніи Нижегородская и Пензенская представляютъ не менѣе быстрое обрусѣніе Мордвы; есть большія села, о которыхъ старожилы еще помнятъ, что онѣ были мордовскія, теперь же никто изъ ихъ жителей не считаетъ себя иначе, какъ за коренныхъ Русскихъ. А Литва? Вѣдь этотъ народъ завоевалъ западно-русскія и южнорусскія княжества; перемѣнилась династія князей; вмѣсто Рюриковичей начали княжить чистокровные Литвины—Гедиминовичи и Ольгердовичи; мы знаемъ, что эти князья были не Славяне, между тѣмъ никто изъ нихъ ничѣмъ не показалъ своей непринадлежности къ славяно-русскому племени, которымъ они управляли. Если бы до сихъ поръ не сохранилось литовскаго языка, принадлежавшаго народу, изъ котораго происходили эти князья, то вѣроятно въ наше время нашлись бы ученые, которые, встрѣчая извѣстія о Литвинахъ, доказывали бы, что не существовало никакого отдѣльнаго литовскаго племени и что Литвины были не болѣе, какъ одною изъ вѣтвей русско-славянскаго народа, а всѣ литовскія имена князей, занявшихъ удѣлы на Руси, непремѣнно пытались бы, посредствомъ всякихъ созвучій, объяснить изъ славянскаго языка. То же, что было съ Литвинами, могло быть и съ Болгарами. Воинственная толпа, пришедшая въ Мизію, могла не превосходить

[1]) Жители береговъ Чернаго и Меотійскаго морей.

количествомъ литовскихъ дружинъ, пришедшихъ въ русскія земли со своими князьями; она овладѣла Славянами и недолгое время выказывала признаки своего отличнаго бытія, а потомъ распустилась въ массѣ превосходившаго ее и величиною и силою гражданственности славянскаго поселенія. Что касается до филологическихъ доказательствъ г. Иловайскаго, то они чрезвычайно слабы и до крайности произвольны. Все основывается на насильственныхъ звуковыхъ сближеніяхъ нѣкоторыхъ собственныхъ именъ со славянскими словами; напримѣръ, Кубратъ сближается съ именемъ Коловратъ и съ русскою фамиліею Курбатовыхъ; Батбай кажется ему напоминающимъ слова: батя, батюшка, сербское бабо,означающее отецъ; Котрагъ указываетъ на старочешское имя Кутра; имя Аспарухъ передѣлывается въ Исперихъ или Исперикъ, какъ онъ значится (можетъ быть и по ошибкѣ) въ росписи болгарскихъ князей. Г. Иловайскій находитъ здѣсь подобіе со славянскими уменьшительными, оканчивающимися на икъ и на ко, но въ то же время считаетъ умѣстнымъ напомнить о нѣмецкомъ имени Гаспаръ и замѣтить, что у Аланъ существовало такое же имя. Алане же были родственныя Болгарамъ сарматскія племена, а какъ Сарматовъ г. Иловайскій еще ранѣе произвелъ въ Славянъ, то и Аспаруха болгарскаго несомнѣнно признаетъ Славяниномъ; Тербель напоминаетъ ему и городъ Требиньи въ Герцеговинѣ, и русскій старинный глаголъ теребить и, наконецъ, лѣтописнаго Русскаго Твердило, въ родѣ котораго могъ быть Теребило, передѣланный Греками въ Тербеля. О имени Кормезія г. Иловайскій прямо говоритъ, что не видитъ причины почему бы ему не быть славянскимъ и что оно можетъ быть однокоренно со словами кормило и кормчій. Умара г. Иловайскій сопоставляетъ съ нѣмецкими и славянскими именами, кончающимися на миръ; имя Крума сопоставляетъ со словами кремль, кремень, Кромы; Алогобатуръ г. Иловайскій передѣлываетъ въ Алобогатуръ и предполагаетъ, что это слово сложное изъ ал, или ар, яр, и богатуръ или богатырь, а при этомъ указываетъ на прозваніе князя Всеволода Яръ-туромъ въ Словѣ о полку Игоревѣ. Только два имени: Телецъ и Баянъ дѣйствительно представляютъ подобіе со славянскими корнями. Телецъ прямо славянское слово, а имя Баянъ могло происходить отъ глагола баять или вѣщать—и только съ этими двумя толкованіями достопочтеннаго автора мы и можемъ согласиться. Напротивъ, у Шафарика приведена цѣлая куча болгарскихъ именъ, не представляющихъ никакого сходства со славянскимъ языкомъ и, по его мнѣнію, удобнѣе объясняемыхъ турецкими и мадьярскими словами; напримѣръ: Кувратъ, Кубратъ, Батбай, Котрагъ, Алтицей, Алзеко, Куберъ, Аспарухъ, Тербель, Сабинъ, Токтъ, Черигъ, Кардамъ, Мортагонъ, Пресіамъ, Борисъ, Алимъ, Ахмедъ, Талибъ, Муминъ, Боилъ, Чигатъ, Мармесъ, Книнъ, Ицбоклія, Алоготуръ, Конартикинъ, Булій Тарканъ, Боритаканъ, Калутерканъ, Елемагъ, Кракрасъ, Кавканъ и проч. Боритаканъ, Кавканъ, Мортагонъ, Калутерканъ, Булій Тарканъ, по мнѣнію Шафарика, объясняются турецкими, только вмѣсто канъ,

надобно читать ханъ. Знаменитый чешскій ученый присовокупляетъ при этомъ, что и до сихъ поръ въ языкѣ балканскихъ Славянъ остались слова неудобообъяснимыя, которыя онъ полагаетъ остатками языка древнихъ болгарскихъ пришельцевъ, давшихъ свое имя странѣ, гдѣ они поселились.

Мы не имѣемъ намѣренія защищать во что бы то ни стало мнѣнія, установленнаго въ наукѣ Шафарикомъ о неславянскомъ происхожденіи болгарскихъ пришельцевъ; признаемъ за теоріею г. Иловайскаго извѣстную степень вѣроятности, но не болѣе: вообще всѣ взгляды почтеннаго автора на славянство Болгаръ, Утригуровъ, Кутригуровъ, Гунновъ, Сарматовъ и Скиѳовъ — только предположенія, которыя собственно ничего новаго не вносятъ въ науку.

III.

Въ томъ же 1876 году, въ Москвѣ издано другое сочиненіе, касающееся русской исторіи—сочиненіе съ чрезвычайно-заманчивымъ и многообѣщающимъ заглавіемъ: «Исторія русской жизни съ древнѣйшихъ временъ». И. Забѣлина. часть I-я. Имя автора давно уже пользуется въ нашей литературѣ вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ, и если кому, то именно ему можно было явиться въ свѣтъ съ книгою, носящею такое названіе. Въ своихъ прежнихъ археологическихъ трудахъ, г. Забѣлинъ своимъ несомнѣннымъ талантомъ поднялъ археологію до художественности и, вмѣсто скучныхъ, любопытныхъ только для немногихъ спеціалистовъ, изслѣдованій, какими до тѣхъ поръ дарили русскую литературу ученые люди, началъ писать сочиненія, отличающіяся такъ же живымъ изложеніемъ, какъ и высокимъ смысломъ. Можно сказать, что только въ твореніяхъ г. Забѣлина мы видѣли изображенія прошлой русской жизни и потому-то, увидавши его новую книгу съ такимъ заглавіемъ, мы думали встрѣтить здѣсь яркое освѣщеніе того предмета, на который тѣмъ же авторомъ проливался уже свѣтъ, хотя вѣрный, но еще не достаточно сильный и полный. Первая часть новаго сочиненія г. Забѣлина заключаетъ въ себѣ 647 страницъ. Казалось бы, въ такомъ объемѣ можно было разсмотрѣть значительную часть русской исторіи, на сколько въ ней отразилась общественная, домашняя и духовная русская жизнь. Но, къ нашему удивленію, изъ пяти главъ, на которыя раздѣлена эта первая часть, только двѣ—первая и пятая—касаются дѣйствительно русской жизни и то при самомъ началѣ нашей исторіи; все остальное, отъ 37-й до 472-й страницы, занято учеными изслѣдованіями, касающимися временъ до перваго образованія русскаго государства. Это—блужданіе въ темной, непроходимой чащѣ, посреди Скиѳовъ, Сарматовъ, Гунновъ, Кутригуровъ, Утригуровъ, Аваръ, Хазаръ, Варяговъ, блужданіе тѣмъ болѣе безплодное, что авторъ ведетъ своего читателя въ эту тьму не съ яркимъ свѣтомъ положительной исторической критики, а съ какими-то тускло-мерцающими, блудящими огоньками догадокъ и предположеній. Въ первой главѣ ав-

торъ дѣлаетъ обзоръ природы русской страны и указываетъ на свойства, обусловившія характеръ русской жизни, ея проявленія въ исторіи. Вся Россія представляется раздѣленною на двѣ половины, сѣверную или лѣсную и южную или степную; различіе природы положило различіе и въ дѣятельности народа этихъ двухъ половинъ. «Жизнь въ чистомъ полѣ и жизнь въ лѣсу», говоритъ г. Забѣлинъ, «воспитали и самихъ людей весьма различно. Наше русское поле отличалось плодородіемъ и не требовало тѣхъ усилій, на какія подвигалъ человѣка непривѣтливый лѣсной сѣверъ. Малорусская хата, сплетенная изъ хвороста и глины, покрытая пшеничною соломою и тростникомъ, могла удобно стоять на южномъ солнцѣ, отъ знойныхъ лучей котораго становилась крѣпче и суше, но на сѣверѣ такая хата, отъ продолжительной мокроты развалилась бы по суставамъ. Волъ былъ истинною силою земледѣльца, за то этотъ волъ вселилъ въ своего хозяина и свои обычаи и нравы: хозяйство южнаго человѣка все проходило на волахъ тихо, медленно и спокойно, ничто вокругъ не устремляло южнаго поселянина къ быстрому соображенію, къ быстротѣ понимания, къ быстрой догадкѣ и сметкѣ, чѣмъ въ особенности отличается сѣверный поселянинъ»; но за то на югѣ было свое горе, которое заставляло жителей бѣжать на сѣверъ,—это кочевники, странствовавшіе съ незапамятныхъ временъ по безводной степи, прилегавшей къ русскимъ полямъ. По мнѣнію г. Забѣлина, этимъ условливалось происхожденіе казачества на югѣ и этому казачеству авторъ приписываетъ глубокую древность, если не въ опредѣленной постоянной формѣ, въ какой мы знаемъ его въ позднѣйшія времена, то въ своей идеѣ. «Казачество здѣсь нарождалось, безпрерывно возобновлялось само собою, постояннымъ приливомъ всякихъ людей отъ разныхъ сторонъ. Не то было въ сѣверной, лѣсной странѣ... Здѣсь, забравшись въ какую нибудь трущобу, можно такъ ее укрѣпить и защитить, что она не убоится никакого врага. Здѣсь вообще работою и трудомъ неуклонно можно подвигаться впередъ и впередъ, распространять свои границы хотя исподволь, шагъ за шагомъ, но за то твердо, опредѣленно и точно, потому что здѣшнія границы, не такъ какъ полевыя, менѣе подвижны и переходчивы отъ завоеванія врага. Въ лѣсу что бывало сдѣлано въ смыслѣ осѣдлости и устройства прочнаго жилья, то пускало глубокіе корни и вырвать ихъ было не легко... Лѣсная жизнь воспитала осторожнаго, промышленнаго, политическаго хозяина, между тѣмъ какъ полевая жизнь создавала удалаго воина и богатыря, беззаботнаго къ устройству политическаго хозяйства». На этой противоположности лѣсной и полевой жизни авторъ основываетъ ту черту нашей исторіи, что на сѣверѣ образовался центръ государственнаго единенія и развитія политической жизни, чего никакъ не могло сложиться на югѣ. Мысль дѣйствительно свѣжая и, по нашему мнѣнію, вѣрная, хотя нельзя согласиться со справедливостью нѣкоторыхъ чертъ, указываемыхъ авторомъ. Такимъ образомъ г. Забѣлинъ говоритъ, что «самая пѣсня южнаго поселянина звучитъ больше радостію, любовью, беззаботнымъ веселіемъ, чѣмъ

тяжелымъ трудомъ и тяжелымъ горемъ жизни». Кому знакомъ унылый характеръ малороссійскихъ пѣсень, какъ по ихъ музыкальнымъ мотивамъ, такъ и по ихъ содержанію, тотъ не согласится съ такимъ заключеніемъ г. Забѣлина и посовѣтуетъ ему поглубже изучить предметъ, о которомъ онъ дѣлаетъ скороспѣлый приговоръ. По замѣчанію г. Забѣлина, особенно важное значеніе въ исторіи русской жизни получилъ уголъ между Окою и Волгою. «Это суздальская сторона, гдѣ возродилась земская и государственная сила всей русской земли, гдѣ образовалось ея настоящее сердце, отъ котораго естественно сдѣлались зависимыми и всѣ другіе близкіе и далекіе края Россіи».

Въ пятой главѣ своего сочиненія авторъ распространяется о характерѣ русскаго лѣтописанія, котораго начало приписываетъ, по старой привычкѣ прежнихъ историковъ, преподобному Нестору, черноризцу печерскому; впрочемъ, въ одномъ мѣстѣ г. Забѣлинъ говоритъ объ этомъ такъ: «чистаго Нестора, можно сказать, никогда не существовало. Несторъ, переписывая вновь свою повѣсть, необходимо долженъ былъ самъ же внести въ нее новыя прибавки, вставки, объясненія и прочее—и вся эта повѣсть не была сочиненіемъ, а была сборникомъ свѣдѣній, мнѣній, разсужденій, преданій, которыя ходили въ тогдашнемъ обществѣ и которыя въ повѣсти связывались только хронологическою послѣдовательностію ихъ изложенія».

Коснувшись извѣстнаго преданія, записаннаго въ нашей первоначальной лѣтописи о трехъ братьяхъ родоначальникахъ Полянъ, г. Забѣлинъ является поборникомъ теоріи родоваго быта, столь развитой Соловьевымъ. Впрочемъ, г. Забѣлинъ, также какъ и г. Соловьевъ, относительно этого вопроса не приходитъ къ такихъ выводамъ, которые бы имѣли право занять мѣсто въ ряду несомнѣнныхъ историческихъ истинъ. Да и трудно, потому что слово родъ въ нашихъ древнихъ источникахъ употребляется въ различныхъ значеніяхъ, при которыхъ это слово можно расширять до понятія о цѣломъ народѣ и съуживать до понятія о тѣсной семьѣ. Далѣе г. Забѣлинъ разсматриваетъ древнее значеніе города и по этому поводу указываетъ на различныя теоріи, возникшія въ послѣднее время въ нашей литературѣ относительно значенія городовъ и ихъ происхожденія. Между прочимъ указываются мнѣнія гг. Самоквасова и Леонтовича. Первый, занимавшійся изученіемъ и раскопкою русскихъ городищъ, пришелъ къ такому заключенію, что города, т. е. огороженныя мѣста вокругъ жилья, предшествовали селамъ и были въ древности обычнымъ признакомъ поселенія. Г. Леонтовичъ, напротивъ, думаетъ, что въ древнѣйшія времена города имѣли значеніе военно-оборонительныхъ укрѣпленій и что люди убѣгали туда только на случай осады «для ухоронки отъ нашествія враговъ и затѣмъ, когда опасность проходила, городъ оставался пустымъ». Ходаковскій, какъ извѣстно, видѣлъ въ городищахъ, разсѣянныхъ по всей Россіи, слѣды древнихъ богослужебныхъ мѣстъ. По мнѣнію г. Забѣлина, начало городовъ совпадаетъ съ образованіемъ волостей, которыя были союзомъ родственныхъ се-

мей. «Городокъ», говоритъ онъ, «въ извѣстномъ смыслѣ былъ общественнымъ дворомъ, избою цѣлой волости, или родовой земской округи». По мѣрѣ развѣтвленія такихъ союзовъ возникали новыя волости и съ ними строились новые города, но молодые города не пользовались значеніемъ равнымъ со старыми, именовались не городами, а пригородами, иначе сказать—дѣтьми старшаго города. Города были вмѣстѣ съ тѣмъ и военною защитою, поэтому въ нихъ первое мѣсто занимали люди боеваго поля: первымъ лицомъ этого поля былъ князь, а ему подчинялась дружина, въ которой ближе къ предводителю стояли по отличію передніе мужи, или бояре, то есть люди боя въ собственномъ смыслѣ. Къ младшему составу городовыхъ защитниковъ г. Забѣлинъ относитъ всю родовую молодежь, носившую наименованія дѣтскихъ, отроковъ, пасынковъ, дѣтей боярскихъ. «Надо замѣтить», говоритъ авторъ, «что всѣ такія имена въ древности выражали сущую дѣйствительность, потому что на самомъ дѣлѣ начинали воевать съ дѣтскихъ и отроческихъ лѣтъ... Въ двадцать лѣтъ возраста это были уже настоящіе богатыри... Второй слой собственно городскихъ защитниковъ именовался собирательно гридь и гридьба, а единично гридинъ». Но кромѣ необходимости военной защиты волости, городки, по мнѣнію нашего автора, устраивались также вслѣдствіе развитія промысловъ и торговъ, нуждавшихся въ охранѣ товаровъ, и потому торговые и промышленные люди селились подъ защитою города и наравнѣ съ военнымъ людомъ должны были нести тягость городовой защиты. Все это могло быть такъ, какъ полагаетъ теорія г. Забѣлина, но къ этой теоріи никакъ не подходятъ тѣ небольшіе городки, въ которыхъ, судя по ихъ слѣдамъ, едва ли могли помѣщаться военные защитники края и промышленники съ торговцами: эти городки чрезвычайно малы, чтобы служить для такихъ цѣлей, а между тѣмъ ихъ разсѣяно по всей Россіи безчисленное множество. Теорія г. Забѣлина можетъ подходить только къ тѣмъ старымъ городамъ, которые уже въ послѣдствіи, въ историческое время, сдѣлались центрами волостей и значительными людскими поселеніями въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы разумѣемъ городъ въ наше время. Что же означаютъ эти непросторные окопы, на которыхъ до сихъ поръ лежитъ названіе городковъ? Несмотря ни на какія объясненія, сдѣланныя учеными, они остаются непонятными памятниками древности, дающими поводъ ко всевозможнѣйшимъ догадкамъ и предположеніямъ. Далѣе, г. Забѣлинъ, зная о томъ, какъ строились въ ближайшее къ намъ время русскіе города въ Сибири, дѣлаетъ предположеніе о такомъ же возникновеніи городовъ въ древнія времена нашей исторіи, полагая, что все это приложимо и къ древнимъ временамъ. «Порядки завоеванія Сибири въ общихъ чертахъ и въ своихъ мелкихъ подробностяхъ въ полной мѣрѣ могутъ обрисовать старину IX и X вѣка, ибо Москва XVI вѣка, по существу своей роли, продолжала то же самое дѣло, какое началось въ IX вѣкѣ въ Кіевѣ». Соображенія эти безпорно имѣютъ большую степень вѣроятности, но слѣдуетъ принимать во вниманіе, что древніе городки наши возводились въ

глубокой древности, когда условія жизни, намъ неизвѣстныя, уже никакъ не сходились вполнѣ съ тѣми, въ какихъ мы застаемъ русскую жизнь XVI и XVII вѣковъ; притомъ же, о самыхъ существующихъ въ Россіи слѣдахъ городковъ, надлежало бы рѣшить вопросы, что изъ нихъ принадлежитъ дѣйствительно предкамъ русскаго народа, а что, быть можетъ, относится къ такимъ племенамъ, которыхъ жизнь только прошла въ незапамятныя времена по нашей землѣ, не оставивъ на нашу жизнь никакого слѣда. Но г. Забѣлину собственно нѣтъ дѣла до той жизни, которая пронеслась для насъ безслѣдно: онъ ищетъ древней русской, а не чужой какой либо жизни, и легко ему отыскивать на Руси въ самыхъ отдаленныхъ временахъ русскую жизнь, такъ какъ онъ переславянилъ чуть не всѣ неизвѣстные народы, обитавшіе на пространствѣ, занимаемомъ нынѣшнею Россіею, и чужаго остается уже не много. Для г. Забѣлина, между прочимъ, «древняя былина есть истинный свидѣтель и достовѣрная лѣтопись о томъ именно времени, когда доисторическая русская жизнь, сложившись въ независимое другъ отъ друга городство, проходила этотъ своеобразный путь развитія едиными силами богатыря-дружинника и съ благодарною памятью воспѣла его, какъ могучую первородную стихію своего историческаго бытія. Въ этомъ насъ убѣждаетъ существенное содержаніе былинъ со всѣми тѣми подробностями, которыя, какъ несомнѣнныя черты глубокой древности, явно выдѣляются отъ послѣдующихъ приставокъ и наслоеній былиннаго эпоса. По всему видимо, что былины воспѣваютъ именно бытъ первороднаго русскаго города, который самъ олицетворенъ въ образѣ стольнаго и ласковаго князя Владимира. Совершенно справедливо, что въ былинахъ сохраняются несомнѣнныя черты глубокой древности, но справедливо и то, что на эту древность наслоилось много позднѣйшаго, сравнительно-новаго, и самая настоящая форма былинъ образовалась уже относительно поздно, а потому и пользоваться ими можно только безъ увлеченій, къ которымъ склоненъ достопочтенный авторъ. Былины есть произведеніе чисто-русскаго сѣвера, исключительно великорусской вѣтви; всему малорусскому племени онѣ совершенно чужды и незнакомы, а это едва ли было бы возможно, если бы онѣ были прямымъ остаткомъ глубокой старины. Стольный князь Владимиръ «вѣчно сидитъ дома, самъ на войну не ходитъ». Г. Забѣлинъ и въ этомъ видитъ древнюю черту, но предполагаетъ, что здѣсь рисуются больше всего понятія и представленія о самомъ городѣ, чѣмъ о какой либо личности; а намъ кажется, что этотъ образъ сложился уже поздно въ Московской Руси по образу царя, который рѣдко предводительствовалъ войскомъ, управлялъ подвластною землею черезъ свои приказы и сидѣлъ болѣе всего дома, опутанный безчисленными церемоніями. Только въ эту эпоху могъ у простаго народа создаться въ головѣ образъ государя, который все себѣ пируетъ, самъ въ походъ не идетъ и разсылаетъ богатырей совершать воинскіе подвиги. Самъ г. Забѣлинъ замѣчаетъ, что въ отсутствіе богатырей-дружинниковъ, въ былинахъ стольный князь представляется «безсильнымъ, робкимъ, трусливымъ; онъ даже тужитъ, печа-

лится и плачетъ, когда у него нѣтъ богатыря-обороны, когда некому съѣздить далеко въ чистое поле, попровѣдать орды великія, привести языка поганаго». Развѣ похожъ такой идеальный, народный стольный князь на кого нибудь изъ кіевскихъ князей, отличавшихся подвижностью, быстротою, неутомимою дѣятельностію? Нѣтъ. Самъ г. Забѣлинъ думаетъ, что здѣсь характеризуется не княжеская личность, а самый городъ. Такое объясненіе намъ кажется черезъ чуръ натянутымъ и искусственнымъ, притомъ же рѣшительно ничѣмъ недоказываемымъ. Могло бы въ народной поэзіи явиться представленіе города или земли въ образѣ одного лица, но въ такомъ случаѣ это лицо носило бы всѣ живые признаки того, что оно олицетворяетъ. Князь, служащій олицетвореніемъ города или земли, носилъ бы на себѣ характеристическіе признаки всѣхъ тѣхъ свойствъ, которыми отличались люди города или земли, а не былъ бы отвлеченною идеею о городѣ или землѣ, выработанною на основаніи разныхъ соображеній въ кабинетѣ ученаго. Народъ менѣе всего знаетъ отвлеченныя идеи и не гоняется за ними; у него олицетвореніе является какъ жизненный продуктъ его духовной работы, а не слагается по предвзятому заранѣе плану; преднамѣреннаго заранѣе олицетворенія въ народной поэзіи быть не можетъ; народъ не можетъ дойти до того, чтобы сказать себѣ: дай-ка я олицетворю Кіевъ или Москву съ признаками ихъ исторической жизни и ихъ научнаго значенія! Въ нашихъ былинахъ, которыя, какъ выше сказано, несомнѣнно образовались въ ихъ настоящемъ видѣ только на сѣверѣ, исключительно въ великорусскомъ племени и притомъ подъ вліяніемъ иноплеменныхъ наслоеній, воздѣйствовавшихъ на великорусское племя, одно только относится къ кіевской древности—это собственныя имена Кіева, князя Владимира и нѣкоторыхъ его богатырей, но затѣмъ въ былинахъ собственно кіевскаго чрезвычайно мало. Причина, почему именно въ великорусскомъ народѣ удержались эти собственныя имена старины и почему народъ въ своей поэзіи относился къ нимъ съ такою любовью, еще до сихъ поръ необъяснена; можно дѣлать разныя предположенія, между прочимъ и такое, что Кіевъ всему русскому міру далъ важнѣйшій элементъ духовной жизни — православно-христіанскую вѣру. Это обстоятельство, безспорно, играло здѣсь главную роль; но какъ переходили и перелагались въ народѣ объ этомъ представленія—это еще не объяснено и объяснить вполнѣ едва ли возможно одними предположеніями.

Кромѣ первой и послѣдней главъ, въ первой части «Исторіи русской жизни съ древнѣйшихъ временъ» слишкомъ мало того, что, по нашему взгляду, можетъ непосредственно относиться къ русской жизни. Г. Забѣлинъ, подобно г. Иловайскому, старается во что бы то ни стало ославянить народы, о которыхъ мы почти ничего не знаемъ, кромѣ необъясненныхъ названій и отрывочныхъ свѣдѣній, до того темныхъ, что до сихъ поръ наука окончательно не рѣшила даже вопросовъ, къ какому племени слѣдуетъ причислить тотъ и другой народъ. Понятно, что при такой темнотѣ всякому ученому представляется воз-

можность признать каждый изъ этихъ народовъ тѣмъ, чѣмъ авторъ самъ захочетъ. Г. Забѣлинъ дѣйствуетъ смѣлѣе г. Иловайскаго и не останавливается ни предъ какимъ камнемъ преткновенія; его филологическія соображенія напоминаютъ измышленія Морошкина и Савельева-Ростиславича; онѣ чрезвычайно произвольны, между тѣмъ авторъ отважно выдаетъ ихъ какъ бы за рѣшенный приговоръ науки. До какой степени все это произвольно, можно видѣть, напримѣръ, изъ того, что упоминаемыхъ Геродотомъ Будиновъ Шафарикъ считаетъ Славянами, предками нынѣшнихъ Бѣлоруссовъ и помѣщаетъ въ бѣлорусскихъ болотахъ, а г. Забѣлинъ видитъ въ нихъ Мордву и Вотяковъ, обитателей восточной полосы. Въ сущности, и тотъ и другой руководствуются своими субъективными соображеніями, а результатомъ выходитъ, что наука всетаки не знаетъ, что такое были Будины. Относительно Роксоланъ, напримѣръ, г. Забѣлинъ до такой степени увѣренъ въ ихъ значеніи прямыхъ предковъ русскаго народа, что говоритъ: «трудно понять, почему при ясныхъ (?), точныхъ (?), неоспоримыхъ (?) свидѣтельствахъ древней географіи, отнюдь не допускается почитать Роксоланъ предками нашей Кіевской Руси». Мы, съ своей стороны, можемъ повторить и г. Забѣлину то же, что сказали г. Иловайскому: дѣйствительно, Роксолане могли быть предками нашей Кіевской Руси, но могли и не быть ими; доказательствъ въ пользу одного положенія найдется столько же, сколько и въ пользу другаго.—Во всемъ почти сходясь съ г. Иловайскимъ, г. Забѣлинъ сильно расходится съ нимъ только относительно вопроса о Варягахъ-Руси. Г. Забѣлинъ вѣритъ въ дѣйствительность факта призванія и, подобно всѣмъ прежде занимавшимся этимъ вопросомъ, путешествуетъ по Балтійскому поморью, отыскивая тамъ Русь, переселившуюся въ Новгородъ, а потомъ въ Кіевъ, и г. Забѣлинъ находитъ тамъ эту Русь, находитъ ее въ прибалтійскомъ славянствѣ, а Варяговъ отыскиваетъ въ одномъ изъ тамошнихъ славянскихъ народцевъ, по имени Вагровъ или Вагировъ, которыхъ называетъ «передовымъ славянскимъ народомъ въ борьбѣ съ германскимъ племенемъ въ VIII вѣкѣ по Р. Х.». По мнѣнію г. Забѣлина, славянство Варяговъ «подтверждается множествомъ свидѣтельствъ до-норманской древности, подтверждается простымъ, естественнымъ ходомъ исторіи, этнологическими законами ея развитія и вмѣстѣ съ тѣмъ оно нисколько не устраняетъ присутствія въ числѣ славянскихъ Варяговъ и скандинавскихъ ихъ товарищей по морю». Оказывается, такимъ образомъ, что г. Забѣлинъ не совсѣмъ разрываетъ доброе согласіе съ норманнистами, хотя сильно не соглашается съ послѣдними въ томъ, чтобы считать «норманство какъ передовую главную силу постройки нашего государства». Ему особенно не нравится «не принадлежавшая норманству роль организатора и перваго строителя нашей исторіи и нашего политическаго и даже промышленнаго быта». Эта роль не нравится ему особенно потому, что ее «успѣли укрѣпить лишь нѣмецкія ученыя и патріотическія идеи о германскомъ господственномъ просвѣтительствѣ дикихъ народовъ и дикихъ странъ». Но если

вѣрить безусловно сказаніямъ нашей лѣтописи и держаться строго ея текста, то едва ли возможно допускать, чтобы лѣтописецъ, который написалъ о призваніи Варяговъ-Руси, могъ разумѣть подъ ними какихъ бы то ни было Славянъ. Лѣтопись наша очень хорошо знаетъ всѣхъ почти Славянъ и въ числѣ ихъ поморскихъ или прибалтійскихъ; лѣтописецъ причисляетъ ихъ къ племени Ляховъ, къ одному изъ отдѣловъ, на которые раздѣлилось славянское племя. «Словени же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляхове друзіи Лутичи, ини Мазовшане, ини Поморяне». И въ другомъ мѣстѣ говорится: «Ляхове же и Пруси, Чюдь присѣдять къ морю варяжскому; по сему же морю сѣдять Варязи ко востоку до предѣла Симова, по тому же морю сѣдять къ западу до землѣ Агнянски и до Волошски». Ясно, что и въ томъ, и въ другомъ мѣстѣ лѣтописецъ знаетъ прибалтійскихъ Славянъ, относитъ ихъ къ Ляхамъ и положительно различаетъ отъ Варяговъ. Какъ же могло быть, чтобы, повѣствуя о призваніи князей изъ-за моря, онъ не сказалъ, что послали звать ихъ къ Ляхамъ, да и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ только говорится о Варягахъ, непремѣнно упомянулъ бы лѣтописецъ о Ляхахъ. Напримѣръ, у него говорится: «ти суть людіе Новогородци отъ рода варяжска, преже до бѣша Словени». Здѣсь лѣтописецъ навѣрное сказалъ бы—отъ рода ляшска, вмѣсто варяжска, и дальнѣйшія слова его: «преже бо бѣша Словени» не имѣли бы смысла, потому что и Ляховъ онъ причисляетъ также къ «Словенамъ». И даже, вмѣсто «по тѣмъ городамъ суть находники Варязи», лѣтописецъ сказалъ бы: суть находници Ляхове. Лѣтописецъ, говоря о призваніи, положительно указываетъ, что призвали Варяговъ, которые назывались Русь. Руси въ прибалтійской славянщинѣ не было, но г. Забѣлинъ произвелъ, по созвучію, въ Русь—Ругіевъ! Не натяжка ли это? Не выходитъ ли, что если ужъ держаться строго лѣтописи и слѣпо вѣрить въ смыслъ ея текста, то правдоподобнѣе окажется теорія норманнистовъ, чѣмъ тѣхъ, которые, во что бы то стало, силятся привести въ Новгородъ прибалтійскихъ Славянъ, лишь бы разбить нѣмецкія ученыя и патріотическія идеи о германскомъ господственномъ просвѣтительствѣ!

По нашему убѣжденію, всѣ изысканія г. Забѣлина не вносятъ ничего, что бы можно было назвать вкладомъ въ научныя истины. Никакое дарованіе, никакое добросовѣстное трудолюбіе не помогутъ разогнать мракъ того хаоса, куда насъ заводятъ достопочтенные ученые; тѣмъ не менѣе, дарованіе г. Забѣлина на столько велико, что хотя онъ и не въ силахъ былъ указать «русскую жизнь» тамъ, гдѣ ея въ самомъ дѣлѣ не было, а всетаки придалъ замѣчательную живость такимъ изслѣдованіямъ; подъ перомъ другаго автора вышли бы онѣ невыносимо сухи и томительны. Въ сочиненіи г. Забѣлина, на страницѣ 481-й, мы встрѣтили слѣдующія, можно сказать, золотыя слова: «отъ конца IX до конца X вѣка Русь находилась еще въ томъ кругѣ развитія, о которомъ писаніе повѣ-

ствовало, что Богъ создалъ Адама изъ земли и вдохнулъ въ него душу безсмертную. Въ это время Русь дѣйствительно еще складывалась изъ земли, складывала свое физическое существо, собирала землю, какъ необходимое тѣло для воспріятія жизни духовной. При Владимирѣ Богъ вдохнулъ въ нее душу безсмертную; въ этомъ земномъ тѣлѣ водворены были великія истины Христовой вѣры, а съ нею и духовныя начала человѣческаго самосознанія и самопознанія». Нельзя не согласиться съ правильностію такого взгляда, но этотъ взглядъ долженъ былъ бы удержать г. Забѣлина отъ попытокъ вносить въ «Исторію русской жизни» догадки и предположенія относительно неразъясненныхъ еще наукою именъ древнихъ народовъ, о жизни которыхъ слишкомъ мало осталось свѣдѣній и степень принадлежности которыхъ къ русской исторіи еще очень сомнительна. Самъ г. Забѣлинъ выражается, что только съ принятіемъ христіанства въ русскомъ народѣ явились начатки «человѣческаго самосознанія и самопознанія». Когда достопочтенный авторъ подаритъ насъ изображеніемъ русской жизни со временъ принятія Русью христіанства, тогда мы, безъ сомнѣнія, прочитаемъ такое въ высокой степени умное и талантливое сочиненіе, которое составитъ эпоху въ нашей литературѣ.

IV.

Мы высказали наше убѣжденіе о томъ, что въ такомъ сочиненіи, какъ «Исторія русской жизни» неумѣстны разысканія, касающіяся народовъ, о принадлежности которыхъ къ русскому племени, или о вліяніи которыхъ на русское племя наука не сказала своего послѣдняго, неопровержимаго слова. Такъ смотритъ и большинство нашей читающей публики: ученыя изслѣдованія о Сарматахъ, Варягахъ и т. п. не привлекаютъ ея къ себѣ и не возбуждаютъ того интереса, который сопровождаетъ изслѣдованія о предметахъ болѣе къ намъ близкихъ: сочиненія, касающіяся отдаленныхъ и не рѣшенныхъ вопросовъ, болѣе или менѣе связанныхъ побочнымъ образомъ съ нашей исторіей, читаются только спеціалистами и, такъ сказать, запугиваютъ массу другихъ даже и очень образованныхъ читателей. Но люди глубоко ученые, спеціалисты, имѣютъ своимъ призваніемъ подготовлять дорогу распространителямъ научныхъ знаній въ массѣ читающей публики и берутся за изслѣдованіе такихъ вопросовъ, которые сами по себѣ могутъ быть взвѣшены и оцѣнены болѣе академіею, чѣмъ публикою. Такимъ примѣромъ можетъ служить изслѣдованіе г. Гедеонова «Варяги и Русь», изданное въ двухъ томахъ въ этомъ же году. Достопочтенный авторъ еще съ 1862 года трудится надъ разработкою варяжскаго вопроса. «Отрывки» изъ своихъ изслѣдованій по этому вопросу онъ уже помѣщалъ въ «Запискахъ Императорской академіи наукъ»; теперь онъ издалъ вполнѣ свое сочиненіе, задуманное имъ, какъ онъ говоритъ, еще въ 1846 году, измѣнивъ и дополнивъ

то, что печаталъ прежде, но «во избѣжаніе докучныхъ повтореній», не включилъ въ свою новую книгу нѣкоторыхъ прежде напечатанныхъ подробностей. Г. Гедеоновъ владѣетъ чрезвычайною эрудиціею и отличается безпристрастною здравою критикою, глубокомысліемъ и проницательностію. Вооружившись всевозможною ученою арматурою, онъ разбиваетъ въ пухъ и прахъ всю такъназываемую норманскую систему и совершаетъ свой подвигъ съ изумительнымъ искусствомъ. Мы не можемъ полнѣе охарактеризировать его успѣхъ, какъ сказавши, что если бы главнѣйшіе наши норманнисты Байеръ, Шлецеръ, Кругъ, Погодинъ могли возстать изъ гробовъ и ополчиться противъ новаго врага своихъ теорій, если бы къ нимъ пристали и другіе до сихъ поръ здравствующіе норманнисты, то, при всѣхъ своихъ усиліяхъ, не могли бы они уже поднять изъ развалинъ разрушеннаго г. Гедеоновымъ зданія норманской системы. Она окончательно разбита, разсѣяна, уничтожена и притомъ не на основаніи предположеній и соображеній, а при помощи историческихъ фактовъ и логическихъ умозаключеній, какіе только возможны подъ перомъ человѣка, обладающаго громаднѣйшею ученостію и начитанностію. Именно только трудясь сряду тридцать лѣтъ надъ спорнымъ вопросомъ, можно дойти до такого блестящаго результата, до какого въ этомъ случаѣ дошелъ г. Гедеоновъ, а потому его книга, хотя написанная не для популярнаго чтенія, останется однимъ изъ самыхъ капитальныхъ памятниковъ русской науки. Мы не станемъ выписывать мѣстъ изъ этой книги и указывать способы и пути, какими, при помощи историческихъ, археологическихъ и филологическихъ пособій, уничтожилъ авторъ враждебное себѣ ученіе; кто интересуется этимъ предметомъ, тотъ заглянетъ въ это превосходное произведеніе и сразу увидитъ въ немъ тѣ достоинства, которыя немногими словами передать трудно. Собственно что касается до пораженія норманнизма, г. Гедеоновъ—неотразимъ. Но достопочтенный авторъ, уничтоживши систему происхожденія Варяговъ отъ Нормановъ, всетаки вѣритъ въ дѣйствительность призванія князей Варяговъ, какъ въ несомнѣнный историческій фактъ и ищетъ первоначальной родины призванныхъ князей въ прибалтійской славянщинѣ. По его толкованію, Варягами Русскіе называли тѣхъ воинственныхъ проходимцевъ, которые являлись въ русскую землю съ балтійскаго побережья, и хотя въ тѣ времена, когда писалась лѣтопись, такіе удальцы были главнымъ образомъ изъ Скандинавіи, но прежде были они также изъ Прибалтійскихъ Славянъ и именно изъ страны послѣднихъ прибыли тѣ, которые основали русское государство. Самое слово Варягъ, какъ думаетъ г. Гедеоновъ, пришло къ намъ не отъ Нормановъ, а отъ Вендовъ, т. е. Прибалтійскихъ Славянъ и есть законное, сообразное русскому нарѣчію, измѣненіе вендской формы этаго слова warg. На это почтенному ученому можно сдѣлать такое же возраженіе, какое мы уже сдѣлали г. Забѣлину—именно, что Прибалтійскихъ Славянъ лѣтописецъ нашъ зналъ подъ именемъ Ляховъ и обозначалъ ихъ въ числѣ ляшскихъ племенъ име-

нами Лутичей и Поморянъ, а слѣдовательно, сообщая о призваніи князей, не могъ бы не упомянуть о томъ, что они были изъ племени Ляховъ. Г. Гедеоновъ предвидѣлъ, что ему сдѣлаютъ такое возраженіе и заранѣе даетъ на него отвѣтъ. Вотъ какъ онъ объясняетъ это молчаніе лѣтописца: «Что и Несторъ, и его современники, и русскіе князья знали вообще о западномъ происхожденіи изъ варяжскаго поморья Рюрика и братьевъ его—несомнѣнно; но съ принятіемъ христіанства должна была порваться связь съ языческимъ поморьемъ; вѣроятно, и сами язычники требовали этого разрыва, если судить по примѣру ихъ отношеній къ тѣмъ изъ близкихъ къ нимъ славянскихъ племенъ, которыя подчинялись вліянію западныхъ миссіонеровъ.... Несторъ имѣлъ основательныя причины къ молчанію. Его время было блестящею эпохою вендскаго язычества; и въ отношеніи къ князьямъ, и въ отношеніи къ народу, еще сильно державшемуся своихъ прежнихъ христіанскихъ вѣрованій, было не ловко напоминать о родствѣ благовѣрной династіи русскихъ князей съ языческими еще потомками Святовита и Радогостя». Въ этомъ мы не можемъ согласиться съ достопочтеннымъ ученымъ: такое обстоятельство никакъ не могло побуждать нашего лѣтописца къ сокрытію истины. Вѣдь онъ не только не скрываетъ всякаго рода варварствъ и дикости русскихъ князей—язычниковъ, но даже на самого Владимира, утвердителя христіанства, говоря о его языческомъ житіи, набрасываетъ даже такія мрачныя тѣни, въ дѣйствительности которыхъ можно сомнѣваться, какъ напримѣръ, о его ненасытномъ женолюбіи. Для христіанина того времени сила святаго крещенія была такъ велика, что смывала всю языческую мерзость и совершенно преображала увѣровавшаго во Христа новаго человѣка. Притомъ же отъ кого бы ни производить пришедшихъ въ русскую землю князей, все-таки по самому лѣтописцу они были язычники, пришли изъ какой-то языческой страны и лѣтописецъ ни однимъ намекомъ не указалъ, чтобы въ той странѣ, откуда пришли князья, возсіялъ послѣ свѣтъ крещенія. Наконецъ, такое побужденіе было бы вовсе не въ духѣ нашего лѣтописнаго изложенія, вездѣ и всегда отличающагося достохвальнымъ безпристрастіемъ и отсутствіемъ предъумышленнаго извращенія или укрытія истинъ. Г. Гедеоновъ нашелъ еще одну причину молчанія лѣтописца о славянизмѣ князей: «онъ (лѣтописецъ) понимаетъ балтійскихъ Славянъ подъ названіемъ двухъ ляшскихъ племенъ, Лутичей и Поморянъ; но могъ ли онъ назвать своихъ князей Ляхами? Потомки Рюрика наслѣдовали народную ненависть, бывшую между Русью и Польшею; эту ненависть поддерживали безпрерывныя войны между обоими народами; русскіе князья говорили въ знакъ пренебреженія: «мы есме ни Угре, ни Ляхове». Но откуда авторъ видитъ существованіе какой-то народной ненависти между Русью и Польшею въ такое отдаленное время? Онъ указываетъ на «безпрерывныя войны между обоими народами»; но не менѣе безпрерывныя войны вели русскіе князья и между собою, и въ ихъ войнахъ участвовали всѣ

вѣтви русскаго народа! Мы не видимъ, чтобы войны между Русью и Польшею были безпрерывнѣе старыхъ нашихъ междоусобій. Выраженіе «мы есмы ни Угре, ни Ляхове» вовсе не имѣетъ смысла пренебреженія; это говорили въ 1195 году Ольговичи Всеволоду Суздальскому, который вынуждалъ ихъ выходить изъ захваченнаго Кіева: «мы есмы ни Угре, ни Ляхове, но единого дѣда есмы внуци, при вашемъ животѣ не ищемъ его, ажъ по васъ кому Богъ дастъ». Князья, говорившіе такъ, указывали на свое родовое происхожденіе отъ единаго прародителя, бывшаго великимъ княземъ на Руси, и ставили въ противоположность себѣ Угровъ и Ляховъ, которые, разумѣется, не могли имѣть никакого права наслѣдства на русскія земли, потому что не происходили по крови отъ русскихъ князей. Гдѣ же тутъ пренебреженіе? Если между Русскими и Ляхами бывали войны—всегдашнее явленіе оныхъ временъ—то сколько было брачныхъ связей между русскими и польскими князьями, сколько разъ заключались и политическіе союзы, сколько разъ Русскіе помогали Ляхамъ, воевавшимъ противъ Ляховъ же, и Ляхи Русскимъ въ войнахъ послѣднихъ противъ Русскихъ же! Взаимныя драки того времени, какъ бы онѣ ни были часты, не могутъ быть признакомъ народной ненависти, подобно тому какъ и на Руси Русскіе безпрестанно дрались другъ съ другомъ, но понятіе объ общемъ отечествѣ у нихъ отъ того не разложилось. Мы, напротивъ, думаемъ, что если бы Русскіе и Ляхи не раздѣлились между собою въ церковномъ отношеніи, то Русь и Польша давнымъ давно сложились бы сами въ одно политическое тѣло. Народная ненависть между Русью и Польшею возникла и укрѣпилась уже сравнительно въ болѣе позднія времена и нельзя переносить явленій послѣдующихъ вѣковъ на предшествовавшіе вѣка. Такимъ образомъ, ничто не поясняетъ намъ причины, почему бы лѣтописецъ умышленно умолчалъ о происхожденіи русскихъ князей отъ Прибалтійскихъ Славянъ, если бы зналъ объ этомъ и если бы на самомъ дѣлѣ князья происходили отъ тѣхъ, отъ которыхъ выводятъ ихъ наши почтенные ученые. Возраженіе, какое мы рѣшаемся сдѣлать г. Гедеонову, не опровергнуто имъ, хотя, какъ мы выше сказали, онъ его предвидѣлъ и заранѣе приготовилъ опроверженіе въ защиту своей теоріи. Не думаемъ, чтобы г. Гедеоновъ защитилъ свою теорію и тѣмъ, что въ своемъ сочиненіи приводитъ слѣды «варяжскаго (вендскаго) начала въ правѣ, языкѣ и язычествѣ древней Руси». Достопочтенный ученый отыскиваетъ разныя слова и выраженія въ древнихъ памятникахъ, не оставшіяся въ послѣдствіи въ русскомъ языкѣ, и объясняетъ это западно-славянскимъ происхожденіемъ, а за погибелью языка Прибалтійскихъ Славянъ, прибѣгаетъ для объясненій къ нарѣчіямъ: чешскому, лужицкому, польскому. Большая часть его объясненій вполнѣ удовлетворительна, но на что же онѣ указываютъ? На племенное единство и на связь нарѣчій! Въ этомъ никто и не сомнѣвался. Что мудренаго, если въ польскомъ или чешскомъ языкѣ удержалось слово, которое существовало нѣкогда въ рус-

скомъ, а въ послѣдующія времена утратилось? Точно также можно много найти словъ и выраженій, существовавшихъ въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ и нынѣ тамъ утратившихся, а въ русскомъ удержавшихся. Этимъ способомъ едва ли можно достигнуть цѣли, съ какою приводитъ эти сопоставленія г. Гедеоновъ, хотя, во всякомъ случаѣ, онъ этими объясненіями оказываетъ большую услугу русской наукѣ. Но эта услуга имѣетъ значеніе только въ смыслѣ удачныхъ поясненій темныхъ мѣстъ нашихъ памятниковъ, а никакъ не въ смыслѣ рѣшенія вопросовъ о происхожденіи нашихъ князей.

Перебирая разныя свидѣтельства иноземныхъ писателей о Руси, г. Гедеоновъ коснулся мѣста у Симеона Логоѳета, гдѣ говорится, что «Руссы они же и Дромиты прозвались своимъ именемъ отъ нѣкоего храбраго мужа Роса, послѣ того, какъ по его волѣ и совѣту, или по предопредѣленію боговъ, они освободились отъ ига народа, овладѣвшаго ими и угнетавшаго ихъ». Это мѣсто оставлялось безъ вниманія почти всѣми изслѣдователями, за исключеніемъ развѣ тѣхъ, которые желали подвести его въ пользу норманской теоріи. Авторъ этого византійскаго извѣстія жилъ въ X вѣкѣ и уже никакъ не позже начала XI-го; такимъ образомъ онъ писалъ то, чтò, конечно, слышалъ отъ Руссовъ, сносившихся въ то время безпрестанно съ Византіею. Извѣстіе это показываетъ, что въ такое отдаленное время Русскіе приписывали себѣ происхожденіе отъ знаменитаго предка. Г. Гедеоновъ справедливо сопоставляетъ это древнее извѣстіе съ болѣе поздними сказаніями о Лехѣ, Русѣ и Чехѣ, какъ о прародителяхъ трехъ славянскихъ народовъ. Сказанія эти появляются впервые въ половинѣ XIII вѣка въ хроникѣ Богухвала и потомъ повторяются много разъ съ разными варіяціями. Ученые считали это нелѣпыми баснями позднѣйшаго изобрѣтенія, не имѣющими никакого значенія;—такъ думали: Добровскій, Добнеръ, Шлецеръ, Карамзинъ, Погодинъ. Г. Гедеоновъ замѣчаетъ, что эти господа «принадлежатъ къ исторической школѣ, не понимавшей цѣны и значенія преданій. На чемъ»—говоритъ г. Гедеоновъ,—«основано мнѣніе Погодина и другихъ о ихъ (т. е. басень) составленіи въ позднѣйшее время? Несторъ производитъ Радимичей и Вятичей отъ двухъ братьевъ Радима и Вятка; Краледворская рукопись и Козьма Пражскій знаютъ Чеха прародителемъ чешскаго племени; это не позднѣйшія, это наидревнѣйшія сказанія Славянъ, сказанія, равныя по историческому значенію греческому объ Эллинѣ, сынѣ Девкаліона и Пирры, римскому—о Ромулѣ, германскому—о Туиско. Уже одной этой аналогіи было бы достаточно, чтобы укрѣпить свое мѣсто въ русской исторіи за этимъ баснословнымъ Русомъ, прародителемъ русскаго племени. Чтò-же, когда дошедшее до насъ въ источникѣ XIII вѣка преданіе оказывается буквальнымъ почти повтореніемъ преданія, занесеннаго къ Грекамъ при Олегѣ, а быть можетъ, и при Аскольдѣ!.. Дѣло не въ томъ, былъ ли дѣйствительно какой-то Русъ прародителемъ русскаго племени, а въ томъ, что любознательному византійцу,

допрашивавшему Русина IX—X вѣка о происхожденіи его народа и народнаго имени, этотъ кіевскій Русинъ производилъ Русь и имя Руси отъ туземнаго славянскаго Руса, любимца боговъ, не завоевателя, а избавителя, въ доисторическую баснословную эпоху, русскаго племени отъ чужеземнаго ига». Въ дополненіе къ сказанному г. Гедеоновымъ, мы укажемъ и на то, что въ «Словѣ о полку Игоря» Русскіе называются «Русичи»: это окончаніе явно указываетъ на то, что кіевскіе Русины, иначе Поляне, признавали себя потомками какого-то Руса, потому что окончаніе ичи, указывая на собственное имя, означало всегда происхожденіе отъ лица, носившаго это имя; такъ Радимичи и Вятичи, по словамъ лѣтописца, были потомками Радима и Вятка. И въ настоящемъ нашемъ языкѣ окончаніе ичи, происходящее отъ собственнаго имени, несомнѣнно указываетъ на родовое происхожденіе отъ отца или предка. Свидѣтельство Симеона Логоѳета о томъ, что Руссы считали своимъ прародителемъ какого-то древняго своего освободителя Руса или Роса, первый разъ надлежащимъ образомъ указанное и оцѣненное г. Гедеоновымъ, должно имѣть для нашей исторіи первостепенную важность: оно служитъ доказательствомъ, что Руссы сами себя отнюдь не считали происходящими отъ недавнихъ пришельцевъ, но, подобно многимъ древнимъ народамъ, духовно жившимъ миѳическими преданіями о своей старинѣ, имѣли воображаемыхъ предковъ и родоначальниковъ. Мы не беремся объяснить какое отношеніе въ подобныхъ древнихъ нашихъ вѣрованіяхъ существовало между именемъ Руса и именемъ Даждь-бога, который, въ «Словѣ о полку Игоря», упоминается какъ предокъ—неизвѣстно всего ли русскаго народа, или княжескаго рода; но, безъ сомнѣнія, между этими двумя собственными именами существовала какая нибудь генетическая связь. Этотъ вопросъ подлежитъ спеціальному изслѣдованію, на которое можетъ отважиться только такой глубокій ученый, какъ г. Гедеоновъ. Что касается до слова Дромиты, то г. Гедеоновъ справедливо отвергаетъ прежде принятое мнѣніе о соотношеніи этого названія съ древнимъ названіемъ Тендерской косы Ахиллесовымъ бѣгомъ. Нашъ авторъ замѣчаетъ, что слово δρόμος=бѣгъ, въ греческомъ языкѣ имѣетъ много значеній, а потому слишкомъ произвольно и неосновательно производить названіе Дромитовъ отъ одной географической мѣстности. По соображенію г. Гедеонова, въ греческомъ словѣ δρόμιτης легло въ основаніе другое славянское слово хоусарь—chusar. Въ одной рукописи костромскаго Богоявленскаго монастыря, при описаніи набѣга Игоря на Грецію, говорится: «и се Русь хусы посмаша въ Виѳинійскія яко да пищу имъ и прочее припасуть, приключися се и хусѣ, Варда Ѳока злѣ сіе преложи» и пр. Слово хуса передаетъ здѣсь греческое σύνταγμα, agmen, cohors, полкъ... Первоначальное, коренное значеніе хусы есть ходъ и походъ, какъ уже видно изъ сохранившагося въ чешскомъ и моравскомъ нарѣчіяхъ слова: chuze, chuza—incessus, peregrinatio. Въ послѣдствіи слова хуса и хусарь, означавшія сначала

ходъ и ходака, получили, какъ и средневѣковыя cursarii, значеніе разбоя, разбойника. См. гл. 72 (о татѣхъ и хоусарѣхъ въ Законникѣ царя Стефана Душана Сербскаго). Дунайскіе Славяне, вѣроятно, называвшіе русскихъ грабителей IX—X вѣка хусарями (ходаками, полчанами), передали это слово Грекамъ въ то время, когда оно еще сохраняло свой начальный этимологическій смыслъ, вполнѣ соотвѣтствующій греческому δρόμιτης. Съ прекращеніемъ разбойничьихъ набѣговъ на Царьградъ, названіе Руси хусарями-дромитами вышло изъ употребленія»[1]). Мы считаемъ это объясненіе почтеннаго ученаго дѣйствительнымъ вкладомъ въ нашу историческую науку. Въ своемъ замѣчательномъ изслѣдованіи г. Гедеоновъ разсѣялъ не мало подобныхъ объясненій, касающихся мѣстъ въ источникахъ нашей древней исторіи, остававшихся до сихъ поръ непонятными—и въ этомъ отношеніи его книга можетъ служить настольнымъ пособіемъ для всякаго занимающагося отечественной исторіей по источникамъ. Благодаря ясности взгляда и безпристрастію автора, едва-ли какое другое ученое изслѣдованіе въ этой области знаній можетъ стать выше изслѣдованія, которымъ подарилъ русскую исторію г. Гедеоновъ.

Н. И. Костомаровъ.

---

[1]) Быть можетъ, слѣдовъ этого древняго слова надобно искать въ названіи гусаръ.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

Черты изъ жизни императора Николая Павловича. Первый изъ нижеслѣдующихъ разсказовъ сообщенъ намъ графомъ Ржевускимъ, слѣдующій г. М. Нагорновымъ.

Императоръ Николай Павловичъ имѣлъ обыкновеніе ежегодно осматривать нѣсколько корпусовъ арміи. Онъ не только любилъ свою армію, но и превосходно зналъ ее; зналъ не только высшихъ чиновъ, но даже множество оберъ-офицеровъ. Память государя Николая Павловича въ этомъ отношеніи была изумительна. Государь зналъ офицеровъ не только по фамиліямъ, но, что въ особенности поразительно, помнилъ лицо, обстоятельства и ходъ службы, даже особенности характера многихъ [1]). Достаточнымъ доказательствомъ вышесказаннаго можетъ служить собственноручная записка императора, сохраняющаяся у меня какъ драгоцѣнная память; документъ этотъ помѣщаю далѣе на страницахъ „Русской Старины". Обстоятельства полученія записки были слѣдующія: генералы свиты его величества и флигель-адъютанты круглый годъ разсылались инспектировать войска, присутствовать при рекрутскихъ наборахъ, выбирать солдатъ и рекрутъ въ гвардію и производить слѣдствія въ разныхъ концахъ обширной Имперіи.

Во время тяжкой болѣзни великой княгини Александры Николаевны, я одинъ оставался въ Петербургѣ, всѣ-же мои товарищи были разосланы съ разными порученіями. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1844 года больную великую княгиню, по совѣту медиковъ, перевезли въ Царское

---

[1]) Бывшій командиръ л.-гв. Преображенскаго полка А. А. Катенинъ разсказывалъ, что императоръ зналъ въ лицо и поименно всѣхъ солдатъ перваго баталіона, и этихъ гигантовъ шутя называлъ «мои ребятишки».

Село, въ Александровскій дворецъ, я же назначенъ былъ дежурнымъ при его величествѣ и безсмѣнно находился при немъ въ продолженіе шести недѣль. Дежурство это было очень пріятно, форма была не стѣснительна: сюртукъ и фуражка; можно было отлучаться изъ дежурной комнаты гулять по саду, а по вечерамъ государь обыкновенно приглашалъ во дворецъ. Обязанность же дежурнаго вообще состояла въ принятіи прошеній и въ безотлучномъ пребываніи при государѣ на смотрахъ въ Царскомъ Селѣ, въ Павловскѣ и въ Красномъ Селѣ. Во время болѣзни великой княгини, государь въ 9 часовъ утра всегда приходилъ къ больной нѣжно любимой дочери, спрашивалъ о ея здоровьи; освѣдомившись объ этомъ и побесѣдовавъ немного, выходилъ въ садъ, гдѣ гулялъ обыкновенно полчаса, какъ бы желая разсѣять немного это печальное расположеніе, подъ вліяніемъ котораго онъ находился во все время болѣзни великой княгини. Никто, изъ уваженія къ грусти государя, не смѣлъ тогда ходить по саду. Какъ-то, утромъ, во время прогулки государя, изъ клумбы вышелъ человѣкъ, одѣтый въ статское платье, съ палкой въ рукѣ, ранцемъ за плечами, и, подойдя къ государю, объявилъ, что имѣетъ сказать ему нѣсколько словъ.

На вопросъ императора: кто ты? неизвѣстный отвѣтилъ: „когда вашему величеству угодно будетъ со мною говорить, то узнаете кто я". Увидѣвъ неподалеку линейнаго казака, государь его позвалъ и приказалъ отвести просителя къ дежурному генералу, чтобы тотъ у него распросилъ: кто онъ и чего желаетъ? Когда казакъ передалъ мнѣ приказаніе императора, я началъ распрашивать неизвѣстнаго и нашелъ въ немъ человѣка довольно образованнаго, но въ высшей степени возбужденнаго религіозными чувствами. Онъ мнѣ началъ разсказывать сперва, что болѣе трехъ лѣтъ странствуетъ по Европѣ и Азіи, желая отыскать истину, которая бы разомъ могла сдѣлать счастливымъ родъ человѣческій, и что, наконецъ, нашелъ то, чего желалъ, и къ осуществленію этой истины необходимо ему говорить съ государемъ императоромъ; никому же другому довѣрить своей тайны не можетъ. Долго онъ меня мучилъ своими безконечными разсужденіями о своихъ теоріяхъ и идеяхъ философскихъ, покуда я не добился отъ него, что его зовутъ Ляминъ, что онъ служилъ подполковникомъ въ инженерахъ, и что имѣетъ пакетъ, который долженъ вручить государю. Видя, наконецъ, что уговорить его отдать мнѣ пакетъ для передачи государю было напрасно, я отправился во дворецъ и черезъ камердинера доложилъ о себѣ. Государь въ то время одѣвался и сквозь двери спросилъ: „что тебѣ надо, Ржевускій?»

— Пришелъ доложить вашему величеству отвѣтъ просителя, — отвѣчалъ я.

— „Я, братъ, одѣваюсь; напиши, чего онъ хочетъ".

Тогда я тутъ же, у камердинера, потребовалъ листъ бумаги и написалъ записку слѣдующаго содержанія:

«Проситель въ ранцѣ, котораго ваше величество изволили прислать ко мнѣ,—службы вашей инженеръ подполковникъ Ляминъ,—пришелъ изъ-за границы и желаетъ вручить вашему величеству пакетъ. На всѣ убѣжденія мои не соглашается мнѣ оный отдать. — Что прикажете дѣлать, государь? Дежурный свиты В. В. г.-м. гр. Ржевускій».

Чрезъ нѣсколько минутъ камердинеръ возвратилъ мою записку съ слѣдующей, собственноручной, надписью государя:

«Отослать его съ офицеромъ линейныхъ казаковъ къ гр. Орлову. Подобнаго имени штабъ-офицера не было при мнѣ, а былъ, сколько мнѣ помнится, путей сообщенія подпоручикъ Ляминъ, сынъ здѣшняго садовника. Н.».

Будучи увѣренъ, что государь помнилъ-бы подполковника Лямина, если-бы тотъ дѣйствительно служилъ въ инженерахъ, я, отправляя его къ графу Орлову, на его дачу въ Стрѣльнѣ, замѣтилъ ему о несправедливомъ показаніи просителя. Тогда онъ объяснилъ, что былъ въ морскихъ инженерахъ. Когда я вечеромъ государю доложилъ объ этомъ, императоръ тотчасъ его вспомнилъ:

— „Такъ надо было мнѣ сказать, знаю, знаю;—онъ строилъ „Беллону", „Палладу»; и еще назвалъ государь имена какихъ-то кораблей, которыхъ уже не помню; „mais dans cet accoutement je ne l'aurais jamais reconnu" [1]), замѣтилъ онъ.

Этотъ примѣръ достаточно доказываетъ, какъ хорошо зналъ государь составъ своей арміи; но мнѣ случилось еще болѣе быть пораженнымъ необыкновенной памятью его. Когда разъ, на вечерѣ у императрицы, куда государь обыкновенно послѣ занятій въ своемъ кабинетѣ, часовъ въ 9, приходилъ, — между прочими разговорами кто-то вспомнилъ о полковникѣ Вильбоа, назначенномъ командиромъ Софійскаго полка, Государь сталъ разсказывать гдѣ этотъ офицеръ началъ службу, а затѣмъ, постепенно, перешелъ ко всѣмъ баталіоннымъ командирамъ 1-й дивизіи, называя ихъ по именамъ; далѣе, такимъ-же образомъ, назвалъ всѣхъ полковыхъ, баталіонныхъ и батарейныхъ командировъ 1-го, 2-го и 3-го корпусовъ.

---

[1]) Но въ этомъ нарядѣ я-бы никакъ его не узналъ.

Въ октябрѣ 1835 года, подъ Брестъ-Литовскомъ, государь производилъ смотръ и линейное ученье войскамъ 2-го пѣхотнаго корпуса, не въ полномъ его составѣ. Изъ артиллеріи находилась тамъ только 2-я конно-артиллерійская рота полковника Бобылева и 6-я артиллерійская бригада. Я тогда служилъ въ ней адъютантомъ,—разсказываетъ г. М. Нагорновъ,—и почти безотлучно находился при бригадномъ командирѣ, полковникѣ Гинцелѣ, въ свитѣ его величества. Здѣсь мнѣ привелось быть свидѣтелемъ эпизода, глубоко врѣзавшагося въ мою память и заслуживающаго вниманія потомства.

Съ нетерпѣніемъ ожидали мы наступленія 7-го и 8-го октября—дней, назначенныхъ для высочайшаго смотра и ученья. Первый прошелъ великолѣпно: императоръ остался совершенно доволенъ всѣми войсками и благодарилъ ихъ въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ. Началось линейное ученье. Почти въ самомъ его началѣ, государь приказалъ 2-й батарейной батареѣ, которою командовалъ капитанъ Карабановскій, наступать фронтомъ, не помню на какую-то деревушку, съ тѣмъ, чтобы, подойдя къ ней на извѣстное разстояніе, открыть огонь залпами изъ всѣхъ 12-ти орудій. Какъ теперь вижу передъ собою эту чудную, могу сказать безъ хвастовства, знаменитую батарею; этихъ закаленныхъ въ бояхъ людей, рослыхъ, крѣпко сложенныхъ, съ самою воинственною наружностію. На киверахъ у офицеровъ и солдатъ особые знаки за отличіе въ сраженіяхъ: „за храбрость"; этой батареѣ были даны двѣ серебряныя трубы, хотя въ пѣшей артиллеріи не полагалось никакихъ музыкальныхъ инструментовъ, кромѣ барабановъ. Офицерамъ были пожалованы, кажется, за послѣднюю турецкую кампанію, золотыя петлицы на воротники мундировъ.

Батарея двинулась впередъ стройно и быстро. Мѣстность была ровная. Недалеко отъ позиціи, на которой, по глазомѣру, слѣдовало артиллеріи остановиться и открыть огонь, поперегъ всего пути проходилъ неглубокій ровъ, шириною отъ трехъ до четырехъ аршинъ, а съ правой стороны—мостъ черезъ него на проселочной дорогѣ, ведущей въ деревню. Случайно находился въ это время при батареѣ начальникъ 2-й артиллерійской дивизіи, генералъ-маіоръ Ѳедоренко, не принимавшій, однако, непосредственнаго командованія на ученьи, такъ какъ здѣсь была въ сборѣ не вся его дивизія. Онъ слышалъ приказаніе, отданное государемъ, но, завидѣвъ впереди ровъ и мостъ, вздумалъ произвести импровизованный маневръ, т. е. обойти непреодолимое, по его мнѣнію, препятствіе. Скомандовавъ „справа въ одно орудіе", генералъ самъ повелъ батарею.

Два слова о личности генерала. Это былъ человѣкъ лѣтъ шестидесяти, далеко не воинственной наружности, но въ высшей степени

хладнокровный и храбрый въ сраженіяхъ. Пѣхотинецъ, отчаянно-плохой наѣздникъ, тяжело сидѣлъ, — ужъ, конечно, не на бойкомъ конѣ. Шляпу по формѣ онъ всегда носилъ чуть не на затылкѣ. Говорилъ съ сильнымъ малороссійскимъ акцентомъ, жестоко ударяя на буквѣ о. Отданное ли экспромтомъ приказаніе ближайшаго и строгаго по службѣ начальника, — такимъ считался Ѳедоренко, — или другія соображенія были тому причиною, только капитанъ Карабановскій не сдѣлалъ никакого возраженія. Не успѣли еще всѣ орудія перейти черезъ мостъ, какъ передъ глазами виновниковъ маневра является государь. Подъ нимъ была великолѣпная вороная лошадь; лицо Императора казалось нѣсколько сердито. Послѣ уже мы узнали, что онъ былъ разсерженъ какимъ-то безпорядкомъ въ пѣхотѣ: командиру одной бригады, генералъ-маіору Богданову-Калинскому сдѣлалъ выговоръ и выслалъ изъ фронта. Если память меня не обманываетъ, то въ вечернемъ же приказѣ этотъ генералъ былъ переведенъ во внутреннюю стражу.

Увидя государя, не только Ѳедоренко и Карабановскій, но даже субалтернъ-офицеры и простые артиллеристы инстинктивно поняли, что дѣло не ладно.

— „Что это? Что вы дѣлаете? Кто приказалъ?“ раздались звучныя, гнѣвныя слова государя.

— Ваше императорское величество,—началъ Ѳедоренко, поднявъ руку къ шляпѣ, почти закрывая лицо свое ладонью, точно желая укрыться отъ солнца,—встрѣтилось непредвидѣнное, непреодолимое препятствіе и я....

— „Гдѣ вы видите препятствіе? Въ этой канавѣ, что ли?“ прервалъ государь, и въ тоже мгновеніе, давъ шпоры своей лошади, перескочилъ ровъ, сдѣлалъ обратный скачокъ и продолжалъ: „Я не люблю, когда умничаютъ безъ толку. Я приказалъ вамъ наступать фронтомъ, быстро, а не терять время по пустякамъ. Какъ вы смѣли меня не послушать и перемѣнять мои распоряженія?“

— Ваше величество,—снова заговорилъ Ѳедоренко,—препятствіе, о которомъ.....

— „О которомъ не смѣйте мнѣ болѣе говорить, — я васъ предупреждаю! Хороша артиллерія, если будетъ останавливаться передъ всякой канавой! Это ни на что не похоже! Это срамъ! Какіе вы артиллеристы? Вамъ это не пройдетъ даромъ: батарейный командиръ, извольте отправляться подъ арестъ!“

Произнеся эти послѣднія слова, государь ускакалъ. Пыль взвилась изъ-подъ копытъ лошадей. Скоро она разсѣялась и многимъ изъ насъ показалось, что такъ же разсѣялись и наши мечтанія объ

ожидаемыхъ наградахъ. Однакожъ, главный, послѣ Ѳедоренки, виновникъ постигшаго насъ несчастнаго случая, капитанъ Карабановскій, не раздѣлялъ, повидимому, общаго мнѣнія. Проѣзжая въ вагенбургъ, хотя видимо взволнованный и разстроенный, онъ сказалъ одному офицеру: „Сегодня же вечеромъ я буду подполковникомъ". Должно быть, капитанъ Карабановскій лучше насъ зналъ сердце государя.

Между тѣмъ линейное ученье продолжалось. 4-й батарейной батареѣ представилось нѣсколько благопріятныхъ случаевъ выказать, съ самой выгодной стороны, свои качества: отличное знаніе артиллерійскаго дѣла, быстроту въ движеніяхъ и ловкость прислуги. Отъ вниманія государя не укрылось, что люди этой батареи молодцы въ полномъ смыслѣ слова, а лошади въ отличномъ тѣлѣ и хорошо пріѣзжены.

Линейное ученіе кончилось; многочисленная, блестящая свита собралась около государя. Тутъ были: фельдмаршалъ графъ Паскевичъ, Чернышевъ, шефъ жандармовъ графъ Бенкендорфъ, князь Горчаковъ и графъ Бергъ—будущіе фельдмаршалы; нѣсколько корпусныхъ командировъ, иностранныхъ офицеровъ и посланниковъ, въ числѣ послѣднихъ, конечно, неизбѣжный графъ Фикельмонъ въ своемъ бѣломъ мундирѣ. Не ручаюсь за свою память, а потому не смѣю сказать, кто именно изъ иностранныхъ принцевъ находился въ это время тоже въ свитѣ нашего государя, но что здѣсь былъ хоть одинъ нѣмецкій принцъ, и вѣрнѣе всего, прусскій—это почти не подлежитъ сомнѣнію.

По принятому обыкновенію, послѣ смотровъ, маневровъ и ученій, къ государю являлись, для выслушанія его замѣчаній, всѣ главные начальники дѣйствовавшихъ отдѣльныхъ частей войскъ. Государь сдѣлалъ обзоръ произведеннаго ученья. Въ самыхъ милостивыхъ выраженіяхъ онъ благодарилъ всю кавалерію, сказавъ, между прочимъ: „уланы и гусары молодцы, въ полномъ смыслѣ слова. Конною артиллеріей я особенно доволенъ и не могу ею достаточно нахвалиться. Полковникъ Бобылевъ изъ глазъ моихъ угадывалъ, чего я хочу. Про пѣхоту, къ сожалѣнію, не могу сказать того же: въ пѣшей артиллеріи не исполнили даже личнаго моего приказанія".

Не успѣлъ Государь произнести послѣднихъ словъ, какъ вниманіе его и окружающихъ было привлечено какимъ-то необычайнымъ движеніемъ и колебаніемъ лошадей въ стоявшей напротивъ его группѣ всадниковъ. Изъ среды ея продирался впередъ, расталкивая сосѣдей, стоявшій до сего въ заднихъ рядахъ свиты, генералъ Ѳедоренко. На лицахъ всѣхъ изобразился чуть не ужасъ. Густыя брови фельдмаршала Паскевича нахмурились; взглядъ военнаго министра,

князя Чернышева, хотѣлъ, казалось, пронзить дерзкаго, осмѣлившагося прервать рѣчь монарха. Но храбраго Ѳедоренко, рѣшившагося на смѣлый, быть можетъ, послѣдній въ своей жизни подвигъ, уже не могли остановить, пожалуй, и настоящіе громы и молніи. Блѣдный какъ смерть, съ поднятою къ шляпѣ рукою, онъ почти мгновенно очутился лицомъ къ лицу съ государемъ.

— „Что вамъ угодно?" строго спросилъ императоръ.

— Ваше императорское величество,—отвѣчалъ Ѳедоренко, слегка дрожащимъ голосомъ, — осмѣливаюсь доложить вамъ, что припятствіе, по которому артиллерія не могла перейти рва, было непреодолимо....

Государь прервалъ рѣчь генерала: „Ваше препятствіе—вздоръ"! сказалъ онъ; „вы сами это видѣли. Я не хочу болѣе о немъ слышать".

— Ваше величество, осмѣливаюсь объяснить вамъ.... началъ было снова Ѳедоренко, но государь не далъ ему кончить:

— „Я вамъ приказываю, сударь, молчать! Я не намѣренъ болѣе слушать вашихъ пустыхъ отговорокъ"! строго произнесъ императоръ, сопровождая слова эти движеніемъ, которое показывало, что онъ желаетъ продолжать свои прерванныя замѣчанія войскамъ.

Изъ сотни лицъ, — не нашлось бы, я думаю, ни одного, кто осмѣлился бы, послѣ этихъ суровыхъ словъ императора Николая Павловича, возвысить свой голосъ. Но неукротимый генералъ Ѳедоренко почувствовалъ и понялъ въ эту критическую минуту, что наступилъ мигъ, который долженъ рѣшить всю его будущность. Поблѣднѣвъ, если можно, еще болѣе, взволнованнымъ, почти раздирающимъ, но громкимъ голосомъ онъ вскричалъ:

— Государь, прошу меня выслушать!

Этотъ дерзкій возгласъ поразилъ ужасомъ всѣхъ присутствующихъ. Государь какъ будто вздрогнулъ; изъ глазъ его блеснулъ гнѣвъ; брови его нахмурились. Съ секунды на секунду всѣ ждали бури, — зная вспыльчивость государя. Но онъ переломилъ себя и громко, звучно и спокойно произнесъ:

— „Извольте говорить."

Изъ груди генерала Ѳедоренко вырвалось спертое дыханіе, точно она освободилась отъ давившей ее страшной тяжести. Переведя духъ, онъ началъ:

— Ваше императорское величество изволили прогнѣваться, что 4-я батарейная батарея 6-й бригады не исполнила вашего приказанія и остановилась передъ дрянной канавой. Никто не виноватъ въ томъ, кромѣ меня одного. Я вообразилъ себѣ, что на ученьи дозволяется принять и пустое препятствіе за непреодолимое, и что не мѣшаетъ

поэтому сдѣлать лишнее построеніе. Вотъ почему я и повелъ батарею въ обходъ по мосту. Но какъ вы могли подумать, государь, что такая артиллерія, какъ ваша, не перейдетъ, когда захочетъ, такого дряннаго рва?[1]). Развѣ мало походовъ мы сдѣлали?—Развѣ такія препятствія переходили?—Эта батарея была за Дунаемъ;—она перешла Балканскія горы! Есть ли у кого больше наградъ отъ васъ, государь, полученныхъ, какъ у четвертой батареи? На киверахъ у нея знакъ отличія за турецкую кампанію; вы пожаловали ей серебряныя трубы за храбрость, офицерамъ золотыя петлицы на мундиры. Я сдѣлалъ много походовъ, былъ въ кучѣ сраженій и, по совѣсти говорю, не видѣлъ людей храбрѣе!

По мѣрѣ приближенія къ концу этой смѣлой и краснорѣчивой защиты лицо государя прояснялось: видимо онъ былъ тронутъ. Нѣтъ сомнѣнія, что удачно вызванныя генераломъ воспоминанія о недавнихъ, славныхъ событіяхъ болѣе всего содѣйствовали къ тому, чтобы изгладить послѣдніе слѣды неудовольствія государя.

При послѣднихъ словахъ Θедоренко, Государь протянулъ ему руку и совершенно ласковымъ голосомъ сказалъ:

— „Ну полно, довольно,—я больше не сержусь ни на тебя, ни на твоихъ храбрыхъ артиллеристовъ. Беру свои слова назадъ,—помиримся".

Полагаю не лишнимъ сказать въ заключеніе, что вечеромъ былъ подписанъ высочайшій приказъ, которымъ генералъ-маіоръ Θедоренко производился въ генералъ-лейтенанты, а капитанъ Карабановскій въ подполковники. Большая часть офицеровъ нашей бригады была награждена и въ томъ числѣ пишущій эти строки....

---

[1]) Можетъ быть, все это сказано было нѣсколько иначе (одно слово «дрянной» я завѣдомо употребилъ вмѣсто дѣйствительно произнесеннаго генераломъ, неупотребительнаго въ печати), — но смыслъ рѣчи сохраненъ моей памятью вѣрно. **М. Н.**

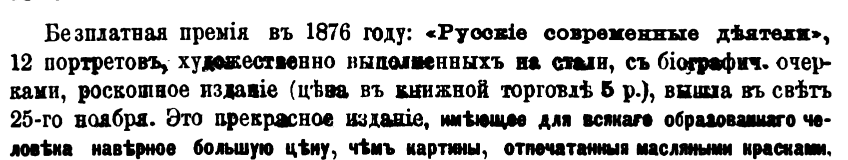
ОБЪЯВЛЕНІЯ.

1877, ГОДЪ XX.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ГАЗЕТА

(иллюстрированная недѣля)

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ВСѢХЪ И ОБО ВСЕМЪ



Безплатная премія въ 1876 году: **«Русскіе современные дѣятели»**, 12 портретовъ, художественно выполненныхъ на стали, съ біографич. очерками, роскошное изданіе (цѣна въ книжной торговлѣ 5 р.), вышла въ свѣтъ 25-го ноября. Это прекрасное изданіе, **имѣющее для всякаго образованнаго человѣка навѣрное большую цѣну, чѣмъ картины, отпечатанныя масляными красками**, можетъ быть доставлено каждому подписчику на 1877 годъ, въ роскошномъ переплетѣ и съ пересылкою, за 2 р. Безъ доставки 1 р. 75 к.

Для помѣщенія большихъ картинъ, Илл. Газета выходитъ въ форматѣ больш. заграничныхъ иллюстр. журналовъ, ежегодно 50 нумеровъ (1200 большихъ столбцовъ текста и множество роскошн. иллюстрацій); она печатается на веленевой бумагѣ. Наша газета, согласно своему заглавію: **«журналъ для всѣхъ и обо всемъ»**, помѣщаетъ на своихъ столбцахъ все сколько нибудь важное. Русскій отдѣлъ особенно замѣчателенъ. Въ 1877 г. будутъ даны **большіе портреты Царскаго семейства и въ каждомъ № оригинальныя русскія повѣсти**. За исключеніемъ «Всемірной Иллюстраціи», **Иллюстрированная Газета**, не взирая на свою дешевую цѣну—**самая полная русская иллюстрированная газета**. При каждомъ нумерѣ (въ форматѣ in-quarto) безплатное приложеніе, подъ заглавіемъ: **«Романы и Повѣсти»** (ежегодно 1200 столбцовъ текста), гдѣ помѣщаются самые выдающіеся иностранные романы, повѣсти и — новѣйшія **парижскія** моды 50 разъ.

Безплатными преміями выйдутъ: къ Пасхѣ—I томъ сборника: **Русскіе знаменитые дѣятели прошлаго времени»**; къ Рождеству—II т. сборника: **«Русскіе современные дѣятели»**. Каждый томъ будетъ содержать 12 портретовъ съ біографическими очерками.

Цѣна съ пересылкою 6 р. въ годъ. Кто съ **Иллюстрированною Газетою** выписываетъ любимый публикою **Иллюстрированный Вѣстникъ**, тотъ платитъ 3 р. больше. (**Иллюстрированный Вѣстникъ одинъ 3 р. 50 к.**). Приплативъ 1 р., подписчики получаютъ, съ пересылкою и въ роскошномъ переплетѣ, **Иллюстрированный календарь Баумана**, содержащій, кромѣ множества интересныхъ статей, описаніе **Славянской войны** съ 25 портретами и рисунками. Безъ доставки только 75 к. Адресовать: **Алексѣю Осиповичу Бауману, въ Петербургѣ, Захарьевская, № 27.**

Издатель **А. Бауманъ**. Редакторъ **В. Зотовъ**.

О ПРОДОЛЖЕНІИ ИЗДАНІЯ
ПРИ С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ
ВЪ БУДУЩЕМЪ 1877 ГОДУ:

I.
„ЦЕРКОВНАГО ВѢСТНИКА"

(еженедѣльнаго изданія).

Каждую недѣлю по субботамъ (за исключеніемъ Страстной недѣли) будетъ выходить номеръ «Церковнаго Вѣстника» (не менѣе, какъ въ два, а большею частію въ три обыкновенныхъ листа, печатанныхъ убористымъ шрифтомъ въ два столбца на страницѣ) съ офиціальною и неофиціальною частями.

II.
„ХРИСТІАНСКАГО ЧТЕНІЯ"

(мѣсячныхъ прибавленій).

Независимо отъ еженедѣльнаго изданія «Церковнаго Вѣстника», будутъ выходить ежемѣсячныя прибавленія, подъ названіемъ «Христіанскаго Чтенія». Редакція оставляетъ за собою право соединять, какъ было въ 1876 г. двѣ ежемѣсячныхъ книжки «Христіанскаго Чтенія» въ одну, отъ 17-ти до 22-хъ печатныхъ листовъ, выпуская ее, для удобства читателей, за два мѣсяца впередъ.

Цѣна за 51 номеръ «Церковнаго Вѣстника» съ прибавленіями «Христіанскаго Чтенія» (всего—больше 250 печатныхъ листовъ) остается прежняя—7 р. съ пересылкою и доставкою.

Отдѣльно: Еженедѣльное изданіе — съ пересылкою и доставкою — 5 р.; «Христіанское Чтеніе»—съ пересылкою и доставкою тоже — 5 р. Съ требованіями адресоваться: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію «Церковнаго Вѣстника» при С.-Петербургской Духовной Академіи.

Принимаются частныя объявленія для напечатанія въ «Церковномъ Вѣстникѣ»; цѣна за объявленія, въ виду печатанія «Церковнаго Вѣстника» болѣе чѣмъ въ 8,000 экземпляровъ, 20 коп. за мѣсто строчки петита за одинъ разъ и по 15 коп. за строку, если объявленіе печатается два и болѣе раза.

ложеніемъ географіи и карты Палестины. 2-е, исправл. и дополн. изданіе (1-е изд. одобрено Учен. Комитетомъ м-ства нар. пр.) Варшава. 1870. Ц. 80 к.

Исторія Израиля отъ сотворенія міра до возвращенія израильтянъ изъ Вавилонскаго плѣненія. П. Беера. Перевелъ и дополн. Авраамъ Солоновичъ. (Напеч. на русск. и евр. языкахъ). Варшава. (1870 ?). Ц. 40 к.

Краткое обозрѣніе Русскихъ расколовъ, ересей и сектъ. И. П. Липранди. М. 1870. Унив. тип. In-8°, 77 стр. 300 экз.

Семейная жизнь въ русскомъ расколѣ. Истор. очеркъ раскольнич. ученія о бракѣ. Экстраорд. проф. спб. дух. акад. И. Нильскаго. Вып. 2-й: Царств. имп. Николая I. Спб. 1870. Типогр. д-та Удѣловъ. In-8°, 256+IV стр. 1800 экз. Ц. 1 р. (1-й вып. вышелъ въ 1869 г.)

Скопцы или свѣдѣнія о русскихъ скопцахъ, извлеченныя изъ различныхъ документовъ и рукописей Ефимомъ Соловьевымъ. Кострома. 1870. Ц. 60 к.

Современныя лѣтописи раскола, изд. Н. Субботинымъ. Выпускъ II: Послѣдствія Бѣлокриницкаго собора 1868 г. и неожиданный исходъ ихъ. М. 1870. Унив. In-12°, LVIII + II + 192 стр. Ц. 75 к. 915 экз.

Что такое талмудъ. Этюдъ Эм. Дейтша, библіотекаря британскаго музея. Перевелъ съ 7-го изд. А. Е. Ландау. Спб. 1870. Ц. 50 к.

Американки XVIII вѣка. Составлено по мемуарамъ мистриссъ Эллетъ. М. К. Цебриковой. Спб. 1871. Тип. Ф. С. Сущинскаго. In-8°, 336 стр. 2000 экз. Ц. 1 р. 75 к.

Аристократія и буржуазія на югѣ послѣ Варѳоломеевской ночи. И. В. Лучицкаго. Спб. 1870. Ц. 60 к.

Братья Гракхи и ихъ законоположенія. Валеріана Запольскаго. М. 1871. 100 экз.

Введеніе въ курсъ исторіи главныхъ народовъ древняго міра и ихъ цивилизацій. А. Рославскаго-Петровскаго. Харьковъ 1870. Ц. 75 к.

Взглядъ на значеніе женщины въ исторической жизни народовъ. А. Зыбиной. I. Китай. М. 1860. Ц. 1 р.

Вилла Альберти. Новые матеріалы для характеристики литер. и обществ. перелома въ итальянской жизни XIV — XV стол. Критич. изслѣдованіе Александра Веселовскаго. М. 1870. Синод. тип. In-8°, XVIII+380 стр. 400 экз. Ц. 2 р. 50 к.

Война 1870 года. Очерки и матеріалы для историч. описанія. Кн. 1-я. М. Устинова. Тип. Почт. д-та. In-8°, VIII+296 стр. Ц. 1 р.

Восточный сборникъ. Томъ I, вып. 1-й. Спб. 1872. Ц. 50 к.

Историческія письма. П. Л. Миртова. Спб. 1870. Ц. 1 р.

Акты, издаваемые Виленскою Археографическою коммисіею. Томъ III: Акты Виленскаго городскаго суда. Вильна. 1870. Ц. 1 р. 50 к.

— Тоже. Томы IV и V. Вильна. 1872.

— Тоже. Томъ VI. Вильна. 1873. Тип. Губ. Правл. In-4°, LXIX + 593 + 77 стр. 400 экз.

— Тоже. Томъ VII: Акты Гродненскаго гороскаго суда. Вильна 1874. 600 экз. Ц. 2 р. 50 к.

Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи, собранные и изданные Археографич. коммисіею. Томъ VII: Акты 1657—1669 гг. Спб. 1872. Типогр. Пратца. In-4°, VIII+10+398 стр. 600 экз. Ц. 2 р. (Т. I, изд. 1863 г. ц. 2 руб., съ перес. 3 руб. Т. II, 1865 г. ц. 2 руб., съ перес. 3 руб. Т. III, 1865 г. ц. 3 руб., съ перес. 4 руб. 50 к. Т. IV, 1863 г. ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Т. V, 1868 г. ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Томы I, II и III т. распроданы).

Акты, собранные Кавказскою археографическою коммисіею, подъ редакціею Ад. П. Берже. Томъ III-й. Тифлисъ 1870. Ц. 25 р. съ перес. (Т. I-й изданъ въ 1866, а II-й—въ 1869 г. цѣна по 25 р. за томъ).

— Тоже. Томъ IV. Тифлисъ. 1870. Ц. 30 р.

— Тоже. Томъ V, часть 1-я. Тифлисъ. 1873. Ц. 30 р.

— Тоже. Томъ VI, часть 1-я. Тифлисъ 1874. Ц. 30 р.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ восьмой. ФЕВРАЛЬ. **1877 годъ.**

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ графа Александра Матвѣевича **Дмитріева-Мамонова**, гравировалъ на мѣди академикъ **И. П. Пожалостинъ**.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.
Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, № 90—1.
1877.

II-я книга „Русской Старины" вышла 1-го февраля.

Альбомъ рисунковъ русско-византійскаго стиля. А. А. Балашева. М. 1872. 1500 экз. Ц. 12 р.

Археологическая записка о Поганкиныхъ палатахъ. К. Г. Евлентьева. Съ приложеніями: 1) Вида палатъ и 2) Книги псковитянина посадскаго торговаго человѣка Сергѣя Иванова сына Поганкина. Псковъ. 1870. Тип. Губ. Правл. In-8°. 18 и 3 стр. Ц., безъ приложеній, 25 к.; съ прил.—65 к.

Археологическая топографія Таманскаго полуострова. Изслѣдованіе К. Герца. Съ 15-ю политипажами, одной хромолит. и 3-мя литогр. картами. Изд. Московск. Археологич. общ-ва. М. 1870. Ц. 2 р.

Археологическія письма къ Н. И. Гнѣдичу А. Н. Оленина. Спб. 1872. Тип. Академіи Наукъ. In-8°. 50 стр. и 4 листа рисунковъ.

Археографическій сборникъ документовъ, относящихся къ исторіи сѣверо-западной Руси, издаваемый при управленіи Виленскаго учебн. округа. Томъ VI. Вильна. 1870.— Томъ VII, собранный въ Несвижѣ и изданный П. Гильтебрантомъ и А. Миротворцевымъ. — Томъ VIII, собранный Л. Ф. Лукашевичемъ, Ю. С. Чеховичемъ, Д. Ф. Каширинымъ и изданный О. В. Щербицкимъ. Вильна. 1870.—Томъ IX. Вильна. 1870. Ц. по 1 р. за томъ. — Томъ X. Вильна. 1874. 625 экз. Ц. 2 р. 50 к. (т. I. 1867 г. ц. 1 р. т. II, 1868 г.).

Архивъ Виленскаго генералъ-губернаторства. Изд. Андрея Энгеля, при содѣйствіи К. Гомолицкаго. Томъ II, часть 1-я. Вильна. 1870. Ц. 3 р.

Архивъ князя Воронцова. Книга I: Бумаги графа Михаила Ларіоновича Воронцова. М. 1870. Тип. Мамонтова. In-8°. 656 стр. 2400 экз. Ц. 2 р. 50 к. Книга II: Бумаги гр. М. Л. Воронцова. М. 1871. Тип. Мамонтова. In-8°. 642 стр. 1400 экз. Ц. 2 р. Книга III: Бумаги гр. М. Л. Воронцова. М. 1871. Тип. Грачева. In-8°. 698 стр. 1600 экз. Ц. 2 р. Книга IV: Бумаги гр. М. Л. Воронцова. М. 1872. Тип. Іогансона. In-8°. 524 стр. 1000 экз. Ц. 2 р. Книга V: Бумаги гр. Александра Роман. Воронцова. Часть 1-. М. 1872. Типогр. Готье. In-8°. 479 ст 1000 экз. Ц. 2 р. Книги VI и VII: Бумаг госуд. канцлера гр. М. Л. Воронцов Царствованіе Елисаветы Петровн М. 1873—1874. 1000 экз. Ц. по 2 р. з книгу. Книги VIII, IX и X. М. 1874 - 1876. Ц. по 3 р. за книгу.

Архивъ Правительствующаго Сенат Томъ I: Опись именнымъ Высочайшим указамъ и повелѣніямъ императ. Петр Великаго, 1707 — 1725. П. Баранов Спб. 1872. Ц. 1 р. т. II. Опись Высочай шимъ указамъ и повелѣніямъ за XVII вѣкъ: 1725—1740. Ц. 3 р.; съ портретам (Екатерины I, Петра II и Анны Іоанн. Ц. 4 р.

Архивъ юго-западной Россіи, издаваемый временною коммисіею для разбора древнихъ актовъ, Высочайше учрежденною при Кіевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ генералъ - губернаторѣ. Часть VI-я: Акты объ экономическихъ и юридическихъ отношеніяхъ крестьянъ въ XVII вѣкѣ (1700 — 1799). Томъ I. Кіевъ. 1870. Ц. 2 р. Часть VI-я, томъ II. Кіевъ 1870. Ц. 2 р. Томъ IV, часть 1-я. Акты объ Уніи и состояніи Правосл. Церкви съ половины XVII вѣка (1648 — 1798). Кіевъ. 1871. Универс. тип. In-8°. 746 стр. 800 экз. Ц. 2 р. Томъ V, часть 1-я. Кіевъ. 1872.

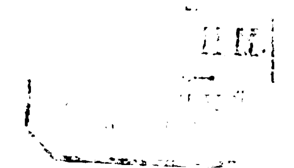
Бумаги Флорентинскаго центральнаго архива, касающіяся Россіи. Итальянскіе и латинскіе подлинники, съ русскимъ переводомъ. Графа М. Д. Бутурлина. М. 1871. Тип. Грачева. In-8°. IV, IV, 360, 447, XVI стр. 250 экз. Ц. 4 р.

Историческіе и юридическіе акты XVII и XVIII столѣтій, собранные Мих. Ив. Семевскимъ. М. 1870. Унив. тип. In-8°. IV, 88 стр. 100 экз. Ц. 50 к.

Краткія свѣдѣнія о достопримѣчательнѣйшихъ предметахъ, находящихся въ Патріаршей или Синодальной ризницѣ. Іосифа. М. 1870. Синод. тип. In-8°, 18 стр. 5000 экз.

О зырянскихъ деревянныхъ календаряхъ и о пермской азбукѣ, изобрѣтенной св. Стефаномъ. П. И. Савваитова. М.

Графъ Александръ Матвѣевичъ Мамоновъ.



ВОЛНЕНІЯ КРѢПОСТНЫХЪ КРЕСТЬЯНЪ

ПРИ ЕКАТЕРИНѢ II.

1762—1789.

Положеніе крѣпостныхъ крестьянъ въ царствованіе Екатерины II было до такой степени невыносимо, что гнетъ помѣщичьей власти непремѣнно долженъ былъ отъ времени до времени вызывать реакцію въ крѣпостномъ населеніи. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ мы имѣемъ очень мало свѣдѣній объ волненіяхъ помѣщичьихъ крестьянъ въ эту эпоху. Настоящій очеркъ имѣетъ цѣлью до нѣкоторой степени пополнить этотъ пробѣлъ.

I.

Побѣги. - Пріемъ бѣглыхъ помѣщиками.—Грабежи.—Убійства помѣщиковъ.

Крѣпостнымъ крестьянамъ не легко было начать какое либо волненіе: помѣщикъ или его управляющій постоянно зорко слѣдили за ними и, при малѣйшей попыткѣ къ волненію, съ ними расправлялись весьма безцеремонно. Вслѣдствіе этого, крестьяне не всегда рѣшались на открытое сопротивленіе, а въ большинствѣ случаевъ сначала пассивно выражали свой протестъ, спасаясь бѣгствомъ отъ помѣщичьяго произвола. Бывалъ и иной исходъ: постоянныя притѣсненія помѣщика до такой степени раздражали крѣпостныхъ, что, наконецъ, одинъ или нѣсколько смѣльчаковъ рѣшались на свой страхъ избавить товарищей отъ притѣснителя и убивали его. Если же жизнь всѣхъ крестьянъ того или дру-

гаго владѣльца была слишкомъ тяжела, то волненіе охватывало цѣлую вотчину. Всѣ подобные протесты обусловливались однѣми и тѣми же причинами и они на столько тѣсно связаны между собой, что, прежде чѣмъ приступить къ разсказу о волненіяхъ, мы считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о побѣгахъ крестьянъ и насильственной смерти помѣщиковъ.

Побѣги были стариннымъ средствомъ русскаго народа спасаться отъ разныхъ «неудобоносимыхъ» общественныхъ тягостей; изстари Донъ и Запорожье наполнялись бѣглецами изъ Россіи. Въ XVIII вѣкѣ русскіе крестьяне бѣжали въ Пріуральскій край, въ Сибирь, въ Астрахань, на Кавказъ и, наконецъ, за границу, въ Польшу. Побѣги въ Польшу приняли такіе размѣры, что правительство должно было обратить на нихъ вниманіе, и императрица Екатерина, вскорѣ по вступленіи на престолъ, старалась манифестами, обѣщающими прощеніе, возвратить на родину огромныя толпы русскихъ бѣглецовъ, значительную часть которыхъ составляли крѣпостные крестьяне.

Хотя многіе изъ бѣглецовъ дѣйствительно возвратились изъ Польши, но такъ какъ для облегченія положенія крѣпостныхъ правительство не сдѣлало ничего, то побѣги продолжались и послѣ этого. Укажемъ на нѣкоторые примѣры. Весною 1763 г., многіе помѣщичьи крестьяне Псковской провинціи «не малымъ числомъ» бѣжали въ Польшу, и тамъ, соединившись въ большія партіи, обратно переходили русскую границу, но уже не съ цѣлью возвращенія на родину, а чтобы раззорять псковскихъ помѣщиковъ. Въ томъ же году, изъ Новгородской губерніи ушло за польскій рубежъ около ста семей, въ которыхъ было до 500 душъ обоего пола. Въ 1766 г. бѣжало изъ Петербургской губерніи пять семей крестьянъ Трубецкаго, въ которыхъ было болѣе 40 душъ обоего пола; они захватили съ собой всѣ свои пожитки, скотъ и хлѣбъ. Когда они ночью пріѣхали въ одну деревню, ихъ ожидало тамъ множество крестьянъ помѣщика Ганнибала. Всего собралось такимъ образомъ до 50-ти семей и всѣ онѣ отправились въ Польшу. Нѣкоторые крестьяне покинули Россію уже послѣ манифеста 13-го мая 1763 г. о бѣглыхъ, надѣясь, что, по возвращеніи, ихъ поселятъ въ дворцовыхъ волостяхъ. Но такъ какъ это было обѣщано только бѣжавшимъ до 4-го декабря 1762 г., то такихъ императрица приказывала возвращать помѣ-

щикамъ. Естественно, что всего болѣе крестьянъ и дворовыхъ бѣжало у тѣхъ помѣщиковъ, которые отличались особенною жестокостью. Такъ, напримѣръ, въ селѣ помѣщика Карташева (Владимірской губерніи), гдѣ было прежде полтораста жителей, оказалось въ послѣдствіи «малое число», не смотря на то, что онъ каждый годъ переводилъ туда крестьянъ изъ другихъ своихъ вотчинъ. Волненія казенныхъ крестьянъ въ сосѣдней мѣстности также отражались на крѣпостныхъ. Рычковъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что въ іюлѣ 1763 г. изъ принадлежавшаго ему села Спасскаго бѣжало около 20-ти чел. крестьянъ. Семеро изъ нихъ явились въ Оренбургъ и заявили въ губернской канцеляріи, что они не крѣпостные, а вольные. Канцелярія не повѣрила этому и пока отъ помѣщика были получены необходимыя свѣдѣнія, ихъ отдали въ каторжную работу. Тогда одни изъ ихъ товарищей сами воротились изъ бѣговъ, другіе же были переловлены, и дѣло кончилось тѣмъ, что они были наказаны въ помѣщичьемъ селѣ кнутомъ или плетьми. Нужно думать, что въ этомъ случаѣ поводомъ къ побѣгу крестьянъ послужило обширное волненіе горнозаводскаго населенія, охватившее въ это время весь Пріуральскій край.

Такъ какъ правительству далеко не всегда удавалось разыскивать бѣглецовъ, то помѣщики иногда были не прочь войти съ ними въ добровольную сдѣлку, чтобы только какимъ нибудь способомъ залучить ихъ обратно. Одинъ помѣщикъ нашелъ возможнымъ обратиться съ этою цѣлью даже къ посредству печати. Въ 1761 г., онъ сдѣлалъ такое заявленіе въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ»:

«Коллежскій совѣтникъ... Удаловъ изъ покупнаго его Нижегородскаго уѣзда села Фроловскаго изъ деревень бѣжавшимъ дворовымъ людямъ и крестьянамъ отъ какихъ либо несносныхъ непорядковъ... чрезъ сіе даетъ знать свое намѣреніе въ пользу ихъ и свою, чтобъ они возвращались на прежнее свое жилище, или-бъ здѣсь являлись у него въ С.-Петербургѣ; онъ будетъ принимать ихъ со всякимъ къ нимъ вспомоществованіемъ... и содержаны будутъ впредь въ добромъ порядкѣ, безъ отягощенія, и тѣмъ были бъ неизмѣнно увѣрены».

Если бѣгство крѣпостныхъ было явленіемъ обычнымъ, то не менѣе обычно было и то, что помѣщики, не смотря на цѣлый

рядъ запретительныхъ указовъ, издаваемыхъ правительствомъ, принимали къ себѣ бѣглыхъ. Но если владѣлецъ, послѣ долгихъ поисковъ, находилъ своихъ крестьянъ, онъ вчиналъ искъ противъ виновнаго въ укрывательствѣ и требовалъ съ него «пожилыхъ» денегъ, которыя, если бѣглый скрывался долго, составляли весьма значительную сумму. Какъ всякое общественное зло создаетъ людей, умѣющихъ эксплоатировать его въ свою пользу, такъ и при этомъ явились крючкотворы, Чичиковы XVIII вѣка, которые нарочно скупали бѣглыхъ крестьянъ, съ тѣмъ, чтобы потомъ взыскать «пожилыя» деньги съ того, кто держалъ ихъ у себя. Любопытный примѣръ такой операціи мы видимъ изъ процесса Игнатьева съ Мельницкимъ.

Въ 1763 г., жена отставнаго сержанта Бестужева продала надворному совѣтнику Игнатьеву двухъ своихъ крестьянъ «съ женами и съ дѣтьми и со внучаты и со всѣми ихъ крестьянскими животы и съ пожилыми и заработными деньгами за 150 р.». Назначена была такая дешевая цѣна потому, что эти два крестьянина еще въ 1724 г., т. е. почти сорокъ лѣтъ тому назадъ, бѣжали изъ ея новгородскаго имѣнія и во время совершенія купчей жили въ Копорскомъ уѣздѣ Петербургской губерніи, въ имѣніи коллежскаго ассесора Мельницкаго. Немедленно послѣ того Игнатьевъ началъ противъ Мельницкаго дѣло въ петербургской губернской канцеляріи. Истецъ требовалъ возвращенія крестьянъ и уплаты пожилыхъ денегъ. Оказалось, что одинъ изъ крестьянъ умеръ въ 1763 году, а другой въ 1758 году; поэтому и Игнатьевъ настаивалъ на уплатѣ ему «пожилыхъ» за перваго изъ крестьянъ за 39 лѣтъ, а за втораго—за 34½ года, по 100 рубл. на годъ [1]), что̀ составляло весьма значительную сумму въ 7,375 р. Нужно замѣтить, что въ то время, когда эти крестьяне поселились въ Копорскомъ уѣздѣ, имѣніе, гдѣ они жили теперь, принадлежало не Мельницкому, а генералу Бутурлину, который уже потомъ продалъ его Мельницкому. Петербургская губернская канцелярія рѣшила это дѣло такимъ образомъ: женъ этихъ двухъ крестьянъ и четырехъ сыновей «съ ихъ женами и дѣтьми и съ братьями и сестрами дѣвками, которыя съ ними въ одних домахъ живутъ..... со всѣми ихъ крестьянскими животы и съ хлѣ-

---

[1]) На основаніи указа 13-го мая 1754 года

бомъ стоячимъ и въ землѣ посѣяннымъ отдать во крестьянство истцу Игнатьеву». Мельницкій не только долженъ былъ отвезти ихъ на своихъ подводахъ въ вотчину Игнатьева, но и платить за нихъ подати до новой ревизіи «съ пуста»; убытки же свои и пожилыя деньги Игнатьевъ долженъ былъ искать не съ Мельницкаго, а съ прежняго владѣльца имѣнія, Бутурлина. Обѣ стороны остались недовольны рѣшеніемъ и дѣло по аппеляціи поступило въ контору юстицъ-коллегіи. Игнатьевъ доказывалъ, что ему слѣдуетъ получить деньги именно съ Мельницкаго, однако и здѣсь дѣло не получило окончательнаго рѣшенія и тянулось послѣ того еще цѣлыхъ 10 лѣтъ. Окончательно оно было рѣшено суднымъ приказомъ только въ 1776 г., такимъ образомъ, что Мельницкій долженъ былъ заплатить пожилыя деньги съ 1746 г., т. е. съ того времени, когда онъ купилъ имѣніе, а за время съ 1724 г. по 1746 г. ихъ должны были внести наслѣдницы покойнаго генерала Бутурлина. Такимъ образомъ Игнатьевъ, истративъ полтораста рублей на покупку крестьянъ, получилъ теперь за нихъ болѣе семи тысячъ: изъ того видно, какъ выгодны были въ то время подобныя операціи.

Разныя истязанія, которымъ помѣщики подвергали своихъ крестьянъ и дворовыхъ, иногда доводили ихъ до самоубійства, но болѣе энергичные люди рѣшались лучше отомстить самимъ помѣщикамъ: поджигали ихъ имѣнія, били, грабили и, наконецъ, даже убивали своихъ владѣльцевъ.

Въ концѣ 1767 г., въ Костромской губерніи, восемь человѣкъ дворовыхъ и крестьянъ секундъ-маіора Витовтова, вооруженные дубинами и кольями, ворвались ночью въ домъ помѣщика, схвативъ его за волосы, ударили объ полъ, таскали и избили его такъ, что онъ послѣ того исповѣдался и причастился, а потомъ бѣжали. Въ томъ же году, жена верстаннаго помѣстнымъ окладомъ канцеляриста Протопопова жаловалась свіяжской провинціальной канцеляріи, что нѣсколько ея крестьянъ не повинуются ей и даже побили ея мать. Она просила сыскать ихъ и наказать одного кнутомъ, а другихъ плетьми. Желаніе ея было исполнено, и послѣ наказанія крестьяне были возвращены помѣщицѣ. Если побоямъ подвергались сами помѣщики, то тѣмъ болѣе это случалось съ ихъ прикащиками. Въ томъ же 1767 г., нѣсколько крестьянъ графа Андр. Петров. Шувалова, Петербург-

свой губерніи, такъ избили прикащика, что онъ черезъ 12 дней умеръ. Хотя они не повинились и доказывали, что это сдѣлали ихъ рабочіе, которые бѣжали, однако губернская канцелярія рѣшила наказать одного изъ нихъ плетьми, а остальныхъ батогами, а затѣмъ разыскивать и «настоящихъ убійцъ».

Нерѣдко выведенные изъ терпѣнія крестьяне рѣшались на убійство помѣщика. Извѣстно замѣчаніе Екатерины на слова Сумарокова, что помѣщики спокойно живутъ въ своихъ вотчинахъ: «и бываютъ отчасти зарѣзаны отъ своихъ», прибавила императрица. Сиверсъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «съ какими ужасными отношеніями приходилось мнѣ имѣть дѣло во время первыхъ годовъ моей службы въ званіи губернатора огромной Новгородской губерніи. Я не хочу сказать, сколько дворянъ было умерщвлено, сколько преступниковъ наказано, сколько отправлено въ Сибирь, часто по одному требованію господина. Въ слѣдующія 14 лѣтъ только одинъ помѣщикъ заплатилъ жизнью за свою ужасную жестокость».

Любопытно, что, по свидѣтельству одного современника, особенно много помѣщиковъ было убито крестьянами въ 1767 г.; какъ увидимъ ниже, вообще крѣпостные крестьяне въ этомъ году волновались во многихъ мѣстахъ. Современникъ, заявляющій объ этомъ фактѣ, объясняетъ его тѣмъ, что въ Вольно-экономическомъ обществѣ былъ поднятъ вопросъ о дарованіи крестьянамъ правъ собственности на землю, а также въ коммисіи уложенія нѣкоторые депутаты коснулись крестьянскаго вопроса. Но задача Вольно-экономическаго общества едва ли могла быть извѣстна крестьянамъ, а въ коммисіи уложенія пренія, возбужденныя депутатами Коробьинымъ и другими, происходили въ 1768 г. Мы думаемъ, что если ужъ приводить въ связь волненія крѣпостныхъ съ коммисіею уложенія, то скорѣе можно думать, что не тѣ или другія пренія въ ней, а самый фактъ созванія коммисіи могъ подать поводъ къ этимъ волненіямъ, какъ онъ отозвался и на нѣкоторыхъ горнозаводскихъ крестьянахъ, но и тутъ между тѣми и другими крестьянами было различіе. Тогда какъ крестьяне, приписанные къ горнымъ заводамъ, отправили своихъ депутатовъ въ коммисію и не хотѣли работать до полученія отъ коммисіи рѣшенія на свои требованія, крѣпостные были лишены даже права заявить свои жалобы; однако движеніе и говоръ по поводу выборовъ депута-

товъ казенными крестьянами могъ взволновать и ихъ. Мы привели выше нѣсколько случаевъ относительно 1767 г., какъ крестьяне избили своихъ помѣщиковъ. Въ этомъ же году намъ извѣстенъ и одинъ случай убійства: крѣпостные крестьяне Шуйскаго уѣзда помѣщика Собакина зарѣзали его жену, а самого господина жестоко избили. Приведемъ нѣсколько другихъ фактовъ. Дворовый человѣкъ ярославскаго помѣщика Мотовилова отравилъ свою госпожу. На слѣдствіи онъ сначала повинился въ этомъ, а потомъ взялъ свое показаніе назадъ. Поэтому, въ октябрѣ 1768 г., было послано представленіе московскому губернатору Юшкову—не слѣдуетъ ли его пытать? Но пока былъ полученъ отвѣтъ, подсудимый умеръ. Въ 1769 г., одна дворовая дѣвушка обвинялась въ убійствѣ своей помѣщицы и въ кражѣ; такъ какъ она во всемъ этомъ заперлась, то, по рѣшенію губернатора Маслова, она была пытана.—Вотъ что разсказываетъ Болотовъ объ убійствѣ одной своей родственницы въ 1769 г.: «Она была вдова и жила со своею дочерью..... бывшею уже невѣстою, въ своей коломенской деревнѣ; собственные ея люди, подъ видомъ разбойниковъ, вломились къ ней въ домъ и, истиранивъ звѣрски, убили ее и съ дочерью безчеловѣчнымъ образомъ, злясь на нее за то, что она съ ними нѣсколько строга была». Поплатился жизнью и генералъ-аншефъ Н. М. Леонтьевъ, на котораго, въ 1767 г., крестьяне подавали челобитную императрицѣ, и съ которымъ сенаторъ П. И. Панинъ вызвался переговорить о томъ, чтобы онъ «старался пользоваться правомъ господства, послѣдуя человѣколюбію и принимая въ разсужденіе силы крестьянскія въ обложеніи ихъ оброками и работами». Но, какъ видно, онъ не обратилъ вниманія на это предостереженіе, и вотъ, въ 1769 г., въ своей тульской деревнѣ онъ былъ убитъ выстрѣломъ изъ окна. Сенатъ, получивъ объ этомъ извѣстіе отъ его шурина, извѣстнаго П. Д. Еропкина, высказалъ весьма вѣроятное предположеніе, что Леонтьева убили его собственные люди, и предписалъ, арестовавъ тѣхъ, которые были при немъ безотлучно, прислать для наистрожайшаго изслѣдованія въ юстицъ-коллегію въ Москву.

Въ 1769 г., въ Петербургѣ, было сдѣлано покушеніе на убійство жены генералъ-маіора Василія Храповицкаго, матери секретаря императрицы, составителя извѣстнаго дневника. Дѣло было такимъ образомъ. На Пасхѣ въ этомъ году дворовая дѣ-

вушка Алена Тиханова, которая находилась у своей госпожи «на верху», задумала удушить свою барыню вслѣдствіе того, что, по показанію этой дѣвушки на слѣдствіи, она «какъ до нея, такъ и до прочихъ своихъ крѣпостныхъ людей весьма зла..... завсегда ихъ безвинно бьетъ и моритъ голодомъ». Она тотчасъ же подговорила къ тому и другую «верховую» дѣвушку; затѣмъ обѣ онѣ заговорили объ этомъ съ кучеромъ Савеліемъ. Тотъ сначала отказывался принять участіе въ исполненіи ихъ замысла, но онѣ продолжали усиленно упрашивать, доказывая ему, что, когда онѣ задушатъ свою госпожу, жить имъ будетъ гораздо свободнѣе, а объ убійствѣ никто не узнаетъ: онѣ объявятъ, что она умерла скоропостижно. Кучеръ, наконецъ, согласился и, въ свою очередь, подговорилъ парикмахера Леонтія Мосѣева. Всѣ они условились удушить госпожу въ слѣдующую же ночь. Въ первомъ часу по полуночи они отправились къ ея спальнѣ, но дверь была заперта такъ крѣпко, что ея нельзя было отворить. Нужно было отложить исполненіе своего намѣренія. Прошло дней пять и въ это время заговорщики успѣли подговорить еще двухъ человѣкъ. Въ ночь на 1-е мая, Алена Михайловна Храповицкая легла спать въ 12-мъ часу, почитала еще въ кровати, а потомъ, погася восковую свѣчу и засвѣтя ночную, заснула. Черезъ нѣсколько времени послѣ того ее разбудилъ шумъ. Дверь отворили и она увидѣла своего парикмахера Левку. Ее ударили по лицу, потомъ схватили за горло и стали душить. Храповицкая, отдернувъ руки набросившихся на нее людей, успѣла закричать; хотя никто не отвѣчалъ, однако слуги скоро послѣ того выбѣжали вонъ. Черезъ нѣсколько минутъ генеральша, лишившаяся было чувствъ, пришла въ себя и побѣжала въ дѣтскую. Въ домѣ тотчасъ же поднялась тревога и виновныхъ схватили. Храповицкая подала заявленіе въ главную полиціймейстерскую канцелярію и вслѣдъ затѣмъ розыскная экспедиція начала слѣдствіе. Виновные чистосердечно сознались во всемъ. Оказалось, что парикмахеръ Леонтій зажималъ своей госпожѣ ротъ, двое мужчинъ душили ее, одна дѣвушка держала за ноги, а та, которая задумала убійство, сторожила въ сосѣдней комнатѣ, чтобы предупредить остальныхъ въ случаѣ тревоги. Они не успѣли исполнить своего намѣренія, такъ какъ услышали крики женщины, разбуженной призывомъ на помощь. Къ слѣдствію привлекли еще нѣсколько человѣкъ,

обвиняемыхъ въ недонесеніи. Все дѣло велось чрезвычайно быстро, и мѣсяца черезъ полтора былъ произнесенъ слѣдующій приговоръ: хотя шесть главныхъ преступниковъ, на основаніи морскаго устава и воинскаго артикула, слѣдовало казнить смертью, но, въ виду сенатскаго указа 30-го сентября 1754 г., наказать ихъ кнутомъ: двумъ дѣвушкамъ дать по 25-ти ударовъ, парикмахеру Леонтію и еще двумъ мужчинамъ по 45-ти, кучеру 35; мужчинамъ вырѣзать ноздри и наложить клейма и затѣмъ всѣхъ сослать въ Нерчинскъ, въ тяжкую работу. Кромѣ того, за недонесеніе были наказаны: двое мужчинъ по 15-ти ударовъ, одна дѣвушка 10-ю ударами кнутомъ, одинъ несовершеннолѣтній—плетьми. Была наказана плетьми за недонесеніе даже та женщина, которая первая подняла тревогу и такимъ образомъ спасла жизнь Храповицкой. По наказаніи обвиненныхъ, шестеро изъ нихъ были сосланы въ Сибирь, а остальные возвращены помѣщицѣ.

Въ этомъ процессѣ обвиняемыми явились по большей части люди весьма молодые: дѣвушкѣ, задумавшей убійство, и парикмахеру было всего по 20-ти лѣтъ. Иногда въ такихъ дѣлахъ участвовали даже и дѣти. Такъ, напримѣръ, по дѣлу объ убійствѣ помѣщицы Карташовой, Пошехонскаго уѣзда, были арестованы одна дѣвочка 11-ти лѣтъ и мальчикъ 12-ти лѣтъ. Рѣшеніе ихъ участи было предоставлено на усмотрѣніе сената, который, въ 1771 г., предписалъ: дѣвочку «за умыселъ общій съ дворовыми людьми къ убивству своей помѣщицы, что ими въ самомъ дѣлѣ и исполнено», а мальчика за недонесеніе, на основаніи указа 2-го мая 1765 г. [1]), наказать розгами и затѣмъ освободить изъ-подъ караула. Въ дѣлѣ о задушеніи помѣщицы Некрасовой, Казанской губерніи, были замѣшаны двѣ дѣвочки 12-ти и 14-ти лѣтъ; сенатъ, въ 1776 г., ссылаясь на тотъ же указъ, велѣлъ наказать ихъ розгами и кромѣ того сослать на поселеніе въ Сибирь.

---

[1]) Этимъ указомъ сенатъ предписалъ по уголовнымъ дѣламъ считать подсудимыхъ несовершеннолѣтними до 17-ти лѣтъ, при чемъ обвиненныхъ отъ 15-ти до 17-ти лѣтъ наказывать плетьми, а отъ 10-ти до 15-ти—розгами.

II.

Волненія крѣпостныхъ при Петрѣ III.—Волненія крестьянъ Тульской губерніи Евдокима Демидова, 1758—1762 г.—Различныя волненія 1763 г.

Царствованіе Петра III было началомъ новой эпохи въ исторіи дворянства: манифестомъ 18-го февраля 1762 г. дворяне были освобождены отъ обязательной службы. Казалось, что періодъ закрѣпощенія разныхъ сословій въ интересахъ государства оканчивался, и что не одни дворяне могли расчитывать на совершенное измѣненіе своего положенія. Помѣстья раздавались въ былое время служилымъ людямъ для того, чтобы, пользуясь съ нихъ доходами, они имѣли средства исполнять свои служебныя обязанности. Съ цѣлью обезпечить доходъ мелкому дворянству, было совершено и прикрѣпленіе крестьянъ. Если уничтожалась обязательность службы дворянъ, то, казалось, слѣдовало бы прекратить и обязательныя отношенія крестьянъ къ помѣщикамъ. Манифестъ дѣйствительно возбудилъ въ крѣпостныхъ такія надежды, и между ними разнеслись слухи о близкомъ освобожденіи. Когда эти слухи дошли до правительства, оно, 19-го іюня 1762 г., объявило, что крестьяне должны по прежнему повиноваться помѣщикамъ. Такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже началось движеніе среди крѣпостнаго населенія, то въ Клинскій и Тверской уѣзды, гдѣ волновались крестьяне Татищева и Хлопова, была послана команда въ 400 человѣкъ съ 4-мя пушками и кирасирскій полкъ Виттена. Самъ Виттенъ поскакалъ по почтѣ въ Тверь съ повелѣніемъ, чтобы, по усмиреніи крестьянъ въ этихъ двухъ уѣздахъ, войско было отправлено въ другія мѣста. Волненіе дѣйствительно вспыхнуло во многихъ мѣстностяхъ: у Татищева крестьяне срыли и разбросали хоромы; у Хлопова разграбили домъ, житницы съ хлѣбомъ и оброчныя деньги, а помѣщикамъ послали сказать, чтобы они къ нимъ не ѣздили. У Татищева волновалось 700 душъ, у Хлопова 800. Кромѣ того, начались волненія бѣлевскихъ крестьянъ Зыбина (340 душъ), галицкихъ княгини Долгоруковой (2,000 душъ), каширскихъ Балкъ-Полева (950 душъ), тульскихъ и епифанскихъ Офросимова (650 душъ), волоколамскихъ Дмитріева-Мамонова (400 душъ). Со стороны крестьянъ Татищева и Хлопова войско встрѣтило энергическое сопротивленіе:

въ происшедшемъ сраженіи трое крестьянъ были убиты, двѣнадцать ранены. За то и крестьяне ранили одного офицера, захватили въ плѣнъ 64 солдата. Впрочемъ, продержавъ ихъ три дня, они отправили ихъ назадъ въ Тверь. Кромѣ того, въ Вяземскомъ уѣздѣ волновались крестьяне князей Долгоруковыхъ (1,000 душъ); они прибили и ограбили прикащиковъ и просили сенатъ приписать ихъ къ дворцовымъ волостямъ. Нѣкоторые изъ этихъ крестьянъ были усмирены уже при Екатеринѣ II.

Черезъ нѣсколько дней по вступленіи на престолъ, императрица обнародовала манифестъ, который былъ буквальнымъ повтореніемъ манифеста Петра III: «Понеже благосостояніе государства, согласно божескимъ и всенароднымъ узаконеніямъ, требуетъ», сказано было въ немъ, «чтобы всѣ и каждый при своихъ благонадежныхъ имѣніяхъ и правотахъ сохраняемъ былъ, такъ какъ и напротивъ того, чтобы никто не выступалъ изъ предѣловъ своего званія и должности, то и намѣрены мы помѣщиковъ при ихъ владѣніяхъ и имѣніяхъ ненарушимо сохранять, а крестьянъ въ должномъ имъ повиновеніи содержать». Но такъ какъ не дѣйствовала даже ссылка на «божескія узаконенія», будто бы требовавшія сохраненія крѣпостнаго права, то для усмиренія крестьянъ князей Долгоруковыхъ, въ Вяземскомъ уѣздѣ, былъ отправленъ князь Вяземскій, тотъ самый, которому вслѣдъ затѣмъ было поручено прекратить волненіе уральскихъ горнозаводскихъ крестьянъ. Военный отрядъ князя Вяземскаго встрѣтилъ толпу около 2,000 человѣкъ. Вооруженные рогатинами, крестьяне бросали въ солдатъ камнями и полѣньями, но войско отвѣчало пальбою изъ пушекъ. До 20-ти человѣкъ крестьянъ было убито и не менѣе ранено. Послѣ того крестьяне смирились и зачинщики были арестованы.

Какъ усмирялись волненія крѣпостныхъ крестьянъ, всего лучше видно изъ слѣдующаго случая. Въ 1756 г., село Русаново, Алексинскаго уѣзда Тульской губерніи (744 души), принадлежавшее женѣ кн. П. И. Репнина, рожденной графинѣ Головкиной, было продано статскому совѣтнику Никитѣ Демидову. Такъ какъ у Демидова по сосѣдству были другія вотчины, то крестьяне должны были знать его крутой нравъ и потому не захотѣли повиноваться новому владѣльцу. Нужно замѣтить, что вообще весьма часто происходили волненія при переходѣ имѣнія

изъ однѣхъ рукъ въ другія [1]). Когда, для отказу этого имѣнія Демидову, пріѣхалъ изъ вотчинной коллегіи отказчикъ, съ командою и понятыми, они впустили ихъ на господскій дворъ, а затѣмъ били ихъ, хотѣли зажечь хоромы, гдѣ они остановились, выгнали ихъ вонъ и въ отказъ не пошли. Для усмиренія крестьянъ былъ посланъ прапорщикъ съ военнымъ отрядомъ, но крестьяне не позволили имъ въѣхать въ село Русаново, грозясь убить ихъ. Два священника и крестьяне сказали, что Демидова и дѣтей его слушать не будутъ. Демидовъ довелъ объ этомъ до свѣдѣнія сената и тотъ отправилъ для усмиренія крестьянъ секундъ-маіора Веденяпина. При немъ было 260 чел. солдатъ. Для «отказа» Демидову села Русанова, Веденяпина сопровождалъ регистраторъ вотчинной коллегіи. Алексинская воеводская канцелярія отправила одного подпрапорщика и двухъ канцеляристовъ съ 30-ю служилыми людьми собрать въ уѣздѣ понятыхъ и отправиться къ селу Русанову въ распоряженіе Веденяпина. Они собрали около 200 человѣкъ. Кромѣ того, прикащики Демидова, Утятовы, привели изъ другой его вотчины до 700 чел. Въ концѣ февраля 1758 г., какъ правительственное войско, такъ и эти толпы крестьянъ подошли къ селу Русанову. Веденяпинъ съ четырьмя сопровождавшими его офицерами три раза ѣздилъ въ Русаново, объявилъ данный ему указъ и уговаривалъ крестьянъ, но они его не послушали. Вслѣдъ затѣмъ началось кровавое побоище. О немъ существуетъ два совершенно противоположныхъ свидѣтельства. Вотъ какъ разсказывали объ этомъ дѣлѣ повѣренные русановскихъ крестьянъ, допрошенные понятые и другіе очевидцы.

Прикащики Демидова, узнавъ, что крестьяне продолжаютъ стоять на своемъ, просили Веденяпина, чтобы онъ позволилъ имъ распорядиться съ крестьянами такъ, какъ имъ приказалъ ихъ господинъ. Веденяпинъ уговаривалъ прикащиковъ дать крестьянамъ время одуматься и даже сказалъ, что ему не велѣно поступать съ ними «военною рукою»; но прикащики рѣшили иначе. Они подпаивали крестьянъ привезеннымъ съ собою виномъ и по-

[1]) Въ 1751 г., Никита Демидовъ купилъ у кн. Репнина имѣніе въ Обоянскомъ уѣздѣ; крестьяне не дали отказать себя за Демидова. Въ слѣдующемъ году было очень большое волненіе въ Рамадановской волости Калужской провинціи, купленной Евдокимомъ Демидовымъ у графа Головкина къ своимъ желѣзнымъ заводамъ.

томъ, разъѣзжая передъ ними верхомъ, съ обнаженными кортиками, велѣли имъ бить ослушниковъ чугунными дубинами, насаженными на шесты, и кидать въ нихъ каменьями, привезенными на 20-ти возахъ. Приведенные крестьяне Демидова, набравъ каменьевъ за пазухи и въ полы, напали на русановскихъ крестьянъ, хотя тѣ вовсе не хотѣли вступать въ драку. Войско не участвовало въ схваткѣ, но въ то же время Веденяпинъ не принялъ никакихъ рѣшительныхъ мѣръ, чтобы помѣшать этой бойнѣ.

Совершенно иное говорятъ офиціальные источники; вотъ какъ разсказано это дѣло въ сенатскомъ указѣ 18-го декабря 1762 г., вѣроятно, на основаніи донесеній Веденяпина. Когда войско подошло къ селу, вооруженные крестьяне съ двумя пушками выѣхали къ нему на встрѣчу и отвѣчали маіору и посланнымъ отъ него, что они готовы всѣ помереть, а въ село его не впустятъ, за Демидовымъ быть не хотятъ и въ отказъ не идутъ. Когда, не смотря на это, военный отрядъ сталъ вступать въ село, крестьяне напали на него, стали стрѣлять изъ ружей и пушки, которая была потомъ у нихъ отнята, и ранили двухъ офицеровъ, многихъ драгунъ и солдатъ, а также и лошадей. Когда они увидѣли прикащиковъ Демидова и бывшихъ съ ними крестьянъ, то напали на нихъ, «били смертно и перебились въ кровь, такъ что напослѣдокъ и сами межъ собою дралися съ тѣми крестьяны, кои въ противности на драку идти не хотѣли, смертно, и кололись», такъ что, будто бы, военная команда должна была ихъ разнимать. Войско, наконецъ, вступило въ село, крестьяне были приведены въ послушаніе и отказаны за Демидова.

Если сравнить оба эти столь различные разсказа, мы придемъ къ убѣжденію, что ни тотъ, ни другой не заключаютъ въ себѣ полной истины. Изъ сенатскаго указа видно, что крестьяне не стояли такими агнцами, какъ это хотятъ представить свидѣтели, допрошенные на слѣдствіи, хотя, въ виду полнаго противорѣчія двухъ различныхъ разсказовъ, трудно сказать, кто первый началъ схватку. Но, съ другой стороны, весьма подозрительно и совершенное выгораживаніе изъ дѣла прикащиковъ Демидова, тогда какъ всѣ свидѣтели единогласно говорятъ, что они подпаивали приведенныхъ съ собою крестьянъ и сами, верхомъ и съ кортиками въ рукахъ, предводительствовали своею импровизированною арміею.

Какъ бы то ни было, дѣло кончилось весьма кроваво. Тридцать крестьянъ села Русанова было убито на мѣстѣ, 33 человѣка ранено такъ тяжело (у многихъ были проломлены головы), что всѣ они умерли. Остальныхъ крестьянъ переловили и, связавъ, держали подъ карауломъ. Тогда приведенные крѣпостные Демидова и посторонніе крестьяне стали свозить мертвыя тѣла и смертельно раненыхъ въ господскую конюшню. На третій день послѣ побоища убитые были похоронены при церкви села Русанова священникомъ одного сосѣдняго погоста, такъ какъ мѣстные священники находились въ это время подъ арестомъ за то, что совѣтовали не слушаться Демидова. Послѣ того арестованные крестьяне были освобождены; но военная команда и всѣ понятые еще недѣли три стояли тутъ постоемъ.

Крестьяне села Русанова не забыли жестокаго избіенія своихъ товарищей, и въ царствованіе Петра III они подали, въ маѣ 1762 г., челобитную, въ которой прямо обвиняли Евдокима Демидова въ умерщвленіи крестьянъ, убитыхъ во время описаннаго побоища. «Во время того Демидова владѣнія..... сыномъ его, Евдокимомъ Демидовымъ, убито до смерти 63 человѣка, а одного человѣка еще, положа на разженую горячую чугунную доску, билъ кнутьями и пережегъ руку, отчего лежалъ при смерти 12 недѣль, и какъ выздоровѣлъ, то сослалъ на сибирскіе свои заводы, и 12 человѣкъ отдалъ въ солдаты, а отъ достальныхъ имѣющихся за нимъ во владѣніи крестьянъ всѣ крестьянскіе пожитки и скотъ рогатый и прочее отобралъ къ себѣ и насъ именованныхъ мучитъ денно и нощно, какъ мужескъ, такъ и женскъ полъ въ работахъ безъ всякаго пропитанія. И земля наша пахатная и сѣнные покосы лежатъ въ пустѣ, отчего пришли въ крайнее раззореніе и нищету и дневной пищи лишились, да и опасны и впредь, чтобъ онымъ Евдокимомъ Демидовымъ не были перебиты и всѣхъ до смерти не пережегъ бы на чугунныхъ доскахъ подъ битьемъ кнутьями». Крестьяне просили отписать ихъ на государя. Къ сожалѣнію, они повредили себѣ тѣмъ, что изложили свою просьбу весьма неточно: по ихъ челобитной выходило, что будто Евдокимъ Демидовъ самъ убилъ крестьянъ. Нѣкоторые другіе факты были изложены также не совсѣмъ вѣрно.

Императоръ приказалъ сенату разсмотрѣть это дѣло и тотъ назначилъ для этого слѣдствія подполковника кн. Енгалычева.

Но не успѣла коммисія начать своихъ дѣйствій, какъ на престолъ вступила Екатерина II. Енгалычевъ не поѣхалъ въ Алексинъ и ждалъ новаго указа. Между тѣмъ Евдокимъ Демидовъ подалъ въ сенатъ прошеніе, въ которомъ заявлялъ, что челобитчики, возвратившись изъ Петербурга въ село Русаново, доставшееся ему послѣ отца, разгласили, будто они принесли съ собою именной указъ и такимъ образомъ возмутили всѣхъ крестьянъ. Поэтому они не слушаютъ прикащика, обязались клятвою быть заодно и отказались идти работать на его Дугненскій желѣзный заводъ, такъ что заводскія работы остановились. Демидовъ просилъ усмирить крестьянъ и наказать зачинщиковъ. Съ своей стороны, тульская провинціальная канцелярія донесла сенату, что сначала, для увѣщанія крестьянъ Демидова, Алексинское духовное правленіе посылало священниковъ; но крестьяне отвѣчали имъ, что до окончанія слѣдствія не будутъ слушать своего помѣщика. Тогда алексинская канцелярія послала убѣждать крестьянъ отставнаго секундъ-маіора Спицына. Они отвѣчали, что на заводъ Демидова посылаютъ на работу по 207 человѣкъ, да, кромѣ того, въ Русановѣ нѣкоторые изъ нихъ ходятъ работать на господскій дворъ. А когда господинъ ихъ потребовалъ еще 50 человѣкъ, то они не дали, такъ какъ у нихъ подана просьба на него въ сенатъ, и потому опасаются, чтобы Демидовъ по злобѣ за это не разослалъ ихъ въ свои дальніе заводы, да и впредь не дадутъ рабочихъ, пока не получатъ рѣшенія по своему челобитью. Получивъ эти свѣдѣнія, сенатская контора 28-го августа приказала Енгалычеву отправиться на слѣдствіе.

По пріѣздѣ въ Алексинъ, онъ велѣлъ крестьянамъ черезъ воеводскую канцелярію выбрать изъ себя человѣкъ 30 «лучшихъ» людей; посланные отъ канцеляріи не должны были вмѣшиваться въ этотъ выборъ. Черезъ недѣлю явились 30 выборныхъ и, кромѣ того, добровольно пришли 89 крестьянъ села Русанова. Они подтвердили въ коммисіи, что все написанное въ ихъ челобитной сущая правда. Для веденія дѣла, кромѣ двухъ крестьянъ, подававшихъ челобитную, они выбрали еще троихъ, и затѣмъ всѣ, кромѣ пяти повѣренныхъ, были распущены по домамъ съ обязательствомъ никуда не отлучаться. Начались допросы повѣренныхъ и разныхъ свидѣтелей. Прежде всего ока-

залось, что «смертное убивство учинено не самимъ Евд. Демидовымъ», а только «подлинно съ его приказанія». Относительно наказанія одного крестьянина повѣренный показалъ, что въ 1759 г. на Дугненскомъ заводѣ Демидова высѣкли кнутьями крестьянина Филиппова на чугунной доскѣ, которая бываетъ всегда горяча, такъ какъ находится близь самаго устья доменной печи, причемъ ему пережгли руку. Крестьянинъ былъ наказанъ по приказанію прикащика Красноглазова, который, чтобы скрыть это дѣло, отправилъ его на сибирскіе заводы Демидова.

На вопросъ о томъ, на какія работы ихъ посылаетъ Демидовъ, повѣренный отвѣчалъ: «На желѣзныхъ заводахъ денно и нощно, какъ мужескъ, такъ и женскъ полъ мучилъ, иногда съ перемѣною, а по большей части въ работахъ бывали все той вотчины крестьяне по немалому времени, за что имъ хотя и производилась отъ него, Демидова, плата, только самая малая». Крестьяне же въ теченіе цѣлыхъ 4-хъ лѣтъ, съ 1758 по 1762 г., не пахали своей пашни и не косили покосовъ и только въ последній годъ засѣяли землю. Четыре другихъ выборныхъ показали буквально тоже самое. Мало того, когда Енгалычевъ пріѣхалъ въ село Русаново, всѣ крестьяне подтвердили ихъ показанія и заявленія своихъ товарищей, приходившихъ въ коммисію. Отъ работы на заводѣ крестьяне по прежнему отказывались.

Енгалычевъ продолжалъ слѣдствіе. Понятые и другіе очевидцы побоища (въ февралѣ 1758 г.) показали всѣ согласно съ русановскими крестьянами. Послали на Дугненскій заводъ за прикащиками Утятовыми и Красноглазовымъ, но не нашли ихъ: Красноглазовъ былъ на Авзяно-Петровскомъ заводѣ и, какъ извѣстно изъ другихъ источниковъ, страшно мучилъ тамъ горнозаводскихъ крестьянъ, а Утятовы были неизвѣстно гдѣ.

Въ декабрѣ 1762 г., слѣдствіе, производимое Енгалычевымъ, было неожиданно прервано сенатскимъ указомъ, которымъ было прямо приказано «оную коммисію отставить». Причиною этой мѣры было выставлено то, что крестьяне жаловались на убійство 63-хъ человѣкъ самимъ Демидовымъ, между тѣмъ какъ на слѣдствіи оказалось, что это сдѣлано его прикащиками и только будто бы по его приказанію, а что во время побоища 1758 г. было убито много крестьянъ, то, по мнѣнію сената, въ этомъ виноваты они сами, такъ какъ отказывались тогда слушаться Деми-

дова, да и теперь продолжаютъ упорствовать. По донесенію Демидова, они выгнали изъ села его прикащика; бьютъ тѣхъ, которые заявили готовность работать на заводѣ; не даютъ возить къ нему собственный его хлѣбъ, а только варятъ пиво и пьянствуютъ. Кромѣ того, они возмутили крестьянъ Лихвинской вотчины Демидова села Гущина[1]), такъ что тѣ отказались отъ всякихъ работъ. Поэтому сенатъ предписалъ военной коллегіи отправить въ Алексинскую и Лихвинскую вотчины Демидова воинскую команду съ штабъ-офицеромъ, который долженъ сначала всячески уговаривать крестьянъ, прочесть имъ указы, изданные по поводу волненій, и если все это не подѣйствуетъ, то поступить съ ними «по всей строгости законовъ». Что касается жалобъ крестьянъ на наказаніе одного изъ нихъ кнутьями на горячей чугунной доскѣ, то по этому поводу сенатъ замѣчаетъ: «хотя оные крестьяне имъ, Демидовымъ, и покупные, почему за непослушаніе по винамъ ихъ и наказывать ихъ можетъ, однако же объявленное наказаніе не есть родъ обыкновеннаго наказанія, но безчеловѣчнаго мученія». Поэтому Енгалычеву было поручено развѣдать, дѣйствительно ли крестьянинъ былъ высѣченъ такимъ образомъ. А что крестьяне жалуются на Демидова, что онъ отдалъ 12 человѣкъ въ солдаты за другія деревни, что онъ отбираетъ у остальныхъ пожитки и мучитъ ихъ работами, то эти жалобы слѣдуетъ оставить безъ послѣдствій, такъ какъ, по словамъ сената, «когда они его крѣпостные, то онъ въ томъ надъ ними власть имѣетъ».

Получивъ этотъ указъ, Енгалычевъ отправилъ на Дугненскій заводъ одного канцеляриста, чтобы онъ близь завода у постороннихъ людей, а также и у тамошнихъ жителей, развѣдалъ объ этомъ наказаніи крестьянина и отобралъ свѣдѣнія за подписью. Нельзя не замѣтить, что это важное обстоятельство Енгалычевъ долженъ былъ бы изслѣдовать самъ, а не поручать какому-то канцеляристу, котораго было легко подкупить. Другой канцеляристъ былъ отправленъ въ село Русаново. Онъ долженъ былъ созвать крестьянъ на сходку, съ тѣмъ, чтобы они выбрали до 20-ти чел. «лучшихъ» людей и отправили вмѣстѣ съ нимъ въ Алексинъ въ слѣдственную коммисію для выслушанія вновь по-

[1]) Тамъ были волненія еще въ 1757 г.

лученнаго сенатскаго указа. На Дугненскомъ заводѣ заводскіе мастеровые показали, что въ 1760 г. крестьянинъ Филиппо въ, по приказанію прикащика Красноглазова, былъ высѣченъ ѣзжалыми кнутьями на холодномъ чугунномъ полу, а не на разозженной доскѣ и притомъ рука у него не была повреждена. Посторонніе люди также видали его послѣ того здоровымъ. Жители же села Русанова не дали пріѣхавшему къ нимъ канцеляристу выбрать крестьянъ для выслушанія въ Алексинѣ сенатскаго указа, сказавъ, что данная ему инструкція составлена на Дугненскомъ заводѣ въ угоду Демидову, да что и сенатскій-то указъ составленъ Енгалычевымъ въ Тулѣ, вмѣстѣ съ самимъ Демидовымъ.

На этомъ прекратилась дѣятельность коммисіи Енгалычева. По слѣдствію выходило, что заявленія крестьянъ въ ихъ челобитной были не совсѣмъ точны. Но нѣтъ никакого сомнѣнія, что ихъ положеніе было крайне тяжелое. Это доказывается ихъ долгимъ, упорнымъ сопротивленіемъ, а кромѣ того подтверждается и сравненіемъ съ тѣмъ, что испытывали даже государственные крестьяне на Авзяно-Петровскомъ заводѣ (на Уралѣ), принадлежавшемъ тому же Евд. Демидову. О томъ, какимъ образомъ было окончательно подавлено непослушаніе этихъ крестьянъ, мы не нашли никакихъ свѣдѣній.

Въ началѣ 1763 г., было волненіе среди крѣпостныхъ крестьянъ Пошехонскаго уѣзда помѣщиковъ Мотова, Красильникова и помѣщицы Ермолаевой. Пошехонская воеводская канцелярія донесла сенату, что они «посланной изъ отставныхъ командѣ и понятымъ не дались». Сенатъ отослалъ это донесеніе въ московскую губернскую канцелярію, такъ какъ сенатскимъ указомъ 19-го ноября 1762 г. было велѣно, что если произойдутъ гдѣлибо ослушанія крѣпостныхъ крестьянъ, то губернаторы и воеводы могутъ сами требовать войско отъ военной коллегіи и затѣмъ поступать на основаніи указовъ о волненіяхъ, изданныхъ 3-го іюля и 8-го октября. Это указываетъ на то, какимъ обычнымъ явленіемъ въ то время были волненія крѣпостнаго населенія. — Въ томъ же 1763 г., взбунтовались и были усмирены крестьяне Уфимскаго уѣзда генералъ-маіора Тевкелева. Зачинщиками оказались 14 человѣкъ и одинъ отставной солдатъ. Сенатъ приказалъ наказать крестьянъ по желанію помѣщика и вновь отдать ему, а солдата публично наказать плетьми. — Въ

Новгородскомъ уѣздѣ въ Бѣжецкой пятинѣ волновались крестьяне духовника императрицы, протоіерея московскаго Благовѣщенскаго собора Дубянскаго, князей Мещерскихъ и другихъ помѣщиковъ, всего до 600 человѣкъ.

III.

Издержки по усмиренію волненій падаютъ на крестьянъ. — Волненіе вслѣдствіе незаконныхъ дѣйствій администраціи.—Различныя волненія 1765—1769 гг.

Мы видѣли, что въ 1762 г. въ Клинскомъ и Тверскомъ уѣздахъ волновались крестьяне Хлопова и Татищева. Въ началѣ слѣдующаго года эти помѣщики подали челобитную, въ которой жаловались, что, не смотря на убытки, понесенные ими во время этихъ волненій, съ нихъ еще взыскиваютъ деньги, издержанныя во время усмиренія, именно за провіантъ, леченіе солдатъ и на прогонныя деньги курьерамъ, и просили сенатъ освободить ихъ отъ этого взысканія, такъ какъ «тѣ воинскія команды не ради одной ихъ пользы посланы, но по причинѣ многихъ разнымъ помѣщикамъ отъ крестьянъ противностей и съ высочайшей Е. И. В. милости, дабы чрезъ то чинимое ими возмущеніе скорѣе искоренить и крестьянъ въ должность и въ спокойствіе привесть, а другимъ къ тому поводъ пресѣчь». Сенатъ не только освободилъ отъ взысканія Хлопова, Татищева и другихъ помѣщиковъ, крестьяне которыхъ обнаруживали неповиновеніе, но и пожелалъ обобщить эту мѣру. Такъ какъ денежный штрафъ составляетъ для крестьянъ самое тяжелое наказаніе, то сенатъ предложилъ императрицѣ, чтобы, въ случаѣ новыхъ волненій помѣщичьихъ крестьянъ, кромѣ обычнаго наказанія, «дабы чувствительнѣе то имъ было», взыскивать съ нихъ еще деньги, издержанныя на ихъ усмиреніе. Такимъ образомъ сенатъ, составленный изъ дворянъ, старательно охранялъ интересы своего сословія. Императрица согласилась съ этимъ предложеніемъ и въ іюлѣ появился именной указъ, возлагавшій уплату издержекъ по усмиренію волненія на тѣхъ, кто въ нихъ участвовалъ, при чемъ говорилось уже не объ одних крѣпостныхъ, но вообще о всѣхъ крестьянахъ. Кромѣ того, въ военной коллегіи составлялись общія правила, которыми должны были впредь руководиться начальники военныхъ отрядовъ, посылаемыхъ для

усмиренія крестьянъ [1]). Но такъ какъ въ этихъ правилахъ нельзя было бы предусмотрѣть всевозможныхъ подробностей, обусловливаемыхъ мѣстностью и числомъ возставшихъ крестьянъ, то сенатъ предписалъ военной коллегіи, чтобы она каждый разъ въ этихъ случаяхъ давала письменныя инструкціи, «предостерегая притомъ, дабы возмутившіеся крестьяне, сколько возможно, безъ разоренія ихъ и пожоговъ, и особливо безъ кровопролитія, приводимы были въ послушаніе, развѣ ужъ необходимость востребуетъ употребить строгость».

Мы говорили уже, что волненія нерѣдко случались при переходѣ имѣнія отъ одного помѣщика къ другому. Для такого перехода было недостаточно составить купчую крѣпость и записать имущество за пріобрѣтателемъ въ вотчинной коллегіи: нужно было совершить такъ называемый **отказъ**, т. е. огласить о пріобрѣтеніи собственности на мѣстѣ. Послѣ совершенія формальнаго отказа крестьяне должны были быть въ полномъ послушаніи своему новому владѣльцу, но самый этотъ актъ весьма часто сопровождался безпорядками, которые иногда вызывались неправильными дѣйствіями самой администраціи. Вотъ что случилось въ Смоленской губерніи. Между секундъ-маіоромъ Шупинскимъ, съ одной стороны, и смоленскими шляхтичами Потемкиными — Петромъ-большимъ, Петромъ-меньшимъ и сестрою ихъ Авдотьею, съ другой, происходилъ споръ изъ-за крестьянъ. По челобитью Шупинскаго, вотчинная коллегія приказала «отставить» произведенную Потемкинымъ «дачу» на недвижимое имѣніе и отказныя книги. Такъ какъ среди крестьянъ замѣтно было волненіе, то, чтобы объявить предписаніе вотчинной коллегіи и арестовать виновныхъ, губернская канцелярія отправила военный отрядъ съ поручикомъ Головинымъ; но семья Потемкиныхъ, т. е. два брата и сестра, подговорили крестьянъ не слушаться команды. Произошла схватка и трое изъ крестьянъ были убиты. Тогда

[1]) Въ полномъ своемъ составѣ эта инструкція намъ неизвѣстна. Мы знаемъ только, что въ 4-мъ пунктѣ было сказано, что если крестьяне не послушаютъ увѣщаній, то слѣдуетъ зажечь на гумнахъ въ разныхъ мѣстахъ солому и сѣно, а въ 8-мъ пунктѣ: если крестьяне не оставятъ ослушанія и «на команду жестокое нападеніе чинить будутъ и безъ пролитія крови обойтись будетъ никакъ не можно», то такомъ случаѣ поступить съ ними «всѣмъ воинскимъ обрядомъ, яко съ противниками Е. И. В. указовъ: стрѣлять по нимъ картечами».

Потемкины и 13 человѣкъ крестьянъ были арестованы, привезены въ губернскую канцелярію и тутъ трое изъ нихъ наказаны кнутомъ, а 10 плетьми. Петръ-большой Потемкинъ, служившій въ полку Смоленской шляхты, былъ отосланъ къ генералъ-маіору Лыкошину, чтобы судить его военнымъ судомъ, а о томъ, что дѣлать съ его младшимъ братомъ и сестрой, губернская канцелярія послала, въ январѣ 1764 г., запросъ въ сенатъ. Однако сенатъ нашелъ, что губернская канцеляріи дѣйствовала въ этомъ дѣлѣ совершенно неправильно: вотчинная коллегія рѣшила уничтожить дачу, прежде произведенную Потемкинымъ [1]), а кому именно владѣть этимъ недвижимымъ имѣніемъ, того въ ея указѣ сказано не было, поэтому губернская канцелярія не должна была наказывать крестьянъ и передавать ихъ во владѣніе Шупинскому, за которымъ они еще не были утверждены вотчинною коллегіею, тѣмъ болѣе же «весьма не надлежало» посылать туда военную команду, вслѣдствіе отправки которой было убито нѣсколько человѣкъ, а слѣдовало только послать въ имѣніе какого нибудь подъячаго и объявить объ «отставкѣ» дачи, произведенной Потемкинымъ. Поэтому сенатъ приказалъ юстицъ-коллегіи потребовать по этому дѣлу отвѣтъ отъ губернской канцеляріи и представить сенату о томъ, какому она подлежитъ наказанію, а до рѣшенія этого дѣла Петра-большаго Потемкина военнымъ судомъ не судить и освободить изъ-подъ караула. Вмѣстѣ съ тѣмъ сенатъ предалъ суду военной коллегіи поручика Головина, но послѣдняя нашла, что Потемкины первые подговаривали крестьянъ къ ссорѣ и дракѣ, и что Головинъ и его команда не виновны и потому просила, чтобы Головину дана была «надлежащая сатисфакція» надъ Потемкиными. Что касается виновности губернской канцеляріи, то юстицъ-коллегія до 1767 г. не давала никакого отвѣта на предписаніе сената; поэтому онъ наконецъ подтвердилъ ей поскорѣе разсмотрѣть это дѣло, а о Потемкиныхъ, если только они не состояли на военной службѣ, произнести рѣшеніе смоленской губернской канцеляріи.

Въ 1765 году волновались крестьяне Тамбовскаго уѣзда помѣщика секундъ-маіора Фролова-Багрѣева. Для усмиренія ихъ

---

[1]) «Дачею» называлась записка имущества за пріобрѣтателемъ въ вотчинной коллегіи.

была послана команда, но имъ помогли сосѣдніе дворцовые крестьяне, и потому они могли дать сильный отпоръ. Одинъ поручикъ былъ убитъ и 12 солдатъ ранено. Въ слѣдующемъ году сенатъ предписалъ за убитаго поручика и раненыхъ солдатъ, если они окажутся неспособными къ службѣ, взять изъ семействъ зачинщиковъ рекрутъ безъ зачета, и со всѣхъ взыскать деньги, издержанныя на отправленіе войска. Слѣдствіе по этому дѣлу производилось такъ медленно, что тамбовская провинціальная канцелярія была даже за это оштрафована, но и послѣ не разъ приходилось побуждать ее поторопиться рѣшеніемъ.

Крѣпостные крестьяне нетерпѣливо ожидали отъ правительства какой нибудь мѣры въ ихъ пользу, а потому охотно вѣрили разнымъ ложнымъ слухамъ, удовлетворявшимъ этимъ ожиданіямъ. Въ 1766 г., нѣкоторые крестьяне подали въ главную дворцовую канцелярію челобитную, въ которой заявляли, будто будто бы указомъ, изданнымъ въ этомъ году, предписано «за тягчайшими отъ помѣщиковъ оброками, коихъ платить не въ состояніи», отписывать ихъ на имя императрицы. Но такого указа никогда не было и составитель челобитной показалъ въ сенатѣ, что онъ самъ его не видалъ, а упомянулъ о немъ въ прошеніи только по наслышкѣ, за что и былъ нещадно наказанъ.

Сенатъ продолжалъ уговаривать крестьянъ безпрекословно повиноваться своимъ помѣщикамъ, но волненія не только продолжались, а еще болѣе усиливались. Предписывая присылать донесенія о «происходящихъ отъ крестьянъ и крѣпостныхъ людей противъ ихъ помѣщиковъ возмущеніяхъ и смертоубійствахъ, такожъ и другихъ тому подобныхъ приключеніяхъ», сенатъ говоритъ обо всемъ этомъ въ своемъ указѣ, какъ о явленіяхъ весьма обыкновенныхъ. Дѣйствительно, волненія особенно усилились въ 1767 г.

Помѣщики были такъ напуганы, что иногда преждевременно поднимали тревогу. Лѣтомъ 1767 г., помѣщикъ Копорскаго уѣзда капитанъ баронъ Черкасовъ, извѣстилъ письменно сенатора В. И. Суворова, что между крестьянами ходитъ слухъ, будто бы есть указъ, чтобы помѣщики заставляли своихъ крѣпостныхъ работать на барщинѣ только по одному дню въ недѣлѣ, а остальные дни крестьяне могутъ работать на себя. Слухъ этотъ держался такъ упорно, что въ сосѣднемъ имѣніи кн. Козловскаго

народъ взбунтовался и избилъ прикащика, а крестьяне принадлежащей ему, Черкасову, мызы также весьма склонны къ возмущенію. Сенатъ отправилъ въ имѣніе Черкасова капитана Литвинова. Оказалось, что крестьяне Черкасова, услышавъ отъ какого-то проходившаго мимо солдата, что есть указъ, которымъ предписано помѣщикамъ кормить крестьянъ и не заставлять ихъ работать болѣе двухъ дней,—собравшись человѣкъ 30, отправились къ сотскому и спрашивали, нѣтъ ли у него такого указа или «въ инструкціи пункта»? Когда сотскій отвѣчалъ, что ничего объ этомъ не знаетъ, то крестьяне просили его написать отъ ихъ имени челобитную въ петербургскую губернскую канцелярію, чтобы имъ не работать болѣе двухъ дней, причемъ они говорили, что у другихъ сотскихъ такой указъ есть, да и въ дворцовыхъ волостяхъ теперь дана льгота въ работахъ. Они высказывали при этомъ подозрѣніе, что такой указъ есть и у него и что онъ не объявляетъ его только потому, что сдружился съ ихъ прикащикомъ. Однако, возвратясь послѣ того домой, крестьяне продолжали работать на барщинѣ. Относительно крестьянъ кн. Козловскаго прикащикъ заявилъ, что они никакого возмущенія не дѣлали и безпрекословно исполняли барщину, а только однажды, на сходкѣ, нѣсколько крестьянъ сказали ему: «ты насъ не кормишь, а на работу посылаешь, а есть такіе указы, чтобы помѣщикамъ и прикащикамъ крестьянъ кормить, а кто кормить не станетъ, тѣхъ отпишутъ ко государю». Литвиновъ возвратился въ Петербургъ и донесъ сенату, что никакого возмущенія онъ не нашелъ.

Однако, одновременно съ этимъ мнимымъ волненіемъ, происходило много дѣйствительныхъ. Въ первыхъ числахъ мая 1767 г., во время путешествія императрицы по Волгѣ, крестьяне Кашинскаго уѣзда трехъ братьевъ Олсуфьевыхъ подали государынѣ челобитную на своихъ господъ. Императрица приказала объявить имъ, чтобы они по прежнему слушались своихъ помѣщиковъ, но крестьяне рѣшительно отказались. Они перестали работать на помѣщика и, собравъ значительную денежную сумму, послали выборнаго отъ себя въ Москву подать жалобу. Однако вскорѣ къ нимъ прислали пѣхотный полкъ, который и усмирилъ ихъ. 130 человѣкъ главныхъ зачинщиковъ было арестовано и отправлено въ кашинскую канцелярію. Изъ нихъ одни были наказаны кну-

томъ и плетьми по желанію Олсуфьевыхъ, а объ остальныхъ было представлено на усмотрѣніе московской губернской канцеляріи.

Въ томъ же году помѣщикъ Сергѣевъ подалъ прошеніе въ свіяжскую провинціальную канцелярію, въ которомъ заявилъ, что крестьяне въ его деревняхъ въ Чебоксарскомъ и Кокшайскомъ уѣздахъ «отъ него отложились и находятся въ прекрайнемъ ему непослушаніи и въ отбывательствѣ отъ него изъ холопства и никакихъ работъ на него не работаютъ, а деревни Сергѣевки крестьяне уже и отъ подушнаго платежа отреклись и многіе изъ нихъ находятся въ бѣгахъ». Онъ просилъ послать въ его деревню команду, допросить его людей подъ пристрастіемъ, кѣмъ они возмущены и наказать виновныхъ кнутомъ. Когда отправленная въ свіяжскую канцелярію команда подъѣзжала къ деревнѣ Сергѣева, его крестьяне, на помощь къ которымъ пришли сосѣди—крѣпостные помѣщика Кушникова, вышли на встрѣчу командѣ съ дубьемъ, копьями, рогатинами, топорами и, не смотря на то, что ихъ было всего человѣкъ 50, прогнали высланныхъ противъ нихъ солдатъ. Черезъ нѣсколько времени, команда, вмѣстѣ съ помѣщикомъ Сергѣевымъ и усиленная солдатами изъ сосѣднихъ уѣздовъ, вновь отправилась въ ту же деревню усмирить крестьянъ, но на этотъ разъ, къ своему величайшему удивленію, они никого не нашли въ помѣщичьемъ домѣ, ни въ крестьянскихъ дворахъ; оказалось, что всѣ жители съ женами и дѣтьми бѣжали и скрывались у крестьянъ сосѣднихъ помѣщиковъ. Только по ночамъ они большою толпою возвращались домой, забирали хлѣбъ и кое-какія пожитки и затѣмъ вновь уѣзжали. Такимъ образомъ команда должна была ни съ чѣмъ возвратиться назадъ. Дѣло это не имѣло никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій, несмотря на то, что крестьяне въ первый разъ прямо прогнали команду: оно было прекращено за «нехожденіемъ челобитчика», т. е. потому, что помѣщикъ не жаловался болѣе на крестьянъ. Такимъ образомъ, мѣстныя власти отнеслись къ этому событію какъ къ дѣлу совершенно частному.

Въ 1767—1768 г. были волненія въ Симбирскомъ уѣздѣ у помѣщиковъ Измайлова и у Кротковой. У послѣдней, т. е. у Кротковой, оно имѣло особенно печальные результаты. Для усмиренія крестьянъ въ ея имѣніе была отправлена команда;

но крестьяне, мужчины и женщины, бросились на солдатъ. Хотя войско дало залпъ пулями и нѣсколько крестьянъ было ранено, однако они обратили его въ бѣгство. Тогда отъ симбирскаго баталіона было отправлено большое количество войска, и на этотъ разъ крестьяне не оказали уже никакого сопротивленія. Помѣщица Кроткова выразила желаніе, чтобы главные зачинщики были наказаны кнутомъ, а остальные плетьми, и по рѣшенію симбирской канцеляріи первому наказанію подверглось 12 человѣкъ, второму 50 [1]).

Въ Воронежской губерніи въ 1766 г. волновались крестьяне многихъ помѣщиковъ: въ Козловскомъ уѣздѣ—графа Бутурлина, въ Добренскомъ уѣздѣ—двѣ слободы графа Р. Л. Воронцова, въ Павловскомъ—генералъ-поручика Сафонова, кн. Трубецкаго и Плахова; крестьяне этихъ помѣщиковъ были усмирены только въ слѣдующемъ году. И въ Шацкомъ уѣздѣ крестьяне помѣщика Яковлева тоже волновались: они не хотѣли платить оброкъ и не дали никого арестовать.

Въ другомъ мѣстѣ Воронежской губерніи, а именно въ Верхоломовскомъ уѣздѣ, тоже бунтовали крестьяне; но тутъ поводомъ послужило то, что крестьянъ села Аргамакова слѣдовало «отказать» за подполковника Шепелева, они же этого не хотѣли допустить. Въ это время Россія вела войну съ Турціею, все войско было занято и потому военная коллегія, въ отвѣтъ на просьбу о присылкѣ солдатъ, предписала усмирить крестьянъ съ помощью мѣстныхъ гарнизонныхъ баталіоновъ или штатныхъ городовыхъ командъ. Но въ воронежскомъ и новохоперскомъ гарнизонахъ было въ это время на лицо такъ мало солдатъ, что ихъ нерѣдко приходилось безсмѣнно посылать на караулы. Поэтому для усмиренія крестьянъ было отправлено всего 22 человѣка изъ городовой команды, подъ начальствомъ капитана Сѣченова. Человѣкъ 200 крестьянъ встрѣтили этотъ маленькій отрядъ у села Аргамакова и не позволяли ему въѣхать въ свое село. Солдаты хотѣли было подъѣхать къ господскому двору, но тутъ къ нимъ бросилась на встрѣчу огромная толпа, человѣкъ въ 800, мужчинъ, бабъ и

[1]) Наказывая крестьянъ за возмущеніе согласно съ желаніемъ помѣщика, правительственныя учрежденія нерѣдко ссылались при этомъ на именной указъ 13-го мая 1754 г., но тамъ (п. 31) говорится только о наказаніи за побѣгъ.

дѣвушекъ, съ кольями и цѣпами; нужно замѣтить, что, кромѣ крестьянъ Шепелева, тутъ были крестьяне и другихъ помѣщиковъ. На убѣжденія Сѣченова они отвѣчали, что уже послали двухъ человѣкъ для подачи челобитной государынѣ, чтобы имъ не быть за помѣщикомъ, и будутъ ждать ея указа. Къ тому же они объявили, что у нихъ есть письмо отъ двоюроднаго брата ихъ владѣльца, въ которомъ онъ убѣждаетъ ихъ не слушаться своего помѣщика и всячески сопротивляться переходу подъ его власть. Попы и дьячки этого села принимали очень дѣятельное участіе въ волненіи. Очевидно, нечего было и думать усмирить крестьянъ съ какими нибудь 20-ю солдатами. Тогда воронежскій губернаторъ Масловъ обратился къ генералъ-аншефу Долгорукову съ просьбою послать къ возмутившимся крестьянамъ изъ ближайшаго полка его дивизіи человѣкъ 300 рядовыхъ съ одною пушкою, и тотъ отправилъ, въ августѣ 1768 г., для усмиренія крестьянъ два эскадрона гусаръ, подъ начальствомъ премьеръ-маіора Баратова. Не доѣзжая версты за двѣ до села Аргамакова, Баратовъ остановился и отправилъ уговаривать крестьянъ капитана Зорича, съ 50-ю гусарами и коммисаромъ. Зоричъ увидалъ противъ господскаго дома громадную толпу, человѣкъ въ 1000, раздѣленную на 6 частей и вооруженную чѣмъ попало. За одно съ крестьянами Шепелева тутъ были и крѣпостные князя Маматова. На увѣщанія Зорича крестьяне по прежнему требовали указа за подписью самой государыни и говорили, что они не будутъ слушаться команды, такъ какъ она подкуплена ихъ помѣщикомъ Шепелевымъ. Тогда Баратовъ велѣлъ своему отряду окружить крестьянъ со всѣхъ сторонъ. При этомъ самъ онъ и чиновники, сопровождавшіе его отрядъ, много разъ подъѣзжали къ крестьянамъ и въ продолженіе четырехъ часовъ уговаривали ихъ смириться, но все было напрасно. Тогда Баратовъ приказалъ 10-ти гусарамъ выѣхать впередъ и выстрѣлить на воздухъ. Какъ только раздался выстрѣлъ, крестьяне тотчасъ бросились на солдатъ. Тогда гусары стали по нимъ стрѣлять. Нѣсколько крестьянъ пало, но остальные неустрашимо рвались впередъ и бросали въ войско всѣмъ, что у нихъ было въ рукахъ, такъ что ранили нѣсколько солдатъ. Но въ это самое время толпа увидѣла, что горятъ два двора крестьянъ князя Маматова. Это произвело панику и всѣ стали разбѣгаться въ лѣсъ, которымъ почти со всѣхъ сторонъ было

окружено село Аргамаково. Однако нѣсколько сотъ человѣкъ было поймано и главные зачинщики арестованы. Послѣ того крестьяне усмирились и были обязаны подписками повиноваться помѣщику. Сенатъ, получивъ объ этомъ дѣлѣ донесеніе, обратилъ особенное вниманіе на участіе въ немъ дворянина, родственника Шепелева, и приказалъ постараться разыскать настоящихъ возмутителей.

Въ іюнѣ 1768 г., поручица Наталья Пассекъ заявила въ воронежскую губернскую канцелярію, что по смерти ея брата, князя Н. Шаховскаго, остались имѣнія, изъ которыхъ, по раздѣлу съ сестрой, на ея половину достались деревни въ Ряжскомъ, Лебедянскомъ и Данковскомъ уѣздахъ. Но крестьяне посланныхъ къ нимъ отъ нея людей и управителя не впустили и избили, въ помѣщичьихъ домахъ все разграбили, и объявили, что слушаться ея не будутъ. Въ послѣдствіи изъ показаній нѣкоторыхъ крестьянъ оказалось, что они не хотѣли перейти во владѣніе Пассекъ, а желали сдѣлаться дворцовыми. Въ 1767 г. они посылали въ Москву съ челобитной одного елецкаго купца, который, возвратившись, сказалъ имъ, что если ихъ будутъ отдавать Пассекъ силою, такъ они бы противились. Губернская канцелярія послала для усмиренія крестьянъ капитана Балашова съ 130-ю солдатами. Въ Ряжскомъ уѣздѣ крестьяне тотчасъ смирились, но не такъ мирно окончилось дѣло въ Данковской деревнѣ, куда пришли на помощь и нѣкоторые крестьяне изъ Лебедянской вотчины. Тамъ военную команду встрѣтила толпа до 500 человѣкъ, съ дубинами, копьями и ружьями и, какъ сказано въ офиціальномъ донесеніи, не слушая никакихъ увѣщаній, прямо начала схватку съ посланными противъ нея солдатами. Такъ какъ здѣсь крестьяне были лучше вооружены, то военная команда была разбита на голову. Самъ капитанъ Балашовъ былъ такъ тяжело раненъ, что умеръ черезъ три часа. Болѣе 30-ти человѣкъ солдатъ получило раны. По разсказу крестьянъ, не они первые начали эту схватку. Когда къ нимъ пріѣхало войско, крестьяне потребовали отъ него указа. «Вотъ мы вамъ дадимъ указъ,» отвѣчалъ одинъ офицеръ, и приказалъ стрѣлять. Воронежская губернская канцелярія хотѣла во что бы то ни стало усмирить крестьянъ и просила генералъ-фельдмаршала Салтыкова прислать 300 человѣкъ солдатъ съ пушкою. Но сенатъ взглянулъ на это дѣло совершенно иначе. По справкѣ въ вотчинной коллегіи оказалось, что раздѣлъ между

Пассекъ и сестрою ея, генеральшею Карабановою, былъ еще не оконченъ. Получивъ эти свѣдѣнія, сенатъ замѣтилъ воронежской губернской канцеляріи, что все это дѣло было ведено ею не такъ, какъ слѣдовало. Пассекъ имѣла еще споръ о наслѣдствѣ съ сестрою, дѣло не рѣшено и крестьяне ни за кѣмъ не отказаны, а до этого и не слѣдовало усмирять ихъ посредствомъ войска. Сенатъ требовалъ отвѣта, почему канцелярія поступила такъ неосмотрительно, и не позволилъ во второй разъ отправить войско противъ крестьянъ. Такимъ образомъ и на этотъ разъ мѣстная администрація была кругомъ виновата и была причиною смерти и изувѣченія весьма многихъ людей. Если губернская канцелярія обнаруживала такое грубое незнаніе законовъ, что заставляла крестьянъ слушаться помѣщика, прежде чѣмъ они даже были за нимъ закрѣплены, то можно ли послѣ того удивляться, что неграмотные крестьяне не знали или толковали по своему предписанія закона. Въ то время, когда крестьяне за свое незнаніе законовъ платили кровью, провинившіеся чиновники отдѣлывались какимъ нибудь легкимъ штрафомъ.

Оставимъ, наконецъ, Воронежскую губернію, въ которой было такъ много волненій крѣпостныхъ крестьянъ въ теченіе 1765—1768 гг., и посмотримъ что̀ дѣлалось въ болѣе сѣверной мѣстности—Бѣжецкомъ уѣздѣ, который входилъ тогда въ составъ Московской губерніи. Здѣсь, повѣренный служитель дѣтей Сабуровыхъ жаловался на ослушаніе крестьянъ въ имѣніи покойной тетки его господъ, «слѣдующемъ по законному наслѣдству имъ, Сабуровымъ». Крестьяне не платили оброка съ 1765—1768 г. Хотя на слѣдствіи они тотчасъ же принесли повинную, но всетаки 16 человѣкъ были наказаны плетьми. А между тѣмъ слова, приведенныя нами выше изъ челобитной повѣреннаго, возбуждаютъ подозрѣніе, былъ ли и здѣсь произведенъ формальный отказъ и не впала ли бѣжецкая воеводская канцелярія въ такую же преступную ошибку, какъ и воронежская губернская.

Въ маѣ 1769 г., кн. В. Мещерскій подалъ челобитную въ бѣжецкую канцелярію, въ которой жаловался, что всѣ крестьяне его вотчины, въ которой было болѣе 200 душъ, не слушаются его. За крестьянами Мещерскаго, какъ видно изъ слѣдствія, были слѣдующія провинности. Они не выслали въ другое его село 5 человѣкъ съ сохами, не смотря на троекратный приказъ; не

послали въ село Михайловское, Новгородскаго уѣзда, также принадлежавшее Мещерскому, старосты и четырехъ крестьянъ, а сказали посланному, что они тогда исполнятъ всѣ эти приказанія, если помѣщикъ оставитъ ихъ въ старомъ оброкѣ и не будетъ прибавлять его на «прибылыхъ вновь крестьянъ». Крестьяне были также недовольны, что онъ назначилъ изъ нихъ въ каждой деревнѣ по одному безсмѣнному надзирателю для наблюденія за бѣглыми и для предупрежденія разныхъ безпорядковъ. Вслѣдствіе этого крестьяне собирались жаловаться на эти притѣсненія своего помѣщика, и хотѣли сдѣлать это съ дозволенія бѣжецкой канцеляріи; но при этомъ рѣшили, что если даже канцелярія не разрѣшитъ имъ этого, они всетаки подадутъ челобитную государынѣ. Послѣ окончанія слѣдствія, на которомъ нѣкоторые крестьяне подвергались пристрастному допросу съ помощію плетей, Мещерскій заявилъ желаніе, чтобы 5 человѣкъ, выбранные челобитчиками, были наказаны публично плетьми, и, на основаніи указа 22-го августа 1767 г. [1]), сосланы въ Нерчинскъ въ вѣчную работу; кромѣ того, онъ просилъ наказать еще 11 человѣкъ, которыхъ потомъ желалъ взять къ себѣ назадъ. Бѣжецкая канцелярія исполнила послѣднее желаніе Мещерскаго, а также по просьбѣ его наказала всѣхъ остальныхъ взрослыхъ крестьянъ его вотчины, замѣтивъ имъ, что они отнюдь не должны были составлять мірскаго приговора о челобитьѣ, а тѣмъ болѣе думать о подачѣ прошенія самой государынѣ. Что касается тѣхъ пяти человѣкъ, которыхъ Мещерскій желалъ сослать въ вѣчную работу въ Нерчинскъ, то бѣжецкая канцелярія не рѣшилась распорядиться относительно ихъ собственною властью и обратилась съ запросомъ къ московскому губернатору. Канцелярія указывала на то, что хотя въ 1760 г. помѣщикамъ и было разрѣшено отправлять своихъ крѣпостныхъ въ Сибирь цѣлыми семьями, но только на поселеніе, а не въ вѣчную работу. Къ сожалѣнію, отвѣтъ московскаго губернатора намъ не извѣстенъ.

Такимъ образомъ, съ 1762 по 1769 г. мы постоянно видимъ волненія крѣпостныхъ крестьянъ то въ той, то въ другой мѣстности Россіи. Въ слѣдующіе затѣмъ три-четыре года они по-

---

[1]) Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что этотъ указъ говоритъ о наказаніи уже подавшихъ челобитную, а не собиравшихся только это сдѣлать.

видимому прекращаются; это однако было только затишьемъ передъ бурею: разразилась Пугачевщина и мѣстами началось почти поголовное избіеніе дворянъ. Крестьяне кроваво отмстили помѣщикамъ за долгія притѣсненія и, въ свою очередь, были жестоко наказаны по усмиреніи возстанія. Но такъ какъ въ Пугачевщинѣ принимали участіе не одни крѣпостные, то мы и находимъ болѣе удобнымъ поговорить объ этомъ въ другой разъ, чтобы имѣть возможность одновременно разсмотрѣть участіе въ этомъ движеніи и другихъ отдѣловъ крестьянства.

IV.

Волненія крестьянъ графовъ Апраксиныхъ въ Новгородской губерніи, графа Шереметева въ Орловской и Львова въ Рязанской.

Крѣпостные были запуганы кровавымъ усмиреніемъ Пугачевщины и нѣсколько лѣтъ мы опять не слышимъ ни о какихъ волненіяхъ въ крѣпостномъ населеніи. Но уже въ 1778 г. начали волноваться крестьяне графа М. Апраксина въ Порховскомъ уѣздѣ Новгородской губерніи. Эти безпорядки сильно озабочивали новгородскаго намѣстника Сиверса и императрицу, повелѣнія которой по этому дѣлу были крайне противорѣчивы. Въ началѣ апрѣля она предписала Сиверсу отозвать войска, расположенныя въ этихъ имѣніяхъ, и изслѣдовать дѣло. Три недѣли спустя, она приказываетъ,—такъ какъ изъ слѣдствія видно, что крестьяне очень угнетены и обременены неслыханными налогами,—отдать имѣніе въ опекунское управленіе. Въ началѣ іюля она спрашиваетъ, сдѣлано ли это и какимъ образомъ, а черезъ двѣ недѣли приказываетъ расположить въ этихъ имѣніяхъ на постой войска, до тѣхъ поръ, пока крестьяне не возвратятся къ послушанію. Къ послѣднему рѣшенію побудилъ императрицу Сиверсъ, стоявшій за рѣшительныя мѣры. Посѣтивъ имѣніе Апраксина въ половинѣ іюля, онъ писалъ государынѣ: «Это дѣло будетъ имѣть самыя пагубныя послѣдствія, если, какъ это часто бываетъ, волненіе охватитъ сосѣднихъ крестьянъ. Приверженцы Пугачева состояли только изъ крѣпостныхъ, недовольныхъ своими господами; къ тому же убійства дворянъ совершались по большей части ихъ ослѣпленными людьми. Было уже слишкомъ

много примѣровъ, что подобныя искры разгорались въ пламя, грозившее опасностью всему государству». Требуя энергическаго усмиренія крестьянъ, Сиверсъ въ тоже время понималъ, что одного этого недостаточно, и еще разъ указывалъ императрицѣ на необходимость ограничить крѣпостное право: причина волненій, по его мнѣнію, будетъ всегда одна и та же, пока нѣтъ закона «о земледѣліи». Однако же, пока не издано закона, регулирующаго права помѣщиковъ относительно ихъ крѣпостныхъ, Сиверсъ находилъ нужнымъ «поддерживать дворянина въ томъ положеніи, въ какомъ онъ находится. Дозвольте крѣпостнымъ малѣйшее противорѣчіе или демонстрацію», писалъ онъ, «и тогда я, зная человѣческое сердце, не могъ бы поручиться за послѣдствія. Развѣ крестьяне графа Апраксина не воспротивились съ оружіемъ въ рукахъ баталіону солдатъ, двинутыхъ противъ нихъ?.... Ихъ неповиновеніе опекунамъ (графа Апраксина) представляетъ самое сильное тому доказательство. Оброкъ, который отъ нихъ требуютъ, умѣреннѣе, чѣмъ у всѣхъ сосѣдей». Послѣ этого-то письма, императрица, какъ мы уже упоминали, приказала ввести войска въ Апраксинскія имѣнія. Въ ноябрѣ того же года, Сиверсъ писалъ императрицѣ: «Если не водворить порядокъ какъ можно скорѣе, дѣло будетъ имѣть пагубныя послѣдствія. Въ странѣ съ деспотическимъ образомъ правленія зародышъ возстанія готовъ разростись при всякомъ удобномъ случаѣ. Въ этомъ отношеніи нужно быть какъ можно бдительнѣе».

Если крестьяне и были на этотъ разъ усмирены, то все таки они еще не совершенно успокоились и готовы были вновь возстать. Крестьяне Ясенскаго и Жедрицкаго погостовъ были проданы гр. Матвѣемъ Апраксинымъ помѣщикамъ Кожинымъ. Въ началѣ 1780 г., они опять стали волноваться, отказались слушаться старосты, назначеннаго Кожиными, и выбрали своего прежняго. Тогда, по приказанію Сиверса, къ нимъ были переведены двѣ роты Архангелогородскаго полка изъ деревень, оставшихся во владѣніи гр. Апраксина, гдѣ, быть можетъ, онѣ стояли съ 1778 гг.,—и крестьяне были скоро усмирены [1]).

Намъ приходилось уже указывать на то, что духовенство во

---

[1]) Въ 1780 г. было еще волненіе крестьянъ гр. П. Б. Шереметева въ Кромскомъ уѣздѣ Орловской губ.

время волненій нерѣдко дѣйствовало заодно съ крестьянами. Каждый разъ, когда это обнаруживалось на слѣдствіи, о виновномъ священно- или церковно-служителѣ сообщали епархіальному начальству. Наконецъ, въ 1781 г., правительство обратило вниманіе на ту нравственную поддержку, какую духовенство оказываетъ волнующимся крестьянамъ, и синодъ особымъ указомъ не только строго это запретилъ, но приказалъ, напротивъ того, всевозможными увѣщаніями противодѣйствовать такимъ волненіямъ.

Послѣднее извѣстное намъ волненіе крѣпостныхъ крестьянъ въ царствованіе Екатерины II относится къ 1789 г. Въ Раненбургскомъ уѣздѣ Рязанской губ. находилось сельцо Покровское. Болѣе 300 душъ въ немъ принадлежали помѣщику Львову, купившему часть ихъ отъ жены генералъ-поручика Карабанова; но кромѣ того въ этомъ сельцѣ было 40 душъ, оставшихся за сестрою Карабановой, Наталіею Пассекъ. Въ концѣ февраля 1789 г., 70 человѣкъ изъ крестьянъ Львова возмутились «по неизвѣстнымъ причинамъ», какъ заявилъ бурмистръ. Капитанъ-исправникъ, на обязанности котораго лежало усмиреніе крестьянъ, отправился туда съ 4-мя солдатами, захвативъ съ собой понятыхъ. Но какъ эта поѣздка исправника, такъ и нѣсколько другихъ не повели ни къ чему. Тогда губернаторъ приказалъ раненбургскому городничему вмѣстѣ съ нижнимъ земскимъ судомъ отправиться усмирять крестьянъ со всею штатною командою и особымъ отрядомъ, присланнымъ изъ г. Данкова.—Не доѣзжая нѣсколько верстъ до имѣнія Львова, они захватили въ одномъ селѣ 28 человѣкъ понятыхъ съ сотскимъ и головою, обошли село Покровское и за версту отъ него устроили пикетъ, который долженъ былъ перехватывать тѣхъ, кто обратится въ бѣгство. Но крестьяне проникли въ этотъ коварный замыселъ, разогнали пикетъ и грозили, что если опять найдутъ ихъ на томъ мѣстѣ, то перебьютъ всѣхъ до смерти. Пробовали уговаривать «ослушныхъ» крестьянъ, собравшихся на одномъ дворѣ въ селѣ Покровскомъ, но тѣ требовали приказа за подписью своей прежней помѣщицы Пассекъ. Тогда стали готовиться къ приступу и, между прочимъ, послали двухъ засѣдателей нижняго земскаго суда, давъ каждому по 40 человѣкъ, на разныя дороги, съ тѣмъ, чтобы они перехватывали бѣгущихъ. Затѣмъ попробовали послѣднее мирное средство. Регистраторъ вновь прочелъ имъ указъ намѣстническаго

правленія, а священникъ, надѣвъ епитрахиль и взявъ въ руки крестъ, увѣрялъ ихъ «Богомъ и всею святостію», что если они раскаятся и бросятъ оружіе, то будутъ всѣ прощены. Но крестьяне отлично знали, что какъ священникъ, такъ и городничій, обѣщавшій имъ полное прощеніе, говорятъ неправду: зачинщики во всякомъ случаѣ были бы захвачены и, какъ всегда, наказаны. Понятно, что и послѣ этого новаго увѣщанія «ни одинъ человѣкъ раскаянія не почувствовалъ».

— «Указъ этотъ, видно, они написали пообѣдавши», отвѣчали крестьяне.

Когда городничій велѣлъ зарядить ружья, крестьяне съ копьями, косами и серпами, насаженными на шесты, бросились на команду, но, встрѣченные выстрѣлами, опять вбѣжали во дворъ, на которомъ собрались прежде, заперлись тамъ и стали бросать въ солдатъ и понятыхъ навязанными на веревки каменями и полѣньями. Городничій велѣлъ разбирать заборъ близь этого двора, а понятымъ зайти изъ другаго дома, однако осажденные отразили ихъ. Но вдругъ во дворѣ, гдѣ укрывались крестьяне, загорѣлся амбаръ, вѣроятно, какъ нибудь подозженный осаждающими, и въ то же время городничій подоспѣлъ на помощь къ понятымъ со своею командою. Осажденные держались еще съ полчаса, но, наконецъ, стали разбѣгаться; даже и послѣ того нѣкоторые изъ нихъ собрались въ другомъ мѣстѣ, но также были разогнаны. На другой день всѣ принесли повинную.

Основною причиною всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами волненій былъ, конечно, гнетъ помѣщичьяго произвола, который раздражалъ крѣпостныхъ тѣмъ болѣе, что рядомъ съ ними жили крестьяне, находившіеся въ совершенно иномъ положеніи. Всего естественнѣе было помѣщичьимъ крестьянамъ сравнивать свою жизнь съ положеніемъ дворцовыхъ и государевыхъ крестьянъ, которые точно также жили на вотчинныхъ земляхъ. Видя, что тѣмъ и другимъ живется несравненно лучше, крѣпостные нерѣдко просили избавить ихъ отъ власти притѣсняющаго ихъ помѣщика и приписать къ дворцовымъ или государевымъ волостямъ. Дворцовые крестьяне, съ своей стороны, совѣтовали имъ добиваться этого, и иногда поддерживали ихъ въ столкновеніяхъ съ правительственными войсками. Значительное число волненій происходило также при переходѣ имѣнія къ новому помѣщику, при произ-

водствѣ формальнаго «отказа». Тутъ весьма часто поводами служили незаконныя дѣйствія самой администраціи, а иногда подстрекательства другихъ помѣщиковъ или, если имѣніе было спорное,—прежнихъ владѣльцевъ. Быть можетъ также, въ крестьянахъ жило смутное воспоминаніе о тѣхъ временахъ, когда ихъ еще не перепродавали, какъ вещь, отъ одного владѣльца къ другому, и они протестовали противъ такой продажи, сдѣланной безъ всякаго согласія съ ихъ стороны.

Познакомившись со всѣми извѣстными намъ волненіями крѣпостныхъ крестьянъ, которыя составляютъ, вѣроятно, ничтожную часть всѣхъ подобныхъ волненій, мы едва ли можемъ сказать, что крѣпостные слишкомъ пассивно сносили свое рабское иго. Всѣ попытки сбросить его кончались ничѣмъ, такъ какъ онѣ были слишкомъ разрозненны, и къ тому же лишенный оружія народъ не могъ бороться съ регулярнымъ войскомъ, но, когда обстоятельства благопріятствовали, какъ, напримѣръ, во время Пугачевщины, крестьяне жестоко отплачивали своимъ притѣснителямъ.

В. И. Семевскій.

ПРЕОБРАЗОВАТЕЛИ РУССКОЙ АРМІИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА

ПАВЛА ПЕТРОВИЧА.

1796—1801.

I.

Борьба стараго порядка вещей съ новымъ; настоящіе дѣятели.—Гатчинцы, работы ихъ по составленію новаго военнаго устава.—Взглядъ на образованіе солдата по прусскому способу. Штенверъ, Кушелевъ, Аракчеевъ и Ростопчинъ; Суворовъ; причины нерасположенія его къ нововведеніямъ.—Сравненіе нашего устава съ подлинникомъ «Réglement pour l'infanterie prussienne».—Мнѣніе Суворова о сдѣланныхъ измѣненіяхъ. — Увольненіе его. — Перевоспитаніе русской арміи.

> «Pour bien agir dans ce monde, il faut commencer par avoir le coeur bon et l'esprit juste... sans cela on ne fait rien qui vaille, et l'on danse, comme dit la chanson, sans grâce en partant du pied gauche».
>
> Изъ письма Екатерины принцу де-Линю, изъ Петергофа, 30-го іюня 1791 г., о французской революціи.

Съ кончиною Екатерины II-й, новые, доселѣ неизвѣстные дѣятели разомъ смѣнили собою прежнихъ и отодвинули ихъ на второй планъ.

Впервые услышала тогда Россія имена Аракчеева, Штенвера, Васильчикова, Каннабиха, Кутайсова, Аргамакова, Баратынскаго, Ростопчина, но всѣ они давно были извѣстны императору Павлу, какъ самые усердные и точные исполнители въ его гатчинскихъ войскахъ.

Послѣ возвращенія изъ-за границы, въ 1776 году, Павелъ

Петровичъ рѣшился учредить войско, въ которомъ бы вполнѣ сохранились всѣ преданія и пріемы обожаемаго имъ Фридриха II, считавшагося во всей Европѣ идеаломъ полководца и военнаго администратора.

Подобно великому своему прадѣду, учредившему потѣшныхъ въ Преображенскомъ, чтобы противопоставить ихъ буйнымъ стрѣльцамъ, Павелъ учредилъ въ Гатчинѣ и Павловскѣ, постоянныхъ и любимыхъ мѣстахъ своего пребыванія, отрядъ, въ которомъ были пѣхота, кавалерія, артиллерія и даже флотскій экипажъ. Недостатокъ государственной дѣятельности позволилъ Павлу Петровичу обратить исключительное вниманіе на свою маленькую армію, а постоянные разсказы Панина и его приближенныхъ объ упадкѣ въ Россіи всѣхъ учрежденій и общей испорченности заставили Павла Петровича видѣть въ гатчинцахъ будущій разсадникъ военнаго образованія въ русскомъ войскѣ.

Нововведеніе это встрѣчало большія затрудненія и осуществилось спустя шесть лѣтъ [1]), но, на первый разъ, званіе генералъ-адмирала, носимое наслѣдникомъ, помогло дѣлу; въ 1782 году взяты были потихоньку 60 человѣкъ изъ флотскихъ баталіоновъ и изъ нихъ составлены двѣ команды, по 30-ти человѣкъ каждая: одна для карауловъ на Каменномъ Островѣ, а другая— въ Павловскѣ. Въ 1784 году, каждая команда увеличена до 80-ти человѣкъ и начальство надъ обѣими поручено капитанъ-поручику барону Штенверу, изобрѣтателю «шаржирнаго» огня и великому знатоку прусскаго устава.

Успѣшное обученіе новаго войска прусскому уставу побудило постепенно дать этому дѣлу большее развитіе: въ 1785 г. изъ двухъ командъ сдѣлана рота: спустя годъ—три роты, а въ 1788 году (20-го мая)—пять ротъ, составившія баталіонъ, подъ начальствомъ того же Штенвера.

Вмѣстѣ съ пѣхотою начали формироваться части кавалеріи, артиллеріи, казаки, и на гатчинскихъ водахъ постепенно создавалась флотилія, для которой неутомимо работало гатчинское адмиралтейство.

Къ 1796 году, составъ гатчинскихъ войскъ былъ слѣдующій:

---

[1]) Въ 1788 году всѣ отдѣльныя команды соединены въ Гатчинѣ въ баталіонъ подъ командою Штенвера.

Пѣхота: 2 баталіона гренадерскихъ, 4 баталіона мушкатерскихъ и одна рота егерей, всего пѣхоты съ офицерами и нестроевыми 1,601 человѣкъ.

Кавалерія: жандармскій полкъ—181 человѣкъ; драгунскій полкъ — 168 человѣкъ; гусарскій полкъ—178 человѣкъ; казачій полкъ—63 человѣка.

Артиллерія: пѣшая — 171 человѣкъ, конная—43 человѣка.

Форма одежды была совершенно скопирована съ прусской арміи и отличалась необыкновеннымъ разнообразіемъ: въ пѣхотѣ на мундирахъ были красные, розовые, оранжевые и бѣлые воротники и лацканы; въ кавалеріи бѣлые, свѣтлозеленые, голубые и красные мундиры [1]). Солдатъ носилъ длинные волосы, заплетавшіеся въ косу и покрытые пудрою; поверхъ тупея кокетливо надѣвалась треугольная шляпа; короткіе панталоны съ пряжками, чулки и башмаки, а въ походѣ штиблеты и плащъ, довершали этотъ нарядъ, пріобрѣвшій, благодаря Лудовику XIV и Фридриху II, историческую извѣстность.

Составъ корпуса офицеровъ этого новаго войска, которому суждено было имѣть большое вліяніе на русскую армію, заслуживаетъ подробнѣйшаго разсмотрѣнія. При первоначальномъ сформированіи гатчинцевъ, бо̀льшая часть офицеровъ была изъ иностранцевъ, что̀ отчасти объясняется распоряженіемъ Екатерины—

---

[1]) Заимствуемъ изъ весьма рѣдкой брошюры: «Вѣдѣнія о Гатчинскихъ войскахъ» описаніе формы одежды ихъ въ 1792 году: гренадерскій № 1-й баталіонъ его императорскаго высочества полка — красный воротникъ, обшлага и лацканы; № 2-й мушкатерскій баталіонъ его императорскаго высочества великаго князя Александра Павловича — розовый воротникъ, обшлага и лацканы; № 3-й гренадерскій баталіонъ его императорскаго высочества великаго князя Константина Павловича—оранжевый воротникъ и обшлага, вмѣсто лацкановъ были петлицы съ кисточками; № 4-й мушкатерскій инспектора подполковника Аракчеева — красные суконные обшлага, темнозеленый воротникъ и палевые лацканы съ петлицами и кисточками; № 5-й мушкатерскій маіора Малютина—красные лацканы и красные обшлага съ бѣлыми нитяными петлицами и голубою змѣйкою; № 6-й маіора Ѳедорова—мундиръ безъ лацкановъ съ красными обшлагами и голубыми петлицами; у егерей свѣтло-зеленый мундиръ и камзолъ съ простымъ воротникомъ и обшлагами. Во всей остальной пѣхотѣ и артиллеріи мундиръ былъ темнозеленый, въ артиллеріи камзолъ и штаны были палевые.

Въ кавалеріи были мундиры разноцвѣтные: у жандармовъ бѣлый съ свѣтлосинимъ воротникомъ и обшлагами; у драгунъ свѣтлозеленый съ фіолетовымъ воротникомъ и обшлагами; у гусаръ бѣлые доломаны и голубые ментики; у казаковъ красные мундиры съ синимъ воротникомъ и обшлагами.

не принимать иностранныхъ волонтеровъ въ русскую дѣйствующую армію, и притомъ, кто же, кромѣ пруссаковъ, могъ передать всѣ снаровки и тонкости прусскаго устава?

Изъ числа этихъ пришельцевъ, баронъ Штенверъ еще могъ похвалиться какимъ-нибудь образованіемъ; всѣ остальные были не болѣе, какъ простые прусскіе солдаты, лишь нѣсколько знакомые съ первыми пріемами фронтовой службы; но за то они твердо знали и испытали, даже и на себѣ, средства для успѣшнаго обученія, издавна усвоенныя въ Пруссіи, именно: натуральныя трости, наказаніе тесаками, шомполами и штыками, постановленіе за вину подъ оружіе, прогнаніе безъ суда шпицрутенами. Точно также не могли они не считать самымъ лучшимъ средствомъ для надзора за солдатами—запираніе ихъ въ казармахъ и подчиненіе каждаго ихъ шага строгой повѣркѣ, со взысканіемъ за малѣйшее отступленіе отъ порядка гарнизонной службы или установленной формы одежды.

Будемъ, однако, справедливы къ этимъ людямъ и скажемъ, что они, по своему, исполняли свое дѣло добросовѣстно, передали то немногое, что̀ сами знали, и остались навсегда только инструкторами и второстепенными исполнителями приказаній. Никто изъ нихъ не возвысился и не игралъ въ послѣдствіи важной роли, они были и остались простыми рядовыми; но знаніями ихъ воспользовались другіе люди,—это были наши земляки, русскіе, дѣлавшіе съ расчетомъ то, что «честные» нѣмцы исполняли какъ завѣтъ ихъ великаго короля-полководца.

Изъ русскихъ, на первыхъ порахъ, вступили въ ряды гатчинцевъ люди, желавшіе промѣнять полную лишеній и опасностей тогдашнюю армейскую службу на мирныя учебныя занятія. Будучи вполнѣ увѣрены, что одного только честолюбія и исполнительности недостаточно для того, чтобы дѣйствовать съ войсками въ бою, они избрали другой путь къ отличіямъ, конечно, болѣе медленный, но за то вѣрный. Павлу Петровичу, на первое время, крайне нужны были офицеры, и не представлялось возможности дѣлать имъ строгій выборъ; для опредѣленія въ гатчинцы достаточно было одной доброй воли со стороны поступавшаго и нѣкотораго знанія первыхъ служебныхъ пріемовъ. Въ послѣдствіи, яснѣе опредѣлилось моральное значеніе гатчинскихъ офицеровъ и оправдалось мнѣніе, глубоко укоренившееся

въ арміи, что эти люди не были большими любителями «порохового дыма». Доказательствомъ служитъ слѣдующее обстоятельство: когда, при возобновленіи гатчинскаго дворца, въ 1852 году, захотѣли помѣстить въ дворцовой церкви мраморныя доски съ именами гатчинцевъ, убитыхъ въ сраженіяхъ (тѣмъ болѣе, что всѣ они въ 1796 году были переведены въ гвардію и должны были участвовать во всѣхъ кампаніяхъ), убитыхъ оказалось двое (Борисъ Палицынъ и Иванъ Сукинъ) изъ ста-двадцати-трехъ офицеровъ.

Въ Гатчинѣ и Павловскѣ, строгая неумолимая исполнительность всѣхъ тончайшихъ уставныхъ подробностей была единственнымъ случаемъ къ отличію, и по ревности въ изученіи устава и передачѣ его солдатамъ опредѣлялось достоинство офицера.

Мелочны, запутаны и тѣсны были требованія тогдашняго прусскаго строя: все подчинялось условной красивости, обращавшей солдата въ безсознательную машину. Тонкія линіи ровнялись какъ по ниткѣ и, наступая, едва подвигались впередъ тихимъ шагомъ, дѣлая по 75-ти шаговъ въ минуту; линіи эти по командѣ останавливались, производили залпъ, большею частію на воздухъ, и потомъ опять начинали движеніе тихимъ шагомъ, хлопая въ тактъ ногами. Для достиженія этой точности и стройности, нуженъ былъ прусскій способъ образованія солдата: его въ цѣлой Европѣ считали безукоризненнымъ и единственнымъ всѣ тогдашніе военные люди.

Первымъ послѣдствіемъ побѣдъ Фридриха Великаго было повсемѣстное введеніе такъ-называемой прусской прямолинейной таткики. Вмѣстѣ съ прусскою формою одежды, всюду вводились и натуральныя трости—знакъ начальства, начиная отъ сержанта и до фельдмаршала; одинъ только рядовой солдатъ не имѣлъ трости: знаменательная особенность, доказывавшая—для кого носили ее всѣ начальствующія лица.

Даже французы, столь щекотливые въ дѣлѣ личнаго оскорбленія, освоились съ мыслію, что только жестокостью наказанія можно что-нибудь сдѣлать изъ рекрута. И хотя герцогъ Ришелье говорилъ ретивымъ инструкторамъ, подвизавшимся на поприщѣ битья и истязаній: «сколько вы ни бейте французовъ, они все-таки не сдѣлаются пруссаками», но эти слова принимали за

шутку великосвѣтскаго барина, не бравшаго на себя труда спуститься до основныхъ началъ и «сути» службы.

Историки вообще любятъ останавливаться надъ грандіозными событіями и считаютъ какъ-бы дѣломъ недостойнымъ задумываться надъ подробностями, которыя, однако, могутъ показать, что эпоха, кажущаяся величественною и даже великою, часто куплена цѣною слезъ, крови и лишеній, иногда безъ малѣйшей пользы для человѣчества. Но вѣдь и Неронъ плакалъ и восторгался при видѣ зажженнаго имъ Рима; и были же путешественники, присутствовавшіе въ Индіи при кровавыхъ прогулкахъ идола Ягернаута, давившаго своею колесницею тысячи жертвъ— эти зрѣлища также казались грандіозными!...

Исторія записала имена побѣдъ Фридриха Великаго; люди ученые обратили его правила для образованія войскъ въ науку, и слѣды этого поклоненія дарованіямъ Фридриха Великаго еще и до сихъ поръ, при всѣхъ измѣненіяхъ, сохранились въ современныхъ уставахъ, какъ уважаемые анахронизмы. Но должно взглянуть на другую сторону медали, и разсмотрѣть, чего стоили и какъ достигались требуемыя Фридриховымъ уставомъ усовершенствованія.

Чтобы наглядно познакомить съ прусскимъ способомъ обученія строю и содержаніемъ солдата въ повиновеніи, разскажемъ поступленіе прусскаго рекрута на службу и превращеніе его въ солдата.

На веселую деревенскую гулянку и народный праздникъ, въ кружокъ разыгравшейся молодежи, является сержантъ-вербовщикъ, разукрашенный цвѣтами и лентами. Этотъ человѣкъ прошелъ огонь и воду; его спина, отъ палочныхъ ударовъ, а сердце отъ всевозможныхъ униженій и обидъ,—сдѣлались нечувствительными; въ немъ умерло чувство любви, привязанности и состраданія, но за то онъ сталъ лихимъ служакою. Заломивъ шляпу на бекрень, гордо покачиваясь изъ стороны въ сторону, онъ снисходительно сближается съ гуляющими парнями, разсказываетъ имъ побасенки, отъ которыхъ крестятся богобоязливыя старушки и бѣгутъ стыдливыя дѣвушки, ставитъ нѣсколько кружекъ пива, затягиваетъ непристойную пѣсню, начинаетъ брянчать талерами и говоритъ о веселой и беззаботной жизни солдата.

Иногда вербовщикъ приходилъ подъ руку съ однимъ изъ тѣхъ

погибшихъ созданій, которыя, давно утративъ чувство стыда, сдѣлали ремесло изъ своей красоты. Искусительница ласкается къ полупьяному и уже отуманенному виномъ и разсказами простаку, обнимаетъ, цѣлуетъ и окончательно сводитъ съ ума полубезумца.

Счастливъ тотъ, у кого есть заботливая мать, любящая жена или вѣрная любовница: онѣ оторвутъ его отъ этой искусительной бесѣды; но гуляка и распутный легко поддадутся дешевому очарованію; да и какъ не поддаться? имъ суютъ въ руки деньги, цѣлуютъ, ласкаютъ и за все требуютъ только подписать на бумагѣ свое имя или поставить крестъ, если кто не знаетъ грамоты. Затѣмъ, начинаются новыя возліянія; пирующіе валятся подъ столъ, и просыпаются въ казематѣ ближайшей крѣпости, или казармѣ мѣстнаго гарнизона: они завербовались въ солдаты.

Здѣсь сцена совершенно перемѣняется: завербованному читаютъ воинскіе артикулы, изъясняя, что за побѣгъ и даже покушеніе къ побѣгу опредѣлена смертная казнь, затѣмъ одѣваютъ «подлаго и неловкаго мужика» [1]) въ совершенно незнакомую ему и въ высшей степени неудобную одежду, и начинается ученье.

Цѣль этого ученья — сдѣлать изъ смышленаго человѣка безсмысленную, но за то вполнѣ послушную машину, которая бы могла двигаться, останавливаться и стрѣлять со всею точностію автомата. Только при этомъ условіи, десятки баталіоновъ и цѣлыя арміи могутъ исполнить главную задачу прусской тактики, то есть двигаться и дѣйствовать, какъ одинъ человѣкъ.

Трудъ нелегкій, но за то и цѣль достигается годами, потому что упрямая разумная натура человѣка не сдается разомъ, а замираетъ послѣ долгихъ усилій.

До поступленія въ службу, рекрутъ умѣлъ какъ-нибудь стоять, ходить и глядѣть. Съ поступленіемъ на службу, его учатъ всему этому, и, главное, запрещаютъ при томъ думать и развлекаться. При стойкѣ ему приказываютъ какъ можно болѣе сжимать колѣна, выпрямлять ихъ, выпучивать грудь, поддавать всю тяжесть корпуса на носки, а голову держать постоянно направо, вытянувъ до невозможности шею. Для вправленія живота, натягиванія колѣнъ и приданія выпуклости груди — служили у обучающихъ натуральныя трости, которыми они тыкали куда попало, лишь

[1]) Точныя выраженія прусскаго устава.

бы только не въ лицо, потому что синяки на лицѣ портили видъ строя и могли не понравиться старшимъ, какъ доказательство жестокаго обращенія инструкторовъ съ солдатами.

Обученіе глядѣнью было еще труднѣе. Солдату, стоявшему какъ обрубокъ дерева, приказывали «смотрѣть весело» и «ѣсть начальство глазами», для чего онъ выпучивалъ ихъ до невозможности и вертѣлъ ими во всѣ стороны.

Въ то же время, пріучали новобранца къ одеждѣ и опрятности: поверхъ, часто грязной, рубахи ему надѣвали бѣлую, какъ снѣгъ, манишку съ манжетами, потомъ затягивали на шеѣ высокій галстухъ съ бантомъ, а на ногахъ три пары подвязокъ [1]); мундиръ довершалъ убранство.

На обученіе пудренью, взбиванію верже̄товъ, плетенію косъ и другимъ потребностямъ туалета, употреблялось все свободное отъ ученья время; сверхъ того, солдаты должны были чистить и лоснить свое оружіе, и для того ихъ постоянно держали въ казармахъ, не позволяя отлучекъ, подъ страхомъ самаго строгаго наказанія.

Все это было только азбукою; маршировка и ружейные пріемы составляли сущность ученья, и на этотъ предметъ постановлены были самыя строгія правила. Правда, уставъ предписывалъ (ch. IV, art. 10) постепенно пріучать новобранца исподоволь къ военной службѣ; не ставить его въ строй прежде, чѣмъ онъ ознакомится съ своими обязанностями, не бить его и не стращать, чтобы не отвратить отъ дѣла; но какъ въ томъ же уставѣ, рядомъ, находились предписанія строго взыскивать съ офицеровъ и ротныхъ командировъ, если ихъ подчиненные не знаютъ своего дѣла и не скоро ему выучиваются, то для ускоренія обученія чаще всего прибѣгали къ усиленнымъ средствамъ, послѣ которыхъ рекрутъ либо отправлялся въ госпиталь, либо поступалъ въ строй и удивлялъ на смотрахъ точностью своихъ движеній.

Красота строя и точность ровненія требовали нѣкоторыхъ снаровокъ и уставъ предписывалъ ихъ въ слѣдующихъ словахъ (ch. II, art. 14):

«Il sera défendu à tout soldat de remuer la tête, tandis qu'il

---

[1]) Одна пара подвязокъ поддерживала чулки, другая закрывала панталоны, а третья, поверхъ двухъ первыхъ, служила имъ покрышкою.

sera sous les armes et que durera l'exercice; et plus expressement encore de regarder à sa gauche, ou devant ou derrière lui; tous doivent sans cesse avoir les yeux sur leur droite».

Запрещается солдату, во все время нахожденія подъ ружьемъ и продолженія ученья, шевелить головою, и въ особенности глядѣть налѣво, впередъ или назадъ; всѣ должны постоянно имѣть глаза направо.

Въ уставѣ нашемъ 1796 года, о которомъ будемъ говорить въ послѣдствіи, это передано (гл. 1, ст. 10): «Подъ ружьемъ и во время ученья солдатамъ не шевелить головы, а еще меньше оглядываться назадъ или налѣво, но всегда держать голову направо».

Около полугода проходило въ этомъ одиночномъ обученіи; затѣмъ рекрута ставили въ строй и тутъ-то начиналось его истинное мученье: ему надобно было идти одинаковымъ шагомъ съ товарищами, ровняясь въ рядахъ, держа ровно съ другими ружье и плечи, и отнюдь не портить фронта своею неловкостью. Исполненіе этихъ условій на тихомъ шагу встрѣчало множество затрудненій, и если по остановкѣ марширующаго фронта кто-нибудь оказался впереди или назади, то тутъ же и производилась расправа фухтелемъ; иногда цѣлыя марширующія шеренги подвергались подобному же наказанію, если только фронтъ ломался, ружья не были у всѣхъ ровно прижаты къ плечу, или люди поднимали ноги не на одинаковую высоту.

Уставъ прусскій сохранилъ намъ всѣ подробности этой маршировки (ch. II, art. I):

«Tous les soldats auront toujours soin de marcher avec grâce et d'avoir l'oeil à leur droite. Quand ils passeront devant un officier, ils le regarderont hardiment en face; ils tiendront en marchant le corps droit, le jarret tendu; ils leveront le pied tous ensemble, et tous ensemble ils le poseront à terre, sans y frapper pesamment; ils tiendront la pointe du pied basse, et la tourneront en dehors; ils conserveront leurs rangs bien droits, et n'entr'ouvriront jamais leurs files; ils porteront bien le fusil, et pour qu'il ne chancele pas, ils en serreront fortement la sous-garde contre le corps; ils laisseront aussi tomber mains droites pendantes et sans mouvement.

«NB. Un soldat qui marchera autrement n'a pas encore, sans doute, secoué cette grossièreté que tous apportent de leur village;

pour qu'ils la perdent entièrement et plus vite, les officiers prendront la peine de montrer, non seulement à leurs soldats, mais encore à leurs bas-officiers, à bien marcher comme on vient de le dire».

Всѣ солдаты должны постоянно стараться ходить съ граціею, съ глазами обращенными вправо. Проходя мимо офицера, должны смѣло смотрѣть ему въ лицо; на ходу туловище должны держать прямо, колѣна вытянуты; ногу должны подымать всѣ разомъ, и разомъ-же опускать ее на землю, не ударяя о нее тяжело; носокъ держать внизъ съ выворотомъ кнаружи; сохранять прямизну рядовъ и никогда не размыкать линій; ружье нести хорошо, а чтобы оно не качалось—плотно прижимать къ тѣлу нижнюю скобу: правыя руки опустить, безъ движенія.

NB. Солдатъ, марширующій иначе, безъ сомнѣнія, еще не избавился отъ неуклюжести, свойственной всѣмъ деревенскимъ; чтобы они совершенно и скорѣе отъ нея избавились, офицеры потрудятся показать не только своимъ солдатамъ, но и унтеръ-офицерамъ, какъ слѣдуетъ, по вышесказанному, хорошо маршировать».

Уставъ 1796 года передаетъ это (гл. 3, ст. 47):

«Надлежитъ солдатамъ, маршируя, имѣть видъ настоящій солдатскій, голову и глаза имѣть направо. Если мимо кого маршируютъ, то на ту особу глядѣть. Тѣло держать прямо, не сгорбившись, маршировать вытянутыми колѣнами, вмѣстѣ поднимать ноги, носки имѣть вонъ, сомкнувшись плечо къ плечу, маршировать прямо, порядочно держать ружье, скобку прижать къ тѣлу, такъ чтобъ ружье не могло шевелиться, а правую руку опустить по правую сторону и держать недвижимо. Когда солдатъ не по вышеписанному маршируетъ, то всегда будетъ похожъ на мужика. Всѣмъ офицерамъ стараться, также и унтеръ-офицерамъ, солдатъ выучить порядочно маршировать, такъ, какъ выше сего предписано, и командирамъ строго сіе наблюдать».

Армія, составленная изъ солдатъ, приготовленныхъ указаннымъ нами способомъ къ военному дѣлу, поражала въ мирное время каждаго посторонняго зрителя. Никто не углублялся и не отъискивалъ причинъ и способовъ, вслѣдствіе которыхъ было достигнуто такое совершенство—всѣхъ удивляла одна наружность войскъ, мертвая тишина фронта, спокойствіе на плацпарадѣ, на

которомъ двигались тысячи по одному слову, по одному сигналу. Это, въ самомъ дѣлѣ, имѣло что-то обаятельное, въ особенности когда движущіяся линіи останавливались и открывали пальбу. Если бы въ то время нашелся смѣльчакъ въ Европѣ, который сказалъ бы, что эта пальба не болѣе, какъ безвредный шумъ, а эти стройныя линіи неизбѣжно сломаются и остановятся, если имъ придется двигаться по неровной и пересѣченной мѣстности и подъ мѣткимъ огнемъ непріятеля, то на подобнаго критика посмотрѣли бы съ сожалѣніемъ и пожали плечами.

И между-тѣмъ Екатерина, ея полководцы и всѣ сочувствовавшіе имъ даровитые русскіе люди называли эти эволюціи «пустокрашеніями» [1]) и «обрядомъ неудобоносимымъ» [2]). Но, побѣждая враговъ, войска наши не имѣли достаточной представительности на учебномъ полѣ и были предметомъ самыхъ ѣдкихъ насмѣшекъ Фридриха Великаго — насмѣшекъ, которыхъ боялась вся Европа, благоговѣвшая передъ королемъ-полководцемъ.

Дѣйствительно, армія Фридриха II была идеаломъ и не для однихъ пруссаковъ: два наиболѣе уважаемые писатели того времени, Гиберъ и Ллойдъ, сдѣлали: первый—прусскій уставъ наукою, а второй обратилъ въ непремѣнныя истины всѣ учрежденія Фридриха II. Кто, напримѣръ, не узнаетъ прусской арміи въ словахъ Ллойда [3]):

Война есть состояніе дѣйствія; армія — подвижная машина,

---

[1]) Слова Суворова.

[2]) Слова Екатерины въ обстоятельномъ манифестѣ о восшествіи на престолъ, 1762 г. іюля 6-го.

[3]) «Mémoires militaires et politiques du général Lloyd»—сочиненіе необыкновенно замѣчательное по вѣрности воззрѣній и выводовъ, тамъ, гдѣ дѣло не шло о прусской арміи и ея королѣ-полководцѣ.

«La guerre est un état d'action, et une armée est une machine mobile destinée à éxécuter tous les mouvemens militaires. Cette machine, comme toutes les autres, est composée de différentes parties, et sa perfection dépend de la bonne constitution de chacune de ces parties, prise séparement, et leur bon arrangement entr'elles. Leur objet commun doit être de réunir ces trois propriétés essentielles: la force, l'agilité et une mobilité universelle. Si la combinaison de toutes les parties produit cet effet desiré, on peut dire que la machine est parfaite: il faut bien prendre garde que l'une de ces propriétés ne s'augmente aux dépens de l'une de deux autres; mais qu'au contraire l'ensemble annonce une juste proportion... ...Une bataille est une scène mobile, dont toutes les circonstances sont rapides et fugitives».

назначенная для исполненія всѣхъ военныхъ движеній [1]). Машина эта, какъ и всякая другая, состоитъ изъ различныхъ частей, и ея совершенство зависитъ отъ хорошаго устройства каждой изъ этихъ частей, взятыхъ отдѣльно, и взаимнаго ихъ соглашенія между собою. Общая ихъ цѣль — соединеніе трехъ существенныхъ принадлежностей: силы, проворства и всеобщей подвижности. Если взаимное соединеніе всѣхъ частей производитъ это желаемое дѣйствіе, можно сказать, что машина совершенна; но надобно остерегаться, чтобы одна изъ названныхъ особенностей не увеличивалась въ ущербъ двумъ другимъ, напротивъ, чтобы общность ихъ доказывала вѣрную соразмѣрность... Сраженіе— подвижная сцена, въ которой всѣ обстоятельства смѣняются быстро и мимолетно.

Ллойдъ совершенно вѣрно обрисовываетъ здѣсь всѣ достоинства и недостатки прусской арміи. Да, это была машина, доведенная до совершенства, превосходно дѣйствовавшая при извѣстныхъ условіяхъ и искусномъ руководителѣ. Какъ опытный актеръ, она хорошо изучила заданную ей роль и часто увлекалась до такой степени, что входила въ эту роль и заставляла забывать, что это только выученное. Но измѣнились обстоятельства, противники прусской арміи приняли другой способъ дѣйствій, и, понявъ, въ чемъ состояла сильная сторона прусской тактики, вынудили пруссаковъ сражаться на пересѣченной мѣстности: такъ, въ 1806 году, разыгралось сраженіе при Іенѣ и Ауэрштедтѣ— и въ шесть недѣль не существовало Пруссіи и ея прославленной арміи. Ллойдова машина оказалась неподвижною на невыгодной мѣстности, и когда поле сраженія перестало быть театральною сценою, а, вмѣсто наступленія строя на строй, пруссаковъ били на выборъ невидимые ими, за мѣстными закрытіями, непріятели,— то армія прусская разбѣжалась, доказавъ этимъ, что изъ трехъ Ллойдовыхъ качествъ сохранилось за ея индивидуальными оробѣвшими частицами только проворство ногъ и быстрота бѣгства.

Но и до 1806 года, въ эпоху самыхъ блестящихъ успѣховъ прусскаго оружія, безпристрастный наблюдатель отыскалъ бы начала будущихъ неудачъ въ самомъ духѣ прусской арміи. При-

[1]) Точнѣе: «дѣйствій», потому-что Ллойдъ полагалъ достигать цѣли войны посредствомъ маневрированія.

веду приказъ Фридриха въ 1757 году передъ Россбахскимъ сраженіемъ; въ этомъ приказѣ—вся исторія прусской арміи и геній ея предводителя:

«Друзья,—говорилъ Фридрихъ,—вотъ минута, въ которую все, что мы имѣемъ и должны считать дороже всего въ мірѣ, положено на остріе меча, извлекаемаго нами для боя. Я не имѣю, мнѣ кажется, ни времени, ни нужды долго говорить съ вами. Вы знаете, что до сихъ поръ не было того лишенія, усталости, труда, опасности, которыхъ бы я постоянно не раздѣлялъ съ вами, и что въ настоящую минуту вы видите меня готовымъ погибнуть съ вами и за васъ. Я прошу только у васъ, друзья мои, дать мнѣ усердіе за усердіе и любовь за любовь. Я прибавлю еще одно слово, но не въ видѣ ободренія, а какъ доказательство заранѣе выраженной благодарности, которою я хочу вамъ быть обязанъ. Съ этой минуты и до вступленія на зимнія квартиры армія получаетъ двойное жалованье. Идемъ; ведите себя какъ люди, и надѣйтесь только на Бога!»

Фридрихъ зналъ, съ кѣмъ и когда говорилъ; онъ помнилъ старинное правило Маккіавеля, какъ должно дѣйствовать на наемныхъ солдатъ и обѣщалъ прибавку жалованья въ награду за будущіе подвиги. Солдаты хорошо его поняли и превзошли себя подъ Россбахомъ и Лейтеномъ, а историки записали имена этихъ двухъ побѣдъ, какъ новое доказательство совершенства прусскихъ войскъ и ихъ способа обученія.

И эта идеальная армія, предметъ зависти и удивленія всей Европы, была показана Фридрихомъ II молодому и впечатлительному наслѣднику русскаго престола, никогда не видавшему маневрированія большихъ массъ войскъ. «Я только сѣдой инвалидъ,—отвѣтилъ Фридрихъ II на восторженныя слова Павла, желавшаго выразить свое счастіе при свиданіи съ столь знаменитымъ героемъ,—лучшій другъ вашей славной родительницы, и счастливъ, что могу принять наслѣдника престола, перваго въ Европѣ».

Когда начались маневры, поражавшіе даже состарѣвшихся на службѣ людей своею точностью и условною красивостью, восторгъ великаго князя былъ неизобразимъ; предъ нимъ осуществились мечты его ранняго дѣтства [1]); онъ видѣлъ наконецъ

[1]) У Порошина записаны эти мечты въ дневникѣ слѣдующими словами: «Сентября 5-го. Во время обуванья, изволилъ мнѣ сказывать его высочество,

«настоящую» армію, сдѣлался ея восторженнымъ поклонникомъ, успѣлъ ближе ознакомиться съ нею во время втораго своего путешествія и завелъ войско по образцу ея, инструкторомъ котораго былъ прусскій офицеръ, замѣченный и у себя по улучшенію въ производствѣ пальбы, стало быть, имѣвшій знаменитость въ нѣкоторомъ родѣ.

Баронъ Штенверъ только привезъ съ собою инструкцію Фридриха II, считавшуюся «весьма секретною», и началъ по ней обучать вновь набранныя команды. Переводчикомъ инструкціи былъ Кушелевъ, а исполнителемъ неумолимый Аракчеевъ; въ послѣдствіи же, по восшествіи Павла на престолъ, для изданія, уставъ окончательно передѣланъ любимцемъ императора, графомъ Ростопчинымъ.

Сличая нашъ уставъ, изданный 29-го ноября 1796 года, т. е. спустя двадцать три дня по восшествіи Павла на престолъ, съ подлинникомъ, нельзя не подивиться смѣлости Кушелева и въ особенности Ростопчина, съ какою они выдали за самостоятельное сочиненіе весьма плохой и неточный переводъ прусскаго

что, какъ онъ вчерась кругомъ билліарда бѣгалъ, а я съ г. Остервальдомъ въ билліардъ игралъ, то представлялось ему, будто происходитъ баталія и онъ съ однимъ эскадрономъ прогналъ цѣлый полкъ; побитыхъ никого не было. Отъ сего взялъ я случай спросить государя великаго князя и о прочихъ временахъ, когда онъ изволитъ кругомъ бѣгать и голосомъ своимъ то пальбу, то барабанный и литаврный бой производить и разныя распоряженія дѣлать, какими тогда играми живое его воображеніе увеселяется. Удовольствовалъ его высочество мое желаніе и изволилъ мнѣ о томъ разсказывать:

«Давно уже, давно, то есть въ 1762 году, представлялося ему, что двѣсти человѣкъ дворянъ набрано, которые всѣ служили на коняхъ; въ семъ корпусѣ былъ онъ въ воображеніи своемъ сперва ефрейтъ-капраломъ, потомъ вахмистромъ и должность сію отправлялъ еще въ это время, какъ мы отсюда въ томъ годѣ въ Москву ѣхали. Вотъ какъ мы издалека взяли исторію воображенія его высочества! Изъ того корпуса сдѣлали пѣхотный корпусъ въ шестистахъ, потомъ въ семистахъ человѣкахъ. Тутъ его высочество былъ будто прапорщикомъ. Сей корпусъ превратился въ цѣлый полкъ дворянъ, изъ 1,400 человѣкъ состоящій. Тутъ его высочество былъ поручикомъ и на ординарцахъ у генерала князя Михаила Михайловича Голицына. Отселѣ попалъ онъ въ гвардію, въ Измайловскій полкъ въ сержанты, и былъ при турецкомъ посланникѣ, и потомъ очутился въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ кадетомъ, откуда выпущенъ въ Новгородскій карабинерный полкъ поручикомъ; теперь въ томъ же полку ротмистромъ. Такимъ образомъ, его высочество, въ воображеніи своемъ переходя изъ состоянія въ состояніе, отправляетъ разныя должности и тѣмъ въ праздное время себя иногда забавляетъ».

устава, изданнаго въ Пруссіи, подъ заглавіемъ: La tactique ou discipline selon les nouveaux réglemens prussiens. 1760.

Въ переводѣ этомъ произвольно сдѣланы исключенія и добавленія, съ умысломъ примѣненныя не къ дѣйствительной потребности, а къ лицамъ и современнымъ обстоятельствамъ, что̀ задѣло и оскорбило людей, стоявшихъ до тѣхъ поръ высоко надъ другими.

Но покуда этотъ уставъ сдѣлался закономъ для русской арміи, онъ строго исполнялся въ Гатчинскихъ войскахъ, гдѣ Аракчеевъ, Кушелевъ, Малютинъ, Баратынскій, Эртель, Лавровъ, Капцевичъ, Эссенъ, Левенштернъ, Сукинъ, Каннабихъ, Кологривовъ, Линденеръ готовились къ будущей роли генералъ-инспекторовъ пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи. Не смотря на строгость службы и совершенное безпристрастіе въ требовательности со стороны Павла Петровича ко всѣмъ начальникамъ, интрига и соперничество—эти характеристическія особенности нашихъ общественныхъ отношеній—проникнули въ тѣсный Гатчинскій кружокъ, и работали неустанно.

Съ воцареніемъ Павла I должна была начаться новая эра для давно задуманныхъ имъ преобразованій и улучшеній. Новые дѣятели также съ томительнымъ ожиданіемъ желали наступленія «своего часа» и, наконецъ, «часъ этотъ» настылъ. Первымъ знакомъ милости Павла къ его бывшимъ сослуживцамъ былъ переводъ всѣхъ ихъ въ гвардію, въ день вступленія гатчинцевъ въ Петербургъ, 9-го ноября 1796 года, и назначеніе командирами гвардейскихъ полковъ и частей—бывшихъ въ Гатчинѣ баталіонными и полковыми командирами, а первымъ знакомъ довѣрія было изданіе составленнаго ими устава, основаніемъ для котораго должна была послужить инструкція, которою руководствовались въ Гатчинѣ.

Составители устава видимо торопились и нàскоро выхватывали изъ прусскаго регламента то, что̀, по ихъ мнѣнію, могло дополнить принятыя еще въ 1782 году правила для обученія гатчинскихъ войскъ. Поспѣшность работы была по-истинѣ изумительна и доказала, что «усердіе все превозмогаетъ»: 9-го послѣдовало вступленіе гатчинцевъ въ Петербургъ и поверстаніе ихъ въ гвардію, а 29-го ноября уже обнародованы два воинскіе устава, выдвинувшіе впередъ Кушелева, Аракчеева и Ростопчина.

Личность Кушелева мало замѣчательна: это былъ почтенный по наружности старичокъ, но въ душѣ мелкій интриганъ и вообще человѣкъ малоспособный; Павелъ терпѣлъ его по привычкѣ и тихости; но графы Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ и Ѳедоръ Васильевичъ Ростопчинъ слишкомъ извѣстны Россіи, чтобы здѣсь умолчать о нихъ, и мы обязаны сдѣлать это потому въ особенности, что Штенверъ и Кушелевъ были люди малограмотные и доставляли только матеріалы, общая же ихъ обработка и примѣненіе къ русскимъ нравамъ принадлежитъ Аракчееву и, въ особенности, Ростопчину.

Не одинъ разъ упоминали мы имя Аракчеева и старались по возможности обойти біографическія подробности, касающіяся этого человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, едва ли можно вообразить себѣ, какъ, единственно благодаря своей настойчивости и исполнительности, могъ онъ снискать расположеніе и довѣренность Павла Петровича, и сохранить ее во время нахожденія при немъ.

Съ одной стороны, это оправдывалось безпредѣльною преданностью Аракчеева къ его царственному благодѣтелю и готовностію къ постоянной дѣятельности по его указанію; но как̀ъ согласить эти превосходныя и истинно похвальныя качества съ глубокимъ презрѣніемъ ко всему, что̀ стояло ниже временщика, и съ постояннымъ хвастовствомъ тѣмъ, что онъ учился на мѣдныя деньги, а стоитъ неизмѣримо выше «книжниковъ и фарисеевъ», то есть людей, занимающихся наукою?

Главный упрекъ Аракчееву слѣдуетъ сдѣлать въ особенности за то, что, послѣ уваженія, какимъ пользовались наука, знаніе и достоинство во времена Екатерины, онъ, будучи человѣкомъ далеко неглупымъ, ввелъ въ моду щегольство грубостію и невѣжествомъ и обратилъ въ правило то, что̀ могло только задумать и осуществить его безмѣрное самолюбіе и самовластіе. «У меня,— говорилъ онъ,—уменъ и ученъ не тотъ, кто учится, а кому прикажу быть ученымъ».

И этотъ человѣкъ, при имени котораго трепетало все, который до послѣдней минуты своей жизни не рѣшался съѣсть какое либо блюдо или выпить чашку кофе прежде, чѣмъ попробуетъ это его любимая собака, этотъ человѣкъ при концѣ своей жизни съ наслажденіемъ разсказывалъ о своей скорой ѣздѣ изъ

Петербурга въ Грузино и въ заключеніе прибавлялъ: «любятъ меня и уважаютъ» [1]).

То есть «проклинаютъ и ненавидятъ», могла бы ему подшепнуть совѣсть и еще свѣжая могила убитой Настасьи, его любовницы; но Аракчеевъ, обратившійся послѣ 1826 года изъ самовластнаго временщика въ любезнаго и добренькаго, гостепріимнаго старичка, считалъ внушаемый имъ повсюду ужасъ за уваженіе, и убаюкивалъ себя этою мыслью; а посѣтители Грузина, довольные тѣмъ, что они были у Аракчеева и вышли цѣлы и невредимы, говорили о немъ чуть-ли не какъ о благодѣтелѣ русскаго человѣчества.

Единственнымъ, едва пережившимъ его, памятникомъ оставилъ по себѣ Аракчеевъ военныя поселенія, и правдивая исторія этого учрежденія (суд. 1871 г.) показала уже какъ мало административнаго чутья было у пресловутаго преобразователя русской артиллеріи, идеала нѣкоторыхъ артиллеристовъ стародавняго покроя, которые во всемъ, даже въ пріемахъ, голосѣ и обхожденіи съ подчиненными, старались подражать своему идолу, простершему самонадѣянность до того, что на надгробной доскѣ своей, подъ бюстомъ императора Павла, Аракчеевъ приказалъ написать: «Сердце чисто и духъ правъ предъ тобою». И это написалъ человѣкъ, который, изъ угожденія личному, мелкому самолюбію, внесъ начала порчи въ самые лучшіе преобразовательные труды своего государя.

Аракчеевъ еще въ Гатчинѣ успѣлъ составить около Павла Петровича непроницаемый кругъ изъ людей преданныхъ, и зналъ все происходившее, зорко слѣдя за каждымъ знакомъ вниманія великаго князя къ кому бы то ни было. Изъ письма Кологривова къ Аракчееву можно видѣть, съ какою подробностью давались ему отчеты о подобныхъ случаяхъ. По воцареніи Павла I, Аракчеевъ поселился въ Зимнемъ дворцѣ, и здѣсь, пользуясь сосѣдствомъ, совершенно невзначай являлся въ комнату новобран-

[1]) Въ воспоминаніяхъ о селѣ Грузинѣ А. Языкова («Военный Сборникъ», февраль 1861 г., № 2), откуда мы заимствовали эту подробность, читаемъ далѣе: «послѣ (разговора съ графомъ), при возвращеніи нашемъ въ Чудово, ямщикъ разсказывалъ намъ о скорой ѣздѣ графа: «мы выставляемъ въ полстанціи ему подставу; а то бѣда, ежели проѣдетъ 8 часовъ». (Грузино отъ Петербурга въ 140 верстахъ). Л.

ныхъ свитскихъ офицеровъ, строго взыскивая за всякій порывъ веселости.

Но всего хуже, что, будучи вовсе незнакомъ съ военною наукою и едва зная первыя ея начала, Аракчеевъ наблюдалъ за тактическими классами, куда сходились, въ числѣ прочихъ, екатерининскіе генералы, и самъ, въ присутствіи ихъ, дерзалъ читать лекціи. Намъ случалось слышать разсказъ Алексѣя Петровича Ермолова объ этихъ лекціяхъ. Спустя почти болѣе полувѣка, чтенія Аракчеева и Каннабиха, по карриватурности своей, возбуждали искреннюю веселость въ слушателяхъ.

Впрочемъ, съ давнихъ поръ, смѣлость заступаетъ подъ-часъ мѣсто знанія, и о военной наукѣ можно сказать, что въ нее, какъ въ развалины стараго храма, часто входили и входятъ скоты и люди.

Ростопчинъ былъ редакторомъ новаго устава и, безъ сомнѣнія, ему принадлежитъ бо̀льшая часть пропусковъ и дополненій противъ подлинника.

Мы не имѣемъ вовсе желанія помѣщать здѣсь характеристику Ростопчина: это — какъ и біографія Аракчеева — трудъ большой и совершенно неблагодарный, потому что въ Ростопчинѣ пустота, безсердечность, отсутствіе какихъ бы то ни было убѣжденій, при наружномъ лоскѣ образованія, кажущемся добродушіи и даже минутной вспышкѣ на добро, поражаютъ на каждомъ шагу. Въ исторіи кампаніи 1799 года Д. А. Милютина видимъ въ письмахъ къ Суворову официальную сторону Ростопчина, то есть какимъ онъ хотѣлъ казаться; въ дневникѣ же (находящемся въ государственномъ архивѣ) и нѣкоторыхъ напечатанныхъ и ненапечатанныхъ отрывкахъ, Ростопчинъ, не смотря на всѣ желанія выставить себя героемъ, рисуется мелкимъ интриганомъ, завистливымъ хлопотуномъ, безпокойнымъ фрондёромъ—однимъ словомъ, видишь, что передъ тобою «сумасшедшій Ѳедька», какъ постоянно называла его Екатерина, не удостоивавшая Ростопчина другаго имени въ своей перепискѣ съ Потемкинымъ... Суворовъ, во время возвышенія Ростопчина, называлъ его «мальчикомъ, щеголявшимъ пустокрашеніями солиднаго». Ростопчинъ, будучи въ послѣдствіи графомъ, андреевскимъ кавалеромъ и главнокомандующимъ въ Москвѣ, въ 1812 году, отдалъ на растерзаніе черни несчастнаго Верещагина, чтобъ скрыть свой отъѣздъ изъ

столицы, и сначала гордился тѣмъ, что первый зажегъ свой домъ, лишь бы онъ не доставался непріятелю [1]); но, поселившись въ Парижѣ, отрекся отъ славы московскаго Герострата и въ брошюркѣ: «Правда о пожарѣ московскомъ» (La verité sur l'incendie de Moscou) пытался опровергнуть то, что составляло его единственное право на мѣсто въ исторіи, назвавшей пожаръ Москвы—жертвоприношеніемъ древней столицы за честь и независимость Россіи [2])....

Какъ ни торопились составители новаго устава для русской арміи, но, руководимые чувствомъ личности и близорукихъ интересовъ, они не забыли, при сокращеніи прусскаго регламента, добавить нѣкоторыя особенности, наиболѣе огорчившія старыхъ служивыхъ. Именно, въ нашемъ уставѣ добавлена цѣлая глава (части VI-й глава 5-я) о распредѣленіи полковъ по инспекціямъ и какую инспекторы имѣютъ власть, видимо противорѣчащая всему прусскому уставу.

Въ прусской, какъ и въ другихъ тогдашнихъ и нынѣшнихъ

---

[1]) Англійскій коммисаръ при нашей арміи въ 1812 году, генералъ Вильсонъ, доносилъ императору Александру I о дѣйствіяхъ Ростопчина 13-го октября 1812 г.: «я сообщилъ лорду Каткарту описаніе подвига, совершеннаго графомъ Ростопчинымъ; подвигъ этотъ дѣлаетъ честь и ему, и народу. Ваше величество, невозможно имѣть ни малѣйшаго опасенія на счетъ судьбы имперіи, производящей патріотовъ, какіе только вѣками являются въ исторіи».

Сожженіе Воронова (подмосковнаго имѣнія Ростопчина) описано Вильсономъ въ его воспоминаніяхъ съ большою подробностію: «Ростопчинъ,—говоритъ разскащикъ,—наканунѣ оставленія Москвы не далъ намъ спать цѣлую ночь своими шумными жалобами на недобросовѣстность Кутузова, не предварившаго во-время графа и городовое управленіе Москвы о своемъ намѣреніи и помѣшавшаго имъ показать свѣту великій примѣръ римской или, сказалъ онъ одумавшись, русской добродѣтели». «Я никогда этого не прощу ему,—кричалъ Ростопчинъ,—но чего не умѣлъ я сдѣлать тамъ, то сдѣлаю здѣсь (прибавилъ онъ), хотя бы это было еще въ двадцать разъ богаче и красивѣе!»... Вильсонъ, бывшій нѣмымъ свидѣтелемъ этой сцены, помогъ Ростопчину зажечь его брачную постель, на что графъ долго не рѣшался.

[2]) Позднѣйшіе біографы были необыкновенно снисходительны къ Ростопчину; такъ, въ Военно-Энциклопедическомъ Лексиконѣ», на стр. 100 т. XI-го, между прочимъ, читаемъ: «Чтобъ сокрушить распространяемые о немъ (Ростопчинѣ) нелѣпые толки, а, можетъ быть, и съ намѣреніемъ поставить въ тупикъ и нѣкоторыхъ русскихъ (не оцѣнявшихъ его патріотическихъ дѣйствій), онъ издалъ книжку La verité sur l'incendie de Moscou, содержавшую въ себѣ отрицаніе его отъ московскаго пожара, но весьма немногіе вѣрили сему отрицанію.»

Какое упрямство въ томъ, чтобъ считать великимъ, человѣка, который самъ просится въ рядовые!...

арміяхъ, генералъ-фельдмаршалъ выходилъ изъ ряда обыкновенныхъ генераловъ, и всегда—либо состоялъ почетнѣйшимъ лицомъ въ совѣтахъ государей, либо командовалъ арміями. У насъ, въ 1796 году, были два знаменитые генералъ-фельдмаршала: Румянцевъ и Суворовъ; пожалованіе ихъ напоминало Кагулъ и Прагу; фельдмаршаловъ нашихъ знала Европа и обожала Россія, и они, конечно, не только могли возвысить голосъ противъ многихъ недосмотровъ новаго устава, но и останавливать дѣйствія инструкторовъ, наблюдавшихъ за его введеніемъ. Это именно и предвидѣли будущіе инструкторы; они поставили фельдмаршаловъ въ общій списокъ всѣхъ генераловъ и дали имъ одинаковыя съ другими обязанности, что, съ одной стороны, унизило тѣхъ, которые уже имѣли это званіе за военныя заслуги, а потомъ ослабило уваженіе къ званію фельдмаршала, потому что многіе изъ инспекторовъ были произведены въ этотъ высокій чинъ въ мирное время. Таковы были: Репнинъ, Чернышевъ, Эльмптъ, Каменскій, Прозоровскій, Мусинъ-Пушкинъ, двое Салтыковыхъ и Гудовичъ.

Въ доказательство приведемъ 1-ю и 10-ю статьи V-й главы новаго устава:

1. «Вся армія распредѣлена по инспекторамъ; не нужно, чтобы инспекторомъ былъ старшій генералъ, а можетъ быть инспекторомъ фельдмаршалъ, генералъ-аншефъ, генералъ-поручикъ и генералъ-маіоръ, какъ сіе угодно будетъ государю... (далѣе о содержаніи и прогонахъ).

10. Инспектору, подъ опасеніемъ лишенія чина, отвѣчать, чтобы всѣ полки его инспекціи были въ комлектѣ...»

Въ арміи не особенно хорошо было принято это распоряженіе. Суворовъ, по справедливости бывшій представителемъ нашего войска, говоритъ объ этомъ въ письмахъ Хвостову:

— «Инспекторомъ, до генералъ-маіора наряду, фельдмаршалъ понижается: развѣ бы былъ по арміи генералъ-инспекторъ, и тогда не его дѣло симъ заниматься. Онъ имѣлъ право самъ таковыхъ инспекторовъ, изъ нижняго генералитета, посылать; а довольно съ него быть, какъ прежде, всегда главнокомандующимъ, до котораго званія я служилъ больше полувѣка, и честно его заслужилъ, больше всѣхъ иныхъ, ранами, увѣчьями и многими побѣдами и на краткую мою жизнь грѣхъ его у меня отнимать». (29-го декабря 1796 года).

— «Новый титулъ! я инспекторъ, я вамъ выяснялъ, что былъ такимъ подполковникомъ; я быть такимъ не могу... и не хочу: я главнокомандующій, генералъ-генераловъ, и въ генералитетѣ, хотя общемъ, но съ моими преимуществами и тамъ имѣлъ своихъ инспекторовъ. Я батальевъ не проигрывалъ, какъ покойникъ прусскій и великій король» (11-го января 1797 года).

Этотъ знакомый всей русской арміи голосъ былъ какъ бы только началомъ борьбы стараго порядка вещей съ новымъ, или, лучше сказать, началомъ борьбы гатчинскихъ инструкторовъ съ людьми екатерининской эпохи.

Борьба эта происходила у подножія престола, на который вступилъ монархъ, желавшій всею силою души блага Россіи и русскому войску, и слишкомъ двадцать лѣтъ лелѣявшій въ душѣ мысль о преобразованіяхъ. Но исполнители воли его, по обстоятельствамъ стоявшіе къ нему ближе другихъ, прежде всего сами желали быть на первомъ планѣ и требовали у прежнихъ дѣятелей уступить имъ мѣсто.

Уступка эта произошла не совершенно охотно: старики заупрямились, неохотно поддавались на нововведенія, возражали на правила новыхъ уставовъ, не торопились вводить ихъ въ войска и несовсѣмъ ласково приняли пріѣхавшихъ генералъ-адъютантовъ, посланныхъ для повѣрки успѣховъ введенія новаго устава. Приближенные Государя успѣли объяснить это духомъ непокорства, укоренившимся въ войскахъ, и привычкою къ стариннымъ злоупотребленіямъ, по которымъ каждый начальникъ считалъ себя вполнѣ самостоятельнымъ лицомъ. Послѣдствіемъ этого былъ гнѣвъ Павла Петровича и послѣдовательное увольненіе отъ службы, въ теченіе почти трехъ лѣтъ: 7 фельдмаршаловъ, 333 генераловъ и 2,261 офицера, бо̀льшая часть которыхъ, впрочемъ, была снова принята на службу спустя годъ и менѣе.

Кромѣ Румянцева († 8-го декабря 1796 г.), впавшаго въ немилость за нѣкоторыя замѣчанія на новый уставъ, уволены: Суворовъ, Репнинъ, Чернышевъ, Эльмптъ, Каменскій, Прозоровскій и Гудовичъ. Остались на службѣ только графы Иванъ Петровичъ и Николай Ивановичъ Салтыковы, и графъ Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ.

Изъятіе сдѣлано было для Николая Ивановича Салтыкова потому, что онъ былъ преданъ Павлу Петровичу съ самой его юно-

сти, и уже съ 1769 года находился при немъ, а съ 1783 года занимался воспитаніемъ великихъ князей Александра и Константина Павловичей. Н. И. Салтыковъ отличался правдивостью, но былъ высокомѣренъ и мстителенъ (въ особенности долго мстилъ онъ Суворову), и заслуживаетъ справедливый упрекъ за угодливость свою новымъ любимцамъ, хотя, по званію президента военной коллегіи и вліянію на Павла Петровича, онъ могъ во многомъ открыть ему глаза; нельзя не упрекнуть также Салтыкова, зачѣмъ онъ взыскалъ своими милостями и вывелъ въ люди Аракчеева.

Что же касается до Ивана Петровича Салтыкова и Мусина-Пушкина, то оба они были люди въ высшей степени посредственные и угодливые предъ сильными міра сего.

Любопытны отзывы Екатерины о Иванѣ Петровичѣ Салтыковѣ и Валентинѣ Платоновичѣ Мусинѣ-Пушкинѣ [1]).

Въ 1789 году, октября 4-го, Екатерина писала Потемкину: «Касательно финляндскихъ дѣлъ, я жду отвѣта твоего на мое письмо о Миллерѣ, либо Долгоруковѣ, но наипаче перваго я бы охотнѣе желала, нежели Салтыкова, который ссоръ между генералами не ускромитъ, еще глупъ и упрямъ».

Еще болѣе рѣзко отзывалась она о Мусинѣ-Пушкинѣ, о которомъ даже Бантышъ-Каменскій, возводившій всѣхъ въ герои, могъ только сказать, «что онъ былъ хорошъ собою». Екатерина была откровеннѣе и не щадила Мусина-Пушкина въ своей перепискѣ съ Потемкинымъ. Привожу два наиболѣе сильныхъ мѣста:

— «Изъ Гекфорса и Кюмендгарда шведы вышли; по сейчасъ Пушкина ничѣмъ принудить не можно было воспользоваться симъ случаемъ, чтобы нанести шведамъ наивящшій вредъ... Сей мѣшокъ нерѣшимой мнѣ весьма надоѣлъ и, воистину, онъ командовать не умѣетъ». (Сентября 6-го 1789 года).

— «Графомъ В. П. Мусинымъ-Пушкинымъ я весьма недовольна, по причинѣ нерѣшительности его и слабости; онъ никакимъ совѣтомъ не умѣетъ воспользоваться. Между генералами его завелись кабалы такія, по слабости, кои общему дѣлу вредны; однимъ словомъ, его и весь его генералитетъ смѣнить неминуемо

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1876 года: письма Екатерины II къ князю Потемкину.

надлежитъ. Либо Миллера, либо Долгорукова пришли сюда». (Сентября 17-го 1789 года).

Но Салтыковъ и Мусинъ-Пушкинъ, негодные въ военное время, оказались, по мнѣнію гатчинцевъ, хороши во время мира; они съ большою готовностію приняли новый уставъ и тотчасъ же ввели его въ свои войска.

Что̀ же это былъ за уставъ, и почему возбуждалъ онъ противъ себя лучшихъ военныхъ людей русской арміи?

Уставъ, какъ и всякая инструкція, есть, время отъ времени, обновляемое учрежденіе, зависящее отъ усовершенствованій и открытій въ той отрасли, для которой уставъ служитъ руководствомъ. Достоинство каждаго законодательства именно и состоитъ въ томъ, чтобы уставы и инструкціи, какъ узаконенія, измѣняющіяся съ теченіемъ времени и перемѣною обстоятельствъ, были отдѣлены отъ основныхъ законовъ, вылившихся изъ жизни, исторіи и народнаго быта. Въ нѣкоторыхъ установленіяхъ техническихъ, уставъ есть наука, доведенная до послѣдняго слова и переданная для руководства въ самой общепонятной формѣ. Таковы, между прочимъ, уставы военные. Нельзя переучивать войско и перемѣнять его организацію съ каждымъ усовершенствованіемъ тактики и военной администраціи; уставъ не можетъ и не долженъ мѣняться слишкомъ часто, иначе онъ потеряетъ свою обязательную силу и войско не будетъ знать, чему учиться и не учиться; самое уваженіе къ службѣ зависитъ отъ нѣкоторой стойкости въ принятыхъ убѣжденіяхъ. Но, съ другой стороны, допустить въ видѣ закона и обратить въ науку даже совершенный уставъ, значитъ закаменить его и положить конецъ развитію и совершенствованію военнаго дѣла. Въ этомъ-то противорѣчіи и заключается причина тѣхъ увлеченій, которыя довольно часто повторялись въ исторіи, и всегда имѣли самыя бѣдственныя послѣдствія.

Фридрихъ II и его военныя учрежденія служатъ лучшимъ тому доказательствомъ.

Самъ онъ не изобрѣлъ и не имѣлъ, на первыхъ порахъ, времени что̀ либо изобрѣсти въ военномъ дѣлѣ. Начавъ войну съ самаго вступленія на престолъ, и продолжая ее, съ промежутками, до 1762 года, Фридрихъ, по необходимости, оставилъ существовавшій способъ набора, продовольствія, обмундированія, строя

и обученія войска. Онъ сдѣлалъ свои войска только подвижнѣе, и, пользуясь этимъ и превосходствомъ кавалеріи, постоянно разбивалъ своихъ неповоротливыхъ противниковъ. Тайна успѣховъ Фридриха заключается именно въ неподвижности войскъ его непріятелей, которыя, разъ занявъ крѣпкую позицію, спокойно оставались на ней и позволяли королю прусскому безнаказанно обходить себя и атаковать съ фланга, производя для этого движенія чуть ни подъ самыми выстрѣлами ихъ позиціи. Еслибъ кто нибудь теперь, при способности войскъ къ быстрымъ наступательнымъ движеніямъ, вздумалъ дожидаться, въ виду непріятеля, присоединенія къ себѣ подкрѣпленій, какъ это сдѣлалъ Фридрихъ подъ Прагою, ожидая Шверина, или началъ обходное движеніе въ виду непріятеля, подобно тому, какъ поступилъ прусскій король подъ Лейтеномъ, то неминуемо бы онъ подвергся совершенному пораженію.

Подъ Россбахомъ, въ 1757 году, союзники такъ же хотѣли обойти фронтъ позиціи Фридриха, какъ онъ обходилъ ихъ позиціи. Однако Фридрихъ перемѣнилъ свое расположеніе и нà-голову разбилъ союзниковъ, прежде чѣмъ они успѣли построиться послѣ обхода. Но Фридрихъ зналъ своихъ противниковъ и изумлялъ ихъ тѣмъ, что, имѣя войска совершенно такія же, по наружности, какъ и у нихъ, постоянно одерживалъ надъ ними побѣды. Отсюда и причина необыкновенной популярности короля прусскаго въ Европѣ и общаго стремленія подражать ему.

Послѣ мира, окончившаго Семилѣтнюю войну, Фридрихъ II, какъ бы изъ признательности къ своей побѣдоносной арміи, оставилъ, въ теченіе всего остальнаго времени своего царствованія,—болѣе 24-хъ лѣтъ,—совершенно безъ измѣненія ея уставы и всѣ учрежденія; а поклонники генія короля-полководца обратили этотъ уставъ въ науку и сдѣлали непремѣннымъ закономъ.

Прибавимъ, что въ Европѣ тогда не было ни одной рѣшительной войны, кромѣ войнъ Россіи и Австріи съ Турціею, но эти войны были какъ бы мѣстныя; война же за Баварское наслѣдство прошла въ маневрахъ и передвиженіяхъ, и потому всѣ эти военныя дѣйствія не представили случая усомниться въ достоинствѣ тактики Фридриха, которая необыкновенно нравилась картинностью своихъ построеній и кажущеюся легкостью въ маневрированіи большими массами.

Уставъ этотъ предполагалъ непріятеля, стоящаго неподвижно и спокойно выжидающаго окончанія маневровъ, для которыхъ наступающій, какъ бы ни были велики его силы, строился въ колоннахъ и по ордръ-де-баталь раздѣлялся на авангардъ, въ составъ котораго всегда назначались гусары, егеря и легкая кавалерія; назначеніе авангарда было завязать дѣло съ непріятелемъ и привлечь его вниманіе на часть позиціи, на которую наступали для вида, съ цѣлью обмануть.

Въ болѣе или менѣе значительномъ отдаленіи отъ авангарда слѣдовали главныя силы, раздѣляемыя на двѣ массы (шедшія каждая—либо въ одной общей колоннѣ, либо формировавшія нѣсколько колоннъ, головы которыхъ были на одной линіи); одна изъ этихъ массъ, и преимущественно правая, закрываясь авангардомъ, шла на ту точку непріятельской позиціи, которую дѣйствительно предполагалось атаковать: это значило—идти на поэнъ-де-вю; другая масса, какъ бы пользуясь успѣхомъ наступленія первой, входила съ нею въ общую линію боеваго порядка, или въ алиньеманъ; резервъ, слѣдовавшій за боевыми линіями, строилъ также фронтъ, и затѣмъ начиналось наступленіе съ пальбою, а послѣ выѣзжала кавалерія и преслѣдовала всегда «бѣгущаго» непріятеля.

Необходимо только внимательнѣе всмотрѣться въ этотъ механизмъ, и будетъ ясна вся слабость и несостоятельность подобнаго образа дѣйствія.

Стоитъ только противнику, вмѣсто того, чтобы дожидаться окончанія всѣхъ этихъ хитрыхъ и сложныхъ построеній, броситься на первую наступающую часть и разстроить или замедлить ея построеніе, и тогда весь маневръ не можетъ имѣть мѣста. Турки именно такъ дѣйствовали противъ австрійцевъ, и постоянно разбивали ихъ, но это приписывали неискусству австрійцевъ въ маневрированіи.

Еще въ Гатчинѣ, вмѣстѣ съ прусскою тактикою, усвоены были и термины—«поэнъ-де-вю», «шаржированіе», «турнированіе»—вмѣсто словъ: «предметъ», «заряжаніе», «обходное движеніе»; они всѣ повторились и въ новомъ уставѣ; но составители этимъ однимъ не ограничились: они выдали за свое собственное произведеніе инструкцію Фридриха II, оставивъ въ ней всѣ упреки и обвиненія, относившіеся собственно къ прусскому

войску, выпустивъ многія статьи, смягчавшія строгость дисциплины и возвышавшія уваженіе къ военной службѣ, и дополнивъ такими подробностями, которыя относились къ лицамъ, пользовавшимся въ Россіи общимъ уваженіемъ.

Это послѣднее обстоятельство и должно лечь тяжелымъ упрекомъ на памяти исполнителей воли Павла I, душа котораго оставалась непричастною всѣмъ этимъ мелкимъ соображеніямъ. Онъ желалъ лучшаго, полагалъ и былъ увѣренъ, что сдѣлалъ его, и естественно счелъ упорствомъ и своеволіемъ неготовность и неохоту, съ которыми принимались эти нововведенія.

Нельзя не упрекнуть и противниковъ новаго устава въ недостаткѣ откровенности—всѣ они дѣйствовали большею частію намеками, не рѣшаясь сказать открытую правду; рѣшительнѣе всѣхъ говорилъ Суворовъ и потому-то одинъ онъ и былъ замѣченъ Павломъ между другими; императоръ, прогнѣвавшійся на него вначалѣ, перенесъ его капризы, не одинъ разъ вступалъ съ нимъ въ переговоры и, наконецъ, помирился съ причудами старика, уступилъ ему во всемъ и, назначивъ, въ 1799 году, главнокомандующимъ, возвелъ въ званіе генералиссимуса, хотя послѣ снова прогнѣвался на него.

Суворовъ лучше всѣхъ понялъ и оцѣнилъ по достоинству новый уставъ, и это дѣлаетъ величайшую честь нашему полководцу.

Герой Измаила и Праги, страстно привязанный къ императору и пользовавшійся особеннымъ его расположеніемъ, рѣшился идти противъ тѣхъ, которые, подъ видомъ улучшеній, хотѣли вводить устарѣлыя правила, принадлежавшія совершенно чуждому намъ народу и времени, и въ то время, когда Репнинъ, герой Мачинскій, и Кутузовъ усердно посѣщали лекціи Каннабиха и Аракчеева о прусской тактикѣ и не могли нахвалиться ими, одинъ Суворовъ называлъ эти лекціи ученьемъ, гдѣ слѣпые учатъ кривыхъ, а уставъ—«неморосссійскимъ переводомъ рукописи, изъѣденной мышами и двадцать лѣтъ тому назадъ найденной въ развалинахъ стараго замка». И въ самомъ дѣлѣ, сличая нашъ уставъ съ сочиненіемъ Фридриха Великаго: «La tactique ou discipline selon le nouveau régle ment Prussien, 1760», видишь, что это большею частію буквальный переводъ, въ которомъ мѣстами сдѣланы исключенія и добавленія, съ умысломъ примѣненныя не

къ дѣйствительной потребности, а къ лицамъ, съ цѣлію задѣть ихъ самолюбіе.

Прежде всего поражаетъ передача въ буквальномъ переводѣ тѣхъ недостатковъ, какіе были замѣчены Фридрихомъ Великимъ въ его—прусской—арміи. Прибавимъ, что нахожденіе этихъ узаконеній въ уставѣ 1796 года и подало поводъ думать, что армія Екатерины была необузданною и недисциплинированною толпою.

Вотъ это узаконеніе въ уставѣ 1796 года (1 часть, IX гл., ст. 1).

«Ежедневное испытаніе показываетъ рождающіеся по-часту безпорядки въ полкахъ отъ несогласія между офицерами, и зло, происходящее когда непріязнь и вражда заведутся между оными. Все сіе не можетъ не клониться къ разрушенію субординаціи, слѣдственно, и самой службы; чему примѣромъ привести можно лѣность, неисполненіе должности и неохотное повиновеніе въ офицерахъ, простирающееся даже до упорства противу приказанія, и спора и разсужденія противу онаго. И для того здѣсь наистрожайше подтверждается, подъ опасеніемъ истязанія, должное наблюденіе субординаціи, зачиная отъ генераловъ и конча послѣдними офицерами, вспоминая въ семъ случаѣ все то, что въ военномъ артикулѣ о субординаціи и предпочтеніи чинъ чина сказано; здѣсь также напоминается строгое исполненіе, въ силу устава, касающееся до дисциплины, между унтеръ-офицерами и солдатами».

Правило—разсматриваемое отдѣльно — истинно вѣрное и въ высокой степени справедливое, потому что армія, безъ дисциплины и духа уваженія законности,—толпа, шайка, а не армія: но развѣ штурмы Очакова, Измаила, Праги, развѣ Ларга и Кагулъ не были самымъ блистательнѣйшимъ доказательствомъ торжества дисциплины въ русской арміи? Румянцевъ не церемонился съ кн. Репнинымъ и Эльмтпомъ, когда они невполнѣ удачно исполняли его приказанія при началѣ кампаніи 1770 года; а Суворовъ былъ олицетвореніемъ истиннаго начальника, требовавшаго отъ офицера и солдата, за свои заботы объ ихъ образованіи,—безусловнаго повиновенія; даже вспыльчивый Каменскій, принявшій послѣ смерти кн. Потемкина, въ 1791 году, начальство надъ арміею, покорился волѣ скончавшагося главнокомандующаго и подчинился младшему себя Каховскому.

Гдѣ же подмѣтилъ составитель устава то, въ чемъ онъ упрекнулъ нашу чудесную армію? Вмѣсто отвѣта, приводимъ вступленіе къ 1-й главѣ XI части «Réglement pour l'infanterie prussienne».

«De la subordination.

«Sa Majesté n'apprend qu'avec une peine extrême, que l'espri de discorde glisse dans quelques régiments, n'y produit que dissension et qu'animosités mutuelles, tendantes à detruire toute subordination, et aussi nuisibles au service géneral, qu'au bien particulier de ces regiments. Sa Majesté sait encore, que tous les ordres donnés par les supérieurs à leurs subalternes, de grade en grade, ne sont point exécutés avec toute la déférence, le zèle et l'applicatiou avec lesquelles ils devraient l'être, et même que quelques uns vont jusqu'à critiquer les ordres que leur donnent lest officiers qui les commandent, et commencent par discuter s'ils ont eu tort ou raison de les donner; Elle a donc pensé qu'il était absolumeut necessaire de défendre ces abus, sous peine de son extrême indignation, et de déclarer que la plus stricte de ses volontés est que la subordination la plus exacte soit observée dans tous ses régiments, depuis le général jusqu'au dernier enseigne».

Его величество узналъ съ крайнимъ неудовольствіемъ о томъ, что духъ раздора вкрался въ нѣкоторые полки, не производя ничего инаго, кромѣ взаимной вражды и разъединенія, клонящихся къ разрушенію всякаго чинопочитанія, и столь же вредныхъ какъ вообще службѣ, такъ и частному благу этихъ полковъ. Его величество знаетъ также, что всѣ приказанія, отдаваемыя по чинамъ отъ начальниковъ подчиненнымъ, не исполняются съ должною ревностію, усердіемъ и прилежаніемъ, при чемъ иные дозволяютъ себѣ даже критиковать отдаваемыя ими командующими офицерами, обсуждая, въ правѣ они, или нѣтъ—отдавать ихъ. Его величество призналъ рѣшительно необходимымъ воспретить эти злоупотребленія, подъ опасеніемъ крайняго его негодованія, и объявить, что точнѣйшая его воля состоитъ въ томъ, чтобы строжайшее чинопочитаніе соблюдалось во всѣхъ его полкахъ, отъ генерала до послѣдняго прапорщика».

Сравнивъ переводъ съ оригиналомъ, видимъ, что составители умышленно пропустили не только частности, но и главный смыслъ узаконенія. Замѣна же словъ: «подъ опасеніемъ крайняго его негодованія» словомъ «подъ опасеніемъ истязанія» показываетъ

либо крайнее невѣжество, либо рѣшительный умыселъ придать узаконенію необыкновенную строгость. Всего замѣчательнѣе, что статья говоритъ объ «истязаніи», котораго по закону вовсе не было въ употребленіи въ русской арміи.

Приведемъ еще статью 1-й главы «о побѣгахъ».

«Примѣчается, по крайнему сожалѣнію, что побѣги умножаются, а сіе не можетъ происходить отъ инаго, какъ отъ злоупотребленія и отъ дурныхъ поступковъ командующихъ, равномѣрно и отъ того, когда оные не отпускаютъ людямъ всего сполна. Въ предостереженіе чего объявляется, что за всякаго бѣглаго вычитаемо будетъ съ капитановъ и офицеровъ той роты и полковаго командира, не только полное солдата содержаніе, но и во что̀ мундиръ, аммуниція и все его вооруженіе, срочное и безсрочное, разомъ казнѣ по штату стать могло; о чемъ, какъ и о вычетѣ, рапортовать всякій мѣсяцъ изъ всей инспекціи самому государю. Къ сему прибавить должно, что всякая оплошность и неисправность, а тѣмъ паче умыселъ въ невѣрности рапортовъ, подвергаетъ неизбѣжно подавшаго таковой строжайшему суду, безъ малѣйшаго упущенія».

Въ «Réglement pour l'infanterie Prussienne» статья эта начинаетъ собою рядъ правилъ, изложенныхъ въ IV-й главѣ подъ названіемъ: «Précautions qu'il est nécessaire de prendre pour prévenir la désertion» (необходимыя предосторожности для предотвращенія побѣговъ); тамъ мы читаемъ:

«Sa Majesté ne voit qu'avec la plus grande peine dans les controlles de chaque mois, que de temps en temps les soldats de ses troupes désertent leurs compagnies et leurs drapeaux: Elle en est d'autant plus surprise, qu'Elle veut bien croire qu'aucun d'eux ne peut avoir de justes raisons de plainte; que tous reçoivent en entier leur paye plus considérable que celle de toutes les troupes étrangères; qu'on leur délivre chaque année tout leur habillement et équipement complet; que les éntrangers s'enrollent volontairement, reçoivent de forts engagements, des capitulations (*espèce de convention semblable aux congés de six ans*), et que leurs demandes légitimes leur sont toutes accordées; Sa Majesté ne peut donc attribuer cette désertion qu'à ce qu'on néglige de lire distinctement, et de bien expliquer aux soldats de recrue, lorsqu'ils

pretent serment, *les Articles de guerre*, surtout ceux qui concernent les déserteurs».

«Его величество съ крайнимъ прискорбіемъ усматриваетъ изъ ежемѣсячныхъ отчетовъ, что время отъ времени солдаты его войскъ убѣгаютъ изъ своихъ полковъ и изъ-подъ своихъ знаменъ. Это тѣмъ болѣе удивляетъ его величество, что ему желательно думать, что ни одинъ изъ бѣглецовъ не имѣетъ справедливыхъ поводовъ къ жалобамъ; что всѣ они получаютъ сполна ихъ плату, значительно высшую противъ войскъ иностранныхъ, что имъ ежегодно выдаютъ одежду и экипировку вполнѣ; что вольноопредѣляющіеся иностранцы получаютъ усиленное жалованье, пользуются капитуляціями (родъ договора о шестилѣтнемъ отпускѣ) и что законныя ихъ требованія всегда исполняются. Потому его величество не можетъ приписать этихъ побѣговъ ничему иному, какъ невниманію къ вразумительному чтенію и толковому объясненію рекрутамъ, при принесеніи ими присяги, воинскихъ артикуловъ, въ особенности до дезертировъ относящихся».

Составители нашего устава совершенно исказили смыслъ этой статьи, придавъ ей оскорбительное для корпуса русскихъ офицеровъ значеніе; съ еще бо́льшимъ произволомъ дѣйствовали они тамъ, гдѣ, по ихъ убѣжденію, прусскій регламентъ былъ слишкомъ мягокъ въ отношеніи взыскательности по службѣ, выбирая изъ него только строгія и укорительныя постановленія, которыя, сверхъ-того, въ передѣлкѣ на русскіе нравы, еще болѣе усиливались. Къ числу важнѣйшихъ умышленныхъ пропусковъ, совершенно измѣняющихъ взглядъ на чинопочитаніе и на преступность совершеннаго дѣйствія по прусскому регламенту, слѣдуетъ отнести еще два; въ регламентѣ они помѣщены VIII-ю и XII-ю статьями 1-й главы XI-й части, которая вся цѣликомъ вошла въ нашъ уставъ. Статья VIII: «Если старшій начальникъ съ подчиненнымъ ему офицеромъ употребитъ неприличныя выраженія, его величество отнюдь не одобряетъ такого насилія; но когда подобныя выраженія не болѣе, какъ послѣдствія излишней ревности и сдѣланы въ строю передъ войсками, то офицеръ долженъ, сдержавъ свое первое движеніе, отнюдь не считать ихъ за обиду, и не отвѣчать на нихъ, если только они не касаются чести его; но потомъ онъ можетъ жаловаться полковому командиру». Статья XII: «Офицеры и унтеръ-офицеры не должны никогда входить въ споры

съ пьяными солдатами и еще менѣе бить ихъ, потому что можетъ случиться (и есть тому примѣры), что оскорбленный этимъ обхожденіемъ позволитъ себѣ въ пьянствѣ такое дѣйствіе, за которое подвергнется смертной казни. Наутро, когда пьяный проспится, можно удвоить наказаніе за сдѣланный имъ проступокъ».

Новый уставъ и бо̀льшая часть нововведеній, принятыя почти всѣми съ полною угодливостію и лишь нѣкоторыми съ оговорками и замѣтками, встрѣтили въ Суворовѣ строгаго судью и неумолимаго критика; онъ рѣшился открыто высказать Государю свое мнѣніе, и до тѣхъ поръ не измѣнять ничего во ввѣренныхъ ему войскахъ.

Здѣсь начало и главная причина немилости къ Суворову. Возраженія и жалобы Суворова были приписаны его безпокойному характеру и нежеланію подчиняться кому бы то ни было. Суворовъ, какъ человѣкъ даровитый, имѣлъ много враговъ: они вредили ему во время Екатерины, возбуждая противъ него Зубова и Салтыкова, и теперь рѣшились погубить его, оклеветавъ предъ скорымъ и вспыльчивымъ государемъ. Многіе приписываютъ увольненіе Суворова тому, что онъ, вопреки данныхъ предписаній, посылалъ адъютантовъ по собственнымъ дѣламъ и употреблялъ офицеровъ въ курьерскія должности. Къ чести нашего полководца, мы должны сказать, что, соболѣзнуя объ уменьшеніи своей власти, онъ никогда не оставилъ бы рядовъ любимой имъ арміи и не рѣшился быть ослушникомъ; но въ настоящемъ случаѣ ему пришлось бороться съ своими собственными убѣжденіями и долгомъ службы. Ему, создателю новѣйшей тактики, которой русскій солдатъ былъ обязанъ большею частію своихъ успѣховъ, нужно было отказаться отъ своихъ правилъ, вынесенныхъ изъ боеваго опыта, и безусловно принять всѣ прусскіе обычаи, а, главное, обмундированіе, способъ обученія солдатъ и образъ дѣйствія въ бою.

Обмундированіе нашихъ войскъ во времена Екатерины много походило на введенное въ настоящее время: удобство, отсутствіе затѣй и излишнихъ украшеній, простота и соотвѣтственность каждой вещи съ употребленіемъ—вотъ чѣмъ отличалось обмундированіе нашихъ войскъ въ послѣдніе годы ея царствованія. Но это именно удобство и не нравилось любителямъ прусскихъ порядковъ. Тамъ солдатъ былъ затянутъ въ мундиръ и узкіе пан-

талоны, и потому походилъ по наружности на маркиза временъ Лудовика XIV; сходство это довершала напудренная голова съ косою, увитая черною лентою; чулки со штиблетами и подвязками и лакированные башмаки; послѣдніе, правда, мѣшали ходить, но придавали строю необыкновенно красивый видъ, и если поставить рядомъ екатерининскихъ солдатъ въ короткихъ кафтанахъ съ широкими поясами и широкими панталонами, заткнутыми въ сапоги, съ волосами, обстриженными въ кружокъ, то дѣйствительно подобные солдаты могли оказаться «мужиками».

Иначе смотрѣлъ на все это Суворовъ, не одинъ разъ имѣвшій случай близко и во всей подробности познакомиться съ прусскими войсками. Во время долгихъ походовъ, подъ дождями и непогодою, чѣмъ болѣе падала театральная наружность прусскаго обмундированія, тѣмъ въ бо̀льшей степени возвышалось достоинство русскаго военнаго убора. Этотъ практическій взглядъ и заставлялъ Суворова отозваться о прусскомъ обмундированіи въ слѣдующихъ жесткихъ словахъ:

— «Нѣтъ вшивѣе пруссаковъ; лоузеръ, или вшивень, назывался ихъ плащъ; въ шильтгаузѣ и возлѣ будки безъ заразы не пройдешь, а головной ихъ уборъ — вонью (своею) вамъ пода̀ритъ обморокъ. Мы отъ гадости были чисты, а онѣ первая докука нынѣ солдатъ. Стиблеты гной ногамъ; казенныя казармы, гдѣ ночью запираться будутъ—тюрьма». (11-го января 1797).

«Хотя бы я остался при всѣхъ моихъ прежнихъ преимуществахъ, но «Опытъ военнаго искусства», неудовольствіе солдатъ и чиновниковъ, прусскія преобразованія; Васильчиковъ, Татищевъ, Митусовъ... гонятъ меня немедленно въ Кобринъ». (12-го января 1797).

Столь же строги и правдивы были отзывы Суворова о другихъ частяхъ устава. Онъ одинъ оцѣнилъ ихъ и видѣлъ ошибочность, тогда какъ всѣ остальные начали тотчасъ попирать все старое и учиться новому. Замѣтки Суворова могутъ послужить доказательствомъ того, какъ глубоко понималъ онъ военное дѣло и до какой подробности изучилъ его. Приведу ихъ въ томъ порядкѣ, какъ онѣ высказаны Суворовымъ въ его перепискѣ.

— «Солдаты, сколько ни веселю—унылы и разводы скучны. Шагъ мой уменьшенъ въ три четверти (вмѣсто аршина) и такъ на непріятеля вмѣсто 40—30 верстъ. Фельдмаршалы кассирова-

ны безъ прислугъ въ общемъ генералитетѣ... Въ Москвѣ я безгласенъ и для декораціи величества»... (Января 2-го).

— «Капитанъ, что предъ симъ за 20 лѣтъ открытель шаржирнаго огня и ретирадъ прусскихъ наемниковъ, послѣ маіоръ—сколько помню,—Штендперъ, нынѣ говорятъ Линднеръ...

«Всѣ здѣсь мои пріятели безъ пристрастія судятъ, что лучшій нынѣ случай мнѣ отойти отъ службы». (Января 3-го).

— «Изъ прусской службы капитанъ въ Павловскѣ (теперь я вспомнилъ) оказывалъ прусскія ухватки, коихъ я не видалъ, ниже о томъ слышалъ разговоры. Тако слишкомъ 20 лѣтъ народился «Опытъ военнаго искусства» и—вообразительно—симъ побѣдить заяцъ Александра. Достоинства уже непотребно, ниже практики. Для того ровны фельдмаршалы съ младшими генералами: выгода на воздухѣ, въ отсутствіи... Главнокомандующій пользуется преимуществами царскими—это невозможно, и прежде я буду въ сырой землѣ.

«По «Опыту военнаго искусства»,—поэнъ-де-вю, по русски—предметъ; русскіе прусскихъ всегда били, что-жъ тутъ перенять?» (Января 5-го).

— «Я генералъ—генераловъ. Тако не въ общемъ генералитетѣ.

«Я не пожалованъ при паролѣ.

«Мою тактику прусскіе принимаютъ, а старую протухлую оставляютъ. Отъ сего французы ихъ били.

«Не зная моей тактики, Вурмзеръ въ опасности.

«Я, Боже избавь, никогда противъ отечества». (Января 10-го. Закатъ солнца).

— «Сколь же строго, Государь, ты меня наказалъ за мою 55-ти лѣтнюю прослугу: казненъ тобою—штабомъ, властью производства, властью увольненія отъ службы, властью отпуска, знаменемъ съ музыкою при личномъ караулѣ, властью переводовъ. Оставилъ ты мнѣ, государь, только власть высочайшаго указа 1762 года (о вольности дворянства—служить или не служить).

«Не отлагаю, тороплюсь ѣхать въ Кобринъ». (Января 11-го, утромъ).

— «Вотъ вамъ хаосъ, а мнѣ свѣтъ... не буду сообщникъ вреду отечества, кольми паче противъ его не воздвигну. Блюдите государя!.. Лейстернъ, пруссаки и голштинцы его намащаютъ краскою». (Января 11-го, вечеромъ).

— «Государь лучше Штенвера не видалъ. Я лучше прусскаго покойнаго великаго короля; я, милостію Божіею, батальи не проигрывалъ.

«Въ началѣ ваши розы крыли Россіи терны; ваши лавровые листы открываютъ трухлой корень... Древо валится...

«Всемогущій Боже, даруй, чтобы зло для Россіи не открылось прежде 100 лѣтъ, но и тогда основаніе къ тому будетъ вредно». (Января 12-го).

— «Я выше правилъ.

«Я не уступалъ Юлію Цесарю, наставнику моему до Кобрина.— Мальчикъ Ростопчинъ много добра (сдѣлалъ бы), еслибъ отнялъ пустокрашеніе солиднаго». (Безъ числа).

Эта задушевная исповѣдь показываетъ, какъ близко къ сердцу принималъ Суворовъ все, что касалось славы Государя и успѣховъ русской арміи. Будучи душою и сердцемъ преданъ Государю, Суворовъ ненавидѣлъ окружающихъ его царедворцевъ, безразлично, съ какою-то дѣтскою торопливостью попиравшихъ все прошлое и колебавшихъ въ основаніи истинную дисциплину тѣмъ высокомѣріемъ, съ которымъ обращались они съ старшими ихъ, заслуженными генералами. Суворовъ, понадѣявшись на свою извѣстность, такъ сказать, выпрямился во весь ростъ и открыто объявилъ, что не будетъ портить русскаго солдата по образцу прусскому. Быть можетъ, онъ хотѣлъ при личномъ свиданіи пасть къ ногамъ государя и высказать ему свое мнѣніе о всѣхъ недостаткахъ новаго учрежденія; но враги Суворова не дремали: 6-го февраля 1797 года, онъ былъ отставленъ отъ службы, не смотря на недавнія милости императора.

Между тѣмъ, преобразованіе арміи совершилось необыкновенно быстро: уничтоженіе штабовъ, преобразованіе въ составѣ управленія и обученія пѣхоты, кавалеріи и артиллеріи; строгая отчетность во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ службы; исключеніе всѣхъ уклонявшихся отъ обязанностей, подъ какими бы то ни было предлогами; необыкновенное единообразіе въ обученіи, для чего всюду учреждены экзерциргаузы, — все это вмѣстѣ, въ самое короткое время, совершенно измѣнило русскую армію и дало ей другой видъ.

П. С. Лебедевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ОТЪ МАЛОЯРОСЛАВЦА ДО БЕРЕЗИНЫ

1812 г.

II [1]).

ВЯЗЬМА и КРАСНЫЙ.

Съ 15-го октября по 6-ое ноября 1812 г.

Въ главной квартирѣ фельдмаршала кн. Кутузова не знали, конечно, въ какомъ положеніи оказалась великая армія съ первыхъ дней отступленія. Битва въ Малоярославцѣ, гдѣ съ великимъ мужествомъ и храбростью дрались непріятели, могла дать иное понятіе объ ея боевомъ значеніи, что, въ свой чередъ, должно было войти въ соображенія кн. Кутузова о дальнѣйшихъ, еще весьма продолжительныхъ военныхъ дѣйствіяхъ, пока, по слову русскаго Государя, не „останется ни одного вооруженнаго непріятеля въ предѣлахъ отечества". Преградивъ путь непріятелю на Калугу чрезъ Малоярославецъ, онъ заботился о томъ, чтобы преградить ему путь на Медынь и такимъ образомъ принудить къ отступленію по опустошенной дорогѣ отъ Можайска на Смоленскъ. Съ этою цѣлью, во время дневки большой арміи при Полотняныхъ заводахъ (14-го и 15-го октября), передовыя войска были расположены такъ: авангардъ, подъ начальствомъ Милорадовича, шелъ по Медынской дорогѣ и приблизился къ с. Егорьевскому. Съ дороги, изъ с. Адамовскаго, Ермоловъ доносилъ фельдмаршалу „что, по послѣднему извѣщенію отъ ген. Платова, онъ будетъ находиться въ с. Серединскомъ. Я именемъ вашей свѣтлости одобрилъ сіе направленіе; ибо въ пунктѣ семъ онъ открываетъ все непріятеля движеніе и готовъ въ скорости напасть на фланги его по дорогамъ отъ Боровска на Верею и отъ Кременскаго на Верею. Я приказалъ наблюдать сію послѣднюю дорогу, дабы авангардъ безпечно могъ слѣдовать за непріятелемъ. Правый нашъ флангъ будетъ совершенно безопасенъ; казаками

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1877 г., томъ XVIII, стр. 21—68.

будетъ открываемо влѣво направленіе къ Юхнову. Всѣ казачьи полки, бывшіе въ авангардѣ, присоединяются къ г. Платову. Собственно въ распоряженіи авангарда оставляется пять полковъ. Непріятель, кажется, принимаетъ рѣшительно движеніе отступательное. Черезъ нѣсколько часовъ ваша свѣтлость получить изволите достовѣрныя донесенія. Именемъ вашимъ подвигну я авангардъ весь въ подкрѣпленіе г. Платову". Кн. Кутузовъ, зная порывы своихъ боевыхъ сотрудниковъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, постоянно предписывалъ имъ не увлекаться и дѣйствовать осторожно. Потому, въ заключеніе Ермоловъ прибавляетъ: „прошу вашу свѣтлость быть увѣреннымъ, что ничего неосмотрительнаго и слишкомъ дерзкаго предпринято не будетъ" [1]). Безъ сомнѣнія, г. Ермолову извѣстно было въ это время, что непріятель рѣшительно отступаетъ, но онъ выражаетъ свою мысль въ видѣ предположенія потому, что еще не было извѣстно отступитъ ли онъ на Медынь или на Можайскъ. Въ этотъ день (16-го октября) генералъ Карповъ, вытѣснивъ, около 10-ти часовъ утра, непріятельскій аріергардъ изъ Боровска, двинулся къ с. Егорьевскому на соединеніе съ авангардомъ. Дивизія г. Паскевича находилась у Медыни въ 4-хъ верстахъ отъ города. Графъ Орловъ-Денисовъ съ 6-ю казачьими полками, 6-ю орудіями Донской конной артиллеріи—за селомъ Егорьевскимъ на Медынской дорогѣ. Атаманъ Платовъ съ 13-ю полками и ротою артиллеріи приблизился къ с. Серединскому, гдѣ получилъ слѣдующее предписаніе фельдмаршала. „Его свѣтлость поручилъ мнѣ доложить вамъ,—писалъ ему г. Коновницынъ,—чтобы вы какъ можно болѣе старались открыть положеніе непріятельскихъ силъ, въ Боровскѣ и Вереѣ расположенныхъ, равно и настоящее ихъ марша направленіе. Положеніе ваше при с. Серединскомъ даетъ вамъ удобный случай на сіе открытіе" [2]).

Между тѣмъ какъ передовыя наши войска расположены были не въ дальнемъ разстояніи одни отъ другихъ, такъ что удобно могли сосредоточиться для дѣйствія общими силами противъ непріятеля и удержать его напоръ до прибытія большой арміи, партизанскіе отряды находились не далеко отъ нихъ и могли, съ своей стороны, какъ собирать свѣдѣнія о непріятелѣ, такъ и тревожить его постоянными набѣгами. Отряды кн. Кудашева и Кайсарова наблюдали дорогу отъ Боровска къ Вереѣ, находясь не въ дальнемъ разстояніи по обѣимъ ея сторонамъ. Отряды Фигнера и Сеславина—между Медынскою и Смо-

---

[1]) Рапортъ, 16-го октября 1812 г. въ 12 ч., 15 верстъ отъ с. Адамовскаго, вышедши изъ Малоярославца.

[2]) Предписаніе 16-го октября отъ Полотняныхъ заводовъ.

ленскою дорогами, въ селѣ Куровѣ. Полковникъ Давыдовъ дѣйствовалъ съ своимъ отрядомъ между Гжатью и Вязьмою [1]). Сверхъ того былъ составленъ новый отрядъ подъ начальствомъ ген.-ад. Ожаровскаго. „Главный предметъ вашъ,—предписывалъ ему кн. Кутузовъ,—нападать на малые непріятельскіе отряды и транспорты, идущіе по Смоленской дорогѣ; уничтожать учрежденные на семъ пути магазины, а по селеніямъ фуражъ, и тѣмъ отклонять всѣ способы продовольствія для непріятельской кавалеріи и артиллеріи. Въ особенности доставайте вѣрныя свѣдѣнія о непріятелѣ, старайтесь перехватывать его курьеровъ. По мѣрѣ приближенія нашей арміи къ Смоленску, перемѣните и вы направленіе вашихъ дѣйствій, т. е. къ сторонѣ Могилева и Орши. Отряжайте нарочныя партіи для истребленія мостовъ, по коимъ непріятель идти долженъ, чтобы всячески затруднить маршъ его, словомъ сказать, употребите всѣ способы, кои ко вреду ему послужить могутъ" [2]).

Заявленіе ген. Ермолова главнокомандующему, что „черезъ нѣсколько часовъ" онъ получитъ „достовѣрное донесеніе" о движеніи непріятеля, не осуществилось на дѣлѣ. Самъ же Ермоловъ на другой день писалъ ему „что по послѣднимъ извѣстіямъ, отъ жителей полученнымъ, непріятель находится въ шести верстахъ за Егорьевскимъ, въ селеніи Марьино. Авангардъ изъ с. Улановскаго выступаетъ прямою дорогою черезъ село Одуевское, оставя Кременское въ лѣвой сторонѣ, сокращая такимъ образомъ путь 10-ю верстами и избѣгая большой почтовой дороги, гдѣ мосты въ чрезвычайно худомъ состояніи. Сегодня маршъ будетъ столько великъ, сколько позволятъ обстоятельства. Таково есть намѣреніе Милорадовича. 26-я дивизія, по волѣ вашей свѣтлости присоединенная къ авангарду, идетъ къ Егорьевскому прямо изъ Медыни, въ тѣсной связи съ прочими авангарда войсками. Если бы непріятель не успѣлъ совершить фланговое движеніе отъ Боровска черезъ Верею на Борисовъ и далѣе, то постъ у Марьина онъ будетъ удерживать упорно; г. Милорадовичъ намѣревается дѣйствовать съ осмотрительностью. Войска Донскія доставятъ свѣдѣніе и, сверхъ того, собственно отъ авангарда употребленныя къ собранію вѣрныхъ свѣдѣній средства опредѣлятъ дѣйствія его, о чемъ вашей свѣтлости всегда подробно донесено будетъ. Сегодня рѣшительно объяснится направленіе его. Весьма правдоподобно, что непріятель, скрывъ движеніе тяжестей и обозовъ своихъ по Смоленской дорогѣ, заслонитъ ихъ движеніемъ своимъ, имѣя удобность двигаться

[1]) Военный журналъ ген. Толя.

[2]) Предписаніе отъ 17-го октября, изъ с. Адамовскаго.

по мѣстамъ, отовсюду открытымъ до самаго Смоленска" [1]). Такъ доносилъ Ермоловъ фельдмаршалу въ то время, когда войска Понятовскаго, угрожавшія Медыни, отходили отъ нея далѣе и далѣе къ Гжатску, а императоръ Наполеонъ уже достигъ этого города (17-го (29-го) октября). Извѣстія, полученныя кн. Кутузовымъ отъ передовыхъ нашихъ войскъ, послужили поводомъ къ тому, что большая наша армія двинулась (17-го окт.) къ Медыни. Но этому городу уже не предстояло опасности; въ этомъ убѣдились и гражданскія власти Калужской губерніи. Кн. Кутузовъ въ Медыни нашелъ всѣ гражданскія власти, какъ-то: городничаго, дворянскаго предводителя и прочихъ чиновниковъ; притомъ совершенный порядокъ, „приличествующій благоустроенному городу", какъ писалъ онъ въ то же время сенатору Каверину, одобряя его распоряженія и благодаря за нихъ [2]). Но мысль о томъ, что Наполеонъ рѣшится отступать по опустошенной дорогѣ отъ Можайска до Смоленска, угрожавшей вѣрною гибелью его войскамъ, если бы онъ думалъ о ихъ спасеніи, была далека отъ соображеній нашихъ военачальниковъ. Кн. Кутузовъ, придавая, вѣроятно, значеніе соображенію генер. Ермолова, что Наполеонъ, отправивъ всѣ тягости и обозы по этой дорогѣ, будетъ прикрывать ихъ фланговымъ движеніемъ по мѣстности, если не совсѣмъ, то гораздо менѣе опустошенной, двинулъ свои войска (18-го окт.) по направленію къ Можайску, къ с. Кременскому. Только такимъ предположеніемъ и можетъ быть объяснено это движеніе; но въ этотъ же день извѣстія изъ передовыхъ нашихъ войскъ вдругъ измѣнились. Наши партизаны еще 16-го числа извѣщали о движеніи непріятеля на Можайскъ. Кайсаровъ доносилъ г. Коновницыну: „оказывается, и, кажется, справедливое предположеніе, что будетъ идти на Можайскъ" [3]). На другой день графъ Орловъ-Денисовъ положительно извѣщалъ объ этомъ направленіи непріятеля; но это могло быть движеніемъ тѣхъ отрядовъ, которые прикрывали обозы, о движеніи которыхъ на Смоленскую дорогу уже знали въ нашей главной квартирѣ [4]). Но, во время этого движенія отъ Медыни къ Можайску (18-го октября), кн. Кутузовъ получилъ одно за другимъ три донесенія отъ генер. Ермолова, измѣнявшія весь порядокъ военныхъ движеній.

„Его свѣтлости имѣю честь покорнѣйше донесть, что непріятель

---

[1]) Донесеніе 17-го октября; ср. донесеніе главнокомандующему отъ того же числа г. Милорадовича.

[2]) Письмо кн. Кутузова къ Каверину 21-го октября изъ с. Спасскаго; Зеленицкаго, Описаніе происшествій 1812 г. въ Калужской губерніи, стр. 151, 154.

[3]) Донесеніе 16-го октября изъ с. Сатина, въ 5 часовъ по полудни.

[4]) Донесеніе отъ 17-го октября.

съ такою день и ночь отходитъ поспѣшностію, что кромѣ какъ малымъ числомъ казаковъ самый аріергардъ его не преслѣдованъ. Авангардъ же, обманутый ложными извѣстіями и не получа никакихъ свѣдѣній отъ казаковъ, на лѣвомъ флангѣ противъ Малоярославца бывшихъ, сдѣлалъ излишній маршъ и непріятеля развѣ съ трудомъ догнать можетъ. Именемъ вашей свѣтлости писалъ я вчера г. Платову, чтобы онъ старался непремѣнно охватить лѣвый флангъ непріятеля между Гжатскомъ и Можайскомъ: ибо такимъ образомъ можно наиболѣе нанесть вреда непріятелю и безпокоить во все продолженіе его пути. Я писалъ ему, что ваша свѣтлость ожидаете, что войско Донское отступленіе непріятелю сдѣлаетъ ему пагубнымъ". При такомъ назначеніи ген. Платовъ „можетъ и долженъ,—по выраженію Ермолова,—дѣйствовать особенными направленіями отъ авангарда", поэтому пять казачьихъ полковъ, присоединенные отъ авангарда къ Платову, были вновь къ нему причислены, а г. Милорадовичъ отъ с. Егорьевскаго фланговымъ маршемъ двинулся на Колоцкій монастырь. „По расчисленію,—писалъ фельдмаршалу Ермоловъ,—будемъ въ одно время съ аріергардомъ непріятельскимъ". Вслѣдъ за этимъ донесеніемъ, онъ прислалъ второе, въ тотъ же день, въ которомъ писалъ, что „по извѣстіямъ, сію минуту полученнымъ, непріятель сегодня ночью вышелъ изъ Можайска къ Колоцкому монастырю, до коего ему 22 версты, намъ же до того мѣста 35, слѣдовательно, мы его никакъ уже на томъ пунктѣ не застанемъ. И такъ, авангардъ идетъ отъ Егорьевскаго, по направленію къ Гжатску, чрезъ Сосновское, Губино, Семеновское и далѣе. Если, приблизясь къ Гжатску, найдетъ авангардъ большія непріятельскія силы, то, пропустя его колонны, нападетъ на аріергардъ и за нимъ послѣдуетъ. Если уже успѣютъ пройти его силы, то по крайней мѣрѣ не уйдетъ его аріергардъ и отступленіе ему будетъ стоить дорого. Скорость, съ каковою идетъ непріятель, такъ велика, что безъ изнуренія людей догнать его невозможно, и по сей самой причинѣ непріятель самъ не можетъ долгое время двигаться одинаковою скоростію и въ послѣдствіи времени не трудно будетъ его преслѣдовать". Въ третьемъ донесеніи, отъ того же 18-го октября, Ермоловъ писалъ, что „авангардъ, двигаясь отъ Егорьевскаго фланговымъ маршемъ, сегодня въ 20-ти верстахъ отъ него на ночлегѣ. Генер. Платовъ ночуетъ въ Ельнѣ, не подалеку отъ Колоцкаго монастыря. Графъ Орловъ-Денисовъ пошелъ на Гжатскъ. Завтра авангардъ продолжаетъ свое движеніе и, приближаясь къ Гжатску, составитъ подкрѣпленіе г. Платову. Непріятель, по извѣстіямъ, сожигаетъ свои обозы, теряетъ много людей отсталыми. Подкрѣпя войска Донскія, можно ожидать, что непріятель оставитъ и часть артиллеріи,

и тогда даже, какъ авангардъ не будетъ вступать въ значущія дѣла. Г. Иловайскій съ 10-ю полками уже находится во флангѣ непріятеля. Если вамъ угодно будетъ предписать, чтобы часть войскъ Донскихъ, спереди непріятеля, истребляла сдѣланныя имъ заготовленія на пути и сожигала мосты, то нѣтъ сомнѣнія, что отступленіе его будетъ самое бѣдственное. Преслѣдованіе авангардомъ необходимо нужно, по мнѣнію моему, ибо есть единственное средство къ ускоренію отступленія непріятеля". Излагая мнѣнія о дѣйствіяхъ нашихъ передовыхъ войскъ и отчасти направляя ихъ движенія, г. Ермоловъ предлагалъ совѣты и о томъ, какъ должна дѣйствовать большая армія. „Убѣждаю вашу свѣтлость,—писалъ онъ въ первомъ донесеніи этого дня,—дать арміи направленіе къ Вязьмѣ; опасности ни малѣйшей нѣтъ; съ авангардомъ легко она соединится. Продовольствіе изъ Серпейска, Мосальска и Мещевска самое удобнѣйшее и, если движеніе сіе заставитъ непріятеля оставить Смоленскую дорогу, тогда выгоды, отъ сего пріобрѣтенныя, неисчислимы: непріятель отброшенъ на Сычевку, Духовщину, Порѣчье; операціонная линія черезъ Смоленскъ, Борисовъ, Минскъ—нарушена; Могилевъ долженъ быть брошенъ; Бѣлоруссія, наиболѣе ему благопріятствующая, устрашена". Мы не остановимся пока на предположеніи генер. Ермолова отбросить непріятеля съ Смоленской дороги и потому, что оно, кажется, не долго занимало и его самого. Въ третьемъ донесеніи того же дня, онъ уже не говоритъ о немъ, а предлагаетъ другія соображенія. Увѣдомляя, что авангардъ идетъ къ Гжатску, онъ пишетъ: „движеніе арміи къ Вязьмѣ и далѣе не менѣе нужно, потому что непріятель можетъ, близясь къ Бѣлоруссіи, слѣдовательно, занявъ съ способами Смоленскъ, дать отдохнуть своимъ войскамъ, и, часть отдѣля, усилить корпусъ, противу гр. Витгенштейна дѣйствующій, и одержать надъ нимъ значительный успѣхъ, въ чемъ слѣдующая по пятамъ наша армія, конечно, воспрепятствуетъ, отвлечетъ силы и умедлитъ движеніе ихъ, давъ время прочимъ нашимъ войскамъ дѣйствовать съ ощутительною выгодою" [1]). Эта послѣдняя мысль совершенно совпадала со взглядомъ кн. Кутузова, который выразился въ его распоряженіяхъ, сдѣланныхъ какъ до полученія этихъ донесеній Ермолова, такъ и послѣ.

Приведенныя извѣстія получены были фельдмаршаломъ въ то время, когда его войска двигались къ селу Кременскому, т. е. совершали совершенно излишній переходъ, введенныя въ заблужденіе извѣстіями

---

[1]) Всѣ три донесенія — собственноручныя, отъ 18-го октября, безъ обозначенія часовъ дня, писаны на маршѣ отъ с. Егорьевска къ Гжатску. Журн. военныхъ дѣйствій за подписью кн. Кутузова (Извѣстія о военн. дѣйствіяхъ, стр. 193—194).

изъ авангарда, который самъ, въ свой чередъ, сдѣлалъ такой же лишній переходъ, на основаніи извѣстій казаковъ. Пораженные безпорядочнымъ отступленіемъ непріятеля, взрывавшимъ зарядные ящики, бросавшимъ обозы, и увлеченные легкимъ пріобрѣтеніемъ богатой добычи, казаки упустили изъ виду дѣйствительное направленіе отступавшей арміи Наполеона и тѣмъ замедлили ея преслѣдованіе. Г. Милорадовичъ не безъ основанія негодовалъ на атамана Платова и просилъ Ермолова отправиться къ нему. Въ 3-мъ донесеніи отъ 18-го октября Ермоловъ писалъ: „я осмѣливаюсь испрашивать позволенія вашей свѣтлости быть нѣкоторое время при войскахъ г. Платова, что̀, думаю, будетъ по обстоятельствамъ съ нѣкоторою пользою". Фельдмаршалъ поручилъ Коновницыну отвѣчать, что разрѣшаетъ „на короткое время" и что г. Платову и гр. Орлову-Денисову, а также и всѣмъ партизанамъ даны уже прежде приказанія, которыя дать совѣтовалъ г. Ермоловъ, чтобы они „послали отряды, которые бы, предупреждая непріятеля, сожигали мосты и вообще всѣ средства, которыя могли бы способствовать непріятелю" [1]). Конечно, фельдмаршалу были непріятны полученныя извѣстія; но ему ничего не оставалось болѣе, какъ продолжать движеніе къ с. Кременскому, гдѣ сходятся двѣ дороги, одна на Можайскъ, другая на Вязьму, а оттуда поворотить войска на послѣднюю дорогу. Онъ ускорилъ ходъ войскъ, которыя въ этотъ день прошли 40 верстъ [2]). „При нынѣшнихъ обстоятельствахъ,— писалъ онъ г. Платову,—непремѣнно нужно, чтобы ваше высокопревосходительство какъ можно чаще доставляли свѣдѣнія о непріятелѣ; ибо, не имѣя скорыхъ и вѣрныхъ извѣстій, армія сдѣлала одинъ маршъ совершенно не въ томъ направленіи, какъ бы ей надлежало, отчего весьма пагубныя послѣдствія произойти могутъ. Я надѣюсь, что сей отступной маршъ непріятелю сдѣлается вреденъ и что вы наиболѣе къ тому содѣйствовать можете. Почему вы не оставите почитать главнымъ предметомъ разрушеніе переправъ, черезъ которыя непріятель идти долженъ, а для того отдѣлите нужную партію, которая бы старалась, упреждая непріятеля полумаршемъ, симъ способомъ остановить его маршъ" [3]). Въ тотъ же день (19-го октября), по приказанію кн. Кутузова, дежурный генералъ писалъ атаману: „его свѣтлость не получалъ отъ васъ уже цѣлыя сутки никакого извѣстія, по-

---

[1]) Отношеніе г. Коновницына къ Ермолову 19-го октября, въ 12 ч. пополудни; Записки Ермолова, т. 1, прилож., стр. 257.

[2]) Воен. журналъ гр. Сенъ-При, Le 18 Octobre dépasse Medine et s'arrête à Kremenskoe, marche de 40 verstes.

[3]) Письмо кн. Кутузова къ атаману Платову отъ 19-го октября, изъ Кременскаго.

чему приказалъ убѣдительно просить, чтобы вы какъ можно чаще о себѣ извѣщали, ибо, не имѣя безпрерывнаго сообщенія съ вами, легко можно арміи слѣдовать въ противномъ направленіи съ вами. Честь имѣю вамъ донесть, что завтра армія продолжаетъ маршъ въ направленіи къ Вязьмѣ. Главная квартира будетъ въ деревнѣ Селенки". Съ тѣхъ поръ какъ г. Ермоловъ пріѣхалъ къ Платову, начались частыя отъ него извѣстія, но за то прекратились изъ авангарда. Изъ деревни Дубровы (21-го октября), по приказанію кн. Кутузова, г. Коновницынъ писалъ г. Милорадовичу: „третій день уже нѣтъ отъ васъ извѣстій" и убѣдительно просилъ увѣдомить, извѣщая, что армія находится въ Дубровѣ и завтра пойдетъ къ Быкову, въ 4-хъ верстахъ отъ Вязьмы. Когда армія, выступивъ изъ Полотняныхъ заводовъ, двигалась къ Медыни и с. Кременскому, „переходы были не слишкомъ велики, но трудны,—по свидѣтельству участника въ событіяхъ. Часто шелъ дождь съ порывистыми вѣтрами и повсюду была грязь", что, конечно, особенно затрудняло движеніе артиллеріи и военнаго обоза. Они отставали и приходили на стоянки гораздо позднѣе пѣхоты. Сѣно находили повсюду, но овса вовсе не было и радовались когда находили немолоченные особенно овсяные снопы" [1]). Замедленія въ движеніи обозовъ, какъ съ продовольствіемъ, такъ и военными запасами,—говоритъ князь Голицынъ, бывшій ординарцемъ князя Кутузова—„заставило насъ идти къ Вязьмѣ медленно. Подойдя къ ней, Кутузовъ остановился, поджидая воловыхъ фуръ съ провіантомъ. Это его такъ заботило, что, въ своемъ нетерпѣніи, онъ каждый часъ посылалъ ординарцевъ на встрѣчу подводъ и самъ расчитывалъ часы прихода ихъ къ арміи. Одна эта заботливость его достаточно доказываетъ, сколько онъ самъ старался нигдѣ не терять времени" [2]). Притомъ онъ не зналъ, что г. Милорадовичъ предполагалъ напасть на французовъ именно въ этотъ день (22-го октября) [3]). Его донесеніе объ этомъ онъ получилъ уже приближаясь къ Вязьмѣ и немедленно отправилъ ему въ подкрѣпленіе 40 баталіоновъ кирасиръ съ артиллеріею, подъ начальствомъ г. Уварова. Онъ зналъ, что у Вязьмы происходитъ сраженіе „на послѣднемъ переходѣ отъ Дубровы, — говоритъ одинъ изъ участниковъ въ движеніи,—когда уже слышны были весь день пушечные выстрѣлы, становившіеся, по мѣрѣ приближенія къ Вязьмѣ, сильнѣе и сильнѣе. Мы однакоже двигались обыкновен-

[1]) Г. Митаревскаго, Воспоминанія о войнѣ 1812 г. М. 1871 г., стр. 139 и слѣд.

[2]) Рукописная записка князя Александра Борисовича Голицына.

[3]) B. Crossard, Mémoires, т. V, стр. 74; Михайловскій-Данилевскій, Собр. сочиненій, т. V, стр. 230—231.

нымъ порядкомъ и днемъ отдыхали. Говорили, что генералъ Милорадовичъ напалъ на французовъ и, такъ какъ выстрѣлы все подавались впередъ, то заключали изъ этого, что успѣхъ на нашей сторонѣ. Въ вечеру надъ Вязьмой начали обозначаться дымныя тучи, а потомъ и зарево. Когда поздно уже остановились не далеко отъ города (у Быкова), то пожаръ такъ усилился, что насъ почти освѣщало "[1]). Фельдмаршалъ не спѣшилъ, надѣясь на свой авангардъ, котораго силы были достаточны для того, чтобы справиться съ аріергардомъ безпорядочно отступавшихъ непріятелей. Еще за два дня передъ тѣмъ, князь Кутузовъ доносилъ императору, что, получивъ достовѣрныя свѣдѣнія объ отступленіи непріятеля къ Можайску, онъ „направилъ армію прямымъ путемъ на Вязьму, а отрядъ Милорадовича усиленъ такъ, что онъ составляетъ почти половину арміи и слѣдуетъ параллельно между мною и Можайскою дорогою" [2]). Авангардъ состоялъ изъ двухъ пѣхотныхъ корпусовъ (2-го и 4-го) и 26-й дивизіи съ Нѣжинскимъ драгунскимъ полкомъ, двухъ корпусовъ конницы (2-го и 4-го) съ артиллеріею, принадлежавшею къ этимъ войскамъ, и пяти казачьихъ полковъ. Онъ шелъ отъ Егорьевскаго къ Гжатску на подкрѣпленіе ген. Платову, который ночевалъ въ этотъ день (18-го октября) въ деревнѣ Ельнѣ, близъ Колоцкаго монастыря, и на разсвѣтѣ слѣдующаго дня напалъ на аріергардъ непріятеля. Желая вознаградить потерянное время и загладить оплошность своихъ казаковъ, онъ быстрыми переходами нагналъ непріятеля и съ яростію ударилъ на него. „Я его преслѣдую съ фланговъ, на каждомъ съ бригадою казаковъ и съ орудіями,—доносилъ онъ фельдмаршалу,—самъ же давлю его ка-

[1]) Г. Митаревскаго, Воспоминанія о 1812 г., стр. 141.

[2]) Донесеніе отъ 20-го октября, изъ деревни Силенки. Всѣ писатели почти одинаково опредѣляютъ число войскъ Милорадовича; но ихъ спутываетъ опредѣленіе числа казаковъ. Г. Бутурлинъ опредѣляетъ число войскъ въ 25 тысячъ безъ казаковъ (т. II, стр. 198); Вильсонъ—25, съ казаками (Narrative of events etc. стр. 243); принцъ Евгеній Вюртембергскій — 24 съ казаками (Erinnerungen, стр. 132); М. Шамбре—19 тыс. пѣхоты, 6 тыс. конницы и 8 тыс. казаковъ, безъ тѣхъ, которые были у Платова (Hist. de l'expedition, т. II, стр. 370): г. Богдановичъ—у Милорадовича пѣхоты 14 тыс., конницы 3,500, т. е. 17 тыс.; у Платова—дивизія Паскевича 4 тыс. пѣхоты, въ казачьихъ полкахъ 3 тыс. всего 7 тыс. Ошибка очевидна: въ авангардъ Милорадовича не сочтены 5 казачьихъ полковъ, которые состояли при немъ; а у Платова было не 3 тыс. казаковъ, но 20 полковъ и 5 ротъ 20-го егерскаго (Военный журналъ г. Толя). Съ 15-ю онъ выступилъ изъ Тарутина и присоединилъ къ себѣ потомъ другіе полки, какъ отрядъ Карпова. Поэтому, сила нашего авангарда если не превышала, то во всякомъ случаѣ равнялась силамъ непріятеля, которыхъ было до 37,500, по свидѣтельству М. Шамбре, Hist. de l'éxped., т. II, стр. 371.

заками и пушками въ тылъ". Маршалъ Даву нѣсколько разъ занималъ позицію, надѣясь остановить напоръ казаковъ; но, угрожаемый обходомъ съ тыла и опасаясь быть отрѣзаннымъ, принужденъ былъ отступать.

Остановка на возвышенности близь Колоцкаго монастыря стоила Даву многихъ потерь людьми; 20 пушекъ и 2 знамя достались побѣдителямъ. Препровождая ихъ фельдмаршалу, Платовъ писалъ, что „сраженіе продолжается" и дѣйствительно оно не прекращалось до самой Вязьмы. И день и ночь нападая и съ тылу и фланговъ, казаки не давали покоя непріятелю. „Непріятель преслѣдуемъ столь живо, что послѣ вчерашняго донесенія,—писалъ онъ на другой день фельдмаршалу,—теперь могу донести, что онъ бѣжитъ такъ, какъ никогда никакая армія ретироваться не можетъ. Онъ бросаетъ по дорогѣ всѣ свои тяжести, больныхъ, раненыхъ и никакое перо историка не въ состояніи изобразить картины ужаса, который онъ оставляетъ по большой дорогѣ. По истинѣ сказать, что нѣтъ десяти шаговъ, гдѣ бы не лежалъ умирающій, мертвый или лошадь. Въ сіи два дня онъ поднялъ на воздухъ въ виду нашемъ болѣе ста ящиковъ; такое же число принужденъ былъ оставить на мѣстѣ за быстрымъ нашимъ преслѣдованіемъ" [1]). Но быстрое преслѣдованіе, необходимое въ это время, чтобы вознаградить упущенное время, могло бы скоро прекратиться или сопровождаться такими же бѣдствіями, какъ бѣгство непріятельскихъ войскъ, если бы надъ простою отвагою и заносчивою храбростію, хотя бы возбуждаемыми высокими чувствами любви къ отечеству, не бодрствовали предусмотрительныя соображенія военачальника. Вмѣстѣ съ этимъ донесеніемъ г. Платовъ отправилъ письмо къ г. Коновницыну, въ которомъ писалъ: „вынужденнымъ нахожусь обратиться къ вамъ съ представленіемъ его свѣтлости о томъ, что уже нѣсколько дней войска мои не имѣютъ хлѣба; вина и совсѣмъ не было, до сихъ поръ питались кое-какъ мясомъ, но и сіе къ концу пришло. Я продолжаю быстрое мое движеніе по землѣ, обнаженной отъ всякихъ средствъ и, слѣдуя за непріятелемъ, послѣ завтра могу быть у Вязьмы. Дай Богъ, чтобъ отъ непріятельскихъ магазиновъ я могъ тамъ найти помощь; иначе не знаю какъ и быть. Дружески прошу васъ выслать мнѣ къ тому пункту продовольствіе, такъ же и ящики съ зарядами для артиллеріи, ибо я сегодня уже французскими стрѣлялъ, большею частію, не по калибру моихъ орудій. Плѣнныхъ столько, что отдаю поселянамъ" [2]). Вечеромъ въ этотъ день

---

[1]) Донесенія генер. Платова отъ 19-го и 20-го октября, на маршѣ.

[2]) Письмо отъ 20-го октября на походѣ къ Гжатску.

(20-го октября), приблизясь къ непріятельскому аріергарду, располагавшему ночевать при Гжатскѣ, онъ приказалъ полковнику Кайсарову напасть на него съ однимъ егерскимъ полкомъ и конною артиллеріею. Непріятель отступилъ и онъ всю ночь преслѣдовалъ его до Царева-Займища, гдѣ оказался большой вагенбургъ, прикрытый пѣхотою. Не смотря на усталость своихъ войскъ, пользуясь замѣшательствомъ непріятеля, Кайсаровъ снова напалъ на него, взялъ обозъ съ богатою добычею, одну пушку, и обратилъ непріятеля въ бѣгство [1].

Генр. Милорадовичъ съ войсками авангарда, впереди котораго шелъ графъ Орловъ-Денисовъ съ пятью казачьими полками, „видя невозможность предупредить непріятеля въ Гжатскѣ, черезъ село Никольское пошелъ къ Воронцову, куда только что къ вечеру прибыть могъ" (20-го октября). Фельдмаршалъ, узнавъ, что императоръ Наполеонъ съ передовыми войсками уже прошелъ Вязьму, а его армія растянулась на пространствѣ отъ Колоцкаго монастыря до этого города, предписалъ ему ускорить движеніе, идти на село Спасское и нападать на отступавшіе непріятельскіе корпуса порознь и оттуда отправить дивизію г. Паскевича на соединеніе съ г. Платовымъ. Кавалерійскіе генералы Корфъ и Васильчиковъ, опередивъ войска авангарда и замѣтивъ безпорядочное движеніе непріятеля по большой дорогѣ, совѣтовали г. Милорадовичу напасть у Царева-Займища на корпусъ Даву. Баронъ Корфъ, который до начала войны стоялъ съ дивизіею въ Вязьмѣ, хорошо зная мѣстность, полагалъ возможнымъ скрытно отъ непріятеля приблизить войска и напасть неожиданно на него. Милорадовичъ согласился; передовымъ войскамъ было предписано, чтобы мѣсто ихъ ночлега было скрытно и запрещено разводить огни на бивуакѣ. Но начальникъ 4-й дивизіи принцъ Евгеній Виртембергскій не только не скрылъ отъ непріятеля своихъ войскъ, но подошелъ къ самой большой дорогѣ и завязалъ перестрѣлку. Горячность ли „любимаго войсками, неустрашимаго, но мало способнаго къ соображеніямъ нѣсколько сложнымъ", какъ свидѣтельствуетъ г. Ермоловъ, или дѣйствительно онъ не получалъ приказа начальника авангарда, какъ онъ самъ говоритъ,— но во всякомъ случаѣ непріятель, въ первый разъ увидавшій, что не одни казаки, но и пѣхота находится подлѣ него, не остановился на ночлегъ и двинулся далѣе [2]). На другой день (22-го октября) авангардъ продолжалъ движеніе къ Вязьмѣ.

---

[1]) Донесеніе г. Платова отъ 21-го октября.

[2]) Записки г. Ермолова т. I, стр. 239; Erinnerungen v. Ger. Eugen v. Württenberg, стр. 129; приказъ былъ данъ, но адъютантъ принца, Гельдорфъ, по собственному его свидѣтельству, не счелъ нужнымъ его показать ему. Gelldorff, Aus dem Leben d. Prinz. Eugen v. Württenberg, т. II, стр. 93.

Въ то время когда Платовъ и Милорадовичъ приближались къ Вязьмѣ. тамъ находились партизаны Фигнеръ, Сеславинъ и отрядъ графа Орлова-Денисова, которые постоянно дѣлали набѣги на непріятеля, отбивали обозы, забирали плѣнныхъ и непрерывно его тревожили. Графъ Орловъ-Денисовъ подъ самою Вязьмою напалъ на отступавшіе отряды французовъ, отнялъ одну пушку, 40 повозокъ съ добычею и канцеляріею, а полковникъ Давыдовъ постоянно тревожилъ войска Наполеона на половинѣ дороги между Вязьмою и Дорогобужемъ.

Тогда какъ наши передовыя войска собирались въ достаточномъ числѣ, чтобы дѣйствовать противъ трехъ значительно потерпѣвшихъ корпусовъ, маршала Даву, вице-короля италіянскаго и князя Понятовскаго, императоръ Наполеонъ находился уже за нѣсколько переходовъ впереди на пути къ Дорогобужу. Прибывъ въ Вязьму 19-го октября (31-го), къ вечеру на другой день онъ далъ отдыхъ своимъ войскамъ, а самъ оставался въ ней почти двое сутокъ. Въ продолженіи 15-ти дней, прошедшихъ послѣ оставленія Москвы, онъ не имѣлъ никакихъ извѣстій, ни съ своихъ фланговъ, ни изъ Вильны и даже Смоленска. Они ожидали его въ Вязьмѣ. Тамъ онъ узналъ, что корпусъ маршала Виктора давно оставилъ Смоленскъ и въ это время уже соединился съ корпусами Сенъ-Сира и Удино, что это движеніе вызвано побѣдами графа Виттенштейна, который взялъ Полоцкъ и принудилъ къ отступленію за Двину его войска и такимъ образомъ разобщилъ ихъ отъ корпуса маршала Магдональда и разорвалъ операціонную линію по Двинѣ. Поэтому на корпусъ Виктора, который по его предположенію могъ подкрѣпить его армію, по достиженіи Смоленска, онъ расчитывать уже не могъ. Сводную же дивизію Бараге-д'Илье онъ самъ двинулъ на Юхновъ по направленію къ Калугѣ и въ это время не зналъ, гдѣ она находится.

Извѣстія съ другаго фланга, о дѣйствіяхъ князя Шварценберга и Ренье, не только не могли успокоить, но, напротивъ, возбудили его подозрѣнія, и не безъ причины. Дунайская армія двигалась на Пружаны и Слонимъ, отрѣзывая сообщенія князя Шварценберга съ арміею Наполеона и угрожая Минску, также какъ движенія графа Витгенштейна угрожали Витебску. Между тѣмъ, въ обоихъ этихъ городахъ были заготовлены большіе запасы для продовольствія войскъ. Устроивъ главное основаніе для военныхъ дѣйствій (главный операціонный базисъ) на р. Вислѣ, императоръ Наполеонъ сосредоточилъ огромные боевые и для продовольствія войскъ запасы въ Данцигѣ, Грауденцѣ, Модлинѣ и Варшавѣ. Но, по мѣрѣ движенія войскъ въ глубь Россіи. необходимо было учредить промежуточные магазины по пути движенія войскъ впередъ. Такіе магазины и были, въ Ковно,

Вильнѣ, Витебскѣ, Минскѣ и Смоленскѣ. Складъ въ послѣднемъ городѣ былъ крайнимъ и ближайшимъ, изъ котораго войска Наполеона могли получать продовольствіе. На него и было обращено его вниманіе. Изъ Вязьмы онъ писалъ къ смоленскому губернатору, чтобы онъ къ 5-му ноября (24-му октября) прислалъ вѣдомость въ Дорогобужъ о количествѣ заготовленныхъ продовольственныхъ запасовъ, артиллеріи съ упряжью и безъ упряжи и всякаго рода военныхъ запасовъ и въ тоже время далъ бы знать отъ его имени въ Витебскъ, чтобы тамъ какъ можно болѣе пекли хлѣбовъ, и въ Могилевъ, чтобы оттуда направили въ Смоленскъ какъ можно болѣе продовольствія [1]).

Истощаемые постоянно запасы въ это время не могли пополняться. „День и ночь пекутъ хлѣбы", говоритъ оберъ-провіантмейстеръ Наполеона въ Смоленскѣ. „Я желалъ бы приготовить какъ можно болѣе продовольствія ко времени прихода моихъ несчастныхъ соотечественниковъ. Я требую, понуждаю тѣхъ, кому это поручено; но уже многіе изъ моихъ подчиненныхъ бѣжали, только штыками удерживаю остальныхъ. Въ окрестностяхъ я заготовилъ большое количество скота, который теперь долженъ былъ вогнать въ городъ: непріятельскіе отряды у насъ отогнали уже много стадъ; даже наши стражи, которыхъ мы давали для охраны помѣщичьихъ усадебъ, принуждены были войти въ Смоленскъ. Изъ окрестностей ничего къ намъ не доходитъ, даже два наши обоза, въ 200 лошадей и 65 нагруженныхъ повозокъ, были захвачены". Туда уже доходили слухи о бѣдственномъ положеніи приближавшихся войскъ и возбудили ужасъ. Всѣ, кто могъ, спасались изъ города, раненые спѣшили въ Вильну и далѣе къ границѣ. Наступавшіе холода были причиною пожаровъ. „Наши жгутъ дома, чтобы согрѣться,—говоритъ тотъ же свидѣтель-очевидецъ,—не проходитъ ночи, чтобы у насъ не было пожаровъ. Чтобы сохранить запасы, я перевелъ ихъ въ каменные дома" [2]). Если императоръ Наполеонъ и дѣйствительно намѣревался удержаться въ Смоленскѣ и потомъ занять зимнія квартиры за Днѣпромъ, а не распускалъ этотъ слухъ, что́, конечно, вѣроятнѣе, для того только, чтобы ободрить свои войска, которому они вѣрили и смотрѣли на этотъ городъ какъ на обѣтованную землю, гдѣ должны прекратиться всѣ ихъ бѣдствія,—то это предположеніе разрушалось силою самыхъ обстоятельствъ. Послѣ двухъ дневнаго пребыванія, пополудни 21-го октября (2-го ноября), Напо-

---

[1]) Lettre du major général au général Charpantier изъ Вязьмы, 1-го ноября н. ст. Fain, Manuscrit de 1812, т. II, стр. 336.

[2]) Puisbusque, Lettres sur la guerre de Russie en 1812. Ed. 1817; письмо изъ Смоленска (30-го ноября). стр. 116—118.

леонъ выступилъ изъ Вязьмы, предписавъ Нею смѣнить маршала Даву и идти въ аріергардѣ. Когда его войска прибыли въ Семлево, „вечеромъ,—говоритъ одинъ изъ его спутниковъ,—уже были слышны перестрѣлка и пушечные выстрѣлы, а на другой день они значительно усилились“, когда войска продолжали движеніе къ Славкову[1]). Шло сраженіе при Вязьмѣ. Остановивъ движеніе войскъ, императоръ Наполеонъ не поспѣшилъ къ мѣсту битвы, какъ бы поступилъ въ иное время, не далъ предписанія—кому изъ трехъ маршаловъ поручаетъ главное начальство, а спокойно оставался въ Славковѣ, ожидая извѣстія объ исходѣ сраженія [2]).

Рано утромъ войска атамана Платова и конница авангарда окружили корпусъ Даву, уже сильно пострадавшій отъ постоянныхъ набѣговъ казаковъ. Онъ могъ быть или совершенно уничтоженъ, или долженъ былъ сдаться въ плѣнъ. Но пѣхота авангарда, которая не могла поспѣть за быстрымъ движеніемъ конницы, еще не подошла; а между тѣмъ вице-король Италіи, узнавъ объ опасномъ положеніи Даву, возвратившись отъ Вязьмы, куда уже подходилъ его корпусъ, къ Ѳедоровскому. вмѣстѣ съ корпусомъ князя Понятовскаго, занялъ позицію по большой дорогѣ за нашею конницею и выдвинулъ батареи. Оказавшись между двухъ огней, по распоряженію Милорадовича она была отодвинута съ большой дороги. Маршалъ Даву могъ продолжать отступленіе; но, сильно поражаемый съ фланга, претерпѣлъ такія потери, что не могъ продолжать боя и укрылся за корпуса вице-короля и Понятовскаго. Между тѣмъ подошла пѣхота авангарда и Милорадовичъ немедленно напалъ на вице-короля и Понятовскаго, на подкрѣпленіе которымъ и маршалъ Ней прислалъ одну дивизію изъ своего корпуса, который стоялъ близь Вязьмы у с. Крапивны. Послѣ первыхъ часовъ упорнаго боя, маршалы съѣхались и съ общаго согласія рѣшили отступать. Милорадовичъ усилилъ нападеніе и вогналъ непріятеля въ Вязьму. Въ это время показались и кирасиры, присланные княземъ Кутузовымъ, и пособили довершить пораженіе непріятеля. Вязьма была вырвана изъ его рукъ; боевая доблесть генер. Милорадовича выказалась въ полномъ блескѣ въ этотъ день. Непріятель отступилъ за нѣсколько верстъ и провелъ ночь въ обширномъ лѣсу, черезъ который идетъ большая дорога. Въ этомъ лѣсу, къ довершенію бѣдствій, ихъ ожидало страшное зрѣлище: въ немъ были брошены всѣ раненые, отправленные изъ Москвы. Лошади падали отъ недостатка корма или не могли идти далѣе, проводники

[1]) B. Peyrusse, Mémorial etc., стр. 115.
[2]) М. Шамбре, Histoire de l'éxpedition de Russie, т. II, стр. 373.

ушли и оставили ихъ безъ всякой помощи. „Этотъ лѣсъ,—говоритъ одинъ изъ очевидцевъ-свидѣтелей,—былъ для нихъ больницею и—гробомъ“, а „нашъ приходъ—смертнымъ приговоромъ“,—прибавляетъ другой. „Что за ночь! эта была самая ужасная съ тѣхъ поръ, какъ мы оставили Москву“,—говоритъ одинъ изъ спутниковъ Наполеона. „Маршалъ Ней прикрывалъ отступленіе,—говоритъ другой,—и стоялъ за глубокимъ оврагомъ отъ непріятеля, но и ночью подвергался нападеніямъ; насъ часто будили ядра, пущенныя въ лѣсъ, производившія ужасный трескъ, и вынуждали браться за оружіе“ [1]). Не только этихъ раненыхъ, но и тѣхъ, которые получили раны въ сраженіи при Вязьмѣ, по недостатку перевозочныхъ средствъ, французы бросили на полѣ битвы или въ этомъ лѣсу. Самый рѣшительный изъ маршаловъ Наполеона, никогда не боявшійся опасности и готовый на отчаянныя дѣйствія, Ней съ этого дня убѣдился вполнѣ, что великая армія не существуетъ болѣе, утративъ всякое боевое значеніе. На другой же день послѣ сраженія, утромъ, онъ не скрывалъ гибельныхъ его послѣдствій, и донесъ императору Наполеону, хотя и приписывалъ ихъ недостатку единства въ дѣйствіяхъ. „Если бы распоряженія были лучше, то послѣдствія не были такъ неблагопріятны,—писалъ онъ. Но всего прискорбнѣе то, что въ этотъ день мои войска увидали то разстроенное состояніе, въ которомъ находится первый корпусъ (Даву). Такіе гибельные примѣры дѣйствуютъ разрушительно на духъ войскъ. Не смотря на мое нежеланіе осуждать распоряженія моихъ сотоварищей, я долженъ, однакоже, сказать вамъ правду, что я могу отвѣчать за отступленіе только въ томъ случаѣ, если одинъ буду распоряжаться. Первый и четвертый корпуса отступили, я занимаю тѣснину (défilé) въ лѣсу за Вязьмою и выступлю до разсвѣта; но необходимо, чтобы отряды отступали правильно одинъ за другимъ, иначе я ни за что не отвѣчаю. Я не думаю, чтобы противъ насъ была вся непріятельская армія. Конницы и артиллеріи было очень много; но пѣхоты, я полагаю, не болѣе 20 тысячъ“ [2]).

По личнымъ ли счетамъ съ его боевыми товарищами или по тягости скоро помириться, послѣ столькихъ лѣтъ блестящихъ военныхъ подвиговъ, съ тѣмъ бѣдственнымъ положеніемъ войскъ, въ которомъ они находились и которое впервые увидалъ маршалъ Ней, находясь передъ тѣмъ въ сравнительно лучшемъ положеніи, когда шелъ вслѣдъ за Наполеономъ,—но онъ ошибался, точно также какъ Даву,

---

[1]) Labaume, Rélation etc., стр. 293; М. Шамбре, Hist. de l'éxpedition etc., т. II, стр. 372; Duc de Fezensac, Souvenirs milit., стр. 286.

[2]) М. Шамбре, Histoire de l'éxpedition etc., т. II, стр. 374–375.

предполагая возможнымъ установить порядокъ для безпорядочнаго бѣгства совершенно разлагавшейся арміи. Но еще болѣе его заблуждался императоръ Наполеонъ, если только дѣйствительно онъ думалъ принять сраженіе въ Славковѣ. Когда шло дѣло подъ Вязьмою, онъ поручилъ начальнику своего штаба составить слѣдующій приказъ всѣмъ начальникамъ войскъ: „Если непріятельская пѣхота будетъ слѣдовать за движеніями арміи, то его величество намѣренъ напасть на нее, опрокинуть и частію взять въ плѣнъ. Съ этою цѣлію онъ избралъ позицію по срединѣ между Славковымъ и Дорогобужемъ. Завтра съ разсвѣтомъ императоръ будетъ на ней съ гвардіею. Императоръ размѣститъ войска такимъ образомъ, чтобы ихъ прикрывалъ аріергардъ маршала Нея и они могли бы со всею артиллеріею двинуться на непріятеля, тогда какъ онъ будетъ предполагать, что передъ нимъ находится одинъ аріергардъ". Съ этою цѣлію предписывалось каждому маршалу отправить всѣ обозы напередъ къ Дорогобужу, собрать разбѣжавшихся солдатъ и вообще приготовить войска къ сраженію. Но въ концѣ приказа было сказано: „императоръ ожидаетъ донесеній о вчерашнихъ происшествіяхъ, чтобы принять рѣшеніе (pour fixer son opinion). Какъ могло случиться, что непріятельскій корпусъ, который покусился перерѣзать сообщенія между французскими дивизіями, не былъ взятъ въ плѣнъ?" [1]). Извѣстія, постоянно приходившія къ нему о сраженіи при Вязьмѣ, послужили отвѣтомъ на этотъ заносчивый вопросъ. Ней уже двигался къ Славкову, когда узналъ о намѣреніи императора Наполеона дать сраженіе. Онъ поспѣшилъ къ нему, объяснилъ ему положеніе дѣлъ, и сказалъ: „вы хотите драться, а у васъ уже нѣтъ болѣе войскъ" [2]). Приказъ не былъ разосланъ маршаламъ и бѣгство войскъ продолжалось еще въ большемъ безпорядкѣ, потому что съ этого времени наступила дѣйствительная зима.

Тревожны и суетливы были дѣйствія императора Наполеона въ роковое для него время. Выражая намѣреніе встрѣтить съ оружіемъ въ рукахъ преслѣдовавшія его наши войска, онъ немедленно отказывался отъ этого предположенія, понимая положеніе своихъ войскъ— вводилъ въ заблужденіе своихъ военачальниковъ, дѣйствовавшихъ на флангахъ, герцога Бассано, находившагося въ Вильнѣ, и губернаторовъ въ Смоленскѣ, Минскѣ и Витебскѣ, увѣряя, что движеніе его войскъ не вынуждено непріятелемъ, а совершенно свободное (volontaire),

[1]) Приказъ, данный въ Славковѣ 4-го ноября н. ст.; подлинный напечатанъ у г. Давыдова, Сочиненія, т. I, стр. 151—153; М. Шамбре, Hist. de l'éxpedition etc., т. II, стр. 375.

[2]) Denniée, Itinéraire de l'emp. Napoléon, стр. 123-124.

и скрывая дѣйствительное положеніе своихъ войскъ. Извѣстія, приходившія съ фланговъ, усиливали его тревогу, и, наконецъ, довершило извѣстіе изъ Парижа о возмущеніи генер. Маллета, полученное имъ въ Махилевнѣ, за Дорогобужемъ. „Императора особенно поразило не то обстоятельство,—говоритъ одинъ изъ спутниковъ его въ это время,—что въ его отсутствіе обнаружился заговоръ, но что послѣ 12-ти лѣтъ правленія, послѣ женитьбы, послѣ рожденія у него сына, слухъ о его смерти могъ служить поводомъ къ возмущенію. „А Наполеонъ II-й,—говорилъ онъ,—объ немъ и не подумали". Это забвеніе, которое сильно его поразило, было для него неожиданнымъ" [1]).

Спокойны и величавы были дѣйствія кн. Кутузова. Во время движенія къ Вязьмѣ, въ дер. Силенкахъ (20-го октября), онъ получилъ донесеніе генер. Иловайскаго о плѣнѣ Винценгероде и Нарышкина и о томъ, что его полки немедленно вступили въ Москву. Назначивъ на мѣсто Винценгероде гр. Сенъ-При, онъ предписалъ ему преслѣдовать съ фланга отступавшаго непріятеля, слѣдуя къ Духовщинѣ, а начальнику Владимірскаго ополченія кн. Голицыну поручилъ занять Москву, для водворенія порядка какъ въ ней, такъ и въ ея окрестностяхъ [2]); и въ тотъ же день выдалъ слѣдующій приказъ войскамъ: „непріятель съ самаго его вступленія въ Москву, жестоко обманутый въ своей надеждѣ найти тамъ изобиліе и самый миръ, долженъ былъ претерпѣвать всякаго рода недостатки. Утомленный далекими походами; изнуренный до крайности скуднымъ продовольствіемъ; тревожимый и истребляемый повсюду партіями нашими, кои пресѣкли у него послѣднія средства доставить себѣ пропитаніе посредствомъ сбора отъ земли запасовъ; потерявъ безъ сраженія многія тысячи людей, побитыхъ или взятыхъ въ плѣнъ нашими отдѣльными отрядами и земскими ополченіями; не усматривая впереди ничего другаго, какъ продолженіе ужасной, неудачной для него войны, способной въ краткое время уничтожить всю его армію; видя въ каждомъ жителѣ воина, общую непреклонность на всѣ его обольщенія, рѣшимость всѣхъ сословій грудью стоять за любезное отечество; претерпѣвъ 6-го числа октября, при учиненной на него атакѣ, сильное пораженіе, и постигнувъ, наконецъ, всю суетность дерзкой мысли: однимъ занятіемъ Москвы поколебать всю Россію,—предпринялъ онъ поспѣшное отступленіе вспять, бросивъ на мѣстѣ бо́льшую часть больныхъ своихъ,—и Москва очищена. Къ прежнимъ, извѣстнымъ уже учиненнымъ французами въ сей столицѣ неистовствамъ,

---

[1]) Fain, Manuscrit de 1812, т. II, стр. 284—285.

[2]) Военный журналъ г. Толя; журналъ гр. Сенъ-При.

кои посѣяли между россійскимъ и ихъ народомъ сѣмена вѣчнаго мщенія, надлежало имъ подорвать минами нѣкоторыя мѣста въ Кремлѣ; но, благодареніе Богу! — соборъ и святые храмы остались при семъ случаѣ невредимы.

„Теперь мы преслѣдуемъ силы его, когда въ то же время другія наши арміи снова заняли край Литовскій и будутъ содѣйствовать намъ къ конечному истребленію врага, дерзнувшаго угрожать Россіи. Въ бѣгствѣ своемъ оставляетъ онъ обозы, взрываетъ на воздухъ ящики съ снарядами, и покидаетъ даже сокровища, изъ храмовъ Божіихъ похищенныя. Уже императоръ Наполеонъ слышитъ ропотъ въ рядахъ своего воинства, уже начались тамъ побѣги, голодъ и непорядки всякаго рода. Уже слышенъ намъ гласъ всеавгустѣйшаго монарха, который взываетъ: „Потушите кровію непріятельскою пожаръ московскій!—Воины! потщимся исполнить сіе, и Россія будетъ вами довольна, и прочный миръ водворится въ неизмѣримыхъ ея предѣлахъ. Богъ поможетъ намъ въ томъ, добрые русскіе солдаты"! [1]).

На другой день послѣ сраженія подъ Вязьмою, во время дневки въ с. Быковѣ, кн. Кутузовъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: г. Платову приказалъ продолжать преслѣдованіе непріятеля и тѣснить какъ возможно сильнѣе; авангарду г. Милорадовича со всею пѣхотою и двумя кавалерійскими полками выступить вслѣдъ за Платовымъ, и бóльшую часть своей конницы, съ ея конною артиллеріею, по недостатку фуража на большой дорогѣ, направить влѣво на полумаршѣ отъ этой дороги, чтобы она, угрожая лѣвому флангу непріятеля, могла между тѣмъ находить себѣ продовольствіе по деревнямъ. Дивизія г. Паскевича была присоединена къ корпусу г. Раевскаго; графу Ожеровскому и партизану Давыдову велѣно было приблизиться къ Смоленску, наблюдая путь непріятеля. Платовъ дошелъ въ этотъ день до с. Полякова, по дорогѣ къ Дорогобужу, постоянно преслѣдуя непріятеля всѣми своими силами съ тыла, а его фланги—отрядами въ два полка, съ правой и лѣвой сторонъ дороги. Сверхъ того, ему предписывалось по возможности предупреждать непріятеля своими отрядами и затруднять его движенія истребляя мосты и переправы. Исключительно съ этою цѣлію посланъ былъ впередъ отрядъ г. Орлова Денисова. „Такой родъ преслѣдованія,—писалъ кн. Кутузовъ,—приведетъ непріятеля въ крайнее положеніе и лишитъ его большей части артиллеріи и обозовъ" [2]). Постоянно преслѣдуя и ослабляя дѣйствіями передовыхъ своихъ войскъ непріятеля, цѣль фельдмаршала за-

[1]) Приказъ 20-го октября.

[2]) Всѣ предписанія отъ 23-го октября, изъ Быкова; журналъ г. Толя.

ключалась въ томъ, чтобы не допустить его свернуть, съ большой Смоленской дороги, на какой либо новый путь. Еще приближаясь къ Вязьмѣ, онъ опасался, чтобы Наполеонъ отъ этого города или отъ Дорогобужа не направился бы на Ельню и Мстиславъ къ Могилеву. Поэтому начальнику Калужскаго ополченія г. Шепелеву, у котораго была незначительная часть регулярныхъ войскъ и два Донскихъ казачьихъ полка, онъ предписалъ со всѣмъ ополченіемъ двинуться изъ окрестностей Калуги и Рославля къ Ельнѣ; а графу Гудовичу--немедленно соединить все Черниговское ополченіе между Мглиномъ и Суражемъ и оставаться тамъ впредь до повелѣнія. Только что составленный въ Юхновѣ летучій отрядъ, подъ начальствомъ гр. Ожаровскаго, былъ отправленъ къ Ельнѣ. Послѣ дневки большой арміи въ Быковѣ, гдѣ подошли къ ней продовольственные и артиллерійскіе запасы изъ Юхнова и Мосальска, заблаговременно туда свезенные изъ Калуги и Брянска, кн. Кутузовъ двинулъ войска по дорогѣ къ Ельнѣ, угрожая съ лѣваго фланга непріятелю и находясь по возможности на одной высотѣ съ авангардомъ г. Милорадовича, и дошелъ въ этотъ день (24-го октября) до деревни Красной, а корпусъ г. Раевскаго, который въ видѣ авангарда долженъ былъ слѣдовать въ небольшомъ переходѣ впереди арміи, остановился въ дер. Старосельи по дорогѣ отъ Юхнова въ Дорогобужъ.

Но постоянно приходили извѣстія изъ передовыхъ нашихъ войскъ объ отступленіи непріятеля къ Дорогобужу и далѣе къ Смоленску. Притомъ въ это время въ нашей главной квартирѣ, какъ свидѣтельствуетъ г. Толь, полагали, что маршалъ Викторъ съ 35-ти тысячнымъ корпусомъ отъ Орши идетъ въ Смоленскъ на соединеніе съ Наполеономъ. Кн. Кутузовъ получилъ въ это время донесеніе гр. Витгенштейна, отъ 8-го октября, когда еще противъ него дѣйствовали Удино и Сенъ Сиръ и корпусъ Виктора не подошелъ къ нимъ на помощь. Поэтому онъ продолжалъ движеніе на Ельну, и — „съ тою цѣлію, — по словамъ г. Толя,— чтобы потомъ продолжать движеніе къ с. Красному, и такимъ образомъ, обойдя Смоленскъ, стать на операціонной линіи непріятеля, дабы, по прибытія 9-го корпуса маршала Виктора, разбить армію Наполеона. На успѣхъ этого фельдмаршалъ надѣялся потому, что непріятельскимъ войскамъ слѣдовало два раза переходить Днѣпръ: первый разъ при Пневѣ, а въ другой—при Смоленскѣ, что̀ должно было весьма замедлить ея движеніе. Также фельдмаршалъ предполагалъ, что Наполеонъ, не зная о движеніи нашихъ войскъ чрезъ Ельню на Красное, безъ сомнѣнія, захочетъ дать нѣкоторое отдохновеніе своимъ войскамъ при Смоленскѣ, гдѣ, по извѣстіямъ нашихъ партизановъ, были значительные запасы фуража,

продовольствія, вина и мяса, и тѣмъ самымъ дастъ намъ возможность привести въ дѣйствіе предположенный планъ. Не малая выгода въ этомъ направленіи представлялась нашимъ войскамъ и потому, что по ней они имѣли возможность найти для себя продовольствіе" [1]).

Еще изъ Полотняныхъ заводовъ кн. Кутузовъ доносилъ государю, что намѣренъ фланговымъ движеніемъ преслѣдовать непріятеля, и писалъ гр. Витгенштейну и адмиралу Чичагову: „думаю нанести Наполеону величайшій вредъ параллельнымъ преслѣдованіемъ, и, наконецъ, дѣйствовать на его операціонномъ пути" [2]). Въ это время, сообщая имъ о сраженіи при Вязьмѣ, онъ опредѣленно выражаетъ имъ цѣль своихъ движеній и желаніе, чтобы ихъ дѣйствія сообразовались съ общимъ планомъ, присланнымъ изъ Петербурга съ Чернышевымъ и имъ утвержденнымъ. Продолжая параллельное преслѣдованіе, писалъ онъ адмиралу Чичагову, „я пріобрѣтаю разныя выгоды: 1) кратчайшимъ путемъ достигаю Орши, если непріятель на нее станетъ отступать. Если же Наполеонъ обратится на Могилевъ, то пресѣку ему туда совершенно путь; 2) прикрываю край, откуда къ арміи приходятъ запасы". Сообщая адмиралу о движеніи своихъ войскъ, онъ говоритъ: „Сколь бы полезно было, если бъ и вы, оставивъ противъ австрійцевъ обсерваціонный корпусъ, какъ можно поспѣшнѣе, съ другою частію войскъ обратились къ направленію черезъ Минскъ на Борисовъ". Направляя такимъ образомъ Дунайскую армію, въ тоже время онъ писалъ графу Витгенштейну: „съ особеннымъ удовольствіемъ читалъ я рапортъ вашъ отъ 8-го сего октября. Послѣ сего удачнаго сраженія, вижу, что дѣйствія ваши сообразны будутъ общему плану, мною утвержденному, направляясь чрезъ Лепель на Борисовъ, буде непріятель въ семъ направленіи отступать будетъ. Когда-же вы достигнете сего пункта, полагаю, достаточно будетъ корпуса графа Штейнгеля—слѣдовать за Сенъ-Сиромъ и наблюдать его движеніе; а вамъ, соображаясь съ моими движеніями, сближаться къ Днѣпру. Къ какому же пункту главныя непріятельскія силы сближаться будутъ, можете вы узнать заранѣе отъ вашихъ партизановъ, и тогда, соглашаясь съ нимъ, отрѣзывать Наполеону отступной маршъ. Если же Сенъ-Сиръ отступать станетъ на соединеніе главной своей арміи, что̀, вѣроятно, чрезъ Сенно къ Оршѣ произведено будетъ, въ такомъ случаѣ, занявъ отрядомъ, въ выгодномъ мѣстѣ, большую дорогу, изъ Докшицы къ Бѣшенковичамъ идущую, сильно преслѣдовать непріятеля и не упуская его изъ виду, дабы тѣмъ лишить его средствъ

---

[1]) Военный журналъ г. Толя.
[2]) Отношенія къ гр. Витгенштейну отъ 16-го октября; къ ад. Чичагову отъ 17-го.

форсированными маршами соединиться и съ превосходными силами напасть на одну изъ нашихъ армій. Я, съ моей стороны, не перестаю идти за бѣгущимъ непріятелемъ, который почти нигдѣ не останавливается. Всѣ мои партизаны предупреждаютъ его на маршѣ, затрудняя всячески отступное непріятельское движеніе, нанося ему притомъ величайшій вредъ“ [1]).

Главная армія продолжала движеніе на Гаврюково, и 25-го октября прошла къ Бѣлому Холму. „Около этого времени,—записалъ въ своемъ военномъ журналѣ г. Толь,—началась зима [2]), и хотя морозы были еще не велики, однакоже главнокомандующій, для сбереженія войскъ, приказалъ располагать ихъ по корпусамъ въ кантониръ-квартирахъ. Чрезъ предусмотрительность дежурнаго генерала Коновницына, армія наша снабжена была не только хлѣбомъ, виномъ и мясомъ, но и въ свое время полушубками, а кавалерійскія и артиллерійскія лошади—подковами. Послѣдняя предосторожность не мало способствовала къ сильному пораженію непріятеля, потому, что подъ конецъ ничто такъ сильно не устрашало его, какъ казаки, подкрѣпляемые обыкновенно регулярною конницею и конною артиллеріею. Усиленные переходы, которые она дѣлала, весьма часто чрезъ едва проходимыя мѣста, и безпрестанныя нападенія на непріятеля изнуряли его до такой степени, что сотнями отъ усталости и голоду умирали на дорогѣ“. Донскія войска атамана Платова постоянно нападали на непріятеля и отбивали орудія, обозы, и забирали плѣнныхъ. Дойдя до с. Семлева, авангарду Милорадовича было предписано преслѣдовать непріятеля съ тылу, а г. Платову повернуть направо. Повернувъ съ с. Рыбки, онъ къ вечеру достигъ д. Ставково, а передовой его отрядъ изъ 4-хъ полковъ, подъ начальствомъ полковника Андреянова, перейдя въ бродъ на правый берегъ Днѣпра, открылъ, при дер. Бизюково, по дорогѣ изъ Дорогобужа къ Духовщинѣ, непріятеля изъ 1,500 пѣхоты и 6 эскадроновъ конницы. Скрытно пробравшись лощинами, онъ напалъ на его правый флангъ, взялъ нѣсколькихъ плѣнныхъ, пять артиллерійскихъ ящиковъ и одно знамя. Это былъ авангардъ корпуса италіянскаго вице-короля, котораго отъ Дорогобужа императоръ Наполеонъ послалъ на Духовщину. Г. Милорадовичъ преслѣдовалъ аріергардъ непріятеля. Маршалъ Ней пытался задержать его движеніе, чтобы обезпечить переправу войскъ при Пневѣ черезъ

[1]) Предписанія гр. Витгенштейну отъ 22-го октября и адм. Чичагову отъ 23-го октября, изъ Быкова.

[2]) Свѣдѣнія о морозахъ собраны въ статьѣ Д. В. Давыдова, Сочиненія, т. I, стр. 1—20, и въ соч. И. П. Липранди: Нѣкоторыя замѣчанія о причинахъ гибели наполеоновыхъ войскъ. Спб. 1855 г., стр. 79 и слѣд.

Днѣпръ, останавливался въ боевомъ порядкѣ,—но постоянно долженъ былъ уступать напору нашего авангарда. Милорадовичъ одержалъ надъ нимъ побѣду при Болдиномъ монастырѣ, въ 15-ти верстахъ отъ Дорогобужа, потомъ при переправѣ черезъ рѣку Осьму, и, наконецъ, выгналъ его изъ Дорогобужа. На другой день (26-го октября), онъ получилъ отъ главнокомандующаго слѣдующее предписаніе: „по случаю приближенія главной арміи къ Днѣпру, найдено мною, что ближайшій и выгоднѣйшій путь, который она избрать можетъ, есть: отъ окрестностей Дорогобужа, перерѣзавъ дорогу, ведущую отъ Ельни въ Дорогобужъ, потомъ вышедши на дорогу изъ Ельни въ Смоленскъ и пройдя нѣкоторое по оной пространство, оставя Смоленскъ вправо, продолжать движеніе прямо на г. Красной и далѣе къ Оршѣ на операціонную линію непріятеля. Избравъ сей путь, мы имѣемъ слѣдующія выгоды: во 1-хъ, кратчайшимъ путемъ достигнуть Орши, переправясь только одинъ разъ черезъ Днѣпръ при семъ городѣ, тогда какъ непріятелю по прямѣйшему пути переправляться три раза черезъ оную рѣку, при Соловьевѣ (Пневѣ), Смоленскѣ и Оршѣ. Во 2-хъ, прикрываемъ мы симъ маршемъ край, изъ котораго весь запасъ для нашей арміи доходить будетъ. Вслѣдствіе сего вы можете еще, со ввѣреннымъ вамъ авангардомъ, преслѣдовать непріятеля, не доходя до с. Михалева (въ 18-ти верстахъ отъ Соловьевой переправы), и оттуда, фланговымъ маршемъ влѣво, стараться въ два марша присоединиться къ арміи. Корпусъ г. Раевскаго съ 1-й кавалерійской дивизіею, составляя нынѣ авангардъ 3, 5, 6 и 8-го корпусовъ, будучи усиленъ 8-мъ корпусомъ и кавалеріею ввѣреннаго вамъ авангарда, поступитъ вновь въ вашу команду. Ген. гр. Орлову-Денисову предписано также присоединиться къ новому авангарду и состоять въ командѣ вашей. Г. Платову, идущему вправо отъ большой дороги, предписано съ остальными у него казачьими полками преслѣдовать бѣгущаго по правому берегу Днѣпра непріятеля; но ему вы отдѣлите въ подкрѣпленіе 4-й кавалерійской дивизіи драгунскій полкъ“ [1]). Этимъ распоряженіемъ авангардъ, дѣйствовавшій отдѣльно отъ главной арміи, вновь присоединялся къ ней и подкрѣплялся корпусомъ г. Раевскаго, составлявшимъ временно ея авангардъ. Приближая къ себѣ авангардъ для дальнѣйшихъ дѣйствій на перерѣзъ пути Наполеону отъ Смоленска къ Оршѣ, кн. Кутузовъ не считалъ уже нужнымъ употреблять его значительныхъ силъ, чтобы преслѣдовать послѣдніе остатки непріятельскихъ войскъ, поспѣшно и въ безпорядкѣ бѣжавшихъ къ Смоленску.

---

[1]) Предписаніе отъ 26-го октября, изъ Бѣлаго Холма.

Съ этою цѣлію поручено было г. Милорадовичу составить отдѣльный отрядъ, который бы преслѣдовалъ непріятеля по Смоленской дорогѣ. Такой отрядъ, подъ начальствомъ ген. Юрковскаго, составленный изъ казаковъ и двухъ полковъ регулярной конницы, напалъ на непріятеля при с. Усвятьѣ, который, бросивъ пушки, побѣжалъ къ Смоленску. На другой день (27-го октября), застигнутый мятелью, онъ, не дойдя 5-ти верстъ до Соловьевой переправы, ночевалъ въ лѣсу, а затѣмъ (28-го октября) получилъ предписаніе Милорадовича присоединиться къ авангарду, оставивъ для преслѣдованія непріятеля полковника Карпенкова съ тремя полками при 4-хъ орудіяхъ. Между тѣмъ, гр. Орловъ-Денисовъ, посланный фельдмаршаломъ къ Соловьевой переправѣ, нашелъ, что онъ уже перешелъ Днѣпръ и преслѣдовалъ его далѣе, къ Смоленску.

При взятіи Дорогобужа авангардомъ, освобождены были два нашихъ плѣнныхъ офицера, которые также показали о движеніи войскъ князя Евгенія на Духовщину. Вслѣдствіе этого извѣстія, г. Милорадовичъ послалъ на эту дорогу полковника Васильчикова съ двумя полками конницы. Но отрядъ Андреянова, настигшій уже войска вице-короля италіянскаго, извѣстилъ г. Платова о ихъ движеніи, который ускореннымъ ходомъ двинулся противъ него со всѣми своими полками, разрѣзалъ его колонны на двѣ части, изъ которыхъ одна была отброшена къ Дорогобужу, другая къ Духовщинѣ. Ночь прекратила сраженіе и помогла вице-королю соединить снова свои войска и двинуться на другой день къ Улховой слободѣ, гдѣ предстояла ему переправа черезъ р. Вопь. Хотя Платовъ въ слѣдующій день простоялъ до 9-ти часовъ утра въ дер. Марковѣ (27-го октября), разославъ повсюду партіи, чтобы развѣдать куда двинулись главныя силы непріятеля и ожидая встрѣтить ту его часть, которая была отброшена къ Дорогобужу, однако же онъ успѣлъ настигнуть непріятеля во время начатой имъ переправы. Въ то время, когда уже приближались его полки, мостъ, построенный по распоряженію кн. Евгенія, подломился подъ тяжестью артиллеріи, а берега Вопи были круты и по ней шелъ еще ледъ. Это обстоятельство, сопровождаемое одновременно нападеніемъ казаковъ, произвело такое разстройство въ его войскахъ, что онъ потерпѣлъ полное пораженіе, потерялъ бо́льшую часть людей, весь обозъ и почти всю артиллерію. Перешедшіе на другой берегъ Вопи, остатки непріятельскихъ войскъ, принужденные еще выдержать нападеніе отряда г. Иловайскаго у Духовщины и потерпѣть значительныя потери, не представляли уже боевой силы. Г. Платовъ, зная, что преслѣдованіе непріятеля авангардомъ Милорадовича окончится у Соловьевой переправы, отправилъ одну часть своихъ войскъ для

преслѣдованія непріятеля къ Духовщинѣ, съ другою пошелъ наблюдать дорогу, идущую отъ Соловьевой переправы къ Смоленску [1]).

Въ то время, когда армія кн. Кутузова продолжала движеніе къ Ельнѣ, этотъ городъ былъ занятъ небольшимъ непріятельскимъ отрядомъ. Калужское ополченіе, приблизясь къ нему 24-го октября, выгнало непріятеля и заняло городъ; но не далеко отъ него находилась сводная дивизія г. Бараге д'Илье, направленная императоромъ Наполеономъ изъ Смоленска къ Калугѣ, и не получившая другихъ предписаній. Наши партизаны: Давыдовъ, Сеславинъ и Фигнеръ, соединившись съ гр. Орловымъ-Денисовымъ, воспользовавшись длиннымъ протяженіемъ непріятеля отъ села Ляхова до Долгомостья, прервали его сообщенія, одну часть, подъ начальствомъ Бараге д'Илье, разбили и заставили отступить къ Смоленску, другую, подъ начальствомъ Ожеро, принудили сдаться съ 60-ю офицерами и 2,000 солдатъ [2]).

Отъ самой Вязьмы и до Днѣпра дѣйствія нашихъ передовыхъ войскъ заключались въ непрерывныхъ нападеніяхъ на бѣжавшаго непріятеля, которыя сопровождались постояннымъ успѣхомъ. Непріятель не думалъ уже о сраженіяхъ и не могъ думать, доведенный до крайней степени разстройства. Въ первый день отступленія отъ Вязьмы,— свидѣтельствуетъ одинъ изъ полковыхъ командировъ корпуса маршала Нея,—„четвертый и первый корпусъ проходили мимо насъ въ величайшемъ безпорядкѣ. Я не могъ и предполагать, чтобы они такъ пострадали и пришли въ такое разложеніе. Почти одна только италіянская гвардія шла въ хорошемъ порядкѣ, всѣ остальныя потеряли бодрость и изнемогали отъ усталости. Огромное количество отсталыхъ и большею частію безъ оружія. Многіе изъ нихъ провели ночь вмѣстѣ съ нами въ лѣсу подъ Вязьмою. Я употреблялъ всѣ способы, чтобы побудить ихъ идти впередъ, не дожидаясь аріергарда. Для нихъ было очень важно уйти на нѣсколько часовъ впередъ, и притомъ мы не могли допустить, чтобы они смѣшивались съ нашими рядами и затрудняли бы движенія. Ихъ собственная выгода согласовалась въ этомъ случаѣ съ требованіями службы; но усталость и лѣнь препятствовали имъ послушаться нашихъ совѣтовъ. Но лишь только началъ аріергардъ движеніе на другой день, какъ они присоединились къ намъ. Больные и раненые остались у костровъ и умоляли насъ не оставлять ихъ. Мы не имѣли никакихъ перевозочныхъ средствъ и должны были по-

---

[1]) Военный журналъ г. Толя; донесеніе атамана Платова фельдмаршалу отъ 27-го октября изъ д. Манторова, и донесеніе кн. Кутузова государю изъ Ельни, отъ 28-го октября.

[2]) Военный журналъ г. Толя; донесеніе фельдмаршала государю отъ 31-го октября, изъ Лобкова; Сочиненія Д. В. Давыдова, т. I, стр. 80 и слѣд.

казывать видъ, что не слышимъ ихъ воплей, не имѣя возможности имъ помочь“ [1]). Октября 23-го (4-го ноября) пошелъ снѣгъ, но небольшой и продолжавшійся недолго; на другой день онъ пошелъ сильнѣе, а на третій падалъ въ огромномъ количествѣ, сопровождаемый сильнымъ вѣтромъ. „Мы приближались къ Дорогобужу, отстоящему отъ Смоленска 56 верстъ. Мысль, что въ три дня достигнемъ этого города, возбуждала всеобщую радость; но вдругъ измѣнилась погода. Солнце скрылось за густыми облаками, сырой туманъ наполнилъ воздухъ и потомъ сильными хлопьями началъ падать снѣгъ, день исчезъ, и небо и земля слились вмѣстѣ. Порывистый вѣтеръ съ яростію свисталъ по лѣсамъ, пригибая къ землѣ деревья и, наконецъ, земля превратилась въ бѣлую безпріютную пустыню. Въ это ужасное время, солдаты, удрученные вѣтромъ и снѣгомъ, не могли различать большой дороги, падали въ канавы, которыя шли по обѣимъ ея сторонамъ, и онѣ служили имъ гробомъ. Другіе спѣшили идти впередъ, но плохо обутые, плохо одѣтые, голодные, дрожавшіе отъ холода, не помогали имъ и не обращали никакого вниманія на падавшихъ отъ изнеможенія ихъ товарищей“, говоритъ Лабомъ [2]). Въ ужасной борьбѣ съ грозной смертью слышались трогательныя прощанія съ товарищами, воспоминанія о родинѣ и своихъ близкихъ, вмѣстѣ съ упреками тому, чье безграничное самолюбіе погубило ихъ. Множество падали отъ изнеможенія и замерзали. Скоро снѣгъ покрывалъ ихъ трупы и по всей дорогѣ образовались возвышенія въ видѣ могилъ, какъ на кладбищѣ. „Снѣгъ скрылъ небо и, казалось, оно спустилось на землю, чтобы бѣлымъ саваномъ покрыть великую армію“, говоритъ гр. Сегюръ [3]). Съ этого дня войска не только потеряли военную силу, но и внѣшній видъ. Солдаты не повиновались офицерамъ, офицеры удалялись отъ генераловъ, полки разсыпались и двигались какъ хотѣли, одни искали пищи и расходились по сторонамъ, гдѣ попадались казакамъ и вооруженнымъ крестьянамъ. Конина уже составляла почти единственную пищу, лошади, изнуренныя голодомъ, не подкованныя на шипы, не могли тащить артиллеріи и обозовъ и падали сотнями. Едва падала лошадь, ее растерзывали на куски и жарили мясо на огнѣ. Одни начальники сохраняли свои обозы и въ изобиліи имѣли продовольствіе. „Каждый привалъ и ночлегъ, послѣ того какъ оставляли его войска, походилъ на мѣсто сраженія; вокругъ догоравшихъ костровъ лежало множество замерзшихъ труповъ людей и лоша-

---

[1]) Fezensac, Souvenirs milit., стр. 235—236.
[2]) Labaume, Rélation etc., стр. 299 и слѣд.
[3]) C-te Segur, Hist. de Napoléon et de la grande armée, т. II, стр. 180.

дей. „Стаи вороновъ поднимались надъ нами съ зловѣщимъ крикомъ и цѣлыя стада собакъ слѣдовали за нами, съ самой Москвы питаясь нашими кровавыми останками“, говоритъ Лабомъ. Переходъ черезъ каждый обрывъ, незначительную рѣчку, мостъ или плотину усиливалъ бѣдствія. Люди, обозы и артиллерія скоплялись въ одномъ мѣстѣ, задерживая одни другихъ, и оставляли на мѣстѣ множество жертвъ какъ людьми, такъ и разбитыми возами и артиллеріею. При переходѣ черезъ Днѣпръ у Соловьевой переправы, была ужасная давка на мосту; дорога къ нему на нѣсколько верстъ была покрыта брошенными экипажами и зарядными ящиками. Нею надо было очистить дорогу прежде нежели начать переправу; но и его войска, сопровождаемыя множествомъ отсталыхъ, произвели такой-же безпорядокъ. „Это не отступленіе,—говорилъ онъ,—а бѣгство“, какъ и было дѣйствительно. Едва кто изъ солдатъ падалъ отъ изнеможенія, другіе бросались раздѣвать его, чтобы прикрыть его одеждою самихъ себя и защитить отъ холода, и отнимали провизію, если находили у нихъ, и такимъ образомъ ускоряли ихъ смерть. Но они обирали не только умирающихъ и мертвыхъ, но и живыхъ. На роздыхахъ и ночлегахъ, изъ-подъ головъ сонныхъ ихъ товарищей безнаказанно крали ихъ имущество, уводили лошадей подъ свои повозки. Иногда доходило и до рукопашныхъ схватокъ. Вестфальцевъ, которые шли во главѣ арміи и сохраняли еще часть продовольствія въ своемъ обозѣ, ограбили солдаты гвардіи. Ужасныя бѣдствія заглушили въ нихъ человѣческія чувства [1]); этимъ бѣдствіямъ подвергались и множество семействъ, слѣдовавшихъ съ великою арміею изъ Москвы, множество женщинъ и дѣтей. „Я не берусь описывать происшествій этого ужаснаго похода,—говоритъ одна изъ нихъ,—это сдѣлаютъ другіе. Я опишу только 12 дней, которые были для меня постояннымъ предсмертнымъ страданіемъ, въ продолженіи которыхъ смерть являлась во всевозможныхъ видахъ. При началѣ дня я говорила: безъ сомнѣнія, я не доживу до вечера; но какою смертью мнѣ придется умереть—я не знаю. Мы были не далеко отъ Смоленска. Офицеръ, съ которымъ я ѣхала, велѣлъ кучеру прибыть туда къ вечеру. Это былъ полякъ, вялый и неловкій. Онъ бросилъ лошадей и всю ночь пропадалъ, подъ предлогомъ, что искалъ для нихъ корма. Когда мы хотѣли ѣхать, лошади не могли двинуться съ мѣста. Двѣ изъ нихъ пали, а на остальныхъ трехъ и нельзя было ѣхать. Мы находились при въѣздѣ на мостъ, на которомъ тѣснились люди и обозы, и простояли всю ночь. Утромъ онъ привелъ двухъ лошадей. Я была

[1]) Бѣдствія великой арміи, съ большими или меньшими подробностями, одинаково описываютъ: гр. Сегюръ, М. Шамбре, Фезензакъ, Лабомъ, Пексанъ, Пейрюссъ, Роосъ и другіе.

увѣрена, что онъ ихъ укралъ; но въ это время, это было дѣломъ обыкновеннымъ. Крали взаимно другъ у друга все, въ чемъ нуждались, съ совершенною безопасностью. Опасно было когда поймаютъ на мѣстѣ преступленія, вора поколотили бы непремѣнно. Только и слышалось въ продолженіе дня: ахъ, Боже мой, у меня украли или плащъ, или мѣшокъ, или хлѣбъ, или лошадь, и это говорили всѣ, начиная съ генерала и до солдата“ [1]).

Въ такомъ положеніи находились непріятельскія войска, подходя къ Смоленску, какъ описываютъ сами французы, участники въ событіяхъ. Не безъ цѣли мы привели только ихъ свидѣтельства, которыя вполнѣ подтверждаются показаніями и нашихъ соотечественниковъ-очевидцевъ, какъ въ ихъ запискахъ, такъ и современныхъ донесеніяхъ въ главную квартиру. Наши войска были поражены, видя тѣ бѣдствія, которыя испытывали непріятели. Отъ Вязьмы къ Дорогобужу,—говоритъ одинъ изъ очевидцевъ,—„мы шли большою Смоленскою дорогою и съ ужасомъ видѣли на ней безпрерывное кладбище или какъ-бы дѣйствіе опустошительной чумы: на каждой верстѣ лежали по нѣскольку десятковъ лошадей и трупы погибшихъ французовъ; между ними или опрокинутыя фуры, или взорванные пороховые ящики. Видѣли, какъ у многихъ околѣвшихъ лошадей вырѣзано было мясо, видѣли, о ужасъ! въ брюхѣ одной такой лошади француза, схватившагося обѣими руками за печенку, и, видно, хотѣвшаго ѣсть ее; но лютый морозъ окаменилъ его въ этомъ положеніи. Иные несчастные, оставшіеся на дорогѣ, хотя и были живы, но отъ сильнаго изнуренія и голода потеряли употребленіе языка и только слабымъ движеніемъ рукъ обнаруживали въ себѣ остатокъ жизни. Въ такомъ положеніи нашли мы на дорогѣ сидѣвшаго подъ деревомъ, бѣлокураго, въ тонкомъ синемъ мундирѣ, подъ трехъугольною шляпою, офицера. Его глаза были полуоткрыты, голова склонилась на сторону, смертная блѣдность покрывала прекрасное лицо. Онъ не отвѣчалъ на наши вопросы и, казалось, потерялъ уже зрѣніе, только правая рука его двигалась къ сердцу. Вдругъ его глаза сдѣлались неподвижны — и онъ угасъ передъ нами.... Такіе ужасы производили непріятное впечатлѣніе. Хотя французы были наши враги и разорители, однакоже мщеніе не могло заглушить въ насъ чувства человѣчества въ такой степени, чтобы мы не сострадали ихъ бѣдствіямъ. Многіе солдаты отходили отъ этихъ предметовъ ужаса съ сожалѣніемъ и, будучи тронуты свирѣпостію войны, проклинали виновника оной, Наполеона“ [2]).

---

[1]) M-me Fusil, L'incendie de Moscou, стр. 26—27.
[2]) Записки артиллериста, т. I, стр. 252—253, 257—264.

Хотя у нашихъ передовыхъ войскъ часто продовольствіе бывало не изобильно, но они охотно дѣлились сухарями съ несчастными непріятелями, постоянно со всѣхъ сторонъ стекавшимися къ ихъ кострамъ на стоянкахъ. На одну изъ такихъ стоянокъ, послѣ сраженія при Вязьмѣ, прибѣжала русская женщина, московская мѣщанка, съ криками: „батюшки родимые, спасите!“ У нея на рукахъ былъ грудной ребенокъ, сынъ французскаго полковника, убитаго подъ Вязьмою; мать его попалась вмѣстѣ съ обозомъ казакамъ и неизвѣстно куда пропала. Она была кормилицею ихъ ребенка и нѣжно ласкала его. „Да вѣдь онъ французёнокъ,—шутя замѣтилъ офицеръ,—что тебѣ жалѣть его?“—Я жила у нихъ какъ у родныхъ, можно-ли мнѣ не любить ихъ бѣднаго сиротки,—отвѣчала она, и ласкала его, обливаясь слезами и повторяя: „бѣдный, бѣдный сиротка“. Между тѣмъ, какъ доносилъ г. Милорадовичъ фельдмаршалу, преслѣдуя непріятеля, „находили въ церквахъ убитыхъ непріятелями младенцевъ“ [1]).

Императоръ Наполеонъ предписывалъ Нею отступать какъ можно медленнѣе, чтобы дать возможность другимъ войскамъ спокойно достигнуть Смоленска. Но при непрерывномъ преслѣдованіи нашего авангарда и казаковъ Платова и разстройствѣ войскъ великой арміи, онъ не могъ исполнить приказаній Наполеона. Изъ Семлева онъ уже доносилъ ему, что отсталые отъ разныхъ полковъ арміи чрезвычайно затрудняютъ ему противодѣйствовать нападеніямъ нашихъ передовыхъ отрядовъ. Послѣ оставленія Дорогобужа, гдѣ Наполеонъ намѣревался продержаться долѣе, онъ послалъ къ нему своего адъютанта, полковника д'Альбиньяка, съ тѣмъ, чтобы онъ подробно представилъ ему положеніе войскъ; но лишь только онъ началъ описывать ему тѣ бѣдствія, которыя они испытываютъ, Наполеонъ остановилъ его, говоря: „полковникъ, я не спрашиваю васъ объ этихъ подробностяхъ“, и повторилъ приказаніе, чтобы Ней удерживалъ напоръ нашихъ войскъ и потомъ направилъ лишь къ нему обозъ съ продовольствіемъ, только что пришедшій изъ Смоленска [2]). Съ тѣхъ поръ однако же, какъ послѣ побѣды при Дорогобужѣ нашъ авангардъ пошелъ на соединеніе съ большою арміею, а генер. Платовъ съ большею частію своихъ полковъ на Духовщину, преслѣдуя вице-короля италіянскаго, небольшіе наши отряды не могли слишкомъ тѣснить его и онъ дѣйствительно отступалъ на столько медленно, что далъ возможность Наполеону прибыть въ Смоленскъ 28-го октября (9-го ноября), а передовымъ войскамъ

[1]) Донесеніе г. Милорадовича фельдмаршалу 20-го октября.

[2]) М. Шамбре, Hist. de l'expédition etc., т. II, стр. 377 и слѣд.; Fezensac, Souvenirs milit., стр. 289—290; C-te Segur, Hist. de Napoléon et de la grande armée, т. II, стр. 190—192.

маршала Жюно—пройти городъ еще двумя днями ранѣе и расположиться въ нѣсколькихъ верстахъ отъ него по дорогѣ къ Мстиславлю, когда онъ находился еще на походѣ къ Соловьевой переправѣ. Императоръ Наполеонъ, конечно, зналъ, по крайней мѣрѣ приблизительно, какое количество запасовъ продовольствія онъ найдетъ въ Смоленскихъ складахъ. Ближайшіе къ Москвѣ, они снабжали всѣ туда слѣдовавшіе отряды и корпусъ маршала Виктора, во время его пребыванія у Смоленска, посылали обозы къ Москвѣ и до Можайска и къ Калугѣ до Ельни. Они быстро истощались, а пополнялись вновь медленно; возставшіе крестьяне захватывали обозы по дорогамъ, а въ послѣднее время—наши партизанскіе отряды и казаки. Витебскъ, откуда они могли быть пополнены, былъ взятъ войсками гр. Витгенштейна, магазины въ с. Клементановѣ, по дорогѣ къ Ельнѣ, содержавшіе почти такое же количество запасовъ, какъ и Смоленскіе, были взяты, а частію сожжены отрядомъ гр. Орлова-Денисова [1]). Тѣми запасами, которыми въ Смоленскѣ могъ располагать императоръ Наполеонъ, его армія могла бы пробиваться не болѣе семи—восьми дней. Мысль оставаться въ Смоленскѣ, если только она была у него, становилась невозможною по этому обстоятельству и по тѣмъ извѣстіямъ, которыя онъ постоянно получалъ съ своихъ фланговъ. Русскія войска могли совершенно преградить ему путь отступленія. Поэтому, войдя въ Смоленскъ съ гвардіею, онъ велѣлъ запереть ворота крѣпости и предписалъ снабдить ее продовольствіемъ на 15 дней и боевыми припасами. День и ночь раздавали ихъ гвардейскимъ полкамъ, когда огромныя толпы безоружныхъ и отсталыхъ ломились силою въ городъ. „Вчера Наполеонъ съ гвардіею прибылъ въ Смоленскъ,—писалъ во Францію его генералъ-провіантмейстеръ изъ Смоленска; отъ Московской заставы до средины города, гдѣ былъ отведенъ ему домъ, онъ шелъ пѣшкомъ. Возвышеніе къ городу покрыто ледяною корою, такъ что экипажамъ трудно было въѣхать. Нѣтъ ни желѣза, ни углей, ни кузнецовъ, чтобы подковать лошадей на шипы; онѣ стали такъ слабы, что которая упадетъ—не встаетъ уже болѣе. Сегодня болѣе 16° мороза. Солдаты, приходящіе изъ Москвы, укутаны въ мужскія и женскія шубы, въ шелковыя и шерстяныя матеріи разныхъ цвѣтовъ; головы и ноги обернуты лоскутьями. Ихъ лица изнуренныя, закопченныя дымомъ бивуаковъ, красные и свирѣпые глаза, всклоченные волосы дѣлаютъ ихъ похожими на шайку преступниковъ, вырвавшихся изъ тюрьмы. Тѣ, которые падаютъ отъ усталости, голода и холода, уми-

[1]) Puisbusque, Lettres sur la guerre de Russie, письмо 7-го ноября (26-го октября), стр. 119; письмо С. Р. Вильсона къ лорду Каткарту изъ Краснаго, 5-го (17-го) ноября.

раютъ на мѣстѣ. Это не производитъ никакого впечатлѣнія на ихъ товарищей, они проходятъ мимо, не заботясь о томъ, чтобы помочь имъ. Бѣдность, лишенія и безпрестанное зрѣлище разрушеній окаменили ихъ сердца. Солдатъ безъ участія смотритъ на умирающаго своего сотоварища и даже друга. Одна мысль, кажется, охватила всѣми, которая можетъ быть выражена такъ: онъ счастливъ, онъ не страдаетъ болѣе. Каждый ожидалъ того же, расчитывая по своимъ силамъ сколько еще дней ему придется прожить" [1]). Хотя императоръ Наполеонъ тщательно скрывалъ неутѣшительныя извѣстія, приходившія съ фланговъ, но слухи о нихъ распространялись въ войскахъ. Они надѣялись, кромѣ продовольствія, найти въ Смоленскѣ и подкрѣпленіе въ 35-ти тысячномъ корпусѣ маршала Виктора. Его отсутствіе указывало на положеніе дѣлъ на лѣвомъ флангѣ. Пораженіе Бараге д'Илье, пришедшаго въ Смоленскъ съ остаткомъ своей дивизіи, появленіе остатковъ Италіянскаго корпуса, послѣ потерь, понесенныхъ при переправѣ черезъ Вопь, извѣстіе о взятіи Витебска—усиливали уныніе [2]). Безоружные отряды войскъ, подходившіе къ Смоленску, которыхъ не пускали въ стѣны города, въ первую же ночь воспользовались не только стадами быковъ, приготовленными для продовольствія арміи, но взяли и убили 215 лошадей изъ артиллерійскихъ конюшенъ, бывшихъ въ предмѣстьи. „Кто несъ хлѣбъ или что-либо съѣстное—не былъ безопасенъ, у него отнимутъ его добычу или его убьютъ". Наконецъ, они проломали ворота, силою ворвались въ городъ и, не смотря на то, что противъ нихъ дѣйствовали оружіемъ, начали грабить магазины. Вѣсть объ этомъ быстро разнеслась по войскамъ и тѣ, которые не получали еще своей дачи, всѣ, какъ офицеры, такъ и солдаты, бросились на добычу. Начались драки и убійства. „Ужасы и плачевныя зрѣлища возобновились повсюду вокругъ насъ,— говоритъ тотъ же свидѣтель-очевидецъ,—одни грабятъ другихъ, крадутъ другъ у друга и безнаказанно. Многіе, истощенные голодомъ, съѣдаютъ въ одинъ день запасы, данные имъ на недѣлю, и если не умираютъ, то приходятъ въ совершенное разслабленіе. Раздача вина, которое могло бы оказать большую помощь при отступленіи, становится пагубною. Нѣтъ болѣе ни порядка, ни расчета, ни благоразумія, бо̀льшая часть этой толпы дѣйствуетъ такъ, какъ будто имъ оставалось жить одинъ день". Офицеры италіянскіе и нѣмецкіе, содержавшіе караулъ у виннаго погреба, разломали двери и перепились съ своими товарищами, перессорились и передрались. Солдаты послѣ-

[1]) Puisbusque, Lettres sur la guerre de Russie, письмо 10-го ноября н. ст. стр. 121—124.

[2]) Labaume, Rélation de la campagne de Russie, стр. 335 и слѣд.

довали ихъ примѣру. Ихъ уняли оружіемъ, и они померзли по улицамъ. Всѣ жаловались на неравномѣрное распредѣленіе между войсками продовольствія. „Всѣхъ можно бы спасти отъ ужасовъ голода,—говоритъ тотъ же свидѣтель,—но намъ повелѣваютъ снабдить на двѣ недѣли одну гвардію; въ такомъ случаѣ для 1-го и 4-го корпусовъ останется по кусочку хлѣба на человѣка и то не долѣе какъ дня на два. Оставляютъ до 5,000 раненыхъ и больныхъ въ крѣпости. Верховный распорядитель запасовъ (Наполеонъ) распредѣлилъ ихъ неравномѣрно войскамъ. Съ большимъ трудомъ выпросили у него для раненыхъ нѣсколько мѣшковъ муки“ [1]). Но этого еще мало. Подъ стѣны Смоленской крѣпости, гдѣ оставляли раненыхъ и больныхъ, уже подготовляли подкопы, наполняли ихъ порохомъ, и Наполеонъ строго предписывалъ маршалу Нею, который долженъ былъ послѣднимъ оставить Смоленскъ, взорвать башни и стѣны крѣпости.

Жалкіе остатки войскъ великой арміи постепенно подходили къ Смоленску въ продолженіи семи дней. Нужно было нѣкоторое время, чтобы дать отдыхъ истомленнымъ войскамъ, привести въ нѣкоторый порядокъ разстроенные корпуса и полки и пополнить по возможности остатками дивизіи Бараге-д'Илье и другими запасными отрядами.

Постепенное вступленіе непріятельскихъ отрядовъ въ Смоленскъ условливало и такой же порядокъ отступленія оттуда и неравномѣрное распредѣленіе продовольствія.

Пославъ напередъ по дорогѣ къ Оршѣ отрядъ Клапереда съ обозомъ главной квартиры и отрядъ генер. Себастіани, составленный изъ спѣшенной конницы, Наполеонъ выступилъ съ гвардіею изъ Смоленска 2-го (14-го) ноября. На другой день долженъ былъ оставить городъ вице-король Италіянскій, за нимъ черезъ день маршалъ Даву и, наконецъ, Ней 5-го (17-го) ноября, взорвавъ напередъ древнія укрѣпленія Смоленска [2]). Нѣкоторые изъ французскихъ писателей упрекаютъ Наполеона, что онъ не сосредоточилъ всѣхъ своихъ силъ и не выступилъ съ ними противъ нашей арміи. Но этотъ упрекъ вытекаетъ изъ того, что они смотрятъ на войска Наполеона, даже въ это время, какъ на боевую силу. Но его взглядъ былъ совершенно иной, который раздѣляли и его маршалы. Выступая изъ Москвы, онъ считалъ необходимымъ избѣгать сраженій, зная разстроенное состояніе своихъ войскъ. Если онъ не рѣшился съ бою проложить себѣ путь на Калугу и долженъ былъ отступать по опустошенной Смоленской дорогѣ, то едва-ли могъ рѣшиться на сраже-

---

[1]) Puisbusque, письмо отъ 12-го ноября н. ст., стр. 131—134.

[2]) М. Шамбре, Hist. de l'éxpedition etc., т. II, стр. 428 и слѣд.

ніе послѣ выхода изъ Смоленска. Князь Евгеній, еще до переправы черезъ Вопь, писалъ къ начальнику штаба арміи: „въ ночь я отправлю сильный отрядъ для развѣдки къ Духовщинѣ, куда надѣюсь прибыть завтра, если непріятель не представитъ мнѣ сильнаго сопротивленія, потому что, я не могу скрыть отъ васъ, въ эти три дня страданій, духъ солдатъ такъ упалъ, что я считаю ихъ неспособными ни къ какому усилію. Множество людей померло отъ холода и голода, другіе съ отчаянія сдавались непріятелю“ [1]). Въ такомъ же положеніи находились и всѣ прочіе корпуса. Начальникъ штаба Наполеона, маршалъ Бертье, за день до вступленія въ Смоленскъ, осмотрѣвъ на маршѣ всѣ корпуса и описавъ ему бѣдственное ихъ положеніе, заключилъ: „такое положеніе, усиливаясь постоянно, даетъ поводъ опасаться, что, если не будутъ приняты немедленныя мѣры противъ него, у насъ не будетъ войскъ, способныхъ для битвы (on ne soit plus maitre des troupes dans un combat)“ [2]). Стоянка въ Смоленскѣ, при тѣхъ обстоятельствахъ, на которыя мы указали, не могла поправить положенія войскъ, а скорѣе уронила еще болѣе ихъ значеніе, какъ боевой силы.

Въ продолженіе этого времени большая армія кн. Кутузова прибыла къ Ельнѣ 27-го октября, гдѣ помѣстилась главная квартира. Поджидая приближенія авангарда Милорадовича, войскамъ дана была дневка. Намѣреваясь начать боковое движеніе къ Красному, на перерѣзъ пути непріятелю, фельдмаршалъ далъ слѣдующій приказъ войскамъ: „послѣ таковыхъ чрезвычайныхъ успѣховъ, одерживаемыхъ нами ежедневно и повсюду надъ непріятелемъ, остается только быстро его преслѣдовать, и тогда, можетъ быть, земля русская, которую мечталъ онъ поработить, усѣется костьми его. И такъ, мы будемъ преслѣдовать неутомимо. Настаютъ зима, вьюги и морозы; но вамъ-ли бояться ихъ, дѣти сѣвера? Желѣзная грудь ваша не страшится ни суровости погодъ, ни злости враговъ: она есть надежная стѣна отечества, о которую все сокрушается. Вы будете умѣть переносить и кратковременные недостатки, если они случатся. Добрые солдаты отличаются твердостію и терпѣніемъ; старые служивые дадутъ примѣръ молодымъ. Пусть всякій помнитъ Суворова, который научалъ сносить холодъ и голодъ, когда дѣло шло о побѣдѣ и славѣ русскаго народа. Идемъ впередъ! Съ нами Богъ! предъ нами разбитый непріятель: за

---

[1]) Письмо Евг. Богарне къ маршалу Бертье, 7-го ноября (26-го октября); «Сѣверная Почта» 1812 г., № 89.

[2]) 9-го ноября (28-го октября), въ 30-ти верстахъ отъ Смоленска. Подлинный хранится въ Уч. архивѣ главнаго штаба, напечатанъ у Данилевскаго. Сочин., г. V, стр. 250.

нами да будетъ тишина и спокойствіе" [1]). Только что получивъ извѣстіе отъ Платова о пораженіи вице-короля Италіянскаго, при переправѣ черезъ Вопь, объ отраженіи дивизіи Бараге д'Илье и о сдачѣ бригады Ожеро, фельдмаршалъ могъ говорить войскамъ о чрезвычайныхъ успѣхахъ. Увѣдомляя императора о дѣлѣ при Вопи, поздравляя съ новою побѣдою, онъ писалъ: „совершенное разбитіе 4-го корпуса французскаго подъ командою вице-короля Италіянскаго: однихъ плѣнныхъ 3,000, множество убитыхъ, 64 пушки со всею упряжью и зарядными ящиками. Казаки дѣлаютъ чудеса: истребляютъ не только пѣхотныя колонны, но нападаютъ быстро и на артиллерію. Есть надежда, что малые остатки сего корпуса истреблены будутъ еще до Духовщины.

„Нѣсколько дней тому назадъ, какъ всѣ французы, въ плѣнъ приводимые, неотступно просятъ о принятіи ихъ въ россійскую службу; и вчерашняго числа италіянской гвардіи 15 офицеровъ приступили съ тою же просьбою, говоря, что нѣтъ выше чести, какъ носить мундиръ россійскій" [2]). Донося о побѣдѣ гр. Орлова-Денисова, вмѣстѣ съ партизанами, онъ писалъ государю, что эта „побѣда тѣмъ болѣе знаменита", что въ первый разъ, въ продолженіе этой кампаніи, сдался отрядъ въ полномъ его составѣ, со всѣми штабъ и оберъ-офицерами. Отправивъ Смоленское ополченіе назадъ въ Дорогобужъ, черезъ день (29-го октября) кн. Кутузовъ подвинулъ войска по дорогѣ къ Красному до с. Бортунина, а авангардъ Милорадовича дошелъ до Ляхова. Продолжая движеніе черезъ с. Лобково, наша армія 1-го ноября достигла с. Щелканова и оказалась на одной высотѣ съ Смоленскомъ, по дорогѣ, идущей отъ этого города въ Мстиславль. Войска Наполеона только что сосредоточились въ Смоленскѣ и, конечно, въ нашей главной квартирѣ не могли напередъ знать, какимъ порядкомъ они будутъ отступать далѣе. Передвиженія располагавшихся по мѣрѣ прихода непріятельскихъ войскъ вокругъ Смоленска, о которыхъ приходили извѣстія отъ нашихъ передовыхъ отрядовъ, возбудили въ главной квартирѣ предположеніе, что непріятель будетъ выступать въ трехъ колоннахъ: черезъ Касплю на Витебскъ, чрезъ Любавичи на Бабиновичи и на Красный и Оршу. Но кн. Кутузовъ не придавалъ значенія этимъ извѣстіямъ. „Сіи извѣстія,—писалъ онъ гр. Витгенштейну,—требуютъ подтвержденія. Между тѣмъ, я продолжаю маршъ на Красный и если непріятель раздѣлится на три части, то, безъ сомнѣнія, та, которая пойдетъ черезъ Красный на Оршу, понесетъ

[1]) Приказъ 29-го октября, данный въ Ельнѣ.
[2]) Донесеніе 28-го октября, изъ Ельны.

сильный уронъ отъ меня и чрезъ то подастъ мнѣ способы, переправясь при Оршѣ или другомъ какомъ мѣстѣ чрезъ Днѣпръ, обратиться по направленію чрезъ Смольяны на Сенно, или Лепель. Полагаю, что главное пораженіе, которое непріятелю нанести можно, должно быть между Днѣпромъ, Березиною и Двиною, и потому содѣйствіе ваше при семъ случаѣ необходимо, ибо отдаленность адмирала Чичагова такъ велика, что онъ болѣе имѣетъ удобства разстроить Виленскую конфедерацію, нежели участвовать въ пораженіи главной непріятельской арміи" [1]).

Это предписаніе помѣчено 1-мъ ноября, когда большая армія приблизилась къ селу Щелканову, между тѣмъ еще 30-го октября предписано было партизанскимъ отрядамъ Давыдова, Фигнера и Сеславина идти къ Оршѣ и Дубровнѣ, переправиться черезъ Днѣпръ, собрать свѣдѣнія о движеніи маршала Виктора, если возможно, открыть сообщеніе съ гр. Виттенштейномъ и съ тою же цѣлію отряду генералъ-адъютанта Кутузова идти къ Бабиновичамъ. Отряды гр. Ожеровскаго и вслѣдъ за нимъ гр. Орлова-Денисова были отправлены впередъ къ Красному. Послѣдній, подходя къ селу Пронину, узналъ, что по окрестнымъ селеніямъ расположены артиллерійскія и кавалерійскія депо непріятеля, напалъ на нихъ и взялъ 1,300 плѣнныхъ, 400 повозокъ съ провіантомъ, виномъ и фуражомъ, болѣе тысячи запасныхъ лошадей, назначенныхъ для артиллеріи и 200 головъ рогатаго скота. Такая добыча весьма была полезна для нашихъ войскъ, часто нуждавшихся въ продовольствіи, потому что обозы отставали отъ нихъ. Продолжая движеніе къ Красному, гр. Орловъ-Денисовъ узналъ, что въ деревнѣ Червонной расположилась на ночлегъ дивизія корпуса князя Понятовскаго подъ начальствомъ г. Заіончека. Этотъ корпусъ былъ такъ разстроенъ и убавился въ числѣ, что императоръ Наполеонъ отправилъ его изъ Смоленска на Могилевъ, гдѣ онъ долженъ былъ присоединить составленные вновь польскіе полки. Гр. Орловъ-Денисовъ напалъ на дивизію Заіончека (31-го октября) и отбросилъ ее къ Красному [2]).

Извѣщая фельдмаршала о своихъ дѣйствіяхъ, онъ доносилъ, что всѣ взятые имъ плѣнные согласно говорятъ, что непріятель отступаетъ къ Красному, и просилъ подкрѣпить свой отрядъ. Фельдмаршалъ поручилъ дежурному генералу отвѣчать, что немедленно идетъ

---

[1]) Отношеніе къ гр. Витгенштейну отъ 1-го ноября.

[2]) Военный журналъ г. Толя; донесенія фельдмаршалу гр. Орлова-Денисова изъ деревни Козлово, 28-го октября, и его же 30-го октября; донесенія Фигнера и Сеславина, 29-го октября.

весь авангардъ г. Милорадовича, а за нимъ послѣдуетъ вся армія [1]). Дѣйствительно, 2-го ноября армія находилась уже у села Волкова, главная квартира въ с. Юровѣ, Милорадовичъ у деревни Княгининой, а корпусъ графа Остерманъ-Толстаго у Кобызева, гдѣ встрѣтился съ непріятелемъ и, немедленно ударивъ на него, взялъ въ плѣнъ 875 солдатъ и 10 офицеровъ. Въ тотъ же день отрядъ графа Ожаровскаго, приблизясь на разсвѣтѣ къ Красному и узнавъ, что онъ занятъ дивизіею Заіончека, выгналъ его оттуда, захвативъ весь его обозъ, и удерживался въ городѣ пока постепенно подходившія къ нему войска непріятеля не оказались въ значительномъ количествѣ. Оставивъ городъ, онъ отошелъ на три версты отъ него въ деревню Кутьково. Къ вечеру прибылъ самъ Наполеонъ съ гвардіею. На другой день Милорадовичъ съ авангардомъ, доведеннымъ до 16-ти тысячъ человѣкъ, продолжалъ движеніе къ большой дорогѣ, направляясь къ селу Ржавки. Князь Кудашевъ, шедшій съ своимъ отрядомъ впереди, вскорѣ извѣстилъ, что непріятель проходитъ черезъ это село и увѣдомилъ г. Милорадовича, который, ускоривъ движеніе войскъ, прибылъ къ 4-мъ часамъ по полудни къ большой дорогѣ и приказалъ корпусу князя Долгорукова напасть на него. Непріятель, составлявшій хвостъ той колонны, съ которой шелъ къ Красному самъ Наполеонъ, увидавъ наступленіе нашихъ войскъ, спѣшилъ безъ боя удалиться по большой дорогѣ. Но кн. Долгорукій перерѣзалъ его и заставилъ одну часть обратиться къ Смоленску. Дивизія конницы барона Меллера-Закомельскаго, съ 5-мъ егерскимъ полкомъ г. Гогеля, ее преслѣдовали, отбили 4 пушки и взяли въ плѣнъ 500 человѣкъ гвардейскихъ солдатъ. Генералъ Раевскій двинулся противъ той части войскъ, которая поспѣшно отступала къ Красному. Его егеря (5-го полка) и выставленныя имъ сильныя батареи противъ моста, по которому долженъ былъ проходить непріятель, причинили ему большія потери и заставили бросить весь обозъ и до 30-ти орудій. Наступившая ночь прекратила сраженіе. Г. Милорадовичъ отвелъ войска за четыре версты отъ большой дороги, къ деревни Угрюмовой, оставивъ на ней для наблюденія отрядъ генерала Юрковскаго, составленный изъ казаковъ. Съ поля сраженія Ермоловъ, находившійся при Милорадовичѣ, писалъ фельдмаршалу: „Его свѣтлости имѣю честь всепокорнѣйше донести, что нынѣ бѣгущаго въ разстройствѣ непріятеля авангардъ генерала Милорадовича атаковалъ на большой отъ Смоленска дорогѣ, при селеніи Ржавкѣ. Сопротивленіе было самое слабое; все бѣжитъ въ ужасѣ и страхѣ; взято нѣсколько пушекъ; одна ко-

[1]) Повелѣніе фельдмаршала 31-го октября, изъ села Лобкова.

лонна, атакованная генералъ-адъютантомъ барономъ Меллеромъ-Закомельскимъ, сдалась; взято много чиновниковъ; плѣнные говорятъ, что въ Смоленскѣ осталось 25 тысячъ человѣкъ съ маршаломъ Даву. Это все должно быть истреблено и принадлежать намъ. Сегодня однѣми батареями непріятель сбитъ съ большой дороги и долженъ былъ идти въ поле совершенно разсѣянный, гдѣ довольно одной холодной ночи, и безъ преслѣдованія, для его гибели.

„Если гвардія непріятельская еще въ Красномъ, то нѣтъ сомнѣнія, что, узнавъ о сегодничномъ происшествіи, она тамъ не останется. Ваша свѣтлость довершите пораженіе, если завтра прибудетъ армія наша къ Красному и верстахъ въ двухъ остановится въ позиціи отъ большой дороги. Непріятелю нѣтъ другаго пути къ отступленію, какъ на Красное, или правымъ берегомъ Днѣпра. На Мстиславль, на Горки, невозможно. Сегодничное движеніе отъемлетъ у нихъ всю надежду, и безъ совершенной гибели предпринять того невозможно. Не откажите, ваша свѣтлость, сего на Красное движенія. Завтра успѣхъ будетъ совершенный. Отъ насъ зависитъ не подвергаться опасности“ [1]). Непріятелю, который былъ встрѣченъ нашимъ авангардомъ и составлялъ хвостъ колонны Наполеона, конечно, ничего не оставалось другаго, какъ бѣжать или къ Красному, или къ Смоленску. Но не такъ отступали колонны, въ которыхъ находился самъ Наполеонъ. Еще утромъ въ этотъ день, отряды графа Орлова-Денисова и Давыдова напали близъ д. Мерлина на передовые отряды непріятеля и разбили ихъ; но около полудни подошла старая гвардія. „Увидя шумныя наши толпы,—говоритъ Д. В. Давыдовъ,—непріятель взялъ ружье подъ курокъ и гордо продолжалъ путь, не прибавляя шагу. Сколько мы ни покушались оторвать хотя одного рядоваго отъ этихъ сомкнутыхъ колоннъ, но онѣ, какъ гранитныя, пренебрегая всѣми усиліями нашими, оставались невредимы“ [2]).

На другой день (4-го ноября), во все продолженіе утра, непріятель не показывался на большой дорогѣ; но въ три часа по полудни казаки Юрковскаго извѣстили, что показались густыя колонны. Это шелъ отъ Смоленска къ Красному корпусъ вице-короля Италіянскаго.

Выступивъ изъ Смоленска 3-го ноября, онъ переночевалъ въ Лубнѣ. Въ продолженіе этого движенія, по разсказу одного изъ его спутниковъ, ихъ поражало ужасное зрѣлище. У самаго города было брошено множество орудій съ зарядными ящиками и потомъ вся дорога была ими покрыта. Цѣлыя упряжки падали отъ усталости.

---

[1]) Донесеніе 3-го ноября 1812 г.

[2]) Соч. Д. В. Давыдова, т. I, стр. 89.

Повсюду валялись мертвыя лошади и люди. При малѣйшей возвышенности или рвѣ, было разбросано множество оружія, касокъ, кирассъ, ящиковъ и чемодановъ, уже раскрытыхъ. „Эти ужасы не возбуждали состраданія. Наша злоба, безсильная противъ непріятеля, обратилась на самихъ себя. Желали спасти только добычу, награбленную въ Москвѣ, не обращая вниманія на своихъ несчастныхъ товарищей. Отовсюду слышались стоны умирающихъ и мольбы тѣхъ, которыхъ бросали на дорогѣ. Но никто не обращалъ на нихъ вниманія и если кто-нибудь приближался къ нимъ, то для того только, чтобы ограбить или найти какой нибудь остатокъ продовольствія“ [1]). Хотя морозы упали до шести градусовъ, но чтобы предохранить себя отъ стужи, войска вице-короля разобрали для костровъ всѣ избы Лубны и удалось только сохранить отъ разрушенія нѣсколько сараевъ для него самого и его штаба. На другой день, продолжая движеніе къ Красному между селами Мерлино и Микулино, этотъ корпусъ непріятельской арміи встрѣтилъ войска нашего авангарда, готовыя силою оружія преградить ему дальнѣйшій путь отступленія. Корпуса князя Долгорукова и Раевскаго, дивизіи принца Евгенія Виртембергскаго и Паскевича остановили его движеніе. Вице-король долженъ былъ бо̀льшую часть пушекъ оставить на дорогѣ, по невозможности тащить ихъ за собою на совершенно истомленныхъ лошадяхъ и въ это время у него оставалось не болѣе 17-ти, тогда какъ однѣ батареи принца Евгенія громили ихъ войска изъ 44-хъ орудій. Непріятель остановился, поражаемый нашими стрѣлками и орудіями. Но наступала уже ночь. Князь Кудашевъ былъ посланъ съ предложеніемъ о сдачѣ; но вице-король отвергъ предложеніе, начавъ уже движеніе въ обходъ за большою дорогою къ Красному, скрываемое отъ нашихъ войскъ темнотою ночи, положившей предѣлъ сраженію, начавшемуся около четырехъ часовъ по полудни. Потери непріятеля были велики: кромѣ убитыхъ и раненыхъ, онъ потерялъ послѣднія 17 пушекъ и 1,500 человѣкъ плѣнными; но безъ сомнѣнія, если бы оно могло продолжаться болѣе, то гибель всего корпуса вице-короля была бы неизбѣжна.

Императоръ Наполеонъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ прибытія вице-короля, но вмѣстѣ съ тѣмъ его тревожило пребываніе отряда графа Ожеровскаго въ 3-хъ верстахъ отъ Краснаго. Немедленно, въ ночь на 4-е ноября, онъ послалъ гвардейскую дивизію генерала Раге (Raguet) окружить его въ деревнѣ Кутьковѣ. Но казаки дали знать о приближеніи этой дивизіи. Графъ Ожаровскій подкрѣпилъ казаковъ еге-

---

[1]) Labaume, Rélation etc., стр. 345—346.

рями 19-го полка и они, отступая, повели его на батарею, которой выстрѣлы разстроили непріятеля, а потомъ атака Маріупольскаго гусарскаго полка. Но другія колонны непріятеля обходили Кутьково. Графъ Ожаровскій долженъ былъ отступить къ деревнѣ Палкиной. Избавившись отъ близкаго сосѣдства отряда нашихъ войскъ, „узнали отъ плѣнныхъ о приближеніи Кутузова. Вчера его главная квартира была въ Юровѣ, въ 25-ти верстахъ отъ насъ,—говоритъ одинъ изъ секретарей Наполеона,—черезъ нѣсколько часовъ онъ будетъ передъ нами. Надо успѣть уйти впередъ, чтобы онъ насъ не окружилъ; но вице-король, маршалы Даву и Ней еще позади. Императоръ Наполеонъ рѣшился поджидать ихъ. Весь день 4-го ноября онъ остается въ Красномъ“ [1]. Положеніе императора Наполеона было дѣйствительно почти безвыходное. Поджидать подходившія изъ Смоленска войска было опасно: наша большая армія могла обойти его и отрѣзать ему путь отступленія къ Оршѣ. Бросить ихъ на произволъ судьбы еще опаснѣе. Если не судьба войскъ, которыхъ гибель была неизбѣжна и что́, конечно, очень хорошо онъ понималъ, то судьба маршаловъ и особенно его пасынка вице-короля Италіянскаго, должна была его озабочивать. Притомъ движеніе къ Оршѣ съ такимъ незначительнымъ войскомъ, которое находилось при немъ, могло подвергнуть опасности лично его самого. Если не пѣхота наша, то во всякомъ случаѣ конница и особенно казаки могли его достигнуть и, преслѣдуя неутомимо, уничтожить постепенно его колонну. Приготовивъ войска на случай сраженія, два раза,—по свидѣтельству одного изъ его спутниковъ,— „императоръ Наполеонъ отправлялся за рѣку Лосмину, чтобы получить какія нибудь извѣстія о вице-королѣ и два раза возвращался, не получивъ никакихъ“ [2]. Передъ Краснымъ, по направленію къ Смоленску, протекаетъ небольшая рѣчка Лосмина, но въ широкомъ и глубокомъ оврагѣ, съ крутыми берегами. Черезъ нее былъ перекинутъ довольно длинный и узкій мостъ. Громъ нашихъ пушекъ, поражавшихъ войска вице-короля, былъ слышенъ въ Красномъ въ послѣдніе часы этого дня и усиливалъ тревогу Наполеона. Только ночью подошелъ вице-король съ остаткомъ своего корпуса, не болѣе какъ въ числѣ 3,500 человѣкъ, потерявъ всю артиллерію и обозы.

Въ это время князь Кутузовъ, предписавъ генер. Милорадовичу приблизиться къ большой арміи, подошелъ съ нею къ Красному и остановился съ главною квартирою въ пяти верстахъ отъ города, въ деревнѣ Шилово. Войска были подвинуты еще ближе къ городу и рас-

---

[1] Fain, Manuscrit de 1812, т. II, стр. 303.
[2] Denniée, Itinéraire de l'emp. Napoléon, стр. 136.

положены въ слѣдующемъ порядкѣ: 3-й корпусъ и 2-я кирасирская дивизія у деревнѣ Новоселки. За ними въ резервѣ находились 5-й корпусъ и 1-я кирасирская дивизія. Генералъ Милорадовичъ находился у деревнѣ Микулиной и сильными отрядами занималъ большую дорогу къ Смоленску. Для поддержанія связи между нимъ и большою арміею, расположенъ былъ у деревни Шуматки отрядъ Бороздина, бывшій графа Орлова-Денисова. Деревни Есьнева, Ксентова, Данщина, Шилѣево и Сидоровское были заняты отрядами нашихъ войскъ. Когда войска заняли предназначенныя для нихъ мѣста, князь Кутузовъ, вмѣстѣ съ генераломъ Коновницынымъ и генер. Толемъ, выѣхалъ впередъ для обозрѣнія позиціи, занятой непріятелемъ передъ Краснымъ [1]).

Рѣшившись ожидать прибытія въ Красное маршаловъ Даву и Нея, императоръ Наполеонъ, въ виду готовившейся къ нападенію арміи князя Кутузова, выстроилъ и свои войска въ боевой порядокъ. Старая гвардія съ 30-ю орудіями и конница Латуръ-Мобура были поставлены по дорогѣ въ Смоленскъ на возвышенномъ берегу Лосмины, передъ оврагомъ. Съ ихъ праваго фланга, отклонясь къ деревни Воскресенское и занимая Уварово, стояла молодая гвардія и всѣ остальныя войска. Всѣ силы Наполеона простирались только до 16-ти тысячъ. Очевидно, онъ не могъ желать сраженія и помѣряться силою съ противникомъ, располагавшимъ несравненно бóльшимъ количествомъ войскъ, и при томъ не разстроенныхъ, съ огромною артиллеріею и многочисленною конницею. Онъ расчитывалъ только на то, что князь Кутузовъ, видя его готовымъ принять сраженіе, приблизитъ къ себѣ авангардъ Милорадовича, который такимъ образомъ откроетъ дорогу маршалу Даву и дастъ ему возможность достигнуть Краснаго и потомъ вмѣстѣ съ нимъ продолжать отступленіе къ Оршѣ.

Обозрѣвъ позицію непріятельскихъ войскъ, кн. Кутузовъ собралъ вечеромъ въ своей квартирѣ всѣхъ корпусныхъ командировъ, гдѣ имъ была дана слѣдующая диспозиція: „Завтра, 5-го числа, всѣмъ войскамъ къ 8-ми часамъ по полуночи быть готовыми къ дѣйствію и построиться на лагерномъ мѣстѣ въ полковыхъ колоннахъ справа. Поелику главный предметъ атаки состоитъ въ томъ, чтобы отрѣзать непріятелю путь къ Лядамъ и отбросить его къ Днѣпру, то и назначается важнѣйшая часть войскъ, подъ командою г.-отъ-инфантеріи Тормасова, и состоящая изъ 6, 8 и 5-го пѣхотныхъ корпусовъ съ 1-ю кирасирскою дивизіею, обойти непріятельскую позицію лѣвымъ нашимъ флангомъ. Предъ сими корпусами идетъ въ авангардѣ ген.-

[1]) Военный журналъ г. Толя.

маіоръ баронъ Розенъ съ полками: однимъ казачьимъ, л.-гв. Егерскимъ и Финляндскимъ, Его и Ея величествъ кирасирами и ротою легкой гвардейской артиллеріи. Въ такомъ порядкѣ, всѣ помянутыя войска слѣдуютъ черезъ дер. Зуньково, Сидоровичи, Кутьково, Сорокино, Пу-тятину, Доброе,—къ большой почтовой дорогѣ, идущей изъ Краснаго въ Оршу. 3-й пѣхотный корпусъ и 2-я кирасирская дивизія, подъ командою г.-лейт. кн. Голицына, начинаютъ движеніе свое полтора часа послѣ выступленія колонны ген. Тормасова и двинутся прямо изъ позиціи своей, чрезъ д. Уварово къ Красному. Главный авангардъ, подъ командою генерала Милорадовича, состоящій изъ 2-го и 7-го пѣхотныхъ и 1-го и 2-го кавалерійскихъ корпусовъ, соединенно съ отрядомъ ген.-маіора Бороздина, выходитъ на большую Смоленскую дорогу и атакуетъ во время марша корпусъ Даву, идущій къ Красному. Генералъ-адъютантъ гр. Ожаровскій, съ ввѣреннымъ ему летучимъ отрядомъ, въ самое то время, какъ начнется дѣло, дѣйствуетъ прямо на деревню Синяки. Артиллерія, при корпусахъ находящаяся, слѣдуетъ при оныхъ. Резервная же артиллерія, находящаяся въ одномъ маршѣ назади, имѣетъ слѣдовать къ дер. Новоселкамъ, куда прибывъ, во время дѣйствія находиться будетъ въ непосредственномъ распоряженіи г. главнокомандующаго" [1]). Эта диспозиція не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, каковы были предположенія главнокомандующаго, и такъ ясна и опредѣленна, что едвали можетъ давать поводъ къ какимъ либо гаданіямъ и предположеніямъ. Но какъ они были приведены въ исполненіе? На другой день рано утромъ, императоръ Наполеонъ вышелъ изъ Краснаго, пѣшкомъ, опираясь на палку, потому что неподкованныя на шипы лошади скользили и падали, и самъ поставилъ свои войска въ боевой порядокъ [2]). Исполняя предписаніе кн. Кутузова, въ 8 часовъ утра, генер. Тормасовъ повелъ свои войска отъ деревень Зуньково и Сидоровичи по направленію къ Доброму, находящемуся у большой дороги изъ Краснаго на Оршу. Генер. Милорадовичу кн. Кутузовъ писалъ: „сегодня предполагается атака на непріятеля, при Красномъ расположеннаго. Три корпуса, отряды бар. Розена и гр. Ожаровскаго, отрѣзываютъ непріятелю отступной путь, остановятся за Краснымъ, поперегъ дороги, между тѣмъ третій корпусъ дѣйствуетъ прямо на Красное и черезъ него сохраняется сообщеніе съ вами. Вы, по приближеніи непріятеля, не тревожьте его на маршѣ, но какъ онъ васъ минетъ, дабы, поставивъ его между нашимъ и вашимъ огнями, заставить сдаться". Въ то же

[1]) Военный журналъ г. Толя.
[2]) B. Peyrusse, Mémorial etc., стр. 120.

время онъ предписывалъ гр. Остерману двинуться къ большой дорогѣ на Корытню, „дабы показать непріятелю, что мы его подъ Смоленскомъ остановить намѣрены, между тѣмъ, не препятствуйте ему идти на Красное, тѣмъ болѣе тѣсните его съ тыла, дабы прогнать его къ намъ; а здѣсь готовимъ мы ему новое движеніе и отрѣжемъ ему отступной маршъ" [1]).

3-й корпусъ и 2-я кирасирская дивизія, подъ начальствомъ кн. Голицына, должны были занять д. Уварово и дѣйствовать противъ непріятельской гвардіи.

Маршалъ Даву, выступивъ наканунѣ изъ Смоленска, имѣлъ ночлегъ въ Корытнѣ; но пока его войска отдыхали, неутомимый маршалъ, слыша впереди громъ орудій, громившихъ вице-короля, отправился впередъ и наѣхалъ на дивизію Бруссье, оставленную на жертву вице-королемъ, чтобы прикрыть свое ночное отступленіе проселкомъ къ Красному. Узнавъ о предстоящей опасности, онъ возвратился назадъ, до разсвѣта двинулъ свои войска и, присоединивъ къ себѣ дивизію Бруссье, подвигался впередъ. Его колонны начали появляться передъ Лосминскимъ оврагомъ около 9-ти часовъ по полуночи, осыпаемыя картечью многочисленныхъ орудій нашего авангарда; онѣ несли огромныя потери, не будучи въ состояніи отвѣчать нашей канонадѣ по неимѣнію пушекъ, которыя — по распоряженію Наполеона—были отправлены впередъ. Приближаясь къ Красному, онѣ примыкали къ войскамъ, стоявшимъ на Смоленской дорогѣ передъ Лосминскимъ оврагомъ. Въ одно время съ приближеніемъ корпуса Даву, началась битва при дер. Уваровой, которая была занята французами. Не смотря на перерѣзанную оврагами мѣстность, представлявшую значительныя затрудненія для нашихъ войскъ—сосредоточивать ихъ въ значительныхъ массахъ, многочисленность нашей артиллеріи и конницы давала большой перевѣсъ нашимъ силамъ въ сравненіи съ непріятелемъ. Упорный бой окончился быстрымъ отступленіемъ непріятеля. Фельдмаршалъ доносилъ императору, что „самъ Наполеонъ былъ свидѣтелемъ сего жестокаго пораженія его войскъ, почему, не ожидая конца сраженія, со свитою своею ускакалъ къ мѣстечку Лядамъ" [2]).

Императоръ Наполеонъ и не имѣлъ намѣренія вступать въ рѣшительное сраженіе съ нашею арміею, зная ея превосходство надъ тѣми незначительными силами, которыми могъ располагать въ это время. Сила обстоятельствъ, т. е. движеніе на него войскъ кн. Кутузова, вынудила его упорно дѣйствовать противъ нихъ съ тою един-

[1]) Предписанія Милорадовичу и Остерману отъ 5-го ноября, изъ Шилова.
[2]) Донесеніе 6-го ноября, отъ Краснаго.

ственною цѣлію, чтобы дать время соединиться съ нимъ корпусамъ маршаловъ Даву и Нея и продолжать съ ними движеніе на Оршу. Поэтому, дождавшись присоединенія корпуса Даву, онъ поручилъ ему защиту Краснаго, а самъ поспѣшилъ къ Лядамъ. Но почему же онъ бросилъ маршала Нея на произволъ грозной судьбы, неминуемо его ожидавшей?

Войска, ввѣренныя начальству генер. Тормасова съ цѣлію отрѣзать путь отступленія непріятелю къ Оршѣ за Красное, у д. Доброе выступали въ походъ съ 8-ми часовъ утра и до 10-го. Они двигались медленно по проселочнымъ дорогамъ и ихъ предупредилъ отрядъ гр. Ожаровскаго; но вслѣдъ за нимъ подошелъ и авангардъ Тормасова, подъ начальствомъ барона Розена [1]).

Императоръ Наполеонъ еще наканунѣ отправилъ маршала Жюно и обозы по дорогѣ къ Оршѣ; на другой день на разсвѣтѣ пошли за нимъ остатки корпуса вице-короля, которые, отъ усталости и понесенныхъ ими потерь, совершенно утратили боевое значеніе и не могли принесть никакой помощи въ предположенномъ сраженіи [2]). Встрѣчая на пути отставшія или брошенныя повозки, окруженныя многочисленными безоружными и отсталыми, они столкнулись съ отрядомъ гр. Ожаровскаго, за которымъ слѣдовалъ авангардъ бар. Розена; а войска Тормасова приближались къ с. Сорокину.

Извѣстіе, полученное императоромъ Наполеономъ еще въ самый разгаръ сраженія, о появленіи нашихъ войскъ на пути его отступленія къ Оршѣ, заставило его, заботясь уже только о собственномъ спасеніи, оставить маршала Даву подъ Краснымъ и быстро отступить съ гвардіею къ Лядамъ [3]). Оставляя передъ Краснымъ маршала Даву, онъ предписывалъ ему держаться до прибытія Нея, а въ тоже время отступать вслѣдъ за маршаломъ Мортье, котораго велъ за собою. Приказъ двусмысленный и неисполнимый, который можетъ быть объясненъ единственно желаніемъ свалить на другихъ вину оставленія Нея на произволъ судьбы [4]). Передовыя войска Наполеона, съ которыми самъ онъ слѣдовалъ, прошли уже дер. Доброе въ то время, когда приблизился къ Сорокину бар. Розенъ; къ ней подходила шедшая позади всѣхъ дивизія Фридерикса. Деревня была загромождена обозами и пушками и уже зажжена съ одного конца. Послѣ непродолжительнаго сопротивленія, эта дивизія положила оружіе. Въ Добромъ взяты были обозы, въ которыхъ найденъ былъ фургонъ съ награбленнымъ въ

---

1) Записки о походахъ 1812 и 1813 гг. Спб. 1834 г. Ч. I, стр. 50—51.
2) Графъ Сегюръ, Hist. de Napoléon et de la grande armée, T. I, стр. 263—264.
3) М. Шамбре, Hist. de l'éxpedition, т. II, стр. 449.
4) Тьеръ, Hist. de l'empire, кн. XXVII.

Москвѣ церковнымъ серебромъ, нашли также много топографическихъ картъ и маршальскій жезлъ Даву.

Въ то время когда бар. Розенъ дѣйствовалъ противъ дивизіи Фридерикса и къ вечеру подался впередъ за Доброе по дорогѣ къ Лядамъ, войска кн. Кутузова прогнали войска маршала Даву и заняли Красное. Сраженіе продолжалось цѣлый день. „Слѣдствіемъ его,—доносилъ фельдмаршалъ государю,—было разсѣяніе всего корпуса Даву, бѣжавшаго въ безпорядкѣ и разстройствѣ по лѣсамъ, простирающимся на пять верстъ, полагая найти тѣмъ свое спасеніе; но легкіе наши отряды гр. Ожаровскаго и гр. Бороздина довершали ихъ пораженіе". Бѣгство непріятеля было такъ торопливо и безпорядочно, что маршалъ Мортье, тѣснимый войсками Даву, очутился на другой день впереди Наполеона, находившагося въ Лядахъ, тогда какъ долженъ былъ прикрывать его главную квартиру со стороны Краснаго [1]).

„Изъ бумагъ тайной канцеляріи императора Наполеона, доставшейся въ наши руки,—записалъ въ военномъ журналѣ генер. Толь,—найдена была диспозиція выступленія непріятельскихъ войскъ изъ Смоленска, изъ которой главнокомандующій усмотрѣлъ, что аріергардъ непріятельскій, состоящій изъ 3-го и 5-го корпусовъ подъ начальствомъ маршала Нея, долженъ 6-го числа приблизиться къ Красному". Въ виду этого, фельдмаршалъ, предполагая, что „остальные люди всѣхъ прочихъ корпусовъ непріятельскихъ присоединятся къ Нею и тѣмъ усилятъ его значительно", счелъ нужнымъ усилить авангардъ Милорадовича, ослабленный постоянными сраженіями, присоединивъ къ нему 3-й пѣхотный корпусъ и 2-ю кирасирскую дивизію кн. Голицына, а гр. Остерману предписалъ поспѣшно слѣдовать къ деревнѣ Толстикамъ и поддерживать постоянныя сношенія съ г. Милорадовичемъ. Отрядъ казаковъ посланъ былъ къ Сырокоренью на Днѣпръ, гдѣ находилась удобная переправа и рѣка ранѣе покрывалась льдомъ, а генер. Милорадовичу и кн. Голицыну, въ виду того, что непріятель, опасаясь встрѣтиться съ большою нашею арміею, можетъ повернуть влѣво, приказано было: „удвоя осторожность, посылать сколь можно чаще патрули во всѣ стороны, дабы открыть его настоящее направленіе и успѣть его предупредить. Въ деревнѣ Сырокоренье удобная переправа черезъ Днѣпръ и потому не угодно ли имѣть Сырокоренье болѣе въ виду". Главная квартира фельдмаршала находилась въ селѣ Добромъ, генер. Тормасову на разсвѣтѣ 6-го ноября велѣно было продолжать движеніе къ Лядамъ [2]).

---

[1]) Гр. Сегюръ, Hist. de Napoléon et de la grande armée, т. II, стр. 269—270

[2]) Предписанія отъ 6-го ноября, изъ Добраго.

Ожидая приближенія корпуса Нея, Милорадовичъ на разсвѣтѣ 6-го ноября, расположилъ войска въ боевомъ порядкѣ, лицомъ къ Смоленску. Впереди, у самаго оврага рѣчки Лосмины, стоялъ отрядъ генер. Юрковскаго. Около трехъ часовъ по полудни, его казаки извѣстили о появленіи непріятеля, но въ какихъ силахъ—не возможно было опредѣлить по случаю густаго тумана. Не смотря на то, Милорадовичъ немедленно двинулъ войска, чтобы напасть спереди на непріятеля и обойти его съ лѣваго крыла. Туманъ скрывалъ и близость нашихъ войскъ отъ маршала Нея и, сбивъ передовые посты, онъ почти наткнулся на наши батареи. Въ этотъ день, также какъ и въ предшествующіе, многочисленная наша артиллерія громила непріятеля. Войска, одушевленныя успѣхами прежнихъ дѣйствій противъ всѣхъ корпусовъ непріятельскихъ войскъ, сильно дѣйствовали, чтобы поразить послѣдній изъ нихъ, почти на границахъ древней Россіи. Не смотря на то, что отчаянное положеніе возбуждало мужество непріятеля, усиливаемое присутствіемъ неустрашимаго вождя, какъ Ней, ему не удалось прорвать наши линіи и достигнуть Краснаго. Начинало уже вечерѣть, когда генер. Милорадовичъ послалъ маіора Ренненкампфа требовать сдачи; но маршалъ Ней не только отвергъ предложеніе, но и задержалъ парламентера, придираясь къ тому, что сдѣлано было нѣсколько выстрѣловъ, когда онъ пріѣхалъ къ нему. Ночь прекратила сраженіе. Ней отброшенъ былъ по дорогѣ къ Смоленску. „Плохо наше положеніе“,– сказалъ онъ тихо одному изъ своихъ офицеровъ.—Что же вы будете дѣлать? спросилъ въ свой чередъ офицеръ. „Перейду за Днѣпръ“.—А гдѣ дорога? „Найдемъ“.—А если Днѣпръ не замерзъ? „Замерзнетъ“. Изъ этого разговора поняли, что онъ намѣренъ приблизиться къ Оршѣ слѣдуя правымъ берегомъ Днѣпра“ [1]). Предпріятіе невозможное, еслибъ онъ намѣревался спасать весь свой корпусъ; но онъ этого и не думалъ, онъ бросилъ его, всѣхъ раненыхъ, обозы и пушки; спасая самого себя, переправилъ у Сырокоренья черезъ Днѣпръ весьма незначительный отрядъ, изъ котораго привелъ въ Оршу отъ 800 до 900 человѣкъ. Французскіе писатели упрекаютъ, какъ наши современныя донесенія военачальниковъ, такъ и показанія послѣдующихъ писателей въ томъ, что они преувеличиваютъ число плѣнныхъ [2]). Упрекъ, быть можетъ, справедливый; но причина подобныхъ ошибокъ, совершенно неизбѣжныхъ, заключалась въ томъ положеніи, въ какомъ находились войска императора Наполеона. Каждый отрядъ, который еще могъ защищаться съ оружіемъ въ рукахъ отъ нападе-

[1]) Fezensac, Souvenirs milit., стр. 312—322.
[2]) Тьеръ, Hist. de l'empire, кн. XXVII.

ній, былъ постоянно окруженъ толпами, гораздо его многочисленнѣе, такъ называемыхъ безоружныхъ и отсталыхъ. Но изъ нихъ нѣкоторые сохраняли оружіе, не для боя, а чтобы защищать награбленную ими добычу или доставать продовольствіе по окрестностямъ. Они пытались даже и защищаться, но, конечно, неудачно. Послѣ сраженія 5-го ноября, одна изъ такихъ колоннъ появилась ночью подъ Краснымъ, другая за Краснымъ, передъ войсками г. Тормасова, и обѣ были разогнаны или взяты въ плѣнъ безъ особыхъ усилій [1]). Возможно ли было разбирать кто взятъ въ плѣнъ съ боя съ оружіемъ въ рукахъ или бросивъ оружіе во время боя, или прежде? Не было и времени считать всѣхъ плѣнныхъ. Рвавшіяся на сраженія войска отказывались ихъ сопровождать внутрь Россіи, или бросали по пути, указывая только направленіе, куда они должны идти. Армія Наполеона такъ бѣжала, что не было и времени считать плѣнныхъ и, конечно, число ихъ указывалось приблизительно; но можно навѣрное сказать, что эти числа были бы несравненно крупнѣе, еслибъ имѣли въ виду считать безоружныхъ и отсталыхъ. Это смѣшеніе солдатъ, которые дрались, и безоружныхъ и отсталыхъ вводило въ заблужденіе иногда и нашихъ военачальниковъ. „Чтобы объяснить почему Милорадовичъ не сильнѣе преслѣдовалъ Нея, я долженъ замѣтить,—говоритъ принцъ Евгеній Виртембергскій,— что ни онъ и никто изъ насъ не знали навѣрное съ какимъ количествомъ войскъ онъ выступилъ изъ Смоленска. По слухамъ предполагали, что съ 15-ю тысячами. Изъ нихъ послѣ сраженія у насъ въ плѣну было 11, а другіе, казалось, были побиты“ [2]). Поэтому у Сырокоренья, на которое кн. Кутузовъ обращалъ вниманіе нашихъ генераловъ, Ней встрѣтилъ только отряды казаковъ Иловайскаго, посланнаго туда имъ самимъ.

Пораженіемъ маршала Нея окончился цѣлый рядъ сраженій, начавшихся съ 3-го ноября [3]). Вечеромъ 6-го ноября, получивъ донесеніе отъ Милорадовича о послѣднемъ сраженіи, кн. Кутузовъ подъѣхалъ на конѣ, окруженный свитою, къ бивуакамъ гвардейскаго корпуса. За нимъ семь коннс-гвардейцевъ везли отбитые непріятельскіе орлы.

---

[1]) Crossard, Mémoires milit. et polit., т. V, стр. 95; Записки о походахъ 1812 и 1813 г., стр. 53 и слѣд.

[2]) Erinnerungen aus dem Feldzuge des J. 1812, стр. 167.

[3]) Кромѣ нашихъ военныхъ писателей: гг. Бутурлина, Данилевскаго и Богдановича, о битвахъ при Красномъ см. Записки Ермолова, т. 1, стр. 251 и слѣд.; принца Евгенія Виртембергскаго, Erinnerungen, стр. 153 и слѣд.; Воен. журналъ г. Толя; письмо Раевскаго къ Жомини; Fain, Manuscrit, т. II, стр. 300 и слѣд.; Сегюръ, Hist. de N. et de la grande armée, т. II, стр. 247 и слѣд.; М. Шамбре, Hist. de éxpedition, т. II, стр. 437 и слѣд.; Fezensac, Souvenirs, стр. 307 и слѣд. Labaume, Rélation, стр. 348 и слѣд.

„Здравствуйте, молодцы Семеновцы,—громко сказалъ кн. Кутузовъ,—поздравляю васъ съ новою побѣдою, вотъ и гостинцы вамъ везу“, и указалъ на французскія знамена. „Эй, кирасиры, нагните орлы пониже, пусть кланяются молодцамъ! Матвѣй Ивановичъ Платовъ доноситъ мнѣ, что взято 112 пушекъ и... сколько генераловъ?“ обратился онъ къ Опперману.—15,—поспѣшилъ отвѣчать генералъ Опперманъ. „Слышите ли, мои друзья, 15,—продолжалъ свѣтлѣйшій,—т. е. 15 генераловъ; ну, еслибы у насъ взяли столько же, сколько бы осталось? Пушки можно сосчитать на мѣстѣ, да и то не вѣрится, а въ Питерѣ скажутъ: хвастаютъ!“ Очевидцы свидѣтельствуютъ какой восторгъ возбудили въ войскахъ приведенныя рѣчи престарѣлаго вождя; они знали, какъ о нихъ заботился онъ и вполнѣ были ему преданы. Подъѣхавъ къ палаткѣ ген. Лаврова, фельдмаршалъ и окружавшіе его генералы сошли съ коней и сѣли пить чай. Кирасиры, везшіе французскія знамена, также спѣшились и стали вокругъ, „составивъ изъ знаменъ навѣсъ въ родѣ шатра“. Одинъ изъ офицеровъ Семеновскаго полка началъ читать надписи на знаменахъ и прочелъ между прочими: Аустерлицъ. „Что, спросилъ Кутузовъ, Аустерлицъ?—Да, жарко было подъ Аустерлицемъ; но я умываю мои руки передъ всѣмъ войскомъ: неповинны онѣ въ крови аустерлицкой. Вотъ хотя бы и теперь, къ слову сказать, вчера я получилъ выговоръ за то, что капитанамъ гвардейскихъ полковъ за Бородинское сраженіе далъ бриллiантовые кресты. Говорятъ, бриллiанты принадлежатъ кабинету и я нарушаю предоставленное мнѣ право. Правда, но и въ этомъ я безъ вины виноватъ. Если по совѣсти разобрать, то теперь каждый, не только старый солдатъ, но и новичокъ ратникъ, столько заслужили, что осыпь ихъ алмазами—они все еще не будутъ достаточно награждены. Ну, да что и говорить, истинная награда не въ крестахъ и алмазахъ, а въ совѣсти нашей“. И потомъ разсказалъ, какъ онъ гордился получивъ георгіевскую звѣзду за взятіе Измаила и потомъ представлялся императрицѣ. „Иду я себѣ, говорилъ онъ, думаю: у меня Георгій на груди, дохожу до кабинета, отворяются двери и—что со мною сталось и теперь не опомнюсь: я забылъ про Георгія и что я Кутузовъ, я ничего не видалъ, кромѣ небесныхъ голубыхъ очей, кромѣ царскаго взора Екатерины. Вотъ была награда“. Онъ замолчалъ и все кругомъ молчало.

Одинъ изъ Семеновскихъ офицеровъ сказалъ: Это напоминаетъ сцену изъ трагедіи „Дмитрій Донской“, другой закричалъ: ура, спасителю отечества! и это ура повторило все войско. „Этотъ неожиданный возгласъ тронулъ каждаго изъ присутствовавшихъ, — говоритъ очевидецъ, — а Кутузова, конечно, болѣе всѣхъ. Онъ вдругъ всталъ на скамейку и закричалъ: „довольно, довольно, друзья, эта честь не мнѣ, а русскому

солдату", и, бросивъ вверхъ фуражку, закричалъ: „ура, доброму русскому солдату".

Когда затихли возгласы, онъ продолжалъ за чашкою чая бесѣду, обращаясь къ Лаврову, о Наполеонѣ и потомъ прочелъ новую басню Крылова, только что полученную имъ изъ Петербурга, „Волкъ на псарнѣ". Вмѣсто овчарни попавъ на псарню и почуявъ бѣду, волкъ попробовалъ вступить въ переговоры:

.....къ чему весь этотъ шумъ?
Я вашъ старинный сватъ и кумъ!
Пришелъ мириться къ вамъ, совсѣмъ не ради ссоры!
Забудемъ прошлое, уставимъ общій ладъ,
А я не только впредь не трону вашихъ стадъ,
Но самъ за нихъ я грызться радъ,
И волчьей клятвой утверждаю,
Что... Послушай-ка, сосѣдъ,
Тутъ ловчій перервалъ въ отвѣтъ:
Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ...

Читая этотъ стихъ, кн. Кутузовъ снялъ фуражку и указалъ на свои сѣдины. Громкое ура раздалось въ войскахъ, понявшихъ смыслъ басни, когда онъ дочиталъ ее до конца [1]).

А. Н. Поповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Записки И. С. Жиркевича, «Русская Старина» изд. 1874 г., томъ X, стр. 659—661. «Эта сцена не совсѣмъ вѣрно описана Данилевскимъ, (т. V, стр. 243 и слѣд.), говоритъ Жиркевичъ, со словъ Ваксмута, бывшаго въ моей полуротѣ подпоручикомъ и находившагося тутъ же со мной. Здѣсь сцена эта описана съ исторической вѣрностію». О баснѣ см. примѣчанія Г. Кеневича, Сборникъ Императорской академіи наукъ, т. VI, стр. 106 и слѣд.

ПРОКЛАМАЦІЯ НАПОЛЕОНА

10-го іюня 1812 г.

Изслѣдованіе А. Н. Попова о событіяхъ 1812года, который можно назвать неисчерпаемою отечественною эпопеею, напомнили намъ объ обширномъ собраніи документовъ, до нея относящихся и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сообщенныхъ „Русской Старинѣ“ любителями отечественной исторіи. Первый изъ этихъ документовъ, можетъ быть, уже и давно знакомъ читателямъ по сочиненіямъ русскихъ и иностранныхъ исторіографовъ, тѣмъ не менѣе, обращаемъ на него вниманіе, какъ на смертный приговоръ, подписанный Наполеономъ I своей полумилліонной арміи, какъ на дерзкій вызовъ Россіи на борьбу, прославившую имя народа русскаго и окончившуюся паденіемъ Бонапарта. Прокламація Наполеона къ его войскамъ, 10 іюня 1812 года, на самомъ порогѣ Россіи, въ подлинникѣ была напечатана на небольшомъ листкѣ, и, въ точнѣйшемъ новомъ переводѣ съ французскаго языка, гласила слѣдующее:

— «Солдаты! вторая польская война началась. Первая окончилась въ Фридландѣ и въ Тильзитѣ. Въ Тильзитѣ Россія поклялась быть въ вѣчномъ союзѣ съ Франціею и въ войнѣ съ Англіею; нынѣ она нарушаетъ свои клятвы! Она не желаетъ дать никакого объясненія въ странныхъ своихъ поступкахъ, покуда французскіе орлы не отойдутъ за Рейнъ, и тѣмъ не покинутъ своихъ союзниковъ на ея произволъ. Россія увлечена рокомъ [1]). Судьбы ея должны свершиться. Не думаетъ-ли она, что мы переродились? Или мы болѣе уже не солдаты Аустерлица? Она постановляетъ насъ между безчестіемъ и войною. Выборъ не можетъ быть сомнителенъ. Идемъ-же впередъ, перейдемъ Нѣманъ, внесемъ войну въ ея предѣлы. Вторая польская война будетъ для фрунцузскаго оружія столь же славна, какъ и первая: но миръ, который мы заключимъ, принесетъ съ собою и ручательство за себя и положитъ конецъ гибельному вліянію Россіи, которое она въ теченіи пятидесяти лѣтъ оказывала на дѣла Европы. Въ нашей императорской квартирѣ въ Вилковишкахъ, 22-го (10-го) іюня 1812 года. (Подписано) Наполеонъ» [2]).

---

[1]) Во всѣхъ переводахъ, эта громовая фраза: La Russie est entrainée par la fatalité — невѣрно передана словами: Россія увлекается рокомъ: это не такъ: смыслъ фразы, что ее увлекаетъ, какъ лицо страдательное, а не дѣйствующее.

[2]) Документъ этотъ сообщенъ «Русской Старинѣ» В. Михайловымъ съ фотографическимъ снимкомъ съ печатной французской прокламаціи императора Наполеона. Подлинникъ найденъ въ бумагахъ Вилковишскаго магистрата. Старожилы въ Вилковишкахъ указываютъ домъ, въ которомъ останавливался Наполеонъ; домъ этотъ принадлежитъ нынѣ маіоратному владѣльцу г. Минквицу.

РОССІЯ СТО ЛѢТЪ ТОМУ НАЗАДЪ

1778 г.

Путешествіе Уилльяма Кокса [1].

Уилльямъ Коксъ, извѣстный англійскій историкъ второй половины прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, родился въ Лондонѣ, въ 1748 году. Онъ воспитывался сначала въ Этонѣ, затѣмъ въ Кембриджѣ и поступилъ въ духовное званіе въ 1772 году. Но ему не суждено было довольствоваться скромною участью приходскаго священника. Вскорѣ послѣ своего назначенія, онъ оставилъ Денгэмскій приходъ и поступилъ къ герцогу Мальборо въ качествѣ воспитателя его сына; но года черезъ два отказался отъ этого мѣста, и, воспользовавшись предложеніемъ лорда Герберта, отправился съ нимъ на континентъ. Это было первое путешествіе Кокса, за которымъ слѣдовалъ рядъ другихъ путешествій, болѣе или менѣе продолжительныхъ. Такъ, онъ дважды посѣтилъ сѣверныя страны и Россію (въ 1778 и 1785 — 86 г.). Близкое знакомство съ Европой послужило не малымъ пособіемъ Коксу въ его географическихъ и историко-статистическихъ трудахъ. Къ тому-же, занимая нѣсколько должностей, бывшихъ не болѣе какъ синекурами, онъ имѣлъ полную возможность отдаться всецѣло ученымъ изысканіямъ. Онъ продолжалъ ихъ и послѣ 1818 года, не смотря на постигшую его слѣпоту; обладая рѣдкою памятью, онъ поправлялъ безъ помощи книгъ ошибки своихъ секретарей. Сочиненія Кокса были встрѣчены съ большимъ сочувствіемъ въ западной Европѣ, какъ видно изъ самаго числа англійскихъ из-

[1]) «Travels into Poland, Russia, Sweden and Denmark», by William Coxe. London, ed. 1784 г., съ картами и гравюрами: портреты Екатерины II, Пугачева и проч.

данiй и переводовъ на иностранные языки. Успѣхъ этотъ объясняется тѣмъ, что Коксъ въ своихъ трудахъ умѣлъ совмѣстить рѣдко соединимыя качества: легкое и талантливое изложенiе рядомъ съ многосторонними учеными свѣдѣнiями и добросовѣстнымъ пользованiемъ источниками. Благодаря этому, Коксъ занимаетъ видное мѣсто среди новѣйшихъ англiйскихъ историковъ; онъ обогатилъ историческую науку массой новыхъ свѣдѣнiй; его труды до сихъ поръ не утратили свое авторитетное значенiе. Коксъ постоянно сожалѣлъ, что недостаточно посвящаетъ перо свое богословiю, но тѣмъ не менѣе всю жизнь продолжалъ заниматься исторiей и написалъ только нѣсколько проповѣдей и статей религiознаго содержанiя. Смерть застала его за мемуарами о Пельгамѣ, которые должны были служить продолженiемъ мемуаровъ Вальполя.

Коксъ написалъ слѣдующiя сочиненiя:

I. Очерки природы, общественнаго и политическаго положенiя Швейцарiи, рядъ писемъ къ Уилл. Мельмотъ (Stetches of the natural, civil and political state of Switzerland, in a series of lettres to Will. Melmoth). Лонд. 1779; изд. II, 1780. 8; франц. Лонд. 1779; Пар. 1780. 8; нѣмец. съ порт. авт. Цюрихъ 1781. 8. Книга эта, крайне разнообразная по своему содержанiю, отличается точностiю и картинностью описанiй. Она вышла вторымъ изданiемъ подъ заглавiемъ: Путешествiе по Швейцарiи и кантону Граубинденъ (Travels in Switzerland and in the country of Grisons). Лонд. 1790, 1794, 1796; т. II, б. 4 съ гр. и карт.; также 1790 и 1801, III, 8 съ гр. Базель 1802 III, 8. Четвертое изданiе этой книги, появившееся вскорѣ послѣ швейцарской революцiи, заключаетъ вѣрную картину этого событiя. Франц. пер. 1782, 1789, 1790; нѣмец. 1781, 1792. II. Историческая экскурсiя въ графство Монмоутъ. (Historical tour in Monmouth shire). Лонд. 1801, т. II, 4 съ гр.—трудъ описательный, отчасти редактированный по путевому журналу автора 1798 г. III. Исторiя австрiйскаго дома отъ основанiя монархiи при Рудольфѣ Габсбургскомъ до смерти Леопольда II. (The history of the house of Austria, from the foundation of the monarchy under Rodolph of Habsburgh to the death of Leopold II). Лонд. 1807, III, 4; фран. перев. 1809; нѣм. 1810—1817, т. 4. 8. Настоящая книга—одна изъ самыхъ замѣчательныхъ по исторiи Австрiйской имперiи. Помимо ошибокъ, неизбѣжныхъ у иностранца, это какъ бы первый опытъ исторiи, гдѣ обращено вниманiе не только на бiографiю царствующей династiи, но и на соцiальное положенiе подданныхъ. Авторъ, трижды посѣтившiй Вѣну, воспользовался въ своемъ трудѣ важными источниками, относящимися къ царствованiю Карла VI, Марiи Терезiи, Iосифа II и Леопольда II. а равно и письменными извѣстiями и донесенiями англiйскихъ министровъ (пословъ) въ Вѣнѣ, 1714—1792 гг. Затѣмъ, Коксъ хотѣлъ было заняться исторiей испанской

линіи австрійскаго дома, и уже началъ подготовлять матеріалы, но увлеченный текущими событіями на Пиренейскомъ полуостровѣ, написалъ вмѣсто этого: IV. Мемуары испанскихъ королей изъ дома Бурбоновъ отъ Филиппа V до смерти Карла III, 1700—1788, на основаніи подлинныхъ и неизданныхъ документовъ. (Memoirs of the kings of Spain of the house of Bourbon, from Philipp V to the death of Charles III, 1700—1788, drawn from original and unpublished documents). Лонд. 1813, III. 4; II неизм. изд. 1815, V. 8. Это сочиненіе обнимаетъ собою любопытную эпоху 88-ми лѣтъ; только здѣсь авторъ преимущественно занимается дворомъ и сношеніями испанскаго кабинета съ Англіей. Спокойный тонъ, ясное и занимательное изложеніе, отсутствіе напыщенности—не мало способствовали вполнѣ заслуженной популярности этой книги. Она была переведена на французскій языкъ и издана въ 1827 году, вмѣстѣ съ добавочнымъ томомъ, относящимся къ царствованію Карла III. V. Мемуары о жизни и правленіи сэра Роберта Вальполя гр. Оксфордскаго, съ приложеніемъ подлинной переписки и бумагъ. (Memoirs of the life and administration of sir Robert Walpole, Earl of Oxford, with original correspondence and authentic papers). Лонд. 1798, т. III, 4. вт. изд. добавл. 1816 т. IV. 8.—VI. Мемуары Горація Вальполя (Memoirs of Horatio, Lord Walpole). 1802, 4 съ 20 гр. также 1808, т. II, 8. VII.—Мемуары Дж. герцога Мальборо (Memoirs of John, Duke of Marlborough) появилось въ нѣсколькихъ изд. 1817—1819, III, 4, съ гр. нѣм. пер. 1823.—VIII. Частная корреспонденція герцога Шевсбери съ поясненіями историческими и біографическими. 1821 г. Кромѣ того, авторъ написалъ нѣсколько мелкихъ сочиненій, помѣщенныхъ въ повременныхъ изданіяхъ и вышедшихъ отдѣльными брошюрами.

Коксъ умеръ на 81-мъ году своей жизни. Въ Британскомъ музеѣ хранится масса неизданныхъ бумагъ Кокса, составляющихъ какъ бы особый отдѣлъ.

Коксъ написалъ три сочиненія о Россіи, но мы не рѣшались говорить о нихъ, не познакомивъ русскихъ читателей съ личностью почтеннаго историка и его произведеніями, заслужившими ему извѣстность въ Европѣ. Произведенія эти служатъ для насъ ручательствомъ въ добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу человѣка, знакомаго съ научными пріемами и чуждаго верхоглядства, которымъ отличается большинство иностранныхъ путешественниковъ по Россіи.

Книги Кокса: I. Отчетъ о русскихъ открытіяхъ между Азіей и Америкой, съ нѣкоторыми свѣдѣніями о покореніи Сибири и исторіей сношеній между Россіей и Китаемъ [1]). составлена

---

[1]) Will. Coxe Account of the Russian discoveries between Asia and America. To which are added the conquest of Siberia and the history of the trans-

по имѣвшимся тогда источникамъ: исторіи Миллера и Фишера, различнымъ путешествіямъ, журналамъ Криницына, Левашева, реляціямъ объ экспедиціяхъ и т. п. Это не болѣе какъ сборникъ отрывочныхъ извѣстій объ открытіяхъ русскихъ въ Азіи съ 1745 года, съ краткимъ описаніемъ опасностей, которымъ они подвергались, и нѣкоторыми свѣдѣніями о географическомъ положеніи новооткрытыхъ земель, ихъ населеніи, туземныхъ нравахъ и обычаяхъ, мѣстныхъ продуктахъ, торговлѣ и т. п. Затѣмъ авторъ сообщаетъ нѣсколько данныхъ о покореніи Сибири, о столкновеніяхъ русскихъ съ китайцами и торговлѣ Москвы съ Китаемъ. Къ книгѣ приложенъ перечень новооткрытыхъ островов съ указателемъ главнѣйшихъ существовавшихъ въ то время картъ. Французскій переводъ изданъ въ 1781 году въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, съ примѣчаніями и предисловіемъ переводчика. Въ 1783 г. книга появилась на нѣмецкомъ языкѣ; она представляетъ собою буквальный переводъ не только французскаго текста, но и предисловія французскаго переводчика. Сравнительный обзоръ русскихъ открытій съ открытіями Кука и Клерка [1]) служитъ дополненіемъ и какъ бы продолженіемъ „Отчета о русскихъ открытіяхъ между Азіей и Америкой". Сочиненіе это издано въ видѣ брошюры; авторъ дѣлаетъ нѣкоторыя поправки къ своему предъидущему сочиненію относительно географическаго положенія новооткрытыхъ странъ и сообщаетъ свѣдѣнія о послѣдующихъ открытіяхъ.

II. Отчетъ о тюрьмахъ и госпиталяхъ въ Россіи, Швеціи и Даніи [2]) при незначительномъ объемѣ заключаетъ много любопытныхъ свѣдѣній, такъ какъ авторъ, благодаря покровительству императрицы Екатерины II, близко познакомился съ тюрьмами и госпиталями въ Москвѣ, Твери, Вышнемъ-Волочкѣ, Новгородѣ, Петербургѣ и Кронштадтѣ. Мы не станемъ разбирать это сочиненіе въ отдѣльности, такъ какъ оно представляетъ собою какъ бы распространеніе главы „о русскихъ уголовныхъ законахъ" важнѣйшаго третьяго сочиненія Кокса о Россіи: Путешествіе въ Польшу, Россію, Швецію и Данію, съ которымъ познакомимъ читателя въ настоящей статьѣ.

---

actions and commerce between Russia and China. London. 1780, ib. 1780 дополн., 1787, 1803, 1804.

[1]) A comparative view of the Russian discoveries with those made by Captain Cook and Clerke. London. 1787.

[2]) Account of the prisons and hospitals in Russia, Sweden and Denmark. London. 1781. Италіянскій переводъ этой книги появился въ Венеціи, въ 1814 году.

Въ этомъ третьемъ сочиненіи, авторъ, помимо чисто внѣшняго описанія мѣстности, историческихъ памятниковъ, зданій и т. п., представляетъ добросовѣстный сводъ иностранныхъ сочиненій о Россіи относительно ея литературы, состоянія образованности, религіи, правленія, законовъ, состоянія финансовъ, флота, военныхъ силъ, внѣшней и внутренней торговли. Сверхъ того, онъ вкратцѣ знакомитъ своихъ соотечественниковъ съ исторіей старой Руси и подробно распространяется объ Екатеринѣ I, Петрѣ I, Алексѣѣ Петровичѣ, Иванѣ Антоновичѣ, Пугачевѣ и др. Но все это, разумѣется, имѣло бы мало значенія для русскихъ читателей по своей общеизвѣстности, если бы авторъ рядомъ съ этимъ не сообщалъ и своихъ личныхъ наблюденій, не касался внутренней и бытовой стороны, не подмѣчалъ особенностей русской жизни и нравовъ.

Мы приведемъ изъ „Путешествія“ Кокса только то, что намъ казалось наиболѣе любопытнымъ, избѣгая, по возможности, лишнихъ и утомительныхъ подробностей.

I.

Въѣздъ въ Россію. — Ночлегъ въ деревнѣ. — Смоленскъ. — Дорога. — Пріѣздъ въ Москву.—Способъ ѣзды въ Москвѣ.—Описаніе Москвы.—Рынокъ домовъ.— Русское гостепріимство.—Кулачный бой.—Историкъ Миллеръ и разговоръ его съ Екатериной II. — Архивъ. — Воспитательный домъ. — Троицкая лавра.

20-го августа 1778 года, Коксъ со своими спутниками — лордомъ Гербертомъ, капитаномъ Флойдомъ и нѣсколькими слугами — переѣхалъ на почтовыхъ русско-польскую границу. Первое столкновеніе съ русскимъ населеніемъ было не въ пользу безкорыстія послѣдняго, хотя,—замѣчаетъ авторъ,—„мы уже знали по наслышкѣ, что русскіе не даются въ обманъ иностранцамъ“. На этотъ разъ русскіе сами обманывали иностранцевъ на каждомъ шагу. Вездѣ за почтовыхъ лошадей англичане платили дороже, чѣмъ слѣдовало, а на одной станціи почтовый смотритель спросилъ съ нихъ тройную цѣну, подъ предлогомъ, что они не имѣютъ подорожной. Въ деревняхъ крестьяне относились къ нимъ крайне недовѣрчиво и за каждую бездѣлицу требовали плату впередъ. Ночью одинъ изъ слугъ долженъ былъ постоянно оставаться въ экипажѣ, въ предупрежденіе воровства; однако, несмотря на всѣ предосторожности, утромъ почти всегда оказывалась какая нибудь пропажа.

Такіе далеко не идиллическіе образчики нравовъ особенно удивляли иностранцевъ, при грубой наружности русскихъ крестьянъ и

первобытной обстановкѣ ихъ жизни. Русскіе крестьяне, въ своихъ высокихъ шапкахъ, длиннополыхъ кафтанахъ, съ ногами въ онучахъ, обвитыхъ мочалками, и въ лаптяхъ,—производили на нихъ дикое впечатлѣніе. Не менѣе своеобразными казались имъ и самыя избы, которыя, судя по описанію Кокса, представляли полнѣйшее сходство съ нынѣшними, и съ такими же низкими дверями, что приходилось входить нагибаясь. Избы были большею частію одноэтажныя; въ двухъэтажныхъ низъ служилъ кладовой; въ рѣдкомъ домѣ было два покоя. Путешественникамъ приходилось спать на полу, гдѣ спокойно расхаживали цыплята. Однажды ночью, авторъ, возмущенный вторженіемъ свиней, съ негодованіемъ вскочилъ на ноги и былъ пораженъ обычной для насъ, но необычной для иностранца картиной, казавшейся еще своеобразнѣе при тускломъ свѣтѣ лучины. „Въ одномъ углу товарищи Кокса спали на соломѣ, а неподалеку отъ нихъ, на другомъ ворохѣ соломы, помѣщались слуги; трое длиннобородыхъ мужиковъ, въ своихъ мѣшковатыхъ одеждахъ, растянулись на голомъ полу; у дверей одѣтыя женщины дремали на лавкѣ; одна крестьянка расположилась на печи съ четырьмя почти совершенно голыми дѣтьми“.

Смоленскъ, первый значительный городъ, видѣнный иностранцами, поразилъ ихъ старой архитектурой стѣнъ съ выступами и круглыми и четырехъугольными башнями, расширенными кверху; шпицы церквей высоко выглядывали изъ-за массы деревъ, скрывавшихъ за собою зданія, огороды и луга. Весь Смоленскъ состоялъ изъ одноэтажныхъ деревянныхъ домиковъ; только кое-гдѣ возвышались каменные дома, называемые здѣсь палаццами. Черезъ городъ тянулась широкая мощенная улица; остальныя были выложены досками. Въ городѣ не оказалось ни одной гостинницы, потому что иностранцы рѣдко заѣзжали сюда, а русскіе, забирая съ собой цѣлый запасъ всякой провизіи, путешествовали и по ночамъ, или же останавливались въ частныхъ домахъ у кого либо изъ знакомыхъ. Постоялый дворъ, къ которому подвезли иностранцевъ, мало чѣмъ отличался отъ большинства нынѣшнихъ постоялыхъ дворовъ въ отдаленныхъ мѣстностяхъ Россіи: деревянное полуразвалившееся зданіе съ ободранными обоями, двѣ-три скамьи и столько же переломанныхъ стульевъ, жалкій столъ, окна, заколоченныя досками, за исключеніемъ единственнаго, никогда неотворявшагося окна, котораго стекла были покрыты такимъ толстымъ слоемъ пыли, что, по шутливому замѣчанію автора, „воздухъ и свѣтъ, вѣроятно, обложены очень большими налогами въ Россіи“, потому что русскіе почти не пользуются ни тѣмъ, ни другимъ.

Другіе города, видѣнные путешественниками по дорогѣ, какъ Дорогобужъ, Вязьма и т. д., представляли въ маломъ видѣ большее или

меньшее сходство съ Смоленскомъ; это была таже смѣсь деревянныхъ зданій и церквей въ перемежку съ огородами и лугами. Немногіе каменные дома, воздвигнутые по приказу императрицы, странно выдѣлялись среди множества лачугъ. Часть улицъ была выложена бревнами, другая—досками.

Благодаря осени, путешественникамъ запрягали въ экипажъ отъ восьми до десяти лошадей, и при этомъ неимовѣрно долго задерживали на станціяхъ. Крайне дурная проселочная дорога сильно утомляла ихъ; надоѣдалъ имъ съ непривычки и самый способъ ѣзды: нерѣдко ямщики неслись вскачь по страшнѣйшимъ рытвинамъ и ухабамъ и едва плелись по ровной и гладкой дорогѣ. Получили англичане нѣкоторое понятіе и о русскихъ паромахъ: при переѣздѣ черезъ одну рѣку экипажъ ихъ чуть не погрузился вмѣстѣ съ лошадьми въ воду. Въ другомъ мѣстѣ, ночью, они чуть не слетѣли съ моста безъ перилъ, такъ что рѣшили впередъ ѣздить по русскимъ дорогамъ не иначе, какъ днемъ.

За нѣсколько верстъ отъ Москвы, путешественники выбрались наконецъ на широкую почтовую дорогу и отдохнули душою и тѣломъ. По обѣимъ сторонамъ тянулся лѣсъ. Разнообразные оттѣнки зелени, богато окрашенной осенью, представляли собою великолѣпное зрѣлище при солнечномъ освѣщеніи. Мѣстами встрѣчались пожелтѣвшіе поля и луга. Вскорѣ поднялись они на возвышенность, откуда открывался видъ на всю Москву. Городъ разстилался на громадномъ пространствѣ; безчисленныя башни, позолоченные шпицы и купола церквей, бѣлыя, красныя и зеленыя зданія—рѣзко выступали изъ-за массы деревянныхъ темныхъ хижинъ. За городомъ тянулся лѣсъ, а за нимъ безконечные луга и поля.

При въѣздѣ въ Москву, у путешественниковъ осмотрѣли паспорты и пропустили въ городъ. Они ѣхали довольно долго слободами, по досчатой мостовой, пока достигли Бѣлаго-города [1]), гдѣ остановились въ

---

[1]) Коксъ описываетъ слѣдующимъ образомъ тогдашнее дѣленіе Москвы:

Кремль занимаетъ собою центральную и наиболѣе высокую часть города, имѣетъ видъ треугольника, омываемаго съ юга Москвой-рѣкой, съ запада и сѣвера—Неглинной. Кремль окруженъ полукаменной, полукирпичной стѣной, воздвигнутой миланскимъ архитекторомъ Петромъ Соларіусомъ, въ 1491 году, какъ видно изъ надписи надъ одними воротами. Кремль не обезображенъ деревянными зданіями, подобно другимъ частямъ Москвы: здѣсь находится старый государевъ дворъ, нѣсколько церквей, два монастыря, патріаршій дворъ, оружейная палата (уже развалившаяся) и домъ, нѣкогда принадлежавшій Борису Годунову.

Китай-городъ окаймленъ съ одной стороны Кремлемъ, съ другой — кирпичной, довольно низкой стѣной. Китай-городъ гораздо значительнѣе Кремля,

гостинницѣ, которая содержалась французомъ. Имъ отвели просторныя и хорошо меблированныя комнаты; но въ гостинницѣ не оказалось постелей и простынь, потому что русскіе обыкновенно возили постели съ собою.

На слѣдующее утро Коксъ и его спутники приказали нанять себѣ экипажъ для осмотра Москвы. Слуга вернулся съ колымагой, запряженной четверней разношерстыхъ лошадей, на выносъ и съ форейторомъ. Сзади экипажа красовался огромный мѣшокъ съ сѣномъ. Послѣднее обстоятельство нѣсколько удивило англичанъ; но имъ объяснили, что въ Москвѣ всѣ ѣздятъ такимъ образомъ, потому что въ обычаѣ кормить лошадей, пока господа въ гостяхъ. Дѣйствительно, въ послѣдствіи, авторъ видалъ не разъ на дворѣ дома, гдѣ ему приходилось обѣдать, множество распряженныхъ лошадей за сѣномъ, брошеннымъ на землю, и тутъ же обѣдавшихъ кучеровъ и извощиковъ.

Англичане прежде всего отправились къ своему банкиру, жившему въ слободѣ, за нѣсколько верстъ отъ гостинницы, гдѣ они остановились. Ямщикъ везъ ихъ все время крупною рысью, а иногда и вскачь, не разбирая ѣдетъ ли онъ по хорошей или дурной дорогѣ, каменной или деревянной мостовой. Но пути имъ безпрестанно попадались запряженные четверней экипажи разныхъ господъ, разъѣзжающихъ по Москвѣ. На улицахъ стояло и ѣхало множество извощичьихъ повозокъ: это былъ родъ линейки, на четырехъ колесахъ, съ однимъ, двумя, или тремя отдѣльными сидѣніями въ видѣ креселъ, поставленныхъ бокомъ.

Древняя русская столица видимо произвела сильное впечатлѣніе на автора. „Я былъ удивленъ,—пишетъ онъ,—страннымъ видомъ Смо-

---

заключаетъ университетъ, типографію и всѣ торговые ряды. Зданія большею частію оштукатурены или выбѣлены и здѣсь находится единственная улица во всей Москвѣ, гдѣ дома тѣсно примыкаютъ другъ къ другу безъ всякихъ промежутковъ.

Бѣлый-городъ охватываетъ собою двѣ первыя части, примыкая съ одной стороны къ Кремлю, съ другой стороны—къ Китай-городу. Бѣлый-городъ, вѣроятно, получилъ свое названіе отъ окружавшей его нѣкогда бѣлой стѣны, которой остатки видны и до сихъ поръ.

Земляной-городъ тянется за тремя вышеупомянутыми частями; получилъ свое названіе отъ окружающаго его земляного вала. Какъ Земляной-городъ, такъ и Бѣлый-городъ представляютъ собою странную смѣсь церквей, монастырей, дворцовъ, каменныхъ и деревянныхъ зданій и жалкихъ хижинъ, ничѣмъ не отличающихся отъ крестьянскихъ избъ.

Слобода или слободы окружаютъ собою всѣ вышеупомянутыя части. За слободами тянется низкій валъ и ровъ. Въ этой части города, помимо всякаго рода зданій, находятся поля, много луговъ и нѣсколько небольшихъ озеръ, дающихъ начало рѣкѣ Неглинной.

ленска, но несравненно болѣе меня поразила неизмѣримость и разнообразіе Москвы. Это нѣчто настолько неправильное, своеобразное, необычайное, здѣсь все такъ полно контрастовъ, что мнѣ никогда не случалось видѣть ничего подобнаго. Улицы большею частью необыкновенно длинныя и широкія; нѣкоторыя изъ нихъ вымощены камнемъ; другія—особенно въ слободахъ—выложены бревнами или досками, на подобіе деревяннаго пола. Жалкія лачуги кучатся около дворцовъ, одноэтажныя избы построены рядомъ съ богатыми и величественными домами. Многія каменныя зданія—съ деревянными крышами; иные деревянные дома выкрашены; у другихъ желѣзныя двери и крыши. Безчисленныя церкви въ каждой изъ своихъ частей представляютъ особый стиль архитектуры; нѣкоторые куполы крыты мѣдью, иные жестью, золоченною или окрашенною въ зеленый цвѣтъ. Нѣкоторые кварталы этого огромнаго города кажутся совершенными пустырями; иные—густо населены; одни походятъ на бѣдныя деревушки, другіе имѣютъ видъ богатой столицы.

„Вообще Москва производитъ впечатлѣніе азіятскаго города, мало по малу принимающаго европейскій видъ. Въ настоящемъ своемъ составѣ она представляетъ собою пеструю смѣсь самыхъ несогласимыхъ родовъ архитектуры“.

Не менѣе своеобразнымъ показался автору и самый способъ, какимъ производилась розничная торговля въ Москвѣ, вся сосредоточенная тогда въ Китай-городѣ. „Здѣсь,—говоритъ онъ,—по русскому обычаю, общему со многими азіятскими городами, всѣ лавки скучены въ одно мѣсто и образуютъ собою нѣчто похожее на постоянную ярмарку, состоящую изъ множества рядовъ низкихъ кирпичныхъ зданій съ промежуточными ходами. Лавки занимаютъ большое пространство, но купцы не живутъ въ нихъ и обыкновенно возвращаются вечеромъ домой... Лавки однородныхъ товаровъ примыкаютъ другъ къ другу; мѣха и кожи—главный предметъ торга въ Москвѣ,—а равно и овощныя лавки, занимаютъ нѣсколько улицъ“.

Затѣмъ авторъ описываетъ рынокъ домовъ, составлявшій одну изъ главныхъ особенностей тогдашней Москвы. „Рынокъ этотъ,—говоритъ авторъ,—находится на большой площади въ одной изъ свободъ [1]) и представляетъ собою цѣлую массу готовыхъ деревянныхъ домовъ самаго разнообразнаго вида, тѣсно примыкавшихъ другъ къ другу. Покупатель, являясь на рынокъ, объявляетъ, сколько хочетъ имѣть ком-

---

[1]) Въ XVI и XVII вв. подобный рынокъ находился въ Земляномъ-городѣ, за Яузой, см. Костомарова: «Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII столѣтіяхъ», стр. 25.

натъ, присматривается къ лѣсу и платитъ деньги. Иногда самъ покупатель беретъ на себя перевозку; въ другихъ случаяхъ купецъ перевозитъ домъ и ставитъ на назначенномъ мѣстѣ. Со стороны,—добавляетъ авторъ,—покажется невѣроятнымъ, какимъ образомъ можно купить домъ, перевезти и поставить его въ одну недѣлю; но не слѣдуетъ забывать, что здѣсь дома продаются совершенно готовыми срубами, такъ что ничего не стоитъ перевезти ихъ и собрать вновь".

Масса деревянныхъ зданій естественно способствовала частымъ пожарамъ. Авторъ особенно обратилъ вниманіе на одну изъ мѣръ, принимаемыхъ въ Москвѣ противъ пожаровъ, и находитъ ее вполнѣ цѣлесообразною. Мѣра эта заключалась въ томъ, что въ концѣ каждой улицы стояла высокая рогатка, которою загораживалась улица, въ случаѣ пожара или большаго стеченія народа, такъ что всякое сообщеніе немедленно прекращалось.

Москва въ то время была самымъ многолюднымъ русскимъ городомъ; въ ней проживали, между прочимъ, и русскіе вельможи, не принадлежавшіе ко двору, содержали свои многочисленныя дворни и окружали себя „грубымъ, дорого-стоющимъ великолѣпіемъ въ старомъ стилѣ феодальнаго величія". Здѣсь не затмѣвала ихъ, какъ въ Петербургѣ, пышность двора, здѣсь щеголяли они вволю другъ передъ другомъ пресловутымъ русскимъ гостепріимствомъ.

„Ничто,—говоритъ авторъ,—не можетъ сравниться съ гостепріимствомъ русскихъ. Ни разу не случалось намъ дѣлать утренніе визиты, не получивъ при этомъ приглашенія на обѣдъ..... Вначалѣ мы считали это простою любезностью и ждали вторичнаго приглашенія; но вскорѣ мы убѣдились, что это лишнее и мы обрадуемъ хозяевъ, если явимся къ нимъ безъ всякой церемоніи".... Многіе изъ московскихъ вельможъ держали открытый столъ, къ которому былъ доступъ всѣмъ и каждому. Такимъ гостепріимствомъ особенно отличался въ то время графъ Орловъ-Чесменскій, къ которому англичане имѣли рекомендательное письмо изъ Варшавы отъ Станислава Понятовскаго. Графъ принялъ ихъ очень любезно и, по заведенному обычаю, въ тотъ же день пригласилъ къ себѣ на обѣдъ, просилъ оставить всякія формальности, говоря, что онъ человѣкъ простой и глубоко уважаетъ англійскую націю. Столъ у графа Орлова былъ обильный и роскошный; подавались самыя разнообразныя вина, вывезенныя хозяиномъ изъ Архипелага. За обѣдомъ играла музыка. Иностранцы замѣтили при этомъ одну особенность, составлявшую неизмѣнную принадлежность русскихъ парадныхъ обѣдовъ, а именно цѣлую массу дворовыхъ и приживалокъ, толпившихся вмѣстѣ съ слугами, но ничего не дѣлавшихъ. Стоя за

стуломъ графа, они казались безконечно довольными, если тотъ удостоивалъ ихъ улыбкой или движеніемъ головы.

Гр. Орловъ былъ настолько внимателенъ къ англичанамъ, что самъ вызвался показать имъ свой конскій заводъ, находившійся въ окрестностяхъ Москвы. Онъ повезъ ихъ въ собственномъ экипажѣ, запряженномъ шестью лошадьми цугомъ, и въ сопровожденіи шести человѣкъ верхами. На заводѣ оказались лошади, привезенныя со всѣхъ концовъ свѣта: арабскія, турецкія, татарскія, персидскія, англійскія. Арабскія лошади были пріобрѣтены графомъ во время его экспедиціи въ Архипелагъ; нѣкоторыя изъ нихъ подарены Али-беемъ, другія куплены или взяты у турокъ [1]). На возвратномъ пути графъ свезъ своихъ гостей въ Царицыно, которое произвело на нихъ самое пріятное впечатлѣніе.

Вскорѣ послѣ того гр. Орловъ доставилъ англичанамъ другаго рода удовольствіе: онъ показалъ имъ кулачный бой, бывшій въ то время въ большомъ ходу у русскаго простонародья. Бой на этотъ разъ происходилъ между крѣпостными крестьянами гр. Орлова.

„Мы отправились,—говоритъ авторъ,—въ манежъ, гдѣ уже застали толпу изъ трехсотъ крестьянъ. Они раздѣлились при насъ на двѣ партіи, изъ нихъ каждая выбрала себѣ распорядителя, который вызывалъ бойцовъ и ставилъ ихъ другъ противъ друга. Въ бою участвовало всегда не болѣе одной пары. На рукахъ бойцовъ были рукавицы изъ такой жесткой кожи, что они съ трудомъ сжимали кулакъ: многіе били прямо ладонью. Бойцы выдвигали впередъ лѣвую сторону тѣла, и размахивая правою рукою, которую держали нѣсколько наотлетъ, лѣвой отбивались отъ противника. Они никогда не наносили ударовъ прямо, а большею частью кругообразно и били только въ лицо и голову.... Если которому нибудь бойцу удавалось повалить

---

[1]) По поводу этого посѣщенія, авторъ приводитъ слѣдующій образчикъ восточной щедрости гр. Орлова:

При осмотрѣ завода, спутникъ автора, лордъ Гербертъ, особенно восхищался однимъ арабскимъ конемъ и нѣсколько разъ принимался его расхваливать. Прошло послѣ того нѣсколько мѣсяцевъ; англичане уѣхали въ Петербургъ, и тутъ, совершенно неожиданно, лордъ Гербертъ получилъ упомянутаго коня въ подарокъ отъ гр. Орлова, при слѣдующей запискѣ: «Милостивый государь. Я замѣтилъ, что мой конь понравился вамъ, а потому прошу принять его. Я получилъ его въ подарокъ отъ Али-бея. Это чистокровный арабскій конь кохлинской породы; онъ былъ доставленъ мнѣ на русскихъ корабляхъ изъ Аравіи, въ послѣднюю войну, когда я находился въ Архипелагѣ. Съ истиннымъ уваженіемъ остаюсь вашъ покорный слуга графъ Алексѣй Орловъ-Чесменскій».

своего противника на землю, то его немедленно провозглашали побѣдителемъ; затѣмъ выступала другая пара. Мы видѣли до двадцати подобныхъ свалокъ. Нѣкоторые изъ бойцовъ отличались большой силой; но они не могли сдѣлать особеннаго вреда, благодаря самому способу драки; здѣсь не бываетъ тѣхъ переломовъ и ушибовъ, какими часто сопровождаются кулачные бои въ Англіи. Обѣ партіи принимали живое участіе въ успѣхѣ своихъ бойцовъ и нѣсколько разъ порывались вступиться за нихъ; но гр. Орловъ, при малѣйшемъ поползновеніи къ спору или дракѣ, останавливалъ ихъ ласковымъ словомъ или жестомъ. Гр. Орловъ хотѣлъ было удалиться и этимъ положить конецъ зрѣлищу; но участники боя стали униженно просить его еще нѣкоторое время удостоить ихъ своимъ присутствіемъ. Получивъ согласіе, они поклонились графу до земли и казались такими довольными, какъ будто имъ оказана была величайшая милость".

Не менѣе ласково обошелся съ англичанами другой московскій магнатъ, князь Волконскій, хотя его вниманіе къ нимъ выразилось болѣе утонченнымъ образомъ. Такъ онъ поручилъ своему адъютанту показывать имъ достопримѣчательности Москвы; затѣмъ, узнавъ о желаніи автора познакомиться съ Миллеромъ, нарочно пригласилъ для этого почтеннаго историка къ себѣ на обѣдъ.

Миллеръ, по словамъ автора, былъ хорошо знакомъ съ новыми и древними языками и на нѣкоторыхъ изъ нихъ объяснялся совершенно свободно. Обладая изумительною памятью, онъ помнилъ въ точности малѣйшія подробности въ русскихъ лѣтописяхъ. Послѣ обѣда авторъ отправился къ Миллеру на домъ и провелъ съ нимъ нѣсколько часовъ въ его библіотекѣ, состоявшей главнымъ образомъ изъ книгъ по русской исторіи. Тутъ находились почти всѣ сколько нибудь замѣчательныя сочиненія, какія только были писаны о Россіи на новѣйшихъ европейскихъ языкахъ. Кромѣ того, Миллеръ показывалъ автору драгоцѣнное собраніе государственныхъ бумагъ и рукописей, относящихся къ Петру I, Екатеринѣ I, Меншикову, Остерману и др. Собесѣдники главнымъ образомъ толковали о русской исторіи. Миллеръ откровенно высказывалъ нѣкоторые изъ своихъ взглядовъ и заявилъ о своемъ полнѣйшемъ убѣжденіи, что на московскомъ престолѣ царствовалъ настоящій Димитрій. „Но я не могу, — сказалъ онъ,—высказать печатно мое настоящее мнѣніе въ Россіи, такъ какъ тутъ замѣшана религія. Если вы прочтете внимательно мою статью, то, вѣроятно, замѣтите, что приведенные мною доводы въ пользу обмана слабы и неубѣдительны". Затѣмъ онъ добавилъ улыбаясь: „когда вы будете писать объ этомъ, то опровергайте меня смѣло, но не

упоминайте о моей исповѣди, пока я живъ" [1]). Миллеръ передалъ при этомъ автору разговоръ свой съ императрицей о Лжедимитріѣ, когда она была въ Москвѣ.

— „Я слышала, — сказала она, — вы сомнѣваетесь въ томъ, что Гришка былъ обманщикъ; скажите мнѣ смѣло ваше мнѣніе".

Миллеръ почтительно уклонился отъ вопроса, но, уступивъ настоятельному требованію императрицы, отвѣтилъ:

— „Вашему величеству хорошо извѣстно, что тѣло истиннаго Димитрія покоится въ Михайловскомъ соборѣ; ему поклоняются и мощи творятъ чудеса. Что станется съ мощами, если будетъ доказано, что Гришка настоящій Димитрій?"

— „Вы правы,—отвѣтила императрица, улыбаясь, — но я желаю знать каково было бы ваше мнѣніе, если бы вовсе не существовало мощей".

Однако Миллеръ благоразумно уклонился отъ прямаго отвѣта; императрица болѣе не допрашивала его.

Почтенный историкъ самъ вызвался сопровождать англичанъ въ московскій государственный архивъ, помѣщавшійся тогда въ Китайгородѣ, въ большомъ каменномъ зданіи съ желѣзными полами. Незадолго передъ тѣмъ, всѣ бумаги стояли въ ящикахъ, сваленныя безъ разбора, вмѣстѣ съ другимъ хламомъ; но въ описываемое время всѣ документы, относящіеся собственно къ Россіи, а равно и къ сношеніямъ ея съ иностранными государствами, уже были приведены въ надлежащій порядокъ Миллеромъ, по желанію императрицы, такъ что авторъ могъ составить себѣ довольно точное представленіе объ историческомъ матеріалѣ архива.

Изъ архива авторъ и его спутники отправились въ Московскій университетъ, гдѣ были приняты съ большимъ почетомъ ректоромъ университета и профессорами. При осмотрѣ типографіи, путешественникамъ поднесли при нихъ же отпечатанные листки на англійскомъ и русскомъ языкахъ, слѣдующаго содержанія:

«Сіе тисненіе печати Россійской поднесено Высокопочтеннѣйшему Лорду Герберту въ его путешествованіи чрезъ Россію съ капитаномъ Флойдомъ и Господиномъ Коксомъ во время, когда они удостоили своимъ благосклоннымъ посѣщеніемъ Императорскій Московскій университетъ, Сентября 1 дня 1778 года.

На прощанье ректоръ университета подарилъ автору татарскую грамматику, каталогъ греческихъ рукописей, находящихся въ книгохранилищѣ св. синода, и годовое росписаніе лекцій, читаемыхъ при

[1]) Авторъ сдержалъ слово: онъ напечаталъ свой разговоръ съ Миллеромъ только въ 1802 году, въ примѣчаніяхъ II тома, пятаго изданія, настоящаго сочиненія, см. стр. 19.

Московскомъ университетѣ, подъ заглавіемъ „Catalogus praelectionum publicarum in Unversitate Caesareâ Mosquensi habendarum".

Къ сожалѣнію, авторъ не приводитъ цѣликомъ этой програмы, а дѣлаетъ изъ нея извлеченіе и притомъ крайне неудачное и сбивчивое. Такъ, нѣкоторые преподаватели вовсе не упомянуты; другіе указаны какъ бы случайно и не вполнѣ точно: Десницкій, преподаватель римскаго и россійскаго права и англійскаго языка, названъ Десятскимъ; слушатель Тимковскій—Синковскимъ и включенъ въ число профессоровъ; предметы преподаванія и принятыя руководства не раздѣлены по факультетамъ, и представляютъ собою пеструю смѣсь оглавленій и т. п. Въ виду неудовлетворительности этого извлеченія, мы не считаемъ нужнымъ знакомить съ нимъ читателей, тѣмъ болѣе, что желающіе могутъ составить себѣ довольно точное понятіе о томъ, какъ шло преподаваніе въ Московскомъ университетѣ въ 1778 году, изъ книги С. Шевырева: „Исторія Императорскаго Московскаго университета", изд. 1855 года (стр. 224 — 238).

Изъ общественныхъ учрежденій въ Москвѣ, авторъ особенно хвалитъ воспитательный домъ, съ которымъ ознакомился довольно подробно, благодаря обязательности директора. Воспитательный домъ вмѣщалъ въ то время около 3,000 питомцевъ. Автора пріятно поразило просторное помѣщеніе и хорошія гигіеническія условія, въ которыя были поставлены дѣти; не ускользнуло отъ его вниманія и то обстоятельство, что младенцы спали не въ люлькахъ, а на желѣзныхъ кроватяхъ, такъ какъ строго запрещалось качать дѣтей; также не велѣно было и пеленать ихъ, въ противность общепринятому русскому обычаю.

„Питомцы, — говоритъ авторъ,—дѣлятся на отдѣльные классы по возрасту. Первые два года они остаются въ дѣтскомъ отдѣленіи, а тамъ допускаются къ урокамъ въ приготовительный классъ; мальчики и дѣвочки учатся вмѣстѣ до семилѣтняго возраста; затѣмъ ихъ раздѣляютъ. Всѣ они учатся чтенію, письму и счетоводству. Мальчиковъ обучаютъ плести сѣти или же заставляютъ чесать пеньку, ленъ и шерсть; кромѣ того, ихъ занимаютъ разными ремеслами. Дѣвочекъ учатъ вязанью, плетенью кружевъ, всякаго рода шитью; онѣ прядутъ, готовятъ кушанье, пекутъ хлѣбъ и справляютъ разнаго рода домашнія работы.

Въ первый классъ питомцы поступаютъ четырнадцати лѣтъ. Здѣсь имъ предоставляется выбрать себѣ извѣстное мастерство. Для этой цѣли при воспитательномъ домѣ устроены разнаго рода мастерскія, гдѣ изготовляются шелковые чулки, ленты, кружева, перчатки, пуговицы и т. п. Каждому мастерству отведено особое помѣщеніе.

Нѣкоторыхъ мальчиковъ и дѣвочекъ учатъ французскому и нѣмецкому языку, иныхъ мальчиковъ латинскому, другихъ — музыкѣ, рисованію и пѣнію.

По наступленіи двадцатилѣтняго возраста, питомцамъ даютъ извѣстную сумму денегъ, и устраиваютъ такимъ образомъ, чтобы они могли заниматься своимъ ремесломъ въ той мѣстности, въ которой имъ заблагоразсудится—весьма важное преимущество въ Россіи (добавляетъ авторъ), гдѣ крестьяне закрѣпощены и не могутъ отлучаться изъ своей деревни безъ дозволенія господина".

Авторъ нѣсколько разъ посѣщалъ воспитательный домъ, заставалъ питомцевъ за обѣдомъ, во время рекреаціи и за работой — и всякій разъ выносилъ то же отрадное впечатлѣніе: дѣти имѣли веселый и здоровый видъ; ихъ отношенія къ директору были самыя непринужденныя и дружественныя.

Удалось однажды автору побывать и въ театрѣ, устроенномъ при воспитательномъ домѣ, гдѣ всѣ декораціи, сцена, кулисы были сдѣланы и разрисованы питомцами. Авторъ присутствовалъ на представленіи двухъ переводныхъ французскихъ пьесъ: „Честный преступникъ" и „Деревенскій колдунъ" (оперетка). „Не понимая русскаго языка,—говоритъ онъ,—я не могъ судить о чистотѣ дикціи; но мнѣ очень понравилась игра. Между пѣвцами было нѣсколько хорошихъ голосовъ. Оркестръ былъ также недуренъ и состоялъ изъ однихъ воспитанниковъ, кромѣ первой скрипки, которой партію исполнилъ ихъ учитель музыки. Представленіе на этотъ разъ не сопровождалось балетомъ, о чемъ я очень жалѣлъ, потому что, судя по наслышкѣ, они танцуютъ балетъ съ большимъ изяществомъ и граціей".

Англичанамъ не хотѣлось уѣзжать изъ Москвы, не повидавши Троицкой лавры; особенно соблазняла ихъ близость разстоянія. Но поѣздка эта оказалась далеко не легкою. Несмотря на подорожную, подписанную московскимъ губернаторомъ, ихъ заставили прождать почтовыхъ лошадей девять часовъ сряду, въ самой Москвѣ. Этимъ дѣло не ограничилось: ямщикъ довезъ до ближайшей деревни и наотрѣзъ отказался ѣхать дальше; пришлось брать новыхъ лошадей, спорить, прибѣгать къ угрозамъ или обѣщаніямъ. Такъ повторялось въ каждой изъ попадавшихся по дорогѣ деревень, которыя, по выраженію автора, „къ несчастію, были довольно часты въ данной мѣстности". На полдорогѣ путешественниковъ догналъ курьеръ кн. Волконскаго и избавилъ ихъ отъ дальнѣйшихъ хлопотъ по найму лошадей. „Его способъ убѣжденія оказался краснорѣчивѣе самыхъ патетическихъ увѣщаній": какъ только начинались обычныя препиратель-

21*

ства и брань между крестьянами, онъ разгонялъ ихъ палочными ударами. „Они,—замѣчаетъ по этому поводу авторъ,—видимо привыкли къ такимъ образцамъ риторики, потому что переносили ихъ терпѣливо и крайне добродушно. Ямщикъ, послѣ этого, садясь на козлы, принимался по обычаю пѣть и посвистывать, какъ ни въ чемъ не бывало".

Англичане осмотрѣли всѣ достопримѣчательности Троицкой лавры; но имъ не удалось видѣть монастырской библіотеки, вслѣдствіе отсутствія архимандрита. По справкамъ Кокса, въ монастырѣ было тогда 100 монаховъ и около 200 воспитанниковъ въ находившейся тутъ семинаріи.

Вскорѣ послѣ того путешественники выѣхали изъ Москвы и отправились въ Петербургъ черезъ Тверь и Новгородъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОЙНА РОССІИ СЪ ТУРЦІЕЙ

1854 г.[1]).

Императоръ Николай—князю Паскевичу [2]).

С.-Петербургъ.—26-го марта 1854 г.

Вчера я получилъ письмо твое, любезный отецъ командиръ, отъ 21-го марта, за которое душевно благодарю. Кажется, ты доволенъ распоряженіями Горчакова; дѣйствительно, онъ славно исполнилъ дѣло и мнѣ его взглядъ на дѣла весьма нравится.—Слава Богу! кажется, что близкой опасности отъ Австріи покуда не предвидится. Этимъ временемъ намъ надо елико можно воспользоваться, чтобы пріобрѣсть возможныя выгоды. Мнѣ бы хотѣлось приступить къ Силистріи, устроивъ или переведя одну изъ переправъ къ Каларашу, въ особенности если турки продолжали отступать и Лидерсъ, за ними слѣдя, могъ пройти Черноводы.—Прикрывшись справа у Букареста тремя дивизіями, какъ отъ Малой Валахіи, такъ и отъ Рущука, одна дивизія, напримѣръ, 8-я, могла бы послана быть къ Калярашу. Но ежели турки изъ-подъ Калафата пошли впередъ за Липранди, то выждать, чтобъ отошли марша на три или четыре отъ Дуная и въ такомъ случаѣ, ничего не отдѣляя, совокупными силами, т. е. четырьмя дивизіями пѣхоты и двумя кавалеріи, идти прямо на нихъ и съ Божіею помощью разбить и сильно преслѣдовать кавалеріею. Тогда еще удобнѣе будетъ отдѣлить не только одну, но, быть можетъ, и двѣ дивизіи къ Калярашу,

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1877 г., томъ XVIII, стр. 135—144.

[2]) Небольшія выдержки изъ этого письма были напечатаны въ «Русской Старинѣ» изд. 1875 г. въ статьѣ «Замѣтки о событіяхъ 1853—1854 гг.». Здѣсь документъ этотъ приведенъ вполнѣ. Ред.

и тамъ переправясь, подвигаться съ Лидерсомъ и обложить Силистрію. Ежели Омеръ-паша съ главными силами вышелъ бы на встрѣчу, думаю, что его надо бы тогда же атаковать и стараться разбить до прихода союзныхъ силъ, которыя врядъ-ли изъ Варны быть могутъ ранѣе 15-го (27-го) апрѣля и то, думаю, не въ полномъ числѣ, ежели часть ихъ останется въ Босфорѣ и Дарданелахъ, и быть можетъ, и въ Варнѣ. Тоже не ранѣе сего ожидать можно и десантовъ, которыми стращаютъ.—Кажется, что теперь всѣ наши резервы могутъ къ тому времени уже быть на мѣстахъ и опасность уменьшится....

....Ежели ты другаго мнѣнія, уступаю, но душевно желаю, чтобы мы извлекли возможную пользу изъ столь неожиданнаго благополучнаго начала. Изъ Берлина пишутъ, что король твердъ покуда, дай Богъ; намѣренія его чисты, лишь бы выдержалъ. Здѣсь все идетъ очень хорошо. Прибывающія войска въ самомъ превосходномъ состояніи, точно, молодцы.—Батареи строятся успѣшно, тоже и въ Кронштадтѣ. Сегодня погода ужасная, вода высока; вьюга и морозъ, жаль ежели не потреплетъ англичанъ.

Да благословитъ Господь Богъ новый твой походъ и да дастъ тебѣ новый вѣнецъ славы въ продолженіе персидскаго, турецкаго, польскаго и венгерскаго походовъ.

Да хранитъ и укрѣпитъ тебя Господь.—Береги себя, прошу тебя. Аминь.

Душевно обнимаю. Навсегда твой искренно доброжелательный „Николай“.

Императоръ Николай—князю М. Д. Горчакову.

С.-Петербургъ.—26-го марта 1854 г.

Съ великимъ любопытствомъ и удовольствіемъ читалъ я твое подробное донесеніе переправы черезъ Дунай, любезный Горчаковъ; — славно, мастерски соображено, да и молодецки исполнено. Дѣло, точно, небывалое, и въ особенности должно благодарить Бога, что столь дешево обошлось.—Съ отмѣннымъ удовольствіемъ читалъ я твою записку фельдмаршалу [1]), и не могу довольно выразить тебѣ, какъ я обрадованъ былъ твоимъ правильнымъ взглядомъ на положеніе дѣлъ, на пользу, которую отъ сей неожиданной удачи извлечь должно и

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1877 г., томъ XVIII, стр. 139 и слѣд.: рапортъ князя Горчакова генералъ-фельдмаршалу отъ 16-го марта 1854 г., изъ Браилова. Копія съ этого рапорта была доставлена въ Петербургъ для всеподданнѣйшаго доклада. Ред.

можно, и вообще меня польстило, что, не сговорясь съ тобой, мы оказались однѣхъ съ тобой мыслей.

Я надѣюсь, что князь Варшавскій тоже вполнѣ все тобой предлагаемое одобритъ, тѣмъ болѣе, что, кажется, австрійцы притихли, если не утихли, благодаря твердой рѣшимости короля прусскаго не соглашаться на союзъ противъ насъ. Кажется, теперь все дѣло въ томъ, когда отойдемъ отъ Калафата, турки сунутся ли впередъ? ежели такъ, дать имъ голубчикамъ отойти отъ Дуная марша на два или на три и тогда ринуться на нихъ съ тѣмъ, что у тебя подъ рукой, т. е., полагаю, съ тремя съ половиною дивизіями пѣхоты и двумя кавалеріи, и съ помощію Божіею разбить ихъ, прогнать и преслѣдовать нещадно кавалеріею.

Удастся это, сейчасъ послать одну дивизію къ Калярашу, и ежели Лидерсъ у Черноводъ,—приступить къ устройству тутъ новой переправы и мостоваго прикрытія, а потомъ подступить къ Силистріи. Ранѣе двухъ недѣль, ни англичанъ, ни французовъ въ силахъ ожидать нельзя, и буде они, какъ полагаю, высадятся у Варны, чтобъ спѣшить къ Силистріи, полагаю, можно будетъ оставить, для прикрытія Букареста и наблюденія за Рущукомъ и прочимъ, двѣ дивизіи 4-го корпуса, а съ остальными войсками переправиться у Каляраша и, соединясь съ Лидерсомъ, начать осаду.—Ежели турки или союзники сунутся впередъ, тогда идти имъ на встрѣчу, дать сраженіе и, ежели Богъ благословитъ, разбить, сильно преслѣдовать ихъ конницею и продолжать осаду Силистріи.—Осада, ежели все пойдетъ хорошо, должна быть кончена въ концѣ іюня.

Имѣя Силистрію, рѣшить можно будетъ по обстоятельствамъ, что̀ дѣлать далѣе, осаждать ли Рущукъ или нѣтъ. Тутъ время будетъ нашихъ волонтеровъ пустить въ край подымать болгаръ, но не трогать сербовъ, чтобъ не тревожить Австрію.—Сейчасъ получилъ курьера отъ князя Варшавскаго; онъ подтверждаетъ, что императоръ австрійскій и генералы обрадовались нашему переходу и что посему нѣтъ опасеній, чтобы они теперь на насъ обратились. Вообще радость большая какъ въ эрцъ-герцогахъ Альбрехтѣ и Вильгельмѣ, такъ и во всѣхъ военныхъ, что срамъ поднять на насъ оружіе покуда миновался. Дай-то Богъ; теперь-то и къ дѣлу, доколь союзники не опомнятся.

Спасибо, спасибо и спасибо! тебѣ и нашимъ!—Не забудь о наградахъ.

Богъ съ тобой, душевно обнимаю. Искренно тебѣ доброжелательный „Николай“.

Не худо, думаю, укрѣпиться на устьяхъ Дуная, такъ какъ вла-

дѣемъ обоими берегами, чтобъ всякую попытку прорваться въ Дунай, со стороны союзниковъ, можно было сдѣлать тщетною и тѣмъ болѣе быть спокойными за тылъ нашъ и цѣлость мостовъ.

Всеподданнѣйшее письмо кн. М. Д. Горчакова.

Букарестъ.—28-го марта 1854 г.

Всемилостивѣйшій Государь! Изъ препровождаемой военному министру записки, В. И. В. изволите усмотрѣть, что форсированіе Дуная имѣетъ послѣдствія свыше даже нашихъ ожиданій.

Вслѣдствіе сего, продолжаю обращать особенное вниманіе на охраненіе нижняго Дуная и Западной Бессарабіи, на каковой конецъ даны въ распоряженіе генерала Ушакова, кромѣ резервовъ и 7-й дивизіи, тамъ находящихся, еще семь баталіоновъ 2-й бригады 14-й дивизіи. Я сдѣлаю приготовленія для наступательныхъ дѣйствій какъ въ направленіи Силистріи, такъ и противъ Калафата. Если баронъ Мейендорфъ меня увѣдомитъ, что демонстрація на правый берегъ Дуная, выше Видина, могла бы вредить отношеніямъ нашимъ съ Австріею, то нужно будетъ ограничиться одними дѣйствіями на лѣвомъ берегу: они будутъ состоять изъ инженерныхъ работъ; штурма же предпринимать мы не будемъ. — Впрочемъ, князь Варшавскій, котораго я ожидаю 6-го или 7-го апрѣля, по прибытіи своемъ, рѣшитъ что̀ дѣлать, и только въ случаѣ замедленія его пріѣзда я возьму на себя дѣйствовать по обстоятельствамъ.

Не знаю, ошибаюсь ли, но всѣ эти благопріятные виды, кажется, предвѣщаютъ славный исходъ святому предпріятію вашему. Конечно, непріятель, владѣя морями, будетъ имѣть частные успѣхи, коими будетъ хвастать въ газетахъ. Но конецъ увѣнчается въ нашу пользу. Погода у насъ прекрасная; это весьма кстати, особенно для нашихъ задунайскихъ войскъ.

Я осмотрѣлъ прибывшіе два маршевые баталіона 11-й дивизіи и два маршевые дивизіона 5-й легкой кавалерійской. Они доставляютъ полное укомплектованіе полкамъ. Созданіе резервовъ — одна изъ великихъ мѣръ военнаго образованія царствованія В. И. В., вѣнчается полнымъ успѣхомъ.

Въ ту минуту, когда я оканчивалъ это письмо, получилъ увѣдомленіе, что князь Варшавскій прибудетъ въ Фокшаны 31-го марта или 1-го апрѣля.—Это ускоренное прибытіе фельдмаршала весьма кстати, для скорѣйшаго рѣшенія, что̀ предпринять.

Записка кн. М. Д. Горчакова — военному министру.

Букарестъ. — 28-го марта 1854 г.

Послѣдствія форсированія переправъ на нижнемъ Дунаѣ превзошли ожиданія. Не только турки, занимавшіе Бабадагскую область, оставили поспѣшно Карасу, не уничтоживъ даже тамъ моста, и стягиваются, вѣроятно, къ Базарджику и Шумлѣ, но и на верхнемъ Дунаѣ распространился между ними страхъ; отряды, стоявшіе у Рахова, Никополя и Зимнича, которые доселѣ дѣлали довольно сильныя демонстраціи, — занятіемъ ближайшихъ островovъ, — не только прекратили оныя, но даже отвели значительную часть своихъ войскъ, направляя ихъ внизъ по рѣкѣ. Полагаютъ, что они тянутся къ Шумлѣ; у Туртукая изъ нѣкоторыхъ, напредъ сего вооруженныхъ батарей, орудія свезены.—Въ Раховѣ ожидаютъ, что мы форсируемъ тамъ переправу, для вторженія въ Западную Болгарію; наконецъ, изъ Калафата вышло около 8,000 человѣкъ, которые также потянулись внизъ по рѣкѣ. Словомъ, турки ожидаютъ со страхомъ скораго появленія нашего въ Среднюю и Западную Болгарію, и, кажется, намѣрены запереться въ своихъ крѣпостяхъ и въ Шумлѣ, по крайней мѣрѣ, до прибытія европейцевъ. — О сихъ послѣднихъ положительнаго свѣдѣнія еще нѣтъ. Должно однако же полагать, что, на сухомъ пути, они скоро не появятся противъ насъ; тѣмъ, которые высадятся у Варны, на-врядъ-ли до мая можно будетъ предпринять наступленіе сухимъ путемъ, по большимъ затрудненіямъ въ продовольствіи и по недостатку перевозочныхъ средствъ.

Мнѣ кажется, что продолженіе наступательныхъ дѣйствій, съ нашей стороны, должно имѣть весьма выгодное послѣдствіе, а именно то, что европейцы, назначенные для сухопутныхъ дѣйствій, захотятъ ожидать приближенія нашего къ Балканамъ, и значительная часть ихъ войскъ хотя временно остановится въ Румеліи, а это дастъ намъ возможность употребить весну для упроченія положенія нашего въ Средней Болгаріи, а можетъ быть, и для овладѣнія Силистріею.

Дабы совершенно обезпечить себя со стороны нижняго Дуная, я приказалъ ускорить присоединеніе 2-й бригады 14-й пѣхотной дивизіи къ 7-й дивизіи; бригада эта прибудетъ 30-го марта.

Ген.-лейт. Липранди доноситъ, что, отъ постоянно счастливыхъ для насъ стычекъ около Калафата и извѣстія объ успѣхахъ нашихъ на низовьяхъ Дуная, турки въ Калафатѣ упали духомъ; выводъ оттуда 8,000 человѣкъ неминуемо увеличитъ опасенія калафатскаго гарни-

зона и генералъ Липранди полагаетъ, что демонстрація на правый берегъ сей рѣки около устья Тимока, въ совокупности съ дѣйствіемъ съ лѣваго берега, можетъ имѣть весьма важныя послѣдствія.

Имѣя всѣ эти обстоятельства въ виду, я дѣлаю предварительныя распоряженія для дѣйствій наступательныхъ, какъ на лѣвомъ флангѣ нашемъ, противъ Силистріи, такъ и на правомъ, противъ Видина.

Два тираспольскія отдѣленія осадной артиллеріи, направленныя въ Галацъ, могутъ прибыть въ Калафатъ (противъ Силистріи) къ 15-му апрѣля; но я думаю, что намъ должно явиться противъ сей крѣпости, съ войсками и браиловскимъ отдѣленіемъ флотиліи, нѣсколько дней прежде—дабы болѣе воспользоваться страхомъ турокъ и имѣть время приготовить матеріалы для осады.

Полагая, что ген.-фельдмаршалъ прибудетъ въ Букарестъ 7-го апрѣля, это будетъ настоящее время начать дѣло. Мы тогда, вѣроятно, будемъ имѣть къ соображенію и положительнѣйшія свѣдѣнія о дѣйствіяхъ франко-англичанъ. Въ случаѣ замедленія его пріѣзда, я буду дѣйствовать, соображаясь съ обстоятельствами.

Относительно верхняго Дуная, является слѣдующее обстоятельство: баронъ Мейендорфъ увѣдомляетъ меня, что ему было разрѣшено для успокоенія Австріи объявить, что военныя дѣйствія наши не поведутъ русскихъ ни въ Сербію, ни въ прилегающія къ ней области. Весьма вѣроятно, что демонстрація съ нашей стороны на правомъ берегу Дуная, угрожая Калафату съ тылу, въ совокупности съ нѣкоторыми инженерными работами, противъ сего пункта производимыми, выказывая намѣренія вести регулярную осаду, съ цѣлью преимущественно разбить перевозочныя средства у Видина—можетъ при настоящихъ обстоятельствахъ доставить большіе результаты. Подобнаго благопріятнаго случая жаль упустить — но какъ сдѣлать. чтобы не раздражить Австрію?

Переправа у устья Тимока была бы слишкомъ противна помянутымъ обѣщаніямъ барона Мейендорфа; посему я предписываю ген.-лейт. Липранди стараться спустить свои перевозочныя средства ниже, примѣрно къ с. Четати; барона же Мейендорфа я спрашиваю, полагаетъ ли онъ возможнымъ, не возрождая негодованія Австріи, переправить нѣсколько войскъ нашихъ близь устья Тимока, съ тѣмъ, чтобы свернуть оттуда прямо на Видинъ, не касаясь Сербіи; а въ противномъ случаѣ, можно ли, не возрождая подобнаго негодованія, сдѣлать для таковой демонстраціи переправу около Четати.

Дня черезъ три я получу отвѣтъ.—Если онъ увѣдомитъ, что демонстрацію у Четати можно сдѣлать, не раздражая австрійцевъ, то

немедленно приступлю къ дѣйствію; въ противномъ случаѣ, буду ожидать или прiѣзда или появленiя генералъ-фельдмаршала.

Дабы сколь можно болѣе успокоить австрійцевъ, я предполагаю, въ случаѣ исполненія подобной демонстраціи, сдѣлать оную преимущественно русскими войсками и придать имъ только малое число самыхъ надежныхъ охотниковъ изъ болгаръ, съ тѣмъ, чтобы сербовъ за Дунай первое время не посылать, и чтобы переправившіеся волонтеры дѣйствовали въ духѣ, соотвѣтственномъ настоящему положенію дѣлъ, а именно, отнюдь не волновали бы сербовъ, а въ отношеніи къ болгарскому народонаселенію равномѣрно не призывали бы его къ оружію, но внушали только, что прибытіе русскихъ имѣетъ цѣлію избавленіе ихъ отъ неистовствъ турокъ.

Всеподданнѣйшее письмо князя Варшавскаго.

Станція Фалешти.—1-го апрѣля 1854 г.

Всемилостивѣйшій Государь! Сейчасъ получилъ я курьера отъ кн. Горчакова. Онъ доноситъ, что турки очистили даже Карасу и стягиваютъ свои войска отъ верхняго Дуная къ Базарджику и Шумлѣ, какъ думаетъ кн. Горчаковъ.—Поэтому онъ полагаетъ тотчасъ идти къ Силистріи и вмѣстѣ дѣйствовать противу Калафата и Видина, ибо ген.-лейт. Липранди думаетъ, что движеніе сіе можетъ имѣть важныя послѣдствія. — Что касается до движенія на Гирсово къ Силистріи, то это было всегда моимъ мнѣніемъ, если мы имѣемъ къ тому достаточно средствъ, о чемъ я ему сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ, какъ и В. В-ву имѣлъ счастіе писать: какимъ образомъ воспользоваться симъ счастливымъ оборотомъ дѣлъ, я увижу по пріѣздѣ на мѣсто.

Что же касается до предположенія его идти вмѣстѣ на Калафатъ и Видинъ, то здѣсь представляются слѣдующія соображенія: 1-е, изъ послѣдней бумаги Мейендорфа видно, что Австрія не останется тогда хладнокровною и мы рискуемъ обратиться въ то же трудное положеніе, изъ котораго едва выходить начинаемъ; 2-е, сербы остаются доселѣ равнодушны, равно какъ и болгары; да и мы до сихъ поръ не старались возбудить ихъ къ бунту. — Возстанію же грековъ движеніе на Силистрію также будетъ полезно, какъ и движеніе на Видинъ; 3-е, Калафатъ намъ не нуженъ: взятіе же Видина тогда бы было важно для насъ, когда бы мы хотѣли возбудить возстаніе въ Сербіи; 4-е, дѣйствовать же вдругъ на обоихъ флангахъ, на пространствѣ почти 500 верстъ, едва ли возможно; 5-е, для движенія къ Силистріи необходимо собрать какъ можно больше войскъ, ибо и турки стягиваютъ свои войска, ожидая, вѣроятно, прихода французовъ;

усилиться же намъ не иначе можно, какъ, сокративъ свою линію на правомъ флангѣ, отвести отрядъ Липранди и замѣнить имъ 15 баталіоновъ, находящихся въ резервѣ около Букареста, и сіи 15 баталіоновъ употребить также противъ Силистріи. Поэтому я думаю, что прикажу ген.-лейт. Липранди сейчасъ же отступить, ибо не должно забывать, что, заставивъ австрійцевъ объявить намъ войну, они въ 5 или 6 переходовъ могутъ быть въ Яссахъ.

О дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ на лѣвомъ флангѣ не замедлю имѣть счастіе донести В. И. В. по пріѣздѣ на мѣсто. Записку кн. Горчакова осмѣливаюсь при семъ приложить [1]). Въ продолженіе пяти дней здѣсь была сильная буря, а извѣстно, что флоты непріятельскіе вышли въ море. Есть слухи, что непріятель высадилъ въ Кистенджи до 2,000 человѣкъ.

Императоръ Николай—князю Паскевичу.

С.-Петербургъ.—2-го апрѣля 1854 г.

Вчера утромъ я получилъ письмо твое отъ 27-го марта (8-го апрѣля), любезный отецъ командиръ. Весьма желаю, чтобъ при свиданіи твоемъ съ Горчаковымъ оказалось возможнымъ, по твоему убѣжденію, воспользоваться пріобрѣтенными успѣхами и двинуться къ Силистріи. По свѣдѣніямъ изъ Вѣны, подтверждающимъ тѣ, которыя и Горчаковъ доставилъ мнѣ отъ посланнаго агента въ Трансильванію, нѣтъ, кажется, никакихъ особыхъ приготовленій, которыя бы указывали на опасность оттуда нашему правому флангу. Да, притомъ, скоро мы будемъ въ состояніи остановить всякое покушеніе, ибо всѣ войска дошли или доходятъ. Время же дорого—до прибытія союзниковъ. Стоя твердо на устьяхъ Дуная, занимая оба берега, кажется, не вѣроподобно, чтобъ тутъ угрожала намъ опасность. Скорѣе ожидаю, что первая высадка будетъ у Варны, чтобъ помочь Силистріи и подкрѣпить Омеръ-пашу. Не знаю, отведенъ ли Липранди отъ Калафата и турки пошли ли за нимъ; оно, кажется, было бы хорошо, потому что, вѣроятно, былъ бы тогда случай ихъ разбить на лѣвомъ берегу и дорого имъ заплатить за дерзость. Было ли это или нѣтъ, всетаки, оставя для прикрытія Букареста 2¹/₂ дивизіи, т. е., примѣрно, одну 3-го корпуса и бригаду 4-го корпуса, двинуть къ Калараш у, и ежели можно тамъ устроить переправу, соединиться съ Лидерсомъ, приступить къ обложенію Силистріи и выжидать приближенія Омеръ-паши и даже союзниковъ,

---

[1]) См. выше: всеподданнѣйшая записка князя Горчакова отъ 28-го марта 1854 года. Ред.

т. е., вѣроятно, однихъ французовъ, встрѣтить и, съ помощію Божіею, разбить, а потомъ приступить къ осадѣ.

Теперь 4-й корпусъ долженъ быть вполнѣ и надежно укомплектованъ, такъ что въ 8-й, 9-й, 11-й, 12-й и 15-й дивизіяхъ, съ 3-ю, 4-ю и 5-ю легкими дивизіями, считаю не менѣе 96,000 и потому у Силистріи быть можетъ вмѣстѣ до 60,000. Смѣю думать, что, для сей цѣли, этого должно быть достаточно.

Вотъ искренное изложеніе моего взгляда; можетъ быть, и ошибаюсь: рѣшишь же ты, и вѣрно къ лучшему.

Сегодня здѣсь извѣстно сдѣлалось, что въ Лондонѣ министерство отвергнуло, за исключеніемъ одного Абердина, новыя предложенія къ переговорамъ короля прусскаго; того же ожидать нужно и отъ Франціи. Ярость противъ насъ все сильнѣе. Подтверждаютъ, что первое нападеніе будетъ на Аландъ; хотятъ занять и Эзель, а потомъ сюда; жечь какими-то дальними новыми снарядами Кронштадтъ и, одолѣвъ его, не дѣлать высадки, но издали бомбардировать и жечь Петербургъ. Богъ милостивъ, авось отобьемся. Съ Кавказа новаго ничего, ни отъ Меншикова. Скоро Сакенъ будетъ силенъ, и за тылъ твой не буду опасаться. Богъ съ тобой.

Жена тебѣ кланяется, а я душевно обнимаю. На вѣки твой искренно доброжелательный „Николай".

Обними Горчакова. и поклонись всѣмъ нашимъ; напиши мнѣ: доволенъ ли состояніемъ войскъ; поклонись имъ отъ меня и поблагодари за славную службу.

Сейчасъ узналъ по телеграфу, что наши форпосты уже за Черноводами, нигдѣ не встрѣчая турокъ. Сегодня уже узнали мы, что въ Вѣнѣ подписанъ протоколъ, которымъ будто Австрія объявляетъ, что пристанетъ къ союзникамъ. въ случаѣ ежели мы перейдемъ Балканы; до того останется нейтральною при границахъ Сербіи и Баната. Вѣроятно, ты уже подробнѣе про все знаешь, чѣмъ мы, а потому и принялъ свои мѣры.

Утромъ сегодня, въ Кронштадтѣ взорвало лабораторію внѣ крѣпости и убило до 40 человѣкъ; подробностей еще не знаю.

Военный министръ—кн. М. Д. Горчакову [1]).

С.-Петербургъ.—2-го апрѣля 1854 г.

Письмо ваше отъ 24-го марта, дорогой и любезный князь, я получилъ два часа тому назадъ. Государь уже читалъ его и, возвращая мнѣ, сдѣлалъ на немъ слѣдующую отмѣтку: жаль, но я не удивляюсь.

Все, что вы говорите въ этомъ письмѣ, я также нахожу весьма естественнымъ, но долгъ велитъ мнѣ прибавить, что никогда вами столь не дорожили, какъ въ настоящее время, и что если вамъ удастся войти въ соглашеніе съ фельдмаршаломъ, то это будетъ услуга, оказанная государю и отечеству.—Условіе, по которому вы будете занимать должность начальника штаба у князя Варшавскаго, въ случаѣ если онъ будетъ предводительствовать вашими войсками, основано было его величествомъ единственно на соотвѣтственной статьѣ положенія о дѣйствующей арміи, согласно которой, самъ фельдмаршалъ принимаетъ на себя эту должность въ присутствіи императора въ арміи. Разница, конечно, весьма велика, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; но, по крайней мѣрѣ, достовѣрно, что чувство, которое внушило это комбинацію, никогда не было вамъ враждебнымъ. Государь сердечно любитъ васъ. Вы должны были замѣтить это изъ всѣхъ писемъ, которыя вамъ посылаетъ государь, и онъ былъ бы огорченъ, если вы подвергнетесь малѣйшей непріятности изъ-за мѣры, принятой единственно для установленія связи между различными арміями.

Письмо государя императора, которое вы получите одновременно съ этими строками, ознакомитъ васъ съ тѣмъ, что̀ происходитъ въ политическомъ мірѣ [2]). Дѣла весьма запутаны и требуютъ большаго единодушія и энергіи.

Позвольте, дорогой князь, дружески пожать вамъ руку и вѣрьте всей моей дружбѣ. В. Долгоруковъ [3]).

---

[1]) Переводъ съ французскаго.

[2]) См. письмо императора Николая отъ 2-го апрѣля.

[3]) Къ сожалѣнію, въ нашемъ распоряженіи не находится копія съ письма князя Горчакова отъ 24-го марта, о которомъ выше упоминаетъ князь В. А. Долгоруковъ. Но, судя по отвѣту военнаго министра, видно, что князь Горчаковъ выразилъ ему свое неудовольствіе по поводу подчиненія его князю Варшавскому, какъ главнокомандующему всѣми войсками, на западной и южной границахъ расположенными. Повидимому, ожиданіе опять работать и трудиться вмѣстѣ съ свѣтлѣйшимъ не слишкомъ нравилось князю Михаилу Дмитріевичу.

Императоръ Николай—князю М. Д. Горчакову [1]).

С.-Петербургъ.—2-го апрѣля 1854 г.

Благодарю, любезный Горчаковъ, за письмо отъ 22-го марта; благодарю за твой вѣрный взглядъ и за всѣ распоряженія, которыя я вполнѣ одобряю. Что касается до отступленія отъ Калафата, то хотя думаю съ тобой, что турки, быть можетъ, и войдутъ въ Малую Валахію, но не дастъ ли сіе мнимое наше отступленіе давно нами желанный случай, т. е., давъ имъ удалиться отъ Дуная, марша на три или четыре, вдругъ перейти въ наступленіе и, ихъ разбивъ, сильно

Но вдругъ, послѣ отправленія злополучнаго письма отъ 24-го марта, князь Горчаковъ получаетъ милостивое письмо государя отъ 20-го марта, которымъ сопровождалась посылка портрета его величества, независимо отъ всемилостивѣйшаго рескрипта; можно себѣ представить на сколько сожалѣлъ князь, что не воздержался отъ выраженія своего неудовольствія. Чтобы поправить дѣло, князь Горчаковъ, постоянно опасавшійся всякой отвѣтственности передъ государемъ и общественнымъ мнѣніемъ, заключилъ приказъ, отданный по войскамъ 3-го, 4-го и 5-го пѣхотныхъ корпусовъ, отъ 30-го марта (№ 96-й), слѣдующими словами: «святое дѣло великаго царя нашего и Россіи — восторжествуетъ! Залогомъ нашихъ будущихъ успѣховъ—ваша храбрость и ожидаемое къ намъ прибытіе доблестнаго вождя, генералъ-фельдмаршала князя Варшавскаго графа Паскевича-Эриванскаго: ему всегда сопутствовала побѣда».

5-го апрѣля приказъ этотъ былъ посланъ княземъ Горчаковымъ, при письмѣ военному министру; князь Долгоруковъ отвѣчалъ слѣдующимъ образомъ:

L'Empereur a pris connaissance avec beaucoup de plaisir, mon cher Prince de la bonne lettre que vous avez bien voulu m'écrire, en date du 5 de ce mois et de l'ordre du jour y annéxé. Notre auguste Maitre S'est plût à y retrouver l'expression des sentiments élevés, qui vous caracterisent».

«Pour ma part je ne saurais vous trop remercier de tout ce que vous me dites d'obligeant. J'apprécie vivement la cordialité de vos rélations personnelles avec moi et je suis heureux d'avoir contribué, en ce qui dépendait de moi, au but que vous avez si complétement atteint, celui d'entrer en campagne avec une armée brillante sous tous les rapports. Laissez moi espérer que vous continuerez à m'écrire et que vous ne me priverez pas de l'habitude si agréable, que vous m'avez donnée, de recevoir souvent de vos nouvelles».

«J'y compte, mon cher Prince, et je vous prie de ne pas douter non plus de ma plus sincère estime et de toute mon amitié pour vous. B. D.» Ред.

[1]) Въ виду предстоявшаго, въ началѣ апрѣля 1854 года, пріѣзда князя Варшавскаго въ Придунайскія княжества, это было послѣднее письмо императора Николая князю М. Д. Горчакову. Переписка съ государемъ возобновилась только 7-го (19-го) іюня, послѣ контузіи, полученной генералъ-фельдмаршаломъ подъ Силистріею и передачи свѣтлѣйшимъ князю Горчакову командованія всѣми войсками, дѣйствовавшими на Дунаѣ и за ними непосредственно въ резервѣ стоящими. Ред.

преслѣдовать кавалеріею. Впрочемъ, все, что пишу теперь, поздно ибо, вѣроятно, тѣ 10 дней, о которыхъ ты пишешь, протекли, и ты рѣшилъ уже что̀ дѣлать.

Какъ бы хорошо было подступить къ Силистріи, устроивъ новую переправу у Калараша.

Не сомнѣваюсь, что первый французскій десантъ будетъ у Варны, ибо имъ не можетъ быть равнодушно, что мы такъ близки къ Силистріи. Предупредить ихъ прибытіе было бы неоцѣненно, и разбить Омеръ-пашу до ихъ прихода. Одни же, что̀ же они сдѣлаютъ?

Надѣюсь, что ты укрѣпился на устьѣ Дуная такъ, чтобы англичане не могли въ него ворваться; это весьма важно. Теперь же высадки у Бессарабіи или Одессы еще не ожидаю, да и Сакенъ и Ушаковъ, имѣя Шабельскаго за собой, довольно сильны, чтобъ отбиться.

Здѣсь насъ стращаютъ не высадкой покуда, а какими-то новыми снарядами, дальнаго полета и самаго разрушительнаго дѣйствія, которыми, говорятъ, сбираются сперва уничтожить Кронштадтъ, а затѣмъ жечь издали съ моря и самый Петербургъ. Быть можетъ. Но мы, съ помощію Божіею, будемъ готовы на все, и будетъ какъ Его воля есть.

Богъ съ тобой, душевно обнимаю. Твой искренно доброжелательный

„Николай".

Сейчасъ по телеграфу изъ Варшавы получилъ твое донесеніе, что форпосты твои за Черноводами и что турокъ не видать. Между тѣмъ, въ Вѣнѣ заключена какая-то новая конвенція, гдѣ будто Австрія обѣщаетъ присоединиться къ союзникамъ противъ насъ, ежели мы перейдемъ Балканы. Все это еще темно, быть можетъ, что тебѣ уже болѣе извѣстно.

Н.

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ МЕНШИКОВЪ

ВЪ РАЗСКАЗАХЪ

бывшаго его адъютанта Аркадія Александровича Панаева.

III[1]).

1853 — 1854.

Около девяти часовъ утра 8-го сентября 1854 г., союзники выдвинули первую боевую линію изъ-за высоты, такъ, что намъ была видна нѣкоторая глубина ихъ боеваго порядка. Всѣ войска ихъ были развернуты; колоннъ мы не видали, что̀ намъ казалось загадочнымъ: мы понять не могли, какъ можно вести войска въ атаку развернутымъ фронтомъ. Разсуждая между собою, мы положили, что цѣль такого порядка заключалась въ томъ, чтобы, при ударѣ, охватить наши колонны съ фланговъ. Средина непріятельскаго развернутаго баталіона была вдвое глубже, что̀ насъ и укрѣпляло въ этомъ предположеніи. Но вышло не то, что мы ожидали: англо-французы и не думали о нашемъ штыкѣ, да и свои штыки отомкнули, возлагая—и весьма справедливо—всю надежду на огонь. Къ полудню вся непріятельская линія тронулась къ наступленію.

Противъ самаго того мѣста на горѣ, гдѣ былъ нашъ наблюдательный баталіонъ, заблаговременно выдвинулась, версты на три впередъ, напріятельская походная колонна, держась морскаго берега, такъ, чтобы быть подъ прикрытіемъ своихъ пароходовъ... Внезапно она остановилась въ ожиданіи чего-то. Не понимая причины подобной

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1877 г., томъ XVIII, стр. 109—134.

медленности, ибо какъ эта колонна, такъ и вся непріятельская боевая линія болѣе трехъ часовъ недвижно стояли предъ нашими глазами,—князь, имѣя въ виду короткость осенняго дня, послалъ меня сказать Кирьякову, что ежели мы дождемся ночи, а дѣла не будетъ, то чтобы онъ приказалъ тамъ, на горѣ, которой угрожаетъ непріятель,—къ ночи развести костры и придать этому мѣсту видъ новаго бивуака, дабы отклонить непріятеля отъ флангового движенія: при нашей безвыходно растянутой позиціи, оно съ трудомъ могло быть отражено силою. Явясь къ Кирьякову съ этимъ приказаніемъ, я засталъ его за сытнымъ завтракомъ.

— „Вы уже не первый посланный отъ свѣтлѣйшаго, и все объ этомъ лѣвомъ флангѣ! Что онъ безпокоится?" такъ встрѣтилъ меня Кирьяковъ. „Слѣзайте-ка лучше съ коня, да закусите, а мы ихъ угостимъ, какъ куръ перестрѣляемъ; кто на подъемъ вышелъ — тотъ тутъ и легъ... Да не пойдутъ, бестіи; они только дѣлаютъ отводъ. У меня тамъ Раковичъ (подполковникъ, командиръ 2-го баталіона Минскаго полка); онъ все подкрѣпленія проситъ. Куда ему? Тамъ и баталіону-то дѣлать нечего! А вотъ вечеромъ велю развести огни, а нѣтъ—такъ пошлю отсюда команды. Доложите свѣтлѣйшему: не пропустимъ! Я сейчасъ послалъ князю сказать о томъ, что мнѣ Раковичъ доноситъ. Непріятель, видѣте-ли, притащилъ къ берегу моря какой-то огромный ящикъ и положилъ его на самой Алмѣ, со своей стороны, противъ подъема на гору, а самъ ушелъ. Я думаю, въ этомъ ящикѣ—чумные; они насъ поддѣть хотятъ: думаютъ—вотъ такъ мы и побѣжимъ разсматривать... анъ нѣтъ! Я послалъ сказать Раковичу, чтобы онъ къ этому ящику никого отнюдь не посылалъ... Вотъ, возьмите трубу: этотъ каторжный ящикъ видѣнъ отсюда. Однако, надо убрать завтракъ и отправить телѣгу",—заключилъ Кирьяковъ передъ моимъ отъѣздомъ.

Я возвратился къ свѣтлѣйшему, а Кирьяковъ, плотно закусивъ, поѣхалъ по баталіонамъ кричать „ура!"—вовсе не кстати.

Здѣсь къ слову замѣчу, что Алминская наша позиція, для обороны и по подчиненію расположенныхъ въ ней войскъ, ввѣрена была: правый флангъ и центръ генералу отъ инфантеріи князю Петру Дмитріевичу Горчакову [1]), лѣвый флангъ и резервы генералъ-лейтенанту Василію Яковлевичу Кирьякову.

Замедленіе непріятеля, о которомъ я упоминалъ выше, было не безъ причины. Союзники послали особый отрядъ, по самому прибою

[1]) Род. 1789 † 1868 г. Въ послѣдствіи генералъ-губернаторъ Западной Сибири.

моря; видѣть его намъ ни откуда не было возможности—они-же ожидали пока онъ приблизится къ подъему. Тогда тронулась фланговая колонна и вся непріятельская армія. Мы такъ долго ждали рѣшительнаго наступленія непріятеля, что свѣтлѣйшій, предполагая, что бой не состоится, послалъ сказать въ штабный обозъ, что-бы тамъ, гдѣ оный находится (верстахъ въ двухъ, на горѣ), разбили ему палатку и варили обѣдъ,—что̀ и было исполнено.

Здѣсь считаю умѣстнымъ разсказать о событіи, по существу своему маловажномъ, но въ свое время возбудившемъ много шуму и нелѣпѣйшихъ толковъ.

Во время нахожденія нашей главной квартиры на Алминской позиціи, было сдѣлано распоряженіе, для срочна́го сообщенія съ Севастополемъ—объ отправкѣ каждый вечеръ съ позиціи, въ сопровожденіи жандарма, крытаго татарскаго фургона, запряженаго четверкою, который обыкновенно возвращался на другой день, утромъ. Такъ точно и 7-го сентября вечеромъ, фургонъ съ писаремъ князя Меншикова, Яковлевымъ, былъ, по обыкновенію, отправленъ въ Севастополь. Этотъ Яковлевъ обладалъ дарованіемъ, свойственнымъ большинству нашихъ полковыхъ писарей, а именно: умѣлъ переписывать бумаги совершенно машинально, не понимая ихъ содержанія. По этому, Яковлевъ, въ канцеляріи свѣтлѣйшаго, употреблялся обыкновенно для переписки секретныхъ бумагъ. Утромъ 8-го сентября, какъ разъ во время дѣла, Яковлевъ со своимъ фургономъ, по переѣздѣ рѣки Качи, какимъ-то образомъ наткнулся на непріятельскій разъѣздъ. Жандармъ, сопутствовавшій Яковлеву, выстрѣлилъ въ нападающихъ, самъ былъ раненъ—и, вмѣстѣ съ фургономъ и писаремъ, попалъ въ плѣнъ. Къ счастію, въ перепискѣ, которую везли въ захваченномъ фургонѣ, не было ничего такого важнаго, чѣмъ бы непріятели могли воспользоваться. Опрашивая писаря, они, благодаря непонятливости переводчика, переименовали писаря въ секретари князя Меншикова, срочную переписку—въ депеши, а самый фургонъ—въ карету свѣтлѣйшаго.

Не придавая этой потерѣ особенно важнаго значенія, мы, въ теченіе нѣсколькихъ дней, совершенно о ней позабыли; но иностранныя газеты вскорѣ протрубили, будто-бы союзныя войска завладѣли важными трофеями: секретаремъ князя Меншикова и его экипажемъ со всѣми важными бумагами. Мы и не подозрѣвали отчего сыръ-боръ горитъ, когда въ Петербургѣ поднялась тревога по поводу этихъ газетныхъ выдумокъ! Императоръ въ безпокойствѣ писалъ свѣтлѣйшему, спрашивая разъясненія этого обстоятельства... Весьма многіе и въ Москвѣ и въ Петербургѣ видѣли въ захватѣ фургона и писаря воен-

ную хитрость князя Меншикова: „въ перепискѣ-де нарочно положены были превратно составленные планы расположенія войскъ и въ такомъ-же родѣ составленныя предписанія“ и т. д. Другіе обвиняли князя въ оплошности....

Поставщикомъ фургоновъ при нашей главной квартирѣ былъ татаринъ Темиръ-Хая. Матеріальнаго вознагражденія за свой утраченный фургонъ онъ никогда не искалъ; за преданность-же, безкорыстіе и усердіе къ интересамъ царской службы, былъ въ послѣдствіи награжденъ государемъ, по личному ходатайству свѣтлѣйшаго, серебряною медалью съ надписью: „за усердіе“, для ношенія на шеѣ на станиславской лентѣ.

Возвращаюсь къ дальнѣйшему разсказу о тяжеломъ днѣ 8-го сентября.

Свѣтлѣйшій, наканунѣ разстроенный Кирьяковымъ, не надѣясь на аванпосты, съ 7-го на 8-е число провелъ безсонную ночь, наблюдая, съ горы, за огнями непріятеля. Это его до крайности утомило; онъ смотрѣлъ въ трубу, лежа на буркѣ, и сказалъ:

— „Не кстати нездоровится!...“

Вдругъ, вижу, бросилъ трубу, спросилъ лошадь и поскакалъ по направленію къ лѣвому флангу, проворчавъ какъ бы про себя: „посмотрѣть, что̀ тамъ надѣлалъ Кирьяковъ!“

Послѣ вчерашней продѣлки Кирьякова, свѣтлѣйшій уже сомнѣвался въ немъ и лишь только что замѣтилъ не фальшивое движеніе непріятеля на лѣвый флангъ, какъ поспѣшилъ туда. За нимъ слѣдовали, кромѣ меня: Кишинскій, Сколковъ, Веригинъ, Грейгъ, Жолобовъ, Вуншъ, Комовскій, Гротъ, Томиловичъ, князь Владиміръ Александровичъ Меншиковъ, нѣсколько казачьихъ юнкеровъ (Хомутовъ въ ихъ числѣ), человѣкъ 17 казаковъ, Балаклавскій грекъ и 4 крымскихъ татарина, а сзади всѣхъ казаки, съ заводными нашими лошадьми.

У лѣваго фланга войскъ, помѣщенныхъ въ центрѣ, Кирьяковъ встрѣтилъ князя и поѣхалъ за нимъ. У того мѣста, гдѣ Алма пробирается возлѣ очень крутыхъ, почти непроходимыхъ береговъ, свѣтлѣйшій указалъ Кирьякову на важность отлогостей, находившихся въ смежности съ обрывами: Кирьяковъ, съ самодовольнымъ видомъ указалъ на подъемы, занятые ротами Московскаго полка, сказавъ съ особеннымъ выраженіемъ:

— Залегли, залегли!

Однако князь замѣтилъ ему, что они вовсе неудачно были размѣщены и на̀-скоро приказалъ перевести ихъ, прибавивъ, что у Кирьякова ничѣмъ не предупреждаются подъемы, есть мертвыя про-

странства—почему, приказавъ спустить баталіонъ, указалъ оному занять крайніе къ сторонѣ моря виноградники на лѣвомъ берегу Алмы; части разбросать по подошвѣ въ закрытыхъ мѣстахъ. За симъ, поднявшись на площадку горы, спросилъ у Кирьякова—„что̀ у него у подъема“?

— Раковичъ! отвѣчалъ тотъ съ увѣренностію.

Тутъ уже свѣтлѣйшій ничего не сказалъ, но, какъ стрѣла, поскакалъ къ подъему. Еще не было видно 2-го баталіона Минскаго полка (Раковича), какъ послышался батальный огонь и князь поручилъ Виктору Михаиловичу Веригину привести къ баталіону Раковича остальные три баталіона Минскаго полка. Проѣзжая далѣе, свѣтлѣйшій послалъ еще и меня за самымъ ближайшимъ баталіономъ, который мнѣ попадется. Я скоро нашелъ баталіонъ Московскаго полка, бывшій въ резервѣ; при немъ оказался и полковой командиръ, генералъ Куртьяновъ. Сообщивъ ему приказаніе князя, я просилъ спѣшить. Баталіонъ тронулся, а командиръ полка, пѣшкомъ, едва пошевеливался. Я поскакалъ обратно къ свѣтлѣйшему, но, оглянувшись, замѣтилъ, что колонна топчется, неся на брюхѣ своего генерала. Я не утерпѣлъ, воротился и просилъ Куртьянова не задерживать людей своей мѣшкотной походкой, замѣтивъ при этомъ, что впереди его есть уже баталіонъ Минскаго полка въ ротныхъ колоннахъ и чтобы онъ, подходя, также перестроился, занявъ мѣста за Минцами. Послѣ того я поскакалъ, крикнувъ людямъ, что бы они не мѣшкали, иначе Минцы успѣютъ отбить нападеніе и безъ нихъ.... Вдругъ, сзади себя слышу сигналъ: „застрѣльщики впередъ“. Это меня взбѣсило. Вторично повертываю лошадь и вижу, что генералъ опять торчитъ во фронтѣ, прикрываясь густой цѣпью стрѣлковъ. Что бы не терять времени, кричу ему издали:

— Что̀ вы дѣлаете?! Во второй линіи вызываете застрѣльщиковъ?... Уберите ихъ!

Куртьяновъ, вмѣсто того, приказалъ трубить: „резервъ разсыпься“.

Тутъ ужъ я налетѣлъ и, безъ церемоніи, разогнавъ застрѣльщиковъ, повелъ баталіонъ самъ: при себѣ велѣлъ баталіонному командиру разбить баталіонъ на ротныя колонны и, указавъ ему соотвѣтствующія роты Минцевъ, присоединился къ свѣтлѣйшему, который, отдѣлясь отъ свиты, стоялъ одинъ на курганѣ, впереди отряда. Пользуясь этимъ и моимъ отсутствіемъ, казаки начали, одинъ за другимъ, по маленьку исчезать, да такъ, что когда я подъѣхалъ доложить князю о прибытіи баталіона во вторую линію, то въ свитѣ его остался только одинъ казакъ, Кузьма Кудрявцевъ, именно тотъ, которому я заранѣе навѣсилъ на шею сумку съ картами и тѣмъ, какъ бы силою,

привязалъ его къ мѣсту. Кромѣ этого казака, были тутъ еще урядникъ Чеботаревъ, грекъ Георгій Панаго и юнкеръ Хаперскій.

Наступленіе наше только что тронулось, какъ первое непріятельское ядро, направленное на курганъ, просвистало надъ головой свѣтлѣйшаго. Затѣмъ огонь усилился: открылась канонада и съ суши и съ моря; а пуще всего—французскіе штуцера стали донимать насъ немилосердно.

Батальный огонь, заслышанный нами до подъема на гору, былъ нашъ; князь, подскакавъ къ баталіону, приказалъ прекратить пальбу: пули не досягали. Затѣмъ, подведя баталіонъ ближе, свѣтлѣйшій положилъ его за бугры въ ожиданіи резерва.

Любопытно, какимъ образомъ Раковичъ очутился такъ далеко отъ подъема, по которому теперь, не видя препятствій, непріятель поднимался, доходя быстро и плотно. Случилось это вотъ почему: Раковичъ, находясь въ наблюдательномъ положеніи и замѣтивъ намѣренія непріятеля, рано утромъ послалъ сказать Кирьякову, что ежели онъ, въ случаѣ натиска, расчитываетъ на одинъ его баталіонъ, то ошибется, потому что онъ, Раковичъ, сознаетъ себя слабымъ и проситъ прислать еще баталіонъ и хоть два орудія. Кирьяковъ отвѣчалъ Раковичу, что онъ и своими штыками сброситъ врага съ кручи. Этимъ Раковичъ не успокоился; опять прислалъ серьезно просить о помощи, прибавивъ, что тутъ не худо было бы имѣть весь Минскій полкъ и цѣлую батарею. Кирьяковъ не далъ никакого отвѣта. Тогда Раковичъ въ третій разъ послалъ ему сказать, что ежели онъ не подкрѣпитъ его надлежащимъ образомъ, то онъ ограничится однимъ наблюденіемъ, и, при появленіи непріятеля, присоединится къ общей боевой линіи. Кирьяковъ отвѣчалъ, на этотъ разъ, что вслѣдъ за посланнымъ отправляетъ къ Раковичу тȯ, чего онъ требуетъ; однако отправкою и не думалъ распорядиться, а Раковичъ, напрасно ожидая подкрѣпленія, началъ, наконецъ, принимать свои предосторожности. Къ самому моменту появленія французовъ на горѣ, баталіонъ былъ уже на такомъ разстояніи отъ непріятеля, что едва могъ, въ отдаленіи, разглядѣть его.... Но не утерпѣлъ и началъ бойко палить, да такъ и каталъ до пріѣзда князя.

Кирьяковъ, замѣтивъ, что дѣло не ладно—удралъ!... я его встрѣтилъ, ведя баталіонъ Московскаго полка, одного въ полѣ, ѣдущаго шагомъ. Узнавъ меня, онъ сконфузился и сказалъ:

— „Ѣду отыскивать Минскій полкъ... Онъ долженъ быть—тамъ“ и Кирьяковъ указалъ въ неопредѣленное пространство.

Я удивился и сказалъ ему: поспѣшите, ваше превосходительство!

Наши наступали. Они шли, выбирая мѣста, прикрываясь гдѣ было

возможно небольшими отлогостями. Въ это время прискакала казачья батарея и помѣстилась между ротами. Несообразительные ротные командиры, толкаясь изъ стороны въ сторону, никакъ не могли съ должной скоростью открыть мѣсто артиллеріи; особенно памятенъ мнѣ одинъ офицеръ, старый полякъ: сидитъ во фронтѣ и не даетъ ротѣ двигаться... я былъ вынужденъ прогнать его за фронтъ. Онъ послѣ прикинулся контуженнымъ въ ногу, скрылся—и, какъ говорилъ мнѣ Раковичъ, во фронтъ болѣе не показывался. Когда батарея открыла огонь, князь поѣхалъ шагомъ, за фронтомъ первой линіи, къ ея лѣвому флангу. Дорогой, наблюдая за направленіемъ артиллерійскаго огня, свѣтлѣйшій замѣтилъ, что французы сильно обстрѣливаютъ отлогую балку, тянущуюся отъ нашего лѣваго къ ихъ правому флангу; мы, въ ту минуту, въ нее спускались. Подозвавъ Жолобова, князь, на ходу, отдалъ ему приказаніе привести два дивизіона гусаръ, направить ихъ противъ праваго фланга французовъ и при себѣ сбить ихъ батарею съ позиціи. Не успѣлъ Жолобовъ на полъ-лошади выѣхать впередъ отъ князя, какъ ядро, пронизавъ ее, вырвало Жолобову поджилки правой ноги и контузило лѣвую. Лошадь упала на лѣвый бокъ и не дохнула; Жолобовъ, невѣдомо какъ, очутился на землѣ сидя, возлѣ сѣдла. Всѣ проѣхали мимо. Я оглянулся на урядника и на грека; мы трое слѣзли.... Лошадей отдать некому. Я подскочилъ къ Жолобову, не замѣчая его раны, хотѣлъ предложить ему лошадь грека, но когда сталъ его поднимать, онъ показалъ мнѣ ногу, говоря:

— Кажется, у меня тутъ что-то вырвало....

Я посмотрѣлъ, но, кромѣ изорваннаго бѣлья и рейтузъ, ничего не успѣлъ разглядѣть. Надо было поторопиться оттащить его изъ-подъ ядеръ, которыя то и дѣло сновали въ этомъ мѣстѣ. Насилу удалось намъ поймать ѣхавшаго мимо насъ казака: ему отдали мы лошадей, побудивъ его къ тому крѣпкимъ словцомъ. Урядникъ замѣтилъ мнѣ на это:

— Полно, ваше благородіе! того гляди срѣжетъ и помрете съ сквернымъ словомъ на языкѣ...

Слова эти показались мнѣ весьма убѣдительными; поукротивъ свое краснорѣчіе, я сталъ помогать Жолобову. Мы потащили его, я за плечи... въ нѣсколькихъ шагахъ отъ раненаго я поднялъ большой обрывокъ отъ сбруи его лошади, на случай надобности подвязать его ногу. Вынеся Жолобова съ большимъ трудомъ изъ балки, мы положили его за бугоръ. Во все время переноски страдалецъ ни вздохомъ не выразилъ боли, но все просилъ меня передать его послѣднюю просьбу свѣтлѣйшему, чтобы онъ по возможности берегъ себя.

— Онъ могъ бы,—говорилъ Жолобовъ,—какъ нибудь выбирать мѣста побезопаснѣе, откуда, все равно, можно видѣть и распоряжаться.

Я обѣщалъ Жолобову; хотѣлъ уже ѣхать догонять князя, весьма за него безпокоясь, такъ какъ свита его значительно уменьшилась,— но Жолобовъ попросилъ взглянуть на его рану и распорядиться перевязкою. Увидѣвъ рану, я ужаснулся и, въ то-же время, подивился терпѣнію раненаго: она казалась какъ бы обожженною, крови не шло; Жолобовъ даже не измѣнялся въ голосѣ.

Завидѣвъ вдалекѣ фуру, я послалъ за ней грека, но онъ не понялъ меня и понесся въ большой обозъ. Боясь потерять также и урядника, я поскакалъ къ фурѣ самъ, привелъ, уложилъ въ нее Жолобова, при чемъ онъ самъ укладывалъ свою раненую ногу, обертывая ее полой своей шинели солдатскаго сукна. Потомъ онъ самъ объяснилъ какой дорогой его везти; фура тронулась, сопровождаемая урядникомъ, а я поскакалъ догонять князя. При разставаніи моемъ съ Жолобовымъ, онъ, благодаря меня, не забылъ и о распоряженіи свѣтлѣйшаго касательно кавалеріи: раненый говорилъ, что еслибы я оставилъ его тутъ, то онъ былъ бы раздавленъ конницей, которая изъ резерва должна была проскакать самымъ этимъ мѣстомъ.

Такъ какъ свѣтлѣйшій ѣхалъ шагомъ, то мнѣ удалось довольно скоро его настигнуть. Онъ остановился на лѣвомъ флангѣ подъ страшнымъ огнемъ,—подлѣ него стояли казакъ съ сумкой, Александръ Дмитріевичъ Комовскій и Гротъ [1]),—и наблюдалъ за французской батареей, ожидая какое дѣйствіе произведетъ на нее появленіе нашихъ гусаровъ, за которыми, вмѣсто Жолобова, посланъ былъ Грейгъ. Замѣтивъ, что французская батарея снимается, князь прежнимъ путемъ направился къ правому флангу отряда. Здѣсь къ свѣтлѣйшему подскакалъ гусарскій офицеръ, съ донесеніемъ, что лишь только гусары показались во флангѣ французовъ, какъ ихъ батарея снялась.

— „Я это видѣлъ, что она снялась,—отвѣчалъ свѣтлѣйшій,—повторяйте же атаки, не давайте имъ покоя!"...

— Слушаюсь,—отвѣчалъ офицеръ и ускакалъ.

Но гусары и не думали дѣлать ни одной атаки: не смотря на то, что батарея снялась, гусары, изъ опасенія выказать себя непріятельскимъ пароходамъ, укрылись за бугромъ, гдѣ и простояли все время... французская же батарея, не видя опасности, заняла прежнюю свою позицію, и снова начала обстрѣливать балку. Между тѣмъ, подошелъ Минскій полкъ, подъѣхали еще двѣ батареи и „жарили"

[1]) Достойно замѣчанія, что эти оба храбреца были чиновники гражданской службы и по доброй охотѣ сопутствовали князю. А. П.

преисправно; казачья батарея, потерпѣвшая отъ огня, снялась и стала за бугромъ оправляться.

Слѣдуя по линіи за свѣтлѣйшимъ, я просилъ его, не отъ себя, но отъ имени Жолобова, быть осторожнѣе; указывалъ на мѣста, удобнѣйшія для проѣзда... но князь какъ-бы не слыхалъ моихъ увѣщаній: безопасныя мѣста проѣзжалъ рысью, а гдѣ особенно была сильна пальба—тамъ ѣхалъ шагомъ, спокойно наблюдая за тѣмъ, какъ ложились снаряды. Въ Жолобовской балкѣ свѣтлѣйшій остановился, соображая: какимъ родомъ французы опять стали ее обстрѣливать? что-же гусары? [1]). Никому въ голову не могло прійти, что-бы гусары или вѣрнѣе, сказать, ихъ командиръ могли сдѣлать такую гадость.

Проѣзжая далѣе, свѣтлѣйшій останавливался за каждымъ нашимъ орудіемъ, повѣряя его направленіе, подвергаясь штуцерному огню и другимъ снарядамъ, направленнымъ исключительно на батареи. Доѣхавъ до праваго фланга отряда, князь, наблюдая съ кургана за ходомъ дѣла, убѣдился, что оно идетъ на ладъ: наши подаются впередъ, артиллерія дѣйствуетъ славно, французы замѣтно въ нерѣшимости; ряды ихъ рѣдѣютъ, такъ что мы, приблизясь еще немного, можемъ ударить и въ штыки. Тогда свѣтлѣйшій потребовалъ Кирьякова съ тѣмъ, чтобы, отдавъ ему окончательное приказаніе, самому поспѣшить по линіи уже загорѣвшагося общаго боя на позиціи... но Кирьякова нигдѣ не оказалось. Ожидая напрасно его прибытія, свѣтлѣйшій, обратясь къ намъ, замѣтилъ, что ему необходимо наблюдать за общимъ ходомъ сраженія, а между тѣмъ онъ не видитъ ни одного генерала, которому могъ-бы поручить „покончить дѣло“. Тогда я доложилъ, что видѣлъ Кирьякова въ полѣ отыскивающаго Минскій полкъ, откуда его превосходительство еще не возвращался; что здѣсь есть одинъ только генералъ, Куртьяновъ, который стоитъ возлѣ баталіона своего полка. Князь, подозвавъ его, сказалъ:

— „Генералъ, я ѣду по линіи общаго боя къ правому флангу позиціи. Не вижу Кирьякова, чтобы оставить на него лѣвый флангъ: примите же вы начальство здѣсь и, продолжая наступленіе, выберите удобный моментъ для дружнаго удара въ штыки... Дѣло здѣсь идетъ такъ хорошо, что моментъ этотъ долженъ наступить скоро“.

Куртьяновъ отвѣчалъ обычнымъ: „слушаю-съ“, а князь поскакалъ къ правому флангу. Лошади наши стали уставать; не мѣшало-бы перемѣнить ихъ, но я не зналъ, гдѣ были заводныя. Принимая въ соображеніе, что казаки очень осторожны, я боялся, не выбрали-ли они

---

[1]) Двумя этими дивизіонами Веймарскихъ гусаръ командовалъ полковникъ Войниловичъ. А. П.

такого безопаснаго мѣста, что ихъ и отыскать нельзя будетъ до окончанія дѣла.

IV.

Мы ѣхали по надъ-горой. Крутые ея подъемы были частію заняты зуавами и ихъ штуцерныя пули пропускали насъ какъ сквозь строй... Одна изъ нихъ сорвала щиколотку у „Кабардинца“ (лошади князя); Кабардинецъ присѣлъ на заднія ноги, однако, оправился и продолжалъ идти шагомъ, не хромая. Вслѣдъ затѣмъ мы подъѣхали къ двумъ баталіонамъ Московскаго полка. Одинъ изъ нихъ, влѣво отъ насъ, лежалъ на самомъ спускѣ горы, на выдавшемся мысѣ, стрѣлялъ и былъ на-готовѣ предупредить подъемъ непріятеля. Другой баталіонъ стоялъ за первымъ въ резервѣ, занимая небольшую лощину. Немного не доѣзжая до нихъ, я замѣтилъ цѣпь зуавовъ, человѣкъ изъ двадцати, подымавшихся по крутизнамъ и стрѣлявшихъ вверхъ: судя по направленію, котораго они держались, я понялъ, что, поднявшись вверхъ, зуавы, совершенно неожиданно для себя, очутятся сзади лежащаго баталіона Московскаго полка и противу лѣваго фланга баталіона, находящагося въ резервѣ. Я улыбнулся при мысли о томъ, какъ не по вкусу придется зуавамъ эта не совсѣмъ пріятная для нихъ встрѣча; но зная вмѣстѣ съ тѣмъ, что эта нечаянность можетъ всполошить и нашихъ, когда они въ тылу у себя завидятъ удальцовъ въ красныхъ шароварахъ, я подъѣхалъ къ командиру бывшаго въ резервѣ баталіона и, указывая на то мѣсто, на которое взбирались зуавы, сказалъ ему, чтобы онъ со своей стороны принялъ мѣры, дабы французы внезапнымъ своимъ появленіемъ не переконфузили нашихъ. При этомъ я предложилъ ему послать роту, которая, залегши за верхней точкой подъема, могла бы захватить сорванцовъ, попавшихъ какъ куръ во щи. Баталіонный командиръ выразилъ живѣйшую готовность „обработать“ зуавовъ; я, чтобы побудить его къ исполненію, спросилъ нумеръ баталіона и имя его командира, полагая въ томъ для послѣдняго побудительную мѣру. Баталіонъ былъ, кажется, второй; имени командира теперь не припомню.

Въ послѣдствіи Раковичъ сообщилъ мнѣ разсказъ командира Минскаго полка Приходкина, служащій дополненіемъ предъидущему. Отступая съ лѣваго фланга нашей позиціи, Приходкинъ былъ удивленъ бѣгствомъ баталіона Московскаго полка. Солдаты его, улепетывая въ безпорядкѣ куда глаза глядятъ, наткнулись на Минцевъ и не только не остановились, увидя своихъ, но съ усиліемъ стали пробиваться сквозь ряды ихъ. Приходкинъ, взбѣшенный дерзостью

Московцевъ, приказалъ своимъ выбить ихъ прикладами. Въ это самое время наскакалъ на него удиравшій во всѣ лопатки штабъ-офицеръ бѣжавшаго баталіона: пригнувшись на сѣдлѣ, онъ несся во весь духъ, безъ оглядки!

Приходкинъ, безъ вниманія къ штабъ-офицерскому чину наѣздника, схватилъ его за шиворотъ и отлущилъ его полоской своей полусабли. Ординарецъ Приходкина, молодой офицеръ, полагая, что его полковникъ ошибается въ личности того, кого такъ усердно угощаетъ фухтелями, сказалъ ему съ безпокойствомъ:

— Полковникъ, вѣдь это маіоръ!!

— А сойдетъ за горниста! отвѣчалъ Приходкинъ, выпуская наконецъ свою жертву и крикнувъ маіору въ слѣдъ: „пошелъ! догоняй своихъ бѣглецовъ, да приведи ихъ въ порядокъ, бездѣльникъ!“

Продолжая нашъ путь со свѣтлѣйшимъ, мы встрѣтили Волынцевъ, расположенныхъ въ резервномъ порядкѣ. Князь сказалъ имъ привѣтствіе, получивъ въ отвѣтъ удалые возгласы. Далѣе, за Волынцами, на самомъ обрывѣ горы, стояла батарейная батарея. Снятая съ передковъ, она палила по французскимъ стрѣлкамъ, бо́льшая часть которыхъ была въ мертвомъ пространствѣ. Замѣтивъ безполезное, глупое назначеніе батареи, свѣтлѣйшій спросилъ — кто ее тутъ поставилъ? отвѣтъ былъ: „Кирьяковъ“. Тогда же встрѣтилась намъ на пути еще казачья батарейная батарея, которая, именемъ Кирьякова, шла, сама не зная куда, и искала этого генерала. Нѣкоторые отозвались, что онъ скоро долженъ попасться намъ—и, въ самомъ дѣлѣ, проѣхавъ нѣсколько, мы увидѣли Кирьякова на дорогѣ, пѣшкомъ; подлѣ него лошадь и ординарецъ-офицеръ. Такое странное мѣстонахожденіе командующаго половиной боевой линіи, въ самый разгаръ дѣла, всѣхъ насъ крайне удивило. Подъѣхавъ къ нему, свѣтлѣйшій сказалъ:

— „Генералъ, гдѣ я васъ вижу?! Вы такъ далеко отъ вашего мѣста... я искалъ васъ, чтобы поручить вамъ кончить на лѣвомъ флангѣ, но васъ не оказалось. Я оставилъ тамъ генерала, котораго совсѣмъ не знаю, онъ какъ-то и не весело смотритъ... поѣзжайте поскорѣе туда: атакуйте, преслѣдуйте французовъ; а мнѣ надо видѣть поближе, что̀ дѣлается у князя Горчакова“.

— Ахъ, ваша свѣтлость, — отвѣчалъ сконфуженный Кирьяковъ, — я былъ здѣсь... тутъ такое происходило, что у меня убили лошадь!.. вотъ она!..

Я дѣйствительно узналъ убитую лошадь генерала, распростертую на землѣ, саженяхъ во ста отъ насъ.

— „Но подлѣ васъ другая!—возразилъ свѣтлѣйшій, — садитесь и скорѣе поѣзжайте въ свое мѣсто“.

Въ послѣдствіи оказалось, что Кирьякова никто и не видѣлъ тамъ, куда его посылалъ князь. Ѣдучи далѣе, узнавъ отъ встрѣчнаго казака, что наши заводныя лошади въ обозѣ, обозъ—возлѣ, я предложилъ его свѣтлости пересѣсть на свѣжую лошадь, такъ какъ раненый „Кабардинецъ" крѣпко изнурился. Подъѣхавъ къ обозу, который оказался почти на пути нашемъ, свѣтлѣйшій очень удивился, найдя его подъ непріятельскимъ огнемъ. Около обоза лопались бомбы, долетавшія съ моря и жужжали штуцерныя пули: одна изъ нихъ при нашихъ глазахъ на вылетъ пронзила конвойнаго изъ пограничной стражи.

Причиною задержки обоза на этомъ мѣстѣ былъ пріѣздъ верхомъ флигель-адъютанта, Ивана Григорьевича Сколкова, съ раздробленной правой рукой. Ему тутъ-же на лугу докторъ Таубе дѣлалъ ампутацію; помню съ какимъ геройскимъ терпѣніемъ переносилъ Сколковъ жестокую боль: ни стона, ни вздоха. Будучи раненъ, Иванъ Григорьевичъ спокойно поручилъ другому передать приказаніе, которое везъ; встрѣтивъ меня, попросилъ уладить ему поводья и уложить больную руку на здоровую, и поѣхалъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Пересѣвъ на другую лошадь и выпивъ стаканъ воды съ виномъ, князь приказалъ обозу отъѣзжать далѣе, назадъ, а самъ понесся напрямикъ, къ центру дѣла. Его настигъ саперный офицеръ Дьяченко съ донесеніемъ, что подпиленный имъ мостъ чрезъ Алму рухнулъ подъ переправлявшимися англичанами; многихъ перебило и передавило; озадаченные непріятели по обломкамъ моста упрямо лѣзутъ, не замѣчая брода, и такъ много теряютъ отъ нашего артиллерійскаго огня, что рѣка въ томъ мѣстѣ загружена трупами.

Спустившись съ горы около Севастопольской дороги, мы увидѣли вправо отъ нея, вышедшую изъ боя, оправлявшуюся батарею и морской баталіонъ, который, отъ навѣсно-долетавшихъ штуцерныхъ пуль, не могъ даже укрыться за высотой, выбранной для его прикрытія. По подгорью валялись убитые, ползали раненые; все направленіе усѣяно было ретировавшимися по одиночкѣ егерями Казанскаго полка: между ними были раненые, оцарапнутые, относящіе и провожающіе раненыхъ.. вообще—картина плачевная! Все это тянулось отъ мѣста жаркаго батальнаго огня. Свѣтлѣйшій направилъ своего коня на ту высоту, которая лежала справа отъ страшной свалки. Тутъ я замѣтилъ ясно, что второй и третьей линій нашего боеваго расположенія не оставалось и слѣдовъ: пространство отъ мѣста боя до горы было пусто... И куда все подѣвалось? спросить было не съ кого. Высота, на которую мы съ княземъ вскочили, была, передъ боемъ, мѣстомъ ставки свѣтлѣйшаго... Теперь штуцерныя пули тутъ, просто, одолѣвали. Надобно полагать, что англичане, не теряя времени, изъ заднихъ ря-

довъ палили вверхъ. Здѣсь наши четыре легкія орудія, лишь только подъѣхалъ князь, невѣдомо зачѣмъ снялись съ позиціи. Свѣтлѣйшій спросилъ офицера: кто ему велѣлъ сниматься? Тотъ отвѣчалъ что-то неудовлетворительное и заключилъ командою: „съ передковъ!" Въ прикрытіи у орудій, если не ошибаюсь, было что-то около баталіона; не помню только—какого полка.

Взглянувъ съ горы на мѣсто жаркаго боя, я увидѣлъ, что враги почти въ упоръ другъ другу палятъ самымъ частымъ батальнымъ огнемъ. Легко можетъ быть, что къ намъ, на гору, достигали пули отъ непріятелей, которые стрѣляли—лишь бы только выпалить куда ни попало и чѣмъ чаще, тѣмъ лучше... Поэтому у нихъ пули вылетали ранѣе нежели они успѣвали приложиться—и, разумѣется, летѣли вверхъ. Нашихъ видна была только горсть солдатъ Владимірскаго полка: стрѣляя, она, однако, еще подавалась впередъ; но непріятель, переправясь большими массами, напиралъ густо, донимая нашихъ штуцернымъ огнемъ.

Прежде мы все надѣялись на штыки; теперь увидѣли, что огонь англичанъ рѣшительно не допускалъ до удара. Наши брали на руку нѣсколько разъ... но перебѣжать пространство, насъ раздѣлявшее, какъ оно ни было мало, не удалось. Лишь наши умолкнутъ, бросятся въ штыки, непріятель отступитъ и удвоитъ огонь; тогда Владимірцы спѣшатъ опять открыть огонь, и опять!... Владимірцы сдѣлали больше чѣмъ могли, но удержать напоръ непріятеля нельзя было и думать. Ежели бы даже нашимъ удалось оттѣснить передовыхъ — и то было бы безполезно, потому что храбрыхъ Владимірцевъ поддержать было некому: нашихъ заднихъ линій уже не существовало; онѣ, какъ я уже сказалъ, исчезли, а у англичанъ сзади была туча несмѣтная. Чтобы доискаться—куда исчезли съ позиціи войска и, по возможности, найти средство поддержать Владимірцевъ, свѣтлѣйшій, спускаясь съ горы, послалъ приказаніе Бородинскому полку, который былъ видѣнъ въ полу-горѣ, по правую сторону Севастопольской дороги. Въ это время мы замѣтили, что снаряды стали ложиться со стороны нашего резерва и штуцерныя пули засновали оттуда же... Вунша контузили въ животъ; затѣмъ у В. М. Веригина ранили лошадь.

Первой нашей мыслію было—не свои ли насъ потчуютъ? Взглянувъ вверхъ, мы увидѣли, что противу насъ, по горѣ, разсыпаны стрѣлки Бородинскаго полка; лѣвѣе ихъ, за оврагами и гораздо выше—батарея, оказавшаяся потомъ непріятельскою. Спустясь къ самой подошвѣ горы, около того мѣста, гдѣ стоялъ морской баталіонъ, князь пріостановился; я же, соскочивъ съ лошади, хотѣлъ разсмотрѣть, что̀ это была за батарея. Едва я раздвинулъ трубу, какъ свѣтлѣйшій тро-

нулся на встрѣчу направленнаго на насъ огня и я поспѣшилъ прекратить обсервацію, опасаясь потерять изъ виду начальника. Подъѣхавъ къ Бородинскому полку, его свѣтлость замѣтилъ командиру, что его стрѣлки палятъ по своимъ; но полковникъ Шалюта-Веревкинъ отвѣчалъ съ увѣренностію, что огонь его штуцерныхъ направленъ противъ непріятельской конницы, которая строилась, переправясь въ это время черезъ Алму. Этимъ объяснялось, что пули, летѣвшія въ насъ черезъ головы Бородинцевъ, были съ непріятельской батареи. „Неужели нашъ лѣвый флангъ отступилъ?" произнесъ князь и возвратился на высоту, съ которой удобнѣе было опредѣлить моментъ сраженія.

Не успѣлъ свѣтлѣйшій подняться на гору, какъ къ нему подъѣхалъ князь П. Д. Горчаковъ—доложить, что Казанскій егерскій полкъ весь разсыпался, что онъ самъ, лично, нѣсколько разъ порывался вести его въ штыки, но люди рѣшительно не пошли: не подѣйствовали на нихъ ни угрозы, ни плеть, ни фухтеля.

— Плеть избилъ,—говорилъ князь Горчаковъ,—полусаблю сломалъ, двухъ лошадей потерялъ... всю шинель мнѣ пулями изрѣшетили—все напрасно! Полкъ разбрелся, потерявъ при отступленіи болѣе двухъ третей—пораженныхъ въ спины!!

Былъ четвертый часъ пополудни. Свѣтлѣйшій приказалъ князю Горчакову выводить Владимірцевъ, прибавивъ, что другіе уже ранѣе сами о себѣ позаботились. Мнѣ кажется, что послѣ этого остальная горсть Владимірскаго полка уже не поспѣла присоединиться къ своимъ, потому что всѣ наши войска уже спѣшили съ поля... Сзади всѣхъ медленно и грустно ѣхалъ свѣтлѣйшій; Владимірцевъ я болѣе не видалъ. Бородинцы тянулись въ гору, по удобопроходимой балкѣ, густой четырехъ-баталіонной колонной. Увидѣвъ это, князь, подскакавъ къ Шалютѣ-Веревкину, замѣтилъ, что не слѣдуетъ вести въ „ящикѣ" (какъ онъ назвалъ балку) такую массу людей открытою на жертву непріятельскому огню, и приказалъ ему скорѣе занять высоты. Какъ бы въ подтвержденіе словъ свѣтлѣйшаго, непріятельское ядро влѣпилось въ хвостъ колонны. Шалюта, догнавъ меня, спросилъ: что́ значитъ занять высоты? Я отвѣчалъ ему, что, въ данномъ случаѣ, полку слѣдуетъ двигаться по тому мѣсту, по которому онъ ѣдетъ самъ, т. е. по берегамъ балки.

— Но, помилуйте, — возразилъ онъ, — какъ же я теперь перестроюсь?

И это говорилъ старый полковникъ, отличнѣйшій фронтовикъ.

Я долженъ былъ растолковать Шалютѣ, что ежели онъ скомандуетъ, напримѣръ: „четные баталіоны направо, нечетные налѣво!"

то солдаты, легко поднявшись на отлогія возвышенности балки, укроются отъ глазъ непріятеля.

Совершенно поднявшись на гору, по лѣвую сторону Севастопольской дороги, на площади у подъемовъ отъ праваго фланга нашей позиціи, увидѣли мы большую толпу егерей, въ крайне затруднительномъ положеніи: люди метались изъ стороны въ сторону, всячески виляли отъ снарядовъ, черезъ нихъ перелетавшихъ. Подъѣхавъ къ нимъ, мы узнали Углицкій полкъ. Онъ не понесъ, кажется, потерь, но мы не могли толкомъ добиться, гдѣ начальники Угличанъ и кто ихъ ведетъ? Никто не отозвался, хотя по флангамъ и виднѣлись офицеры, но они были совершенно безгласны; бóльшая часть изъ нихъ прилегли; свѣтлѣйшій скомандовалъ имъ: „на свои мѣста!..“ Никакого дѣйствія. „Стройся!..“ Они не понимаютъ команды. „Стой!“ Офицеры ни съ мѣста.

Потерявъ всякое терпѣніе, я заскакалъ въ ту сторону, куда тянулись егеря́, и, крича во все горло, остановилъ ихъ, поставилъ четыре знамени въ резервный порядокъ, и погналъ людей нагайкой къ своимъ знаменамъ, а офицеровъ толкалъ, чуть не по шеямъ, чтобы скорѣе расчитывали ряды. Когда они нѣсколько поопомнились, свѣтлѣйшій поѣхалъ по рядамъ, ободряя солдатъ. При этомъ, одинъ ротный командиръ указалъ на рядоваго, который, будучи раненъ въ ухо, никакъ не хотѣлъ выйти изъ фронта. Князь съ большимъ чувствомъ благодарилъ его, замѣтивъ при этомъ, что ежели-бы сегодня у него было побольше такихъ молодцовъ въ строю, такъ дѣло не было бы проиграно. Отыскавъ залегшую въ овражкѣ музыку Углицкаго полка, я спросилъ у его свѣтлости разрѣшенія—играть музыкантамъ для ободренія егерей. Скомандовали: „маршъ“! музыка грянула и дѣло пошло на ладъ.

Наблюдавшій за нашимъ отступленіемъ непріятель, видя строй этого полка и услыша торжественную музыку, приписалъ это тому, что яко-бы мы отступали подъ прикрытіемъ нашего сѣвернаго укрѣпленія, а оно было отъ Алмы въ 30-ти верстахъ, за двумя рѣками и четырьмя горами.

Когда полкъ тронулся, мы, оглянувшись во всѣ стороны, замѣтили вдали, на мѣстѣ нашихъ резервовъ, линію развернутыхъ войскъ въ значительной массѣ. Трудно было допустить, что бы это были французы... Оказалось, что это они! Чтобы разсѣять всякія сомнѣнія, казакъ Илія Сякинъ, Попова полка, вызвался подскакать поближе. Вернулся минуты черезъ двѣ, въ продолженіе которыхъ успѣлъ уже съ убитаго француза стащить красные штаны и сѣдло со своей лошади... „Французы!“ крикнулъ онъ,—„убили лошадь“!

Тутъ мы убѣдились окончательно, что вся наша позиція была занята союзниками. Мы могли очень явственно разсмотрѣть, какъ по Севастопольской дорогѣ, съ Алмы, поднялась на гору англійская кавалерія и наблюдала за нашимъ отступленіемъ, которое французы провожали ядрами и гранатами. Отвернувшись отъ непріятеля, князь проговорилъ: „Первое далъ сраженіе—и проигралъ! Обидно!...“

V.

Тяжело было настроеніе князя: онъ сознавалъ безвыходное положеніе предводителя войскъ, столь мало знакомыхъ съ войною. Потерять сраженіе,—со смѣшанными, сборными частями войскъ,—было не трудно, но не легко было придумать средства, какъ выйти изъ этого непостижимо тяжкаго положенія. Гдѣ войска, и что, и какъ? намъ не было извѣстно.... они разбрелись. По счастію, въ эти минуты, въ умѣ князя уже слагался планъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Видя, что на силу надѣяться нечего и лучше употребить хитрость, онъ ѣхалъ молча и крѣпко задумавшись. Разъ только спросилъ меня: „извѣстна-ли мнѣ дорога на Мекензіеву гору и что тамъ за лѣсъ?“

Проѣхавъ подъ музыку около версты, мы спустились въ лощину, въ которой нашли въ развернутомъ фронтѣ бригаду гусаръ; командиръ Лейхтенбергскаго полка Халецкій, завидѣвъ князя, скомандовалъ: „сабли вонъ“! Бригада дернула: „ура“! Халецкій съ азартомъ подскакалъ къ свѣтлѣйшему, отрапортовалъ ему и готовился поздравить съ побѣдой! Каковъ генералъ? Онъ участвовалъ въ Алминскомъ дѣлѣ: стоялъ-де на позиціи и заключилъ, что войска наши, истребивъ непріятеля, шли праздновать побѣду въ Севастополь. Неумѣстное „ура“! до того всѣхъ насъ озадачило, что мы и не знали, что̀ подумать; ждали объясненія отъ Халецкаго, лицо котораго сіяло торжествомъ и самодовольствіемъ. Свѣтлѣйшій предупредилъ его:

— „Генералъ, это похоже на насмѣшку!“

Князь произнесъ эти слова такимъ грустнымъ тономъ, что нашъ Халецкій что-то такое промычалъ, а лицо его приняло такое испуганное, вопрошающее выраженіе, что, глядя на него, намъ стало и смѣшно и жалко.

Призвавъ бригаднаго командира, генералъ-маіора Величко, свѣтлѣйшій сказалъ ему:

— „Войска отступаютъ въ безпорядкѣ; прикройте это отступленіе: изъ лощины подайтесь къ сторонѣ непріятеля на столько, чтобы онъ васъ видѣлъ. Я весь отрядъ переведу за Качу, а вы останетесь на этой сторонѣ прикрывать нашъ ночлегъ. Казаковъ присоедините къ

себѣ, дѣлайте разъѣзды, не выпускайте непріятеля изъ виду; доносите мнѣ что̀ онъ будетъ дѣлать".

Потомъ, верстахъ въ пяти отъ гусаръ, нашли мы два полка пѣхоты и при ней Кирьякова. Онъ доложилъ князю, что эти полки остались свѣжими и готовы прикрывать отступленіе. Князь приказалъ ему соединиться съ гусарами, взять въ распоряженіе казачьи полки, обѣщая прислать еще батарею—и съ этимъ отрядомъ строго наблюдать за непріятелемъ; въ случаѣ движенія его на насъ—держаться до послѣдней крайности. При этомъ князь замѣтилъ, что Кирьякову извѣстно въ какомъ безпорядкѣ остальныя войска, которымъ еще надо, переправясь черезъ Качу, расположиться на высотахъ лѣваго берега. Переправа и ночлегъ нашего разстроеннаго войска должны, разумѣется, быть совершенно обезпечены присутствіемъ надежнаго отряда на пространствѣ между Алмой и Качей.

Кирьяковъ, казалось, хорошо понялъ свое назначеніе: тронулся съ бригадой впередъ къ сторонѣ непріятеля; мы-же, встрѣтивъ тутъ адмирала Корнилова и Тотлебена, направились съ ними къ переправѣ и въ сумерки достигли высотъ праваго берега Качи. Не мало удивило насъ совершенное отсутствіе и признаковъ существованія войскъ, и куда они подѣвались? Неизвѣстно... Подъѣхавъ къ спуску, въ долинѣ рѣки увидѣли безобразнѣйшую картину: здѣсь царили полнѣйшія безначаліе и безпечность; сюда удрали наши молодцы и—веселехоньки; изволятъ забавляться: стрѣляютъ, безъ стыда, испуганныхъ зайцевъ.

Легко вообразить наше недоумѣніе, когда, подходя къ Качѣ, мы, въ сумерки, заслышали перестрѣлку; она подала намъ поводъ предполагать не выбросили ли союзники къ устью рѣки какого нибудь отряда... Ничуть не бывало! Это наши солдатики, отъ скуки, на зайцевъ охотиться вздумали и удержать ихъ было некому. Между тѣмъ, артиллерія и обозы стояли на дорогѣ, сохраняя въ этомъ хаосѣ возможный порядокъ. Указавъ на всѣ переправы, свѣтлѣйшій приказалъ обозамъ, а за ними и артиллеріи—трогаться. Не такъ легко было отдать приказаніе пѣхотѣ; начальства не существовало: выбывшихъ изъ фронта офицеровъ не замѣнили еще другими, а оставшіеся притаились.. Солдатики горланили, бродили и мародэрничали по хуторамъ и жильямъ, покинутымъ ихъ хозяевами и татарами. Впечатлѣніе, произведенное на меня этимъ несчастнымъ днемъ, было до̀ того возмутительно, что даже масса раненыхъ, стянувшаяся къ этому времени на Качу, не возбудила во мнѣ присущаго сердцу новичка чувства состраданія, хотя положеніе страдальцевъ, за недостаткомъ средствъ къ помощи, было ужасно... Напротивъ, въ сердцѣ моемъ я

чувствовалъ какое-то ожесточеніе. Стоны, вопли и кровь, раздражая меня, придавали особенно мрачное расположеніе духу. Не я одинъ былъ въ такомъ дурномъ настроеніи: Корниловъ, не участвовавшій въ дѣлѣ, видя только плачевныя его послѣдствія, очень сухо и холодно смотрѣлъ на страданія увѣчныхъ, а причитыванія ихъ (нашъ родной способъ выражать свое горе) были ему несносны; онъ стыдилъ голосившихъ, проѣзжая мимо ихъ... Тоже дѣлали и прочія лица, бывшія въ свитѣ князя. Только онъ одинъ, болѣе всѣхъ насъ снисходительный къ слабостямъ человѣка, ѣхалъ молча, грустно всматриваясь въ раненыхъ и одинъ только разъ сказалъ Корнилову:

— „И все-то—въ спины!!“

Къ слову о раненыхъ замѣчу: всего страннѣе было то, что ихъ товарищи, такъ охотно выносившіе и выводившіе раненыхъ изъ-подъ огня, бросали ихъ по большей части тамъ, гдѣ сами не могли поспѣвать за ретирадой. Вообще видимо было въ нижнихъ чинахъ непонятное для меня хладнокровіе къ утратамъ; ихъ не смущали—ни потеря сраженія, ни безпорядочное отступленіе въ виду непріятеля; къ самому занятію союзниками нашей крѣпкой позиціи солдаты относились съ совершеннымъ равнодушіемъ. Это происходило, какъ я полагаю, оттого, что они не сознавали ни важности проигрыша сраженія, ни еще того важнѣйшихъ его послѣдствій.

Спустившись на Качу, свѣтлѣйшій направился, правымъ берегомъ, вверхъ по рѣкѣ, для обозрѣнія; потомъ онъ переправился выше всѣхъ нашихъ войскъ и поѣхалъ лѣвымъ берегомъ внизъ; меня-же послалъ на высоту занять мѣсто для расположенія штаба. Отыскивая обозъ, я немного промедлилъ и уже не встрѣтилъ князя, а, спустившись въ другомъ мѣстѣ, съѣхался съ нимъ на подъемѣ по большой чумацкой дорогѣ. На вершинѣ горы князь свернулъ направо, на первую площадку, чтобы, отдавъ приказанія Корнилову и Тотлебену, распроститься съ нимъ и скорѣе отправить адъютанта своего С. А. Грейга съ донесеніемъ къ Государю Императору. Онъ приказалъ Грейгу спѣшить въ Севастополь, оттуда, получивъ подорожную, скакать въ Петербургъ.

— Что прикажете сказать Его Величеству? спросилъ Грейгъ.

— „Скажи все, что ты видѣлъ и слышалъ,—отвѣчалъ свѣтлѣйшій,— все, по чистой справедливости. Писать-же, ты видишь самъ, и средствъ никакихъ нѣтъ и это отняло-бы слишкомъ много времени“ [1]).

---

[1]) У свѣтлѣйшаго не было тогда подъ рукою никакихъ канцелярскихъ принадлежностей. Намъ, адъютантамъ, были розданы отъ него небольшія кожаныя записныя книжки, для занесенія замѣтокъ и его приказаній. Одна изъ такихъ книжекъ донынѣ сохраняется у меня. А. П.

Грейгъ Корниловъ и Тотлебенъ поѣхали въ Севастополь вмѣстѣ. Проводивъ Грейга, свѣтлѣйшій, въ ожиданіи обоза, опустился въ полу-лежачемъ положеніи на землю. Между тѣмъ, мы собрали около него сухой травы перекати-поле, и зажгли ее, чтобы хоть сколько нибудь освѣтить мѣсто. Смерклось такъ, что въ двухъ шагахъ не было видно человѣка. Мѣсто остановки князя было не то, которое я занялъ для штаба и куда велѣлъ слѣдовать обозу. Свѣтлѣйшій, съ огаркомъ свѣчи въ рукѣ, занялся разсматриваніемъ карты и не ѣхалъ далѣе; почему я послалъ казака отыскивать обозъ, который, прійдя на указанное ему мѣсто и не найдя тамъ никого, машинально направлялся на разведенный нами огонь. Я, конечно, былъ всѣхъ болѣе радъ прибытію обоза, такъ какъ оно возложено было на мою отвѣтственность. Покуда я не заслышалъ голоса офицера, провожавшаго обозъ, я былъ какъ на иголкахъ. Свѣтлѣйшему необходимъ былъ отдыхъ, ему еще предстояло заняться соображеніемъ, для выясненія себѣ положенія арміи, и изысканіемъ исхода изъ онаго. Съ пяти часовъ утра у свѣтлѣйшаго не было во рту ни крохи: надобно же было ему подкрѣпиться. Чтò-бы могъ я дѣлать безъ обоза? Отворотясь отъ огня, я таращилъ глаза въ непроглядную темень, что было мочи—напрягалъ слухъ... Боялся, чтобы обозъ нашъ не прошелъ по подъему горы мимо, затянутый прочими обозами. Въ этомъ томительномъ ожиданіи провелъ я болѣе часу, удивляясь необыкновенному терпѣнію свѣтлѣйшаго: не слыхалъ я отъ него ни единой жалобы и въ голосѣ его звучало обычное, спокойствіе. Князь вмѣшивался въ разговоры окружавшихъ и, казалось, хоть на минуту хотѣлъ забыть свое положеніе и сколько нибудь отдохнуть нравственно...

Наконецъ, слава Богу, обозъ прибылъ: съ него сняли 8 человѣкъ раненыхъ солдатъ, поднятыхъ имъ кой-гдѣ, по дорогѣ. Мы нà-скоро разбили крохотную подручную палатку, постлали въ ней кусокъ кожи, зажгли свѣчи, и князь, разложивъ карты, углубился въ свои стратегическія соображенія.

Этимъ временемъ камердинеръ (онъ же и фельдшеръ) его свѣтлости, Разуваевъ, успѣлъ на спирту согрѣть воду на стаканъ чаю, для князя. Подавая его свѣтлѣйшему, онъ сказалъ:

— Хорошо, что я, на всякій случай, приберегъ бутылку воды; а то все, что имѣли въ запасныхъ боченкахъ, роздали по дорогѣ раненымъ... да еще и съ собой ихъ, восемь человѣкъ, привезли!

— „Какъ-же, братецъ, ты мнѣ не скажешь? быстро отвѣчалъ свѣтлѣйшій. Иди скорѣй, перевяжи и отправь ихъ въ Севастополь въ нашихъ экипажахъ“.

И князь остался въ палаткѣ совершенно одинъ, покуда камердинеръ не управился съ израненными. Остальная прислуга была пьяна.

Распорядившись привозомъ воды, бывшей отъ насъ версты за три, и добычею фуража, пославъ за нимъ за шесть верстъ, я размѣстилъ лошадей по коновязямъ, а самъ присѣлъ у палаточки князя, чтобы быть подъ рукой, ежели ему что̀ понадобится, такъ какъ тутъ никого не было, кромѣ часоваго—сапера. Замѣчу кстати, что на Алминской позиціи у князя были постоянно часовые отъ роты саперъ; стояли они въ однѣхъ портупеяхъ и фуражкахъ. Этотъ караулъ, изъ ефрейтора и трехъ рядовыхъ, сначала смѣнялся ежедневно, потомъ свѣтлѣйшій, узнавъ отъ нихъ, что они желаютъ оставаться безсмѣнно, такъ какъ ихъ прекрасно кормятъ и поятъ чаемъ, согласился не смѣнять саперъ и приказалъ прикомандировать этотъ маленькій ефрейторскій караулъ къ своей квартирѣ. Онъ пришелъ съ княземъ и въ Симферополь и оставался здѣсь до выѣзда его свѣтлости изъ Крыма.

Я стоялъ шагахъ въ двадцати отъ палатки князя и смотрѣлъ во мракъ степи... Вдругъ, подлѣ себя, слышу его голосъ:

— „Это ты, Аркадій Александровичъ?“

— Я, ваша свѣтлость.

Князь, постоявъ, осмотрѣлся, потомъ произнесъ:

— „Какъ ты думаешь поставить войска? Фронтомъ-ли къ морю, съ тѣмъ, чтобы быть во флангѣ у непріятеля, когда онъ тронется къ Севастополю, или лицомъ къ непріятелю, чтобы еще хоть немного выиграть время, задержавъ его въ движеніи? Сраженія я дать не могу... Войска наши въ ужасномъ перепугѣ и безпорядкѣ“.

Отъ словъ князя, произнесенныхъ ровнымъ голосомъ человѣка озабоченнаго, но чуждаго страха, у меня морозъ пробѣжалъ по кожѣ. Стараясь разсѣять недовѣріе свѣтлѣйшаго къ войскамъ, я приписывалъ ихъ смятеніе непріятельскимъ штуцерамъ; обнадеживалъ князя тѣмъ, что если мы, на ровномъ мѣстѣ, собравъ всѣ наши наличныя силы, ударимъ сколь возможно стремительнѣе, не давъ непріятелю возможности воспользоваться превосходствомъ своего оружія, то, можетъ быть, мы съ нимъ еще и управимся. Я не терялъ вѣры въ наши войска и никакъ не хотѣлъ согласиться, чтобы одинъ нашъ солдатъ не осилилъ по крайней мѣрѣ трехъ непріятельскихъ... Общій недостатокъ нашей тогдашней слѣпой самоувѣренности! Помолчавъ немного, князь сказалъ:

— „Я думаю, завтра они сами не въ силахъ будутъ тронуться съ мѣста. Мы этимъ воспользуемся“.

И онъ ушелъ въ палатку; сѣлъ на землю съ картою въ рукахъ.

и почтенная его фигура обрисовывалась тѣнью на парусинныхъ стѣнахъ палатки. Я остался на прежнемъ мѣстѣ, прислушиваясь къ гулу движенія войскъ, тянувшихся отъ перевоза по дорогѣ мимо насъ. Раненые, стоны которыхъ надрывали душу, то и дѣло сворачивали къ нашему костру, около котораго нарочно для нихъ была поставлена вода: единственное пособіе, которое мы могли предложить имъ въ эти жестокія минуты! Иныхъ средствъ къ помощи у насъ рѣшительно уже никакихъ не было; все, на чемъ только было возможно перевезти или перенести раненыхъ—было занято... ихъ же было такъ много, что каждый раненый, державшійся на ногамъ, долженъ былъ идти одинъ, или плестись поддерживаемый товарищами.

Погруженный въ грустныя думы о несчастныхъ слѣдствіяхъ войны, я только что хотѣлъ, для отдыха, прилечь на пригорокъ, какъ слышу голосъ Кирьякова:

— Гдѣ свѣтлѣйшій?

Я подошелъ къ нему и указалъ на палатку князя. Меня встревожило внезапное появленіе командующаго отрядомъ, назначеннымъ для прикрытія отступленія и переправы, въ такомъ отдаленіи отъ своей части и въ то самое время, когда переправа еще не была окончена.

Кирьяковъ, просунувъ голову въ отверстіе палатки, сказалъ:

— Ваша свѣтлость, я благополучно довелъ людей до Качи: теперь тамъ все переправляется!

Невѣжество генералъ-лейтенанта поразило свѣтлѣйшаго.

— „Помилуйте, ваше превосходительство,—воскликнулъ онъ,—что же вы дѣлаете!? Вы пріѣхали мнѣ доложить, какъ будто окончили возложенное на васъ порученіе, тогда какъ вы только дошли до самаго серьезнаго его момента и вообразили, что вами все исполнено. Вы покинули отрядъ въ самую неблагопріятную для него минуту... Поспѣшите возвратиться къ вашему мѣсту и будьте осмотрительны: незначительный непріятельскій разъѣздъ можетъ надѣлать вамъ страшной тревоги... Поѣзжайте, поѣзжайте скорѣе!“

Кирьяковъ поѣхалъ... только не туда, куда ему слѣдовало: онъ отправился ужинать въ севастопольскій клубъ (15 верстъ отъ Качи). Могъ-ли кто ожидать подобнаго поступка отъ генерала, уже пожилыхъ лѣтъ? Онъ явился въ клубъ въ то время, когда тамъ въ сильномъ безпокойствѣ собрались почти всѣ моряки и разсуждали о нашемъ положеніи. Кирьяковъ, зная обычай моряковъ, предвидѣлъ это сборище и спѣшилъ предупредить невыгодные о себѣ толки по поводу Алминскаго сраженія. Изъ участниковъ въ этомъ дѣлѣ онъ явился въ Севастополь — первымъ и, понятно, рѣчь была за нимъ. Грейга никто не успѣлъ видѣть: онъ былъ въ Севастополѣ

на одну минуту. Кирьяковъ съ нахальствомъ и самоувѣренностью вошелъ въ клубъ, думая появленіемъ своимъ произвести эфектъ; на этотъ разъ, однако, ему не удалось; всѣ были только удивлены его появленіемъ. Общее мнѣніе было таково: какъ можетъ командующій бо́льшею половиною отряда быть такъ далеко отъ своего поста въ такую священную минуту для войска! Генералъ пустился разсказывать о своихъ подвигахъ, будто бы объ ошибкахъ князя, о Горчаковѣ... но всѣ эти росказни никого не расположили къ пользу хвастуна. Съ этой минуты онъ былъ понятъ и на все время обороны окончательно палъ во мнѣніи севастопольцевъ. Даже дамы, еще недавно видѣвшія въ Кирьяковѣ героя, ихъ будущаго спасителя, разочаровались въ генералѣ. Когда Кирьяковъ возвратился къ своимъ войскамъ? Этого съ достовѣрностію я сказать не могу.

А. А. Панаевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

К. Ѳ. РЫЛѢЕВЪ.

Перебирая остатки рукописей К. Ѳ. Рылѣева, уцѣлѣвшихъ въ семействѣ покойнаго поэта, я, между прочимъ, нашелъ неизданное посланіе его къ Алексѣю Петровичу Ермолову, интересное въ томъ отношеніи, что въ началѣ двадцатыхъ годовъ общественное мнѣніе въ Россіи, возбужденное возникавшею борьбой Греціи за независимость, предназначало русскому генералу въ этой великой борьбѣ весьма видное положеніе. Въ посланіи этомъ, конечно, можно-бы видѣть только выраженіе личныхъ чувствъ Рылѣева, но зная, какъ чутко онъ относился ко всему, что говорилось и дѣлалось вокругъ него, мы не впадемъ въ ошибку, если будемъ утверждать, что оно представляетъ отзывъ поэта на общій голосъ. Кромѣ этого посланія, приводимъ ниже отрывокъ изъ стихотворенія Рылѣева: „Партизаны“, помѣщенный безъ имени автора въ альманахѣ „Сѣверные цвѣты“ 1828 г.; черновой набросокъ пѣсни, вошедшей въ составъ этого отрывка, напечатанъ, съ подлинной рукописи поэта, въ „Русской Старинѣ“ 1871 г., т. III, стр. 101, чѣмъ и доказывается несомнѣнная принадлежность К. Ѳ. Рылѣеву всего стихотворенія, затерявшагося среди безымянныхъ произведеній и потому не вошедшаго въ собраніе сочиненій Рылѣева.

П. А. Ефремовъ.

I.

А. П. Ермолову.

Наперсникъ Марса и Паллады,
Надежда согражданъ, Россіи вѣрный сынъ,
Ермоловъ! поспѣши спасать сыновъ Эллады,
Ты, геній сѣверныхъ дружинъ!
Узрѣвъ тебя, любимецъ славы,
По манію твоей руки,
Съ врагами лютыми, какъ вихрь, на бой кровавый
Помчатся грозные полки—
И цѣпи сбросивши невольничьяго страха,
Какъ фениксъ молодой,
Воскреснетъ Греція изъ праха
И съ древней доблестью ударитъ за тобой!...
Уже въ отечествѣ потомковъ Ѳемистокла
Повсюду подняты свободы знамена,
Геройской кровью ужъ земля намокла
И трупами враговъ удобрена!
Проснулися вздремавшіе перуны,
Отвсюду храбрые текутъ!
Теки-жъ, теки и ты, о витязь юный,
Тебя герои тамъ, тебя побѣды ждутъ...

К. Рылѣевъ.

II.

ПАРТИЗАНЫ.

[отрывокъ].

Въ лѣсу дремучемъ, на полянѣ,
Отрядъ наѣздниковъ сидитъ.
Окрестность вся въ сѣдомъ туманѣ,
Кругомъ осенній вѣтръ шумитъ;
На тусклый мѣсяцъ набѣгаютъ
Порой густыя облака;
Надулась черная рѣка
И молніи вдали сверкаютъ.

—

Плащи навѣшаны шатромъ,
На пикахъ, въ глубь земли вонзенныхъ;
Биваки въ сумракѣ ночномъ,
Вокругъ костровъ воспламененныхъ!
Средь нихъ, толпами удальцы:
Ахтырцы, Бугцы и Донцы.

—

Пируютъ всадники лихіе,
Свершивъ отчаянный набѣгъ;
Заботы трудны боевыя,
Но веселъ шумный ихъ ночлегъ:
Живой бесѣдой сокращаютъ
Они другъ другу часъ ночной;
Дѣла вождей страны родной
Воспоминаньемъ оживляютъ,
И лѣсъ угрюмый и густой
Веселымъ пѣньемъ пробуждаютъ.

ПѢСНЯ ПАРТИЗАНСКАЯ.

Вкушаетъ врагъ безпечный сонъ;
Но мы не спимъ, мы надзираемъ —
И вдругъ на станъ со всѣхъ сторонъ,
Какъ снѣгъ внезапный, налетаемъ.

—

Въ одно мгновенье врагъ разбитъ,
Врасплохъ застигнутъ удальцами,
И вслѣдъ за ними страхъ летитъ
Съ неутомимыми Донцами.

—

Свершивъ набѣгъ, мы въ лѣсъ густой
Съ добычей вражеской уходимъ
И тамъ, за чашей круговой,
Минуты отдыха проводимъ.

—

Съ зарей бросаемъ свой ночлегъ,
Съ зарей опять съ врагами встрѣча,
На нихъ нечаянный набѣгъ
Иль неожиданная сѣча.

К. Ѳ. Рылѣевъ.

Сообщ. **П. А. Ефремовъ.**

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ СѢРОВЪ

его очерки и замѣтки.

1846 г.

Письма А. Н. Сѣрова къ В. В. Стасову [1]).

5-го января 1846 г.

Ты выразилъ свое удивленіе, какъ я могу заниматься „Феноменологіей“ и „Логикой“ Гегеля. Но чему же тутъ удивляться? Я могу заниматься всѣмъ, чѣмъ угодно, даже иногда казенными дѣлами. Воспріимчивость моей восковой натуры тебѣ извѣстна. Дѣло другое— для чего? отвѣтъ простой: я не люблю упускать случая познакомиться съ какой угодно наукой, въ полной увѣренности, что если она мнѣ не принесетъ прямой пользы, то насколько нибудь расширитъ кругъ мышленія, а это ни въ какомъ случаѣ не вредно. Но надо тебѣ сказать, что я тутъ, какъ и во многомъ, себя обманываю. Голова моя такъ построена, что пойметъ все, что ей предлагаютъ, но вниманія, чтобъ вполнѣ углубиться въ предметъ, мнѣ недостаетъ тамъ, гдѣ этому предмету не сочувствуетъ моя натура и, слѣдовательно, онъ ей не нуженъ. Я, напримѣръ, вообще всегда плохо занимался математикой, которая для меня не трудна, но скучна, какъ сухая вещь; однако я помню, что еще въ гимназіи я удивилъ одного математическаго учителя тѣмъ, что съ одного урока понялъ тонкости начертательной геометріи (Géométrie descriptive), тогда какъ лучшіе по математикѣ изъ моихъ товарищей не поняли въ этомъ рѣшительно ничего. Отчего это? оттого, что эта часть математики имѣетъ самое близкое отношеніе къ рисовальнымъ способностямъ, къ оптикѣ и къ перспективѣ, которую я какъ-то угадалъ не учась. Я бы могъ при-

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1877 г., томъ XVIII, стр. 145—158.

стально заниматься начертательной геометріей, но, разумѣется, не занимался, и между тѣмъ она мнѣ кое въ чемъ пособила. Почему знать, что не такъ же будетъ и съ сухой философіей Гегеля, съ которой надо быть знакому каждому мыслящему человѣку. Казалось бы, на что̀ композитору естественныя науки? но я чрезвычайно радъ, что имѣю въ нихъ кое-какія свѣдѣнія, особенно въ анатоміи и физіологіи. Особенно въ наше время, никакимъ знаніемъ пренебрегать не должно, хотя бы оно относилось къ такой сферѣ, съ которой мы сами ничего не можемъ сдѣлать или продолжать. Дилеттантизмъ для меня смѣшонъ, если онъ избираетъ одинъ предметъ, безъ способности сдѣлать въ немъ что нибудь, но, имѣя въ виду постоянную цѣль, приводить къ ней нити съ совершенно разныхъ, быть можетъ, очень далекихъ сторонъ — это несмѣшно, когда въ головѣ есть способность дѣйствительная сводить всѣ эти нити во-едино. Конечно, на это надо много времени, но вѣдь ты знаешь, что я пристально, какъ слѣдуетъ, могу заниматься только однимъ—своимъ предметомъ.

Ты составилъ себѣ не совсѣмъ вѣрное понятіе объ нашихъ бесѣдахъ съ Бакунинымъ. Это совсѣмъ не апатическая германская бесѣда. Напротивъ, онъ одинъ здѣсь безпрестанно наталкиваетъ меня думать о внѣшнемъ, что̀-бы мнѣ иногда и въ голову не пришло. Онъ, какъ я тебѣ писалъ, жилъ и учился въ Германіи, но видитъ хорошо всѣ преимущества русской натуры предъ германскою, и между тѣмъ не перестаетъ никогда досадовать sur toutes les entraves [1]), которыя тяготѣютъ надъ нашимъ развитіемъ, надъ нашимъ мышленіемъ. Что онъ не сухой какой-нибудь studiosus, лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что онъ любитъ и понимаетъ театръ, и умно восхищается сонатами Бетховена, называя меня le vrai interprête de Beethoven [2]). Онъ слыхалъ многихъ хорошо играющихъ (исключая, разумѣется, Листа, котораго онъ слышалъ часто, но тутъ Листъ не въ счетъ), но говоритъ, что ничья игра не доставляла ему такого полнаго удовольствія, какъ моя, хотя онъ и видитъ, что я часто не могу сладить, какъ слѣдуетъ, съ механическимъ исполненіемъ сонатъ. Гегеля мы именно потому стали читать вмѣстѣ, что онъ хочетъ мнѣ доказать, что у Гегеля, какъ у Бетховена, бываютъ мѣста, гдѣ онъ въ силѣ мысли доходитъ до кажущейся нелѣпости, т. е. пишетъ какъ будто не перомъ, а дубиной. А чтобъ тебѣ показать, что не одного этого онъ ищетъ въ музыкѣ (что̀ было бы въ высшей степени глупо), онъ съ величайшимъ наслажденіемъ слушаетъ Моцарта (особенно „Донъ Жуана“ и „Реквіемъ“; „Zauberflöte“ онъ не слыхалъ, но я увѣренъ,

[1]) На всѣ помѣхи.

[2]) Истиннымъ истолкователемъ Бетховена.

что полюбитъ душой) и Гайдна. Онъ не музыкантъ, но судитъ о музыкѣ изумительно вѣрно, и нѣтъ пункта, гдѣ бы онъ съ нами расходился, хотя и дошелъ до всего своими особыми дорогами.

4-го февраля 1846 г.

Мнѣ кажется, что судьба меня утащила въ Крымъ, между прочимъ, и для того, чтобъ я не наложилъ дерзновенныхъ неопытныхъ рукъ на такой милый сюжетъ, какъ „Мельничиха". Au fond de la chose [1]), вѣроятно, я не надѣлалъ бы и въ прошломъ году большихъ промаховъ, но для техническаго исполненія было рано, слишкомъ рано! Я просто могъ бы срѣзаться передъ петербургской публикой, и это бы повредило будущему. Да, чѣмъ я больше работаю для оркестра (какъ бы малозначительны ни были эти работы), тѣмъ больше убѣждаюсь, что знать оркестръ—великая наука, которая, между прочимъ, не далась Глинкѣ. Его оркестръ хорошъ на бумагѣ, а не въ театрѣ, какъ я теперь убѣдился фактами, припоминая его партитуру; а съ другой стороны, болѣе близкое знакомство съ оркестромъ исключило бывшее у насъ сомнѣніе на счетъ простой, такъ сказать, довольно общей оркестровки многихъ мѣстъ въ Моцартовскихъ операхъ. При надлежащемъ исполненіи всѣ и эти мѣста превосходны, хотя ты поймешь, что я нисколько не отвергаю, что точно такъ послѣ Бетховена теперь писать нельзя. Ты менѣе всякаго другаго усомнишься въ способности моей къ инструментовкѣ (хотя образциковъ ея и не видалъ), но легко себѣ представишь, какъ надобно много работать, чтобъ довести знаніе оркестра хоть до такой степени, какъ, напримѣръ, я теперь знаю фортепіано. А этого для меня было бы мало. Повторяю: знаніе оркестра вполнѣ—большая и трудная наука, въ которой нисколько бы не пособилъ даже и такой инструментъ, какъ клави-оркестръ (о которомъ я читалъ подробно въ „Иллюстраціи"). Одно средство: писать и повѣрять себя слушаніемъ, слушать и писать. Ты не можешь даже вообразить себѣ, сколько лежитъ въ оркестрѣ сочетаній звуковъ, которыя даже Бетховеномъ еще не исчерпаны и, вѣроятно, никогда исчерпаны не будутъ всѣ. Я же именно желаю и добиваюсь одного: чтобъ по возвращеніи въ Петербургъ,— въ твоей комнатѣ, на столько знакомомъ мнѣ столикѣ, я, при твоихъ глазахъ, такъ же бы свободно писалъ свои партитуры, какъ списывалъ съ чужихъ 4 фортепіанныхъ строчки направо и налѣво. Тогда только можно будетъ сказать, что я композиторъ. И я этого добьюсь. Тутъ нужна только воля.

Моя труппа занята теперь постановкою „Свадьбы Фигаро" Бо-

[1]) Въ сущности.

маршѐ, подъ руководствомъ Самойлова (брата артиста В. В. Самойлова) и моимъ. Ты знаешь, что по этому случаю я инструментовалъ нѣкоторыя вещи изъ Моцартовой оперы (свадебный маршъ и хоръ, впрочемъ, безъ фанданго, и маршъ изъ аріи „non piu andrai" для антракта послѣ I-го дѣйствія), и, натурально, весь полный сценическимъ эффектомъ комедіи, которая на театрѣ несравненно лучше, чѣмъ въ чтеніи,—я безпрерывно привожу себѣ на память всю Моцартову музыку, и, право,—готовъ молиться на нее. Я бы далъ, кажется, Богъ знаетъ что, чтобъ увидѣть эту оперу хорошо исполненною пѣвцами и оркестромъ, или, пожалуй, самому когда-нибудь заставить исполнить ее какъ слѣдуетъ. Что за сокровища, отъ начала до конца! Сколько красоты, сколько правды и сколько ума! Мнѣ кажется (да мы, впрочемъ, это уже и говорили), что эта опера, исполненная какъ слѣдуетъ на сценѣ, перевѣситъ такъ же исполненнаго „Донъ Жуана".

Мнѣ пришло, по случаю „Фигаро" же, въ голову, что въ музыкѣ вообще патосъ едва ли не легче выразить, чѣмъ попасть на правду въ выраженіи болѣе ровныхъ или тонко-комическихъ, тонко-драматическихъ моментовъ жизни. По крайней мѣрѣ, это навѣрно такъ для неокрѣпшаго художника. И потому, я бы не осмѣлился приняться за большую комическую оперу, въ родѣ „Виндзорскихъ", или за домашнія драмы, въ родѣ „Estelle", „Un Secret", даже „Faute de s'entendre" [1]) („Мельничиху" я не считаю, потому что тамъ облегчаетъ колоритность нѣкоторыхъ подробностей), не перейдя черезъ патетическую „Comédienne de Venise" [2]).

Хочу еще замѣтить нѣчто о „Севильскомъ Цирюльникѣ". Надобно тебѣ сказать, что я двѣ недѣли назадъ получилъ выписанный мною изъ Одессы прекрасный экземпляръ „Barbiere", partition de piano. Я много игралъ „Barbiere", потому что здѣсь, какъ и вездѣ, бездна охотниковъ до него, и снова пожалѣлъ, что Россини, имѣя такія чудныя идеи и замашки, изъ лѣни или по близорукости итальянскаго взгляда на музыку, ничего не умѣлъ развить. Какъ мы и прежде говорили, арію Бартоло „a un dottor della mia sorte" я считаю едва ли не лучшею по своей постоянной правдѣ. Даже обработка ея тщательнѣе прочаго. А въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оперы (напр. „Ensemble",

---

[1]) Все пьесы, исполненныя въ зиму 1845—1846 г. на Михайловскомъ театрѣ, съ актрисою Плесси въ главныхъ роляхъ. О нихъ я много разсказывалъ А. Н. Сѣрову въ своихъ письмахъ.

[2]) Подъ этимъ заглавіемъ у насъ на Михайловскомъ театрѣ играли въ то время пьесу В. Гюго «Angelo», которую я предлагалъ А. Н. Сѣрову взять сюжетомъ для оперы. В. С.

когда Бартоло брѣютъ и потомъ приходитъ Базиліо) общее распоряженіе оркестра и голосовъ (я не говорю о самыхъ формахъ: онѣ общія черновыя) весьма близко къ тому, какъ, по моимъ понятіямъ, должны быть ведены въ операхъ сплошныя сцены—вмѣсто прежнихъ речитативовъ. Это даже отчасти новая дорога (я говорю все про общее распоряженіе), противъ финаловъ и ансамблей Моцарта, гдѣ голоса вступаютъ и встрѣчаются почти всегда симметрически. Но опять таки какая слабость въ обработкѣ! Какъ все это непозволительно легко, поверхностно! А тутъ еще нелѣпые толки Сенковскаго [1]), который отрицаетъ возможность сочетанія голосовъ между собою и съ оркестромъ!! Что же бы тогда было за искусство—музыка, когда нельзя было бы изображать болѣе одного человѣка за разъ!! Вообще, мнѣ часто стыдно становилось читать такія вещи въ печати, въ наше время, послѣ Моцарта и Бетховена, объ которыхъ уже столько говорено! Именно, прямо на оборотъ мнѣнію Сенковскаго, оперы въ наше время возможны только такія, гдѣ къ Моцартову направленію будетъ прибавлено все, что Бетховенъ сдѣлалъ внѣ предѣловъ театральной музыки, и, можетъ быть, многое и изъ того, что старались сдѣлать и Мейерберъ, и Берліозъ, и, пожалуй, Глинка. Самостоятельной роли у оркестра никто и не подумаетъ теперь отнять. Но все дѣло въ томъ, какъ. Пренія объ итальянской и нѣмецкой музыкѣ мнѣ болѣе нежели смѣшны, такъ же какъ и Сенковскому, только немного съ другой стороны.

3-го марта 1846 г.

Замѣчу, кажется, въ двадцатый разъ, о важности изученія оркестра. Какая неимовѣрная трудность дойти до того, чтобъ слышать всѣ сочетанія инструментовъ, всѣ оркестрные эффекты, прежде нежели положить ихъ на бумагу. А безъ этого врядъ-ли можно сдѣлать что нибудь путное. Иногда и написанное на угадъ, на рискъ, можетъ выйти хорошо, даже лучше нежели ожидаешь, но только иногда, а бо̀льшая часть такъ написаннаго въ исполненіи выходитъ какъ-то неясно, неопредѣленно, туманно—нельзя даже узнать собственныхъ мыслей. Я сильно подозрѣваю, что даже Глинка далеко не все слышитъ въ головѣ изъ того, что̀ рисуетъ въ своихъ партитурахъ. Съ другой стороны, меня пугаетъ пріобрѣтаемая сильною практикою убійственная рутина, отъ которой, скажу смѣло, по моему мнѣнію, свободенъ одинъ только Бетховенъ; и у Гайдна, и у Моцарта даже, случаются грѣшки отъ рутины; красота не покидаетъ ихъ и въ

[1]) Въ «Библіотекѣ для Чтенія».

этихъ грѣшкахъ, но рутина для наблюдательнаго взгляда тотчасъ замѣтна. Въ примѣръ выставлю двѣ вещи Моцарта, обѣ безподобныя, и другъ на друга, кажется, вовсе не похожія: это самый конецъ финала 2-го акта „Фигаро“ и самый конецъ финала же 1-го акта „Zauberflöte“: и въ расположеніи голосныхъ аккордовъ, и въ гаммахъ, перебѣгающихъ снизу оркестра вверхъ, видна рука одного дѣлателя. Конечно, въ этихъ двухъ coda это вовсе не порокъ, потому что все, что̀ надо было сказать, уже сказано раньше, а это только послѣдній росчеркъ, парафъ. Но въ Бетховенѣ, сколько я помню, и въ парафахъ нигдѣ нѣтъ этого сходства. У Гайдна множество постоянныхъ замашекъ для концовъ. Эти хвостики гораздо чувствительнѣе, впрочемъ, въ аріяхъ, чѣмъ въ огромныхъ ensembles; къ несчастію, и въ аріяхъ Моцарта, въ нѣкоторыхъ, можно указать эти хвостики.

Самый лучшій образецъ пагубности рутины—итальянскіе maestri. Объ нихъ въ этомъ отношеніи едва ли стоитъ упоминать. Они всѣ составлены изъ принятыхъ замашекъ, и Кажинскій[1]) очень дѣльно замѣтилъ, что, зная половину какой нибудь новой Доницеттіевской аріи, преспокойно можно самому дописать остальное. Помня обо всемъ этомъ, питая ненависть ко всему формалистическому въ искусствѣ, я, повторяю, боюсь рутины. Въ нѣкоторыхъ эффектахъ оркестра такъ много, такъ сказать, обольстительной красоты, что по неволѣ захочешь ихъ употребить чаще чѣмъ слѣдуетъ, а вѣдь это уже порокъ. Voilà les deux écueils: le manque et le superflu[2]). Но ужъ скорѣе послѣднее чѣмъ первое! Бѣдность и нелѣпость—что̀ можетъ быть хуже! Спасеніе одно: работать и работать, думать и думать.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) Въ послѣдствіи капельмейстеръ Александринскаго театра и музыкальный писатель. В. С.

[2]) Вотъ два опасныхъ утеса: недостаточность и излишекъ.

Графъ Александръ Матвѣевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ

1758—1803.

Графъ Александръ Матвѣевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ родился 19-го сентября 1758 года. Своимъ быстрымъ, хотя и кратковременнымъ возвышеніемъ при дворѣ Мамоновъ былъ обязанъ князю Потемкину. Поручивъ вѣденіе своихъ хозяйственныхъ дѣлъ Гарновскому, имѣя въ немъ надежнаго соглядатая при дворѣ и въ правительственныхъ сферахъ, Потемкинъ вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду огражденія личныхъ своихъ интересовъ отъ происковъ недоброжелателей, призналъ необходимымъ имѣть при особѣ императрицы особаго блюстителя, человѣка, искренно ему преданнаго и вполнѣ доброжелательнаго. Выборъ Потемкина палъ на одного изъ его адъютантовъ, гвардіи поручика Мамонова, съ которымъ князь былъ въ дальнемъ родствѣ [1]). Намѣреваясь представить Мамонова императрицѣ, для занятія при ея особѣ должности флигель-адъютанта, Потемкинъ уговорился съ государынею, чтобы она благоволила дать о немъ отзывъ иносказательно, какъ бы о рисункѣ, который Мамоновъ представитъ на ея усмотрѣніе отъ Потемкина. «Рисунокъ не дуренъ, но колоритъ плохъ»,—отозвалась императрица; тѣмъ не менѣе произвела Мамонова въ полковники и пожаловала въ флигель-адъютанты [2]). Затѣмъ, съ 19-го августа 1786 по 2-е іюля 1789 года взыскиваемый постоянными милостями Екатерины II, Мамоновъ достигъ крайняго предѣла высоты и значенія. Мамоновъ сопровождалъ императрицу въ ея путешествіи въ Новороссійскій край (съ 7-го января по 11-е іюля 1787 года); іюня 11-го онъ былъ произведенъ въ премьеръ-маіоры Преображенскаго полка, въ томъ же году былъ дѣйствительнымъ камергеромъ, корнетомъ Кавалергардскаго корпуса, шефомъ С.-Петербургскаго полка. 4-го мая 1788 года, съ чиномъ генералъ-поручика, пожалованъ въ генералъ-адъютанты, при чемъ ему подарена, какъ знакъ его должности, драгоцѣнная трость;—«онъ вѣрный другъ, имѣю опыты его скромности», сказала при этомъ императрица А. В. Храповицкому [3]); 25-го мая пожалованъ графомъ Римской имперіи; 29-го августа подарена трость въ 3,700 руб. и вручена ему лично государынею; 8-го сентября на него возложенъ орденъ св. Александра Невскаго. Эта высокая награда дала возможность графу Мамонову носить и польскіе ордена: Бѣлаго орла и св. Станислава, пожалованные ему королемъ Станиславомъ Августомъ IV,

---

[1]) Весьма дальнемъ, какъ то признавалъ и самъ Мамоновъ. На золотомъ чайникѣ, подаренномъ имъ кн. Потемкину, было награвировано: plus unis par le coeur que par le sang (соединены болѣе сердцами, нежели узами крови). Записки Храповицкаго, изд. 1874 г., стр. 13. 20-го іюля 1786 года.

[2]) Helbig, Russische Günstlinge, S. 442.

[3]) Записки Храповицкаго, стр. 74. 4-го мая 1788 года.

еще въ октябрѣ 1786 года, но которыхъ Мамоновъ не надѣвалъ по неимѣнію орденовъ русскихъ. Наслѣдникъ цесаревичъ Павелъ Петровичъ, весьма благосклонный къ графу, пожаловалъ ему орденъ св. Анны, въ ноябрѣ 1786 года, и Мамоновъ, первый изъ кавалеровъ украсилъ его бриллiантами. Весною 1789 года, Екатерина II имѣла намѣренiе назначить графа вице-канцлеромъ. Вещественныя награды, которыми былъ удостоенъ графъ Мамоновъ, были соотвѣтственны вышеисчисленнымъ почестямъ. Перечень его богатствъ и драгоцѣнностей, составленный Гельбигомъ [1]), едва ли преувеличенъ. «Богатства его», — говоритъ Гельбигъ, — «были несмѣтны. Доходы его съ однихъ лишь помѣстьевъ простирались до 63-хъ тысячъ рублей; въ одномъ Нижегородскомъ намѣстничествѣ онъ имѣлъ 27,000 душъ крестьянъ. Съ перваго же дня возвышенія онъ получилъ 60,000 р., въ качествѣ генералъ-адъютанта 15,000 р. ежемѣсячно, кромѣ жалованья по другимъ должностямъ. Ежегодно въ день рожденія онъ получалъ по 100,000 р. и столько же въ имянины; въ теченіе трехъ послѣднихъ мѣсяцевъ 1789 года, графу Мамонову было выдано до полумилліона рублей. Какія угодно суммы выдавались ему изъ собственной казны императрицы по простымъ запискамъ. На столъ ему отпускалось ежегодно 36,000 р. Стоимость его бриллiантовъ соотвѣтствовала его капиталамъ. Всѣ орденскіе его знаки осыпаны были бриллiантами съ жемчугомъ. Александровскій орденъ со звѣздою, пожалованный ему въ 1788 году, былъ купленъ императрицею у наслѣдниковъ Ланскаго за 30,000 р. Въ этотъ счетъ не входятъ бриллiанты, составлявшіе принадлежность платья; бриллiантовые аксельбанты графа Мамонова оцѣнивались въ 50,000 руб. Наконецъ, самая опала графа Мамонова сопровождалась щедрыми подарками великодушной императрицы: обручальныя кольца графа и фрейлины княжны Дарьи Өедоровны Щербатовой (1762,†1801) стоили 10,000 руб. Сверхъ того, въ видѣ свадебнаго подарка, имъ было пожаловано 100,000 р. и 2,250 душъ крестьянъ [2]).

Обвиняя графа Мамонова въ корыстолюбіи, тщеславіи, гордости и неблагодарности, Гельбигъ, однако же, отдаетъ справедливость его уму и дарованіямъ. Екатерина II, ознакомивъ его съ тайнами дипломатики, удостоила его неограниченнымъ своимъ довѣріемъ по всѣмъ дѣламъ внѣшней политики Россіи. «Онъ разуменъ», отзывалась о немъ императрица,—«и будетъ присутствовать въ Совѣтѣ, чтобы имѣть тамо свой глазъ» [3]). Ему сообщались ноты и депеши всѣхъ иностранныхъ министровъ и пословъ, показывались собственноручныя письма державныхъ особъ, при немъ совѣщались съ канцлеромъ; онъ безотлучно находился при императрицѣ во время ея конфиденціальныхъ разговоровъ съ Іосифомъ II и Станиславомъ Августомъ. Мнѣнія графа Мамонова выслушивались государынею не безъ вниманія и иногда принимались къ соображенію. Дѣла по части внутренняго управленія проходили чрезъ руки графа Мамонова, и здѣсь, по свидѣтельству современниковъ, вліяніе его не бывало вредно, или кому либо гибельно. Онъ былъ гордъ, необщедоступенъ; но самая эта недоступность ограждала императрицу отъ множества докучливыхъ просьбъ, которыя могли разгнѣвать государыню и на самого ходатая. Тѣмъ не менѣе, графъ Мамоновъ оказывалъ свое содѣйствіе и благосклонность тѣмъ именитымъ лицамъ, которыя, заглушивъ въ себѣ чувства благородной гордости, прибѣгали къ покровительству любимца счастія. Таковыми были Михельсонъ, Якобій,

[1]) Helbig, S. 445; 447—449.

[2]) Записки Храповицкаго, стр. 291. 20-го іюня 1789 г.

[3]) Тамъ же, стр. 79. 4-го мая 1788 г.

вдова генерала Семена Ѳедоровича Уварова, княгиня Екатерина Романовна Дашкова, Елагинъ, Кречетниковъ, князь А. М. Голицынъ [1]), князь Циціановъ [2]). Графъ Мамоновъ ходатайствовалъ предъ императрицею и о разоренныхъ крестьянахъ деревни Князевой, подававшихъ ему письмо съ просьбою о защитѣ [3]).

Какъ собесѣдникъ интимнаго кружка императрицы, графъ Мамоновъ отличался веселостью и остроуміемъ. Былъ сотрудникомъ государыни въ сочиненіи ею нѣсколькихъ пословицъ (провербовъ) для эрмитажнаго театра, ея оперетки «Горе-богатырь» и самъ написалъ нѣсколько французскихъ піесокъ. Любя театръ, графъ Мамоновъ много содѣйствовалъ вниманію императрицы къ русской сценѣ, и, такъ сказать, самому облагороженію званія придворныхъ артистовъ, на которое дворъ и знать того времени смотрѣли съ крайнимъ презрѣніемъ. Наконецъ, будущій біографъ графа А. М. Дмитріева-Мамонова не долженъ обойти молчаніемъ его глубокой почтительности къ великому князю Павлу Петровичу и его августѣйшему семейству. Графъ Мамоновъ былъ единственнымъ изъ любимцевъ счастія царствованія Екатерины II, удостоеннымъ расположенія императора Павла Петровича: 5-го апрѣля 1797 года онъ пожаловалъ Мамонову русское графство.

Причиною паденія графа Дмитріева-Мамонова была, какъ извѣстно, его интрига съ княжною Щербатовою. Скрытность и двуличіе графа возбудили сильное негодованіе императрицы. Гарновскій, въ подробномъ и весьма интересномъ разсказѣ сообщая князю Потемкину объ этомъ событіи [4]), предугадывалъ, что оно можетъ быть гибельно и самому Таврическому: опасенія его были справедливы — паденіе Мамонова было предвѣстникомъ возвышенія Зубова [5]).

— «Онъ не можетъ быть счастливъ», сказала Екатерина II, безошибочно предугадывая супружескую жизнь графа: «разница ходить съ кѣмъ въ саду и видѣться на четверть часа, или жить вмѣстѣ» [6]). Графъ Мамоновъ не былъ счастливъ въ супружествѣ; въ письмахъ его къ императрицѣ [7]) проявлялось чувство раскаянія въ увлеченіи, которое лишило его значенія при дворѣ [8]).

Графъ А. М. Дмитріевъ-Мамоновъ скончался въ Москвѣ 23-го сентября 1803 года. Единственный его сынъ и наслѣдникъ графъ Матвѣй Александровичъ, прославившійся въ Москвѣ роскошью образа жизни, громадными пожертвованіями въ 1812 году, а въ послѣдствіи многими чудачествами и странными выходками, страдалъ припадками умопомѣшательства, и скончался 11-го іюня 1863 года, на 73-мъ году отъ рожденія. Съ нимъ пресѣкся родъ графовъ Дмитріевыхъ-Мамоновыхъ. К. П.

---

[1]) Записки Храповицкаго, стр. 73, 89, 126, 159, 166, 184, 188, 230, 265.

[2]) «Русскій Архивъ» 1872 г., стр. 2146—2149.

[3]) Записки Храповицкаго, стр. 263. 14-го марта 1789 г.

[4]) «Русская Старина» изд. 1876 г., томъ XVI, стр. 399—403, 404, 409. См. также изд. 1875 г., томъ XIV стр. 242.

[5]) «Русская Старина» изд. 1876 г., томъ XVI, стр. 591—606.

[6]) Записки Храповицкаго, стр. 337. 11-го іюня 1790 г.

[7]) «Русскій Архивъ» 1865 г., стр. 633—641.

[8]) Въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ есть нѣсколько писемъ Мамонова къ Екатеринѣ II, которыя не безъинтересны для его біографіи, но мы не приводимъ ихъ здѣсь, потому что записки Гарновскаго достаточно уже познакомили читателей «Русской Старины» съ графомъ А. М. Дмитріевымъ-Мамоновымъ (см. «Русскую Старину» изд. 1876 г. томъ XV и XVI.

Приложенный къ этой книгѣ «Русской Старины» портретъ, гравированъ акад. И. П. Пожалостинымъ и есть точное воспроизведеніе съ гравюры «аква-тинта» работы Валькера. Она была снята съ портрета, писаннаго въ Кіевѣ, живописцемъ князя Потемкина Шебановымъ, въ 1787 году. Одновременно, тѣмъ же художникомъ былъ списанъ портретъ и съ императрицы Екатерины II. Мы сочли не лишнимъ приложить портретъ Мамонова потому. что читатели «Русской Старины», въ ея изданіи 1876 г., очень часто встрѣчались съ графомъ Александромъ Матвѣевичемъ въ обширныхъ запискахъ Михаила Гарновскаго.

Письмо Екатерины II къ Д. В. Волкову.

IX [1]).

(Собственноручно). Ноеб. 30 чис. 1771 г.

Дмитрій Васильевичъ, неусыпныя труды и раченіе, кои вы изъ усердія добровольно на себя приняли на Москвѣ, для прекращенія погибели рода человеческаго, сами собою приносятъ плоды, кои приятны душамъ благороднымъ, напольненнымъ бодростію во время общаго унынія, и, позабывъ собственную опасность, только стараются о возстановленіи общея безопасности. Таковы-то ваши подвиги были и суть въ нынешное время, кое хотя само собою безщастно, но однако къ тому весьма служитъ, чтобъ различить изъ множества какъ тѣнь и свѣтъ въ картинѣ, отличныя качествы душъ и умовъ человеческихъ; и не малая въ общей печали намъ отрада находитъ весьма блиско насъ и въ Сенатѣ нашемъ таковыхъ особъ, кои примеры подаютъ гярячей любвы къ отечеству, верности къ намъ и къ общему добру, и чрезъ то оправдаютъ нашу къ нимъ доверенность. Сказавъ вамъ сіе, вы уже сумнѣватся не можетѣ о нашемъ, вами произведенномъ, удовольствіи; вы перомъ и дѣломъ показали образъ мыслей приличной верному сыну отечества. Мы таковымъ васъ признавая, надеемся, что вы не оставитѣ старатся окончать то тежелое бремя, которое нынѣ на васъ лежитъ, съ таковой же ревностію, какъ вы оное начели, чемъ наивяще обяжитѣ насъ умножить къ вамъ имеющеѣ наше благоволеніе, которое мы готовы всячески вамъ самымъ дѣломъ оказать. Екатерина. Сообщ. С. А. Рудакова.

---

[1]) Дм. Вас. Волковъ (р. 1718 † 1785), секретарь Петра III, составитель манифеста о «вольности дворянства» (1762 г.); въ 1770 — 1775 гг. будучи сенаторомъ въ Москвѣ, участіемъ своимъ въ принятіи мѣръ противъ чумы 1771 г. пріобрѣлъ особое благоволѣніе Екатерины II. Въ 1776 г. Волковъ былъ намѣстникомъ въ Смоленскѣ, съ 1778 г. генералъ-полиціймейстеромъ и сенаторомъ въ Петербургѣ. Съ 1780 г. только сенаторъ, въ 1782 г. въ отставкѣ, въ 1785 г. скончался. Портретъ Д. В. Волкова и матеріалы къ его біографіи см. въ «Русской Старинѣ» изд. 1874 г. томы IX и XI.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Вступленіе русскихъ войскъ въ г. Яссы подъ начальствомъ генералъ-поручика Элмпта. (Выписка изъ реляціи опокореніи княжества Молдавскаго) [1]. 26-го сентября 1769 г., въ полдень, вступилъ генералъ-поручикъ Элмптъ въ Яссы и встрѣченъ былъ при въѣздѣ въ городъ всѣми знатнѣйшими боярами съ отличною честію и радостію; онъ слѣдовалъ съ ними прямо въ соборную церковь, при вратахъ которой принялъ его митрополитъ со всѣмъ духовенствомъ. Вошедъ въ церковь, учинено было всѣмъ оборомъ молебствіе за драгоцѣнное здравіе ея императорскаго величества и его императорскаго высочества, при пушечной пальбѣ.

По окончаніи молебна, обнадежилъ оный генералъ-поручикъ всѣхъ предстоящихъ именемъ Е. И. В. о высочайшей ея величества ко всему молдавскому народу милости и покровительствѣ и представилъ имъ, что за всѣ Е. И. В. благодѣянія долгъ истиннаго и правовѣрнаго христіанина требуетъ доказать свою благодарность учиненіемъ въ вѣрности и подданствѣ Е. И. В. торжественной присяги. На что всѣ предстоящіе единогласно и съ восторгомъ согласились, поднявъ персты и принося Богу молитву о многолѣтнемъ здравіи Е. И. В., а тогда и дѣйствительно всѣми учинена присяга. Прежде всѣхъ митрополитъ Гавріилъ, приложась къ евангелію и ко кресту, во весь голосъ говорилъ предстоящимъ, что онъ данною ему отъ Спасителя нашего властію повелѣваетъ всѣмъ православнымъ христіанамъ въ вѣрности и подданствѣ къ Е. И. В. Всероссійской и къ Е. В. государю цесаревичу слѣдовать его примѣру и учинить не одну торжественную, но истиннымъ сердцемъ и душою присягу, прибавляя къ тому, что если кто противное сему помыслитъ, того онъ, какъ изверга, отъ христіанства предаетъ вѣчно анаѳемѣ.

Едва слова сіи были выговорены, какъ всѣ кучами начали метаться къ цѣлованію креста и евангелія, такъ что надлежало опредѣлить людей для соблюденія должнаго порядка и такимъ образомъ присяга кончена и подписана всѣми, кто тогда въ церкви находился, и на завтра долженствовала оная продолжаться во всѣхъ церквахъ, въ присутствіи опредѣленныхъ для того офицеровъ.

А дабы всего княжества правленіе возстановить и привести въ единство, то для собранія разсыпанныхъ членовъ дивана или правительства и

---

[1]) Сообщено изъ Перми, П. А Карабьинымъ.

для возстановленія власти и силы онаго изданъ отъ генерала поручика Элмпта пристойный для того предмета манифестъ, и дивану данъ Е. И. В. указъ о вступленіи въ засѣданіе.

По осмотру и свидѣтельству г. Элмпта, городъ Яссы имѣетъ замокъ и два монастыря такихъ, въ которыхъ четыре баталіона пѣхоты противъ непріятеля удерживаться въ состояніи чрезъ всю зиму; городъ же Батучаны, такъ какъ и прочія мѣста, занимаются также войсками, и такимъ образомъ, что вся подъ державу Е. И. Б. покоренная Молдавская земля отъ непріятеля въ полное охраненіе приводится.

Разсказы стараго лейбъ-казака. [1]

Въ 1812 г. среди движенія къ Витебску, французамъ необходимо было возстановить одинъ мостъ, сожженный нами наканунѣ. Это исполнили они съ большими для себя потерями отъ сильнаго огня нашей гвардейской конной артиллеріи. Французская кавалерія, пѣхота и артиллерія, быстро перейдя чрезъ исправленный мостъ, тотчасъ же построились въ боевой порядокъ и открыли по лейбъ-гвардіи казачьему полку жестокую канонаду. Въ это время, замѣтивъ, что полкъ французскихъ конныхъ егерей и двѣ роты стрѣлковъ значительно отдѣлились отъ прочихъ своихъ войскъ и неосторожно остановились впереди своихъ батарей, начальникъ аріергарда нашей арміи, графъ Паленъ, приказалъ лейбъ-казакамъ и Сумскимъ гусарамъ атаковать ихъ. Приказаніе это тѣми и другими исполнено блистательно: французскіе егеря смяты и опрокинуты въ оврагъ; таже участь постигла и непріятельскихъ стрѣлковъ. Послѣ этого, лейбъ-казаки бросились на непріятельскія батареи; два лейбъ-казачьихъ офицера, Жмуринъ и Коньковъ, первые вскочили на одну изъ этихъ батарей—и батареи, въ виду Наполеона, взяты, а пушки ихъ сброшены въ оврагъ.

Передъ этимъ молодецкимъ дѣломъ произошелъ замѣчательный случай: когда французскія войска перешли черезъ мостъ и начали строиться въ боевой порядокъ, впереди пѣхотной линіи ихъ остановились два непріятельскихъ офицера и, развернувъ какую-то весьма широкую бумагу, внимательно разсматривали ее, причемъ вели оживленный споръ. Находившійся при полковникѣ Ефремовѣ, вѣстовымъ, рѣдкой отважности рядовой лейбъ-гвардіи казачьяго полка, Ажогинъ, не сказавши ни слова своему полковнику, стремглавъ поскакалъ на этихъ непріятельскихъ офицеровъ, повалилъ одного изъ нихъ пикою, выхватилъ изъ рукъ ошеломленнаго такою неожиданностію другаго французскаго офицера разсматриваемую имъ бумагу и вихремъ прилетѣлъ обратно къ своему полковнику съ добытымъ трофеемъ: то была до-

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1876 г. т. XVII.

вольно подробная карта Россіи, изданная въ Парижѣ, передъ походомъ Наполеона въ наше отечество. Ефремовъ, въ одно и тоже время долженъ былъ и похвалить Ажогина—за его удальство и побранить его—за самовольную отвагу. Кстати замѣтимъ, что этотъ замѣчательный подвигъ былъ послѣднимъ подвигомъ Ажогина: въ тотъ же день, вечеромъ, онъ убитъ въ сраженіи при Витебскѣ.

Примѣчаніе. Карту эту полковникъ, а въ послѣдствіи времени—генералъ-лейтенантъ—И. Е. Ефремовъ, сохранилъ у себя и, въ 1837 году, подарилъ ее отцу автора «разсказовъ стараго лейбъ-казака». Этотъ послѣдній, вмѣстѣ съ рукописью своихъ разсказовъ, прислалъ въ редакцію «Русской Старины» и самую карту. Она озаглавлена такъ: «Carte des routes de poste de la Russie Européenne, exécutée par ordre de S. E. M. le Duc de Feltre, Ministre de la Guerre, sous la direction de M. le Général Comte Sanson, au Dépôt général de la Guerre. Paris, MDCCCXII.

—

По отступленіи нашей арміи отъ Витебска къ Порѣчью, лейбъ-гвардіи казачій полкъ, замыкая аріергардъ нашъ, мужественно выполнялъ возложенную на него обязанность — всячески задерживать напирающія на нашу армію войска Мюрата, и успѣвалъ по цѣлымъ часамъ отстаивать каждый шагъ нашъ. Среди этого времени, лейбъ-казакамъ (16-го іюля 1812 г.) удалось спасти эскадронъ Сумскаго гусарскаго полка, отрѣзаннаго уже отъ нашихъ войскъ французами: лишь только увидѣли это лейбъ-казаки, они стремительно бросились въ атаку на непріятеля, успѣли смять его и, вмѣстѣ съ освобожденнымъ эскадрономъ гусаръ, въ порядкѣ присоединились къ своимъ войскамъ.

—

Во время знаменитаго, у стѣнъ Смоленска, двухдневнаго боя съ арміями Наполеона соединившихся 1-й и 2-й армій нашихъ, непріятель нѣсколько разъ предпринималъ попытки переправиться чрезъ Днѣпръ; но всѣ эти попытки были безуспѣшны. Тогда Наполеонъ рѣшился исполнить свое намѣреніе хитростью: онъ приказалъ продолжать попытки къ переправѣ около города, но въ тоже время отправилъ вверхъ по Днѣпру сильные отряды кавалеріи и пѣхоты, чтобы они употребили всѣ усилія совершить переправу, ночью, на нѣкоторомъ разстояніи отъ Смоленска. На берегу Днѣпра, всюду двигались наблюдательныя команды Донцовъ. Въ полночь, корнетъ лейбъ-гвардіи казачьяго полка, Николаевъ, оберегавшій съ нѣсколькими лейбъ-казаками указанное ему пространство берега Днѣпра, замѣтилъ на гладкой поверхности водъ неслышно двигающіяся, темныя пятна, и что пятна эти постепенно приближаются къ нашему берегу.... Еще минута и, предъ глазами команды Николаева, явился непріятельскій отрядъ, а подъ горою, у самой рѣки, явились и приближающіяся

подкрѣпленія непріятелю.... Дружный залпъ лейбъ-казачьей команды встрѣтилъ переплывшаго врага. Французы, оправившись отъ неожиданности, понеслись на горсть лейбъ-казаковъ, но сдѣланный ими залпъ услышанъ полковникомъ Ефремовымъ; онъ понесся съ своимъ эскадрономъ къ мѣсту тревоги, и много оставленныхъ непріятелемъ на нашемъ берегу труповъ засвидѣтельствовали налетъ Ефремова, а когда подоспѣли сюда другіе эскадроны лейбъ-гвардіи казачьяго полка и Изюмскіе гусары, то вся успѣвшая переправиться французская кавалерія не выдержала стремительной атаки ихъ, и въ разсыпную бросилась къ Днѣпру, поражаемая пиками, саблями и пулями. Истребленіе здѣсь французовъ было безпощадное....

—

По оставленіи нашими арміями Смоленска, когда армія князя Багратіона двигалась уже по Московской дорогѣ, а армія Барклая-де-Толли принуждена была предпринять фланговое движеніе, вслѣдствіе невозможности пройти по прямой дорогѣ безъ большихъ потерь въ виду стоящихъ на противоположномъ берегу Днѣпра непріятельскихъ батарей, находчивость и распорядительность генерала Тучкова 3-го избавила обѣ арміи наши отъ несчастія быть снова разъединенными арміями Наполеона. Военная исторія наша записала на своихъ страницахъ яркими чертами подвигъ Тучкова 3-го у Валутиной горы и ту блистательную помощь, какая оказана Тучкову 3-му при совершеніи этого подвига графомъ Орловымъ-Денисовымъ, троекратно устремлявшимся съ своею кавалеріею въ ожесточенный бой съ войсками Мюрата, у сел. Заболотья. Передаемъ здѣсь нѣсколько подробностей собственно объ участіи лейбъ-казаковъ при отпорѣ французамъ у Заболотья:

Едва графъ Орловъ-Денисовъ успѣлъ объявить своимъ войскамъ, что съ одной стороны у нихъ массы непріятеля, а съ другой — непроходимыя болота и что „для насъ одинъ исходъ — побѣдить, или съ честью умереть", — какъ вслѣдъ за произнесеніемъ этихъ словъ два французскихъ пѣхотныхъ полка стали выходить изъ кустарника и открыли сильный огонь. Тотчасъ же лейбъ-казаки понеслись въ атаку на эти два полка и, съ прискакавшими къ нимъ на помощь Маріупольскими гусарами, изрубили на мѣстѣ оба полка. Въ тотъ же день, ночью, представился лейбъ-казакамъ новый случай отличиться: графу Орлову-Денисову дали знать, что наши двѣ артиллерійскія роты попали въ такую топь болота, что орудія завязли и артиллеристы, не находя никакой уже возможности вытащить тяжелыя пушки, принуждены были бросить ихъ, спѣша уйти за своимъ отступавшимъ отрядомъ. Тотчасъ же гр. Орловъ-Денисовъ приказалъ лейбъ-казачьему

корнету, Кутейникову, взять 50 надежныхъ лейбъ-казаковъ и непремѣнно спасти завязнувшія орудія. Вокругъ болота, густою цѣпью стояли французскіе стрѣлки; но удальцы наши, по указанію артиллеристовъ, добрались до мѣста, гдѣ завязли пушки, въ одиночку, ползкомъ; потомъ, они, дружными усиліями, въ глубокой тишинѣ, успѣли вытащить всѣ брошенныя пушки и благополучно доставить ихъ въ свой отрядъ.

И. И. Шамшевъ.

Учебный шагъ.

Въ разсказахъ о моей службѣ въ военномъ поселеніи и характеристикѣ гр. Аракчеева [1]) упомянуто было, что графъ избѣгалъ по возможности всего, что могло неблагопріятно вліять на расположеніе духа императора Александра I-го.

Такъ, между округами гр. Аракчеева и Короля Прусскаго полковъ находился у самой дороги какой-то, почти развалившійся, господскій домъ со службами, куда, по распоряженію графа, переводимы были предъ царскими смотрами хроническіе и другіе непріятные для глазъ больные, изъ каменнаго штаба, а при проѣздѣ государя мимо этого, будто лѣтняго, отдѣленія, запрещено было больнымъ не только выходить на крыльцо, но даже не показываться въ окнахъ. Въ это отдѣленіе Аракчеевъ никогда не вводилъ покойнаго государя, подъ предлогомъ, что будто бы здѣсь помѣщается рабочая команда.

Однажды императоръ Николай Павловичъ, послѣ осмотра госпиталя въ каменномъ штабѣ, сказалъ (узнавъ, вѣроятно, о продѣлкахъ графа Аракчеева): „у васъ есть еще какое-то лѣтнее отдѣленіе?"

— Точно такъ, ваше величество.

— „Я пойду туда".

— Слушаю, ваше величество.

Слова государя поразили не только меня, смотрителя Фоража никова и полковника Чевакинскаго, но даже и генерала Клейнмихеля, тѣмъ болѣе, что и на сей разъ переведены были туда хроническіе и другіе больные, снабженные лишь по положенію госпитальными вещами, тогда какъ въ каменномъ штабѣ бѣлье было тонкое, халаты и одѣяла зеленой байки, — при томъ же и палаты „лѣтняго помѣщенія" были низкія и неудобныя.

Лишь только государь вошелъ въ крыльцо, какъ генералъ Клейнмихель приказалъ намъ тотчасъ отправиться въ деревню Шевялово, а между тѣмъ спросилъ съ видимымъ уже безпокойствомъ: „Каково томъ?" „Изрядно — былъ мой отвѣтъ, — а перемѣнить уже ничего нельзя". Я и смотритель только что успѣли пробѣжать палаты, какъ

[1]) См. «Русская Старина изд. 1872 г., томъ VI, стр. 547—559.

подъѣхалъ Государь со свитою и графомъ Дибичемъ, остановился у самаго крыльца, и, окинувъ быстрымъ взоромъ всѣ строенія, принялъ отъ меня рапортъ и сказалъ: „покажите мнѣ больныхъ". Я ввелъ Государя прямо въ кантонистскую палату. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, онъ приказалъ дежурному унтеръ-офицеру сбросить съ первой близь стоявшей кровати не только подушки, одѣяла и простыни, но даже поднять тюфяки; то же самое повторялось и въ срединѣ палаты, но, къ счастію, все было въ порядкѣ, даже доски подъ тюфяками были чисты. Замѣтно было, что Государь не въ духѣ.

Подойдя къ кантонистамъ, онъ поздоровался и, увидѣвъ на семи или восьми досках надпись: fungus (членосоставная грибовидная опухоль на ступнѣ), спросилъ: „отчего это?" Я имѣлъ смѣлость доложить Государю, что отъ чрезмѣрнаго вытягиванія ноги при учебномъ шагѣ образуется нерѣдко опухоль въ самомъ составѣ ступни, которая, при золотушномъ худосочіи кантонистовъ, рѣдко совершенно излечивается. Государь взглянулъ на меня какъ-то неблагосклонно и казался видимо недовольнымъ моимъ отвѣтомъ и объясненіемъ, обратился къ кантонисту и получилъ тотъ же отвѣтъ съ объясненіемъ, что при вытягиваніи носка во время ученія у него что-то хрустнуло и нога болитъ. Государь отвернулся и, подозвавъ къ себѣ генералъ-адъютанта, кажется, графа Дибича, показалъ больнаго и сказалъ:

— „Вотъ, по увѣренію доктора, послѣдствія учебнаго шага; но слава Богу, что онъ у насъ выводится".

Прошелъ еще по другимъ палатамъ и прощаясь благодарилъ за найденный порядокъ. Государь былъ, по всему вѣроятію, предупрежденъ объ этомъ заброшенномъ отдѣленіи, въ которое, по распоряженію гр. Аракчеева, покойный императоръ Александръ I никогда не заѣзжалъ, и полагалъ найти безпорядки, но не такъ случилось.

Не успѣлъ Государь отъѣхать, подошелъ ко мнѣ Петръ Андреевичъ Клейнмихель и грозно сказалъ:

— „Какое вамъ дѣло до учебнаго шага, и какъ вы смѣли доложить Государю, что учебный шагъ причинилъ опухоли ступни у многихъ кантонистовъ?"

— Позвольте васъ спросить, ваше превосходительство, какое я имѣлъ бы право утаить отъ Государя то, что могло бы имѣть вредное вліяніе на здоровье солдатъ?

— „Я вамъ припомню этотъ учебный шагъ, г-нъ Европеусъ",— крикнулъ генералъ, садясь уже въ коляску, и спѣшилъ за государемъ въ графскій округъ. Но это: „я вамъ припомню учебный шагъ" кончилось, nolens volens, со стороны Петра Андреевича тѣмъ, что я, въ томъ же году, былъ произведенъ въ слѣдующій чинъ.

И. И. Европеусъ

ЯКОВЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ СОЛОВЬЕВЪ

† 11-го декабря 1876 г.

Съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе рѣдѣетъ кругъ лицъ, ознаменовавшихъ себя непосредственнымъ участіемъ въ великомъ дѣлѣ составленія Положеній 19-го февраля 1861 г., легшихъ въ основу устройства быта сельскаго населенія Россіи, волею Монарха Освободителя призваннаго въ новой жизни. Русское общество уже знаетъ о тяжкой потерѣ, его постигшей: 11-го декабря 1876 г., скончался, въ Парижѣ, Яковъ Александровичъ Соловьевъ.

„Русская Старина“, сохраняя на своихъ страницахъ черты дѣятельности достопамятнѣйшихъ изъ нашихъ соотечественниковъ, долгомъ считаетъ представить для будущей біографіи Я. А. Соловьева нѣсколько данныхъ, характеризующихъ этого честнаго, энергическаго государственнаго дѣятеля, вполнѣ стяжавшаго себѣ уваженіе своихъ согражданъ и признательность потомства. Имя Я. А. Соловьева, какъ увидитъ читатель изъ представляемаго здѣсь очерка, тѣсно связано съ важнѣйшими реформами настоящаго царствованія и занимаетъ видное мѣсто въ исторіи преобразованій всего внутренняго строя Царства Польскаго.

Яковъ Александровичъ Соловьевъ, по окончаніи, въ 1843 году, курса въ С.-Петербургскомъ университетѣ, вступилъ на службу въ министерство государственныхъ имуществъ. Въ это время министерство предпринимало дѣло уравненія взимаемыхъ съ подвѣдомственныхъ ему государственныхъ крестьянъ денежныхъ сборовъ, посредствомъ переложенія ихъ съ души на доходы отъ земель и промысловъ этихъ крестьянъ. Значеніе этого дѣла будетъ понятно, если вспомнить, что даже и нынѣ, спустя почти 35 лѣтъ, переложеніе податей съ податныхъ душъ на другіе источники обложенія, въ видахъ болѣе равномѣрнаго ихъ распредѣленія, составляетъ для правительства задачу, еще не поддающуюся, не смотря на всѣ усилія, разрѣшенію. Этому-то важному дѣлу посвятилъ Яковъ Александровичъ первую половину своей служебной дѣятельности, съ 1843 по 1857 годъ включительно.

Прослуживъ нѣкоторое время въ центральномъ кадастровомъ учрежденіи министерства государственныхъ имуществъ и теоретически познакомившись въ немъ съ этимъ дѣломъ, Я. А. Соловьевъ получилъ мѣсто начальника одной изъ кадастровыхъ коммисій, производившей работы послѣдовательно въ губерніяхъ Смоленской, Владимірской и Самарской. Характеръ дѣятельности этихъ коммисій былъ для того времени совершенно исключительный. Въ то время какъ другіе роды службы были насквозь пропитаны канцеляризмомъ, кадастровые чиновники занимались **живымъ дѣломъ**: изучали бытъ крестьянъ во всѣхъ его подробностяхъ, изслѣдовали мѣстную промышленность и торговлю, вообще находились въ постоянномъ общеніи съ народомъ. Такое дѣло не могло не внушать къ себѣ интереса лицамъ, имъ занимавшимся, а потому и отношеніе кадастровыхъ чиновъ къ исполненію своихъ обязанностей было живое,—чуждое всякаго бюрократизма. Этому способствовало также коллегіальное устройство кадастровыхъ учрежденій. Въ учрежденія эти поступали почти исключительно лица съ высшимъ образованіемъ. Отношенія между товарищами, не смотря на іерархическое ихъ положеніе, были самыя искреннія,—чѣмъ кадастровыя учрежденія выдѣлялись изъ общаго тона тогдашнихъ служебныхъ отношеній. Наконецъ, особенность ихъ, легко объясняемую личнымъ составомъ и всею служебною обстановкою, составляло полное отсутствіе лихоимства, не смотря на то, что въ поводахъ къ нему не было недостатка. Въ такой-то средѣ Яковъ Александровичъ провелъ около 14-ти лѣтъ. Среда эта была лучшею подготовкою къ его послѣдующей дѣятельности по крестьянскому дѣлу въ Имперіи и въ Царствѣ Польскомъ. Она развила въ немъ тѣ свойства ума и характера, которыя сдѣлали изъ него человѣка способнаго обнимать дѣло во всей его полнотѣ, въ его принципахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ вникать во всѣ его частности,—дѣятеля энергическаго, честнаго, стойкаго, всегда глубоко преданнаго своему дѣлу, можно сказать, имъ всецѣло поглощаемаго. Она же развила въ немъ рѣдкое умѣнье выбирать себѣ сотрудниковъ. Наконецъ, она доставила ему основательное знакомство со всѣми сторонами крестьянскаго быта. Занимаясь кадастровыми работами, Яковъ Александровичъ не ограничивался исполненіемъ своихъ прямыхъ обязанностей: работы эти сами по себѣ доставляли весьма цѣнный статистическій матеріалъ, кромѣ того, онѣ давали возможность къ статистическимъ изслѣдованіямъ, не входившимъ прямо въ програму кадастровыхъ учрежденій. Результатомъ обработки всего этого матеріала по Смоленской губерніи была составленная Яковомъ Александровичемъ и изданная въ 1855 г. „Сельско-хозяйственная статистика Смоленской губерніи",—трудъ весьма замѣчательный, увѣнчанный Русскимъ Географическимъ обществомъ золотою медалью. По губерніямъ Вла-

димірской и Самарской Яковъ Александровичъ не успѣлъ обработать собраннаго имъ матеріала, такъ какъ въ концѣ 1857 г. былъ призванъ тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланскимъ, по рекомендаціи покойнаго Н. А. Милютина, къ управленію Земскимъ отдѣломъ этого министерства, учрежденнымъ одновременно съ первыми Высочайшими рескриптами объ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ. Здѣсь Яковъ Александровичъ былъ главнымъ дѣятелемъ во всѣхъ предварительныхъ по этому предмету распоряженіяхъ, а съ открытіемъ Редакціонныхъ коммисій, вмѣстѣ съ Н. А. Милютинымъ, кн. В. А. Черкасскимъ, Ю. Ѳ. Самаринымъ и нѣкоторыми другими— Я. А. Соловьевъ принималъ живѣйшее, самое горячее участіе въ обсужденіи и рѣшеніи всѣхъ вопросовъ по составленію Положеній о крестьянахъ. Въ коммисіяхъ этихъ онъ сблизился съ кружкомъ лицъ одинаковыхъ съ нимъ убѣжденій и сохранилъ къ нимъ на всю жизнь самыя искреннія и задушевныя отношенія.

По изданіи крестьянскихъ Положеній, Яковъ Александровичъ, въ качествѣ управляющаго тѣмъ же Земскимъ отдѣломъ, руководилъ въ первое время приведеніемъ этихъ Положеній въ исполненіе. Здѣсь въ особенности выказалось одно изъ основныхъ свойствъ его характера: вѣрность однажды установленнымъ началамъ, строгое, нелицепріятное и стойкое приложеніе ихъ къ дѣлу. Свойство это особенно необходимо было въ означенномъ дѣлѣ, при различныхъ, нерѣдко противоположныхъ интересахъ, въ немъ замѣшанныхъ, и теченіяхъ, въ немъ господствовавшихъ. Невозможность для Якова Александровича идти на перекоръ убѣжденіямъ, которыя были притомъ освящены изданнымъ закономъ,—была причиною его удаленія изъ Земскаго отдѣла въ концѣ 1863 года.

Не долго, однако-же, Яковъ Александровичъ пользовался вынужденнымъ покоемъ.

Въ первой половинѣ 1864 г., попредставленію Н. А. Милютина, онъ Я. А. Соловьевъ былъ назначенъ членомъ Учредительнаго комитета въ Царствѣ Польскомъ. Событія, происшедшія въ этомъ краѣ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, доказали необходимость коренныхъ измѣненій въ гражданскомъ его устройствѣ, и первою на этомъ пути мѣрою было изданіе указовъ 19-го февраля 1864 г., по которымъ тамошніе крестьяне, лично освобожденные изъ крѣпостнаго состоянія еще въ началѣ текущаго столѣтія, получили право собственности на занимаемыя ими земли и право самоуправленія. Для приведенія въ исполненіе этого достопамятнаго закона были образованы коммисіи по крестьянскимъ дѣламъ и Учредительный комитетъ, которому было ввѣрено высшее завѣдываніе крестьянскимъ дѣломъ; въ послѣдствіи этому Комитету были поручены и другія обширныя преобразовательныя работы.

При распредѣленіи занятій между своими членами, Учредительный

комитетъ поручилъ Я. А. Соловьеву должность члена завѣдывавшаго дѣлами комитета, съ которою было связано завѣдываніе личнымъ составомъ крестьянскихъ коммисій и наблюденіе за ихъ дѣйствіями; а въ слѣдующемъ 1865 году къ этимъ обязанностямъ присоединилось предсѣдательство въ Центральной коммисіи по крестьянскимъ дѣламъ, образованной тогда при Учредительномъ комитетѣ для разсмотрѣнія и утвержденія ликвидаціонныхъ табелей [1]), разрѣшенія жалобъ на мѣстныя коммисіи и разработки проектовъ постановленій по всѣмъ предметамъ поземельныхъ отношеній владѣльцевъ имѣній и крестьянъ.

Такимъ образомъ, Я. А. Соловьеву, пріобрѣвшему извѣстность своими трудами по устройству русскихъ крестьянъ, выпало на долю непосредственное руководство и завѣдываніе крестьянскимъ дѣломъ въ Царствѣ Польскомъ.

Дѣло это оказалось не легкимъ: начавъ приводить въ исполненіе законъ 19-го февраля 1864 г. въ странѣ, въ которой мятежъ не былъ еще вполнѣ подавленъ, приходилось въ то же время изучать сложныя мѣстныя поземельныя отношенія; съ необходимою на первыхъ порахъ быстротою и рѣшительностію дѣйствій необходимо было соединить строгое исполненіе закона и безпристрастіе къ сторонѣ явно враждебной, а по мѣрѣ водворенія въ краѣ порядка—переходить къ точному соблюденію всѣхъ легальныхъ формъ въ производствѣ дѣлъ и разборѣ жалобъ; при отсутствіи въ Царствѣ общиннаго владѣнія землею, было настоятельно необходимо изслѣдовать и опредѣлить права каждаго отдѣльнаго усадебника, а ихъ оказалось болѣе 700,000. Если припомнить при этомъ, что шляхта, дотолѣ господствовавшая, смотрѣла на указъ 19-го февраля, какъ на мѣру, направленную прямо противъ нея и нанесшую окончательный ударъ ея господству, а крестьяне были возбуждены противъ своихъ бывшихъ помѣщиковъ воспоминаніями многолѣтняго ихъ гнета и дѣйствіями ихъ во время мятежа,—то можно составить себѣ понятіе о трудности направленія такого дѣла къ быстрому и безпристрастному его разрѣшенію.

Я. А. Соловьевъ оказался на высотѣ своего призванія и труды его привели къ замѣчательнымъ успѣхамъ. Кадры крестьянскихъ Коммисій, составленные изъ людей, работавшихъ по русскому крестьянскому дѣлу, въ первые, лучшіе, его годы, перенесли въ Царство Польское отличавшія ихъ въ тѣ годы энергію и преданность дѣлу и вообще добрыя традиціи русскихъ крестьянскихъ учрежденій, и Яковъ Александровичъ употребилъ всѣ усилія къ тому, чтобы онѣ тамъ привились и укоренились. Коммисары каждой Коммисіи составили одну семью, руководимую своимъ предсѣдателемъ, а предсѣдатели Коммисій, въ свою очередь, были въ непрерывныхъ сношеніяхъ, письмен-

[1]) Акты, соотвѣтствующіе русскимъ уставнымъ грамотамъ.

ныхъ и личныхъ, съ Яковомъ Александровичемъ, который слѣдилъ за дѣйствіями каждой Коммисіи и каждаго ея члена и давалъ общее направленіе. Благодаря его настойчивости, установленному имъ порядку и предложеннымъ имъ мѣрамъ, работы, порученныя крестьянскимъ Коммисіямъ, были совершены скорѣе чѣмъ можно было предполагать и дѣйствія ихъ вполнѣ соотвѣтствовали чести и достоинству русскаго имени.

Легко себѣ представить какое множество просителей являлось къ Я. А. Соловьеву и какія усилія употреблялись для того, чтобы повліять на него въ желаемомъ ими смыслѣ; все это оставалось совершенно безуспѣшнымъ и разъ принятое и ясно сознанное направленіе было имъ выдержано до конца. Законъ исполнялся безъ малѣйшихъ отступленій.

Кромѣ завѣдыванія крестьянскимъ дѣломъ, Я. А. Соловьевъ руководилъ разработкою въ канцеляріи Учредительнаго комитета законодательныхъ проектовъ и административныхъ мѣръ, разсматривавшихся потомъ въ Учредительномъ комитетѣ, и онъ же былъ докладчикомъ въ Комитетѣ по всѣмъ этимъ дѣламъ. Здѣсь не мѣсто перечислять разнообразныя работы Комитета; довольно сказать, что въ теченіе семилѣтняго существованія дѣятельность Учредительнаго комитета, памятникомъ которой остались 20 томовъ его постановленій [1]), постепенно охватила всѣ отрасли управленія въ Царствѣ, преобразовывая ихъ на началахъ, принятыхъ въ Имперіи, и подготовивъ ихъ къ передачѣ въ завѣдываніе общихъ центральныхъ управленій Имперіи.

Отдавая должную дань уваженія трудамъ Учредительнаго комитета, полная оцѣнка которыхъ принадлежитъ исторіи, нельзя не признать значенія личныхъ заслугъ Я. А. Соловьева, какъ того члена Комитета, въ рукахъ котораго было общее завѣдываніе его дѣлами. Опытный, проницательный и неутомимый, Я. А. Соловьевъ безъ устали работалъ самъ и умѣлъ поддерживать дѣятельность въ своихъ подчиненныхъ, къ которымъ былъ строгъ и требователенъ по службѣ, но о которыхъ искренно заботился, поддерживая ихъ чѣмъ могъ въ чужомъ для русскихъ людей краѣ. Даже оставивъ службу въ Царствѣ Польскомъ и живя уже въ Петербургѣ, онъ не забывалъ о своихъ бывшихъ сослуживцахъ по Царству и не могъ успокоиться, покуда тѣ изъ нихъ, которые остались за штатомъ и безъ занятій, не были устроены.

Я. А. Соловьевъ былъ истинно русскій человѣкъ и посреди своихъ служебныхъ обязанностей находилъ время для заботъ объ устройствѣ и развитіи русскихъ благотворительныхъ и общественныхъ учрежденій въ Варшавѣ, принимая дѣятельное участіе въ управленіи ими.

[1]) Изученіе этихъ постановленій положительно необходимо для каждаго, желающаго основательно ознакомиться съ Царствомъ Польскимъ.

Домъ его всегда былъ гостепріимно открытъ для всѣхъ русскихъ, жившихъ въ Варшавѣ и пріѣзжавшихъ туда.

Съ закрытіемъ, въ 1871 году, Учредительнаго комитета, Я. А. Соловьевъ, носившій званіе сенатора еще съ 1867 года, былъ назначенъ къ присутствованію въ 4-мъ департаментѣ сената. Онъ казался вполнѣ довольнымъ, имѣя больше чѣмъ прежде досуга и посвящая его любимой имъ семьѣ, чтенію, разбирая и приводя въ порядокъ массу накопившихся за время прежней его дѣятельности бумагъ, напоминавшихъ дорогое для него время Редакціонныхъ Коммисій, о которомъ онъ очень любилъ говорить. Но прошли годы и люди, близко его знавшіе, не могли не замѣтить, что, сохранивъ всю отличавшую его энергію и привычку къ обширнымъ служебнымъ трудамъ, чутко отзываясь на всѣ крупные вопросы, которые ставитъ жизнь развивающагося государства, онъ не удовлетворялся своими текущими служебными занятіями, которыя по большей части касались предметовъ, чуждыхъ всей его прежней дѣятельности. Здоровье его начало постепенно разстраиваться. Однако, въ началѣ лѣта прошлаго года, при отъѣздѣ его изъ Петербурга на вакаціонное въ сенатѣ время, не было еще поводовъ къ серьезнымъ опасеніямъ за его жизнь; но осенью, когда онъ, отправляясь по семейнымъ обстоятельствамъ изъ деревни за границу, былъ проѣздомъ въ Варшавѣ, тамошніе друзья его были встревожены появившимися уже признаками глубокаго разстройства его здоровья. На зиму Яковъ Александровичъ поселился въ Парижѣ и, казалось, укрѣплялся въ силахъ. Въ началѣ декабря 1876 г. заболѣлъ воспаленіемъ въ груди; хотя болѣзнь, повидимому, тотчасъ же уступила леченію, но какое-то неопредѣленное томленіе не прекращалось и силы слабѣли. На девятый день болѣзни, вечеромъ, онъ приподнялся на постели, и съ просвѣтлѣвшимъ лицомъ и оживившимися глазами, произнесъ яснымъ голосомъ: „Ахъ, какъ хорошо! Все хорошо!" Это были послѣднія его слова, достойно закончившія честную жизнь потрудившагося для своего отечества человѣка. Онъ впалъ въ забытье и черезъ два часа его не стало. Доктора приписали смерть пораженію сердца.

Яковъ Александровичъ Соловьевъ скончался 56-ти лѣтъ отъ роду. Тѣло его перевезено въ Петербургъ и 28-го декабря 1876 г. погребено на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на 1877 годъ

на ежемѣсячное изданіе Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО

„ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ“

(Двѣнадцать выпусковъ въ годъ).

Каждый выпускъ заключаетъ въ себѣ отъ полутора до двухъ листовъ убористаго шрифта еженедѣльныхъ газетъ нашихъ. Изъ всѣхъ двѣнадцати выпусковъ (за январь, февраль, мартъ, и т. д.) составится книга. Это будетъ дневникъ въ буквальномъ смыслѣ слова, отчетъ о дѣйствительно выжитыхъ въ каждый мѣсяцъ впечатлѣніяхъ, отчетъ о видѣнномъ, слышанномъ и прочитанномъ. Сюда, конечно, могутъ войти разсказы и повѣсти, но преимущественно о событіяхъ дѣйствительныхъ.

Каждый выпускъ будетъ выходить въ послѣднее число каждаго мѣсяца и продаваться отдѣльно во всѣхъ книжныхъ магазинахъ по 20 копѣекъ. Желающіе подписаться на все годовое изданіе впередъ пользуются уступкою и платятъ лишь **два рубля** (безъ доставки и пересылки), а съ пересылкою или доставкою на домъ **два рубля пятьдесятъ копѣекъ.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ для городскихъ подписчиковъ въ С.-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Я. А. Исакова (Гостиный дворъ, № 24) и въ Книжномъ магазинѣ для иногородныхъ, Невскій пр., № 44.

Гг. иногородные подписчики благоволятъ обращаться исключительно къ автору по слѣдующему адресу: С.-Петербургъ, Греческій проспектъ, подлѣ греческой церкви, домъ Струбинскаго, № 6. **Ѳедору Михайловичу Достоевскому**.

Оставшіеся въ незначительномъ количествѣ полные экземпляры «Дневника Писателя за 1876 годъ» сброшюрованы въ одну книгу и поступили въ продажу во всѣхъ книжныхъ магазинахъ по 2 р. 50 к. за экземпляръ. Выписывающіе прямо отъ автора пользуются безплатною пересылкою.

Предварительный Комитетъ Высочайше разрѣшеннаго IV Археологическаго съѣзда спѣшитъ извѣстить всѣхъ желающихъ въ немъ участвовать лично или присылкою своихъ трудовъ и находокъ, что Съѣздъ положено открыть въ Казани 31-го іюля 1877 года, и проситъ посылать всѣ заявленія для Съѣзда на имя Предсѣдателей Предварительнаго Комитета Его Сіятельства, графа **А. С. Уварова**— въ Москвѣ (въ Московское Археологическое Общество) и Его Превосходительства, Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа **П. Д. Шестакова**—въ Казань, а посылки—въ Казань, на имя Секретаря Предварительнаго Комитета, Доцента Императорскаго Казанскаго Университета **Д. А. Корсакова**.

Подробная программа Съѣзда будетъ публикована въ непродолжительномъ времени.

ГРАВЮРЫ АКАДЕМИКА ПОЖАЛОСТИНА:

I. Несеніе креста Спасителемъ Іисусомъ Христомъ, гравюра съ картины Карраччи, и

II. Птицеловъ, гравюра съ картины профессора Перова.

Академикъ-граверъ И. П. Пожалостинъ предлагаетъ обѣ эти гравюры, исполненныя имъ на мѣди и отпечатанныя на отличной бумагѣ въ Парижѣ, всѣмъ желающимъ имѣть эти художественныя произведенія, — пріобрѣсти оныя за половинную цѣну, противу продажной, объявленной, цѣны. А именно: вмѣсто шести рублей за каждую гравюру—по три рубля съ пересылкою; за обѣ же гравюры вмѣстѣ всего—пять руб. съ пересылкою.

☞ Эта уступка, согласно желанію г. Пожалостина, дѣлается только для подписчиковъ „Русской Старины“ и требованія на высылку помянутыхъ гравюръ должны быть обращаемы въ редакцію „Русской Старины“ (С.-Петербургъ, Надеждинская, д. № 42, кв. 12), которая будетъ передавать ихъ, для немедленнаго удовлетворенія, Академику Ивану Петровичу Пожалостину.

„РУССКАЯ СТАРИНА" 1870 г.

третье изданіе „Русской Старины", годъ **первый, 1870** г., **двѣнадцать** книгъ, въ **трехъ** томахъ.

Въ **третьемъ** изданіи „Русской Старины" 1870 г., **между многими другими статьями и матеріалами, помѣщены: Записки** о жизни и службѣ генералъ-фельдмаршала **кн. Н. Ю. Трубецкаго**;— **Записки исторіографа кн. М. М. Щербатова** о поврежденіи нравовъ въ Россіи; — сенатора П. С. **Рунича** о Пугачевѣ и Пугачевскомъ бунтѣ; — Записки придворнаго брилліанщика **Позье** (1729—1764 гг.);—Отчеты **Лагарпа** о воспитаніи великихъ князей Александра и Константина Павловичей; — Петербургъ въ 1781 году, замѣтки **Пикара**;—Записки Михаила Александровича **Бестужева** (1824—1826 гг.);—Разсказъ очевидца о 14-мъ декабрѣ 1825 г.; — Записки композитора Михаила Ивановича **Глинки** (1804—1854 гг.);—Замѣтки императора **Николая Павловича** о прусскихъ дѣлахъ (1848г.);—Блокада и штурмъ Карса въ 1855 г. разсказъ Я. П. **Бакланова**;—Оборона Камчатки въ 1854 г., разсказъ контръ-адмирала **Арбузова** и проч., и проч.—Болѣе сотни сообщеній: разсказовъ, статей, замѣтокъ, собраній писемъ и проч. матеріаловъ ко всѣмъ царствованіямъ въ Россіи со времени Петра Великаго до императора Николая включительно.—Статсъ-дамы и фрейлины русскаго двора XVIII вѣка, біографическія замѣтки **П. Ѳ. Коробанова**. — Письма, стихотворенія, басни, посланія и прочія литературныя произведенія: И. А. Крылова, Батюшкова, Пушкина, Гоголя, Рылѣева, А. Одоевскаго, Кюхельбекера, Баратынскаго, Н. Полеваго, Вигеля, Я. Ростовцева и друг.

Приложеніе къ **третьему** изданію „Русской Старины" **1870 г.** составляетъ **первый** томъ Записокъ **Болотова**, вновь пересмотрѣнный, свѣренный съ подлинникомъ и украшенный болѣе полусотни вновь награвирован. акад. **Л. Сѣряковымъ** рисунками и виньетами.

Цѣна **третьяго** изданія „РУССКОЙ СТАРИНЫ" **1870** г. съ приложеніями, портретами и рисунками **ВОСЕМЬ** рублей съ пересылкою.

1874. Синод. тип. In-4°. 16 стр. 200 экз. Ц. 1 р.

Алфавитно-справочный перечень государей русскихъ и замѣчательнѣйшихъ особъ ихъ крови. Составленъ М. Д. Хмыровымъ. Спб. 1870. Типогр. А. Бенке. In-8°. 88 стр. Изд. В. Е. Генкеля. Ц. 25 к., съ перес.—40 к. 3000 экз.

Алфавитно-справочный перечень удѣльныхъ князей русскихъ и членовъ царствующаго дома Романовыхъ. Половина первая: А.—И. Составленъ М. Д. Хмыровымъ. Изд. В. Е. Генкеля. Спб. 1871. Тип. Балашева. In-8°. 160, 6 ненумеров. стр. 6000 экз. Ц. 40 к.

Каталогъ древнихъ римскихъ и византійскихъ медалей и монетъ, хранящихся въ минцъ-кабинетѣ Имп. Акад. Художествъ. Сост. Д. Прозоровскій. Спб. 1870. Тип. Акад. Наукъ. In-8°. 154 стр. 510 экз. Ц. 1 р.

Родословная Демидовыхъ. М. 1874. Тип. Грачева. In-4°, въ два столбца, 78 стр. 150 экз.

Автографы Императорской публичной библіотеки. Выпускъ I. М. 1872. 200 экз.

Азбучный указатель къ «Полному собранію законовъ Россійской Имперіи» за царствованіе имп. Павла I. Сост. Н. И. Григоровичъ. М. 1873. Унив. тип. In-4°. 124 столбца, 2400 экз.

Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи и оцѣнки произведеній. П. В. Анненкова. Съ прилож. рисунковъ: модели памятника, мѣста погребенія и снимковъ съ почерка рисунковъ поэта. Изд. тип. «Тов. Общ. Пользы». Спб. 1873. In-8°. 475 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ, народный стихотворецъ. Съ портретомъ. Изд. Ред. «Мірскаго Вѣстника». Спб. 1872. In-8°. 30 стр. 2000 экз. Ц. 10 к.

Алфавитный систематическій каталогъ библіотеки Спб. Практическаго Технологическаго института. Добавленіе, Н. Казанскаго. Спб. 1873. 600 экз.

Алфавитный указатель «Словаря историческаго». 1790—1798 гг. Составилъ А. Н. Неустроевъ. Спб. 1874. 100 экз. Ц. 50 к.

Алфавитный указатель именъ авторовъ, переводчиковъ и другихъ лицъ, упоминаемыхъ въ «Опытѣ Россійской Библіографіи» В. Сопикова (Т. II—V). Состав. П. О. Морозовымъ. (Приложеніе къ XXVIII т. «Записокъ Имп. акад. наукъ», № 5). Спб. 1876. In-8°, II и 47 стр. Ц. 25 к.

Альбомъ 200-лѣтняго юбилея Петра Великаго. Текстъ П. Н. Петрова и С. Н. Шубинскаго. Изд. Г. Гоппе. Спб. 1872. In-2°, 6+291 стр. 200 экз. Ц. 10 р.

Андрей Ивановичъ Дикій. Посвящается его наставникамъ и ученикамъ. Съ портретомъ. Кіевъ. 1871. Ц. 1 р.

Бараба. А. Ф. Миддендорфа. Съ картою. Спб. 1871. Ц. 80 к.

Бахчисарай и его достопримѣчательности въ Крыму. Ѳ. Ливанова. М. 1874. 1200 экз. Ц. 30 к.

Бесѣды въ Обществѣ любителей росс. словесности при Имп. Москов. унив. Выпускъ III. М. 1871. Ц. 1 р.

Бесѣды по русской литературѣ. И. Хрущева. Выпускъ I. Спб. 1870.

Библіографическій указатель русской археологической литературы за 1866, 1867 и 1868 годы. В. И. Межова. Спб. 1872. 110 экз. Ц. 50 к.

Библіографическій указатель статьямъ, помѣщеннымъ въ газетѣ «Кавказъ» за 1872 годъ. Тифлисъ. 1873 г.

Библіографическія замѣтки о старославянскихъ печат. изд. 1491—1730. И. П. Каратаева. Спб. 1872. 300 экз. Ц. 75 к.

Библіографическія монографіи. Томъ I, вып. 1: Труды центральнаго и губернскихъ статистическихъ комитетовъ. Библіогр. указатель книгъ и заключающихся въ нихъ статей, обнимающій дѣятельность статистическихъ комитетовъ съ самаго начала ихъ учрежденія вплоть до 1873 года. Составилъ В. И. Межовъ. Спб. 1873. IV+128 стр. 300 экз. Ц. 1 р.

Библіографическія находки во Львовѣ. Я. Ф. Головацкаго. Спб. 1873. 45 стр. 60 экз. Тип. Акад. наукъ. Ц. 25 к.

Библіографическ. обозр. трудовъ Имп. Русск. Археологическ. общества. Д. Полѣнова. Спб. 1872. In-8°. 78 стр. 500 экз.

Семевскій.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ восьмой. МАРТЪ. **1877 годъ.**

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЕ: Къ этой книгѣ приложенъ портретъ Кавказскаго имама **Шамиля**, гравюра на мѣди, исполнена въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, съ фотографіи, снятой тамъ-же въ 1859 г. съ натуры.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.
Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, № 90—1.
1877.

III-я книга „Русской Старины" вышла 1-го марта.

Библіографическое описаніе первыхъ LIV частей «Трудовъ Имп. Вольнаго Экономическаго общества». Сост. А. Н. Неустроевъ. Спб. 1874. 150 экз.

Библіографическое описаніе «Политическаго журнала» за 1790–1802 гг. А. Н. Неустроева. Спб. 1874. 150 экз.

Библіографія еврейскаго вопроса въ Россіи, съ 1855 по 1873 г. Сост. В. И. Межовъ. Спб. 1874. Ц. 50 к.

Библіотека ученая, экономическая и проч., изд. П. Н. Сумароковымъ, въ 1783–1794 гг., въ Тобольскѣ. Библіографич. описаніе А. Н. Неустроева. Спб. 1874.

Bibliothèque Impériale publique de St-Pétersbourg. Catalogue de la section des Russica ou écrits sur la Russie en langues étrangères. 2 тома. Спб. 1874. Тип. Акад. наукъ. In-8°. VIII+845 и 772 стр. 1235 экз. Ц. 5 р.

Біографическія свѣдѣнія о членахъ академіи и вообще художникахъ, умершихъ въ 1872—75 гг. Спб. 1876. In-8°. 33 стр.

Брюсовъ календарь-планетникъ. Н. Пр. Изд. Шарапова. М. 1872. 6000 экз. Ц. 25 к.

Бѣлорусскія пѣсни, съ подробными объясненіями ихъ творчества и языка, съ очерками народнаго обряда, обычая и всего быта. I. Издалъ П. Безсоновъ, издержками Общества любителей рос. словес. М. 1871. 610 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Бѣлорусскія пѣсни И. И. Носовича. Спб. 1874. 100 экз.

Бѣлорусскія народныя пѣсни, съ относящ. къ нимъ обрядами, обычаями и суевѣріями; съ прилож. объяснит. словаря и грамматич. примѣчаній. Сборн. П. В. Шейна. Спб. 1874. 625 экз. Ц. 2 р.

Ванька Каинъ. Историческій очеркъ Д. Л. Мордовцева. Спб. 1876. In-8°. 193 стр. Ц. 60 к.

Великій преобразователь Россіи царь Петръ Алексѣевичъ. Изд. I. Алферьева. Спб. 1872. Тип. Львова. In-8°. 32 стр. 3000 экз. Ц. 20 к.

Великодушіе императора Николая I. Е. Соловьева. Каз. 1874. 1000 экз. Ц. 10 к.

Владимірскіе кавалеры. Вс. Мамышева. Изд. Н. Мамышевой. Т. I, кн. 1-я. Спб. 1873. Тип. Арнгольда. In-8°. 8, 80, 30, 36 и 80 стр. 600 экз.

Вопросы, очерки и замѣтки изъ русской исторіи. В. В. Андреева. Спб. 1872. Тип. Хана. In-8°. 220 стр. 2400 экз. Ц. 1 р.

Восьмнадцатый вѣкъ въ русскихъ историческихъ пѣсняхъ послѣ Петра Великаго. Пѣсни, собр. П. В. Кирѣевскимъ. Изд. Общества любит. росс. словесн., подъ ред. и съ дополн. П. А. Безсонова. Вып. 9-й. М. 1872. Тип. Бахметева, Кардони и Университетская. Больш. 8°. 2, 420, 92 и III стр. 1210 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Воспоминаніе о Д. И. Каченовскомъ. Біографическій очеркъ. А. Стоянова. Харьк. 1874. 200 экз.

Воспоминаніе о кадетской жизни генерала Николая Павловича Слѣпцова. Леонида, епископа Дмитровскаго. Спб. 1874. 135 экз.

Воспоминаніе о князьяхъ Львѣ Николаевичѣ и Владимірѣ Львовичѣ Гагариныхъ. М. 1874. 200 экз. Ц. 15 к.

Воспоминанія объ адмиралѣ графѣ Н. С. Мордвиновѣ и о семействѣ его. Записки дочери его Н. Н. Мордвиновой. Спб. 1873. Тип. Морск. М—ства. In-8°. 107 стр. 1000 экз. Ц. 1 р.

Воспоминанія объ императрицѣ Екатеринѣ II. по случаю открытія ей памятника. Спб. 1873. 1000 экз. Ц. 25 к.

Вотяки Казанской губ. Д. Островскаго. Казань. 1874.

Второе дополненіе къ нумизматическимъ изслѣдованіямъ. Д. Сонцова. М. 1873. 300 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Генералиссимусъ Суворовъ. Жизнь его въ своихъ вотчинахъ и хозяйственная дѣятельность. По вновь открытымъ источникамъ и мѣстнымъ преданіямъ его вотчинъ. Н. Рыбкина. М. 1874. 2000 экз. Ц. 1 р.

Государственная дѣятельность графа М. М. Сперанскаго. Романовича-Славатинскаго. Кіевъ. 1873. 200 экз. Ц. 40 к.

Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія. 1809—1831 гг. Изд. «Русской Старины». Спб. 1871. In-8°. 308 стр. Ц. 1 р. 50 к. (Все изданіе 1500 экз. разошлось сполна).

Графъ Н. С. Мордвиновъ. Историч. мо-

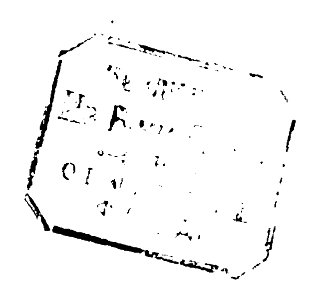
Гравировано съ фотографическаго снимка, изготовленнаго въ Экспед. Загот. Государств. Бумагъ.

دخلت في هذه القصور وانا الفقير شمويل باولادي في ١٢٨٣

Переводъ: Прибылъ въ эти мѣста я, Шамиль, съ дѣтьми своими въ 1283 году.
(Мусульманскій годъ 1288 соотвѣтствуетъ 1866—1867 году Христіанскаго исчисленія).

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ».

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 10-го марта 1876 г. — Экспедиція заготовленія государственныхъ бумагъ.



ТУРЕЦКАЯ НЕВОЛЯ.

Ой вызволи, Боже, насъ всѣхъ бѣдныхъ невольниќвъ зъ тяжќи неволи турецькои... Невольницкій плачъ.

I.

Ни одинъ край не былъ такъ беззащитенъ отъ азіятскихъ торженій, какъ нашъ южнорусскій. Овладѣвъ Царьградомъ, урки сдѣлали крымскихъ, ногайскихъ, буджацкихъ татаръ поставщиками русскаго ясыра для своихъ военныхъ, хозяйственныхъ и гаремныхъ надобностей. Русскіе мальчики, за которыми ъ особенной отвагою охотились татары, продавались туркамъ для ыдѣлки изъ нихъ янычаръ и довѣренныхъ у султана сановниовъ; взрослые русскіе плѣнники обращались въ рабочую силу а турецкихъ базарахъ, пристаняхъ, крѣпостныхъ сооруженіяхъ гребныхъ судахъ каторгахъ, а русскія красавицы услаждали осугъ поработителей христіанской имперіи. Первоначальное казачество, образовавшееся изъ пограничныхъ землевладѣльцевъ, оборонявшихъ свои осады, или колоніи, да изъ отчаянныхъ людей, лишенныхъ татарами домашняго крова и семьи, играло съ хищниками въ невѣрную, измѣнчивую игру, то отбивая у нихъ обычу, о дѣлаясь ихъ новою добычею.

Интересы землевладѣльцевъ не во всемъ совпадали съ интересами собственно такъ называемыхъ казаковъ, которыми въ началѣ они предводительствовали исключительно. Землевладѣльцы стремились къ общественному благоустройству на экономическихъ основа-

ніяхъ; казаки, имѣя постоянно дѣло съ ордынцами, жившими только добычею, дѣлались ихъ вольными и невольными подражателями. Землевладѣльцы дорожили благосклонностью польскаго короля, общественнымъ положеніемъ среди мѣстной шляхты, политическимъ значеніемъ въ правительственномъ кружкѣ Рѣчи Посполитой. Напротивъ, казаки, изъ какихъ бы сословій ни происходили, полагали все свое благополучіе въ военномъ счастьи, въ боевой славѣ, въ дикой свободѣ и безотвѣтственности за свои поступки передъ какимъ бы то ни было присудомъ, кромѣ своего войсковаго. Но радикальное различіе между представителями двухъ противоположныхъ началъ человѣческаго быта исчезало совершенно, когда тѣ и другіе попадали, какъ говорилось, въ татарскія лыка и, въ видѣ купленнаго на базарѣ товара, дѣлались собственностью турокъ. Эта весьма частая во времена óны случайность имѣла для нашихъ предковъ подобіе смерти, которая заставляетъ забывать несходство убѣжденій, уравниваетъ всѣ племена, сословія и состоянія.

И шляхетскія, и просто народныя сердца одинаково чувствовали горечь мусульманскаго плѣненія; но сословіе высшее, въ умственномъ движеніи, или, вѣрнѣе сказать—въ подражаніяхъ иноземнымъ риторамъ и піитамъ, удалилось отъ поэтическаго тока народной рѣчи для выраженія тѣхъ чувствъ, которыми болѣли сердца пограничниковъ. Напротивъ, народъ, развивавшійся изъ собственныхъ началъ своихъ, безъ пособія школы, громко и образно выразилъ радости и страданія своего великаго сердца. Южнорусская лирическая и эпическая пѣсня, чуждая подражательности, обняла всю семейную, бытовую и боевую жизнь того общества, котораго не въ силахъ была захватить подъ свою опеку польско-шляхетская письменность. Образовалось даже ремесло уличныхъ и базарныхъ менестрелей, которые понятіе о пѣніи подчинили болѣе строгому понятію о мышленіи, и произведенія своего эпическаго творчества назвали думами. Съ почвы фантазіи, принадлежавшей исключительно лирическому творчеству женщинъ, они шагнули на болѣе реальную почву: они не столько пѣли, сколько думали, подъ металлическія струны національной бандуры.

Въ тѣ времена, когда на юговосточномъ пограничьѣ Рѣчи Посполитой, въ Червонной Руси, Подоліи и Украинѣ, не было

почти семейства, не задѣтаго за живое турецко-татарскими набѣгами [1]), народный эпосъ нашъ, безъ сомнѣнія, заключалъ въ себѣ множество поэмъ и балладъ, нынѣ утраченныхъ; а какъ глубоко этотъ родъ поэзіи интересовалъ слушателей, можно заключить изъ того, что даже тѣ имена, которыя потеряли для простаго народа значеніе и неизвѣстны по лѣтописямъ, перешли къ намъ въ полузабытыхъ, въ полуизуродованныхъ кобзарскихъ думахъ. Звуки нашей простонародной бандуры или кобзы раздавались не только въ Украинѣ, обнимавшей, собственно говоря, весь юговостокъ Рѣчи Посполитой, но и на самыхъ мѣстахъ невольницкихъ страданій,—на тѣхъ самыхъ базарахъ, гдѣ продавались наши русскіе плѣнники вмѣстѣ съ угнаннымъ изъ Украины, Подоліи и Червонной Руси скотомъ.

Пребываніе Самуила Зборовскаго за Порогами открываетъ намъ зрѣлище звѣроловнаго, номаднаго и торговаго быта. «Гостеванье» казаковъ на Черномъ морѣ было своего рода торговымъ промысломъ: грабя купеческія суда и турецкія пристани, казаки устраивали то сямъ, то тамъ импровизированные рынки, чтобъ уменьшить на нихъ волюмъ добычи своей. Въ свою очередь, татарская орда, набѣгая на пограничную Русь, кочевала въ ней съ захваченными стадами, съ громоздкими пожитками, съ человѣческимъ ясыромъ своимъ, и открывала среди полей базары, на которыхъ происходили разнообразныя сдѣлки мѣноваго и денежнаго торга. Турецкій невольничій рынокъ въ Крыму былъ не что иное какъ базаръ для продажи и покупки животныхъ, въ числѣ которыхъ человѣкъ былъ самымъ значительнымъ предметомъ торговли. Лишь только татарскій лукъ и турецкая сабля пріостанавливали свою работу, начиналось обыкновенное дѣйствіе монеты. Свирѣпый наѣздникъ, при звонѣ торговаго металла, становился мирнымъ торгашомъ. Рынки какъ будто возвращали человѣка изъ его временнаго звѣрства въ его естественный образъ. Но тогда трагедія жизни, вмѣсто однѣхъ ужасныхъ сценъ, выражалась другими, на нашъ гуманный взглядъ — еще болѣе ужасными.

Рынки, на которыхъ ежегодно продавались десятки тысячъ

[1]) Надобно помнить, что турки, какъ люди состоятельные, вооружали татарскую орду на свой счетъ изъ половинной добычи, а часто и сами ходили, въ татарскихъ купахъ, на добычу.

мужчинъ, женщинъ и дѣтей, набранныхъ въ пограничной Руси, были сѣдалищами торговли цвѣтущей. Кровавымъ отливомъ блестѣли на нихъ золото, серебро, ярко-узорчатыя ткани; но тѣмъ не менѣе, продаваемая изъ рукъ въ руки русская кровь оживляла турецкій и татарскій вялый бытъ, давала движеніе ремесламъ, соединяла разноплеменное многолюдство въ призрачно-богатое общество. Уличная поэзія, принадлежность неустановившейся гражданственности, имѣла также въ этой фантасмагоріи свою законную долю. Стрыйковскій, любознательный, простодушный странникъ XVI вѣка, въ самомъ Царьградѣ слушалъ на базарахъ славянскія рапсодіи, подъ аккомпаниментъ сербской скрипки и украинской кобзы [1]). Турки не всегда и не вездѣ являлись въ томъ страшномъ образѣ, какой придаютъ имъ наши невольницкія думы. Самыя сказанія о нихъ паломниковъ обыкновенно преувеличиваютъ ихъ звѣрскія склонности на счетъ человѣческихъ. Не смотря на свою репутацію дикихъ завоевателей, они, у себя дома, на торговыхъ площадяхъ и пристаняхъ, были далеки отъ неуживчивости съ гяурами [2]). Въ Царьградѣ считалось не менѣе ста тысячъ православныхъ жителей, которые, удовлетворивъ турокъ податью, совершали свои обрядныя религіозныя церемоніи безъ всякой помѣхи со стороны мусульманъ, а въ го-

[1]) Въ одномъ ученомъ сочиненіи сказано иронически, будто бы Стрыйковскій «собственными глазами видѣлъ щитъ Олега на воротахъ Царьграда».— Нѣтъ, любезный своею наивностью авторъ громадной «Хроники» не былъ до такой степени легкомысленъ. Онъ разсказываетъ, что, плывя на лодкѣ отъ желѣзныхъ крючьевъ, называемыхъ имъ шибеницею Вишневецкаго, подъ галатскія стѣны, видѣлъ онъ надъ галатскими воротами намалеванный, на подобіе московскаго, гербъ, и догадывался: не это ли тотъ гербъ или щитъ (ten podobno herb albo scit), который, «какъ пишетъ Русь», оставилъ Олегъ, на память потомству, въ Царьградѣ? Если его догадка справедлива (заключаетъ онъ), то онъ видѣлъ Олеговъ знакъ собственными глазами въ 1576 году. (См. изд. 1846 г., I, 116).

[2]) Приведу авторитетное мнѣніе Цинкейзена объ этомъ предметѣ, въ настоящее время неудобопонятномъ для большинства читателей: «...war es gewiss nicht der Wille der grössten und einsichts vollsten Beherrscher des osmanischen Reiches, bloss über verödete, von der Trümmern besiegten Nationen nothdurftig bevölkerte Lander zu gebieten. Männer, wie Mohammed II und Suleiman I, die ihren Ruhm nicht bloss in dem Glück ihrer Waffen, sondern ebenso sehr in einer auf die Gesetze der Mässigung, der Gerechtigkeit und der Milde gegründeter Organisation ihres Reiches suchten, glaubten sicherlich an die Möglichkeit einer versöhnenden Ausgleichung der feindlichen Elementen, die sich da überall so schroff entgegentraten». (Gesch. des osm. Reiches, III, 359).

довые праздники, когда народъ стекался къ церквамъ толпами, янычары, по распоряженію правительства, держали у церковныхъ дверей охранные караулы [1]). Доставшаяся османлисамъ столица Палеологовъ привлекала всегда множество славянъ, искавшихъ здѣсь не только заработка, но и защиты отъ произвола мѣстныхъ властей, который въ Царьградѣ, болѣе нежели гдѣ-либо, смѣнялся гражданственною безопасностью. Не въ характерѣ османской простоты нравовъ было перерабатывать славянскіе народные обычаи, воспрещать уличныя сцены, тѣснить врожденную славянину пѣсенность. На царьградскихъ рынкахъ ослѣпшіе невольники могли звонить въ свои національныя бандуры такъ же свободно, какъ и въ Кіевѣ. Никто не мѣшалъ имъ услаждать собственное и чужое горе. Даже странствующіе пѣвцы, такъ называемые короли нищихъ, находили въ турецкой столицѣ для себя публику, къ какому бы славянскому племени ни принадлежали.... Пѣніе серьезнаго кобзаря составляло во времена ѻны своего рода религіозную профессію: оно вело происхожденіе свое прямо отъ церковныхъ чтеній, кондаковъ и тропарей; оно возбуждало въ слушателяхъ состраданіе къ бѣдственному положенію невольниковъ, участіе къ судьбѣ человѣка вообще и вмѣстѣ съ тѣмъ—щедрость въ подаваніи милостыни; оно согласовалось, какъ съ ученіемъ христіанской церкви, такъ и съ духомъ самаго корана, который 113 главъ своихъ начинаетъ словами: во имя благаго и милосерднаго Бога, и только въ одной главѣ обходится безъ этого символа вѣры [2]). Чѣмъ трогательнѣе изображали базарные Гомеры положеніе невольниковъ въ турецкой землѣ, тѣмъ больше способствовали ихъ выкупу. Такъ называемые невольницкіе плачи, дошедшіе до насъ въ числѣ кобзарскихъ думъ, были своего рода вѣсти, посылаемыя на родину для напоминанія людямъ свободнымъ о выкупѣ томящихся въ неволѣ. Хожденіе отцовъ, родныхъ, побратимовъ [3]) и милосердныхъ ино-

---

[1]) См. у Цинкейзена, т. III, стр. 364.

[2]) Первый изъ эпитетовъ, приданныхъ Магометомъ Богу правовѣрныхъ, въ арабскомъ подлинникѣ, выражаетъ благость ко всѣмъ существамъ, безъ всякаго различія, и только второй говоритъ о милосердіи собственно къ добрымъ, вѣрнымъ, достойнымъ Божіей благости.

[3]) «Побратимство» было выше кровнаго братства. Побратавшіеся казаки дѣлились поровну добычею, и когда одинъ попадалъ въ плѣнъ, другой долженъ былъ его выкупить.

ковъ по невольницкимъ рынкамъ было дѣло обычное и со стороны мусульманъ безпрепятственное. Невольники составляли самый цѣнный продуктъ мусульманской дѣятельности, самую доходную статью мусульманской торговли, и потому со стороны ислама сдѣланы были всѣ уступки въ пользу христіанской публики, заинтересованной выкупомъ. Такая публика глубоко сочувствовала пѣснямъ о томъ, чѣмъ были полны тогда помыслы каждаго пограничника. Намъ, отрѣзаннымъ отъ того вѣка такъ называемою Рунною, или Хмельнищиною, этимъ повтореніемъ татарскаго лихолѣтья въ южной Руси, трудно даже рѣшить: въ турецкіе ли и татарскіе города-рынки занесены невольницкіе плачи и поэмы, или же тамъ они сложены [1]), въ тоскѣ по родинѣ, и отозвались только громкимъ эхомъ у насъ на пограничьи.

II.

Напрасно воображеніе поэта стало бы изобрѣтать болѣе дивныя приключенія, болѣе трагическія случайности, болѣе быстрые переходы изъ одного положенія въ другое, чѣмъ тѣ, которыми была полна турецкая и татарская неволя. Хаотическое смѣшеніе полуварварскаго европейскаго элемента съ наплывомъ азіятской дичи; собраніе людей и вещей, которые не должны бы никогда встрѣтиться; ихъ странная, часто безобразная связь между собою; крайняя нищета однихъ людей и разбойничья роскошь другихъ,—все это составляло картину сверкающую, яркую, рѣзкую по своимъ тонамъ и контурамъ, дикую по своему смыслу. Она, можно сказать, была нанесена свѣжими красками по другой, потемнѣвшей, ветхой живописи высшаго достоинства: сквозь настоящее турецкой жизни проглядывали всюду уходящія въ туманъ и мракъ забвенія воспоминанія классическаго міра. Остатки греческихъ зданій, пренебреженныя гробницы бывшихъ знаменитостей, полусглаженные слѣды древней культуры,—мелькали, какъ замогильные призраки, среди блестящей новизны турецкихъ пристроекъ, передѣлокъ и новыхъ сооруженій; а роскошь побѣдителей и нагота побѣжденныхъ, золото и грязь, парадъ и лохмотность,—дѣлали на душу впечатлѣніе тризны, на которой полудикіе наслѣдники ци

[1]) Объ этомъ говорится, съ приведеніемъ цитатъ изъ самыхъ думъ, въ I т. Ист. возс. Руси, стр. 333.

вилизованнаго, промотавшагося богача пирують, въ своемъ вкусѣ, среди голодной толпы нищихъ, питающихся ихъ объѣдками.

Такое зрѣлище представляли, въ общихъ чертахъ, всѣ захваченные азіятцами у европейцевъ города; такое зрѣлище представлялъ въ особенности царь-городъ, столица полугреческаго, полуславянскаго міра. На ветхой, нѣкогда богатой ризѣ его всюду проступало убожество, недостаточно прикрытое свѣжимъ пурпуромъ и драгоцѣнными украшеніями. Осанистые бородачи въ бѣлыхъ, пунцовыхъ, зеленыхъ, пестрыхъ чалмахъ и разноцвѣтныхъ шелковыхъ кафтанахъ; черномазые африканцы въ красныхъ какъ жаръ фескахъ, курткахъ, шароварахъ, сверкающіе золотыми позументами, оружіемъ и дикими своими глазами; картинные азіятскіе рыцари, на картинно изукрашенныхъ коняхъ,—рисовались, какъ дорогіе цвѣты въ заглохшемъ саду, среди тряпично одѣтаго греческаго и славянскаго уличнаго люду, среди голосистыхъ носильщиковъ и звякающихъ кандалами невольниковъ, среди вьючныхъ верблюдовъ, муловъ, ословъ и запряженныхъ волами фургоновъ; а южное солнце, рѣдко заслоненное облаками въ этомъ благодатномъ климатѣ, яркими бликами и рѣзкими тѣнями рисовало богато развитую растительность, восточную архитектурную пестроту, безпорядочный громоздъ азіятскаго быта, роскошныя одежды, грязныя лохмотья и веселыя лица башибузуковъ, адзамулановъ, изоглановъ, янычаръ, спаговъ, позолоченныхъ евнуховъ и грустныя фигуры невольниковъ или ихъ родственниковъ, которые, по словамъ кобзарской думы, не знали, въ которой каторгѣ искать заполоненныхъ отцовъ, сыновей, братьевъ, сестеръ и дочерей: «въ Козловской ли пристани, или въ Царьградѣ на базарѣ». Чаще всего можно было найти плѣнниковъ на тѣхъ судахъ-каторгахъ, на тѣхъ галерахъ, которыми кипѣлъ Босфоръ, въ виду блестящей панорамы царя-города. Тамъ развивались по вѣтру казацкіе чубы, которые на родинѣ заплетались въ косу и гордо закладывались за ухо. Тамъ вольные недавно казаки работали тяжелыми веслами, нагіе до пояса, прикованные къ своимъ сидѣньямъ. Тамъ погонщики обращенныхъ въ безотвѣтную рабочую силу людей, галерные ключники, какъ называютъ ихъ кобзари въ своихъ думахъ, полосовали имъ голую спину червонною таволгою, до сихъ поръ памятною южнорусской народной музѣ.

Но гдѣ бы ни звякали на невольникахъ кандалы, на какой бы работѣ ни впивались имъ въ тѣло сыромятные ремни, называемые въ думахъ сырою сырицею, — на пристаняхъ ли, на улицахъ, или въ гаремныхъ садахъ,—тоска «вольнаго казака» по утраченной свободѣ была для него мучительнѣе свѣжихъ и присохшихъ ранъ, которыми онъ былъ покрытъ отъ прикововъ и побоевъ. Кто бывалъ въ Турціи, пускай припомнитъ особенное воркованье восточныхъ голубей, вѣрнѣе сказать—неумолкающіе стоны ихъ, тоскливо проникающіе въ сердце. Къ этимъ-то голубямъ обращались многострадальные герои нашихъ чувствительныхъ Гомеровъ [1]), посылая ихъ къ отцу, матери и роду. Въ кобзарскихъ, то тихихъ, то бурновзволнованныхъ думахъ, разнѣженные стоны восточнаго голубя смѣшиваются съ пронзительнымъ крикомъ степнаго сокола. Одичалая въ добычной жизни душа казака, однимъ и тѣмъ же порывомъ къ утраченной свободѣ, воспроизводила и впечатлѣніе юности подъ отеческимъ кровомъ, и воспоминаніе о дикихъ поляхъ украинскихъ, гдѣ пу́гали по байракамъ пугачи, гдѣ кви́лили соколы и свистѣли коршуны-рароги. Пилигримы, отправлявшіеся на поиски плѣнниковъ, проданныхъ въ турецкую неволю, безъ сомнѣнія, сильно поддавались тоскѣ, которую наводитъ и на спокойное сердце заунывное воркованье голубей въ Царьградѣ; а кобзари на невольничьихъ рынкахъ поясняли имъ впечатлѣнія мѣстности драматическими описаніями невольницкой жизни, изъ которыхъ только немногіе дошли до насъ, людей иного вѣка, иного положенія, иныхъ заботъ и печалей.

Неумолкающій стонъ голубей въ тѣни чинаръ и кипарисовъ; вторящіе имъ съ минаретовъ призывы правовѣрныхъ на молитву; разноязычный говоръ покоренной мусульманами христіанской столицы и рѣзкіе звуки базарной музыки съ пронзительными вскрикиваньями пѣвцовъ, расчитанными на крѣпкіе нервы,—все вмѣстѣ составляло мучительный концертъ среди блистательной и дикой сцены. Каково же воспринимался этотъ концертъ сердцами, которые были надорваны великими, незабываемыми утратами! Онъ какъ будто для того былъ и устроенъ, чтобы дать несчастнымъ узникамъ вкусить всю горечь разлуки съ

[1]) Нѣсколько знакомыхъ автору лично кобзарей не могли пѣть безъ слезъ невольницкихъ думъ. Прерывая речитативъ, они, какъ гомеровы греки, плакали по дѣтски подъ звонъ своего аккомпанимента, въ молчаливомъ раздумѣ.

родиной, съ міромъ любви, дружбы и безцѣнной свободы. Все, что видѣлъ глазъ и слышало ухо невольника въ странѣ, прозванной ненасытною пучиной христіанской крови, составляло убійственную противоположность съ тѣмъ, что оставлено имъ «за шеломянемъ». Нѣтъ словъ и красокъ для выраженія чувства, съ которымъ житель червоннорусскаго Подгорья, или плодоносной Подоліи, или кіевскаго Поднѣпрія, сквозь это странное смѣшеніе образовъ и звуковъ, созерцалъ глазами своей души идиллическія картины родныхъ полей, слышалъ ухомъ тоскующаго сердца тихую музыку пустынныхъ дубравъ, за которыми необозримо синѣли нетронутыя плугомъ степи, говорившія плѣнному пану о будущей культурѣ, а плѣнному казаку—объ идеальной, невозможной свободѣ.

Оба представителя пограничнаго быта предавались мечтамъ своимъ съ пылкостью южныхъ характеровъ, и чѣмъ отважнѣе стремились къ ихъ осуществленію, тѣмъ чаще попадали въ руки чужеядниковъ. Но чужеядники, въ свою очередь, были такими же на свой ладъ мечтателями. Они пылкимъ воображеніемъ созидали рай безконечныхъ утѣхъ и наслажденій по сю сторону Азраилова лезвея.

Декораціонное процвѣтаніе Турецкой имперіи ограничивалось ея пестрыми базарами, для наполненія которыхъ золотомъ, серебромъ и дорогими тканями работали только такія орудія, какъ арканы, луки и сабли. Окрестности немногихъ городовъ, кипѣвшихъ фальшивымъ движеніемъ торговли, промысловъ и мануфактуры, приходили часъ отъ часу больше въ то состояніе, изъ котораго вызвала ихъ нѣкогда грекославянская культура. По разсказу польскаго посла, князя Збаражскаго, въ первой четверти XVII столѣтія, обработанной земли мало было видать и подъ самой столицею. Жители Константинополя получали почти всѣ съѣстные припасы съ пристани, такъ что, когда въ Хотинскую войну союзныя Польшѣ силы загородили дорогу съ Архипелага и съ Дуная,—на блестящихъ золотомъ и серебромъ константинопольскихъ базарахъ валялись мертвые люди. По сухопутному тракту между Босфоромъ и Дунаемъ польское посольство 1623 года видало только убогія села, которыхъ существованію угрожали янычары и спаги, разбойничавшіе въ собственномъ краѣ, безъ всякаго страха законной кары. Эти села были отдѣлены одно отъ

другаго такими разстояніями, что путники часто бывали принуждены устраивать себѣ ночлегъ въ пустынѣ, подъ открытымъ небомъ. Главную и почти единственную статью сельскаго хозяйства составляло въ нихъ скотоводство; но овцы, рогатый скотъ и лошади разводились не дома, а готовыми гуртами пригонялись изъ-за границы,—всего больше изъ червоннорусскаго Подгорья, Подоліи и Украины,—путемъ татарскихъ набѣговъ, направляемыхъ и поддерживаемыхъ турками.

Та же хищная орда, которую, по выраженію поляковъ, турокъ держалъ какъ собакъ на сворѣ, доставляла ему изъ несчастной отрозненной Руси и женщинъ для его гаремовъ. Это похищеніе сабинянокъ чужими руками представляло до того удобный способъ поставки женскаго тѣла для турецкихъ надобностей, что, по свидѣтельству князя Збаражскаго, даже янычары и купцы предпочитали жениться на русскихъ «бранкахъ», пренебрегая мѣстнымъ гаремнымъ продуктомъ и вообще мѣстными женщинами. Турецкій языкъ въ имперіи османовъ на каждомъ шагу смѣшивался съ славянскою рѣчью, а турецкая кровь была сильно дистиллирована славянскою. Покупаемые у татаръ русскіе мальчики составляли предметъ особеннаго попеченія султанскаго правительства и носили почетное названіе дѣтей султана. Ихъ заботливо воспитывали въ религіи и обычаяхъ ислама; изъ нихъ выдѣлывали самыхъ безпощадныхъ губителей христіанскаго племени. Не имѣя въ Турціи ни роду, ни старинныхъ дружескихъ связей, они, въ глазахъ падишаха, были надежнѣйшими слугами его престола и династіи. Воспитатели вели ихъ со ступени на ступень въ государственной іерархіи, и наконецъ имъ ввѣрялись самыя важныя должности. Природный умъ, боевое мужество, энергія въ предпріятіяхъ и отвага въ ихъ исполненіи принадлежали преимущественно похищеннымъ на Руси пріемышамъ. Они, можно сказать, составляли душу разслабляемаго восточнымъ бытомъ турецкаго общества. Они правили Турціею; они держали въ своихъ рукахъ ея будущность. У послѣдняго изъ талантливыхъ повелителей Порты, Солимана I, было девять великихъ визирей, и всѣ они были возвышены на свой важный постъ изъ такъ называемыхъ «султанскихъ дѣтей.»

Безурядица европейскихъ государствъ, подобныхъ Рѣчи Посполитой,—а она не была между ними исключеніемъ,—болѣе не-

жели что либо другое, сперва способствовала возрастанію оттоманскаго могущества, а потомъ его поддерживала. Турція, какъ вампиръ, жила высасываніемъ свѣжей крови изъ христіанскихъ націй, преимущественно изъ націй славянскихъ, и всего болѣе изъ населенія Руси, прикованной на нѣсколько столѣтій къ Польшѣ. За то ни откуда не было и такого стремленія къ ниспроверженію турецкой силы, какъ изъ среды многоразлично скрещенной южнорусской расы. Не говоря уже о казакахъ, которые постоянно твердили, что безъ Чернаго моря имъ нѣтъ возможности существовать, сами землевладѣльцы русскіе, принадлежавшіе къ правительственной корпораціи Рѣчи Посполитой, наносили Портѣ много тяжелыхъ ударовъ. Но едвали не больше внѣшнихъ войнъ сокрушали турецкую силу переработанные въ мусульманъ польско-русскіе плѣнники. Янычары, состоявшіе почти исключительно изъ южнорусскихъ дѣтей, работали надъ упадкомъ своего новаго отечества почти столь же для него гибельно, какъ днѣпровскіе казаки—надъ упадкомъ Польши. Исторія русина по происхожденію, Абазы-баши, есть исторія безпримѣрнаго потрясенія Порты, которая, со временъ этого отуреченнаго буй-тура, болѣе нежели когда либо стала отдѣлываться отъ своихъ бунтовщиковъ повышеніемъ ихъ съ нижнихъ должностей на высшія.

Въ свою очередь, и русскія плѣнницы вносили въ гаремы султановъ и башей тотъ же элементъ отчаяннаго своевольства. Одну изъ нихъ, дочь богуславскаго попа, Марусю, обезсмертили наши простонародные Гомеры за то, что она, рискуя собственной жизнью, освободила изъ темницы плѣнныхъ казаковъ. Были въ Турціи изъ нашихъ украинокъ и другія героини безумной дерзости, которая свойственна человѣческой природѣ въ безвыходности положенія. Но ни одинъ потурнàкъ, ни одна потурнàчка не возвышались до такого могущества въ чужеядной имперіи и не сдѣлали ей столько зла своимъ революціоннымъ характеромъ, какъ извѣстная въ исторіи подъ именемъ Роксоланы дочь другаго русскаго попа, изъ подгорскаго мѣстечка Рогатина.

III.

Лѣтъ за сто до цоцарскаго погрома польской арміи (1620 г.), татары сдѣлали набѣгъ на Червонную Русь и, въ числѣ своего ясыра, увели изъ Рогатина молодую дѣвушку, оказавшуюся достойною покупки для султанскаго гарема. Въ то время царствовалъ въ Турціи знаменитый завоеватель и администраторъ Солиманъ I, прозванный Великолѣпнымъ. Рогатинская красавица сдѣлалась въ его гаремѣ что̀ называется звѣздою любви. Но не красотою затмила наша русинка одалисокъ Великолѣпнаго падишаха, выбранны́хъ его угодниками въ трехъ частяхъ свѣта: онъ оцѣнилъ въ ней природный умъ и, въ особенности, рѣдкую между покупными женщинами способность оживлять общество неистощимою веселостью. Рогатинская «бранка» была, однакожъ, не изъ тѣхъ чарующихъ все окружающее женщинъ, которыя довольствуются блестящимъ положеніемъ царской фаворитки. Ей была нужна власть надъ милліонами, и она не замедлила овладѣть умомъ деспота, называвшагося «повелителемъ четырехъ концовъ вселенной, тѣнью всемогущаго Бога на землѣ».

Душа Солимана Великолѣпнаго совмѣщала въ себѣ двѣ противоположности: склонность къ самой нѣжной привязанности и къ самой дикой враждѣ. Понявъ это инстинктомъ геніальной интриганки, Роксолана или Росса, какъ ее окрестили въ гаремѣ, постоянно давала пищу поэтической и вмѣстѣ мрачной натурѣ своего обладателя. Она была для него попеременно—то ангеломъ сердечной веселости, то демономъ, нашептывавшимъ мучительныя подозрѣнія, и этимъ способомъ до конца своей жизни сохранила неограниченную власть надъ неограниченнымъ владыкою могущественнѣйшей въ мірѣ имперіи [1]). Случай, довольно обыкновен-

[1]) По словамъ венеціанскаго балло Бернарда Навагеро, Роксолана была «tanto amata da suo maiestà, che non fu mainella casa ottomana alcuna donna che avesse magiore autorità. Si dice che è piacevole, modesta, e che molto bene conosce la natura del Gran Signore». (Relatione fatta in pregadi nel mese di Febrajo del 1553, у Альбери, I, 77). Исторія Солимана и Роксоланы, послужившая основою романовъ и драматическихъ произведеній во всѣхъ европейскихъ литературахъ, имѣетъ двѣ версіи. Болѣе эфектная версія принадлежитъ французскому посланнику при турецкомъ дворѣ Мишелю де Годиньякъ. Я придерживаюсь изложенія Цинкейзена, по указаніямъ котораго французская версія оказывается созданіемъ молвы.

ный въ гаремномъ быту, послужилъ къ быстрому возвышенію со ступени любимой наложницы на ступень турецкой императрицы.

Солиманъ, въ первой молодости своей, страстно любилъ черкешенку и сдѣлалъ ее законною женою своею, то есть султаншею. Онъ былъ ей преданъ тѣмъ сердечнѣе, что она была матерью наслѣдника престола, Мустафы. Принцъ Мустафа обладалъ съ дѣтства всѣми качествами, какихъ могъ желать азіятски просвѣщенный и по своему геніальный Солиманъ отъ будущаго своего нреемника. Это былъ прекрасный, даровитый, смѣлый, благороднomыслящій юноша. Принцъ Мустафа составлялъ гордость Солимана и залогъ процвѣтанія возвеличенной имъ имперіи. Черкешенка-султанша видѣла себя обезпеченною въ любви и уваженіи своего царственнаго супруга. Но не могла она выносить предпочтенія, которое Солиманъ оказывалъ уму и очаровательному характеру любимой невольницы, Роксоланы. Долго терзалась она втайнѣ; наконецъ, сдерживаемая разсудкомъ ревность прорвалась въ ней со всей азіятской дикостью. «Предательница!» — вскричала она, въ бѣшенствѣ наступая на Роксолану, — «ты, проданная говядина, ты хочешь соперничать со мною!» И тутъ же исцарапала ей лицо, истерзала волосы, едва не задушила ее собственными руками. Въ это самое время Солиманъ прислалъ евнуха позвать къ себѣ свою любимицу. Роксолана велѣла сказать султану, что она, «проданная говявина», не можетъ, въ настоящемъ видѣ своемъ, явиться къ своему повелителю, не оскорбивъ его величія. Солиманъ потребовалъ къ себѣ Роксолану немедленно, и, возмущенный тираніею султанши, позвалъ ее къ отвѣту. Та, не остывъ еще отъ гнѣва, отвѣчала запальчиво, что Роксолана заслуживаетъ еще худшаго обращенія: она, любимая невольница султана, забрала себѣ въ голову, что весь сераль долженъ склониться передъ нею! «И склонится», отвѣчалъ мрачно Солиманъ, въ умѣ котораго уже состоялся приговоръ надъ султаншею. Ревнивая черкешенка въ ту же минуту была отправлена къ своему сыну въ его резиденцію, а Роксолана получила титулъ Хасеки-Хурремъ (Радостная) и подъ этимъ именемъ возведена въ санъ императрицы.

Но съ нея было мало одного возвышенія. Русинка наша отличалась той безпощадной мстительностью, которая поражаетъ насъ въ казацкихъ характерахъ. Посреди своего торжества, она,

радостная, блистающая умомъ и женственною граціею, которой не могли надивиться въ ней иностранцы, задумала погубить низвергнутую султаншу, погубить вмѣстѣ съ ней и ея блистательнаго сына.

Шли годы. Хасеки-Хурремъ царствовала надъ умомъ и сердцемъ падишаха нераздѣльно. Она была не только женою, но и совѣтницею Солимана. Никогда, ни прежде, ни послѣ Роксоланы, ни одна султанша не играла открыто роли императрицы. Многіе послы европейскихъ государей видали ее на верху политическаго могущества и оставили намъ свидѣтельства о рѣдкомъ ея умѣ, о необыкновенно привлекательной ея личности. Даже европейскія литературы наперерывъ усиливались присвоить эту талантливую женщину, каждая своему народу. Самое имя ея Roxolana пробовали производить отъ словъ Kurrem-sultana, будто бы извращенныхъ переводчиками, «sans se soucier de l'étymologie». Польскіе патріоты отстаивали не меньше французовъ и другихъ иностранцевъ честь соплеменности съ Роксоланою, и сочинили для этого даже письмо, которое будто бы польскій посолъ Опалинскій привезъ къ Сигизмунду I-му отъ Солимана. Но современникъ нашъ, графъ Ржевускій, доказалъ несомнѣнно, что великолѣпная султанша была рогатинская поповна. Удивляя, блистая и властвуя, Хасеки-Хурремъ выдала дочь свою за великаго визиря, мрачнаго интригана Рустема, и вмѣстѣ съ нимъ систематически поселяла въ душѣ султана ненависть къ наслѣднику престола. Его мѣсто, во что бы то ни стало, долженъ былъ занять старшій сынъ Роксоланы, Селимъ.

Турецкая политика повелѣвала не держать султаничей ни въ Царьградѣ, ни на европейскомъ берегу Босфора: имъ обыкновенно давались удѣлы или намѣстничества въ Азіи. Ближайшее къ столицѣ намѣстничество, Магнезія, обыкновенно предоставлялось наслѣднику престола. Первымъ актомъ болѣзненной подозрительности Солимана, начинавшаго уже дряхлѣть, было перемѣщеніе принца Мустафы изъ Магнезіи, отстоящей отъ столицы всего на пять или на шесть дней пути, въ Амазію, до которой отъ столицы надобно было путешествовать не меньше двадцати шести дней. Магнезію предоставилъ султанъ Селиму. Эта замѣна была явнымъ знакомъ немилости императора къ старшему сыну. Кругомъ деградированнаго наслѣдника все за-

говорило объ угрожающей ему опасности, а мать ежедневно предостерегала его отъ отравленія. Но мужественный и великодушный Мустафа не хотѣлъ вѣрить ничему подобному, и старался поступками своими возвыситься во мнѣніи отца. Между тѣмъ столичные наушники перетолковывали ему во вредъ его воинственность, его правосудіе, щедрость, милосердіе, и говорили султану, что Мустафа привлекаетъ къ себѣ сердца народа—съ преступными намѣреніями. До свѣдѣнія Солимана доводили толки янычаръ, что будто бы, по ихъ мнѣнію, старому султану пора отказаться отъ престола, какъ это сдѣлалъ Баязетъ II, и уступить имперію своему воинственному, талантливому, популярному сыну. Искусно проводимая въ сераль молва мало по малу возымѣла, наконецъ, свое дѣйствіе.

Солиманъ обыкновенно не высказывалъ своихъ намѣреній; но Роксолана и ея зять, великій визирь Рустемъ, знали, что совершалось въ его гордой, страстной и замкнутой отъ всѣхъ душѣ. Въ 1552 году нескончаемая война съ Персіею приняла угрожающій характеръ. По увѣренію серальскихъ клеветниковъ, Мустафа помогалъ персамъ своими совѣтами и ждалъ только выѣзда султана въ дѣйствующую армію, чтобъ овладѣть престоломъ. Султанъ дѣйствительно призналъ необходимымъ личное свое присутствіе на театрѣ войны, и первымъ его дѣломъ по выступленіи въ походъ было—вызвать къ себѣ заподозрѣннаго сына. Въ Амазіи видѣли ясно, къ чему клонится дѣло, и умоляли обожаемаго принца не ѣздить. Но Мустафа оставался глухъ ко всѣмъ убѣжденіямъ. Не подѣйствовала на него даже и суевѣрная примѣта, имѣвшая на Востокѣ значеніе пророчества. Два коня, которыхъ подвели Мустафѣ одного за другимъ, взбѣсились и не дали ему поставить ногу въ стремя. «Я долженъ прежде всего исполнить волю моего отца»,—говорилъ онъ,—«къ чему бы ни привела меня судьба моя. Я не знаю за собой никакой вины, которая грозила бы мнѣ смертью. Я не могу даже представить, чтобы кто нибудь былъ на меня озлобленъ до такой степени. Если же въ самомъ дѣлѣ хотятъ лишить меня жизни, то пусть отниметъ ее у меня тотъ, кто ее далъ». Такія слова вкладывала народная молва въ уста популярнаго принца, представлявшаго собой идеалъ восточнаго рыцаря.

Въ лагерѣ Солимана, между тѣмъ, все было приготовлено къ

пріему сына-измѣнника. Когда несчастный Мустафа прибылъ къ палаткамъ своего отца, онъ не нашелъ ни души въ первой, второй и третьей палаткѣ, которыя представляли рядъ комнатъ. Проходя съ удивленіемъ изъ одной въ другую, Мустафа увидѣлъ наконецъ, въ четвертой палаткѣ, сидящаго на тронѣ падишаха, и почтительно приблизился, чтобы поцѣловать у него руку. «Ты еще смѣешь меня привѣтствовать, собака!» вскричалъ султанъ, и сдѣлалъ условный знакъ. Въ ту же секунду явилось трое нѣмыхъ, подъ командою старшаго комнатнаго слуги. Мустафа долго сопротивлялся ихъ усиліямъ накинуть ему на шею петлю; наконецъ былъ удавленъ передъ глазами отца.

Такъ отмстила туркамъ рогатинская поповна за то, что они сдѣлали изъ нея «проданную говядину». Но послѣдствія ея мстительности были для нихъ еще ужаснѣе.

Объявленный наслѣдникомъ престола, Селимъ представлялъ жалкую противоположность своему отцу и покойному брату, какъ въ наружности, такъ и во внутреннихъ свойствахъ. Съ нескрываемымъ презрѣніемъ отнеслись къ новому наслѣднику престола янычары и всѣ представители гражданскихъ доблестей Порты. Люди смѣлые и сильные, единственно независимые люди въ Турціи, стали толпами окружать младшаго брата его Баязида такъ же какъ и онъ, давно совершеннолѣтняго. Баязидъ, не помышляя о престолѣ, предавался наукамъ и мирнымъ занятіямъ; но, подъ вліяніемъ патріотовъ, въ виду своего вѣчно пьянаго и преданнаго гаремной чувственности брата, одушевился честолюбіемъ. Партія сераля и партія воинственной части турецкаго общества, во имя двухъ принцевъ, затѣяли междоусобную борьбу, которая, разгораясь все болѣе и болѣе, выразилась наконецъ кровопролитными сраженіями. Престарѣлый Солиманъ нашелся вынужденнымъ предпринимать походы противъ сына, и въ то же самое время видѣлъ яснѣе, нежели кто либо, какому наслѣднику приходится ему передать созданную и прославленную имъ имперію. Положеніе его было тѣмъ горестнѣе, что его Хасеки-Хурремъ, его Радостная, скончалась въ разгарѣ междоусобной борьбы, и онъ, больше чѣмъ когда либо, замкнулся въ самомъ себѣ со всѣми терзавшими его душу воспоминаніями... Талантъ великаго полководца, къ несчастію его имперіи, не измѣнилъ ему въ борьбѣ съ сыномъ: междоусобная война кончилась пора-

женіемъ Баязида. Но Баязидъ бѣжалъ съ четырьмя своими сыновьями къ исконному врагу Турціи, персидскому шаху, и повелитель правовѣрныхъ, «тѣнь Бога на землѣ», заплатилъ шаху 400.000 червонцевъ за умерщвленіе своего сына и внуковъ.

Видя начало паденія своей имперіи и зная, что будетъ съ нею дальше, дряхлый и безпомощный султанъ получилъ отвращеніе къ всѣмъ удовольствіямъ жизни. Украшенные золотомъ и драгоцѣнными камнями музыкальные инструменты сераля были разбиты передъ его глазами и брошены въ огонь. Отрядъ красивыхъ мальчиковъ, увеселявшихъ его своими играми, изгнанъ изъ сераля. Купцы получили строжайшее повелѣніе не ввозить въ Царьградъ ни одной бутылки вина. Со стола падишаха исчезла серебряная и золотая посуда; ея мѣсто заняли самыя простыя издѣлія горшечниковъ, и данное ему иностранцами названіе Великолѣпный сдѣлалось какъ бы насмѣшкою гяуровъ.

Турецкая имперія, въ два новыя поколѣнія, превратилась въ широкую сцену неудержимаго извращенія нравовъ, какъ бы по зловѣщему почину послѣдняго изъ великихъ государей своихъ. Въ эти два поколѣнія ее, еще недавно могущественную оружіемъ и гордую внутренней организаціей, стали тревожить, унижать въ глазахъ всего подвластнаго ей міра и безнаказанно опустошать невѣдомые исторіи люди—домашніе пираты райзы, и соединившіеся съ райзами казаки. Никогда бы эти разрушительныя начала не въѣлись въ государственный организмъ, никогда бы Турція не дала имъ обильной, легко добываемой пищи, когда бы плѣнная русинка не превратила побѣдоноснаго, талантливаго, прозорливаго и въ своемъ родѣ добродѣтельнаго «повелителя четырехъ концовъ свѣта» въ безсмысленное игралище сераля. Теперь судьба Турціи зависѣла уже не отъ энергіи ея правителей—она никогда къ нимъ не возвратилась,—а отъ энергіи ея дикихъ опустошителей. Подъ предводительствомъ Сагайдачнаго, ученики турецкихъ райзъ, днѣпровскіе казаки, сдѣлали ужасающіе успѣхи въ искусствѣ побѣждать турецкія флотиліи и овладѣвать турецкими рынками. Они вторгались даже въ Золотой Рогъ, который, сосредоточенною въ немъ роскошью гаремной жизни, представлялъ на землѣ подобіе Магометова рая. Имъ оставалось только ворваться въ тѣ ворота, передъ которыми остановился ихъ прототипъ Олегъ. И они бы сдѣлали это непремѣнно, когда бы ихъ родной край не представилъ имъ еще болѣе легкой добычи, чѣмъ сама Турція, по милости того раздѣленія югозападной Руси на ся, которое устроила въ ней объединительная политика Польши.

П. А. Кулишъ.

Указъ Петра I о сборѣ денегъ.

1703 г.

Лѣто ҂аѱ҃г Сентября въ 23 день. По указу Великаго Государя Царя и Великаго Князя Петра Алексѣевича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца память Ладожскихъ земскихъ дѣлъ бурмистру Карпу Плешанову. По его Великаго Государя указу и по приказу губернатора Александра Даниловича Меншикова, велѣно тебѣ собравъ съ Ладожскихъ посадскихъ людей денегъ три тысячи рублевъ, привесть въ Питербурхъ немедленно и какъ къ тебѣ сія память придетъ и ты-бъ тѣ деньги собравъ съ посаду или вмѣсто ихъ своихъ, то число привези сюда въ Питербурхъ тотъ часъ, а буде ты в зборе сему Великаго Государя указу учинишься ослушенъ и тебѣ, по его Великаго Государя указу, быть въ смертной казни безпощады, да и товарищамъ твоимъ, которые сему указу учинятся ослушны, быть въ таковой же казни, а деньги привези нончежъ, октября къ шестому числу нынѣшняго ҂аѱ҃г году. Александръ Меншиковъ.

Подлинникъ хранится въ Новоладожской городской думѣ; обдѣланъ въ рамку и виситъ въ присутственной комнатѣ.

Сооб. **А. Л.**

Указъ Петра III Сенату.

26-го іюня 1762 г.

Указъ нашему Сенату. Учрежденные для дворянства и купечества здѣсь и въ Москвѣ банки имѣли служить для вспоможенія всему обществу, но намъ извѣстно, что слѣдствіе весьма мало соотвѣтствовало намѣренію и банковыя деньги остались, по бо̀льшей части, въ однѣхъ тѣхъ рукахъ, кои розданы съ самого начала. Сего ради повелѣваемъ въ розданныхъ въ заемъ денегъ отстрочекъ болѣе не дѣлать; но всѣ оныя неотложно собрать и ожидать нашего дальнѣйшаго указа. Петръ.

Въ Ораніенбаумѣ, іюня 26-го дня 1762 года.

Сообщ. **А—скій.**

ЕКАТЕРИНА II и ГУСТАВЪ III.

Извѣстно, какъ Густавъ III, вступивъ на престолъ въ 1771 году энергически возстановилъ въ Швеціи монархическую власть, сильно потрясенную олигархіей со времени смерти Карла XII [1]). Извѣстно также, какъ враждебно Екатерина II отнеслась къ этому внезапному перевороту, бывшему въ прямомъ противорѣчіи съ гарантіей, какую приняла на себя Россія, при Нейштадтскомъ договорѣ, въ поддержаніи установившагося у шведовъ образа правленія. Не смотря на свое кровное родство, оба монарха питали другъ къ другу непріязненныя чувства. Екатерина, въ тогдашней переепискѣ своей съ частными лицами, не скрывала неудовольствія противъ своего двоюроднаго брата. Была даже минута, когда она намекнула на возможность разрыва съ нимъ. Въ 1775 году графъ Шуваловъ испыталъ въ Стокгольмѣ неожиданно-холодный пріемъ. Императрица проводила этотъ годъ въ Москвѣ; пригласивъ всѣхъ иностранныхъ пословъ на обѣдъ въ Царицыно, она не исключила изъ этого приглашенія и шведскаго министра Нолькена, но просила вице-канцлера Остермана предупредить его, что хотя она и не хочетъ платить зломъ за зло, однакожъ, если шведскому королю придетъ охота пощипаться съ Россіей, то она, государыня, не останется у него въ долгу [2]). Послѣ этого Густавъ, понимая могущество своей геніальной сосѣдки, былъ крайне озабоченъ желаніемъ возста-

[1]) См. статью мою въ февральской книжкѣ «Древней и Новой Россіи» за 1876 годъ. Здѣсь представляется новая, большею частію неизвѣстная сторона сношеній Екатерины II и Густава III, какъ передъ ихъ разрывомъ и войною, такъ и послѣ замиренія. Къ источникамъ, которыми я пользовался въ прежней статьѣ и которые были при ней указаны, присоединились документы, недавно полученные мною изъ Швеціи.

[2]) Сборн. Ист. Общ., т. XV, стр. 609.

новить себя въ ея мнѣніи и надѣялся личнымъ посѣщеніемъ Петербурга изгладить въ душѣ императрицы непріятное впечатлѣніе, произведенное на нее первыми годами его царствованія.

Дѣйствительно, онъ исполнилъ это намѣреніе въ 1777 году и цѣлый мѣсяцъ гостилъ при дворѣ Екатерины. Они разстались, повидимому, искренними друзьями и между ними началась самая любезная переписка. Въ 1783 году монархи-братья имѣли вторичное свиданіе въ Фридрихсгамѣ: Густавъ, замышляя при первомъ удобномъ случаѣ отторгнуть отъ Даніи Норвегію, желалъ въ глазахъ всей Европы опереться на дружбу Россіи; въ то же время и Екатерина, не будучи безопасна со стороны Турціи, охотно поддерживала наружную связь съ Густавомъ. Въ первый годъ послѣ этого свиданія, они еще очень дружески продолжали переписываться. Густавъ прислалъ императрицѣ коллекцію роскошно переплетенныхъ шведскихъ книгъ съ писаннымъ его собственной рукой реестромъ ихъ и краткимъ объясненіемъ содержанія каждой книги. Екатерина, выражая ему свою благодарность, восхваляетъ его познанія въ шведской исторіи, которыми онъ будто бы перещеголялъ всѣхъ ученыхъ своей страны, и говоритъ, что съ этихъ поръ она смотритъ на него уже не какъ на короля, а „какъ на одного изъ достойнѣйшихъ академиковъ ея академіи“ (Густавъ вскорѣ послѣ своего путешествія въ Россію избранъ былъ въ члены этого учрежденія). Книги эти были нужны императрицѣ для ея собственныхъ историческихъ занятій и присланы вслѣдствіе бесѣдъ съ Густавомъ объ этомъ предметѣ. Она намѣревалась дать перевести по-русски тѣ мѣста, въ которыхъ имѣла надобность, а потомъ, какъ сказано въ письмѣ, отдать всѣ эти книги, вмѣстѣ „съ драгоцѣннымъ реестромъ“, въ библіотеку академіи, для которой онѣ составятъ одно изъ лучшихъ ея украшеній [1]). Но всего любопытнѣе почерпаемое изъ этого письма свѣдѣніе, что король говорилъ Екатеринѣ II о рукописи Котошихина и они условились о перепискѣ ея. Императрица благодаритъ Густава за обѣщаніе допустить къ этому лицо, которое будетъ прислано ею въ Упсалу. „Я не замедлю,—прибавляетъ она,—воспользоваться этимъ и уже приказала отправить туда человѣка, который будетъ избранъ съ этою цѣлью. То, что вы мнѣ разсказываете, любезный братъ, объ этой хроникѣ, которой экземпляры были сожжены, подаетъ мнѣ поводъ думать, что это одна изъ тѣхъ рукописей, которыя хранились въ домахъ и служили источникомъ ябедъ и ссоръ между частными лицами, такъ что, для прекращенія такихъ тяжбъ, согласились всѣ эти книги сжечь въ одинъ день, а сохранившіяся

[1]) Книги эти дѣйствительно хранятся въ академической библіотекѣ.

считать недѣйствительными [1]). Отъ этого пожара спаслись тысячи списковъ, но этимъ не уменьшается ихъ интересъ. Древность ихъ познается по извѣстнымъ буквамъ, которыхъ уже не употребляли послѣ 14-го столѣтія".

Поблагодаривъ потомъ за игрушки, присланныя кронпринцемъ царственнымъ ея внукамъ, императрица упоминаетъ, что король, какъ она слышала, желалъ имѣть русскаго квасу и кислыхъ щей, а такъ какъ этихъ напитковъ перевозить нельзя, то она посылаетъ въ Стокгольмъ особаго мастера для приготовленія ихъ. „Онъ можетъ научить поваренковъ при дворѣ грипсгольмскаго барина великому искусству изготовлять названные напитки; онъ снабженъ всѣми драгоцѣнными веществами, входящими въ составъ ихъ, и въ одну недѣлю можно въ совершенствѣ и безъ большихъ расходовъ усвоить себѣ великое искусство дѣлать ихъ круглый годъ ежедневно къ удовольствію охотниковъ". Назначенный для этого человѣкъ былъ отправленъ, вмѣстѣ съ дрожками и другими легкими экипажами, посланными королю въ подарокъ.

Едва ли похвалы, расточаемыя Екатериною учености и разуму Густава, были искренни: она льстила его тщеславію, которое было хорошо ей извѣстно, какъ видно, напримѣръ, изъ ея отзыва о немъ во время фридрихсгамскаго свиданія: „я замѣтила, что онъ чрезвычайно занятъ своимъ нарядомъ и очень любитъ стоять передъ зеркаломъ!" [2]) Вскорѣ возникли подозрѣнія и въ прямодушіи Густава, когда съ разныхъ сторонъ начали доходить до государыни слухи о его истинныхъ противъ Россіи замыслахъ. Демонъ властолюбія не давалъ ему покоя, заставляя его мечтать о завоеваніяхъ, о двойственной славѣ законодателя и героя, который возвратитъ Швеціи всѣ отнятыя у нея области. Чтобы вѣрнѣе скрыть эти планы, Густавъ предпринялъ, будто для поправленія здоровья, путешествіе по Европѣ, а между тѣмъ, расчитывая на помощь Турціи и Франціи, онъ втайнѣ вооружался; задумывая воевать то съ Даніей, то съ Россіей, онъ старался запугивать одну союзомъ съ другою и посѣтилъ Копенгагенъ, точно такъ же, какъ прежде побывалъ въ Петербургѣ. Что все это не могло ускользнуть отъ проницательнаго взора Екатерины, тому лучшимъ доказательствомъ служитъ ея ироническое письмо отъ 17-го марта 1784 г., отправленное къ нему въ Италію, въ которомъ она между прочимъ говорила: „Разсказываютъ, будто ваше величество втайнѣ дѣлаете

[1]) Очевидно, что императрица разумѣетъ тутъ Разрядныя книги, смѣшивая съ ними хронику, о которой ей сообщилъ Густавъ.

[2]) Письма Екатерины II къ Потемкину, «Русская Старина», 1876 г., томъ XVI, стр. 44.

приготовленія, чтобы овладѣть Норвегіею. Я вовсе не вѣрю этому, какъ равно и слуху, который мнѣ угрожалъ вторженіемъ вашихъ войскъ въ Финляндію, гдѣ ваше величество, какъ утверждали, намѣревались вырѣзать мои слабые гарнизоны и идти прямо на Петербургъ, вѣроятно, съ тѣмъ, чтобы тамъ поужинать".

Но самымъ несомнѣннымъ признакомъ, что шведскій король искалъ предлога къ разрыву, было его стараніе возвратить себѣ то право на Голштинію, которое уже болѣе десяти лѣтъ передъ тѣмъ было уступлено русскимъ императорскимъ домомъ Даніи въ обмѣнъ за Ольденбургъ и Дельменгорстъ. Еще въ 1767 году, Екатерина II заключила о томъ, отъ имени несовершеннолѣтняго великаго князя, предварительный договоръ съ датскимъ правительствомъ, а вымѣненныя такимъ образомъ два владѣнія предоставила младшей линіи Голштинскаго дома. По достиженіи Павломъ Петровичемъ совершеннолѣтія въ 1773 году, этотъ договоръ былъ подтвержденъ и имъ самимъ. Рѣшившись измѣнить свои отношенія къ Россіи, король шведскій воспользовался первымъ поводомъ, чтобы протестовать противъ сдѣланныхъ такимъ образомъ уступокъ. Этимъ поводомъ была послѣдовавшая въ 1785 году смерть дяди обоихъ монарховъ, епископа любскаго Фридриха Августа, того самаго, которому достались, по рѣшенію Екатерины, вымѣненныя земли, такъ что онъ сдѣлался родоначальникомъ великихъ герцоговъ Ольденбургскихъ. Кончина его подала Густаву мысль обратиться къ императрицѣ съ дружескимъ, по видимому, заявленіемъ своей претензіи. При этомъ онъ сослался на свою обязанность пещись объ интересахъ своего сына, своихъ потомковъ и о собственномъ своемъ достоинствѣ, напомнивъ, что еще при заключеніи договора онъ заявилъ о своихъ наслѣдственныхъ правахъ какъ римскому императору, такъ и имперскому сейму. Если онъ до сихъ поръ не старался воспользоваться этими правами, то это проистекало, какъ онъ увѣрялъ, изъ личныхъ его отношеній къ покойному; притомъ у него, короля, тогда еще не было сына, и онъ будто бы думалъ, что тѣ владѣнія уступлены его дядѣ только въ пожизненное пользованіе. „Вижу теперь,—говорилъ онъ,—что эти владѣнія переходятъ, какъ наслѣдственныя, къ линіямъ, которыя моложе моей, а мое семейство навсегда лишено наслѣдія моихъ предковъ, наслѣдія, гарантированнаго и утвержденнаго всѣми законами Германской имперіи и Вестфальскимъ миромъ, а также императоромъ Іосифомъ I въ Альтранштадтскомъ мирномъ договорѣ". Но такъ какъ, при возстановленіи правъ короля шведскаго, пострадали бы наслѣдники умершаго, то онъ проситъ Екатерину придумать средство вознаградить его, Густава III, и соединить на твердомъ основаніи сердца

и интересы фамиліи, которую она можетъ назвать своею и, конечно любитъ не менѣе чѣмъ самъ онъ. „Ваше величество, — заключилъ онъ,—перестали бы уважать меня, если бы я не сдѣлалъ этого шага, ваша великая душа слишкомъ хорошо знаетъ обязанности и законы чести, чтобы не признавать, что всякій долженъ защищать свои права" и проч. Въ такомъ смыслѣ Густавъ одновременно написалъ и къ великому князю, взывая къ его строгимъ правиламъ справедливости, къ его просвѣщенному разуму и прямодушію, которое, замѣчено въ скобкахъ, „составляетъ прекраснѣйшую основу вашей репутаціи".

Письмо Густава, конечно, не могло понравиться Екатеринѣ II; оно задѣло ее за живое, и она отвѣчала: „Государь мой братецъ. Откровенность, съ какою вашему величеству угодно было выразить мнѣ свои мысли, заставляетъ и меня отвѣчать вамъ съ такимъ же чистосердечіемъ. Прежде всего я искренно раздѣляю ваше справедливое сожалѣніе о кончинѣ герцога Голштейнъ-Ольденбургскаго, епископа любскаго, вашего и моего дяди. Я во всю свою жизнь принимала непритворное участіе во всемъ, что касалось этого истинно почтеннаго принца и его дома; это я доказала своими поступками, обезпечивъ судьбу отрасли покойнаго герцога, равно какъ и участь герцога Георга Людвига, меньшаго брата его.

„Сынъ мой, усвоивъ себѣ мои виды, подкрѣпилъ своимъ согласіемъ распоряженія, предначертанныя мною, хотя, какъ глава нашего дома и истинный владѣтель (уступленной собственности), онъ сохраняетъ во всѣхъ случаяхъ свои права и можетъ передать ихъ своему потомству, которое, благодаря Бога, не уменьшается: двѣ младшія линіи Голштинскаго дома получили чрезъ то обезпеченное существованіе, котораго имъ не доставало. Не стану распространяться о мѣрахъ, которыя ваше величество сочли нужнымъ принять по этому поводу; но мнѣ сдается, что покойный король, вашъ родитель [1]), при своемъ прибытіи въ Швецію и будучи еще кронпринцемъ, торжественно отказался, въ присутствіи государственныхъ чиновъ Швеціи, за себя и своихъ потомковъ, отъ дальнѣйшихъ притязаній или правъ дома, изъ котораго онъ происходилъ (т. е. Голштинскаго); актъ тѣмъ болѣе драгоцѣнный, что онъ послужилъ къ доставленію прочнаго существованія линіи вашего величества; прекращая, повидимому, всякое дальнѣйшее сомнѣніе по этому дѣлу, онъ съ тѣмъ вмѣстѣ уничтожилъ всякій поводъ къ спорамъ между двумя линіями дома: такъ какъ каждая изъ нихъ получила весьма почетное существованіе,

[1]) Адольфъ Фридрихъ.

которымъ оставалось только пользоваться и довольствоваться. Справедливость этихъ размышленій не можетъ укрыться отъ мудрости и прозорливости вашего величества, а если присоединить къ нимъ живое участіе, оказываемое вами младшимъ линіямъ Голштинскаго дома, то несомнѣнно, что ваше величество не захотите подвергать пересмотру распоряженій, въ которыхъ ничего нельзя измѣнить безъ явнаго для нихъ ущерба".

Король отвѣчалъ въ обиженномъ тонѣ, и въ доказательство правоты своихъ притязаній приложилъ къ письму выписку изъ трактата, заключеннаго въ 1750 г. между отцомъ его и тестемъ, датскимъ королемъ Фридрихомъ V,—выписку, подтверждавшую будто бы, что первый, т. е. шведскій король, тогда еще кронпринцъ, никогда не отказывался отъ наслѣдственныхъ правъ своего дома, но что, мѣняя Ольденбургъ и Дельменгорстъ на Голштинію, онъ удерживалъ за собою всѣ права на первыя два владѣнія, которыя намѣревался принять въ обмѣнъ на Голштинію, какъ скоро ему представится случай наслѣдовать ихъ [1]). „Ваше величество (прибавлялъ король), по основательности своего ума, конечно, понимаете, что большая разница—не довольствоваться владѣніями, предоставленными намъ Провидѣніемъ, или поддерживать твердо, но съ умѣренностію, законныя и неоспоримыя права, которыхъ хотятъ насъ лишить". Поэтому онъ въ заключеніе заявлялъ намѣреніе возобновить мѣры, принятыя имъ въ 1775 году, т. е. протестовать противъ распоряженія Екатерины II.

Само собою разумѣется, что эти поступки короля могли быть приняты императрицею не иначе, какъ въ смыслѣ враждебной угрозы. Надобно знать, что сынъ умершаго Ольденбургскаго герцога, по слабоумію, не могъ быть его наслѣдникомъ и потому управленіе краемъ тогда же перешло въ руки двоюроднаго брата его Петра; но такъ какъ этотъ принцъ также былъ слабъ здоровьемъ, то со стороны петербургскаго кабинета, въ противодѣйствіе замысламъ Густава III, была придумана такая комбинація: герцогъ, администраторъ Ольденбурга, имѣя малолѣтныхъ дѣтей, формальнымъ завѣщаніемъ поручитъ великому князю Павлу Петровичу опеку надъ этими дѣтьми, съ тѣмъ, чтобы онъ вмѣстѣ съ ихъ матерью герцогинею вступилъ во всѣ права

[1]) Изъ этого видно, что обмѣнъ, сдѣланный отъ имени великаго князя Павла Петровича, какъ наслѣдника Голштиніи, былъ только подтвержденіемъ болѣе ранняго договора, и что новаго въ послѣдующемъ актѣ была только уступка вымѣненныхъ владѣній младшей линіи Голштинскаго дома. При заключеніи трактата 1750 г., представитель старшей линіи Петръ III былъ уже въ Россіи, какъ наслѣдникъ русскаго престола. Не признавая этого договора, онъ сбирался вооруженною рукою отнять у Даніи отданную ей Голштинію.

наслѣдственнаго управленія до совершеннолѣтія сыновей герцога. Это распоряженіе предположено было довести до свѣдѣнія Римскаго императора. Было ли приступлено къ приведенію его въ дѣйствіе, мы не знаемъ: переписка между Екатериною и Густавомъ надолго прекращается... Между тѣмъ враждебные замыслы короля противъ Россіи принимаютъ болѣе рѣшительный характеръ и отвлекаютъ его вниманіе отъ сравнительно-маловажнаго вопроса объ Ольденбургѣ. Наконецъ, въ іюнѣ 1788 г., онъ, считая свои вооруженія достаточными и пользуясь благопріятною, повидимому, минутою, начинаетъ наступательную войну съ Россіей. Побужденія его при этомъ нападеніи были очень сложныя. Собственно говоря, оно было какъ бы прямымъ послѣдствіемъ перваго шага его по вступленіи на престолъ. Ограничивъ тогда власть дворянъ, онъ еще оставилъ имъ довольно простора для противодѣйствія на сеймахъ волѣ короля. Ему хотѣлось теперь нанести этому сословію второй, болѣе рѣшительный ударъ, и вмѣстѣ ослабить естественную союзницу своихъ внутреннихъ враговъ, Екатерину, которая, зная неискренность его миролюбія, поддерживала ихъ оппозицію. Съ другой стороны, и мечта о возвращеніи завоеванныхъ Россіею областей, съ самаго воцаренія его, не давала покоя самонадѣянному потомку Карла XII. А къ этому присоединялась еще боязнь за отторженіе всей Финляндіи, о чемъ такъ хлопоталъ переметчикъ Спренгтпортенъ. Русскія войска ушли въ Турцію, Петербургъ былъ почти беззащитенъ. Нужно было много благоразумія, чтобы не поддаться искушенію напасть на сосѣда въ такую минуту; но этого-то благоразумія именно и не доставало Густаву. На бѣду свою онъ, по своему высокомѣрію, пренебрегая слишкомъ легкой побѣдой, началъ военныя дѣйствія прежде отплытія нашего флота изъ Финскаго залива. Это болѣе всего рѣшило борьбу въ нашу пользу. Чтобы оправдать свое поведеніе въ глазахъ всей Европы, шведскій король напечаталъ въ берлинской газетѣ обширную декларацію съ объясненіемъ всѣхъ нанесенныхъ ему оскорбленій. Екатерина отвѣчала: рядомъ съ обыкновенными явленіями войны свѣту открылось небывалое зрѣлище литературнаго единоборства двухъ монарховъ-писателей. Возраженіе Екатерины, отдѣльно напечатанное по-французски и по-русски, вышло гораздо длиннѣе шведской деклараціи, помѣщенной рядомъ въ той же брошюрѣ. Противъ своего обычая, императрица написала свой отвѣтъ по-нѣмецки, т. е. на томъ же языкѣ, на которомъ появилась статья Густава. Храповицкій сохранилъ намъ подробности о самомъ ходѣ сочиненія, которымъ Екатерина занималась нѣсколько дней чрезвычайно усидчиво. Оно переведено было по-французски чиновникомъ министерства иностранныхъ дѣлъ Кохомъ,

а по-русски Вейдемейеромъ. Въ словахъ обоихъ воюющихъ монарховъ видна разыгравшаяся желчь, съ обѣихъ сторонъ сыплются попреки, обвиненія; все прошлое забыто или, лучше, прошлое берется въ помощь настоящему раздраженію, чтобы рѣзче выставить вины противника.

Густавъ, припоминая свою поѣздку въ Петербургъ, пишетъ [1]: „Не довольствуясь столь миролюбивымъ поведеніемъ, король желалъ ничего не упустить, чтобы изгладить всякую тѣнь неудовольствія, которое самые успѣхи его могли оставить въ душѣ императрицы, и въ тоже время, чтобы утушить всѣ чувства національной вражды, пробужденныя многократными войнами; его величество хотѣлъ личнымъ знакомствомъ убѣдить императрицу въ своей дружбѣ и желаніи сохранить миръ и доброе согласіе между обѣими державами. Королю пріятно было бы остановиться на этомъ времени, о которомъ воспоминаніе, еще дорогое его сердцу, приводитъ на мысль отрадную, но обманчивую иллюзію, долго его ослѣплявшую,—времени, въ которое онъ считалъ императрицу своимъ личнымъ другомъ; но обстоятельства, съ тѣхъ поръ развившіяся, не позволяютъ ему возвращаться къ этимъ минутамъ его царствованія“.

Екатерина отвѣчаетъ:

„Здѣсь рѣчь идетъ, кажется, о путешествіи короля въ Петербургъ въ 1777 году и о послѣдовавшемъ за тѣмъ фридриксгамскомъ свиданіи: король объясняетъ, въ какихъ видахъ онъ предпринялъ эти поѣздки: по русскому же императорскому манифесту о войнѣ, его путешествія въ Россію имѣли ту же цѣль, какъ его посѣщенія королевско-датскаго двора, именно цѣль внушить обоимъ высокимъ союзникамъ недовѣріе другъ къ другу, ослабить по возможности или даже разорвать ихъ союзъ, и, наконецъ, поближе всмотрѣться въ положеніе дѣлъ.

„Что такова дѣйствительно была цѣль и перваго путешествія короля, это частію выяснилось еще при второмъ свиданіи въ Фридрихсгамѣ. Тамъ онъ выразилъ императрицѣ положительное желаніе заключить съ Россіей союзъ; на что государыня отвѣчала ему, что министры съ обѣихъ сторонъ могли бы вступить въ переговоры по этому предмету; но какъ скоро ему было заявлено желаніе, чтобы и Данія, какъ государство уже союзное съ Россіей, была включена въ этотъ трактатъ, то у короля до такой степени прошла охота совѣщаться о томъ, что съ тѣхъ поръ онъ сталъ разсѣвать при иностранныхъ

[1]) Сообщаю эти отрывки въ своемъ, а не въ современномъ переводѣ, чтобы точнѣе сохранить смыслъ подлинныхъ выраженій.

дворахъ гнусныя клеветы противъ Россіи и всячески старался лишить ее дружбы Даніи".

Въ такомъ духѣ написаны отъ начала до конца оба эти достопамятные историческіе документы. Русскій современный текстъ кончается слѣдующими строками: „Изъ всего вышеписаннаго явствуетъ, съ какимъ сосѣдомъ Россія имѣетъ дѣло, когда онъ попираетъ установленный союзъ общенародный и благоустройства, и когда довольно доказалъ своимъ самопроизвольнымъ поведеніемъ, что онъ никакихъ другихъ правилъ не знаетъ, кромѣ собственной необузданной воли. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1788 года".

Изъ записокъ Храповицкаго мы знаемъ, съ какимъ лихорадочнымъ волненіемъ Екатерина, съ самаго того времени, какъ выяснились враждебные замыслы Густава III, слѣдила за всѣми подробностями его дѣйствій и движеніями его арміи. Никогда, можетъ быть, война между двумя государствами не сопровождалась такимъ личнымъ раздраженіемъ другъ противъ друга самихъ правителей. Неискренность прежнихъ дружескихъ сношеній въ яркомъ свѣтѣ обнаружилась въ безпощадныхъ взаимныхъ пререканіяхъ. Чѣмъ преувеличеннѣе были нѣкогда съ обѣихъ сторонъ льстивыя заявленія, тѣмъ рѣзче и жесточе сдѣлались теперь обличенія и укоризны. Но на политическомъ горизонтѣ ненастье и вёдро смѣняются иногда такъ же быстро, какъ въ природѣ. Послѣ двухлѣтней борьбы, послѣ разныхъ колебаній и превратностей военнаго счастія, посреди которыхъ побѣда была однакожъ почти постоянно на сторонѣ русскихъ, оба воюющіе монарха чувствовали влеченіе къ миру. Густава располагали къ нему почти постоянныя неудачи, но еще болѣе открывшійся въ его арміи заговоръ, отголосокъ опасной смуты внутри государства. Екатерину склоняли къ миролюбію болѣе и болѣе запутывавшіяся отношенія и планы европейскихъ кабинетовъ, готовыхъ поддерживать противъ нея Турцію и Польшу. Приближался Рейхенбахскій конгрессъ, который долженъ былъ явственно обозначить эти отношенія, и едва онъ состоялся (27-го іюля 1790 г.), какъ заключенъ былъ и миръ между обѣими сѣверными державами (3-го (14-го) августа того же года). Верельскимъ трактатомъ Швеція ничего не пріобрѣла, прежнія владѣнія и границы ея остались безъ измѣненія. Единственнымъ успѣхомъ Густавъ могъ признавать то, что въ новомъ договорѣ не было ничего упомянуто о трактатахъ Нейштадтскомъ и Абоскомъ, т. е. гарантія, которую нѣкогда приняла Россія въ охраненіи существовавшаго образа правленія Швеціи, была какъ бы забыта, слѣдовательно отмѣнена, — Россія отказалась отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла сосѣдняго государства. Внезапность этого мира удивила Европу:

недремлющій геній Екатерины все видѣлъ, все предусматривалъ и, что̀ нужно—предупреждалъ. Было еще обстоятельство, располагавшее обоихъ сѣверныхъ монарховъ къ возобновленію между собою дружескихъ отношеній: французская революція, противъ которой они считали святымъ долгомъ ополчиться. Еще не затихъ громъ пушекъ въ Финскомъ заливѣ, когда Густавъ уже мечталъ о новомъ геройскомъ подвигѣ — спасеніи престола Бурбоновъ. Ему принадлежитъ починъ образовавшейся вскорѣ коалиціи монарховъ. Уже въ маѣ 1791 года онъ отправился въ Аахенъ, подъ предлогомъ намѣренія лѣчиться водами Спа, но въ сущности для того, чтобъ по близости къ предѣламъ Франціи лучше наблюдать за теченіемъ тамошнихъ дѣлъ. Онъ втайнѣ задумывалъ приготовить средства къ тому, чтобы внезапно, во главѣ своей гвардіи и французскихъ эмигрантовъ, явиться въ Парижѣ и вооруженною рукою доставить Людовику XVI побѣду надъ врагами. Къ этому относится замѣчаніе Екатерины въ Дневникѣ Храповицкаго: „Мы съ нимъ (т. е. Густавомъ) часто въ мысляхъ разъѣзжаемъ на Сенѣ въ канонирскихъ лодкахъ" (27-го іюля 1791). Неудавшееся бѣгство и заключеніе несчастнаго короля внезапно разрушили этотъ планъ: надобно было дѣйствовать иначе. Между тѣмъ и Екатерина, подъ вліяніемъ тѣхъ же впечатлѣній, еще усиливаемыхъ просьбами эмигрантовъ, прибѣгавшихъ подъ ея защиту, рѣшилась принять энергическія мѣры къ возстановленію королевской власти во Франціи. Тотчасъ по заключеніи мира съ Швеціей, дружеская переписка между ею и Густавомъ возобновилась. Уже 6-го августа, т. е. черезъ два дня послѣ подписанія трактата, получено отъ короля собственноручное письмо, въ которомъ онъ, оправдываясь тѣмъ, что ихъ поссорили, просилъ, по связи крови, возвратить ему дружбу (разсказывая это, со словъ императрицы, Храповицкій приписываетъ въ скобкахъ и ея замѣчаніе: je n'en avais jamais, я никогда такой дружбы и не имѣла), просилъ забыть эту войну, какъ мимолетную бурю. Въ отвѣтѣ своемъ Екатерина ему замѣтила, что не надо слушать сплетенъ. „Полвѣка живу, 29 лѣтъ царствую и по опыту знаю, что лучшій оплотъ отъ всякихъ интригъ—правдивость и правота" [1]). Есть извѣстіе, что при заключеніи мира въ Вереле Екатерина секретнымъ пунктомъ обязалась выплатить королю два милліона рублей на покрытіе его частныхъ долговъ. Справедливъ ли этотъ слухъ, или нѣтъ, но то вѣрно, что вслѣдъ за тѣмъ шла переписка о выдачѣ Густаву субсидій на войну съ Франціей, и въ іюнѣ 1791 г., при отправленіи къ королю письма, замѣчено, что ему даютъ 500,000. Всего любопытнѣе, однакожъ, что

[1]) Дневникъ Храповицкаго, 1790, августа 6-го и 14-го.

около того же времени, именно въ концѣ апрѣля, ходили слухи о возобновленіи войны съ Швеціей, по интригамъ Англіи, и что вслѣдствіе того Суворовъ былъ посланъ для осмотра шведской границы. Еще и позднѣе, въ іюлѣ, императрица жаловалась, что Густавъ хочетъ и денегъ и половины Финляндіи, и прибавляла: „дайте мнѣ кончить съ турками, и тогда я съ шведскимъ королемъ раздѣлаюсь. Я рада, что на время могла его занять французскими дѣлами“ [1]). Эта тревога однакожъ вскорѣ миновалась, и 1-го октября въ императорскомъ совѣтѣ разсуждаемо было объ уплатѣ шведскому королю, въ продолженіе восьми лѣтъ, 300,000 р., на что и самъ онъ изъявилъ согласіе. За два дня передъ тѣмъ Екатерина II отправила въ Стокгольмъ слѣдующее любопытное письмо [2]).

С.-Петербургъ, 29-го сентября 1791.

„Государь мой братецъ! Съ удовольствіемъ вижу, дорогой братъ, по тону, который вы опять приняли въ своемъ письмѣ отъ 17-го сентября, что вы питаете ко мнѣ совершенно то же расположеніе, какое вы нѣкогда выражали и на которое я всегда буду готова отвѣчать вамъ самымъ непритворнымъ чистосердечіемъ. Вы теперь знаете планы мои относительно политическаго союза, которымъ я желаю еще тѣснѣе укрѣпить соединяющія насъ узы родства. Эти планы основываются на началахъ равенства и полнѣйшей взаимности, и мнѣ нечего бояться, чтобы они могли не привести васъ къ цѣли, какую мы себѣ предназначили. Въ твердомъ на то упованіи я не усомнилась сообщить вамъ сокровеннѣйшія мысли мои о дѣлахъ Франціи. Письмо англійскаго короля, сообщенное мнѣ вашимъ величествомъ, есть лишь копія съ того, что̀ писалъ этотъ государь императору; оно неопредѣленно, и все, что можно понять изъ него, заключается въ томъ, что на содѣйствіе его британскаго величества расчитывать нечего. Но еще хуже чѣмъ недостатокъ усердія, обнаруживаемый прочими государями, должно признать явное отсутствіе согласія между французскою королевою и бѣжавшими въ Германію принцами. Будучи всѣ одинаково лишены всякой власти и всѣхъ прирожденныхъ преимуществъ, они, въ отношеніи къ пользованію этой властью и этими преимуществами, повидимому, питаютъ другъ къ другу то же недоброжелательство и ту же зависть, какъ еслибъ они снова ими обладали, вовсе не думая о

---

[1]) Тамъ же, по изд. г. Барсукова, стр. 362, 369 и 376.

[2]) Это письмо, такъ же какъ и другое, ниже помѣщаемое, въ первый разъ было сообщено г. Германомъ въ Historisches Taschenbuch Фр. Раумера, на 1857 г. Въ русскомъ переводѣ они, сколько мнѣ извѣстно, еще нигдѣ не были напечатаны.

томъ, что имъ никогда не удастся возвратить себѣ и тѣнь оныхъ, развѣ они въ тѣснѣйшемъ союзѣ будутъ дѣйствовать откровенно и единодушно. Вы, дорогой братъ, можете еще лучше меня знать это печальное обстоятельство и, можетъ быть, найдете удобный случай, тамъ, гдѣ окажется полезнымъ, проповѣдывать миръ и доброе согласіе, столь необходимое для общаго всѣхъ ихъ благоденствія; но какъ бы ни было, мои намѣренія и планы остаются безъ измѣненія, и я очень надѣюсь на вашу твердость и на успѣхъ предложеній и просьбъ, которыя возобновляю при вѣнскомъ и берлинскомъ дворахъ, чтобы склонить ихъ къ образу дѣйствій, соотвѣтствующему нашимъ желаніямъ. Въ теченіе этой зимы мы узнаемъ, чего должны держаться, и я никакъ не отказываюсь отъ надежды, что наши человѣколюбивыя, благородныя и столь же великія, какъ и великодушныя стремленія наконецъ достигнутъ цѣли. И это только усилитъ побужденія, внушающія мнѣ ту нѣжную и искреннюю дружбу, съ каковою пребываю, государь мой братецъ, вашего величества добрая сестра и кузина, другъ и сосѣдка Екатерина".

Между тѣмъ въ Стокгольмѣ, для переговоровъ, находились уполномоченные Екатерины II графъ Штакельбергъ и генералъ Паленъ, и 8-го (19-го) октября, къ удивленію Европы, между враждовавшими издавна сѣверными державами состоялся въ Дротниггольмѣ союзъ на восемь лѣтъ, главныя условія котораго заключались въ томъ, что въ случаѣ нападенія оба государства помогаютъ другъ другу и выставляютъ: Швеція 8,000 пѣхоты и 2,000 конницы, 6 линейныхъ кораблей и 2 фрегата; а Россія—12,000 пѣхоты, 4,000 конницы, 9 линейныхъ кораблей и 3 фрегата; въ случаѣ же надобности—и болѣе, по взаимному соглашенію. Кромѣ того, Россія обязалась платить Швеціи субсидіи. За шесть мѣсяцевъ до истеченія 8-ми-лѣтняго срока возбуждается вопросъ о продленіи его. Тотчасъ по ратификаціи договора, приступаютъ къ заключенію торговаго трактата, а весною 1792 года должна произойти повѣрка финляндской границы [1]).

Теперь предстояла задача—побудить и другихъ государей присоединиться къ этому союзу, но что это было дѣломъ нелегкимъ, доказываетъ письмо Екатерины, писанное вскорѣ послѣ полученія изъ Швеціи состоявшагося договора. Вотъ оно:

С.-Петербургъ, 6-го декабря 1791.

„Государь мой братецъ! Согласно съ письмомъ, которое я отправила къ вашему величеству съ курьеромъ, доставившимъ ратификаціи

[1]) Posselt, Geschichte Gustaf's III. Karlsruhe, 1792, стр. 492.

недавно заключеннаго между нами союзнаго трактата, должна я сообщить вамъ отвѣтъ, только что полученный мною отъ императора на новыя посланныя ему мною соображенія относительно французскихъ дѣлъ. Ваше величество найдете приложенный при семъ списокъ этого отвѣта, который однакожъ откроетъ вамъ только отрицательныя намѣренія императора, безъ объясненія мотивовъ его. Эти послѣдніе изложены въ весьма длинной депешѣ, изъ которой я посылаю извлеченія графу Штакельбергу, съ повелѣніемъ сообщить его вашему величеству подъ печатью тайны. Вы изъ него усмотрите, что вѣнскій дворъ считаетъ перемѣною къ лучшему то, что въ сущности не что иное какъ осуществленіе того, что самъ онъ хотѣлъ отвратить, предложивъ, какъ и въ минувшемъ іюлѣ мѣсяцѣ, соглашеніе между державами. Но какъ ни прискорбенъ образъ мыслей, недавно обнаруженный этимъ дворомъ въ отношеніи къ французскимъ дѣламъ, я не перестану стараться измѣнить его расположеніе, и я преимущественно возлагаю свою надежду на то, что мнѣ удастся изгладить въ немъ мысль, которую онъ приводитъ какъ главную причину своего бездѣйствія,—будто планы и дѣйствія французскихъ принцевъ несогласны съ тѣми, которые приняты въ руководство и которымъ хотятъ слѣдовать въ тюильерійскомъ дворцѣ. Дѣйствительно, все, что я слышала и успѣла развѣдать, повидимому доказываетъ, что между французскимъ королемъ и королевою, съ одной стороны, и бѣжавшими въ Германію принцами, съ другой,—господствуетъ полнѣйшее согласіе. Графъ Штакельбергъ сообщитъ вашему величеству также копію съ письма, доставленнаго мнѣ барономъ Бретелемъ, который, какъ полагаютъ, пользуется наибольшимъ довѣріемъ у своего государя. Это письмо подтверждаетъ мое замѣчаніе, ибо хотя оно и не прямо высказываетъ то же самое, но таковъ всетаки смыслъ благодарности, которую баронъ Бретель изъявляетъ мнѣ отъ имени короля за показанное мною участіе въ его дѣлѣ и въ дѣлѣ всей Франціи. Онъ показываетъ мнѣ ту же признательность, какую мнѣ выразило французское дворянство, и какъ будто хочетъ своимъ письмомъ загладить отсутствіе своей подписи на присланномъ мнѣ письмѣ этого дворянства. Можетъ быть, когда я объясню этотъ пунктъ императору, то мнѣ удастся поколебать его нынѣшнія намѣренія и расположить его въ пользу плановъ, которые занимаютъ ваше величество и меня. Сознаюсь между тѣмъ, что я болѣе желаю, нежели надѣюсь достигнуть этого результата. Еслибъ предусматриваемыя во Франціи, событія не представляли мнѣ длиннаго ряда убѣдительныхъ причинъ, по которымъ вѣнскій дворъ рано или поздно вынужденъ будетъ дѣйствовать, то, конечно, всего надежнѣе было бы склонить французскую

королеву къ тому, чтобы она сама прибѣгла къ помощи своего брата. Чѣмъ болѣе дѣло, за которое мы взялись, достойно нашихъ заботъ, тѣмъ болѣе мы обязаны ничего не упускать, чтобъ обезпечить успѣхъ его и упрочить за собою, дорогой братецъ, въ глазахъ современниковъ и потомства ту заслугу, что мы не покинули столь прекраснаго предпріятія, а употребили всевозможныя усилія для побѣды надъ встрѣчающимися намъ затрудненіями.

„Съ чувствами искреннѣйшей дружбы и совершеннаго почтенія пребываю, государь мой братецъ, вашего величества добрая сестра, кузина и другъ, союзница и сосѣдка Екатерина".

При полученіи этого письма Густавъ III былъ занятъ приготовленіями къ созванію новаго сейма, необходимаго для принятія мѣръ къ покрытію значительнаго государственнаго долга и поправленія финансовъ Швеціи. Собрать чины въ Стокгольмѣ, гдѣ начала французской революціи нашли не мало приверженцевъ, казалось опаснымъ, и мѣстомъ сейма на этотъ разъ избранъ былъ лежащій довольно близко отъ столицы, при Ботническомъ заливѣ, городокъ Гевле (Gefle). На пути изъ Стокгольма разставлены были воинскіе отряды для охраненія общественнаго спокойствія; тѣмъ не менѣе, король особенно налегалъ на то довѣріе къ своимъ подданнымъ, съ какимъ онъ смѣло собираетъ ихъ въ такое время, когда всѣ правители болѣе или менѣе избѣгаютъ столпленія массъ.

Тайнымъ намѣреніемъ его было сперва воспользоваться этимъ сеймомъ, чтобы лишить дворянство послѣдняго участія въ дѣлахъ и захватить всю правительственную власть въ свои руки; но вскорѣ, убѣдившись какъ сильно волненіе умовъ и какъ трудно будетъ провести эти замыслы, онъ послушался предостереженій одного изъ своихъ министровъ и затѣмъ распустилъ сеймъ. Этимъ партія недовольныхъ однакожъ не успокоилась: заговорщики рѣшились дѣйствовать; 15-го марта король, вопреки полученному предостереженію, отправился на маскарадъ въ оперный театръ, и былъ смертельно раненъ позорнымъ выстрѣломъ Анкарстрема, а 29-го того же мѣсяца не стало Густава. Негодованіе противъ убійцы было общее; ничто не могло такъ возстановить короля въ мнѣніи націи, какъ это злодѣяніе; всѣ почувствовали искреннее сожалѣніе, во всѣхъ пробудилось сознаніе добрыхъ сторонъ короля и уваженіе къ его памяти... Для Екатерины II кончина его не могла не быть чувствительнымъ ударомъ, отдаляя осуществленіе сильно занимавшихъ ее плановъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ эта смерть должна была произвести на нее умилительное впечатлѣніе, окончательно примирить ее съ бывшимъ ея противникомъ, съ человѣкомъ, который во всю свою жизнь былъ судимъ ею строго, къ ко-

ГУСТАВА III.

ГОЛШТИНС

АНГАЛЬТЪ-ЦЕРБСТСКІЙ ДОМЪ.

Рудольфъ † 1622, сынъ Іоакима († 1586), соединившаго подъ своею властью всѣ ангальтскія земли.

Іоаннъ † 1667.
Супруга **Софія** Гольштейнъ-Готторпская.

Іоаннъ Людвигъ † 1704.
Супруга **Христина Элеонора** Саксенъ-Цейцъ.

Іоаннъ Людвигъ † 1746.

Христіанъ Августъ, род. 1690, † 1747. Въ бракъ вступилъ 8 нояб. 1727 съ **Іоанной Елисав.** (см. Голштинскій домъ).

Софія Августа Фридерика (Екатерина II, см. Голштинскій домъ), род. 21 апр. (2 мая) 1729, † 6 (11) нояб. 1796.

Фридрихъ Августъ, род. 1734, † 1793. Супруга **Фридерика** Ангальтъ-Бернбург. Послѣдній владѣтельный Ангальтъ-Цербстскій князь.

чальникъ млад-
ома, † 28 ав-
льдмаршаломъ.
Гольштейнъ-
63 (за мѣсяцъ

етръ I, род. 1755,
. любскій и адми-
истраторъ герцог-
ва Ольденб. за сла-
уміемъ двоюродн.
ата Петра Фрид.
льг., † 1829. Су-
уга **Фридерика** Вир-
мбергск., † 1785.

оргъ, род. 1784,
1812 г. Супруга
атерина Павловна,
1819.

тръ Георгіевичъ,
д. 26 авг. 1812.
пруга **Тереза** Нас-
уская † 1871.

Состав. Акад. **Я. К. Гротъ.**

торому она постоянно питала то открытую вражду, то тайное недовѣріе, не смотря на видимую дружбу...

Нельзя не пожалѣть, что Храповицкій былъ боленъ въ то время, когда пришло извѣстіе о кончинѣ Густава, и не могъ отмѣтить въ своемъ Дневникѣ какъ оно было принято Екатериною. Замѣчательно, какъ въ концѣ XVIII столѣтія главные дѣятели его одинъ за другимъ сходятъ со сцены: въ 1786 году умеръ Фридрихъ II, въ 1790 Іосифъ II, въ 1791 Потемкинъ, въ 1792 Густавъ III, въ 1793 Людвигъ XVI.

Екатерина II могла сказать:

„И мнится, очередь за мною"... Дѣйствительно, не прошло четырехъ лѣтъ, и ея также не стало; вслѣдъ за этими властителями, въ грозныхъ тучахъ, посреди потоковъ крови, заходилъ и самый вѣкъ, ознаменованный ихъ дѣлами. Мрачна была вечерняя заря наканунѣ новаго столѣтія. Заставивъ Екатерину и Густава забыть свою взаимную вражду, она однакожъ набросила густую тѣнь на послѣдніе годы ихъ жизни.

Я. К. Гротъ.

Замѣтка къ статьѣ „Герцогиня Кингстонъ"

Названная статья, помѣщенная въ XVIII-мъ томѣ „Русской Старины" изд. 1877; стр. 79—108, составляетъ цѣнное дополненіе къ монографіямъ по исторіи царствованія Екатерины II. Въ числѣ матеріаловъ, которыми авторъ пользовался, онъ добросовѣстно указываетъ на мои примѣчанія къ „Сочиненіямъ Державина", что не всегда дѣлается тѣми, которые изъ этого источника почерпаютъ тѣ или другія печатаемыя ими свѣдѣнія; между тѣмъ въ изданіи Державива съ величайшею строгостью проведено правило означать въ точности, изъ какихъ рукъ получены сообщаемыя подробности. Приводя одно изъ примѣчаній, помѣщенныхъ мною подъ одой „Ко второму сосѣду", (Т. I, стр. 440), Е. П. Карновичъ говоритъ, что оно не подтверждается свѣдѣніями, найденными имъ въ подлинномъ дѣлѣ объ отдачѣ подъ судъ Гарновскаго. При этомъ, однакоже, г. Карновичъ не обратилъ вниманія на то, что выписанное имъ (къ сожалѣнію, не совсѣмъ точно) примѣчаніе принадлежитъ не мнѣ, а самому Державину, на котораго и падаетъ отвѣтственность за его вѣрность. Составляя свой комментарій большею частію на основаніи собственныхъ моихъ разысканій, я, въ случаѣ неимѣнія сторонниххъ матеріаловъ, извлекалъ

свои примѣчанія изъ объясненій самого поэта на его сочиненія и всѣ такія заимствованія означалъ поставленными въ скобкахъ начальными буквами: Об. Д. Къ числу такихъ примѣчаній принадлежитъ и приведенное г. Карновичемъ („Русская Старина" 1877 г., т. XVIII, 107), которое въ подлинныхъ Объясненіяхъ Державина изложено слѣдующимъ образомъ: „Поелику сей Гарновскій былъ любимецъ кн. Потемкина, чрезъ котораго во время турецкой войны переводились изъ Петербурга въ армію великія денежныя суммы, и онъ отчетовъ не давалъ, то и было подозрѣніе, что онъ употреблялъ ихъ незаконно; а для того, когда воцарился императоръ Павелъ, сколько по нелюбви къ Потемкину, столько и по вышесказанному подозрѣнію, Гарновскій былъ посаженъ въ крѣпость, и домъ чрезъ публичную продажу дошелъ въ казну, въ которомъ и помѣщены были конногвардейскія конюшни". Объясненія Державина напечатаны въ концѣ III-го тома „Сочиненій" его. Само собою разумѣется, что, по мѣрѣ раскрытія и оглашенія историческихъ документовъ, нѣкоторыя изъ показаній Державина, какъ и всякаго другаго современнаго свидѣтеля событій, могутъ подвергаться дополненіямъ и поправкамъ.

Вотъ еще примѣръ подобнаго случая. Въ примѣчаніи къ стихамъ о Чупятовѣ (въ одѣ „Вельможа") приведено мною между прочимъ свидѣтельство С. Глинки о томъ, что онъ, воспитываясь въ кадетскомъ корпусѣ, однажды видѣлъ тамъ этого чудака. По обстоятельствамъ, упоминаемымъ въ его разсказѣ, это могло быть не прежде 1794 или 1795 года. На это свидѣтельство указалъ и Л. Н. Майковъ въ статьѣ своей о Чупятовѣ („Русскій Архивъ" 1873 г., стр. 1685). Вскорѣ послѣ того, одинъ неизвѣстный критикъ (г. П—въ въ „Бирж. Вѣд." 1873 г., № 272) упрекнулъ насъ обоихъ въ томъ, что мы повѣрили разсказу Глинки, тогда какъ критикъ, бродя въ концѣ пятидесятыхъ годовъ по Смоленскому кладбищу, видѣлъ тамъ могилу Чупятова съ надписью, которая гласила, что онъ умеръ на 64-мъ году жизни, 16-го сентября 1792 года. Но случайное открытіе г. П—ва не было оглашено имъ. Г. Майковъ и я не имѣли повода сомнѣваться въ показаніи Глинки, да и повѣрить его не было никакой возможности, тѣмъ болѣе, что приведенная надгробная надпись въ послѣдствіи исчезла, и свѣдѣніе о годѣ смерти Чупятова едва ли бы можно было гдѣ нибудь найти: извѣстно, какъ въ этомъ отношеніи бѣдны наши біографическія пособія, Чупятовъ же не такое историческое лицо, которое могло бы имѣть право на особенно внимательное изученіе всѣхъ обстоятельствъ его жизни.

Я. К. Гротъ.

ОТЪ МАЛОЯРОСЛАВЦА ДО БЕРЕЗИНЫ

1812.

III [1]).

Мнѣнія современниковъ о дѣйствіяхъ кн. Кутузова.

Изложивъ ходъ военныхъ дѣйствій, увѣнчавшихся успѣхомъ, можно бы не входить въ оцѣнку того или другаго распоряженія нашего главнокомандующаго. Нѣтъ ни одного полководца, какъ бы великъ онъ признанъ ни былъ современниками и потомками, который бы не дѣлалъ ошибокъ, и защищать въ этомъ отношеніи кн. Кутузова не представлялось бы нужды. Онъ могъ ошибаться, какъ ошибались всѣ полководцы и лучшею для него защитою могла быть вся боевая его жизнь. Ошибки всегда возможны для полководца по свойству той области, въ которой онъ дѣйствуетъ, т. е. войны. Не даромъ, говоря о военномъ дѣлѣ, употребляютъ выраженія: военное ремесло, военная наука, военное искусство. Понятія, которыя такъ рѣзко различаются въ другихъ сферахъ жизни, сливаются въ одно—въ дѣлѣ войны. При всевозможномъ стараніи какъ можно болѣе сторонъ военнаго дѣла подчинить строгому расчету, безъ сомнѣнія весьма важному для успѣха въ военныхъ дѣйствіяхъ, есть однако же такое въ нихъ свойство, которое ускользаетъ отъ расчета и требуетъ особыхъ дарованій отъ полководца. Наука переходитъ въ этомъ случаѣ въ область искусства, а это зависитъ отъ того, что передъ однимъ полководцемъ стоитъ другой, обладающій точно такими же способами и такою же свободною волею. Возможность ошибокъ со стороны этихъ полководцевъ ставитъ ихъ совершенно въ одинаковое положеніе. Каждый можетъ сдѣлать ошибку; но каждый долженъ или умѣть ее поправить, или, замѣтивъ ошибку противника, умѣть ею воспользоваться,—вотъ

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1877 г., томъ XVIII, стр. 21—68; 261—307.

въ чемъ состоитъ военное искусство, которое оцѣнивается — общимъ успѣхомъ цѣлой кампаніи. Едвали можетъ быть поставленъ и вопросъ о томъ, успѣшно ли кончилась кампанія, которую вела одна изъ нашихъ армій, подъ начальствомъ кн. Кутузова, отъ Бородина и до Краснаго. Поэтому напрасенъ былъ бы трудъ оправдывать каждое дѣйствіе нашего главнокомандующаго. Сколько ошибокъ находятъ въ дѣйствіяхъ Наполеона даже его соотечественники и поклонники, и тѣмъ не менѣе никто еще не дерзалъ отрицать его военныя дарованія.

Но рядомъ съ ходомъ совершавшихся событій, рядомъ съ каждымъ дѣйствіемъ, въ одно и тоже время, шелъ горячій споръ о ихъ достоинствѣ. Оцѣнка, хвала и порицаніе распоряженій кн. Кутузова начались прежде, нежели послѣдствія оправдали ихъ какъ успѣшныя, или осудили какъ неудачныя. Эта оцѣнка составляетъ сама историческое явленіе, современное совершавшимся событіямъ, и потому должна обратить на себя вниманіе при ихъ изложеніи, какъ весьма знаменательный признакъ времени. Она заслуживаетъ изслѣдованія и потому, что слѣды ея остаются до сихъ поръ въ сочиненіяхъ объ этихъ событіяхъ, давно уже совершившихся, къ которымъ слѣдовало бы относиться съ безпристрастіемъ и хладнокровіемъ. Напротивъ, порицанія дѣйствій кн. Кутузова въ послѣдствіи выражались еще въ бо́льшихъ размѣрахъ. Начну съ болѣе важнаго. Въ 1817 г. въ Англіи появилось сочиненіе сэра Роберта Вильсона о политическомъ и военномъ могуществѣ Россіи, въ которомъ, дѣлая обзоръ похода 1812 г., онъ говоритъ: „послѣ сраженія въ Малоярославцѣ, столь славнаго для князя Евгенія и италіянской арміи, и нисколько неуронившаго чести тѣхъ русскихъ войскъ, которыя въ немъ участвовали (ибо большая армія, которая находилась только въ трехъ миляхъ съ 10-ти часовъ утра, не давала имъ помощи до 4-хъ часовъ пополудни), послѣ этого сраженія, если бы на другой день Бонапартъ послалъ впередъ свой авангардъ, вмѣсто того, чтобы перейти на Московско-Смоленскую дорогу, то вся русская армія, исполняя уже данное приказаніе, отступила бы за Оку, оставя богатую страну, такъ что Бонапартъ могъ совершенно безопасно отступать въ Польшу, по какому угодно направленію“ [1]). Тоже самое показаніе онъ повторилъ въ Повѣствованіи о событіяхъ, совершившихся во время вторженія Наполеона-Бонапарта въ Россію, окончательно приготовленнымъ имъ въ 1825 году, но изданнымъ послѣ его смерти, въ 1860 г. „Звѣзда Наполеона перестала ему благопріятствовать, писалъ онъ. Если бы послѣ отступ-

[1]) Sir Robert Wilson, Tableau de la puissance milit. et politique de la Russie. Paris, 1817, стр. 23.

ленія аріергарда (за Нямцевскій оврагъ, конечно) хотя бы незначительный развѣдочный отрядъ показался на берегу оврага, если бы произведена была хотя ничтожная демонстрація, обличавшая наступательныя дѣйствія,—то Наполеонъ открылъ бы своему войску путь на Калугу или Медынь по плодоносной странѣ до самаго Днѣпра, потому что Кутузовъ рѣшился отступить за Оку и напередъ уже отдалъ приказы отступать туда въ томъ случаѣ, если непріятель приблизится къ его новой позиціи“ [1]). Эту рѣчь ведетъ англійскій генералъ о той позиціи за Нямцевскимъ оврагомъ, которую французскіе маршалы нашли неприступною, съ чѣмъ согласился и самъ Наполеонъ, и крѣпости которой будто бы не понималъ кн. Кутузовъ. Послѣднія строки поставлены даже во вносныхъ знакахъ („ “), какъ будто заимствованныя изъ дѣйствительно существовавшаго приказа кн. Кутузова. Едвали нужно говорить о томъ, что такого приказа быть не могло въ то время, къ которому пріурочиваетъ его Вильсонъ, т. е. къ ночи съ 12-го на 13-е октября, когда кн. Кутузовъ отдалъ приказъ о переходѣ войскъ за Нямцевскій оврагъ и объ укрѣпленіи избранной на противоположномъ его берегу позиціи. Никакой главнокомандующій не отдаетъ приказовъ преждевременно и не оглашаетъ своихъ дальнѣйшихъ намѣреній, которыя могутъ еще измѣниться при перемѣнѣ обстоятельствъ. Кн. Кутузовъ наименѣе былъ способенъ къ такому неблагоразумію, какъ доказываетъ вся его боевая дѣятельность. И могъ ли подобный приказъ исчезнуть безъ слѣда и могли ли не знать о немъ его боевые сотрудники. Между тѣмъ, кромѣ сэра Р. Вильсона, о немъ никто не упоминаетъ. Что такого приказа не существовало могутъ служить доказательствомъ донесенія самого англійскаго генерала императору Александру и лорду Каткарту, современныя происшествіямъ. На другой день послѣ сраженія въ Малоярославцѣ, когда кн. Кутузовъ писалъ государю, что намѣренъ принять сраженіе, чтобы не пропустить непріятеля въ Калугу, сэръ Р. Вильсонъ написалъ императору слѣдующія строки: „Я пользуюсь минутою времени, чтобы поздравить ваше величество съ освобожденіемъ Москвы и со вчерашнимъ сраженіемъ въ г. Малоярославцѣ, которое хотя было кровопролитно, но доставило весьма важныя выгоды, вѣроятно, разстроило непріятеля и нанесло ему весьма тяжелыя потери. Я думаю, что онъ долженъ теперь отступать тѣмъ же разоренныемъ краемъ, чрезъ который пришелъ сюда“ [2]). Обѣщая при

---

[1]) Narrative of events during the invasion of Russia, 1812, 3 изд., стр. 235—336.

[2]) Письмо отъ 25-го октября (т. е. 13-го) «на третьей верстѣ по Калужской дорогѣ».

первомъ удобномъ случаѣ сообщить государю „о всѣхъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ послѣднія движенія“ войскъ, онъ на другой же день, въ обширномъ донесеніи изложилъ подробно движенія корпуса Дохтурова и битву при Малоярославцѣ, и потомъ говоритъ: „сегодня непріятель остался спокоенъ; но думаю, что онъ маневрируетъ съ цѣлію выдти на Медынскую дорогу“ [1]), т. е. онъ думалъ въ то время совершенно то же, что и кн. Кутузовъ, котораго всѣ распоряженія клонились къ тому, чтобы закрыть непріятелю дорогу на Медынь, такъ же какъ онъ закрылъ ему дорогу чрезъ Малоярославецъ. Поэтому намѣреніе будто бы кн. Кутузова отступать за Оку слѣдуетъ отнести къ личнымъ соображеніямъ генерала Вильсона. При этомъ онъ додумался долго спустя послѣ совершившихся событій до такого соображенія, которое не обличаетъ военныхъ познаній и дарованій англійскаго агента, которого, впрочемъ, его правительство употребляло преимущественно для тайныхъ политическихъ сношеній и наблюденій. Возможно-ли предполагать, чтобы опытный фельдмаршалъ пожертвовалъ, единственно изъ опасенія принять сраженіе съ самимъ Наполеономъ, главною цѣлію, къ которой клонились его соображенія, и спокойно пропустилъ бы непріятеля грабить еще не опустошенныя мѣстности Россіи, спасти свою армію соединившись съ корпусами, дѣйствовавшими на флангахъ и, можетъ быть, побѣдоносно окончить кампанію? Это было бы самоубійствомъ со стороны кн. Кутузова, какъ въ политическомъ, такъ и военномъ отношеніи, невозможнымъ для него, если припомнить всю его боевую дѣятельность въ продолженіе многолѣтней его жизни. Не говоря уже о его любви къ Россіи, къ которой онъ относился не такъ, какъ сэръ Робертъ Вильсонъ, его рѣшимость дать сраженіе при Бородинѣ, при обстоятельствахъ гораздо менѣе благопріятныхъ, можетъ служить доказательствомъ, что подобная мысль не могла придти ему въ голову, а приведенныя свидѣтельства доказываютъ, что и не приходила, а всецѣло принадлежитъ изобрѣтательности англійскаго генерала.

Даже французы писатели и участники въ происшествіяхъ наиболѣе безпристрастные, готовые, конечно, воспользоваться всякимъ обстоятельствомъ, чтобы унизить фельдмаршала, котораго дѣйствія причинили имъ столько бѣдствій, съ недовѣріемъ относятся къ извѣстію г. Вильсона [2]), а другіе и вовсе не упоминаютъ о немъ, какъ не заслуживающемъ вниманія, обличавшемъ лишь слабость военныхъ дарованій Вильсона и внушенное ненавистью къ кн. Кутузову [3]). Генералъ Виль-

[1]) Письмо отъ 26-го октября.

[2]) М. Шамбре, Hist. de l'éxpéd. т. 11, стр. 348.

[3]) Тьеръ.

сонъ мало сдерживалъ свои порывы негодованія противъ кн. Кутузова въ донесеніяхъ къ императору, а въ письмахъ къ своему посланнику при нашемъ дворѣ говорилъ еще болѣе развязно и рѣзко. Но и въ этихъ письмахъ нѣтъ ни слова о намѣреніи кн. Кутузова отступать за Оку. Упоминая о переходѣ войскъ черезъ Нямцевскій оврагъ, который въ послѣдствіи онъ выставилъ такимъ опаснымъ, онъ писалъ: „Мы шли въ порядкѣ, а его трудно было сохранить при ночномъ переходѣ и эта трудность увеличивалась еще болѣе самою мѣстностью". Описывая новую позицію, онъ выражается такъ: „Мы какъ будто осѣдлали Калужскую дорогу, по которой, какъ говорятъ, непріятель хочетъ пробиться", но полагаетъ, что ему придется отступать къ Можайску [1]). Но вдругъ, на другой же день, совершенно измѣняются рѣчи Вильсона. „Въ официіальномъ письмѣ, милордъ,—писалъ онъ лорду Каткарту,—я говорилъ вамъ только истину, однакожъ не всю истину. Послѣ побѣды надъ Мюратомъ, фельдмаршалъ, чтобы не обезпокоить лично себя двинувшись со всею арміею, послалъ Дохтурова совершать невозможное. Я не сомнѣваюсь, да и всѣ были увѣрены, что еще одинъ лишній шагъ могъ бы погубить этотъ корпусъ, имѣвшій съ собою 80 орудій, и Бонапарту удалось бы отмстить намъ. Фельдмаршалъ Кутузовъ зналъ, что Бонапарте со всѣми, полагаю я, своими силами, гвардіею и корпусомъ Даву, идетъ на Малоярославецъ; но вмѣсто того, чтобы ускорить приближеніе своей арміи, онъ безъ всякой нужды остался 14 часовъ въ лагерѣ своемъ въ пяти верстахъ отъ насъ, хотя могъ слышать оттуда всякій ружейный выстрѣлъ, а отъ пушечной пальбы вѣрно и домъ его трясся, потому что даже земля отъ того дрожала. Онъ оставался на мѣстѣ, не имѣя ни малѣйшаго любопытства быть зрителемъ происходившихъ дѣйствій. Когда же наконецъ, по неоднократнымъ и убѣдительнымъ нашимъ требованіямъ, получили мы вспоможеніе и наконецъ онъ самъ прибылъ около 5-ти часовъ вечера, то онъ оказывалъ такую личную осторожность, что она сдѣлалась предметомъ всеобщаго замѣчанія. Я уже прежде слышалъ, что одинъ онъ во время Бородинскаго сраженія не былъ въ огнѣ. Осторожность его оказалась также и въ дѣлѣ противъ Мюрата; однакожъ я никакъ не думалъ, что въ такомъ случаѣ онъ окажетъ столь мало желанія судить о происходившемъ дѣлѣ по собственному наблюденію, какое оказалъ вчера. Въ слѣдующее утро, при разсвѣтѣ, безъ малѣйшей причины вздумалъ онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ ретироваться въ виду и даже подъ пушками непріятеля.

---

[1]) Письмо къ лорду Каткарту отъ 13-го (25-го) окт., «позиція въ 3-хъ верстахъ отъ Малоярославца по Калужской дорогѣ».

„Глубокія рытвины, худые мосты, по обыкновенію, были на пути нашемъ. Колонны разсѣивались, волы падали, лошади не везли, люди не могли проходить и послѣдовало смѣшеніе языковъ, заставившее самаго смѣлаго изъ насъ дрожать о послѣдствіяхъ такого безпорядка. Но всевидящій Богъ русскій ослѣпилъ непріятеля и снова вывелъ насъ изъ неминуемой гибели. Когда все пришло въ порядокъ, то все опять ободрилось и мы почувствовали, что несчастье съ нами случиться не можетъ. Москва освобождена. Вы окажете тѣмъ, милордъ, услугу общей пользѣ и пользѣ императора, если будете прилагать стараніе о назначеніи новаго предводителя. Бенигсенъ,—Аннибалъ въ сравненіи съ Кутузовымъ. Во время сраженія онъ внушаетъ къ себѣ почтеніе. Я долженъ также сказать, что всѣ послѣдніе его совѣты преисполнены твердости и благоразумія. Ему также обязаны мы движеніемъ на Калужскую дорогу послѣ паденія Москвы,—движеніе, которымъ спасена Имперія. Человѣкъ, лишенный твердости и бодрости, можетъ ли предводительствовать россійскою арміею, не ослабѣвая и не уничтожая надлежащее уваженіе къ начальству?

„Фельдмаршалъ сказалъ барону Арнстеду, что „онъ ничего не желаетъ кромѣ того, чтобъ видѣть непріятеля оставляющаго Россію". Теперь ли строить золотые мосты? (faire des ponts d'or)? Непріятель безъ продовольствія, безъ всякихъ средствъ тащитъ свою артиллерію, безъ конницы, безъ аммуниціи, окруженный тучами легкой конницы, имѣющій противъ себя 12,000 ч., между тѣмъ, какъ другая армія изъ 70 т. отрѣзываетъ всѣ его коммуникаціи; такой непріятель, говорю я, еще кажется страшнымъ этому слабому старику. Даже потерянное нами сраженіе погубило бы теперь Бонапарта"[1]). Сэръ Робертъ Вильсонъ былъ правъ, выражая эту послѣднюю мысль, что при тогдашнемъ положеніи великой арміи самая побѣда была бы для ней гибельна. Нечаянно онъ совпадалъ въ этомъ случаѣ съ мнѣніемъ самихъ французовъ, участниковъ въ событіяхъ, но какую же пользу принесло бы намъ пораженіе?

Какъ представитель самостоятельной державы въ нашемъ военномъ станѣ, генералъ Вильсонъ не только желалъ поддерживать это значеніе, но и руководить военными дѣйствіями. Отличавшійся если не храбростію, которой нигдѣ не выказалъ, но нѣкотораго рода смѣлостію, онъ не обладалъ однако же военными дарованіями полководца и въ этомъ отношеніи подчинялся вліянію барона Бенигсена, также англійскаго подданнаго, соперника кн. Кутузова. Только этимъ влія-

---

[1]) Письмо къ лорду Каткарту отъ 14-го (26-го) окт. «Горки, въ 40 верст. отъ Калуги».

ніемъ и возможно объяснить противорѣчія въ приведенныхъ его письмахъ. Преслѣдуя виды своего отечества, онъ единственно желалъ погибели Наполеона, хотя бы цѣною пораженій русскихъ, и на Россію смотрѣлъ какъ на орудіе для достиженія своихъ цѣлей, точно такъ же какъ смотрѣли на нее нѣмецкіе патріоты, когда войска должны были перейти русскія границы. Но взглядъ Кутузова, какъ русскаго военачальника, естественно былъ совершенно иной и еще естественнѣе, что онъ, какъ русскій человѣкъ, прямо выражалъ его, давая чувствовать своему неугомонному совѣтнику, что очень хорошо понимаетъ своекорыстные виды англійской политики. Въ тяжелыхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находилась Россія въ это время, естественно всѣ его помыслы клонились единственно къ спасенію отечества, а не всей вселенной, какъ толковалъ сэръ Робертъ Вильсонъ, прикрывая громкимъ выраженіемъ выгоды Англіи. Это различіе во взглядахъ и постоянное отклоненіе совѣтовъ Вильсона о военныхъ дѣйствіяхъ возбудило въ немъ ненависть къ кн. Кутузову, которою ловко пользовался Бенигсенъ, зная, что онъ сообщаетъ все не только своему посланнику, но и самому императору. „Офицеры и войска вашего величества дерутся съ чрезвычайною неустрашимостію; но я считаю своимъ долгомъ, какъ въ отношеніи къ нимъ, такъ и къ вамъ, государь, съ прискорбіемъ заявить, что они достойны имѣть и нуждаются въ лучшемъ предводителѣ. Бездѣйствіе фельдмаршала,—писалъ онъ государю послѣ сраженія подъ Малоярославцемъ,—послѣ побѣды надъ Мюратомъ, когда слѣдовало двинуться со всею арміею влѣво, медленность его въ присылкѣ подкрѣпленій генералу Дохтурову, личное бездѣйствіе по прибытіи на мѣсто сраженія до 5-ти часовъ вечера, хотя онъ цѣлый день пробылъ въ 5-ти верстахъ отъ него, личная осторожность во всѣхъ сраженіяхъ, нерѣшительность въ принятіи мѣръ,—подвергаютъ войска вашего величества гибельному безпорядку, то вслѣдствіе медленности, то вслѣдствіе поспѣшности безъ всякаго повода. Лѣта фельдмаршала и тѣлесная дряхлость могутъ нѣсколько извинять его. Но нельзя не сожалѣть о такой слабости, которая побуждаетъ говорить его, что онъ не имѣетъ другаго желанія, какъ то, чтобы выгнать непріятеля изъ Россіи, тогда какъ отъ него зависитъ избавленіе отъ ига цѣлаго свѣта. Такая тѣлесная и душевная слабость дѣлаютъ его неспособнымъ исполнять обязанность, которая на него возложена, лишаютъ начальство уваженія и предвѣщаютъ несчастія въ то время, когда можно быть увѣреннымъ въ успѣхѣ. Мнѣ извѣстны недостатки генерала Бенигсена; но личный его примѣръ побуждаетъ всѣхъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, онъ обладаетъ военными познаніями и его совѣты въ послѣднее время послужили къ

пользѣ и славѣ оружія вашего величества. Я смѣю надѣяться, что вы не заподозрите во мнѣ какого нибудь личнаго предупрежденія или пристрастія. Я имѣю въ виду единственно пользы службы вашей и думаю, что поступилъ бы безчестно, еслибъ не выражалъ откровенно моего взгляда. Время и подробныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ, я надѣюсь, убѣдятъ ваше величество, что хотя и смѣло, но вѣрно я доставляю вамъ истинныя, достойныя вашего величества свѣдѣнія". Генералъ Бенигсенъ, всѣми способами стараясь вовлечь кн. Кутузова въ неудачныя предпріятія, чтобы потомъ занять его мѣсто, постоянно проповѣдывалъ о необходимости рѣшительныхъ наступательныхъ дѣйствій. Увлекаясь его мнѣніями, сэръ Робертъ Вильсонъ въ томъ же письмѣ говорилъ государю: „если бы у фельдмаршала было не болѣе 12-ти тысячъ войска, то и тогда бы, при настоящихъ обстоятельствахъ, я сталъ бы ему совѣтовать ежедневно вызывать на сраженіе напріятеля. При хорошихъ распоряженіяхъ не много было бы потерь и, продолжая постоянно охоту, можно бы загонять звѣря, прежде, нежели бы онъ успѣлъ достигнуть своего убѣжища" [1]). Съ подобными совѣтами онъ дѣйствительно обращался часто къ кн. Кутузову, настаивая на нихъ съ упорствомъ и увѣренностію въ своихъ военныхъ дарованіяхъ. Въ письмахъ лорду Каткарту онъ выражаетъ сожалѣніе, что у него нѣтъ отряда англичанъ въ 10 или 12 тысячъ, говоря, что тогда онъ соединился бы съ казаками, которыми онъ постоянно восхищался, и заставилъ бы русскаго главнокомандующаго дѣйствовать рѣшительно. Чтобы показать свои военныя заслуги, онъ писалъ англійскому посланнику при нашемъ дворѣ, сообщая о сраженіи при Малоярославцѣ: „вы, можетъ быть, осудите меня, что я хочу похвастаться передъ вами; но я полагаю, что вамъ будетъ однако же пріятно, что ваши агенты не остаются безполезными зрителями. Я былъ такъ счастливъ, что мнѣ удалось поставить два орудія такъ, что они привели въ разстройство непріятельскія колонны въ началѣ сраженія, когда всякая минута была дорога, потому что корпусъ Дохтурова былъ въ совершенномъ безпорядкѣ, имѣя съ собою 80 пушекъ и болѣе 300 подводъ, зарядныхъ ящиковъ и пр., и не зная даже въ точности—гдѣ Калужская дорога (!). Если бы непріятелю удалось овладѣть городомъ въ это время, то онъ началъ бы пальбу изъ овраговъ, садовъ, домовъ и причинилъ бы намъ значительный вредъ. Я тотчасъ велѣлъ палить картечью изъ обоихъ орудій; непріятель побѣжалъ, находившіяся въ городѣ войска ободрились и порядокъ былъ возстановленъ" [2]).

[1]) Письмо императору, отъ 25-го октября.
[2]) Письмо 14-го (26-го) октября.

Современники не замѣтили знаменитаго подвига англійскаго генерала, который даже считалъ себя способнымъ начальствовать надъ русскими войсками,—онъ самъ сохранилъ память о немъ для потомковъ, описавъ его въ письмѣ къ лорду Каткарту. Но съ особенною скромностію онъ прибавлялъ: „я прошу васъ, любезный милордъ, никому не говорить объ этомъ обстоятельствѣ, потому что я не желаю выхвалять себя на счетъ людей, которыхъ дружбою я пользуюсь и которые благосклонно принимаютъ мои предложенія и исполняютъ мои совѣты". Въ письмахъ къ англійскому посланнику онъ еще рѣзче выражается о неспособности Кутузова и проситъ его: „если вы можете способствовать удаленію фельдмаршала Кутузова, то тѣмъ окажете великую услугу Россіи и Европѣ. Пока онъ будетъ начальствовать, мы никогда не сойдемся съ непріятелемъ. Онъ желаетъ только, чтобы непріятель оставилъ предѣлы Россіи, утомленный, но не уничтоженный. Все, что до сихъ поръ сдѣлано, исполнено безъ его вѣдома и приказанія; то, что остается сдѣлать, такъ же слѣдуетъ предпринять безъ его повелѣнія" [1]). Въ письмѣ изъ Орши онъ говоритъ: „по письму ко мнѣ молодаго Воронцова, я увѣренъ, что еслибы онъ имѣлъ главное начальство надъ войсками, то война съ Бонапарте окончилась бы въ этомъ году. Я не скрою и своего самолюбія: я могъ бы быть хорошимъ главнокомандующимъ въ послѣднее время и хотя я не имѣлъ власти и не могъ поэтому истребить непріятеля, но горжусь и тѣмъ, что содѣйствовалъ остановить его подъ Малоярославцемъ и не допустить его въ тѣ области, гдѣ онъ могъ бы найти продовольствіе. Устроенная мною батарея была весьма важна" [2]).

Какъ бы удивился одинъ изъ самыхъ молодыхъ генераловъ въ то время, благовоспитанный и скромный гр. М. С. Воронцовъ, что прилasканный имъ англичанинъ оказывалъ ему такую услугу и ставилъ его на ряду съ самимъ собою въ отношеніи къ военному искусству. Увлекаясь ненавистью къ кн. Кутузову, Вильсонъ забывалъ, что писалъ за день передъ тѣмъ, что Нямцевскій оврагъ былъ перейденъ войсками ночью и въ возможномъ порядкѣ, и говорилъ уже вопреки истинѣ, что этотъ переходъ совершенъ утромъ, въ виду и даже подъ пушками непріятеля, забывая, что по мѣрѣ того, какъ отступала большая армія, ея позицію занималъ авангардъ Милорадовича, который скрывалъ ея движенія и могъ защитить ее. Едвали нужно останавливаться на томъ обвиненіи, что кн. Кутузовъ медленно выступалъ изъ Тарутинскаго лагеря и такъ же медленно двигался къ Малоярославцу. Зна-

[1]) Письмо отъ 23-го окт. (4-го ноября) изъ Вязьмы.
[2]) Письмо отъ 18-го ноября ст. стиля, изъ Орши.

ченіе военныхъ движеній, предпринимаемыхъ съ опредѣленною цѣлію, опредѣляются успѣхомъ. Если фельдмаршалъ достигъ своей цѣли и привелъ войска во-время, какъ и было въ действительности, то вопросъ о томъ, почему онъ шелъ медленно, когда могъ идти скорѣе, едвали имѣетъ большое значеніе. Но нельзя не остановиться на обвиненіи кн. Кутузова въ такой личной осторожности, что онъ даже не подъѣзжалъ подъ выстрѣлы. Конечно, главнокомандующему не подобало бросаться въ огонь; но осмотрѣть поле сраженія, размѣстить войска на позиціи хотя бы то подъ выстрѣлами, когда это нужно—онъ долженъ. Но такъ и поступилъ кн. Кутузовъ подъ Малоярославцемъ, какъ доказываютъ приведенныя нами свидѣтельства очевидцевъ, какъ русскихъ, такъ и иностранцевъ. Между тѣмъ генералъ Вильсонъ писалъ въ послѣдствіи: „хотя съ самаго разсвѣта фельдмаршалъ находился въ пяти верстахъ отъ сраженія, но до 5-ти часовъ вечера онъ даже не полюбопытствовалъ взглянуть на него; когда же пріѣхалъ, то, оставаясь позади, сѣлъ, какъ нѣкогда Канутъ на берегу моря, и сказалъ ядрамъ: не долетайте ближе трехсотъ шаговъ отъ меня, и ядра повиновались ему, не такъ какъ непокорныя волны“ [1]). Въ другомъ сочиненіи, не довольствуясь этою выходкою, онъ прибавилъ слѣдующій разсказъ: „когда Кутузовъ прибылъ къ полю сраженія, ко мнѣ подъѣхалъ принцъ Ольденбургскій и спросилъ, видѣлъ ли я фельдмаршала? я указалъ на дерево вдали, говоря; онъ долженъ быть въ той сторонѣ. Нѣтъ, отвѣчалъ принцъ, этого быть не можетъ, потому что я видѣлъ какъ туда пролетѣла граната“.

Не всѣ, конечно, но большая часть иностранцевъ, которые наполняли штабъ нашей арміи въ это время, ютились вокругъ Барклая-де-Толли, а послѣ его отъѣзда, вокругъ Бенигсена, съ которымъ въ особенной дружбѣ состоялъ сэръ Р. Вильсонъ. Поддаваясь ихъ вліянію, они, конечно, и раздѣляли ихъ мнѣнія за неимѣніемъ своихъ, и, подражая имъ, громко высказывали порицанія нашему старому полководцу, даже въ видѣ неприличныхъ насмѣшекъ, но, конечно, изъ видовъ „пользы для службы его величеству“, т. е. русскому государю, какъ постоянно выражался Вильсонъ въ своихъ доносахъ императору. Но къ нимъ примыкали и нѣкоторые изъ русскихъ, увлекаемые, впрочемъ, естественнымъ желаніемъ поскорѣе отмстить непріятелю за причиненныя имъ бѣдствія, и также упрекали фельдмаршала въ излишней, по ихъ мнѣнію, осторожности и медленности въ дѣйствіяхъ. Въ числѣ ихъ находились и такіе, которые силою обстоятельствъ постав-

---

[1]) Private diary etc., стр. 203—204.

[2]) Narrative of events etc., стр. 231.

лены были въ положеніе, неудовлетворявшее ихъ самолюбію. Народная память желала бы исключить ихъ изъ этой среды, въ которую влечетъ ихъ неумолимая историческая правда. А. П. Ермоловъ постоянно осыпалъ упреками дѣйствія кн. Кутузова; онъ зналъ и цѣнилъ его умъ и военныя достоинства и потому не могъ подступить къ нему съ этой стороны. „Совсѣмъ другаго человѣка видѣлъ я въ Кутузовѣ, которому удивлялся въ знаменитое отступленіе его изъ Баваріи,—говоритъ онъ. Лѣта, тяжелыя раны и потерпѣнныя оскорбленія ощутительно ослабили душевныя его силы. Прежняя предпріимчивость, многократными опытами оправданная, дала мѣсто робкой осторожности. Легко искусною лестью могли достигнуть его довѣренности, столько же легко лишиться ея дѣйствіемъ стороннихъ внушеній! Люди приближенные, короче изучившіе его характеръ, могутъ даже направлять его волю. Отъ чего нерѣдко происходило, что предпріятія, при самомъ началѣ ихъ, или уже приводимыя въ исполненіе, уничтожались новыми распоряженіями. Между окружающими его, не свидѣтельствующими собою строгой разборчивости Кутузова, были лица съ весьма посредственными способностями, но хитростью и происками дѣлались надобными и получали значеніе. Интриги были безконечныя, пролазы возвышались быстро; полнаго ихъ паденія не замѣчаемо было“ [1]). Ни турецкая война, блистательно завершенная кн. Кутузовымъ въ этомъ же 1812 г., ни его дѣятельность по составленію ополченія въ Петербургѣ, ни его распоряженія отъ Царева-Займища до флангового марша отъ Москвы къ Тарутину, не показывали однако же ослабленія умственныхъ силъ. Могли ли вдругъ онѣ ослабѣть во время стоянки въ укрѣпленномъ лагерѣ, гдѣ его распоряженіями войска были приведены въ такое положеніе, что они могли съ успѣхомъ дѣйствовать противъ непріятеля изъ средоточія Россіи до ея границъ и сохранивъ еще возможность идти далѣе. Приближенными людьми къ нему были Коновницынъ, краса русскаго войска—по свидѣтельству всѣхъ современниковъ—по благородству, хладнокровію и храбрости въ сраженіяхъ; Толь, котораго дарованія и познанія какъ офицера главнаго штаба признаются даже людьми не легко выносившими его горячую заносчивость [2]); Кудашевъ, Кайсаровъ; но они рѣдко бывали въ главной квартирѣ и успѣшно дѣйствовали какъ партизаны. Но этихъ-то именно людей и подозрѣвалъ ген. Ермоловъ и полагалъ, что они способствовали тому, что „много перемѣнилось прежнее особенно благосклонное расположеніе“ къ нему кн. Кутузова. Его ласко-

---

[1]) Записки Ермолова, т. I, стр. 222—225.

[1]) Пр. Евгенія Вюртембергскаго, Erinnerungen etc., стр. 112.

вые слова и отношенія къ нему онъ считалъ лукавствомъ, которымъ онъ скрывалъ нерасположеніе къ нему.

Причина подобныхъ подозрѣній заключалась въ томъ ложномъ положеніи, въ которомъ дѣйствительно находился ген. Ермоловъ, носившій званіе начальника штаба не существовавшей уже тогда первой арміи, потому что обѣ арміи были соединены въ одинъ составъ. Но, получивъ дозволеніе императора соединить обѣ арміи, кн. Кутузовъ не получалъ никакихъ распоряженій о томъ, въ какихъ отношеніяхъ будутъ находиться къ нему какъ главнокомандующіе, такъ и начальники ихъ штабовъ. Кн. Багратіонъ и гр. Сенъ-При выбыли изъ арміи вслѣдствіе ранъ, полученныхъ въ сраженіи при Бородинѣ. Но Барклай-де-Толли и Ермоловъ оставались. Кн. Кутузовъ, не желая оскорблять Барклая и не имѣя повелѣній императора, оставилъ за арміею названіе первой и начальство надъ нею ввѣрилъ ему, образовавъ въ тоже время отдѣльный сильный аріергардъ подъ начальствомъ ген. Милорадовича. Но очевидно—или онъ становился только его помощникомъ и исполнителемъ его приказаній, или самъ кн. Кутузовъ—простымъ зрителемъ распоряженій и дѣйствій Барклая-де-Толли. Стать въ такое положеніе главнокомандующему всѣми арміями очевидно было и невозможно; а новымъ положеніемъ, которое силою самыхъ обстоятельствъ создавалось для Барклая де Толли, онъ былъ недоволенъ и удалился изъ арміи. А. П. Ермоловъ понялъ свое положеніе. „Мнѣ извѣстно было намѣренія его удалиться,—говоритъ онъ,—а потому не задолго передъ отъѣздомъ его подалъ я рапортъ, что, чувствуя себя неспособнымъ къ отправленію моей должности, прошу возвратить меня въ армію. Представленный въ подлинникѣ рапортъ мой фельдмаршаломъ оставленъ безъ отвѣта“. Кн. Кутузовъ не могъ не знать, что генералъ Ермоловъ былъ назначенъ самимъ государемъ, даже противъ желанія Барклая-де-Толли, который считалъ его въ числѣ своихъ враговъ и не довѣрялъ ему, и облеченъ былъ особымъ правомъ писать лично къ нему, когда сочтетъ нужнымъ, и потому, вѣроятно, не считалъ возможнымъ сложить безъ высочайшаго повелѣнія съ него это званіе, хотя бы и по собственному его желанію. Но, судя по дѣйствіямъ въ отношеніи къ нему кн. Кутузова, возможно предполагать, что онъ руководствовался въ этомъ случаѣ и другими соображеніями. Если уменьшилось, какъ полагаетъ ген. Ермоловъ, лично къ нему благорасположеніе кн. Кутузова, то съ полною увѣренностію можно сказать, что не уменьшилось уваженіе къ его военнымъ дарованіямъ и познаніямъ. „Послѣ производства кн. Кутузова генералъ-фельдмаршаломъ за Бородинское сраженіе,—говоритъ ген. Ермоловъ, нашелъ онъ нужнымъ имѣть при себѣ дежурнаго генерала съ намѣ-

реніемъ, какъ угадывать легко, не допускать близкаго участія въ дѣлахъ барона Бенигсена, къ которому отношенія его были очень непріязненны; но званіе, послѣднимъ носимое, необходимо его къ нему приближало" [1]). Хотя г. Коновницынъ назначенъ былъ дежурнымъ генераломъ 8-го сентября, а рескриптъ государя о званіи генералъ-фельдмаршала кн. Кутузовъ получилъ 11-го, т. е. три дня спустя, но тѣмъ не менѣе предположеніе ген. Ермолова—съ какою цѣлію кн. Кутузовъ назначилъ при себѣ дежурнаго генерала—весьма вѣроятно. Отношенія Бенигсена, къ которому на помощь скоро пріѣхалъ въ главную квартиру сэръ Робертъ Вильсонъ, не были тайною даже для молодыхъ прапорщиковъ. Такъ, одинъ изъ нихъ, состоявшій въ артиллеріи 6-го корпуса, говоритъ: „при арміи находился какой-то англичанинъ, высокаго роста, съ большимъ краснымъ носомъ и съ такимъ же краснымъ угреватымъ лицомъ. Говорили, что это англійскій коммисаръ Вильсонъ. Этотъ англичанинъ, какъ стало въ послѣдствіи извѣстно, интриговалъ противъ фельдмаршала и, вмѣстѣ съ генераломъ Бенигсеномъ, при всякомъ случаѣ осуждалъ его за осторожность и медленность дѣйствій. Имъ, какъ иностранцамъ, видно не жаль было русской крови, за то ихъ и не любили" [2]). Когда войска совершали фланговое движеніе на Калужскую дорогу и достигли с. Мочи, въ присутствіи прибывшаго съ порученіемъ отъ государя — узнать о причинахъ, побудившихъ оставить Москву генералъ-адъютанта кн. П. М. Волхонскаго, эта вражда достигла до того, что кн. Кутузовъ вынужденъ былъ поставить вопросъ въ томъ видѣ, что онъ, или баронъ Бенигсенъ, но кто нибудь одинъ долженъ начальствовать. Съ этимъ вопросомъ кн. Волхонской отправился въ Петербургъ. Но рѣшеніе его долго заставило себя ожидать и пришло только послѣ сраженій при Красномъ. Во все продолженіе этого неопредѣленнаго времени онъ долженъ былъ оставлять за Бенигсеномъ должность начальника штаба, потому что самъ императоръ далъ ему это назначеніе. Но естественно онъ старался устранить его вліяніе. Всѣ дѣла сосредоточивались у дежурнаго генерала, которому поручено было совѣщаться съ Ермоловымъ и болѣе важныя посылать къ нему. Но Ермоловъ уклонился отъ этихъ занятій. Послѣ этого, говоритъ онъ, „уменьшившіяся мои занятія заставили меня повторить рапортъ мой объ удаленіи меня отъ должности,—но безъ успѣха". Напротивъ, съ полнымъ успѣхомъ, хотя за нимъ и оставалось названіе начальника штаба первой арміи, но послѣ сраженія при Тарутинѣ онъ постоянно находился въ вой-

[1]) Записки А. П. Ермолова, т. I, стр. 223.
[2]) Воспоминанія о войнѣ 1812 г. Г. Митаревскаго, стр. 123.

скахъ и во многихъ случаяхъ дѣйствовалъ блистательно. Изъ отношеній къ нему фельдмаршала можно, кажется, предполагать, что онъ желалъ замѣстить имъ Бенигсена и потому старался привлечь его къ занятіямъ начальника штаба. Но это дѣйствительно ложное положеніе, созданное обстоятельствами, ген. Ермоловъ приписывалъ ему и осыпалъ упреками и заподозрѣвалъ его личный характеръ даже и въ послѣдствіи, говоря: „онъ уважалъ меня до смерти, хотя дѣлалъ мнѣ много вреда" [1]). Трудно совмѣстить два понятія, выраженныя словами уважалъ и вредилъ. Соперничества между фельдмаршаломъ и молодымъ генераломъ быть не могло и онъ не приводитъ никакихъ свидѣтельствъ о томъ, чтобы кн. Кутузовъ вредилъ ему; но что касается того, что онъ уважалъ его военныя дарованія, то это доказывается несомнѣнно распоряженіями кн. Кутузова. Послѣ того какъ Ермоловъ отказался отъ занятій по штабу, онъ употреблялъ его въ самыхъ важныхъ военныхъ операціяхъ. Такъ, онъ отправилъ его съ ген. Дохтуровымъ на новую Калужскую дорогу къ Боровску и къ Малоярославцу и потомъ въ авангардъ къ Милорадовичу, при которомъ онъ находился до сраженія при Вязьмѣ. Недоброжелатели кн. Кутузова говорили, что онъ до такой степени подчиненъ вліянію окружавшихъ его лицъ, что они его именемъ отдаютъ приказы. Но не сохранилось ни одного приказа, отданнагѻ кѣмъ либо кромѣ дежурнаго генерала, который докладовалъ ему всѣ получаемыя донесенія. Одно лицо, именно изъ его недоброжелателей, составляетъ исключеніе,—ген. Ермоловъ и то на нѣкоторое время. Посылая его въ авангардъ къ г. Милорадовичу послѣ движенія большой арміи къ Полотнянымъ заводамъ, онъ далъ ему право давать его именемъ приказы передовымъ отрядамъ. Пока не опредѣлился еще тотъ путь, по которому будетъ отступать непріятель, слѣдовало дѣйствовать быстро, не теряя времени на переписку. Но это именно обстоятельство свидѣтельствуетъ о томъ, какъ цѣнилъ фельдмаршалъ военныя способности г. Ермолова. Въ послѣдствіи, смотря какъ онъ велъ войска въ атаку, онъ сказалъ: „Вотъ орелъ; но я еще ему полета не даю" и потомъ прибавилъ: „онъ хочетъ быть главнокомандующимъ „(il vise au commandement des armées)". Описавъ сраженіе въ Малоярославцѣ, ген. Ермоловъ говоритъ, что когда войска кн. Кутузова подошли къ городу—„не надлежало приступить къ устроенію редутовъ, которые казались всѣмъ неумѣстными, и не только не умножать въ бо́льшемъ количествѣ свѣжія войска для удержанія за собою города, напротивъ,

[1]) Письмо къ Казадаеву въ концѣ 1813 г. Военный Сборникъ 1870 г., статья Н. Ѳ. Дубровина.

полезно было вывести тѣ, которыхъ необходима была упорная защита до прибытія арміи. Это сократило бы потерю не одной тысячи человѣкъ и доказывается тѣмъ, что Наполеонъ, имѣвши во власти городъ, видѣвши удаленіе арміи нашей, ничего предпринять не рѣшился, и ясно видно было, что не существовало ни малѣйшихъ приготовленій къ наступательнымъ дѣйствіямъ" [1]). Въ пылу сраженія, продолжавшагося съ ранняго утра до поздняго вечера, въ которомъ самъ Ермоловъ принималъ блистательное участіе, распоряжаясь дѣйствіями внутри самаго города, онъ, можетъ быть, и не замѣтилъ движеній арміи и не отдалъ себѣ потомъ отчета въ стратегическихъ соображеніяхъ, руководившихъ ими, или въ послѣдствіи, когда онъ составлялъ свои записки, долго спустя послѣ совершившихся событій, память измѣнила ему; но выраженное имъ замѣчаніе можетъ быть объяснено только тѣмъ, что онъ смѣшалъ въ одну двѣ позиціи, которыя занимала армія Кутузова: первую во время боя въ Малоярославцѣ и вторую на другой день съ утра. Занимая первую позицію между городомъ и Нямцевскимъ оврагомъ, переводить черезъ который войска въ виду непріятеля было невозможно, кн. Кутузовъ долженъ былъ, во что бы то ни стало, удерживать городъ, рѣшиться на бо̀льшія нѣсколько потери, чтобы не подвергнуть опасности всю армію, и приступить даже къ устройству редутовъ, чтобы показать непріятелю, что онъ намѣренъ удерживать эту позицію. Совершенно въ иномъ видѣ представился вопросъ на другой день, когда наша армія заняла почти неприступную позицію за Нямцевскимъ оврагомъ. Тогда дѣйствительно не представлялось никакой пользы удерживать городъ, который притомъ почти весь былъ истребленъ пожаромъ [2]). Но точно такъ и поступилъ кн. Кутузовъ. Когда постепенно въ продолженіе ночи армія переходила за Нямцевскій оврагъ и ея мѣста занималъ авангардъ Милорадовича, онъ отозвалъ полки Бороздина изъ Малоярославца.

Упрекали кн. Кутузова и до сихъ поръ продолжаютъ упрекать нѣкоторые писатели, будто бы онъ, отодвинувъ войска отъ Малоярославца къ Дечину и Гончарову по Калужской дорогѣ, открывалъ своему противнику дорогу на Медынь. Едва ли это обвиненіе не основано на недоразумѣніи со стороны однихъ и на недоброжелательствѣ другихъ, изыскивавшихъ всѣ способы порицать вообще всѣ его дѣйствія. Для непріятеля представлялись двѣ дороги на Медынь и оттуда въ Калугу. Одна за Нямцевскимъ оврагомъ сходилась съ дорогою отъ Малоярославца въ Калугу; другая шла отъ Вереи прямо на

[1]) Записки, т. I, стр. 234.

[2]) Изъ 200 дворовъ осталось только 20. Зельницкаго, Описаніе происшествій въ Калуж. губ. въ 1812 г., стр. 98.

Медынь. Наша большая армія, находясь на позиціи за Нямцевскимъ оврагомъ, прикрывала первую дорогу и вмѣстѣ съ тѣмъ дорогу на Калугу; но за то открывала другую. Чтобы выдти на нее, непріятелю не нужно было доходить до Вереи, но поворотить движеніе войскъ отъ Боровска на Егорьевское или Кременское, находившееся на половинѣ этой дороги отъ Вереи къ Медыни. Чтобы двинуться по первой дорогѣ, непріятель, занявъ Малоярославецъ, расположилъ корпусъ маршала Даву на той позиціи, которую занимала армія кн. Кутузова въ день сраженія передъ городомъ; по замѣчанію Ермолова, „не достаточно было цѣлаго дня, чтобы продвинуть черезъ городъ всю армію съ ея артиллеріею", и прибавимъ: съ ея обозами, безпримѣрными по ихъ многочисленности въ военныхъ лѣтописяхъ. Но совершивъ это затруднительное, если не вовсе невозможное передвиженіе, великой арміи предстояло перейти Нямцевскій оврагъ по единственной, не широкой, но длинной плотинѣ и небезпрепятственно. На позиціи за Нямцевскимъ оврагомъ, которую французы нашли неприступною, стоялъ значительный авангардъ русской арміи подъ начальствомъ Милорадовича, который, конечно, не упустилъ бы случая, почти безвредно для его войскъ, причинить огромныя потери непріятелю. Онъ занималъ возвышенный берегъ оврага, который господствовалъ надъ его широкою глубиною; каждый выстрѣлъ его батарей производилъ бы убыль въ людяхъ и безпорядокъ въ движеніи непріятеля, который не могъ бы ему отвѣчать. Условія мѣстности, сильный авангардъ нашей арміи и личныя качества его предводителя, если бы не остановили, то во всякомъ случаѣ замедлили бы настолько движеніе впередъ непріятеля, что наша большая армія отъ Дечина, отстоящаго 20 верстъ отъ Малоярославца и $2^1/_2$ верстами менѣе отъ своего авангарда, могла придти на помощь, даже предположивъ сугубую медленность ея движеній. Распоряженія кн. Кутузова совершенно обезпечили опасность, которая могла угрожать съ этой стороны. Но оставалась другая, по которой могъ повесть Наполеонъ свои войска на Калугу и, можетъ быть, повелъ бы, еслибъ посланныя для развѣдки этой дороги передовыя войска изъ корпуса кн. Понятовскаго не были разбиты,—дорога отъ Вереи, на которую можно было перейти изъ Боровска. Появленіе войскъ Понятовскаго и извѣстія, получаемыя отъ передовыхъ нашихъ отрядовъ, прямо указывали на возможность такого движенія, которое долженъ былъ преградить кн. Кутузовъ. Всѣ его распоряженія и клонились къ этой цѣли. Движеніемъ къ Дечину и Гончарову и потомъ къ Полотнянымъ заводамъ на дорогу, ведущую изъ Медыни въ Калугу, когда еще не вполнѣ означались направленіе непріятеля, онъ прикрывалъ Калугу и могъ отрѣзать ему отступленіе на Медынь и

оттуда такъ же или на Калугу, или на Юхновъ и Смоленскъ, потому что разстояніе отъ этихъ селъ до Медыни короче, нежели отъ Малоярославца. Постоянно приходившія извѣстія изъ передовыхъ нашихъ войскъ и особенно частыя донесенія ген. Ермолова, военнымъ соображеніямъ котораго фельдмаршалъ особенно давалъ вѣру, о движеніи непріятеля на Медынь, послужили поводомъ къ тому, что фельдмаршалъ двинулъ всю армію не только къ Медыни, но потомъ по направленію къ Можайску до с. Кременскаго. Въ военномъ журналѣ ген. Толь говоритъ: „всякій читатель, посмотрѣвъ на карту, удивится, почему фельдмаршалъ кн. Кутузовъ главными силами столь медленно слѣдовалъ за Наполеономъ. На то имѣлъ онъ слѣдующія причины: во первыхъ, преслѣдовать непріятеля по той же дорогѣ, по которой онъ отступалъ, лишивъ ее совершенно продовольствія, отняло бы у него возможность быстро слѣдовать за непріятелемъ, а потому фельдмаршалъ полагалъ, что для преслѣдованія непріятеля совершенно достаточно партизановъ и летучаго отряда ген. Платова, состоявшаго изъ 20-ти казачьихъ полковъ и 5-ти ротъ 20-го егерскаго полка съ Донскою конною артиллеріею. Во вторыхъ, фельдмаршалъ, сдѣлавъ боковое движеніе на Медынскую дорогу, напередъ долженъ былъ присоединить къ себѣ парки и обозы съ продовольствіемъ, а для сего позиція у Полотняныхъ заводовъ была удобнѣйшею. Съ нея онъ могъ всегда предупредить Наполеона при Вязьмѣ". Таковы были дѣйствительно предположенія кн. Кутузова, какъ доказываютъ всѣ его соображенія. Поэтому онъ отклонилъ предложенія своихъ молодыхъ боевыхъ сотрудниковъ, въ числѣ которыхъ былъ самъ Толь, Ермоловъ и, вѣроятно, многіе другіе, а самымъ рьянымъ совѣтникомъ сэръ Робертъ Вильсонъ,—дѣйствовать послѣ сраженія при Малоярославцѣ наступательно на непріятеля. Одинъ изъ недавнихъ критиковъ похода 1812 года говоритъ: „военная наука въ отношеніи къ преслѣдованію отступающаго непріятеля излагаетъ различные способы, которые, какъ всѣмъ извѣстные, мы излагать не будемъ; но отдаетъ преимущество фланговому преслѣдованію, потому что этотъ способъ, давая возможность преслѣдующему войску перерѣзывать линію отступленія непріятеля, обезпечиваетъ наибольшій успѣхъ" [1]). Точно такой же взглядъ выраженъ и однимъ изъ современниковъ и участниковъ этого похода, полковникомъ въ то время въ нашихъ войскахъ, барономъ Кроссаромъ. „Бонапартъ, – говоритъ онъ,—отказавшись отъ намѣренія проложить себѣ путь на Калугу и рѣшившись отступать по опустошенной дорогѣ на Мо-

[1]) Cornaro, Strategische Betrachtungen über den Krieg im J. 1812. Wien, 1870, стр. 83 и слѣд.

жайскъ къ Смоленску, обрекалъ погибели свои войска. На эту именно дорогу кн. Кутузовъ и желалъ его отбросить, и такимъ способомъ вѣрнѣе достигалъ цѣли разрушить войска непріятеля, нежели тѣ, которые съ меньшею увѣренностію и умственными способностями, нежели онъ (avec moins de genie que Koutousoff), вызывали его на сраженіе, котораго успѣхъ всегда неизвѣстенъ. Въ послѣдствіи дѣйствія кн. Кутузова увѣнчались успѣхомъ и сдѣлались образцомъ, который надо изучать желающимъ достигнуть военной славы" [1]). Если достоинства флангового преслѣдованія непріятеля заключаются въ томъ что преслѣдующая армія можетъ перерѣзывать ему путь и вынуждать къ сраженіямъ, которыхъ онъ избѣгаетъ, что доказываетъ уже самое отступленіе,—то очевидно слѣдовало принудить его къ сраженіямъ, прежде нежели онъ достигнетъ той цѣли, къ которой направлено его движеніе. Такою первою цѣлію былъ Смоленскъ, не потому только, что непріятельскія войска смотрѣли на него какъ на предѣлъ ихъ бѣдствіямъ, но потому, что и самъ императоръ Наполеонъ расчитывалъ привесть тамъ въ порядокъ остатки своихъ войскъ и подкрѣпить ихъ свѣжими. Въ Смоленскѣ и не далеко отъ него, по дорогѣ къ Ельнѣ въ с. Климентиновѣ и Витебскѣ, были заготовлены запасы военные и продовольствія, тамъ могли они присоединить корпусъ (9-й) маршала Виктора (до 30-ти тысячъ) и дивизію Бараге д'Илье (до 15-ти тысячъ). Въ это время, еще самъ императоръ Наполеонъ не зналъ о движеніи маршала Виктора на помощь Сенъ Сиру и Удино. Отбросивъ непріятеля на Можайскую дорогу къ Смоленску, представлялся рядъ мѣстностей, гдѣ бы возможно было преградить дорогу непріятелю: Можайскъ, Гжатскъ и Вязьма. Но ложныя извѣстія, которыя получались отъ передовыхъ отрядовъ и изъ авангарда, послужившія поводомъ къ тому, что армія кн. Кутузова сдѣлала нѣсколько излишнихъ переходовъ, были причиною, что у первыхъ двухъ городовъ была упущена возможность преградить путь непріятелю и вынудить его на сраженіе. Едва казаки Платова могли настигнуть у Колоцкаго монастыря аріергардъ непріятельской арміи, подъ начальствомъ маршала Даву. Авангардъ Милорадовича не подоспѣлъ даже къ Гжатску и долженъ былъ двигаться усиленными переходами къ Вязьмѣ.

Мысль о томъ, что императоръ Наполеонъ употребитъ всѣ способы, чтобы проложить новый путь для отступленія, въ нашей главной квартирѣ въ то время представлялась самою естественною. Не успѣвъ прорваться черезъ Малоярославецъ, полагали, что онъ пой-

[1]) Crossard, Mémoires milit. et historiques, т. V, стр. 61.

детъ на Медынь. Точно также никто не зналъ, что непріятельское войско до такой степени утратило боевое значеніе, что императоръ Наполеонъ не считалъ возможнымъ вступать въ сраженія и не только былъ принужденъ отступать по Можайской дорогѣ, но бѣжать при первомъ извѣстіи о томъ, что наша армія намѣрена двинуться къ Вязьмѣ. Въ то время, когда кн. Кутузовъ двинулъ войска къ Вязьмѣ, аріергардъ непріятеля проходилъ уже Гжатскъ, а императоръ Наполеонъ съ передовыми войсками былъ уже въ Вязьмѣ. „Фельдмаршалъ,—какъ записалъ въ военномъ журналѣ г. Толь,—видя невозможность предупредить непріятеля при Гжатскѣ, рѣшился продолжать свое движеніе къ Вязьмѣ съ тою цѣлію, чтобы раздѣлить французскую армію, растянувшуюся на маршѣ отъ Гжатска до Вязьмы". Обстоятельства сложились такъ, что фельдмаршалъ не имѣлъ намѣренія перерѣзать путь всей арміи своего противника, но нанесть пораженіе нѣкоторымъ ея частямъ, которыя возможно было отрѣзать отъ его арміи. Но и это намѣреніе не осуществилось на дѣлѣ. Войска г. Милорадовича и атамана Платова могли только отрѣзать аріергардъ маршала Даву, если бы успѣли во-время сосредоточить свои силы. Но не смотря на ускоренныя движенія, они не могли этого достигнуть; а если бы даже и удалось имъ сосредоточить всѣ свои войска, то едвали они могли отрѣзать и уничтожить корпусъ Даву, потому что онъ уже подходилъ къ Вязьмѣ, куда приблизился вице-король италіянскій и кн. Понятовскій, а маршалъ Ней тамъ поджидалъ аріергардъ Даву, чтобы пропустить его впередъ и принять на себя его обязанности. Ихъ войска, безъ сомнѣнія, поспѣшили бы ему на помощь. Такъ и случилось; но тѣмъ не менѣе имъ удалось одержать блестящую побѣду, стоившую многихъ потерь непріятелю и окончательно разстроившую его войска, какъ это прямо выразилъ маршалъ Ней императору Наполеону. Кн. Кутузова упрекаютъ въ томъ, что онъ медленно велъ войска къ Вязьмѣ и потому не успѣлъ отрѣзать четырехъ корпусовъ непріятельскихъ; но ихъ не могъ отрѣзать и авангардъ и легкія войска Платова, которыя, конечно, могли быстрѣе совершать движенія, нежели большая армія съ ея обозами. Дурныя дороги представляли не малое препятствіе для болѣе скораго движенія; но—едвали оно и входило въ расчеты фельдмаршала. Онъ не желалъ утомлять войска, оставлять позади обозы, когда передовыя войска нуждались въ продовольствіи и зарядахъ, зная уже, что невозможно перерѣзать путь всѣмъ непріятельскимъ силамъ. Нанесть ударъ только тѣмъ, которыя не успѣютъ еще миновать Вязьму, онъ могъ вполнѣ предоставить авангарду Милорадовича съ помощію Платова и летучихъ отрядовъ. По исчисленію самихъ французовъ, ихъ войска, дравшіяся

при Вязьмѣ, простирались до 37-ми тысячъ, и противъ нихъ дѣйствовалъ нашъ авангардъ, вмѣстѣ съ Платовымъ въ составѣ не менѣе 40 тысячъ, не считая партизанскихъ отрядовъ Сеславина и Фигнера. Въ добавленіе къ нимъ кн. Кутузовъ послалъ кирасиръ г. Уварова. Если количествомъ наши войска и незначительно превышали непріятеля, то ихъ нравственная сила стояла значительно выше совершенно разстроеннаго его войска. „Нельзя ставить въ упрекъ фельдмаршалу Кутузову,—говоритъ одинъ изъ нашихъ военныхъ писателей,—что онъ не участвовалъ въ сраженіи при Вязьмѣ. Иначе и не могло быть. Стратегическая ошибка его при Малоярославцѣ поставила его въ невозможность благовременно прибыть къ мѣсту сраженія. Поэтому въ битвѣ подъ Вязьмою раскрывается весь вредъ окольнаго перехода русской арміи чрезъ Полотняные заводы. Безъ этого медленнаго и невыгоднаго движенія, фельдмаршалъ Кутузовъ могъ бы достаточно подкрѣпить г. Милорадовича. Простой переходъ впередъ по дорогѣ отъ Юхнова къ Вязьмѣ выводилъ его на сообщенія непріятеля. Оставивъ большую дорогу между Быковымъ и Скобелевымъ, онъ могъ перевести свои дѣйствующія колонны лѣвымъ берегомъ р. Вязьмы и, ставъ паралельно большой дорогѣ между Вятковымъ и Чертовымъ, защищать переходъ черезъ Вязьму“ [1]). Можетъ быть, такъ бы и поступилъ главнокомандующій при иныхъ обстоятельствахъ. Но въ то время обстоятельства сложились такъ, что, обманутый ложными извѣстіями отъ передовыхъ войскъ и весьма естественнымъ предположеніемъ, что императоръ Наполеонъ, прежде нежели рѣшиться отступать по опустошенной дорогѣ на Можайскъ и Смоленскъ, попытается проложить себѣ новый путь на Медынь, онъ дѣйствительно сдѣлалъ нѣсколько лишнихъ переходовъ и подошелъ къ Вязьмѣ уже вечеромъ, когда окончилось сраженіе, успѣвъ однако же послать двѣ кирасирскія дивизіи въ подкрѣпленіе авангарду, которыхъ одно прибытіе на поле битвы было бы достаточно для того, чтобы пораженный непріятель не пытался удерживаться въ Вязьмѣ [2]). Такія ошибки возможны въ дѣлѣ войны, достоинство главнокомандующаго отъ нихъ страдать не можетъ; но оно пострадало бы, еслибъ онъ не принялъ мѣръ исправить случайную ошибку. „Хотя побѣда при Вязьмѣ безспорно осталась за русскими“, по свидѣтельству барона Кроссара, бывшаго въ нашихъ войскахъ, но тѣмъ не менѣе фельдмаршалъ предпринялъ движеніе на Ельну, чтобы то, что неудалось при Вязьмѣ, привесть въ исполненіе подъ Краснымъ, т. е. перерѣзать путь отступленія Напо-

---

[1]) Г. Окуневъ, Разсужденіе о большихъ воен. дѣйствіяхъ 1812 г., стр. 239.
[2]) Crossard, Mémoires milit. et polit., т. V, стр. 76.

леону. Это движеніе имѣло и другое значеніе: оно препятствовало Наполеону, если бы онъ захотѣлъ, оставивъ опустошенную дорогу, двинуться на Ельню и Мстиславль къ Могилеву.

Послѣ сраженія нашего авангарда съ непріятельскимъ аріергардомъ при Дорогобужѣ, гдѣ маршалъ Ней тщетно пытался остановить по крайней мѣрѣ на одинъ день преслѣдованіе и, понеся значительныя потери, долженъ былъ немедленно отступать, кн. Кутузовъ считалъ излишнимъ преслѣдовать непріятеля значительными силами и потому приблизилъ къ своимъ войскамъ авангардъ Милорадовича. Непріятель бѣжалъ безъ оглядки, наши легкіе отряды и значительное количество казаковъ были совершенно достаточны для того, чтобы, нападая постоянно со всѣхъ сторонъ, во всякое время дня и ночи, способствовать ей быстро разлагаться и уничтожаться при пособіи голода и морозовъ. Отраженіе дивизіи Бараге д'Илье, взятіе въ плѣнъ бригады Ожеро и участь корпуса вице-короля Италіянскаго при р. Вопѣ, совершенно оправдали его предположенія. Убѣдившись, что непріятельскія войска слѣдовали прямо по Смоленской дорогѣ, фельдмаршалъ заключилъ,—какъ записано въ военномъ журналѣ г. Толя, — что дальнѣйшее ихъ движеніе будетъ черезъ Соловьеву переправу къ Смоленску, на соединеніе съ маршаломъ Викторомъ, о которомъ имѣлись извѣстія, что онъ, направляясь къ Смоленску, приближается къ Оршѣ. Поэтому, фельдмаршалъ предположилъ „отъ Ельни продолжать движеніе къ г. Красному и, такимъ образомъ, обойдя Смоленскъ, стать на операціонной линіи непріятеля, чтобы до прибытія корпуса Виктора стараться разбить войска Наполеона. На успѣхъ этого предпріятія фельдмаршалъ надѣялся потому, что войскамъ непріятеля надо было два раза переходить Днѣпръ, при Пневѣ и при Смоленскѣ, что̀ должно было весьма замедлить ихъ движеніе. Точно также онъ полагалъ, что Наполеонъ, не зная о движеніи нашей арміи чрезъ Ельну на Красное, безъ сомнѣнія, захочетъ дать нѣкоторый отдыхъ своимъ войскамъ при Смоленскѣ, гдѣ имѣлись значительные запасы продовольствія. Не малая выгода еще представлялась въ этомъ направленіи для нашей арміи отъ того, что она могла находить себѣ продовольствіе". Движеніе къ Красному совершилось съ полнымъ успѣхомъ. Наша большая армія подошла къ окрестности этого города, когда находился тамъ самъ Наполеонъ съ гвардіею, поджидая приближенія корпусовъ вице-короля, Даву и Нея отъ Смоленска, хотя сэръ Робертъ Вильсонъ и писалъ лорду Каткарту, что: „нужно болѣе желать, нежели надѣяться, что непріятель останется въ Смоленскѣ до тѣхъ поръ, пока здѣшняя армія достигнетъ до этого города" [1]).

[1]) Письмо изъ Ельни, 28-го октября (9-го ноября).

Въ медленности и нерѣшительности дѣйствій упрекали кн. Кутузова и въ сраженіи при Красномъ. „Когда обѣ арміи сошлись на полѣ битвы подъ Краснымъ, одна вся въ совокупности, другая въ растянутой колоннѣ, трудно оправдать вялость, съ которою фельдмаршалъ кн. Кутузовъ дѣйствовалъ въ этомъ сраженіи. Взаимное положеніе противниковъ было таково, что Наполеонъ безъ всякой надежды на успѣхъ могъ все потерять, а фельдмаршалъ Кутузовъ, напротивъ, безопасный отъ всякой потери, могъ все выиграть. Его положеніе, если бы онъ дѣйствовалъ рѣшительнѣе лѣвымъ крыломъ своимъ черезъ Сорокино на Доброе, заставило бы Наполеона стать лицомъ къ непріятелю въ параллельномъ боевомъ порядкѣ къ большой дорогѣ. Одна побѣда могла спасти французскую армію отъ совершенной гибели, потому что въ противномъ случаѣ она была бы отброшена къ Днѣпру. Удаленіе разныхъ корпусовъ другъ отъ друга и потому невозможность ввести ихъ въ дѣло совокупно, служили ручательствомъ въ томъ, что Наполеонъ былъ бы разбитъ при такомъ нападеніи", говоритъ одинъ изъ нашихъ военныхъ писателей [1]). Не подлежитъ сомнѣнію, что войска г. Тормасова, которыя должны были двинуться черезъ Сорокино къ Доброму на лѣвомъ нашемъ крылѣ, не только дѣйствовали нерѣшительно и медленно, но и вовсе не принимали участія въ дѣлѣ, не подоспѣвъ во-время въ назначенное имъ мѣсто, и дѣйствовалъ только его авангардъ, подъ начальствомъ бар. Розена, и отрядъ гр. Ожаровскаго. Современные хулители дѣйствій стараго фельдмаршала, конечно, и въ этомъ случаѣ обвиняли его, и это мнѣніе такъ распространилось, что даже г. Михайловскій-Данилевскій, вовсе не раздѣлявшій ихъ взглядовъ, повторяетъ его, стараясь, конечно неудачно, оправдать фельдмаршала. Описывая дѣло при Красномъ (5-го ноября), „обратимся къ Тормасову,—говоритъ онъ,—долженствовавшему съ большею частію арміи зайти въ тылъ французовъ у Добраго. Этого не случилось. Когда онъ началъ свое движеніе, кн. Кутузовъ узналъ отъ одного Красненскаго жителя и отъ плѣнныхъ, что въ Красномъ находится самъ Наполеонъ. Фельдмаршалъ велѣлъ Тормасову остановиться, потому что диспозицію къ маршу на Доброе, въ обходъ непріятеля, далъ наканунѣ только, въ томъ предположеніи, что не малая часть французскихъ войскъ, собравшихся подъ Краснымъ, вѣроятно, отойдетъ ночью къ Лядамъ, но коль скоро удостовѣрился въ противномъ, отмѣнилъ намѣреніе стать на пути отступленія всей непріятельской арміи. Разстройство ея не было у насъ въ точности извѣстно. Мы видѣли кучи отсталыхъ, безоружныхъ, которые тянулись

---

[1]) Г. Окуневъ, Разсужденіе о больш. воен. дѣйствіяхъ въ 1812 г., стр. 242—243.

за войсками, падали отъ изнуренія, шатались по сторонамъ, но у насъ не знали, какъ велико число находившихся подъ знаменами, способныхъ обороняться. Тайна всей слабости Наполеона еще не была и не могла быть вполнѣ раскрыта, и потому кн. Кутузовъ не хотѣлъ случайностямъ боя предоставить то, до чего могъ достигнуть вѣрнѣйшимъ способомъ — повременивъ немного. Онъ предпочелъ: не вдаваясь въ генеральное сраженіе, бить французовъ по частямъ и пожинать вѣрные плоды своихъ соображеній, расчитывая, что каждый день отступленія непріятелей, по причинѣ голода, зимы и безпрестанныхъ на нихъ нападеній, былъ для Наполеона истиннымъ пораженіемъ, влача за собою множество отсталыхъ людей и брошенныхъ пушекъ и обозовъ. Война приняла совершенно новый, необыкновенный поворотъ и не походила ни на одну изъ войнъ минувшихъ временъ" [1]). Изъ всѣхъ распоряженій фельдмаршала ясно видно, что онъ намѣренъ былъ дѣйствовать рѣшительно на непріятеля, чтобы перерѣзать ему путь подъ Краснымъ. Въ то время, когда составлена была диспозиція предположеннаго на другой день сраженія, изъ донесенія гр. Ожаровскаго и отъ него даже лично, онъ зналъ, что самъ Наполеонъ находится въ Красномъ. Могъ ли онъ предполагать, что онъ въ продолженіе ночи уйдетъ изъ него съ незначительною частію своихъ войскъ и бо́льшую часть изъ нихъ, т. е. приближавшіеся отъ Смоленска корпуса вице-короля, Даву, Понятовскаго и Нея, броситъ на жертву непріятелю? Едва ли, не имѣя никакихъ прямыхъ доказательствъ, возможно допустить такое соображеніе со стороны опытнаго фельдмаршала. Разстройство непріятельскихъ войскъ ему также было очень хорошо извѣстно. Всѣ боевые его сотрудники, имѣвшіе съ ними дѣло, доносили ему о немъ и, желая подвинуть его на болѣе рѣшительныя дѣйствія, скорѣе могли преувеличивать это разстройство, нежели уменьшать. Хотя и совершенно справедливо, что фельдмаршалъ щадилъ русскую кровь, не желалъ преждевременно вызывать на рѣшительный бой непріятеля, къ отчаянной защитѣ, въ томъ безвыходномъ положеніи, въ какомъ онъ находился. „Съ рѣдкою мудростію (dans sa rare prudence), по выраженію Тьера, онъ не послѣдовалъ примѣру неблагоразумныхъ совѣтниковъ, которые напали бы на дикаго кабана, не утомивъ напередъ продолжительнымъ преслѣдованіемъ и нанесенными ему ранами". Но подъ Краснымъ положеніе непріятеля было иное. Постоянныя нападенія нашихъ передовыхъ войскъ, продолжительное бѣгство по опустошенной дорогѣ, голодъ и холодъ—до такой степени разстроили уже прежде утратившія дисци-

[1]) Сочиненія, т. V, стр. 262—264.

плину его войска, что не представляется никакого повода, вопреки яснымъ и точнымъ предписаніямъ фельдмаршала, предполагать, что онъ имѣлъ намѣреніе пропустить мимо себя непріятеля, нанеся ему только наибольшій вредъ, а не перерѣзать путь его отступленію. Однако же, приказаніе, данное фельдмаршаломъ Тормасову—пріостановиться—возбуждаетъ сомнѣніе. Но вопросъ заключается въ томъ: давалъ ли кн. Кутузовъ такое приказаніе? Въ журналѣ исходящихъ бумагъ, веденномъ дежурнымъ генераломъ Коновницынымъ, гдѣ тщательно записывались всѣ распоряженія, какъ лично подписанныя самимъ фельдмаршаломъ, такъ и отъ его имени отдаваемыя дежурнымъ генераломъ, нѣтъ и слѣдовъ подобнаго приказа. Приказаніе такой важности едва ли могло быть сдѣлано на словахъ, но, допуская даже такое предположеніе, надо чѣмъ нибудь его подкрѣпить, какъ, напримѣръ, показаніемъ самого г. Тормасова, или, по крайней мѣрѣ, того офицера, который ему объявилъ его. Но и такихъ указаній, послѣ тщательныхъ поисковъ, открыть не удалось и едва ли они имѣются, иначе на нихъ сослался бы г. Михайловскій-Данилевскій и тѣ, которые повторяютъ его мнѣнія. Между тѣмъ, имѣются указанія, которыя приводятъ къ совершенно другимъ заключеніямъ. Офицеръ, находившійся въ войскахъ Тормасова во время этого движенія, говоритъ: „авангардъ Тормасова, къ коему въ ночь 4-го числа посланъ былъ изъ Шипова сочинитель этой книги съ повелѣніемъ атаковать непріятеля, имѣлъ предписаніе выступить на разсвѣтѣ 5-го числа изъ деревни Сидоровки и за нимъ должна была слѣдовать вся колонна. И такъ, въ одиннадцатомъ часу утра, половина нашей арміи, состоявшая изъ отборныхъ войскъ, могла прибыть на Оршанскую дорогу и ударить въ тылъ непріятеля. Но, по новому повелѣнію Кутузова, мы выступили не прежде десятаго часа утра“ [1]). Въ этомъ разсказѣ, написанномъ долго спустя послѣ происшествій, естественно могла утратиться послѣдовательность событій, точно такъ же какъ разные слухи, ходившіе даже въ то время въ войскахъ, могли имѣть на него вліяніе. По диспозиціи, если она дѣйствительно была прислана съ сочинителемъ, изъ воспоминаній котораго приведены эти строки, войска Тормасова должны были выступить въ 8 часовъ утра, т. е. на разсвѣтѣ. Его авангардъ выступилъ въ назначенное время, иначе онъ не могъ бы—„пройдя около 11-ти час. деревню Путятину, начать видимо угрожать тылу непріятельской арміи, что и побудило Наполеона въ сопровожденіи конныхъ гвардейскихъ егерей и части пѣшей гвардіи, искать своего спасенія, оставивъ на жертву прочія войска своей арміи“, какъ записалъ въ воен-

[1]) Записки о походахъ 1812 и 1813 годовъ, стр. 50 и слѣд.

номъ журналѣ г. Толь. Главная колонна Тормасова, которая шла вслѣдъ за своимъ авангардомъ, дѣйствительно могла выступить часомъ позднѣе, безъ всякаго особеннаго приказанія кн. Кутузова. Медленное ея движеніе объясняется, по свидѣтельству военнаго журнала г. Толя, тѣмъ, что слѣдуя по проселочнымъ дорогамъ, „она встрѣтила на своемъ маршѣ много затрудненій, должна была строить мосты и дѣлать дорогу удобопроходимою". Это подтверждаетъ и сочинитель записокъ, котораго свидѣтельство мы привели, говоря: „по причинѣ узкой проселочной дороги, мы шли шестирядною колонною, лѣвымъ флангомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ почти по колѣно въ снѣгу". Фельдмаршалъ не замедлилъ, но, напротивъ, желалъ ускорить движеніе. Тотъ же свидѣтель говоритъ: „далѣе встрѣтили полковника Шульгина, адъютанта фельдмаршала, посланнаго къ намъ съ повелѣніемъ поспѣшить въ дѣло. Пройдя дефиле у дер. Панкино, артиллерія и кавалерія пустились рысью, пѣхота бѣглымъ шагомъ"; но уже было поздно [1]). Не безъ нѣкотораго ударенія, по видимому, г. Толь, описывая расположеніе войскъ послѣ сраженія, говоритъ: „прочія войска Тормасова (кромѣ авангарда барона Розена), не имѣвшія никакого участія въ семъ дѣлѣ, расположились бивуакомъ за дер. Доброе". Вѣроятно, въ нашей главной квартирѣ упрекали г. Тормасова за медленное движеніе; но въ виду тѣхъ препятствій, которыя онъ встрѣчалъ на пути, возможно предполагать, что эти обвиненія были такія же, какъ и обвиненія фельдмаршала въ медленности и нерѣшительности. Если принимать въ соображеніе единственно число верстъ, которыя предстояло пройти, наиболѣе краткимъ путемъ преслѣдуя непріятеля, и количество переходовъ и дневокъ, то можно осудить полководца за медленныя движенія, тогда какъ на дѣлѣ, онъ совершалъ движенія самыя ускоренныя—по возможности. Эта возможность зависитъ отъ многихъ обстоятельствъ, которыхъ теорія не можетъ предвидѣть, и очень часто не принимаетъ въ соображеніе. Неизвѣстность намѣреній непріятеля, которыя иногда обнаруживаются позднѣе, нежели какъ бы нужно было, чтобы противодѣйствовать ему съ наибольшимъ успѣхомъ, время года, погода, состояніе дорогъ, мѣстность, по которой они проходятъ, наличные запасы продовольствія и боевыхъ запасовъ,—всѣ эти обстоятельства имѣютъ весьма важное вліяніе на движеніе войскъ. Для примѣра можно указать на медленное движеніе г. Тормасова подъ Краснымъ. Оно совершалось въ зимній день, когда послѣ сильныхъ

[1]) Въ доказательство, что кн. Кутузовъ, узнавъ изъ показаній плѣнныхъ, что имп. Наполеонъ находится въ Красномъ, остановилъ движеніе ген. Тормасова, приводятъ слѣдующую записку Коновницына къ партизану Сеславину: «По повелѣнію его свѣтлости имѣете вы употребить всѣ способы схватить вѣр-

морозовъ сдѣлалась оттепель, шелъ снѣгъ и туманъ покрывалъ окрестности, по проселочной дорогѣ, по которой нельзя было идти иначе какъ узкою и, слѣдовательно, продолжительною колонною, а сходя съ нее—по колѣни въ снѣгу, по мѣстности пересѣченной глубокими оврагами, когда приходилось пролагать дороги и строить мосты. Этихъ обстоятельствъ совершенно достаточно для того, чтобы объяснить почему онъ двигался медленно, не прибѣгая къ подозрѣніямъ, что его движеніе было замедлено какими либо неправильными распоряженіями. Число верстъ переходовъ и дневки зависятъ отъ состоянія дорогъ; едва пролазная грязь отъ дождей, которые осенью на долго портятъ дороги, по которымъ слѣдовала наша армія отъ Малоярославца до Вязьмы, утомляла войска и требовала небольшихъ переходовъ и дневокъ. Вообще зимній походъ утомительнѣе похода въ хорошое время года и, слѣдовательно, не можетъ совершаться такъ же быстро. Скорость движенія войскъ должна быть соображаема съ движеніемъ артиллеріи и, еще болѣе, обозовъ съ продовольствіемъ и военными запасами. Начало нашествія Наполеона на Россію можетъ служить поразительнымъ примѣромъ, когда, достигнувъ лишь до Витебска, онъ потерялъ цѣлую треть своего войска, не вступая еще въ бой, единственно отъ недостатка продовольствія, потому что обозы не могли съ такою же скоростью двигаться, какъ войска, и далеко оставались назади. Не только наши передовыя войска, но и большая армія нуждалась иногда въ продовольствіи. Сэръ Робертъ

наго языка, отъ котораго узнать, чтò въ Красномъ находится и когда чтó выступило; ибо безъ сего фельдмаршалъ не предполагаетъ непріятеля атаковать». Въ отвѣтъ на это Сеславинъ писалъ: «Богъ вамъ судья, ваше пр-во; въ Красномъ тоже бѣдствіе, таже нерѣшительность, что и въ Вязьмѣ. Третій день какъ Смоленскъ непріятелемъ оставленъ; они вышли оттуда 2-го ноября, отдыхали въ Красномъ и гвардія съ Наполеономъ пришла сегодня въ Ляды. По показанію плѣнныхъ, Наполеонъ, ѣхавши по дорогѣ, былъ атакованъ казаками, но уплелся невредимъ. Изъ Лядовъ завтра назначенъ походъ по большой дорогѣ къ Оршѣ...» Первое письмо Коновницына помѣчено: 4-е ноября, изъ д. Шилово, безъ обозначенія часовъ дня. Отвѣтъ Сеславина, тоже безъ числа, но былъ полученъ 5-го ноября. По содержанію отвѣта очевидно, что онъ былъ написанъ тогда, когда Наполеонъ пришелъ уже съ гвардіею въ Ляды, слѣдовательно, спустя нѣсколько часовъ по полудни, т. е. когда сраженіе подъ Краснымъ близилось къ окончанію. Стало быть, оно началось совершенно независимо отъ извѣстій, полученныхъ отъ Сеславина, и выраженіе, употребленное Коновницынымъ: «безъ сего фельдмаршалъ не предполагаетъ атаковать»—употреблено для того только, чтобы побудить Сеславина скорѣе и вѣрнѣе доставлять извѣстія. Иначе, еслибы въ главной квартирѣ ожидали этихъ извѣстій, то 5-го ноября съ ранняго утра не было бы начато сраженіе, а потому не было бы и повода останавливать движеніе колонны Тормасова.

Вильсонъ, наиболѣе всѣхъ укорявшій кн. Кутузова въ медленности движеній, въ письмѣ къ лорду Каткарту говоритъ: „Весь нынѣшній день войска оставались безъ пищи, и я опасаюсь, что то же будетъ и завтра, потому что фуры съ продовольствіемъ остались въ весьма дальнемъ разстояніи; но войска переносятъ нужду съ удивительнымъ мужествомъ“ [1]). Сообщая это извѣстіе, онъ пользуется случаемъ упрекнуть кн. Кутузова въ нераспорядительности именно во время того движенія, которое онъ особенно порицаетъ за медленность. Это письмо писано въ Силенкахъ, во время движенія къ Вязьмѣ. Впрочемъ, при другомъ случаѣ онъ писалъ, тоже укоряя въ медленности кн. Кутузова, что „побѣда замѣняетъ продовольствіе“ [2]). Но кн. Кутузовъ, конечно, иначе смотрѣлъ на это и постоянно заботился о продовольствіи войскъ. Тѣ, которые упрекаютъ его въ медленныхъ движеніяхъ, хотя и говорятъ, что этотъ походъ вовсе не походилъ на всѣ другіе, однакоже не останавливаются на этомъ важномъ обстоятельствѣ при сужденіяхъ о нашемъ полководцѣ. Еслибы императоръ Наполеонъ отступалъ такъ, какъ, напримѣръ, кн. Кутузовъ отъ Браунау до Кремса въ 1805 г. въ аустерлицкую кампанію, или г. Моро въ кампанію 1796 г. отъ Дуная до Рейна, то, безъ сомнѣнія, возможно бы разсуждать о медленности или скорости его преслѣдованія. Но онъ бѣжалъ, его надо было догонять, для быстроты бѣгства онъ не останавливался ни передъ какими жертвами. Неужели преслѣдовавшія его наши войска должны были также и даже быстрѣе бѣжать и подвергаться такимъ же бѣдствіямъ, какъ и его великая армія? „Не безъ нѣкотораго основанія упрекаютъ большую армію за медленное движеніе“,—говоритъ иностранецъ, участникъ въ происшествіяхъ, бывшій начальникомъ штаба въ арміи гр. Витгенштейна. „Но слѣдуетъ замѣтить, что хотя кн. Кутузовъ могъ идти скорѣе, онъ не могъ шагъ за шагомъ преслѣдовать непріятеля, потому что необходимымъ послѣдствіемъ его быстраго движенія было бы совершенное разстройство войскъ. Впрочемъ, сужденіе было бы совершенно ложно, если бы вздумали сравнивать движенія войскъ обыкновенныхъ кампаній, съ движеніями большой арміи послѣ шести мѣсяцевъ утомительной кампаніи, по опустошенной мѣстности, въ такое время года, когда войска должны стоять на зимнихъ квартирахъ даже въ странахъ съ лучшимъ климатомъ. Одно затрудненіе въ обезпеченіи продовольствія войскъ должно было

---

[1]) Письмо изъ д. Силенки 30-го окт. (11-го ноября); ср. его же Private diary, стр. 209.

[2]) Донесеніе императору изъ Краснаго, отъ 7-го (19-го) ноября.

придать совершенно особенное свойство движеніямъ войскъ и нѣкотораго рода медленность" [1]).

При такихъ условіяхъ и при такомъ способѣ отступленія непріятеля, или, лучше сказать, бѣгствѣ, какъ долженъ былъ преслѣдовать нашъ главнокомандующій своего противника? Очевидно—легкими отрядами и преимущественно конницею. Мы имѣли уже случай изложить соображенія о томъ, что поголовное ополченіе Донскихъ казаковъ было дѣломъ кн. Кутузова, задолго предвидѣвшаго отступленіе непріятеля и ту пользу, которую въ этомъ случаѣ могутъ оказать Донскія войска. Хотя бы и жажда легкой добычи усиливала ихъ дѣйствіе,—но въ продолженіе этого преслѣдованія они были таковы, что превзошли даже ожиданія фельдмаршала. Они не только по пятамъ преслѣдовали непріятеля, но окружали его съ фланговъ и часто предупреждали на пути. Большой нашей арміи предстоялъ такой способъ дѣйствій, чтобы, щадя войска, избрать кратчайшій путь, придти на путь отступленія непріятеля и перерѣзать ему дорогу. Такъ и поступилъ фельдмаршалъ, принявъ фланговое преслѣдованіе и преградивъ путь при Красномъ. Но сверхъ того, обходя непріятеля съ фланга, преслѣдуя съ тыла казаками и легкими партизанскими отрядами, которые всѣми способами должны были замедлять его бѣгство, онъ двинулъ противъ него значительный авангардъ, который могъ наносить ему еще большій вредъ. Сраженія при Вязьмѣ и Дорогобужѣ оправдали предположенія фельдмаршала. Но противники кн. Кутузова не считали нужнымъ обращать вниманіе на общій его планъ преслѣдованія непріятеля, потому что полагали, что кампанія должна была окончиться однимъ рѣшительнымъ сраженіемъ и упрекали, что, одинъ за другимъ, онъ упускалъ удобные къ тому случаи. Въ послѣдствіи, сэръ Робертъ Вильсонъ, извѣщая лорда Каткарта о переправѣ чрезъ Березину, писалъ: „теперь-то фельдмаршалъ пожалѣетъ о пропущенныхъ имъ случаяхъ одержать полную побѣду надъ непріятелемъ при Малоярославцѣ, при Вязьмѣ и при Красномъ" [2]). Увлекаемый мыслью, что однимъ ударомъ можно было поразить Наполеона, онъ такъ мало обращалъ вниманія на распоряженія фельдмаршала, что увѣрялъ, будто бы всѣ успѣхи нашихъ войскъ были одержаны вопреки его приказаніямъ. „То, что уже сдѣлали войска, было исполнено безъ его вѣдома или распоряженія, то, что остается еще сдѣлать, слѣдуетъ предпринять

---

[1]) Г. Д'Овре (D'Auvray), Précis de la campagne du 1-er corps de l'armée d'occident pendant l'année 1812. Рукоп.

[2]) Письмо изъ Орши, отъ 18-го ноября ст. стиля, сравн. Private diary, стр. 238.

безъ его повелѣнія" [1]). Едва ли кому либо кромѣ англійскаго генерала могъ казаться возможнымъ подобный способъ военныхъ дѣйствій въ такую безпримѣрную по затрудненіямъ кампанію и съ такимъ противникомъ какъ Наполеонъ, въ какомъ бы положеніи онъ ни находился. Въ позднѣйшемъ сочиненіи о походѣ 1812 г., онъ послѣдовательно описываетъ сраженіе при Красномъ, говоря, что „съ наступленіемъ дня (5-го ноября), увидали непріятеля построеннымъ въ боевомъ порядкѣ, и проходили часы за часами, а приказы, отданные кн. Кутузовымъ, не приводились въ исполненіе", что кн. Голицынъ, поощренный Бенигсеномъ, своевольно началъ сраженіе, что это раздражило кн. Кутузова, и вызвало даже неприличный отзывъ о Бенигсенѣ, что только въ 2 ч. пополудни онъ далъ повелѣніе Тормасову и барону Розену двинуться къ Доброму [2]). Трудно представить себѣ, чтобы свидѣтелю-очевидцу происшествій черезъ 10—13 лѣтъ такъ измѣнила память, если бы тому не способствовала особенная его ненависть къ нашему военачальнику. Между тѣмъ, въ его разсказѣ все невѣрно и, кажется, потому, что онъ смѣшалъ происшествія этого дня, бывшія до полудня, съ тѣми распоряженіями кн. Кутузова, которыя были послѣ сраженія подъ Краснымъ, когда городъ уже былъ въ нашихъ рукахъ. Справедливость этого предположенія доказываютъ современныя донесенія императору и письма къ лорду Каткарту самого сэра Роберта Вильсона. „Съ истиннымъ удовольствіемъ имѣю счастіе поздравить ваше величество съ знаменитыми успѣхами, наконецъ достойно увѣнчавшими заслуги здѣшней арміи. 17-го мы съ сокрушеннымъ сердцемъ видѣли какъ Бонапартъ съ изнеможенными своими силами отступилъ чрезъ Красное, съ малою сравнительно потерею, хотя, по всѣмъ обстоятельствамъ, для него не было бъ возможности совершить сего отступленія, еслибъ во̀-время дано было приказаніе атаковать его. Но происшествія вчерашняго дня и сегодняшнія, вслѣдствіе которыхъ цѣлыя колонны непріятельскія принуждены были положить оружіе, представляютъ такое поприще торжества какъ въ настоящемъ, такъ и на будущее время для пользы вашего величества, что я рѣшился никогда не помышлять о томъ, что могло быть сдѣлано, но превозносить только съ гордостію настоящіе подвиги сей знаменитой арміи. Вчерашнее сраженіе навсегда останется достопамятнымъ. Это было сраженіе героевъ и самые побѣжденные покрылись славою. О подробностяхъ я пишу къ лорду Каткарту, который, безъ сомнѣнія, представитъ ихъ вашему величеству. Я хотѣлъ изложить вашему величе-

---

[1]) Письмо изъ Вязьмы, отъ 23-го окт. (4-го ноября).

[2]) Narrative of events during the invasion of Russia, стр. 272—273.

ству нѣкоторыя замѣчанія касательно необычайной медленности въ нашемъ движеніи къ Красному, недѣятельности 16-го, хотя мы отдыхали наканунѣ и прошли только 15 верстъ, и о затрудненіи, оказанномъ фельдмаршаломъ 17-го въ исполненіи какого-либо плана нападенія на непріятеля; но я изорвалъ мое письмо въ надеждѣ, что будущее время, при помощи Провидѣнія, загладитъ прошедшее. Непріятель однакоже въ дорогѣ и каждый часъ дорогъ, одного корпуса слишкомъ достаточно для истребленія войскъ Нея; кто погонится за маленькою птицею, когда соколъ вспорхнулъ съ гнѣзда? Куда бы ни пошелъ непріятель, чрезъ Дубровку на Минскъ или къ Лепелю, его не должно упускать изъ виду и тѣснить безпрестанно. Побѣда замѣняетъ продовольствіе" [1]). Описывая сраженіе противъ маршала Нея (6-го ноября), онъ говоритъ въ письмѣ къ лорду Каткарту: „Мало было сраженій, приносящихъ такую славу побѣдителямъ и побѣжденнымъ, какъ вчерашнее; это, по истинѣ, было сраженіе героевъ. Нѣтъ возможности подробно перечислить всего того, что взято у непріятеля: но теперь находится уже въ плѣну 17 генераловъ и, включая 112 пушекъ, оставленныхъ непріятелемъ на Смоленской дорогѣ, болѣе 400 артиллерійскихъ орудій. Съ начала кампаніи болѣе 82,000 человѣкъ плѣнныхъ проведены въ разныя губерніи, а количество взятыхъ повозокъ, ящиковъ, всякаго имущества—превосходитъ всякія потери, испытанныя когда-либо какою нибудь арміею. Въ Смоленскѣ истреблено 600 пороховыхъ ящиковъ" [2]). Въ этихъ письмахъ нѣтъ и рѣчи о томъ, что фельдмаршалъ задержалъ движеніе Тормасова и Розена во время сраженія при Красномъ, и въ 2 часа пополудни данное имъ предписаніе, о которомъ говоритъ сэръ Робертъ Вильсонъ, можетъ относиться къ тому, которое онъ послалъ съ Шульгинымъ, чтобы Тормасовъ ускорилъ движеніе. Весьма вѣроятно, что въ это уже время сэръ Робертъ Вильсонъ счелъ нужнымъ по прежнему побуждать фельдмаршала быстрѣе преслѣдовать непріятеля, и еще вѣроятнѣе, что кн. Кутузовъ сказакъ ему: „Вы слышали мой отвѣтъ при Малоярославцѣ" [3]).

Нерѣшительность кн. Кутузова цѣнители и судьи его дѣйствій объясняли страхомъ передъ Наполеономъ. Можно бы не останавливаться надъ этимъ объясненіемъ, основанномъ единственно на предположеніяхъ, безъ всякихъ доказательствъ, еслибъ его выражали только иностранные писатели. Грозный обликъ непобѣдимаго полко-

---

[1]) Донесеніе императору изъ Краснаго, 7-го (19-го) ноября.

[2]) Письмо отъ 7-го (19-го) ноября, изъ с. Добраго.

[3]) Narrative of events, etc., стр. 273.

водца носился надъ всею Европою, и дѣйствительно внушалъ панический страхъ, особенно въ это время, когда его могущество достигло высшей степени и не признавало никакихъ границъ для своихъ дѣйствій. Естественно писателямъ-французамъ повторять подобное предположеніе, потому что оно льститъ ихъ самолюбію и помогаетъ приписывать по преимуществу нашимъ морозамъ бѣдствія великой арміи. Еще естественнѣе писателямъ-нѣмцамъ, потому что подъ вліяніемъ паническаго страха, внушеннаго Наполеономъ, преимущественно находилась Германія. Но тоже повторяютъ и нѣкоторые изъ нашихъ писателей. Въ такомъ ли положеніи въ отношеніи къ Наполеону находилась Россія въ это время, чтобы и въ нее могло проникнуть это чувство страха? Всѣ свидѣтельства современниковъ указываютъ противоположное настроеніе какъ войска, такъ и всего народа. Если никто не позволяетъ себѣ подозрѣвать это чувство въ Барклаѣ-де-Толли, постоянно отступавшемъ передъ сильнѣйшимъ въ сравненіи съ его войсками непріятелемъ, то какое-же представляется основаніе подозрѣвать его въ князѣ Кутузовѣ, рѣшившимся дать сраженіе Наполеону при Бородинѣ, при обстоятельствахъ гораздо менѣе благопріятныхъ, нежели подъ Малоярославцемъ, Вязьмою или Краснымъ? Между сраженіемъ подъ Бородинымъ и преслѣдованіемъ непріятеля прошло два мѣсяца, въ продолженіе которыхъ преклонныя лѣта фельдмаршала не могли оказать такое вліяніе, чтобы ослабить его тѣлесныя и умственныя силы, какъ иные предполагаютъ. Порицатели дѣйствій кн. Кутузова постоянно имѣютъ въ виду какой-нибудь одинъ день, одинъ случай, которымъ не воспользовался кн. Кутузовъ въ той мѣрѣ, въ какой слѣдовало бы—по ихъ мнѣнію, и никто изъ нихъ не высказываетъ соображеній о всемъ походѣ. Между тѣмъ, едва ли можетъ быть сомнѣніе, что фельдмаршалъ имѣлъ его въ виду и съ нимъ сообразовалъ свои дѣйствія. По этому общему плану дѣйствій послѣдній ударъ непріятелю готовился—при Березинѣ, куда направлялъ императоръ войска Витгенштейна и Чичагова, чтобы встрѣтить непріятеля; а большая армія должна была, обезсиливая постепеннымъ преслѣдованіемъ, лишить его возможности придти къ Березинѣ въ такихъ силахъ, чтобы, соединившись съ какими-либо изъ своихъ корпусовъ, дѣйствовавшихъ на флангахъ, онъ могъ еще достаточно оказаться сильнымъ, чтобы преодолѣть предположенную ему преграду. Достигъ ли этой цѣли кн. Кутузовъ? Не говоря уже о разстройствѣ, изнеможеніи и потерѣ почти всей конницы и артиллеріи, обращая вниманіе только на количество войскъ, основываясь исключительно на показаніяхъ самихъ французовъ, что отъ болѣе нежели ста тысячъ войскъ, съ которыми императоръ Наполеонъ выступилъ изъ Москвы,

въ Смоленскѣ у него осталось только 42 тысячи. Въ той колоннѣ, съ которою онъ самъ выступилъ изъ Смоленска, было 16 тысячъ, съ вице-королемъ 5 тыс., съ маршалами Даву 7,500 и Неемъ 8,300. Послѣ сраженія при Красномъ отъ этого количества войскъ въ Оршѣ оказалось не болѣе 24 тыс. [1]). Но и это число едва ли не преувеличено. Ней привелъ въ Оршу до 1,200 человѣкъ, вице-король до 3,500, корпусъ Даву потерпѣлъ значительныя потери и онъ едва ли могъ привесть туда болѣе половины своего войска. Менѣе пострадала гвардія; но, во всякомъ случаѣ, въ сраженіи 5-го ноября она понесла значительныя потери, если принять въ соображеніе дѣйствіе нашей многочисленной артиллеріи, которой у Наполеона уже почти не было. Въ Оршѣ у Наполеона едвали оставалось болѣе 20 тыс. совершенно разстроеннаго и неспособнаго къ бою войска. Кн. Кутузовъ достигъ своей цѣли. „За десятерыхъ французовъ я не отдамъ одного русскаго", говорилъ онъ своимъ горячившимся боевымъ сотрудникамъ. „Непріятели скоро всѣ пропадутъ, а если мы потеряемъ много людей, то съ чѣмъ придемъ на границу?" Ему извѣстенъ былъ взглядъ императора и онъ зналъ, что война не ограничится предѣлами имперіи. „Въ одной изъ деревень между Краснымъ и Оршею, послѣ Леташевки, я въ первый разъ увидался съ Кутузовымъ,—говоритъ принцъ Евгеній Виртембергскій. Онъ принялъ меня ласково, но не обошлось и безъ порицаній: „наши молодыя горячія головы негодуютъ на старика, что я удерживаю ихъ порывы. Они не обращаютъ вниманія на обстоятельства, которыя дѣлаютъ гораздо болѣе, нежели сколько могло бы сдѣлать наше оружіе. Не придти же намъ на границу какъ толпѣ бродягъ" [2]). Принцъ Евгеній Виртембергскій самъ принадлежалъ къ числу этихъ горячихъ головъ. Онъ постоянно находился съ своею дивизіею въ авангардѣ Милорадовича; отличаясь храбростію, сдѣлался любимцемъ войскъ. Милорадовичъ, самъ храбрый изъ храбрыхъ, не только цѣнилъ его, но и баловалъ, снисходительно относясь къ его порывамъ. „Этотъ молодой человѣкъ,—ему былъ 24-й годъ,—имѣетъ такую власть надъ моимъ сердцемъ, какъ дѣвица", говорилъ онъ, и называлъ его Орлеанскою дѣвою, прибавляя: „я только Дюнуа, вашъ спутникъ и покорнѣйшій слуга, однимъ словомъ, рыцарь и въ этомъ состоитъ все мое самолюбіе" [3]).

Кн. Кутузовъ былъ доволенъ побѣдами при Красномъ и, кажется, имѣлъ на это полное право. „Такъ окончились битвы подъ Краснымъ,

[1]) М. Шамбре, Hist. de l'éxpedition, т. II, стр. 435.
[2]) Pr. Eugen v. Würtemberg, Erinnerungen, стр. 171—172.
[3]) Gellsdorf, Aus dem Leben des Pr. Eugen v. Würtemberg, т. II, стр. 89—90; Ермоловъ, Записки, т. I, стр. 239.

говоритъ баронъ Кроссаръ,—которыя можно назвать послѣдними для той арміи, которая одна должна была дѣйствовать, подъ начальствомъ Кутузова, противъ Бонапарта. Его войска были совершенно разстроены и потеряли значеніе арміи. Казакамъ и партизанамъ предстояло забирать разрозненныя толпы, истощенныя и которыя не могли уже сопротивляться. Такъ почему же, спросятъ теперь, Кутузовъ, зная положеніе противника, не окончилъ войны однимъ ударомъ, перерѣзавъ дорогу Бонапарту? Подъ Краснымъ онъ почти опередилъ его; однимъ усиленнымъ движеніемъ онъ сталъ бы ему поперегъ дороги. Наполеону предстояло прорваться, но какъ онъ могъ это сдѣлать съ своими изнуренными солдатами? Такъ разсуждаютъ тѣ, которые имѣютъ притязаніе на дальновидность... Представится еще случай отвѣчать на этотъ частный упрекъ; но нельзя отказать Кутузову въ той славѣ, которую онъ пріобрѣлъ, доведя непріятельскую армію до совершеннаго разрушенія и принудивъ ее бѣжать передъ собою, тогда какъ въ то же время, не подвергая себя потерямъ, пополнилъ свои войска, пріучилъ къ войнѣ и увеличилъ ихъ количество“ [1]).

Но самый успѣхъ кампаніи не измѣнилъ мнѣнія о немъ его противниковъ. Съ упорною ненавистью истаго британца относился сэръ Робертъ Вильсонъ къ нашему старому фельдмаршалу, понимавшему и конечныя цѣли политики Англіи и знаніе военнаго дѣла ея агента, и часто ему повторявшему не безъ ироніи пущенное имъ самимъ въ ходъ выраженіе, что отступающему непріятелю надо строить золотой мостъ. Но къ русскимъ войскамъ и особенно къ казакамъ онъ относился иначе. Отдавая полную справедливость ихъ доблестямъ, онъ восхищался и дѣйствіями начальниковъ отдѣльныхъ частей и отрядовъ. Но кто же руководилъ ими, кто придавалъ единство отдѣльнымъ дѣйствіямъ и направлялъ ихъ къ одной цѣли? Рѣшеніе этого вопроса нисколько не затрудняло сэра Роберта Вильсона. Никто,—отвѣчаетъ онъ,— все, что сдѣлано хорошаго, было сдѣлано помимо приказаній фельдмаршала и даже противъ его воли. Но, что казалось ему такъ легко разрѣшить, другимъ, не менѣе его желавшимъ осуждать кн. Кутузова, но болѣе знакомымъ съ военнымъ дѣломъ, представлялось затруднительнѣе. Они придумали другой выходъ изъ этой трудной задачи. Всѣ распоряженія фельдмаршала, — говорятъ они,— увѣнчавшіяся успѣхомъ, сдѣланы имъ подъ вліяніемъ окружавшихъ его лицъ и особенно указываютъ въ этомъ случаѣ на генералъ-квартирмейстера Толя. Генералъ Водонкуръ, бывшій у насъ въ плѣну и снабженный адмираломъ Чичаговымъ нѣкоторыми свѣдѣніями, пустилъ

[1]) Mémoires milit. et polit., т. V, стр. 104—105.

въ ходъ это мнѣніе. Въ разборѣ на сочиненіе Д. П. Бутурлина прямо было выражено, что „все, что было лучшаго сдѣлано при кн. Кутузовѣ, принадлежитъ начальнику его штаба Толю“ [1]). Ген. Толь, прочитавъ эту статью, написалъ письмо къ Бутурлину, находившемуся въ это время въ Парижѣ, прося придать ему возможно большую гласность. Немедленно оно было напечатано [2]). „Личная честь, говорилъ онъ въ этомъ письмѣ, прямота, свойственная порядочному человѣку, и чувство благодарности къ памяти покойнаго фельдмаршала, которое я почитаю священнымъ сердечнымъ долгомъ сохранять и за предѣлами гроба, возлагаютъ на меня обязанность отвергнуть похвалу, которая, не будучи основана на истинѣ, изобрѣтена плодовитымъ воображеніемъ автора статьи. Имѣвъ счастіе служить въ достопамятную войну 1812 года, въ должности генералъ-квартирмейстера, подъ начальствомъ фельдмаршала, я, конечно, могу похвалиться тѣмъ, что раздѣлялъ съ нимъ труды и занятія сей славной войны, что былъ его главнымъ сотрудникомъ и первымъ орудіемъ во всемъ томъ, что онъ обдумывалъ для погубленія непріятеля и, наконецъ, что я пользовался въ высшей степени его уваженіемъ и довѣріемъ. Честь эта, конечно, не малая, и я не уступлю ее никому; но, съ другой стороны, было бы недостойно меня хранить молчаніе, какъ скоро до меня дошло сужденіе иностранца, оскорбляющее истину и выставляющее въ неблагопріятномъ свѣтѣ заслуги великаго человѣка. И такъ, я долженъ объявить, что дѣйствія князя Кутузова и мои въ эту войну, хотя и направленныя къ одной цѣли, не менѣе того, разнились существенно и зависѣли отъ обязанностей, которыя мы несли каждый по службѣ. Онъ, съ твердостію и постоянствомъ слѣдуя наставленіямъ, получаемымъ отъ августѣйшаго нашего Государя, и предводительствуя всѣми нашими арміями, при свѣтѣ обширнаго и опытнаго ума своего, придумывалъ общіе планы дѣйствій, долженствовавшихъ неминуемо привести непріятеля къ погибели, и назначалъ время и мѣсто для исполненія сихъ плановъ. Я же ограничивался кругомъ, мнѣ принадлежавшимъ, довольствовался разработкою его мыслей и составлялъ подробныя распредѣленія, необходимыя для всякаго военнаго дѣйствія. Соединяя въ себѣ всѣ пружины нашей воинской силы, онъ руководилъ его такъ, чтобы она наносила непріятелю наиболѣе гибельные удары; а я только направлялъ эту силу къ тѣмъ мѣстамъ, которыя были указываемы его мудростью. Будучи первымъ двигателемъ всего въ арміи, онъ поддерживалъ во всѣхъ чинахъ терпѣніе, самоотверженіе, не-

[1]) Journal de Paris, 25-го марта н. ст. 1824 г.
[2]) Journal des débats, 24-го января н. ст. 1825 г.

устрашимость и вѣру въ успѣхъ; я, въ свою очередь, заимствовалъ отъ него воодушевленіе и наполнялся усердіемъ для вѣрнаго исполненія приказаній, которыя онъ мнѣ отдавалъ.

„Сограждане и сослуживцы по всей справедливости назвали его спасителемъ отечества, и вотъ, завистники его славы думаютъ прикрыться моимъ именемъ, дабы ослабить ея сіяніе. Могу ли, долженъ ли я это стерпѣть?

„Конечно, мнѣніе безъимяннаго автора упомянутой статьи о Кутузовѣ не можетъ имѣть достаточно вѣса, чтобы поколебать то, которое составилось вообще о заслугахъ сего великаго генерала; но, для моего собственнаго удовлетворенія, я долженъ повторить, что отвергаю рѣшительно во всемъ до меня относящемся сужденія, выраженныя въ этой статьѣ; и такъ же точно поступлю я, если кто либо станетъ писать въ подобномъ смыслѣ" [1]).

Сраженіями при Красномъ окончились самостоятельныя дѣйствія одной арміи кн. Кутузова почти на границахъ древней Россіи, изъ которой былъ уже изгнанъ непріятель. Теперь предстояли ей уже совокупныя дѣйствія съ арміями Дунайскою и гр. Витгенштейна. Разобщенныя съ самаго начала кампаніи, наши арміи сходились къ одному поприщу дѣйствій и званіе главнокомандующаго всѣми арміями изъ простаго титула получало дѣйствительное значеніе.

А. Н. Поповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Безъ сомнѣнія, онъ это сдѣлалъ бы въ отношеніи къ Г. Бернгарди, бывшему учителемъ въ его домѣ и злоупотребившимъ его военнымъ журналомъ которымъ мы пользовались, какъ однимъ изъ самыхъ важныхъ источниковъ, и, можетъ быть, изустными его разсказами; но это сочиненіе вышло послѣ смерти графа Толя. Прикрываясь его именемъ, онъ въ своемъ сочиненіи (Denkwürdigkeiten aus dem Leben des Grafen von Toll, Leipzig, 1854, 4 т.) проводитъ тотъ же взглядъ, отъ котораго при жизни такъ торжественно онъ отрекся и назвалъ клеветою завистниковъ кн. Кутузова. Ср. «Русскій Архивъ» 1873 г., кн. 3, стр. 411 и слѣд.

Письмо Миниха къ князю А. Д. Кантемиру.

(Подлинникъ на французскомъ языкѣ).

С.-Петербургъ. 10-го января 1741 года.

Государь мой! Безъ сомнѣнія вѣсть о вступленіи ея императорскаго высочества государыни великой княгини [1]) въ регенство имперіею должна была причинить вашему превосходительству великую радость; таковую мы ощущаемъ здѣсь, и могу васъ увѣрить, государь мой, что она повсемѣстна въ Россіи. Ваше превосходительство отписали вѣрно, предполагая, что я принималъ нѣкое участіе въ семъ счастливомъ переворотѣ: того требовала необходимость для спокойствія имперіи и для престолонаслѣдія въ августѣйшей императорской фамиліи; всякая пощада неумѣстна, коль скоро дѣло идетъ о доставленіи одного и о спасеніи другаго.

Ваше превосходительство отдали мнѣ справедливость полагая, что я охотно приму въ васъ участіе; мнѣ весьма пріятно убѣдить васъ въ томъ моею точностію. Я къ тому былъ обязанъ, государь мой, личными достоинствами вашего превосходительства, въ особенности-же постояннымъ заботамъ вашимъ при негоціаціяхъ; посему и вмѣнилъ я себѣ въ чувствительнѣйшее удовольствіе доставить вашему превосходительству, чрезъ всепокорнѣйшій мой докладъ ея императорскому высочеству нашей всемилостивѣйшей великой княгинѣ, сумму въ двадцать тысячъ рублей, достаточную, какъ я полагаю, чтобы убѣдить васъ, что истинная заслуга рано или поздно вознаграждается.

Удостойте меня чести, государь мой, пребывая въ той увѣренности, что, я себѣ удовольствіе доставилъ, доказавъ вамъ, что я есмь искренно вашего превосходительства всепокорнѣйшимъ и послушнымъ слугою — Б. Х. графъ Минихъ. (Его прев—ву господину посланнику князю Кантемиру).

Сообщ. **А. Ѳ. Бычковъ.**

---

[1]) Анны Леопольдовны, матери малолѣтняго императора Іоанна VI Антоновича.

УНИЧТОЖЕНІЕ МАСОНСКИХЪ ЛОЖЪ ВЪ РОССІИ

1822 г.

Русское масонство еще ожидаетъ своего историка. Объ отдѣльныхъ эпизодахъ этого, во всякомъ случаѣ замѣчательнаго, явленія въ минувшей жизни нашего общества существуетъ только нѣсколько изслѣдованій, болѣе или менѣе полныхъ. Въ нихъ говорится, преимущественно, о масонскихъ ложахъ, существовавшихъ у насъ, въ прошедшемъ столѣтіи и, особенно—о такъ называемомъ „Новиковскомъ" дѣлѣ, вслѣдствіе котораго, въ послѣдніе годы царствованія императрицы Екатерины II, всѣ таковыя ложи, существовавшія въ Россіи, были закрыты [1]).

Что касается масонскихъ ложъ въ царствованіе Александра I-го (когда онѣ, послѣ перерыва, продолжавшагося нѣсколько лѣтъ, вновь открылись), то объ этомъ, сколько намъ извѣстно, болѣе обстоятельныя свѣдѣнія находятся только въ „Матеріалахъ для исторіи масонскихъ ложъ", помѣщенныхъ г. Пыпинымъ въ „Вѣстникѣ Европы" 1872 г., и въ его замѣчательныхъ „Очеркахъ общественнаго движенія при Александрѣ I-мъ" („Вѣстникъ Европы" 1870 г.). По замѣчанію

---

[1]) Любопытныя свѣдѣнія по исторіи масонства въ Россіи находятся въ сочиненіяхъ Лонгинова, Ешевскаго, въ «Сборникѣ Русскаго Историческаго Общества» за 1867 г., и въ статьяхъ г. Пыпина, помѣщавшихся въ «Вѣстникѣ Европы» 1867, 1868, 1870 и 1872 годовъ. Эти послѣднія статьи представляютъ наиболѣе полноты. Г. Пыпинъ, отчасти разбирая вышеозначенныя сочиненія, отчасти публикуя новые, сдѣлавшіеся ему извѣстными, масонскіе документы, критически разсматриваетъ какъ тѣ, такъ и другіе, и представляетъ возникновеніе и развитіе масонства въ Россіи на столько ясно и полно, на сколько то позволяли ему имѣвшіеся подъ рукою матеріалы.

почтеннаго автора, исторія русскаго масонства въ эту эпоху, вообще, представляетъ много неразъясненнаго; но еще менѣе данныхъ имѣется для объясненія прямыхъ, непосредственныхъ причинъ, поведшихъ къ изданію, въ 1822 г., высочайшаго указа о закрытіи масонскихъ ложъ по всей Россіи.

Въ основательныхъ предположеніяхъ о причинахъ этого закрытія нѣтъ недостатка. Главную роль играла тутъ, безъ сомнѣнія, воспослѣдовавшая, въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, всеобщая реакція идей. И устныхъ нареканій на масонство было достаточно, но они прошли безслѣдно для исторической литературы. Между тѣмъ, о какихъ либо доносахъ, памятныхъ запискахъ и т. п., которые, будучи представлены куда слѣдуетъ, могли бы служить сильнымъ аргументомъ противъ масоновъ, до сихъ поръ, на сколько мы убѣдились, еще не было извѣстно.

Намъ удалось встрѣтить документъ, который, въ этомъ отношеніи, можно считать имѣющимъ довольно важное значеніе и отчасти пополняющимъ пробѣлъ, замѣчаемый въ исторіи послѣднихъ дней нашего масонства. Это—четыре докладныя записки къ императору Александру I-му (находившемуся въ это время на Лайбахскомъ конгрессѣ), написанныя сенаторомъ генералъ-лейтенантомъ Егоромъ Андреевичемъ Кушелевымъ и представленныя имъ при всеподданнѣйшемъ рапортѣ отъ 11-го іюня 1821 года. Какъ общественное положеніе составителя сихъ записокъ, такъ, особенно, близкія отношенія его къ масонамъ (о чемъ будетъ сказано ниже) должны были придать его докладу большой вѣсъ въ глазахъ государя, со всѣхъ сторонъ уже окруженнаго приверженцами реакціи (во главѣ которыхъ стоялъ князь Меттернихъ) и находившагося подъ впечатлѣніемъ современныхъ кровавыхъ событій въ западной Европѣ, вызванныхъ попытками тайныхъ обществъ.

Чтобы уяснить значеніе записокъ сенатора Кушелева, мы, для тѣхъ читателей, которые не имѣли случая ознакомиться съ вышеозначенными сочиненіями гг. Лонгинова, Пыпина и др., считаемъ необходимымъ предварительно, вкратцѣ, напомнить о томъ, чтó такое было масонство и каковы были проявленія его въ нашемъ отечествѣ.

По новѣйшимъ изслѣдованіямъ безпристрастной и здравой исторической критики, масонство—по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ оно дошло почти до нашихъ временъ, т. е. какъ дружеское и братское общество людей, соединенныхъ для собственнаго нравственнаго совершенствованія—возникло не ранѣе начала XVIII столѣтія. Единственная нить, соединяющая это учрежденіе съ временами давно

прошедшими, есть чисто внѣшняя связь его съ средневѣковыми гильдіями или цѣхами, имѣвшими свои различныя корпоративныя привиллегіи и отличія, между прочимъ, и право суда. Въ числѣ этихъ цѣховъ существовала корпорація людей, занимавшихся строительнымъ искусствомъ и оставившая по себѣ память созданіемъ великихъ готическихъ соборовъ западной Европы. Эта корпорація пользовалась также различными привиллегіями и члены ея именовали себя „свободными каменьщиками“ (Free-Masons, Franc-Maçons, Freimaurer)—названіе, оставшееся и за новѣйшими франкъ-масонами и дававшее имъ поводъ къ всевозможнымъ баснямъ о древности своего происхожденія (отъ строителей храма Соломонова).

При средневѣковой замкнутости, каждая изъ этихъ корпорацій (гильдій, или цѣховъ) имѣла свой опредѣленный кругъ дѣятельности, и внутреннее устройство ихъ имѣло цѣлію: сохраненіе и распространеніе переходившихъ по преданію правилъ и секретовъ своего искусства; также—нравственную дисциплину между товарищами и общественное равенство среди цѣха. Но затѣмъ, тутъ не было никакихъ тайныхъ знаній о свойствахъ и силахъ природы, никакихъ преданій незапамятной древности, которыя приписывались имъ нѣкоторыми масонскими историками.

Обычныя въ тѣ времена, мистическая символика и обрядность господствовали въ корпораціяхъ и сопровождали, какъ принятіе въ оныя новыхъ членовъ, такъ и возведеніе въ высшія степени гильдейской іерархіи. Свободные каменьщики имѣли условные знаки и слова, по которымъ узнавали другъ друга. Мѣста ихъ собранія назывались „ложами“ (lodge, Bauhütte, logis, loggia).

Въ Англіи, старинныя ложи свободныхъ каменьщиковъ держались долѣе, нежели въ другихъ странахъ; но и здѣсь онѣ стали приходить въ упадокъ, вмѣстѣ съ упадкомъ готическаго стиля, значитъ—около конца XVI столѣтія. Однако, въ англійской націи, упорнѣе другихъ держащейся своихъ старинныхъ учрежденій, свободные каменьщики нашли себѣ поддержку въ знатныхъ покровителяхъ искусствъ, между которыми, съ начала XVII вѣка, все больше и больше стало входить въ обычай принимать непосредственное участіе въ дѣлахъ и положеніи цѣховъ, какъ думаютъ, для того, чтобы сблизить рабочихъ и строителей. Но старый духъ гильдій уже исчезъ; ложи скоро вновь пришли въ упадокъ и возстановленіе ихъ относится уже къ 1717 году, когда всѣ лондонскія ложи рѣшились сблизиться между собою, имѣя одного общаго Великаго Мастера и одинъ общій порядокъ. Въ этой новой ложѣ, куда стали поступать не одни ремесленники, а образованные люди всѣхъ сословій, явилось совершенно но-

вое направленіе и новыя потребности. Нравственныя стремленія мало по малу возобладали надъ чисто-ремесленными цѣлями цѣховой корпораціи. Ремесленная техника сообщила новому масонству только его наружныя, техническія формы и метафорическій языкъ.

Новые масоны—по крайней мѣрѣ по принципу—перенесли всю дѣятельность свою на цѣли духовныя. Старинныя внѣшнія формы и каменьщическая терминологія сохранились, но имъ придано переносное значеніе. Дѣло должно было идти о созиданіи уже не внѣшняго, видимаго храма, а храма внутренняго, невидимаго, т. е. объ усовершенствованіи души и жизни человѣка.

Этотъ новый видъ масонства („Стараго англинскаго", какъ его называли у насъ) сталъ быстро распространяться по всей западной Европѣ, вездѣ находя благодарную почву въ современномъ настроеніи умовъ. Существенными чертами его были: внѣшняя обрядность средневѣковыхъ ложъ, растолкованная и измѣненная въ символическомъ смыслѣ, и деистическія и филантропическія идеи XVIII столѣтія. Самый первый и вмѣстѣ основной документъ этого масонства, знаменитая въ свое время „Книга Конституцій" Андерсона, выражаетъ эти идеи весьма опредѣленно:

«Каменьщикъ обязанъ своимъ призваніемъ повиноваться нравственнымъ законамъ. Если онъ вѣрно понимаетъ это искусство, онъ не будетъ ни тупымъ отрицателемъ Бога, ни наглымъ развратникомъ... Каменьщики обязываются только къ той религіи, въ которой люди согласны, и за тѣмъ имъ предоставляется имѣть свои особенныя мнѣнія, т. е. они обязываются быть людьми добрыми и вѣрными, людьми чести и честности, какими бы названіями они ни отличались. Черезъ это, масонство становится вершиною всякаго человѣческаго соединенія и средствомъ утвердить вѣрную дружбу между людьми, которые иначе должны бы были оставаться въ вѣчномъ разъединеніи».

Общественное положеніе масона опредѣляется такъ:

«Каменьщикъ есть мирный подданный тѣхъ гражданскихъ властей, при которыхъ онъ живетъ и работаетъ, и никогда не долженъ вмѣшиваться въ заговоры, противные миру и благосостоянію народа, не нарушать обязанностей къ властямъ».

Въ ложи допускались только люди добрые и съ честнымъ именемъ, свободные по рожденію и взрослые; во взаимныхъ отношеніяхъ между масонами рекомендовалось: любовь, взаимная помощь и поученіе. Эти принципы, въ началѣ преобладавшіе между свободными каменьщиками, скоро уже стали утрачивать свою чистоту; масонство становилось дѣломъ моды или средствомъ для интригъ и другихъ, болѣе или менѣе, корыстныхъ побужденій; многіе поступали въ общество изъ одного празднаго любопытства; иные искали въ немъ только развлеченія — и масонскія собранія обращались нерѣдко въ обыкновенную застольную бесѣду, сопровождаемую обильными возліяніями.

Лучшіе люди между масонами, конечно, оставались вѣрными первоначальнымъ нравственнымъ идеаламъ, но вліяніе ихъ далеко не всегда было преобладающимъ. Напротивъ того, шарлатаны, искатели приключеній, іезуиты, политическіе интриганы—сплошь и рядомъ пользовались связями, пріобрѣтаемыми ими въ масонскихъ ложахъ, для того, чтобы обработывать свои темныя дѣла, пользуясь легковѣріемъ простодушной массы. Создалась цѣлая масонская литература, въ которую вошли: и алхимія, и кабаллистика, и мистическое міровоззрѣніе, доводимое иногда до крайнихъ предѣловъ нелѣпости. Явились люди, положительно промышлявшіе масонскою мудростію или мистическими чудесами. Такъ, напримѣръ, извѣстный шарлатанъ Каліостро выдумалъ, для бóльшаго удобства своихъ представленій, особый масонскій орденъ „Древне-Египетскій", основателями котораго называлъ не менѣе какъ Еноха и Илію, и находилъ простяковъ, которые шли къ нему.

Но все это оставалось подпольною работою и, при маломъ развитіи, въ то время, гласности, удобно прикрывалось возвышенными теоретическими принципами масонства и пряталось за таинственностію его ритуаловъ. Масонская пропаганда шла съ чрезвычайнымъ успѣхомъ и въ общество это стали вступать многіе государи западной Европы и члены владѣтельныхъ домовъ.

Въ Россію масонство—по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ—явилось изъ своего первоначальнаго источника, т. е. изъ англійскихъ ложъ, и занесено было къ намъ, въ 1732 г., извѣстнымъ генераломъ, англичаниномъ Кейтомъ (въ послѣдствіи перешедшимъ на службу къ Фридриху Великому); по другимъ свѣдѣніямъ, англійская „Великая Ложа" основала, въ 1731 г., въ Москвѣ, первую масонскую ложу, собранія которой держались въ глубокой тайнѣ [1]). Изъ этого видно, что въ началѣ 30-хъ годовъ прошедшаго столѣтія, масонство можно было считать водворившимся въ нашемъ отечествѣ. Для болѣе развитой части тогдашняго русскаго общества, которое реформами Петра Великаго возбуждено было къ нѣкоторой самодѣятельности, масонство, естественнымъ образомъ, должно было казаться заманчивымъ. Въ немъ

---

[1]) Въ одной изъ помянутыхъ нами записокъ сенатора Кушелева сказано, что первая масонская ложа учреждена была въ Россіи по возвращеніи Петра Великаго изъ-за границы (т. е. въ 1698 г.) и что первымъ Великимъ Мастеромъ ея назначенъ былъ любимецъ императора Францъ Лефортъ. Принимая во вниманіе, что масонство (въ его новомъ видѣ) возникло и стало распространяться по западной Европѣ не ранѣе начала XVIII вѣка,—слѣдуетъ считать это заявленіе Кушелева лишеннымъ основанія.

думали найти сокровища западной науки и удовлетвореніе тѣхъ духовныхъ и нравственныхъ потребностей, которымъ условія тогдашней общественной жизни вполнѣ противорѣчили. Къ этимъ первоначальнымъ, возвышеннымъ стремленіямъ, конечно, присоединились потомъ, также какъ и въ западной Европѣ, побужденія совсѣмъ инаго свойства, которыя способствовали тому, чтобы въ глазахъ массы сдѣлать масонство „притчею во языцѣхъ".

Какъ бы то ни было, но въ 1756 г., въ петербургской ложѣ состояли уже членами лица знатныхъ фамилій и люди, пріобрѣвшіе себѣ потомъ извѣстность въ нашей литературѣ (Сумароковъ, князь М. М. Щербатовъ, Болтинъ и др.). Правительство, которому совершенно были непривычны подобныя явленія и которое имѣло тогда весьма смутное понятіе о цѣли этихъ тайныхъ собраній, уже съ того времени имѣло за ними секретный надзоръ; въ обществѣ же распространены были весьма дикіе о нихъ слухи, и названіе „фармазонъ" стало служить синонимомъ всякаго вольнодумства и безбожія. Этотъ страхъ и предубѣжденіе отчасти объясняются таинственностію, которою окружались собранія масоновъ, и ихъ мистическими обрядами, слухи о которыхъ, въ болѣе или менѣе извращенномъ видѣ, доходили до суевѣрной толпы и придавали имъ въ ея глазахъ значеніе чего-то ужаснаго, чего-то въ родѣ „дьявольскаго навожденія".

Вопреки подозрительности правительства и враждебнымъ взглядамъ остальнаго общества, масонство въ Россіи пріобрѣтало все болѣе и болѣе приверженцевъ. Въ 1770 г. учреждена была въ Петербургѣ „Великая провинціальная ложа", извѣстная въ лѣтописяхъ русскаго масонства подъ именемъ „Общества Елагинской системы" (по имени П. П. Елагина, который въ 1772 г. былъ утвержденъ Намѣстнымъ Мастеромъ этой ложи). Какъ эта, такъ и бóльшая часть другихъ ложъ, распространившихся въ 1770-хъ гг. въ обѣихъ столицахъ и въ провинціи, были происхожденія англійскаго; но кромѣ того, существовала у насъ ложа и нѣмецкаго происхожденія, масонство коей называлось „Рейхелевскою системою" (по имени барона Рейхеля, вывезшаго ее изъ Берлина), и съ которой, въ 1776 г., вступили въ соглашеніе и союзъ нѣсколько ложъ системы Елагинской. За тѣмъ, въ 1777 г., явилась еще „Шведская система", правила которой привезены были княземъ Куракинымъ изъ Стокгольма, куда онъ, въ 1776—1777 г., ѣздилъ съ дипломатическимъ порученіемъ [1]).

---

[1]) Желающихъ ближе ознакомиться со всѣми этими системами мы отсылаемъ къ статьямъ гг. Ешевскаго, Лонгинова и А. Н. Пыпина, заключающимъ много любопытныхъ свѣдѣній.

Дѣятельность нашихъ масоновъ проявлялась въ основанія разныхъ филантропическихъ учрежденій и въ изданіи книгъ ученаго или религіозно-нравственнаго содержанія, съ сильной примѣсью мистики. Въ послѣднемъ отношеніи особенное усердіе выказывалъ извѣстный Новиковъ, главнымъ поприщемъ работъ коего была Москва, гдѣ онъ основалъ, при содѣйствіи нѣсколькихъ друзей, собственную типографію, и ревностно занимался изданіемъ собственныхъ и переводныхъ масонскихъ сочиненій.

Дѣятельность Новиковскаго общества процвѣтала до 1785 г. Въ этомъ году умеръ покровитель масоновъ, московскій главнокомандующій графъ Чернышевъ. Мѣсто его заступилъ Брюсъ, человѣкъ суровый и вовсе нерасположенный къ филантропіи. Своеобразная дѣятельность масоновъ, ихъ таинственныя собранія, какъ будто выходившія изъ общепринятыхъ рамокъ тогдашней государственной жизни, не могли нравиться ни Брюсу, ни ему подобнымъ, которые, конечно, не преминули всячески обносить масонство въ глазахъ императрицы Екатерины II, безъ того уже имѣвшей сильное предубѣжденіе противъ „свободныхъ каменьщиковъ" и даже писавшей на нихъ сатиры. Наговорамъ недоброжелателей ордена много содѣйствовалъ возбужденный въ это время, въ Баваріи, процессъ противъ тайнаго общества „Иллюминатовъ", съ которыми, почему-то, стали смѣшивать нашихъ масоновъ, хотя послѣдніе не имѣли съ ними ничего общаго, а, напротивъ того, отличались весьма безобидными общественными стремленіями и крайне-консервативными политическими правилами. Въ довершеніе бѣды, императрица заподозрѣла московскихъ масоновъ въ сношеніяхъ съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ—хотя сношенія эти ограничивались поднесеніемъ ему двухъ-трехъ масонскихъ изданій умозрительно-мистическаго содержанія.

Въ событіяхъ французской революціи стали также усматривать участіе масонскаго ордена, а это, конечно, не могло не усугубить ненависти къ нему всей консервативной и ретроградной партіи. Притѣсненія дѣлались все сильнѣе и сильнѣе, и первою ихъ жертвою палъ Новиковъ, какъ наиболѣе выдающійся членъ масонскаго братства. За нарушеніе какихъ-то типографскихъ правилъ, противъ него возбуждено было судебное преслѣдованіе, окончившееся (въ 1792 г.) заключеніемъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, на 15 лѣтъ. Нѣсколько тысячъ изданныхъ Новиковскою типографіею книгъ было, по высочайшему указу, сожжено и даже домъ собранія московскихъ масоновъ (или „мартинистовъ", какъ ихъ тамъ называли), близь Сухаревой башни, разрушенъ [1]).

[1]) По свидѣтельству Кушелева, домъ этотъ нѣсколько лѣтъ оставался въ

Это гоненіе, воздвигнутое на масоновъ въ послѣдніе годы царствованія Екатерины II, было причиною закрытія всѣхъ существовавшихъ въ Россіи ложъ.

Съ восшествіемъ на престолъ императора Павла, Новиковъ былъ освобожденъ немедленно. Новый государь, изъ числа лицъ, состоявшихъ подъ опалою его предшественницы, возвысилъ и нѣкоторыхъ масоновъ (напримѣръ, кн. Куракина, Н. В. Рѣпнина, И. В. Лопухина, Карнѣева, Плещеева); но, тѣмъ не менѣе, ложи вновь не открывались при немъ. По иностраннымъ свѣдѣніямъ, онѣ даже положительно были воспрещены императоромъ, и о масонскихъ собраніяхъ, по словамъ одного изъ усерднѣйшихъ ихъ членовъ, Бёбера, въ Россіи не было ни слуху, ни духу.

Въ царствованіе императора Александра I, масонскія ложи снова ожили и организовались въ правильную систему; но, о возобновленіи ихъ дѣятельности извѣстія довольно смутны. По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, государь, сначала предубѣжденный противъ масонства, въ 1803 г. измѣнилъ свое мнѣніе о немъ на столько, что самъ, будто бы, приступилъ къ союзу. Въ какой мѣрѣ самъ онъ принималъ участіе въ дѣятельности ордена—неизвѣстно; но вѣрно то, что, въ 1805 г., съ высочайшаго соизволенія возобновлена въ Петербургѣ ложа „Пеликана“ (существовавшая при Екатеринѣ II), которая стала именоваться „Ложею Александра коронованнаго къ Пеликану“ и состояла подъ управленіемъ Бёбера. Въ 1809 г. число ея членовъ на столько увеличилось, что отъ сей ложи образовались двѣ другія ложи-сестры: „Елисаветы къ Добродѣтели“ и „Петра къ Истинѣ“. Эти три ложи работали по шведской системѣ и образовали общую директорію, подъ наименованіемъ: „Великой Директоріальной ложи Князя Владиміра къ Порядку“, гроссмейстеромъ которой былъ избранъ тотъ же Бёберъ.

Въ теченіе времени съ 1811 по 1813 годъ, къ союзу „Директоріальной“ ложи присоединились, частію возобновленныя, частію вновь учрежденныя ложи: Соединенныхъ друзей, Палестины, Изиды и Нептуна къ Надеждѣ. Согласіе въ этомъ союзѣ продолжалось недолго и нарушено было уже въ 1814-мъ году, вслѣдствіе вліянія новыхъ масонскихъ ученій, заносимыхъ къ намъ изъ Германіи.

Прежде всѣхъ другихъ отдѣлилась отъ союза ложа „Петра къ Истинѣ“, мастеромъ которой былъ докторъ Эллизенъ. Причиною этого отдѣленія было различіе во взглядахъ на масонскую іерархію,

---

развалинахъ, пока мѣсто, на которомъ онъ стоялъ, не было куплено графомъ Шереметевымъ, для устройства больницы.

а также, вѣроятно, нѣкоторое несогласіе въ общихъ понятіяхъ о масонствѣ. Новое ученіе, къ которому обратился Эллизенъ, называлось, по фамиліи своего основателя, „Системою Шрёдера" и расколъ, внесенный этимъ ученіемъ въ нашу масонскую среду, достигъ такихъ размѣровъ, что Бёберъ сложилъ съ себя званіе гроссмейстера Директоріальной ложи. На мѣсто его былъ избранъ новый Великій Мастеръ, графъ Шуваловъ, а по отказѣ и его отъ этой должности—графъ Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ.

Однако, столкновенія между приверженцами различныхъ „системъ" не прекратились. Разногласіе между ними повело къ тому, что Директоріальная ложа „князя Владиміра къ Порядку" была закрыта, а на мѣсто ея учреждены двѣ, равныя въ правахъ, великія ложи: „Астрея" и „Провинціальная".

Этою-то великою ложею „Астреею", въ 1820 г., призванъ былъ управлять генералъ-лейтенантъ сенаторъ Егоръ Андреевичъ Кушелевъ (р. 1763 † 1826 г.), ревностный приверженецъ прежнихъ масонскихъ ученій. Новые порядки, заведенные въ ложахъ; демократическій элементъ, вкравшійся туда, вмѣсто прежнихъ принциповъ слѣпаго повиновенія; неблестящее общественное положеніе главнѣйшихъ дѣятелей, а очень можетъ быть—и политическая закваска, которая могла проникнуть въ занятія масонскихъ собраній, по участію въ нихъ многихъ лицъ, въ послѣдствіи сдѣлавшихся извѣстными подъ именемъ декабристовъ—все это не могло нравиться масону стараго закала и ярому консерватору. Негодованіе его на новые порядки явно высказывается въ докладныхъ запискахъ императору, гдѣ Кушелевъ, защищая прежнее масонство, настаиваетъ—или на возстановленіи онаго, или же на совершенномъ уничтоженіи масонскихъ ложъ.

Спустя десять мѣсяцевъ послѣ подачи означенныхъ записокъ, масонскія ложи по всей Россіи, высочайшимъ указомъ, повелѣно закрыть.

Всѣхъ записокъ Кушелева о масонахъ—четыре.

Въ первой, онъ изъясняетъ причины, побудившія его принять на себя званіе Великаго Намѣстнаго Мастера великой ложи „Астреи" и другихъ ложъ, входившихъ въ союзъ ея. Тутъ же Кушелевъ излагаетъ тѣ принципы, которыми онъ предполагалъ руководствоваться при исполненіи обязанностей, возлагаемыхъ на него этимъ званіемъ.

Вторая записка заключаетъ въ себѣ краткое обозрѣніе возобновленія масонскихъ ложъ при императорѣ Александрѣ I, и указываетъ на безпорядки, вкравшіеся въ ихъ управленіе и дѣятельность.

Третья записка содержитъ вѣдомость чинамъ великой ложи

„Астреи“ и всѣхъ подчиненныхъ ей ложъ, съ указаніемъ времени учрежденія оныхъ и системъ, по которымъ каждая изъ нихъ работала.

Наконецъ, четвертая записка излагаетъ правила, обусловливающія—по мнѣнію Кушелева—дальнѣйшее существованіе масонскихъ ложъ въ Россіи. Въ случаѣ же несоблюденія сихъ правилъ, онъ прямо указываетъ на необходимость—всѣ означенныя ложи закрыть.

I.

Записка о случаѣ, непредвидимо сдѣлавшемъ меня управляющимъ масонскаго союза великой ложи «Астреи», и о единственной причинѣ, по которой осмѣлился я принять на себя сіе бремя.

Я далъ обѣтъ въ душѣ моей: ревностно стараться, по всей моей силѣ и возможностямъ, не въ одномъ сенатѣ, но и во всѣхъ могущихъ повстрѣчаться мнѣ случахъ, быть В. И. В—ву, какъ отцу моему, не яко рабъ или наемникъ, но яко сынъ—вѣрнымъ и полезнымъ. И въ концѣ августа мѣсяца явилось новое поприще, для вѣрнѣйшаго В. И. В—ву служенія: непредвидимое воззваніе и приглашеніе меня неоднократными депутаціями, присланными ко мнѣ отъ масонскаго союза великой ложи „Астреи“, съ убѣдительнѣйшими просьбами, чтобы я заступилъ мѣсто скончавшагося въ іюлѣ мѣсяцѣ д. ст. сов. и 2-го кадетскаго корпуса инспектора Бебера и принялъ бы на себя занимавшее имъ званіе Великаго Намѣстнаго Мастера, управленіе великою ложею и союзомъ ея, для поддержанія онаго приведеніемъ въ должной порядокъ; потому болѣе, что избранный предъ тѣмъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, Великимъ Мастеромъ, сенаторъ графъ Ржевусскій уѣзжаетъ въ польскія его деревни, гдѣ всегдашнее почти пребываніе свое имѣетъ. Съ сими депутаціями и просьбами, и безъ депутатовъ одинъ гр. Ржевусскій самъ неоднократно пріѣзжалъ ко мнѣ. Я, давно оставя сіи общества и благодаря за честь, рѣшительно отъ онаго отказался; но когда напослѣдокъ пріѣхалъ ко мнѣ гр. Ржевусскій съ повтореніемъ просьбъ его и всего союза, чтобы я убѣдился и принялъ управленіе онымъ, объявивъ притомъ мнѣ, что онъ давно бы уѣхалъ, но управленіе масонскимъ союзомъ, ни къ кому другому кромѣ меня не имѣя онъ довѣренности, иному никому оставить не можетъ и не смѣетъ; ежели же я управленія сего на себя не приму, то и онъ, сложивъ съ себя званіе свое, оставитъ ложи и черезъ два дня уѣдетъ. Такое откровенное изъясненіе его со мною поставило меня въ крайнее недоумѣніе и нерѣшимость: съ одной стороны, не вѣдая, будетъ ли сіе благоугодно вамъ, моему государю, и чтобы въ такомъ

случаѣ, неумышленно сдѣлавъ неблагоугодное вашей священной волѣ, не подпасть подъ гнѣвъ вашъ монаршій, ибо высочайшее ваше благоволеніе ко мнѣ драгоцѣнно для меня равно съ жизнію моею! А съ другой — представляя себѣ важность обстоятельствъ, извѣстныхъ не токмо изъ иностранныхъ, но и изъ отечественныхъ нашихъ вѣдомостей, что во многихъ королевствахъ, и наипаче въ королевствѣ Неаполитанскомъ, равно и въ прочихъ земляхъ Италіи, отъ тайныхъ сектъ и обществъ, особливо же отъ секты карбонаріевъ, возникло вольнодумство, революціи, мятежи, кровопролитія, и главные начальники секты карбонаріевъ и дѣятельнѣйшіе ихъ сообщники въ первыхъ революціонныхъ явленіяхъ присвоили себѣ вскорѣ исключительную власть. И хотя въ примѣрно вѣрной преданности къ престолу вашему и къ вамъ, великій государь, вашему Россійскому государству нѣтъ подобнаго во вселенной — но какъ и въ малыхъ семействахъ бываютъ неблагоразумные и неблагонамѣренные, кольми паче въ немалыхъ обществахъ — при таковыхъ обстоятельствахъ и броженіяхъ воспаленныхъ умовъ въ Европѣ, находя весьма нужнымъ имѣть великую предосторожность, и болѣе еще, вспомня, что въ царствованіе блаженной памяти бабки вашей, императрицы Екатерины Вторыя, открылось въ Москвѣ гнѣздилище иллюминатовъ и мартинистовъ и высочайше повелѣно было, не токмо общества тѣ уничтожить, но и домъ собранія ихъ близь Сухаревой башни разрушить въ позоръ человѣчеству, который нѣсколько лѣтъ оставленъ былъ въ развалинахъ, до покупки онаго графомъ Шереметевымъ, для устроенія имъ понынѣ имѣющейся въ немъ больницы, — я не зналъ что̀ дѣлать и не могъ ничего другаго графу Ржевусскому отвѣчать, какъ просить его дать мнѣ два дня на размышленіе. Въ то же время просилъ я аудіенціи у г. министра внутреннихъ дѣлъ, графа Кочубея, и, получивъ оную, изъяснился ему во всемъ откровенно; равно и въ томъ, что при таковыхъ обстоятельствахъ, съ одной стороны, какъ вѣрный подданный В. И. В—ва, я внутренно ощущаю такое избраніе и призваніе меня, самимъ Провидѣніемъ устрояемое! А потому, сугубою обязанностію почитаю принять на себя столь важную должность и званіе — единственно для того, чтобы оное не впало въ руки хищнаго волка или злоумышленнаго изверга. Но, съ другой стороны, при всемъ ономъ не менѣе опасался, чтобы симъ не сдѣлать неблагоугоднаго вашему В—ву! Когда же г. министръ внутреннихъ дѣлъ, одобривъ правила мои и внутреннія, вѣрноподданническія мои побужденія, увѣрилъ меня, что я не имѣю ни малѣйшей причины опасаться вашего монаршаго неудовольствія, тогда, призвавъ чистымъ желаніямъ и усердію души моей въ помощь благодать и силу Божію,

изъявилъ я графу Ржевусскому, на просьбы его и всего союза великой ложи „Астреи", мое согласіе. Вслѣдъ за тѣмъ былъ я всѣми избранъ и въ тотъ же день явилась ко мнѣ депутація, съ приглашеніемъ меня въ собраніе великой ложи, въ которую уже я, въ предшествіи депутаціи, прибылъ, и графъ Ржевусскій торжественно объявилъ мнѣ общее, всѣмъ союзомъ, избраніе меня Великимъ Намѣстнымъ Мастеромъ. Но я и тутъ, въ полномъ собраніи, не принимая сего, предложилъ союзу, въ предварительное условіе, правила мои.

Первое: достиженіе цѣли истиннаго масонства! Онаго цѣль есть: путь, истина и животъ и повиновеніе истиннымъ законамъ ордена истинныхъ братьевъ, свободныхъ каменьщиковъ, основаннымъ на величайшемъ свѣтѣ изъ всѣхъ свѣтовъ, т. е. на святомъ Евангеліи. Къ сему свѣту самому идти и другихъ вести. Кто онымъ свѣтомъ просвѣщенъ будетъ, — все прочее приложится къ тому. А сего, единственно совершеннаго блаженства никто не можетъ достигнуть безъ совершенно смиреннаго въ терпѣніи повиновенія, любви и единодушнаго всѣхъ братьевъ къ ней соединенія.

Второе: когда я далъ обѣтъ на исполненіе масонскихъ, въ великой ложѣ „Астреѣ", установленій, которыя основаны должны быть, какъ прежде сказалъ я, на св. Евангеліи, обязывающемъ намъ быть неколебимо-вѣрну и предану христіанской религіи живою вѣрою въ Спасителя Господа нашего Іисуса Христа, а по немъ — всемилостивѣйшему государю нашему В. И. В—ву, яко образцу Божества на землѣ, яко отцу отечества, — и отечеству нашему! Тогда, въ точномъ повиновеніи моемъ таковымъ священнымъ законамъ, не премину я послужить всѣмъ братьямъ первымъ примѣромъ. Могу ли же за симъ взаимно надѣяться я равнаго и ихъ братскаго мнѣ соотвѣтствія въ ономъ?

И третіе: что я предлагаемую мнѣ честь и званіе принять могу только дотолѣ, доколѣ оное правительству угодно будетъ.

Таковыя правила мои угодно ли будетъ имъ принять, или отвергнуть? — просилъ я изъявить искреннее отвѣтствіе, и вся великая ложа на принятіе всего, мною предложеннаго, единодушнымъ изъявленіемъ мнѣ согласія ихъ, удостовѣрили меня, что и всѣ они не другихъ какихъ-либо, какъ сихъ же самыхъ, истинныхъ масонскихъ правилъ. Въ силу оныхъ — по семъ уже, а не прежде — обѣщалъ я оправдывать столь важное ихъ ко мнѣ довѣріе всегдашнимъ стараніемъ, съ помощію управляющихъ ложами мастеровъ, къ назиданію за благомъ всѣхъ, руководству нашему братьевъ себя ввѣрившихъ, и въ строгой точности сохранять законы и порядокъ ордена.

О всемъ ономъ подробнѣе значитъ въ сдѣланномъ мною всѣмъ

управляющимъ всѣми ложами мастерамъ, и во всѣ ложи разосланномъ, для непремѣннаго ихъ исполненія, первомъ наставленіи, какое нужнымъ нашелъ я сдѣлать въ первое мое распорядительное управленіе великой ложи, 16-го декабря того 1820 года, въ точной копіи представленной г. министру внутреннихъ дѣлъ, которому я о дѣйствіяхъ, во всѣхъ ложахъ бываемыхъ, неупустительно доставляю свѣдѣнія. А гр. Ржевусскій, въ самомъ дѣлѣ, на другой день избранія меня въ великую ложу, въ свои деревни уѣхалъ.

Таковое мое, съ сыновнею, чистосердечною откровенностію, усердія моего донесеніе о единственной причинѣ принятія сего союза въ управленіе мое, до вожделѣннаго высочайшаго вашего возвращенія и до полученія мною высочайшей вашей о семъ воли, непремѣннымъ долгомъ почитаю и осмѣливаюсь всеподданнѣйше повергнуть къ высочайшимъ, отеческимъ стопамъ вашимъ.

II.

Записка краткая историческая о начальномъ введеніи въ Россіи масонскихъ ложъ, о перемѣнахъ ихъ и о настоящемъ положеніи существующихъ нынѣ т. е. въ 1821 г. въ С.-Петербургѣ.

Ложи братьевъ—свободныхъ каменьщиковъ возникли въ Россіи во время царствованія блаженной памяти государя императора Петра Великаго, по возвращеніи Его В—ва изъ чужихъ краевъ. Первая ложа учреждена была симъ государемъ въ С.-Петербургѣ, подъ управленіемъ мастера оной, любимаго имъ совѣтника его, генерала Лефорта.

Отъ сей эпохи масонскія ложи распространились въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ, упадали, возстановлялись и дѣйствовали, иногда отдѣльно, а иногда соединенно, подъ начальствомъ такъ называемой Управляющей или Директоріальной главной ложи, состоявшей всегда подъ управленіемъ Великаго Мастера;—но письменной на существованіе свое привиллегіи никакой не имѣли.

Въ счастливое царствованіе В. И. В—ва, именно же 1805 года, возобновлена нѣмецкая ложа „Пеликана", существовавшая во дняхъ государыни императрицы Екатерины Алексіевны Вторыя. По воспослѣдованіи же высочайшаго вашего соизволенія на сіе возобновленіе и по объявленіи онаго бывшимъ министромъ полиціи Балашевымъ, помянутая ложа украшена августѣйшимъ именемъ В. И. В—ва „Александра коронованнаго къ Пеликану". Она состояла подъ управленіемъ д. ст. сов. Бебера.

Изъ сей ложи, въ 1810 г., произошли двѣ другія: первая, подъ

названіемъ „Елисавета къ Добродѣтели“—русская; а вторая, подъ названіемъ „Петра къ Истинѣ“. И такъ, существовали уже три ложи. Онѣ, соединясь совокупно, подчинили себя Главной или Директоріальной ложѣ, названной „Святаго князя Владиміра къ Порядку“, подъ управленіемъ Великаго Мастера г. Бебера, который о занятіяхъ или работахъ, какъ оной главной или Матери-ложи, такъ и подчиненныхъ ей ложъ, доставлялъ самыя вѣрнѣйшія свѣдѣнія г. министру полиціи.

Наименованіе великой ложѣ „князя Владиміра“ присвоено весьма прилично, по тому уваженію, что истинное масонство, по свидѣтельству самыхъ древнѣйшихъ его актовъ, историческихъ записокъ, различныхъ документовъ и обрядовъ, основано на истинномъ христіанствѣ; и что христіанская религія введена въ Россію и оная озарена, яко солнцемъ истины, святымъ крещеніемъ, по пламенному усердію ко Христу Спасителю помянутаго великаго князя Владиміра.

Въ то время открылись двѣ другія, французскія ложи, бывшія прежде тайными и отдѣльными, кои назывались: одна—ложею „Соединенныхъ Друзей“, а другая—„Палестиною“. Онѣ состояли подъ управленіемъ: первая — дѣйствительнаго камергера Жеребцова, а вторая подъ управленіемъ своего мастера.

Когда же министръ просвѣщенія графъ Разумовскій потребовалъ къ себѣ акты, по которымъ работаютъ сіи ложи, тогда Великій Мастеръ Беберъ и мастеръ Жеребцовъ представили оные. Акты, внесенные г. Беберомъ, были самые древнѣйшіе, истинно-масонскіе, какъ трехъ Іоанновскихъ, такъ и высшихъ степеней. Министръ объявилъ имъ, чтобы они продолжали свои работы, но пріемомъ новыхъ членовъ удержались до возвращенія имъ помянутыхъ актовъ—что̀ и исполнялось съ точностію.

Затѣмъ безпосредственно, министръ, возвращая тѣ акты г. Беберу, объявилъ ему, что они всеподданнѣйше подносимы были отъ него на высочайшее В. И. В—ва усмотрѣніе и что В. В—ву благоугодно было повелѣть, чтобы всѣ ложи работали подъ управленіемъ великой Директоріальной ложи „князя Владиміра къ Порядку“, по древнимъ, въ Россію вошедшимъ актамъ, по которымъ вышеозначенныя ложи тогда работали; и чтобы всѣ ложи въ Россіи не иначе существовали и заводимы были, какъ подъ единственнымъ распоряженіемъ сей великой ложи и управляющаго оною Великаго Мастера Бебера, на котораго и отвѣтственность возлагается по всѣмъ частямъ, относящимся къ сему предмету, съ тѣмъ, чтобы онъ о всемъ доносилъ министру полиціи.

Вслѣдствіе сего высочайшаго повелѣнія, отдѣльныя двѣ ложи,

какъ не имѣющія уже никакого права работать по особеннымъ ихъ актамъ, присоединились къ союзу великой Директоріальной ложи „князя Владиміра къ Порядку“, подъ управленіемъ Великаго Мастера Бебера, и работали по однимъ актамъ; а Беберъ, какъ Великій Мастеръ, доносилъ о семъ министру полиціи.

Между тѣмъ, нѣкоторые старые братья масоны изъявили желаніе возстановить древнюю въ Кронштадтѣ ложу „Нептуна“. Управлявшій министерствомъ полиціи, графъ Вязмитиновъ, всеподданнѣйше донесъ о семъ В. И. В—ву. По сему донесенію благоугодно было вамъ, всемилостивѣйшій государь, изъ чужихъ краевъ, письменно, въ 1814 году, высочайше дозволить открыть помянутую ложу, но токмо съ тѣмъ, чтобы въ точности соблюдаемы были всѣ существующія на сей конецъ постановленія. И такъ, означенная ложа возстановлена подъ названіемъ „Нептунъ къ Надеждѣ“.

Изъясненное высочайшее В. И. В—ва повелѣніе долженствовало быть непоколебимымъ и непреложнымъ уставомъ для всѣхъ ложъ, существующихъ въ обширной имперіи вашей, т. е.—онѣ долженствовали находиться подъ начальствомъ великой Директоріальной ложи „князя Владиміра къ Порядку“, не уклоняяся отъ онаго ни на единую черту и не вводя никакихъ новыхъ перемѣнъ; а потому не долженствовали ни заводить, ни открывать новыхъ ложъ иначе, какъ по точному дозволенію и по непосредственному распоряженію помянутой великой Директоріальной ложи и Великаго ея Мастера Бебера. Но вышло совсѣмъ тому противное, какъ то В. И. В—во изволите усмотрѣть изъ нижеслѣдующаго:

Когда вступилъ я въ управленіе существующею нынѣ ложею, подъ названіемъ „Астрея“, и когда почелъ первою моею обязанностію обозрѣть и всѣ прочія, находящіяся здѣсь, въ С.-Петербургѣ, ложи, дабы видѣть порядокъ работъ ихъ—къ крайнему моему соболѣзнованію нашелъ, что великая Директоріальная ложа „князя Владиміра къ Порядку“, высочайше утвержденная В. И. В—омъ, отъ которой долженствовали зависѣть всѣ прочія въ Россіи ложи, по точной монаршей вашей волѣ,—уже не существуетъ болѣе. Члены оной, въ 1815 г., уклоняясь отъ прямой и истинной ихъ обязанности, т. е. порядка, раздѣлились на партіи. Одна изъ нихъ, желая ввести новую, гамбургскую Шредерову систему, собравшись въ ложѣ „князя Владиміра“, положила уничтожить главную Директоріальную ложу, утвержденную В. И. В—мъ, а другая не явилась въ собраніе, съ такимъ намѣреніемъ, чтобы допустить сіе уничтоженіе, дабы потомъ ввести французское, чрезъ шотландскую директорію, управленіе масонскихъ Іоанновскихъ ложъ;—третья же часть ложи „князя Владиміра“, равно

какъ и Великій ея Мастеръ Беберъ желала удержать существованіе помянутой прежней ложи великой Директоріальной, утвержденной В. И. В—мъ. Но развратъ превозмогъ и восторжествовалъ надъ порядкомъ и должнымъ повиновеніемъ: г. Беберъ, сей почтеннѣйшій мужъ, одушевленный пламенною любовію къ Богу, истинѣ и человѣчеству, равно какъ вѣрностію и преданностію къ В. И. В—ву и престолу вашему, неоднократно представлялъ о семъ лично графу Вязмитинову, правившему тогда министерствомъ полиціи, но всѣ сіи представленія остались безъ уваженія, и г. Бебера, Великаго Мастера, утвержденнаго въ семъ званіи В. И. В—мъ и удостоеннаго монаршею вашею довѣренностію, самовольствующая партія удалила отъ обязанности его, предложа оную генералъ-адъютанту графу Шувалову; а когда онъ не принялъ ее, тогда—тайному совѣтнику графу Мусину-Пушкину-Брюсу.—Соотвѣтствуя видамъ сей партіи, какъ явствуетъ изъ протокола 13-го августа 1815 г., графъ Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ, 10-го числа того же мѣсяца, семи ложамъ, и именно: „Александру коронованному къ Пеликану", „Елисаветѣ къ Добродѣтели", „Петру къ Истинѣ", „Соединенныхъ друзей", „Палестинѣ", „Изидѣ" и „Нептуну къ Надеждѣ", изъ коихъ до того состояла великая Директоріальная ложа, письменно далъ знать: 1) что срокъ, на который возложено на него званіе Великаго Мастера великой Директоріальной ложи „князя Владиміра къ Порядку", уже давно истекъ; что обстоятельства, которыя препятствовали въ Ивановъ день совершить новые выборы великихъ чиновниковъ, наконецъ, общимъ согласіемъ, произвели сколь необходимое, столь и полезное раздѣленіе семи вышеозначенныхъ ложъ; что по сему, будто общему, желанію представлялъ онъ правившему министерствомъ полиціи графу Вязмитинову и получилъ отъ него дозволеніе объявить всѣмъ ложамъ, что онъ согласенъ, дабы онѣ раздѣлены были на двѣ великія ложи, не зависящія одна отъ другой; чтобы онѣ состояли въ равныхъ между собою правахъ по всѣмъ отношеніямъ и чтобы существовала каждая подъ особымъ своимъ именемъ, безъ всякаго другъ къ другу притязанія, въ томъ предположеніи и съ такимъ предварительнымъ уговоромъ, что и В. И. В—во не оставите сего высочайше утвердить. 2) За симъ великая Директоріальная ложа „князя Владиміра къ Порядку" должна, уже съ того числа, почитаться разрушенною и всѣ великіе ея чиновники уволенными отъ должностей ихъ; почему и онъ, графъ Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ, званіе Великаго Мастера оной съ себя слагаетъ... 3) Что онъ приглашаетъ репрезентантовъ или представителей каждой ложи, чтобы они, согласно съ мѣрою, условно постановленною въ вышнемъ мѣстѣ, соединилися, какъ для учрежденія особой великой ложи, такъ и для избранія главнаго начальника. 4) Проситъ ихъ

увѣдомить членовъ своихъ ложъ, которые прежде занимали мѣста великихъ чиновниковъ, о увольненіи ихъ отъ сихъ званій; особливо же о разрушеніи великой Директоріальной ложи „князя Владиміра къ Порядку". — 5) Съ пожеланіемъ всѣмъ ложамъ и обѣимъ великимъ ложамъ согласія, приглашаетъ, съ того момента, въ который вновь учрежденная ими великая ложа въ дѣйствіе вступитъ, чтобы онѣ отъ прежняго порядка и законовъ, съ исключеніемъ касательно до великой ложи, не отступали.

Сіе предложеніе подписано графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ-Брюсомъ 10-го августа 1815 года, и возложа вышеозначенное увѣдомленіе на представителей ложъ, поспѣшилъ онъ самъ о уничтоженіи великой Директоріальной „князя Владиміра къ Порядку" ложи увѣдомлять прочія, отъ нея зависящія; въ удостовѣреніе чего всеподданнѣйше подношу при семъ подлинное отношеніе его, отъ 11-го числа того августа, въ ложу „Петра", за собственноручнымъ его подписаніемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ увѣдомилъ онъ, графъ Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ, особо ложи: „Палестину", „Изиду" (или Изисъ) и „Нептуна", какъ въ томъ протоколѣ значитъ: что поелику онѣ соединилися уже къ составленію великой ложи, то сколь возможно поспѣшили бы начертаніемъ учрежденія великой ложи по предположеннымъ и высшимъ начальствомъ уже апробованнымъ основаніямъ и, за тѣмъ, тогда же приступили бы къ выбору Великаго Мастера, который долженъ войдти въ тѣ же сотношенія къ правительству, въ коихъ Великій Мастеръ семи ложъ находился.

Помянутыя же начальныя основанія суть слѣдующія:

Основное условіе союза, для образованія великой ложи изъ соединенныхъ ложъ: „Петра къ Истинѣ", „Палестины", „Изиды" и „Нептуна къ Надеждѣ", содержитъ въ себѣ 16 параграфовъ, изъ коихъ, между прочимъ, постановлено въ § 1-мъ, что сіи четыре ложи соединятся для образованія высшаго масонскаго правленія подъ именемъ великой ложи „Астреи", коея главный членъ, Великій Мастеръ, избирается каждые два года большинствомъ голосовъ. Въ § 8-мъ, они признаютъ нераздѣльнымъ и неопровергаемымъ правиломъ своего союза: терпимость всѣхъ масонскихъ системъ, такъ, что каждая изъ нихъ ложа, подъ управленіемъ великой ложи „Астреи", или въ предъимѣющихъ присоединиться къ оной, можетъ работать по избранной ею самой системѣ.—Въ § 13-мъ,—великая ложа „Астрея", въ С.-Петербургѣ основанная, образуетъ общество, въ точности сего смысла, и потому должна всегда имѣть справедливое и совершенное законоположеніе — конституцію. Въ тѣхъ правилахъ положено размѣняться

экземплярами. Все сіе прежде того уже заготовлено было, 30-го іюля 1815 года.

Таковое основное постановленіе подписали члены ложъ: „Петра къ Истинѣ“: Георгъ Эллизенъ, Карлъ Унгернъ-Штернбергъ, Энохъ Шредеръ, Іоганъ Кейзеръ;—„Палестины“: Янашъ, Фольбортъ, Боненблюстъ, Квосигъ;—„Изиды“: Ризенкампфъ, Фридрихъ Унгернъ-Штернбергъ, Риземанъ, Оомъ;—„Нептуна къ Надеждѣ“: Ниманъ, Топпеліусъ, Берловскій, Вейеръ.

Когда же депутаты всѣхъ сихъ ложъ, избранные для составленія коммисіи законовъ, положили, чтобы каждая ложа имѣла четыре голоса въ великой ложѣ и чтобы голосъ одного представителя ложи считался за четыре голоса, то 13-го августа 1815 г., пополудни въ 7 часовъ, собраны въ локаль ложи „Петра“ представители ложъ:—„Петра“: Эллизенъ, Унгернъ-Штернбергъ, Шредеръ, Кейзеръ; — „Палестины“: Янашъ, Боненблюстъ, Квосигъ;—„Изиды“: Лерхъ;—„Нептуна“: Вейеръ.

Они просили Эллизена быть президентомъ ихъ и, въ тоже время, положили: 1) открыть великую ложу „Астрею“; 2) приступить къ избранію Великаго Мастера, которымъ, отъ 9-ти только братьевъ, какъ бы 16-ю голосами избранъ графъ Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ; почему послана была къ нему депутація. Онымъ засѣданіе той ложи кончено и о семъ ономъ протоколѣ подписали: Эллизенъ, Янашъ, Лерхъ, Вейеръ и Шредеръ—за секретаря.

Всѣ сіи дѣянія совершенно несогласны съ высочайшимъ вашего императорскаго величества соизволеніемъ, а, особливо, съ письменнымъ монаршимъ вашимъ указомъ 1814 г., воспослѣдовавшимъ по случаю открытія въ Кронштадтѣ ложи „Нептуна“; ибо онымъ именно подтверждено, чтобы въ точности наблюдали всѣ изданныя постановленія относительно всѣхъ ложъ. — По разуму сего высочайшаго повелѣнія, и графъ Мусинъ-Пушкинъ-Брюсъ не долженствовалъ отваживаться самовольно: 1) удалять отъ обязанности Великаго Мастера г. дѣйствительнаго статскаго совѣтника Бебера, тѣмъ болѣе, что онъ утвержденъ въ оной высочайшимъ В. И. В—ва благоволеніемъ и довѣренностію; 2) принимать сіе званіе на себя безъ вѣдома В. И. В—ва; 3) уничтожать Директоріальную ложу „князя Владиміра къ Порядку“; 4) входить съ представленіемъ и старательнымъ ходатайствомъ его о томъ къ правившему министерствомъ полиціи графу Вязмитинову, который также никакого права не имѣлъ уничтожать ту главную ложу и, вмѣсто ея, дозволять открывать новыя, а долженъ былъ о томъ, какъ и о ложѣ „Нептуна“, всеподданнѣйше донести В. И. В—ву и ожидать высочайшего вашего повелѣнія. — Сверхъ того, дѣйствія графа Мусина-Пушкина-Брюса тѣмъ неизвинительными являются, что

онъ, по истиннымъ масонскимъ правиламъ, а паче—по точной монаршей вашей волѣ, изъясненной выше сего, обязанъ былъ содержать масоновъ въ строгомъ повиновеніи гражданскимъ законамъ, въ единствѣ христіанской религіи, на которой истинное масонство основано, во взаимной другъ къ другу любви и въ непоколебимомъ повиновеніи начальственной великой Директоріальной ложѣ, яко утвержденной В. И. В—мъ; и однимъ внушеніемъ о томъ, отклонившимся членамъ отъ порядка и раздѣлившимся на партіи желателямъ новыхъ введеній, могъ ввести ихъ въ должный порядокъ и тѣмъ, при самомъ началѣ несогласія и разврата ихъ, водворить прежнее между ними единодушіе и устройство, а не дерзать дѣлать таковаго предписанія, каковое онъ учинилъ, какъ выше показано, 10-го августа 1815 г., семи ложамъ, о раздѣленіи сей великой Директоріальной ложи; сочинять на мѣсто древнихъ масонскихъ правилъ, кои правительствомъ уже утверждены, новыя, подъ названіемъ „конституціи",—для отечества нашего несовмѣстной и вовсе чуждой, и подъ предсѣдательствомъ Эллизена, главнаго желателя и ходатая Шредеровой системы. Однимъ словомъ, долгомъ его было: не допускать не токмо до раздѣленія одного начальства надъ всѣми въ Россіи ложами на два и вмѣсто одной системы вводить разныя, никогда въ Россіи прежде не бывалыя, но и ни до малѣйшаго своеволія, совершенно противнаго порядку и законамъ.

Отъ сего послѣдовало совершенное расторженіе единства между братьями; ибо два начальства, т. е. двѣ великія ложи. Первая изъ нихъ, „Астрея", руководствуется системою Шредеровою, имянуемою Историческимъ союзомъ, потому что оная система изъ всѣхъ мѣстъ получаетъ все, касающееся до масонства, и переписывается со всѣми иностранными востоками или ложами. Сія система, желая имѣть всѣ о масонствѣ свѣдѣнія, дѣйствуетъ противу всѣхъ актовъ, въ особенности же противъ высшихъ степеней, въ которыхъ чаще исповѣдуется имя Христа Спасителя, стремясь всѣ истинны чистаго масонства подкопать и превратить въ басни; слѣдовательно — система самая опасная, ибо, слѣдуя по оной, могутъ изъ христіанства отпадать въ деизмъ, отъ деизма падать въ матеріализмъ, наконецъ же низвергаться въ атеизмъ; а чтобы со временемъ непримѣтно и удобнѣе усилиться могло, допускаетъ въ союзъ свой ложи всѣхъ системъ.

Вслѣдъ за тѣмъ открылось другое начальство, другая великая ложа, наименованная „Провинціальною",—но, по какимъ правиламъ сія работаетъ съ союзомъ своимъ,—мнѣ не извѣстно. Она управляема особеннымъ ея Великимъ Мастеромъ, графомъ Велегурскимъ, а въ отсутствіе его — Великимъ Намѣстнымъ ея Мастеромъ, камеръ-юнкеромъ

Ланскимъ. Въ союзѣ и подъ управленіемъ ея имѣется въ С.-Петербургѣ пять ложъ: „Елисавета къ Добродѣтели", „Трехъ свѣтилъ", „Трехъ Добродѣтелей", „Орфея" и „Дубовой долины къ Вѣрности"; сколько же въ оныхъ членовъ и какія еще существуютъ и принадлежатъ союзу ея ложи въ С.-Петербургѣ—я знать не могу и не знаю.

О всѣхъ же имѣющихся (ложахъ?) союза великой ложи „Астреи": сколько оныхъ именно, гдѣ находятся, сколько въ какой ложѣ членовъ, на какомъ языкѣ которая работаетъ, и о именахъ управляющихъ ими мастеровъ,—соизволите усмотрѣть изъ IV-й, всеподданнѣйше при семъ подносимой записки;—равно и то, что ложамъ старшинство дано не по справедливости, а по прихоти исполнившаго желаніе свое, управлявшаго тогда ложею "Петра", мастера Эллизена, принятіемъ и введеніемъ Шредеровой системы; вслѣдствіе чего ложа „Петра къ Истинѣ", но по истинѣ бывшая, по старшинству своему, какъ выше значитъ—третьею, поставлена первою; а ложа „Александра коронованнаго къ Пеликану", бывшая первою, отъ коей ложа „Петра" получила свое происхожденіе, поставлена шестою; и ложа "Соединенныхъ друзей" старѣе ложи „Палестины", но поставлена подъ младшею ложею „Избраннаго Михаила".—Одно совершенное во всемъ своеволіе!

Не смѣю предполагать неблагонамѣренія, или особаго умысла въ дѣйствіяхъ графа Мусина-Пушкина-Брюса, ибо не вижу къ тому ни малѣйшихъ признаковъ; а нахожу, напротивъ того, единую токмо со стороны его неосторожность, большую слабость и излишнюю довѣренность къ членамъ, особенно же—Эллизену, Кейзеру (докторамъ), Янашу (ювелиру), Боненблюсту (негоціанту), Квосигу (часовому мастеру), Вейеру (книгопродавцу) и Лерху (что нынѣ адвокатъ), бывшему великимъ секретаремъ и большею частію, уповательно, сочинявшему, съ Эллизеномъ, Вейеромъ и Боненблюстомъ, новую конституцію.

Не удовлетворяясь сею новостію, они, 20-го августа 1815 г., по прошествіи семи дней отъ 13-го числа, къ вышеозначеннымъ 16-ти §§ основнаго условія прибавили еще 156; а 20-го января 1816 г. паки присовокупили 389, утвердивъ оные 561 §§ впредь на 6 лѣтъ и назвавъ ихъ „Уложеніемъ ложи", въ двухъ частяхъ, коему срокъ долженствуетъ кончиться въ текущемъ 1821 годѣ. Потомъ еще сочинили, подъ названіемъ „Прибавленія къ книгѣ законовъ", присовокупя и къ сему послѣднему еще разныя дополненія — что̀ и утвердили подписаніемъ: первое дополненіе—14-го октября 1816 г.; второе—14-го апрѣля; третье — 21-го апрѣля 1817 г. и четвертое — 24-го марта 1818 г.—А 12-го декабря 1817 г. обѣ нынѣшнія великія ложи, т. е. „Астрея" и „Провинціальная" подписали актъ о взаимныхъ ихъ отношеніяхъ, заключающійся въ 31 статьѣ, и размѣнялись онымъ. Изъ сего

можно предполагать, что онѣ и впредь будутъ сочинять новые для себя такіе законы, какіе когда только пожелаютъ. — Излишнимъ почитаю распространяться здѣсь, сколь таковое своеволіе неприлично и непозволительно, ибо то само собою видно; а донесу токмо, что всѣ вышеизъясненныя постановленія, названныя „Уложеніемъ“, „Конституціею“, „Законами“, вовсе не согласны съ древними, истинными масонскими законами. Наружность оныхъ прикрывается нѣкоторою благовидностію, а въ самой сущности своей они ни къ чему другому не служатъ, какъ токмо скользкою стезею и поводомъ къ свободному дѣйствію своевольныхъ соглашеній, къ заговорамъ, интригамъ и шиканамъ между ими, вмѣсто масонскаго братства. Однимъ словомъ: они ничто иное есть, какъ правила совершеннаго безначалія—что не трудно замѣтить изъ слѣдующихъ словъ конституціи 1-го §:

„Четыре ложи соединяются для образованія высшаго масонскаго правленія, подъ именемъ великой ложи „Астреи“, коей главный членъ—Великій Мастеръ, избираемый каждые два года большинствомъ голосовъ, есть поручитель и представитель предъ правительствомъ упомянутой великой ложи и всѣхъ зависящихъ отъ нея ложъ“.

Слѣдовательно, не великая ложа „Астрея“ всѣми соединенными ложами, а онѣ, вообще, ею управляютъ, такъ что Великій Мастеръ, будучи главнымъ членомъ и имѣя одинъ только голосъ, не есть и не можетъ быть управляющимъ великою ложею; однимъ словомъ, онъ ничто иное есть, какъ кажется, установленъ для единаго токмо наружнаго вида, главою или начальникомъ союза, т. е. чтобы быть ему повѣреннымъ и исполнителемъ воли ихъ и не имѣть надъ ними никакой силы и власти содержать ихъ въ законной зависимости, въ должномъ повиновеніи и въ удаленіи отъ всякаго образа своеволія, и чтобы токмо отвѣчать ему одному передъ правительствомъ за всѣ ихъ безпорядки. Истина сія доказывается 40-мъ, 78-мъ и 13-мъ §§; ибо по 40-му § они имѣютъ право перемѣнять Великаго Мастера не токмо черезъ каждые два года, но даже всегда, когда только онъ не будетъ соотвѣтствовать видамъ ихъ, или признаютъ то нужнымъ; а лучше сказать — тогда, какъ онъ не будетъ позволять имъ всякаго рода необузданное своеволіе; и могутъ, посредствомъ заговорнаго соглашенія, ухищреннымъ увольненіемъ его и избраніемъ другаго, на мѣсто его поставлять такого, который бы наиболѣе соображался съ замыслами ихъ и который, естественно, долженъ быть пріятнѣе и любезнѣе имъ. — По 78-му § уничтожается или перемѣняется Великій Мастеръ, когда отсутствіе его изъ Петербурга продолжаться будетъ болѣе шести мѣсяцевъ. А въ 13-мъ § великая ложа „Астрея“ наиме-

нована уже „образованнымъ“— слѣдовательно не масонскимъ, а особеннымъ какимъ-то—обществомъ, и потому-то оное, какъ точно напечатано, должно имѣть конституцію. — Сколь удалены всѣ сіи постановленія отъ истинныхъ, древнихъ масонскихъ правилъ! По точнымъ словамъ сихъ послѣднихъ, Великій Мастеръ управляетъ великою ложею и всѣми прочими, отъ нея зависящими ложами; всѣ управляющіе мастера доносятъ ему о всемъ и отвѣтствуютъ за все то, что у нихъ происходитъ. Великій Мастеръ пребываетъ въ званіи своемъ по смерть его, или доколѣ пожелаетъ сложить самъ съ себя сіе званіе; онъ опредѣляетъ чиновниковъ въ великую ложу, кромѣ великаго казначея, и въ прочія ложи, для управленія онными, утверждаетъ мастеровъ; а тѣ мастера, подобно сему, въ своихъ ложахъ чиновниковъ опредѣляютъ по своему усмотрѣнію, кромѣ казначеевъ, которне избираются общимъ баллотированіемъ братьевъ. Великая ложа есть высшее управленіе и судилище всѣхъ ложъ; всѣ ложи и члены обязуются быть преданными ей и повиноваться всѣмъ постановленіямъ, повелѣніямъ и наказаніямъ ея. Управляющіе ложами: мастера, намѣстники и надзиратели ихъ суть члены великой ложи, для представленія и ходатайства по дѣламъ ихъ ложъ. Всѣ, кому что Великій Мастеръ повелитъ, должны принимать съ равнымъ почтеніемъ и исполнять съ поспѣшностію такъ, какъ бы по велѣніямъ самой великой ложи. Всѣ представленія, донесенія, или прошенія подаютъ Великому Мастеру, а въ отсутствіе его—Великому Намѣстному Мастеру. — Вотъ правила истиннаго масонства! Они содержатъ въ себѣ глубочайшее повиновеніе и зависимость отъ власти, надъ ними учрежденной.

При вступленіи моемъ въ великую ложу „Астрею“, нашелъ я оную, какъ выше представилъ, совсѣмъ въ противномъ тому положеніи. Первое собраніе сдѣлалъ я 12-го декабря минувшаго года — торжественное, для празднованія всерадостнаго дня рожденія вашего императорскаго величества, и первою, священнѣйшею себѣ обязанностію поставилъ—напомянуть всѣмъ членамъ долгъ ихъ и потребовать, чтобы они всѣ, со мною, возобновили торжественное обязательство предъ всемогущимъ Богомъ быть непоколебимо вѣрными и преданными всѣмъ сердцемъ В. И. В—ву, яко всепресвѣтлѣйшему государю нашему, отцу отечества и образу Божію на землѣ.—Оное исполнено.

За тѣмъ черезъ четыре дня, т. е. 16-го декабря, собралъ я первую распорядительную великую ложу; и какъ раздѣленіе ложъ, описанное мною выше сего, произошло отъ недозволеннаго уклоненія отъ высочайшихъ В. И. В—ва повелѣній, съ чѣмъ купно поколебался и весь порядокъ оныхъ, до того существовавшій—то пред-

ложилъ я всѣмъ мастерамъ, дабы они тщательнѣйше старались, во 1-хъ) содержать всѣхъ братьевъ отъ мрачныхъ пороковъ и страстей, отъ правилъ буйственныхъ, дерзновенныхъ и своевольныхъ; а во 2-хъ) елико можно поспѣшнѣе обратиться къ уставу древняго, истиннаго масонства, въ коемъ постановлено сими словами:

„Истинному свободному каменьщику, яко ученику мудрости, исполнять съ неупустительною точностію всѣ должности его, въ немъ предписанныя; а потому, первая свободнаго каменьщика клятва принадлежитъ Богу; вторая—государю, яко образу Его на землѣ,—чтить правителей государства, любить отечество, исполнять со всякою точностію всѣ обязанности добраго гражданина. Храбрѣйшимъ воиномъ, правосуднѣйшимъ судіею, кротчайшимъ господиномъ, постояннѣйшимъ мужемъ, нѣжнѣйшимъ отцомъ, преданнѣйшимъ сыномъ, вѣрнѣйшимъ слугою — однимъ словомъ: истиннымъ христіаниномъ долженъ быть каменьщикъ, помня незабвенно, что сіи непреложныя, общія, нравственныя обязанности гражданина освящены произвольными каменьщика обѣтами, и что, нарушая оныя, онъ къ слабости придастъ лицемѣріе и клятвопреступство. Да исповѣдуетъ на всякомъ мѣстѣ Божескій законъ Христа Спасителя! (Богъ-Сынъ есть осуществленный и оличенный въ Себѣ Самомъ Богъ-Отецъ). Да не стыдится никогда, что онъ Ему принадлежитъ! (но о единомъ святомъ имяни и крестѣ Его да хвалится!). Евангеліе есть основаніе нашихъ обязательствъ; если онъ ему не вѣритъ,—онъ не христіанинъ и не каменьщикъ. И такъ, всѣ поступки масона или каменьщика должны соображаться съ тѣмъ духомъ смиренія и кротости, кои суть отличительныя качества ученика Божественной мудрости“.

Въ 3) потомъ изъявилъ я помянутымъ мастерамъ нѣкоторыя, замѣченныя мною въ братьяхъ неисполненія и ихъ начальниковъ собственныя упущенія, предложа имъ исправиться; а съ тѣмъ купно предписалъ всѣмъ мастерамъ, какъ въ С.-Петербургѣ, такъ равно и внѣ онаго находящихся ложъ, чтобы они воздержались отъ переписки или сношеній съ чужестранными востоками, и впредь, предварительно не представя сношенія своего на разсмотрѣніе и одобреніе Великому Мастеру и не получивъ отъ него разрѣшенія, вовсе оныхъ не имѣть; въ противномъ же сему случаѣ, виновный мастеръ ложи подвергнетъ себя всей строгости законовъ; таковой же отвѣтственности братья надзиратели и секретари ложи подлежать будутъ. Убѣждалъ ихъ, дабы они, какъ управляющіе ложами мастера, мудрыми наставленіями своими предостерегали братьевъ отъ дурныхъ послѣдствій, сохраняя во всей силѣ законы, ни на черту отъ оныхъ не отступая. При чемъ, поручая себя братской ихъ любви и чистосердечной откровенности,

объявилъ имъ, что коль скоро замѣчу я охлажденіе въ любви ихъ и хотя малѣйшую ко мнѣ недовѣрчивость, или неповиновеніе и небреженіе къ законамъ орденскимъ,—не умедлю оставить ихъ. Затѣмъ, наконецъ, не оставилъ предложить всѣмъ ложамъ, чтобы онѣ, для ближайшей сообразности съ обязанностію истинныхъ масоновъ, основанной на точномъ исполненіи всѣхъ должностей, оставя разныя системы, коими онѣ нынѣ руководствуются и кои заключаютъ въ себѣ паче раздѣленіе союза отъ единомыслія между братьями и удаляютъ отъ духа кротости, любви и повиновенія, отъ духа Христа Спасителя,—возвратились бы къ одной, истинной масонской, древней системѣ, утвержденной вашимъ императорскимъ величествомъ, и по которой прежде великая ложа „князя Владиміра къ Порядку", съ союзомъ своимъ, работала. Для сего, тогда же назначена была особливая коммисія, подъ предсѣдательствомъ князя Павла Гагарина, съ тѣмъ, чтобы всѣ ложи подали въ оную отзывы свои къ 1-му января сего года. Я уповалъ, что всѣ помянутые мастера и братья тѣмъ охотнѣе приступятъ къ сей мѣрѣ, что сами они чувствовать и видѣть должны, до коликой степени уклонились они отъ порядка и отъ высочайшихъ вашихъ повелѣній.

Но 7-го февраля получивъ сдѣланные въ коммисіи представителями ложъ отзывы, не подписанные, коими нѣкоторые изъявили на принятіе предложеннаго мною ритуала совершенное согласіе; нѣкоторые же съ условіями, а двѣ ложи: „Петра" и „Палестины", оказали противное—обратилъ я сіи отзывы къ князю Гагарину, для надлежащаго подписанія и дополненія оныхъ, и поручилъ ему объявить коммисіи, что, по воспослѣдованіи общаго согласія всѣхъ ложъ, составляющихъ союзъ великой ложи „Астреи", на принятіе одного ритуала, оный предложенъ будетъ всѣмъ управляющимъ ложами мастерамъ и членамъ коммисіи, какъ для приведенія нѣкоторыхъ грубыхъ, или нынѣ болѣе неупотребительныхъ словъ въ порядокъ, такъ и для соглашенія онаго съ духомъ и законами правительства; чтобы мы, пользуясь, по отеческой вашего императорскаго величества благости, къ истинному благу всего человѣчества, свободою въ отправленіи священныхъ каменьщическихъ работъ, и потому не имѣя никакой нужды въ чуждыхъ системахъ, яко-то: Вильгельмбаденской, Англинской старой или новой, а еще менѣе—въ Шредеровой, яко несогласныхъ съ духомъ и законами россійскаго правительства, постановивъ у себя правильную каменьщическую систему и пребывая въ независимости отъ иностранныхъ, могли хвалиться предъ ними своею, русскою системою, яко основанною на древнѣйшихъ и истинныхъ актахъ масонскихъ, и симъ оправдать совершенно высочайшую В. И. В—ва до-

вѣренность и отъ публики заслужить уваженіе усовершенствованіемъ въ поведеніи нашемъ истиннаго благополучія, исправленіемъ нашей развращенной нравственности, распространеніемъ живой вѣры во Христа Спасителя, истиннаго благочестія, непоколебимой вѣрности и преданности къ В. И. В—ву и отечеству нашему, безмолвнымъ повиновеніемъ гражданскимъ законамъ и точнымъ исполненіемъ оныхъ.

Но и сіе, послѣднее мое предложеніе не имѣло желаемаго успѣха, ибо всѣ ложи, новыми своими отзывами, соглашаются принять шведскую систему: однѣ—безусловно, а другія съ нѣкоторыми изъятіями. И въ таковыхъ соглашеніяхъ примѣтно болѣе нежеланіе ихъ.

Вотъ въ какомъ состояніи, всемилостивѣйшій государь, находятся существующія нынѣ въ С.-Петербургѣ масонскія ложи! Духъ своеволія, буйства и совершеннаго безначалія, а не духъ кротости христіанской и истинныхъ правилъ масонскихъ, смиренія въ нихъ (и наиболѣе противъ другихъ, въ трехъ ложахъ: „Петра", „Палестины" и „Соединенныхъ друзей") дѣйствуетъ. А посему, и какъ существованіе двухъ великихъ ложъ: „Астреи" и „Провинціальной"—самопроизвольное, а потому, таковое существованіе сихъ ложъ должно быть уничтожено, а одна главная и всѣми прочими въ Россіи находящимися ложами управляющая, великая ложа „Св. князя Владиміра къ Порядку", вашимъ императорскимъ величествомъ утвержденная, яко такая, которая совершенно пресѣкаетъ всякаго рода своеволія, несовмѣстныя съ образомъ россійскаго правленія, должна быть возстановлена. Я намѣренъ былъ и желаю, по предварительному моему къ нимъ вышеупомянутому отношенію, сложивъ съ себя званіе Великаго Намѣстнаго Мастера, вовсе оставить ихъ, но, принявъ на себя званіе сіе, до высочайшаго вашего прибытія и до полученія высочайшаго вашего на сіе соизволенія, не могъ на оставленіе ихъ осмѣлиться. Нерѣшительные же, двусмысленные отзывы ихъ пріостановилъ. Что все и передано, съ глубочайшимъ благоговѣніемъ, въ благоразсмотрѣніе вашего императорскаго величества.

Генералъ-лейтенантъ Кушелевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Письмо Лестока къ князю А. Д. Кантемиру.

Подлинникъ писанъ, весьма безграмотно, на французскомъ языкѣ.

Москва.—26 го іюля 1742 года.

„Ваше сіятельство! Испрашивая у васъ извиненія за мое молчаніе. имѣю честь благодарить васъ за чувствованія ваши въ мою пользу: приложу, дѣйствительно, всѣ старанія, дабы оправдать мнѣніе ваше о склонности моей видѣть всѣхъ довольными и счастливыми, главнымъже образомъ, особъ съ вашими достоинствами и свойствами; постараюсь успѣть во всемъ, чего желала отъ меня государыня княгиня сестра ваша; я поддержу ее елико это будетъ въ моихъ силахъ, что-бы вы были увѣрены на сколько я есмь со всею возможною искренностью вашего сіятельства всепокорнѣйшій и послушный слуга А. Лестокъ.

„Ея величество отбыли нынѣшнею ночью пѣшкомъ на богомолье къ Троицѣ и я сію минуту ѣду отсюда съ маркизомъ де-Ла-Шетарди, дабы послѣ полудня найти ея величество за 15 верстъ отсюда, такъ какъ она шествуетъ лишь по ночамъ. Вчера была ея прощальная аудіенція; я вручилъ письмо автора преобразованнаго театра ея императорскому величеству: государыня благосклонно выразила, что сіе доставитъ ей удовольствіе. Въ то-же время вручилъ я письмо госпожи Лонуа, которая на самомъ дѣлѣ въ былыя времена состояла при двухъ императорскихъ принцессахъ гувернанткою, то есть „нянькою“ (comme nénka). Я думаю, на дняхъ получу приказаніе написать ей.

Получивъ письмо касательно этой дѣвицы изъ Рима, говорилъ о немъ ея величеству, но такъ какъ, за ея отсутствіемъ, что вы легко понимаете, трудно получить категорическій отвѣтъ, то я возобновлю мою просьбу“.

Сообщ. **А. Ѳ. Бычковъ.**

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ МЕНШИКОВЪ

ВЪ РАЗСКАЗАХЪ

бывшаго его адъютанта Аркадія Александровича Панаева.

1853 — 1854.

VI [1]).

Проводивъ Кирьякова отъ палатки свѣтлѣйшаго, я присѣлъ близь нея на вещахъ, выложенныхъ изъ тѣхъ повозокъ, на которыхъ повезли раненыхъ. Я душевно страдалъ за князя; онъ и не думалъ объ отдыхѣ, ему необходимомъ, и я боялся, чтобы онъ не свалился. Еще утромъ этого дня свѣтлѣйшій былъ такъ слабъ, что даже лежа смотрѣлъ въ трубу на движенія непріятеля....

Вдругъ онъ кликнулъ меня и спросилъ:

— „Знаешь-ли ты дорогу, которая идетъ отъ Севастополя мимо Кадыкьоя на Мекензіевъ хуторъ, въ Бакчисарай?“

— Нѣтъ, ваша свѣтлость; я знаю только ея малую часть, но могу представить вамъ свѣдущаго человѣка.

Я привелъ къ нему, въ ту-же минуту, изъ своей команды унтеръ-офицера Балаклавскаго греческаго баталіона, Георгія Панаго. Онъ объяснилъ князю всѣ особенности этой дороги и тогда-то было рѣшено свѣтлѣйшимъ наше достопамятное фланговое движеніе.

Князь до свѣту просидѣлъ, не прислонивъ головы, надъ картою; я же дремалъ на клади, выгруженной изъ подводъ. Едва забрезжилось утро 9-го сентября, какъ онъ спросилъ лошадь, сѣлъ и поскакалъ

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1877 г., томъ XVIII, стр. 109—134.

къ войскамъ, не заботясь о томъ, слѣдуетъ-ли кто за нимъ, или нѣтъ. Обязанный приводить въ порядокъ нашъ обозъ и лошадей, я не могъ тотчасъ ему сопутствовать; надѣялся его догнать, но не тутъ-то было! Управясь съ дѣлами, я поскакалъ по слѣдамъ князя и пріѣхалъ на сѣверную сторону Севастополя, къ батареѣ № 4-й,—одинъ; свѣтлѣйшаго еще не было. Меня это страшно мучило: „какъ,—думаю,—онъ безъ меня, и гдѣ онъ“? Ѣхать отыскивать его боялся, чтобы не разъѣхаться. Этимъ временемъ князь пропускалъ мимо себя войска, тянувшіяся къ Инкерманскому мосту для перехода на южную сторону Севастополя. Самъ свѣтлѣйшій достигъ до Мекензіевой горы, осмотрѣлъ часть лѣса, ее покрывающаго, потомъ объѣхалъ войска, оставленныя на сѣверной сторонѣ, въ гарнизонѣ тамошняго укрѣпленія. Когда онъ слѣзъ съ лошади, видъ его былъ утомленный, измученный, но спокойный. Тутъ онъ сказалъ мнѣ, что лѣсъ въ сторонѣ Мекензіева хутора очень неудобенъ для движенія, хотя дорога хороша. Потомъ приказалъ подать себѣ бриться и переодѣться, мнѣ-же велѣлъ скорѣе переправлять все на ту сторону; въ особенности наблюсти, что-бы артиллерію удобнѣе устанавливали на пароходы; для себя назначилъ приготовить катеръ. Не прошло и получаса, какъ онъ отправился на ту сторону, а я занялся установкою артиллеріи; обозъ отправилъ я кругомъ на Инкерманскій мостъ, по саперной дорогѣ, въ Севастополь. Къ четыремъ часамъ вся артиллерія переправилась; перевезли частные и офицерскіе обозы и раненыхъ, которые по маленьку подходили да подходили; за ними перебрался я и затѣмъ доложилъ свѣтлѣйшему объ успѣхѣ переправы.

Когда я устанавливалъ послѣднія орудія на пароходъ, артиллерійская лошадь съ оторванной челюстью притащилась къ переправѣ; она отъ самой Алмы шла за нами, помахивая головой и неся на себѣ казенную сбрую, какъ бы въ сдачу. Сбрую тутъ же съ нея сняли, погладили, пожалѣли; она отошла на бугорокъ, постояла, постояла, ткнулась головой въ землю, кувырнулась черезъ шею и—духъ вонъ; артиллеристы по ней вздохнули, какъ по товарищу.

Узнавъ, что лошадь эта была изъ батареи Хлапонина, я вспомнилъ, что 5-я легкая дѣйствовала на лѣвомъ флангѣ боя и значительно пострадала: войска отступили, и она осталась безъ прикрытія, но продолжала палить до послѣдняго снаряда, удерживая натискъ французовъ. Множество людей и лошадей потеряла она и ей трудно было сняться; однако для семи орудій, по двѣ лошади на каждое, и по одной для ящиковъ—таки набрали; но такъ какъ батарея была 9-ти орудійная, то два орудія остались только при трехъ артиллери-

стахъ и ихъ приходилось бросить, о чемъ начальникъ артиллеріи, генералъ Кишинской, уже и доложилъ князю.

Хлапонинъ, отправивъ батарею, остался самъ при этихъ двухъ орудіяхъ и пробовалъ вчетверомъ тащить ихъ на себѣ; но было не подъ силу: двинутъ то одно орудіе, то другое, а далеко уйти не могутъ. Кругомъ все пусто, а непріятель надвигается, помощи взять не откуда; показались въ сторонѣ Веймарскіе гусары — Хлопонинъ бѣжитъ туда, проситъ пособить увезти или прикрыть эти два орудія, но гусары затруднились впрягать верховыхъ лошадей, и пошли своей дорогой.

Дѣлать было нечего; одному изъ прислуги, канониру Егорову, удалось уговорить товарищей тащить всетаки орудія на себѣ, на сколько будутъ въ силахъ: „умремъ, молъ, братцы, если придется, а орудій не оставимъ“. Молодцы уже выбивались изъ силъ, когда, по счастью, удалой фельдфебель Кикавскій, раздобывшись тремя лошадьми, прискакалъ: и орудія спасли, и батарейный командиръ имѣлъ на чемъ догнать батарею. Егоровъ получилъ георгіевскій крестъ и въ послѣдствіи, въ гвардіи, былъ удостоенъ Высочайшаго вниманія.

Князь Меншиковъ, конечно, не сообщалъ мнѣ плана дѣйствій, имъ составленнаго; но я передаю его, на сколько могъ понять, сообразуясь съ распоряженіями свѣтлѣйшаго.

Относительно дѣйствующаго отряда и Севастополя, непріятель находился въ такомъ расположеніи, что легко могъ отрѣзать намъ сообщеніе съ остальною частію Крыма, а съ тѣмъ вмѣстѣ и съ Россіею; блокадой онъ могъ вынудить насъ къ сдачѣ. Чтобы предупредить нашу гибель, князь спѣшилъ отвлечь вниманіе союзниковъ отъ Симферополя и отъ путей сообщенія нашего съ Россіею, стараясь привлечь все вниманіе и всѣ силы непріятеля на Севастополь: онъ вѣрно расчитывалъ при этомъ, что союзники, ослѣпленные удачею на Алмѣ, ринутся къ Севастополю, чтобы войти въ городъ, такъ сказать, по пятамъ нашего отступленія. Для этого свѣтлѣйшій показалъ имъ видъ, что, не будучи въ силахъ принять другаго сраженія, онъ спѣшитъ укрыться за севастопольскими стѣнами. Непріятель, надвигаясь къ укрѣпленіямъ сѣверной стороны, стянетъ здѣсь всѣ свои силы; но такъ какъ здѣсь встрѣтитъ, кромѣ укрѣпленій—бухту, съ кораблями на позиціи, то, конечно, не сможетъ разомъ овладѣть городомъ. Тогда-то князь съ дѣйствующимъ отрядомъ (который союзники, весьма естественно, могутъ принять за вновь прибывшій) явится у непріятеля въ тылу и на пути сообщенія нашего съ Россіею. Очутившись между двухъ огней, враги увидятъ, что въ такомъ положеніи атаковать Севастополь невозможно: для этого имъ должно предварительно раз-

бить отрядъ, угрожающій имъ съ тыла. Онъ же, и не принимая боя, можетъ оттянуть ихъ отъ моря—единственнаго ихъ рессурса. Если-же отрядъ приметъ бой, то новыя утраты въ непріятельскихъ войскахъ могутъ еще значительно его ослабить. Недоумѣніе, въ которое будутъ поставлены союзники этимъ маневромъ, вынудитъ ихъ изыскивать иной исходъ... Тогда князь, оставивъ имъ свободный путь на южную сторону Севастополя, наведетъ ихъ на мысль перенести сюда свою атаку, чему они въ торопяхъ легко поддадутся: сунутся на открытый имъ путь, а князь, заступая оставленныя непріятелями мѣста, запретъ ихъ на южной сторонѣ; пользуясь самъ свободнымъ сообщеніемъ съ Россіею, оставитъ непріятелю самый тѣсный кругъ дѣйствій. Сверхъ того, на южной сторонѣ враги почти не найдутъ ни воды, для питья, ни лѣсу для топлива и осадныхъ работъ.

Для приведенія плана своего въ исполненіе, 9-го числа сентября, князь дѣйствительно втянулъ наши войска въ Севастополь, гдѣ приказалъ имъ запасаться зарядами и провіантомъ. Непріятель, которому легко было наблюдать за нашимъ движеніемъ (что онъ, вѣроятно, и дѣлалъ), долженъ былъ заключить о намѣреніи нашемъ ожидать его въ Севастополѣ, какъ и желательно было. При этомъ, онъ преувеличилъ въ мнѣніи своемъ значеніе нашихъ укрѣпленій, воображая, вѣроятно, что мы возлагаемъ большія надежды на наши стѣны, а потому засѣли за ними.

Не сообщая никому общаго плана своихъ дѣйствій изъ опасенія шпіонства, которое чрезъ татаръ союзники легко могли устроить въ нашей арміи, князь вводилъ въ заблужденіе всѣхъ тѣхъ, которымъ, собственно, и не было надобности знать истину. Всѣ наши войска расчитывали защищаться въ стѣнахъ.

Такимъ образомъ, въ городѣ кипѣла усиленная дѣятельность: дѣйствующій отрядъ занимался своими приготовленіями; гарнизонъ суетился самъ по себѣ—строилъ, копалъ, возилъ, таскалъ. Моряки, по своей части, давно были готовы, но бо́льшая ихъ часть была снята съ судовъ для усиленія гарнизона; нѣкоторые экипажи въ полномъ своемъ составѣ были на берегу и ворочали громадами; быстро воздвигали насыпи; безостановочно вооружали укрѣпленія и тащили съ флота въ Севастополь все, что только могло служить къ защитѣ города и къ нанесенію вреда непріятелю. Тѣмъ болѣе чести морякамъ, что подобная работа была имъ весьма не по нутру. На сходкѣ, вечеромъ 8-го сентября, моряки рѣшили было идти громить во много разъ сильнѣйшій непріятельскій флотъ, навредить ему на сколько это было бы возможно, и, затѣмъ—умереть самимъ, со славою погибнуть въ морѣ, но не видать торжества враговъ надъ Севастополемъ—род-

нымъ гнѣздомъ Черноморскаго флота! Горячимъ поборникомъ этого отважнаго рѣшенія былъ Корниловъ.—И такъ, весь флотъ—отъ адмирала до послѣдняго матроса—готовился умирать, и утромъ 9-го сентября офицеры-моряки написали письма къ императору, въ которыхъ каждый просилъ государя о томъ, чтб оставлялъ священнаго послѣ себя... Свѣтлѣйшій разсѣялъ это отчаянное настроеніе моряковъ, возбудивъ ихъ къ новой дѣятельности — на сухомъ пути. Корниловъ воставалъ противъ этого, но князь убѣдилъ адмирала, растолковавъ ему, что въ смерти нѣтъ никакой доблести, если она приноситъ государству болѣе вреда чѣмъ пользы.

— „Ежели же прійдется умирать,—заключилъ свѣтлѣйшій,—то не лучше ли тогда, когда будутъ истощены всѣ средства къ защитѣ, отъ чего мы еще далеки. Геройскую рѣшимость честныхъ моряковъ я постараюсь употребить съ большею пользою на защиту Севастополя"...

Корниловъ не сразу уступилъ увѣщаніямъ князя.

— Неужели же флотъ,—возразилъ онъ,—на который употреблено столько матеріальныхъ средствъ, употреблялось столько небезполезныхъ усилій—вы не допустите къ дѣйствію въ то самое мгновеніе, когда ему представляется случай явить свою мощь, покрыть безсмертною славою свой флагъ? Мы погибнемъ, правда; но страшно навредимъ непріятелю.

— „Погибнете—и погубите огромныя средства, которыя флотъ можетъ доставить оборонѣ Севастополя,—отвѣчалъ князь; непріятелю же навредите немного. Паровой флотъ вездѣ отъ васъ увернется и будетъ ставить нашъ парусный въ смѣшное положеніе, разрушая его безнаказанно. Опытъ состязанія нашихъ шести пароходовъ съ тремя непріятельскими достаточно доказалъ вамъ ихъ преимущества. Въ настоящее время штиль не дастъ возможности двигаться, а ожидать вѣтра невозможно. Надо дѣйствовать энергично: назначьте потребное число изъ старѣйшихъ судовъ для потопленія у входа въ рейдъ, для его загражденія, какъ мы уже говорили. Этимъ мы уничтожимъ всякое покушеніе непріятеля ворваться въ бухту. Не будучи озабочены съ этой стороны, мы снимемъ еще съ оставшихся судовъ бо́льшую часть экипажа, которую расчитаемъ по оборонительной линіи; возьмемъ много орудій и снарядовъ для вооруженія батарей. Будемъ смотрѣть на эти средства какъ на прибывшія къ намъ подкрѣпленія".

Таковы главныя черты того разговора князя Меншикова съ Корниловымъ, который рѣшилъ судьбу флота и обезсмертилъ Севастополь. Затѣмъ, Корниловъ предлагалъ собрать военный совѣтъ для обсужденія вопроса; но князь, предоставивъ совѣту собираться, не раздѣлялъ надежды Корнилова на это совѣщаніе, почему и не принялъ въ немъ

никакого участія, а замыслилъ, рѣшилъ и сталъ приводить въ исполненіе свой планъ дѣйствій въ защиту Севастополя.

Вечеромъ 9-го сентября, забѣгали ко мнѣ многіе изъ сослуживцевъ—повыспросить, чтò князь намѣренъ дѣлать, и подговаривали меня убѣдить князя, чтобы онъ собралъ военный совѣтъ. Свѣтлѣйшему, по истинѣ, не съ кѣмъ было совѣтоваться; его окружали новички. Я, подъ шумокъ, собиралъ свои вещи и готовился такъ, чтобы ужъ о нихъ болѣе не заботиться, имѣя подъ рукой лишь самое необходимое. Ночью пріѣзжали съ аванпостовъ и будили князя нѣсколько казаковъ съ донесеніемъ о томъ, чтò ими усмотрѣно въ непріятельскомъ лагерѣ.

Рано утромъ, 10-го сентября, я поѣхалъ въ морской госпиталь навѣстить Сколкова и Жолобова. Сколковъ спалъ, а Жолобовъ говорилъ со мной очень спокойно; поручилъ мнѣ отыскать въ его квартирѣ карты и книги, принадлежащія князю, и просилъ ихъ ему передать. По возвращеніи изъ госпиталя, я засталъ его свѣтлость готовымъ выѣхать въ лагерь князя Горчакова. Передъ отъѣздомъ онъ о чемъ-то говорилъ съ Кирьяковымъ и его квартирмейстеромъ, генеральнаго штаба подполковникомъ Залѣскимъ. Выѣхавъ со мною со двора, князь тотчасъ же сказалъ мнѣ, что онъ предлагалъ Нахимову принять начальство надъ гарнизономъ, имѣя въ виду, что подобное назначеніе придастъ бодрости гарнизону, такъ какъ въ военныхъ доблестяхъ Нахимова никто не сомнѣвался. Однако же Нахимовъ отказался, говоря, что на сушѣ ничего не понимаетъ и потому не желаетъ ничего брать на свою отвѣтственность. Къ этому онъ прибавилъ, что будетъ всѣми зависящими отъ него средствами содѣйствовать общему дѣлу и готовъ служить своей особой, хотя бы пришлось на ряду съ матросами.

По возвращеніи изъ лагеря кн. Горчакова, мы обѣдали; потомъ свѣтлѣйшій переправился на сѣверную сторону, сѣлъ на лошадь объѣздчика и, вмѣстѣ со мною, поѣхалъ осматривать сѣверное укрѣпленіе и новыя батареи. На другой день, 11-го сентября, князь опять былъ на сѣверной сторонѣ съ Корниловымъ и, сдѣлавъ свои распоряженія, подъѣхалъ къ батареѣ, ближайшей къ морю, откуда ему удобнѣе было разсмотрѣть показавшихся на высотахъ непріятелей. Они приближались къ Качѣ и у праваго ихъ фланга замѣтны были земляныя работы; въ устьѣ рѣки, по морскому берегу, они устраивали пристани; противъ же ихъ проходили суда и становились на якорь. Судя по линіи видимаго бивуака, часть лѣваго фланга непріятельской арміи находилась на лѣвомъ берегу Качи. Въ сумерки князь возвратился въ Севастополь. На Графской пристани собирались вой-

ска для переправы. Какъ мнѣ помнится, все это были морскіе баталіоны, которые, какъ было слышно изъ ихъ разговоровъ, шли въ гарнизонъ сѣвернаго укрѣпленія на смѣну пѣхоты. Больше же они сами ничего не знали. Они переправлялись на сѣверную сторону до ночи. Между тѣмъ, князь сказалъ мнѣ, чтобы все было готово къ выступленію нашей квартиры: ночью онъ ждетъ извѣстія, вслѣдствіе котораго предъ разсвѣтомъ выйдетъ изъ Севастополя. Сдѣлавъ всѣ приготовленія, я прилегъ отдохнуть...

Свѣтало, но о движеніи еще не было и слуху. Вотъ, вижу въ окно, скачетъ гонецъ, слѣзаетъ у воротъ, вижу: подполковникъ Залѣскій. Черезъ нѣсколько минутъ свѣтлѣйшій требуетъ меня къ себѣ.

— „Вообрази, что со мной сдѣлалъ Кирьяковъ,—такъ встрѣтилъ меня князь. Я далъ ему 12 баталіоновъ, двѣ батареи; аванпосты и разъѣзды содержатъ два полка гусарскихъ, два казачьихъ. Я послалъ его вчера вечеромъ, чтобы онъ, не замѣченный непріятелемъ, занялъ позицію по этой сторонѣ Бельбека, для прикрытія нашего движенія, которое я намѣренъ былъ сдѣлать сегодня на зарѣ, дабы, обойдя флангъ непріятеля, встать у него въ тылу, на сообщеніи съ Симферополемъ. Наше движеніе до того важно, что я сказалъ Кирьякову: „въ случаѣ натиска, держитесь до тѣхъ поръ, пока я не извѣщу васъ, что уже прошелъ Мекензіеву гору. Помните, что переправа на Бельбекѣ слишкомъ затруднительна; безъ ущерба себѣ, съ тѣмъ количествомъ войска, которое у васъ въ распоряженіи, вы можете очень долго вредить непріятелю и легко его удерживать". Кирьяковъ же, прійдя вечеромъ занимать мѣста, услыхалъ на той сторонѣ Бельбека музыку, которая на своемъ бивуакѣ играла зорю. Не знаю почему, это его такъ сконфузило, что онъ, не останавливая войска, повернулъ на лѣво кругомъ и удралъ. Лупилъ цѣлую ночь и, перейдя Черную чрезъ Инкерманскій мостъ, остановился на Сапунъ-горѣ, такъ, что отъ нашего лагеря подъ Севастополемъ его отдѣляетъ только Сарандинакина балка. А при немъ еще—этотъ подполковникъ Залѣскій!.." замѣтилъ князь. „Не понимаю, какъ это онъ его не удержалъ? Онъ-то на минуту и прискакалъ ко мнѣ съ этимъ извѣстіемъ... Что я буду дѣлать съ подобными генералами? что мнѣ только придумывать такое, что̀ бы они были въ состояніи исполнять какъ слѣдуетъ?!"

VII.

Изъ послѣдняго моего разсказа читатель видѣлъ, что предпринятое княземъ Меншиковымъ, на зарѣ утра 12-го сентября, фланговое движеніе было остановлено по милости незнанія, неисполнительности, или паники, что-ли, Кирьякова. Самовольное передвиженіе его было главною причиною, по которой дѣйствующій отрядъ былъ приведенъ въ самое невыгодное расположеніе. Что, ежели союзники этимъ воспользуются? Мы до ночи не можемъ тронуться, потому что открываемъ себя наблюденію непріятеля; что, ежели, принявъ свои мѣры, онъ помѣшаетъ намъ обойти себя, или даже, захвативъ нашу колонну на походѣ, разобьетъ ее, такъ какъ флангъ нашъ ничѣмъ не обезпеченъ... А сколько замедленій: союзники двигаются—мы бездѣйствуемъ! Всѣ эти соображенія, нахлынувъ на мысли свѣтлѣйшаго, весьма его тревожили. Какъ выпутаться изъ подобнаго положенія? Что̀ дѣлать?

Одно необыкновенное умѣнье князя владѣть собою удерживало его отъ выраженій отчаянія. „Скорѣй, скорѣй лошадь!“ сказалъ онъ только, и понесся на Куликово поле въ лагерь, одинъ, и такъ быстро, что казакъ едва могъ поспѣвать за нимъ. Я остался у крыльца и въ недоумѣніи лишь разводилъ руками.

Между тѣмъ, наканунѣ къ намъ прибылъ отъ Хомутова отрядъ подъ командою генерала Жабокрицкаго и успѣлъ уже въ авангардѣ главныхъ силъ занять позицію на Мекензіевой горѣ. Свѣтлѣйшій, прибывъ въ лагерь, поспѣшилъ дать знать оттуда Жабокрицкому, что Кирьяковъ не исполнилъ своего назначенія и поэтому онъ, Жабокрицкій, долженъ, расчитывая лишь на свою бдительность, сохранять свою позицію, не смотря на всѣ ея невыгоды, до прибытія къ нему на смѣну войскъ князя П. Д. Горчакова; затѣмъ, идти далѣе за Бельбекъ, къ деревнѣ Отаркой, гдѣ и расположиться, имѣя въ виду прикрывать собою позицію, предназначенную тамъ для занятія всего дѣйствующаго отряда, который въ эту-же ночь, съ 12-го на 13-е сентября, долженъ былъ совершить переходъ съ Куликова поля.

И такъ, въ самое критическое время, когда намъ была дорога каждая минута, мы, по милости Кирьякова, теряли цѣлыхъ двѣнадцать часовъ; самое-же главное: пользуясь весьма неблагопріятными условіями для союзниковъ, мы не успѣли показаться у нихъ въ флангѣ, потомъ и въ тылу.

Князь по возвращеніи изъ лагеря засталъ у себя письмо Жолобова, который просилъ свѣтлѣйшаго выслушать ѐго послѣднюю, пред-

смертную просьбу. Князь немедленно поѣхалъ въ госпиталь, взявъ меня съ собою.

Свѣтлѣйшій очень сожалѣлъ о Жолобовѣ; онъ любилъ его за исполнительность, точность въ работѣ и скромность. Послѣднимъ трудомъ Жолобова была съемка Алминской позиціи; онъ сдѣлалъ ее очень практично, и свѣтлѣйшій, за нѣсколько дней до высадки союзниковъ, провѣривъ этотъ небольшой планъ съ мѣстностью, остался имъ очень доволенъ. Помню, какъ снимокъ Жолобова онъ показывалъ мнѣ въ назиданіе, сказавъ при этомъ, что Жолобовъ хорошо его понялъ и къ своему чертежу присоединилъ вѣрный очеркъ всей мѣстности, лежащей между Алмой и Севастопольской бухтой. Планчикъ, снятый Жолобовымъ, былъ карманный; князь на ходу легко его разсматривалъ и за это удобство былъ весьма благодаренъ Жолобову. Составитель плана представилъ его свѣтлѣйшему на перепутьи нашемъ къ Алмѣ, гдѣ онъ съ нами встрѣтился, возвращаясь верхомъ съ Алмы. Вообще все исполняемое просто, практично, съ удобствомъ примѣненія, не только всегда одобрялось княземъ, но доставляло ему истинное удовольствіе.

— „Излишнія прикрасы,—говаривалъ онъ,—часто затемняютъ настоящій смыслъ дѣла“.

Прибывъ въ госпиталь, мы нашли Жолобова на открытомъ воздухѣ, на который онъ передъ смертью просилъ себя вынести. Князь провелъ у постели умирающаго около четверти часа; я не подходилъ къ нему, боясь разстроить страдальца моимъ прощаніемъ: еще наканунѣ видѣлъ я его на столько бодрымъ, что и теперь не терялъ надежды на его выздоровленіе.

Не успѣлъ князь отойти отъ Жолобова, какъ во дворъ госпиталя въѣхалъ флигель-адъютантъ Альбединскій, посланный Государемъ изъ С.-Петербурга за извѣстіями о дѣйствіяхъ нашихъ. Свѣтлѣйшій съ Альбединскимъ обошелъ раненыхъ, при чемъ ротный командиръ Владимірскаго полка, съ постели своей указывая на двухъ рядовыхъ, сказалъ:

— Эти молодцы доказали, что ружейный прикладъ лучше пули и штыка: они втроемъ, на бруствѣрѣ батарейной батареи, удерживали штурмъ англичанъ. Отъ одного взмаха ихъ ружей валились трое, четверо; если бы ихъ не подстрѣлили въ ноги, да третьяго ихъ товарища не убили, то не допустили бы они англичанъ на батарею, гдѣ оставались два нашихъ орудія“.

Князь поздравилъ молодцовъ унтеръ-офицерами, сердечно благодарилъ ихъ и ротнаго командира.

По возвращеніи съ Альбединскимъ домой, князь приказалъ мнѣ

послѣ обѣда отправить обозъ главной квартиры въ лагерь; вскорѣ послѣ отправленія обоза и мы за нимъ послѣдовали верхомъ. На выѣздѣ изъ Севастополя, свѣтлѣйшій, подозвавъ состоявшаго при немъ лейтенанта Стеценко, приказалъ ему возвратиться къ Корнилову для сообщенія ему слѣдующаго:

1) что онъ кн. Меншиковъ, уже выѣхалъ въ лагерь совсѣмъ и оттуда намѣренъ—когда стемнѣетъ—тронуться для совершенія извѣстнаго Корнилову движенія;

2) надѣется успѣть исполнить таковое до приближенія непріятеля къ Севастополю;

3) не потеряетъ Севастополя изъ виду и будетъ слѣдить за всѣмъ, что въ немъ произойдетъ. Ежели непріятель покусится атаковать городъ, то князь нападетъ на него съ тылу и не допуститъ ни до чего рѣшительнаго;

4) такъ какъ дѣйствующій отрядъ будетъ находиться на сообщеніи съ Россіею, то Севастопольскій гарнизонъ не долженъ терять бодрости, потому что подвозы и подкрѣпленія достигнутъ своего назначенія;

5) князь изыщетъ случай увѣдомлять о себѣ Корнилова.

Передавъ возложенное на него порученіе Корнилову, Стеценко присоединился къ намъ; Корниловъ-же распустилъ по городу слухъ, главный смыслъ котораго заключался въ томъ, что свѣтлѣйшій будто-бы бѣжалъ со своими войсками изъ Севастополя, оставляя его въ жертву непріятелю, и что теперь гарнизону предстоитъ изыскивать самому средства отстаивать родной городъ. Выразивъ такимъ образомъ свое отчаяніе, Корниловъ и всѣхъ севастопольцевъ погрузилъ въ глубокое уныніе, вмѣсто того, чтобы ободрить ихъ надеждою, что нашъ дѣйствующій отрядъ, находясь въ тылу непріятеля, будетъ отвлекать его вниманіе отъ Севастополя. Этого мало: носились слухи, что Корниловъ написалъ объ этомъ брату въ Петербургъ, женѣ — въ Николаевъ, изображая самыми мрачными красками поступокъ свѣтлѣйшаго. Этимъ онъ обрекъ искуснаго стратегика на жертву нелѣпыхъ толковъ и сплетенъ: по всей Россіи пронеслась молва, будто-бы Меншиковъ продалъ Севастополь! Петербургъ негодовалъ... но въ самый разгаръ нареканій, сыпавшихся на свѣтлѣйшаго, явился въ столицѣ Альбединскій съ извѣстіемъ о блистательномъ фланговомъ движеніи. Государь былъ въ восторгѣ; иностранныя газеты загремѣли, прославляя удивительную находчивость, искусство и присутствіе духа князя Меншикова. Совершивъ достопамятный въ военной исторіи подвигъ, свѣтлѣйшій не гордился плодами своихъ способностей: ему это было не въ диковину; увѣренный въ себѣ самомъ, онъ плохо вѣрилъ въ исполни-

телей зрѣло обдуманныхъ своихъ предначертаній. Злые языки призатихли, но они дѣло свое сдѣлали: ядъ, ими выпущенный, всосался въ организмъ общественнаго мнѣнія; подъ обаяніемъ перваго впечатлѣнія не доброй молвы оно плохо мирилось съ очевидностью; довѣріе къ полководцу въ основаніи было потрясено и безуспѣшны были усилія возстановить это довѣріе. Присутствіе яда клеветы давало о себѣ знать при малѣйшемъ удобномъ случаѣ: имъ искусно пользовались завистники и враги—соотечественники, и вредили, какъ только могли, имени свѣтлѣйшаго.

Возвращаюсь къ разсказу.

Покуда свѣтлѣйшій въ палаткѣ совѣщался съ княземъ П. Д. Горчаковымъ, я поѣхалъ выбирать мѣсто для расположенія обоза. Проѣзжая мимо Минскаго полка, я, незамѣченный, прислушался къ разсказу унтеръ-офицера объ Алминскомъ дѣлѣ:

— Кабы всѣ-то начальники, какъ князь Меншиковъ,—говорилъ онъ,—такъ имъ-бы ничего не взять; и какъ Господь его хранилъ?! самъ вездѣ, а другихъ, прочихъ командировъ,—и не видать... Кабы ему да не ѣхать туда къ мосту, такъ мы-бы ихъ съ горы проводили скоро....

Разговоръ былъ прерванъ командою: „аммуницію одѣвать!“ Я поспѣшилъ къ палаткѣ князя Петра Дмитріевича, гдѣ свѣтлѣйшій уже встрѣтилъ меня словами:

— „Выпроваживай нашъ обозъ къ Бракеру-хутору; мы поѣдемъ впередъ туда-же и тамъ пропустимъ мимо себя весь отрядъ“.

Мы тотчасъ тронулись по Балаклавской дорогѣ; обозъ нашъ слѣдовалъ за нами. У хутора Бракера, совершенно покинутаго обитателями, мы сдѣлали привалъ, навѣсили поскорѣй торбы на лошадей, согрѣли чаю. Между тѣмъ стали подходить войска и князь, поспѣшно сѣвъ на лошадь, выѣхалъ впередъ, чтобы пропустить ихъ всѣхъ мимо себя; потомъ, вмѣстѣ съ войсками обогнулъ Сапунъ-гору. Послѣ того свѣтлѣйшій сѣлъ въ экипажъ и слѣдовалъ шагомъ за хвостомъ колонны. Между тѣмъ быстро надвинулся ночной мракъ: южная ночь наступаетъ внезапно... Мы шли версты двѣ, соблюдая глубокую тишину. Я ѣхалъ возлѣ фронта, пробираясь осторожно поближе къ дорогѣ.

Вдругъ, слышимъ, что-то съ шумомъ посыпалось съ горы: колонна наша засуетилась въ недоумѣніи; произошла путаница, толкотня; со стороны на дорогу выѣхалъ какой-то обозъ. Въ темнотѣ ничего нельзя было разобрать, но этотъ шумъ легко было принять за нападеніе непріятеля на нашъ флангъ... Оказалось не то: опять Кирьяковъ! Ему было дано знать, чтобы онъ присоединился къ нашей колоннѣ. Спу-

стившись съ Сапунъ-горы по Воронцовскому шоссе, онъ даже и этого не могъ сдѣлать толкомъ: заторопился, сунулся съ горы безъ пути какимъ-то разсыпнымъ порядкомъ. Хорошо, что князь скоро смекнулъ въ чемъ дѣло: поспѣшилъ остановить отрядъ, велѣлъ ему сдвинуться съ дороги въ сторону и пропустить Кирьякова впередъ. Но, можно себѣ вообразить, какъ трудно было это сдѣлать. Наша колонна, прорванная въ нѣсколькихъ мѣстахъ отрядомъ Кирьякова, гдѣ—стояла, гдѣ—спѣшила за частями, не ей принадлежавшими. И въ этой тьмѣ кромѣшной какого добиться толку? Кричать, опрашивая части, было невозможно, такъ какъ мы дѣлали движеніе скрытное отъ непріятеля... Едва, едва наладили мы, съ большимъ промедленіемъ во времени. Свѣтлѣйшій послалъ на Мекензіеву гору сказать Жабокрицкому, чтобы онъ, не дожидаясь его, при появленіи тамъ Кирьякова сдалъ ему позицію, а самъ шелъ впередъ на мѣсто, указанное ему для занятія общаго бивуака.

Кн. П. Д. Горчаковъ, шедшій во главѣ нашей колонны, соблюдая въ движеніи величайшую тишину и осторожность, очень встревожился, заслышавъ позади себя непонятный ему шумъ; когда-же, наконецъ, причина объяснилась, то онъ Кирьякова чуть не разорвалъ съ досады, тѣмъ болѣе справедливой, что неумѣстныя движенія послѣдняго и неурядица, съ которой онъ присоединился къ намъ, безпрестанно задерживали ходъ нашей колонны. Остановки были частыя, довольно продолжительныя и причинъ ихъ нельзя было доискаться... Наконецъ мы и совсѣмъ остановились; какъ говорится— ни-тпру, ни-ну! Всѣ справки: отчего? почему? зачѣмъ?—были безуспѣшны; солдаты, уставъ стоять, полегли... Изволь тутъ пробираться между ними, въ темнотѣ, верхомъ, къ головѣ колонны за справкой. Мы всѣ, адъютанты, пустились впередъ, но пробраться впередъ было до того затруднительно, что руки опускались и бросало въ потъ отъ нетерпѣнія.

Въ сильнѣйшемъ безпокойствѣ князь Горчаковъ поѣхалъ самъ впередъ; отрядъ Кирьякова все продолжалъ стоять. Поднявшись до половины извилистаго подъема Мекензіевой горы, князь Петръ Дмитріевичъ, наконецъ, увидѣлъ, что колонна головой уперлась въ повозку, которую лошади не брали и еще что-то у ней сломалось. Пораженный негодованіемъ, что такой вздоръ былъ причиною остановки, князь Горчаковъ крикнулъ на офицера:

— Что-же вы ее не сбросите? Задерживаете такую массу войска изъ-за дряни!

Офицеръ оправдывался тѣмъ, что это повозка генерала Кирьякова.

— Опять Кирьяковъ?! крикнулъ Петръ Дмитріевичъ, плюнулъ и велѣлъ ссунуть повозку въ оврагъ: только тогда колонна безпрепят-

ственно взошла на Мекензіеву гору. Здѣсь Жабокрицкій уже очистилъ мѣсто для Кирьякова; главный-же отрядъ расположился сзади его, возлѣ самаго подъема.

Такъ какъ медлить на этой позиціи было опасно — Кирьяковъ, посланный, какъ мы говорили, для прикрытія нашего фланговаго движенія, бѣжалъ отъ непріятельской музыки — то вся надежда наша была на одни разъѣзды казаковъ и аванпосты гусаръ, мало успокоивавшіе князя. Разъѣзды непріятеля и его авангардъ легко могли застать насъ на тѣсной площадкѣ этой горы. Принимая это въ соображеніе, свѣтлѣйшій, войдя въ находившійся тутъ караульный домъ, приказалъ князю Петру Дмитріевичу передать Кирьякову, чтобы онъ немедля подымался, шелъ слѣдомъ за Жабокрицкимъ и расположился возлѣ того мѣста, куда прійдетъ Жабокрицкій.

Между тѣмъ Кирьяковъ, какъ только поднялся на плато, развелъ огни—варить ужинъ. И это дѣлалось имъ въ то время, когда мы употребляли всѣ средства, чтобы скрываться отъ наблюденій непріятеля!! Покуда мы взбирались на гору, костры порядочно разгорѣлись и, конечно, не могли не быть замѣчены непріятелемъ... Къ счастію, князь Александръ Сергѣевичъ, подъѣзжая къ горѣ, вышелъ изъ экипажа и верхомъ обогналъ колонну, — такъ, что, первый поднявшись на гору, онъ поспѣшилъ приказать залить огни. Этимъ распоряженіемъ Кирьяковъ остался очень недоволенъ. Сокрушаясь по своей повозкѣ, оставшейся назади, онъ находился въ такомъ дурномъ расположеніи духа, что когда князь Петръ Дмитріевичъ потребовалъ его къ себѣ, чтобы передать приказаніе о немедленномъ движеніи впередъ, то Кирьяковъ отозвался, что такъ какъ онъ еще не ужиналъ и повозка его сброшена съ дороги, то онъ идти не можетъ; да и куда ему въ такую ночь идти?! За тѣмъ посыпались громогласныя ругательства. Тогда князь Горчаковъ предложилъ ему остаться ужинать, а самъ послалъ за старшимъ полковникомъ, чтобы приказать ему вести отрядъ Кирьякова. Послѣдній смирился, поднялъ отрядъ и двинулся по назначенной дорогѣ; но и тутъ не могъ не напакостить: лупилъ, что называется, безъ оглядки, продралъ мимо Жабокрицкаго, не замѣтивъ его—почти вплоть къ Бахчисараю; бѣжалъ-бы и дальше, еслибы свѣтлѣйшій, получивъ донесеніе отъ Жабокрицкаго, что Кирьяковъ не присоединился къ нему, не послалъ догнать безтолковаго и воротить къ избранному мѣсту.

Въ слѣдующую ночь помянули Кирьякова и въ Севастополѣ. Уходя съ Сапунъ-горы, онъ оставилъ баталіонѣ Тарутинскаго полка при четырехъ орудіяхъ на Инкерманскомъ спускѣ. — Онъ, надо полагать, позабылъ о немъ, такъ какъ баталіонъ оставался тамъ безъ всякой

нужды, въ жертву непріятелямъ, какъ въ пустынѣ, и спасеніемъ своимъ былъ обязанъ тому, что союзники, перебираясь на южную сторону, сами находились въ страшномъ перепугѣ. Они до того спѣшили, что, проходя даже мимо нашего Георгіевскаго пороховаго погреба, гдѣ находился большой складъ пороха, не обратили на него вниманія. Съ приближеніемъ союзниковъ баталіону угрожала опасность быть отрѣзану, но, благодаря темнотѣ ночи, ему посчастливилось уйти въ Севастополь. Здѣсь объ этомъ отрядѣ ничего не вѣдали и потому, когда онъ приблизился, то былъ принятъ за непріятельскій: раздались сигналы общей тревоги, переполошившіе весь гарнизонъ.

Отправивъ Кирьякова съ Мекензіевой горы, свѣтлѣйшій послалъ благонадежнаго урядника къ Корнилову—извѣстить его о мѣстѣ своего пребыванія и подтвердить приказаніе скорѣе выпроваживать изъ Севастополя паркъ, въ прикрытіе которому уже заблаговременно отряжены были двѣ роты пѣхоты при двухъ орудіяхъ; къ парку присоединить отсталый обозъ. Сверхъ того князь приказалъ Корнилову, чтобы онъ въ ту-же ночь послалъ на рѣку Черную—уничтожить Инкерманскій мостъ и испортить плотину.

Остальную часть ночи мы провели возлѣ своихъ лошадей и къ утру 13-го сентября, по возвращеніи казака, сѣли на коней и отрядъ тронулся. Живо очистилъ онъ Мекензіеву гору; мы спустились въ Черкезъ-Ирменскую долину и слѣдовали по дорогѣ къ Бахчисараю до Бельбека. Тамъ мы настигли наши передовыя войска, бродомъ перешли рѣку и на правомъ ея берегу на бугоркѣ князь приказалъ раскинуть себѣ палатку. Вдругъ слышимъ — орудійный выстрѣлъ, другой, третій... и гдѣ-же? на Мекензіевой горѣ! Мы съ трубами взмостились на возы и видимъ, что парковыя повозки, въ безпорядкѣ, несутся съ горы въ долину, во весь духъ... болѣе этого, за дымомъ и пылью, мы разглядѣть не могли. На мѣсто тревоги въ ту-же минуту былъ посланъ Лейхтенбергскій гусарскій полкъ: онъ понесся на большихъ рысяхъ. Замѣтивъ гусаръ, непріятель прекратилъ дальнѣйшее преслѣдованіе несчастнаго парка. Легко себѣ представить съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали мы вѣстей о случившемся; но еще никто не успѣлъ прискакать оттуда, какъ мы завидѣли два экипажа, катившіе во весь духъ; около нихъ верховые. Не убавляя аллюра, они перелетѣли черезъ рѣку; увидавъ своихъ, заслышавъ крики „стой! стой!!" наконецъ остановили лошадей. Молоденькій офицеръ Веймарскаго гусарскаго полка, скакавшій впереди, прыгнулъ на бугорокъ, гдѣ была палатка князя: насилу мы его удержали! И жалко и смѣшно было смотрѣть, въ какомъ испугѣ прискакалъ этотъ ребенокъ: дико

озираясь кругомъ, какъ будто не вѣря глазамъ, что онъ между своими, гусарикъ произнесъ наконецъ:

— Ну, слава Богу, ускакалъ!. Ахъ, какая лихая тройка... ужъ я думалъ, генеральскія отстанутъ... А тамъ, остальныя всѣ пропали, людей порубили, повозки порубили, которыя—сами поломались, которыя съ горы полетѣли, а больше, должно быть, они позабрали!

— Что-же сталось съ паркомъ? спросили мы его.

— А, право, не знаю. Какъ взошли на гору, нашъ обозъ стоялъ сзади; со мной было 12 гусаръ: сдѣлали привалъ... Вдругъ, откуда ни возьмись, бросаются на насъ французы, или англичане, не знаю, только въ большихъ медвѣжьихъ шапкахъ. Мы, какъ схватились, скорѣй, скорѣй, наткнулись на паркъ; туда, сюда... насилу выбрались коекакъ. Ящикъ нашъ тоже тутъ сломался; мы къ спуску: и тамъ дорога узкая, объѣхать некуда; я, долго не думая, пошвырялъ парковыя повозки съ дороги. Едва-едва, спасъ только двѣ повозки.

— „Чьи онѣ?“ спросилъ его самъ князь.

— Одна—полковаго командира, другая—моя, продолжалъ офицерикъ,—да и славныя-же лошадки! Когда бы не паркъ, мы бы, пожалуй, всѣ ускакали... Ничего не сдѣлаешь—наскакали однѣ на другихъ: на горѣ опрокинулись поперегъ дороги, такъ я ихъ ужъ пошвырялъ.

— „Что же ваши гусары?“

— Всѣ со мной прискакали.

— „Много ли на васъ напало?“

— А, право, не знаю... Кажется, и не много.

— „Что же тамъ наше прикрытіе? Съ нимъ были два орудія.“

— Да, я и не догадался.

Ну, подумалъ я—хорошъ офицеръ! Что съ него взять? Правда, еще молодъ, почти совсѣмъ еще мальчикъ. „Ступайте себѣ въ полкъ“, говорю ему.

Только что онъ отъѣхалъ, какъ ему на смѣну прискакалъ, на коренной лошади, кучеръ изъ гусарскаго обоза. Лошадь была рослая, здоровая, но ноги всадника чуть не дохватывали до земли: это былъ истинный гигантъ: въ плечахъ косая сажень, грудь широчайшая, ручищи могли привести въ ужасъ цѣлый взводъ. Кучеръ былъ безъ шапки, въ одной рубахѣ, и геркулесовскія его формы обрисовывались во всей красѣ; борода и волосы на головѣ, отъ быстрой ѣзды закинувшіеся назадъ, придавали ему видъ свирѣпаго, мощнаго бойца-титана. Увидѣвъ себя между своими, онъ остановилъ лошадь, перекрестился, хлопнулъ своего буцефала по шеѣ ладонью, ширина которой могла бы прикрыть спину любаго француза.

— Ну, добра̀ лошадь! Слава Богу, ускакалъ,—промолвилъ онъ,— а ежели бы да на пристяжной, такъ нѣтъ, не унести бы ей; она тамъ и осталась, сердечная. Ну, ужъ страсти! Насмотрѣлся всего: во̀ шапки... (онъ поднялъ ладонь на аршинъ выше головы). Какъ сѣкнетъ — съ Терешки башка долой; сѣкнетъ: Степанъ покатился... никому нѣтъ пардону! Вижу, не ладно: ну-ка, я съ возу какъ спряну: хвать за запрягъ, оглоблю-то перешибъ, лошадь и выскочила... Я на нее какъ сігну, да какъ припущу—только меня и видѣли! Они ужъ за мной пушкой: буцъ! буцъ!! да нѣтъ... видно, мимо!

— Что-жъ паркъ? Что же съ нимъ-то сдѣлалось? распрашивали мы нетерпѣливо.

— Да, я чай, весь тамъ, никто не выскочилъ, они пардону не дадутъ.

Мнѣ было страхъ досадно, что такой молодчина, какъ этотъ русскій мужикъ, могъ такъ испугаться! „Отчего“, думаю, онъ не сознаетъ своей богатырской силы? Однимъ взмахомъ оглобли этотъ силачъ могъ бы десятокъ тѣхъ страшныхъ шапокъ посшибать, и съ головами вмѣстѣ. Этому богатырю никогда, видно, и на умъ не приходило посмотрѣть на себя да подумать: на что-де я годенъ? Такъ онъ и вѣкъ отживетъ и дарованія своего не увидитъ... За нимъ и вся Россія дѣлаетъ ровно то же самое: она, родимая, сама не знаетъ своей силы, не вѣритъ ей, взглянуть на нее не соберется за недосугомъ: все за̀ море смотритъ, тамъ ей не укажутъ ли?

Подойдя къ богатырю-кучеру, я спросилъ его:

— Какъ же это, братецъ, ты оглоблю-то переломилъ? Стало быть, у тебя есть сила?

— Да, есть таки дарованіе! отвѣчалъ онъ мнѣ съ оттѣнкомъ самодовольствія. Сгоряча я схватилъ за запрягъ: „когда тутъ“, думаю „разсупонивать“; наперъ на оглоблю, а она, какъ соль... распутывалъ, рвалъ,—ничего опосля не помню. Только я вспрянулъ на лошадь, а она какъ подхватитъ, сердечная; видно и сама чуяла, что плохо!

— А что бы тебѣ, выломивъ оглоблю—отлущить француза?

Онъ содрогнулся и покачалъ головой:

— Нѣтъ,—говоритъ,—ужъ больно страшно: во̀ шапки! заключилъ онъ, опять высоко поднявъ руку надъ головою.

— Шапки его ты и спугался? возразилъ я,—да тебѣ, братъ, на одну ладонь мало трехъ такихъ шапокъ.

— Пожалуй, говоритъ, мало.

— Такъ что-же ты? одушевлялъ я его.

— Да что̀ дѣлать!

Мы выпустили кучера изъ кружка.

Между тѣмъ какъ гусары, на мѣстѣ приключенія, разыскивали толкъ, повозки уже вытягивались по дорогѣ. Командиръ парка, полковникъ Хамратъ, георгіевскій кавалеръ за 25 лѣтъ, опередивъ нѣсколько паркъ, подъѣхалъ къ намъ. Свѣтлѣйшій съ нетерпѣніемъ ожидалъ получить, наконецъ, вѣрныя извѣстія, и поспѣшилъ къ Хамрату на встрѣчу.

— „Ну что,—говоритъ,—у васъ тамъ случилось?"

И мы всѣ обступили полковника: ждемъ что̀ онъ скажетъ?

— Вотъ, какъ есть, остался! произнесъ онъ, съ отчаяніемъ разводя руками и наклоняясь немного впередъ.

— „Какъ? что?" спросилъ князь, думая о паркѣ.

— Ни нитки не осталось; нечѣмъ перемѣниться... я въ одной рубашкѣ!

Тутъ уже я не вытерпѣлъ: подобное безучастное отношеніе къ такой важной статьѣ, каковъ паркъ въ военное время, со стороны его начальника, по собственному невѣжеству потерявшаго изъ парка нѣсколько повозокъ, меня взбѣсило! Позабывъ о присутствіи свѣтлѣйшаго, я рѣзко выразилъ полковнику, что князь интересуется не о его собственныхъ вещахъ, а о паркѣ.

— Да! спохватился Хамратъ, — въ паркѣ пропало 10 повозокъ... больше сами, въ путаницѣ, поломали; лошадей—которыхъ они позабрали, иныя разбѣжались; изломанные ящики остались на мѣстѣ... взять было нельзя; нѣкоторые даже слетѣли въ пропасть!

Вотъ вамъ еще образчикъ военныхъ сподвижниковъ, какіе попадались тогда въ войскѣ князя Александра Сергѣевича!

Въ послѣдствіи обстоятельства дѣла разъяснились. Паркъ, имѣя, какъ я уже говорилъ, въ прикрытіи двѣ роты, при двухъ орудіяхъ, спѣшилъ соединиться съ нами; поднявшись не безъ труда на длинную и высокую гору, повозки становились какъ ни попало, дѣлали привалъ, кормили лошадей. Сзади парка поднялись два орудія и, не снявшись съ передковъ, какъ поднялись, такъ и стали. Прикрытіе, тоже, было въ совершенной безпечности; однимъ словомъ, сдѣлали привалъ именно на томъ самомъ мѣстѣ, которое надобно было со всѣми предосторожностями скорѣе миновать. Расположились на привалѣ по мирному положенію, какъ обыкновенно дѣлаются привалы за глазами начальника: все это лежало, или разбрелось искать воды. Въ это время Сентъ-Арно [1]), далеко впереди своего авангарда, съ

[1]) Такъ расказывали тогда и я теперь не провѣряю этого слуха, такъ какъ съ достовѣрностью не знаю, какая именно часть союзной арміи наткнулась на нашъ паркъ. А. П.

незначительнымъ конвоемъ, однако при двухъ орудіяхъ, осматривая проходъ къ Мекензіеву хутору, случайно въѣхалъ на ту самую площадку, на которой такъ некстати расположились приваломъ нашъ паркъ и офицерскій обозъ Веймарскаго гусарскаго полка. Увидѣвъ русскихъ, непріятель въ нерѣшимости пріостановился; наши тотчасъ его замѣтили и въ паркѣ, въ обозѣ, въ прикрытіи—поднялась такая сумятица, что Сентъ-Арно, поспѣшивъ воспользоваться ею, послалъ часть своей артиллерійской прислуги припугнуть нашихъ. Нѣсколько человѣкъ непріятелей врѣзались въ эту кутерьму и нагнали паническій страхъ на несчастныхъ и безоружныхъ ѣздовыхъ, которые суетились, бросались, путались, падали... гусарскіе деныщики и кучера, отчаянно выпутываясь изъ-за-парка, расталкивали и сбрасывали повозки съ дороги. Нѣкоторыя офицерскія повозки уже добрались до спуска съ горы; но изъ нихъ только двѣ, съ нахальствомъ распорядившись на счетъ парка, пробрались и понеслись во всю прыть. За ними во весь карьеръ поскакали гусары и дули безъ оглядки вплоть до насъ. Прикрытіе парка, не долго думая, пустилось вразсыпную по кустамъ. Послѣ, Богъ знаетъ какъ и откуда, бѣглецы по одиночкѣ случайно приставали къ войскамъ, гдѣ попало. Горсть непріятеля занялась грабежомъ офицерскихъ повозокъ, парковыя-же, между тѣмъ выбравшись какъ могли, ушли своей дорогой. Упустивъ паркъ, Сентъ-Арно [1]) спохватился и приказалъ своимъ орудіямъ съ горы, въ догонку парка, пустить нѣсколько выстрѣловъ: пришлись эти выстрѣлы, конечно, на воздухъ, однако встревожили нѣсколько повозки и бывшія на спускѣ бросились внизъ; многія опрокинулись, двѣ слетѣли въ пропасть. Такимъ образомъ нами были потеряны 10 повозокъ и весь офицерскій обозъ Веймарскаго полка.

По незначительному результату нападенія на паркъ, мы заключили, что это набѣдокурилъ какой нибудь маленькій непріятельскій разъѣздъ, такъ какъ съ аванпостовъ о большомъ движеніи союзниковъ еще ничего не было слышно.

---

[1]) Говорили также, что Сентъ-Арно проѣзжалъ тутъ совершенно больной и что нападеніе на паркъ сдѣлано было его конвоемъ. А. П.

VIII.

Послѣ обѣда князь послалъ капитана Лебедева, исправлявшаго должность старшаго адъютанта при штабѣ, въ Севастополь, извѣстить о нашей позиціи, хлопотать о скорѣйшемъ доставленіи намъ сухарей и о пополненіи парка. Лебедевъ поѣхалъ въ объѣздъ Мекензіевой горы на Шулю; наткнулся на непріятельскій отрядъ, на-силу продралъ; почему, прибывъ въ Севастополь, не рѣшился ѣхать въ обратный путь, а присоединился къ намъ уже тогда, когда мы были на Бельбекской позиціи. До возвращенія изъ Севастополя Стеценко, мы считали Лебедева погибшимъ. Когда Лебедевъ пріѣхалъ въ Севастополь, ему сказали, что все начальство собралось въ совѣтѣ, гдѣ Корниловымъ былъ предложенъ вопросъ:

— Что предпринять по случаю брошеннаго на произволъ судьбы княземъ Меншиковымъ Севастополя?

Лебедевъ былъ очень сухо принятъ, но Нахимовъ, не раздѣляя умышленной невнимательности Корнилова къ посланному, усадилъ его подлѣ себя, сталъ распрашивать про движеніе нашего дѣйствующаго отряда. Лебедевъ, по окончаніи вопросовъ, спросилъ Нахимова, въ свою очередь, что же ему доложить свѣтлѣйшему о дѣйствіяхъ въ Севастополѣ?

— А вотъ, скажите, что мы собрали совѣтъ и что здѣсь присутствуетъ нашъ военный начальникъ, старѣйшій изъ насъ всѣхъ въ чинѣ, генералъ-лейтенантъ Моллеръ, котораго я охотно промѣнялъ бы, вотъ на этого мичмана,—Нахимовъ указалъ на входившаго Костырева.

Генералъ Моллеръ, услыхавъ, что рѣчь идетъ о немъ, приподнявшись обратился къ Павлу Степановичу, но, узнавъ о предметѣ разговора по заключенію, опять сѣлъ.

Надо замѣтить, что Моллеръ, по назначеніи его главнымъ начальникомъ Севастополя, очень добросовѣстно и не будучи въ себѣ увѣренъ, предоставилъ Корнилову пользоваться его, Моллера, именемъ, когда онъ сочтетъ это нужнымъ, заранѣе изъявивъ на всѣ его распоряженія свое согласіе. И въ совѣтѣ Моллеръ не принималъ участія въ толкахъ, сказавъ заблаговременно, что онъ будетъ слушать и учиться; поэтому присутствовавшіе дѣйствовали по ихъ усмотрѣнію, не ожидая его мнѣнія.

Того же дня вечеромъ, свѣтлѣйшій, подозвавъ меня, сказалъ:

— „Отъ поѣздки Лебедева я результата не ожидаю; онъ легко можетъ не доѣхать, или доѣхавъ—не пробраться назадъ; ожидать под-

воза сухарей и снарядовъ еще того труднѣе: непріятель, какъ видно, уже шныритъ по дорогамъ. Такъ, поѣзжай ты въ Бахчисарай и узнай тамъ — какое количество хлѣбовъ можно напечь существующими средствами въ однѣ сутки и на сколько, въ крайности, можно увеличить средства хлѣбопеченія. Распорядись, чтобы съ утра было приступлено къ дѣлу. Надѣюсь, что этимъ средствомъ мы не останемся безъ продовольствія до подвозовъ. На обратномъ пути, такъ какъ ты поѣдешь ночью, прими мѣры, чтобы тебя не подстрѣлили наши аванпосты: вотъ тебѣ отзывъ; не забудь"!

Я поѣхалъ, разузналъ обо всемъ и уговорился съ Бахчисарайскимъ головой, который при этомъ просилъ меня прислать отъ войскъ караулы на мельницы, такъ какъ по хуторамъ наши солдатики пустились уже мароедринчать. Купивъ, кстати, верховую лошадь для Альбединскаго, озаботясь о подвозѣ, кромѣ хлѣба, и прочихъ жизненныхъ припасовъ нашему отряду, я пустился въ обратный путь. Дѣятельными и главными моими сотрудниками, при этихъ распоряженіяхъ, были: унтеръ-офицеръ Балаклавскаго греческаго баталіона Василій Михайловъ Подпати, проживавшій въ Бахчисараѣ, и братъ его Дмитрій, состоявшій послѣ при мнѣ для порученій.

Приближаясь къ нашему бивуаку, я съ удивленіемъ замѣтилъ, что никакихъ аванпостовъ нѣтъ, а встрѣтила меня густая цѣпь пѣхоты, которая, домашнимъ распоряженіемъ, окружала спящіе баталіоны. Куда же дѣвались гусары и казаки?

Была глубокая ночь. Какъ ни тихо подъѣхалъ я къ бивуаку, но князь не спалъ и встрѣтилъ меня.

Доложивъ ему объ успѣшной моей поѣздкѣ, я сказалъ, что не видалъ аванпостовъ. Свѣтлѣйшій тотчасъ же послалъ офицера провѣрить наши посты; посланный, проѣздивъ до утра, не нашелъ ничего. Между тѣмъ, при смѣнѣ оказалось, что наши аванпосты стояли тыломъ къ непріятелю, примыкая правымъ своимъ флангомъ къ правому же флангу нашего лагеря, а лѣвымъ—къ сторонѣ Бахчисарая. Вотъ почему я проѣхалъ сзади ихъ резервовъ. Аванпосты занималъ Веймарскій гусарскій полкъ.

14-го сентября, около полудня, собрана была небольшая команда отъ Лейхтенбергскаго гусарскаго полка, при офицерѣ, для присмотра за печеніемъ хлѣба, т. е. пшеничныхъ булокъ, такъ какъ татары иного хлѣба печь не умѣютъ. Эту команду я проводилъ въ Бахчисарай, указалъ что̀ и ка̀къ тамъ дѣлать, а самъ къ ночи возвратился уже на новую позицію; старую—князь, въ отсутствіе мое, перемѣнилъ, отодвинувъ войска къ сѣверу версты на три, на болѣе удобное мѣсто. Ночью были видны огни на Мекензіевой горѣ; объ общемъ

передвиженіи союзной арміи мы тогда ничего не знали. Когда я еще ѣхалъ въ Бахчисарай, то, наблюдая за окружной мѣстностью, увидѣлъ по большой Симферопольской дорогѣ движеніе походной колонны страннаго вида, ибо, приближаясь къ нашей сторонѣ, она имѣла впереди себя обозы. Какъ ни ломалъ я головы, чтобы догадаться, что̀ это могъ быть за отрядъ—все было напрасно. Послѣ я узналъ, что опять таки Кирьяковъ былъ виновникомъ этой безтолочи: посланный съ бригадою занять вышеуказанную позицію, онъ продралъ къ Бахчисараю, и ужъ не вѣдаю, гдѣ-бы наконецъ очутился, если бы посланный его повѣрить (кажется, лейтенантъ Степенко) не догналъ и не воротилъ его.

Того же 15-го сентября, князь, перейдя Качу выше каменнаго моста, что̀ на большой дорогѣ, расположилъ дѣйствующій отрядъ на правомъ берегу, за двумя громадными курганами возлѣ большой дороги, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Кача за Бахчисарайскою долиною входитъ въ горы. У Отаркоя, на прежней позиціи въ авангардѣ остался Жабокрицкій; полковникъ Хрущовъ съ своимъ Волынскимъ полкомъ наблюдалъ за Шулей и Чоргуномъ. Подъ вечеръ князь послалъ Стеценко перебраться въ Севастополь, чтобы передать Корнилову о перемѣнѣ нашей позиціи, сдѣланной въ виду занятія большой Симферопольской дороги въ тылу союзниковъ. Кромѣ того, Стеценко поручено было: разузнать отъ Корнилова, какія приняты мѣры къ обезпеченію нашего дѣйствующаго отряда провіантомъ; объяснить Корнилову, что фланговое движеніе наше поставило непріятеля въ весьма затруднительное положеніе касательно избранія пункта атаки на Севастополь: это даетъ намъ возможность выиграть драгоцѣнное время для усиленія средствъ; что князь надѣется, маневрированіемъ дѣйствующаго отряда, заставить союзниковъ отложить рѣшительную минуту до болѣе удобнаго для нихъ положенія. Такъ какъ наши укрѣпленія часъ отъ часу ростутъ, а отряды, на усиленіе арміи, спѣшатъ,— то и надо надѣяться, что враги, быть можетъ, вынуждены будутъ повести правильную осаду, что отдалитъ значительно часъ атаки, насъ же приведетъ въ бо̀льшую возможность ее отразить; почему князь предлагаетъ Корнилову озаботиться приданіемъ гарнизону бодрости и энергіи: блокады союзники устроить не могутъ, такъ какъ дѣйствующій отрядъ прикрываетъ прямое сообщеніе Севастополя съ Россіею.

По отъѣздѣ Стеценко, князь, обратившись ко мнѣ, сказалъ:

— „Покуда мы находимся въ такомъ положеніи, союзники атаковать не рѣшатся“.

— Они перейдутъ на южную сторону, — отвѣчалъ я князю съ увѣренностью — они попадутъ въ ловушку: проходъ имъ оставленъ свободнымъ.

— „Быть не можетъ"! произнесъ свѣтлѣйшій съ выраженіемъ радостнаго сомнѣнія.

Ему какъ бы еще не вѣрилось въ блистательный успѣхъ флангового движенія.

Въ этотъ самый вечеръ, по разсказамъ мѣстныхъ татаръ, непріятельскій аріергардъ, заслышавъ насъ у себя въ тылу, подвергался нѣсколькимъ фальшивымъ тревогамъ; въ ночной суматохѣ солдаты бились другъ съ другомъ и въ перепугѣ совались куда ни попало. Надо полагать, что и наканунѣ, во время слѣдованія ихъ главныхъ силъ, тоже не обошлось безъ тревогъ, о чемъ можно было судить по тому, что́ мы встрѣчали послѣ, на пути ихъ слѣдованія. Такъ, на лѣвомъ берегу Бельбека, въ лощинкѣ, я видѣлъ слѣды побоища, и довольно порядочнаго: валялось нѣсколько убитыхъ непріятелей и множество лошадиныхъ труповъ. Не говорю о побросанныхъ, въ разныхъ мѣстахъ, аммуниціи, оружіи, изготовленной пищѣ т. п.

Когда мы забирались во флангъ непріятеля, я питалъ надежду, что отрядъ нашъ, напавъ неожиданно съ тыла на союзниковъ, разобьетъ ихъ. Меня тревожила мысль, что они увернутся на южную сторону Севастополя и, послѣ того, какъ они и дѣйствительно отъ насъ ускользнули, я поручилъ бывшимъ при мнѣ Балаклавскимъ грекамъ развѣдать всѣ подробности этого обстоятельства. Чрезъ поставщика фургоновъ при нашей главной квартирѣ, татарина Темиръ-хая, я узналъ, что въ ночь съ 12-го на 13-е сентября, когда мы были на Мекензіевой горѣ, а союзники на Бельбекѣ, до нихъ дошла вѣсть о нашемъ движеніи, которая привела ихъ въ такой переполохъ, что у нихъ, на Бельбекѣ, произошло еще нѣсколько тревогъ, и въ самую эту ночь было то побоище, о мѣстѣ котораго я выше упоминалъ. Тогда татаринъ (не помню его имени), братъ Темиръ-хая, забулдыга и отчаянная башка, отъ котораго давно отступились всѣ родные, явился на выручку союзникамъ, предложивъ имъ пробраться къ сторонѣ Балаклавы и совершить переходъ — хотя и опасный, но всетаки возможный, при содѣйствіи его, проводника, хорошо знакомаго со всѣми тропинками, ведущими на южную сторону Севастополя и еще не занятыми тогда нашими войсками. Союзники, хотя и не видѣли иного, лучшаго исхода изъ ихъ положенія, долго однако же колебались въ нерѣшимости: имъ было страшно ввѣрить судьбу арміи — измѣннику татарину; наконецъ, въ отчаяніи, такъ сказать, зажмуривъ глаза, они ринулись на рискъ... Нѣсколько татаръ проводниковъ сослужили имъ вѣрную службу и щедро были вознаграждены. Этотъ правдоподобный разсказъ даетъ достаточное понятіе о томъ тревожномъ настроеніи духа, въ которомъ находились непріятельскіе военачальники.

Между тѣмъ о большомъ передвиженіи союзныхъ армій мы еще не знали ничего положительнаго. Изъ донесеній съ аванпостовъ можно было заключить только, что непріятель дѣлаетъ рекогносцировки.

Печеный хлѣбъ изъ Бахчисарая нашему отряду доставляли исправно, чѣмъ свѣтлѣйшій былъ весьма доволенъ. Это доказательство готовности Бахчисарайцевъ содѣйствовать нашимъ войскамъ побудило князя выразить имъ свою благодарность. Съ этой цѣлію его свѣтлость, послѣ обѣда, вмѣстѣ со мной, въ экипажѣ, поѣхалъ въ Бахчисарай. Въѣхавъ въ городъ, онъ по главной улицѣ прошелъ пѣшкомъ до дворца. Осмотрѣвъ его на-скоро, князь у входа встрѣтилъ полиціймейстера, котораго и благодарилъ за успѣшныя распоряженія о доставленіи въ лагерь хлѣба. На обратномъ пути свѣтлѣйшій заѣхалъ въ татарскую кофейную. Въ это время жители со своими старшинами и муллами толпились на улицѣ и, покуда князь былъ въ кофейной, ихъ собралось множество.

Въ кофейной засѣдало нѣсколько кружковъ татаръ. Свѣтлѣйшій занялъ тамъ также мѣсто и, приказавъ подать кофе, посовѣтовалъ мнѣ обратить вниманіе на любопытный способъ его туземнаго приготовленія и быстроту, съ которой оно совершается.

Дѣйствительно, въ нашихъ глазахъ, сырой кофе изжарили, столкли, сварили и подали, какъ есть, съ гущей, въ крошечныхъ фарфоровыхъ чарочкахъ, вставленныхъ въ мѣдныя рюмочки, вмѣсто подноса. Кофе такъ былъ вкусенъ, что я, по истинѣ могу сказать, не пивалъ подобнаго.

На лицахъ татаръ, присутствовавшихъ въ кофейной, нельзя было не замѣтить удивленія и удовольствія видѣть въ своемъ кругу именитаго посѣтителя. Князь, поговоривъ съ ними очень ласково касательно промышленности, которою они занимались, положилъ золотую монету на буфетный прилавокъ и вышелъ въ сопровожденіи всѣхъ гостей кофейной.

Кофейная эта, совершенно въ азіятскомъ вкусѣ, была выстроена надъ оврагомъ, такъ что съ улицы ходъ въ нее былъ по длинному, узенькому, пѣшеходному мостику. У входа на мостъ съ улицы толпа татаръ ожидала свѣтлѣйшаго; съ выраженіемъ глубокаго почтенія народъ его привѣтствовалъ и благодарилъ за посѣщеніе.

Князь въ короткихъ и простыхъ словахъ поощрилъ ихъ за услугу, оказанную нашей арміи и татары, какъ умѣли, изъявили свою преданность и готовность служить напредки. Дѣйствительно Бахчисарайцы не измѣняли.

По возвращеніи нашемъ изъ Бахчисарая, мы узнали отъ жителей, бѣжавшихъ изъ Балаклавы, что вчера англичане овладѣли ею, что этотъ городъ атаковала цѣлая армія. Обыватели отстаивали Бала-

клаву въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, не смотря на ея бомбардировку съ моря и съ суши. Что за сказка? подумали мы: этого быть не можетъ! вѣроятно, какой нибудь отрядъ, рекогнисцируя, занялъ Балаклаву — и только.

Чтобы провѣрить это предположеніе, князь послалъ лазутчиковъ поразвѣдать, какъ велики силы, занявшія Балаклаву? Отдѣленные отъ города горами, мы не могли слышать выстрѣловъ; при всемъ томъ князь, сомнѣваясь въ бдительности аванпостовъ и разъѣздовъ, придалъ вѣры этому показанію болѣе, нежели кто-либо изъ насъ. Онъ зналъ, что мѣстность, по которой непріятель могъ двигаться, до того пересѣчена и отъ нашихъ наблюденій закрыта, что неопытные разъѣзды, вѣроятно, опасались забираться далеко въ горы и лѣса. Такъ оно и вышло.

Утромъ 16-го сентября пріѣхалъ казацкій офицеръ съ донесеніемъ отъ наблюдательныхъ постовъ, что „все обстоитъ благополучно" и новаго ничего нѣтъ. Сомнѣваясь въ справедливости этого донесенія, князь спросилъ офицера:

— „Да хорошо-ли вы видите непріятеля? Не ошибаетесь-ли вы?"

— Помилуйте, ваша свѣтлость! Да вотъ, съ этой самой высоты (офицеръ указалъ на гору) видно все, какъ на ладони.

— „Да что-же тутъ видно?"

— Да все—и даже флотъ.

Подозвавъ меня, князь велѣлъ мнѣ въѣхать на указанную, очень высокую гору и оттуда разсмотрѣть все, хорошенько. Высота эта лежала отъ насъ верстахъ въ трехъ.

Тотчасъ послѣ обѣда я отправился, взявъ съ собою Балаклавскаго грека и четырехъ казаковъ, затѣмъ, что свѣтлѣйшій предупредилъ меня быть осторожнымъ, такъ какъ, по увѣреніямъ казаковъ, станъ непріятелей близко [1]). Полагая себя вблизи непріятеля, я ѣхалъ со всѣми предосторожностями и когда взобрался на упомянутую гору, то увидѣлъ, что кругомъ, дѣйствительно, какъ на ладони—все пусто... лишь изъ-за высотъ, ближайшихъ къ устью Качи, замѣтно нѣсколько вымпеловъ.

Полагая, что его свѣтлость не можетъ удовлетвориться тѣмъ извѣстіемъ о союзной арміи, которое я могъ привезти ему съ этой высоты, я, оставивъ казаковъ наблюдать за окрестностями, поскакалъ по высотамъ праваго берега Качи къ ея устью. Мнѣ пришлось про-

---

[1]) Здѣсь, къ слову, замѣчу, что зоркость у казаковъ такъ отлично развита степною жизнію, что они разсматривали отдаленнѣйшіе предметы явственнѣе, нежели я могъ видѣть ихъ съ помощію моей карманной, зрительной трубки.
А. П.

ѣхать безъ малаго верстъ десять, покуда я не увидѣлъ флота надлежащимъ образомъ.

— Вотъ, думаю, и полагайся на наблюденія казаковъ: весь правый берегъ Качи чистъ отъ непріятеля, и на лѣвомъ рѣшительно ничего не видать на весьма значительное пространство, — а казаки увѣряютъ, что непріятель у нихъ на ладони!

Дѣлать было нечего; я рѣшился, перебравшись на другую сторону Качи, ночью послѣдить за огнями непріятельскихъ бивуаковъ. Чтобы князь не безпокоился о моемъ продолжительномъ отсутствіи, я послалъ казака извѣстить его свѣтлость о моемъ намѣреніи.

Покуда было свѣтло, я наблюдалъ за устьемъ Качи, въ глубину которой, мелкими командами, матросы непріятельскаго флота отправлялись за водой. Чтобы они не разбѣгались и не были потревожены нашими, ихъ окружала густая цѣпь... Стало смеркаться. Матросы очистили Качу, а я спустился до подошвы остроконечной горы, мною заранѣе выбранной на лѣвомъ берегу; потомъ, когда, взбираясь на гору, достигъ ея половины—то уже и совсѣмъ стемнѣло. Я слѣзъ съ лошади, отдалъ ее подержать греку и продолжалъ карабкаться ощупью. На вершинѣ я нашелъ разостланное одѣяло, вѣроятно, оставленное здѣсь татарками, приходившими сюда наблюдать за ходомъ дѣлъ. На горѣ, я около часу дожидался непріятельскихъ огней, но не примѣтилъ и малѣйшаго признака близости бивуака: мракъ кругомъ, мракъ кромѣшный и мертвая, невозмутимая тишина. Нѣтъ сомнѣнія, что казаки, боясь при разъѣздахъ податься впередъ, выдумывали свои донесенія!

Убѣдившись въ этомъ, я поспѣшилъ къ свѣтлѣйшему; онъ-же очень горевалъ, считая меня погибшимъ, ибо посланный мною казакъ пріѣхалъ лишь на другой день. Была глухая ночь, когда я прокрался въ свою палатку, чтобы не тревожить князя. Волнуемый неизвѣстностью, онъ не спалъ.

17-го сентября, чуть свѣтъ забрежжился, князь вышелъ изъ палатки и я доложилъ ему о результатѣ моихъ изслѣдованій. Свѣтлѣйшій удивился и потребовалъ къ себѣ командира казацкаго полка, полковника Тацина.

— „Вы мнѣ безпрестанно доносите,—началъ князь,—что слѣдите за непріятелемъ, и разсказываете гдѣ онъ расположенъ?"

— Точно такъ, ваша свѣтлость.

— „Такъ поѣзжайте-же сами и удостовѣрьтесь въ справедливости вашихъ донесеній. Чтобы привезти мнѣ точное свѣдѣніе, подъѣзжайте поближе, возьмите съ собою отборныхъ 60 казаковъ; кромѣ того, я, въ товарищи вамъ пошлю строеваго офицера. Отправляйтесь сейчасъ".

Призвавъ поручика Лейхтенбергскаго гусарскаго полка Стааля 2-го, свѣтлѣйшій сказалъ ему:

— „Поѣзжайте съ Тацинымъ; развѣдайте хорошенько о непріятелѣ. Тацину я не вѣрю: онъ далеко не поѣдетъ и опять навретъ".

Поѣхали. По пути Тацинъ, то и дѣло, оставлялъ казаковъ для обезпеченія своего личнаго тыла и фланговъ, и все уговаривалъ Стааля не вдаваться черезъ чуръ впередъ. Повидимому, они напали на слѣдъ непріятеля, ибо на пути имъ попадались трупы лошадей, брошенная аммуниція и свѣжія могилки. Запахъ непріятеля ужасно тревожилъ Тацина. Такъ переѣхали они Бельбекъ и поднялись надъ ауломъ Камышлы. Стааль приглашалъ Тацина осмотрѣть аулъ для отысканія тамъ языка; но полковникъ рѣшительно отказался ѣхать дальше, сказавъ, что ему не съ кѣмъ сдѣлать этотъ осмотръ. И въ самомъ дѣлѣ, за нимъ, изъ 60 казаковъ,—осталось всего шесть.

— Куда-же дѣвалась ваша команда? спросилъ Стааль.

— Да оставлялъ по постамъ.

— Неужели-же вы для обезпеченія себя поставили 54 поста?

— Нѣтъ; многіе изъ нихъ сами разбрелись. Вы слишкомъ далеко заѣхали, такъ ка́къ же ихъ удержать?!

Вслѣдствіе этого разговора, Стааль, осмотрѣвъ аулъ одинъ, нашелъ его совершенно опустѣлымъ; бродила одна лишь нищая татарка. Таковы были свѣдѣнія, сообщенныя Стаалемъ.

Между тѣмъ свѣтлѣйшій, съѣздивъ въ отрядъ Жабокрицкаго, передвинулъ его на высоту праваго берега Бельбека надъ Дуванкой. Въ это время прибывшій изъ Севастополя Стеценко встрѣтилъ князя и окончательно разъяснилъ движеніе союзной арміи. Князь немедленно послалъ въ Петербургъ флигель-адъютанта Альбединскаго доложить Государю Императору объ успѣхѣ флангового движенія и о появленіи нашего дѣйствующаго отряда въ тылу у союзниковъ, которое вынудило ихъ перебѣжать на южную сторону Севастополя, гдѣ князь надѣется запереть ихъ, оберегая въ то же время наше сообщеніе съ Россіею.

А. А. Панаевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРІѢЗДЪ Э. И. ТОТЛЕБЕНА ВЪ СЕВАСТОПОЛЬ

въ августѣ 1854 г.

Въ разсказахъ А. А. Панаева о князѣ А. С. Меншиковѣ, помѣщенныхъ въ „Русской Старинѣ" 1877 г. въ томѣ XVIII-мъ встрѣчается множество весьма любопытныхъ и новыхъ подробностей о положеніи дѣлъ въ Севастополѣ и въ арміи, предводимой кн. Меншиковымъ. Однако, нѣкоторые изъ сообщенныхъ авторомъ фактовъ требуютъ провѣрки ихъ путемъ исторической критики. Въ предлагаемой ниже замѣткѣ, остановимся на прибытіи, осенью 1854 года, въ Севастополь тогдашняго сапернаго подполковника Э. И. Тотлебена. Авторъ „разсказовъ" говоритъ объ этомъ слѣдующее: „Въ южной арміи Тотлебенъ состоялъ при генералѣ К. А. Шильдерѣ и, послѣ его смерти, будучи свободенъ и не получая опредѣленныхъ занятій у кн. М. Д. Горчакова, отправился въ Севастополь, посмотрѣть вооруженную крѣпость, ожидающую непріятеля". Относительно этой замѣтки должно сказать, что подполковникъ Тотлебенъ никогда не отпрашивался у князя Горчакова въ Севастополь; командировка его въ Крымъ состоялась при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Во время отступательнаго движенія нашей арміи изъ княжествъ въ предѣлы Россіи, въ главную квартиру Дунайской арміи стали уже проникать положительныя свѣдѣнія о высадкѣ въ Крымъ, подготовляемой союзниками въ Варнѣ. Участь, которая ожидала открытый съ сухаго пути Севастополь[1]), въ случаѣ осуществленія непріятелемъ по-

---

[1]) На южной сторонѣ Севастополя, ко времени высадки французовъ, виднѣлись только слабые начатки укрѣпленій, которыя едва обозначали собою направленіе оборонительной линіи, раскинутой на протяженіи семи верстъ и долженствовавшей прикрыть городъ и морскія учрежденія наши съ сухаго пути. Только на одну треть всей окружности южной стороны существовала ка-

добной попытки, сильно тревожила князя Горчакова; въ виду этого обстоятельства, князь рѣшился немедленно отправить въ Крымъ опытнаго военнаго инженера, который могъ бы укрѣпить сообразно обстоятельствамъ Севастопольскую позицію. 2-го августа, въ Фокшанахъ, подполковникъ Тотлебенъ былъ неожиданно призванъ къ князю Горчакову, который, ознакомивъ его съ положеніемъ дѣлъ и грозящимъ намъ вторженіемъ, объявилъ ему, что онъ командируетъ его въ распоряженіе князя Меншикова въ Севастополь; вмѣстѣ съ тѣмъ князь Михаилъ Дмитріевичъ сказалъ Э. И. Тотлебену, чтобы онъ постарался быть здѣсь полезнымъ, не только при устройствѣ укрѣпленій, но и всюду, гдѣ того потребуютъ обстоятельства.

Письмо князя Горчакова, переданное подполковникомъ Тотлебеномъ, 10-го августа 1854 г., въ Севастополѣ, князю А. С. Меншикову, имѣло нижеслѣдующее содержаніе [1]):

Фокшаны.—1-го августа 1854 г.

„Любезный князь [2])! Я считаю ваше положеніе въ высшей степени труднымъ. Есть вѣроятіе, что англо-французы высадятся въ числѣ до 50,000 человѣкъ, и съ такими силами представляется возможнымъ отбросить вась въ Севастополь и приступить къ осадѣ этой крѣпости съ сухопутной стороны. И такъ, вы можете быть поставлены въ необходимость защищать почти совершенно открытый городъ. Въ такомъ случаѣ, всего лучше возвести полевыя укрѣпленія и защищать ихъ, подобно туркамъ, устраивая контръ-апроши. Но для этого необходимо располагать не только усердными и учеными инженерами, но и привычными къ огню. Судя по тому, что вы мнѣ однажды писали, я полагаю, что вы не богаты хорошими инженерами; во вся-

---

менная оборонительная стѣнка, подверженная артиллерійскимъ выстрѣламъ съ дальняго разстоянія; на остальныхъ же двухъ третяхъ городъ былъ совершенно открытъ и имѣлъ только нѣсколько слабыхъ батарей, раздѣленныхъ большими промежутками, сквозь которые непріятель, при первомъ своемъ появленіи, могъ легко ворваться въ городъ. Притомъ батареи эти были вооружены орудіями весьма малаго калибра. Вообще же укрѣпленія южной стороны Севастополя въ августѣ мѣсяцѣ 1854 г. могли бы только оказать нѣкоторое сопротивленіе татарамъ. Императоръ Николай вполнѣ вѣрно оцѣнилъ то опасное положеніе, въ которое былъ бы поставленъ Севастополь въ случаѣ высадки союзниковъ въ Крыму, и писалъ князю Варшавскому, 21-го іюля 1854 г., что защита Севастополя «по степени сухопутной обороны, невозможна почти безъ значительной силы».

[1]) Переводъ съ французскаго.

[2]) Военно-ученый архивъ, дѣло № 4253. (Изъ бумагъ князя Меншикова, переписка свѣтлѣйшаго съ кн. М. Д. Горчаковымъ о политическихъ и военныхъ дѣлахъ). Н. Ш.

комъ случаѣ, я сомнѣваюсь, чтобы у васъ были офицеры опытные въ осадномъ искусствѣ. Поэтому я полагаю оказать вамъ истинно дружескую услугу, предоставляя въ ваше распоряженіе полковника Тотлебена, который вручитъ вамъ это письмо. Это лучшій ученикъ Шильдера, дѣятельный, умный, храбрый какъ его шпага; онъ вполнѣ посвященъ въ необычайныя ухищренія почившаго, и имѣетъ преимущество не быть съумашедшимъ на три четверти, какимъ былъ Шильдеръ [1]). Если вы полагаете, въ чемъ я нисколько не сомнѣваюсь, что Тотлебенъ будетъ вамъ полезнымъ, оставьте его при себѣ, пока я его не потребую обратно, такъ какъ отсутствіе его будетъ для меня весьма чувствительнымъ, и очень возможно, что я буду поставленъ въ необходимость просить васъ возвратить мнѣ его. Если же, напротивъ, вы сочтете, что онъ не нуженъ вамъ, отпустите его тотчасъ ко мнѣ.

„15,000 турокъ занимаютъ Букарестъ. Омеръ вступаетъ въ городъ сегодня. Говорятъ, что онъ намѣревается продолжать наступленіе; но онъ будетъ медленно подвигаться впередъ. Безъ этихъ австрійцевъ, какое было бы для меня счастіе броситься къ нему на встрѣчу. и пр. [2])".

---

[1]) Относительно дѣятельности генералъ-адъютанта Шильдера на Дунаѣ и причинъ, вызвавшихъ нерасположеніе къ нему М. Д. Горчакова, см. «Русскую Старину» 1875 г.

[2]) Mon cher Prince! Je regarde Votre position comme difficile au plus haut dégré. Il est probable que les Anglo-Français débarqueront une cinquantaine de mille hommes et avec des forces semblables il n'est pas impossible qu'ils vous refoulent à Sévastopol et ne viennent mettre le siège devant cette place du côté de la terre. Vous pourez donc être réduit à défendre une place à peu près ouverte. Le mieux en paveil cas sera de faire des ouvrages de campagne et de les défendre à la manière des Turcs en faisant des contre approches. Mais pour cela il faut des ingénieurs non seulement de bonne volonté et savants, mais encore accoutumés au feu. D'après ce que vous m'avez écrit une fois, je crois que vous n'êtes pas riche en bons ingénieurs, en tout cas je doute que vous en ayez qui aient la pratique des sièges. Je crois donc vous rendre un service de véritable ami, en mettant à votre disposition le Colonel Totleben qui vous remettra cette lettre. C'est le meilleur élève de Schilder; actif, intelligent, brave comme son épée; il est entièrement initié aux tours de force du défunt et a l'avantage de ne pas être fou au trois quarts comme l'était Schilder. Si vous croyez comme je n'en fais aucun doute, que Totleben vous sera utile, gardez le jusqu'à ce que je vous le redemande, car son absence me sera très sensible et il est possible que je me trouve dans la nécessité de vous prier de me le renvoyer. Si au contraire vous jugez qu'il ne vous est pas nécessaire, renvoyez le moi de suite.

15,000 Turcs occupent Bucarest, Omer y entre aujourd'hui. On dit qu'il veut avancer; il ne le fera qu'à pas de loup. Sans ces misérables Autrichiens quelle bonne fortune ce serait pour moi de courir sus à cet animal.

Recevez, mon Prince, l'assurance de mon bien sincère dévouement. Michel Gortchakoff. Н. Ш.

Не довольствуясь, однако, письмомъ отъ 1-го августа, князь Горчаковъ послалъ свѣтлѣйшему другое письмо, 19-го августа, изъ Бырлата [1]). Приводимъ изъ него небольшой отрывокъ, относящійся именно до порученія, даннаго подполковнику Тотлебену:

„Ежедневно ожидая высадки англо-французовъ въ Крыму, не могу не приписать замедленія въ исполненіи этого предпріятія наступательному характеру, приданному дѣйствію моихъ войскъ до тѣхъ поръ, пока коварство Австріи не заставило насъ снять осаду Силистріи. Надо полагать, что англо-французы, развлеченные моими дѣйствіями на правомъ берегу Дуная, обратили все вниманіе на оборону Балканъ и что, только узнавъ о нашемъ возвращеніи въ Валахію, они рѣшились заняться серіезными приготовленіями противъ Крыма. Послѣднія газеты, которыя я читалъ, сообщаютъ, что они предполагаютъ сѣсть на суда 17-го (29-го) этого мѣсяца. Если это извѣстіе вѣрно, они должны уже находиться на вашихъ берегахъ. Такъ какъ для меня въ высшей степени важно знать, въ возможно скорѣйшее время, моментъ ихъ высадки противъ васъ, я посылаю вамъ при семъ фельдъегеря, прося васъ, любезный князь, написать мнѣ нѣсколько словъ и отправить его обратно, какъ только они начнутъ высадку [2]). Потрудитесь также увѣдомить меня, довольны ли вы Тотлебеномъ, котораго я вамъ послалъ [3])?

---

[1]) Письмо это было получено кн. Меншиковымъ 23-го августа, какъ видно изъ собственноручной замѣтки свѣтлѣйшаго на подлинномъ письмѣ.

[2]) По поводу писемъ князя Горчакова отъ 1-го и 19-го августа 1854 г., князь Меншиковъ писалъ военному министру 26-го августа изъ Севастополя нижеслѣдующее:

«Michel Gortchakoff semble être dans la conviction que les alliés n'abandonnent pas l'idée d'une entreprise sur Sévastopol, car il vient de m'envoyer un feldjäger pour lui porter de suite la nouvelle de leur débarquement ici. Je n'y crois pas, tout en me temi et prêt à recevoir l'ennenant alerte».

«M. Gortchakoff m'a rendu en même temps un grand service par l'envoi du L-t Colonel des Sapeurs Totleben, que j'ai mis de suite à la besogne. C'est un officier d'une grande activité et qui a le coup d'oeil militaire, ce qui le met au dessus des *batisseurs* ordinaires».

(Военно-ученый архивъ № 4254. Переписка кн. А. С. Меншикова съ кн. В. А. Долгорукимъ).

[3]) Князь Меншиковъ отвѣчалъ только 29-го сентября 1854 г. на вопросъ князя Горчакова, доволенъ ли онъ присылкою Тотлебена, а именно, въ слѣдующихъ словахъ: «Стараніями Тотлебена Севастопольскія укрѣпленія значительно усилены въ теченіи этого мѣсяца и вамъ я благодаренъ, какъ за величайшую услугу, за то, что послали мнѣ сюда Тотлебена». Письмо это напечатано въ «Русской Старинѣ» изд. 1875 года, томъ XII. Н. Ш.

Это драгоцѣнный человѣкъ и который, я полагаю, можетъ быть вамъ очень полезенъ" [1]).

Изъ помѣщенныхъ выше двухъ писемъ князя Горчакова видно, что нельзя утверждать, будто князь Горчаковъ не дорожилъ Тотлебеномъ; напротивъ того, недоразумѣнія, возникшія въ Дунайской кампаніи между княземъ Горчаковымъ и генералъ-адъютантомъ Шильдеромъ, нисколько не помѣшали командующему войсками избрать для обороны Севастополя, по собственному почину, именно подполковника Тотлебена, какъ инженера, заслужившаго своими дѣйствіями на Дунаѣ полное его довѣріе.

Н. К. Шильдеръ.

Черновой рескриптъ герцогини Курляндской Анны Іоанновны членамъ Верховнаго Тайнаго Совѣта.

Писанъ собственноручно княземъ Василіемъ Лукичомъ Долгоруковымъ (казненъ въ 1739 г.). Слова напечатанныя курсивомъ въ подлинникѣ зачеркнуты. Печатаемъ буквально.

Дано въ Нитавѣ 28-го января 1730 года.

"Любезно вернымъ нашимъ подданнымъ присутствуюшимъ въ Тайномъ верховномъ совѣтѣ. Отправленные отъ васъ любезно-верные намъ *кн. Л.* Тайны дѣйствительны Советникъ и членъ Тайнаго верховнаго Совѣта князь В. Долгорукой, да тайно совѣтникъ и сенаторъ князь Михайлю Голицынъ и генералъ-маіоръ Михайло Левонтьевъ 25-го числа сего мѣсяца пріехавъ к намъ в Нитаву горестную и неопи-

---

[1]) Tous les jours dans l'attente de la descente des Anglo-Français en Crimée, je ne puis attribuer le retard qu'éprouve cette opération de leur part qu'à l'attitude purement offensive que mes troupes ont tenue, jusqu'au moment où la perfidie de l'Autriche nous a obligé à lever le siège de Silistrie. Il faut que jusqu'à ce moment les Anglo-Français, distraits par mes opérations transdanubiennes, aient tourné toute leur attention sur la défense des Balcans et que ce ne soit qu'après avoir appris notre retour en Valachie, qu'ils se soient décidé à faire des préparatifs sérieux contre la Crimée. Les derniers journaux que j'ai lu annocent qu'ils comptaient s'embarquer le 17 (29) de ce mois. Si cette nouvelle est vraie vous devez les avoir dejà sur vos côtes. Comme il est du plus haut intérêt pour moi de savoir aussi vite que possible le moment de leur descente contre vous, je Vous envoie le présent feldjäger en vous priant, mon cher Prince, de l'expédier avec quelques mots de votre part, aussitôt qu'ils commenceront à l'opérer. Veuillez m'informer aussi si vous êtes content de Totleben, que je vous ai envoyé. C'est un sujet précieux et qui, je pense, pourra vous être très utile.

санную и *зело чюв и горестную намъ нашей* объявили намъ печаль. *что* о преставленіи *любезнѣйшаго нашего племянника Петра перваго втораго, что та печаль толь мы чювствуемъ* Его Імператорскаго вели. Петра второго, нашего любезнѣйшаго племянника и Государя, мы какъ *по кровной* по близости крови, такъ и по всемъ Его величества благосклоннымъ къ намъ поступкамъ, признаваемъ тое печаль за крайнее божеское наказаніе *всей* нашей фамили и всемъ россійскаго народа праволюбяпшимъ дрожайшее свое отечество. Потомъ вышеупомянутые отправленные къ намъ отъ васъ особы объявили намъ, что, по соизволенію всемогущаго Бога, которой *скипетрами* токмо единъ короны и скипетры *монаршески* монархамъ опредѣляетъ, избраны мы на Россійской прародителей нашихъ престолъ и хотя я разсуждала коль тяшко есть правленіе толь великой и славной монархіи, однакожъ повинуясь той божеской воли *и призвавъ* и прося его Создателя помощи, къ тому-жъ *не хотя оставить прародительскаго нашего престола*, не хотя оставить отечества моего и верныхъ нашихъ подданныхъ *намѣрена взя* намѣрелась принять державу того государства *и вести* и правительствовать елико Богъ мнѣ *да* поможетъ, *такъ чтобъ въ началѣ всѣ чины Роси*, всѣ наши подъданные, какъ мірскіе, такъ и дохные, могли быть доволны, а понеже къ *такому*, тому моему намѣренію потребны благіе совѣты, какъ *всякъ* и во всѣхъ государствахъ чинится того *для я еще прежде вступленія моего на Россійской престолъ разсудила, я разс. еще прежде*, для предъ вступленіемъ моимъ на Россійской престолъ по здравомъ разсужденіи изобрѣли мы за потребно для ползы Россійскаго государства *и всѣхъ вѣрныхъ подданныхъ* и ко удовольствованію вѣрныхъ нашихъ подданъныхъ, дабы всякъ могъ ясно видѣть горячесть и правое наше намѣреніе, которое мы имѣемъ къ отечествію нашему и къ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ и для того *написавъ* елико время насъ допустило, написавъ *способы* какими способы мы то правленіе вести хошемъ и подписавъ нашею рукою *отправили* послали для соблюденія въ тайной верховной совѣтъ, а сама сего мѣсяца въ 29-й день, конечно, изъ Нитавы къ Москвѣ для *принятія пре* вступленія на престолъ пойдемъ; *вручаемъ васъ какъ васъ, такъ и всѣхъ нашихъ вѣрныхъ подданныхъ всемогущему Богу;* впрочемъ обѣшаемъ *нашу монарше* вамъ и *всему* всѣмъ нашимъ подданнымъ нашю монаршескую милость, которую по прибытіи нашемъ дѣйствительно показать хошемъ и всѣхъ васъ вручаемъ всемогущему Богу".

Сообщ. **А. Ѳ. Бычковъ.**

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ СѢРОВЪ

его очерки и замѣтки.

1846 г.

Письма А. Н. Сѣрова къ В. В. Стасову [1]).

22-го марта 1846 г.

Въ оперной музыкѣ необходимы минуты, когда музыка вступаетъ во всѣ свои права, т. е. минуты, въ которыхъ менѣе противъ другихъ дѣйствія,—одинъ моментъ, одна группа различныхъ чувствъ и страстей—на нѣсколько времени stationnaire [2]); это, кромѣ органической законности, необходимо и по отношенію къ слушателямъ, какъ нѣкоторый отдыхъ отъ постояннаго и еще возрастающаго съ каждой сценой увлеченія (само собою разумѣется, что всѣ либретты должны быть въ высшей степени интересны, діаметрально противуположны тому, что̀ до сихъ поръ было; ты не ошибся сказавъ, что и Моцартовы оперы, кромѣ „Фигаро", всѣ должны быть скучны на сценѣ. Я это давно думалъ). Но тутъ большая трудность, во 1-хъ, въ выборѣ настоящей минуты для такихъ чисто-музыкальныхъ моментовъ, во 2-хъ, въ мѣрѣ протяженія ихъ, чтобъ не ослабить драматическій интересъ и не впасть въ симфоніальность (или ораторность), въ 3-хъ, наконецъ, въ самой постройкѣ такихъ morceaux d'ensemble, чтобы при общемъ намѣреніи, при общей музыкѣ, всѣ характеры оставались вѣрны самимъ себѣ. Для всѣхъ трехъ трудностей нѣтъ и не можетъ быть никакихъ общихъ правилъ. Всякій разъ все иначе. Я больше и больше убѣждаюсь, что въ искусствѣ всѣ рецепты, какъ бы они умно ни

---

1) См. «Русскую Старину» изд. 1877 г., томъ XVIII, стр. 145—158; 363—368.

2) Въ остановкѣ.

были составлены, сущій вздоръ. Образцомъ не погрѣшимыхъ для такого morceau d'ensemble остается, по мнѣ, конецъ финала 2-го акта „Фигаро“, отъ словъ „Qualche diavol del inferno“. Тутъ все такъ, и кстати. Въ другихъ Моцартовыхъ ensembles той же фактуры есть невыдержанности противъ смысла, и я увѣренъ, что только этотъ финалъ „Фигаро“ на сценѣ произведетъ желаемое нами дѣйствіе. Но есть бездна совершенно новыхъ дорогъ для ensembles такого рода, какъ ты самъ когда нибудь увидишь.

Я не люблю всѣ оперы за ихъ ненатуральность, и повторялъ Самойлову (братъ артиста) мои собственныя намѣренія, т. е. insofern [1]), сколько можно объяснить эти намѣренія не-музыканту. Онъ видитъ, что необходима цѣлая реформа, но еще недавно долго спорилъ со мной, что мои проекты неисполнимы, ибо требуютъ отъ исполнителей, не считая всѣхъ пѣвческихъ совершенствъ, въ высшей степени превосходной игры, чего, по мнѣнію его, соединить невозможно: забота о механическомъ управленіи голосомъ всегда будетъ отвлекать вниманіе опернаго актера отъ игры. Я, натурально, возражалъ на это, но мало, потому что надо было бы слишкомъ распространиться, а это было въ гостяхъ, и слишкомъ серьезной бесѣдѣ не было мѣста. Но этотъ разговоръ заставилъ меня еще болѣе убѣдиться въ прежнихъ моихъ мысляхъ по этому предмету. Я наконецъ пришелъ къ такому результату, что, совершенно на оборотъ мнѣнію Самойлова (и, я думаю, большинства публики), въ истинныхъ операхъ, какъ я ихъ понимаю, игра сценическая будетъ легче для актера-пѣвца, чѣмъ въ драмахъ, именно потому, что въ оперѣ—главная часть игры достается на долю композитора, т. е. вездѣ, постоянно: потрафленіе атмосферы, общей для каждой сцены, и частной для каждаго лица (а этой-то атмосферы—въ актерахъ никто не понимаетъ ничего, кромѣ такихъ художниковъ, какъ, напримѣръ, Plessy), сила или слабость интонаціи въ каждой фразѣ, въ каждомъ словѣ, со всѣми безчисленными оттѣнками, наконецъ, время впаденія каждой рѣчи и необходимыя паузы. Что̀ же остается актеру? Кромѣ красоты движеній, остается только ни на шагъ не отступать отъ указаній композитора, выраженныхъ столько доступными для каждаго формами музыки. Я думаю, ты будешь съ этимъ согласенъ и порадуешься вмѣстѣ со мною, что, напримѣръ, для Тизбы, въ оперѣ, не нужно будетъ такой артистки какъ Плесси или даже какъ Albert [2]). Игра ея будетъ продиктована въ партитурѣ. Я даже нарочно замѣчалъ, напримѣръ, музыку Моцартовскихъ оперъ трудно

---

[1]) Настолько.

[2]) Парижская актриса, пріѣзжавшая въ Петербургъ въ 1843 г. В. С.

такъ дурно исполнить, чтобъ она была не натуральна. Сами звуки за себя говорятъ, и надобно всю какую-то ослиную деревянность Тамбурини pour rendre „Don Juan" méconnaissable [1]). Вообще мнѣ кажется, что для настоящаго исполненія музыкальныхъ драмъ не столько важны отдѣльные исполнители, какъ присутствіе одной головы, которая бы всѣмъ, всѣмъ управляла и распоряжалась. Это, такъ сказать, высшее режиссерство, котораго только одна часть—капельмейстерство. (Во мнѣ еще живетъ мысль, что когда нибудь, гдѣ нибудь, я заставлю исполнить, напримѣръ, Моцартовскаго „Фигаро" какъ слѣдуетъ). Безъ такого высшаго режиссера, при самыхъ хорошихъ отдѣльныхъ исполнителяхъ, все будетъ вяло, блѣдно, мертво. Кто же внушитъ исполнителямъ эту неразрывную связь каждой ноты въ партитурѣ съ ихъ игрой, отдѣльной и всѣхъ вмѣстѣ? Кто исполнитъ эту связь между партитурой и декораціями? Тутъ вездѣ должна быть одна жизнь, одно дыханіе. Иначе опера будетъ (чѣмъ была и есть) вещь скучная и нелѣпая.

...Въ операхъ, какъ мы ихъ понимаемъ, не могутъ оставаться дурацкіе хоры и полубалетные марши, [2]) также какъ и все, что называлось когда-то великолѣпнымъ спектаклемъ (это еще начатки увеселительнаго направленія сцены во времена òны у французовъ), но я не думаю, чтобъ нужно было стѣснить рамки оперы навсегда такъ, чтобы въ оперу выбирались сюжеты чисто интимные, драмы между малымъ числомъ лицъ, а ужъ если согласиться, что могутъ быть и иные сюжеты, кромѣ этихъ внутреннихъ сердечныхъ драмъ, то очень легко можетъ возвратиться при историческихъ сюжетахъ надобность въ хорахъ. Все дѣло въ томъ, чтобъ хоры были съ дѣйствіемъ, чтобы въ нихъ была истинная потребность, и не сочинять хоры для того, чтобъ сдѣлать хоры. Въ историческихъ сюжетахъ очень часто народъ играетъ важную роль, и мнѣ кажется, что въ этомъ именно случаѣ музыкальная драма имѣетъ огромный перевѣсъ предъ простою драмою. Тамъ народъ на сценѣ никогда не удается, въ оперѣ же, какъ я понимаю историческую оперу, народъ можетъ быть выраженъ какъ нельзя лучше, и нисколько не впадая въ ораторность. Тó совсѣмъ другое дѣло. Припомни нѣсколько тактовъ хора (oh! oh!) въ квинтетѣ „Титуса" [3]), о чемъ еще весьма дѣльно говорилъ Улыбышевъ. Но я, вмѣстѣ съ тѣмъ, совершенно согласенъ, что подобные случаи, когда хоръ необходимо долженъ встрѣчаться, очень рѣдки, и никогда опера,

[1]) Чтобъ сдѣлать «Донъ Жуана» неузнаваемымъ.

[2]) Въ послѣдствіи, А. Н. Сѣровъ забылъ всѣ эти соображенія, и въ своихъ операхъ писалъ и марши и хоры въ старинныхъ общепринятыхъ формахъ. **В. С.**

[3]) Моцарта.

хотя бы самая историческая, не должна состоять преимущественно изъ хоровъ, какъ какіе нибудь „Гугеноты". Мейерберъ искалъ только шуму, чтобъ сильно подѣйствовать на парижскую, всѣмъ пресыщенную публику, и, какъ прекрасно гдѣ-то сказано, il a profané la muse [1]). Мнѣ теперь всегда какъ-то больно вспомнить объ его операхъ. Это именно святотатство. Я очень помню, какъ въ 1842 г., въ одномъ изъ первыхъ моихъ разговоровъ съ Глинкою, quels grands yeux j' ai fait [2]), когда онъ сказалъ мнѣ, что не любитъ Мейербера!! Я помню также, что я чрезвычайно удивился, когда Глинка мнѣ сказалъ, что считаетъ „Вильгельма Телля" за слабѣйшее произведеніе Россини, и что все, что̀ есть порядочнаго въ увертюрѣ, весьма слабое обезьянничество съ „Пасторальной симфоніи". Не такъ-ли мы теперь сами думаемъ? А ужъ вѣрно Глинка (который даже иногда едва ли ни подражаетъ Мейерберовскимъ замашкамъ) никогда такъ не ненавидѣлъ этого жида, какъ я его теперь ненавижу отъ чистаго сердца (хотя бы и весьма радъ былъ когда-нибудь порядкомъ покопаться въ его партитурахъ).

23-го марта 1846.

Чрезвычайно мѣтко твое замѣчаніе, что всѣ сюжеты сильно-объективные (все чудесное, сверхъестественное, процессіальное и, пожалуй, вообще „фальшиво-національное"), какъ легко выгибающіеся подъ музыку, весьма соблазнительны для композитора. Я какъ-то, по случаю „Руслана и Людмилы" (и какъ сейчасъ помню, прошедшимъ лѣтомъ въ Ораніенбаумѣ), смѣялся вмѣстѣ съ сестрой Sophie, что Глинка рѣшительно двухъ тактовъ музыки не могъ бы написать на такой оперный сюжетъ, гдѣ-бы дѣйствующіе были въ нашемъ современномъ костюмѣ, и гдѣ-бы не было спасенія ни въ хорахъ, ни въ маршахъ, ни какихъ-нибудь курьезныхъ карликахъ и „лезгинкахъ". Но, съ другой стороны, мнѣ кажется, что каковъ бы ни былъ оперный сюжетъ, композитору весьма позволительно съ особенною любовью останавливаться на тѣхъ сценахъ, гдѣ, кромѣ глубокой внутренней драмы, есть обыкновенный внѣшній колоритъ, придающій новое очарованіе. Я скажу больше: двѣ — три такія сцены могутъ остановить выборъ композитора на такомъ или такомъ сюжетѣ. (Не знаю, читалъ-ли ты въ „Отечественныхъ Запискахъ" прошлаго года романъ Шарля Бернара „Вотчимъ"? Тутъ есть одна сцена на кладбищѣ, въ современномъ Парижѣ, которой горячее и энергически-сжатое внутреннее дѣйствіе, вмѣстѣ съ спокойнымъ, холоднымъ, по-

[1]) Онъ профанировалъ музу.

[2]) Какъ я вытаращилъ глаза.

гребальнымъ колоритомъ кладбища въ осенній вечеръ, поразило меня и заставляетъ меня думать, что я, быть можетъ, сдѣлаю что-нибудь изъ этой вещи. Эта одна сцена, какъ я ее понимаю, по моему мнѣнію, на оперной сценѣ не уступитъ дивной интродукціи „Донъ Жуана", которой до сихъ поръ нѣтъ ничего подобнаго,—но, разумѣется, употребивъ какъ слѣдуетъ эту сцену, и еще двѣ другихъ, не многимъ слабѣйшихъ, надо пересоздать все по своему. И то со временемъ: есть подъ руками довольно другихъ вещей).

То, что ты пишешь объ увертюрахъ, совершенно справедливо, но да будетъ мнѣ позволено сказать—какъ я думаю. Ты сомнѣваешься, чтобъ въ оперѣ когда-нибудь нужно было до поднятія занавѣса приготовленіе слушателя къ предстоящему. Это иногда можетъ быть правда, а иногда приготовленіе нужно. Т. е. и здѣсь нѣтъ общаго правила. И музыку въ этомъ отношеніи никакъ нельзя сравнивать съ пластическими искусствами или съ простою драмою. Музыка, одна изъ всѣхъ искусствъ, пользуется способностью понемногу вводить слушателя въ настоящую атмосферу, постепенно поставить его на ту точку, съ которой одной онъ можетъ получить все впечатлѣніе, котораго желалъ поэтъ-композиторъ. Почему же не употребить въ дѣло такое дивное преимущество музыки, когда сюжетъ можетъ требовать такого приготовленія. Дѣло художника различить: когда это нужно, и какъ нужно? (И въ музыкѣ не драматической, ораторной—самая вещь или прямо начинается съ первыхъ звуковъ, или ей предпосылается введеніе болѣе или менѣе опредѣлительное, болѣе или менѣе длинное, смотря по надобностямъ. Я говорю „разумѣется", имѣя въ виду Бетховенскія симфоніи: V-я и „Пасторальная" начинаются прямо, въ каждой изъ своихъ частей. Въ „Героической", напротивъ, одинъ маршъ—безъ приготовленія и скерцо, первая часть настоящимъ образомъ начинается только съ 15-го такта; передъ финаломъ также быстрое вступленіе, какъ-будто нѣсколько размашистыхъ штриховъ; сколько есть у Бетховена сонатъ, которыя онъ начинаетъ не прямо съ мысли. А уже объ IX-й симфоніи и упоминать нечего: кромѣ того, что она вся какъ-будто приготовленіе къ финалу, въ этомъ финалѣ какъ долго Бетховенъ какъ-будто не можетъ добраться до настоящаго, и все разныя приготовленія одно въ другомъ. Вообще, когда идутъ въ дѣло голоса человѣческіе, то никогда они не вступаютъ съ первыхъ тактовъ: это какъ будто основный законъ для каждой вокальной вещи. Доказательство—всѣ мессы (и Бетховская D-dur), начала всѣхъ ораторій, всѣхъ оперъ (уже по поднятіи занавѣса). Какъ сливается вступленіе (короткое или довольно длинное) съ самою вещью, объ чемъ говорится въ этомъ вступленіи—это тайны художника, но ты совершенно правъ, что рѣшительно ни къ чему не служатъ длинныя,

строго-формалистически развитыя увертюры, оканчивающіяся сами по себѣ, какъ что-то совсѣмъ отдѣльное отъ оперы (и увертюру „Донъ-Жуана" я не исключаю изъ этого числа, хотя она внѣшнимъ образомъ слита съ интродукціей). И такъ, иногда должны быть увертюры или интродукціи (до поднятія занавѣса), иногда нѣтъ; но когда есть, то, разумѣется, съ рѣшительнымъ, захватывающимъ всего слушателя дѣйствіемъ и во всякомъ случаѣ скорѣе очень короткое вступленіе, чѣмъ длинное, которое не направитъ вниманіе на предстоящую оперу, а скорѣе отвлечетъ.[1]).

Такъ какъ я упомянулъ объ IX-й симфоніи, то скажу кстати, что я недавно долго надъ нею думалъ, какъ надъ дивнымъ прототипомъ долженствующаго появиться истинно ораторнаго рода, противъ котораго глупы до нелѣпости покажутся формы такъ называемыхъ ораторій Генделя и Гайдна. Я говорю объ этомъ, потому что именно представлялъ себѣ все необъятное богатство такого рода музыки. Чего нельзя будетъ вмѣстить въ формы совершенно свободной амальгамы голосовъ и инструментовъ? Въ оперѣ совершенно иные законы, которые, натурально, никогда не допустятъ инструментальной части развиться самостоятельно, а, съ другой стороны, и вокальныя формы далеко не всѣ могутъ быть употреблены. Въ ораторіи же для музыки собственно нѣтъ никакихъ границъ. За минуту пущенные на всѣхъ парусахъ, голоса человѣческіе замолкнутъ и уступятъ всѣ свои права оркестру, который можетъ на свободѣ свиваться и развиваться какъ въ цѣлой отдѣльной части огромной симфоніи, а потомъ арія, по временамъ прерываемая хоромъ или опять однимъ оркестромъ; потомъ опять всѣ— на нѣсколько тактовъ. Однимъ словомъ, милліоны сочетаній самыхъ простыхъ и самыхъ небывалыхъ! (Ты поймешь, что я это не съ тѣмъ говорю, чтобъ насколько нибудь унизить оперу передъ ораторіей).

Французамъ, какъ ты столько разъ замѣчалъ, предоставлено какъ бы по инстинкту угадывать то въ искусствѣ, въ чемъ теперь нуждается человѣчество; но, принявшись за нововведеніе, они и остаются только при указаніи дороги, а въ отношеніи къ самому дѣлу навздорятъ. Берліозъ давно уже ухватился за IX-ю симфонію, какъ за новый родъ; но не говоря уже объ томъ, что онъ вовсе не композиторъ, онъ въ выборѣ сюжета такого, какъ „Ромео и Юлія", сдѣлалъ огромнѣйшую ошибку. Такой сюжетъ—или въ оперу, или вовсе не для музыки. Въ ораторію, по моему мнѣнію, должно идти все то, чему тѣсно на сценѣ, и все то, гдѣ хотя и есть дѣйствіе, но перевѣсъ остается за идеей.

---

[1]) Именно такими «вступленіями» А. Н. Сѣровъ началъ, въ послѣдствіи, всѣ три свои оперы. Онъ не написалъ ни одной увертюры. В. С.

Такъ „Der Gott und die Bayadere“. Этотъ восхитительный сюжетъ, какъ мнѣ кажется, выгибается какъ нельзя лучше подъ формы, о которыхъ я сейчасъ говорилъ, и я даже думаю, что въ немъ чисто инструментальная часть едва ли не возьметъ перевѣсъ. Этотъ сюжетъ сильно меня занимаетъ именно теперь.

1-го апрѣля 1846.

На прошедшей недѣлѣ, я написалъ русскій романсъ на слова Тургенева (въ 1-й книжкѣ „От. Зап.“ этого года, въ поэмѣ „Андрей“): „Отрава горькая слезы послѣдней“ и пр. Мнѣ, не знаю право, почему, понравились эти слова, и при всемъ томъ музыка вышла преплохенькая. Сознаваясь, въ глубинѣ души, въ такомъ ея достоинствѣ, я все-таки хотѣлъ узнать мнѣніе объ этомъ романсѣ другихъ, и пѣлъ его встрѣчному и поперечному. Всѣмъ понравилось, даже очень, такъ что я было началъ колебаться: уже въ самомъ дѣлѣ не порядочная-ли это вещица (ты знаешь ка̀къ меня, на счетъ меня самого, легко сбить съ толку). Натурально, что я чрезвычайно интесовался узнать, ка̀къ покажется этотъ романсъ Марьѣ Павловнѣ [1]), и зная, что, послѣ сонатъ, я самъ ни за что въ свѣтѣ не соглашусь играть такую дрянненькую вещь, я тотчасъ, съ начала вечера, спѣлъ его ей, и вотъ что̀ она сказала: „C'est joli, mais trop peu de chose, surtout pour vous, qui ne devez pas ecrire de pareille musique ou je me fâcherai!“ [2]). Я готовъ былъ благодарить ее на колѣняхъ за такой вѣрный отзывъ и за эту строгость, столько для меня благодѣтельную. Но вмѣстѣ съ этимъ, такой отзывъ заставилъ меня оглянуться на самого себя, и мнѣ стало стыдно и горько, скучно: что̀-же я такое, когда въ 26 лѣтъ, при всѣхъ возможныхъ средствахъ, я дѣлаю такой вздоръ, а дѣльнаго нѣтъ ничего, и ка̀къ я могу употребить хоть нѣсколько минутъ на такіе пустяки. Это показываетъ или какую-то глупость моей натуры, или отсутствіе настоящаго, — тогда къ чему мнѣ самое лучшее на землѣ счастіе?! Пришедши домой, я долго не могъ заснуть (это со мной очень рѣдко случается) и поутру всталъ рано, съ твердымъ намѣреніемъ въ это утро хоть начать что-нибудь дѣльное, если почувствую хоть какія нибудь въ себѣ силы. Воля значитъ много: я работалъ хорошо и утѣшился совершенно.

---

[1]) М. П. Анастасьева, одна изъ крымскихъ знакомыхъ А. Н. Сѣрова, очень образованная и умная дама; съ этихъ поръ между ними завязалась тѣсная, искренняя дружба, продлившаяся до конца ихъ жизни. **В. С.**

[2]) Это мило, но слишкомъ легко, особливо для васъ; вы не должны писать такой музыки, или я разсержусь.

4-го апрѣля 1846.

Мнѣ казалось бы не худо разсмотрѣть историческое развитіе оперы, которое навѣрно раскроетъ какъ нельзя лучше источникъ всѣхъ наростовъ, которые портятъ оперу до нашего времени. По моимъ понятіямъ, въ искусствѣ, да, кажется, и во всемъ, всего труднѣе людямъ добраться, чтобъ вещь была для самой вещи, безъ всякихъ, какъ называютъ педанты, сподчиненныхъ цѣлей. Давно-ли стали требовать, если еще стали, исторію для исторіи, картину для картины, а не какъ украшеніе дворцовъ и церквей, и не какъ поученіе; — драму для драмы, а не какъ назидательное представленіе того и другаго? Эта абсолютность, конечно, вышла во всемъ, — но если еще вообще театръ не всѣмъ требуется для театра, то сколько же въ этомъ случаѣ требуетъ перемѣны общее убѣжденіе на счетъ оперы? И натурально, что всѣ, кто имѣетъ въ виду не истину, вызывающую на реформы, а выгоды личныя, зависящія отъ вкуса публики, не могутъ разстаться съ тѣмъ, что, по давно принятому обычаю, существуетъ на оперной сценѣ, и чего публика какъ будто ждетъ, хотя и ей самой скучно отъ длиннѣйшихъ танцевъ и маршей, никому не интересныхъ. Но это навѣрно, что если будетъ на оперной сценѣ водворена правда, то публика сама будетъ смѣяться надъ какимъ-нибудь червоннымъ королемъ Сициліи въ „Робертѣ“ и надъ всѣми подобными вздорами. Только не рано ли это въ Россіи, которая въ эстетикѣ такъ молода еще, что на нее сильнѣе всего (и это фактъ, который я наблюдалъ съ разныхъ сторонъ) дѣйствуетъ все мелодраматическое? Сколько фазовъ должна перейти такая публика, чтобъ цѣнить на сценѣ правду такую, какъ, напримѣръ, въ игрѣ Плесси (и точно такая же должна быть въ операхъ). Мнѣ заранѣе чрезвычайно интересно, сколько преній и толковъ, даже въ нашей сонной публикѣ, возбудитъ реформа, которую я обдумываю изподтишка! Съ какимъ ожесточеніемъ бросятся эти хищные коршуны щипать мою бѣдную „Мельничиху“, хотя бы она явилась въ свѣтъ съ задняго крыльца, т. е. на сценѣ Александринскаго театра. Ты видишь, что мысль о „Мельничихѣ“ сильно меня занимаетъ опять.

8-го мая 1846.

О Félicien David'ѣ ты опять предупредилъ меня: я имѣлъ случай недавно проиграть всю его „Пустыню“ въ фортепіанной арранжировкѣ, и убѣдился совершенно, что все достоинство, за которое Berlioz такъ высоко ставитъ этого ничтожнаго француза — должно быть въ инструментовкѣ. Даже по фортепіанной глупой арранжировкѣ видно особенное тщаніе обработки оркестра, напримѣръ, въ маршѣ и въ восходѣ солнца. Оттого я только что собирался спросить тебя, не слышалъ ли ты эту симфо-

нію въ концертѣ Филармоническаго общества, когда ты мнѣ пишешь о партитурѣ. Всетаки жаль, что ты не слыхалъ исполненія; жаль также, что тебѣ не удалось прослушать кантаты Даргомыжскаго [1]). Должно быть (судя по отрывкамъ, которые онъ мнѣ игралъ самъ) сущая дрянь, но, вѣроятно, съ большими претензіями на все, и это было бы любопытно послушать. Ты не можешь представить себѣ, какъ меня радуетъ то, что теперь поле композиторства больше и больше загромождаютъ глупѣйшими вычурностями; тѣмъ разительнѣе будетъ возвращеніе къ простотѣ, которая, пройдя сквозь все нынѣшнее, уже не можетъ быть бѣдною, и я только поминутно удивляюсь, какъ никому изъ всѣхъ этихъ пишущихъ господъ не прійдетъ въ голову напасть на настоящую жилку! Все хлопочутъ Богъ знаетъ о чемъ, идутъ самыми темными путями, а большая дорога, какъ и Гоголь замѣтилъ, освѣщенная днемъ и ночью, широкая, отрадная — пуста-пустехонька!

5-го іюня 1846.

(Въ началѣ этого письма А. Н. Сѣровъ разсказываетъ поѣздку въ Ѳеодосію, и продолжаетъ такъ, о выставкѣ картинъ Айвазовскаго): картины „Керчь", „Ѳеодосія" и „Одесса" стòятъ полныхъ 12 балловъ, а „Константинополь"—12^2. Я не зналъ, что это была для Айвазовскаго послѣдняя изъ его большихъ работъ, но сразу замѣтилъ, что онъ тутъ пошелъ еще дальше тѣхъ картинъ, и что эта — настоящій chef d'euvre изъ всего, что онъ сдѣлалъ. Это и натурально, потому что задача въ этой картинѣ была важнѣе, и онъ долженъ былъ пустить себя на всѣхъ парусахъ. Но и въ тѣхъ картинахъ, даже въ самой слабѣйшей, „Севастополь" (за который я могу дать только 10 или 11), что за натура въ воздухѣ и въ морѣ! просто непостижимо! Очень остроумно похвалилъ эти картины одинъ татарскій мурза, по-своему образованный; онъ долго любовался, потомъ сказалъ: „это сверхъ-естественно; одинъ умъ человѣческій выше такого искусства". Айвазовскій самъ и его знакомые разсказывали мнѣ подробно, какъ онъ работаетъ. Воздухъ онъ пишетъ непремѣнно въ теченіе одного утра, какъ бы велика картина ни была. Этого требуетъ смѣшеніе красокъ. Такимъ образомъ, иногда ему приходится не отходить отъ картины съ 6-ти часовъ утра до 4-хъ пополудни. Матеріальный трудъ такой до-нельзя утомителенъ (не забудь, что иногда онъ долженъ чрезвычайно быстро шлепать кистью, даже подскакивая, чтобы придать больше силы), и онъ въ послѣднее время весь исхудалъ и поблѣднѣлъ. Впрочемъ, подумай, съ 15-го января по 19-е мая онъ сдѣлалъ эти 5 огромныхъ пейза-

[1]) «Торжество Вакха». В. С.

жей (изъ которыхъ за однимъ „Константинополемъ" работалъ 21 день, а то по недѣлѣ и менѣе) и 5 маленькихъ! Изъ маленькихъ прелестны двѣ сцены изъ Константинопольской жизни: одна въ кофейнѣ, другая въ лодкѣ, наполненной женщинами. Я даже никогда не зналъ, что онъ такъ хорошо пишетъ человѣческія фигуры; вездѣ столько жизни, столько блеску, и теперь уже нѣтъ утрировки, за которую его прежде упрекали. Кстати объ этомъ, если всѣ эти картины ты увидишь въ Петербургѣ, въ чемъ я и не сомнѣваюсь, то присмотрись, правъ ли я: — въ картинѣ „Ѳеодосія" я нахожу, что лодка, влѣво отъ зрителя, уравновѣшивающая эту часть картины съ тою, гдѣ башня, нѣсколько рѣзко написана, сравнительно съ цѣлымъ тономъ картины. Это единственный недостатокъ, который я могъ замѣтить. Прочее безподобно. Изъ маленькихъ пейзажей (3-хъ), мнѣ всего болѣе нравится „Троя". Тутъ много какой-то элегической поэзіи, о чемъ онъ и заботился прежде всего. Вообще я не думаю, чтобъ теперь былъ въ Европѣ художникъ, который бы превзошелъ Айвазовскаго въ этомъ родѣ живописи. „Константинополь" не выходитъ у меня изъ головы. Замѣть въ этой картинѣ женщину въ тюрбанѣ, почти на первомъ планѣ, посреди полотна, брюнетку съ рѣзкими чертами: это портретъ Потемкиной, хозяйки дома, гдѣ была выставка. По случаю этихъ картинъ мы съ Х. много толковали вообще объ искусствѣ и объ артистической жизни, и вмѣстѣ нетерпѣливо желали, чтобъ я какъ-нибудь преобразилъ свою чиновническую карьеру. Будетъ ли это когда нибудь въ самомъ дѣлѣ? Кончится ли эта пытка хожденія каждый день на службу, чтобъ терять невозвратно лучшіе часы въ днѣ? Никогда съ такимъ отвращеніемъ я не сижу въ должности, какъ теперь, когда остальное время въ днѣ проходитъ для меня такъ безподобно и этотъ контрастъ — послѣ славныхъ часовъ за фортепіано, отправляться въ нелѣпую палату, гдѣ видишь какихъ-то полу-скотовъ, погрязшихъ въ страшную типу глупо прозаической жизни, и самому вступить съ ними въ соприкосновеніе — это жестоко! А что прикажешь дѣлать! Такъ ужъ устроено. Вотъ теперь ѣдутъ къ намъ ревизоры, пожалуй вздумаютъ и мнѣ дать нахлобучку, что я мало карабкаюсь въ этой грязи.

13-го августа 1846 г.

Ничьего на свѣтѣ авторитета я не приводилъ бы въ свое оправданіе, еслибъ ты какъ нибудь иначе упрекнулъ мою нынѣшнюю музыку [1]). Пусть въ ней будетъ не Богъ знаетъ сколько (это твое вы-

[1]) А. Н. Сѣровъ посылалъ своему другу на заключеніе отрывокъ изъ своей оперы «Мельничиха».

раженіе) красоты, пожалуй, не Богъ знаетъ сколько правды, но врядъ ли кто нибудь, кромѣ тебя, назоветъ ее „сухою, скучною, несносною“. Что въ самомъ дѣлѣ скучно, то скучно для всѣхъ (напримѣръ, „Чудный сонъ“ [1]), особенно 1-я часть, Adagio). А здѣсь, напротивъ, кому я ни пѣлъ „Капризы“ [2]), даже людямъ весьма слегка музыкальнымъ, всѣ были особенно довольны, и именно мелодическою частью (потому что въ другой надобно знать кое-что, чтобъ хвалить). Не зависитъ ли много отъ исполненія? Быть можетъ, ты бы другое сказалъ, еслибъ я самъ тебѣ съигралъ и спѣлъ эту вещицу, или еще совсѣмъ другое, еслибъ это было исполнено оркестромъ, въ театрѣ, на своемъ мѣстѣ. Это, конечно, не сильный аргументъ въ пользу музыки: что̀ хорошо— должно оставаться хорошимъ и на бумагѣ, и за̀-просто, въ будничномъ костюмѣ фортепіанной арранжировки; но все же я не могу этого не сказать, когда вспомню, что, какъ нарочно, только то̀ ты одобряешь изъ моей музыки, что̀ слышалъ отъ меня самого, а послѣ уже видѣлъ на бумагѣ. И мнѣ кажется, что еслибъ я теперь прислалъ тебѣ прежній D-дурный „маршъ“ Гюльома (т. е. какъ новость), не много бы онъ у тебя потянулъ. Ты какъ разъ набросился бы на недостатки, которыхъ тамъ довольно,—а то, что тебѣ теперь такъ нравится, быть можетъ, прошло бы едва замѣченнымъ. Въ этомъ я не могу быть увѣренъ, но на это похоже. Неужели же я потерялъ рѣшительно способность судить о томъ, что̀ я дѣлаю? неужели всѣ ошибаются, всѣ мои разнокалиберные слушатели, и ка̀къ ошибаются: считаютъ пріятнымъ то, что несносно-скучно?! (отъ невѣжества въ искусствѣ можетъ быть только на оборотъ, что̀ и бываетъ, напримѣръ, по случаю „Донъ-Жуана“).

Переходя теперь къ одобрительной части твоего приговора, я долженъ былъ утѣшить себя въ нынѣшній разъ тѣмъ, что ты именно увидѣлъ успѣхъ, и неожиданный для тебя, въ томъ, что было цѣлью моихъ стараній все это время. Я говорю объ нѣкоторой широкости въ формѣ (оцѣнить это вполнѣ можно будетъ только при цѣлой вещи, а не по лоскуточкамъ) и объ инструментовкѣ. Изъ писемъ моихъ ты долженъ былъ замѣтить, что я въ это время, больше чѣмъ когда-нибудь, копался надъ партитурами, особенно Бетховенскими. Мнѣ кажется, что теперь, въ послѣ-Бетховенское время, билетомъ для входа на сцену композиторскую долженъ быть дипломъ на знаніе инструментовки. Рѣшившись выступить на сцену съ оперой, ка̀къ бы она маловажна ни была, въ отношеніи оркестра теперь надо быть во всеоружіи—и если ты думаешь, что для этого не много надо трудовъ

[1]) Арія Ратмира въ III-мъ актѣ «Руслана и Людмилы» Глинки.

[2]) Арія Гюльома въ «Мельничихѣ». В. С.

и усилій, то ошибаешься. Съ этой стороны я знаю, что я работалъ много и нѣсколько увѣренъ въ себѣ. Я бы могъ поспорить съ тобой и за два маленькія замѣчанія на счетъ инструментовки, т. е. на счетъ сочетанія флейты съ Viol. 2 и Viola pizz. и на счетъ вообще струнныхъ инструментовъ, но боюсь упрековъ въ мелочности. Ты не сдѣлалъ бы этихъ замѣчаній, еслибъ видѣлъ партитуру. Она совсѣмъ иначе смотритъ. Что касается до недостатка пѣвучести въ партіи голоса и вообще въ складѣ мелодіи, какъ будто составленной, а не вылившейся сразу, то мнѣ кажется, что могутъ быть мѣста въ оперѣ, гдѣ именно требуется такого рода мелодія, только одною степенью высшая, или ближайшая къ полному пѣнію, противъ инструментованнаго речитатива. Сплошное либретто, совсѣмъ иначе противъ всѣхъ прежнихъ задуманное, требовало новыхъ оттѣнковъ въ формѣ драматической музыки. А потомъ еще, кто знаетъ, не должны ли оперы быть писаны такъ, чтобъ никогда не отрываться отъ сцены, никогда не выходить изъ стѣнъ театральной залы? Самыя лучшія декораціи все теряютъ не на своемъ мѣстѣ, или, еще хуже, внѣ театра: конечно, смѣшно сказать, чтобъ музыка оперная подчинилась этому закону театральности, но приблизительное что-нибудь должно быть непремѣнно. Я могу сказать, что я нѣсколько понимаю требованія оперной сцены, я много думалъ по этому предмету, и никто не разувѣритъ меня въ мысляхъ на счетъ того, что́ я долженъ сдѣлать.

Наконецъ, на счетъ работъ моихъ ежедневныхъ я скажу, что не знаю, какъ другіе учились и работали,—я же могу работать надъ чѣмъ нибудь живымъ, ожидающимъ исполненія,—хотя часто знаю, что завтра разорву то, что вчера написалъ. Эти пробы пера составляютъ вмѣстѣ и этюды мои въ контрапунктѣ, въ рисункѣ мелодій и во всемъ. Въ одномъ я только виноватъ—что сравнительно съ тѣмъ, что нужно, я мало дѣлаю, т. е. вообще мало извожу нотной бумаги; чтобъ развязать себѣ руки, или, какъ ты говоришь „раскрыть себѣ ротъ", надо писать бездну и притомъ, болѣе негоднаго, чѣмъ годнаго. Впрочемъ, съ каждымъ днемъ я стараюсь работать прилежнѣе, и вотъ мой планъ: такъ или иначе, я буду трудиться постоянно надъ оперой; буду ею спѣшить, au risque même d'en faire un avorton [1]), кончу, пошлю къ тебѣ,—et vogue la galère [2]). Разумѣется, если она будетъ плоха, ты не допустишь, чтобъ я осрамился публично: этотъ грѣхъ противъ Аполлона останется въ твоемъ портфелѣ, но, при строжайшемъ осужденіи, ты долженъ будешь помнить, что, кажется, нѣтъ еще человѣка, которому бы первый художественный трудъ (тѣмъ болѣе 1-я опера)

[1]) Рискуя даже произвести на свѣтъ выкидышъ.

[2]) И пусть дѣло идетъ въ ходъ.

удался вполнѣ, и также и то, что при всѣхъ недостаткахъ, которыхъ нельзя избѣжать, ты и теперь усомнишься, что въ моей оперѣ будутъ кое-какія неотъемлемыя достоинства и кромѣ инструментовки и кромѣ умнаго либретто (а и этихъ двухъ условій уже довольно pour gagner le public).

Ce qui pour un commençant ne serait pas de trop [1]).

14-го августа 1846 г.

Кстати объ либретто. Дьяченко (котораго я напрасно зарекомендовалъ тебѣ пожилымъ человѣкомъ, ему только съ небольшимъ 30 лѣтъ, а сѣдовать онъ отъ болѣзней головы) успѣшно подвигаетъ либретто къ концу. Онъ теперь пишетъ сцены, близкія къ финалу (15-ю и 16-ю), и чѣмъ дальше, тѣмъ лучше его стихи. Въ понедѣльникъ нынѣшній, въ тотъ самый день, какъ вечеромъ я получилъ твой жестокій приговоръ первому лоскуточку изъ оперы, по утру, какъ нарочно для того, чтобъ подгонять меня, не дать обезкуражиться, Дьяченко выслалъ мнѣ груду готовыхъ сценъ. „Маршъ" Гюльома съ перваго раза онъ не потрафилъ. Гюльомъ вышелъ у него какимъ то фельдмаршаломъ, съ такимъ знаніемъ дѣла и aplomb толкующимъ о сраженіи и военной жизни. Я, разумѣется, сдѣлалъ на поляхъ надлежащія замѣчанія, и теперь получилъ для „Марша" новые стихи, просто безподобные. Дай Богъ, чтобъ музыкѣ на нихъ посчастливилось!

Вотъ для образчика:

(Это о парадѣ).

И робѣть тутъ? Э, пустое!
Нѣтъ, не дрогнетъ ретивое,
Музыка гремитъ,
Кровь въ груди кипитъ.

(А вотъ сраженіе, между другими куплетами):

Ну, а ядра и картечи?
Не желалъ бы этой встрѣчи:
Страшно, говорятъ,
Какъ они летятъ!

И все прочее не хуже этого. Значитъ, на либретто нельзя пожаловаться. Я удивляюсь даже, съ какою легкостью Дьяченко измѣ-

[1]) Чтобъ овладѣть публикой А. это вовсе не лишнее для начинающаго.

няетъ все тотчасъ, по первымъ моимъ замѣчаніямъ. Варіанты для него ничего не значатъ, и онъ съ великою готовностью передѣлываетъ все, хоть десять разъ. Просто—кладъ, а не либреттистъ.

Въ послѣднее время я имѣлъ терпѣніе прочитать всѣ Скрибовскія либретто, извѣстныя и неизвѣстныя мнѣ, разбирая ихъ строго со всѣхъ сторонъ. Не говоря о большихъ 5-ти актныхъ нелѣпостяхъ для Мейербера и Галеви́, маленькія комическія оперы имѣютъ очень мало достоинствъ, какъ текстъ для музыки. Только въ нѣкоторыхъ стихи хороши, а сюжета нѣтъ почти ни одного, на выборѣ котораго можно было бы остановиться хоть на минуту. Исключеніе развѣ „Zanetta ou jouer avec le feu". Тутъ есть новизна и нѣкоторая теплота чувства, но много испорченныя par de l'esprit mal-à-propos [1]) И вотъ хваленый первѣйшій либреттистъ!

30-го августа 1846 г.

По полученіи твоей головомойки, которой я очень боялся, я, къ великому моему удовольствію, не обезкуражился, а только что сталъ несравненно строже къ себѣ, и, слѣдовательно, работы идутъ еще медленнѣе, чѣмъ прежде: я ничѣмъ не доволенъ, завтра все брошу въ печь, что написалъ сегодня, и въ цѣлую недѣлю выработаю иногда нѣсколько строкъ. Иначе невозможно теперь, по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ кажется. Блаженное время, когда композиторы пѣли какъ птички Божіи, такъ же пріятно и такъ же безсознательно, я думаю, никогда не вернется. Такія организаціи, какъ Чимароза, Фіораванти, теперь были бы некстати. Обдумываніе сюжета, характеровъ, таинства контрапункта и оркестровки, естественно должны были развиваться на счетъ непринужденной, ни о чемъ не заботящейся мелодичности. Чимароза и всѣ эти старички итальянцы могли писать по 100 оперъ каждый, а чадо нашего времени, Мейерберъ, послѣ „Роберта" и „Гугенотовъ", совершенно истощился. Положимъ, что Мейерберъ давно нами затоптанъ въ грязь, но онъ всетаки умная голова и проложилъ нѣкоторыя новыя дороги. А притомъ и эта прогрессія подтверждаетъ отчасти мою мысль: уже Моцартъ написалъ гораздо менѣе Гайдна, а Бетховенъ несравненно менѣе Моцарта. Нынче музыка дороже достается. (Мнѣ кажется,—то же и въ другихъ искусствахъ).

Я писалъ, что мы ждемъ Щепкина. Онъ уже у насъ и съ 1-го сентября началъ свои спектакли. Въ воскресенье, 1-го сентября: „Матросъ" и „Москаль Чаривникъ". Во вторникъ, 3-го: „Ревизоръ"; вчера,

[1]) Остроуміемъ некстати.

4-го: „Два отца“ и „Подложный кладъ“; сегодня „Мирандолина“, завтра—„Наталка Полтавка“. Въ субботу онъ обѣдаетъ у Казначеевыхъ (куда и я, разумѣется, приглашенъ), и, вѣроятно, будетъ что нибудь читать, или разсказывать интересные анекдоты. Онъ въ обществѣ чрезвычайно пріятенъ, какъ говорятъ.

15-го сентября 1846 г.

(Отдавъ полную справедливость таланту Щепкина въ нѣсколькихъ разнообразныхъ роляхъ, имъ исполненныхъ, Сѣровъ продолжаетъ):

Тріумфы Щепкина — Гоголевскіе характеры (Городничій, Бурдюковъ) и малороссіяне. Сколько я помню, ты, кажется, не совсѣмъ доволенъ былъ имъ въ Городничемъ. И мнѣ прежде больше бы понравилась игра Сосницкаго въ этой роли — но разница большая Сосницкій не видалъ ничего кромѣ Питера, и играетъ петербургскаго частнаго пристава, — а Щепкинъ играетъ уѣзднаго городничаго, какого хотѣлъ Гоголь. Я оттого считаю Гоголевскіе характеры лучшими ролями Щепкина, что до сихъ поръ я видѣлъ только его одного, совсѣмъ передающаго Гоголя, тогда какъ въ другихъ роляхъ изъ французскаго репертуара Дюфуръ [1]) не ниже его, или, если ниже, то весьма не многимъ.

Въ обществѣ съ Щепкинымъ мнѣ случилось быть только два раза: въ субботу 7-го сентября на обѣдѣ у Казначеева, и 12-го, въ четвергъ, на обѣдѣ же, у Самойлова (котораго я просилъ нарочно позвать Щепкина для меня). Кромѣ насъ двухъ, тамъ былъ еще Бѣлинскій, вмѣстѣ съ Щепкинымъ пріѣхавшій въ Крымъ лечиться отъ геморроя. При случаѣ скажу объ этомъ человѣкѣ. Въ оба раза, какъ всегда и вездѣ, разные глупые народы мѣшали ему говорить какъ слѣдуетъ, а мнѣ слушать какъ слѣдуетъ, безпрерывно сварачивая разговоръ съ той дороги, на которой мнѣ хотѣлось бы удержать Щепкина, чтобъ высосать побольше его сужденій объ театрѣ, объ актерахъ, объ Гоголѣ и объ искусствѣ вообще. Всетаки я успѣлъ кое-что повысосать, и къ несказанной радости убѣдился, что и онъ, прошедшій чрезъ всю жизнь, полную опытовъ и наблюденій, во всемъ, что̀ касается до драматическаго искусства и до представителей его, намъ и ему знакомыхъ, также на счетъ драматурговъ, пришелъ къ тѣмъ-же результатамъ, какъ и мы, еще столько молодые. Это утѣшительно какъ нельзя болѣе. Я не съумѣю, да̀ это врядъ ли возможно и къ чему?—передать по порядку весь его разговоръ, но сообщу тебѣ его замѣчанія, какъ ихъ припомню. Прежде нежели я самъ слы-

---

[1]) Актеръ французской труппы въ Петербургѣ. В. С.

шалъ его бесѣду, мнѣ насказали, что онъ чрезвычайно самолюбивъ и рѣшительно всѣхъ другихъ бранитъ. Напротивъ, я нашелъ, что онъ говоритъ о себѣ съ тѣмъ вѣсомъ, который даетъ истинный талантъ въ его зрѣлые годы, что онъ не хвалитъ другихъ актеровъ безусловно, потому что нѐ-за-что, а что между тѣмъ признаетъ, что въ Мартыновѣ больше таланта, нежели въ немъ (только „онъ дальше не пойдетъ, потому что у него нѣтъ репертуара, а на однѣхъ роляхъ пьяницъ или Дезирѐ Корбо̀ далеко не уѣдешь"). Потомъ онъ признаетъ, что еще далеко не вполнѣ владѣетъ Гоголевскимъ языкомъ, который, по словамъ его, страшно натураленъ и требуетъ чуть ли не цѣлой новой генераціи актеровъ; что однако въ Москвѣ есть актеръ Садовскій, который чуть-ли не совсѣмъ постигъ тайну Гоголевскаго языка, и онъ, Щепкинъ, не перестаетъ постоянно удивляться Садовскому, какъ ты думаешь, въ какой роли? Псоя Стахича Замухрышкина въ „Игрокахъ". Объ В. А. Каратыгинѣ онъ отзывается съ уваженіемъ, но истиннаго таланта въ немъ не признаетъ. „Вся заслуга В. А. въ томъ, что онъ первый внесъ на русскую сцену красоту". Любовь его къ эффектамъ и крайняя изысканность въ нѣкоторыхъ позахъ смѣшитъ Щепкина. При томъ Каратыгинъ, по словамъ Щепкина, слишкомъ простоватъ, и слишкомъ ослѣпленъ себялюбіемъ, чтобъ быть истинно великимъ въ искусствѣ. Жену его и прочую братію старинной школы трагическихъ актеровъ—Щепкинъ въ грошъ не ставитъ, не раздѣляя, какъ и мы, трагедію отъ драмы, драму отъ комедіи: все драма. Объ Асенковой онъ не перестаетъ жалѣть, что ее сгубили мужскія роли. Онъ, какъ и мы, ненавидитъ этотъ гермафродитизмъ. Одинъ разъ Асенкова спросила его, ка̀къ онъ ее находитъ въ „Полковникѣ старыхъ временъ"? онъ отвѣчалъ ей вопросомъ: „почему вы не спрашиваете меня, каковы вы были въ такой-то роли молодой свѣтской дамы"?—„Потому что я знаю, что я тамъ не хороша".—„Слѣдовательно вы ждете похвалы: ну, такъ утѣшьтесь, вы въ „Полковникѣ" были такъ хороши, что гадко было смотрѣть". Вѣру Самойлову онъ любитъ за ея благородную наружность, къ нѣкоторымъ ролямъ идущую какъ нельзя лучше, и въ главную ей заслугу ставитъ то, что она первая создала роль Софьи Павловны въ „Горе отъ ума". Много, много еще разныхъ замѣчаній этого славнаго человѣка у меня есть въ запасѣ для тебя,—но теперь не напишу, потому что спѣшу, и боюсь что нибудь забыть или не такъ передать.

28-го октября 1846 г.

Айвазовскій писалъ недавно къ нашему Казначееву, что у него въ мастерской былъ недавно Государь, совсѣмъ неожиданно и совсѣмъ одинъ; а также, что онъ кончилъ недавно (когда онъ успѣваетъ? это въ самомъ дѣлѣ подозрительно) довольно большую картину: „Петръ Великій" (!); объ моментѣ, избранномъ изъ жизни Петра, не пишетъ ни слова. Интересно узнать, что̀ это такое? Если Петръ не какъ staffage ландшафта, и фигурамъ дана значительность, то я удивляюсь смѣлости Айвазовскаго: какъ онъ безъ предварительнаго ученія (котораго тутъ бездна), безъ малѣйшаго понятія объ анатоміи, напримѣръ, пускается писать человѣка? Да и хватитъ ли у него фантазіи, когда онъ не мастеръ избирать сюжеты и для пейзажей? Все это для меня—загадка. Но, конечно, ничего не было бы лучше, еслибъ онъ смогъ соединить въ себѣ и такъ называемаго историческаго живописца. Тогда его картины могли бы быть картинами и въ нашемъ, строжайшемъ смыслѣ. Тогда (но этого никогда не будетъ!) ему, или такому, какъ мы понимаемъ, живописцу—я задалъ бы давно засѣвшіе въ моей головѣ сюжеты для картинъ: ночную сцену въ саду изъ „Ромео и Джульетты". Она, вся въ бѣломъ, на балконѣ; — онъ, весь темный, внизу. Они бесѣдуютъ, а кругомъ роскошный садъ въ лунную итальянскую ночь. Потомъ: утреннее прощаніе ихъ на томъ же балконѣ, заря жаворонковъ, или еще: „Desdemona, débarquant à l'ile de Chypre" [1]): море, небо; она, прелестная, и окружающая ее группа при яркомъ солнцѣ. Да Боже мой! сколько сюжетовъ въ одномъ Шекспирѣ! А Вальтеръ Скоттъ? И все это почти не тронуто. Но я не надѣюсь, чтобъ такой полный живописецъ явился, т. е. онъ будетъ, но позже насъ. Брюлловъ какъ будто только примѣръ показалъ, и ничего, кажется, болѣе не сдѣлаетъ. Отчего, когда всѣ силы есть? Это для меня непостижимо!

Въ прошедшемъ письмѣ я упомянулъ, что хотѣлъ бы сказать слова два о Мейерберѣ, но ужъ нельзя было. Вотъ что̀ я хотѣлъ сказать. Ты знаешь, какъ я смотрю теперь на этого жида-шарлатана; знаешь, что̀ значатъ для меня обѣ его оперы; при всемъ томъ есть двѣ вещи (въ каждой оперѣ по одной), за которыя его нельзя не похвалить, и обѣ вышли у него тѣмъ, за что̀ стоитъ хвалить, какъ бы безсознательно. Быть можетъ, онъ самъ не отыщетъ въ нихъ того, что̀ въ самомъ дѣлѣ хорошо. Вотъ какія вещи: 1) хоръ монаховъ въ 5-мъ актѣ „Роберта". Онъ въ отношеніи къ оперѣ совершенно эпизодическій, или, по просту, лишній, но самъ по себѣ онъ—красивъ; въ немъ

[1]) Дездемона, высаживающался на островѣ Кипрѣ.

больше музыки, чѣмъ во всей остальной оперѣ (пожалуй и въ двухъ), и, главное дѣло, онъ въ высшей степени историческій; вотъ объ этомъ-то Мейерберъ и не помышлялъ. Вникни въ эту музыку: это католичество среднихъ вѣковъ, мрачное, фанатическое какъ безалаберная Дантова поэма. Кàкъ ему удалось такъ хорошо передать этотъ характеръ? Въ „Гугенотахъ", гдѣ вся задача была „историчность", Мейерберъ не съумѣлъ сдѣлать въ этомъ отношеніи ровно ничего. а въ этомъ лишнемъ для „Роберта" хорѣ перелилъ въ слушателей истинную историческую мысль. Не знаю, будешь ли ты съ этимъ согласенъ, а знаю, что съ величайшимъ наслажденіемъ полюбовался бы партитурой этого хора басбвъ. 2, другая вещь, изъ „Гугенотовъ": это нѣсколько начальныхъ строкъ, быть можетъ, страница (въ фортепіанномъ изданіи) изъ дуэта Марселя и Валентины въ 3-мъ актѣ. Самъ дуэтъ — большая дрянь, и притомъ весьма нескладная, но я говорю о началѣ, гдѣ Мейерберъ мѣтко потрафилъ атмосферу, требовавшуюся драматизмомъ этой сцены. Ночь — Марсель пришелъ на мѣсто, назначенное Раулю для предательской дуэли, пришелъ съ тѣмъ, чтобъ спасти его или умереть вмѣстѣ, и встрѣтилъ кого-то, женщину подъ вуалемъ, Валентину, волнуемую столькими чувствами. Дальше пойдетъ вздоръ, отчасти и въ текстѣ; но эта общая, неопредѣленная немножко атмосфера начала сцены — удалась Мейерберу. Эта отрывочная, исполненная пробѣловъ музыка именно то, что тутъ нужно было, но сами звуки, конечно, не тѣ, потому что и не красивы. И такъ, здѣсь я не могу не хвалить Мейербера за намѣреніе, при которомъ онъ и остался. Замѣчательно, что это какъ будто невзначай. Нигдѣ въ другомъ мѣстѣ оперы нельзя найти и слѣдовъ подобныхъ намѣреній.

А. Сѣровъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

РУССКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ 1876 Г.

I.

СЛАВЯНО-БАЛТІЙСКАЯ ТЕОРІЯ.

Варяги и Русь. С. Гедеонова. С.-Пб. 1876 г.

Свою борьбу съ норманской школой по вопросу о происхожденіи Руси мы можемъ считать почти оконченною. Въ теченіе полемики, длившейся около шести лѣтъ, она не опровергла научнымъ, систематическимъ способомъ ни одного изъ моихъ главныхъ выводовъ и доказательствъ; но я весьма благодаренъ ей за нѣкоторыя поправки второстепенной важности, а главное—за поднятый ею трудъ возраженій, помогшихъ мнѣ еще болѣе разъяснить шаткость ея основаній. Хотя нѣкоторые представители этой системы и продолжаютъ отстаивать ее съ помощью обычныхъ пріемовъ, но такіе пріемы могутъ вводить въ заблужденіе только людей некомпетентныхъ или пристрастныхъ. Напримѣръ, въ послѣднее время норманизмъ съ особымъ рвеніемъ ухватился за какую-то сочиненную имъ теорію конныхъ и пѣшихъ народовъ, съ помощью которой пытается отвергнуть тождество Роксоланъ и Руси. Любопытно главное основаніе для этой попытки. Въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. Роксолане совершили набѣгъ за Дунай въ числѣ девяти тысячъ конницы, которая обнаружила неискусство въ пѣшемъ бою; а въ X вѣкѣ, т. е. спустя ровно девятьсотъ лѣтъ, Русь явилась за Дунай въ видѣ приплывшей на судахъ пѣхоты, которая оказалась неискусною въ конномъ сраженіи. Не говоря уже объ огромномъ промежуткѣ и въ теченіе его происшедшихъ измѣненіяхъ въ народномъ бытѣ, самыя извѣстія о томъ и другомъ походѣ могутъ быть разсматриваемы только критически, въ связи съ воззрѣніями ихъ авторовъ и со многими другими обстоятельствами. У норманистовъ же выходитъ, что присутствіе конницы есть прямой признакъ Татарскаго племени, а пѣхоты—Арійскаго. Но древніе Персы, Мидяне, даже

Лидійцы славились своею конницею; Пареяне являются самымъ коннымъ народомъ; Литовцы изъ своихъ лѣсовъ дѣлали конные набѣги на Русь еще въ XII и XIII вв. и они же пили лошадиное молоко. Развѣ это все были народы Монголо-Татарскаго, а не Арійскаго семейства? А Днѣпровская Русь, которая, по мнѣнію норманистовъ, будтобы въ X вѣкѣ уже не имѣла конницы, въ XI вѣкѣ имѣетъ ее въ значительномъ числѣ, по прямымъ свидѣтельствамъ лѣтописца современника. Первыя битвы Руси съ Половцами были по преимуществу конныя. «Дай намъ оружіе и коней; хотимъ еще биться съ Половцами» — говорили великому князю Изяславу Кіевляне, т. е. не дружина собственно, а народъ. Въ это же время одинъ только удѣльный князь Черниговскій вышелъ въ поле съ трехтысячнымъ коннымъ отрядомъ, и разбилъ Половцевъ. По указанію лѣтописи, всѣ княжескія дружины и въ X, и въ XI вв. были конныя. А если русскіе князья того времени нанимали иногда толпы конницы изъ кочевыхъ народовъ, то, съ другой стороны, они же нанимали и отряды пѣхоты, особенно изъ Варяговъ. Раскопки же кургановъ ясно говорятъ о русскихъ конникахъ въ IX и въ предшествующіе вѣка [1]). Впрочемъ, постоянно вновь и вновь опровергать всѣ натяжки норманизма представляется дѣломъ хотя и нетруднымъ, за то длиннымъ и довольно скучнымъ. Свою настоящую замѣтку я посвящаю собственно другой системѣ.

Если доселѣ я велъ борьбу исключительно съ норманской теоріей происхожденія Руси, то потому, конечно, что она была у насъ господствующею и имѣла за собою, кромѣ укоренившейся привычки, наружный видъ строгой научной системы. Другія же теоріи имѣли значеніе преимущественно отрицательное по отношенію къ этой господствующей, но не представляли такой положительной стороны, съ которою можно было бы въ настоящее время вести серьезную борьбу. Между ними первое мѣсто, по количеству и таланту сторонниковъ и по объему литературы, занимаетъ теорія Варяговъ-Руси, пришедшихъ съ Славяно-Балтійскаго поморья. Она возникла на началахъ довольно естественныхъ и логичныхъ. Еще въ прошломъ столѣтіи нѣкоторые русскіе ученые (напримѣръ, Ломоносовъ) начали сознавать нелѣпость призванія князей изъ племени не только чуждаго, но и враждебнаго. Отсюда естественно было перейти къ мысли: если Новгородцы и призвали себѣ варяжскихъ князей изъ-за моря, то не отъ Скандинавовъ, а отъ родственнаго племени поморскихъ Славянъ; кстати же тамъ была область Вагрія, народъ Вагиры,—почти что Варяги. Эта мысль привилась и произвела на свѣтъ цѣлую систему, которая блеститъ именами Венелина, Максимовича, Морошкина, Савельева, Ламанскаго, Котляревскаго, а въ прошломъ году закончилась трудами гг. Гедеонова и Забѣлина. Эта

[1]) Кромѣ извѣстія лѣтописи о Святославѣ, раскопки г. Самоквасова также свидѣтельствуютъ, что языческая Русь не только ѣздила верхомъ на коняхъ, но и употребляла ихъ въ пищу.

система, какъ мы видимъ, явилась въ отпоръ норманизму; но ихъ исходный пунктъ одинъ и тотъ же: обѣ теоріи идутъ отъ призванія князей, считаютъ его историческимъ фактомъ. Наши доказательства тому, что это не фактъ, а басня, полагаемъ, достаточно извѣстны.

Г. Гедеоновъ задумалъ свой трудъ «Варяги и Русь» еще съ 1846 г., слѣдовательно, ровно за тридцать лѣтъ до его окончанія. Очевидно, этотъ трудъ былъ вызванъ извѣстнымъ сочиненіемъ А. А. Куника (Die Berufung der Schwedischen Rodsen. S.-Petersb. 1844—1845), въ которомъ норманская система доведена, такъ сказать, до своего апогея. Въ 1862 — 1863 гг. въ Запискахъ Академіи наукъ г. Гедеоновъ представилъ рядъ отрывковъ изъ своего изслѣдованія. До какой степени обнаружились въ нихъ эрудиція и логика автора, можно судить по тому, что представители норманской школы тотчасъ признали въ немъ опаснаго противника, и принуждены были сдѣлать ему нѣкоторыя довольно существенныя уступки. Въ своихъ первыхъ статьяхъ по варяго-русскому вопросу мы отдали полную справедливость ученымъ заслугамъ г. Гедеонова и его успѣшной борьбѣ съ норманизмомъ. Но тогда же мы замѣтили, что положительная сторона его собственной теоріи не имѣетъ надежды на успѣхъ, по скольку эта сторона проглядывала въ отрывкахъ. Въ настоящее время, когда имѣемъ передъ собой уже полный и законченный трудъ, намъ приходится только повторить то же мнѣніе.

Тамъ, гдѣ г. Гедеоновъ борется съ доказательствами норманистовъ, онъ наноситъ имъ неотразимые удары, и весьма мѣтко разоблачаетъ ихъ натяжки филологическія и этнографическія. Казалось бы, норманизму остается только положить передъ нимъ оружіе. И это дѣйствительно могло бы случиться, если бы авторъ изслѣдованія остановился на своей отрицательной сторонѣ. Но рядомъ съ ней онъ предлагаетъ принять фактъ призванія варяжскихъ князей съ Славяно-Балтійскаго поморья. Здѣсь-то и открывается слабая сторона изслѣдованія; въ свою очередь, начинаются очевидныя натяжки и гаданія. Тутъ, на почвѣ призванія, норманизму легко справиться съ своимъ противникомъ, имѣя у себя такого союзника, какъ самый текстъ лѣтописи. Что лѣтописная легенда указываетъ на Варяговъ-Норманновъ, по нашему крайнему разумѣнію, это несомнѣнно. Лѣтопись знаетъ славянскихъ Поморянъ и Лютичей; но нисколько не смѣшиваетъ ихъ съ Варягами, которые приходили въ Россію въ качествѣ наемныхъ воиновъ и торговцевъ, а призванныхъ князей, очевидно, считаетъ соплеменниками этихъ Варяговъ. (Что касается до указанія на Прусскую землю, то оно принадлежитъ позднѣйшимъ лѣтописнымъ сводамъ). Предположимъ, что князья были призваны, и призваны именно изъ Славяно-Балтійскаго народа. Но въ такомъ случаѣ, стало быть, у Новогородцевъ были дѣятельныя сношенія съ этимъ народомъ въ IX и X вѣкахъ? Однако, не только дѣятельныхъ, автору не удалось показать никакихъ сношеній за это время; вмѣсто фактовъ, мы находимъ одни предположенія, ничѣмъ не подтверждаемыя. Напримѣръ, лѣ-

топись говоритъ, что Владиміръ въ 977 году бѣжалъ «за море», откуда черезъ три года пришелъ съ Варягами. Она ясно говоритъ здѣсь о Варягахъ-Скандинавахъ; саги исландскія также разсказываютъ о ихъ службѣ у Владиміра. Однако авторъ изслѣдованія отсылаетъ Владиміра куда-то на Славянское поморье, и его трехгодичному пребыванію тамъ придаетъ большое значеніе. Такъ, изъ Вендскаго поморья Владиміръ вывезъ особую ревность къ языческой религіи (350) и поклоненіе Дажьбогу (хотя его имени мы и не встрѣчаемъ у Поморскихъ Славянъ); оттуда же онъ, повидимому, привезъ на Русь «или готовыя уже изображенія боговъ, или по крайней мѣрѣ вендскихъ художниковъ» (353), и даже чуть ли въ ту же поѣздку не заимствовано оттуда слово «пискупъ» (312). Если же наши князья клялись Перуномъ и Волосомъ, а не Святовитомъ и Триглавомъ, то они поступали такъ по политическимъ соображеніямъ (349). Точно такъ же гадательны всѣ тѣ «слѣды вендскаго начала», которые авторъ пытается отыскать въ языкѣ, правѣ, обычаяхъ и общественномъ устройствѣ древней Руси. Приведенные на эту тему факты и сближенія указываютъ только на родство славянскихъ нарѣчій и племенъ, а никоимъ образомъ не предполагаемое вендское вліяніе. Въ XII вѣкѣ упоминаются въ Новгородѣ заморскіе купцы, построившіе церковь св. Пятницы. Но отсюда еще далеко до возможности видѣть здѣсь Вендовъ, проживавшихъ въ Новгородѣ и принявшихъ православное исповѣданіе (348). Напомнимъ автору, что «Гречники» въ Кіевѣ означали не греческихъ купцовъ, а русскихъ, торговавшихъ съ Греціей. Во всякомъ случаѣ, на подобныхъ догадкахъ трудно возвести какое либо зданіе.

Любопытенъ научный пріемъ, съ помощью котораго г. Гедеоновъ находитъ въ русскомъ языкѣ слѣды вендскаго вліянія. Извѣстно, что древніе Венды не оставили намъ письменныхъ памятниковъ на своемъ языкѣ. Но такъ какъ, по мнѣнію Копитара и Шафарика, полабскій языкъ составлялъ средину между чешскимъ и польскимъ, то г. Гедеоновъ и прибѣгаетъ къ этимъ послѣднимъ, чтобы объяснить заимствованіемъ отъ Вендовъ такія, встрѣчающіяся въ русскихъ памятникахъ слова и выраженія, какъ: укладъ, рало, сильное, сводъ, вымолъ, чинъ, утнетъ, поженетъ, кметъ, комонь, хоть (супруга), болонь, уѣдіе, яръ-туръ, Стрибогъ, Велесъ, отня злата стола, свычая и обычая, онако, троскотать, убудити (разбудить) и пр. и пр. (см. 309 стр. и слѣд.). Натяжки на мнимое вендское вліяніе слишкомъ очевидны, чтобы о нихъ можно было говорить серьезно. Этому мнимому вліянію приписывается, между прочимъ, и то, что принадлежало несомнѣнному вліянію церковно-славянскаго языка. А если такія слова какъ на̀ворозъ (веревка), серенъ (роса) и т. п., въ настоящее время утрачены, сдѣлались для насъ непонятными и смыслъ ихъ можетъ быть объясненъ съ помощью польской и чешской письменности, то это есть самое естественное явленіе, и нѣтъ никакого основанія объяснять его призваніемъ Варяговъ съ вендскаго поморья.

Также гадательны доказательства вендскаго вліянія на обычаи. Напримѣръ,

бритая голова Святослава сближается съ описаніемъ Святовитова идола и съ изображеніемъ Чеховъ на миньятюрныхъ рисункахъ XI и XII вв. (360 и слѣд.); но при этомъ упускается изъ виду, что древнеболгарскіе князья тоже ходили съ «остриженными главами». Обычай русскихъ князей и дружины ѣздить на коняхъ будто бы перешелъ къ намъ отъ Вендовъ, и при этомъ нѣсколько ссылокъ на источники, которые показываютъ, что дѣйствительно князья и воеводы у Поморянъ и Чеховъ ѣздили верхомъ на коняхъ (367). Да и самые воеводы, съ ихъ значеніемъ судей и намѣстниковъ, явились на Руси вслѣдствіе вендскаго вліянія; ибо «о воеводахъ у Вендовъ, Ляховъ, Чеховъ свидѣтельствуютъ всѣ западные источники» (слѣдуютъ ссылки на Мартина Галла, Кадлубка, Богуфала и пр. 390—392 стр.). Увлекаясь подобною аргументаціей, авторъ рискуетъ вызвать слѣдующій вопросъ: извѣстно, что наши князья и бояре въ XII вѣкѣ обѣдали и ужинали; не былъ ли этотъ обычай принесенъ къ намъ въ IX вѣкѣ съ Балтійскаго поморья?

По мнѣнію автора, «Рюрикъ привелъ съ собой не болѣе трехъ, четырехъ сотъ человѣкъ» (172). Цифра, конечно, взята совершенно гадательная; однако выходитъ такъ, что эти три, четыре сотни не только устроили государственный бытъ многочисленныхъ восточнославянскихъ народовъ, но и внесли значительные новые элементы въ ихъ языкъ, религію и обычаи. Такимъ образомъ г. Гедеоновъ, самъ того не замѣчая, вступаетъ на тотъ именно способъ норманофильскихъ доказательствъ, который онъ столь побѣдоносно опровергаетъ въ отрицательной части своего труда. Извѣстно, что норманисты-историки всякое историческое свидѣтельство, относящееся къ древней Руси, перетолковывали по своему; норманисты-филологи множество чисто русскихъ именъ и словъ производили изъ скандинавскихъ языковъ; а норманисты-археологи, раскапывая курганы, вездѣ находили слѣды цѣлой массы Нормановъ. Такой же рядъ натяжекъ представляетъ IV глава даннаго изслѣдованія, посвященная Призванію. Авторъ находитъ даже «темное преданіе» объ этомъ призваніи у арабскаго писателя Эдриси (137), хотя въ приведенной имъ цитатѣ нѣтъ ничего даже подходящаго. Миѳическій Гостомыслъ является «представителемъ западно-славянскаго начала въ Новгородѣ» (139). «Вмѣстѣ съ Рюрикомъ вышли къ намъ и Морозовы» (143. Ссылка на Курбскаго, какъ будто на какое либо несомнѣнное свидѣтельство. А въ примѣч. 53 прибавляется, что «Mrozici — древне-вендскій родъ»; откуда взято это прибавленіе—не сказано; во всякомъ случаѣ оно ничего не доказываетъ). Авторъ признаетъ существованіе князей у Славянъ восточныхъ, но полагаетъ, что новгородскіе Славяне предварительно прогнали своихъ старыхъ князей на югъ, а потомъ и призвали къ себѣ новыхъ съ Балтійскаго поморья (146), и т. д. и т. д.

Но почему же искусный обличитель норманофильскихъ натяжекъ долженъ прибѣгать къ натяжкамъ еще менѣе состоятельнымъ при созиданіи своей собственной теоріи? Очень просто. Потому что онъ идетъ отъ одного съ ними ис-

ходнаго пункта, т. е. считаетъ историческимъ фактомъ басню о призваніи варяжскихъ князей. А на этой почвѣ, какъ мы сказали, норманизмъ всегда будетъ сильнѣе своихъ противниковъ, потому что лѣтопись говоритъ о Варягахъ Скандинавскихъ, а не Вендскихъ, въ чемъ невозможно сомнѣваться. Варягоскандинавскія дружины X и XI вв. нанимались въ службу русскихъ князей не только по извѣстію нашей лѣтописи, но и по свидѣтельствамъ иноземнымъ, каковы Византійцы и саги исландскія. Куда же дѣваться съ этими несомнѣнными Скандинавами на Руси, о томъ г. Гедеоновъ, кажется, и не подумалъ серьезно. Мы же утверждали и повторяемъ, что именно присутствіе этихъ наемныхъ дружинъ, а также дружественныя и родственныя связи нашихъ князей съ скандинавскими (особенно Владиміра и Ярослава) и самая слава Норманновъ послужили поводомъ къ происхожденію басни о призваніи варяжскихъ князей. О какихъ либо славяно-балтійскихъ князьяхъ и дружинахъ при этомъ нѣтъ и помину. Жаль, очень жаль, что г. Гедеоновъ, уже 30 лѣтъ тому назадъ задумавшій выступить на борьбу съ норманизмомъ, въ теченіе этого довольно долгаго срока не напалъ на мысль: подвергнуть историко-критическому анализу самую легенду о призваніи. Напади онъ на эту мысль, при его несомнѣнномъ критическомъ дарованіи и соотвѣтствующей эрудиціи, онъ навѣрное пришелъ бы къ инымъ выводамъ и много разъяснилъ бы въ нашей первоначальной исторіи. Хотя окончаніе его изслѣдованія совершено три,-четыре года послѣ начала нашей борьбы съ данною легендою, но понятно, что уже было поздно вновь пересматривать самыя основы большаго труда, почти законченнаго. Притомъ не могутъ же главнѣйшіе представители какой либо системы легко съ нею разстаться. И если мы вели усердную борьбу съ противниками, то имѣли въ виду не столько убѣдить ихъ самихъ, сколько раскрыть ихъ слабыя стороны и поставить дальнѣйшую разработку вопроса на почву историческую (по нашему крайнему разумѣнію). Такіе примѣры, какъ Н. И. Костомаровъ, благородно отказавшійся отъ Литовской теоріи, рѣдки.

Г. Гедеоновъ мимоходомъ упоминаетъ обо мнѣ въ предисловіи; при чемъ сообщаетъ нѣчто для меня совершенно новое и неожиданное. Онъ говоритъ о какомъ-то «неподдѣльномъ, радостномъ сочувствіи, съ которымъ была встрѣчена норманскою школою вновь вызванная г. Иловайскимъ къ (кратковременной, кажется) жизни, мысль Каченовскаго о недостовѣрности дошедшей до насъ древнѣйшей русской лѣтописи» (IX стр.). Признаюсь, я и не подозрѣвалъ, что мои противники-норманисты только по наружности ворчали на мою Роксоланскую теорію, а что въ дѣйствительности они ей очень обрадовались. Не зналъ я также, что Каченовскій предупредилъ меня въ систематическомъ опроверженіи легенды о призваніи князей. Самъ я полагалъ, что могу относить себя къ школѣ историко-критической; но меня стараются увѣрить, что я только послѣдователь скептической школы Каченовскаго. Пожалуй; изъ-за названій спорить не будемъ.

Затѣмъ г. Гедеоновъ слегка полемизируетъ со мною въ первомъ примѣчаніи къ своему изслѣдованію. Онъ не отвѣчаетъ на мои «общенаучныя соображенія» относительно настоятельности легенды о призваніи, увѣряя, что на нихъ «можно найти готовые отвѣты у Шлецера, Эверса, Круга, Погодина и другихъ». Можетъ быть, у этихъ другихъ, мнѣ неизвѣстныхъ, и существуютъ означенные отвѣты; но упомянутые ученые, какъ извѣстно, состоятельность самой легенды ничѣмъ не доказали, да о ней почти и не разсуждали, принимая ее просто за фактъ. Г. Гедеоновъ беретъ только мое мнѣніе о лѣтописныхъ редакціяхъ; при чемъ приписываетъ мнѣ положеніе, что «кіевская лѣтопись Варяговъ не знала», что «они плодъ воображенія новгородскаго составителя» и что второе «извращеніе древней лѣтописи» произошло въ XIV—XV вв. Тутъ мнѣніе мое передано болѣе чѣмъ неточно. Я говорилъ о томъ, что легенда въ извѣстной намъ лѣтописной редакціи не сохранила своего первоначальнаго вида,— это главное мое положеніе—и затѣмъ, что она вѣроятно новгородскаго происхожденія. О послѣднемъ можно спорить, тогда какъ первое я считаю фактомъ, и представилъ свои доказательства, которыхъ никто доселѣ не опровергъ. Я утверждалъ, что первоначальная лѣтописная легенда отдѣляла Русь отъ Варяговъ, а болѣе поздняя ея редакція (не ранѣе второй половины XII вѣка) смѣшала ихъ въ одинъ небывалый народъ Варягоруссовъ. Г. Гедеоновъ такое «умышленное» искаженіе текста списателями считаетъ «неслыханнымъ, безпримѣрнымъ фактомъ»; хотя объ умышленномъ (въ нашемъ смыслѣ) искаженіи никто не говорилъ. Подобныя возраженія со стороны норманистовъ насъ не удивляли; но удивительно ихъ слышать отъ автора того изслѣдованія, которое служитъ очевиднымъ подтвержденіемъ моего мнѣнія объ искаженіи первоначальной редакціи. Г. Гедеоновъ признаетъ Русь народомъ туземнымъ (см. XIII главу), а Варяговъ пришлымъ съ поморья. Извѣстная же намъ лѣтописная редакція несомнѣнно понимаетъ Варяговъ-Русь какъ одинъ пришлый народъ. Какимъ именно образомъ г. Гедеоновъ объясняетъ себѣ это противорѣчіе, изъ его изслѣдованія трудно понять. Вообще онъ въ одно и то же время признаетъ легенду съ ея искаженною редакціей и позволяетъ себѣ существенныя отступленія отъ нея. Такъ, она прямо говоритъ о происхожденіи названія русской земли отъ пришлыхъ Варягоруссовъ; но изслѣдователь считаетъ это производство домысломъ самого Нестора (463), а имя Руси ведетъ отъ рѣкъ. Аскольда и Дира она называетъ пришлыми Варягами; изслѣдователь же считаетъ Аскольда Венгромъ, намѣстникомъ хазарскаго хагана, а Дира потомкомъ Кія (492). Приведенныхъ примѣровъ, надѣюсь, достаточно, чтобы судить о томъ, имѣетъ ли славяно-балтійская система какую либо будущность въ нашей наукѣ [1]).

[1]) Къ той же системѣ примыкаетъ и теорія г. Забѣлина, какою она является въ первой части его «Исторіи русской жизни». М. 1876 г. До половины IX вѣка онъ для исторіи южной Руси держится Роксоланской теоріи; но около этого времени сворачиваетъ на легенду о призваніи князей, которыхъ ведетъ

Одинъ очень почтенный историкъ, отдавая справедливость отрицательной сторонѣ изслѣдованій г. Гедеонова и не соглашаясь съ его положительной стороной, прибавилъ: «то-же должно сказать объ изслѣдованіяхъ г. Иловайскаго». Я не совсѣмъ понимаю это тождество, такъ какъ моя положительная сторона сама собою вытекаетъ изъ отрицательной. Я доказываю, что Русь не была пришлымъ и неславянскимъ народомъ; а если такъ, то отсюда ясно слѣдуетъ, что она была народомъ туземнымъ и славянскимъ. Слѣдовательно, никакой искусственной, придуманной теоріи я не создаю, а просто произвожу критическую ампутацію того легендарнаго нароста, который усѣлся на самомъ корнѣ русской исторіографіи. Поднимать при этомъ вопросъ о достовѣрности лѣтописи вообще, по моему мнѣнію, значитъ уклоняться отъ вопроса прямаго. Никто этой достовѣрности въ настоящее время не отвергаетъ; дѣло идетъ только о нѣкоторыхъ проникшихъ въ лѣтопись легендахъ, которыя ничѣмъ не подтверждаются. Мы только сейчасъ указали, что сами ученые, отстаивающіе басню о призваніи Варяговъ-Руси, принуждены отступать отъ нея въ нѣкоторыхъ существенныхъ ея чертахъ. Точно также упомянутый выше достоуважаемый историкъ по отношенію къ данному вопросу принадлежитъ къ той группѣ норманистовъ, которые признаютъ, что Русь уже существовала на югѣ Россіи до такъ называемаго призванія Варяговъ, но какимъ-то образомъ думаютъ примирить этотъ фактъ съ баснею о призваніи. Такое примиреніе, конечно, уничтожится само собою, какъ скоро отъ возраженій отрывочныхъ и частныхъ они перейдутъ къ систематическому, научному построенію своей средней теоріи. Идя логическимъ путемъ отъ того положенія, что Русь несомнѣнно существовала у насъ до второй половины IX вѣка, они неизбѣжно придутъ къ Роксоланамъ. Приведу примѣръ ихъ отрывочныхъ возраженій. «Можно ли предположить, что сыновья Ярослава, правнуки Рюрикова внука, забыли о своемъ происхожденіи?» Отвѣчаю: очень и очень возможно. Притомъ, «повѣсть временныхъ лѣтъ» написана даже не при сыновьяхъ Ярослава, а при его внукахъ, спустя 250 лѣтъ послѣ мнимаго призванія князей.

Кстати, пользуюсь случаемъ сказать нѣсколько словъ по поводу рецензіи на мои двѣ книги многоуважаемаго Н. И. Костомарова (см. «Рус. Стар». 1877, № I), собственно по поводу его замѣчаній на «Розысканія о началѣ Руси». Онъ, повидимому, сомнѣвается относительно филологическаго тождества Роксоланъ и Руси. Но это тождество мы считаемъ несомнѣннымъ; слова Рось и Алане, сложенныя вмѣстѣ, у греко-латинскихъ писателей никакого другаго имени (книжнаго) не могли и произвести — какъ Роксолане. Нѣкоторые

съ Славяно-Балтійскаго поморья. Въ призваніи, по его мнѣнію, участвовали съ Новгородцами и Кіевляне (437 стр.). Приложенная къ его труду карта Помераніи XVII в., сама по себѣ любопытная, ничего не доказываетъ по отношенію къ данной системѣ.

изъ этихъ писателей причисляютъ ихъ къ Сарматамъ; но, что подъ именемъ Сарматовъ тогда скрывались и Славянскіе народы, въ томъ также едва ли нынѣ можетъ быть какое сомнѣніе. Тождество самой страны, въ которой являются и Роксолане и Русь, не допускаетъ предположенія, чтобы въ ихъ именахъ могло быть только случайное созвучіе. Что касается до моихъ филологическихъ доказательствъ, особенно по поводу русскихъ и болгарскихъ именъ, то вообще мои оппоненты, сколько я замѣтилъ, не обращаютъ вниманія на самое главное. Объясненія мои въ большинствѣ случаевъ только примѣрныя; о чемъ ясно сказано въ моей книгѣ (430 и 451 стр.). Только за нѣкоторые свои филологическіе выводы я стою рѣшительно; они тоже указаны, и никто ихъ пока не опровергъ. Я постоянно повторяю, что въ настоящее время не признаю за филологіей возможности объяснить удовлетворительно даже и сколько нибудь значительной части древне-русскихъ и древне-болгарскихъ именъ. Пріемы, употребленные ею до сихъ поръ, вертѣлись или на созвучіи, или на родствѣ корней, или на общности нѣкоторыхъ именъ у славянскихъ и германскихъ народовъ. Обращу вниманіе при этомъ на слѣдующее обстоятельство. Объяснялись славянскія имена изъ скандинавскихъ языковъ, или изъ финскихъ, или изъ татарскихъ; русскіе ученые обыкновенно молчали и не находили даже ничего страннаго въ такихъ объясненіяхъ. Но это происходило главнымъ образомъ отъ незнакомства съ упомянутыми языками, и вопіющія словопроизводства казались прежде строго-филологическими объясненіями. Мои же попытки обзываются натяжками, произволомъ и т. п., хотя я и не думалъ въ этомъ случаѣ давать положительныя словопроизводства, а только указываю на возможность иныхъ объясненій и допускаю къ нимъ безконечныя поправки. Но тутъ ясно выступаетъ на сцену не разъ указанная мною привычка русскихъ ученыхъ отвергать принадлежность славянскому языку тѣхъ словъ, которыя съ перваго же взгляда не поддаются объясненію изъ этого языка. Между тѣмъ, я постоянно твердилъ и повторяю, что къ личнымъ и географическимъ именамъ, особенно древнимъ, невозможно такъ относиться; что всякія ихъ объясненія—только гадательныя, при настоящихъ пріемахъ и средствахъ науки. Укажу и на примѣръ г. Гедеонова. Въ его книгѣ многія древне-русскія имена объясняются съ помощью славянскихъ нарѣчій, и при всей ученой обстановкѣ этихъ объясненій, только часть ихъ имѣетъ нѣкоторую степень вѣроятности; а положительно они не могутъ быть доказаны. Говорилъ я также не разъ, что не только древнія имена, въ которыхъ могли быть искаженія, заимствованія, наслоенія, но и самыя употребительныя наши слова не могутъ быть объяснены изъ одного славянскаго языка, а только съ помощью другихъ арійскихъ вѣтвей, да и то объяснены приблизительно и отнюдь не окончательно; напримѣръ: Богъ, Днѣпръ, конь, туръ, бояринъ, орелъ, соколъ и пр. и пр. Любопытно также, что не

только ученые люди на вѣру соглашались съ словопроизводствами, напримѣръ, древне-болгарскихъ именъ изъ татарскихъ или финскихъ языковъ, но и сами словопроизводители не знали этихъ языковъ. Въ подобномъ обстоятельствѣ мы должны, между прочимъ, упрекнуть и знаменитаго Шафарика. Имена Болгаръ Дунайскихъ и Камскихъ онъ собираетъ въ одну группу (что повторяетъ и мой рецензентъ); при чемъ и тѣ, которыя очевидно были занесены на Каму отъ Арабовъ вмѣстѣ съ исламомъ, пошли также въ доказательство не славянскаго происхожденія Болгаръ. Титулъ, котораго происхожденіе неизвѣстно, въ родѣ «Булій (т. е. велій) тарканъ», который могъ быть и заимствованъ, также пошелъ въ число этихъ доказательствъ. Попросилъ бы я кого нибудь объяснить мнѣ происхожденіе словъ эсаулъ и атаманъ; въ случаѣ ихъ иноземнаго корня могутъ ли они доказывать неславянство нашихъ казаковъ? Слово царь считается сокращеніемъ цезарь; а, по моему, это заблужденіе; оно, вѣроятно, заимствовано нами съ востока, а не съ запада; его можно признать уже на ассирійскихъ клинообразныхъ надписяхъ. Подобиыхъ филологическихъ заблужденій существуетъ еще множество. Несовершенство филологической науки относительно этимологическихъ вопросовъ лучше всего обнаружилось въ томъ, что она не подозрѣвала широкораспространеннаго закона осмысленія, и часто принимала за коренное значеніе то, что было только позднѣйшимъ осмысленіемъ. Попросилъ бы я также выписать изъ Ипатьевской лѣтописи всѣ имена литовскихъ князей и попытаться хотя половину ихъ объяснить изъ одного литовскаго языка.

Славянство Болгаръ я не только не считаю сомнительнымъ, а, напротивъ, позволяю себѣ упрекнуть историковъ и филологовъ, когда они упускаютъ изъ виду одинъ изъ самыхъ крупныхъ историческихъ законовъ. Говорю о трудности и медленности, съ которыми сопряжено перерожденіе одного народа въ другой. Исторія намъ представляетъ, наоборотъ, живучесть народностей и ихъ языковъ. А такихъ примѣровъ, чтобы сильный народъ завоевателей легко, скоро и радикально обратился въ народность совершенно ему чуждую, имъ покоренную и очевидно сравнительно съ нимъ слабую, такихъ примѣровъ не только не было, они и немыслимы. Приведенныя противъ меня аналогіи, каковы балтійскіе Славяне, Мордва и Литва, не опровергаютъ этого закона, а вполнѣ его подтверждаютъ; при всемъ подчиненномъ положеніи своемъ, сколько вѣковъ сохраняли они свою народность, а частію сохраняютъ ее и доселѣ, когда пріемы ассимилизаціи сравнительно съ средними вѣками значительно усовершенствовались (школа, церковь, администрація, судопроизводство и т. п.)! Исторія не знаетъ Болгаръ другимъ, неславянскимъ народомъ. Толки о ихъ неславянствѣ основаны главнымъ образомъ на запутанномъ употребленіи имени Гунновъ въ источникахъ. Какому народу принадлежало это имя первоначально, пока оставляемъ вопросомъ. Я не имѣлъ въ своемъ распоряженіи столько времени, чтобы пересмотрѣть

его спеціально, систематически, всесторонне, и потому оставилъ его открытымъ, указавъ однако на вѣроятность его рѣшенія въ пользу тѣхъ же Славяно-Болгаръ (410 стр.). Но чтобы поселившіеся на Дунаѣ Болгаре были турецкая или финская орда, быстро превратившаяся въ Славянъ, это я считаю мнѣніемъ предвзятымъ, ненаучнымъ, антиисторическимъ. Понятно, что за неимѣніемъ прочныхъ основъ, оно пробавляется нѣкоторыми трудно объяснимыми именами или нѣсколькими фразами неизвѣстнаго происхожденія и неизвѣстно откуда попавшими въ одинъ болгарскій хронографъ, котораго время и мѣсто составленія также неизвѣстно. Любопытно и то, что противники славянскаго происхожденія обращаются съ своими соображеніями то къ Финнамъ, то къ Татарамъ, какъ будто это одно и тоже! Эти противники даже не потрудились задать себѣ самый простой вопросъ. До основанія Болгарскаго царства на Балканскомъ полуостровѣ мы знаемъ Славянъ только Сербской вѣтви. Стало быть, пришлые Болгаре должны были бы усвоить себѣ сербскій языкъ или произвести языкъ смѣшанный, въ родѣ романскихъ. А вмѣсто того мы видимъ, что, на ряду съ сербскимъ, является другой такой же чистый славянскій языкъ, распространившійся отъ Нижняго Дуная и Чернаго моря до Архипелага. Скажите пожалуйста, откуда взялся этотъ цѣльный, богатый и гибкій славяно-болгарскій языкъ, если Болгаре были не Славяне? Противники могутъ спорить сколько имъ угодно; но они никогда не опровергнутъ непреложныхъ историческихъ законовъ и историческихъ фактовъ. Говорю все это къ слову, и только по поводу упомянутой рецензіи, а никакъ не въ видѣ препирательства съ ея достойнымъ авторомъ, который, сколько я могъ замѣтить, въ сущности, ставитъ вопросы, но не принимаетъ рѣшительно ни той, ни другой стороны.

Postscriptum. Послѣ того, какъ статья моя была написана, на дняхъ, получилъ я первую книжку Historische Zeitschrift Зибеля за текущій годъ. Тамъ въ литературномъ обозрѣніи есть рецензія Альфреда фонъ Гутшмидъ на «Каспій», извѣстное сочиненіе нашего академика Б. А. Дорна, снабженное дополненіями и примѣчаніями другаго академика, А. А. Куника. По поводу «варангомахіи» послѣдняго, рецензентъ не преминулъ замѣтить, что внѣ Россіи даже трудно понять, какимъ образомъ еще можетъ существоватъ вопросъ: были ли древніе Руссы и Варяги Норманами или Славянами? Русскіе историки, говоритъ онъ, дѣлятся на школы, норманскую и антинорманскую; а г. Куникъ въ «Каспіѣ» вновь даетъ «научно единственно возможное рѣшеніе вопроса въ норманскомъ смыслѣ». Между прочимъ, рецензентъ указываетъ на трактатъ г. Куника о русыхъ хеландіяхъ, и прибавляетъ, что эти хеландіи «однимъ изъ корифеевъ антинорманской школы, г. Иловайскимъ, были выставлены какъ рѣшительный историческій фактъ» въ свою пользу.

Во первыхъ, какъ извѣстно, антинорманисты не составляютъ одной школы, утверждающей, что Русь и Варяги были Славянами. Всего менѣе

можетъ относиться такое положеніе ко мнѣ, хотя я и названъ однимъ изъ корифеевъ этой школы. Варяговъ я отнюдь не считаю Славянами. Во вторыхъ, уже годъ тому назадъ я заявилъ свое согласіе съ доказательствами г. Куника, что пресловутыя хеландіи надобно понимать въ смыслѣ красныхъ, а не русскихъ. Притомъ я не только никогда не выдвигалъ ихъ впередъ какъ рѣшающій историческій фактъ, а, напротивъ, совсѣмъ не помѣстилъ ихъ въ число своихъ 30-ти пунктовъ. Вообще рецензентъ, по всѣмъ признакамъ, незнакомъ съ настоящимъ положеніемъ вопроса; а между тѣмъ говоритъ о немъ самымъ положительнымъ тономъ, беретъ подъ свою защиту якобы униженнаго Нестора и грозитъ какою-то Немезидой дурно понятому патріотизму, дерзнувшему «отстаивать чисто славянское происхожденіе Русскаго государства».

Подобныя статьи невольно возбуждаютъ вопросъ: отъ чего это Нѣмцамъ такъ непріятна мысль о чисто славянскомъ происхожденіи Русскаго государства и съ какой стороны рельефнѣе выступаетъ дурно понятый патріотизмъ, проникшій въ область науки?

Д. И. Иловайскій.

II.

История Россіи соч. С. Соловьева. М. 1876 г. томъ XXVI.

Съ XXV-го тома Исторіи Россіи начинается описаніе царствованія Екатерины II, которому посвящено въ немъ двѣ главы, обнимающія первые полтора года ея правленія; въ новомъ томѣ помѣщено три главы, изъ которыхъ двѣ первыя представляютъ погодный разсказъ о событіяхъ 1764 и 1765 гг., а послѣдняя даетъ очеркъ «просвѣщенія въ Россіи отъ основанія Московскаго университета до смерти Ломоносова», т. е. съ 1755—по 1765 г. Таковы внѣшнія рамки труда С. М. Соловьева, представляющаго только начало продолжительнаго и весьма богатаго событіями царствованія Екатерины II. И въ этомъ томѣ источниками для описанія двухъ первыхъ главъ автору служили преимущественно архивные матеріалы.

Настоящій томъ открывается дѣломъ Мировича. Какъ на матеріалъ своего разсказа, авторъ указываетъ на самое дѣло о немъ, хранящееся въ государственномъ архивѣ, но, послѣ изданныхъ въ послѣднее время матеріаловъ и разсказовъ, относящихся къ Мировичу (въ Русск. Архивѣ, Чтен. М. общ. исторіи, Восемнадцат. вѣкъ, Памятники новой русск. литер., Сборникъ Русск. историч. общ., Соч. Ковалевскаго о гр. Блудовѣ и др. т. п.) и свода русскихъ и иностранныхъ извѣстій въ монографіи проф. Брикнера,—разсказъ объ этомъ дѣлѣ не представляетъ особенныхъ подробностей. Затѣмъ, обѣ главы состоятъ изъ описанія внутреннихъ и внѣшнихъ событій царствованія Екатерины за 1764 и 1765 гг.

Въ «секретнѣйшемъ наставленіи» новому генер.-прок. сената князю А. А.

Вяземскому (изданному въ Чт. М. О. И. 1858 г. и Сбор. Р. И. О., VII), занявшему постъ павшаго за злоупотребленія по винному откупу въ Сибири генер.-прок. Глѣбова, дѣйствія котораго раскрылись по дѣлу извѣстнаго слѣдователя Крылова, Екатерина, еще подъ впечатлѣніемъ этого дѣла, въ рѣзкихъ чертахъ изображаетъ злоупотребленія прошлаго порядка, когда господствовали «принципіи покойнаго гр. П. Шувалова, хотя и не весьма полезныя для общества, но достаточно прибыльныя для ихъ самихъ». Екатерина указываетъ на существовавшія олигархическія стремленія, проникшія въ самый сенатъ, и доказываетъ, что для Россіи всякая другая форма правленія, кромѣ самодержавнаго государя, вредна. «Сенатъ, говоритъ она, установленъ для исполненія законовъ, ему предписанныхъ; а онъ часто выдавалъ законы, раздавалъ чины, достоинства, деревни, деньги, однимъ словомъ, почти все,—и утѣснялъ прочія судебныя мѣста въ ихъ законахъ и преимуществахъ, такъ что и мнѣ приходилось слышать въ сенатѣ, что одной коллегіи хотѣли сдѣлать выговоръ за то только, что она свое мнѣніе осмѣлилась въ сенатъ представить, до чего однакожъ я тогда не допустила, но говорила господамъ присутствующимъ, что сему радоваться надлежитъ, что законъ исполняютъ... Раболѣпство персонъ, въ сихъ мѣстахъ находящихся, неописанное, и добра ожидать не можно, пока сей вредъ не пресѣчется. Одна форма лишь канцелярская исполняется, а думать еще иные и нынѣ прямо не смѣютъ, хотя въ томъ и интересъ государственный страждетъ». Екатерина жаловалась, что великая нужда состоитъ въ умноженіи циркуляціи денегъ въ имперіи, такъ много затрудняемой разнообразіемъ монетной системы, и на первыхъ порахъ заботится о введеніи правильнаго отношенія между золотою, серебряною и мѣдною монетою. Доходъ въ 1763 г. составлялъ 16.507,381 руб., доходы въ 1764 г. увеличились до 21.593,136 р. (стр. 22). На первыхъ порахъ Екатерина заботится объ устройствѣ Балтійскаго порта, ревельской гавани, объ образованіи опытныхъ моряковъ и морской торговлѣ Россіи. «У насъ въ излишествѣ кораблей и людей, но у насъ нѣтъ ни флота, ни моряковъ», писала она Панину. «Надо сознаться, что корабли наши походятъ на флотъ, выходящій каждый годъ изъ Голландіи для ловли сельдей, а не на военный» (127—128). 1764 годъ заслуживаетъ вниманіе въ исторіи русской внѣшней торговли появленіемъ перваго русскаго корабля на Средиземномъ морѣ, такъ какъ до того времени ни одинъ русскій корабль, ни военный, ни торговый, не бывалъ далѣе Кадикса. Тогда образовалась компанія тульскаго купца Владимірова съ другими тульскими купцами, для непосредственнаго торга съ Италіею чрезъ Средиземное море, а императрица на свое иждивеніе построила для компаніи фрегатъ о 36-ти пушкахъ. Фрегатъ этотъ, названный «Надежда благополучія», вышелъ, нагруженный русскими товарами (желѣзомъ, юфтью, парусными полотнами, табакомъ, воскомъ, икрою, канатами), изъ Кронштадта 11-го августа—въ Ливорно, подъ командою капит. Плещеева. Факторомъ компаніи въ Ливорно былъ казанскій купецъ Пономаревъ, который извѣстилъ, что фрегатъ прибылъ

туда 20-го ноября благополучно, а въ день Екатерины происходила торжественная служба въ греческой церкви на русскомъ языкѣ. Екатерина распорядилась разослать во всѣ купеческія гильдіи книгу: «Описаніе торгу амстердамскаго», напечатанную на русскомъ языкѣ; она назначила отъ кабинета 200 р. на печатаніе прейскурантовъ для пользы купечества; но это распоряженіе было только повтореніемъ позабытаго постановленія Петра Великаго. Вспомнили однако другой указъ Петра Великаго, а именно о дозволеніи дѣтямъ русскихъ купцовъ путешествовать по извѣстнымъ своею торговлею государствамъ и городамъ и поступать, для изученія торговли, въ иностранныя конторы. Сенатъ ограничилъ право купцовъ покупать для веденія промысловъ крестьянъ, но дозволялъ въ то же время эту покупку отдѣльнымъ лицамъ, подъ условіемъ обученія матросскому ремеслу и постройкѣ судовъ (стр. 27—28). Замѣчательно слѣдующее донесеніе русскаго посланника въ Константинополѣ, Обрѣзкова. Онъ доносилъ, что вольное кораблеплаваніе по Черному морю не можетъ привести русскую торговлю въ желаемое состояніе, по причинѣ чрезвычайнаго неразумія и невѣжества русскихъ купцовъ. Купцы эти, со времени заключенія послѣдняго мира, не только не разбогатѣли, но многіе бѣднѣе стали; кредитъ ихъ подорванъ до такой степени, что они не могутъ получить иначе денегъ, какъ за 20 или 15%, притомъ подъ условіемъ залога товаровъ. На этомъ донесеніи Панинъ написалъ: «Выраженія не мягки, но, къ несчастію, вѣрны» (стр. 135). Относительно земледѣльческой промышленности слѣдуетъ замѣтить, что въ это время былъ введенъ въ употребленіе въ Россіи картофель, на выписку котораго Екатерина назначила 500 руб., причемъ медицинская коллегія издала наставленіе объ употребленіи его, которое оканчивается замѣчаніемъ, что онъ «въ недостаткѣ и дороговизнѣ прочаго хлѣба великую замѣну дѣлать можетъ» (стр. 135) [1]).

Постоянныя извѣстія о злоупотребленіяхъ въ областяхъ побудили Екатерину сосредоточить власть въ рукахъ губернаторовъ, выборъ которыхъ, по малочисленности тогдашнихъ губерній, могъ казаться и легкимъ, и удобнымъ, хотя, замѣтимъ на это, частые случаи отрѣшенія отъ управленія губернаторовъ, воеводъ и другихъ начальствующихъ лицъ, въ началѣ царствованія Екатерины (см. Сборникъ Русск. ист. общ., VII), могли бы, казалось, предостеречь отъ столь поспѣшнаго заключенія. Такъ и въ это время были отрѣшены отъ своей должности «защитники» новокрещенныхъ въ Казанской губерніи (11 чело-

---

[1]) Замѣтимъ кстати, что русскіе впервые узнали и увидѣли картофель во время заграничнаго похода черезъ Пруссію, въ 1757 г. Болотовъ разсказываетъ, что тогда солдаты съ жадностью бросились варить его; но «по необыкновенности сей пищи, не прошло безъ того, чтобъ не сдѣлаться отъ нея въ арміи болѣзней и наиболѣе жестокихъ поносовъ, и армія наша, за узнаніе сего плода, принуждена была заплатить нѣсколькими стами человѣкъ, умершихъ отъ сихъ болѣзней». Записки Болотова, I, 489—490.

вѣкъ) за взятки и поборы, а новокрещенская контора уничтожена (стр. 33). Теперь же, съ цѣлью предотвратить безграничное взяточничество въ средѣ служащихъ, была опредѣлена по штатской службѣ пенсія за 35 лѣтъ (стр. 34). Въ этотъ періодъ сдѣланы были нѣкоторыя существенныя перемѣны въ областномъ управленіи. Такъ, изъ слободскихъ полковъ была образована «Слободско-украинская губернія», причемъ предписано было на высшія губернскія должности опредѣлять непремѣнно великороссіянъ (стр. 50). Новая Сербія преобразована была въ Новороссійскую губернію. При этомъ обращалось вниманіе на необходимость скорѣйшаго заселенія края, для чего даны были льготы новымъ поселенцамъ; но уже при учрежденіи губерніи полагалось необходимымъ завести школы, воспитательный домъ для женщинъ, больницы и т. п. (стр. 49—50). Екатерина лично не была расположена къ мѣстнымъ привиллегіямъ, которыми пользовались Малороссія, Лифляндія, Финляндія. Въ той же инструкціи князю Вяземскому она писала, что называть эти провинціи «чужестранными и обходиться съ ними на такомъ же основаніи есть больше нежели ошибка, а можно назвать съ достовѣрностью—глупостью. Сіи провинціи надлежитъ легчайшими способами привести къ тому, чтобъ онѣ обрусѣли и перестали бы глядѣть какъ волки къ лѣсу... Когда въ Малороссіи гетмана не будетъ, то должно стараться, чтобъ вѣкъ и имя гетмановъ исчезло». Движеніе въ Малороссіи въ пользу наслѣдственнаго гетманства дало Екатеринѣ поводъ привести въ исполненіе и эту мысль. Записка Теплова, хорошо знавшаго тамошніе порядки, послужила весьма цѣннымъ матеріаломъ въ виду этой реформы. По его словамъ, въ Малороссіи «все управлялось не правомъ и законами, а силою и кредитомъ старшинъ и обманомъ грамотныхъ людей». Яркими красками изображаетъ онъ постепенное и быстрое уменьшеніе свободныхъ землевладѣльцевъ и умноженіе крѣпостныхъ людей. Города, села, деревни, слободы, хутора — не имѣли никакого обмежеванія и основывались на крѣпостяхъ большею частію фальшивыхъ или владѣли землями вслѣдствіе наѣздовъ сильнаго на слабаго. Наѣзды эти нерѣдко сопровождались смертоубійствами, которыя влекли за собою безконечные процессы. Избраніе должностныхъ лицъ сопровождалось безграничнымъ пьянствомъ и подкупами. Земледѣліе въ плодородной Малороссіи находилось въ полномъ запустѣніи. Такимъ образомъ, пользуясь указаннымъ движеніемъ, Екатерина побудила Разумовскаго просить о снятіи съ него «столь труднаго и опаснаго для его персоны чина». Онъ же, всегда хлопотавшій лишь о приращеніи своихъ маетностей, и на этотъ разъ заботился прежде всего о томъ, чтобы императрица обратила на него свое «монаршее призрѣніе и щедроту» и чтобы увольненіе отъ должности не нанесло чувствительнаго ущерба воспитанію, содержанію и пристроенію его многолюдной фамиліи. Теперь состоялось уравненіе въ классахъ малороссійской старшины съ великороссійскими чинами; вмѣсто гетманскаго правленія была учреждена малороссійская коллегія, состоящая изъ великороссіянъ и малороссіянъ; прокуроромъ былъ назначенъ велико-

россіянинъ, а предсѣдательство въ коллегіи возложено на гр. П. А. Румянцева, который при этомъ былъ облеченъ генералъ-губернаторскою властію. Въ наказѣ гр. Румянцеву поручалось ввести порядокъ и устройство въ этомъ краѣ, причемъ обратить особенное вниманіе на духъ тамошняго духовенства, заражающагося въ своихъ школахъ «началами ненасытнаго властолюбія римскаго духовенства» (Екатерина имѣла здѣсь въ виду недавнее дѣло Арсенія Мацѣевича) и «сокровенную ненависть тамошняго народа противъ здѣшняго, который пріобыкъ оказывать не непримѣтное къ малороссіянамъ презрѣніе». Кромѣ того, Екатерина поручила Румянцеву имѣть съ Тепловымъ «большую конверзацію о Малороссіи». Вслѣдствіе всего этого Теплова считали предателемъ въ отношеніи къ Разумовскому и разсказывали даже, что когда послѣдній, по пріѣздѣ изъ Малороссіи, былъ встрѣченъ во дворцѣ съ распростертыми объятіями Тепловымъ, то гр. Гр. Гр. Орловъ сказалъ: «И лобза его же предаде» (стр. 39—48; ср. Сборн. Русск. ист. общ., VII).

Изъ другихъ дѣятелей описываемаго времени авторъ обращаетъ особенное вниманіе на дѣятельность новгородскаго губернатора Сиверса. Интересны замѣчанія послѣдняго о состояніи этого края. По прибытіи туда, Сиверсъ нашелъ губернскій архивъ погребеннымъ подъ развалинами цейхгауза, на 200 — 300 дѣлъ въ годъ рѣшалось два или три. Со времени указа о дворянской вольности, дворяне брали на себя одни выгодныя порученія. Болѣе 1,000 преступниковъ содержалось въ тюрьмахъ и болѣе 1,000 было выпущено на поруки. Въ числѣ уголовныхъ преступниковъ было 20 дворянъ, а въ пяти провинціяхъ до 250 человѣкъ подлежали пыткѣ. Почти не проходило дня, чтобы не было случаевъ насилія или убійства между сосѣдями. «Новгородская область,—писалъ онъ,—достойна носить прозвище Нормандіи. Думаю, что ни одна другая область въ цѣлой имперіи такъ не нуждается въ новомъ уложеніи, которое сократило бы судопроизводство... Въ теченіе 1764 г. начато 53 процесса и ни одинъ не оконченъ, равно какъ и процессы прошлыхъ годовъ... Я самъ нашелъ, что одинъ помѣщикъ бралъ по 5 руб. оброка съ крестьянъ, живущихъ на пескѣ и не имѣющихъ пашни». Поэтому, въ своихъ планахъ улучшенія быта, Сиверсъ останавливается на потребностяхъ мѣстнаго управленія и развитіи промышленности и земледѣлія. Онъ касается тяжелой участи крестьянина; предлагаетъ заведеніе гимназіи и школъ, учрежденіе сельско-хозяйственнаго общества и т. д. (стр. 135—140).

Разрѣшеніе вопроса о церковныхъ имуществахъ и учрежденіе штатовъ дали возможность освободить низшее духовенство отъ массы поборовъ въ пользу епархіальныхъ властей, за исключеніемъ взносовъ при поставленіи въ священно- и церковно-служители; а одновременно съ тѣмъ былъ опредѣленъ minimum платы за требы сельскому духовенству (2—10 коп.), причемъ за исповѣдь и причастіе было воспрещено брать (стр. 148—149).

Уже въ это время обнаруживается рѣшительное намѣреніе Екатерины II смягчить суровыя требованія законодательства. Таковы ея постановленія о вмѣняемости наказаній за уголовныя преступленія соотвѣтственно возрастамъ; частныя распоряженія о рѣшеніи дѣлъ безъ пытокъ, и, наконецъ, къ 1765 г. относится извѣстная записка Екатерины II по дѣлу Волынскаго (стр. 129—132), напечатанная въ 1858 въ Чтен. М. Общ. ист., а въ послѣднее время въ Сборн. Русск. ист. общ. (X, 56). Согласно съ своими мнѣніями о вѣротерпимости относительно инородцевъ и раскольниковъ, высказанными еще въ запискѣ, писанной въ царствованіе Елисаветы Петровны (Сборн., VII), Екатерина ограничиваетъ насильственное обращеніе въ христіанство и преслѣдованіе раскольниковъ за неисполненіе церковныхъ требъ. Но представляя частные случаи такого отношенія къ нимъ (стр. 36—38, 149), авторъ не касается болѣе общихъ фактовъ, какъ постановленія (1764 г.) относительно бритья бороды, указнаго платья, двойнаго оклада, способовъ обращенія съ раскольниками. (Полн. собр. зак., т. XVI, № 12,067). Не можемъ не замѣтить также той особенности въ способѣ изложенія, которая не разъ встрѣчается въ трудѣ автора. Такъ, сказавъ о дѣлѣ архимандрита Пыскарскаго монастыря — Іуста, прославившагося своими насиліями, грабительствомъ и крайнею распущенностію, авторъ замѣчаетъ: «Въ описываемое время кончилось долго тянувшееся дѣло архимандрита Іуста» и т. д., но чѣмъ оно кончилось—здѣсь вовсе не сказано (стр. 149).

Вторую и бо́льшую половину (стр. 55—125, 156—202) двухъ первыхъ главъ въ трудѣ автора занимаютъ внѣшнія отношенія Россіи. Они сосредоточиваются на избраніи въ польскіе короли Станислава Понятовскаго, диссидентскомъ вопросѣ, попыткахъ реформы польской конституціи, взаимныхъ отношеніяхъ по этимъ вопросамъ Россіи и Пруссіи, наконецъ, на отношеніяхъ Россіи къ другимъ иностраннымъ державамъ, причемъ, какъ всегда въ подобныхъ очеркахъ, авторъ пользовался архивнымъ матеріаломъ.

Въ третьей и послѣдней главѣ (стр. 203—344) авторъ говоритъ «о просвѣщеніи» въ обширномъ смыслѣ слова, начиная свой очеркъ съ вліянія французской литературы при Елисаветѣ и Екатеринѣ II и сношеніями послѣдней и другихъ представителей русской интеллигенціи съ свѣтилами французскаго просвѣщенія — Вольтеромъ, Даламберомъ, Дидро, Жоффрень. Далѣе, авторъ подробно говоритъ о воспитаніи великаго князя Павла Петровича; о дѣятельности академіи наукъ въ лицѣ Ломоносова, Мюллера, Шлецера; о Московскомъ университетѣ, гимназіяхъ и корпусахъ; о частномъ воспитаніи и первыхъ воспитательныхъ учрежденіяхъ при Екатеринѣ II; наконецъ, даетъ необходимыя замѣчанія о тогдашней литературѣ, театрѣ и искусствѣ вообще.

Наконецъ укажемъ, что авторъ, на основаніи послѣднихъ строкъ Записокъ Порошина (въ Архивѣ историческихъ практическихъ свѣдѣній, 1860—61 г., IV, стр. 50) справедливо сближаетъ (примѣч. 146) намеки его на сватовство

(къ Шереметевой) съ ближайшею причиною удаленія его отъ двора [1]). Эта Шереметева была въ послѣдствіи невѣстою самого Никиты Ивановича Панина, недружелюбно относившагося къ Порошину. Авторъ пользовался перепиской Порошина съ гр. Г. Г. Орловымъ въ государственномъ архивѣ (стр. 254—58 и примѣч. 145), но эти письма были уже изданы въ «Русскомъ Архивѣ» 1867 (стр. 192—197) и 1869 гг. (стр. 64—66).

Въ своемъ мѣстѣ (см. «Русскую Старину» 1876 г., октябрь) были сдѣланы нами замѣчанія относительно общихъ воззрѣній автора на ходъ историческихъ событій. Въ подкрѣпленіе ихъ мы можемъ теперь привести нѣсколько строкъ изъ послѣдняго тома, въ которыхъ авторъ устанавливаетъ историческую связь разсматриваемаго времени съ предшествовавшимъ, т. е. времени Екатерины II и Елисаветы Петровны. «Основа этой связи,—замѣчаетъ онъ,—заключается въ одинаковомъ нравственномъ движеніи общества, происходившемъ отъ одинаковыхъ условій народнаго роста въ послѣднее десятилѣтіе первой половины XVIII вѣка и въ первыя десятилѣтія второй половины. Екатерина, вмѣстѣ со многими сотрудниками своими, воспитывалась, росла этимъ общимъ ростомъ при Елисаветѣ. Никита Ивановичъ Панинъ не могъ бы сказать, что чуть его параличъ не убилъ, когда онъ читалъ дѣло Волынскаго, еслибъ между временемъ Анны и временемъ Екатерины не прошло время Елисаветы» (стр. 203).

В. И.

---

[1]) Фонъ-Визинъ говоритъ лаконически: «Порошинъ удаленъ отъ двора за невѣжливость, оказанную имъ дѣвицѣ Шереметевой». Объясненіе могло быть сочтено невѣжливостію,—замѣчаетъ авторъ,—по неравенству положенія.

ИЗЪ РУССКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1876 г.

По поводу соч. г. Пахмана: «Исторія кодификаціи».

Въ маѣ 1876 года явилась въ свѣтъ «Исторія кодификаціи гражданскаго права» С. В. Пахмана (Спб., два тома). По словамъ предисловія «Исторіи», «ближайшая цѣль книги—содѣйствовать, по крайней мѣрѣ отчасти, ознакомленію съ многочисленными опытами не только иностранной, но и нашей кодификаціи»; цѣль отдаленная—«облегчить предварительное учебное ознакомленіе съ источниками законодательства». «Главный предметъ труда, по объясненію самого автора,—русское право; поэтому обзоръ иностранныхъ кодексовъ представленъ въ видѣ возможно-сжатомъ». Этотъ обзоръ занимаетъ въ книгѣ около 60-ти страницъ, на которыхъ перепечатывается оглавленіе содержанія многочисленныхъ заграничныхъ кодексовъ. За то «русскому праву» авторъ посвящаетъ болѣе половины перваго тома (стр. 203—472) и весь II-й томъ (485 страницъ) своего труда. На 29—248 стр. II-го тома помѣщенъ въ «Исторіи» обзоръ первой части X тома Свода Законовъ. «Задача этого обзора, по словамъ г. Пахмана, заключается не въ изслѣдованіи и систематическомъ изложеніи началъ дѣйствующаго у насъ гражданскаго права, а въ томъ, чтобы представить въ формѣ описательной содержаніе разсматриваемаго тома гражданскихъ законовъ (по изд. 1857 г. съ продолженіями) въ порядкѣ самаго кодекса». Эта «задача» выполняется г. Пахманомъ на сотняхъ страницъ его книги, внушительной по объему, по внѣшней красотѣ и богатству изданія и по заманчивому оглавленію ея содержанія.

Достоинства «Исторіи кодификаціи» г. Пахмана плѣнили нашу русскую юридическую критику 1876 г. Въ теченіе немногихъ мѣсяцевъ, «Исторіи» г. Пахмана посвятили дружественныя рецензіи газеты «Голосъ», «Судебный Вѣстникъ», «С.-Петербургскія Вѣдомости», «Биржевыя Вѣдомости» и «Журналъ гражданскаго и уголовнаго права». Всѣ эти рецензіи замѣчательны своимъ дружнымъ «сочувствіемъ» къ книгѣ г. Пахмана и сходствомъ во внѣшнихъ пріемахъ, по содержанію, даже въ словахъ и выраженіяхъ.

Тонъ критикѣ о книгѣ г. Пахмана данъ рецензентомъ «Голоса» (№ 147). Безъименный критикъ «Голоса» усмотрѣлъ въ ней «работу, невыполненную еще и на Западѣ». «Въ иностранной литературѣ, по его словамъ, нельзя (!) найти ни такого полнаго очерка кодификаціи всѣхъ европейскихъ народовъ, ни такихъ богатыхъ указаній на литературу предмета». (Г. рецензентъ, говоря это, опустилъ изъ виду заявленіе самого г. Пахмана, что его «обзоръ иностранныхъ

кодексовъ представленъ въ видѣ возможно-сжатомъ»). Предъ «задачею обзора» рецензентъ «Голоса» безмолвно благоговѣетъ, а въ одной «обширной главѣ» (стр. 319—391) II-го тома, находитъ «замѣчательную критическую монографію о порядкѣ составленія и содержанія права остзейскаго».

Рецензенты прочихъ газетъ, довѣрившись дружественной рецензіи «Голоса», усвоили ея тонъ, для разнообразія въ словахъ начали усиливать похвалу безъименной фельетонной статьи и, постепенно возвышая тонъ, провозгласили «Исторію» г. Пахмана «исключительною и единственною въ своемъ родѣ книгою». Любопытно постепенное возрастаніе газетныхъ и журнальныхъ восхваленій «Исторіи» г. Пахмана.

Первымъ подражателемъ безъименному рецензенту «Голоса» явился г. Ев. Коршъ въ «Судебномъ Вѣстникѣ» (№№ 141 и 144). Въ самомъ началѣ своей рецензіи г. Коршъ, провозглашая «Исторію» г. Пахмана «капитальнымъ трудомъ ученаго, преслѣдующимъ общенаучныя цѣли (о которыхъ и самъ авторъ «Исторіи» ни однимъ словомъ не упоминаетъ въ своей книгѣ), присвоилъ себѣ «право съ увѣренностію предсказывать «Исторіи» успѣхъ, какъ книгѣ, безусловно полезной», и объяснилъ, что г. Пахманъ «заранѣе обрѣзываетъ когти недобросовѣстнаго (?) критика» его «Исторіи». Въ заключеніе обширнаго обзора содержанія «Исторіи» г. Пахмана, г. Коршъ нашелъ нужнымъ сказать: «Таково содержаніе сочиненія г. Пахмана. Оно, какъ видятъ читатели, рѣзко выдѣляется (изъ чего?) и серьезностію своей задачи, и ея исполненіемъ».

Неизвѣстный рецензентъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» (№ 163), повторивъ въ началѣ своей замѣтки нѣкоторыя мысли изъ рецензій «Голоса» и «Судебнаго Вѣстника» и описавъ, по оглавленію, «внѣшнюю систему» книги, приписываетъ г. Пахману такія задачи, которыми онъ вовсе не занимался въ своей «Исторіи». Рецензентъ пишетъ: «читатель («Исторіи» г. Пахмана) найдетъ, что, при изложеніи исторіи гражданскихъ кодексовъ, авторомъ ея обращено вниманіе на важнѣйшіе поводы къ ихъ составленію и на тѣ идеи, которыми задавались составители. При этомъ авторъ не только описываетъ (дословными выписками изъ другихъ книгъ,—прибавляемъ мы отъ себя) то, что происходило, но относится къ происходившему критически и, излагая содержаніе кодексовъ, указываетъ какъ общіе ихъ недостатки, такъ и недостатки отдѣльныхъ ихъ положеній». Рецензентъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» нашелъ «въ особенности много новаго и интереснаго» въ тѣхъ «двухъ послѣднихъ отдѣлахъ сочиненія» г. Пахмана, которые безъименный рецензентъ «Голоса» назвалъ «замѣчательною критическою монографіею». «Въ этихъ отдѣлахъ, по мнѣнію рецензента «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», сообщены такія свѣдѣнія, которыя не были извѣстны (кому?) и почерпнуты авторомъ изъ архива и дѣлъ II-го отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи». Замѣтку свою тотъ же рецензентъ заключаетъ: «интересъ сообщаемыхъ г. Пахманомъ свѣдѣній и обиліе указываемаго имъ библіографическаго матеріала даютъ автору полное право на вниманіе нашей читающей публики и свидѣтельствуютъ о его обширныхъ свѣдѣніяхъ».

Неизвѣстный рецензентъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» (№ 166) идетъ далѣе своихъ предшественниковъ. Упомянувъ о времени появленія книги «по поводу недавно случившагося прискорбнаго забаллотированія ея автора въ С.-Петербургскомъ университетѣ», послѣ 30-ти-лѣтней его учебной службы, рецензентъ говоритъ: «всякой знакомый съ юридическою литературою увидитъ, что эта

работа—единственная въ своемъ родѣ; ни въ одной европейской литературѣ мы (?) не находимъ такой полной исторіи кодификаціоннаго гражданскаго права». Послѣ весьма краткаго, сдѣланнаго по оглавленію «Исторіи», обзора ея содержанія, рецензентъ заключаетъ свою замѣтку такъ: «изъ всего того, что мы сказали, читатель уже можетъ видѣть, какое огромное значеніе имѣетъ трудъ проф. Пахмана. Въ его сочиненіи юристъ-практикъ найдетъ ключъ къ уразумѣнію многихъ статей въ нашемъ гражданскомъ кодексѣ, а ученому цивилисту облегчается критика началъ нашего гражданскаго права».

Самый же блестящій вѣнокъ славы возлагаетъ на главу автора «Исторіи» нѣкто г. Платоновъ въ № 5-мъ «Журнала гражданскаго и уголовнаго права». «Трудъ профессора Пахмана, по широтѣ задачи и мастерству исполненія,—начинаетъ онъ свою обширную (стр. 209—248) статью,—составляетъ такой богатый вкладъ въ нашу науку гражданскаго права, въ сравненіе съ которымъ могъ бы идти во всей исторіи нашей юридической литературы развѣ трудъ покойнаго Неволина—«Исторія россійскихъ гражданскихъ законовъ». Но, даже сравнительно съ этимъ послѣднимъ трудомъ, книга г. Пахмана, по словамъ г. Платонова, имѣетъ двойную цѣну... Въ своей «Исторіи» г. Пахманъ, по свидѣтельству г. Платонова, «вполнѣ удачно поставилъ путеводные столбы, по которымъ (хитро!) могутъ уже идти и второстепенные юристы».

Возведеніемъ автора «Исторіи кодификаціи» въ первостепеннаго юриста, поставившаго «столбы, по которымъ могутъ уже идти и второстепенные юристы», закончилось газетное и журнальное восхваленіе «Исторіи» г. Пахмана. Далѣе «столбовъ» идти уже нельзя. Благодаря газетнымъ и журнальнымъ рецензентамъ русской юридической литературы 1876 года, авторъ «Исторіи кодификаціи» въ два-три мѣсяца пріобрѣлъ въ нашемъ отечествѣ такую славу, какой онъ не имѣлъ отъ начала своего 30-ти-лѣтняго учебнаго служенія доселѣ. Въ теченіе цѣлаго лѣта 1876 года имя г. Пахмана гремѣло въ петербургскихъ газетахъ.

Но слава, легко добываемая, скоропреходяща... И въ Россіи не всѣ вѣрують газетнымъ рецензентамъ на-слово. И въ русскомъ обществѣ есть люди, которые составляютъ себѣ отчетъ въ качествахъ новой книги—послѣ ея прочтенія, а не по отзывамъ газетныхъ и даже журнальныхъ рецензій. Уже во время прославленія газетами автора «Исторіи кодификаціи», не рѣдко высказывались, въ средѣ юристовъ, теоретиковъ и практиковъ, отзывы о книгѣ г. Пахмана, совершенно противоположные похваламъ газетныхъ рецензентовъ. Читатели газетъ, при встрѣчѣ съ людьми, лично познакомившимися съ «Исторіею кодификаціи» г. Пахмана, не могли удерживаться отъ выраженія недоумѣній по поводу разнорѣчій между газетными похвалами ей, съ одной стороны, и сужденіями лицъ, замѣтившихъ сущность «Исторіи»—съ другой. Серьезные журналы и газеты не замедлили возложить на «ученыхъ спеціалистовъ» обязанность—съ научною справедливостью показать и объяснить обществу дѣйствительное значеніе «Исторіи кодификаціи». «Вѣстникъ Европы» въ библіографическомъ листкѣ за іюль, описавъ богатую внѣшность «Исторіи» г. Пахмана, ясно потребовалъ отъ спеціалистовъ, чтобы они выполнили предъ русскимъ обществомъ свою обязанность въ отношеніи къ этой книгѣ. Даже въ «Голосѣ», который въ теченіи мая и іюня, недѣли двѣ—три, былъ своего рода органомъ шумныхъ демонстрацій въ пользу г. Пахмана и открылъ пріемъ пожертвованій на учрежденіе стипендіи его имени, былъ сдѣланъ разъ вызовъ

къ спеціалистамъ заявленіемъ, что «ученыхъ заслугъ г. Пахмана до сихъ поръ никто не опровергъ». Въ обществѣ ждали безпристрастной оцѣнки ученаго значенія «Исторіи кодификаціи» г. Пахмана.

Наконецъ явилась въ ноябрьской книгѣ «Вѣстника Европы» (стр. 453—478) критическая о книгѣ г. Пахмана статья профессора исторіи русскаго права въ С.-Петербургскомъ университетѣ В. И. Сергѣевича, подъ заглавіемъ: «Задачи исторіи кодификаціи». Авторъ этой статьи, объяснивъ въ ней свои воззрѣнія на задачи исторіи кодификаціи, показалъ, что двѣ цѣли, предположенныя г. Пахманомъ въ его книгѣ,—законодательная и учебная, не достигаются ею вслѣдствіе ихъ несовмѣстимости и неопредѣленности. Какъ книга для «учебнаго ознакомленія» съ содержаніемъ и расположеніемъ частей разнообразныхъ и многочисленныхъ кодексовъ гражданскаго права, «Исторія кодификаціи», представляющая сборникъ перечней оглавленій, главъ, отдѣловъ, титуловъ и т. п., есть нѣчто странное и ознакомить читателя съ кодексами не можетъ. Какъ «Исторія кодификаціи», книга г. Пахмана есть не болѣе, какъ сборникъ «краткихъ извлеченій» или, въ большинствѣ случаевъ, дословныхъ выписокъ изъ предшествовавшихъ трудовъ, давно всѣмъ извѣстныхъ. Лично же г. Пахману принадлежатъ только ошибки, свидѣтельствующія о крайней небрежности, съ которою эти выписки дѣлались» (стр. 463). Опредѣливъ въ такихъ словахъ «общій характеръ» книги г. Пахмана, г. Сергѣевичъ указалъ въ своей статьѣ—откуда и какъ сдѣланы г. Пахманомъ выписки (безъ отмѣтки ихъ обычными знаками заимствованія) и разобралъ нѣкоторые изъ «недосмотровъ», допущенныхъ при выпискахъ Въ частности,—«замѣчательная критическая монографія о порядкѣ составленія и содержанія остзейскаго права», найденная въ книгѣ г. Пахмана рецензентомъ ея въ «Голосѣ» и прославленная «новою» въ рецензіи «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», по разсмотрѣніи ея г. Сергѣевичемъ, оказалась просто на просто «извлеченіемъ и буквальною выпискою изъ одного офиціальнаго печатнаго изданія» II-го отдѣленія канцеляріи Его Величества—«Обозрѣнія историческихъ свѣдѣній, послужившихъ къ составленію свода мѣстныхъ законовъ остзейскихъ губерній».

Критическая статья г. Сергѣевича обнаружила, что «Исторія кодификаціи» г. Пахмана—дѣйствительно явленіе, какъ говорили о ней газетные дружественные ея рецензенты, «исключительное», «единственное въ своемъ родѣ», «рѣзко выдѣляющееся» не только въ русской, но и въ иностранной литературѣ,—явленіе небывалое въ Россіи и невозможное на Западѣ, «новое», но не по ученымъ результатамъ и свѣдѣніямъ, а по пріемамъ «сочиненія».

Статья г. Сергѣевича оказала свое вліяніе въ обществѣ: газеты замолчали о книгѣ г. Пахмана; рецензенты, за нѣсколько дней до появленія статьи восхвалявшіе «Исторію» до nec plus ultra, не откликнулись на нее ни однимъ звукомъ; въ обществѣ установилось къ «небывалому» во всей исторіи, не только русской, но и иностранной юридической литературы произведенію отношеніе, соотвѣтственное дѣйствительному его значенію; краткосрочная слава «первокласснаго юриста», поставившаго «столбы», по которымъ г. Платоновъ заставляетъ идти «второстепенныхъ юристовъ», исчезла такъ же быстро, какъ была пріобрѣтена; на самую «Исторію» пролился свѣтъ правды, замѣченный и юристами, и обществомъ...

Статья г. Сергѣевича показалась вовсе не по вкусу и не по духу для одного «юридическаго» органа,—для «Журнала гражданскаго и уголовнаго права», который взялъ на себя, въ лицѣ г. Платонова, обязанность изобразить «трудъ

профессора Пахмана, по широтѣ задачи и мастерству исполненія, такимъ богатымъ вкладомъ въ нашу науку гражданскаго права, въ сравненіи съ которымъ не можетъ идти во всей исторіи нашей юридической литературы ни одно сочиненіе...» И вотъ въ № 6-мъ «Журнала гражданскаго и уголовнаго права» явился въ защиту «Исторіи» г. Пахмана весьма обширный (стр. 265—310) «Отзывъ о критической статьѣ г. Сергѣевича: Задачи исторіи кодификаціи». Этотъ отзывъ, никѣмъ не подписанный, по всей вѣроятности, и есть то орудіе, которое, по вышеприведенному объясненію г. Корша, подготовлено «заранѣе обрѣзывать когти» критиковъ. Оказывается—орудіе не страшное, хотя въ своемъ родѣ «мастерское въ исполненіи».

«Отзывъ» всѣмъ своимъ содержаніемъ свидѣтельствуетъ, что время славы «Исторіи кодификаціи» г. Пахмана уже прошло,—и безвозвратно. Въ немъ уже нѣтъ не только того безграничнаго прославленія «Исторіи», какимъ торжественно начинается и заканчивается рецензія г. Платонова, помѣщенная въ № 5-мъ того же органа,—но и того хвалебнаго тона, какой за полгода назадъ заданъ къ воспѣванію «Исторіи» безъименнымъ ея рецензентомъ въ «Голосѣ» и который постепенно былъ возвышаемъ его подражателями въ другихъ газетахъ. Камертонъ, значитъ, понизился... Въ «Отзывѣ» уже нѣтъ ни слова ни о «капитальности труда» г. Пахмана, ни о «широтѣ его задачи и мастерствѣ ея исполненія», ни «о богатствѣ вклада въ науку», ни о «новости» ея свѣдѣній, ни о «рѣзко выдающихся» и «исключительныхъ» ея достоинствахъ, ни о «превосходствѣ ея предъ всѣми произведеніями русской и иностранной юридической литературы», ни о «полнотѣ обзора иностранной кодификаціи», ни о «работѣ, невыполненной еще и на Западѣ», ни даже о «замѣчательной критической монографіи» и т. д. «Отзывъ» отрицаетъ въ «Исторіи кодификаціи» г. Пахмана и самостоятельность автора, и новость его «открытій» и признаетъ за нею «лишь характеръ компиляціи» (стр. 280—281). По объясненію «Отзыва», самое «названіе книги употреблено г. Пахманомъ въ обширномъ смыслѣ, какъ часть внѣшней исторіи права» (стр. 268, 270, 280), а не въ томъ, какое дается самымъ фактомъ кодификаціи. «Отзывъ» признаетъ, что книга г. Пахмана дѣйствительно состоитъ изъ выписокъ, которыя не сопровождаются въ ней знаками заимствованія; но въ то же время доказываетъ, что она списана изъ книгъ «офиціальнаго характера» и что выписываніе изъ такихъ книгъ и должно быть дословнымъ, иначе «перефразировка могла бы привести къ неточной передачѣ офиціальнаго свѣдѣнія» (стр. 281—283, 307—309). Иначе говоря, «Отзывъ» возводитъ плагіатъ въ правило.

При всей скромности воззрѣній автора «Отзыва» на ученое значеніе «Исторіи» г. Пахмана, онъ беретъ однако книгу его подъ свою защиту и, какъ опытный боецъ, показываетъ свое искусство въ нападеніяхъ — нападеніемъ на критика.

«Отзывъ» ведетъ наступательную войну противъ г. Сергѣевича. Онъ обвиняетъ его въ томъ, что критика понимаетъ «Исторію кодификаціи» иначе, чѣмъ г. Пахманъ, что г. Сергѣевичъ указалъ не всѣ тѣ книги, изъ которыхъ выписывалъ г. Пахманъ, что г. Сергѣевичъ «Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній», послужившихъ поводомъ къ составленію остзейскаго свода, назвалъ офиціальнымъ изданіемъ, а не офиціальною запискою, что г. Сергѣевичъ будто бы незнакомъ съ г. Калачовымъ, Розенкампфомъ и др., что онъ впервые узналъ объ упомянутой запискѣ изъ книги г. Пахмана и не благодаритъ его за выписки изъ нея, что г. Сергѣевичъ будто бы «недавно узналъ о вліяніи Псковской суд-

ной грамоты на Судебникъ изъ христоматіи г. Буданова», и т. д., и т. д. Въ нападеніяхъ «Отзыва» на г. Сергѣевича, кромѣ комической, есть своя серьезная и прискорбная сторона, указывающая, что пріемы «софистовъ XIX вѣка» свойственны не однимъ юристамъ практикамъ. «Отзывъ» нападеніями на критика замаскировываетъ слабость защиты книги г. Пахмана. Суть дѣла не въ томъ, въ чемъ желаетъ обвинить «Отзывъ» г. Сергѣевича, а въ томъ—что́ за явленіе «Исторія кодификаціи» г. Пахмана. Г. Сергѣевичъ исполнилъ предъ русскою ученою литературою и русскимъ обществомъ свой долгъ, объяснивъ—какъ составлена «Исторія кодификаціи» и тѣмъ разсѣявъ мистификацію, жертвою которой хвалебныя рецензіи думали сдѣлать общественное мнѣніе. На сколько оправдываетъ «Отзывъ» самого автора «Исторіи кодификаціи» читатель увидитъ изъ печатаемаго далѣе отвѣта г. Сергѣевича на защиту г. Пахмана.

P. S. Въ то самое время, какъ мы держали корректуру изложенной замѣтки, намъ доставленъ III-й томъ «Сборника государственныхъ знаній» (Спб., 1877), въ которомъ помѣщена (стр. 36—42) рецензія Н. В. Калачова о книгѣ г. Пахмана. Признавая г. Пахмана въ самомъ началѣ своей рецензіи «однимъ изъ даровитѣйшихъ нашихъ юристовъ», почтенный и извѣстный нашъ ученый счелъ, однакожъ, своею «обязанностію отнестись не слишкомъ строго» къ книгѣ г. Пахмана. Сущность отзыва г. Калачова заключается въ слѣдующихъ словахъ рецензіи: «при невозможности удовлетворительной разработки каждой части взятаго на себя авторомъ (г. Пахманомъ) обозрѣнія (кодексовъ), онъ напрасно не придалъ ему гораздо болѣе скромнаго заглавія, какъ, напримѣръ: «Матеріалы для исторіи кодификаціи гражданскаго права». Но и «подъ условіемъ признанія розысканій» г. Пахмана въ значеніи «болѣе или менѣе удачно собраннаго матеріала для разработки разныхъ кодексовъ по гражданскому праву» снисходительный рецензентъ предлагаетъ читателямъ «нѣкоторыя замѣчанія относительно наиболѣе интересующихъ его сторонъ труда автора» исторіи кодификаціи. По этимъ «замѣчаніямъ» оказывается, что «подраздѣленіе сочиненія г. Пахмана не совсѣмъ правильно», «не вполнѣ вѣрно въ отношеніи географическомъ» и «лишено твердаго основанія», и что «компиляція» г. Пахмана «могла бы быть безупречнѣе». Г. рецензентъ «думаетъ», что «нельзя порицать г. Пахмана и за обстоятельное (занимающее весь II-й томъ сочиненія). изложеніе содержанія X тома, какъ ни знакомо оно каждому изъ юристовъ»; но «полагаетъ», что «изслѣдователь, который нуждается» знать содержаніе и состему нашего гражданскаго кодекса, «можетъ удобно найти» первое въ самомъ кодексѣ, а вторую—«въ самомъ оглавленіи къ X тому» и прибавляетъ, что «тоже самое можно сказать и объ извлеченіяхъ, сдѣланныхъ авторомъ (г. Пахманомъ) изъ всѣхъ другихъ кодексовъ и памятниковъ гражданскаго права». По неволѣ является вопросъ: къ чему же г. Пахманъ «трудился» переписывать содержаніе всѣмъ извѣстнаго русскаго кодекса и всѣмъ доступныя оглавленія «другихъ кодексовъ». Рецензентъ не даетъ отвѣта на этотъ вопросъ; но, по его мнѣнію, «истинный смыслъ труда» г. Пахмана состоитъ въ «указаніяхъ его на изданія какъ текстовъ, такъ и относящихся къ нимъ изслѣдованій». Рецензентъ не говоритъ, на сколько полны эти указанія,—но благо то, что это—«трудъ одного изъ даровитѣйшихъ нашихъ юристовъ...». Конечно, съ точки зрѣнія Н. В. Калачова, особенно въ виду его «обязанности» снисходительно отнестись къ труду «даровитѣйшаго юриста», можно въ нѣкоторой только, впрочемъ, степени согласиться съ мыслію, что книга г. Пахмана не совсѣмъ

уже безполезна. Но авторъ «Отзыва», помѣщеннаго въ «Журналѣ гражданскаго и уголовнаго права», съ такимъ же правомъ можетъ сказать Н. В. Калачову, что «все содержаніе труда г. Пахмана оцѣнено имъ по той задачѣ, какой авторъ не имѣлъ и не могъ имѣть въ виду», съ какимъ обращены были эти слова къ критикѣ г. Сергѣевича.

М. И. Горчаковъ.

Въ шестой книжкѣ «Журнала гражданскаго и уголовнаго права» помѣщена обширная статья въ отвѣтъ на нашъ разборъ книги г. Пахмана «Исторія кодификаціи гражданскихъ законовъ», напечатанный въ ноябрьской книжкѣ «Вѣстника Европы» за прошлый годъ. Неизвѣстный авторъ (г. рецензентъ не подписалъ своей статьи) усиливается защитить г. Пахмана отъ тѣхъ невыгодныхъ для его ученой репутаціи заключеній, которыя можно сдѣлать на основаніи нашего разбора. Защита написана не безъ искусства. Но искусство это имѣетъ одну цѣль: извратить истину и отвести глаза читателя отъ тѣхъ грустныхъ особенностей разобраннаго нами труда, которыя дѣлаютъ появленіе произведеній такого рода крайне нежелательнымъ. Находимъ себя вынужденными, въ интересахъ правды, сказать нѣсколько словъ въ отвѣтъ на защиту, представляющую столь же необыкновенное въ литературѣ явленіе, какъ и самая книга г. Пахмана.

Въ началѣ нашего разбора мы высказали нѣсколько словъ о томъ, чѣмъ должна быть, по нашему мнѣнію, исторія кодификаціи въ отличіе отъ внѣшней исторіи права.

Защита не согласна съ нашимъ взглядомъ на задачу исторіи кодификаціи. Полемикѣ съ нами, по этому вопросу, она посвящаетъ значительную часть своей статьи и приходитъ къ выводу, что книгу г. Пахмана надо было разсматривать съ точки зрѣнія внѣшней исторіи права, какъ ея часть. Неблагопріятные выводы нашего разбора она объясняетъ именно тѣмъ, что мы, отправляясь отъ нашей точки зрѣнія, произвольно съузили задачу труда г. Пахмана и произвольно предъявили такія требованія, которымъ онъ, какъ историкъ внѣшней исторіи права, вовсе не долженъ былъ удовлетворять.

Защита весьма ошибается, полагая, что сдѣланная нами оцѣнка труда г. Пахмана вся условливается нашимъ взглядомъ на задачу исторіи кодификаціи и падаетъ вмѣстѣ съ нимъ. Встрѣтившись съ книгой, украшенной новымъ заглавіемъ, и не найдя ни въ предисловіи, ни въ текстѣ объясненія тому, что хочетъ дать намъ авторъ подъ этимъ новымъ именемъ [1],

---

[1]) Въ предисловіи авторъ указываетъ только на цѣли, которыя могутъ быть достигнуты его трудомъ, ничего не говоря о самомъ его характерѣ. Что же касается содержанія, то оно до такой степени разнохарактерно, что не можетъ

мы позволили себѣ высказать нашъ взглядъ съ цѣлью содѣйствовать установленію болѣе точнаго воззрѣнія на задачи исторіи кодификаціи, какъ онѣ даются самымъ фактомъ кодификаціи. Защита можетъ не соглашаться съ нашимъ взглядомъ. Результаты нашего разбора отъ этого нисколько не мѣняются. Какъ бы кто ни смотрѣлъ на задачи исторіи кодификаціи, сдѣланныя нами указанія недостатковъ труда г. Пахмана одинаково остаются вѣрными.

Чтобы не осложнять спора введеніемъ въ него вопросовъ, не имѣющихъ рѣшающаго значенія въ дѣлѣ оцѣнки книги г. Пахмана, допустимъ, что онъ ничего не долженъ былъ дать намъ, кромѣ части такъ называемой внѣшней исторіи гражданскаго права, и посмотримъ насколько примѣнимы къ его труду существенные выводы нашей критики.

Первое положеніе нашей критики заключается въ томъ, что книга г. Пахмана не есть результатъ его личныхъ научныхъ изслѣдованій, а вся выписана имъ: въ большей своей половинѣ изъ разнаго рода памятниковъ, содержаніе которыхъ онъ передаетъ; въ меньшей—изъ чужихъ сочиненій.

Отрицаетъ ли этотъ выводъ нашъ противникъ? Нѣтъ. Онъ не указываетъ ни одного отдѣла въ обширномъ трудѣ г. Пахмана, который былъ бы обработанъ его авторомъ.

Все, что нашла возможнымъ сказать противъ насъ защита, сводится къ тому, что, указывая на выписки, мы не перечислили всѣхъ источниковъ, изъ которыхъ г. Пахманъ выписывалъ; что нами не указано на то, что, дѣлая выписки, авторъ иногда высказываетъ, по поводу ихъ, нѣкоторыя соображенія, «обращающія на себя вниманіе мыслящаго читателя»; что, наконецъ, мы умолчали о предположеніяхъ г. Пахмана относительно пересмотра нашихъ гражданскихъ законовъ.

Мы, дѣйствительно, не перечислили всѣхъ источниковъ, изъ которыхъ г. Пахманъ дѣлалъ выписки. Исторіи кодификаціи въ Россіи посвящено имъ болѣе 750 стр. Изъ этого числа безъ малаго 600 стр. занято изложеніемъ содержанія сыраго матеріала заимствованнаго изъ множества памятниковъ, которое не представляетъ, никакой ученой работы. Мы указали на это, но не считали и теперь не считаемъ нужнымъ перечислять всѣ такія выписки и указывать ихъ источники. Чтобы дать 600 стр. совершенно сыраго матеріала, конечно, нужно было выписывать изъ множества источниковъ.

быть подведено ни подъ какой опредѣленный видъ научныхъ работъ. На стр. 274 защита говоритъ, что книга г. Пахмана «обнимаетъ вообще кодификаціонныя работы, въ смыслѣ сводовъ, кодексовъ, проектовъ и т. п.». Если это такъ, то изложеніе содержанія депутатскихъ наказовъ, занимающсе сто стр., не должно было войти въ нее, ибо это не кодификаціонныя работы, а отдѣльныя мнѣнія; на опытахъ же кодификаціонныхъ работъ Екатерининской коммисіи авторъ не останавливается. Правда, эти опыты еще не напечатаны, но свѣдѣнія о нихъ легко можно найти въ архивѣ II Отдѣленія.

Въ разныхъ мѣстахъ обширныхъ выписокъ, дѣйствительно, встрѣчается нѣсколько отрывочныхъ соображеній автора, но они не представляютъ ничего цѣлаго, являются совершенно случайно и даются самымъ матеріаломъ выписокъ. Таковы, напримѣръ, замѣтки о послѣдовательности статей свода; онѣ даются уже оглавленіемъ свода, и для того, чтобы ихъ высказать, не было ни малѣйшей надобности передавать все содержаніе гражданскихъ частей свода, занимающее безъ малаго 300 стр. Сюда же относятся и нѣсколько замѣтокъ о томъ, что источники римскаго права, на которые ссылается остзейскій сводъ, вошли въ него не въ точномъ ихъ смыслѣ. Это ясно уже изъ самаго свода. Не эти «соображенія» дѣлаютъ книгу, а выписки.

Что касается, наконецъ, предположеній о пересмотрѣ нашихъ гражданскихъ законовъ, занимающихъ всего 10 стр., то относительно ихъ можно замѣтить только, что они напрасно занесены авторомъ въ обзоръ внѣшней исторіи права. Относясь къ будущему, они не стоятъ въ необходимой связи съ предметомъ историческаго труда г. Пахмана и служатъ только новымъ доказательствомъ, что онъ не знаетъ хорошенько, что̀ пишетъ.

Не имѣя возможности отрицать компилятивный характеръ труда г. Пахмана, защита думаетъ, что для внѣшней исторіи права «компиляція» должна составлять правило: «задача такого труда, говоритъ она, вовсе не въ томъ, чтобы въ область науки вносить какіе либо новые взгляды, а лишь въ томъ, чтобы свести фактическія данныя, разсѣянныя въ массѣ разнообразныхъ сочиненій и изданій»...

Можно ли выставить серьезно такое положеніе? Неужели защита не знаетъ, что компилятивный характеръ научнаго труда условливается не свойствами предмета, а свойствами автора? Мы имѣемъ даже учебники, въ составъ которыхъ входятъ цѣлые отдѣлы самостоятельно обработанные. А съ другой стороны, существуетъ цѣлый рядъ спеціальныхъ изслѣдованій по отдѣльнымъ частямъ права, состоящихъ изъ голыхъ выписокъ.

Мы думаемъ, что труды по внѣшней исторіи права не только не должны быть компиляціями, но у насъ они и не могутъ быть таковыми по малой еще обработкѣ спеціальныхъ вопросовъ. Ученая литература наша такъ еще бѣдна, что нуждается не въ выписывателяхъ, а въ изслѣдователяхъ. Нашла же возможнымъ защита спросить насъ: что̀ такое судебники? Дѣйствительно ли это своды въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы называемъ сводомъ сводъ законовъ? И такъ, одинъ изъ первыхъ вопросовъ внѣшней исторіи судебниковъ, вопросъ о составѣ ихъ, не представляется ей яснымъ, и, дѣйствительно, онъ далеко не разработанъ. Такой же вопросъ предлагаетъ защита и объ Уложеніи 1649 г. И это послѣ появленія книги г. Пахмана, которая должна бы была отвѣтить на всѣ эти вопросы. Что же при такомъ состояніи литературы компилировать? Книга г. Пахмана только доказываетъ нашу мысль о невозможности компиляціи. При громадныхъ ея размѣрахъ,

выписки изъ ученыхъ трудовъ занимаютъ въ ней очень скромное мѣсто. Ихъ наберется не многимъ болѣе полутораста стр., причемъ, какъ видно и изъ только что приведенныхъ недоумѣній защиты, оставлены безъ рѣшенія самые существенные вопросы.

Но дѣло не въ томъ, возможна или нѣтъ компиляція, а въ томъ, что и защита признаетъ трудъ г. Пахмана только компиляціей. Мы утверждаемъ то же, но съ такой прибавкой: ученая жатва, собранная авторомъ съ полей, воздѣланныхъ чужими руками, занимаетъ въ ней очень скромное мѣсто; все остальное—сырыя выписки изъ памятниковъ.

Второй выводъ, который можно сдѣлать изъ нашего разбора, состоитъ въ томъ, что выписки г. Пахмана сдѣланы весьма небрежно и въ нихъ вкралось не мало ошибокъ.

Защита не желаетъ согласиться почти ни съ однимъ изъ нашихъ указаній на эти недостатки компиляціи и силится превратить ихъ въ наши собственныя ошибки.

Вотъ какими средствами защита г. Пахмана думаетъ достигнуть этой желанной для нея цѣли.

Выписавъ наше замѣчаніе по поводу рѣшенія г. Пахманомъ вопроса о томъ, кѣмъ составлена «Правда», въ которомъ мы говоримъ: остановившись на этомъ вопросѣ, авторъ рѣшаетъ его согласно давно высказанному и весьма распространенному воззрѣнію о частномъ, а не офиціальномъ происхожденіи «Правды», и оставляетъ безъ вниманія противоположное мнѣніе г. Ланге, сравнительно недавно высказанное и сильно ратующее противъ не офиціальнаго возникновенія «Правды»,—защита восклицаетъ: «Здѣсь все невѣрно: 1) мнѣніе о частномъ происхожденіи «Правды» авторъ вовсе не выдаетъ за новое», и т. д. Но мы и не говоримъ, что онъ выдаетъ его за новое. Если защита такъ поняла наше замѣчаніе, это доказываетъ только, что она крайне неспокойно отнеслась къ дѣлу. Смыслъ нашихъ словъ совершенно ясенъ. Мы хотѣли указать только на безсодержательность труда г. Пахмана, повторяющаго давно извѣстныя мнѣнія и не чувствующаго потребности подкрѣпить ихъ какими либо доказательствами, что̀ именно нужно въ виду еще недавно сдѣланныхъ возраженій.

Ошибку въ признакахъ разныхъ списковъ Правды и въ опредѣленіи понятія «рѣза»—защита объясняетъ опечаткой. Она говоритъ: «достаточно самаго общаго знакомства съ дѣломъ, чтобы понять, что послѣ словъ «о рѣзѣ» есть небольшой пропускъ». Чтобы судить объ опечаткахъ, нужно видѣть рукопись. Знакомство же «съ дѣломъ» для этого совершенно недостаточно, ибо съ точки зрѣнія «знакомства съ дѣломъ» иную книгу можно всю счесть за опечатку. Защитѣ слѣдовало привести подлинное мѣсто изъ рукописи, тогда мы могли бы судить въ чемъ собственно опечатка и какая была мысль г. Пахмана. Она этого не дѣлаетъ, а поправляетъ сама спор-

ное мѣсто; но при этомъ дѣлаетъ только новую ошибку. Въ верху стр. защита поправляетъ автора согласно съ нашимъ указаніемъ. Но нѣсколько ниже, ссылаясь на 50—51 стр. изслѣдованія г. Калачова, которыя и ввели ее въ заблужденіе, утверждаетъ, что статьи о вычисленіи прибыли находятся не только въ спискахъ третьей редакціи, но и четвертой. Еще разъ смѣемъ увѣрить, что статьи о вычисленіи прибыли находятся только въ спискахъ третьей редакціи. Защита можетъ убѣдиться въ этомъ изъ стр. 69—71 изслѣдованія г. Калачова, гдѣ онъ даетъ описаніе отдѣльныхъ списковъ четвертой редакціи. Разбирая составъ этихъ списковъ, онъ ни въ одномъ не указываетъ на присутствіе статей о вычисленіи прибыли. Кромѣ того, къ изслѣдованію г. Калачова приложена сравнительная таблица статей подлинныхъ списковъ съ его своднымъ спискомъ. Въ этой таблицѣ прямо сказано, что статьи своднаго списка съ XXII по XXXVIII, въ которыхъ и говорится о вычисленіи прибыли, находятся только въ спискахъ третьей фамиліи, а въ остальныхъ (и въ четвертой) отсутствуютъ. Наконецъ, въ 1847, г. Калачовъ, въ видѣ прибавленія къ своему полному тексту «Правды», издалъ этотъ памятникъ по четыремъ разнымъ спискамъ, изъ которыхъ каждый, по его выраженію, «по справедливости можетъ быть признанъ представителемъ особой редакціи». Просимъ защиту заглянуть и въ это изданіе. Здѣсь представителемъ списковъ четвертой редакціи служитъ списокъ кн. Оболенскаго. Въ немъ не содержится статей о вычисленіи прибыли [1]).

Если и послѣ нашего указанія защита не могла уяснить себѣ, чѣмъ же отличаются списки четырехъ редакцій и ошибку г. Пахмана приписала намъ, это можно объяснить только крайнимъ волненіемъ, въ которомъ она, надо думать, находилась.

Слѣдующее наше замѣчаніе о томъ, что г. Пахманъ приписалъ Ярославу слова, которыхъ онъ не произносилъ, защита устраняетъ предположеніемъ «недописки». Но вѣдь и мы настаиваемъ только на небрежности выписокъ. «Недописка» же есть одинъ ихъ видовъ этой небрежности.

Ошибочное положеніе автора о томъ, что Розенкампфъ считалъ «Правду» предназначенною какъ для свѣтскихъ, такъ и для церковныхъ судовъ, защита находитъ возможнымъ поддерживать. Съ этою цѣлью она приводитъ нѣсколько мѣстъ изъ изслѣдованія Розенкампфа о Кормчей. Первая изъ этихъ ссылокъ ничего не доказываетъ. Розенкампфъ говоритъ: «законныя книги (т. е. кормчія) содержали въ себѣ правила какъ для святительскихъ, такъ и для мірскихъ судовъ; а такъ называемая Русская Правда составляетъ только одну статью, взятую изъ оныхъ». Изъ этого мѣста можно сдѣлать только

[1]) Въ изслѣдованіи г. Калачова о Русской Правдѣ списокъ князя Оболенскаго отнесенъ ко второй фамиліи. Избранъ же представителемъ четвертой, вѣроятно, потому что списки этой послѣдней фамиліи весьма близко подходятъ къ нѣкоторымъ спискамъ второй. См. его описаніе списковъ.

слѣдующіе два вывода: во 1-хъ, Русская Правда входитъ въ Кормчую, какъ одна изъ составныхъ ея частей; во 2-хъ, Кормчая содержитъ правила какъ для святительскихъ, такъ и для мірскихъ судовъ. Выводить изъ этихъ словъ, что и Русская Правда содержитъ правила для обоихъ судовъ, какъ это дѣлаетъ защита, нѣтъ достаточнаго основанія. Тогда пришлось бы допустить, что и всякая другая составная часть Кормчей одинаково содержитъ правила для обоихъ судовъ. Такимъ способомъ можно было бы доказатч, что и церковные уставы предназначались не только для святительскихъ, но и для мірскихъ судовъ, такъ какъ и они составляютъ одну изъ статей Кормчихъ. Въ нашемъ разборѣ указанъ дѣйствительный источникъ ошибочнаго заключенія г. Пахмана.

Другія ссылки на Розенкампфа, приведенныя защитой, показываютъ, что она не обратила вниманія на то, въ какомъ смыслѣ говорится тамъ о святительскихъ судахъ. Объяснимся. Въ старину духовенство вѣдало не одинъ только церковный судъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Владѣя недвижимыми имѣніями, оно, какъ и свѣтскіе владѣльцы, получило право судить людей, селившихся въ его селахъ и деревняхъ. Это тоже святительскій судъ (такъ какъ онъ принадлежалъ духовенству), но совсѣмъ въ другомъ смыслѣ. По лицамъ и дѣламъ, подлежавшимъ вѣдѣнію этого суда, онъ нисколько не отличался отъ суда мірскихъ судей. Въ этомъ судѣ дѣйствовали тѣ же правила, которыя примѣнялись княжескими судьями и свѣтскими вотчинниками; здѣсь и святители могли руководствоваться Рускою Правдою. Мѣста приведенныя защитою, относятся именно къ этому вотчинному святительскому суду, а не къ церковному въ настоящемъ смыслѣ этого слова, для котораго существовали особыя церковныя правила и были даны особые церковные уставы и о которомъ идетъ рѣчь у г. Пахмана [1]). А что г. Пахманъ говоритъ о церковныхъ, а не о вотчинныхъ святительскихъ судахъ, видно изъ слѣдующихъ его словъ: «содержаніе Правды, говоритъ онъ, указываетъ скорѣе, что она предназначена была только для свѣтскихъ судовъ, тѣмъ болѣе, что для церковныхъ были особые уставы: Владиміра Св. и Ярослава. Поэтому осторожнѣе предполагать вмѣстѣ съ Розенкампфомъ» и т. д. Такимъ образомъ, желая выгородить г. Пахмана, защита впадаетъ въ новую ошибку: она смѣшиваетъ святительскіе суды съ церковными въ тѣсномъ смыслѣ, о которыхъ только и говоритъ г. Пахманъ.

---

[1]) Вотъ одно изъ относящихся сюда мѣстъ Розенкампфа. На стр. 144 онъ говоритъ, что рѣшенія разныхъ «правительствъ, въ городѣ и пригородахъ, служили законнымъ правиломъ, коимъ руководились какъ тіуны, такъ и святительскіе суды, ибо подъ ихъ вѣдѣніемъ находились многочисленныя селенія и другія недвижимыя имѣнія. Монахи и дьяки, руководившись сими постановленіями, вписывали оныя въ законныя книги, которыя содержали въ себѣ не только правила св. отецъ, но и гражданскія статьи.

Далѣе, защита находитъ возможнымъ отстаивать высказанное г. Пахманомъ замѣчаніе о томъ, что въ Русской Правдѣ мало статей, относящихся къ уголовному праву. Она думаетъ поддержать своего кліента ссылкою на сводный списокъ г. Калачова, гдѣ подъ рубрикой уголовнаго права приведено 46 ст. Но 46 изъ 143 (полное число статей этого свода) тоже не мало. Г. Пахманъ, однако, говоритъ «мало» не безъотносительно. Замѣтивъ, что въ Русской Правдѣ мало статей по государственному праву, онъ продолжаетъ: «Далѣе въ ней находится также мало статей по уголовному праву». Въ сводномъ спискѣ къ государственному праву отнесено 3 ст., а къ уголовному 46; далеко не «также мало».

Думаемъ, защитѣ лучше было бы и въ данномъ случаѣ сослаться на опечатку. Ссылка же на сводный списокъ, не оправдывая г. Пахмана, обнаруживаетъ только два новыхъ недоразумѣнія защиты. Внѣшняя исторія права должна имѣть дѣло съ подлинными списками, употреблявшимися въ древности, а не систематическимъ изданіемъ г. Калачова, сдѣланнымъ для иныхъ цѣлей. Вотъ почему мы указали на число статей по Академическому и Троицкому списку, а не по Калачовскому своду, который какъ въ расположеніи статей, такъ и въ общемъ ихъ числѣ значительно отступаетъ отъ подлинныхъ списковъ.—Другой недосмотръ защиты состоитъ въ томъ, что она не замѣтила, что въ сводномъ спискѣ подъ рубрикой уголовнаго права показаны не всѣ статьи, относящіяся къ этому праву. Въ «Правдѣ» есть статьи, которыя одинаково касаются (разными своими частями) права гражданскаго и уголовнаго, права уголовнаго и процесса и т. д. Г. Калачовъ не приводитъ такія статьи по нѣскольку разъ, въ каждомъ отдѣлѣ, къ которому онѣ относятся,—а ограничивается приведеніемъ ихъ въ какомъ нибудь одномъ. Вслѣдствіе этого статьи, опредѣляющія преступленія и наказанія, встрѣчаются какъ между гражданскими, такъ и между процессуальными. Среди гражданскихъ помѣщены, напримѣръ, статьи о преступленіяхъ, совершенныхъ господиномъ по отношенію къ закупу, о преступленіяхъ самого закупа и др.; среди процессуальныхъ—статьи, опредѣляющія продажу за кровавую рану, за порваніе бороды, выбитіе зуба и др. Число такихъ уголовныхъ статей, не вошедшихъ подъ рубрику уголовнаго права, болѣе десяти. Такимъ образомъ, и по сводному изданію уголовныхъ статей не 46, а болѣе 56.

Свою аргументацію защита находитъ возможнымъ подкрѣпить еще ссылкою на то, что статьи гражданскаго права крупнѣе статей уголовнаго. Если бы споръ шелъ о размѣрахъ овецъ, гусей и другихъ домашнихъ животныхъ, цѣну которыхъ опредѣляетъ «Правда», мы поняли бы всю силу такого аргумента. Но въ вопросахъ права такая ссылка напоминаетъ извѣстную пословицу объ утопающемъ.

Остановимся еще на одномъ усиліи защиты. Излагая содержаніе судебни-

ковъ, г. Пахманъ сказалъ, что завѣщать вотчину, помимо ближайшихъ потомковъ, владѣлецъ не имѣлъ права. На это мы замѣтили, что такого правила въ судебникахъ не содержится. Оправдывая г. Пахмана, защита ссылается на недошедшій до насъ указъ, свѣдѣніе о которомъ сохранилось въ припискѣ къ одному изъ списковъ судебника. Этой ссылкой защита выходитъ изъ предѣловъ спорнаго вопроса. Мы не отрицали существованія этой приписки. Мы утверждали только, что въ судебникахъ такого постановленія нѣтъ, и это вѣрно. Если же защита полагаетъ, что приписка къ рукописи князя Голицына должна быть разсматриваема какъ составная часть судебника,—это новая ошибка съ ея стороны. Изъ самой приписки видно, что она взята не изъ судебника, а изъ какого-то отдѣльнаго указа царя Ивана Васильевича. Вводить этотъ указъ въ составъ судебника нѣтъ никакого основанія. Мы получили бы въ такомъ случаѣ нами дополненный судебникъ, тогда какъ задача внѣшней исторіи права состоитъ въ опредѣленіи состава судебника именно въ томъ видѣ, какъ онъ былъ данъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ. Издатели I-го т. Актовъ Историческихъ поступили совершенно правильно, отпечатавъ свѣдѣніе объ этомъ указѣ не въ текстѣ судебника, а въ примѣчаніи.

Думаемъ, что этихъ примѣровъ достаточно для характеристики средствъ защиты. Они вездѣ одни и тѣже. Защита или измѣняетъ смыслъ нами сказаннаго и споритъ не противъ того, что было нами замѣчено, или ссылается на опечатки и недописки, или, наконецъ, дѣлаетъ новыя ошибки. Такъ защищать можетъ только тотъ, кто желаетъ ввести читателя въ заблужденіе, а потому и вынужденъ скрывать свое имя.

Третій выводъ, который можно сдѣлать изъ нашего разбора, состоитъ въ томъ, что г. Пахманъ дѣлаетъ свои выписки изъ чужихъ сочиненій не совершенно откровенно. По внѣшнему виду его книга не смотритъ выписками и ничѣмъ не отличается отъ сочиненій въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Въ началѣ каждаго отдѣла, обыкновенно, указывается литература предмета; за тѣмъ, по страницамъ, идутъ ссылки какъ на первоначальные источники, такъ и на пособія. На нѣкоторыхъ страницахъ такихъ ссылокъ очень много, до пяти и болѣе; на другихъ ни одной. Все какъ въ обыкновенныхъ изслѣдованіяхъ. Чтобы не заслужить упрека въ неоткровенности и не заставить довѣрчиваго читателя думать, что онъ произвелъ «по исторіи русской и остзейской кодификаціи единственныя въ своемъ родѣ работы», г. Пахману слѣдовало въ началѣ своихъ выписокъ просто обозначать, что все слѣдующее есть извлеченіе изъ такого-то болѣе обширнаго сочиненія, и затѣмъ выписывать безъ всякихъ уже ссылокъ. Дѣло было бы ясно, трудъ г. Пахмана не возбудилъ бы никакихъ недоразумѣній.

Г. Пахманъ поступаетъ, однако, не такъ.

Возьмемъ для примѣра его очеркъ исторіи межеванія до императрицы Ека-

терины II. Онъ весь извлеченъ изъ Неволина, но это нигдѣ не сказано. На оборотъ, подъ страницами дѣлаются ссылки не только на Неволина, но и на первоначальные источники и на «Матеріалы для преобразованія межевой части въ Россіи». Просматривая эти ссылки, можно подумать, что это хотя и краткая, но все же новая обработка предмета. Такъ и поняла г. Пахмана его защита и указала намъ на то, что этотъ отдѣлъ дополненъ на основаніи «Матеріаловъ». Посмотримъ, такъ ли это?

Въ очеркѣ исторіи межеванія до Михаила Θедоровича г. Пахманъ дѣлаетъ двѣ ссылки на Матеріалы. Первая на стр. 250 въ примѣчаніи 3, гдѣ онъ одинаково цитуетъ какъ Неволина, такъ и стр. 5 Матеріаловъ. Но что такое 5 стр. Матеріаловъ? То мѣсто этой страницы, которое заимствуетъ г. Пахманъ, есть ни что иное, какъ краткое извлеченіе изъ того же Неволина. Тѣмъ же характеромъ отличается и вторая ссылка на 7-ю стр. Матеріаловъ. То мѣсто Матеріаловъ, которое г. Пахманъ выписалъ съ 7 стр. въ свою книгу, также извлечено изъ Неволина со стр. 469 и 473. Въ обоихъ случаяхъ, значитъ, это тотъ же Неволинъ [1]). Позволительно ли дѣлать такія ссылки въ ученомъ сочиненіи? Думаемъ, что нѣтъ.

Для объясненія такихъ ссылокъ можно сдѣлать только два предположенія: или г. Пахманъ не замѣтилъ, что Матеріалы въ данномъ случаѣ только повторяютъ Неволина и, слѣдовательно, выписываетъ изъ сочиненій, которыхъ онъ не изучилъ; или онъ думалъ, что Матеріалы, какъ офиціальное изданіе, публикѣ не извѣстны и ссылки на нихъ будутъ приняты за доказательство пользованія имъ дѣйствительно какими-то новыми матеріалами. Предоставляемъ защитѣ рѣшить, какое изъ указанныхъ основаній водило рукою г. Пахмана. Практическія же послѣдствія такихъ ссылокъ очевидны для всякаго: сама защита введена ими въ заблужденіе.

Такимъ же характеромъ отличаются всѣ выписки изъ Сперанскаго. Защита очень недовольна нашимъ указаніемъ на это и говоритъ, что трудъ Сперанскаго есть офиціальная записка, и изъ него, поэтому, надо было выписывать буквально. Сперанскій, какъ извѣстно, написалъ краткую исторію хода законодательныхъ работъ по составленію свода законовъ. Хотя этотъ трудъ и можетъ быть названъ офиціальной запиской, но отсюда никакъ еще не слѣдуетъ, что всякій послѣдующій историкъ долженъ выписывать изъ него слово въ слово. А если, дѣйствительно, намѣреніе г. Пахмана не шло далѣе выписокъ, то надо было прямо заявить объ этомъ

[1]) Матеріалы для преобразованія межевой части—въ томъ своемъ отдѣлѣ, изъ котораго дѣлаетъ заимствованія г. Пахманъ, никакихъ матеріаловъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова и не представляютъ. Это краткая исторія межеванія, заимствованная частью изъ Иванова, а больше изъ Неволина, при чемъ авторъ Матеріаловъ гораздо короче Неволина: вся исторія межеванія до второй межевой инструкціи занимаетъ у него 30 стр.

и ни въ какомъ уже случаѣ не ставить подъ текстомъ выписокъ самостоятельныхъ примѣчаній, извлеченныхъ изъ текста того же Сперанскаго.

Нѣсколько иной внѣшній видъ имѣетъ выписка по исторіи остзейской кодификаціи. Здѣсь авторъ въ примѣчаніи прямо перечисляетъ главные источники, изъ которыхъ онъ извлекъ свой обзоръ. Указывая главные, онъ даетъ поводъ думать, что пользовался еще и другими. Въ дѣйствительности же весь текстъ обзора выписанъ изъ одной книги; примѣчанія также частью выписаны изъ той же книги, частью составлены по ея указаніямъ [1]). Но это не помѣшало г. Пахману ссылаться подъ страницами и на другія сочиненія и на первоначальные источники, рядомъ съ ссылками на книгу, изъ которой исключительно выписанъ весь текстъ. Это уже не просто неоткровенность, а прямое намѣреніе заставить читателя видѣть въ своемъ трудѣ не то, что онъ есть въ дѣйствительности.

Остановимся нѣсколько ближе на этихъ ссылкахъ.

На стр. 321, II, г. Пахманъ говоритъ: «Сводъ рыцарскаго права, дѣйствовавшій съ половины XIV в., состоитъ изъ статей такъ называемаго древняго рыцарскаго права, составленнаго и обнародованнаго въ 1228 г. епископомъ рижскимъ Альбертомъ I, которое служило основаніемъ всѣмъ прочимъ сводамъ законовъ лифляндскихъ и грамотамъ, дарованнымъ рыцарству по части гражданскаго права, большею же частью изъ постановленій, заимствованныхъ изъ саксонскаго зерцала и нѣкоторыхъ положеній обычнаго права». Подъ этимъ ссылка на Бунге, Einleitung, § 48. Въ этомъ §

---

[1]) Выписавъ наше замѣчаніе объ этомъ, защита говоритъ: «и такъ читатель видитъ ясно, что г. Пахманъ пользовался въ своемъ обзорѣ не тѣми сочиненіями, на которыя самъ указалъ, а такимъ, которое онъ скрылъ, и въ этомъ сокрытіи уличенъ теперь торжественно г. Сергѣевичемъ». Что авторъ скрылъ, этого мы не сказали. Это — выводъ, сдѣланный изъ нашихъ словъ самою защитой. Онъ столь же принадлежитъ намъ и столь же вѣренъ, какъ и выше сдѣланный ею выводъ о томъ, будто бы, по нашему мнѣнію, г. Пахманъ выдаетъ неофиціальное происхожденіе Правды за мнѣніе новое. Пріемы защиты вездѣ одинаковы. Мы очень сомнѣваемся, однако, чтобы она и сама вѣрила въ справедливость взводимаго ею на насъ обвиненія. Въ замѣчаніи, сдѣланномъ нами о кодификаціи остзейскаго права, мы полемизировали съ критикомъ «Голоса», упредившимъ своею похвальною статьею нашъ разборъ. Мы обращались къ нему по дѣлу ему хорошо извѣстному. Мы указывали страницу и самое примѣчаніе, въ которомъ г. Пахманъ перечисляетъ свои пособія, и назвали офиціальное изданіе, изъ котораго сдѣлана вся выписка, буквально тѣми словами, какъ оно обозначено въ примѣчаніи. Упредившій насъ критикъ, прочитавъ обзоръ остзейской кодификаціи, усмотрѣлъ въ немъ «замѣчательную критическую монографію». Мы нашли нужнымъ разъяснить его недосмотръ. Это споръ между двумя лицами, которыя ведутъ его съ книгою г. Пахмана въ рукахъ. Пособія г. Пахмана предполагались извѣстными, споръ шелъ только о томъ, какъ онъ ими воспользовался.

рѣчь идетъ только о переработкахъ саксонскаго зерцала для Лифляндіи, о древнемъ же рыцарскомъ правѣ говорится въ § 47. Положимъ, это опечатка и надо было сослаться на оба §§. Но что такое говоритъ Бунге о древнемъ рыцарскомъ правѣ? Вотъ его слова: «по Брандису (составитель мѣстной хроники начала XVI в.), это рыцарское право составлено рижскимъ епископомъ Альбертомъ I... и обнародовано въ 1228 г. Этотъ разсказъ, самъ по себѣ уже невѣроятный, и съ порядкомъ образованія права въ средніе вѣка несогласный, опровергается и самымъ содержаніемъ древняго рыцарскаго права, ибо оно, по большей части, слово въ слово заимствовано изъ Вольдемаръ — Эрихова права и должно быть, по этому, моложе послѣдняго; оно могло возникнуть только послѣ 1315 года. Это право не происходитъ ни отъ епископа, ни отъ какого либо начальника ордена, и вообще не представляетъ даже офиціальнаго памятника, а есть частная работа»... И такъ, Бунге утверждаетъ нѣчто прямо противоположное тому, что говоритъ г. Пахманъ, полагающій, что древнее рыцарское право составлено епископомъ рижскимъ Альбертомъ I и обнародовано въ 1228 г. Откуда же взялъ г. Пахманъ это свѣдѣніе? Оно извлечено изъ «Обозрѣнія историческихъ свѣдѣній», откуда выписанъ весь его обзоръ, со стр. 113, гдѣ приведено по нѣмецки и въ русскомъ переводѣ заглавіе древняго рыцарскаго права, по мнѣнію Бунге, составленное самимъ Брандисомъ. Приведя это заглавіе, Обозрѣніе историческихъ свѣдѣній продолжаетъ: «сей сводъ служилъ основаніемъ всѣмъ прочимъ сводамъ законовъ ливонскихъ и грамотамъ, дарованнымъ въ послѣдствіи рыцарству по части гражданскаго права». Эти слова перешли и въ книгу г. Пахмана, но онъ не замѣтилъ, что офиціальное изданіе, приводя заглавіе сборника древняго рыцарскаго права, само не приписываетъ его епископу Альберту. Въ другой же офиціальной запискѣ, которая также показана въ числѣ главныхъ пособій, прямо сказано, что многіе ученые, и въ томъ числѣ Бунге, считаютъ сіе заглавіе подложнымъ (129 стр., примѣчаніе). Г. Пахманъ, конечно, можетъ считать его подлиннымъ, но въ такомъ случаѣ ему не мѣшало бы оспорить нѣмецкихъ ученыхъ. А пока онъ этого не сдѣлалъ, мы будемъ видѣть въ этомъ мѣстѣ его ошибку и доказательство того, что онъ ссылается на книги, содержаніе которыхъ ему неизвѣстно.

Изъ книги г. Пахмана можно, слѣдовательно, получить такія свѣдѣнія по внѣшней исторіи остзейскаго права, которыя прямо опровергаются учеными, работавшими по источникамъ. Такъ ли надо писать ученую компиляцію?

На этой же стр. г. Пахманъ дѣлаетъ еще двѣ ссылки на Бунге, но текстъ выписываетъ изъ офиціальной записки и ея же словами, только съ сокращеніями. Въ другихъ же мѣстахъ, списывая текстъ, онъ приводитъ

подъ страницами и тѣ самыя примѣчанія, которыя приведены въ его оригиналѣ. На стр. 326 у него одно такое примѣчаніе (5-е, взято съ 128 стр.), на стр. 329—два (взяты: первое съ 137 стр., третье съ 138), на 331—два (3-е и 4-е, взяты съ 196 стр., но 3-е съ опечаткой въ годѣ), на 332—одно (1-е, взято съ 197 стр.).Всѣ шесть выданы за свои, какъ и весь обзоръ, который, поэтому, и былъ названъ рецензентомъ «Голоса» замѣчательной критической монографіей, написанной г. Пахманомъ.

Для объясненія ссылокъ на Бунге, считаемъ нужнымъ сказать слѣдующее. Въ 1831 году профессоръ Бунге издалъ изслѣдованіе объ источникахъ остзейскаго права, подъ заглавіемъ: Beiträge zur Kunde der liv, esth- und curländischen Rechts quellen. Оно было однимъ изъ главныхъ пособій для авторовъ офиціальной записки (въ соотвѣтствующемъ отдѣлѣ записки), которые пользовались этимъ сочиненіемъ какъ для составленія своего текста, такъ и для примѣчаній. Въ 1849 г. профессоръ Бунге издалъ болѣе обширное изслѣдованіе о томъ же предметѣ, но подъ новымъ заглавіемъ: Einleitung in die liv-esth-und curländische Rechtsgeschichte und Geschichte der Rechtsquellen. Г. Пахманъ, выписывая старый текстъ офиціальной записки, подновляетъ его ссылками на новую книгу Бунге, а иногда просто ссылку Записки на Beiträge переводитъ на Einleitung, какъ, напримѣръ, на стр. 329, пр. 3.

Мы думаемъ, что обзоръ кодификаціи остзейскаго права нельзя назвать даже компиляціей. Это нѣчто такое, для обозначенія чего, по рѣдкости явленій этого рода, не выработалось еще приличнаго въ литературѣ названія.

Если г. Пахманъ хотѣлъ дать намъ толковую компиляцію, какъ увѣряетъ его защита, ему слѣдовало исторію остзейскаго права выписывать не изъ офиціальнаго изданія, а изъ послѣдняго труда Бунге, съ которымъ офиціальная записка, при всѣхъ ея достоинствахъ, никакъ не можетъ конкурировать съ научной точки зрѣнія. Самый выборъ сдѣланъ уже неправильно. Предоставляемъ защитѣ рѣшить, почему авторъ предпочелъ составляющую библіографическую рѣдкость офиціальную записку труду Бунге, хотя не рѣдкому, но съ научной точки зрѣнія болѣе важному [1]).

---

[1]) Защита придаетъ большое значеніе тому, что г. Пахманъ воспользовался рѣдкой офиціальной запиской, изъ которой имъ выписана исторія остзейской кодификаціи. Она говоритъ: «все, что добросовѣстный читатель могъ бы сдѣлать въ этомъ случаѣ, — это благодарить г. Пахмана за то, что онъ впервые ознакомилъ публику съ неизвѣстною до тѣхъ поръ въ литературѣ Запискою». Очевидно, защита находится въ заблужденіи. Рѣдкая офиціальная записка была въ 1845 г. вновь издана вмѣстѣ съ изданіемъ свода мѣстныхъ узаконеній остзейскихъ губерній. Тѣ части офиціальной записки, въ которыхъ говорится объ учрежденіяхъ остзейскихъ, изданы отдѣльною книжкою, какъ введеніе къ первой части свода; тѣ же, въ которыхъ рѣчь идетъ о правахъ состояній,—также

Уничтожила ли защита это третье наше обвиненіе, конечно, самое тяжелое? Мы уже имѣли случай указать выше тѣ объясненія, которыя она приводитъ по поводу выписокъ изъ Неволина и Сперанскаго. Что касается Неволина, она сама введена въ заблужденіе ссылками автора на «Матеріалы». Выписки изъ Сперанскаго она обращаетъ въ правило, но при этомъ забываетъ объяснить, какія были у г. Пахмана редакціонныя соображенія, которыя заставили его текстъ Сперанскаго превращать въ примѣчаніе, а примѣчаніе вводить въ текстъ. Вмѣсто возраженія на наше разоблаченіе тщательной маскировки выписокъ изъ офиціальнаго изданія, она возводитъ на насъ встрѣчное обвиненіе. Это весьма ловкій пріемъ, онъ отводитъ глаза читателя, но, надѣемся, только на одну минуту. Какъ бы мы ни были виноваты въ глазахъ защиты, наша вина—другой вопросъ. Указанное же нами маскированіе выписокъ, въ томъ видѣ, какъ мы его сдѣлали, а не какъ его переиначила защита, остается не опровергнутымъ и мы его поддерживаемъ.

Мы можемъ кончить нашъ отвѣтъ: свойства труда г. Пахмана выяснены достаточно и притомъ совершенно независимо отъ нашего взгляда на задачи исторіи кодификаціи.

Какъ бы кто ни понималъ задачу исторіи кодификаціи, сдѣланная нами оцѣнка труда г. Пахмана остается въ своей силѣ. Спорить съ защитой о задачахъ исторіи кодификаціи мы также мало считаемъ нужнымъ, какъ и

изданы отдѣльною книжкою, какъ введеніе ко второй части свода; все же остальное издано подъ особымъ заглавіемъ: «Историческія свѣдѣнія объ основаніяхъ и ходѣ мѣстнаго законодательства губерній остзейскихъ». По содержанію это позднѣйшее изданіе представляетъ исправленную и дополненную перепечатку стараго, отъ котораго, впрочемъ, мало чѣмъ отличается и въ большинствѣ передаетъ свой оригиналъ дословно. Въ такой дословной передачѣ перешелъ въ новое изданіе и весь тотъ отдѣлъ офиціальной записки, изъ котораго г. Пахманъ сдѣлалъ свои выписки. Вся разница сводится къ нѣкоторой перестановкѣ словъ, и къ небольшимъ пополненіямъ текста и примѣчаній. Но въ порядкѣ послѣдовательности разныхъ статей есть большія различія, вслѣдствіе чего оглавленія этихъ разныхъ изданій вышли очень мало похожими одно на другое. Такимъ образомъ, г. Пахману не было даже случая открывать читателю новые источники знанія. Рѣдкая офиціальная записка обнародована во всеобщее свѣдѣніе и извѣстна всѣмъ интересующимся остзейскимъ правомъ. Зналъ ли это г. Пахманъ? Въ числѣ своихъ главныхъ источниковся онъ приводитъ и изданіе 1845 г. вмѣстѣ съ офиціальной запиской. Зачѣмъ это сдѣлано? вѣдь первое сочиненіе только исправленная перепечатка втораго, это не особое пособіе. Г. Пахманъ или не замѣтилъ этого и ссылается, слѣдовательно, на книги, содержаніе которыхъ ему неизвѣстно; или замѣтилъ, но въ такомъ случаѣ предоставляемъ защитѣ рѣшить, зачѣмъ же онъ сослался, если зналъ, что это только другое изданіе того же труда.

отвѣчать ей по поводу личныхъ ея противъ насъ выходокъ. Мы напередъ знали, что не угодимъ нашей оцѣнкой тѣмъ нашимъ рецензентамъ, которые встрѣтили появленіе книги г. Пахмана дружнымъ хоромъ похвалъ. Именно въ виду этого хора мы и нашли нужнымъ высказать наше мнѣніе. Считаемъ нашу задачу оконченной. Читатель, даже незнакомый спеціально съ дѣломъ, легко можетъ теперь, вооружившись длиннымъ рядомъ рецензій и книгой г. Пахмана (непремѣнное условіе), составить себѣ о ней правильное сужденіе.

9-го января 1877 г. **В. И. Сергѣевичъ.**

Христоматія по исторіи русскаго права. Составилъ М. Владимірскій-Будановъ. Вып. I, изд. 2-е, Кіевъ. 1876 г. 288. Вып. II, Яросл. 1873, 211; Вып. III, Ярославль, 270. Ц. 4. р.

«Нерѣдко,—говоритъ авторъ,—студентъ заканчиваетъ полное юридическое образованіе, никогда не видѣвши ни одного памятника отечественнаго законодательства. Между тѣмъ это печальное явленіе объясняется слѣдующимъ весьма простымъ обстоятельствомъ: учащійся не только не въ состояніи пріобрѣсти всѣ важнѣйшіе памятники, разбросанные въ разныхъ изданіяхъ, но обыкновенно не можетъ пользоваться ими надлежащимъ образомъ и въ университетскихъ библіотекахъ. Единственный сборникъ важнѣйшихъ памятниковъ русскаго права, составленный гг Утинымъ и Лазаревскимъ, по образцу нѣмецкихъ corpus juris germanici antiqui, давно уже вышелъ изъ продажи. Къ этому присоединяется другое соображеніе: изданіе однихъ памятниковъ, безъ объясненія текста, далеко не достигло бы цѣли: учащійся опять былъ бы затрудненъ огромною массою книгъ и брошюръ, посвященныхъ истолкованію памятниковъ.

Для удовлетворенія этой существенной потребности предпринятъ и изданъ авторомъ настоящій сборникъ. Такимъ образомъ, въ 1-й вып. вошли памятники древнѣйшаго періода русскаго права, начиная съ договоровъ русскихъ съ греками (Русская Правда, договоры съ нѣмцами, псковская судная грамота, новгородская судная грамота, уставная грамота двинской земли, церковные уставы Владиміра св., Ярослава I, новгор. князя Всеволода, духовныя, купчія, рядныя и т. п), съ подробными объяснительными примѣчаніями и указаніями литературы памятниковъ и вопросовъ, имѣющихъ къ нимъ отношеніе. Въ числѣ памятниковъ II-го вып. укажемъ на судебники кор. Казиміра IV, 1468 г., вел. кн. Ивана III, 1497 г., царя Ивана IV, уставныя грамоты—бѣлозерскую и важскую, губную бѣлозерскую грамоту и т. д.; въ III-й вып., между прочимъ, вошли: указная книга вѣдомства казначеевъ, уставная книга разбойнаго приказа; указная книга приказа холопьяго суда; указная книга земскаго приказа и указная книга помѣстнаго приказа.

Обращаемъ вниманіе на этотъ въ высшей степени полезный трудъ, какъ для университетскихъ слушателей, такъ и для занимающихся русскимъ правомъ. Особенною полнотою комментаріевъ отличается второе изданіе перваго выпуска.

В. И.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

Разсказы стараго лейбъ-казака [1]).

Послѣ дѣла у Заболотья, лейбъ-гвардіи казачій полкъ, продолжая замыкать аріергардъ нашихъ армій, неустанно участвовалъ въ безчисленныхъ стычкахъ и схваткахъ съ напиравшими на наши войска полчищами французовъ. Разсыпаясь по всѣмъ сторонамъ проходимой нашимъ аріергардомъ мѣстности, лейбъ-казаки, вмѣстѣ съ своими сородичами, армейскими Донскими полками, зорко слѣдили за каждою тропинкою, по которой непріятель могъ бы рѣшиться на обходъ нашихъ войскъ; при всякомъ подобномъ предпріятіи его, вступали съ нимъ въ бой и стойко задерживали всѣ шаги его. Такъ неусыпно оберегали лейбъ-казаки отступательное движеніе нашихъ армій отъ Смоленска вплоть до Бородина, а въ самую тяжелую для нашихъ армій минуту Бородинской битвы, лейбъ-казаки оказали великую помощь удачѣ предпріятія атамана Платова къ отвлеченію непріятельскихъ силъ отъ рѣшительныхъ пунктовъ атакъ на редуты Бородинскаго поля: въ то время, когда Платовъ, перейдя съ нѣсколькими своими полками и съ корпусомъ Уварова чрезъ рѣки Колочу и Война, зашелъ въ тылъ французамъ, и пѣхота вице-короля, опасаясь быть отрѣзанною, поспѣшила отступить отъ послѣдней изъ этихъ рѣчекъ, лейбъ-казачій полкъ пронесся чрезъ плотину Войны и помчался въ тылъ разстроившейся французской пѣхоты. Пораженные неожиданностію, ряды ея не успѣли перемѣнить фронта и не выдержали смѣлаго нападенія: лейбъ-казаки произвели въ ней жестокое истребленіе и потомъ благополучно пронеслись, чрезъ ту-же плотину, обратно на свои мѣста.

—

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1877 г., томъ XVIII, стр. 374—377.

Послѣ оставленія нашими арміями Москвы, лейбъ-гвардіи казачій полкъ случайно раздвоился: этотъ полкъ и полкъ Изюмскій гусарскій замыкали аріергардъ нашихъ армій. Какъ начальникъ этого аріергарда, Милорадовичъ, долженъ былъ употреблять всѣ усилія къ задерживанію непріятеля, чтобъ всѣ наши войска и тяжести имѣли время выйти изъ оставляемой столицы, то лейбъ-казаки и Изюмцы отстаивали каждый шагъ въ самыхъ улицахъ Москвы; по этому, когда они удерживались на улицахъ одной стороны города, по другой его сторонѣ непріятельскія войска уже вступали въ городъ, и оба эти полка, не могши пробиться къ занятой французами Коломенской заставѣ, должны были броситься къ заставѣ Владимірской; проскакавъ эту послѣднюю заставу, они понеслись вправо, чтобъ соединиться съ войсками аріергарда Милорадовича, но увидѣли, что французы успѣли уже занять Рязанскую дорогу. Такимъ образомъ, лейбъ-гвардіи казачій полкъ и полкъ гусарскій Изюмскій были отрѣзаны отъ нашихъ армій и принуждены были подняться къ сѣверу на соединеніе съ прикрывавшимъ дорогу на С.-Петербургъ отрядомъ генерала Винценгероде. Грустно было тогда лейбъ-казакамъ: они увидѣли себя разлученными и съ любимымъ полковымъ командиромъ своимъ, графомъ Орловымъ-Денисовымъ, и съ своимъ храбрымъ полковникомъ Ефремовымъ. Первому князь Кутузовъ поручилъ особый, значительный отрядъ изъ нѣсколькихъ армейскихъ Донскихъ полковъ, для дѣйствій въ аріергардѣ нашихъ армій; а второму выпала доля: обмануть Мюрата искусными движеніями своихъ двухъ армейскихъ Донскихъ полковъ, заставить Мюрата два дня идти по пятамъ этихъ двухъ полковъ, считая ихъ за войска аріергарда русскихъ армій, и, потомъ. сознаться Наполеону, что онъ „совершенно потерялъ слѣды армій князя Кутузова и видитъ передъ собою однихъ казаковъ". Между тѣмъ, Кутузовъ успѣлъ спокойно совершить переходъ съ Рязанской дороги на Тульскую, потомъ вступить въ знаменитый Тарутинскій лагерь и дать войнѣ совершенно другой оборотъ: маститый главнокомандующій нашъ изъ отступленія — перешелъ въ наступленіе, а аріергардъ его сталъ—авангардомъ. Въ эту пору уже поднялась вся Россія; призваны подъ знамена наши ополченія; въ Тарутинскій лагерь явились съ Дона еще 26 полковъ, имѣя въ своихъ рядахъ и дѣдовъ и внуковъ ихъ; въ эту пору и богачъ и бѣднякъ несли свое достояніе на спасеніе отечества и сдѣлалось ясно, что насталъ часъ положить конецъ успѣхамъ вторгшихся къ намъ полчищъ. Съ того времени начались бѣдствія французовъ—страшное преслѣдованіе и истребленіе ихъ.

Вотъ нѣсколько примѣровъ удали собственно лейбъ-казаковъ со времени вступленія французовъ въ Москву до часа изгнанія ихъ изъ предѣловъ русской земли.

Въ битвѣ при Тарутинѣ, когда гр. Орловъ-Денисовъ съ армейскими Донскими полками совершилъ ударъ на войска Мюрата, завладѣлъ ихъ лагеремъ и 38 пушками, ротмистръ л.-г. казачьяго полка Чеботаревъ врѣзался съ своимъ эскадрономъ въ тылъ непріятеля, напалъ на французскую батарею, истребилъ всѣхъ ея канонировъ и захватилъ орудіе, а потомъ бросился на ряды французской пѣхоты, смялъ ее, взялъ болѣе 100 плѣнныхъ, и успѣлъ пробиться чрезъ окружавшаго его непріятеля, почти безъ потери своихъ удальцовъ.

—

Во время усилій Наполеона выйти съ своими войсками на Калужскую дорогу, лейбъ-казаки показали себя витязями у Малоярославца, на берегу Лужи, неусыпно предупреждая всѣ попытки французовъ открыть себѣ путь къ Калугѣ.

У Вязьмы, когда авангардъ Милорадовича нанесъ жестокое пораженіе Даву и вице-королю, эскадронъ л.-г. казачьяго полка оказалъ блистательное отличіе при нападеніи легкаго отряда гр. Орлова-Денисова на пѣхотныя французскія колонны, причемъ отбито у нихъ орудіе, захвачена канцелярія Наполеона и взято болѣе 100 чел. въ плѣнъ.

—

Въ дѣлѣ при Ляховѣ, когда цѣлый отрядъ французскихъ войскъ корпуса Ожеро вынужденъ былъ графомъ Орловымъ-Денисовымъ положить оружіе и сдаться въ плѣнъ, лейбъ-казаки принимали самое дѣятельное участіе, оказавшее большое вліяніе на результатъ этого дѣла. Они также весьма способствовали славнымъ ударамъ отряда графа Орлова-Денисова на французовъ при селѣ Клементино, на пути движенія ихъ къ Красному и у самаго Краснаго, причемъ совершенно истребленъ одинъ большой непріятельскій отрядъ, потерпѣла жестокое пораженіе Наполеонова гвардія, взято въ плѣнъ три генерала, двадцать шесть офицеровъ и болѣе пяти тысячъ нижнихъ чиновъ, захваченъ огромный продовольственный обозъ, порціонный скотъ и тысяча лошадей, веденныхъ въ Смоленскъ, для запряжки подъ французскую артиллерію, не могшую двигаться отъ изнуренія бывшихъ у ней лошадей.

—

Во время занятія Наполеономъ Москвы, лейбъ-казаки отряда Винценгероде не знали устали: они ежедневно доставляли многія сотни плѣнныхъ французовъ; схватывали ихъ пикеты, почты, курьеровъ; отбивали собранное непріятельскими фуражирами для ихъ войскъ про-

довольствіе и порціонный скотъ; даже нѣсколько разъ прорывались въ самую Москву и вели на ея улицахъ перестрѣлку съ встревоженнымъ непріятелемъ.

Извѣстно изъ офиціальнаго источника, что однимъ летучимъ казачьимъ корпусомъ атамана Платова, въ теченіе кампаніи 1812 г., убито болѣе 18-ти тысячъ французскихъ воиновъ, взято въ плѣнъ 10 генераловъ, болѣе тысячи офицеровъ и до 40 тысячъ нижнихъ чиновъ; отбито 15 знаменъ, 364 пушки, 1166 зарядныхъ ящиковъ и представлено для украшенія с.-петербургскаго Казанскаго собора отбитаго Донцами у французовъ награбленнаго ими церковнаго серебра болѣе 60-ти пудовъ.

—

Въ заграничныхъ кампаніяхъ 1813 и 1814 годовъ, лейбъ-гвардіи казачій полкъ составлялъ конвой императора Александра I и, удостоенный этой высокой чести, блистательно подвизался въ сраженіяхъ у Бауцена, Кульма, Дрездена. Въ виду самого монарха нашего онъ совершилъ двѣ историческія атаки: французской кавалеріи — подъ Лейпцигомъ и французской пѣхоты—у Фершампенуаза. Обѣ упомянутыя атаки лейбъ-гвардіи казачій полкъ исполнилъ вслѣдствіе опасности, какой случайно подвергся тогда императоръ. Въ этихъ двухъ ожесточенныхъ сѣчахъ съ непомѣрно превосходящими силами враговъ, лейбъ-казаки не могли, конечно, не понести значительной потери въ своихъ рядахъ.

—

Въ заключеніе отмѣчу здѣсь, что въ кампанію противу турокъ, 1828 года, лейбъ-гвардіи казачій полкъ отличался обычнымъ ему мужествомъ при блокадѣ Варны и при атакѣ передовыхъ ея укрѣпленій, а также въ бояхъ при Куртепэ и у Камчика.—Въ 1831 году, во время польскаго возстанія, лейбъ-гвардіи казачій полкъ былъ также вѣренъ своей боевой славѣ въ отрядахъ генераловъ Сакена, Олферьева и Герштенцвейга и, наконецъ, подъ Варшавою. Въ 1848 и 1849 гг., во время дѣйствія нашихъ войскъ для подавленія мятежа Венгріи, лейбъ-гвардіи казачій полкъ находился сначала въ Литвѣ, а потомъ въ Варшавѣ. Во время англо-французской войны за Турцію, лейбъ-гвардіи казачій полкъ не могъ принимать боеваго участія: въ 1854 году онъ содержалъ, по южному берегу Финскаго залива, наблюдательные посты за движеніями союзныхъ флотовъ, на случай высадки гдѣ либо, на этотъ берегъ, ихъ десантовъ, а въ 1855 году полкъ этотъ находился на западныхъ границахъ Имперіи.

И. И. Шамшевъ.

Лордъ Витвортъ

1800 г.

По поводу очерка біографіи князя Платона Зубова, помѣщенной въ „Русской Старинѣ" изд. 1876 г., томъ XVII, должно обратить вниманіе на одно обстоятельство, которое имѣетъ существенное значеніе въ изложеніи послѣднихъ мѣсяцевъ царствованія императора Павла.

Въ ней говорится, на стр. 717: „Присутствіе англійскаго посла въ Петербургѣ, при близкомъ разрывѣ Россіи съ Англіею, было болѣе нежели щекотливо и неумѣстно: однако же, лордъ Витвортъ, слѣпое орудіе Питта, и не думалъ о выѣздѣ изъ столицы, даже и тогда, когда ему отъ имени императора предложено было выѣхать... Лордъ Витвортъ медлилъ". Далѣе прибавляется, что, по смерти императора Павла, Витвортъ спѣшилъ отправленіемъ депеши къ лорду Питту объ этомъ происшествіи.

Очевидно, что извѣстить свое правительство о кончинѣ государя, при которомъ онъ былъ акредитованъ, было бы прямою обязанностію англійскаго посланника, если бы онъ въ то время былъ въ Петербургѣ; но дѣло въ томъ, что его давно уже не было въ Россіи. Въ офиціальныхъ документахъ того времени я до сихъ поръ еще не встрѣчалъ указанія, въ какой именно день Витвортъ выѣхалъ изъ Петербурга. Достовѣрно только то, что 13-го мая 1800 года императоръ приказалъ гр. Ростопчину объявить лорду Витворту, что „его величество позволяетъ ему ѣхать", а 24-го числа того же мѣсяца (т. е. черезъ десять дней) императоръ, „почитая за обиду непосѣщеніе министра Гельса послу барону Будбергу (въ Стокгольмѣ), повелѣлъ, дабы и повѣренный въ дѣлахъ англійскій здѣсь не оставался". И дѣйствительно, отчетливый Жоржель, оставившій Россію въ концѣ мая 1800 г., говоритъ (на стр. 324 своего сочиненія Voyage à S.-Petersbourg en 1799—1800. Paris, 1818. In-8°) объ отъѣздѣ Витворта какъ о фактѣ совершившемся, и добавляетъ, что ему не было дозволено оставить въ Петербургѣ ни повѣреннаго въ дѣлахъ, ни секретаря посольства для сношеній съ англійскимъ правительствомъ. Въ запискахъ же одного современника, служившаго тогда въ нашемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, сообщаются по этому случаю слѣдующія любопытныя подробности: „Avant le départ du

ministre (Whitworth), on convint que, pour éviter une rupture publique et pour conserver quelques rapports d'intelligence entre les deux Cours, m-r Casamajor, secretaire de la Légation, resterait à S.-Petersbourg en qualité de Chargé d'affaires. Malgré que cet arrangement fut agréé de la part de l'Empereur, m-r Casamajor reçut néanmoins, dix heures après par la voie du Comte Pahlen, gouverneur militaire de Pétersbourg, un passeport accompagné de l'ordré de S. M. I. de quitter incessamment la capitale. Il partit aussitôt le lendemain, en même temps que Lord Whitworth, qui, n'étant pas encore pourvu des passeports nécessaires, fut obligé de les attendre dans le faubourg de la ville, afin d'éviter pas là les mauvais procédés des officiers de police, qui ne le quittèrent que losqu'il eut passé les portes de la ville" [1]).

Изъ всего этого слѣдуетъ, что Витвортъ выѣхалъ изъ Петербурга за десять мѣсяцевъ до кончины императора Павла, когда даже Зубовыхъ еще не было въ Петербургѣ [2]). Вѣсть о вступленіи императора Александра на престолъ застала Витворта въ Лондонѣ, только что женившимся на вдовѣ герцога Дорсета (бракъ совершенъ былъ 7-го апрѣля 1801 г. н. ст.), и немедленно онъ привѣтствовалъ юнаго монарха поздравительнымъ письмомъ, которое, послѣ намека на непріятности (mortification), перенесенныя имъ при отъѣздѣ изъ Петербурга, заключается увѣреніемъ, что годà, проведенные имъ въ Россіи, останутся тѣмъ не менѣе пріятнѣйшимъ для него воспоминаніемъ въ жизни [3]).

Дальнѣйшая судьба лорда Витворта извѣстна. Послѣ Аміенскаго трактата (1802), на его долю выпала трудная задача быть представи-

---

[1]) Передъ отъѣздомъ министра (т. е. Витворта) рѣшено было, во избѣжаніе явнаго разрыва и для сохраненія нѣкоторыхъ пріязненныхъ отношеній между обоими дворами, чтобы г. Казамаіоръ, секретарь посольства, оставался въ С.-Петербургѣ въ качествѣ повѣреннаго въ дѣлахъ. Не смотря на то, что эта мѣра была одобрена императоромъ, г. Казамаіоръ, тѣмъ не менѣе, десять часовъ спустя, получилъ чрезъ графа Палена, с.-петербургскаго военнаго губернатора, паспортъ, сопровождаемый высочайшимъ Е. И. В. повелѣніемъ—немедленно выѣхать изъ столицы. Онъ немедленно выѣхалъ на другой день одновременно съ г. Витвортомъ, который, не будучи снабженъ необходимыми паспортами, былъ принужденъ ожидать ихъ въ предмѣстьи города, во избѣжаніе непріятностей со стороны полицейскихъ офицеровъ, которые оставили его тогда только, когда онъ выѣхалъ за градскія ворота. См. «Сборникъ Русск. Истор. Общ. IX, 393. Примѣчаніе.

[2]) Они возвратились въ Петербургъ послѣ изданія указа 1-го ноября 1800 года. Полн. Собр. Законовъ. № 19,626.

[3]) Онъ былъ посланникомъ въ С.-Петербургѣ въ теченіе 12-ти лѣтъ (1788—1800).

телемъ англійскаго правительства въ Парижѣ и сдерживать честолюбивые порывы Наполеона. Описывая эту эпоху, Вальтеръ Скоттъ обрисовалъ Витворта въ слѣдующихъ чертахъ: „Съ необыкновенными опытностію и умомъ лордъ Витвортъ соединялъ всѣми признанное прямодушіе и неизмѣнныя правила чести; одаренный отъ природы непоколебимою твердостію духа, онъ умѣлъ сохранять неизмѣнное и чудеснымъ образомъ расчитанное хладнокровіе, что̀ давало ему постоянный перевѣсъ надъ надменнымъ, нетерпѣливымъ и запальчивымъ противникомъ“. **Кн. А. В. Л. Р.**

Княгиня Е. Р. Дашкова

28-го іюня 1762 г.

Въ VIII томѣ „Русской Старины“ изданія 1873 г., на стр. 697, былъ помѣщенъ разсказъ бабушки моей, Екатерины Романовны Дашковой [1]), о томъ, какъ она въ знаменитый день 28-го іюня 1762 года одѣлась въ мундиръ Преображенскаго полка лейтенанта Пушкина. Въ дополненіе къ этому, не лишнимъ считаю сообщить сохраняющееся въ семействѣ нашемъ преданіе, служащее, можетъ быть, варіантомъ къ вышеупомянутому событію.

Княгиня Екатерина Романовна, въ офицерскомъ мундирѣ, но безъ шляпы, выѣхала на плацъ, на которомъ находился въ сборѣ Измайловскій полкъ, и подскакавъ къ одному изъ офицеровъ—Василію Сергѣевичу Нарышкину—женатому на двоюродной ея сестрѣ графинѣ Аннѣ Ивановнѣ Воронцовой [2]), убѣдительно просила его дать ей его шляпу... Нарышкинъ отказавъ на отрѣзъ, прибавилъ:

— Съ чего ты, матушка, это взяла? Вишь, бабѣ вздумалось нарядиться шутихою, да давай ей еще и шляпу, а самъ стой съ открытой головой!

Можетъ быть, въ этомъ изустномъ преданіи, ошибочно названо мѣсто сбора Измайловскаго полка на плацу въ Петербургѣ,—но что онъ дѣйствительно былъ собранъ, это явствуетъ изъ самаго разсказа княгини Екатерины Романовны, которая говоритъ (стр. 698) о своемъ распоряженіи, чтобы „этотъ полкъ принялъ императрицу въ окрестностяхъ города“. Сообщ. въ 1873 г. **гр. М. Д. Бутурлинъ.**

---

[1]) Мать отца моего (графа Дмитрія Петровича Бутурлина) графиня Марія Романовна была рожденная графиня Воронцова, родная сестра княгини Екатерины Романовны Дашковой.

[2]) Анна Ивановна Нарышкина, была дочь графа Ивана Ларіоновича Воронцова, брата графа Романа Ларіоновича (отца княгини Дашковой) и канцлера Михаила Ларіоновича. Братъ А. И. Нарышкиной, графъ Артемій Ивановичъ Воронцовъ, умершій въ 1813 году—отецъ моей матери, графини Анны Артемьевны Бутурлиной. Гр. М. Б.

Дмитрій Васильевичъ Волковъ

въ 1772—1776 гг. [1]).

X.

Божіею Милостію, Мы Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская, и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему тайному совѣтнику Дмитрію Волкову.

Мы, будучи довольно извѣстны съ какимъ усердіемъ и ревностію вы во время бывшей въ Москвѣ опасной болѣзни трудились о пресѣченіи оной, восхотѣли въ знакъ Нашего къ вамъ благоволенія всемилостивѣйше пожаловать васъ орденомъ Святаго Александра Невскаго, коего знаки посылая при семъ, повелѣваемъ вамъ оные на себя возложить. Мы пребываемъ Нашею Императорскою милостію вамъ благосклонны. Данъ въ Царскомъ Селѣ. Апрѣля 24-го дня 1772 года. „Екатерина".

XI.

Апр. 2-го ч. 1772 г.

„Дмитрій Васильевичъ, напишитѣ пажалуи и пришлитѣ ко мнѣ, что Сукинъ съ вами говорилъ о подозреніи его на Пушкиныхъ. Впрочемъ, остаюсь къ вамъ, какъ всегда, доброжелательна. Екатерина".

XII.

Въ Царскомъ Селѣ, августа 16-го 1776 года.

Господинъ тайный совѣтникъ! Не пріемля еще того за правду, что только слышу, якобы, при переименованіи въ Смоленской губерніи деревень въ новые города, не соблюдено должнаго въ томъ порядка, чтобы въ граждане записать только добровольно того желающихъ, а которые хлѣбопашество хотятъ весть, тѣхъ бы выселить изъ города, по указу на то имѣющемуся, выдѣля токмо къ городу, въ силу межевой инструкціи, потребной выгонъ,—пишу я къ вамъ сіе въ томъ удостовѣреніи, что вы, на мѣстѣ будучи, освѣдомитеся о таковомъ состояніи и поправите лучшимъ учрежденіемъ, сходствуя вышеупомянутымъ постановленіямъ, ежели подлинно есть въ томъ упущеніе или недостатокъ для жителей отяготительные.

Пребываю впрочемъ вамъ благосклонна. „Екатерина".

Сообщ. **С. А. Рудакова.**

---

[1]) См. »Русскую Старину« изд. 1876 г., томъ XVIII, стр. 372.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на ежемѣсячное изданіе Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО

„ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ“

на 1877 годъ

Двѣнадцать выпусковъ въ годъ.

Каждый выпускъ заключаетъ въ себѣ **отъ полутора** до двухъ **листовъ** убористаго шрифта, еженедѣльныхъ газетъ нашихъ.

Каждый выпускъ выходитъ въ послѣднее число каждаго мѣсяца и продается отдѣльно во всѣхъ книжныхъ магазинахъ по 25 копѣекъ. Желающіе подписаться на все годовое изданіе впередъ пользуются уступкою и платятъ лишь **два рубля** (безъ доставки и пересылки), а съ пересылкою или доставкою на домъ **два рубля пятьдесятъ копѣекъ**.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ для городскихъ подписчиковъ въ С.-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Я. А. Исакова (Гостиный дворъ, № 24) и въ Книжномъ магазинѣ для иногородныхъ, Невскій пр., № 44.

Въ Москвѣ: въ «Центральномъ книжномъ магазинѣ», Никольская, д. Славянскаго Базара.

Гг. иногородные подписчики благоволятъ обращаться исключительно къ автору по слѣдующему адресу: С.-Петербургъ, Греческій проспектъ, подлѣ греческой церкви, домъ Струбинскаго, № 6. **Ѳедору Михайловичу Достоевскому**

ографія, составл. по печатн. и рукописн. сточникамъ. Профессора В. С. Иконникова. Спб. 1873. 1015 экз. Ц. 4 р.

Дневникъ А. В. Храповицкаго, 1782—793, по подлинной его рукописи. Съ біографической статьей и объяснит. текстомъ. І. Барсукова. Спб. 1874. 1200 экз. Ц. 3 р. 50 к.

Древности Россійскаго государства. Кіевскій Софійскій соборъ. Изд. Имп. Русск. рхеолог. общ. Выпуски 1, 2 и 3. Спб. 873. 600 экз. Ц. 12 р.

Екатерина Васильевна Потапова и результаты ея дѣятельности въ Вильнѣ. Вильна. 1874. 150 экз.

Жизнь графа М. Н. Муравьева, въ вязи съ событіями его времени и до назначенія его губернаторомъ въ Гродно. Д. А. Кропотова. Спб. 1874. 1800 экз. Ц. 3 р.

Жизнь за Царя. Подвигъ крестьянина Ивана Сусанина. М. 1874. 7200 экз. Ц. 25 к.

Жизнь и дѣятельность Н. Д. Иваншева, ректора университета св. Владиміра вице-предсѣдателя Кіевской археографической коммисіи. А. В. Романовича-Славатинскаго. Спб. 1876. In-8°. 320 стр. Ц. 1 р. 25 к.

Завѣщаніе отеческое къ сыну. Соч. И. Посошкова. Открыто и издано А. Поповымъ. М. 1873. 300 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Замѣчанія на воспоминанія Ф. Ф. Вигеля. Изъ дневныхъ записокъ И. П. Липранди. Изд. Общ. Исторіи и Древн. Росс. М. 1873. 300 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Записки Андрея Тимофеевича Болотова. Изд. «Русской Старины». Т. I (части 1—7). Спб. 1870. 600 экз. Ц. 3 р.—Т. II (ч. 8—14). Спб. 1871. 600 экз. Ц. 3 р.—Т. III (ч. 15—21). Спб. 1872. 600 экз. Ц. 3 р.—Т. IV (ч. 22—29). Спб. 1873. 600 экз. Ц. 3 р. За всѣ 4 т. ц. 12 р. Первый томъ выпущ. въ 1875 г. вторымъ изданіемъ 100 экз. Цѣна 3 руб. *(Осталось немного экз.)*.

Записка антиквара о поѣздкѣ его на Калку и Калміусъ, въ Корсунскую землю и на южныя побережья Днѣпра и Днѣстра. В. И. Григоровича. Одесса. 1874. 250 экз.

Записки Гаврiила Ивановича Добрынина, 1752—1823 гг., въ 3-хъ ч. Изд. 2-е, значительно испр. и дополн. по подлинной рукописи. Спб. 1871. In-8°. 350 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Записки иностранцевъ о Россіи въ XVIII ст.—Письма леди Рондо, жены англ. резидента при русск. дворѣ въ царств. императрицы Анны Іоанновны. Пер. съ англ. Ред. изданія и примѣчанія С. Н. Шубинскаго, съ предисловіемъ К. Н. Бестужева-Рюмина и указателемъ личныхъ именъ П. А. Ефремова. Съ прилож. портрета императ. Анны. Спб. 1874. Ц. 2 руб.

Тоже. Записки фельдмаршала графа Миниха. Пер. съ франц. подъ ред. и съ примѣч. С. Н. Шубинскаго. Спб. 1874. 1500 экз. Ц. 2 р.

Записки князя Якова Петровича Шаховскаго, 1705—1777. Изд. Ред. «Русской Старины». Спб. 1872. In-8°. XXIV+VIII и 325 стр. Ц. 1 руб. 50 к. 1500 экз. [Изданіе все разошлось до послѣдняго экземпляра].

Записки о Россіи генерала Манштейна, 1727—1744. Переводъ съ французской подлинной рукописи автора. (Библіотека дворца въ г. Павловскѣ). Изд. Ред. «Русской Старины», отдѣльные оттиски [50 экз., въ продажѣ нѣтъ]. Спб. 1875. In-8°. V+VI+372 и 15 стр.

Иванъ Яковлевичъ Лангъ. Біографич. очеркъ. Кронштадтъ. 1873. 200 экз.

Изслѣдованіе о происхожденіи и значеніи имени Рязань. Николая Любомудрова. М. 1874. 300 экз.

Изъ памятныхъ записокъ гр. П. Христофор. Граббе. М. 1873. 100 экз. Ц. 75 к.

Исторія Россійской Академіи. М. И. Сухомлинова. Вып. I-й. (Приложеніе № 2 къ XXIV-му тому «Записокъ Имп. Академіи Наукъ»). Спб. 1874. In-8°. 427 стр. 112 экз. Ц. 1 р. 65 к. Вып. II-ой. (Приложеніе къ XXVII-му тому «Записокъ Имп. Акад. Наукъ», № 1), Спб. 1875. In-8°. 584 стр. Ц. 2 р. 50 к.

Историческіе этюды С. С. Шашкова 2 т. Спб. 1872 In-8°. 332 и 349 стр. 1500 экз. Ц. 2 р. 50 к.

Историческій атласъ. Ив. Сидонскаго и А. Іордана. Пособіе къ изученію исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Изд. 7-е. Спб. 1873. Изд. и литогр. Эйлера. 10 л. картъ. 2000 экз. Ц. 1 р. 25 к.

Семевскій.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ восьмой. АПРѢЛЬ. 1877 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.
Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, № 90—1.
1877.

IV-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го апрѣля.

Историческія статьи М. Д. Хмырова. Изд. В. Печаткина. Спб. 1873. In-8°. 470 стр. 1500 экз. Ц. 2 р.

Историческія таблицы. Учебное пособіе при повтореніи курса всеобщей и русской исторіи въ средне-учебн. заведеніяхъ. Вып. I. Древняя исторія. А. Добрякова. Спб. 1873. 3000 экз. Ц. 25 к. Тоже. Изд. 2-е. Спб. 1874. 1800 экз. Ц. 25 к.

Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг., библіографически и въ хронологическомъ порядкѣ описанныхъ А. Н. Неустроевымъ. Спб. 1875. In-8°. LXIX и 878 стр. Ц. 6 р.

Исторія Бессарабіи съ древнѣйшихъ временъ. Алексѣя Накко. Ч. I-й и II-й вып. 1-й. Одес. 1873 и 1874. 300 экз. Ц. 3 р. 50 к.

Исторія возсоединенія Руси. Отъ начала казацко-шляхетской войны до возстановленія въ Кіевѣ православной іерархіи въ 1620 г. П. А. Кулиша. 2 т. Спб. 1874. 3000. экз. Ц. по 2 р. за томъ.

Исторія графа Александра Вас. Суворова. Съ рисунк. М. 1874. 600 экз. Ц. 40 к.

Исторія Малороссіи въ разсказахъ. Въ 3-хъ ч. Сост. В. С. М. 1874. 6000 экз. Ц. 75 к.

Кавказъ въ археологическомъ отношеніи. Ад. П. Берже. Тиф. 1874. 25 экз. Ц. 1 р.

Калейдоскопъ воспоминаній Ципринуса (О. А. Пржецлавскій). Вып. I. М. 1874. 1200 экз. Ц. 75 к.

Капище моего сердца, или словарь всѣхъ тѣхъ лицъ, съ коими я былъ въ разныхъ отношеніяхъ въ теченіе моей жизни. Князя И. М. Долгорукова. Изд. Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос. М. 1874. 400 экз. Ц. 1 р. 75 к.

Карлъ Павловичъ Брюловъ въ русскомъ искусствѣ. А. Сомова. Спб. 1876. In-4°. 29 стр. въ 2 столбца.

Каталогъ пріобрѣтеній Имп. Публичной библіотеки. Выходитъ съ 1865 г. ежегодно по 2 книжки.

Керченскія древности въ Имп. Эрмитажѣ. Объяснительный текстъ Рудольфа Стефани къ фотогр. снимкамъ, изданнымъ К. Ретгеромъ. Вып. I. Спб. 1873. 200 экз.

Князь А. М. Курбскій. Историко-библіографич. замѣтки по поводу послѣдняго изданія его «Сказаній» М. П—скаго. Казань. 1873. 450 экз. Ц. 50 к.

Князь Михаилъ Андреевичъ Оболенскій. Н. И. Костомарова. М. 1873. 200 экз.

Краткій указатель музея Имп. Одесскаго Общ—ва Исторіи и Древностей. Изд. 3-е, допол. Одесса. 1873. 300 экз. Ц. 30 к. Тоже. Изд. 4-е. Од. 1874. 1000 экз. Ц. 30 к.

Краткое описаніе жизни и дѣяній князя Александра Даниловича Меншикова. М. 1873. 12,000 экз. Ц. 15 к.

Ксенія Ивановна Романова (Великая старица инокиня Марѳа). И. П. Хрущова. Спб. 1877. 101 стр.

Кунцово и древній Сѣтунскій станъ. Историч. воспоминанія. И. Е. Забѣлина М. 1873. 1200 экз. Ц. 2. р.

Литература русской географіи, статистики и этнографіи. Томъ III: за 1867 и 1868 гг. Составилъ В. И. Межовъ. Спб. 1870. Ц. 2 р. 25 к. XXIV+V+169 стр. 120 экз. — Тоже. Т. IV: за 1869 и 1870 годы. Спб. 1873. 241 стр. 120 экз.

Любечъ, родина преп. Антонія Печерскаго. Кіевъ. 1874. 1200 экз. Ц. 25 к.

Мельхиседекъ Значко-Яворскій, или страданія Украйны за народность и вѣру во второй половинѣ XVII вѣка. Изд. Ред. Кіевск. Нар. Календ. Кіевъ. 1874. 500 экз.

Меря и Ростовское княжество. Д. Корсакова. Казань. 1872. 250 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ. Графа А. С. Уварова. М. 1872. Съ приложеніемъ атласа изъ 11 л. рисунковъ и карты. 200 экз. Ц. 8 р.

Москва. Подробное историч. и археологич. описаніе города. Изд. А. Мартынова. Текстъ сост. И. Снегиревымъ, при сотрудничествѣ издателя. Т. II. М. 1873. 600 экз. Ц. 10 р. (I-й т. вышелъ въ 1865 г.)

На открытіе памятника императрицѣ Екатеринѣ II-й. Спб. 1873. 6000 экз. Ц. 15 к.

На память друзьямъ моимъ. Біографич. очеркъ Петра Васильевича Хавскаго. Сост. на день рожденія его 4-го іюня 1783—1874. Книги I и II. П. Хавскаго. М. 1874. 500 экз.

Начало борьбы славянъ съ нѣмцами за

ПРЕОБРАЗОВАТЕЛИ РУССКОЙ АРМІИ

ВЪ ЦАРСТВОВАНІЕ ИМПЕРАТОРА

ПАВЛА ПЕТРОВИЧА

1796—1801.

II [1]).

Русская армія при Павлѣ I; ея занятія, обученіе и дѣйствія. — Имѣла-ли кампанія 1799 года вліяніе на усовершенствованіе русскаго войска; мнѣніе о томъ Павла I, объявленное въ приказахъ.—О русскихъ боевыхъ генералахъ и генералахъ вообще.—Отзывъ современника о Павлѣ I.

Въ два года, послѣ смерти Екатерины II, русская армія совершенно преобразилась, по наружному образованію и составу.

Армія наша казалась Павлу (во все время царствованія своей державной матери смотрѣвшему на гвардію и дѣйствующія войска издалека) скорѣе безпорядочною ордою, чѣмъ регулярнымъ войскомъ. Еще съ 1778 года, т. е. за восемнадцать лѣтъ до воцаренія, Павелъ писалъ Петру Панину, «что въ ней (арміи) все идетъ по прихотямъ каждаго; а часто прихоть состоитъ въ томъ, чтобъ ничего не дѣлать, а угодить своимъ необузданнымъ страстямъ. Вотъ плачевное состояніе, до котораго у насъ военная часть дошла».

Убѣжденія 24-хъ лѣтняго наслѣдника крѣпли съ годами и обратились для него въ законъ; онъ, какъ мы уже сказали, проникся мыслію, что посланъ Россіи для ея возрожденія къ новой

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1877 г., томъ XVIII, стр. 227—260.

жизни; что ему нужно повторить дѣло Петра Великаго, т. е. скрѣпить разшатавшееся правительственное зданіе; преобразовать войска и военныя учрежденія.—Гатчинцы были его потѣшными; въ этомъ миніатюрномъ войскѣ были соединены всѣ роды пѣхоты: гренадеры, фузелеры, егеря, всѣ роды тяжелой и легкой кавалеріи и морской экипажъ—изъ нихъ должны были выйти будущіе учителя русской арміи. Едва воцарившись, Павелъ отыскиваетъ въ сараѣ [1]) конную статую Петра (остававшуюся тамъ съ 1744 года), ставитъ ее передъ своимъ новымъ дворцомъ, и, въ подражаніе надписи, начертанной Екатериною II на Фальконетовскомъ памятникѣ, приказываетъ написать: «Прадѣду-Правнукъ».

Въ этомъ подражаніи Петру I и чествованіи его памяти ясно высказывается, что онъ былъ идеаломъ преемника Екатерины II, хотя и къ послѣдней сынъ ея питалъ сначала невольное благоговѣніе? Въ доказательство можно привести изданную вскорѣ послѣ смерти Екатерины брошюру на французскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: «Разговоры въ царствѣ мертвыхъ Екатерины Великія съ императоромъ Петромъ Великимъ, Людовикомъ XVI, королемъ французскимъ, и Фридрихомъ Великимъ, королемъ прусскимъ». Вотъ нѣкоторыя мѣста, касающіяся внутренней политики Екатерины.—Припомнимъ также, что книга эта печаталась по разрѣшенію Павла, послѣ его просмотра и одобренія. (Стр. 41—43):

Петръ.

«Но въ издаваемыхъ тобою законахъ и въ новостяхъ, тобою вводимыхъ, развѣ не препятствовало тебѣ дворянство?

Екатерина.

— «Я умѣла привлечь его любовію и укротить милосердіемъ. Пріятности двора моего, моя ласка и любовь привлекали мнѣ взаимную любовь; а любовь подданныхъ дѣлаетъ гораздо больше и надежнѣе власть нашу, нежели всѣ ужасы неограниченнаго самовластія.

Петръ.

«Какъ, дочь моя, всѣ эти князья, бояре, которыхъ я хотѣлъ пріучить къ одеждѣ европейской......

---

[1]) Конная статуя Петра I была вылита при Елисаветѣ Петровнѣ, въ 1744 году, итальянцемъ Мартелли, но оставалась заброшенною въ сараѣ.

Екатерина.

— «Они всѣ были у ногъ моихъ, повиновались волѣ моей и почитали первымъ счастіемъ угождать мнѣ.—Я успѣла, при дворѣ моемъ, поселить утѣхи, водворить любовь къ наукамъ и художествамъ; смягчить ими сердца дворянства и отвратить ихъ отъ бунтовъ и заговоровъ.—Дворянство есть самая твердая опора престоловъ.—Дворяне нашли вѣрнѣйшій покровъ въ государяхъ; повсюду государи покровительствуютъ дворянъ и дворяне преданы государямъ.—Народъ, покорный привычкѣ и любви къ тишинѣ, не въ силахъ ничего предпринимать самъ собою, и государства наслаждаются спокойствіемъ. Во всю жизнь мою старалась я утверждать эту цѣпь, дабы, любя Россію, могла я, пользуяся внутреннею тишиною, время свое употребить на ея пользу».

О себѣ самой и своей дѣятельности Екатерина (стр. 48—49) говоритъ такъ, обращаясь къ Петру:

— «Ты начиналъ, а я совершила; ты дѣлалъ первые удары по дикому камню, а я обработывала оный; ты гнался за славою, повсюду искалъ ее, а меня слава сама находила. Я взошла на престолъ съ мужествомъ; утвердилась съ пріятностію и великолѣпіемъ; царствовала съ величіемъ. Я была геній; ты былъ герой... Елисавета царствовала и пріучила Россію къ кроткому правленію; во мнѣ находили постоянство и мужество отца, кротость и милосердіе его дочери, и подданные боготворили меня».

Нѣтъ сомнѣнія, что это благоговѣніе къ мудрой внутренней политикѣ Екатерины спасало наши общественныя и гражданскія учрежденія отъ измѣненія и сохранило ихъ неприкосновенными, тѣмъ болѣе, что здѣсь на стражѣ стоялъ дѣятельнѣйшій и способнѣйшій воспитанникъ Екатерины — Безбородко, сохранившій до самой смерти (6-го апрѣля 1799 года) полную довѣренность Павла [1]).

Но за то военная часть сосредоточила на себѣ все вниманіе Павла и ей отдался онъ со всею пылкостію своей души и со всею необузданностію такъ долго сдерживаемаго ожиданія.

---

[1]) Императоръ Павелъ I въ 1797 году возвелъ Безбородку въ достоинство канцлера и свѣтлѣйшаго князя; пожаловалъ ему портретъ свой и большой крестъ св. Іоанна Іерусалимскаго; орловскую вотчину, послѣ князя Кантемира, 36,000 десятинъ въ Воронежской губерніи и шесть тысячъ душъ на его выборъ.

Сдѣлавшись самъ вполнѣ самостоятельнымъ дѣятелемъ, Павелъ I забылъ то, что̀ говорилъ объ отцѣ своемъ въ 1778 году, и пошелъ по слѣдамъ его. Въ 1778 году Павелъ писалъ Петру Панину:

— «Здѣсь (по кончинѣ Елисаветы) вступилъ покойный отецъ мой на престолъ и принялся заводить порядокъ; но стремительное его желаніе завести новое помѣшало ему благоразумнымъ образомъ приняться за оный; прибавить къ сему должно, что неосторожность, можетъ быть, была у него въ характерѣ и отъ ней дѣлалъ вещи, наводящія дурныя импрессіи, которыя, соединившись съ интригами противъ его персоны, а не самой вещи, погубили его и заведеніямъ порочный видъ старались дать... Чего интрига не въ состояніи повести, если благоразуміе, осторожность и твердость духа не противостоятъ имъ».

Сыновняя нѣжность, поддерживаемая разсказами недоброжелателей Екатерины, ослѣпляла Павла I-го. И самъ Петръ III, и дѣлаемыя имъ нововведенія были не по сердцу русскому войску и народу—здѣсь причина государственнаго переворота, потому что, говоря: «Сердце царево въ руцѣ Божіей», русскій народъ убѣжденъ, что русскій православный Богъ осѣняетъ его царя— и всѣ должны преклониться предъ нимъ. Петръ же III-й «кощунственно» относился къ православію и это было ему поставлено въ великую вину непониманія своего народа.

Павелъ I, какъ мы уже видѣли, сознавалъ, будучи наслѣдникомъ, необходимость избѣгать «стремительности въ заведеніи новаго», но, сдѣлавшись самодержавнымъ государемъ, позабылъ это великое правило; оскорбилъ, съ перваго раза, свою гвардію, поверставъ старые полки ея въ баталіоны Гатчинцевъ, и унизилъ заслуженныхъ генераловъ тѣмъ, что во главѣ ихъ поставилъ Гатчинскихъ офицеровъ, осыпанныхъ ничѣмъ незаслуженными почестями, титлами и отличіями.

Первымъ дѣйствіемъ воцарившагося императора было высочайшее повелѣніе 9-го ноября 1796 года—Гатчинцамъ вступить въ Петербургъ, при чемъ Гатчинскіе полки распредѣлены по полкамъ гвардіи. При этомъ штабъ-офицеры зачислены въ полки гвардіи; всѣ субалтернъ-офицеры переведены тѣми же чинами въ гвардію; а баронъ Аракчеевъ назначенъ командиромъ Преображенскаго полка.

Гвардія была любимымъ и даже нѣсколько баловаными, какъ избранное, войскомъ Елисаветы и Екатерины II; ряды ея пополнялись изъ лучшихъ аристократическихъ фамилій, славившихся образованіемъ и свѣтскостью, и потому назначеніе въ гвардію темныхъ и неуклюжихъ Гатчинскихъ офицеровъ съ Аракчеевымъ во главѣ ихъ, никому не могло быть пріятно [1]); самый способъ слитія гвардіи съ Гатчинцами тоже произвелъ крайне поразительное впечатлѣніе.—Для встрѣчи этого «иноземнаго», почти никому неизвѣстнаго войска, полки гвардіи выстроены передъ Зимнемъ дворцомъ. Гатчинцы тихимъ шагомъ, мѣрно шлепая ногами, приближались по главнымъ улицамъ и миніатюрные ихъ полки, въ нѣсколько сотъ каждый, становились передъ старыми гвардейскими полками. Когда построеніе было окончено, Павелъ объѣхалъ войска, и прежде всего поздравилъ своихъ воспитанниковъ съ переводомъ въ гвардію, а потомъ, проѣзжая по рядамъ, объявлялъ, что «старый (напримѣръ, Преображенскій) полкъ входитъ въ составъ новаго Преображенскаго полка».

И такъ, преобразованія еще не начались, а уже избранное военное сословіе было противъ нихъ; кто могъ, спѣшилъ оставить службу, чтобы не быть «отставленнымъ» или «извергнутымъ» изъ нея. Чины и заслуги никого не спасали; фельдмаршаловъ увольняли отъ службы наравнѣ съ младшими офицерами; въ особенности, когда наушники, окружавшіе государя, выставляли подобное нежеланіе служить явнымъ сопротивленіемъ высочайшей волѣ и духомъ якобинства, проникнувшимъ будто въ нашу чудесную и вѣрно-преданную государю армію.

Преобразованія Павла начались съ перемѣны прежняго «мужицкаго» обмундированія: «новый костюмъ состоялъ изъ длиннаго и широкаго мундира, довольно толстаго сукна, не съ отложнымъ, а лежачимъ воротникомъ и съ фалдами, которыя спереди совсѣмъ почти сходились; изъ шпаги, между сими фалдами воткнутой сзади, и изъ ботфортовъ съ штибель-манжетами или шти-

[1]) Въ «Русской Старинѣ» (изд. 1873 г., т. VII, стр. 655) содержатся любопытныя свѣдѣнія о Гатчинскихъ генералахъ, посланныхъ Павломъ I въ Голландію въ 1799 году. По словамъ Ростопчина, они смѣшивали Гамбургъ съ Ямбургомъ; одного изъ Гатчинцевъ укачало во время переѣзда моремъ до Гамбурга, и онъ убѣдительно просилъ Ивана Матвѣевича Муравьева-Апостола отправить его на островъ Джерзей—сухимъ путемъ. П. Л.

блетъ чернаго сукна; изъ низкой сплюснутой треугольной шляпы; узкаго чернаго галстуха, коимъ офицеры казались почти удавленными; перчатокъ съ огромными раструбами; простаго дерева форменной палки съ костянымъ набалдашникомъ и, наконецъ, изъ двухъ насаленыхъ надъ ушами буколь, съ длинною, туго проволокой и лентой перевитою косой».

Кто видѣлъ портреты Фридриха II-го въ Потсдамѣ и знаменитый портретъ его, называющійся: «Фридрихъ, послѣ Коллинскаго сраженія», въ Лейпцигскомъ національномъ музеумѣ, тотъ скажетъ, что новый русскій мундиръ былъ точь-въ-точь скопированъ съ прусскаго.

Каждый полкъ отличался цвѣтами воротниковъ, обшлаговъ и отворотовъ. Цвѣта эти разнообразились до безконечности; были цвѣта: верблюжій, розовый, песочный, абрикосовый, селадоновый, (блѣдно-зеленый) и другіе [1]). Вмѣсто шинелей были даны одѣяла, отмѣненныя 31-го декабря 1798 года; въ послѣдствіи шляпа замѣнена шапкою-гренадеркою, какая сохранилась у Павловцевъ.

Сухопутная армія получила новое раздѣленіе; всѣ штабы и канцеляріи уничтожены, и государь самъ, непосредственно, начальствовалъ своими войсками, входя въ мельчайшія подробности службы [2]). Приказанія, отдаваемыя при паролѣ, исполнялись какъ высочайшія повелѣнія, и тѣ изъ исполнителей, которые осмѣливались отступить отъ нихъ, подвергались строгимъ выговорамъ и взысканіямъ безъ малѣйшей пощады и вниманія къ чину и должности [3]); но и эти строгости оказывались недостаточными; приказомъ 17-го января 1798 года предписывалось: «всѣмъ гг. штабъ-офицерамъ кавалерійскихъ полковъ, во время командованія разводомъ Конной-гвардіи, прилежно смотрѣть за ошибками

---

[1]) Печальныя послѣдствія пестроты въ обмундированіи обнаружились во время перваго сраженія, при Бергенѣ, 8-го сентября 1799 года. См. Сочиненія Д. А. Милютина, томъ V, стр. 57, изд. 1853 года.

[2]) Приказомъ 3-го іюля 1798 года генералъ-маіоръ Бриммеръ уволенъ отъ службы: «за постройку, несходныхъ съ образцами, для полку вещей»; приказомъ 15-го октября 1799 года генералъ-лейтенантъ Ламсдорфъ уволенъ отъ службы: за командированіе съ лошадьми строевыхъ чиновъ вмѣсто фурштатовъ; 4-го марта 1801 года генералъ-маіоръ Косаговскій отставленъ отъ службы за пріемъ и представленіе не по образцу къ гренадерскимъ шапкамъ тесьмы.

[3]) Приказомъ 27-го іюня 1798 года генералъ-маіоръ Багговутъ отставленъ за незнаніе службы и за названіе юнкеровъ — подпрапорщиками; 24-го августа 1799 года генералъ-маіоръ Уке отставленъ за пьянство.

офицеровъ, находящихся во фронтѣ, и не дѣлать имъ изъ вѣжливости ни малѣйшаго упущенія въ оныхъ».

Для изученія новаго устава, учрежденъ, какъ уже сказано, 15-го декабря 1796 года—тактическій классъ для штабъ-и оберъ-офицеровъ, надзоръ за которымъ препорученъ былъ Аракчееву, а преподаваніе полковнику Каннабиху. Лекціи эти читались въ «Бѣлой залѣ» Зимняго дворца; императоръ лично и ежедневно на нихъ присутствовалъ; вызывалъ слушающихъ и предлагалъ имъ вопросы. Ему нравилось, чтобы на эти лекціи приходили и генералы. Фельдмаршалъ князь Репнинъ, въ угодность государю, часто являлся на лекціи.—Смѣшно и странно было видѣть, какъ славные полководцы Екатерины II слушали науку побѣдъ отъ Гатчинскихъ офицеровъ, не только не распоряжавшихся военными дѣйствіями, но даже не нюхавшихъ пороху. Извѣстно, что Аракчеевъ не долюбливалъ военныя дѣйствія, а Каннабихъ былъ произведенъ въ полковники чуть-ли не скорѣе, чѣмъ камеръ-пажъ Нелидовъ въ генералы [1]).

Всѣ вводимыя строгости не устрашали впрочемъ особенно никого, а, напротивъ, порождали какую-то лихость и молодечество—идти на перекоръ приказаніямъ начальства. Напрасно Аракчеевъ рвалъ усы у своихъ подчиненныхъ, а шефы полковъ собственноручно колотили палками своихъ подчиненныхъ и тыкали ихъ ими въ животы,—государь рѣдко бывалъ доволенъ разводами и ученьями, и въ особенности потому, что у офицеровъ явилось непостижимое озорничество щеголять незнаніемъ службы и нарушать ея порядокъ. Обстоятельство это было замѣчено государемъ и вызвало, съ его стороны, строгія преслѣдованія; но это какъ-бы подбивало проказниковъ на новыя шалости. Одинъ изъ повѣсъ, Копьевъ, раскрасилъ свою карету, какъ будку; облачился въ фантастически преувеличенные въ размѣрахъ мундиръ и шляпу, и въ этомъ видѣ разъѣзжалъ по Петербургу. Копьева схватили, представили государю, и затѣмъ онъ былъ разжалованъ въ солдаты. Начальникъ шалуна—Чулковъ поставилъ его

[1]) Производство Нелидова было по истинѣ чудесно: 1796 года ноября 7-го камеръ-пажъ Нелидовъ произведенъ въ маіоры, 9-го ноября—въ подполковники; 1798 года 1-го января — въ полковники, 21-го января въ генералъ-адъютанты; 3-го мая 1798 г.—въ тайные совѣтники.

на часы, и при обходѣ спросилъ фамилію, на что Копьевъ отвѣтилъ:

— «Отецъ твой—чулокъ; мать твоя—тряпица, а ты—что за птица?»

Павелъ, узнавъ объ этомъ въ минуту хорошаго расположенія духа, разсмѣялся и простилъ повѣсу.

Можно утвердительно сказать, что никогда истинная дисциплина не была такъ поколеблена, какъ во время строгостей Павла. Чинопочитаніе—эта первая подпора дисциплины—было совершенно уничтожено. Подчиненные, видя, какъ часто мѣняютъ ихъ начальниковъ и «выкидываютъ» изъ службы достойнѣйшихъ генераловъ, потеряли уваженіе къ старшимъ и тяготились службою, не обращая на нее вниманія. Читателю извѣстно, что Павломъ уволено, отставлено и «выкинуто» изъ службы, съ ноября 1796 по апрѣль 1801—въ 53 мѣсяца—семь фельдмаршаловъ, триста тридцать три генерала и 2,156 офицеровъ—цифры огромныя при тогдашней числительности нашей арміи, не превышавшей трехсотъ девяноста тысячъ.

Государь зорко слѣдилъ за всѣми упущеніями по службѣ и оглашалъ ихъ въ приказахъ; но привычка видѣть его ежедневно на ученьяхъ и разводахъ уменьшала обаяніе царскаго присутствія.

12-го августа 1799 года объявлено: «Его императорское величество изволилъ замѣтить, что Конной гвардіи у господъ офицеровъ, голоса ослабли во время командованія, которымъ рекомендуетъ командовать погромче».

25-го сентября того-же года: «Его императорское величество изволилъ замѣтить, что господа офицеры весьма неблагопристойны во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ требуется отъ нихъ благопристойность, и до такого невѣжества уже дошли, что и во дворцѣ, въ караульномъ домѣ, сидятъ въ шляпахъ и кушаютъ, и если впредь замѣчено будетъ подобное тому невѣжество, то таковые будутъ написаны въ Сибирь, въ гарнизонные полки».

Подобные случаи повторялись; виновныхъ дѣйствительно вывозили въ Сибирь, но они сами и ихъ товарищи знали, что гнѣвъ государя непродолжителенъ, и, по словамъ Димитрія Васильевича Васильчикова [1]), «не смотря на строгость и страшные

[1]) «Русская Старина» изд. 1871 г., т. III, стр. 786.

капризы Павла, никогда такъ весело не бывало какъ при его дворѣ. Всѣ пользовались минутою; всѣ жили настоящимъ, а потому веселились до упаду и повѣсничали на славу».

Неожиданны и грозны бывали, однако, вспышки гнѣва у государя; онѣ разражались, какъ буря, совершенно внезапно, и никто изъ самыхъ близкихъ не могъ предугадать этихъ порывовъ. Сдѣлали, однако, наблюденіе [1]), что «сумрачное и грозное состояніе духа императора Павла I находило всего болѣе на него, когда дулъ южный вѣтеръ, и наслѣдникъ престола Александръ Павловичъ, бывши тогда генералъ-губернаторомъ Петербурга, хаживалъ, бывало, въ 4 часа утра, чтобы посмотрѣть на флюгеръ, съ какой стороны дуетъ вѣтеръ», потому что отъ этого дуновенія зависѣли судьбы почти четырехсотъ тысячной арміи и могущественнѣйшаго въ мірѣ государства.

И послѣ этого были еще люди, защищавшіе воспитателей Павла Петровича, тогда какъ они развили въ немъ эту живость и страстность, и не только не умѣряли его врожденной вспыльчивости, но выдавали головою тѣхъ, кто бывалъ ея жертвою! Увлеченія и капризы ребенка сдѣлались страстію въ юношѣ и даже необузданною страстію въ зрѣломъ мужѣ, стоявшемъ выше всѣхъ по своему положенію. И ему самому трудно было себя удерживать въ минуты гнѣва, вспыхивавшаго внезапно единственно вслѣдствіе наушничества и подстрекательства недобрыхъ людей. Да, недобрыхъ, потому что для Павла нужны были, какъ исполнители, люди съ добрымъ сердцемъ, а его окружали холодные себялюбцы.

Мысль о распаденіи Россіи, вслѣдствіе войнъ и будто бы безпорядочнаго внутренняго управленія, издавна не покидала Павла I. Слыша о дѣйствіяхъ своей державной родительницы издалека и, бо̀льшею частію, судя о всемъ только по придворнымъ интригамъ и нашептываніямъ людей недоброжелательныхъ и недовольныхъ, Павелъ Петровичъ, еще въ 1778 г., писалъ Петру Панину: «государство наше, будучи въ безпрестанныхъ движеніяхъ съ царствованія государя Петра Перваго, зачинаетъ приходить въ нѣкоторую слабость, которую, какъ ее самую, такъ и ея слѣдствія, предупредить должно, дабы все зданіе или весь корпусъ не рушился, какъ ослабѣвшее отъ многихъ припадковъ тѣло, для чего и должно тѣло изцѣлить».

[1]) «Русская. Старина» изд. 1871 г., т. III, стр. 787, разсказъ Талызина.

Подвигъ «исцѣленія» Павелъ I принялъ единственно на себя, требуя отъ всѣхъ только слѣпаго повиновенія; въ этомъ отношеніи онъ совершенно расходился въ убѣжденіяхъ съ Екатериною, которая принимала важныя мѣры по управленію государствомъ не иначе, какъ посовѣтовавшись съ людьми опытными и не пренебрегала мнѣніемъ простаго народа или «рыночными слухами» [1]).

Павелъ смотрѣлъ на дворянство, аристократію и генераловъ своихъ, какъ на блестящую обстановку своего трона, и не допускалъ, съ ихъ стороны, никакой иниціативы. Его фельдмаршалы не были «генералы генераловъ», какъ говорилъ Суворовъ; это были только начальники дивизій, какъ обыкновенные строевые генералы. Прежде всѣхъ понялъ это Суворовъ, который, спустя два мѣсяца послѣ воцаренія Павла, писалъ, какъ извѣстно: «фельдмаршалы кассированы безъ прослугъ въ общемъ генералитетѣ... Въ Москвѣ я безгласенъ и для декораціи величества».

Старому, гордому и самостоятельному дворянству Павелъ противопоставилъ свой военный дворъ изъ усерднѣйшихъ офицеровъ гатчинскаго войска; они одни только должны были проводить въ армію всѣ нововведенія и наблюдать за точнымъ ихъ исполненіемъ. Гатчинцы издавна къ этому готовились; они были домашними людьми наслѣдника престола. Затянутые въ свои неуклюжіе мундиры, въ ботфортахъ, съ густонапудренными пуклями и косами, являлись эти фронтовые придворные въ гатчинскій дворецъ, молча жались по угламъ и около дверей; потомъ, послѣ низкаго поклона хозяину и хозяйкѣ, молча-же садились за столъ, уставляли глаза въ тарелку, ѣли какъ автоматы, и, по окончаніи обѣда, какъ тѣни исчезали изъ дворца.

Екатерина запретила Гатчинцамъ являться ко двору и они должны были ограничиваться мѣстными развлеченіями, то есть «экзерцированіемъ» своихъ солдатъ на плацпарадѣ. И, тутъ дѣйствительно, они были на своемъ мѣстѣ: тутъ нѣмцы прусскіе, нѣмцы прибалтійскіе и наши доморощенные русаки, превосходившіе нѣмцевъ бездушіемъ, старались превзойти другъ друга въ утонченности брани и наказаній надъ нижними чинами, за-

---

[1]) Полиція постоянно слѣдила за этими слухами и иногда, по повелѣнію государыни, распускала ихъ сама, для того, чтобы прислушаться къ народному мнѣнію о готовящемся преобразованіи или новой мѣрѣ правительства.

П. Л.

ставляя ихъ высоко поднимать ноги и въ тактъ хлопать ими по землѣ, дѣлая 75 шаговъ въ минуту.

Сдѣлавшись императоромъ, Павелъ I осыпалъ своихъ приближенныхъ чинами, орденами, титулами, но не могъ передѣлать ихъ грубой натуры и сдѣлать доблестными людьми доносчиковъ, интригановъ и ябедниковъ. Къ новому дворянству Павла I, какъ и къ военному дворянству Наполеона I, можно было примѣнить слова: «это дворянство было пустою декораціею, а не поддержкою трона; общество сознавало его безполезность, и новые дворяне, осыпанные богатствами, не были силою, на которую можно бы было опереться, потому что опираются на то только, что представляетъ сопротивленіе» (on ne s'appuie que sur ce qui resiste) [1]).

Наушничество и безымянные доносы были истинною язвою нашей тогдашней арміи, и хотя, по закону, тайные доносы не должны были приниматься во вниманіе, и доносителей слѣдовало подвергать строгой отвѣтственности, но Аракчеевъ, Кутайсовъ и другіе приближенные Павла I слушали охотно доносчиковъ и наушниковъ, доводили слышанное до государя, который разражался гнѣвомъ на оклеветанныхъ.

Обученіе новому уставу въ Петербургѣ, подъ личнымъ наблюденіемъ государя, представляло потому въ особенности большія трудности, что ученья были въ то же время и смотрами, т. е. обученіе уставу производилось одновременно съ испытаніемъ въ его знаніи и всегда въ присутствіи императора. Для этого каждое утро, не смотря на погоду, государь въ назначенный часъ выходилъ пѣшкомъ или выѣзжалъ верхомъ изъ главныхъ воротъ Зимняго дворца на площадь; затѣмъ, изъ Милліонной улицы, съ Невскаго проспекта и отъ Исаакіевской площади выдвигались войска въ колоннахъ по-взводно и строились въ линіи, по заблаговременно отданному приказанію. Нарушеніе равненія, шумъ во фронтѣ, а еще болѣе ошибки—вызывали неудержимый гнѣвъ государя; послѣдствіемъ, кромѣ выговоровъ и арестовъ, было исключеніе изъ службы или переводъ провинившихся въ дальніе гарнизоны. Конечно, государь, по минованіи вспыльчивости, прощалъ наказанныхъ; но для этого нужна была

[1]) Napoléon I peint par lui-même, par Raudet, p. 231.

протекція и напоминаніе Палена, Кутайсова, Обольянинова или заступничество наслѣдника престола великаго князя Александра Павловича. Въ концѣ своего царствованія Павелъ сдѣлался милостивѣе—въ 1800 г. и первые два мѣсяца 1801-го года принято на службу 111 исключенныхъ въ предшествовавшіе годы генераловъ.

На сколько возможна была тогда подобная требовательность, можно судить по тому, что ни одинъ изъ уцѣлѣвшихъ у насъ, даже до сихъ поръ, истыхъ фронтовиковъ не возьмется исполнить Павловскія экзерциціи съ выученными войсками, а новый уставъ былъ данъ Павломъ I въ концѣ ноября 1796-го года.

Одиночное обученіе шагу и ружейнымъ пріемамъ производилось въ манежахъ; пальбою мало занимались; разводы по большей части происходили на открытомъ воздухѣ. При ненастной погодѣ Павелъ давалъ другимъ примѣръ, выѣзжая первымъ и оставляя площадь послѣднимъ, часто посинѣвъ и дрожа отъ холода [1]).

Обученіе въ дивизіяхъ, не смотря на все усердіе начальниковъ и солдатъ, шло весьма медленно; въ дивизіи же Суворова, до самой отставки его, уставъ вовсе не вводился, за что, одновременно съ Суворовымъ, уволено пятнадцать высшихъ офицеровъ его дивизіи.

Грозою тогдашнихъ армейскихъ начальниковъ были, кромѣ дивизіонныхъ инспекторовъ, еще посылаемые изъ Петербурга особые инспекторы. Все трепетало при одномъ извѣстіи объ ихъ пріѣздѣ. Вигель, отецъ котораго командовалъ полкомъ, стоявшимъ въ Кіевѣ, говоритъ въ своихъ запискахъ (часть I, стр. 95): «узнали, что пріѣхалъ изъ Петербурга генералъ-адъютантъ Баратынскій, о которомъ дотолѣ не слыхивали; всѣ вздрогнули: всѣ ожидали видѣть людоѣда»... «Мѣсяца черезъ три пріѣхалъ инспекторъ, другой Гатчинецъ, молодой Измайловскій полковникъ Малютинъ: новый страхъ, новое успокоеніе»... Хотя кіевскія войска были пріятно обмануты, но не такъ было въ другихъ мѣстахъ, потому что «Павелъ I разсылалъ инспектировать полки такъ называемыхъ Гатчинскихъ офицеровъ, пережалованныхъ имъ въ генералы и полковники. Это были, по большой части, люди грубые, совсѣмъ необразованные».

---

[1]) Въ запискахъ В. Л. Энгельгардта есть много любопытныхъ подробностей относительно обученія новому уставу. П. Л.

Но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда инспекторы были порядочными людьми и отличались вѣжливостію, дисциплина страдала, оттого что заслуженнѣйшіе въ бояхъ генералы должны были, какъ шефы полковъ, представлять свои части и подавать почетные рапорты молодымъ, не нюхавшимъ пороху полковникамъ. Вигель разсказываетъ подобный случай, бывшій съ Малютинымъ: «въ числѣ полковъ, коимъ въ Кіевѣ Малютинъ дѣлалъ смотръ, былъ также и Кіевскій гренадерскій; его шефомъ былъ тогда знаменитый графъ Ферзенъ, побѣдитель Косцюшки,—нѣмецъ, какихъ давай Богъ болѣе русскихъ. Онъ не скрывалъ, сколь тяжело ему поникнуть лавровой главой почти передъ мальчикомъ; очень умно и вѣжливо сказалъ онъ это ему самому; но Малютинъ не былъ, видно, потомокъ Малюты Скуратова, а если и былъ, то не походилъ на своего предка, ибо съ благоговѣніемъ и стыдомъ принялъ рапортъ отъ Ферзена».

Все это очень трогательно, но войска и офицеры, бывшіе во фронтѣ, не видѣли этого «благоговѣнія и стыда», имъ было только ясно одно, что побѣдитель Косцюшки при Мицейовицахъ, знаменитый генералъ-аншефъ графъ Ферзенъ рапортовалъ молодому полковнику Малютину, и одно это показывало имъ, какъ понимается теперь дисциплина и чинопочитаніе.

Павловское обученіе войскъ массами еще отчасти сохранилось въ нашемъ современномъ пѣхотномъ уставѣ, хотя введеніе боевыхъ порядковъ, т. е. размѣщеніе войскъ согласно съ тактическими требованіями, нанесло ударъ безцѣльному линейному ученію, въ которомъ, единственно для «упражненія», цѣлыя дивизіи вытягивались въ одну линію, производили наступленіе и отступленіе развернутыми баталіонами и свертывались въ общую колонну, не прикрывая этихъ построеній стрѣлками, для того, чтобы построенія были «чище» исполняемы и не отвлекали вниманія. Даже и теперь вы еще встрѣтите уцѣлѣвшихъ антиковъ, которые любятъ двигать цѣлыя дивизіи «въ ящикѣ»—или въ порядкѣ, гдѣ вся дивизія занимаетъ 125 шаговъ фронта и 160 глубины; требуютъ, вопреки устава, чтобы 12 баталіоновъ шли въ одну ногу и равнялись, какъ графленые рапорты... Вотъ до какой степени въѣдается въ ограниченныхъ людей фронтовая ржавчина,—ее не отчистишь даже послѣдовательными улучшеніями въ продолженіе трехъ царствованій.

Сличая между собою всѣ большія ученья и маневры, производившіеся въ присутствіи Павла съ 6-го іюня по 17-е августа 1793 года въ Гатчинѣ,—въ Павловскѣ съ 3-го мая по 27-е іюня 1794 года,—также въ Гатчинѣ съ 11-го по 17-е сентября 1794 года,—въ 1800 году, мая 9-го и 11-го, и въ томъ же году, начиная съ 9-го августа, въ Красномъ Селѣ, а также ученья, производившіяся въ Москвѣ и Казани—видимъ всюду одно и то же: войска, предшествуемыя авангардомъ, раздѣлялись на двѣ колонны, наступавшія параллельно одна другой; правая колонна была въ общей колоннѣ слѣва, а лѣвая—въ общей колоннѣ справа. Одна изъ колоннъ, поддерживая авангардъ, шла прямо на непріятеля (по уставу: «шла на поэнъ-де-вю» — point-de-vue); другая же, зайдя плечомъ параллельно фронту непріятельскому, входила съ первою въ линію, строила фронтъ одновременнымъ захожденіемъ взводовъ и слѣдовала уступомъ относительно части, атаковавшей непріятеля, это называлось «входить въ алиньеманъ» .

Казалось-бы, дѣло было простое и къ исполненію удобное, но, во первыхъ, непріятель былъ воображаемый, а потомъ надобно было вести каждую часть ровнымъ тихимъ шагомъ, поднимать ноги на одну высоту, держать въ лѣвой рукѣ ружье, крѣпко прижавъ его къ плечу, всѣмъ глядѣть направо, а между тѣмъ двигаться, равняясь какъ по ниткѣ; прибавьте къ этому полковую артиллерію, которую люди тащили на лямкахъ между баталіонами, и тогда будетъ понятно, что, при столь разнообразныхъ требованіяхъ, начальникъ либо увлекался частностями и забывалъ общую цѣль дѣйствій, либо, слѣдя за ходомъ маневра, велъ свою часть не въ порядкѣ, — оттого ученья были всегда неудачны.

Лица, заинтересованныя въ дѣлѣ, не только старались скрывать отъ государя истину, но подносили панегирики о превосходномъ состояніи русской арміи: замѣчательнѣйшій изъ нихъ изданъ въ Москвѣ, въ 1798 году, подъ заглавіемъ: «Начертаніе о началѣ и успѣхахъ въ устроеніи регулярнаго войска и морской силы въ Россіи, изданное магистромъ философіи Фридрихомъ Шмидтомъ, съ нѣмецкаго на россійскій языкъ переведенное коллежскимъ ассесоромъ Васильемъ Ивановымъ» [1]).

[1]) «Съ 5-ю раскрашенными рисунками, напечатано со Всевысочайшаго имяннаго, собственноручнаго соизволенія Его Императорскаго Величества, Самодержца Всероссійскаго».

Императоръ почтилъ сочинителя рескриптомъ на нѣмецкомъ языкѣ; похвалилъ его прилежаніе и позволилъ ему напечатать свое сочиненіе, а въ замѣну манускрипта далъ Шмидту подарокъ [1]).

Сочиненіе это содержитъ весьма мало данныхъ о русскомъ войскѣ, да и трудно-бы было сказать что нибудь серьезное на 148 страницахъ (считая посвященіе и предисловіе), въ книжонкѣ, напечатанной въ малую осьмушку, разгонистымъ шрифтомъ; но любопытна задняя мысль автора—унизить Екатерину II, для того, чтобы возвысить Павла I; такъ, магистръ Шмидтъ (на страницахъ 66—68 и 74—75) говоритъ:

— «Примѣчанія достойно, что Высочайшее Существо, управляющее земнымъ шаромъ съ толикою-же премудростію, какъ и твердію небесною, даровало, ровно черезъ сто лѣтъ, величайшей націи въ Европѣ опять такого монарха, который великому своему предшественнику Петру I столь совершенно уподобляется, даже и въ любви своей къ дѣлу военному: ибо Павелъ I старается усовершенствовать россійскую армію съ такою же дѣятельностію и тщаніемъ, съ каковыми Петръ I, за сто лѣтъ предъ симъ, учреждалъ регулярное войско въ Россіи.

«Тотчасъ по вступленіи своемъ на престолъ, государь императоръ Павелъ I обратилъ проницательные свои взоры на россійскую армію и увидѣлъ, что оная имѣетъ нужду въ другомъ устройствѣ.

....«При арміи произошли еще слѣдующія перемѣны: мундиръ, состоявшій доселѣ изъ камзола, длиннаго исподняго платья и каски съ длинною лопастью, отмѣненъ совсѣмъ, и вмѣсто него введенъ опять старый мундиръ [2]), съ нѣкоторою перемѣною; россійскій воинъ воспріялъ геройскій и наиболѣе военной службѣ приличествующій видъ. Офицеры и унтеръ-офицеры имѣютъ эспантоны и алебарды, да и прическа волосъ съ пуклями введена опять между рядовыми».

Попытка осуждать военныя учрежденія и политику Екатерины не могла умалить ея подвиговъ, но служила только доказатель-

[1]) Рескриптъ отъ 24-го января 1798 года.—Сочиненіе состоитъ изъ историческаго обозрѣнія военной части со временъ Петра I до Павла I и описанія русской арміи и флота.

[2]) Мундиръ Петра III.

ствомъ самонадѣянности и ослѣпленія ея противниковъ... «У истины, говорилъ Наполеонъ I, есть свой языкъ — она свѣтитъ какъ солнце». Русскій народъ не переставалъ почитать память своей матушки-царицы; она была для него солнцемъ незаходимымъ..... Для Екатерины еще при жизни наступило потомство, и, прибавимъ — потомство благодарное.

Представлялся случай показать превосходство и необходимость военныхъ преобразованій Павла I. Императоръ германскій просилъ о помощи; ея ожидала коалиція, вооружившаяся противу французской республики. Павелъ съ удовольствіемъ отпустилъ полки свои для дѣйствія противу «карманьольцевъ» и во главѣ соединенной россійско-австрійской арміи, предназначенной для дѣйствій въ Италіи, императоръ Францъ II, съ согласія Павла I, поставилъ гордость Екатерининскаго царствованія—непобѣдимаго Суворова.

Готовыя къ выступленію изъ Россіи войска корпуса Розенберга были найдены Аракчеевымъ, по наружному виду, въ превосходномъ состояніи и заслужили своему начальнику лестный рескриптъ государя, который поручилъ Розенбергу объявить его подчиненнымъ: «что, увѣренъ уже будучи въ ихъ непоколебимой вѣрности, усердіи и храбрости, увѣренъ заранѣе и въ предыдущихъ новыхъ подвигахъ и побѣдахъ ихъ на истребленіе враговъ вѣры и благоденствія всемірнаго. Да будетъ честь мнѣ, хвала отечеству и слава вамъ» [1]).

Опытный глазъ Суворова замѣтилъ нѣчто иное въ тогдашнихъ войскахъ нашихъ; онъ зналъ, что немного прежнихъ начальниковъ, съ боевою опытностію оставались, тогда въ рядахъ русскаго войска: Екатерининцы были въ загонѣ, либо въ забвеніи, а изъ трехъ главныхъ начальниковъ, назначенныхъ предводить нашими войсками въ Италіи, Швейцаріи и Голландіи, ни одинъ не отличался особыми военными дарованіями. Въ способностяхъ Розенберга сомнѣвался самъ Павелъ и предлагалъ замѣнить его Дерфельденомъ или другимъ, способнѣйшимъ генераломъ. Римскій-Корсаковъ имѣлъ военную опытность, но былъ ограниченъ, гордъ, самонадѣянъ и недоступенъ. Германъ, успѣшно дѣйствовавшій когда-то противу горцевъ, явился ниже посредственности и не

[1]) См. сочиненіе Д. А. Милютина «Исторія войны Россіи съ Франціею въ царствованіе императора Павла I».

оправдалъ своей прежней репутаціи, а между тѣмъ Павелъ, при началѣ войны, поручилъ ему: «наблюдать за предпріятіями (Суворова), которыя могли-бы служить ко вреду войскъ и общаго дѣла, когда онъ будетъ слишкомъ увлеченъ своимъ воображеніемъ, могущимъ заставить его забыть все на свѣтѣ. И такъ, хотя онъ старъ, чтобъ быть Телемакомъ, но не менѣе того вы будете Менторомъ, коего совѣты и мнѣнія должны умѣрять порывы и отвагу воина, посѣдѣвшаго подъ лаврами» [1]).

Суворовъ чувствовалъ себя одинокимъ среди своихъ новыхъ подчиненныхъ и высказалъ это при представленіи ихъ Розенбергомъ, въ Веронѣ, 3-го апрѣля 1799 года: онъ стоялъ съ зажмуренными глазами, и когда называли ему имя незнакомое, то, наклонившись,. приговаривалъ:

—«Помилуй Богъ, не слыхалъ; познакомимся».

Въ нашей тогдашней арміи не было интендантства, штабовъ, а вмѣсто генеральнаго штаба были рисовщики плановъ и «картушъ» [2]). Неимѣніе интендантства ставило нась въ полную зависимость отъ союзниковъ и останавливало Суворова въ его движеніяхъ и дѣйствіяхъ, а иногда (послѣ Нови) ставило непреодолимое препятствіе его предпріятіямъ и совершенно измѣняло планъ военныхъ дѣйствій.

Отсутствіе хорошо составленныхъ и знающихъ свое дѣло штабовъ препятствовало исполненію наилучшихъ предначертаній; Суворовъ устранялъ это, пользуясь австрійскими штабами; но у Римскаго-Корсакова безпорядокъ былъ такъ великъ, что «войска, по свидѣтельству г. Милютина, сами располагались въ лагерѣ и шли въ походъ, безъ всякихъ заботъ со стороны корпуснаго штаба».

Генеральный штабъ—эта душа каждой благоустроенной арміи — у насъ въ дѣйствительности не существовалъ; были хорошіе рисовщики и чертежники, называвшіеся свитою его величества по квартирмейстерской части, но они сидѣли въ чертежныхъ и канцеляріяхъ, а при войскахъ ихъ мало было видно; для этого служили намъ въ Италіи австрійцы, а въ Швейцаріи и Голландіи, гдѣ ихъ не было, тамъ колонны скрещивались при наступленіи; войска, не построившись, бросались въ атаку; линіи смѣшивались,

---

[1]) См. соч. Д. А. Милютина; тамъ-же любопытный отвѣтъ Германа государю, гдѣ излагаетъ онъ свое мнѣніе о тактикѣ Суворова.

[2]) Рисунковъ и видовъ.

и всѣ роды войскъ составляли толпу. Вслѣдствіе этого, сраженія, каковы были подъ Цюрихомъ и Бергеномъ, оканчивались пораженіемъ.

Прибавимъ къ этому, что артиллерія была тяжела, съ худою упряжью и вовсе неспособна къ дѣйствію въ странѣ пересѣченной и гористой; въ кавалеріи лошади содержались дурно; обозы обременяли арміи непомѣрною своею многочисленностію, однимъ словомъ, разрушено и уничтожено было все прежнее и въ замѣнъ, въ видѣ новаго, введено то, что было анахронизмомъ и несостоятельностію послѣ Фридриха Великаго, и доказывалось постоянными побѣдами французовъ надъ нѣмецкими войсками, служившими для насъ недосягаемымъ идеаломъ.

Не вдаваясь въ разборъ кампаніи 1799 года, сдѣлаемъ нѣкоторыя сближенія между событіями и необходимые выводы для того, чтобы объяснить малое вліяніе войны 1799 года на улучшеніе русскихъ военныхъ учрежденій вообще и тактику русскихъ войскъ въ особенности.

Прослѣдите со вниманіемъ, по исторіи войны 1799-го года, за первоначальнымъ планомъ и ходомъ сраженій при Аддѣ, Тидоне, Треббіи, Цюрихѣ, Бергенѣ.—Во всѣхъ нихъ вы найдете одно и то же: войска, по уставу, выславъ авангардъ, идутъ въ двухъ колоннахъ, которыя увеличиваютъ свой фронтъ, по мѣрѣ сближенія съ непріятелемъ, и, если имѣютъ мѣсто и возможность, что всегда впрочемъ было у одного Суворова, заходятъ плечомъ и строятъ фронтъ единовременнымъ захожденіемъ взводовъ. Боевой порядокъ былъ всегда въ двѣ линіи, имѣя пѣхоту въ центрѣ, а кавалерію по флангамъ, но вѣдь такъ же строились на маневрахъ въ Гатчинѣ, Красномъ Селѣ, на Царицыномъ лугу въ Петербургѣ, въ Москвѣ и Казани; разница между Суворовымъ съ одной—Германомъ и Корсаковымъ съ другой стороны была та, что въ этомъ же именно порядкѣ — Суворовъ билъ непріятелей, а Германъ и Корсаковъ были имъ биты.

Въ этомъ тайна Суворова и его наука побѣждать.

Солдатъ Павловскій былъ облеченъ въ безобразный прусскій мундиръ, имѣлъ безобразную косу и пукли, могъ встрѣчать непріятеля (по принятому способу построеній) только съ одной стороны; но Суворовъ узналъ въ немъ Екатерининскаго служиваго, неизмѣннаго чудо-богатыря, своего лихаго сотоварища по

Туртукаю, Кинбурну, Фокшанамъ, Рымнику, Измаилу и Прагѣ. Не касаясь «пустокрашеній» [1]) и, безъ сомнѣнія, не желая огорчать монарха, великодушно протянувшаго ему руку, Суворовъ рѣшился не трогать уставовъ, и основать свои будущіе успѣхи на вполнѣ знакомомъ ему сердцѣ русскаго солдата. Полководецъ нашъ разгадалъ своимъ проницательнымъ умомъ, что война— не время для переучиванія офицера и солдата; что надобно довольствоваться уставомъ, каковъ онъ есть, примѣняя только уставныя правила къ мѣстности театра войны, образу дѣйствій противника и духу собственныхъ войскъ. И совершилось дѣйствительное чудо: русскія войска, всюду: въ Италіи, Швейцаріи и Голландіи— сражавшіяся какъ львы, только у Суворова были побѣдоносными львами. Нѣмцы, англичане [2]), даже французы [3]), истощились въ похвалахъ русскимъ солдатамъ; но храбрость ихъ была побѣдоносною только у Суворова, потому что онъ одинъ зналъ, какъ двигать и дѣйствовать, на основаніи вѣчныхъ началъ военнаго искусства, даже войсками, обученными по тогдашнему уставу.

«Глазомѣръ», «быстрота», «натискъ» — эти основныя начала тактики Суворова дались ему одному; легки ли они были, можно судить по дѣйствіямъ Германа при Бергенѣ; не забудемъ, что Германъ былъ предназначенъ въ Менторы—Телемаку-Суворову и самъ сознавалъ, что «мысли его (Германа) о способахъ поразить извергов-революціонеровъ будутъ одинаковы съ Суворовскими; въ день сраженія фельдмаршалъ любитъ ставить войско глубокимъ строемъ, также и я предпочитаю это построеніе, однакожъ съ тою разницею, что надобно, при параллельномъ построеніи войскъ, стараться избѣгать вреда, наносимаго непріятельскою артиллеріею» [4]).

И между тѣмъ, самъ Германъ, вѣроятно, находясь еще подъ вліяніемъ воспоминаній о побѣдѣ, одержанной имъ на Кубани 30-го сентября 1790 года надъ сераскиромъ Баталъ-пашою,

[1]) «Пустокрашеніями» называлъ Суворовъ перемѣны въ нашей арміи послѣ Екатерины II.

[2]) Герцогъ Іоркскій писалъ императору Павлу: «Не могу достаточно нахвалиться подвигами русскихъ войскъ, хотя они пылкостью своею вовлечены были неожиданно въ генеральное сраженіе, противъ силъ гораздо превосходныхъ, а потому и не могли быть поддержаны своевременно».

[3]) Брюннъ сказалъ взятому въ плѣнъ полковнику Дубянскому: «Ваши солдаты дерутся какъ львы; они скорѣе лягутъ всѣ на мѣстѣ, чѣмъ дадутся въ плѣнъ».

[4]) Исторія войны 1799 г. соч. Милютина.

гдѣ все рѣшилось внезапностію и быстротою движенія его колоннъ, прикрытыхъ цѣпью егерей, дѣлалъ при Бергенѣ одну ошибку за другою: онъ ввелъ свои двѣ колонны въ длинное дефиле; началъ стремительную атаку на непріятеля за два часа до восхожденія солнца, и, забывъ, что его колонны могутъ строиться только зайдя плечомъ къ сторонѣ противника, повелъ ихъ на селенія Кампъ и Грутъ, по овладѣніи которыми колонны сбились въ одну безобразную кучу, которая еще инстинктивно двигалась впередъ, но была разбита и отброшена французами. Самъ Германъ былъ взятъ въ плѣнъ, какъ бы въ наказаніе за то, что въ 1799 году хотѣлъ дѣйствовать какъ въ 1790 году, съ войсками Екатерины.

Суворовъ открыто смѣялся надъ «нихтбештимтзагерами» (немогу-знайками), и создалъ свой способъ для дѣйствія съ войсками, выученными по прусскому уставу, но сохранившими истинно русскій духъ и преданія Екатерининскаго времени. Ему надо было дѣйствовать противъ французовъ, которыхъ пылъ въ атакѣ пріобрѣлъ давнишнюю извѣстность (furia francese), но стрѣлять они не умѣли, и, по свойству употребляемаго оружія, стрѣльба была шумная, но безвредная. Суворовъ рѣшился предупреждать стремительно-несокрушимою атакою ихъ атаки; не тратить времени на пальбу и дѣйствовать штыкомъ, этимъ могучимъ оружіемъ въ рукахъ русскаго солдата, когда имъ предводитъ Суворовъ и ему подобные генералы. Маститый вождь надѣялся, что побѣды русскихъ войскъ склонятъ Павла I на его сторону и когда «кто-то изъ приближенныхъ Суворова замѣтилъ: будетъ-ли это угодно государю? фельдмаршалъ отвѣчалъ: «бояться нечего. Государь лично изволилъ сказать мнѣ: веди войну, какъ знаешь» [1]).

Развернутыя русскія тонкія линіи ходили въ штыки бойкимъ и размашистымъ шагомъ, всегда стараясь стремительно проникнуть въ ряды атакуемаго непріятеля; пѣхота и кавалерія, по мѣрѣ сближенія съ противникомъ, ускоряли движеніе; затѣмъ пѣхота бросалась бѣгомъ, а кавалерія вскачь, стараясь охватить фланги непріятеля; пальбою занимались мало, все направлено было только къ тому, чтобы не дать опомниться противнику, сбить его, смять и уничтожить.

---

[1]) Война 1799 г. соч. Милютина.

Но быстрота не исключала стройности; глазомѣръ Суворова всегда позволялъ ему предупредить противника, усвоивъ починъ дѣйствій (initiative), подчинить его дѣйствія своимъ дѣйствіямъ; построить свои войска тамъ, гдѣ хотѣлъ, и вести ихъ, куда хотѣлъ. Однимъ словомъ, при сближеніи съ непріятелемъ, Суворовъ овладѣвалъ полемъ сраженія и принуждалъ противника угадывать свои намѣренія и отбиваться отъ его нападеній.

Побѣды развивали въ подчиненныхъ Суворова сознаніе своихъ собственныхъ силъ и необходимую самостоятельность: подъ Нови Суворовцы дѣйствуютъ съ находчивостію и превосходно преодолѣваютъ препятствія пересѣченной мѣстности, а въ Швейцаріи, сражаясь съ непріятелемъ и природою, они заслужили названіе первыхъ солдатъ въ мірѣ. С. Готаръ, Чертовъ мостъ, Паниксъ—такіе подвиги, которые не повторяются въ военной исторіи [1]).

Такимъ образомъ, начавъ съ употребленія войскъ въ массахъ, Суворовъ кончилъ тѣмъ, что каждый его солдатъ сдѣлался чудо-богатыремъ; но тайну этого искусства Суворовъ унесъ съ собою, и одиноко, недосягаемый стоитъ неразгаданный полководецъ нашъ, безъ примѣра въ прошедшемъ и возможности подражанія въ будущемъ. Суворовъ, подобно сказочнымъ богатырямъ русскаго эпоса, перешелъ уже въ народное преданіе, какъ истинный представитель силы и величія русскаго духа.

Павелъ I, со всею пылкостію своего любящаго Россію сердца, восхищался подвигами вождя, бывшаго гордостію русской арміи еще при его великой родительницѣ. За побѣду при Нови онъ приказалъ поминать Суворова на великой эктиніѣ, при выносѣ Святыхъ Даровъ, вмѣстѣ съ царскою фамиліею; а за переходъ черезъ Альпы сдѣлалъ его генералиссимусомъ, сказавъ при томъ Ростопчину: «это много для другаго, а ему мало: ему быть ангеломъ».

Звѣзда счастія Суворова была въ своемъ зенитѣ; но съ этой же минуты началось ея нисхожденіе. Тѣсный кружокъ людей, сомкнувшихся около Павла I, инстинктивно чувствовалъ, что, по

[1]) Напоминаемъ читателямъ, что въ «Русской Старинѣ» изд. 1874 г., томъ XI, напечатаны Записки казака атамана Адріяна Денисова, доблестнаго сподвижника Суворова въ войнѣ 1799 г. Въ этихъ Запискахъ (стр. 618—641) встрѣчаются драгоцѣнныя черты для характеристики отношеній Суворова къ ввѣренной ему арміи.

окончаніи военныхъ дѣйствій, появленіе при особѣ государя героя, предъ которымъ искренно благоговѣлъ онъ,—помѣшаетъ имъ пользоваться исключительно его милостями и воспрепятствуетъ выставлять всѣхъ другихъ въ враждебномъ свѣтѣ; и вотъ, повинуясь этому чутью самосохраненія, люди, пользовавшіеся довѣріемъ Павла I, начали возбуждать противъ Суворова врожденную недовѣрчивость государя и выставлять нѣкоторыя дѣйствія своеобычнаго полководца въ невыгодномъ для него свѣтѣ; съ своей стороны, нашъ непобѣдимый вождь имѣлъ одну непростительную слабость (общую, впрочемъ, всѣмъ русскимъ начальникамъ), слабость особенно покровительствовать и награждать своихъ родныхъ и ближнихъ, жертвуя для того иногда справедливостью и достоинствомъ службы. Еще 2-го ноября 1787 года, Потемкинъ, посылая Суворову четыре георгіевскіе креста для награды отличившихся подъ Кинбурномъ, писалъ: «четыре креста прошу тебя, мой другъ сердечной, назначить достойнѣйшимъ и имена тѣхъ прислать ко мнѣ; Бога ради, употреби тутъ всю справедливость и разсмотрѣніе».

Насколько Суворовъ и его окружающіе были безпристрастны въ своихъ представленіяхъ за кампанію 1799 года, можно судить по дружеской перепискѣ его племянника, князя Андрея Ивановича Горчакова, съ родственникомъ Суворова, графомъ Хвостовымъ; напримѣръ, послѣ сдачи замка Сераваллe, Горчаковъ писалъ Хвостову: «скажите Тизенгаузену, что его сынъ рекомендованъ (хотя ничего почти не дѣлалъ); также и графъ Шуваловъ.... Скажите Ѳ. П. Уварову, что его брата хотѣли втереть въ сію осаду, чтобъ доставить рекомендацію, да онъ на ту пору занемогъ немного; у него сдѣлалась лихорадка, но теперь гораздо лучше, и потому нельзя было ему тамъ быть; мнѣ очень жаль на теперешній разъ, но, Богъ дастъ, поправится впередъ».

Августа 22-го (сентября 2-го) 1799 года князь Горчаковъ увѣдомлялъ графа Хвостова: «если можно, не упущу оброчить, но Римскій императоръ самъ скупится пустить воспользоваться намъ Сардинскимъ королемъ, который долженъ былъ переѣхать въ свои области очень скоро; но Римскій императоръ формально сіе воспрепятствовалъ, и король отложилъ свой пріѣздъ, а тутъ-бы кожуринку можно было содрать; но надобно имѣть терпѣніе: все будетъ—слова Турчанинова покойнаго».

Желанію «содрать кожуринку съ Сардинскаго короля» не суждено было осуществиться; планъ войны измѣнился, и русскія войска, вмѣсто Генуи, должны были двинуться въ Швейцарію, гдѣ они стяжали много славы, но жаднымъ родственникамъ генералиссимуса не удавалось болѣе «сдирать кожуринки» и себя «оброчивать». Между тѣмъ, слухи объ этомъ достигли Петербурга и послужили темою для сплетенъ и клеветъ; недоброжелатели Суворова внесли раздѣленіе даже въ собственный штабъ его и успѣли склонить на свою сторону довѣреннѣйшее лицо изъ его окружавшихъ, его секретаря Фукса; объ этомъ князь Горчаковъ писалъ отъ 17-го (28-го) ноября изъ Аугсбурга... «Вы, Дмитрій Ивановичъ, хорошо бы сдѣлали, еслибы поговорили генералъ-прокурору, что находящійся здѣсь г. Фуксъ вдругъ началъ себѣ задавать тоны, теряя уваженіе къ фельдмаршалу и къ его приказаніямъ; выискиваетъ разныя привязки, и таковыя, что государь нашъ всемилостивѣйшій, получа отъ него какія нибудь клеветы, можетъ придти въ гнѣвъ, не полагая, чтобъ кто нибудь дерзнулъ государю ложно донести. Сіи резоны таковы, что отзывъ его отсюда принесетъ не иначе какъ спокойствіе монарха, то и передайте сіе на разсужденіе Александра Андреевича Беклешова. Фельдмаршалъ полагалъ г. Фукса яко помощника себѣ, и для того поручалъ ему исправленіе многихъ текущихъ дѣлъ; но нынѣ онъ объявилъ, что онъ независимъ отъ фельдмаршала и имѣетъ секретное порученіе, а фельдмаршалъ не можетъ его иначе ни во что употреблять, какъ когда самъ г. Фуксъ захочетъ».

Вотъ чисто нѣмецкое безсердечіе: Фуксъ былъ покорнѣйшимъ слугою Суворова и его панегиристомъ, за что, конечно, и на него падали крупицы милостей; но разъ вползши въ довѣренность, онъ пользуется увлеченіями родственниковъ и присныхъ Суворова, открыто передается на сторону его непріятелей и даже осмѣливается, предъ увѣнчаннымъ лаврами героемъ, называть себя отъ него независимымъ и становится между нимъ и государемъ. Грустны и унизительны подобныя явленія, но они объясняются вѣковѣчнымъ соперничествомъ и завистью русскихъ людей между собою, тогда какъ нѣмцы на службѣ составляютъ секту, гдѣ каждый поддерживаетъ взаимно другъ друга и считаетъ, до извѣстнаго времени, угожденіе своему начальнику самымъ лучшимъ

средствомъ для повышенія; при чемъ одинъ, повышаясь, тянетъ за собою другихъ соотечественниковъ и однокорытниковъ. Нашъ «брудершафтъ» не переживаетъ выпитаго бокала шампанскаго; нѣмецкій брудершафтъ для камрадовъ—одиннадцатая заповѣдь.

Императоръ Павелъ долго не внималъ навѣтамъ враговъ Суворова, но когда побѣдоносный полководецъ долженъ былъ, по причинѣ тяжкой болѣзни, остановиться въ Кобринѣ, враги Суворова и придворная «клика» успѣли убѣдить Павла I въ непослушаніи фельдмаршала державной волѣ и отступленіяхъ, дѣлаемыхъ имъ во время кампаніи, отъ существующихъ уставовъ. Этого было довольно. Императоръ гнѣвно спросилъ своего генералиссимуса объ этомъ нарушеніи устава; отмѣнилъ приготовленную для побѣдоноснаго вождя въ Петербургѣ торжественную встрѣчу, и хотя, узнавъ о смертельной болѣзни Суворова, послалъ къ нему любимца его князя Багратіона, а потомъ, каждый часъ получая извѣстія о ходѣ его болѣзни, говорилъ: «жаль его; Россія и я, со смертію его, теряемъ много, много; а Европа—все»,—но самъ не рѣшился усладить послѣднія предсмертныя минуты знаменитаго и обожаемаго всѣми старца своимъ личнымъ присутствіемъ, какъ прежде дѣлалъ это онъ и Екатерина II, во время болѣзни графа Никиты Панина. Даже и по смерти Суворова, Павелъ I смотрѣлъ какъ посторонній зритель на похороны своего «ангелоподобнаго» военачальника; онъ не принялъ участія въ погребальной процессіи, и только съ приближеніемъ печальнаго кортежа снялъ шляпу и поклонился гробу, уронивъ нѣсколько вполнѣ сердечныхъ слезъ. «Пропустивъ процессію, государь—говоритъ очевидецъ А. Д. Зайцевъ—тихо возвратился во дворецъ, цѣлый день былъ невеселъ, и всю ночь не почивалъ, требуя къ себѣ часто камердинера, который сказывалъ, что государь повторялъ слово: «жаль».

Но, жалѣя героя, императоръ былъ неумолимъ къ военачальнику, отступившему отъ его учрежденій, приказовъ и постановленій—на этомъ именно и основывали свои расчеты окружавшіе государя люди мрака и злобы.

Немилость къ Суворову покажется дѣломъ легкимъ, если узнаемъ пріемъ, сдѣланный русской побѣдоносной арміи послѣ того, какъ вся Европа была полна славою ея подвиговъ. Мо-

жетъ быть, и для самого Павла I лавры русской арміи, побѣждавшей въ Италіи по указанію и руководству Суворова, были какъ-бы укоромъ арміямъ Римскаго-Корсакова и Германа, дѣйствовавшимъ безъ малѣйшаго отступленія отъ его уставовъ и правилъ.

Приказы, отдаваемые по случаю вступленія войскъ, вернувшихся изъ заграничнаго похода, познакомятъ насъ съ сущностью дѣла и избавятъ отъ выводовъ и разсужденій. Тутъ факты говорятъ сами за себя.

1800 марта 22-го. «Его императорское величество съ крайнимъ неудовольствіемъ замѣчаетъ по возвращающимся полкамъ, сколь мало господа инспекторы и шефы прилагали старанія къ сохраненію службы въ такомъ порядкѣ, какъ-бы императорскому величеству угодно, и слѣдственно видитъ, сколь мало они усердствовали въ исполненіи его воли и службѣ».

1800 апрѣля 8-го. «Мушкетерскимъ полкамъ, потерявшимъ знамена: Ласунскаго—три; Тучкова 1-го - два; Прибышевскаго—одно; Измайлова—одно; Повало-Швейковскаго 2-го—два и Вязьмитинова—одно, впредь знаменъ давано не будетъ».

«Его императорское величество, усмотря по пришедшему съ границы мушкетерскому Бороздина полку, что во всѣхъ частяхъ, составляющихъ службу, сдѣлано упущеніе, даже и обыкновенный шагъ ни мало не сходенъ съ предписаннымъ уставомъ, и видя противное всему данному высочайшему повелѣнію, дѣлаетъ замѣчаніе на общее лицо» [1]).

1800 августа 9-го. «Его императорское величество, замѣтя изъ бывшаго сегодня маневра неисполненіе войскъ Финляндской инспекціи, по данной имъ диспозиціи, «что лѣвая колонна, пришедъ гораздо прежде правой на назначенное мѣсто, дожидалась оной, стоя по-взводно подъ огнемъ непріятеля, не прикрывъ себя кавалеріею и егерями», какъ то предписано было, и что въ ретирадѣ эскадроновъ мимо фронта, одинъ баталіонъ выстрѣлилъ по всей кавалеріи, за что дѣлается выговоръ генералъ-лейтенанту князю Горчакову,—объявляетъ: что, конечно, точно таковое-же

---

[1]) 1800 апрѣля 29-го объявленъ выговоръ свитѣ его величества по квартирмейстерской части «за вѣтренность и невѣдѣніе дорогъ и мѣстъ въ своемъ государствѣ». Не надо забывать, что этотъ выговоръ дѣлается генеральному штабу послѣ знаменитой кампаніи 1799 года.

неисполненіе и оплошность генераловъ были причиною потерянныхъ сраженій въ Швейцаріи и Голландіи».

1800 августа 10-го. «Его императорское величество даетъ на замѣчаніе генераламъ инспекціи Финляндской, что они видятъ сами, сколь далеко они отъ того даже, чтобъ быть имъ генералами посредственными, и что пока будутъ они таковы— вездѣ, конечно, и всѣми будутъ биты».

Такимъ образомъ лавры русскихъ войскъ, которыми такъ восторгались издали, опали сами собою, когда принялись разбирать это войско ближе въ строевомъ и уставномъ отношеніяхъ; оказалось, что «война испортила солдатъ»,—выраженіе, сдѣлавшееся классическимъ и повторявшееся въ послѣдствіи нѣсколько разъ.

Солдатъ, возвратившихся изъ похода, снова стали запирать въ казармы, послѣ ихъ привольной боевой жизни, и снова начались строгости одиночнаго ученья, уравненіе шага, чищеніе, лощеніе, со всею ихъ печальною обстановкою. Павелъ I, съ нѣкоторою неохотою, но постепенно подчинялся возстановителямъ порядка, дисциплины и уставнаго образованія; но броженіе умовъ въ Европѣ и торжество революціонныхъ началъ во Франціи положили конецъ этому колебанію. Павлу представляли всякую неисполнительность или уклоненіе отъ службы порожденіемъ «якобинизма» и «карманьольства», и грозно упадалъ на обвиняемыхъ гнѣвъ государя, никого и ничего не щадившій; а исполнители приговоровъ (преимущественно изъ Гатчинцевъ) старались превзойти другъ друга въ жестокостяхъ, скрывая даже полученныя высочайшія повелѣнія о помилованіи провинившихся [1]).

Сравнимъ этотъ исходъ всѣхъ самыхъ усиленныхъ трехлѣтнихъ стараній Павла съ состояніемъ русскихъ войскъ за два мѣсяца до смерти Екатерины II, когда (по словамъ офиціальнаго

[1]) Въ «Русской Старинѣ» (изд. 1873 г., томъ VII, стр. 573 и 630) см. описаніе звѣрскихъ жестокостей генераловъ Рѣпина и Кожина, по случаю казни войска Донскаго полковника Грузинова и его несчастныхъ товарищей, 1800 въ августѣ. «Грузинова, указомъ 21-го августа 1800 г., за измѣну, приказано, лиша чиновъ и дворянства, нещадно бить кнутомъ, а онъ былъ засѣченъ до смерти; четыремъ же его товарищамъ отрублены головы.—Грузиновъ, при каждомъ ударѣ, громко произносилъ: «Господи помилуй», до тѣхъ поръ, пока третій палачъ бросилъ кнутъ и отошелъ въ сторону. Четвертаго палача не нашли, и потому рѣшились умертвить Грузинова другимъ способомъ: приказали ему напиться холодной воды, отчего онъ тотчасъ же и скончался. За это генералъ-отъ-кавалеріи Рѣпинъ исключенъ изъ службы, 13-го октября 1800 г.».

донесенія Суворова) отличавшіяся дисциплиною, обученіемъ, здоровьемъ, «побѣдительныя» войска ея готовы были къ «увѣнчанію себя новыми лаврами» [1]), и поставимъ возлѣ «Екатерининскихъ орловъ»—Павловскихъ генераловъ, запуганныхъ и обезумѣвшихъ со страху, которые на ученьи, въ его присутствіи, ошибаются, путаютъ, стрѣляютъ по своимъ, и изъ высочайшаго приказа узнаютъ: «сколь далеки они отъ того даже, чтобъ быть генералами посредственными, и что пока будутъ они таковы—вездѣ, конечно, и всѣми будутъ биты».

И это объявлено за полгода до кончины Павла! Къ чему-же послужили всѣ ломки и ниспроверженіе прошлаго? строгости, наказанія, слава Суворовскихъ побѣдъ въ Италіи и Швейцаріи? И какъ вѣрно предсказали Суворовъ и императоръ Павелъ будущность русскихъ генераловъ того періода: «Екатерининскіе орлы» и вѣрные ихъ ученики и послѣдователи, спустя четверть столѣтія, еще радовали русскій народъ и возвеличили Россію своими побѣдами. Суворовъ поддержалъ славу нашего оружія при Павлѣ I и, успѣшно дѣйствуя съ русскими войсками, поселилъ даже убѣжденіе въ необходимости и пользѣ военныхъ преобразованій Павла I, перешедшее въ исторію; Кутузовъ въ 1812 году стяжалъ имя спасителя Россіи; Бенигсенъ, Багратіонъ, Барклай, Милорадовичъ, Витгенштейнъ, Котляревскій, Ермоловъ, Багговутъ, Дохтуровъ, Коновницынъ, Ламбертъ, Сакенъ, Тормасовъ [2])—составляютъ нашу народную гордость, тогда какъ изъ Гатчинцевъ — одинъ Капцевичъ заслужилъ извѣстность храбраго служиваго, хотя былъ чудакомъ и оригиналомъ, мало способнымъ идти въ уровень съ общимъ развитіемъ и стремленіемъ; за тѣмъ слѣдуетъ темная толпа «ремешковыхъ» Гатчинцевъ, давшая начало Drillermeister'амъ, какъ называлъ ихъ Барклай (т. е. подтягивателямъ, вообще—тупоголовымъ и неразвитымъ), и изъ-за нихъ выглядываетъ тѣнь, столь неустрашимая на плацпарадахъ, графа Аракчеева, который даже 14-го декабря 1825 года прятался между фрейлинъ, статсъ-дамъ и дряхлыхъ гражданскихъ чиновниковъ въ залахъ Зимняго дворца, въ то время,

---

[1]) Донесеніе Суворова изъ Тульчина, послѣ осмотра войскъ, 12-го августа 1796 года, Екатеринѣ II.

[2]) Семь послѣднихъ генераловъ, птенцы гнѣзда Екатерины II, исключены изъ службы въ мартѣ 1797 года.

когда Н. М. Карамзинъ въ чулкахъ и башмакахъ выходилъ на площадь... Неужели въ этомъ можно видѣть искорененіе злоупотребленій Екатерининскаго времени, скрѣпленіе нашего, будтобы расшатавшагося военнаго управленія, и введеніе въ русской арміи строгой дисциплины и порядка?

И опять повторимъ мы то, что сказали оканчивая свой разсказъ о соперничествѣ Петра Панина съ Потемкинымъ: «неужели это судъ потомства?»

Близорукость во взглядахъ происходитъ именно отъ подтасовыванія историческихъ событій и неумѣнья сопоставить прошедшее съ настоящимъ [1])

Никто не посмѣетъ отрицать, что по уму и сердцу Павелъ I былъ замѣчательнѣйшимъ человѣкомъ: рыцарь чести и поклонникъ всего великаго и доблестнаго, онъ удивлялся своему народу и своей арміи; любилъ ихъ по своему; искалъ истины и добра, и, когда могъ, увлекался истиною и разсѣвалъ добро всюду; былъ нѣжный и образцовый семьянинъ; старался неисчислимыми благодѣяніями вознаграждать за свои порывы и увлеченія, и между тѣмъ всѣ подданные трепетали при одномъ имени Павла I. Это происходило отъ его раздражительнаго характера, подозрительности и недовѣрія къ людямъ, что̀ все навѣяно было людьми, окружавшими его дѣтство, а потомъ Гатчинцами и ихъ пособниками, мстившими Екатерининцамъ за время своего прошедшаго униженія.

Лучшимъ доказательствомъ того, чѣмъ могъ быть Павелъ при благотворномъ на него вліяніи истинно добрыхъ людей, служитъ его домашнее счастіе, неомраченное никакими бурями. Семья было для него радостью; Павелъ утихалъ при видѣ своей достойной супруги и очаровательныхъ дѣтей, и становился только любящимъ мужемъ и отцомъ. Коцебу [2]) разсказываетъ истинно трогательный анекдотъ: 11-го марта 1801 года въ пятомъ или шестомъ часу вечера, императоръ возвратился домой въ наилучшемъ расположеніи духа и, обратясь къ своей супругѣ, сказалъ:

---

[1]) П. С. Лебедевъ главнымъ образомъ намекаетъ на генерала Василія Өедоровича Ратча, пылкаго панегириста военныхъ порядковъ и учрежденій эпохи 1796—1801 гг.

[2]) Изъ книги «Une année mémorable de la vie d'Augusta de Kotzeboue.

Ред.

— «Мой ангелъ, я привезъ бездѣлку, которая доставитъ вамъ удовольствіе».

— Какъ все, что вы дѣлаете,—отвѣтила императрица.

Тогда государь досталъ изъ кармана чулки, связанные и вышитые воспитанницами института, управляемаго и покровительствуемаго императрицею; послѣ этого, государь обратился къ дѣтямъ, игравшимъ возлѣ; бралъ ихъ на руки, танцовалъ съ ними вокругъ комнаты; словомъ, дѣлалъ все, что нѣжный и любящій отецъ дѣлаетъ съ своими дѣтьми.

Но въ практической жизни и великой наукѣ державства Павлу I, по видимому, не вполнѣ были извѣстны великія истины, которыми Екатерина начала свои Записки:

«Счастіе, говоритъ она, не такъ слѣпо, какъ думаютъ. Чаще всего оно бываетъ послѣдствіемъ справедливыхъ и вѣрныхъ мѣръ. предшествовавшихъ событію и незамѣченныхъ толпою, а преимущественно послѣдствіемъ качествъ, характера и личнаго образа дѣйствій.

«Для очевидности составлю слѣдующій силлогизмъ:

«Качества и характеръ—будутъ первою посылкою.

«Образъ дѣйствій—второю.

«Счастіе и несчастіе—заключеніемъ.

«И вотъ два поражающіе примѣра:

«Петръ III»,

«Екатерина II»

Карамзинъ, въ сочиненіи «О древней и новой Россіи, въ политическомъ и гражданскомъ отношеніяхъ», говоритъ о военныхъ преобразованіяхъ Павла I: «онъ легкомысленно истреблялъ долговременные плоды государственной мудрости, ненавидя въ нихъ дѣло своей матери; умертвилъ въ нашихъ полкахъ благородный духъ воинскій, воспитанный Екатериною, и замѣнилъ его духомъ капральства; героевъ, пріученныхъ къ побѣдамъ, училъ маршировать; отвратилъ дворянство отъ военной службы».

Нельзя не сказать, что взглядъ нашего знаменитаго исторіографа—ошибоченъ и пристрастенъ, но это объясняется тѣмъ, что Карамзинъ былъ восторженнымъ почитателемъ Екатерины II; находился подъ вліяніемъ строгостей Павла I; не хотѣлъ вникнуть въ причины ихъ и отдѣлить человѣка отъ государя; не хотѣлъ остановиться мыслію на томъ, кто были истинными винов-

никами всѣхъ бѣдствій, постигшихъ Россію въ царствованіе Павла. Исторіографъ нашъ какъ бы забылъ, что Павелъ, по собственному признанію Ростопчину, готовился быть самодержавнымъ государемъ во все время царствованія Екатерины; изучалъ исторію прошедшаго; хотѣлъ узнать Россію, обращаясь къ именитѣйшимъ и заслуженнымъ русскимъ людямъ, и не вина Павла I, что эти государственные люди знакомили его съ Россіею и характеромъ царствованія Екатерины II не какъ истинные патріоты, но какъ «врали и персональные оскорбители» [1]) великой монархини.

Прислушаемся къ авторитету болѣе скромному, но за то безпристрастному, приведемъ слова Коцебу, сначала сосланнаго по недоразумѣнію въ Сибирь, а потомъ осыпаннаго благодѣяніями Павла [2]), который приблизилъ его къ своей особѣ; сдѣлалъ театральнымъ ценсоромъ; поручилъ составить описаніе Михайловскаго замка, и далъ перевести на нѣмецкій языкъ особую, сочиненную самимъ Павломъ статью, содержащую родъ вызова на турниръ всѣхъ царствующихъ государей, для рѣшенія и окончанія междоусобій и войнъ, волнующихъ спокойствіе Европы въ теченіе 11-ти лѣтъ [3]).

Не смотря на милости и вниманіе императора, Коцебу рѣшился, при первой возможности, просить объ отставкѣ и дозволеніи выѣхать изъ Россіи. Онъ объясняетъ эту рѣшимость тревожнымъ состояніемъ духа, въ которомъ онъ постоянно находился, какъ всѣ жители Петербурга. «Негодяи [4]) (пишетъ Коцебу), злоупотребляя довѣріемъ монарха, сердце котораго было склонно къ кротости и добротѣ, всюду показывали ему призраки, вовсе не существовавшіе, и даже въ которые они сами не вѣрили, и ввели начало владычества ужаса». Коцебу засыпалъ съ страшными предчувствіями и вскакивалъ ночью при каждомъ шумѣ; проѣзжая по улицѣ, онъ смотрѣлъ во всѣ стороны, стараясь угадать не ѣдетъ ли императоръ, чтобы своевременно отдать ему

---

[1]) Слова Екатерины II о графѣ Петрѣ Панинѣ.

[2]) Une année mémorable de la vie d'Augusta Kotzeboue, стр. 135—266.

[3]) При государяхъ должны были находиться секундантами ихъ министры и довѣренныя лица; какъ, напримѣръ, при иностранныхъ государяхъ: Тугутъ, Питтъ и Берисдорфъ, а при Павлѣ I генералы Паленъ и Кутузовъ.—Нѣмецкій переводъ этой статьи появился въ Гамбургской газетѣ 16-го января 1801 года.

[4]) Во французскомъ переводѣ стоитъ des scélerats.

установленную честь; онъ осматривалъ цвѣтъ и покрой одежды— нѣтъ ли въ нихъ чего противнаго указу; въ театрѣ онъ долженъ былъ угождать покровительствуемымъ посредственностямъ, а во время представленій трепеталъ при мысли, что недремавшая (только для вздорныхъ доносовъ) полиція или ея тайные агенты найдутъ двусмысленныя или колкія выраженія въ разрѣшенныхъ имъ для игры пьесахъ. Всякій разъ, когда его жена и дѣти запаздывали на прогулкахъ, онъ боялся, что ихъ арестовали за неотданіе чести и посадили въ тюрьму. Разговоровъ съ кѣмъ-нибудь онъ чуждался, опасаясь доносовъ; писать не могъ, потому что рукописи могли быть захвачены и превратно истолкованы; читать—также: почти всѣ иностранныя книги были запрещены; въ довершеніе, осенью, зимою и весною, когда, по дѣламъ, ему приходилось держать путь около Михайловскаго замка, онъ бѣжалъ, чтобы не получить простуды, потому что, во всякое время года и при самой ужасной погодѣ, нужно было слѣдовать передъ замкомъ съ непокрытою головою, встрѣчая, почти на каждомъ шагу, кибитки съ ссыльными или людей, ведомыхъ подъ конвоемъ для наказанія.

«Я сошлюсь,—говоритъ Коцебу,—на всѣхъ жителей Петербурга, когда-бы кто рѣшился упрекнуть меня въ преувеличеніи... О, еслибы государь зналъ все это! Онъ, который сердечно желалъ счастія своимъ подданнымъ!...»

Коцебу удалось видѣть Павла I незадолго до его кончины, и навсегда сохранилъ онъ къ его памяти глубочайшее уваженіе, потому что Павелъ I, отдаваясь своимъ добрымъ наклонностямъ, былъ милосердъ и очаровывалъ своею ласковостію; самая строгость военной службы смягчалась, когда императоръ былъ лично судьею провинившагося [1]).

— «Павелъ желалъ добра и правды, ошибаясь въ средствахъ дѣлать одно и знать другую; расточалъ до безконечности благодѣянія, но изъ нихъ выходили ядовитыя растенія, хотя и блестѣвшія на видъ, но удушливый запахъ которыхъ мертвилъ и уничтожалъ».

Нельзя не повторить, съ біографомъ Павла I, стиховъ, кото-

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1870 (третье изд.), томъ II, стр. 540—541; разсказы В. И. Даля о пажѣ Яхонтовѣ, изъ шалости разбудившаго государя крикомъ «слушай».

рыми онъ оканчиваетъ свои воспоминанія. Авторъ этихъ стиховъ остался неизвѣстенъ, но они распространились по цѣлому Петербургу по кончинѣ Павла I:

On le connut trop peu, lui ne connut personne;
Actif, toujours pressé, bouillant, imperieux,
Aimable, séduisant, même sans la couronne,
Voulant gouverner seul, tout voir, tout faire mieux,
Il fit beaucoup d'ingrats et mourut malheureux.

Переводъ. Его знали мало; онъ не зналъ никого. Дѣятельный, скорый, кипучій, повелительный, любезный и обворожительный, даже и безъ царскаго вѣнца,—онъ хотѣлъ одинъ всѣмъ управлять, все видѣть, все улучшить: создалъ множество неблагодарныхъ и умеръ несчастнымъ.

П. С. Лебедевъ, бывшій профессоръ
Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба.

ОТЪ МАЛОЯРОСЛАВЦА ДО БЕРЕЗИНЫ

1812.

IV [1]).

Движеніе Наполеона отъ Краснаго до Борисова, и кн. Кутузова до Копыса. Съ 5-го по 14-е ноября 1812 г.

Послѣ сраженій подъ Краснымъ, совершенно разстроенная великая армія бѣжала далѣе по направленію къ Оршѣ. Главная квартира императора Наполеона 5-го ноября находилась въ Лядахъ. Съ тѣхъ поръ какъ, встрѣтивъ отпоръ при Малоярославцѣ, французскія войска вынуждены были отступать по опустошенной ими Можайской дорогѣ на Смоленскъ, императоръ Наполеонъ, какъ бы не желая видѣть бѣдственное положеніе своихъ войскъ, увеличивавшееся съ каждымъ переходомъ впередъ, находился постоянно въ авангардѣ. Но, достигнувъ Смоленска и потомъ въ сраженіяхъ подъ Краснымъ, онъ не могъ уже отвернуться отъ нихъ и, увидавъ ихъ положеніе, долженъ былъ принять нѣкоторыя мѣры, чтобы облегчить ихъ участь. Въ Лядахъ, гдѣ въ первый разъ послѣ оставленія Москвы они встрѣтили нѣкоторое количество жителей, призвавъ начальника своего главнаго штаба, онъ поручилъ ему сдѣлать слѣдующія распоряженія. „Мы приходимъ въ страну,—говорилъ онъ,—гдѣ войска могутъ остановиться и должны быть приведены въ порядокъ. Не слѣдуетъ допускать, чтобы безпорядочно расхищали средства продовольствія, которыя мы здѣсь найдемъ. Въ Дубровнѣ, гдѣ мы будемъ завтра, есть магазинъ, польскій комедантъ и подъ-префектъ; въ Оршѣ у насъ 90 т. раціоновъ и много водки; мы найдемъ также муку въ Толочинѣ; 200 т. раціоновъ насъ ожидаютъ въ Борисовѣ. Надо устроить повсюду правильную раздачу

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1877 г., томъ XVIII, стр. 21—68; 261—307; 419—453.

продовольствія,—это лучшій способъ собрать людей, которые разбрелись въ одиночку; а за это надо прежде всего взяться, чтобы остановить грабежъ и насилія. Генералы Жомини и Алорна уже отправлены впередъ, чтобы водворить порядокъ при переходѣ черезъ Днѣпръ; но у нихъ слишкомъ незначителенъ отрядъ жандармовъ. Рѣка покрыта льдомъ, можно и безъ моста перейти повсюду. Пошлите маршала Жюно съ вестфальцами. Особенно поручите удерживать разбредшихся солдатъ въ дефилеяхъ Орши; чтобы ихъ распредѣлить по корпусамъ, надо, чтобы правильно выдавали провіантъ и, наконецъ, чтобы устроили какую нибудь полицію въ городѣ" [1]). Безпрекословно повинуясь волѣ императора, маршалъ Бертье отдалъ всѣ его распоряженія въ приказѣ маршалу Жюно, поручивъ разбредшихся солдатъ, промышлявшихъ грабежомъ, судить военнымъ судомъ и разстрѣливать. „Настало время показать примѣръ (faire des exemples), писалъ онъ. Мы приближаемся къ мѣстности, гдѣ войска должны остановиться и надо съ умѣренностью пользоваться средствами продовольствія" [2]). Но подобные примѣры едва ли могли оказать какое нибудь вліяніе на солдатъ, подвергавшихся столькимъ бѣдствіямъ и лишеніямъ и совершенно равнодушно относившихся къ жизни и смерти. „При движеніи изъ Краснаго насъ поражало ужасное зрѣлище. Въ Лядахъ люди тѣсно столпились, не было никакого порядка",—говоритъ очевидецъ, главный казначей арміи Наполеона. „Всѣ солдаты перемѣшались одни съ другими. Офицеры, чтобы не употреблять напрасныхъ усилій, не давали приказаній. Не существовало и слѣдовъ дисциплины. Трудно было требовать чего-нибудь отъ солдата, которому ничего не давали и для котораго грабежъ и разрушеніе сдѣлались необходимою потребностью. Мы выѣхали подъ охраною дивизіи Клапереда и провели ужасный день, холодъ былъ невыносимъ. Поздно прибыли въ Дубровну. Это мѣстечко сохранилось лучше всѣхъ, которыя мы проходили отъ Москвы. Мы нашли тамъ меду и муки и могли на наши бумажные рубли (фальшивые, конечно) пріобрѣсть разной провизіи. На мгновеніе мы позабыли о нашихъ бѣдствіяхъ. Я помѣстился у одного еврея, который очень хорошо меня принялъ — за деньги" [3]). При такомъ положеніи трудно было и приступать къ правильной раздачѣ продовольствія, хотя только эта мѣра и могла бы водворить нѣкоторый порядокъ въ войскахъ. Думалъ ли дѣйствительно императоръ Наполеонъ остановить войска на зимнихъ квартирахъ въ Литов-

---

[1]) B. Fain, Manuscrit de 1812, т. II, стр. 314—315.

[2]) Приказъ 17-го ноября н. ст., Ляды; Fain, Manusc. т. II, стр. 349—350; M. Chambray, Hist. de l'éxpedition, т. III, прилож. стр. 457—458.

[3]) B. Peyrusse, Mémorial, стр. 121—122.

скихъ губерніяхъ, или онъ выражалъ эту мысль, чтобы ободрить ихъ и сосредоточить, — но во всякомъ случаѣ онъ скоро долженъ былъ отъ нея отказаться. 5-го ноября онъ провелъ ночь въ Лядахъ, слѣдующій день въ Дубровнѣ и 7-го прибылъ въ Оршу [1]). Постоянное преслѣдованіе также не давало возможности думать ни о переустройствѣ войскъ, ни объ остановкѣ ихъ движеній. Въ Лядахъ, черезъ нѣсколько часовъ послѣ прибытія главной квартиры, забили тревогу, около 4-хъ часовъ утра. Тревога оказалась напрасною, но былъ поводъ къ тревогѣ. Маршалы Даву и Мортье составляли аріергардъ; но въ то время узнали, что Мортье былъ отброшенъ за Ляды. Наполеонъ призвалъ его, но, уступая силѣ обстоятельствъ, уже снисходительно упрекалъ его въ томъ, что оставилъ императора между собою и непріятелемъ [2]). По свидѣтельству очевидцевъ, онъ „казался сильно смущенъ безпорядкомъ, господствовавшимъ въ войскахъ, и бѣдственнымъ ихъ положеніемъ. Сама старая гвардія устала бороться съ безпримѣрными трудностями, упала духомъ и потеряла воинственный видъ, которымъ гордилась. Императоръ это замѣтилъ“ [3]). „Совершенное отсутствіе продовольствія, ужасныя страданія какъ солдатъ, такъ и офицеровъ на бивуакахъ, усталость отъ переходовъ по замерзшей почвѣ, однимъ словомъ, все способствовало къ быстрому разложенію арміи“, постоянно преслѣдуемой нашими войсками. Изчезали цѣлые полки и отряды; „говорили, что вестфальцы сожгли свои знамена, потому что некому ихъ было охранять. Виртембергцы совершенно исчезли“. Не многіе изъ офицеровъ сохранили лошадей. Въ Красномъ Наполеонъ образовалъ изъ нихъ особый отрядъ подъ названіемъ священнаго эскадрона (escadron sacré), но онъ такъ же скоро разстроился, какъ и былъ образованъ [4]).

Выступивъ изъ Дубровны, Наполеонъ шелъ пѣшкомъ, опираясь на палку. Его окружали остатки старой гвардіи. Остановившись посреди ихъ, онъ сказалъ рѣчь. Офицерамъ поручалъ наблюдать за дисциплиною, солдатамъ говорилъ, что, въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, отъ нихъ зависитъ спасеніе арміи. „Гренадеры моей гвардіи! вы видите разстройство арміи, многіе солдаты побросали свое оружіе. Если вы послѣдуете ихъ примѣру, то все погибло. Необходимо, чтобы не только офицеры поддерживали строгую дисциплину, но и солдаты бдительно наблюдали другъ за другомъ и наказывали

[1]) B. Denniée, Itinéraire de l'emp. Napoléon, стр. 141.
[2]) Гр. Сегюръ, Hist. de Napoléon et de la grande armée, т. II, стр. 269.
[3]) B. Peyrusse, Mémorial etc., стр. 269.
[4]) Peixhans, Retraite de Moscou, Metz, 1868, стр. 61; B. Denniée, Itinéraire, стр. 140.

тѣхъ, которые оставляютъ ихъ ряды". Солдаты хотя и роптали на Наполеона, но его обаяніе еще было такъ сильно, что эта рѣчь произвела оживленіе, хотя и не надолго [1]). Въ Дубровнѣ онъ отдалъ приказъ Минскому губернатору, въ которомъ извѣщалъ, что онъ пошлетъ маршала Удино на Борисовъ, чтобы обезпечить Минскъ [2]); но на пути къ Оршѣ онъ получилъ одно за другимъ извѣстія о неуспѣшныхъ дѣйствіяхъ маршала Виктора, минскаго гарнизона, потерѣ Минска и тревогѣ, возбужденной въ Вильнѣ дѣйствіями гр. Витгенштейна. Исчезла надежда на собранные запасы продовольствія и на возможность остановить отступленіе войскъ. Въ грозной ясности возникалъ вопросъ о существованіи, о томъ, какъ бы спасти остатки великой арміи и перейти Березину. Въ виду такой опасности воспрянулъ геній Наполеона. Великому военачальнику и слѣдовало спасать императора. „Довольно я былъ императоромъ, сказалъ онъ, настало время сдѣлаться генераломъ" (j'ai assez fait l'empereur, il est temps que je fasse le général).

Маршалъ Удино уже шелъ къ Борисову. Въ отвѣтъ на его извѣщеніе объ этомъ движеніи, маршалъ Бертье писалъ ему: „императоръ съ удовольствіемъ усмотрѣлъ, что вы сегодня (10-го ноября) будете въ Борисовѣ. Онъ надѣется, что Минскій губернаторъ понялъ необходимость сохранить береговое укрѣпленіе, обезпечивающее переправу черезъ Березину. Генералъ Домбровскій, вѣроятно, защититъ этотъ важный пунктъ отъ нечаяннаго нападенія. Если бы непріятель овладѣлъ береговымъ укрѣпленіемъ (tête de pont) и сжегъ мостъ, такъ что черезъ него нельзя было бы перейти, то это было бы величайшимъ несчастіемъ и генералъ Домбровскій былъ бы виноватъ, что не далъ надлежащее направленіе своему отряду. Необходимо, чтобы вы удостовѣрились на мѣстахъ найдется ли гдѣ нибудь возможность переправиться черезъ Березину, въ противномъ случаѣ надо будетъ идти на Лепель. Но императоръ надѣется, что Минскій губернаторъ не сдалъ мостоваго укрѣпленія кавалеріи и что генералъ Домбровскій могъ во-время прибыть, а потомъ и вашъ корпусъ". Конечно, извѣстіе о Борисовѣ, которое онъ ожидалъ отъ Удино, было чрезвычайной важности для императора Наполеона, и потому онъ поручалъ ему оставлять сзади себя въ разныхъ мѣстахъ офицеровъ, чтобы посредствомъ ихъ оно могло придти къ нему какъ можно скорѣе. Отступленіе на Лепель, на соединеніе съ маршаломъ Викторомъ, и къ

---

[1]) M. Chambray, Hist. de l'éxped. т. II, стр. 455; R. Peyrusse, Mémorial etc. стр. 122; B. Denniée, стр. 143, примѣч.; Гр. Сегюръ, Hist. de Napoléon et de la grande armée, т. II, стр. 275.

[2]) Приказъ 18-го ноября н. ст. M. Chambray, т. III, прилож. стр. 458.

нижней Березинѣ онъ могъ предпринять только въ томъ случаѣ, еслибъ не представилось возможности перейти Березину въ Борисовѣ. Поэтому на другой день, достигнувъ Бобра, онъ поручилъ увѣдомить объ этомъ маршала Виктора и о приближеніи къ Борисову маршала Удино и предписывалъ ему перерѣзать дорогу на Лепель со стороны м. Барана, чтобы Витгенштейнъ не могъ двинуться противъ этого маршала. Если же онъ двинулъ бы въ этомъ направленіи одинъ изъ отрядовъ, то, чтобы онъ со всею силою напалъ на него [1]). Не оставляя надежды водворить хотя нѣкоторый порядокъ въ войскахъ, чтобы провесть къ Березинѣ по возможности большее число и спасти отъ вѣрной гибели, въ Оршѣ, гдѣ его войска должны были пробыть нѣсколько времени, не переправляясь за Днѣпръ по одному узкому мосту, онъ издалъ приказъ, который велѣлъ читать съ барабаннымъ боемъ во всѣхъ сторонахъ небольшаго городка. „Весьма многіе изъ васъ,—говорилъ онъ солдатамъ,—оставили свои знамена и бродятъ въ одиночку. Они нарушаютъ свои обязанности, честь и безопасность арміи, расходясь по разнымъ направленіямъ и попадаясь въ руки непріятеля. Такой безпорядокъ долженъ прекратиться. Императоръ приказываетъ имъ собраться въ Оршѣ“. Опредѣлено было въ какомъ мѣстѣ каждый изъ нихъ долженъ присоединиться къ своему корпусу, подъ угрозою военнаго суда и строгаго наказанія; но, по свидѣтельству самихъ французовъ, войска находились уже въ такомъ разстройствѣ, что никакія строгія мѣры не могли водворить порядокъ [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы облегчить движéніе войскъ, онъ приказалъ сжечь всѣ излишніе обозы и экипажи и безусловно запретилъ солдатамъ имѣть подводы съ поклажею и лошадей. Множество повозокъ и каретъ было дѣйствительно сожжено [3]); но жажду корысти не убили никакія бѣдствія, и значительные обозы, съ награбленнымъ въ Москвѣ имуществомъ, достигли до Березины.

Первое извѣстіе о томъ, что Борисовъ уже взятъ русскими войсками, императоръ Наполеонъ получилъ на пути изъ Коханова къ Толочину (12-го ноября). Онъ шелъ пѣшкомъ, нѣсколько въ сторонѣ отъ него шелъ начальникъ его штаба. Къ нему подошелъ офицеръ, прибывшій съ извѣстіями отъ маршала Удино, и передавалъ ихъ ему. Наполеонъ остановился и нѣсколько разъ повторилъ вопросъ: чтó онъ

---

[1]) Приказы Бертье отъ 22-го ноября изъ Коханова и 23-го ноября н. ст. маршалу Виктору изъ Бобра. Fain, Manuscrit, т. II, стр. 352—354.

[2]) M. Chambray, Hist. de l'éxped. т. II, стр. 459; гр. Солтыкъ, Napoléon en 1812, стр. 432.

[3]) Приказы 19-го ноября, н. ст., Орша; M. Chambray, т. II, стр. 456—459; Denniée, Itinéraire, стр. 144—145.

говоритъ? Князь Невшательскій поручилъ офицеру повторить свое донесеніе императору.

„Маршалъ поручилъ мнѣ донести, что русская армія Чичагова пришла къ Березинѣ и заняла всѣ переправы“, говорилъ офицеръ.

— „Неправда, этого быть не можетъ“, воскликнулъ Наполеонъ.

Офицеръ продолжалъ: „два непріятельскіе отряда заняли мостъ и перешли уже на лѣвый берегъ; на рѣкѣ ледъ слабъ и переходить по немъ не возможно“.

— „Не правда,—съ гнѣвомъ закричалъ Наполеонъ,—онъ лжетъ!“

— Я исполнилъ только порученіе маршала, который приказалъ мнѣ сообщить это извѣстіе.

Всѣ надежды императора Наполеона сосредочивались на томъ, чтобы, пройдя мимо окружающихъ его русскихъ, избѣгая сраженій, перевести свои войска черезъ Березину при Борисовѣ. Выслушивая донесеніе, которое окончательно ихъ разрушало, онъ не выдержалъ того спокойствія, которое старался сохранить передъ своими соратниками. „Отступивъ назадъ, онъ оперся на палку, заскрипѣлъ зубами, бросилъ гнѣвный взглядъ на небо и, какъ бы угрожая, поднялъ вверхъ правую руку, сказавъ такое слово, въ которомъ заключалось ужасное богохульство“. Современникъ и участникъ въ событіяхъ—французъ не рѣшился даже написать этого слова, передавая слова свидѣтеля-очевидца [1]). Встревоженный этимъ извѣстіемъ, онъ замѣтилъ генерала Дода, который только что пріѣхалъ отъ маршала Виктора, къ которому онъ его посылалъ объяснить свое предположеніе о переходѣ Березины при Борисовѣ. Съ ужаснымъ выраженіемъ лица, лишь только Додъ подошелъ къ нему, онъ сказалъ: „они тамъ!“ (ils y sont).

Достигнувъ Толочина, императоръ Наполеонъ вошелъ въ домъ, велѣлъ разложить на столѣ карту Россіи и разговаривалъ съ генераломъ Додомъ о способахъ выйти изъ этого почти безвыходнаго положенія. Генералъ зналъ теченіе Березины съ ея болотистыми на значительное пространство берегами и совѣтовалъ императору отказаться отъ намѣренія переправиться черезъ нее при Борисовѣ, потому что русскіе сожгутъ мостъ, если не будутъ въ состояніи его защитить, а ниже Борисова мѣстность покрыта лѣсами и перерѣзана болотами. Препятствія составляли бы не только мосты на рѣчкахъ, которые, вѣроятно, уничтожилъ бы непріятель, но особенно мосты и гати на болотахъ, гораздо болѣе длинные и трудные для перехода. Между тѣмъ какъ въ окрестностяхъ Лепеля, гдѣ Березина соединяется съ Улою, перейти ее гораздо легче: она течетъ по песку и не глубока.

[1]) Puisbusque, Lettres sur la guerre de Russie en 1812, стр. 211—214.

Онъ совѣтовалъ ему принять это направленіе, соединиться съ Викторомъ и Удино, разбить Витгенштейна и черезъ Глубокое направиться къ Вильнѣ.

Это предложеніе совершенно не согласовалось ни съ намѣреніями Наполеона, ни съ сдѣланными уже имъ распоряженіями въ отношеніи къ корпусу Удино. Путь на Борисовъ былъ короче, между тѣмъ, отступая къ Лепелю и на Глубокое къ Вильнѣ, онъ принужденъ былъ сдѣлать большой обходъ. Русскіе могли предупредить его въ Вильно и онъ не могъ бы соединиться съ Шварценбергомъ. Сдѣлавъ эти замѣчанія своему собесѣднику, онъ, казалось, не слушалъ его разсужденій и внимательно разсматривалъ, слѣдя пальцемъ по картѣ, теченіе Березины и Днѣпра. „Вдругъ его взглядъ остановился на одной точкѣ. „Полтава, Полтава!“ воскликнулъ онъ, и, повторяя эти слова, быстро ходилъ по комнатѣ, забывъ о присутствіи Дода. Пораженный этимъ чрезвычайнымъ зрѣлищемъ, генералъ молча, съ грустью и удивленіемъ смотрѣлъ на новаго Карла XII, въ сто разъ болѣе великаго. нежели прежній и — увы, во сто разъ болѣе несчастнаго, понявшаго наконецъ свою дѣйствительную судьбу — говоритъ Тьеръ.

Въ это время вошли Мюратъ, князь Евгеній, Бертье и генералъ Жомини. Обратясь къ послѣднему, императоръ Наполеонъ сказалъ: „кто никогда не испыталъ неудачъ, тотъ испытаетъ ихъ въ такихъ же размѣрахъ, какъ и удачи!“ и потомъ спросилъ его мнѣніе. Признавая невозможнымъ перейти Березину подъ Борисовымъ и весьма затруднительнымъ обходъ, предположенный генераломъ Додомъ, для войскъ изнуренныхъ, онъ, зная нѣсколько мѣстность, полагалъ, что возможно перейти эту рѣку нѣсколько ниже Борисова и выдти на дорогу къ Сморгони, самую кратчайшую по направленію къ Вильнѣ и которая при томъ пролегаетъ по мѣстностямъ, менѣе опустошеннымъ войною. Это предложеніе совершенно совпадало съ намѣреніями Наполеона и онъ остановился на немъ, хотя казалось, что, погруженный въ себя, онъ также мало слушалъ соображенія Жомини, какъ и Дода, и потомъ началъ осыпать упреками своихъ боевыхъ товарищей, говоря, что еслибъ они не упали духомъ, то онъ напалъ бы на Витгенштейна, взялъ бы его въ плѣнъ со всѣмъ войскомъ и тогда, возвратясь съ ними въ Польшу, Европа признала бы его еще побѣдителемъ. Подобныя вспышки увлеченія, не соотвѣтствовавшія дѣйствительнымъ обстоятельствамъ, соединялись у императора Наполеона съ холоднымъ и строгимъ расчетомъ. Этотъ расчетъ указалъ ему, что способъ, предложенный генераломъ Жомини, былъ единственный, который могъ вывесть его изъ безвыходнаго положенія. Случай немедленно и неожиданно подкрѣпилъ эти соображенія.

Послѣ взятія Полоцка графомъ Витгенштейномъ, генералъ Вреде, отдѣлившись отъ маршаловъ Удино и Сенъ-Сира, увелъ съ собою и дивизію генерала Корбино, составленную изъ полковъ этихъ корпусовъ, въ Глубокое. Выступивъ оттуда (4-го ноября) онъ отпустилъ эту дивизію, которая подвигалась на соединеніе съ маршаломъ Удино. Слѣдуя на Зембинъ, ген. Корбино оказался между русскими отрядами, посланными Чичаговымъ, и, удачно избѣжавъ встрѣчи съ ними, подходилъ къ Борисову. Но узнавъ, что онъ занятъ русскими, пробираясь внизъ по берегу Березины, узналъ отъ крестьянина, что противъ деревни Студянки можно перейти вбродъ эту рѣку. Онъ дѣйствительно перешелъ ее, потерявъ не много людей, увлеченныхъ льдинами и достигъ Бобра, гдѣ встрѣтилъ маршала Удино, подвигавшагося къ Борисову. Удино немедленно послалъ самого Корбино увѣдомить императора объ этомъ счастливомъ открытіи. Присоединеніе дивизіи, въ которой было 700 всадниковъ хорошо сохранившейся конницы, было тоже значительнымъ пособіемъ для великой арміи, потерявшей почти всѣхъ лошадей [1]).

Императоръ Наполеонъ получилъ это извѣстіе въ Толочинѣ и немедленно предписалъ маршалу овладѣть этимъ бродомъ, поручивъ генералу Корбино, котораго отправилъ къ нему назадъ въ тотъ же день, передать ему подробныя наставленія. По распоряженію императора Наполеона, мосты были сожжены въ Оршѣ, не смотря на просьбы генерала Эбле, которому удалось лишь сохранить необходимыя средства для постройки моста на козлахъ [2]). Такой мостъ и возможно было построить при Студянкѣ. Маршалъ Удино скрытно отъ русскихъ долженъ былъ заготовить въ этомъ мѣстѣ весь необходимый для постройки лѣсъ, показывая видъ и распуская слухи, что приготовляется перейти рѣку при Борисовѣ, чтобы обмануть Чичагова и отклонить его вниманіе отъ дѣйствительнаго мѣста, гдѣ приготовлялась переправа. На пути въ Бобръ императоръ Наполеонъ получилъ извѣстіе о побѣдѣ, одержанной маршаломъ Удино надъ войсками адмирала, и занятіи имъ Борисова. Узнавъ, что на противоположномъ берегу находится вся Дунайская армія, онъ требовалъ подкрѣпленій. Въ то же время, считая невозможнымъ возобновить сожженный мостъ въ Борисовѣ, онъ, во исполненіе повелѣній императора, послалъ отрядъ къ Студянкѣ; но для того, чтобы успѣшнѣе производились приготовленія къ переправѣ, считалъ нужнымъ, чтобы самъ императоръ прибылъ къ Березинѣ. Отправивъ посланнаго маршаломъ офицера немедленно назадъ,

---

[1]) Fain, Manuscrit de 1812, т. II, стр. 361 и слѣд.
[2]) B. Denniée, Itinéraire, стр. 145.

онъ поручилъ ему отвѣчать Удино, что онъ ошибается въ отношеніи силы Дунайской арміи, чтобы спѣшилъ приготовленіями къ переправѣ, а онъ не можетъ оставить войскъ при такихъ обстоятельствахъ. Дѣйствительно, наступалъ роковой часъ для великой арміи. 12-го ноября, когда главная квартира императора Наполеона прибыла въ Бобръ, слышалась пушечная пальба съ правой стороны арміи: авангардъ Витгенштейна дрался у Батуръ съ дивизіею Дендельса, находившеюся въ авангардѣ маршала Виктора. Съ этой стороны приближались войска Витгенштейна, а въ тылъ и съ лѣваго фланга приближались передовые отряды кн. Кутузова, подъ начальствомъ Платова и Ермолова. Между тѣмъ за Березиной находилась вся армія адмирала, которая въ непродолжительное время могла сосредоточить значительныя силы противъ того мѣста, гдѣ предполагалъ французскій императоръ устроить мосты и совершить переправу. „Казалось невозможнымъ, чтобы предпріятіе Наполеона увѣнчалось успѣхомъ и все заставляло предполагать, что судьба этого необычайнаго человѣка и его арміи завершится на берегахъ Березины ужаснѣйшимъ бѣдствіемъ“, — говоритъ маркизъ Шамбре. „Все зависѣло отъ устройства мостовъ“, замѣчаетъ знаменитый историкъ Наполеона [1]). На этотъ предметъ и было обращено все его вниманіе. Послѣ оттепели вновь наступившіе морозы облегчали предпріятіе, скрѣпивъ болота по берегамъ Березины. Изъ Бобра онъ отправилъ генераловъ Эбле и Шасселю со всѣми понтонными командами и уцѣлѣвшими матеріалами для постройки мостовъ къ Борисову, расчитывая, что Партуно подготовилъ лѣсъ, и на другой день (13-го ноября) можно уже не только приступить, но окончить наведеніе мостовъ. Вслѣдъ за ними на слѣдующій день онъ самъ къ вечеру прибылъ въ Борисовъ.

Въ то время, когда императоръ Наполеонъ приближался къ роковой преградѣ его отступленію, кн. Кутузовъ, послѣ битвъ подъ Краснымъ, продолжалъ преслѣдованіе непріятеля; 7-го ноября главная квартира была перенесена въ с. Доброе, авангардъ г. Милорадовича оставался еще подъ Краснымъ. Отрядъ барона Розена, преслѣдуя отступавшаго непріятеля, прибылъ въ Ляды. Въ это время А. П. Ермоловъ предложилъ фельдмаршалу усилить его отрядъ и отдать подъ его начальство. „Съ особенною благосклонностію,—говоритъ Ермоловъ,—онъ меня выслушалъ, изъявилъ соизволеніе и немедленно была сдѣлана перемѣна въ составѣ отряда. По собственному его назначенію, поступили лейбъ-гвардіи Егерскій и Финляндскій полки, кирасирскіе полки его и ея величества, гвардейская пѣшая артиллерія и батарейная

[1]) M. Chambray, Hist. de l'éxpedition, т. III, стр. 40—41; Тьеръ, Hist. de l'empire, кн. XXVII.

рота конной артиллеріи. Присоединенные баталіоны пѣхоты, въ числѣ 12-ти, имѣли при себѣ полевыя орудія" [1]). Такой значительный отрядъ, подъ начальствомъ одного изъ лучшихъ генераловъ, предназначался кн. Кутузовымъ для преслѣдованія съ тылу безпорядочно отступавшаго и разстроеннаго многочисленными потерями при Красномъ непріятеля. По приказанію фельдмаршала, онъ долженъ былъ соображать свои движенія такъ, „чтобы всегда быть въ готовности служить подкрѣпленіемъ отряду графа Платова" [2]). Зная, что генералъ Ермоловъ принадлежалъ къ числу коноводовъ тѣхъ лицъ, которыя упрекали его въ медленности, и опасаясь, чтобы рѣшительность дѣйствій не разстроила общихъ соображеній въ связи съ другими отрядами, кн. Кутузовъ, отпуская его, говорилъ: „голубчикъ, будь остороженъ, избѣгай случаевъ, гдѣ ты можешь понесть потерю въ людяхъ". „Видѣвъ состояніе непріятельскихъ войскъ, которыя гонитъ кто хочетъ,— говоритъ Ермоловъ,—я отвѣчалъ ему: въ мой расчетъ не входитъ отличиться подобно графу Ожаровскому". Но Кутузовъ во всякомъ случаѣ запретилъ ему переходить Днѣпръ, но переправить часть пѣхоты въ томъ лишь случаѣ, если гр. Платовъ сочтетъ это необходимымъ. „Ручаясь за точность исполненія,—говоритъ Ермоловъ,—я перекрестился, но долженъ признаться, что тогда же рѣшился поступать иначе" [3])— къ сожалѣнію, слѣдуетъ прибавить, потому что подобный образъ дѣйствій подчиненныхъ генераловъ можетъ разрушать самыя мудрыя предначертанія главнокомандующаго. Наши партизаны находились впереди. Сеславинъ еще 4-го ноября былъ въ с. Боевѣ на одной высотѣ съ Лядами, Фигнеръ и Давыдовъ подвигались въ томъ же направленіи, безпрерывно нападали на непріятеля и перехватывали его курьеровъ [4]). Ихъ донесенія о движеніи непріятеля имѣли весьма важное значеніе для нашей главной квартиры и особенно Сеславина, находившагося впереди всѣхъ. По приказанію фельдмаршала, г. Коновницынъ часто сносился съ нимъ и просилъ о доставленіи извѣстій. Неизвѣстность, переправится ли Наполеонъ у Дубровны черезъ Днѣпръ или пойдетъ на Оршу, была причиною, что кн. Кутузовъ, послѣ дѣла при Красномъ, велѣлъ авангарду барона Розена двинуться за непріятелемъ только до Лядъ; но донесенія Сеславина о томъ, что непріятель идетъ по большой дорогѣ на Оршу, были поводомъ къ тому, что кн. Кутузовъ охотно принялъ предложеніе Ермолова, усилилъ аван-

[1]) Записки А. П. Ермолова, т. I, стр. 255.
[2]) Воен. журналъ генер. Толя.
[3]) Записки Ермолова.
[4]) Воен. журналъ г. Толя.—Д. В. Давыдова, Сочин., т. I, стр. 92.

гардъ Розена, отдалъ его подъ его начальство и приказалъ безостановочно преслѣдовать, соображая свои дѣйствія съ г. Платовымъ.

Когда маршалъ Ней оставилъ Смоленскъ, г. Платовъ занялъ его и, оставивъ въ немъ Егерскій полкъ съ сотнею казаковъ, послалъ вслѣдъ за непріятелемъ отрядъ подъ начальствомъ ген. Денисова, самъ двинулся по правому берегу Днѣпра черезъ Катань къ Дубровнѣ. Войдя въ связь съ отрядомъ ген.-ад. Голенищева-Кутузова, по соображенію фельдмаршала, онъ могъ „наносить великой вредъ непріятелю, который бы покусился идти на Сенно" [1]). На пути г. Платовъ встрѣтилъ часть корпуса Нея, переправившагося послѣ пораженія на правый берегъ Днѣпра у Сырокоренья, и преслѣдовалъ его до самой Орши. Изъ окрестностей Добраго (8-го ноября) главныя силы арміи кн. Кутузовъ двинулъ по направленію къ Копысу „въ надеждѣ перейти тамъ безъ всякаго затрудненія черезъ Днѣпръ, и, находясь на кратчайшей линіи къ Борисову, найти себѣ лучшее продовольствіе", какъ записалъ г. Толь въ военномъ журналѣ. Такимъ образомъ, это движеніе было соображено съ предположеніемъ нанесть рѣшительный ударъ непріятелю при переправѣ черезъ Березину. Подвигаясь отъ Ельни къ Красному, фельдмаршалъ, долго не получая извѣстія отъ адм. Чичагова, терялъ надежду, что Дунайская армія во-время подойдетъ къ Борисову, и въ этомъ смыслѣ писалъ къ г. Витгенштейну. Безъ сомнѣнія, это обстоятельство могло имѣть вліяніе на дальнѣйшія движенія главной арміи; но въ д. Шиловѣ (4-го ноября) онъ получилъ донесеніе адмирала, въ которомъ онъ увѣдомлялъ, что къ 7-му ноября онъ надѣется быть въ Минскѣ. Это извѣстіе обрадовало кн. Кутузова; извѣстивъ о немъ немедленно гр. Витгенштейна и поручивъ ему сблизиться съ Дунайскою арміею, онъ писалъ Государю: „получивъ донесеніе отъ адмирала Чичагова, имѣю счастіе представить оное вашему императорскому величеству. Изъ него усмотрѣть изволите, что армія, имъ командуемая, 7-го ноября должна прибыть въ Минскъ. Сіе движеніе обѣщаетъ самыя счастливыя послѣдствія, ибо отъ Минска остается два марша до Борисова, гдѣ предполагалось общее соединеніе нашихъ силъ. Съ даннаго по сему предписанія гр. Витгенштейну прилагаю при семъ копію. Ген.-ад. Кутузову предписалъ я дѣйствовать чрезъ Духовщину на Бабиновичи, между тѣмъ какъ ген. Платовъ съ казаками будетъ преслѣдовать непріятеля и содержать непрерывное сообщеніе съ гр. Витгенштейномъ, словомъ: слѣдуетъ параллельно непріятелю. Летучіе отряды находятся: гр. Ожаровскаго, Давыдова и Сеславина, первый—между Краснымъ и Лядами, прочіе отправлены къ

[1]) Воен. журналъ за подписью кн. Кутузова. Извѣстія о воен. дѣйствіяхъ стр. 239.

самой Оршѣ. Симъ средствомъ, безпокоя непріятеля со всѣхъ сторонъ и упреждая его, затрудняютъ его маршъ. Съ помощію Всевышняго стараюсь нанести ему величайшій вредъ“ [1]). Послѣ сраженій при Красномъ, сообщая о пораженіяхъ непріятеля, главнокомандующій писалъ адм. Чичагову: „разстройство, въ которое онъ былъ приведенъ, почти невѣроятно. Самъ Наполеонъ ускакалъ съ свитою своею, оставя войска свои на жертву воинамъ нашимъ. Поспѣшайте, ваше высокопревосходительство, къ общему содѣйствію и тогда гибель Наполеона неизбѣжна. Весьма необходимо открыть скорое сношеніе между вашею и главною арміею черезъ Копысъ, Цесержинъ, Улеу, что на Березинѣ, и далѣе на Минскъ“. Извѣщая въ то же время гр. Витгенштейна, онъ призывалъ и его къ общему дѣйствію. „По симъ обстоятельствамъ, — писалъ онъ, — содѣйствіе всѣхъ нашихъ силъ можетъ нанесть неизбѣжную гибель Наполеону“ [1]).

Въ селѣ Добромъ фельмаршалъ получилъ рескриптъ императора, въ которомъ онъ обращалъ особенное его вниманіе на положеніе войскъ гр. Витгенштейна.

Императоръ постоянно слѣдилъ за военными дѣйствіями всѣхъ армій, но, безъ сомнѣнія, наибольшее его вниманіе было обращено на армію гр. Витгенштейна, отъ которой зависѣла судьба Петербурга. Дѣйствуя отдѣльно, безъ связи съ большою арміею, вдалекѣ отъ нея, онъ скорѣе могъ доставлять извѣстія о своихъ дѣйствіяхъ въ Петербургъ и оттуда получать наставленія и подкрѣпленія, нежели изъ Тарутина. Съ полнымъ успѣхомъ гр. Витгенштейнъ выполнилъ свое назначеніе. Отбросивъ непріятеля за Двину, взявъ Полоцкъ, онъ достигъ первоначальной цѣли, къ которой направлены были его дѣйствія—защитилъ Петербургъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ вынудилъ своими дѣйствіями идти противъ него корпусъ маршала Виктора,—послѣдній, на который расчитывалъ Наполеонъ или для помощи одному изъ своихъ корпусовъ, дѣйствовавшихъ на флангахъ, или для подкрѣпленія великой арміи. Вызвавъ его противъ себя въ то время, когда великая армія наиболѣе нуждалась въ помощи Виктора, Витгенштейнъ, изъ частнаго круга своихъ дѣйствій, выходилъ на обширное поприще общихъ дѣйствій всѣхъ нашихъ армій противъ главныхъ силъ непріятеля, долженъ былъ войти въ связь съ ними и дѣйствовать совокупно. Успѣшно отразивъ нападенія непріятеля, гр. Витгенштейнъ до 9-го ноября находился на крѣпкой позиціи при Чашникахъ, не приступая къ наступательнымъ дѣйствіямъ, вѣроятно, не считая себя достаточно сильнымъ, потому что просилъ

[1]) Донесенія отъ 4-го ноября, изъ д. Шилова.

[2]) Предписанія гр. Витгенштейну и адм. Чичагову отъ 6-го ноября, с. Доброе.

подкрѣпленій у императора, и опасаясь дѣйствій со стороны Макдональда[1]). Отъ 25-го октября императоръ писалъ ему: „Усматривая изъ послѣдняго донесенія вашего, что непріятель, бывъ вытѣсненъ изъ позицій своихъ при Улѣ, отступаетъ на Сенно и ваша кавалерія его преслѣдуетъ, я поспѣшаю извѣстить васъ, что по послѣднимъ свѣдѣніямъ, отъ фельдмаршала князя Кутузова мнѣ доставленнымъ, французская армія въ движеніяхъ своихъ беретъ направленіе опять къ Можайску и на Смоленскую дорогу. Сіе заставляетъ думать, что и остатки разбитыхъ вами корпусовъ непріятельскихъ со вновь прибывшимъ корпусомъ Виктора, имѣютъ въ предметѣ соединеніе съ главными силами, отъ Москвы идущими. Хотя, безъ сомнѣнія, вы не упустите ничего къ истребленію непріятеля, тѣмъ не менѣе однакоже нужно вамъ употребить всѣ мѣры и на то, чтобы сколь возможно не допустить упомянутаго соединенія, что въ особенности я поручаю вашему попеченію". Какъ бы ни ослабѣла непріятельская армія отъ тяжкаго отступленія, но на пути она получила бы значительныя подкрѣпленія, присоединивъ къ себѣ войска, дѣйствовавшія въ ея флангахъ. Постоянные упреки, которыми въ своихъ донесеніяхъ императору и лорду Каткарту англійскій агентъ сэръ Робертъ Вильсонъ осыпалъ кн. Кутузова за медленность въ движеніяхъ и нерѣшительность въ дѣйствіяхъ, возбуждали опасенія императора, что большая армія Наполеона не будетъ не только уничтожена, но и обезсилена до такой степени, чтобы соединеніемъ съ разбитыми нѣсколько разъ его корпусами, дѣйствовавшими противъ гр. Витгенштейна, не могла усилиться и избѣжать той участи, которая приготовлялась ей въ его соображеніяхъ при переправѣ черезъ Березину. Въ приведенномъ письмѣ къ гр. Витгеншейну онъ предполагалъ, что, отступая отъ него, маршалъ Викторъ имѣетъ въ виду соединиться съ большою арміею Наполеона. Новыя, полученныя имъ вслѣдъ за тѣмъ извѣстія отъ кн. Кутузова возбудили въ немъ подозрѣніе, что и самъ Наполеонъ изъ Смоленска можетъ двинуться на соединеніе съ маршаломъ Викторомъ. „Я поспѣшаю доставить вамъ сіи свѣдѣнія, — писалъ императоръ гр. Витгенштейну,—для принятія надлежащихъ съ вашей стороны мѣръ къ истребленію замысловъ непріятеля, если бы, перемѣня планъ отступленія, вздумалъ онъ обратиться на корпусъ, вамъ ввѣренный, чего нельзя сдѣлать не присоединя къ корпусу Виктора знатной части ретирующейся арміи отъ Смоленска. Направленіе Виктора на Сенно даетъ нѣкоторую возможность это предполагать. Потому, кажется мнѣ, необходимо нужно вамъ имѣть нынѣ въ виду замѣчанія мои, изъясненныя въ указѣ 25-го октября, о препятствованіи разбитымъ непріятельскимъ

[1]) Донесеніе его государю отъ 20-го октября.

корпусамъ соединиться съ ретирующеюся арміею. Если бы, впрочемъ, и не было въ планѣ непріятеля сдѣлать на корпусъ, вамъ ввѣренный, нападеніе, то все полезно бы вамъ было такъ расположить себя, чтобъ затруднить сколь возможно ретираду непріятельской арміи, истощенной и недостаткомъ продовольствія и холодомъ, а тѣмъ самымъ дать время преслѣдующей оную большой арміи нашей достигнуть непріятеля и нанести ему рѣшительный ударъ" [1]). Давая такія приказанія гр. Витгенштейну, императоръ увѣдомлялъ его въ то же время, что онъ принялъ мѣры для того, чтобы „обезпечить его отъ корпуса Макдональда". Сообщая маркизу Паулуччи, занявшему по смѣнѣ Эссена мѣсто Рижскаго генералъ-губернатора [2]), объ отступленіи главныхъ силъ непріятеля на Смоленскъ, императоръ въ тотъ же день, какъ и къ Витгенштейну, писалъ ему: „Вѣдая благоразуміе ваше, я увѣренъ, что всякое движеніе непріятеля, въ окрестностяхъ Риги находящагося, вамъ совершенно извѣстно. Если бы ретирующійся непріятель, пройдя Смоленскъ, вздумалъ сдѣлать нападеніе на корпусъ гр. Витгенштейна и для содѣйствія корпусъ Макдональда сталъ бы подвигаться къ Полоцку, то вы сами почувствуете сколь нужно будетъ, чтобы стараться оному мѣшать, атакуя его въ тылъ при отступленіи отъ Митавы". Хотя императоръ и дозволилъ уже въ это время гр. Витгенштейну войти въ предложенную имъ переписку съ генераломъ Іоркомъ, съ цѣлію отклонить пруссаковъ отъ содѣйствія Наполеону, но, конечно, не могъ быть увѣреннымъ въ успѣхѣ этой попытки. Гр. Витгенштейнъ, пользуясь прежними сношеніями съ Іоркомъ, рѣшился обратиться къ нему съ подобнымъ предложеніемъ; но напередъ испрашивалъ разрѣшенія императора и препроводилъ къ нему и самое письмо, которое намѣревался отправить прусскому генералу. „Разсмотрѣвъ представленный вами проектъ письма вашего къ прусскому генералу,—отвѣчалъ ему государь,—я съ полною признательностію соизволяю на отправленіе онаго къ нему, пріемля попеченіе ваше новымъ доказательствомъ извѣстнаго всякому уже усердія вашего къ отечеству и неограниченной ко мнѣ приверженности. Позволяя такимъ образомъ намѣреніе ваше привести въ исполненіе, мнѣ остается желать, чтобы и въ новомъ предпріятіи семъ успѣли вы столько же, сколько счастливыми успѣхами сопровождаются военныя ваши предпріятія" [3]). Императоръ также принялъ мѣры, чтобы исполнить желаніе гр. Витгенштейна и усилить его армію казачьими полками.

[1]) Рескриптъ государя отъ 29-го окт. С.-Петербургъ.

[2]) Назначенъ рескриптомъ императора отъ 17-го октября.

[3]) Донесеніе гр. Витгенштейна отъ 22-го окт.; рескриптъ государя отъ 26-го октября.

По дошедшимъ въ Петербургъ свѣдѣніямъ, будто-бы непріятель отрядилъ изъ Смоленска партію въ Торопецъ, Бѣлый и Сычевку, вѣроятно „для сбора въ семъ пространствѣ лошадей, въ которыхъ онъ, по перехваченнымъ его бумагамъ, имѣетъ большой недостатокъ“, писалъ государь кн. Волконскому, поручая составить отрядъ изъ 3-хъ уральскихъ казачьихъ полковъ, слѣдовавшихъ изъ Новгорода къ арміи гр. Витгенштейна, отряда подполковника Дибича, бывшаго въ Бѣльскомъ уѣздѣ, и внутреннихъ ополченій Сычевскаго, Бѣльскаго и Торопецкаго уѣздовъ. Съ этимъ отрядомъ онъ поручалъ ему дѣйствовать противъ непріятеля въ этихъ уѣздахъ [1]). Но это извѣстіе не оправдалось и потому государь предписалъ ему изъ трехъ казачьихъ полковъ оставить у себя одинъ, а два отправить къ графу Витгенштейну Въ виду же общихъ движеній воюющихъ армій, онъ приказывалъ ему—„слѣдовать нынѣ съ отрядомъ своимъ изъ Осташкова черезъ Бѣлый къ Порѣчью. Тверскому же ополченію,—писалъ ему государь,—предписано мною перейти въ Сычевку, черезъ что учредится лучшая связь, и вы съ отрядомъ, вамъ ввѣреннымъ, откроете сношенія какъ съ корпусомъ гр. Витгенштейна, такъ и съ отрядами, отъ большой нашей арміи посланными“. Потомъ начальнику Тверскаго ополченія Тыртову поручалъ императоръ вмѣсто Сычевки идти въ Бѣлой, ожидать потомъ дальнѣйшаго назначенія отъ генералъ-адъютанта Кутузова, принявшаго начальство надъ тѣмъ корпусомъ, который былъ прежде подъ командою барона Винценгероде [2]). Выступивъ изъ Москвы 22-го октября, въ 14 дней генералъ-адъютантъ Кутузовъ достигъ Бабиновичей и вошелъ въ сообщеніе съ арміею гр. Витгенштейна; 30-го октября его передовые отряды уже были между Дорогобужемъ и Духовщиною. Къ 1-му ноября онъ надѣялся соединиться съ ними. Предписывая ему распорядиться Тверскимъ ополченіемъ, государь въ то же время писалъ, чтобы онъ „предписалъ слѣдовать туда же запаснымъ баталіонамъ Жемчужникова“, находившимся въ Твери [3]).

Такимъ образомъ императоръ усиливалъ и обезпечивалъ всѣми способами армію гр. Витгенштейна въ виду той мысли, что Наполеонъ, соединившись съ корпусомъ Виктора, можетъ двинуться противъ него, и уступая его постояннымъ въ виду этой опасности просьбамъ о подкрѣпленіяхъ. „Теперь надо предполагать,—писалъ ему государь,—что армія Чичагова гораздо уже сблизилась съ мѣстомъ, вами зани-

---

[1]) Рескриптъ императора кн. Волконскому отъ 15-го октября.

[2]) Рескрипты императора кн. Волконскому отъ 28-го окт. и 20-го ген.-лейт. Тыртову.

[3]) Рескриптъ ген.-лейт. Кутузову отъ 29-го окт.; донесенія Кутузова отъ 30-го окт. и 9-го ноября.

маемымъ. Возобновляя мнѣніе мое о принятіи предосторожностей на случай, если непріятель, перемѣня планъ ретирады, вздумаетъ обратиться на вашъ корпусъ, повторяю и нынѣ, что вамъ съ своей стороны необходимо нужно имѣть въ виду важный предметъ сей и въ случаѣ какой либо опасности ближе и удобнѣе, кажется, сдѣлано быть можетъ пособіе, по требованію вашему, отъ преслѣдующей непріятеля большой арміи фельдмаршала кн. Кутузова, о чемъ я еще ему сегодня повторяю. Съ другой стороны, приближающаяся армія адмирала Чичагова окажетъ вамъ не малое содѣйствіе; Рижскій же корпусъ слишкомъ удаленъ отъ васъ и не можетъ доставить вамъ иного пособія, какъ только удерживать движеніе Макдональда, бывъ обязанъ пещись о сохраненіи крѣпости Рижской и всего сего края, о чемъ я уже вамъ изъяснилъ въ рескриптѣ отъ 29-го октября" [1]).

Послѣ сраженій подъ Краснымъ, гдѣ корпуса Наполеоновой арміи понесли такія потери, что были почти совершенно разрушены, исключая остатковъ гвардіи, которая сравнительно съ ними потерпѣла менѣе, въ то время когда главная квартира кн. Кутузова перешла въ деревню Доброе, онъ получилъ слѣдующій рескриптъ императора:

„Князь Михаилъ Ларіоновичъ!

„Получилъ я донесенія ваши до 24-го октября. Съ крайнимъ сѣтованіемъ вижу я, что надежда изгладить общую скорбь о потерѣ Москвы, пресѣченіемъ врагу обратнаго пути, совершенно исчезла. Непонятное бездѣйствіе ваше послѣ счастливаго сраженія 6-го числа подъ Тарутинымъ, чѣмъ упущены тѣ выгоды, кои оно предвѣщало, и ненужное и пагубное отступленіе ваше послѣ сраженія подъ Малоярославцемъ до Гончарова, уничтожили всѣ преимущества положенія вашего, ибо вы имѣли всю удобность ускорить непріятеля въ его отступленіи подъ Вязьмою и тѣмъ отрѣзать по крайней мѣрѣ путь тремъ корпусамъ, Давуста, Нея и вице-короля, сражавшимся подъ симъ городомъ. Имѣвъ столь превосходную легкую кавалерію, вы не имѣли довольно отрядовъ на Смоленской дорогѣ, чтобы быть извѣщену о настоящихъ движеніяхъ непріятеля; ибо въ противномъ случаѣ вы бы увѣдомлены были, что 17-го числа Наполеонъ съ гвардіею своею уже прошелъ Гжатскъ. Нынѣ сими упущеніями вы подвергли корпусъ гр. Витгенштейна очевидной опасности, ибо Наполеонъ, оставя передъ вами вышеупомянутые три корпуса, которые вы единственно преслѣдуете, будетъ въ возможности съ гвардіею своею усилить бывшій корпусъ Сенъ-Сира и напасть превосходными силами на гр. Витгенштейна.

---

[1]) Рескриптъ императора 30-го октября.

„Обращая все ваше вниманіе на сіе столь справедливое опасеніе, я напоминаю вамъ, что всѣ несчастія, изъ того проистечь могущія, останутся на личной вашей отвѣтственности. Пребываю вамъ всегда благосклонный“ [1]).

Хотя главные обвинители кн. Кутузова, которые осыпали его упреками за медленность въ дѣйствіяхъ и даже въ совершенномъ бездѣйствіи въ своихъ письмахъ къ императору, гр. Ростопчинъ и Барклай-де-Толли, удалились изъ главной квартиры, но оставался еще баронъ Бенигсенъ и постоянный ходатай за него—сэръ Робертъ Вильсонъ. Самъ Бенигсенъ, не имѣя на то полномочія, не писалъ къ государю; но Вильсонъ пользовался каждымъ случаемъ и почти еженедѣльно извѣщалъ государя и лорда Каткарта о военныхъ дѣйствіяхъ, осыпая похвалами наши войска и укоризнами кн. Кутузова, какъ доказываютъ приведенныя уже нами выдержки изъ его писемъ и донесеній. Сверхъ того, весьма естественное желаніе поскорѣе отмстить непріятелю, причинившему столько бѣдствій отечеству, увлекало нѣкоторыхъ изъ молодыхъ или заносчивыхъ храбростью офицеровъ. Они также полагали, что настало время дѣйствовать наступательно съ особенною силою противъ непріятеля, поставившаго себя въ безвыходное положеніе, сѣтовали на кажущуюся медленность и нерѣшимость фельдмаршала, а нѣкоторые, какъ генералъ Ермоловъ, весьма рѣзко осуждали его. Конечно, подобныя извѣстія въ частныхъ ихъ письмахъ доходили до Петербурга и не могли не тревожить императора. Подъ вліяніемъ такихъ впечатлѣній и былъ написанъ имъ рескриптъ фельдмаршалу.

Князь Кутузовъ отвѣчалъ государю слѣдующимъ донесеніемъ: „Всемилостивѣйшій государь! Изъ донесенія моего сего числа вы усмотрѣть изволите, что̀ сдѣлано при Красномъ, къ которому направлялись всѣ непріятельскія силы. Все сіе не сдѣлано прежде по Смоленской дорогѣ по многимъ причинамъ. Съ самой той минуты, какъ непріятель, послѣ разбитія 6-го числа прошлаго мѣсяца, рѣшился оставить Москву, должно было думать закрыть комуникаціи наши съ Калугою и воспрепятствовать ему входъ въ оную, черезъ которую намѣренъ онъ былъ пройти въ Орловскую губернію и потомъ въ Малороссію, дабы не терпѣть тѣхъ недостатковъ, каковые довели теперь его армію до таковаго бѣдственнаго состоянія; что онъ имѣлъ сіе намѣреніе, подтвердили мнѣ многіе изъ плѣнныхъ генераловъ, и потому должно было заставить его идти по Смоленской дорогѣ, на которой (какъ намъ извѣстно было) онъ не приготовлялъ никакого пропитанія; сіи причины понудили меня, оставя Малоярославецъ, пе-

[1]) Рескриптъ 30-го октября 1812 г. С.-Петербургъ.

рейти на дорогу, выходящую отъ Боровска чрезъ Медынь къ Калугѣ, гдѣ уже находился непріятельскій корпусъ; отъ сего моего движенія, непріятель долженъ былъ, оставя свое намѣреніе, идти черезъ Верею на Смоленскую дорогу; я же шелъ черезъ Медынь къ Боровску, чтобъ сблизиться и, въ случаѣ если нужно, соединиться съ моимъ авангардомъ. Генералъ Милорадовичъ имѣлъ при себѣ 2-й и 4-й корпуса и достаточное число кавалеріи, и, будучи обманутъ ложнымъ извѣстіемъ, принялъ было близко къ Медыни по Боровской дорогѣ; но узнавъ о маршѣ непріятеля отъ Боровска уже къ Вереѣ, направился вслѣдъ за онымъ, но потерялъ однакоже цѣлый маршъ и вышелъ по слѣдамъ непріятеля на Смоленскую дорогу; главная же армія боковою дорогою направилась къ Вязьмѣ. Случилось, что я близко трехъ дней не могъ получить отъ авангарда свѣдѣнія, потому что непріятель бѣгущій разсыпался по сторонамъ дороги и, наконецъ, пришло ложное извѣстіе, будто бы генералъ Милорадовичъ, послѣ сраженія съ непріятелемъ, не доходя до Вязьмы, долженъ былъ отступить; сіи обстоятельства остановили меня на восемь часовъ и армія не могла приблизиться къ Вязьмѣ; сдѣлавъ въ этотъ день сорокъ верстъ маршу, прибыла не ранѣе какъ за полночь,—а могли поспѣть только сорокъ эскадроновъ кирасиръ съ конною артиллеріею, подъ командою генералъ-адъютанта Уварова, которые способствовали къ разбитію непріятеля подъ Вязьмою генераломъ Милорадовичемъ; непріятель не могъ держаться и въ городѣ, гдѣ онъ былъ форсированъ и часть его перебита; онъ того вечера, прошедъ Вязьму, не смѣлъ остановиться, и удалился по Смоленской дорогѣ, прежде нежели армія къ оной приблизиться могла.

„Вотъ причины, которыя воспрепятствовали нанести непріятелю таковой чувствительный ударъ при Вязьмѣ, какой нанесенъ ему при Красномъ; притомъ сказать должно, что при Вязьмѣ не былъ еще онъ въ таковомъ разстройствѣ, имѣлъ еще почти всю артиллерію и тѣхъ знатныхъ потерь въ людяхъ еще сдѣлано имъ не было, которыя онъ понесъ ретирадою до Смоленска. Ошибки, отъ ложныхъ извѣстій иногда происходящія, неизбѣжны; предпріятія въ военныхъ операціяхъ основываются не всегда на очевидности, но иногда на догадкахъ и на слухахъ; ложныя извѣстія, о коихъ упомянулъ я выше, произошли отъ самихъ казаковъ, но и они впали въ сіе недоразумѣніе невиннымъ образомъ.

„Отъ Вязьмы предпріялъ я діагональный маршъ чрезъ Ельню къ Красному, гдѣ и настигъ непріятеля“ [1]).

Безъ сомнѣнія, тяжело было старому фельдмаршалу читать ре-

[1]) Донесеніе кн. Кутузова 7-го ноября, изъ с. Добраго.

скриптъ императора; но онъ понялъ, конечно, возможность его сомнѣній и опасеній и расчитывалъ на то, что ихъ разсѣятъ его донесенія о дѣйствіяхъ при Красномъ, которыя императоръ долженъ былъ получить въ скоромъ времени. Справедливость этихъ донесеній могло подтвердить ему и письмо постояннаго хулителя дѣйствій кн. Кутузова, сэръ Роберта Вильсона, отправленное въ то же время, въ которомъ онъ отказывался уже писать о томъ какъ слѣдовало бы русскому полководцу дѣйствовать—по его мнѣнію, но „рѣшился съ гордостію превозносить дѣйствительные подвиги этой знаменитой арміи". Расчетъ кн. Кутузова былъ совершенно вѣренъ. Взглядъ императора на военныя движенія большой арміи, послѣ полученія извѣстій о сраженіяхъ при Красномъ, совершенно измѣнился и, безъ сомнѣнія, онъ понялъ значеніе донесеній сэръ Роберта Вильсона и оцѣнилъ распоряженія кн. Кутузова, который дѣйствительно не слѣдовалъ совѣтамъ англійскаго агента и не соображалъ вмѣстѣ съ нимъ плановъ военныхъ дѣйствій. Императоръ не думалъ уничтожить армію Наполеона ни при Вязьмѣ, ни при Красномъ, но обезсилить и утомить ее, готовя ей окончательный ударъ при переправѣ черезъ Березину. Перемѣну взглядовъ государя доказываетъ и слѣдующій рескриптъ, полученный кн. Кутузовымъ уже въ Копысѣ: „Доходятъ до меня свѣдѣнія, что вы имѣете справедливый поводъ быть недовольнымъ поведеніемъ генерала Бенигсена. Если сіи слухи основательны, то объявите ему, чтобы онъ отъѣхалъ отъ арміи и ожидалъ во Владимірѣ отъ меня новаго назначенія" [1]). Наименованіе свѣтлѣйшаго князя Кутузова Смоленскимъ, послѣдовавшее вслѣдъ затѣмъ, доказало это и передъ всею Россіей [2]).

Въ это время отношенія между барономъ Бенигсеномъ и фельдмаршаломъ дошли до того, что кн. Кутузовъ намѣревался уже отдѣлаться отъ него удаливъ его изъ арміи, и не принималъ его. Но онъ ничего не писалъ объ этомъ государю, считая, конечно, неумѣстнымъ обращать

---

[1]) Рескриптъ 9-го октября 1812 г. С.-Петербургъ. Замѣчательно, что этотъ рескриптъ, собственноручный, помѣченъ 9-го октября и только мѣсяцъ спустя былъ отправленъ къ фельдмаршалу и полученъ имъ въ Копысѣ. Если это не описка государя, то очевидно, что этотъ рескриптъ былъ написанъ на основаніи тѣхъ извѣстій, которыя привезъ кн. П. М. Волконскій изъ Тарутина объ отношеніи Бенигсена къ кн. Кутузову; но извѣстіе о Тарутинскомъ сраженіи, за которое былъ награжденъ Бенигсенъ, остановило его отсылку. Кн. Кутузовъ отвѣчалъ государю изъ Копыса, 15-го ноября: «По случаю болѣзненныхъ припадковъ ген. Бенигсена и разнымъ другимъ обстоятельствамъ, предписалъ я ему отправиться въ Калугу и ожидать тамъ дальнѣйшаго назначенія отъ вашего величества, о чемъ счастіе имѣю донесть».

[2]) Указъ сенату 6-го декабря, хотя 13-го ноября былъ торжественный молебенъ, послѣ котораго объявлена эта награда. «Сѣверная Почта» 1812 г., № 92.

его вниманіе въ такое важное въ политическомъ отношеніи время на личные вопросы. Въ частныхъ письмахъ однако же онъ не скрывалъ ихъ. „Бенигсена къ себѣ не пускаю и скоро отправлю“, писалъ онъ своей супругѣ. Хотя нѣкоторыя изъ этихъ писемъ и были извѣстны петербургскому обществу, а именно то, изъ котораго заимствованы эти строки [1]), но императоръ достаточно зналъ объ этихъ отношеніяхъ изъ писемъ Вильсона, какъ непосредственно къ нему писанныхъ, такъ и къ лорду Каткарту. Находя опору въ Бенигсенѣ, обладавшемъ военными познаніями и опытностію, онъ давалъ полный ходъ своей воинственной отвагѣ и заносчивости; баронъ Бенигсенъ, съ своей стороны, увлекаясь этими качествами своего друга, въ качествѣ начальника штаба, настойчиво предлагалъ свои совѣты кн. Кутузову. Но съ тѣхъ поръ, какъ онъ пересталъ слушать эти совѣты и принимать его, Бенигсенъ измѣнилъ свой образъ дѣйствій.

„Бенигсенъ унимается, видя, что и безъ него можно обойтись“, приписывалъ кн. Кудашевъ въ одномъ изъ писемъ кн. Кутузова къ его супругѣ, прибавляя однако-же: „но все бы лучше его услать. Если увидите кн. Петра Михайловича (Волконскаго), вспомните ему Бенигсена въ тѣ три дня, когда велѣно было ему атаковать во время его пребыванія въ арміи“ [2]). „Бенигсенъ, по повелѣнію фельдмаршала, удалился изъ арміи,—писалъ Вильсонъ къ лорду Каткарту. Раздоры были предосудительны для службы; фельдмаршалъ упорствовалъ. Въ это время однакоже Бенигсенъ для пользы службы выразилъ свое желаніе примириться. Теперь императору предстоитъ выразить свое мнѣніе о достоинствахъ соперниковъ. Я не говорю, чтобы Бенигсенъ, будучи главнокомандующимъ, послѣдовалъ тому своему совѣту, который онъ давалъ какъ подчиненный; но имѣй онъ власть фельдмаршала, я увѣренъ, что Бонапартъ не существовалъ бы болѣе“ [3]). Эти слова достаточно обличаютъ свойства совѣтовъ Бенигсена, если бы онъ самъ не послѣдовалъ имъ, будучи на мѣстѣ кн. Кутузова, и доказываютъ почему они раздражали опытнаго и умнаго главнокомандующаго, котораго трудно было обмануть, даже Бенигсену. Но вмѣстѣ съ этими качествами кн. Кутузовъ обладалъ необыкновенною любезностію въ обхожденіи со всѣми его окружающими. Получивъ разрѣшеніе императора, онъ, воспользовавшись болѣзнью Бенигсена, уже выздоравливавшаго въ это время, хотѣлъ устроить такъ его удаленіе,

---

[1]) Письмо кн. Кутузова къ его супругѣ отъ 30-го октября; гр. Местръ Correspond. diplomatique, т. I, стр. 253—254.

[2]) Письмо отъ 28-го окт. изъ Ельни.

[3]) Письмо къ лорду Каткаргу изъ Орши отъ 18-го ноября (1-го дек.).

чтобы не воспользоваться данною ему властію; но Бенигсенъ этого не понялъ и вынудилъ его дѣйствовать рѣшительно.

„Я забылъ въ послѣднемъ письмѣ разсказать тебѣ случай, по которому ты можешь судить объ характерѣ фельдмаршала Кутузова,— писалъ Бенигсенъ къ своей супругѣ. На третій день моей болѣзни, при встрѣчѣ съ кн. Сергѣемъ Голицынымъ, онъ спросилъ его: каковъ Леонтій Леонтьевичъ? На его отвѣтъ, что я чувствую себя уже гораздо лучше, онъ сказалъ: если онъ хочетъ уѣхать, чтобы отдохнуть и поправить свое здоровье, то я могу это для него устроить безъ вмѣшательства Петербурга. Я, признаюсь, повѣрилъ и принялъ за чистыя деньги это заявленіе; но когда онъ замѣтилъ, что не можетъ прилично отдѣлаться отъ меня, онъ прислалъ мнѣ, безо всякаго повода, приказъ оставить армію и, опасаясь, чтобы я не изобличилъ всѣ его лживыя донесенія императору, онъ вздумалъ сослать меня въ Калугу. Какъ нравится тебѣ этотъ человѣкъ?“ [1]).

Преслѣдуя великую армію Наполеона въ ея бѣгствѣ, князь обращалъ вниманіе на возможность опаснаго положенія для войскъ графа Витгенштейна, еслибъ Наполеонъ двинулся на Сенно; но получивъ рескриптъ и зная уже, что непріятель отступаетъ на Оршу и войскамъ гр. Витгенштейна не можетъ угрожать особенная опасность, онъ немедленно отвѣчалъ императору: „Всеподданнѣйше смѣю увѣрить, что непріятель со всѣми силами своими не въ состояніи нанесть вреда гр. Витгенштейну. Армія непріятельская лишена способовъ отдѣлиться отъ меня—я всегда по слѣдамъ за нею. Генералъ Платовъ въ соединеніи съ отрядомъ генералъ-адъютанта Кутузова безпрестанно угрожаютъ непріятелю съ праваго фланга. Всѣ сіи причины довольно сильны развлечь непріятеля и особливо въ теперешнихъ его обстоятельствахъ. Въ случаѣ если бы непріятелю скрытными движеніями удалось выиграть надъ нами нѣсколько маршей и тогда, соединясь со всѣми своими силами, угрожать нападеніемъ на гр. Витгенштейна, тогда онъ, переправясь за Двину, на нѣсколько дней совсѣмъ уже обезпечитъ себя и между тѣмъ дастъ способы сблизиться главной арміи съ нимъ. Къ тому же и адмиралъ Чичаговъ къ 9-му или 10-му числу можетъ быть къ Борисову: ибо онъ 7-го въ Минскѣ. Вообще можно сказать, что Наполеонъ не имѣетъ въ виду соединиться съ силами своими для нападенія на гр. Витгенштейна: для совершенія таковаго намѣренія онъ взялъ бы прямѣйшій трактъ чрезъ Любавичи, Бабиновичи на Сенно“ [2]). Въ то же время онъ далъ новое приказаніе гене-

[1]) Письмо изъ Витебска отъ 24-го ноября.

[2]) Донесеніе кн. Кутузова государю 7-го ноября изъ с. Добраго.

ралу Платову. Хотя фельдмаршалъ и былъ увѣренъ, что Наполеонъ будетъ отступать на Оршу, но „крайнее положеніе Наполеона можетъ побудить его на отчаянныя мѣры,—писалъ кн. Кутузовъ къ генералу Платову. Дабы очистить себѣ путь въ Литву и для того, если переправится онъ въ Дубровнѣ, то конечно въ томъ намѣреніи, чтобы идти на Сенно и, соединясь тамъ съ маршаломъ Сенъ-Сиромъ, напасть въ превосходныхъ силахъ на гр. Витгенштейна". Фельдмаршалъ, конечно, зналъ, что остатки Наполеоновской арміи не могли подкрѣпить Сенъ-Сира и что даже въ этомъ случаѣ едва-ли непріятель оказался бы въ превосходныхъ силахъ передъ Витгенштейномъ; но писалъ это для того, чтобы побудить къ бо̀льшей дѣятельности атамана, указывая ему на важность возлагаемаго на него порученія. „Держась постоянно вправо отъ непріятеля, не имѣя болѣе нужды переправляться черезъ Днѣпръ, вы можете съ удобностью, выигравъ маршъ надъ Наполеономъ, атаковать по удобности и, безъ сомнѣнія, привести его въ такое же отчаянное положеніе, какъ и вице-короля италіянскаго, вами пораженнаго" [1]). Въ тотъ же самый день кн. Кутузовъ, въ предписаніи гр. Витгенштейну, исчисливъ подробно потери непріятеля, писалъ: „изъ сего простаго начертанія увидите, какія чрезвычайныя потери понесла главная непріятельская армія въ теченіе послѣднихъ пяти дней; отъ сего лишилась она почти всей своей артиллеріи и военнаго духа, прежде въ ней существовавшаго. Изъ сего слѣдуетъ, что одно центральное дѣйствіе нашихъ армій на остальныя непріятельскія силы, съ помощію Божіею, угрожаетъ Наполеону новымъ пораженіемъ и совершеннымъ истребленіемъ силъ его, а потому, по теперешнему положенію нашихъ и непріятельскихъ войскъ, дѣлаются главною нашею арміею слѣдующія движенія. По правому берегу Днѣпра дѣйствуетъ генералъ Платовъ съ 15-ю казачьими полками, Донскою артиллеріею и первымъ егерскимъ полкомъ. Ему предписано дѣйствовать и тревожить безпрестанно непріятеля не только во флангъ, но и предупреждать его въ головѣ колонны. Правѣе отъ него дѣйствуетъ генералъ-адъютантъ Голенищевъ-Кутузовъ, который въ связи съ генераломъ Платовымъ. Сей послѣдній прибылъ уже противъ мѣстечка Дубровны. Съ лѣвой стороны конвоируютъ непріятеля три партизана, безпрестанно безпокоющіе въ маршѣ непріятеля,—изъ коихъ первый близь Орши. Съ тылу тѣснимъ аріергардъ непріятельскій нашимъ авангардомъ, а армія быстро идетъ фланговымъ маршемъ къ Копысу, гдѣ, по переправѣ черезъ Днѣпръ, возьметъ направленіе сообразно движенію непріятельской арміи. Изъ сего ваше сіятельство усмотрѣть можете, что дѣйствія ваши на правый флангъ непріятеля удобны и

[1]) Предписаніе атаману Платову отъ 7-го ноября. с. Доброе.

подкрѣпляемы будутъ генералами Платовымъ и Кутузовымъ, коимъ даны нужныя на то наставленія. Изъ вашего рапорта я усмотрѣлъ, что Викторъ отдѣлился отъ Сенъ-Сира, почему и заключаю, что ваше сіятельство, воспользовавшись раздѣленіемъ силъ непріятельскихъ, разбили совершенно послѣдняго, и если же паче чаянія сіе по какимъ-либо обстоятельствамъ не случилось и Сенъ-Сиръ соединился съ остальнымъ числомъ непріятельской арміи, которая угрожала бы нападеніемъ на васъ, тогда корпусъ вашъ въ окрестностяхъ Гомеля и Ушача, безъ сомнѣнія, найдетъ крѣпкую, безопасную позицію или на время можетъ отступить за Двину и войти со мною въ прямое сообщеніе".

Всѣ эти свѣдѣнія о движеніи войскъ были извѣстны гр. Витгенштейну изъ прежнихъ предписаній фельдмаршала. Еще до сраженій при Красномъ, онъ предупреждалъ гр. Витгенштейна о возможности движенія Наполеона на его армію съ цѣлію соединенія съ маршаломъ Викторомъ и поручалъ ему: „для избѣжанія неравнаго боя, занять какую нибудь крѣпкую позицію или дефилею, черезъ которую Наполеонъ долженъ будетъ проходить, истребивъ передъ нимъ всѣ переправы, чѣмъ замедлится его движеніе" [1]). Поэтому едва-ли при этомъ случаѣ онъ имѣлъ въ виду его одного. Сообщая списокъ съ этого предписанія императору въ тотъ же день, очевидно, что хотѣлъ ему сообщить подробныя свѣдѣнія, изложенныя въ этомъ предписаніи. Отправивъ напередъ значительныя силы подъ начальствомъ Ермолова, Платова и Милорадовича съ цѣлію быстро преслѣдовать бѣжавшаго непріятеля, кн. Кутузовъ шелъ за ними со всею арміею. Главная квартира, 9-го ноября, находилась въ мѣстечкѣ Ланники, Гродненской губерніи. Непріятель былъ уже изгнанъ изъ предѣловъ древней Россіи. Когда наши войска вошли въ Бѣлоруссію, которую поляки считали уже навсегда отторгнутою отъ Россіи, они попрятались, или удалились, ожидая возмездія. Наши войска встрѣчали однихъ евреевъ, которые заявляли, что были увѣрены, „что французамъ худо будетъ; у нашего государя,—говорили они,—сила войска, сила народа", что они все Богу молились, чтобъ „москали звернулись", что французы давали имъ золота, посылая шпіонами въ нашу армію, но никто,—говорили они—„никто не хотѣлъ брать ихъ поганыхъ грошей, а у насъ были такіе же, ходили къ москалямъ въ армію до генераловъ и даромъ сказывали имъ, что у французовъ дѣется" [2]). Евреевъ ободрило мирное отношеніе къ нимъ нашихъ войскъ; а за тѣмъ ободрилъ и поляковъ изданный фельдмаршаломъ въ Ланникахъ слѣдующій при-

[1]) Предписаніе отъ 3-го ноября, изъ с. Юрова.
[2]) Записки артиллериста, т. I, стр. 276—277.

казъ войскамъ: „вступая съ арміею въ Бѣлоруссію, въ тотъ край, гдѣ, при нашествіи непріятеля, нѣкоторые изъ неблагонамѣренныхъ, пользуясь бывшими замѣшательствами, старались разными лживыми увѣреніями ввести въ заблужденіе мирныхъ поселянъ и отклонить ихъ отъ священныхъ и присягою запечатлѣнныхъ обязанностей законному ихъ государю, я нахожу нужнымъ всѣмъ арміямъ, мною предводительствуемымъ, строжайше воспретить всякій духъ мщенія и нареканія въ чемъ-либо жителямъ Бѣлорусскимъ, тѣмъ паче причиненія имъ обидъ и притѣсненій. Напротивъ, да встрѣтятъ они въ насъ, яко соотчичи и подданные всемилостивѣйшаго государя нашего, братьевъ, защитниковъ отъ общаго врага и утѣшителей во всемъ томъ, что они потеряли въ краткую бытность подъ игомъ чуждой и насильственной власти, и съ пришествіемъ нашимъ да водворятся между ними тишина и спокойствіе.

„Обывателямъ же Бѣлорусскимъ объявляется —отнюдь не дѣлать непріятелю никакихъ пособій ни прямымъ, ни постороннимъ образомъ, ни способствовать ему извѣстіями, и кто отъ сего времени въ противность сему поступитъ, сужденъ будетъ и казнь получитъ по военнымъ законамъ. Добрымъ же поведеніемъ и послушаніемъ сему приказу моему могутъ загладить и тѣ впечатлѣнія, которыя нѣкоторые изъ нихъ поступками своими о себѣ подали“ [1]). Этотъ приказъ фельдмаршалъ велѣлъ объявить какъ всѣмъ войскамъ, такъ и въ обѣихъ Бѣлорусскихъ губерніяхъ. Хотя это правительственное наименованіе Екатерининскихъ временъ сохранилось и въ то время и совершенно совпадало съ населявшимъ его народомъ, однако при спутавшихся въ послѣдствіи понятіяхъ, этотъ край считали польскимъ, потому что горсть поляковъ, пользовавшихся политическими правами, обладала лишеннымъ всѣхъ правъ Бѣлорусскимъ населеніемъ. При вторженіи французовъ, народонаселеніе этихъ губерній и Литовскихъ выразило свое отношеніе къ полякамъ и, конечно, ему и на мысль не приходило содѣйствовать возстановленію стараго Польскаго королевства. Но такой смыслъ придавался тогда приказу кн. Кутузова и великодушному побѣдителю такъ и должно было поступать въ отношеніи къ побѣжденному врагу. Императоръ былъ очень доволенъ приказомъ фельдмаршала и свое удовольствіе немедленно выразилъ ему въ слѣдующемъ собственноручномъ письмѣ: „Съ особеннымъ удовольствіемъ вижу въ приказѣ, отданномъ вами при вступленіи арміи въ Бѣлоруссію, точное и скорое исполненіе моей воли, изъявленной вамъ при отбытіи вашемъ изъ столицы. Благодарю васъ за своевременное принятіе мѣръ

[1]) Приказъ 9-го ноября, данный въ м. Лапникахъ.

къ сохраненію обоюднаго согласія между обывателями и войсками и къ забвенію прошедшихъ заблужденій, въ кои увлечены были первые лживыми обѣщаніями всеобщаго врага и возстановленія ихъ отечества. Я увѣренъ, что дѣйствіе означеннаго приказа распространено вами будетъ и на прочія арміи и что, при извѣстной попечительности вашей о благѣ общемъ, не оставите вы наблюдать за исполненіемъ онаго во всей силѣ, какъ по военной, такъ и по гражданской части" [1]). Это письмо служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательнымъ свидѣтельствомъ, что мысль о томъ, что непріятель вынужденъ будетъ къ отступленію, конечно, не принудивъ Россію къ заключенію постыднаго мира, была уже въ виду въ то время, когда императоръ назначилъ кн. Кутузова главнокомандующимъ всѣми войсками. Впрочемъ, это доказываетъ и общій планъ для дѣйствій войскъ при переправѣ непріятеля чрезъ Березину, составленный за два слишкомъ мѣсяца передъ тѣмъ временемъ, когда онъ могъ быть приведенъ въ исполненіе. Это время наступало и кн. Кутузовъ принялъ мѣры къ его исполненію. Авангардъ подъ начальствомъ Ермолова, быстро подвигаясь къ Лядамъ и Дубровнѣ, гдѣ совершилъ затруднительную переправу по мосту, построенному на скорую руку, двинулся на соединеніе съ Платовымъ. Ледъ, шедшій по рѣкѣ, разломалъ мостъ и его обозы остались по эту сторону и потомъ большою дорогою достигли Орши [2]). Гр. Платовъ вытѣснилъ аріергардъ непріятеля, занявъ Оршу на другой день послѣ отступленія (9-го ноября), и потомъ двинулся за нимъ къ Коханову.

Между тѣмъ, желая еще болѣе усилить преслѣдованіе, кн. Кутузовъ предписалъ Милорадовичу со всѣми ввѣренными его начальству корпусами, составлявшими авангардъ большой арміи, идти усиленными переходами на Боево къ Копысу, гдѣ онъ долженъ быть переправиться чрезъ Днѣпръ. Эта переправа заняла довольно времени, потому что надо было устроить мостъ; не смотря на то, Милорадовичъ, выступивъ 9-го ноября изъ-подъ Краснаго, надѣялся къ 12-му быть въ Толочинѣ. Генер. Ермолову приказано было удѣлить часть пѣхоты гр. Платову, если бы онъ потребовалъ; но его назначеніе заключалось въ томъ, чтобы составлять второй авангардъ большой арміи; но двинувъ главный авангардъ Милорадовича для преслѣдованія отступавшаго непріятеля, кн. Кутузовъ, естественно, предписалъ Ермолову присоединиться къ нему и такъ какъ онъ перешелъ уже Днѣпръ, то остановиться въ Толочинѣ и тамъ ожидать Милорадовича. Ген. Ермоловъ заподозрилъ въ этомъ предписаніи какія-то злыя противъ него козни

---

[1]) Рескриптъ императора 19-го ноября.

[2]) Записки А. П. Ермолова, т. I, стр. 257.

лицъ, окружавшихъ фельдмаршала. „Я поспѣшилъ,—говоритъ онъ,—соединиться съ ген. Платовымъ. Онъ согласился подтвердить мое донесеніе фельдмаршалу, что повелѣніе его дождаться авангардъ въ мѣстечкѣ Толочинѣ я получилъ пройдя уже его, хотя я находился за одинъ еще переходъ, и представилъ съ своей стороны, что, вступая въ огромные лѣса Минской губерніи, ему необходима пѣхота, почему и предложилъ онъ мнѣ слѣдовать съ собою или сколько можно ближе" [1]).

Летучіе отряды также не упускали изъ виду непріятеля и, преслѣдуя его по всѣмъ направленіямъ, находились 7-го ноября: генералъ Бороздинъ въ Казянахъ, гр. Ожеровскій въ д. Михалиново, подполковники Давыдовъ въ м. Ланники по дорогѣ къ Копысу, Сеславинъ около большой дороги въ Оршу, у д. Крапивны. Они должны были наблюдать за непріятелемъ съ фланговъ и наносить вредъ отдѣлявшимся отъ него отрядамъ—Давыдовъ и Сеславинъ слѣва, Фигнеръ и Бороздинъ справа въ то время, когда гр. Платовъ дѣйствовалъ въ тылъ по большой дорогѣ и авангардъ Милорадовича сближался съ нимъ. Ежедневно наши легкіе отряды нападали на непріятельскія партіи, били ихъ и забирали много плѣнныхъ. Д. В. Давыдову удалось даже очистить отъ непріятеля Копысъ и захватить кавалерійское депо [2]).

Содѣйствуя съ своей стороны къ успѣшному приведенію въ исполненіе предначертаній императора о нанесеніи рѣшительнаго удара непріятелю при Березинѣ, кн. Кутузовъ предпринималъ мѣры, чтобы, сближаясь постепенно, войти въ связь какъ съ гр. Витгенштейномъ, такъ и съ адмираломъ Чичаговымъ. Гр. Витгенштейнъ оставался въ оборонительномъ положеніи при Чашникахъ до 10-го ноября, когда Удино уже отдѣлился отъ Виктора и пошелъ къ Борисову. Вслѣдъ за нимъ, прикрывая его движеніе, отступилъ отъ Череи и маршалъ Викторъ. Гр. Витгенштейнъ направилъ вслѣдъ за нимъ свой авангардъ, который имѣлъ нѣсколько дѣлъ съ аріергардомъ Виктора, а самъ медленно двигался за нимъ, въ то время, когда Наполеонъ поспѣшно шелъ изъ Орши къ Борисову и когда онъ получилъ уже письмо отъ гр. Ланжерона, который увѣдомилъ его о занятіи Борисова Дунайскою арміею.

Дѣйствія этой арміи, какъ наиболѣе отдаленной отъ главныхъ силъ кн. Кутузова, ему не были извѣстны. При ея приближеніи было затруднительно открыть съ ней сообщеніе, потому что между ею и большою арміею находились непріятельскія войска. Не смотря на то, кн. Кутузовъ, изъ деревни Ланники, отправилъ къ адмиралу Чичагову флигель-адъютанта Орлова съ слѣдующимъ предписаніемъ: „посланный

[1]) Записки Ермолова, т. I, стр. 257.

[2]) Воен. журналъ ген. Толя; Д. В. Давыдова, Сочин., т. I, стр. 93—96.

при семъ къ вашему высокопревосходительству флигель-адъютантъ гвардіи поручикъ Орловъ объяснитъ вамъ на словахъ разстроенное положеніе непріятельской арміи. Между тѣмъ, изъ полученныхъ извѣстій видно, что Наполеонъ сего 8-го числа выступилъ съ гвардіею своею изъ Орши къ Коханову, изъ чего и заключать должно, что армія его пойдетъ въ семъ же направленіи. Ген.-отъ-кавалеріи Платовъ, подкрѣпленный авангардомъ ген.-маіора Ермолова, изъ 14-ти баталіоновъ пѣхоты, двухъ полковъ кирасировъ и двухъ ротъ артиллеріи состоящій, идетъ по пятамъ непріятеля, а главная армія сего 12-го числа переправится чрезъ Днѣпръ при Копысѣ и пойдетъ въ направленіи чрезъ Староселье, Бѣлыничи и Погостъ. Главной арміи авангардъ, подъ командою генерала Милорадовича, состоящій изъ 2-го и 7-го корпусовъ при 2-й кавалерійской дивизіи и четырехъ казачьихъ полкахъ, переправясь 11-го числа, пойдетъ въ направленіи чрезъ Староселье на Толочинъ, гдѣ соединятся оба наши авангарда и составятъ значительную массу войскъ, вслѣдъ за непріятелемъ стремящихся. Вслѣдствіе чего ваше высопревосходительство усмотрите, что если гр. Витгенштейнъ, будучи удержанъ Викторомъ и Сенъ-Сиромъ, не былъ бы въ состояніи содѣйствовать вамъ въ пораженіи непріятеля, то вы, соединенно съ ген.-лейт. Эртелемъ и ген.-маіоромъ Лидерсомъ, довольно сильны будете разбить бѣгущаго и тѣснимаго отъ меня непріятеля, который почти безъ артиллеріи и кавалеріи. Легко быть можетъ, что Наполеонъ, видя невозможность очистить себѣ путь чрезъ Борисовъ къ Минску, повернетъ отъ Толочина или Бобра на Погостъ и Игуменъ, захочетъ пробраться на Волынь, для чего неизлишне было бы наблюдать за его партизанами, дабы заранѣе быть извѣщеннымъ о его движеніи и тѣмъ его предупредить". Опасаясь, что Орловъ можетъ быть задержанъ, черезъ три дня кн. Кутузовъ послалъ другое отношеніе къ адмиралу (13-го ноября): „Послѣ сильнаго пораженія непріятеля подъ Краснымъ,— писалъ онъ,—главная непріятельская армія направилась на Оршу и, перейдя Днѣпръ при семъ мѣстѣ, оставила оный городъ 9-го числа. Генералъ Платовъ съ 15-ю казачьими полками, ген.-маіоръ Бороздинъ съ 6-ю—слѣдуютъ по бокамъ отступающаго непріятеля, тогда какъ ген. Милорадовичъ съ главнымъ авангардомъ арміи, состоящимъ изъ 54-хъ баталіоновъ пѣхоты и одного корпуса кавалеріи, слѣдуетъ по пятамъ непріятеля. Безъ сомнѣнія, Наполеонъ, отступая чрезъ Кохановъ и Толочинъ къ Бобру, присоединитъ къ себѣ Сенъ-Сира, вслѣдствіе чего предписано отъ меня гр. Витгенштейну, соединенно съ г.-ад. Кутузовымъ, не упуская его изъ виду, слѣдовать быстро за нимъ. Ваше высокопревосходительство усмотрѣть изволите, что по мѣрѣ соединенія силъ непріятельскихъ въ направленіи

къ Борисову, сблизятся и силы наши для нанесенія сильнаго и, быть можетъ, послѣдняго удара непріятелю. Если Борисовъ занятъ непріятелемъ, то вѣроятно, что оный, переправясь чрезъ Березину, пойдетъ прямѣйшимъ путемъ къ Вильнѣ, идущимъ чрезъ Зембинъ, Плещеницы и Вилейку. Для предупрежденія сего, необходимо, чтобы ваше высокопревосходительство заняли бы отрядомъ дефиле при Зембинѣ, въ коемъ удобно удержать можно гораздо превосходнѣйшаго непріятеля. Главная наша армія отъ Копыса пойдетъ чрезъ Староселье и Цесаржинъ къ мѣст. Березинѣ, во первыхъ, для того, чтобы найти лучшее для себя продовольствіе, во вторыхъ, чтобы упредить непріятеля, еслибъ пошелъ онъ отъ Бобра чрезъ Березино на Игуменъ, чему многія извѣстія даютъ поводъ къ заключеніямъ. Ниже города Борисова въ 8-ми верстахъ, при дер. Ухолодѣ, весьма удобные броды для прохода кавалеріи" [1]).

Изъ этихъ отношеній фельдмаршала видно, что онъ не имѣлъ точныхъ свѣдѣній о дѣлахъ арміи Чичагова, полагая, что корпусъ Эртеля соединился съ нимъ, но уже не расчитывая на соединеніе съ нимъ гр. Витгенштейна, который еще находился въ Чашникахъ; полагалъ, что Дунайская армія достаточно сильна, чтобы встрѣтить и разбить бѣгущаго непріятеля. Вслѣдъ за тѣмъ князь узналъ положительно, что армія Наполеона идетъ на Толочинъ, и полагая, что Борисовъ еще находится въ рукахъ непріятеля, гдѣ непріятель и постарается совершить переправу, съ тѣмъ, чтобы прямымъ путемъ идти на Зембинъ и Вилейку къ Вильнѣ. Въ томъ случаѣ, если бы адмиралу не удалось остановить переправы у Борисова, онъ поручалъ ему занять дефилеи у Зембина, гдѣ возможно было, и съ меньшими силами противъ непріятеля, остановить его и задержать до прибытія другихъ войскъ, дѣйствовавшихъ ему во фланги и въ тылъ. Меньшія силы противъ непріятеля у адмирала Чичагова онъ предполагалъ потому, что, вслѣдствіе медленнаго дѣйствія гр. Витгенштейна, думалъ, что маршаламъ Удино и Сенъ-Сиру удастся избѣжать пораженія и, соединясь съ Наполеономъ, доставить ему значительное подкрѣпленіе. Но положеніе адмирала представляло болѣе выгодъ въ это время, потому что Борисовъ находился уже въ его власти съ единственнымъ мостомъ, по которому безъ особыхъ приготовленій могъ немедленно перепра-

[1]) Воен. журналъ г. Толя. Приводимъ вполнѣ эти два отношенія, на томъ же основаніи, почему генер. Толь включилъ ихъ въ свой журналъ. «Многіе полагаютъ,—говоритъ онъ,—что во время приближенія арміи адм. Чичагова въ Березинѣ, кн. Кутузовъ яко-бы повелѣніями своими адмиралу Чичагову привелъ его въ недоумѣніе, чрезъ что будто-бы и удалось Наполеону обмануть адмирала; то въ объясненіе сего за нелишнее почитаю при семъ приложить копіи съ двухъ къ нему отношеній кн. Кутузова».

виться Наполеонъ. Кн. Кутузовъ во всякомъ случаѣ ясно опредѣлилъ пространство, которымъ ограничивались дѣйствія адмирала Чичагова: съ одной стороны Зембинъ, на который онъ обращалъ особенное его вниманіе, съ другой—Игуменъ, гдѣ поручалъ онъ ему имѣть только партизанскіе отряды, на тотъ случай, чтобы во-время быть предупрежденнымъ, если бы Наполеонъ, опасаясь встрѣтить сильное сопротивленіе со стороны адмирала при переправѣ въ Борисовѣ, пошелъ бы на Игуменъ, чтобы пробраться на Волынь, гдѣ могъ соединиться съ кн. Шварценбергомъ и Ренье. Такимъ образомъ дѣйствіе Дунайской арміи главнымъ образомъ опредѣлилось м. Березинымъ, Борисовымъ и Зембиномъ. Владѣя Борисовымъ, адмиралъ могъ если не удержать Наполеона, то во всякомъ случаѣ замедлить переправу.

Гр. Витгенштейнъ доносилъ императору, 12-го ноября, что маршалы Викторъ и Удино отступаютъ. „Я иду за ними,—писалъ онъ,—и вчерашняго числа взято болѣе 800 плѣнныхъ и много обозовъ; гр. Платовъ идетъ за большою непріятельскою арміею уже къ Толочину, изъ чего вы усмотрѣть изволите, что непріятеля тѣснимъ мы съ трехъ сторонъ: сзади преслѣдуетъ гр. Платовъ, я дѣйствую во флангъ и адміралъ Чичаговъ долженъ его въ Борисовѣ встрѣтить“ [1]). Это донесеніе дополнялось извѣстіями о движеніи главной арміи и ея авангарда, которыя сообщилъ кн. Кутузовъ государю въ отношеніи отъ 14-го ноября. „По всѣмъ извѣстіямъ,—писалъ онъ,—о направленіи дальнѣйшей непріятельской ретирады полученнымъ, заключить должно, что оное воспослѣдуетъ чрезъ Борисовъ и потому къ воспрепятствованію въ семъ и къ пораженію его на всякомъ шагу сдѣлано слѣдующее распоряженіе:

„По пятамъ непріятеля идетъ сильный авангардъ изъ двухъ корпусовъ подъ командою генерала Милорадовича, равно и гр. Платовъ съ 15-ю полками казаковъ, 12-ю баталіонами пѣхоты, нѣсколькими ротами конной и пѣшей артиллеріи, съ обязанностью обходить правый флангъ непріятеля для воспрепятствованія всякаго фуражированія; поправѣе же отряда гр. Платова находится отрядъ генералъ-адъютанта Кутузова, которому предписано состоять въ командѣ генерала гр. Витгенштейна. Такимъ образомъ всѣ сіи значущія силы непремѣнно должны поражать непріятеля еще до переправы чрезъ Березину, или по крайней мѣрѣ при переправѣ. Адміралу Чичагову поставлено на видъ дѣйствовать на головы колоннъ по переправѣ чрезъ Березину и въ особенности пользоваться трудными дефилеями при Зембинѣ. Полѣвѣе же отступающаго непріятеля находятся три отряда партизановъ, для воспрепятствованія всякаго фуражированія и для извѣ-

---

[1]) Донесеніе отъ 12-го ноября, изъ Череи.

щенія о всѣхъ движеніяхъ. Главныя силы нашей арміи слѣдуютъ прямо на мѣстечко Березино, какъ для воспрепятствованія непріятелю взять налѣво къ Игумену, такъ же и потому, что единственно по сему направленію можно найти продовольствіе, достаточное для арміи".

Это отношеніе писано кн. Кутузовымъ изъ Копыса. Въ движеніи туда армія должна была остановиться на день при Ланникахъ, потому что въ этотъ день (11-го ноября) авангардъ Милорадовича приготовлялъ мостъ черезъ Днѣпръ въ Копысѣ и потомъ переправлялъ авангардъ для движенія къ Толочину. На другой день главная квартира фельдмаршала перешла въ Копысъ, а главная армія пришла туда 13-го ноября; на другой день (14-го) перешли Днѣпръ „при Копысѣ и расположились въ окрестностяхъ мѣстечка Староселья, гдѣ и главная квартира фельдмаршала остановилась" [1]). Во время пребыванія въ Копысѣ (съ вечера 12-го до утра 14-го ноября), кн. Кутузовъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія: „главная армія,—сказано въ военномъ журналѣ г. Толя,—въ быстромъ преслѣдованіи за непріятелемъ отъ гор. Малоярославца къ гор. Красному и въ частыхъ сраженіяхъ съ онымъ понесла чувствительную потерю въ людяхъ, какъ убитыми, ранеными, заболѣвшими и усталыми, такъ и въ лошадяхъ подъ кавалеріею и артиллеріею, то и было, по повелѣнію фельдмаршала кн. Кутузова, начальникомъ главнаго штаба ген.-лейт. Коновницынымъ сдѣлано распоряженіе относительно главныхъ сборныхъ мѣстъ для раненыхъ, больныхъ и отсталыхъ солдатъ, назначивъ на сей предметъ по Днѣпру города: Оршу, Могилевъ, Копысъ, да сверхъ оныхъ еще Смоленскъ и Вязьму. Господамъ комендантамъ было поставлено въ обязанность еженедѣльно доносить какъ о прибывающихъ въ помянутыя мѣста, такъ и объ отправленныхъ командахъ, не менѣе 500 человѣкъ вдругъ, къ арміи. Касательно же артиллеріи оставлено было при Копысѣ 12 ротъ, лошадьми коихъ и частью артиллеристовъ укомплектованы были тѣ роты, которыя съ арміею далѣе слѣдовать должны были".

Кн. Кутузовъ имѣлъ въ виду не вызывать непріятеля на рѣшительное сраженіе, но, преслѣдуя его съ фланга и заходя впередъ при каждомъ удобномъ случаѣ, нападать на него и ослаблять постепенно, направляя его отступленіе сначала по опустошенной большой дорогѣ на Смоленскъ, потомъ къ Березинѣ, гдѣ, по общимъ соображеніямъ, всѣми арміями въ совокупности должно было нанесть ему рѣшительный ударъ. Эту мысль онъ выражалъ постоянно въ донесеніяхъ императору и окружавшимъ его лицамъ. Въ Копысѣ, при свиданіи съ плѣннымъ французскимъ интендантомъ Пюисбюскомъ, онъ объяснилъ ему свой

[1]) Воен. журналъ генерала Толя.

образъ дѣйствій. Этотъ замѣчательный разговоръ сохранилъ Пюисбюскъ на память потомкамъ въ своихъ письмахъ о войнѣ 1812 г. Кн. Кутузовъ ему говорилъ, что онъ изучилъ характеръ Наполеона и былъ увѣренъ, что, перейдя Нѣманъ, онъ постоянно будетъ идти впередъ. „Фельдмаршалъ особенно удивлялся,—говоритъ Пюисбюскъ,—какъ удавались ему всѣ хитрости, чтобы какъ можно долѣе удержать Наполеона въ Москвѣ, и какъ смѣшно было ему притязаніе его на заключеніе мира, тогда какъ онъ не имѣлъ уже необходимыхъ средствъ, чтобы продолжать войну". „Вы видѣли, что когда ваши войска вышли изъ Москвы,—говорилъ ему кн. Кутузовъ,—я закрылъ ему всѣ пути, по которымъ онъ хотѣлъ ихъ направить, и отступилъ даже отъ моего рѣшенія избѣгать, по возможности, сраженій. При Малоярославцѣ я вступилъ въ сраженіе съ тою цѣлью, чтобы отбросить ихъ на опустошенную ими-же самими дорогу. Я былъ увѣренъ, что на ней, кромѣ, можетъ быть, нѣкоторыхъ деревянныхъ избъ, тамъ уже нечего было разрушать. Я предписалъ атаману Платову двигаться сбоку нашего праваго фланга, васъ преслѣдовала моя армія, которой часть я отправилъ противъ вашего лѣваго фланга, чтобы препятствовать вашимъ фуражирамъ удаляться съ дороги. Какъ плѣнныхъ, я провожалъ васъ отъ Вязьмы до Смоленска, отъ меня зависѣло разгромить васъ прежде нежели вы достигли бы Смоленска; но будучи увѣренъ въ вашей гибели, я не хотѣлъ напрасно жертвовать хотя бы однимъ моимъ солдатомъ. Вы видите, съ тѣхъ поръ какъ вы находитесь у насъ, что я черезъ каждые три дня даю имъ отдыхать и если-бы не достало продовольствія и водки, я сейчасъ остановился бы, заперся бы у себя и не посмѣлъ явиться передъ моимъ войскомъ. Вотъ какъ мы, сѣверные варвары, бережемъ людей. Я поморилъ вашихъ лошадей голодомъ по дорогѣ отъ Вязьмы до Смоленска и зналъ, что тамъ вы будете вынуждены оставить артиллерію: такъ и случилось, какъ я предвидѣлъ. По выходѣ оттуда, вы не могли поставить противъ меня ни конницы, ни артиллеріи; а мой авангардъ ждалъ васъ подъ Краснымъ съ 50-ю пушками. Желая разгромить ваши войска безъ сопротивленія, я велѣлъ стрѣлять по хвостамъ колоннъ и дѣйствовать конницею только на разстроенные уже ваши отряды. Вашъ Наполеонъ, сверхъ всѣхъ ожиданій, помогалъ мнѣ, растянувъ свои корпуса такъ, что между ними были промежутки на цѣлый день пути. Четыре дня я оставался на одномъ мѣстѣ, и гвардія и всѣ ваши корпуса, которые слѣдовали за ней, постепенно проходили мимо и каждый терялъ половину своихъ воиновъ. Что осталось послѣ Краснаго—съ трудомъ пройдетъ въ Оршу и во всякомъ случаѣ сдѣланы распоряженія при Березинѣ съ тою цѣлію, что тамъ будетъ положенъ конецъ бѣгству

вашихъ войскъ и ихъ предводителя, если будутъ точно исполнять мои приказанія. Безспорно, у васъ были прекрасные солдаты, остаткамъ вашихъ войскъ приходилось умирать подъ Краснымъ отъ нашихъ пушекъ съ мужествомъ достойнымъ лучшей участи и лучшаго военачальника".

Послѣ непродолжительнаго молчанія, кн. Кутузовъ спросилъ Пюисбюска: „если бы Наполеонъ ушелъ изъ-подъ Березины—неужели французскія войска снова будутъ жертвовать ему своею кровью и сенатъ поощритъ его къ дальнѣйшимъ предпріятіямъ?".—Народъ утомленъ постоянными войнами, скоро не достанетъ рукъ для земледѣльческихъ работъ, торговля страдаетъ, новые наборы производятся только насильственными способами,—отвѣчалъ Пюисбюскъ. „А сенатъ,—замѣтилъ снова кн. Кутузовъ,—если я не ошибаюсь, онъ долженъ охранять права и пользы французскаго народа. Ему извѣстно уже положеніе дѣлъ, какъ вы мнѣ его объяснили; онъ долженъ отвращать горделивыя намѣренія, которыя только умножаютъ народныя бѣдствія. Какъ онъ будетъ поступать, когда Наполеонъ, потерявъ всю армію, потребуетъ новой?" Пюисбюскъ признался, что сенатъ будетъ покоренъ его волѣ. „Въ такомъ случаѣ,—говорилъ кн. Кутузовъ,—если онъ уйдетъ изъ подъ Березины, то послѣдуетъ еще много бѣдствій и кровопролитія. Но если вашимъ сенаторамъ дорога слава Франція, то они должны принесть себя даже въ жертву, противудѣйствуя Наполеону; онъ ея злѣйшій врагъ, онъ совершенно потерялъ здравый смыслъ, что̀ доказываетъ вся эта кампанія. Если бы онъ пошелъ за Москву, то у насъ все еще оставалось бы много пространства. Война, предпринятая противъ такого обширнаго государства, какъ Россія, есть такая нелѣпость, на которую не должны бы соглашаться ваши старые генералы, сенаторы и государственный совѣтъ".

Преданный отечеству, французъ Пюисбюскъ, хотя и не сочувствовавшій Наполеону, замѣчаетъ: „этомъ разговоръ съ фельдмаршаломъ погрузилъ меня въ грустныя размышленія. Приготовленія на Березинѣ не выходили у меня изъ ума" [1]). Но удачное исполненіе предположеній фельдмаршала согласно плану военныхъ дѣйствій, присланному самимъ императоромъ, зависѣло отъ дѣйствія гр. Витгенштейна и адмирала Чичагова.

А. Н. Поповъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[1]) L. V. Puisbusque, Lettres sur la guerre de Russie en 1812. Paris, 1817, 2-e edit., стр. 159—172; русскій переводъ этого сочиненія. М. 1833 г., стр. 143—155.

КНЯЗЬ КУТУЗОВЪ-СМОЛЕНСКІЙ и АТАМАНЪ ГРАФЪ ПЛАТОВЪ.

СНИМКИ СЪ РѢДКИХЪ МЕДАЛЕЙ.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“, Т. XVIII, ИЗД. 1877 Г.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. СПБ., 13 МАРТА 1877 Г. ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТ. ГОСУД. БУМАГЪ.

УНИЧТОЖЕНІЕ МАСОНСКИХЪ ЛОЖЪ ВЪ РОССІИ

1822 г.

III [1]).

О правилахъ, на которыхъ впредь существовать должно въ Россіи масонство, для сугубаго утвержденія вѣры христіанскія въ сердцахъ вѣрноподданныхъ В. И. В—ва и для непоколебимой безопасности престола и отечества.

Изъ особой всеподданнѣйшей моей записки [2]), В. И. В—во благоволили уже видѣть состояніе, въ которомъ находятся въ С.-Петербургѣ масонскія ложи, равно какъ и то своеволіе, которое онѣ присвоили себѣ, нарушая правила, высочайше утвержденныя повелѣніями В. И. В—ва, данными относительно прежде бывшей главной Директоріальной ложи „св. князя Владиміра къ Порядку", и которое вовсе неприлично въ благословенномъ, отеческомъ правленіи В. И. В—ва, отнюдь несогласномъ съ безначаліемъ — истиннымъ бѣдствіемъ рода человѣческаго. И такъ, затѣмъ осмѣливаюсь всеподданнѣйше изобразить здѣсь только цѣль истиннаго масонства и правила, которыми оно должно непремѣнно руководствоваться, ежели благоугодно будетъ В. И. В—ву всемилостивѣйше дозволить продолжать ему, по прежнему, собранія свои и существовать въ Россіи.

Святая церковь Спасителя нашего Іисуса Христа, неусыпно пекущаяся о блаженствѣ рода человѣческаго и въ сей скоропреходящей, и въ будущей, вѣчной жизни, въ самыхъ еще древнихъ временахъ, дабы многіе милліоны часъ отъ часа прибывающихъ вѣрующихъ удержать въ благочестивой и добродѣтельной жизни по заповѣдямъ Божественнымъ, отъ возникавшихъ всегда между людьми, въ общественной жизни, развратовъ, соблазновъ, шумной и суетной жизни, имѣла

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1877 г., т. XVIII, стр. 455—479.
[2]) Эта записка помѣщена далѣе на стр. 661.

нужду въ заведеніи между мірянами особенныхъ круговъ, для занятія ихъ въ христіанскомъ любомудріи составленіемъ златой цѣпи, для безпрестаннаго взаимнаго другъ друга побужденія къ таковымъ упражненіямъ святымъ и поддержанія себя въ дѣятельныхъ добродѣтеляхъ, поучаясь въ твореніи дѣлъ Божіихъ, въ книгѣ натуры, т. е. въ разсматриваніи природы познавать самого себя, свое ничтожество и, чрезъ познаніе самого себя, своего ничтожества, познавать любовь, премудрость и величіе Божіе, познавать Творца, всемогуществомъ изъ единой любви своей все сотворившаго; удивляться въ устройствѣ постояннаго порядка природы, естества—непостижимости Его; благодарить неограниченную любовь Его; единаго Его въ Троицѣ обожать и любить паче всего,—исполненіемъ слова живота вѣчнаго, спасительныхъ заповѣдей Его, охотнымъ повиновеніемъ пресвятой волѣ Его и оною установленнымъ правительствамъ и властямъ—не за страхъ, а за совѣсть—ибо нѣтъ власти, которая бы могла быть не отъ Бога; ближняго же своего, т. е. каждаго подобнаго намъ человѣка, любить какъ самого себя.—Когда же ужасное невѣріе возникло, тогда таковые особые круги между мірянами или свѣтскими людьми содѣлались болѣе нужными для поддержанія святыя вѣры и церкви, въ которую озабоченный мірянинъ ходить не всегда имѣетъ время, исключая праздничныхъ дней; а въ прочее время и въ часы, свободные отъ должностей государственныхъ, предоставленъ самому себѣ, броженію своего ума или, лучше сказать—мечтамъ собственнаго воображенія и соблазнамъ міра. Здѣсь-то, и въ сіи часы, такъ сказать, гибельные, златая или благотворная цѣпь братства встрѣчаетъ и пріемлетъ его въ свои объятія и, остерегая напоминаніемъ ему святыхъ должностей, удерживаетъ его отъ предстоящей ему погибели; указываетъ безопасную, вѣрную и прямую стезю единственно къ спасительному пути, истинѣ и животу, наученіемъ порядку и лучшему употребленію златаго времени, покореніемъ злой воли своей, страстей своихъ просвѣщенному уму святымъ евангеліемъ, вѣрѣ, для содѣланія себя лучшимъ.—Вотъ цѣль истиннаго масонства или каменьщичества, которое основаніе свое имѣть должно на краеугольномъ камнѣ, во главу угла положенномъ вѣрующимъ на утвержденіе, а невѣрующимъ на паденіе и сокрушеніе!—Въ нынѣшнихъ же, особливо, дняхъ, какъ зараженныхъ ядомъ вольнодумства и буйства, наиболѣе святая церковь имѣетъ безпосредственную нужду въ такихъ собраніяхъ, или кругахъ частныхъ людей, гдѣ-бы душеполезныя ея правила безпрестанно разливались, и гдѣ-бы проистекающія изъ оныхъ добродѣтели, яко то: глубочайшее благоговѣніе къ Творцу всяческаго, безмолвное повиновеніе царямъ и гражданскимъ властямъ, отъ нихъ учрежденнымъ и учреждаемымъ, любовь къ ближнему, трезвая,

тихая жизнь и совершенное удаленіе отъ разврата и соблазна,—насаждались въ сердцахъ всѣхъ и каждаго не силою прещеній и угрозъ, но содѣйствіемъ взаимнаго братолюбія и просвѣщенія, т. е. изъясненіемъ священнаго писанія, особливо же новаго завѣта, яко заключающаго въ себѣ высокую премудрость Божію и единственный путь къ животу вѣчному. Сіи-то собранія, или безгласные круги частныхъ людей, были основаніемъ первоначальныхъ масонскихъ ложъ, и такова-то должна быть истинная цѣль нынѣшнихъ.

Но, чтобы достигнуть до оной цѣли и съ тѣмъ купно пресѣчь всякую и самомалѣйшую преклонность къ противнымъ сему правиламъ, паче же ко введенію новизнъ, дышащихъ необузданностію, всегда гибельною, для того необходимо нужно, чтобы въ россійскомъ масонствѣ строго сохраняемо было единство, т. е. чтобы былъ въ ономъ одинъ отецъ или глава и одна матерь-ложа. Исторія масонства представляетъ сему убѣдительные примѣры.

Въ Швеціи все масонство покровительствуется самимъ королемъ, и король есть отецъ или глава его; и имѣется матерь, т. е. одна начальствующая ложа, управляемая однимъ Великимъ Мастеромъ, избраннымъ и утвержденнымъ главою масонства, т. е. королемъ. Отъ нихъ уже безпосредственно зависятъ всѣ масонскія ложи или собранія, существующія въ шведскомъ государствѣ. Отъ сего единства,—непоколебимаго основанія всякаго порядка,—сохраняются тамъ тишина, согласіе, благонравіе—словомъ: всѣ христіанскія добродѣтели; вѣра процвѣтаетъ, самодержецъ ограждается безопасностію и государство покоится подъ благотворнымъ ихъ руководствомъ.

Но противное сему представляетъ Англія! Когда новѣйшія ея, лондонская и шотландская, ложи попустились въ самовольныя дѣянія, удалились отъ древнихъ правилъ, сдѣлали отмѣны противъ оныхъ, притѣснили первоначальную Іоркскую матерь-ложу, устранились отъ цѣли, для которой терпѣло ихъ правительство, и уклонились отъ Великаго Мастера, властію королевскою утвержденнаго,—тогда всѣ англинскія, равно и въ прочихъ государствахъ, гдѣ только масонство не подъ однимъ начальствомъ, а подъ многими отдѣльными управленіями находится,—ложи превратились въ клубы, гнѣздилища раздора, своеволія, буйства или, лучше сказать,—въ шумный и быстрый потокъ адскаго изверженія, наводняющій всю Европу правилами ужасными, безбожными и бѣдственными для рода человѣческаго, о чемъ ясно и доказательно описано въ книгѣ, подъ названіемъ „Макъ-Бенакъ“, напечатанной въ Лейпцигѣ, 1819-го года, особливо же на страницахъ отъ 3-й до 15-й; также о иллюминатской, Шредеровой и о прочихъ иллюминатскихъ системахъ—на страницахъ отъ 78-й до 94-й.

И горестной сей истины видны разительные примѣры въ самыхъ уже событіяхъ.

И такъ, по симъ событіямъ, съ достовѣрностію можно уподобить масонство мечу обоюдо-остру, т. е. можно смѣло сказать, что оно, какъ весьма полезно, такъ и весьма вредно: въ первомъ случаѣ — когда ложею управляетъ истинный каменьщикъ, неусыпный труженикъ Христовъ, вѣрный подданный, на основаніи истинныхъ древнихъ масонскихъ правилъ—тогда исполняется истинная цѣль масонства: порочный исправляется, развращенный дѣлается добродѣтельнымъ, слабый въ вѣрѣ утверждается въ оной, охладѣвшій къ святой церкви одушевляется новымъ желаніемъ прибѣгать въ оную сколь можно чаще.—Въ другомъ же, противномъ случаѣ, т. е. тогда, какъ ложа управляется мастеромъ, не почитающимъ христіанства, безбожникомъ, вольнодумцемъ, анти-каменьщикомъ,—поведетъ онъ и всѣхъ братьевъ по тому же пути, по коему самъ идетъ и на которомъ все хорошее гибнетъ, разрушается и произращаетъ горькіе плоды, ко вреду христіанскія вѣры, самодержца и всего государства его.

Ежели, по опасности отъ сихъ послѣдствій, благоизволите, В. И. В—во. уничтожить въ Россіи масонство, то осмѣливаюся всеподданнѣйше донести, что сіе уничтоженіе, а особливо внезапное, скоровременное и строгое, не отвратитъ всего зла, могущаго быть отъ разврата ложъ; ибо, коль скоро онѣ закроются, тогда члены оныхъ или братія, какъ насѣкомыя, расползутся по всѣмъ угламъ и, не имѣя надъ собою ни малѣйшаго уже надзора, болѣе и болѣе заражать будутъ простодушныхъ, непросвѣщенныхъ и любопытныхъ согражданъ своихъ, тѣмъ паче, что бдѣніе полиціи не въ силахъ тогда будетъ объять всѣхъ частныхъ ихъ дѣйствій; а при томъ, таковое запрещеніе и съ той стороны будетъ не полезно для Россіи, что оно, исторгая изъ жатвы Христовой нѣкоторыя только плевелы, исторгнетъ купно съ ними и тѣ благословенные плоды, кои украшаютъ и церковь Христову и человѣчество; ибо въ числѣ членовъ ложъ находится еще не малое число людей, достойныхъ уваженія по высокимъ добродѣтелямъ и по глубокимъ ихъ познаніямъ слова Божія и законовъ природы; поелику и они, съ запрещеніемъ масонства, долженствуютъ также пресѣчь благотворныя свои дѣянія, коими они наставляли, просвѣщали и усовершенствовали братію свою, ведя ихъ по пути добродѣтели. По симъ причинамъ, кажется, пристойнѣе будетъ помянутое закрытіе ложъ, если на сіе воспослѣдуетъ непремѣнная воля В. И. В—ва, произвесть постепенно, а не вдругъ. И всего лучше бы было, по мнѣнію моему, вовсе не прерывать существованія оныхъ, но токмо постановить ихъ въ приличный имъ порядокъ, и что бы онѣ никогда

не могли отъ онаго уклониться и быть вредными, а, напротивъ того, безпрепятственно приносили бы существенную пользу престолу В. И. В—ва и купно съ тѣмъ—Россіи, любезнѣйшему нашему отечеству. Для того начертать имъ твердыя и непоколебимыя правила, кои я и дерзаю изложить ниже сего.

Непреложное основаніе и правила масонскимъ въ Россіи ложамъ.

Существующія нынѣ двѣ главныя ложи: „Астрею" и „Провинціальную" уничтожить, какъ такія, которыя дерзнули самовольно: 1) закрыть главную Директоріальную ложу „св. князя Владиміра къ Порядку", утвержденную высочайшими В. И. В—ва повелѣніями; 2) удалить отъ обязанности Великаго Мастера оной статскаго совѣтника Бебера, который поступилъ въ сію должность по особенной къ нему довѣренности В. В—ва и на котораго единственно высочайше возложена была отвѣтственность по сему толико важному предмету; 3) разрушить, въ лицѣ прежде бывшей главной Директоріальной (ложи) единство начальства и раздѣлить оное на двѣ отдѣльныя части; 4) наполниться людьми, большею частію презрѣнными или, можно сказать, совершенною сволочью; и, наконецъ, 5) паче же всего допустить и ввести разныя системы, высочайше не апробованныя и съ духомъ нашего правительства несообразныя.—А на мѣсто помянутыхъ ложъ открыть, по прежнему, одну главную Директоріальную ложу „св. князя Владиміра къ Порядку", съ тѣмъ, чтобы она, яко матерь всѣхъ россійскихъ ложъ, или яко верховное начальство и судилище ихъ, управляла оными по духу древнихъ, истинныхъ масоновъ, находясь сама подъ управленіемъ Великаго ея Мастера, на слѣдующемъ основаніи:

Правила главной Директоріальной «святаго князя Владиміра ложи къ Порядку».

§ 1. Она, будучи главнымъ начальствомъ всѣхъ россійскихъ ложъ, строго и неусыпно надзираетъ, чтобы члены оной, а равно и другихъ подчиненныхъ ей ложъ, какъ сами непоколебимо, съ благоговѣніемъ сохраняли, такъ и прочимъ согражданамъ своимъ подтверждали сохранять: 1) чистоту и святость христіанской религіи, непоколебимою вѣрою къ Творцу всяческихъ, въ нераздѣльной Троицѣ исповѣдуемаго не устами токмо, но и дѣлами, и 2) глубочайшее благоговѣніе и нелицемѣрную сердечную преданность В. И. В.—ву, яко всемилостивѣйшему своему, самимъ Богомъ избранному государю, отцу отечества и августѣйшему покровителю всего россійскаго масонскаго ордена; и, чтобы они, поступая таковымъ образомъ, неупустительно исполняли

присягу свою В. В—ву, во всемъ пространствѣ и точномъ разумѣ ея, яко обязательство священнѣйшее и учиненное предъ всемогущимъ Богомъ, на святомъ Евангеліи Его!

§ 2. Занимаясь изъясненнымъ наблюденіемъ, она равномѣрно имѣетъ вниманіе, чтобы нигдѣ во всей Россійской имперіи, безъ вѣдома и дозволенія ея, вновь заводимы не были и не существовали ложи масонскія, или собранія членовъ, подъ какимъ бы то ни было названіемъ. Вслѣдствіе чего—

§ 3. Всѣ нынѣшнія ложи, какого бы онѣ имянованія ни были, имѣютъ вступить въ союзъ помянутой главной Директоріальной ложи „св. князя Владиміра къ Порядку"; подчиняются ей безпосредственно и дѣйствуются безпрекословно тѣми токмо правилами, кои она, съ утвержденія Великаго ея Мастера, имъ предпишетъ и предписывать будетъ; иначе существованіе ихъ перестаетъ и симъ уничтожается.

§ 4. Никакое лицо и ни въ какомъ мѣстѣ не можетъ само собою открывать ложи, или избранія членовъ, подъ какимъ бы то ни было имянемъ, но долженствуетъ испросить на сіе письменное позволеніе и привиллегію, по формѣ вышеозначенной главной Директоріальной ложи „св. кн. Владиміра къ Порядку", или Великаго ея Мастера, и получить правила дѣйствій или работъ своихъ. По такому дозволенію открытая, ложа имѣетъ отправлять работы свои безопасно, подъ покровительствомъ и надзоромъ мѣстной полиціи; но полицейскій мундиръ входить въ ложу права не имѣетъ и да не входитъ. Въ противномъ же случаѣ какъ начальники губерній и мѣстная полиція, непосредственно сами, по обязанности ихъ, такъ равно и по сообщенію о томъ Великаго Мастера, имѣютъ съ открывшими безъ дозволенія упомянутаго начальства ложу, или съ собраніемъ членовъ, поступать непремѣнно по силѣ 65-й, 124-й, 236-й, 250-й и 272-й статей устава Управы Благочинія.

§ 5. Никто не можетъ быть Великимъ Мастеромъ главной Директоріальной ложи безъ высочайшаго утвержденія его въ семъ званіи, или избранія В. И. В—мъ. Равномѣрно никто и ни подъ какимъ предлогомъ не можетъ уволить или удалить его отъ сей обязанности безъ точной воли В. В—ва.

§ 6. Великій Мастеръ непосредственно управляетъ главною Директоріальною ложею „къ Порядку св. кн. Владиміра", равно и всѣми высшими степенями россійскаго масонства. Онъ обязанъ отвѣтствовать всемогущему Богу, В. И. В—ву и установленному отъ васъ правительству за всѣ дѣйствія главной Директоріальной ложи „св. кн. Владиміра къ Порядку" и всѣхъ россійскихъ подчиненныхъ ей и ввѣренныхъ ему ложъ, т. е. за все россійское масонство; а потому и

должны, какъ всѣ помянутыя ложи и члены оныхъ, такъ равно высшихъ степеней — безмолвно повиноваться ему, яко главному своему начальнику; и все то, что кому Великій Мастеръ повелитъ или предпишетъ, обязаны принимать такъ, какъ бы повелѣнія самой Великой ложи. Всѣ же представленія, донесенія, жалобы, или прошенія подаютъ Великому Мастеру.

§ 7. Главную Директоріальную ложу „св. кн. Владиміра" составляютъ: предсѣдательствующій и управляющій оною Великій ея Мастеръ, Великій Намѣстный Мастеръ, Великіе два Надзирателя и прочіе ея великіе чиновники,—и засѣдаютъ члены оной: мастера управляющіе подчиненными ей ложами, намѣстные мастера и надзиратели ихъ. Они, яко представители ложъ своихъ, представляютъ, доносятъ и объясняютъ помянутой главной ложѣ о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, нуждахъ и надобностяхъ, прося отъ оной, въ потребномъ случаѣ, разрѣшенія и наставленія.

§ 8. Всѣ положенія сей ложи производятся по большинству голосовъ; но когда съ онымъ не согласенъ будетъ Великій Мастеръ и не апробуетъ, тогда оно отставляется, а исполняется безпрекословно единое токмо утвержденное рѣшеніе или предложеніе Великаго Мастера, яко главнаго начальника всѣхъ россійскихъ ложъ. Безъ утвержденія же Великаго Мастера, никакого дѣла Великая ложа, сама собою, окончательно рѣшить и въ исполненіе приводить не имѣетъ права и не можетъ.

§ 9. Всѣхъ великихъ чиновниковъ въ главную Директоріальную ложу „св. кн. Владиміра къ Порядку" избираетъ, назначаетъ и опредѣляетъ, перемѣняетъ и увольняетъ отъ должностей и званій ихъ Великій Мастеръ, по благоусмотрѣнію его, — кромѣ Великаго Казначея; а сей избирается по балламъ членовъ означенной главной ложи и утверждается Великимъ Мастеромъ.

§ 10. Равно во всѣ ложи, въ Россіи находящіяся, управляющихъ ложами и намѣстныхъ мастеровъ выборы братьевъ членовъ утверждаетъ или самъ назначаетъ, опредѣляетъ, перемѣняетъ и увольняетъ Великій Мастеръ, по его благоусмотрѣнію. Прочихъ же чиновниковъ ложи, подобно вышеизображенному—кромѣ казначеевъ—избираютъ и назначаютъ управляющіе ложами мастера, по ихъ усмотрѣнію, и представляютъ на благоразсмотрѣніе и утвержденіе Великому Мастеру и повелѣніе его да исполняютъ! Казначеи же ложи избираются общимъ баллотированіемъ всѣхъ членовъ ложи братьевъ мастеровъ. Но когда усмотритъ Великій Мастеръ надобность въ перемѣнѣ какого либо чиновника въ какой нибудь ложѣ, онаго перемѣнить и на мѣсто его другаго опредѣлить,—всегда отъ власти Великаго Мастера зависитъ.

§ 11. Мастера, управляющіе подчиненными ложами главной Директоріальной ложи „св. кн. Владиміра къ Порядку“, рапортуютъ подробно Великому Мастеру о всемъ, что̀ въ собраніяхъ ихъ происходитъ и отвѣчаютъ ему и самому правительству, какъ за все ими доносимое, такъ и за всѣ безпорядки управляемыхъ ими ложъ и членовъ ихъ; а Великій Мастеръ доноситъ о томъ тому, кому В. И. В—во соизволите повелѣть.

§ 12. Въ важныхъ и времени не терпящихъ случаяхъ, равно и о томъ, что нужнымъ находить будетъ, Великій Мастеръ всеподданнѣйше представляетъ и доноситъ В. И. В—ву.

§ 13. Когда пожелаютъ открыть въ губернскомъ или уѣздномъ городѣ масонскую ложу и будутъ спрашивать на то дозволеніе Великаго Мастера, тогда онъ, увѣдомляя о семъ секретно главнаго начальника той губерніи, проситъ, чтобы онъ благоволилъ, по прилежнѣйшемъ тайномъ изслѣдованіи, увѣдомить его, также секретно: достойны ли уваженія просители, благонамѣренные ли и безпорочные они члены и заслуживаютъ ли довѣренность, какъ отъ общества, такъ и отъ самого правительства?—и какъ въ семъ, такъ и во всѣхъ случаяхъ, относящихся до масонства или масоновъ, Великій Мастеръ сносится съ начальниками губерній письмами, секретно. Оные, всѣ требованія Великаго Мастера немедленно удовлетворяя, отвѣтствуютъ ему также секретно.

§ 14. Ежели бы, паче чаянія, открылись какія либо неустройства отъ масонскихъ ложъ, кои существовать будутъ въ губернскомъ или уѣздномъ городахъ по дозволенію главной Директоріальной ложи и ея Великаго Мастера, или несоотвѣтственное масону, порочное предосудительное и соблазнительное поведеніе членовъ тѣхъ ложъ,—въ такомъ случаѣ начальники губерніи тотчасъ увѣдомляютъ о томъ секретно Великаго Мастера, для принятія надлежащихъ мѣръ къ исправленію таковыхъ безпорядковъ, но не пресѣкаютъ существованія помянутыхъ ложъ до отвѣта Великаго Мастера.

§ 15. Самовольно допущенныя въ ложи, безъ Высочайшаго дозволенія, всѣ различныя системы отнынѣ впредь навсегда уничтожаются и строго запрещаются. Вслѣдствіе сего, всѣ россійскія ложи акты свои обязаны, по объявленіи онаго, тотчасъ представить Великому Мастеру. Оный, запечатавъ, отдаетъ ихъ въ архиву Великой ложи, для сохраненія.

§ 16. Великій Мастеръ назначитъ коммисію, для пересмотра, повѣрки и исправленія всѣхъ, допущенныхъ новыми поправленіями, отмѣнами и прибавленіями, искаженій актовъ истинной, древней масонской системы и при томъ—соглашенія и основанія оныхъ съ ду-

хомъ россійскаго правительства и съ обычаемъ народнымъ. Оная коммисія совершеніе ею сего имѣетъ представить, на основаніи предъидущихъ 6-го и 8-го §§, на разсмотрѣніе и утвержденіе Великому Мастеру, и, какъ главная Директоріальная ложа „кн. Владиміра къ Порядку“, такъ и всѣ подчиненныя ей россійскія масонскія ложи, нынѣшнія и впредь имѣющіяся открыться, работы свои производить имѣютъ по однимъ, уже утвержденнымъ Великимъ Мастеромъ актамъ, согласованнымъ, какъ выше упомянуто, съ древними, истинными масонскими актами, основанными на Божественномъ законѣ, святомъ Евангеліи и на государственныхъ гражданскихъ узаконеніяхъ, не иностранной, а отечественной, россійской системы, не отмѣняя впредь изъ оныхъ и не прибавляя къ нимъ ничего, кромѣ тѣхъ постановленій, которыя не въ отмѣну, а въ согласность и на основаніи тѣхъ актовъ потребны будутъ. За симъ особенно и строго обязанъ наблюдать Великій Мастеръ.

Сіи правила, какъ я уповаю, всемилостивѣйшій государь, сохранятъ россійскія масонскія ложи и членовъ оныхъ въ древней, приличной имъ чистотѣ, и онѣ не только не содѣлаются вредными, но, напротивъ того, безпосредственно содѣйствовать будутъ насажденію и утвержденію въ сердцахъ вѣрноподданныхъ В. И. В—ва христіанскія спасительныя вѣры, непоколебимыя преданности В. И. В—ву и любви къ ближнему, такъ какъ и распространенію истиннаго просвѣщенія въ частныхъ людяхъ, не менѣе публичныхъ училищъ. Всѣ же неблагонамѣренные (ежели, скрывая себя, находятся) и имѣющаяся нынѣ въ ложахъ сволочь, при таковыхъ истиннаго масонства правилахъ и цѣли его, предъувѣренъ я—въ скоромъ времени, закрывъ ложи, удалятся изъ оныхъ и тѣмъ обличатъ себя, каковыми членами они въ масонствѣ быть намѣревались и были.

Но, дабы сіи правила были существеннѣйшимъ и непреложнымъ уставомъ для всѣхъ россійскихъ ложъ масонскихъ и членовъ ихъ, да освятится онъ, всепресвѣтлѣйшій государь, высочайшею В. И. В—ва конфирмацiею и да всемилостивѣйше даруются главной Директоріальной „св. кн. Владиміра ложѣ къ Порядку“ и да ввѣрятся онѣ, для точнаго по нимъ исполненія и храненія ихъ отъ свѣтскаго круга подъ секретомъ, Великому Мастеру, коего В. И. В—во всемилостивѣйше назначить съ симъ же вмѣстѣ благоволить соизволите, и у коего онѣ, какъ нынѣ, такъ и во всѣ грядущія времена—буде В. И. В—ву угодно будетъ—съ благоговѣніемъ сохраняться будутъ, яко священнѣйшій завѣтъ всего россійскаго масонскаго ордена, утвержденный высочайшею десницею величайшаго изъ всѣхъ монарховъ, отца отечества, благоговѣйнаго чтителя святыя христіанскія вѣры и благотворнаго

покровителя истиннаго просвѣщенія, проистекающаго изъ слова Божія, яко единственнаго его источника.

Безъ сихъ же правилъ, полезнѣе будетъ, всемилостивѣйшій государь, масонскія ложи закрыть; ибо отъ нынѣшняго ихъ положенія и образа дѣйствія, подробно мною описаннаго въ всеподданнѣйшей моей запискѣ, нельзя ничего ожидать, кромѣ толико же гибельныхъ послѣдствій, каковыя уже раскрылись и безпрестанно раскрываются въ прочихъ европейскихъ государствахъ, разрушая древнія, мудрыя правленія, потрясаютъ и престолы монарховъ, отцовъ и благотворителей народовъ, и повергая самые народы въ неисчислимыя бѣдствія.

Всемилостивѣйшій государь! Симъ, искреннѣйшимъ моимъ начертаніемъ исполнилъ я священнѣйшій долгъ истиннаго христіанина, вѣрнаго подданнаго и всею душою преданнаго В. И. В—ву и, нераздѣльно съ тѣмъ, усерднѣйшаго сына отечеству!—И потому, какъ означенное мое всеподданнѣйшее начертаніе, съ онымъ купно и себя самого повергаю къ монаршимъ вашимъ стопамъ, ожидая съ благоговѣніемъ высочайшаго вашего повелѣнія.

Сенаторъ генералъ-лейтенантъ Егоръ Кушелевъ.

1-го августа 1822 года окончилось существованіе масонства въ Россіи. Въ этотъ день послѣдовалъ, на имя министра внутреннихъ дѣлъ, графа Виктора Павловича Кочубея, высочайшій рескриптъ, которымъ предписывалось закрытіе всѣхъ существовавшихъ въ Россіи масонскихъ ложъ. Немедленно по полученіи этого рескрипта, графомъ Кочубеемъ отправлены были къ Великому Мастеру Великой ложи „Астреи“, графу Василію Валентиновичу Мусину-Пушкину-Брюсу, и къ Великому Намѣстному Мастеру Великой „Провинціальной ложи“, Сергію Степановичу Ланскому, нижеслѣдующія, одинаковаго содержанія письма:

„Безпорядки и соблазны, возникшіе въ другихъ государствахъ отъ существованія разныхъ тайныхъ обществъ, изъ коихъ иныя—подъ наименованіемъ ложъ масонскихъ, первоначально цѣль благотворенія имѣвшихъ, другія, занимаясь сокровенно предметами политическими, въ послѣдствіи обратились ко вреду спокойствія государствъ и принудили въ нѣкоторыхъ сіи тайныя общества запретить.

„Государь императоръ, обращая всегда бдительное вниманіе, дабы твердая преграда полагаема была всему, что ко вреду государства послужить можетъ, и въ особенности въ такое время, когда, къ несчастію, отъ умствованій, нынѣ существующихъ, проистекаютъ столь

нечальныя въ другихъ краяхъ послѣдствія, - призналъ за благо, въ отношеніи помянутыхъ обществъ, высочайше повелѣть:

„1) Всѣ тайныя общества, подъ какимъ бы наименованіемъ они ни существовали, какъ-то: масонскихъ ложъ, или другими, закрыть и учрежденія ихъ впредь не дозволять.

„2) Объявя о томъ всѣмъ членамъ сихъ обществъ, обязать ихъ подписками, что они впредь ни подъ какимъ видомъ, ни масонскихъ, ни другихъ тайныхъ обществъ, ни внутри имперіи, ни внѣ ея, составлять не будутъ.

„Увѣдомляя о семъ ваше сіятельство (превосходительство), я покорнѣйше васъ, милостивый государь мой, прошу о содѣйствіи вашемъ въ исполненіи высочайшаго сего соизволенія, пригласи, въ качествѣ Великаго Мастера Великой ложи „Астреи“ („Провинціальной“), всѣ зависящія отъ оной ложи закрыть свои работы и собранія, обязавъ подписками всѣхъ принадлежащихъ къ онымъ братьевъ впредь таковыхъ не учреждать.

„Ваше с—во (пре—во) меня весьма обяжете, если объ успѣхахъ распоряженій вашихъ по сему предмету почтите меня въ свое время благосклоннымъ увѣдомленіемъ, доставя ко мнѣ съ тѣмъ вмѣстѣ и подписки, братьями масонами по сему случаю данныя“.

10-го августа, въ послѣдній разъ собралась масонская братія, чтобы выслушать произнесенный надъ нею приговоръ, дать требуемыя подписки и произвести расчетъ имѣвшихся на лицо масонскихъ суммъ. Закрытіе ложъ произошло совершенно спокойно; не было никакихъ демонстрацій, что̀ и совершенно понятно, такъ какъ внѣшними формами союза, вѣроятно, уже очень немногіе изъ членовъ особенно дорожили. Формы эти, равно какъ и весь ритуалъ масонскій, съ теченіемъ времени успѣли опошлиться; что касается до внутреннихъ убѣжденій тѣхъ людей, которые посѣщали ложи не отъ нечего-дѣлать, или не по какимъ-либо своекорыстнымъ видамъ, то этими убѣжденіями можно было руководствоваться въ жизни и не посѣщая ложъ.

И такъ, во второй разъ, масонство окончило свое существованіе совершенно мирнымъ образомъ; никакихъ очистительныхъ жертвъ, въ родѣ злополучнаго Новикова, не потребовалось. 11-го августа, тогдашній Санктпетербургскій военный генералъ-губернаторъ Милорадовичъ уже доносилъ государю:

„6-го августа получилъ я отношеніе отъ графа Кочубея, съ копіею рескрипта В. И. В—ва, объ уничтоженіи масонскихъ ложъ и другихъ тайныхъ обществъ. 9-го числа былъ у меня графъ Мусинъ-Пушкинъ и сказалъ мнѣ, что онъ находитъ нужнымъ сдѣлать собраніе въ ложахъ для дачи подписокъ и для расчетовъ имѣющихся

суммъ. Я отвѣчалъ ему, что послѣ высочайшаго повелѣнія масоны уже не существуютъ и собранія ихъ быть не должно; но какъ, по мнѣнію его, собраніе нужно для скорѣйшаго исполненія предписаннаго, то сіе сдѣлать можно, но не въ видѣ масоновъ, а какъ люди, которые должны между собою окончить расчеты и дать требуемыя подписки. Употребленіе же какихъ-либо масонскихъ выраженіевъ, знаковъ, церемоніевъ было бы смѣшно и предосудительно. Графъ объявилъ мнѣ, что ничего подобнаго не будетъ, и что онъ будетъ стараться окончить все приличнымъ образомъ, исполняя охотно и откровенно всевысочайшую волю. Вчерашняго числа получилъ я отъ графа Мусина-Пушкина приложенное при семъ письмо о нѣкоторыхъ ложахъ [1]), которыя уже и заперты.

„Вообще, бывшіе масоны приняли объявленіе объ уничтоженіи ихъ ложъ равнодушно. Иные говорятъ, что связь ихъ никогда разрушиться не можетъ. Есть также слухи, что нѣкоторые изъ нихъ предполагаютъ имѣть собраніе на дачахъ. Все сіе, а особливо неожиданное равнодушіе, заставляетъ меня усугубить мое вниманіе на общее ихъ дѣйствіе. Всѣ же вообще, непринадлежащіе къ масонскимъ ложамъ, чрезвычайно довольны распоряженіемъ правительства“.

На другой день послѣ закрытія Великой ложи „Астреи“ прекратила свое существованіе и „Великая Провинціальная“ ложа. Объ этомъ Милорадовичъ доноситъ слѣдующею всеподданнѣйшею запискою:

„11-го августа увѣдомилъ меня графъ Пушкинъ, что большая ложа „Астрея“ и восемь отъ нея зависящихъ ложъ закрыты.—12-го донесла мнѣ полиція, что и большая ложа „Провинціальная“, съ четырьмя ложами, къ ней принадлежащими, закрыта. Статскій совѣтникъ Сергій Степановичъ Ланской обнаружилъ большое огорченіе и неудовольствіе. Впрочемъ, происходило все спокойно. Собравшіеся разстались съ взаимными увѣреніями, что навсегда останутся друзьями“.

Такъ окончилось существованіе русскаго масонства. Вѣроятно о немъ скоро и позабыли бы, но извѣстныя событія 14-го декабря 1825 г. снова привели на память это средневѣковое филантропическое учрежденіе, вслѣдствіе того, вѣроятно, что многіе изъ бывшихъ масоновъ оказались наиболѣе энергическими и наиболѣе выдающимися по своимъ способностямъ членами тайныхъ обществъ, какъ, напримѣръ: Рылѣевъ, Пестель, Бестужевъ, Муравьевъ-Апостолъ, кн. Волконскій, Батенковъ, Кюхельбекеръ, кн. Трубецкой и др.—Весьма легко, поэтому, было увлечься подозрѣніемъ, что и наши бывшія масонскія

[1]) Письма этого нѣтъ.

ложи подъ филантропическою маскою скрывали политическія цѣли и служили разсадникомъ будущихъ революціонеровъ. По окончаніи дѣлъ слѣдственной коммисіи надъ декабристами, въ 1826 г., изданъ былъ указъ, по которому отъ всякаго служащаго и поступающаго на государственную службу требовалась подписка, что онъ не принадлежитъ и не будетъ принадлежать ни къ какимъ тайнымъ обществамъ, въ томъ числѣ—и къ масонскому.

Требованіе этихъ подписокъ нерѣдко вызывало довольно комическія выходки. Люди невѣжественные, ни мало не понимавшіе ни цѣлей, ни значенія бывшихъ масонскихъ ложъ, открещивались отъ нихъ таковыми, напримѣръ, отреченіями:

IV.

Подписка генерала Трухачева.

„Я нижеподписавшійся объявляю, во первыхъ, что я обязанъ присягою при крещеніи, во вторыхъ, на вѣрность подданства и въ службѣ на каждый чинъ. Храня сіи священныя присяги, ведущія къ благоустройству, каковыя присяги запрещали новыя какія либо обязанности, изрыгнутыя самимъ адомъ, принимать на себя; и для того, я, какъ истинный христіанинъ и вѣрноподданный, совершенно скорблю о томъ, что начальство даже сомнѣвалось во мнѣ, дабы я принадлежалъ къ какимъ либо ложамъ масонскимъ, или инымъ тайнымъ обществамъ, составляющимъ заговоръ противу Бога, государей, священныхъ союзовъ, законовъ и вѣрноподданныхъ Богу, государю, внутри имперіи или внѣ ея существовать могущимъ; но всегдашнее мое обращено было вниманіе отдалять молодыхъ неопытныхъ людей, даже и не моей командѣ принадлежащихъ, отъ сего презрительнаго скопища молодыхъ философовъ, во всѣхъ отношеніяхъ беззаконниковъ, вооружившихся безсовѣстно противу всякаго благоустройства, дарованнаго Богомъ, государями и законами.

„Эти изверги, не довольно еще напитавшіеся кровію во время французскаго бунта (революціи), призваннаго республиканскою войною [1]), не давшей покоя нѣсколько десятковъ лѣтъ; убили добраго государя на эшафотѣ, да и прочихъ только милосердіе Божіе спасло отъ злой пасти масоновъ: ибо день 14-го іюля былъ назначенъ не для одного Людовика XVI взять подъ арестъ, но и для всѣхъ королев-

[1]) Которой планъ уже извѣстенъ и масонскіе подвиги открыты: Аустерлицъ, Фридландъ все еще покрыты въ Россіи тайною. Трухачевъ.

скихъ главъ Европы. Этотъ комплотъ кровопійцъ вздумали еще изрыть ямы, пропасти и провалы въ благословенномъ государствѣ Россіи, и единственно для того, чтобы наполнить оные кровію невинныхъ жертвъ, и возмутить священный покой, которымъ наслаждается нынѣ блаженная Россія.

„1822 года 1-го августа спасительный указъ избавилъ невинныхъ, могущихъ быть ввергнутыми, змѣйнымъ обольщеніемъ, въ адскія пропасти отъ присоединенія вновь къ ордамъ симъ, къ мнимо-просвѣщенному адскому скопищу. Зная нынѣ всѣхъ тайныхъ обществъ цѣль, къ которой стремятся и такъ быстро стараются достать оной, какъ видно изъ высочайшаго благоволительнаго указа къ вѣрноподданнымъ, я благодарю Бога за спасеніе, что не принадлежалъ, а въ томъ, что принадлежать не буду ложамъ, отвѣчаю всѣмъ, что для меня есть драгоцѣннаго въ свѣтѣ, и что буду стараться объявлять каждому о преднамѣреніяхъ и тайныхъ злодѣйствахъ масонскаго комплота; заговорахъ самыхъ злѣйшихъ, опаснѣйшихъ бывшихъ разбоевъ; и тѣ были, противу масонскихъ заговоровъ—благодѣяніемъ: они разбивали проѣзжающихъ, которые однако брали свои мѣры; но не имѣли въ предметѣ сдѣлать общій бунтъ, что называютъ французы революціею. А масоны стремятся къ общему бунту, которымъ хотятъ очистить землю отъ профановъ, по уничтоженіи святой вѣры, государей и всякаго неравенства, устроеннаго для общей пользы и покоя; сами же, напротивъ, имѣютъ старшихъ въ ложахъ, да и ложи еще есть старшія, въ коихъ молотокъ служитъ вмѣсто барабана, и прочіе масонскіе инструменты и степени, означающіе неравенство; слѣдовательно, явно слабоумныхъ вербуя въ свою шайку и неопытныхъ, обманываютъ мнимымъ равенствомъ и вольностію, и подчиняютъ подъ свои хитрыя повелѣнія, то есть, развращенія; а во время французскаго бунта (революціи) эти человѣколюбивые бунтовщики своими благодѣяніями милліонъ головъ отрѣзали и потопили. Вотъ какъ я знаю о масонахъ! послѣ этого никакъ уже нельзя принадлежать къ нечестивому исчадію масонскаго разврата, а вящше—кто отецъ семейства и прослужилъ во фронтѣ почти цѣлый вѣкъ, въ военной службѣ, подъ строгой субординаціей, и самъ любитъ хранить оную свято! И такъ, рѣшительно объявляю, что я никогда не принадлежалъ къ тайнымъ ложамъ, и принадлежать къ симъ, заражающимъ даже воздухъ, шайкамъ не буду, что готовъ подтвердить присягою, не только подпискою".

«Генералъ-маіоръ Трухачевъ».

V.

Арзамаское общество.

Вообще возбужденное состояніе административныхъ сферъ въ концѣ царствованія Александра I-го, усматриваніе повсюду революціонныхъ цѣлей обнаруживалось иногда весьма забавными и просто дикими извѣтами и доносами. Нѣкоторые ревнители стали, повидимому, подозрительно глядѣть на все, что носило названіе „общества" — хотя бы его собранія происходили при раскрытыхъ дверяхъ. Такъ, напримѣръ, вѣроятно, былъ поднятъ вопросъ: почему члены извѣстнаго литературнаго общества Арзамасъ (въ то время уже переставшаго существовать) не заявляли объ участіи въ ономъ, при дачѣ вышепомянутыхъ подписокъ? По крайней мѣрѣ, на это прямо указываетъ одна, найденная въ современныхъ дѣлахъ, записка, очевидно старающаяся отклонить отъ этого общества подозрѣніе въ политическихъ замыслахъ, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, сильно осуждающая отдѣльныхъ его членовъ. Записка эта никѣмъ не подписана, но на столько любопытна, что не лишнее привести ее здѣсь [1]):

„Арзамасское общество не было вовсе политическое; не имѣя никакого образованія, ни устройства, не было тайнымъ; а потому бывшіе его члены не могли упоминать о немъ при подпискѣ о знаніи, или участіи въ тайныхъ обществахъ.

„О семъ Арзамасскомъ обществѣ упомянуто было въ запискѣ о лицеѣ [2]) для того только, что нѣкоторые его члены имѣли вліяніе на духъ лицейскихъ воспитанниковъ. Арзамасское общество возникло отъ раздраженнаго самолюбія. Когда, по проискамъ актрисъ и князя Тюфякина [3]), запрещено было писать о театрѣ, а между тѣмъ нѣко-

---

[1]) Запискѣ этой предшествуетъ слѣдующій списокъ членовъ общества «Арзамасъ»:

1) Серг. Сем. Уваровъ.
2) Александръ Тургеневъ.
3) Кн. П. А. Вяземскій.
4) Блудовъ.
5) Дашковъ.
6) Воейковъ.
7) Жуковскій.
8) Батюшковъ.
9) Мерзляковъ.
10) Мих. Серг. Кайсаровъ.
11) Профессоръ Кайсаровъ.
12) Ив. Матв. Муравьевъ-Апостолъ.
13) Гнѣдичъ.
14) Николай Ив. Тургеневъ.
15) Жихаревъ.
16) Вигель.
17) Василій Львовичъ Пушкинъ.

[2]) См. далѣе.

[3]) Тогдашній директоръ театровъ.

торые драматическіе писатели, а именно: кн. Шаховской, Загоскинъ и другіе, начали выводить на сцену непріязненныхъ имъ людей (даже кроткаго Жуковскаго кн. Шаховской выставилъ въ комедіи „Липецкія воды“, а Карамзинъ выставленъ былъ умно и забавно въ комедіи „Новый Стернъ“), то Уваровъ, Тургеневъ и другіе составили союзъ или общество, названное (по вотчинѣ одного изъ нихъ, въ Арзамасѣ) Арзамасомъ. Туда собирались читать критики, а послѣ—сатиры и эпиграммы на театральныя піесы и авторовъ. Вскорѣ Арзамасское общество вооружилось противу всѣхъ противниковъ Карамзина и его школы и противу всѣхъ писателей, не желавшихъ явно содѣйствовать обществу; оно критиковало также всѣ такъ называемыя старообрядческія, славянофильскія сочиненія, т. е. Шишкова, Шихматова и ихъ приверженцевъ. И такъ, не общество имѣло вліяніе на духъ лицея, но нѣкоторые люди, принявшіе въ свой кругъ Пушкина, Кюхельбекера и другихъ лицейскихъ студентовъ. Главная характеристическая черта членовъ Арзамасскаго общества, по которой и теперь можно отличить ихъ между милліонами людей, есть: чрезвычайно надменный тонъ, рѣзкость въ сужденіяхъ, самонадѣянность. Сергій Семеновичъ Уваровъ и Николай Тургеневъ суть два прототипа духа сего общества. Все, что не ими выдумано,—дрянь; каждый человѣкъ, который не пристаетъ безусловно къ ихъ мнѣнію,—скотина; каждая мѣра правительства, въ которой они не принимаютъ участія,—мерзкая; каждый человѣкъ, осмѣлившійся спорить съ ними,—дуракъ и смѣшонъ. Вотъ какими выраженіями они изъяснялись безъ обиняковъ. Этотъ несносный тонъ заразилъ юношество, которое почитало себя рожденнымъ не въ свое время, выше своего вѣка. Вотъ въ какомъ отношеніи Арзамасское общество было вредно!—т. е. нѣкоторые члены общества.

„Арзамасское общество не имѣло ни малѣйшей политической цѣли; но какъ правительство не заботилось о томъ, чтобы каждому обществу дать свое направленіе, свою цѣль, то нѣкоторые члены, отдѣльно, приготовляли порохъ, который въ послѣдствіи вспыхнулъ отъ буйнаго пламени тайнаго общества. Арзамасское общество умерло своею смертію; когда кончилась причина, кончилось и дѣйствіе“.

Записка „о лицеѣ и о лицейскомъ духѣ“, о которой упоминается въ предшествующей, тоже никѣмъ не подписана; но авторъ обѣихъ записокъ, очевидно, одинъ и тотъ же. Это обличается не только манерою изложенія, но и самымъ почеркомъ руки.

VI.

Нѣчто о Царскосельскомъ Лицеѣ и о духѣ онаго.

„1) Что значитъ лицейскій духъ?—Въ свѣтѣ называется лицейскимъ духомъ, когда молодой человѣкъ не уважаетъ старшихъ, обходится фамиліярно съ начальниками, высокомѣрно съ равными, презрительно съ низшими, исключая тѣхъ случаевъ, когда, для фанфаронады, надобно показаться любителемъ равенства. Молодой вертопрахъ долженъ при семъ порицать насмѣшливо всѣ поступки особъ, занимающихъ значительныя мѣста, всѣ мѣры правительства, знать наизусть или самому быть сочинителемъ эпиграммъ, пасквилей и пѣсень предосудительныхъ на русскомъ языкѣ, а на французскомъ—знать всѣ дерзкіе и возмутительные стихи и мѣста самыя сильныя изъ революціонныхъ сочиненій. Сверхъ того, онъ долженъ толковать о конституціяхъ, палатахъ, выборахъ, парламентахъ, казаться невѣрующимъ христіанскимъ догматамъ и, болѣе всего, представляться филантропомъ и русскимъ патріотомъ. Къ тому принадлежитъ также обязанность насмѣхаться надъ выправкою и обученіемъ войскъ, и въ сей цѣли выдумано ими слово шагистика. Пророчество перемѣнъ, хула всѣхъ мѣръ, или презрительное молчаніе, когда хвалятъ что нибудь, суть отличительныя черты сихъ господъ въ обществахъ. Вѣрноподданный—значитъ укоризну на ихъ языкѣ; европеецъ и либералъ — почетныя названія. Какая-то насмѣшливая угрюмость (morgue) вѣчно затемняетъ чело сихъ юношей, и оно проясняется только въ часы буйной веселости.

„Вотъ образчикъ молодыхъ и даже многихъ немолодыхъ людей, которыхъ у насъ довольное число. У лицейскихъ воспитанниковъ, ихъ друзей и приверженцевъ, этотъ характеръ называется въ свѣтѣ лицейскій духъ. Для возмужалыхъ людей прибрано другое названіе: Mépris souverain pour le genre humain; для третьяго разряда, т. е. сильныхъ крикуновъ,—просто либералъ.

„2) Откуда и какъ онъ произошелъ?—Первое начало либерализма и всѣхъ вольныхъ идей имѣетъ зародышъ въ религіозномъ мистицизмѣ сексты мартинистовъ, которая въ концѣ царствованія императрицы Екатерины II существовала въ Москвѣ, подъ начальствомъ Новикова, и даже имѣла свои ложи и тайныя засѣданія. Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ, Тургеневъ (отецъ осужденнаго въ Сибирь), Муравьевъ (отецъ Никиты, осужденнаго) и многія лица, которыя здѣсь не упоминаются, сильно содѣйствовали Новикову къ распространенію либеральныхъ идей, посредствомъ произвольнаго толкованія священнаго писанія, масонства, мистицизма, размноженія книгъ иностранныхъ вреднаго (??) содержанія и изданія книгъ чрезвычайно либеральныхъ (!) на русскомъ языкѣ.

„Когда Новиковъ былъ сосланъ въ Сибирь (!?) и секта его (?) рушилась, разсѣянные адепты стали по разнымъ мѣстамъ отдѣльно препода

вать его ученіе. Тургеневъ былъ попечителемъ Московскаго университета, находился въ дружбѣ съ Мих. Ник. Муравьевымъ и рекомендовалъ ему многихъ молодыхъ людей своего образованія, которыхъ сей послѣдній пускалъ въ ходъ, по своимъ связямъ. Другіе дѣлали то же, и вскорѣ люди, приготовленные непримѣтно, большая часть сами не зная того, взяли перевѣсъ въ свѣтѣ, и, по службѣ и по отличному своему положенію, стоя, такъ сказать, на первыхъ мѣстахъ картины, сдѣлались образцами для подражанія. Новикова и мартинистовъ забыли, но духъ ихъ пережилъ и, глубоко укоренившись, производилъ безпрестанно горькіе плоды. Должно замѣтить, что планъ Новиковскаго общества былъ почти тотъ же, какъ „Союза благоденствія", съ тою разницею, что Новиковцы думали основать малую республику въ Сибири, на границѣ Китая, и по ней преобразовать всю Россію.

„Французская революція была благотворною росою для сихъ горькихъ растеній. Ужасъ, произведенный ею, исчезъ, правила остались и распространились множествомъ выходцевъ, коимъ повѣряли воспитаніе и съ коими дружились безъ всякаго разбора. Кратковременное царствованіе императора Павла Петровича не погасило пламени, но прикрыло только пепломъ. Настало царствованіе императора Александра и новыя обстоятельства дали новое направленіе сему духу и образу мыслей.

„До 1807 года продолжались различныя благія начинанія въ отношеніи къ воспитанію, просвѣщенію и государственному управленію. Но какъ по несчастному стеченію обстоятельствъ не было довольнаго числа способныхъ людей для управленія всѣми частями нововведеній, то они, при всемъ благомъ намѣреніи государя императора, съ сего времени начали разрушаться или приняли совсѣмъ другое направленіе. Завели вездѣ народныя школы, не имѣя достаточнаго числа порядочныхъ учителей и смотрителей, и отъ того онѣ не достигли своей цѣли. Университеты, образованные не въ нравахъ русскихъ, но на нѣмецкую ногу, не принесли ожиданной пользы. Въ Германіи юношество пріѣзжаетъ охотно учиться и молодые люди живутъ безъ надзора, на вольныхъ квартирахъ, посѣщая по произволу лекціи. У насъ этотъ порядокъ имѣлъ самое вредное вліяніе на нравы и образъ мыслей. Молодые люди утопали въ развратѣ и вовсе не учились, и если изъ сего времени вышло нѣсколько образованныхъ людей, то это изъ Московскаго университетскаго пансіона, гдѣ воспитанники жили подъ присмотромъ; изъ университета же вышло нѣсколько изъ остзейскихъ дворянъ и нѣсколько бѣдняковъ, пристрастныхъ къ ученію,—но весьма мало. Управленіе университетовъ на германскій образецъ также не принялось въ Россіи: законопочитаніе исчезло, а наука мало подвинулась впередъ. Словесность и науки представляютъ едва нѣсколько ученыхъ изъ всего этого огромнаго заведенія, и ни одного литератора.

„Во время самой сильной ферментаціи умовъ, въ 1811 году, ново-

заведенный лицей наполнился юношествомъ изъ хорошихъ фамилій Молодымъ людямъ преподавали науки хорошіе профессоры, ихъ одѣвали чисто, помѣщали въ великолѣпныхъ комнатахъ, кормили прекрасно, но никто не позаботился, даже не подумалъ, что этому новому разсаднику должно было дать свѣтъ и влажность въ одинакой пропорціи и не оставлять одни произрастенія въ тѣни, а другія на солнцѣ, одни на тучной, другія на безплодной землѣ. Все это предоставлено было случаю. Никто не взялъ на себя труда испытать нравственность каждаго ученика, узнать въ чемъ онъ имѣетъ недостатокъ, какую главную страсть, какой образъ мыслей, какія понятія о вещахъ, чтобы, истребляя вредное въ самомъ началѣ, развить понятія въ пользу настоящаго образа правленія и къ сей цѣли направлять все воспитаніе юношества, назначеннаго занимать важныя мѣста и, по своему образованію, давать тонъ между молодыми людьми. Это именно ускользнуло отъ наставниковъ—впрочемъ, людей добрыхъ и благонамѣренныхъ.

„Въ Царскомъ Селѣ стоялъ гусарскій полкъ; тамъ живало лѣтомъ множество семействъ, пріѣзжало множество гостей изъ столицы, и молодые люди постепенно начали получать идеи либеральныя, которыя кружили въ свѣтѣ. Должно замѣтить, что тогда было въ тонѣ помѣщать молодыхъ людей въ лицеѣ; они даже потихоньку (т. е. безъ дозволенія, но явно) ходили на вечеринки въ домы, уѣзжали въ Петербургъ, куликали съ офицерами и посѣщали многихъ людей въ Петербургѣ, игравшихъ значительныя роли, которыхъ мы не хотимъ называть. Въ лицеѣ начали читать всѣ запрещенныя книги, тамъ находился архивъ всѣхъ рукописей, ходившихъ тайно по рукамъ, и, наконецъ, пришло къ тому, что если надлежало отыскать что либо запрещенное, то прямо относились въ лицей.

„Послѣ войны съ французами (въ 1816 и 1817 годахъ), образовалось общество, подъ названіемъ „Арзамасскаго“. Оно было ни литературное, ни политическое, въ полномъ значеніи сихъ словъ, но въ настоящемъ существованіи клонилось само собою и къ той, и къ другой цѣли. Оно сперва имѣло въ намѣреніи пресѣчь интриги въ словесности и въ драматургіи, поддерживать истинные таланты и язвить самозванцевъ-словесниковъ. Члены общества были неизвѣстны, или, хотя извѣстны всѣмъ, но не объявляли о себѣ публикѣ; но общество было явное. Оно было шуточное, забавное, и во всякомъ случаѣ принесло бы болѣе пользы нежели вреда, еслибъ было направляемо кѣмъ нибудь къ своей настоящей цѣли. Но какъ никто о семъ не заботился, то Арзамасское общество принесло вредъ, особенно лицею. Сіе общество составляли люди, изъ коихъ почти всѣ, за исключеніемъ двухъ или трехъ, были отличнаго образованія, шли въ свѣтѣ по блестящему пути и почти всѣ были или дѣти членовъ Новиковской мартинистской секты, или воспитанники ея членовъ, или товарищи, друзья и родственники сихъ воспитанниковъ. Духъ времени истребилъ мистику, но либерализмъ цвѣлъ во всей красѣ! Вскорѣ это общество сообщило

свой духъ бо́льшей части юношества и, покровительствуя Пушкина и другихъ лицейскихъ юношей, раздуло, безъ умысла, искры и превратило ихъ въ пламень.

„И такъ, не науки и не образъ преподаванія оныхъ виновны въ укорененіи либеральнаго духа между лицейскими воспитанниками. Во первыхъ, политическія науки преподавались въ лицеѣ весьма поверхностно и легко; во вторыхъ—едва нѣсколько слушали прилежно курсъ сихъ наукъ, и тѣ именно вышли не либералы, какъ, напримѣръ, М. Корфъ и другіе; либеральничали тѣ, которые весьма дурно учились и, будучи школьниками, уже хотѣли быть сочинителями, судьями всего, однимъ словомъ—созрѣвшими. Профессоры: Кайдановъ, Кошанскій, Куницынъ—всѣ люди добрые, образованные и благонамѣренные; они почли бы себѣ за грѣхъ и за преступленіе толковать своимъ ученикамъ то, чего не должно. Но направленіе политическое было уже дано извнѣ, и профессоры, бесѣдуя съ учениками только въ классахъ, не только не могли передѣлать ихъ нравственности, но даже затруднялись съ юношами, которые дѣлали имъ безпрестанно вопросы свои, почерпнутые изъ политическихъ брошюръ и запрещенныхъ книгъ. Весьма вѣроятно, что составившееся въ 1816 году тайное общество, распространивъ вскорѣ кругъ своего дѣйствія на Петербургъ, имѣло умышленное и сильное вліяніе на лицей. Начальники лицея, подъ предлогомъ благороднаго обхожденія, позволяли юношеству безнаказанно своевольничать, а на нравственность и образъ мыслей не обращали ни малѣйшаго вниманія. И какъ, съ одной стороны, правительство не заботилось, а съ другой стороны—частные люди заботились о дѣланіи либераловъ, то духъ времени превозмогъ и либерализмъ укоренился въ лицеѣ, въ самомъ мерзкомъ видѣ. Во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ подражали лицею, и молодые люди, воспитанные дома, за честь поставляли дружиться съ лицейскими и подражать имъ.

„3) Какія послѣдствія и вліяніе его на общество? Молодые люди, будучи не въ состояніи писать о важныхъ политическихъ предметахъ по недостатку учености, и желая дать доказательства своего вольнодумства, начали писать пасквили и эпиграммы противу правительства, которые вскорѣ распространялись, приносили громкую славу молодымъ шалунамъ и доставляли имъ предпочтеніе въ кругу зараженнаго общества. Они водились съ офицерами гвардіи, съ знатными молодыми людьми, были покровительствованы Арзамасцами и членами тайнаго общества, шалили безнаказанно, служили дурно и, за дурныя дѣла пользуясь въ свѣтѣ наградами и уваженіемъ, давали тѣмъ самое пагубное направленіе обществу молодыхъ людей, которые уже въ домахъ своихъ не слушали родителей, въ насмѣшку называли ихъ вѣрноподданными и почитали себя преобразователями, дѣтьми новаго вѣка, новымъ поколѣніемъ, рожденнымъ наслаждаться благодѣяніями своего вѣка. Всѣ совѣты были тщетными. Они почитали себя выше всѣхъ. „Духъ журналовъ“ былъ отголоскомъ ихъ мнѣнія—можетъ быть и неумышленно“.

Примѣч. Авторъ записокъ №№ V и VI-й намъ неизвѣстенъ. Ред.

Записка о Великой ложѣ «Астреѣ», ея чиновникахъ и о всѣхъ, подъ управленіемъ ея состоящихъ ложахъ, по номерамъ назначеннаго имъ Великою ложею «Астреею» старшинства, съ означеніемъ званій, времени учрежденія и мѣстъ пребыванія ихъ; системы, по какой каждая ложа работы свои производитъ; числа имѣющихся въ каждой ложѣ членовъ и именъ управляющихъ ложами мастеровъ въ 821 г.

	Гражданскія званія.	Достоинство по масонству.	Какой системы.
Въ С.-Пбургѣ Великая ложа «Астрея», открыта 13-го августа 1815 г. — Работаетъ на русскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ.			Отъ начала учрежденія своего работала по Шредеровой системѣ, подъ названіемъ Старой Англинской, но съ 12-го декабря 1820 г. оная Великая ложа «Астрея», подъ управленіемъ Великаго Намѣстнаго Мастера Кушелева, работаетъ по истинной, древней и апробованной правительствомъ масонской системѣ, по которой работала, правительствомъ и высочайшимъ повелѣніемъ утвержденная, Великая Директоріальная «св. князя Владиміра ложа къ Порядку».
Графъ Адамъ Станиславовичъ **Ржевуссій**	Тайный совѣтникъ, сенаторъ и разныхъ орденовъ кавалеръ.	Великій Мастеръ и почетный членъ многихъ россійскихъ и польск. ложъ.	
Егоръ Андреевичъ **Кушелевъ**	Генералъ-лейтенантъ, сенаторъ.	Управляющій Великій Намѣстный Мастеръ.	
Фридрихъ **Шюлеръ**	Генер.-лейтенантъ. Чрезвычайный и полномочный министръ Е. В. короля Прусскаго при Императ. Россійскомъ дворѣ, и разн. орден. кавалеръ.	Первый Великій Надзиратель и многихъ россійскихъ и иностранныхъ ложъ почетный членъ.	
Иванъ **Андржековичъ**	Генер.-маіоръ и разн. орденовъ кавалеръ.	Вторый Великій Надзиратель.	
Вевель	Купецъ.	Великій Секретарь.	
Князь Павелъ **Гагаринъ**	Отставной генер.-маіоръ и разныхъ орден. кавалеръ.	Великій Витія.	
Карлъ **Риттеръ**	Негоціантъ.	Великій Казначей.	
Генрихъ **Вольфъ**	Докторъ.	Великій Обрядоначальникъ.	
Фредерикъ **Гиршфельдъ**	Пасторъ лютеранскій въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ.	Великій Попечитель о бѣдныхъ и милостыни раздаятель.	

Примѣчаніе: Подъ сими чиновниками, составляютъ Великую ложу представители отъ всѣхъ нижезначущихся ложъ чиновники ихъ и нововыдуманные, противъ масонскихъ актовъ, великіе почетные чиновники; а всѣхъ числомъ 151, которые значатся въ спискахъ тѣхъ ложъ нижезначущихся,—кто которой принадлежитъ.

№№ ложъ.	Имена ложъ и мастеровъ; на какомъ языкѣ (работаютъ) и когда учреждены.	Гражданскія званія.	Управляющіе ложами.	Число членовъ.	Какой системы.
	ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:				
1	Петра къ Истинѣ (на нѣмецкомъ яз.; учреждена 12-го мая 1810 г.). Іоганъ **Кейзеръ**	Докторъ, надворный совѣтникъ и кавалеръ.	М	151	Системы Шредеровой, подъ названіемъ Старой Английской.
2	Палестины (на французскомъ яз.; учреждена 4-го марта 1810 г.). Романъ **Моненъ**	Докторъ.	а	89	Вильгельмсбаденской.
5	Избраннаго Михаила (на русскомъ яз.; учреждена 13-го янв. 1815 г.). Гр. Ѳедоръ Петров. **Толстой**.	Флота капитанъ-лейтенантъ.		127	Шредеровой, подъ назв. Английской.
6	Александра Коронованнаго къ Пеликану (на нѣмецкомъ яз.; возобновлена 11-го октября 1805 г.). Оттонъ **Гевесъ**	Надворный совѣтникъ.	с	141	Елагинской, подъ назв. Новой Английской.
8	Соединенныхъ Друзей (на французскомъ яз.; учреждена 10-го іюня 1802 г.). Августинъ **Прево-де-Люминъ**	Генералъ-маіоръ и кавалеръ.	т	109	Шведской.
9	Пламенѣющей звѣзды (на нѣмецкомъ яз.; учреждена 30-го іюня 1815 г.). Баронъ Оттонъ **Виттенгеймъ**	Надворный совѣтникъ.	е	79	Шведской.
16	Орла Россійскаго (на русскомъ яз.; учреждена 12-го марта 1816 г.). Князь Павелъ **Гагаринъ** . . .	Отставной генер.-маіоръ и разн. орденовъ кавалеръ.	р	47	Согласно прежнимъ, древнимъ и шведскимъ актамъ, но нѣсколько попорченнымъ.
20	Бѣлаго Орла (на польскомъ яз.; учреждена 24-го іюня 1818 г.). Іосифъ **Олешкевичъ**	Членъ академіи художествъ, по живописному искуству.	а.	54	Польскаго Великаго Востока.
	Примѣчаніе: Всѣхъ, въ С.-Петербургѣ, масонскихъ подъ управленіемъ Великой ложи «Астреи», ложъ восемь, а въ нихъ членовъ			797	

№№ ложъ.	Имена ложъ и мастеровъ; на какомъ языкѣ (работаютъ) и когда учреждены.	Гражданскія званія.	Управляющіе ложами.	Число членовъ.	Гдѣ находятся и какой системы.
3 Изъ списка исключена.	Изисъ или Изида (на нѣмецкомъ яз.; учреждена вмѣстѣ съ Великою ложею «Астреею»). Иванъ Ризенкампфъ . . . . Оная ложа, за принятіе одного недостойнаго въ сочлены, Вальтера, въ противность сдѣланнаго ей Великою ложею запрещенія, какъ за неприличное ослушаніе и за оказанное потомъ неповиновеніе и грубые отзывы Великой ложѣ, по суду уничтожена 12-го декабря 1820 г. и изъ союза исключена. Имѣла членовъ 89.	Коллежскій совѣтникъ.	М		Въ Ревелѣ. Шредеровой подъ названіемъ Старой Англинской.
4	Нептунъ къ Надеждѣ (на нѣмецк. яз.; учрежд. 12-го янв. 1781 г. Возобн. 21-го окт. 1814). Александръ Голенліусъ.	Лютеранскій пасторъ.	а с	40	Въ Кронштадтѣ. Шведской.
7	Іордана (на русск. и франц. яз.; учрежд. 16-го мая 1812 г.). Феликсъ Лагоріо	Вице-консулъ Обѣихъ Сицилій.	т	26	Въ Ѳеодосіи. Французскаго Великаго Востока.
10 Изъ списка исключена.	Военная, Георгія Побѣдоносца (на русск. яз.; учрежд. 12-го марта 1817 г.). Романъ Винспиръ. Оная ложа работы прекратила на неопредѣленное время.	Артиллеріи полковникъ и кавалеръ.	е		Находилась при главн. квартирѣ рос. корпуса въ Мобёжѣ. Старой Англинской.
11	Разсѣяннаго Мрака (на польск. и франц. яз.; учрежд. 31-го мая 1787 г.). Франсуа Гейнчъ	Докторъ.	р	67	Въ Житомирѣ. Польск. Великаго Востока.
12	Трехъ Сѣкиръ (на нѣмецк. яз.; учрежд. 9-го мая 1778 г. Возобн. 21-го апр. 1817 г.). Карлъ Солеманъ.	Бургомистръ.	а.	53	Въ Ревелѣ. Шведской.
13	Александра къ Тройственному Благу (на русск., нѣмецк. и франц. яз.; учрежд. 30-го авг. 1817 г.). Устинъ Лодеръ	Лейбъ-медикъ. Дѣйст. ст. совѣтн. и кавалеръ.		127	Въ Москвѣ. Вильгельмсбаденской.

№№ ложъ.	Имена ложъ и мастеровъ; на какомъ языкѣ (работаютъ) и когда учреждены.	Гражданскія званія.	Управляющіе ложами.	Число членовъ.	Гдѣ находятся и какой системы.
14 Токмо числится	Трехъ Коронованныхъ Мечей (на нѣм. яз.; учр. 1775 г.; возобн. 29-го янв. 1816 г.). Өедоръ Кейзерлингъ. Оной ложѣ работать не позволяетъ военный губернаторъ маркизъ Паулучи.	Камергеръ.	М	30	Въ Митавѣ. Шведской.
15	Ключъ къ Добродѣтели (на русск. и франц. яз.; учрежд. 1-го марта 1818 г.). Князь Михаилъ Багратіонъ.	Симбирскій губернскій предвод. дворянства.		40	Въ Симбирскѣ. Шведской.
17	Соединенныхъ Славянъ (на русск. и франц. яз.; учрежд. 12-го марта 1818 г.). Францъ Харлинскій	Депутатъ Главн. суда.	а	71	Въ Кіевѣ. Польскаго Великаго Востока.
18 Токмо числится.	Любовь къ Истинѣ (на русск. яз.; учрежд. 30-го апр. 1813 г.). По непозволенію военнаго губернат., кн. Репнина, не работаетъ.		с		Въ Полтавѣ.
19 Изъ списка исключена.	Сѣверныхъ Друзей (учрежд. 30-го апр. 1818, но недолго существовала; работы закрыла и болѣе не существуетъ).		т		Въ С.-Петербургѣ.
21	Золотаго Кольца (на польск. и нѣмецк. яз.; учрежд. 27-го іюля 1818 г.). Казиміръ Довнаровичъ	Бывшій маршалъ Соколковскаго повѣта.	е	42	Въ Бѣлостокѣ. Польск. Великаго Востока.
22	Александръ къ Пчелѣ (на нѣмецк. яз.; учрежд. 27-го іюля 1818 г.). Зигмундъ Либъ	Фабрикантъ.	р	21	Въ Ямбургѣ. Елагинской, называемой Англинской.
23	Восточнаго Свѣтила (на русск. яз; учреж. 30-го авг. 1818 г.). Николай Горловъ	Томскій вице-губернат., ст. совѣтн. и кавалеръ.	а.	15	Въ Томскѣ. Шредеровой, называемой Старой Англинской.
24	Озириса къ Пламенѣющей Звѣздѣ (на русск., польск. и франц. языкахъ; учрежд. 28-го декабря 1818 г.). Франсуа Димеръ	Докторъ, надв. совѣтн.		67	Въ Каменцѣ-Подольскомъ. Польскаго Великаго Востока.
	Итого, во всѣхъ ложахъ членовъ			607	
	Примѣчаніе: Одна по суду уничтожена; двѣ сами по себѣ прекратили работы, и двѣ не работаютъ по непозволенію мѣстныхъ въ губерніи начальниковъ — неизвѣстно почему. Затѣмъ существуетъ нынѣ (въ 1821 году) 19 ложъ; а въ нихъ наличныхъ и отсутствующихъ всѣхъ членовъ			1404	

Сенаторъ генералъ-лейтенантъ Егоръ Кушелевъ.

ВОСПОМИНАНІЯ Т. П. ПАССЕКЪ

1810—1842 г.

ГЛАВА XXVIII [1])

Въ Украйнѣ и въ Москвѣ.

1835—1842.

Я видѣла первый разъ весну Украйны, и была поражена ея роскошью. Какъ только сталъ таять снѣгъ, изъ-подъ него полѣзли головки пролѣсокъ и распустились голубыми цвѣточками. Едва снѣгъ сбѣжалъ, яркая зелень покрыла землю, зардѣлъ пунцовый воронецъ, зацвѣли дикіе персики и разлился благовонный запахъ чабреца и полыни. Груши, вишни, яблони осыпались такимъ множествомъ бѣлыхъ и розоватыхъ цвѣтовъ, что между ними только кое-гдѣ виднѣлись крошечные листочки. Въ эту-то прелестную пору мы переѣхали изъ Харькова опять въ Спасское. Степи — это былъ океанъ цвѣтовъ; садъ нашъ казался пушистымъ отъ молоденькихъ листочковъ, изъ-за которыхъ, точно сквозь легкую, свѣтлозеленую сѣтку, виднѣлись гибкія вѣтки деревьевъ. Въ воздухѣ слышалось чириканье, свистъ, воркованье, день и ночь пѣли соловьи чуть не въ комнатахъ, въ кустахъ, прилегавшихъ къ окнамъ. Все это подъ глубокимъ яхонтовымъ небомъ, днемъ-ли, ночью-ли, было— Богъ знаетъ до чего—хорошо. Подъ обаяніемъ окружавшей насъ красоты, мы отдались жизни вдвоемъ,

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XV, стр. 805—852; томъ XVI, стр. 89—131; 309—350; 511—544; 649—670; томъ XVII, стр. 537—579.

до того, что даже и письма писали рѣдко и то только роднымъ; къ знакомымъ же и товарищамъ мужа моего Вадима совсѣмъ не писали и къ намъ не писалъ никто.

Въ іюлѣ получила я извѣстіе отъ Луизы Ивановны Г—ценъ; она писала, что Иванъ Алексѣевичъ продаетъ с. Васильевское, много охотниковъ купить, но никто не покупаетъ безъ принадлежащей мнѣ части; а такъ какъ здоровье Ивана Алексѣевича Яковлева видимо слабнетъ, то, въ виду ихъ пользы, продать Васильевское необходимо, и она проситъ меня уступить Ивану Алексѣевичу мою часть за то, что̀ онъ даетъ, а какъ онъ дастъ, вѣроятно, меньше стоимости, то она, Александръ и Егоръ Ивановичъ Г—нъ обѣщаютъ мнѣ доплатить что̀ дѣйствительно стоитъ принадлежащая мнѣ часть, когда получатъ назначаемый имъ Иваномъ Алексѣевичемъ капиталъ.

Въ отвѣтъ на это письмо я послала на имя Григорія Ивановича Ключарева полную довѣренность на продажу моей части въ селѣ Васильевскомъ съ деревнями. Иванъ Алексѣевичъ далъ мнѣ за нее три тысячи рублей серебромъ. Мнѣ за одинъ лѣсъ предлагали вдвое, но я отказала, чтобы не повредить пользамъ моихъ друзей.

Спустя нѣсколько времени, мы получили письмо отъ Александра Ивановича изъ Вятки. Онъ описывалъ намъ свой отъѣздъ изъ Москвы, впечатлѣнія по пути, Вятку, новыя знакомства и, между прочимъ, говорилъ, что предъ отъѣздомъ у него вышла непріятность съ нашимъ семействомъ, такъ глубоко огорчившая его, что онъ разорвалъ всѣ отношенія съ ними и навсегда. Причины этой непріятности не объяснялъ, жаловался на оскорбленія, полученныя имъ въ лицѣ его матери, въ чемъ-то туманно оправдывался, чего мы не могли понять; говорилъ, что онъ находится въ жестокой тоскѣ, надѣется прожить не долѣе 30-ти лѣтъ, что порядочному человѣку долѣе 30-ти лѣтъ жить и не слѣдуетъ, и кончалъ тѣмъ, что такъ какъ мы непричастны его непріятностямъ съ нашими, то, если отъ него не отрицаемся, онъ, по прежнему, нашъ другъ.

Вадимъ отвѣчалъ Александру, что мы ничего не слышали о его непріятностяхъ съ нашими, просилъ объяснить въ чемъ дѣло, такъ какъ его при этомъ на лицо не было, что, можетъ, виной всего—недоразумѣнія, и когда разъяснятся, то не окажется и надобности прибѣгать къ такимъ грустнымъ, крайнимъ мѣрамъ

послѣ сердечныхъ отношеній, бывшихъ между ними. Отвѣта не было. Вадимъ спрашивалъ своихъ, какая это непріятная исторія была между ними и Александромъ. Ему отвѣчали, что никакой исторіи не было, что они продолжали навѣщать Сашу до его отъѣзда, проводили его и простились съ нимъ дружески.

Мы подивились, а вскорѣ перестали и думать объ этомъ.

Отношенія Александра къ семейству Пассекъ, за исключеніемъ меня и Вадима, дѣйствительно совсѣмъ прекратились. Съ этого времени они уже и не видались никогда.

Мы прожили на югѣ до 1839 года—были въ Одессѣ, въ годъ чумы и землетрясенія, провели весну и лѣто въ Крыму. Изъ Крыма возвратились въ Спасское, куда переѣхала изъ Москвы матушка моего мужа, Екатерина Ивановна Пассекъ, со всѣмъ семействомъ. Тамъ находились также Евгеній и Леонидъ Пассеки. Для семейства въ Спасскомъ строился большой новый домъ, и начинался процессъ съ князьями Шаховскими за имѣнье, оставшееся послѣ князя Кантемира.

На зиму всѣ переѣхали въ Харьковъ.

Однажды вспомнила я о непріятности нашего семейства съ Александромъ, и спросила одну изъ сестеръ: за что они разошлись съ нимъ? (они не переписывались). Сестра посмотрѣла на меня съ изумленіемъ и отвѣчала, что они никогда не расходились съ Александромъ, а не переписываются изъ осторожности. Потомъ, немного подумавши, сказала: «была небольшая размолвка у Луизы Ивановны съ Діомидомъ, изъ-за пустяковъ; Діомидъ погорячился, но это осталось безъ послѣдствій».

По видимому, Александръ искалъ повода отдалиться отъ нашихъ.

Лѣтомъ 1839 года мы получили письмо отъ Егора Ивановича Г..цена. Онъ увѣдомлялъ насъ, «что годъ тому назадъ Александръ переведенъ во Владиміръ, гдѣ вскорѣ женился на Наташѣ, которую увезъ отъ княгини Хованской, и 20-го іюня 1839 года у нихъ родился сынъ Саша». Далѣе описывалъ, какъ Наташу увозили, и что̀ было въ домѣ княгини послѣ ея побѣга. Возвратясь отъ обѣдни,—писалъ онъ,—княгиня легла на постель отдохнуть, спросила чаю и, не видя Наташи, приказала позвать ее къ себѣ.

Спустя нѣсколько минутъ, княгинѣ доложили, что Натальи Александровны нигдѣ нѣтъ. Княгиня тотчасъ поняла въ чемъ

дѣло и до того была поражена этимъ, что всѣ въ домѣ перетревожились, немедленно послали за Иваномъ Алексѣевичемъ, его братомъ сенаторомъ, Львомъ Алексѣевичемъ Яковлевымъ, Д. П. Голохвастовымъ, и за докторомъ, который тотчасъ же пустилъ княгинѣ кровь. Родные нашли княгиню въ постели совсѣмъ разстроенной и сами были сильно раздражены противъ молодыхъ людей. Сенаторъ, желая сколько нибудь успокоить сестру, высказалъ предположеніе, что, быть можетъ, Наташа и не убѣжала еще, а пошла помолиться къ Иверской.

— «Помилуй, что за вздоръ,—возразила княгиня, окончательно разстроившись предположеніемъ, что изъ ея дома дѣвушка можетъ ходить одна по Москвѣ,—когда же Наташа бѣгала у меня одна по улицамъ?»

Дмитрій Павловичъ, послѣ разныхъ совѣщаній, совѣтовалъ оставить молодыхъ людей въ покоѣ, выразивши имъ свое неудовольствіе, и беречь свое здоровье, не разстраивая себя тѣмъ, что непоправимо; княгиню совѣщанія не успокоили и не утѣшили, она чувствовала себя глубоко огорченной и оскорбленной, тѣмъ больше, что незадолго передъ этимъ Наташа считалась невѣстой, и все приданое ей было сдѣлано. Княгиня надѣялась, что дѣло это, не смотря на бывшія непріятности, можетъ снова устроиться. Молодой человѣкъ, бывшій женихомъ Наташи, нравился ей прежде, нежели она сблизилась съ Александромъ, и, по отъѣздѣ Александра въ Вятку, сдѣлалъ ей предложеніе, чрезъ княгиню. Когда княгиня объявила о его предложеніи Наташѣ, то Наташа отвѣтила ей: «онъ мнѣ не по душѣ»; княгиня удивилась, и, относя отвѣтъ ея къ дѣвической стыдливости, сказала: «тѣмъ лучше, браки по любви часто бываютъ несчастны; выйдешь замужъ—полюбишь; я совѣтую, это хорошій молодой человѣкъ, съ нимъ будешь счастлива». Наташа промолчала. Княгиня велѣла ей стать на колѣни передъ кіотомъ съ образами и помолиться, затѣмъ благословила ее дорогимъ образомъ, поздравила невѣстой и сдѣлала нравственное наставленіе. На слѣдующій день компаніонка княгини, Марья Степановна, полетѣла въ ряды закупать приданое, соображаясь со вкусомъ невѣсты. Княгиня ничего не жалѣла; приданое сдѣлано было прекрасное. Сверхъ вещей, она давала за Наташей 20 тысячъ рублей и подмосковную деревню. Женихъ сталъ ѣздить каждый день.

Наташа не обращала на него вниманія и переписывалась съ Александромъ. За нѣсколько дней до вѣнчанья, она писала ему: «все готово къ браку, день назначенъ и подвѣнечное платье лежитъ въ моей комнатѣ». Александръ отвѣчалъ ей отчаяннымъ письмомъ—просьбой любви и клятвами въ вѣрности. Почти наканунѣ вѣнчанья, Наташа позвала къ себѣ въ комнату сестру жениха своего, сказала ей, что она не можетъ выйти замужъ за ея брата, потому что любитъ другаго, показала ей письма и портретъ Александра, поручила ей передать все это брату, и сказать ему, что она проситъ его отъ нея отказаться. Съ этого времени начались непріятности, и кончились тѣмъ, что Наташа убѣжала. Мы были чрезвычайно удивлены женитьбой Александра: намъ и возможности не представлялось, чтобы онъ измѣнилъ той дѣвушкѣ, которую около двухъ лѣтъ любилъ и далъ слово на ней жениться. Въ послѣдствіи на мою долю выпало объявить ей объ измѣнѣ Александра. Она вѣрила въ него, и долго не понимала меня, когда же поняла и повѣрила, то мнѣ показалось, что жизнь отлетѣла отъ нея, такъ страшно она поблѣднѣла, и умолкла. Въ комнатѣ распространилась мертвая тишина. Спустя четверть часа, она молча простилась со мной и ушла домой. Никто никогда не слыхалъ отъ нея жалобы, никто не видалъ ея слезъ, и никогда онъ не узналъ

Какое сердце разорвалъ...

По разнымъ обстоятельствамъ, матушка съ семействомъ осталась жить въ Харьковѣ. Меньшіе братья Вадима поступили въ Харьковскій университетъ. Осенью мы съ Вадимомъ и дѣтьми нашими уѣхали въ Москву. Въ Москвѣ мы нашли двухъ братьевъ Вадима: Егора Васильевича и Діомида. Какъ только мы устроились, они стали бывать у насъ каждый день. Изъ прежняго товарищескаго круга Вадимъ нашелъ только Н. Х. Кетчера и Ника—уже женатаго. Александръ былъ еще во Владимірѣ; узнавши, что мы въ Москвѣ, онъ прислалъ намъ письмо, писанное

«4-го ноября 1839 года.

«Благословляю васъ,—писалъ Александръ Ивановичъ,—подъ 55 градусами 45 мин. сѣверной широты, благословляю васъ подъ 55 градусами 11 минутами восточной долготы; благословляю васъ въ первопрестольномъ, многодорожномъ градѣ Москвѣ, стоящемъ при р. Москвѣ, Неглинной и Яузѣ, съ

350,000 жителей, университетомъ etc. Такъ-то географически-статистически поздравляю я съ пріѣздомъ историка и географа Вадима Пассека въ наши края, а вмѣстѣ съ нимъ и Таню.

«Знаете-ли вы, помните-ли вы, что, между тѣмъ временемъ, въ которое насыпали курганы, о которыхъ пишетъ Кепенъ и о которыхъ Кепенъ не пишетъ, и 1839 годомъ, есть одинъ историческій періодъ, часто занимающій меня,—это маленькій промежутокъ отъ 1825 до 1833 года. Правда, это время наполнено миѳами, какъ царствованіе Тезея, но миѳы такъ же изящны, какъ эти типическіе Медузы, Язоны. Я начинаю не вѣрить, что они были, то есть, очью совершались, а люблю passer et repasser 1825 годъ и пріѣздъ Тани къ намъ. Все это юно, мило.—Путешествіе Бартелеми и Вертеровы Страданья—читаются, Озерова трагедіи декламируются, и миѳъ Г—нъ съ широкими мечтами, и миѳъ Темира съ пылкими мечтами, съ описаніями Волги (и въ послѣдствіи и Волхова съ свинцовыми волнами)... кто не пророчилъ бы тогда обоимъ миѳамъ и Вадиму par dessus marché—желтый домъ, но увы, явился міръ реальный—эта огромная Прокрустова кровать, на которую кладутъ всѣ идеи, всѣ миѳы Г—на, Вадима, Тани, Мехметъ-Али, М. П. Погодина, Чумакова etc., чтобы подрубить имъ ноги или голову, смотря по надобности. И что же—изъ миѳическихъ лицъ вышли люди, такъ таки просто люди—чиновники особыхъ порученій, отцы семейства, матери семейства, путешествующіе, очерчивающіе Русь.—Гдѣ же миѳы?—а гдѣ у бабочки куколка?—Гдѣ у лягушки образъ червячка, въ которомъ она родилась? Теперь лягушка пришла въ полное развитіе. И такъ, поздравимъ другъ друга лягушками вполнѣ развитыми, остается давать концерты au rez-de-chaussée, въ болотѣ.

«Еще тутъ былъ миѳъ, и именно одѣтый въ Кіариньевскій костюмъ, въ бешметъ, шитый золотомъ, серебромъ, адамантами и висономъ, и имя ему Діомидъ. Что онъ? Ежели миѳическое существованіе продолжается, то онъ вѣрно еще ходитъ въ испанскомъ или татарскомъ или мексиканскомъ костюмѣ. Если же и онъ побывалъ на Прокрустовой постелѣ, то, во первыхъ, ходитъ comme il faut, во вторыхъ, думаетъ comme il n'en faut jamais.

«Мечты, мечты, гдѣ ваша сладость!

«Право жаль, что мы сбились съ дороги и не попали въ сумасшедшій домъ.

Прощай. Александръ.

«Прошу отдать мой решпектъ Алексѣю Петровичу (Кучину); вотъ онъ—самобытнѣе насъ, не измѣнилъ себѣ—все тотъ же практическій профессоръ теоріи вѣроятностей»[1]).

Въ концѣ осени и Александръ переѣхалъ въ Москву. При первомъ свиданіи съ нами, онъ былъ нѣсколько смущенъ и какъ бы затруднялся; но мы такъ искренно обрадовались ему и На-

---

[1]) Кучинъ былъ неисправимый картежникъ.

ташѣ, такъ были счастливы свиданіемъ съ ними, что онъ успокоился, сдѣлался веселъ и острилъ до крайности. Спустя нѣсколько дней, онъ хотѣлъ что-то объяснить Вадиму, Вадимъ это объясненіе отклонилъ. Они остались въ прежнихъ товарищески-дружескихъ отношеніяхъ, но, не смотря на это, было чувствительно, что у Александру точно камень на душѣ, который тяготитъ его, и онъ частію уклоняется Вадима. Уклоненіе свое онъ сваливалъ на сочувствіе Вадима дѣлу славянъ, по его тогдашнему мнѣнію, противоложное его западнымъ стремленіямъ. Но это было не такъ. Видались они и толковали по прежнему пріятельски. Въ Вадимѣ не было и тѣни перемѣны къ прежнимъ друзьямъ, не смотря на то, что Александръ не только самъ отклонялся, но, вѣроятно, безотчетно отклонялъ отъ Вадима и Ника, до того, что когда Вадимъ, начавшій въ то время издавать «Очерки Россіи», попросилъ Ника, какъ одного изъ ближайшихъ товарищей, помочь ему небольшой суммой въ этомъ изданіи, Никъ отказалъ, самъ утопая въ богатствѣ и роскоши (въ послѣдствіи Никъ сильно укорялъ себя за этотъ отказъ, и спустя много лѣтъ писалъ мнѣ, что онъ не можетъ простить себѣ своего отвратительнаго поступка съ Вадимомъ). Отчужденіе друзей огорчало Вадима чувствительнѣе отказа Ника—въ деньгахъ.

Вадимъ сблизился съ кругомъ Александра Ѳомича Вельтмана. Александръ и Никъ примкнули къ кругу Станкевича, въ которомъ изучали философію, особенно Гегеля, и старались дойти до отчетливаго пониманія безсмертія души и личности духа, сознающаго себя черезъ міръ, а между тѣмъ имѣющаго собственное самосознаніе. Въ началѣ сороковыхъ годовъ Александръ, начавши читать Фейербаха, вступилъ на иной путь, на путь, какъ онъ выражался, людей свободныхъ. Подъ вліяніемъ этихъ идей, онъ написалъ нѣсколько статей.

Въ 1840 году Александръ поступилъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ, переѣхалъ въ Петербургъ съ женой и сыномъ, и сблизился тамъ съ Бѣлинскимъ. Обширный кругъ людей присоединился къ ихъ кругу. Съ этого времени явился рядъ критическихъ статей, съ живымъ, оригинальнымъ сліяніемъ идей философскихъ съ религіозными, въ которыхъ Бѣлинскій касался всѣхъ вопросовъ, возвышаясь иногда до поэтическаго вдох-

новенія, смѣло, послѣдовательно поражая авторитеты. Статьи Бѣлинскаго ожидались съ нетерпѣніемъ, читались задыхаясь.

Александру, выросшему въ привольи родительскаго дома, въ спокойной, чисто-національной Москвѣ, пришлась не по душѣ форменная, дѣловая жизнь Петербурга. Службой онъ занимался мало, жилъ больше дома, небольшой кругъ знакомыхъ довольно часто собирался у него, но тѣхъ сердечныхъ увлеченій, которыми онъ наслаждался въ Москвѣ—не было.

Александръ не успѣлъ еще ожиться въ этомъ новомъ для него мірѣ, какъ положеніе его нежданно, негадано—измѣнилось. Ему предложено было ѣхать обратно въ Вятку, за распространеніе слуха о томъ, какъ, у Синяго моста, одинъ будочникъ убилъ и ограбилъ прохожаго. Объ этомъ случаѣ говорилъ весь городъ,—Александръ писалъ отцу въ Москву.

Александръ былъ пораженъ, и сталъ хлопотать объ отмѣнѣ такого приговора. Дубельтъ посовѣтовалъ ему обратиться къ министру внутреннихъ дѣлъ, графу Строганову, подъ начальствомъ котораго Александръ служилъ. Графъ къ Александру былъ хорошо расположенъ и принялъ въ его дѣлѣ участіе. Въ непродолжительномъ времени Александру объявили, что ему предоставлено право замѣнить Вятку любымъ губернскимъ городомъ, исключая столицъ. Александръ выбралъ Новгородъ, куда и былъ переведенъ совѣтникомъ губернскаго правленія.

Служба въ губернскомъ правленіи пришлась Александру еще болѣе не по душѣ, чѣмъ служба въ Петербургѣ. Она утомляла. а порой и огорчала его. Онъ подалъ рапортъ о болѣзни, пересталъ ходить въ правленіе, затѣмъ подалъ прошеніе объ отставкѣ, и получилъ ее—съ предложеніемъ не оставлять Новгородъ. Наконецъ въ 1842 году, 1-го іюля, состоялось разрѣшеніе Александру сопровождать въ Москву больную жену свою и тамъ съ нею остаться.

. . . .

Съ этого времени начинается новый періодъ жизни Александра; онъ сталъ усиленно трудиться на литературномъ поприщѣ. Программы его литературныхъ трудовъ, за описываемое мною время, тогда только будутъ понятны и получатъ настоящее значеніе, когда разсмотрятся въ связи съ его жизнію, и явятся какъ результатъ этой жизни и опытности въ мірѣ дѣйствительномъ.

Все, къ чему онъ стремился какъ писатель, результаты, до

которыхъ онъ достигалъ какъ писатель и публицистъ всѣ его дѣйствія и поступки, освѣщенные очерками его жизни, будутъ, большей частію, отраженіемъ того міра, въ которомъ онъ выросъ и обращался, и той эпохи, въ которой родился и жилъ.

Съ возвращенія Александра въ Москву и по его отъѣздѣ заграницу, мы видались не часто, хотя оставались въ прежнихъ дружескихъ отношеніяхъ. Онъ былъ весь увлеченъ своею обширною литературною дѣятельностію, своими цѣлями, и семейными огорченіями. Я страдала подъ ниспосланнымъ мнѣ Богомъ несчастіемъ [смерть мужа], и, кромѣ дѣтей моихъ, ни на что не обращала вниманія, вслѣдствіе чего этотъ періодъ жизни кружка Александра мнѣ мало извѣстенъ. Его пополняютъ въ моихъ воспоминаніяхъ записки нѣкоторыхъ людей изъ близко соприкасавшихся къ этому кругу представителей интеллигенціи сороковыхъ годовъ. Къ числу такихъ воспоминаній принадлежатъ записки Т. А. А—вой. Онѣ по преимуществу вводятъ во внутреннюю жизнь моего друга и товарища дѣтства, Александра и его жены Наташи.

Привожу выдержки изъ записокъ Т. А. А—вой.

...«Вскорѣ послѣ отъѣзда Александра въ Петербургъ, пріѣхалъ въ Москву Сатинъ, и явился къ намъ,—говорится въ запискахъ Т. А. А—вой; я думала встрѣтить человѣка положительнаго, въ лѣтахъ, по крайней мѣрѣ, какъ Ника, и удивилась увидавши юношу, съ поэтическою наружностію, съ ясными голубыми глазами, съ длинными, вьющимися бѣлокурыми волосами, съ гибкой таліей и изящными манерами. Онъ, какъ я узнала послѣ, въ то время былъ уже около двадцати пяти лѣтъ, но казался много моложе. Въ началѣ нашего знакомства Сатинъ былъ застѣнчивъ и ненаходчивъ, потомъ мы сошлись довольно коротко; онъ бывалъ у насъ часто, читалъ намъ свои стихи—я любила ихъ слушать. Его «Умирающій художникъ» и «Три подруги» въ то время читались съ восторгомъ. Его переводъ съ англійскаго «Бури» Шекспира признанъ былъ отличнымъ и читался съ увлеченіемъ; даже посвященіе его этого перевода—друзьямъ очень цѣнилось; оно начинается такъ:

Я отлученъ судьбою былъ отъ міра,
И тамъ, въ тиши, открылся предо мной
Волшебный міръ—волшебника Шекспира,
Съ его живой, великой простотой...
. . . .

Въ концѣ:

Друзья! друзья! отъ горя и разлуки,
Съ тѣхъ поръ и я судьбой освобожденъ...
Давайте мнѣ родныя ваши руки,
Онѣ теплы!... О, это ужъ не сонъ!

Безъ сомнѣнія, въ Сатинѣ былъ зародышъ поэтическаго дара, но что-то помѣшало ему развиться вполнѣ. Онъ писалъ много стиховъ и очень недурныхъ. Въ началѣ 40-хъ годовъ возвратясь изъ-заграницы, сталъ писать меньше. Къ его заграничнымъ стихотвореніямъ принадлежатъ: Рейнъ, Laura dell'Isola bella; вотъ ея начало:

Среди магнолій, миртъ и розъ,
Гигантскій лавръ главу вознесъ;
Кругомъ прозрачно и свѣтло;
Роскошно озеро легло;
Въ него глядятъ со всѣхъ сторонъ
Сады и виллы; небосклонъ
Сокрытъ громадой чудныхъ горъ.... и проч.

Нѣкоторыя изъ стихотвореній Сатина помѣщались въ «Отечественныхъ Запискахъ» и въ «Современникѣ». Мало по малу онъ совсѣмъ пересталъ писать стихи, и наконецъ сталъ стыдиться своихъ произведеній; не разъ, встрѣтивши въ какомъ нибудь журналѣ свои стихи, выдиралъ ихъ и рвалъ на части. Никъ, другъ и товарищъ Сатина, шелъ не останавливаясь избраннымъ путемъ; его стихотворенія выступаютъ изъ ряда вонъ.

Какъ видно изъ писемъ Александра, первое время жизни своей въ Петербургѣ они устроились довольно хорошо. Александръ ходилъ въ департаментъ на службу, Наташа холила и ростила маленькаго Шушку, кроила и шила на него.

«Намъ хорошо, писала Наташа. Днемъ, когда Александра нѣтъ дома, я занимаюсь съ Сашей; вечерами читаю вмѣстѣ съ Александромъ, иногда гуляемъ, но не на Невскомъ проспектѣ, нѣтъ, я не могу видѣть эти разряженныя лица, эту безсмысленную суету. Я люблю гулять гдѣ потише, гдѣ можно гулять или думая, или разговаривая».

Александръ и въ Петербургѣ оставался все тѣмъ же живымъ, впечатлительнымъ, все также неспособнымъ къ домашней жизни; онъ не умѣлъ заботиться даже о себѣ—до такой степени, что, отправляясь на службу, всякой разъ приставалъ къ Наташѣ чтобы она дала ему что̀ надобно и осмотрѣла все ли онъ взялъ съ собою; она должна была снаряжать его,—подать ему платокъ, перчатки и чуть не шляпу. Разъ случилось, что Наташѣ

нельзя было отойти отъ больнаго ребенка, и Александръ долженъ былъ отыскать все самъ для себя. На Невскомъ проспектѣ онъ повстрѣчался съ профессоромъ А. Н. Савичемъ, разговорился съ нимъ, какъ и всегда, съ живыми движеніями, засунулъ руку въ карманъ за носовымъ платкомъ, и вытащилъ скроенную дѣтскую рубашечку, изъ которой посыпались клинушки, рукавчики, обшивки. Александръ, чуть ли не первый разъ въ жизни, до того растерялся, что покраснѣлъ, сталъ прощаться съ улыбавшимся профессоромъ и пустился въ обратный путь. Между тѣмъ, Наташа искала свою работу, и дивилась — куда могла запропаститься скроенная ею рубашечка, которую она свернувши положила на свой рабочій столикъ, какъ явился Александръ въ такихъ попыхахъ, что Наташа испугалась, вообразивши, что съ нимъ случилась какая нибудь непріятность по службѣ. Когда же онъ сталъ саркастически говорить о молодыхъ матеряхъ, воображающихъ, что дѣло дѣлаютъ кроивши разныя тряпки для своихъ дѣтей, и что было бы гораздо проще поручить это бѣлошвейкамъ, тогда Наташа поняла въ чемъ дѣло, и разразилась смѣхомъ чуть не до истерики.

— Такъ это ты унесъ мое шитье! кто же велѣлъ тебѣ взять со стола рубашечку вмѣсто носоваго платка? Когда же ты, Александръ, исправишься?

— А это еще была рубашечка! воскликнулъ Александръ,—помилуй —это позоръ! что скажутъ тѣ, которые видѣли какъ изъ моего кармана сыпались лоскутки, это мѣщанство.

— Мѣщанство,—тихо возразила Наташа,—стыдиться работы; неужели предосудительно, что жена твоя сама работаетъ на твоего ребенка, а не бросаетъ деньги швеямъ. Успокойся и подумай хорошенько, —увидишь, что этотъ случай только забавенъ.

Александръ одумался и самъ шутилъ надъ этимъ событіемъ въ послѣдствіи; но въ департаментъ въ этотъ день не пошелъ.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ по пріѣздѣ ихъ въ Петербургъ, надъ ними разразилась бѣда. Александра заподозрѣли въ распространеніи слуха вреднаго полиціи, и присудили къ возвращенію въ Вятку. Участіе графа Строганова спасло его,—ему позволили замѣнить Вятку любымъ губернскимъ городомъ. Онъ выбралъ Новгородъ. Для Наташи эта исторія имѣла ужасныя послѣдствія. Она преждевременно разрѣшилась ребенкомъ, прожившимъ нѣсколько минутъ, и вынесла жестокую горячку. Нервы ея до того

были потрясены, что она всю остальную жизнь уже не пользовалась полнымъ здоровьемъ.

Лѣтомъ они переѣхали въ Новгородъ; ихъ навѣстили тамъ, проѣздомъ изъ-за границы, Никъ вмѣстѣ съ Сатинымъ. Жена Ника осталась въ чужихъ краяхъ. Передъ отъѣздомъ за границу, она просила Ника дать ей вексель въ тридцать тысячъ рублей серебромъ, на случай его смерти, чтобы быть обезпеченной, а передъ выѣздомъ его въ Россію взяла съ него обязательство выдавать ей ежегодно довольно значительную сумму, на ея содержаніе. Сатинъ удержалъ Ника отъ дальнѣйшихъ расходовъ на жену, и увезъ его въ Россію. Грустное извѣстіе о судьбѣ Ника подлило горя въ жизнь Александра и Наташи, уже отравленную Петербургской катастрофой. Испугъ и огорченіе Наташи отозвались на ея дѣтяхъ. Въ Новгородѣ у нихъ была дочь, прожившая нѣсколько часовъ.

«Въ февралѣ 1842 года,—сказано въ запискахъ Т. А. А—вой,—опасно занемогъ мой мужъ; товарищи отнеслись съ участіемъ къ его болѣзни. Наташа писала мнѣ изъ Новгорода:

«Другъ мой! благодарю тебя за послѣднее письмо,—теплая струя утѣшенія влилась твоимъ участіемъ. Еслибы была возможность близкимъ сердцу искупать несчастія, я бы многимъ пожертвовала для тебя! Въ самое тяжелое время ты не выходила у меня изъ памяти—я трепетала, получая твое письмо. Въ первыя минуты 1842 года, я думала о васъ, молилась о васъ, и душа исполнилась вѣрой, что будущее для насъ будетъ свѣтлѣе. Тяжело получать неполныя и невѣрныя извѣстія о милыхъ сердцу. Я напишу тебѣ весь сонъ мой, да, все что было со мной—явилось какъ сонъ, прошло какъ сонъ, и въ сердцѣ осталась новая могила, и удары заступа звучатъ еще въ ушахъ.

«Мнѣ теперь хочется разсказать тебѣ все, и ты рада будешь узнать все—я знаю. Пусть на тебя навѣетъ мой разсказъ святую, тихую грусть, которой полна душа моя.

«Ты знаешь какъ я боялась, чтобы со мною не повторилось несчастіе, бывшее въ Петербургѣ,—а вмѣстѣ и надежда утѣшала. Весь декабрь я занималась приготовленіемъ елки для Саши. Для него и для меня, это было въ первый разъ: я болѣе его радовалась ожиданіемъ. Удивляюсь какъ дѣтски я заботилась—и все это точно для того, чтобы чувствительнѣе былъ ударъ: 25-го декабря родилась дочь! радости, восторга нашего не умѣю высказать. Казалось, ребенокъ прекрасный, здоровый; назвали Наташей. Радость Александра удваивала мою—намъ такъ хотѣлось дочь и Богъ ее послалъ. «Вотъ тебѣ и сестрица на елку», говорила я Сашѣ; кажется, и онъ радовался съ нами и все просилъ посмотрѣть на нее, поцѣловать ее. Я была очень слаба, и скоро стала замѣчать въ окружающихъ безпокойство и сомнѣніе, докторъ ѣздилъ часто, съ нимъ говорили тихонько отъ меня. Все это объясняло мнѣ ожидающее меня несчастіе. Наканунѣ праздника пронесли мимо меня елку для Саши, а черезъ часъ принесли ее, мою дочку, чтобы благословить въ послѣдній разъ....

«Нѣтъ, довольно, прощай, милый другъ! Господь съ вами. Пожми за нек я крѣпко руку Николая, напиши скорѣе о его здоровьѣ. Твоя Наташа».

«Могу только прибавить, что я здоровъ, и что, не смотря на полосу довольно черную, которую прожили—живы и не потеряли надежду на будущее.

«Дай Богъ, чтобы эти строки застали Николая лучше. Что Гол. сдѣлалъ-ли что? не теряйте и вы надежды—право, можетъ, мы встрѣтимся радостно. Александръ».

«Въ февралѣ 1842 г. мужа моего, Николая А—ва, не стало. Несчастіе мое вызвало такое родное участіе, которое навсегда оставило въ душѣ отрадную память. Александръ и Наташа писали мнѣ, просили беречь себя для ихъ дружбы, учили твердости своими несчастіями. Отраднѣе всего было слышать какъ они всѣ горевали объ утратѣ Николая, съ какой любовью и уваженіемъ вспоминали о немъ. Александръ даже удивлялъ меня своими серьезными, полными участія письмами, до того, что я почувствовала къ нему симпатію, которая до тѣхъ поръ была какъ бы парализована его холодностію ко мнѣ, проистекавшею, какъ мнѣ казалось, изъ его самолюбія, которому я никогда не потворствовала. Кромѣ нравственнаго сочувствія, Александръ, а также и Сатинъ, помогли мнѣ выпутаться изъ долга. На похороны моего мужа мы заняли, на срокъ, довольно значительную сумму у М. П. Погодина.

«На слѣдующее лѣто, по пріѣздѣ въ Москву изъ Новгорода, сказано въ запискахъ Т. А. А—ой, Александръ съ семействомъ отправился въ подмосковное имѣніе своего отца, село Покровское, доставшееся ему послѣ смерти брата его, сенатора Льва Алексѣевича Яковлева, умершаго скоропостижно въ исходѣ тридцатыхъ годовъ. Они пригласили къ себѣ меня вмѣстѣ съ братомъ моего мужа, Сергѣемъ Ивановичемъ. Выѣзжая изъ Москвы, мы не догадались захватить съ собой кое-какой провизіи. Наташа, увидя насъ, совсѣмъ растерялась, говорила, что не знаетъ чѣмъ насъ кормить; что они сегодня отправляютъ за хлѣбомъ и мясомъ, а привезутъ только завтра. Такъ какъ ѣсть всѣмъ очень хотѣлось, то общимъ совѣтомъ рѣшено было сварить супъ изъ грибовъ, сдѣлать соусъ изъ грибовъ, зажарить грибы въ сметанѣ, затѣмъ гречневая каша — и остались всѣ довольны. Ночью гуляли по рощѣ и видѣли свѣтляковъ. На другой день одинъ изъ крестьянъ пригласилъ насъ къ себѣ на чай. Мы отправились къ нему. Въ чистой, новой горницѣ, съ новыми лавками, на новомъ сосновомъ столѣ, накрытомъ красной скатертью, стояло

угощеніе, вина, пиво и медъ. Хозяинъ съ низкими поклонами просилъ насъ пить и ѣсть. Мы съ Наташей не могли отговориться отъ вина и прихлебнули изъ рюмокъ. Александръ пилъ всего, братъ мой не пилъ ничего; хозяинъ обидѣлся, насилу Александръ успокоилъ его, сказавши: «баринъ этотъ далъ зарокъ не подносить рюмки ко рту, даже глядѣть на рюмки боится»; долго мы смѣялись этой выдумкѣ. Послѣ чая, въ самый полдень, отправились мы домой, шумно и весело бесѣдуя.

«Когда мы уѣхали изъ Покровскаго, у Александра утонулъ въ рѣкѣ ихъ человѣкъ, Матвѣй. Они очень любили его и дорожили имъ до того, что спускали слишкомъ многое. Неожиданная смерть Матвѣя очень огорчила ихъ, по моему же мнѣнію, она случилась для него въ самое время. Матвѣй въ началѣ былъ человѣкъ честный, усердный и преданный, но, избалованный ими, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе сталъ что̀ называется—зазнаваться, и началъ не только что распоряжаться прислугою, но грубить и самимъ господамъ».

Не смотря на лѣто, проведенное въ деревнѣ, здоровье Наташи не поправилось. Она переѣхала въ Москву по прежнему слаба и болѣзненна. Чтобы спасти жизнь ожидаемаго ребенка, Александръ пригласилъ знаменитую акушерку Армфельдъ и доктора Брока. Не смотря ни на что, ребенокъ родился съ нервными припадками, какъ и два предшествовавшіе ему.

«Мнѣ тотчасъ дали знать, пишетъ Т. А. А—ва. Я нашла Наташу въ довольно хорошемъ состояніи. Ребёнокъ лежалъ въ другой комнатѣ. Наташу утѣшали, что онъ здоровъ, но очень кричитъ—поэтому и удалили его. Мнѣ не понравилась ни Армфельдъ въ своемъ бархатномъ платьѣ, ни Брокъ, безъ толка суетившійся около больной. Когда они ушли, Наташа подозвала меня, пожала мнѣ руку и сказала: «чувствую—еще могила», и заплакала. Я не имѣла духа утѣшать ее, только проговорилась: «видно такъ надобно». Когда я вошла къ малюткѣ Ванѣ, съ нимъ былъ припадокъ. Этотъ крошка страдалъ до того ужасно, что ночами мнѣ долго слышался тотъ раздирающій душу крикъ, и представлялось искаженное судорогами личико. Когда я возвратилась къ Наташѣ, она спросила меня: «видѣла ты его?»—Видѣла. «Онъ очень кричитъ? очень страдаетъ? скажи правду».—Да, очень.—«Неправда-ли лучше умереть?»—Конечно, лучше.—«Видно

такъ надо,—сказала она,—пошли ко мнѣ Александра,—что онъ? Скажи ему, что я на все готова, я знаю, онъ боится придти ко мнѣ, боится измѣнить себѣ; и зачѣмъ обманывать, тѣшить – смѣшно», сказавши это она горько улыбнулась.

— Быть можетъ, Наташа, они и правы,—замѣтила я,—ты возмущаешься, а тебѣ это вредно.

— Нѣтъ,—возразила она,—лучше знать правду, ждать неизбѣжнаго горя, чѣмъ вдругъ узнать. Пошли же его ко мнѣ, пошли.

Я позвала Александра. Онъ былъ жалокъ, взволнованъ, то садился, то вставалъ, ходилъ туда и сюда, лицо его горѣло, въ глазахъ свѣтились слезы.

Когда я вошла, онъ бросился ко мнѣ и спросилъ: «видѣли?»— Видѣла.—«Что она?»--Зоветъ къ себѣ васъ.—«Какъ же идти, я не съумѣю скрыть».—И не надобно, лучше знать заранѣе, чѣмъ узнать вдругъ. Такіе сюрпризы убиваютъ.—«Да, это правда, но какъ сказать?»—Она все знаетъ, ступайте къ ней скорѣе.

Я ушла домой вечеромъ, измученная. На слѣдующій день новорожденный кончилъ жизнь. Его нохоронили въ Дѣвичьемъ монастырѣ. Я иногда бываю тамъ, и какъ-то странно читать на памятникѣ малютки: Г—нъ—здѣсь въ Россіи, а они далеко, и я, конечно, не увижу ни его, ни ее».

Когда Наташа стала поправляться, посѣщенія друзей возобновились. Какъ Александръ познакомился съ Грановскимъ, Е. Ѳ. Коршемъ, П. Г. Рѣдкинымъ—не знаю, также какъ и съ Ховриными, Елагиными, Свербѣевыми и другими. Съ Тучковымъ Александръ познакомился черезъ Ника. Наташа выѣзжала рѣдко, она была все какъ-то хвора и нервна. Наряды, необходимые при выѣздахъ, ей были противны. Только по просьбѣ Александра она дѣлала необходимые визиты, и затѣмъ довольствовалась домашней жизнью, въ ней она находила все свое блаженство.

«Спустя немного времени по пріѣздѣ Александра въ Москву. Н. Х. Кетчеръ сталъ сбираться на службу въ Петербургъ. На проводахъ собрались всѣ вмѣстѣ отобѣдать. На этомъ прощальномъ обѣдѣ была и А. П. Елагина. Она держала себя со всѣми очень привѣтливо, но какъ-то свысока. Во время обѣда она обратилась ко мнѣ съ вопросомъ: не родня ли мнѣ такіе-то А—вы? Я отвѣчала утвердительно. Она не ограничилась этимъ и переспросила брата моего, Сергѣя Ивановича. Брату представилось,

что она знаетъ отношенія А—выхъ къ ея дому и сдѣлала этотъ вопросъ съ намѣреніемъ озадачить насъ при всѣхъ; онъ отвѣчалъ ей, что неужели она забыла, что его отецъ былъ крѣпостнымъ ея дѣда, выпущенъ имъ на волю и записанъ въ канцеляристы.

— Если бы моего отца не освободили,—добавилъ онъ,—и я не поучился бы въ университетѣ, то, вѣроятно, теперь ѣздилъ бы на запяткахъ вашей кареты, или стоялъ бы съ тарелкой за вашимъ стуломъ, вмѣсто того, чтобы сидѣть съ вами за однимъ столомъ.

Авдотья Петровна, слушая это, видимо смутилась, сказала что-то въ родѣ извиненія. Нѣкоторые изъ присутствовавшихъ постарались замять разговоръ.

«Въ интимномъ кружкѣ Александра не пить считалось неприличнымъ. За тѣмъ, чтобы всѣ пили одинаково — наблюдалось. Гдѣ бы друзья ни собрались, распорядителемъ былъ Николай Христофоровичъ. Онъ откупоривалъ бутылки, онъ наливалъ вино, онъ наблюдалъ чередъ. Голосъ его покрывалъ всѣ голоса. Въ экстазѣ онъ кричалъ: «Я, какъ докторъ—защищаю вино», на это Александръ замѣчалъ обыкновенно, что онъ не вѣритъ въ его медицинскія знанія, и еслибы у него была любимая собака, то и ту не далъ бы ему лечить. Н. Х. не любилъ практики и не занимался ею. Если кто изъ нашего круга занемогалъ и обращался къ нему за совѣтомъ, онъ обыкновеннно говорилъ: «вы выдумываете себѣ болѣзнь и любите пачкаться».

«Братъ мой, Сергѣй Ивановичъ, возставалъ противъ неумѣренности, совсѣмъ не пилъ вина, и такъ энергически отказался разъ навсегда, что его оставили въ покоѣ. «Онъ младенецъ»,—кричалъ Н. Х.; «онъ не умѣетъ жить, и не живетъ»,—говорили другіе. Бокалы наполнялись и выпивались въ честь спартанца Сергѣя.

«Александръ и Никъ принимали участіе въ одномъ очень талантливомъ, бѣдномъ юношѣ Пѣшковѣ. Они помѣстили его къ намъ, сказано у Т. А. А—ой, съ тѣмъ, чтобы мужъ мой подготовилъ его въ университетъ. Будучи на второмъ курсѣ, Пѣшковъ получилъ извѣстіе, что отецъ его и мать умерли, остались малолѣтнія дѣти, которымъ онъ единственная опора. Съ горемъ пополамъ, молодой человѣкъ оставилъ университетъ, почти безъ гроша въ карманѣ поѣхалъ къ сиротамъ; ему удалось ихъ какъ-то устроить, и онъ возвратился въ Москву, чтобы вновь поступить въ университетъ. Снова онъ принятъ не былъ, это привело его въ отчаяніе. Въ кругу Александра

узнали объ этомъ, и, въ первый же вечеръ какъ собрались, только и разговора было о томъ, какъ поступлено съ Пѣшковымъ въ университетѣ. Къ концу вечера, въ передней, на залавкѣ, стройнымъ рядомъ стояли опорожненныя бутылки; одинъ изъ собесѣдниковъ взявши подъ одну руку Александра, подъ другую Н. X., пригласилъ всю компанію въ переднюю; тамъ, указывая на строй бутылокъ, сказалъ: «Вотъ, господа, вы осуждаете попечителя университета, а если бы всѣ деньги, которыя употреблены на эти бутылки, вы отдали Пѣшкову, онъ, не прося никого, могъ бы поступить въ университетъ». Этотъ вызовъ не остался безъ послѣдствія: Александръ оказалъ помощь Пѣшкову, но, къ сожалѣнію, было уже поздно; бѣдный юноша растерялся получивши отказъ, куда-то уѣхалъ, гдѣ-то училъ, и кончилъ жизнь въ сумашедшемъ домѣ.

«Такимъ образомъ, почти на виду и на слуху избраннаго общества, погибла хорошая, даровитая личность.

«Когда избранный кружокъ собирался вмѣстѣ, слушать ихъ, бесѣдовать съ ними было истиннымъ наслажденіемъ; но не рѣдко, чѣмъ ближе наступалъ вечеръ, тѣмъ больше опорожнялось бутылокъ, и характеръ бесѣды мѣнялся. разговоръ переходилъ на предметы пустые, хотя забавные и остроумные, и какъ-то не хотѣлось бы видѣть такихъ талантливыхъ людей въ этихъ оргіяхъ.

«Наташа долго поправлялась. Любовь къ двумъ Александрамъ и ихъ любовь къ ней лѣчили ея душевныя раны. Брокъ продолжалъ посѣщать ее и, между прочимъ, сказалъ Наташѣ, что онъ не отвѣчаетъ за ея жизнь, если у нее опять будетъ ребенокъ. Мало по малу Наташа стала забывать слова Брока, и вспомнила только тогда, какъ почувствовала, что опять будетъ матерью. Она довѣрила слышанное отъ Брока Н. X. Кетчеру, возвратившемуся изъ Петербурга. Н. X. возмутился такой неосторожностію врача, передалъ это Александру—Александръ взбѣсился и на Брока и на Армфельдъ, его рекомендовавшую. Вопросъ былъ, какъ помочь, какъ разувѣрить Наташу. Организмъ ея былъ до того потрясенъ, что неосторожное слово, крикъ—заставляли ее мѣняться въ лицѣ, иногда плакать навзрыдъ. Кетчеръ посовѣтовалъ пригласить А. А. Альфонскаго—умнаго, опытнаго врача. Альфонскій началъ ѣздить подъ предлогомъ для маленькаго Саши, и всѣхъ расположилъ къ себѣ своимъ обращеніемъ. Александръ встрѣчалъ его какъ спасителя жизни, Саша бѣжалъ на встрѣчу, Наташа ста-

новилась спокойнѣе при немъ. Альфонскій съумѣлъ вызвать Наташу на откровенность, и разразился саркастическимъ смѣхомъ надъ предположеніемъ Брока. Жаль, — сказалъ онъ, — что я не зналъ васъ прежде, многаго бы не случилось.

— Неужели мой ребенокъ былъ бы живъ?

— Ну, нѣтъ, я не Богъ. Ваша впечатлительная натура слишкомъ потрясена. Счастье, что отвѣтственность пала на дѣтей. Вы спасены.

— Вы жестоко судите, докторъ,—возразала Наташа,—я не хотѣла бы, чтобы мои бѣдныя дѣти искупали мнѣ жизнь.

— Вотъ какъ,—сказалъ Альфонскій,—а я думалъ, что вы любите и жалѣете больше вашего сына и мужа: вы имъ необходимы какъ воздухъ.

— Ахъ! сказала Наташа,—я и за нихъ боюсь; отчего судьбѣ не вырвать у меня и ихъ!

«Не смотря на то, что Альфонскому удалось нѣсколько успокоить Наташу, вотъ что она однажды писала мнѣ:

«Мое сердце наболѣло, каждое прикосновеніе къ нему чувствительно, бываютъ минуты, что я спокойнѣе, бываютъ и такія, что я не знаю что̀ съ собой дѣлать. Безотвѣтная нелѣпость, отнявшая у меня троихъ дѣтей, пугаетъ меня. Смотрю на Сашу и думаю тоже. То мнѣ кажется—у меня чахотка; то думаю, что сама умру скоро... все это такъ нелѣпо, такъ несвязно, и такъ странно, страшно!!! Если бы мнѣ можно было наплакаться досыта, а этого рѣшительно нельзя. Бѣдный Александръ, при немъ у меня навертываются слезы, я ихъ глотаю—это тяжело. Временами такое состояніе проходитъ, временами и имъ будто весело, какъ будто наслаждаются жизнью... не отвѣчай мнѣ на это письмо ни слова, какъ показать Александру».

«Изъ этого письма можно видѣть въ какомъ состояніи духа находилась тогда Наташа. Такое состояніе Наташи тяжело дѣйствовало на Александра. Когда она бывала разстроена или нездорова, Александръ становился невыносимо безпокоенъ. Начиналъ приставать къ ней, что̀ съ нею? что̀ она чувствуетъ? уговаривалъ лечь, лечиться, принять того или другаго, послать за докторомъ, спрашивалъ, что она не говоритъ, лучше ли ей, терялся до того, что не находилъ себѣ мѣста, кончалъ тѣмъ, что у него разбаливалась голова и Наташѣ приходилось забывать свое нездоровье и ухаживать за нимъ. Волненіе, испугъ, приставанье Александра дѣлали то, что Наташа часто скрывала отъ него, если чувствовала себя нездоровой, и это много мѣшало ей поправиться.

«Чѣмъ ближе становилась развязка, тѣмъ страшнѣе было за Наташу. Она нѣтъ-нѣтъ, да и заговоритъ: «ну, если четвертый.... а тамъ еще... лучше умереть», и начинала рыдать.

Въ одно утро я получила записку отъ Александра: «У Наташи родился сынъ—Николай [1]), мать и дитя здоровы».

Новорожденнаго крестили Грановскій и мать Александра.

Т. П. Пассекъ.

---

[1]) Глухонѣмой—10-ти лѣтъ онъ утонулъ вмѣстѣ съ матерью Александра, въ Средиземномъ морѣ, при переѣздѣ въ Ниццу.

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ СѢРОВЪ

его очерки и замѣтки.

1846—1847.

Письма А. Н. Сѣрова къ В. В. Стасову [1]).

30-го ноября 1846 г.

Не могу не замѣтить, что иногда ты доходишь до какого-то пуризма или пуританизма въ строгости своихъ сужденій. Въ нынѣшній разъ это относится и къ словамъ по поводу Гоголя, и къ словамъ по поводу органа. Вѣдь ты ходишь же въ театръ для одной Плесси́, хотя всѣ остальные были бы еще въ 100 разъ плоше нынѣшняго. Ходилъ бы въ итальянскую оперу, еслибъ кто-нибудь изъ пѣвцовъ и пѣвицъ хоть нѣсколько приближался къ нашимъ понятіямъ. А такъ ли должно быть? Развѣ этого требовалъ бы ты отъ настоящаго театра? Значитъ и съ твоей стороны есть нѣкоторая снисходительность къ тому, чего in statu quo поправить невозможно. Никто не помѣшаетъ намъ не признавать „Fidelio" за полное художественное произведеніе, не признавать оперой въ нашемъ смыслѣ, но развѣ ты не былъ бы доволенъ прослушать „Fidelio" въ исполненіи хорошими пѣвцами и превосходнымъ оркестромъ? За чтожъ ты такъ неумолимъ ко мнѣ, когда я сердечно радуюсь и восхищаюсь, когда нахожу прекрасныя вещи въ произведеніяхъ не настоящихъ, и когда въ увлеченіи скажу, что эти прекрасныя части подкупаютъ меня въ отношеніи цѣлаго? Такое увлеченіе должно быть принадлежностью истинно артистической натуры, потому что, кромѣ горячаго энтузіазма, оно ведетъ къ доброму изученію всего хорошаго въ другихъ, гдѣ-бы

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1877 г., томъ XVIII, стр. 145—158; 363—368; 13—530.

и какъ-бы оно ни встрѣтилось. За чтожъ ты такъ нападаешь на мои попытки играть на органѣ то или другое изъ существующей музыки, когда ты знаешь самъ, что всѣ эти попытки — ученье, на милліонъ верстъ отъ настоящаго исполненія для другихъ (т. е. отъ исполненія, какъ оконченнаго выраженія того, что̀ слѣдуетъ; отъ исполненія. само по себѣ взятаго какъ „художественное произведеніе")? Никто, быть можетъ, лучше меня не чувствуетъ выставленныхъ тобою несовершенствъ, слабыхъ сторонъ органа, никто лучше не сознаетъ, что чудесными его сторонами еще никто не пользовался, и что теперь музыки для органа еще не существуетъ, — но это нисколько мнѣ не мѣшаетъ пробовать на органѣ многія Моцартовскія и Бетховенскія вещи, которыя, конечно, не такъ выходятъ какъ слѣдуетъ, но доставляютъ мнѣ много пользы и наслажденія. Не имѣя своего фортепіано, я жажду звуковъ, и нахожу полные, могучіе аккорды на органѣ. Я не обращаю вниманія на недостаточность его средствъ именно въ томъ, что̀ такъ легко для фортепіано (sforzando на отдѣльныхъ нотахъ, crescendo и decrescendo, легкость преходящихъ нотъ и т. п.), а останавливаюсь на томъ, гдѣ никакой рояль не можетъ идти въ сравненіе съ органомъ,—на тянутыхъ нотахъ, на полнотѣ звука въ аккордахъ, на перемѣнѣ тембра въ регистрахъ и на богатомъ союзникѣ рукъ—педали. То, что сообразно съ этими средствами можетъ быть исполнено на органѣ, и теперь (для собственнаго моего употребленія, всетаки) выходитъ такъ хорошо, на всемъ этомъ такъ можно мнѣ „отвести душу", что я—несовершенства въ сторону—даю органу предпочтеніе предъ фортепіано, т. е., разумѣется, въ иныя минуты и еще подъ вліяніемъ красивыхъ звуковъ. (Есть вещи у Моцарта—важныя, спокойныя, къ которымъ неподвижность, тяжеловѣсность органныхъ звуковъ приходится какъ нельзя лучше, напримѣръ, аккорды Коммандора на кладбищѣ—они тутъ едва ли не могущественнѣе дѣйствуютъ чѣмъ въ оркестрѣ — или „O Isis und Osiris" [1]), гдѣ впрочемъ нѣкоторые оттѣнки всетаки ускользаютъ). По настоящему, фортепіано не должно сравнивать ни съ чѣмъ. Органъ—инструментъ, а фортепіано вовсе не инструментъ (кромѣ весьма рѣдкихъ случаевъ, на которые, напримѣръ, Бетховенъ расчиталъ въ чудной F-moll'ной сонатѣ), а, какъ и ты выразился,—гравюра съ картины масляными красками оркестра.

4-го декабря.

Бетховенъ—творецъ настоящей фортепіанной музыки, но и изъ его сонатъ не всѣ расчитаны исключительно на средства фортепіано, какъ самостоятельнаго инструмента, какъ, напримѣръ, F-moll или Cis-moll,

[1]) Изъ «Zauberflöte» Моцарта.

особенно въ послѣдней части; въ другихъ, и даже въ бо̀льшей части сонатъ, музыка,—превосходная для звуковъ фортепіано, не невозможна для исполненія инымъ образомъ, въ иныхъ даже какъ будто слышится оркестръ (такою я считаю „Патетическую"). Этимъ я хочу объяснить свою мысль, что случаи, въ которыхъ timbre фортепіано, какъ отдѣльнаго самостоятельнаго инструмента, ничѣмъ другимъ не замѣнимъ, очень рѣдки, и должны быть такими потому, что настоящее назначеніе фортепіано—быть гравюрой. Быть можетъ, есть возможность воспользоваться звуками фортепіано en grand и въ виду цѣлаго оркестра (опять таки въ особенныхъ, рѣдкихъ случаяхъ). Берліозъ и Глинка уже дѣлали этому попытки, но, кажется, оба равно неудачно. Я очень желалъ бы, при случаѣ, изслѣдовать на дѣлѣ, т. е. на хорошемъ исполненіи, что̀ такое Бетховенская фантазія для фортепіано съ хоромъ. Я ее какъ-то игралъ, но не имѣю никакой ясной идеи, и не могу себѣ представить, какую роль тутъ играютъ голоса человѣческіе, и вообще: чего онъ хотѣлъ?

Все, что я говорилъ объ органѣ и фортепіано, имѣло цѣлью показать тебѣ: 1) почему я рѣшаюсь играть на органѣ не совсѣмъ или совсѣмъ несвойственную ему музыку—по твоему выходитъ, что къ органу нельзя прикасаться не создавая новой для него музыки—но гдѣ же будетъ ученье? 2) почему я сказалъ, что въ нѣкоторыхъ случахъ органъ для меня лучше всякаго рояля.... Я разумѣлъ тутъ преимущество его звуковъ предъ звуками фортепіано. Они, безъ сомнѣнія, совсѣмъ иначе, но глубже, сильнѣе дѣйствуютъ, чѣмъ timbre фортепіано, и потому доставляютъ мнѣ болѣе реальнаго наслажденія. Но не выводи изъ этого, чтобъ вообще я промѣнялъ, такъ сказать, фортепіано на органъ. Боже сохрани! Это была бы явная нелѣпость—да ты и самъ знаешь, ка̀къ я цѣню фортепіано, ка̀къ я люблю самую абстрактность его, дающую обширное поле воображенію. Это преимущество—то же, что̀ въ очеркахъ Флаксмана передъ картинами.

Въ словахъ моихъ (въ письмѣ къ твоему брату) о Мейерберѣ и Мендельсонѣ я въ самомъ дѣлѣ очень неточно выразился: „единственно по инструментовкѣ"; надо сказать „преимущественно", а объ Глинкѣ на этотъ разъ не вспомнилъ, въ чемъ и каюсь чистосердечно. Онъ, конечно, никакъ не менѣе замѣчателенъ, какъ тѣ два еврея: только всѣхъ ихъ трехъ никакъ нельзя уравнять. Мендельсонъ гораздо ближе къ настоящему композиторству, чѣмъ остальные оба, и въ немъ несравненно больше музыки (это доказывается и фактомъ: ни Мейерберъ, ни Глинка, кромѣ своихъ оперъ и ничтожныхъ романсовъ, ничего не написали, а Мендельсонова дѣятельность чрезвычайно разнообразна, даже въ фортепіанной музыкѣ онъ

одинъ приближается къ Бетховенскому роду). Съ другой стороны, во многомъ и Мейерберъ имѣетъ важныя преимущества надъ Глинкой (возьми хоть одно французское знаніе сцены, объ чемъ Глинка и понятія не имѣетъ). Во всякомъ случаѣ, объ Глинкѣ слѣдовало упомянуть, тѣмъ болѣе, когда дѣло шло объ инструментовкѣ, гдѣ онъ, конечно, не уступитъ тѣмъ двумъ ни на волосъ.

На дняхъ мнѣ случилось прочесть въ октябрьской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ" новое произведеніе Достоевскаго „Господинъ Прохарчинъ". По моему, это еще несноснѣе „Двойника", хотя мѣстами удивительная наблюдательность. Не понимаю я таланта этого писателя!

18-го декабря 1846 г.

Посылаю тебѣ арранжировку въ 4 руки — первыхъ двухъ частей „Героической симфоніи". Обрати вниманіе, что это еще первая моя попытка надъ симфоніями Бетховена. „Маршъ" вышелъ гораздо удобоисполнимѣе на фортепіано, чѣмъ первая часть, которая весьма и весьма трудна и неловка для рукъ. Ты помнишь, что я вообще мало забочусь объ удобности исполненія на фортепіано, когда дѣло идетъ о томъ, чтобъ сохранить всѣ подробности партитуры, — оттого мои арранжировки легкостью не щеголяютъ. Надо разыграть не торопясь и не заботясь сначала о настоящемъ темпѣ, о настоящемъ выраженіи и проч., а думая объ однѣхъ нотахъ, т. е. чтобъ сыграть пальцами все, что̀ на бумагѣ, придумывая тутъ же, ка̀къ ловче и удобнѣе для рукъ и для каждаго пальца. За то, послѣ такого внимательнаго прочтенія и послѣ разыгранія нѣсколько разъ кряду съ такимъ же вниманіемъ, я ручаюсь, что будетъ хорошо, т. е. полно, и все ка̀къ слѣдуетъ; ручаюсь также, что послѣ этого никто изъ васъ не прикоснется къ печатнымъ арранжировкамъ этой симфоніи (несравненно легчайшимъ, но....). Въ „Маршѣ" — одно мѣсто только требуетъ чрезвычайнаго вниманія — это fugato. — „Scherzo" и „Finale" будутъ арранжированы въ самомъ непродолжительномъ времени (хотя въ отношеніи къ „Scherzo" это будетъ неблагодарный трудъ: оно не можетъ быть эффектно на фортепіано, такъ же какъ и нѣкоторыя части 1-го Allegro и Финала). Мнѣ смѣшно вспомнить, что̀ такое выходило изъ этой симфоніи, когда мы ее играли съ Терезой М.: стукотня, трескотня, руки сшибались какъ въ кулачномъ бою, эффекта ни малѣйшаго, а ея маменька — простоватая нѣмка, сочла нужнымъ похвалить по окончаніи, промолвивъ: „Das ist sehr pompös" [1]).

---

[1]) Это очень торжественно.

Потомъ, посылаю вещь, за которую ты будешь готовъ меня побранить, — пока не услышишь ее въ исполненіи (я такъ надѣюсь): это „Adagio“ изъ „Патетической сонаты“ Бетховена (C-moll, op. 13), инструментованное мною на полный оркестръ. У тебя тотчасъ родится вопросъ: зачѣмъ, когда Бетховенъ написалъ это для фортепіано? Зачѣмъ еще и потому, что это не полное сочиненіе, а часть сонаты? Отвѣчаю, что, во 1-хъ, мысль положить эту вещь на оркестръ первоначально принадлежитъ не мнѣ, а М. П. Я ухватился за эту мысль съ большою радостію, потому что, обдумавъ все, я ожидаю, что это въ самомъ дѣлѣ будетъ въ оркестрѣ эффектно, и потому, что это было хорошее для меня ученіе, какъ ты убѣдишься самъ, просмотрѣвъ мою партитурку. А во 2-хъ, я еще не вижу, почему невозможно и не должно давать оркестру того, что авторомъ написано для фортепіано, когда этотъ авторъ—Бетховенъ? Для него это была, конечно, слишкомъ незначительная піеса, и, по его мнѣнію, не стòило писать ея для оркестра, тѣмъ болѣе, что, по его, это приняло-бы симфоническій характеръ, и слѣдовало создать еще цѣлую симфонію, которой это adagio было бы частію. Но—для насъ? Я, по крайней мѣрѣ, тàкъ высоко ставлю это Adagio, такъ удивительно связанное и вмѣстѣ столько простое и прозрачное, что никакъ не считаю его недостойнымъ самаго лучшаго оркестра,—тѣмъ болѣе, что, исполняя его на фортепіано, я всегда какъ будто слышалъ нѣкоторые инструменты въ безподобно выступающихъ solos. Во всякомъ случаѣ, если ты даже нисколько не согласишься со мною на счетъ этого,—дѣло сдѣлано, и я прошу тебя только исполнить порученіе М. П. и мое, состоящее въ томъ, чтобъ непремѣнно вручить эту партитуру Кажинскому, и заставить его исполнить это adagio въ какомъ нибудь антрактѣ [1]). Ты, конечно, пойдешь его тогда прослушать, и дашь мнѣ отчетъ обо всемъ, обо всемъ, самый подробный. Не скажу, чтобъ эта партитурка стòила мнѣ большаго труда; напротивъ, я написалъ ее очень скоро (въ какіе-нибудь три дня, и на-черно и на-бѣло), но думано и передумано много. Слѣдовательно, я въ высшей степени интересуюсь знать, чтó изъ этого выйдетъ? Хорошъ-ли вообще эффектъ моего оркестра и приблизился ли я хоть сколько-нибудь къ Бетховенской инструментовкѣ? Потомъ, хотѣлось бы знать и въ частности, каково, напримѣръ, дѣйствуютъ въ этомъ adagio—секунда съ віолончелемъ въ главной мелодіи, каково сочетаніе духовыхъ и квартета послѣ 1-го соло гобоя (на 3-й стр. партитуры), каково употреблены фаготы, валторны въ своихъ рельефныхъ мѣстахъ, — каково дѣйствуютъ валторны въ

[1]) На Александринскомъ театрѣ. В. С.

блестящемъ Tutti, при переходѣ въ E-dur, и все, все. Слушай за насъ, и сообщи намъ, какъ будто мы сами слушали. Я думаю, что брани я отъ тебя не заслужу, а между тѣмъ ты узнаешь и сообщишь мнѣ, пора ли мнѣ выступить въ публику съ собственнымъ оркестромъ.

Фортепіанныя арранжировки, признаюсь тебѣ, не слишкомъ меня интересуютъ, потому что я работаю тогда слишкомъ машинально, а труда матеріальнаго довольно, — но знаю, что эти арранжировки необходимы для насъ, какъ единственный способъ играть на фортепіано всѣ эти безподобныя оркестрныя вещи, и, слѣдовательно, буду арранжировать по немногу все желаемое.

2-го января 1847 г.

Послѣднее время я работалъ надъ оперой своей такъ прилежно. какъ только могу (часовъ по восьми въ день), но или оттого, что заработался, или оттого, что ты далеко отъ меня съ своими приговорами,— я совсѣмъ не знаю хорошо или нѣтъ то, надъ чѣмъ я трудился послѣднее время. Что хороша обработка, что лихо веденъ оркестръ, въ этомъ я увѣренъ, но иногда смертельно боюсь за самую музыку — ну, если она не такъ красива какъ слѣдуетъ — если ты все забракуешь? Эта неизвѣстность мучительна и иногда лишаетъ меня возможности трудиться. Жаль будетъ трудовъ, употребленныхъ на вещь, саму по себѣ ихъ не стоющую. А трудовъ довольно! Иногда, поработавъ часа четыре кряду, чтобъ освѣжить себя, я раскрою Донъ-Жуана, и въ милліонный разъ чуть не молюсь на эти страницы музыки, столько безподобной по красотѣ и по правдѣ, и столько простой. А Zauberflöte еще проще! Это просто непостижимо! Въ стремленіи моемъ не подражать рѣшительно никому, писать просто - какъ Богъ велѣлъ, не заботясь на чью будетъ похожа моя музыка, употреблять оркестръ по моимъ собственнымъ соображеніямъ (конечно, вытекшимъ изъ изученія Моцартовыхъ, Гайдновыхъ и особенно Бетховенскихъ партитуръ), я, между тѣмъ, преисполненъ страха, что моя музыка, особенно въ этой первой оперѣ, будетъ въ иныхъ мѣстахъ запутанна, неясна—не по намѣренію, а именно оттого, что я еще не знаю, какъ будетъ на дѣлѣ то, что мнѣ кажется яснымъ на бумагѣ. И не имѣть никакой возможности попробовать что нибудь при себѣ, прямо спустить корабль совсѣмъ готовый, совсѣмъ оснащенный—такъ что и поправить уже нельзя, при врожденной мнѣ нѣкоторой нерѣшительности въ томъ, что я дѣлаю,—все это кажется мнѣ подвигомъ слишкомъ труднымъ.

19-го января 1847 г.

....Моихъ арранжировокъ нельзя напечатать [1]), какъ назначенныхъ только для нашего собственнаго употребленія. Другіе съ ними не сладятъ. А надо такъ арранжировать, чтобъ всѣ могли сладить, и чтобъ не отъ исполненія, а отъ самой арранжировки (до извѣстной степени) выходило самое дѣло. Маршъ „Героической" симфоніи представляетъ меньше трудности въ исполненіи, чѣмъ первая часть, и я увѣренъ, что маршъ выйдетъ на фортепіано всегда лучше и больше произведетъ эффекта, чѣмъ первая часть. А надо все уравнять, потому что въ оркестрѣ одно прекрасно не менѣе другаго. Уложить строчки многосложной партитуры на 4 строки фортепіанныя еще не значитъ уложить звуки оркестра на клавишахъ фортепіано, и я чувствую, что обладаю вполнѣ только первымъ, а для втораго надо ученье и ученье! Конечно, я теперь не надѣлаю такихъ нелѣпостей, какъ было надѣлалъ въ арранжировкѣ увертюры Zauberflöte (если ты еще не совсѣмъ забылъ объ этихъ первыхъ попыткахъ) или въ арранжировкѣ Es-дурнаго квартета Бетховена, гдѣ я нагородилъ столько ненужныхъ октавъ, но и теперь какъ часто случается мнѣ написать неудобоисполнимыя вещи, когда я увлекаюсь ходомъ каждаго отдѣльнаго голоса, или помѣстить много лишнихъ нотъ въ аккордахъ, когда хочу передать энергическое tutti. Я знаю, что и теперь мои арранжировки по всему отличаются отъ обыкновенныхъ арранжировокъ Черни и комп., носящихъ на себѣ какой-то обще-армейскій, рутинный характеръ, на 100,000 верстъ далекій отъ характера партитуры, но знаю, что до Листа еще далеко, далеко!

20-го марта 1847 г.

Вчера послѣ обѣда я прослушивалъ первую пробу арранжированнаго мною на военную егерскую музыку (Horn-musik) Бетховенова марша: „Sulla morte d'un Eroe" (изъ As-дурной сонаты, ор. 26). Бездна была вранья; солдатики почтенные, благодаря своему дубиноватому капельмейстеру, разучили этотъ похоронный маршъ въ какомъ-то скоромъ темпѣ (!), такъ что я ничего не могъ узнать съ первыхъ звуковъ: совсѣмъ другая какая-то музыка выходила, и—преглупая. Но когда они сыграли одинъ разъ по своему, я принялся переучивать по нотке, поправилъ ошибки въ аккордахъ (которыя вкрались не отъ переписки, а отъ непонятливости капельмейстера, который вздумалъ измѣнить ключи, въ которыхъ я написалъ для валторнъ, т. е. вмѣсто [нотные знаки] и поставилъ совсѣмъ другія ноты (!!), такъ что

[1]) Отвѣтъ на мое предложеніе. В. С.

бѣдныя мои уши чуть не лопнули отъ дикихъ звуковъ); quand j'ai debrouillé peu à peu ce chaos [1])—вышло, какъ я и ожидалъ, прекрасно, исключая нѣкоторыхъ звуковъ чуть-чуть фальшивыхъ, потому что эти дураки не умѣютъ играть какъ слѣдуетъ, и нѣкоторые изъ высокихъ инструментовъ весьма плохи. Теперь уже маршъ идетъ въ настоящемъ, тихомъ, торжественномъ темпѣ — и *p* и *cresc.* и *ff* и *pp*, почти какъ слѣдуетъ; я бился съ ними часа три и завтра пробьюсь еще столько же (это пріучаетъ меня немножко къ капельмейстерству, и тѣмъ болѣе добрая школа, что всякій театральный оркестръ все-таки понятливѣе и разумнѣе этого солдатскаго).

Но довольно объ этомъ. „Берліозъ въ Петербургѣ!" повторю и я за княземъ Одоевскимъ („С.-Пб. Вѣд." отъ 2-го марта); я зналъ это еще до полученія твоего письма и тотчасъ же погоревалъ душевно: зачѣмъ я лишенъ возможности слышать его концерты, узнать, что̀ онъ такое на дѣлѣ! Я увѣренъ, что въ капельмейстерствѣ онъ не имѣлъ и не имѣетъ себѣ равнаго. Я думаю, что, если бы я былъ на этотъ разъ въ Петербургѣ, я непремѣнно осмѣлился бы принесть ему показать мои арранжировки на оркестръ, и узнать его мнѣніе въ такомъ дѣлѣ, которое теперь онъ знаетъ, конечно, лучше всѣхъ на свѣтѣ. Какъ-бы мнѣ нужно было хорошенько покопаться въ его Grand traité d'orchestration. Тамъ должна быть бездна совершенно новыхъ взглядовъ на оркестрныя сочетанія, а для меня ничего нѣтъ болѣе занимательнаго.

15-го мая 1847 г.

....Черныя минуты само-разубѣжденія ничего не значатъ. Онѣ случаются и должны случаться со всѣми что-нибудь дѣлающими—теперь, когда это чуть ли не болѣзнь вѣка. Прежде я этого рѣшительно не зналъ по опыту. Но теперь знаю: и со мной бываютъ эти горькія мгновенія. Такъ живо представится все собственное безсиліе, все собственное ничтожество въ сравненіи съ тѣмъ, что сдѣлано и какъ будто дразнитъ своей недосягаемой красотой — что рѣшительно пожелаешь отказаться отъ всѣхъ желаній и всѣхъ стремленій, которыя превратятся въ какія-то жалкія претензіи!... Но иногда, въ одинъ мигъ, при другомъ расположеніи духа, тѣ же самыя вещи, которыя дразнили, зажгутъ въ душѣ съ новою силою всѣ порывы къ дѣятельности, покажется снова, что и у меня есть силы сдѣлать что-то, и я не даромъ буду бременить землю....

[1]) Когда я немного распуталъ этотъ хаосъ.

29-го мая 1847 г.

....Что касается до дѣйствія музыки на другихъ — то это чрезвычайно темный предметъ... Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ музыку: оставимъ сперва въ сторонѣ всю огромную толпу Навуходоносоровъ, начиная съ тѣхъ, которые едва могутъ отличить „По улицѣ мостовой“ отъ другихъ пѣсень, до тѣхъ, которые съ видомъ знатока толкуютъ объ итальянской и нѣмецкой музыкѣ—оставимъ ихъ въ сторонѣ, возьмемъ однихъ почитателей Бетховена. Это будутъ люди въ самомъ дѣлѣ что-нибудь смыслящіе въ музыкѣ, больше или меньше. Но и тутъ какая нескончаемая лѣстница! Сколько фальшивыхъ, сколько неполныхъ взглядовъ, непониманія!! Одни, любя Бетховена по своему, и сильно, всетаки любятъ въ немъ своего, нѣмца (какъ будто онъ нѣмецъ)! Другіе, уважая его выше всѣхъ композиторовъ, думаютъ тѣмъ унизить Моцарта, и при всемъ томъ и въ самомъ Бетховенѣ, въ лучшихъ его вещахъ, видятъ и порицаютъ какое-то нѣмецкое направленіе (Даргомыжскій выразился объ 2-й мессѣ такъ: Есть славныя мѣста, особенно безподобна fuga «in gloriam», но много нѣмечины и вообще—сухо“!!!). Одни вѣрятъ, что всякая строчка Бетховена — верхъ совершенства (Глинка, напримѣръ, на колѣняхъ предъ Фиделіо), другіе на-отрѣзъ говорятъ, что только симфоніи его образцовы, а что въ квартетахъ Гайднъ лучше, для голосовъ же человѣческихъ Бетховенъ совсѣмъ не умѣлъ писать (опять мнѣніе Даргомыжскаго). Гдѣ же ожидать уразумѣнія ораторнаго направленія Бетховена? Одни, при словѣ „Бетховенъ“, сейчасъ глаза къ небу и подойдутъ къ клавишамъ, чтобъ пробренчать начало A-moll'наго andante изъ VII симфоніи (которое—въ отдѣльности никакого смысла не имѣетъ), или сентиментально пропѣть „Аделаиду“; другіе, всего чаще другія, всегда отдадутъ перевѣсъ пасторальной симфоніи предъ IX-й. Много ли ты сыщешь людей, которые бы, какъ мы съ тобой, разсортировали всѣ созданія Бетховена, такъ сказать, по балламъ,—и чувствуемъ любовь, симпатію къ этимъ созданіямъ въ той же градаціи? Такихъ навѣрно слишкомъ, слишкомъ не много. А между тѣмъ вѣдь доказательствъ противъ насъ никто на свѣтѣ не представитъ; а между тѣмъ послѣднія созданія Бетховена (месса и IX-я симфонія) должны имѣть раздавливающее дѣйствіе. Идеи этихъ двухъ высшихъ вещей во всей музыкѣ нашли себѣ полное выраженіе въ высшихъ формахъ, чему и у самого Бетховена нѣтъ ничего подобнаго въ другихъ вещахъ; быть можетъ, только тутъ онъ достигъ желаннаго совершенства, сталъ вѣренъ самому себѣ, какъ сама природа,—какъ бы не дѣйствовать какъ дубиной по лбу на всѣхъ, всѣхъ?! И однако же—нѣтъ! Отчего же все это? Кто мнѣ дастъ на это настоящій отвѣтъ?

Мирить меня съ этимъ неразрѣшимымъ вопросомъ та мысль, что для понятія, для уразумѣнія всего высшаго, необходимо, такъ сказать, свое особенное воспитаніе—потому и невозможно требовать, чтобъ это высшее дѣйствовало на всѣхъ, когда оно доступно только для самыхъ образованныхъ въ этой сферѣ, не говоря уже о безднѣ другихъ мелкихъ условій, мѣшающихъ всему и во всемъ. Это вѣрно и въ отношеніи всѣхъ искусствъ—и литературы. Мнѣ такъ кажется, что дѣло въ томъ, чтобъ сказать свое. Пусть пока это будетъ vox clamantis in deserto [1]). Когда же нибудь все оцѣнится по достоинству. Не изъ практики, а a priori я пришелъ къ этимъ мыслямъ, что для извѣстныхъ вещей въ сферѣ искусствъ не должно требовать успѣха, хотя успѣхъ и очень пріятная и очень полезная вещь. Отъ этого, если мнѣ случится сдѣлать что нибудь и этого рѣшительно никто, кромѣ тебя, не оцѣнитъ, между тѣмъ я буду чувствовать, что сдѣлана правда,—я буду доволенъ и неуспѣхъ меня не огорчитъ нисколько. Кстати теперь обо мнѣ. Ты пишешь о службѣ: я, откровенно тебѣ скажу, такъ теперь излѣнился въ служебномъ отношеніи, что врядъ-ли когда нибудь буду въ состояніи тянуть эту лямку. Во всякомъ случаѣ, мнѣ надо по немножку переѣзжать на другой хлѣбъ, т. е., не оставляя службы вовсе (что было бы безразсудно у насъ, въ Россіи), но и нисколько не домогаясь болѣе значительныхъ мѣстъ. Мѣсто товарища предсѣдателя мнѣ весьма удобно, если увеличатъ жалованіе и, слѣдовательно, дадутъ мнѣ возможность побывать въ Петербургѣ. Все, это, разумѣется, пока. Ты легко представишь себѣ, что вѣдь не закабалить же мнѣ себя навсегда въ провинціальной глуши. Не дай Богъ этого никому!

12-го іюня 1847.

Главныя мои хлопоты, конечно, не арранжировки, которыя идутъ какъ по маслу, и за которыя теперь я боюсь все меньше и меньше. Совсѣмъ другое дѣло съ собственными вещами, а именно надъ собственною, и при томъ очень не простою, вещью сосредоточена вся моя дѣятельность. Что̀ это такое—ты не узнаешь до срока, но, конечно, отгадаешь, что эта вещь для оркестра и не musique pure [2]). Я писалъ уже тебѣ, а ты сообщилъ и Гунке объ моихъ затрудненіяхъ. Теперь, много обдумывая по этому предмету, я прибавлю еще кое-что. Разсматривая себя какъ можно строже, я убѣдился, что въ техникѣ композиторства мнѣ недостаетъ двухъ чрезвычайно важныхъ условій: 1) manier le contrepoint [3]) (объ чемъ ты уже знаешь подробно, въ чемъ для меня

[1]) Гласъ вопіющаго въ пустынѣ.

[2]) Чистая музыка.

[3]) Владѣть контрапунктомъ.

трудность и какъ я стараюсь этому пособить); 2) умѣть согласить чисто музыкальную основу сочиняемой вещи съ поэтическимъ ея смысломъ, т. е. умѣть совладать съ техническимъ скелетомъ піесы, le plier à volonté [1]). (Это не то, что скелетъ или планъ вообще—то уже относится прямо къ либретто, а въ способности моей къ „либретто", въ нашемъ смыслѣ, ты уже давно не сомнѣваешься). Стараясь подсмотрѣть, какъ ладили съ этимъ скелетомъ наши полу-боги, похитить у нихъ тайну этого, не для всѣхъ видимаго дѣланія, я именно съ этой стороны серьезно изучалъ въ послѣднее время почти всѣ партитуры и фортепіанныя вещи, которыя у меня съ собой, а результаты этого изученія сообщу тебѣ вкратцѣ, какъ вещь, которая и для тебя полна интереса (только боюсь, что для тебя все это врядъ-ли будетъ ново). Мнѣ кажется, что все (за весьма малыми исключеніями) въ неоперной музыкѣ, а многое вообще въ инструментальной и въ оперной, до сихъ поръ написанное, можно подвести подъ четыре главныя формы (нѣчто въ родѣ тѣхъ главныхъ типовъ, которые Cuvier установилъ для животныхъ: vertébrés, articulés, mollusques, rayonnés ou zoophytes): не думай однако, чтобъ я отыскивалъ тутъ аналогію!!

1) Форма 1-го аллегро сонаты, болѣе или менѣе строгая, но всегда съ классическимъ характеромъ. Такъ писаны всѣ первыя аллегро Моцатовыхъ сонатъ, квартетовъ и симфоній, большая часть первыхъ аллегро и у Бетховена, и въ сонатахъ, и въ квартетахъ, и въ симфоніяхъ, но, разумѣется, Бетховенъ гораздо свободнѣе распоряжался всѣми формами и очень часто намѣренно уклонялся отъ строгаго классицизма, господствовавшаго до его времени. (За это-то онъ и подвергался, въ началѣ своей дѣятельности, тѣмъ гоненіямъ, о которыхъ упомянулъ Одоевскій въ первомъ письмѣ къ Глинкѣ о Берліозѣ). Я не стану пояснять, въ чемъ состоитъ эта 1-я форма. Ты и самъ знаешь. Но обращу твое вниманіе только на переломъ послѣ 1-й части, какъ на главнѣйшій признакъ этой формы (это позвоночный столбъ, по крайней мѣрѣ, такъ-же важенъ); до перелома оканчивается все въ тонѣ доминанты (иногда параллельнаго тона тоникѣ, если миноръ), за переломомъ развитіе того, что изложено въ первой части, иногда слѣдуютъ эпизоды (болѣе или менѣе большіе), въ заключеніе потворяется вся 1-я часть съ наклоненіемъ къ тоникѣ. Иногда прибавлена новая coda. Этотъ планъ принятъ и во всѣхъ почти увертюрахъ Моцарта и Бетховена. Я назвалъ эту 1-ю форму 1-мъ аллегро, но весьма часто она-же употребляется и для финала, даже у Бетховена (finale de la V. Примѣръ строгой выдержки этой формы — 1-е аллегро III; примѣръ

[1]) Гнуть его по волѣ.

свободнаго примѣненія, но всетаки съ яснымъ классическимъ скелетомъ: 1-я часть IX-й). По моему, эта формы чуть-ли не труднѣе остальныхъ—оттого-то теперь съ ней и не умѣютъ ладить (Мейерберъ совсѣмъ отступился отъ нея, Глинка и Мендельсонъ придерживаются, но пишутъ сухо и скучно. Напримѣръ, увертюра „Руслана и Людмилы").—2-я форма: сплошныхъ варіацій—въ самомъ широкомъ значеніи. Ты поймешь меня, когда я укажу тебѣ, какъ примѣръ этой формы—финалъ IX-й симфоніи. Собственно эту форму надо опредѣлить такъ: послѣдовательное развитіе одной темы (въ IX симфоніи, въ финалѣ, сперва длинное, исчерпывающее развитіе одной темы, потомъ другая—съ своимъ, совершенно особымъ развитіемъ, потомъ обѣ вмѣстѣ). Варіаціи просто—также весьма часто составляютъ части сонатъ и квартетовъ (особенно финаловъ ихъ). Бетховенъ придалъ изумительное значеніе этой формѣ, употребляя ее преимущественно для финаловъ своихъ (III, VI) симфоній. Форма эта чрезвычайно удобна, чтобъ высказать все разнообразіе оркестровыхъ эффектовъ, но сама по себѣ гораздо легче первой, въ техническомъ отношеніи. 3-я форма—округленнаго анданте или адажіо, или вообще чего-то постоянно возвращающагося и замкнутаго кругомъ. (Иногда эта форма, какъ Rondeau,—употребляется и для финаловъ: послѣдняя часть „Патетической" сонаты, послѣдняя часть C-moll со скрипкой—бездна финаловъ въ сонатахъ и квартетахъ Моцарта), но главное ея мѣсто—средняя часть сонаты или симфоніи. Высшее ея развитіе, конечно—Adagios de la III, de la V, de la VI, de la IX (иногда въ соединеніи съ варіаціями), полные драматизма, и потому—значительныхъ отступленій, но всетаки придерживаясь строгой, однажды принятой основы (съ безконечными видоизмѣненіями). 4-я форма—прежній Менуэтъ, нынѣшнее Scherzo, по большой части въ 3-хъ частяхъ и съ ритмомъ въ 3 доли (3/8, 3/4, пожалуй—3/2). И въ IX-й симфоніи употреблена эта форма, но съ эпизодомъ въ 4/4. Я прибавлю одно общее замѣчаніе: смѣшно думать, что эти формы исчерпываютъ все, что никакой другой и нельзя выдумать—это было-бы въ самомъ дѣлѣ стѣсненіе свободы въ искусствѣ, которое безгранично. Но несравненно смѣшнѣе принять себѣ за правило—преднамѣренно удаляться отъ этихъ типическихъ формъ, чтобъ избѣжать страшнаго названія: классика, perruque, педанта (чего такъ жестоко боится Даргомыжскій). „Мы дескать никому не подражаемъ, мы ничѣмъ не стѣсняемся". Но, съ одной стороны: врядъ-ли много сюжетовъ для настоящей музыки, которые потребовали бы рѣшительнаго уклоненія отъ всѣхъ этихъ четырехъ типовъ, а съ другой—эта такъ называемая „свобода творчества" приводитъ къ безобразнымъ, расшитымъ (décousu) произведеніямъ нынѣшнихъ авторовъ, къ этому безбрежному океану du vague

et de l'indéfini [1]), гдѣ не за что ухватиться, и оттого тоска, какъ на плотѣ, среди моря, послѣ кораблекрушенія. „Мы", говорятъ эти нынѣшніе, „употребляемъ всѣ тоны, всѣ возможныя формы, не слѣдуя никому ни въ чемъ, кромѣ собственной (иногда глупо-капризной) фантазіи". Но вѣдь вы же, можно бы мнѣ отвѣтить—начинаете выше піесы (напримѣръ, каждаго отдѣльнаго нумера оперы) съ того тона, который въ ней—главный, и въ немъ же оканчиваете—вѣдь вы употребляете же всѣ принятыя формулы каденцъ (parfaite, plagale), вѣдь вы развиваете же или стараетесь развить одну музыкальную мысль (не говоря объ ея достоинствѣ),—такъ какъ-же не видѣть, что и въ скелетѣ піесы должна быть ясная путеводная нить—иначе потеряется весь интересъ цѣлаго, а какъ только признаете необходимость строгаго скелета, то непремѣнно больше или меньше приблизитесь къ одной изъ четырехъ типическихъ формъ! Ужъ вѣрно Бетховенъ имѣлъ полнѣйшее право совершенно отступить отъ принятыхъ формъ, однако сдѣлалъ ли онъ это? Нѣтъ, и даже всѣ нововведенія его явились только почти подъ конецъ жизни, мало по малу, вслѣдствіе внутреннихъ требованій, да и то, какъ я уже замѣчалъ, вездѣ можно докопаться до типической основы. А надъ нынѣшними безбрежностями сколько ни сиди, не откроешь никакихъ внутреннихъ законовъ, никакой разумной необходимости—отъ того выходитъ не музыка, а Богъ знаетъ что. И иногда это дѣлается еще во имя Бетховена!! [2]). Отчего-же Лермонтовъ, позднѣйшій изъ поэтовъ-стихотворцевъ, не хлопоталъ объ томъ, чтобъ безпрерывно придумывать новые неслыханные размѣры стиховъ, новыя формы или рамки для стихотворныхъ піесъ? Не въ этомъ дѣло! Размѣровъ очень достаточно и существующихъ, были бы мысли и художественное ихъ выраженіе. Почти такъ и въ музыкѣ. Этимъ я, конечно, не хочу выразить своей собственной привязанности къ строгимъ и сухимъ прежнимъ, мало по малу сглаживающимся формамъ, или отрицалъ-бы успѣхи новѣйшей музыки въ томъ, гдѣ она въ самомъ дѣлѣ пошла впередъ и еще какъ пойдетъ! Напротивъ, я признаюсь, что, не смотря на постоянную красоту, этотъ родникъ красоты, бьющій въ Моцартѣ, бо̀льшая часть его сонатъ и квартетовъ, именно по рѣзко выставляющемуся скелету, для меня заключаетъ въ себѣ что-то надоѣдательное; слиш-

[1]) Неопредѣленнаго.

[2]) Лѣтъ черезъ 10 послѣ этого, около середины 50-хъ годовъ, А. Н. Сѣровъ перешелъ съ энтузіазмомъ къ совершенно противоположной системѣ, системѣ Вагнера, но въ послѣдніе годы жизни опять возобновилъ всѣ прежнія (здѣсь высказанныя) нападки противъ свободной музыкальной формы, и даже повелъ ожесточенную войну противъ «нынѣшнихъ». В. С.

комъ знаешь, что будетъ впереди, и какъ будетъ, потому что еще нѣтъ того цвѣтистаго разнообразія, какъ въ Бетховенѣ, который скрываетъ скелетъ подъ роскошными формами самаго тѣла.

29-го іюня 1847.

Письмо это должно прійти днями двумя раньше 15-го іюля — какъ avant coureur посылки, которая немножко опоздаетъ, деньковъ пять, а грѣхомъ—и недѣлю. Посылка будетъ состоять: 1-е, изъ ожидаемой уже тобой 1-й части сонаты C-moll, Op. 30 Бетховена. Объ этомъ 1-мъ аллегро сонаты распространяться нечего. Ты знаешь, каково оно должно выйти въ оркестрѣ; а такъ какъ я арранжировалъ съ величайшимъ тщаніемъ (посвятивъ эту вещь О. К. Гунке, письмо къ нему будетъ вложено въ сонату), и сама по себѣ вещь чрезвычайно удобно ложится на оркестръ, то я надѣюсь смѣло, что ошибки, если и будутъ, окажутся весьма незначительны, а быть можетъ, и все будетъ безукоризненно, что было бы для меня чрезвычайной радостью. 2-е, совсѣмъ на оборотъ, весь рискъ въ томъ, что я посылаю своего. И ты поймешь мои нешуточныя опасенія, когда узнаешь, что это не бездѣлица какая нибудь, а „фантазія для оркестра на 2-ю идиллію Теокрита“. Въ нынѣшній разъ отправляется также, покамѣстъ, одно первое „аллегро“ фантазіи (въ которой будутъ еще двѣ части: адажіо и финалъ, тоже аллегро, быстрѣе и стремительнѣе перваго); оно (1-е) по тексту доходитъ до 63-го стиха. Ты, вѣроятно, не осудишь меня, что я далъ этой вещи форму свободной инструментальной фантазіи, а не сцены для голоса съ оркестромъ. Въ послѣднемъ случаѣ, кромѣ того, что текстъ—нѣмецкіе, да еще Фоссовы гекзаметры—чрезвычайно бы стѣснили меня и представили бы непреодолимыя трудности, кромѣ того, что я не могъ бы тогда дать такое развитіе, какое мнѣ хотѣлось,—гдѣ бы нашлась исполнительница для такой длинной и, конечно, не легкой вещи?? Между тѣмъ какъ теперь только отъ твоей цензуры будетъ зависѣть: исполнится ли эта вещь оркестромъ Кажинскаго или нѣтъ. Разумѣется, что прежде всѣхъ ты одинъ просмотришь это первое мое произведеніе въ серьезной и большой формѣ. Если сразу окажется, что „больно плохо“, рѣшительно ничего, кромѣ претензій на что-то,—ты, конечно, даже и не покажешь этого ни Гунке, ни Кажинскому: я не хочу, чтобы ты краснѣлъ за меня. Но если найдешь хоть что-нибудь, старайся, чтобъ какъ можно скорѣе разыграли бы: весьма вѣроятно, что оркестръ откроетъ для тебя совсѣмъ новыя стороны этой вещи, которыхъ ты никогда не узнаешь за фортепіано, потому что здѣсь на фортепіано не было ни малѣйшаго расчета. Въ случаѣ не смертнаго приговора, ты объяснишь Кажинскому

сюжетъ и всѣ мои намѣренія по отношенію къ тексту, чего онъ, конечно, самъ не пойметъ. (Въ Адажіо будетъ „исторія любви", въ заключительной части: ревнивыя подозрѣнія, послѣднія чары, заклинанія и угрозы и, наконецъ, прощальное обращеніе къ лунѣ и звѣздамъ). Занимаясь уже болѣе мѣсяца подробностями обдѣлки и инструментовки, я совсѣмъ потерялъ способность суда надъ своею вещью—и до того мало увѣренъ въ собственныхъ силахъ, что, будь я въ Петербургѣ, я никакъ не рѣшился бы пустить этой вещи къ Кажинскому, а еслибъ и рѣшился—то при первыхъ звукахъ, на первой же репетиціи, вѣроятно бы выхватилъ партитуру и убѣжалъ бы съ нею домой. Такъ я не довѣряю себѣ ни въ чемъ. Иногда мнѣ кажется, что порядочно; иногда представится все въ такомъ жалкомъ видѣ, что мнѣ сдѣлается и горько и стыдно, хоть сквозь землю провалиться. Неужели всегда и со всѣми, что-нибудь дѣлающими, это такъ? Рѣшительно отказавшись отъ всякой претензіи на полную удачу, на выдержанность цѣлаго (это было-бы уже черезъ-чуръ для перваго и такого труднаго опыта), я буду совершенно счастливъ, если ты найдешь тутъ хоть искорки чего нибудь настоящаго, хоть каплю правды и красоты,—если похвалишь нѣкоторыя добрыя намѣренія и покушенія (pia desideria!) и признаешь, что я, по крайней мѣрѣ, на хорошей дорогѣ. А быть можетъ, и просто скажешь: отчаянная дрянь!! Чтó тогда?! я какъ будто вижу, какъ тебѣ будетъ тогда жалко меня, а пособить нечѣмъ. Вѣдь нечѣмъ?! Просто хоть бросить перо или остаться навсегда при переложеніяхъ. Конечно, и тутъ есть порядочная заслуга по искусству—быть тѣмъ по музыкѣ, чѣмъ, напримѣръ, Жуковскій въ поэзіи—мастерскимъ, художественнымъ переводчикомъ чужихъ созданій съ одного музыкальнаго языка на другой (съ фортепіано на оркестръ и съ оркестра на фортепіано). Но не того мы оба съ тобой желаемъ! А я именно нѣсколько боюсь, что это тáкъ будетъ. Вѣдь и Жуковскій, обладая въ такой сильной степени поэтическимъ языкомъ, не могъ удержаться, чтобъ не писать и своего собственнаго, но чтó значатъ эти слабыя созданія противъ его переводовъ?! (подъ которыми онъ, по похвальной привычкѣ нашей литературы 20-хъ годовъ этого вѣка, никогда не подписывалъ, что это переводъ, и публика во всей наивности невѣжества приписывала всѣ прекрасные вымыслы прямо ему — мимо Шиллера и другихъ, откуда онъ черпалъ. По крайней мѣрѣ, я буду добросовѣстнѣе Жуковскаго и Озерова и не захочу „чужими руками жаръ загребать"). Во всякомъ случаѣ, худо ли, хорошо ли, я выступаю теперь съ своею собственною вещью и отчасти доволенъ, что все это порѣшится въ мое отсутствіе. Съ другой стороны, меня также мучитъ мысль, что я не услышу самъ своей вещи

еще долго, долго!! Уже при арранжировкахъ это крайне мучительно,— чтожъ теперь, особенно при моей мнительности въ этихъ случаяхъ и крайней неувѣренности въ своихъ силахъ? Я ожидаю только всего дурнаго, напримѣръ, того, что въ исполненіи моя вещь будетъ какое-то безобразное дивище, котораго у меня и въ головѣ не было, т. е. выйдетъ все совсѣмъ иначе, чѣмъ я задумалъ, и все это отъ неумѣнья писать!! Однимъ словомъ, конца нѣтъ моимъ опасеніямъ.

27-го іюля 1847 г.

Ты обезкуражилъ меня отвѣтомъ на счетъ печатанія моихъ арранжировокъ. Какъ это глупо, въ самомъ дѣлѣ, что нынче не хотятъ ничего знать, кромѣ дурацкихъ танцевъ и пошлыхъ романсовъ! Сообразивъ все, непремѣнно прійдешь къ тому результату, что, съ точки зрѣнія хлѣба насущнаго, на музыку, т. е. по композиторству во всѣхъ его видахъ—плохая надежда, и службы ни въ какомъ случаѣ навсегда оставлять не должно. Хоть скучно, но избавиться отъ этого просто нельзя, да притомъ, если непремѣнно нужно ежедневное занятіе для хлѣба, то лучше, чтобъ оно не имѣло ничего общаго съ музыкой и вообще съ искусствомъ, а то, кромѣ профанацій, огорченій и всего надоѣдательнаго, нельзя ничего ожидать. Писать музыку для денегъ c'est toujours une bien triste chose [1]). Я увѣренъ, что именно этому обязаны мы всѣмъ fatras, которое находимъ у Моцарта и у Бетховена. Каково, напримѣръ, что въ самомъ близкомъ сосѣдствѣ, по числу Opus—съ Разумовскимъ квартетомъ и съ Коріоланомъ, есть у Бетховена нѣсколько концертовъ (ор. 57 и 61) для фортепіано, до того безцвѣтныхъ, пошлыхъ, что не вѣришь глазамъ—чье это сочиненіе!! Рѣшительно ничего даже въ громкихъ оркестрныхъ tutti, ничего также и фортепіаннаго, точно будто писано по какой-то старинной рутинѣ вовсе не піанистомъ, между тѣмъ какъ и въ фортепіанной музыкѣ, почти во всѣхъ своихъ сонатахъ, Бетховенъ такъ шагнулъ впередъ, что Листовское знаніе фортепіано можно назвать продолженіемъ непосредственнымъ Бетховенскаго. Въ манерѣ укладывать ноты на клавишахъ и на строчкахъ, у Бетховена уже есть много Листовскаго, или, вѣрнѣе: Листовское-то все вышло, быть можетъ, изъ пристальнаго изученія Бетховенской манеры. Самое лучшее доказательство тому, что и для Листа Бетховенская фортепіанная музыка кажется современною, т. е. довольно полною и не требующею никакой прибавки, тò, что Листъ безъ малѣйшаго измѣненія играетъ, напримѣръ, Sonata quasi fantasia, и вѣроятно, и другія сонаты Бетховена, напримѣръ, F-moll, C-dur и пр., между тѣмъ какъ Моцарта сонатъ никто слушать не станетъ. И такъ, не было бы въ дѣятельности Бетховена такихъ пятенъ, какъ эти глупые концерты, еслибъ онъ не долженъ былъ писать для хлѣба, по глупымъ заказамъ. Также и Моцартъ частенько грѣшилъ по причинамъ, вовсе чужимъ для искусства.

А. Сѣровъ.

[1]) Это всегда печально.

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ МЕНШИКОВЪ

ВЪ РАЗСКАЗАХЪ

бывшаго его адъютанта Аркадія Александровича Панаева.

1853 — 1854.

IX [1]).

Проводивъ Альбединскаго, свѣтлѣйшій поѣхалъ на новую позицію авангарда, потомъ, переѣхавъ Бельбекъ, осмотрѣлъ высоты лѣваго берега рѣки и приказалъ Жабокрицкому, чтобы онъ, снявшись отъ Дуванки, какъ можно ранѣе утромъ слѣдующаго дня, перешелъ Бельбекъ и занялъ Инкерманскія высоты. Самъ же князь со своимъ отрядомъ, утромъ 18-го сентября, перешелъ на то мѣсто, съ котораго снялся авангардъ, а послѣ обѣда тоже перешелъ Бельбекъ и занялъ позицію на высотахъ ближайшихъ къ Севастополю, правѣе дороги. Потомъ самъ поѣхалъ на сѣверную сторону бухты, къ батареѣ № 4. Здѣсь онъ видѣлся съ Корниловымъ и, излагая успѣхъ своего фланговаго движенія, предупреждалъ его, чтобы впредь онъ не безпокоился, если дѣйствующему отряду потребуется сдѣлать еще какую нибудь диверсію, затѣмъ, чтобы отвлечь вниманіе непріятеля отъ Севастополя. Обрадованный приближеніемъ войскъ къ Севастополю, Корниловъ не сочувствовалъ никакимъ диверсіямъ, не оцѣнилъ по достоинству заслуги стратегическихъ соображеній свѣтлѣйшаго и смотрѣлъ на него, какъ на возвратившагося изъ бѣговъ. Князь понялъ Корнилова и, снисходя на односторонній взглядъ еще неопытнаго въ военномъ дѣлѣ адмирала, уважая лихорадочную его заботливость

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1877 г., томъ XVIII, стр. 109—134; 337—353; 481—506.

о сосредоточеніи, себѣ подъ руку, всѣхъ средствъ къ оборонѣ Севастополя, главное же—сознавая, какъ важно ободрить столь незамѣнимаго своего сподвижника въ защитѣ города, поспѣшилъ отправить туда бо́льшую часть своего отряда.

Назначивъ, на будущее время, мѣстомъ своихъ свиданій съ начальствующими лицами Севастополя—домикъ инженернаго вѣдомства, возлѣ батареи № 4, свѣтлѣйшій отправился въ сѣверное укрѣпленіе и здѣсь написалъ донесеніе его величеству, изложивъ въ немъ подробности успѣха фланговаго своего движенія, выразивъ при этомъ, что французы, намѣревавшіеся блокировать Севастополь съ сѣверной стороны, принуждены были переброситься на южную сторону города и тамъ соединились съ англичанами. Поэтому, союзники оказались заключенными въ ограниченномъ пространствѣ, оставивъ сообщеніе Севастополя съ Россіею въ рукахъ нашихъ. Донесеніе это было помѣчено 18-мъ днемъ сентября (№ 440).

Слѣдовавшая за тѣмъ недѣля (съ 18-го по 25-е сентября), не ознаменованная особенно важными военными событіями, памятна мнѣ частію по многимъ предусмотрительнымъ распоряженіямъ свѣтлѣйшаго, частію же, по нѣкоторымъ эпизодамъ бивуачнаго быта, въ которыхъ проявлялись многія характеристическія черты князя Александра Сергѣевича.

Въ день отправки донесенія императору, князь распорядился назначеніемъ въ Севастополь трехъ полковъ пѣхоты съ ея артиллеріею и частію казаковъ. 19-го сентября они вступили въ городъ и Корниловъ успокоился. Свѣтлѣйшій, выбравъ бугоръ возлѣ расположенія дѣйствующаго отряда, приказалъ тутъ разбить свою палатку, сказавъ мнѣ при этомъ, что на этой позиціи мы останемся подольше, вслѣдствіе чего я могу на ней устроиться, такъ сказать, „хозяйственнымъ образомъ“.

До сихъ поръ, будучи непрерывно на походѣ, мы совершали наши трапезы кое-какъ, на̀-скоро: то стоя, то лежа, то сидя—подвернувъ ноги калачикомъ, съ тарелкою на колѣняхъ; чай пили походя—à la guerre, comme à la guerre... Здѣсь, на новой позиціи, я затѣялъ устроить „столовую“. Для этого, въ сторонкѣ, очертилъ на землѣ—столъ человѣкъ на двѣнадцать, окопалъ его кругомъ канавкою, чтобы обѣдающіе могли сидѣть за столомъ свѣсивъ ноги, съ комфортомъ. Столъ выровняли, выгладили—хоть скатерть постилай. Отъ непогоды устроили надъ нимъ шалашъ и вышла „столовая“ хоть куда. Въ глубинѣ ея я и самъ пріютился. Бывало, какъ стемнѣетъ, я, въ уголкѣ, и за самоварчикъ; глядишь—товарищи подберутся, засядемъ и бесѣдуемъ. Иногда захаживалъ къ намъ и князь Александръ Сергѣевичъ:

ему нравился этотъ обычай, здѣсь онъ всегда могъ найти кого ему было нужно. Пріѣзжалъ ли кто къ намъ, свѣтлѣйшій направлялъ его ко мнѣ въ шалашъ: гость дожидался въ этой импровизированной пріемной; здѣсь же гость, бывало, и соснетъ съ перегону. Такъ мы жили цѣлый мѣсяцъ. Палатка князя была возлѣ: чуть онъ выйдетъ изъ нея, днемъ ли, ночью ли, и я—тутъ какъ тутъ. Коновязь съ лошадьми была также подъ рукой. Насупротивъ шалаша были разбиты остальныя палатки штаба. Простая офицерская палатка князя Петра Дмитріевича Горчакова находилась въ кустахъ, возлѣ Волынскаго полка. Не совсѣмъ удобно было это помѣщеніе: пѣхота, дѣло извѣстное, шумитъ, бродитъ мимо, безпокоитъ старика... но князь Петръ Дмитріевичъ былъ человѣкъ необыкновенно покладливый, ни на что не жаловавшійся и миротворецъ по характеру.

Ввечеру мы узнали, что къ нашей арміи прибыла бригада резервной кавалеріи генералъ-лейтенанта Рыжева и остановилась на Качи.

Желая дать Корнилову первенствующую роль въ дѣйствіяхъ обороны Севастополя, свѣтлѣйшій предложилъ главному начальнику города, Моллеру, назначить себѣ Корнилова въ начальники штаба. При этомъ князь былъ вполнѣ увѣренъ, что добросовѣстный генералъ Моллеръ, сознавая превосходныя способности Корнилова, предоставитъ ему полную свободу распоряжаться обороной, какъ онъ знаетъ самъ [1]).

Подъ вечеръ того же дня, привели къ намъ на бивуакъ взятую на аванпостахъ дѣвочку-гречанку, лѣтъ десяти. Бѣдняжка была до того изнурена, такъ голодна и продрогла, что не могла говорить. Князь отдалъ ее мнѣ на попеченіе. Я напоилъ ее чаемъ, укуталъ въ тулупчикъ и уложилъ въ палаткѣ: она заснула, какъ убитая. Къ ночи прибѣжалъ къ намъ еще старый грекъ, отставной офицеръ, до того растерянный, что на него жалко было смотрѣть. Онъ умолялъ насъ справиться, не видали ли наши войска гдѣ нибудь дѣвочки, живой или мертвой. Эта дѣвочка, дочь его, бѣжала изъ дому еще до занятія Балаклавы англичанами и съ той поры пропадаетъ; онъ же, отецъ, по цѣлымъ днямъ бродитъ по окрестностямъ и не можетъ напасть на слѣдъ. Этотъ же грекъ разсказалъ намъ, что англичане въ Балаклавскую бухту втащили трехдечный корабль, и что тамъ устраиваютъ портъ. Я дернулъ Вилебрандта за полу, онъ обернулся ко мнѣ и сказалъ:

— Вретъ! Старикъ съ горя съ ума сошелъ!..

Я повелъ Балаклавца въ палатку, гдѣ спала дѣвочка и открылъ головку ребенка. Съ неописаннымъ восторгомъ старикъ узналъ свою дочь, обнялъ спавшее дитя и, любуясь малюткою, заснулъ самъ подлѣ.

[1]) Этимъ объясняется назначеніе Моллера на такой трудный постъ. А. П.

20-го сентября утромъ, князь ѣздилъ въ Севастополь осматривать оборонительную линію. Къ вечеру привели къ намъ на позицію изъ Севастополя захваченнаго гусаромъ капитана французскихъ спаговъ— Дампьера. Плѣнный очень сокрушался объ участи своей арабской лошади. Она въ послѣдствіи попала на заводъ и нашла тамъ счастливую долю.

На другой день, 21-го сентября, направивъ двѣ рекогносцировки, одну къ Евпаторіи, другую въ Байдарскую долину, князь поѣхалъ на сѣверную сторону въ инженерный домикъ, для объясненій съ Корниловымъ и Тотлебеномъ.

Утромъ къ намъ на позицію являлся грекъ, молодой, громаднаго роста, очень красивый собою, въ живописномъ національномъ костюмѣ, на который мы невольно залюбовались. Этотъ удалецъ пришелъ просить у насъ брандера, имѣя намѣреніе сжечь непріятельскій флотъ, въ отмщеніе союзникамъ за захватъ его купеческаго судна, которымъ они—по словамъ взбѣшеннаго грека—овладѣли не по праву войны, но какъ морскіе разбойники. По недостатку довѣрія къ этому отчаянному намѣренію, или вслѣдствіе бывшаго тогда штиля, но просьба грека была оставлена безъ послѣдствій.

22-го сентября, взявъ меня съ собою, свѣтлѣйшій въ экипажѣ отправился къ Мекензіеву хутору. Съ Мекензіевой горы онъ обозрѣвалъ окрестныя высоты, обошелъ всю площадку и возвратился на позицію когда уже завечерѣло. Здѣсь не могу обойти молчаніемъ эпизода, въ сущности маловажнаго, но свидѣтельствующаго о невозмутимомъ терпѣніи князя, при такихъ обстоятельствахъ, когда человѣкъ и моложе, и здоровьемъ крѣпче, конечно, былъ бы раздраженъ и раздосадованъ. Когда мы проѣзжали лѣснымъ дефилеемъ, лошади наши, испугавшись лошадинаго трупа, вывалившагося изъ опушки лѣса, бросились въ сторону и опрокинули экипажъ. Князь вывалился, но, нисколько не укоряя кучера въ оплошности, поднялся на ноги и вмѣстѣ со мною помогъ ему поднять экипажъ. Не только голосъ, но и черты лица князя сохранили обычное спокойствіе. Кромѣ упомянутаго трупа, намъ попадалось на дорогѣ, по лѣсу, нѣсколько труповъ человѣческихъ, растерянныхъ французами.

23-го сентября свѣтлѣйшій прислалъ ко мнѣ въ столовую (или въ шалашъ) пріѣзжаго флигель-адъютанта Шиншина. Князь готовилъ ему порученіе и потому Шиншинъ, въ ожиданіи, успѣлъ побывать въ Севастополѣ и переночевалъ у меня въ шалашѣ.

Послѣ обѣда мы выходили на дорогу провожать Бутырскій полкъ въ Севастополь. За три дня передъ тѣмъ онъ прибылъ къ намъ отъ атамана Хомутова. Замѣчу здѣсь, что Хомутовъ былъ одинъ изъ

немногихъ генераловъ, вполнѣ сочувствовавшихъ князю въ его затруднительномъ положенiи. Онъ всѣми мѣрами спѣшилъ содѣйствовать ему, чѣмъ только могъ, и всѣ лучшiя части своихъ войскъ отправлялъ къ Севастополю, по первому лишь намеку. За то свѣтлѣйшiй искренно его уважалъ. Внимательность Хомутова простиралась до того, что онъ даже прислалъ князю, на случай награды нижнихъ чиновъ, 25 знаковъ военнаго ордена. Вполнѣ хорошiй былъ человѣкъ покойный Михаилъ Григорьевичъ!

Головной уборъ солдатъ Бутырскаго — точно также какъ и Московскаго—полка былъ придуманъ Хомутовымъ для удобства нижнихъ чиновъ, замѣняя имъ каски, оказавшiяся неудобными тѣмъ, что въ жаркую пору онѣ ссыхались. Шапки у Бутырцевъ были въ родѣ высокихъ кепи; прикрытыя отъ солнца бѣлыми чехлами, онѣ придавали людямъ бодрый видъ.

Къ вечеру князь послалъ извѣстить Корнилова о намѣренiи своемъ произвести рекогносцировку отъ рѣки Черной къ сторонѣ Балаклавы, предложивъ ему, со своей стороны, въ видѣ демонстрацiи, сдѣлать одновременно выдвиженiе части войскъ отъ Малахова Кургана. По мѣрѣ наполненiя Севастополя войсками, мрачное расположенiе духа Корнилова разсѣивалось. Онъ немедленно назначилъ отрядъ согласно предложенiю князя.

24-го сентября, передъ закатомъ солнца, князь былъ уже на площадкѣ Мекензiевой горы, недалеко отъ спуска, при отрядѣ генерала Рыжева, назначеннаго для исполненiя помянутой рекогносцировки.

Въ ожиданiи начала движенiя, свѣтлѣйшiй прилегъ у небольшаго костра и ужиналъ, потчуя и насъ. Вынимая изъ жестянки вареный картофель, онъ подкладывалъ его къ угольямъ, подпекалъ, обмакивая въ соль кушалъ и похваливалъ. „Самая практичная закуска", приговаривалъ онъ, „сытна, желудка не портитъ, да и хлопотъ съ ней никакихъ нѣтъ". Эта жестяночка съ вареннымъ картофелемъ была всегда съ нами въ подобныхъ случаяхъ.

Еще дó-свѣта 25-го сентября кавалерiя Рыжева начала спускаться съ Мекензiевой горы, свѣтлѣйшiй же отправился на высоту, избранную имъ для наблюденiй. Она находилась правѣе и на много впереди Мекензiевой горы, за лѣсистыми балками. Трудно было до нея добраться: шли мы по картѣ, которая, надобно замѣтить, далеко не удовлетворяла потребностямъ военнаго времени; масштабъ ея былъ 5 верстъ въ дюймѣ [1]). При всемъ томъ, свѣтлѣйшiй привелъ насъ

[1]) Свѣтлѣйшiй, правда, писалъ, и не одинъ разъ, въ Петербургъ о высылкѣ ему карты бóльшаго масштаба, но получалъ въ отвѣтъ, что таковой не имѣется. Однако въ карманахъ у убитыхъ французовъ находили карты Крыма, лучше

именно туда, куда мы направлялись, и на гору мы карабкались пѣшкомъ, цѣпляясь за кусты. Было еще очень рано, однако уже разсвѣло на столько, что намъ, на отдѣльной высотѣ, былъ видѣнъ еще спавшій непріятельскій конный пикетъ, въ количествѣ приблизительно полу-эскадрона; при немъ были два орудія. Ниже этого пикета мѣстность еще была покрыта утреннимъ туманомъ.

Все было тихо и мы съ усиленнымъ біеніемъ сердца и съ напряженнымъ вниманіемъ ожидали минуты когда встрепенется непріятельскій пикетъ; онъ былъ какъ разъ на дорогѣ Веймарскаго гусарскаго полка и мы думали, что онъ въ нашихъ глазахъ попадется какъ куръ-вò-щи. Не тутъ то было! Видимъ, вдругъ, поднялась на пикетѣ суматоха: пробудившіеся кавалеристы и артиллеристы бросились къ лошадямъ и орудіямъ; полуодѣтые хватались за чтò и какъ ни попало; вскакивая въ однѣхъ рубашкахъ на лошадей, надѣвали аммуницію, сидя на сѣдлахъ, и строились въ безпорядкѣ. „Не сдобровать этой горсточкѣ", думали мы, „у насъ туча цѣлая: дивизія кавалеріи". И вотъ—показалась эта туча. Веймарцы, на своихъ вороныхъ коняхъ, подошли—и остановились; у нихъ въ резервѣ была сводная бригада. „Чего-же медлятъ гусары"? спрашивали мы самихъ себя; „не улизнулъ-бы отъ нихъ какъ нибудь пикетъ".... И впились мы въ трубы, а сердце такъ и стучитъ и на мѣстѣ-то намъ не стоится. Мгновенно съ пикета сверкнулъ выстрѣлъ, другой.... и Веймарцы, повернувъ коней, погнали назадъ, а имъ во слѣдъ выстрѣлъ. Ничего не видя, наши гусары понеслись на отступавшихъ Лейхтенбергцевъ, смяли задній эскадронъ, причемъ одинъ былъ убитъ, а трое изувѣчены. Сводная бригада пропустила отступавшихъ; постояла, постояла и тоже обратилась вспять. Такъ отрекогносцировали мы расположеніе непріятельскаго войска, а еще было сказано: атаковать непріятельскую кавалерію, если придется встрѣтить.... У англичанъ въ Крыму, всего-то на всего, насчитывали до 900 кавалеристовъ. Такъ дѣло ничѣмъ и не кончилось. Кого винить въ этой неудачѣ? Кому, если ни ближайшимъ начальникамъ Веймарцевъ было одушевить гусаръ, готовыхъ ринуться на непріятелей по первому возгласу командировъ. Прямо скажу: ихъ одуреніе не должно быть вмѣняемо въ вину солдатамъ, которые, при другихъ условіяхъ, показали-бы себя истинными молодцами. По всей вѣроятности, начальники не разгля-

---

той, которою пользовался князь. Одною изъ таковыхъ онъ, въ послѣдствіи, руководствовался. Послѣ войны, со съемки, сдѣланной полковникомъ Бетевымъ въ 1836, 1837 и 1838 годахъ, была, наконецъ, отлитографирована карта Крыма, въ масштабѣ одна верста въ дюймѣ, но только въ 1855 году.

А. П.

дѣли какъ ничтоженъ непріятельскій отрядъ, бывшій у нихъ, такъ сказать, въ горсти; заслышавъ выстрѣлы, они вообразили себѣ, что зашли черезъ чуръ далеко, и оробѣли.... А имъ-ли было робѣть, когда для обезпеченія ихъ отступленія на Мекензіевой горѣ были на-готовѣ два полка пѣхоты при двухъ батареяхъ, да съ гусарами была еще Донская батарея.

Когда наши скрылись, пикетъ успокоился, а свѣтлѣйшій, поспѣшивъ спуститься съ горы, напрямки поскакалъ къ гусарамъ. Здѣсь мнѣ привелось быть свидѣтелемъ гнѣва и негодованія князя, едва-ли не въ первый разъ за все время моего нахожденія при немъ.

Крымско-татарскій полу-эскадронъ, шедшій впереди гусаръ, наткнулся на англійскій разъѣздъ и успѣлъ захватить двухъ драгунъ; остальные спаслись, пользуясь туманомъ. Какъ-бы въ отмщеніе за неудачу, обоихъ плѣнныхъ вели связанными.

— „Стыдитесь! крикнулъ свѣтлѣйшій полковому командиру Бутовичу-Бутовскому,—не вымѣщайте на плѣнныхъ своей неудачи... Долой веревки!“

Между тѣмъ, князь, прибывъ къ гусарамъ, засталъ перепалку двухъ командировъ между собою. Халецкій упрекалъ Бутовича за его непозволительное отступленіе и, завидѣвъ свѣтлѣйшаго, подъѣхалъ къ нему съ жалобою. Я съѣхался съ адъютантомъ Харьковскаго губернатора Кокошкина, Гриневымъ, который наканунѣ, по порученію своего генерала, прибылъ къ намъ въ армію и попросился у князя участвовать въ рекогносцировкѣ. Такъ какъ онъ былъ свидѣтелемъ скандала съ Веймарцами, то и разсказывалъ всѣ его подробности, какъ безпристрастный зритель, сперва мнѣ, а потомъ свѣтлѣйшему.

По возвращеніи на бивуакъ, князь немедленно написалъ приказъ объ отобраніи полка у Бутовича и послалъ меня показать содержаніе приказа князю Петру Дмитріевичу Горчакову. Петръ Дмитріевичъ, прочитавъ приказъ, пошелъ къ свѣтлѣйшему просить объ отмѣнѣ этого распоряженія, на томъ основаніи, что—во 1-хъ) не имѣется въ виду подходящаго штабъ-офицера для замѣщенія Бутовича, а во 2-хъ) что князь еще не уполномоченъ, такъ какъ онъ не главнокомандующій, а ему только подчинены войска, какъ старшему по чину. Свѣтлѣйшій согласился и ограничился лишь выговоромъ Бутовичу въ приказѣ.

При нашихъ наблюденіяхъ съ упомянутой высоты, намъ были видны со стороны Балаклавы два непріятельскія укрѣпленія и лагерь на Сапунъ-горѣ.

Князь долго не могъ забыть злополучной рекогносцировки и, провожая Гринева, просилъ его—„не выносить сору изъ избы“.

26-го сентября гусаръ отправили къ Бахчисараю, гдѣ ихъ соединили съ сводной резервной бригадой, подъ командою генерала Рыжева. Въ этотъ день узнали мы, что непріятель шарилъ что-то около Ялты, выбросивъ тамъ какой-то отрядецъ. Вслѣдствіе этого, на другой день (27-го числа) князь послалъ Вилебрандта съ отрядомъ рекогносцировать мѣстность къ сторонѣ Ялты. Между тѣмъ, союзники въ теченіе предшествовавшихъ дней заготовляли все потребное для траншейныхъ работъ и подвозили предметы для вооруженія своихъ батарей. Такимъ образомъ, 28-го сентября, пользуясь бурной погодой, ночью, они открыли осадныя работы. Послѣ продолжительнаго штиля, тогда задулъ первый свѣжій вѣтеръ. Съ оборонительной линіи Севастополя неусыпно старались мѣшать работамъ союзниковъ.

День 29-го сентября свѣтлѣйшій посвятилъ осмотру непріятельскихъ работъ противу праваго фланга нашей оборонительной линіи. Замѣчу здѣсь, что, со времени прибытія нашего отряда на Бельбекъ, дѣлались охотниками изъ Севастополя частыя вылазки для раззоренія хуторовъ, для осмотра мѣстности, или для захватыванія непріятельскихъ постовъ. Вылазки эти развивали удальство и онѣ поощрялись начальствомъ. Князь послалъ Корнилову четыре знака военнаго ордена: изъ нихъ три достались Бутырцамъ, одинъ—матросу.

30-го сентября уланская дивизія генералъ-лейтенанта **Корфа**, прибывшая въ Крымъ, обложила Евпаторію и съ этого дня блокировала ее.

1-го октября Владимірскій полкъ занялъ Чургунъ, куда былъ назначенъ дивизіонъ сводныхъ уланъ, съ цѣлію препятствовать подвозу непріятелямъ жизненныхъ припасовъ туземцами-татарами изъ Байдарской долины. Осматривая расположеніе этого отряда, свѣтлѣйшій снабдилъ командира его инструкціею и распорядился отобраніемъ у непріятеля водопоя на Черной рѣчкѣ. Въ этотъ-же день изъ Евпаторіи была сдѣлана вылазка, при чемъ съ нашей стороны былъ единственный раненый—генералъ-маіоръ **Владиславлевичъ**.

2-го октября свѣтлѣйшій получилъ извѣстіе о скоромъ прибытіи въ нашу армію ихъ высочествъ, великихъ князей **Николая** и **Михаила Николаевичей**.

Необыкновенно заботливый характеръ свѣтлѣйшаго, при обширномъ кругѣ разнообразной его дѣятельности, не давали ему покоя: онъ цѣлые дни проводилъ на ногахъ или на конѣ, мало пользуясь и палаткой, развѣ только когда приходилось писать. Во избѣжаніе суетни, онъ держалъ около себя, подъ рукою, все въ исправности и порядкѣ, дабы въ случаѣ тревоги не приходилось хвататься за что ни попало. Никогда не разбрасывалъ вещей: все, въ чемъ только была надобность

для дѣла или для поѣздки, было размѣщено по многочисленнымъ карманамъ его одежды. Въ карманахъ у князя находились всѣ письменныя принадлежности, справочныя и памятныя записки, вырѣзки изъ картъ извѣстныхъ позицій, циркуль, лупа, бинокль, сборъ хирургическихъ инструментовъ, вещи для перевязки, патроны, запасные часы, маленькій револьверъ, ржаные сухарики, мятныя лепешки, фляжка съ коньякомъ—и чего, чего только у него не было; и все-то въ систематическомъ порядкѣ, такъ, что, никогда не шаря по карманамъ, князь доставалъ прямо и сразу чтó ему было нужно. Одежду онъ постоянно носилъ одну и ту-же, флотской формы. На немъ былъ черный жилетъ съ карманами въ три ряда; за нимъ камзолъ—тоже съ шестью карманами; сверхъ камзола князь надѣвалъ коротенькую сѣрую шинельку въ рукава, солдатскаго сукна и покроя, переполненную карманами, и сверхъ ея накидывалъ еще широкую солдатскаго-же сѣраго сукна шинель, сшитую на манеръ плаща, длиною немного пониже колѣнъ. Для картъ у него была особая сумка, надѣвавшаяся на казака, равно какъ и большая зрительная трубка въ чехлѣ.

Головной уборъ князя состоялъ изъ черной флотской фуражки, на которую въ жаркіе дни надѣвался бѣлый чехолъ; на поясѣ князь носилъ полу-саблю. Лошадь его сѣдлалась англійскимъ сѣдломъ, которое накрывалось вальтрапомъ, сдѣланнымъ изъ бурки. Онъ управлялъ лошадью казацкой уздечкой, а въ правой рукѣ держалъ тоненькую двухвостую плетку, рукояткою которой упирался въ переднюю луку. Такъ ѣздилъ онъ на шагу въ спокойныя минуты; когда же онъ спѣшилъ, то опускалъ плетку книзу и помахивалъ ею по боку лошади, поторапливая ее ногами. По ночамъ онъ вообще плохо спалъ; часто выходилъ изъ палатки, прислушивался, всходилъ на бугорокъ и оттуда смотрѣлъ въ сторону Севастополя. Въ особенности если тамъ подымалась пальба, то князь слѣдилъ за огнемъ, покуда она не умолкала.

Съ вечера, когда бивуакъ начиналъ затихать, свѣтлѣйшій скидывалъ шинельку и вмѣсто ея надѣвалъ коричневый шерстяной матеріи халатъ на ватѣ, съ поясомъ, а на голову старенькую темнозеленую шапочку изъ сафьяна, и такъ уходилъ почивать, укрывшись солдатскимъ плащомъ. Во все военное время мнѣ не случилось заставать его лежащимъ въ постели, хотя я и находился при немъ почти бе зотлучно. Ночью я всегда слышалъ, какъ онъ выходилъ изъ своей палатки: бывало, всегда кашляетъ выходя на воздухъ. Мнѣ было какъ-то совѣстно спать, когда свѣтлѣйшій бодрствовалъ, и я тоже выходилъ изъ шалаша. Завидѣвъ меня, онъ тихо окликалъ, чтобы никого не потревожить, и я подходилъ къ нему. Не слыша оклика—я не позволялъ себя нарушать уединенія князя. Замышляя какое либо

дѣло и обдумывая его ночью, князь выходилъ изъ палатки и направлялся къ той сторонѣ, гдѣ оно предполагалось, и, отойдя на просторъ, долго и долго вглядывался въ темноту. Потомъ тихо возвращался въ палатку. Въ это время я всегда бывалъ на-готовѣ, такъ какъ свѣтлѣйшему часто встрѣчалась надобность въ справкахъ касательно мѣстности или дороги. Послѣ безконечныхъ тревожныхъ заботъ въ продолженіе цѣлыхъ дней, мнѣ бывало отрадно перевести духъ въ тихую ночную пору. Однажды я отыскивалъ на небѣ мою любимую вечернюю звѣздочку и поворачивалъ голову во всѣ стороны, уносясь взорами въ безконечное пространство, усыпанное яркими свѣтилами ночи. Неслышно подошелъ ко мнѣ князь Александръ Сергѣевичъ и обычнымъ, кроткимъ своимъ голосомъ спросилъ:

— „Ты вѣрно отыскиваешь сѣверъ, гдѣ твои родные? Вотъ, я научу тебя какъ по звѣздамъ можно стать безошибочно лицомъ къ Петербургу".

И онъ объяснилъ мнѣ какъ надобно отыскивать полярную звѣзду, и, постановивъ меня лицомъ къ ней, сказалъ: „ну вотъ, теперь ты смотришь на сѣверъ".

Въ другіе раза онъ знакомилъ меня съ созвѣздіями; объяснялъ какъ ихъ узнавать и гдѣ находить въ тѣ или другіе часы сутокъ: разсказывалъ о многихъ примѣтахъ моряковъ, по которымъ они предузнаютъ приближеніе бури. Съ удовольствіемъ слушалъ я его весьма понятныя объясненія и мнѣ казалось, что въ эти минуты поучительной для меня бесѣды свѣтлѣйшій душою отдыхалъ отъ непрерывныхъ заботъ дня.

Къ утру онъ засыпалъ хорошо; вставалъ рано, пилъ на-скоро кофе и тотчасъ-же принимался за дѣло, или куда нибудь уѣзжалъ. Обѣдалъ въ 4 часа, одинъ въ палаткѣ, иногда-же садился и съ нами въ шалашѣ, что случалось большею частію когда у насъ бывалъ какой либо пріѣзжій. Князь не завтракалъ, не ужиналъ, по вечерамъ пилъ чай съ кусочкомъ хлѣба. Вообще въ пищѣ былъ удивительно умѣренъ, довольствуясь малымъ: супъ, мягкій кусокъ говядины, разварной рисъ и что нибудь сладкое—таковъ былъ его вседневный обѣдъ; жаркого онъ никогда не кушалъ, говоря, что къ этому блюду онъ всегда бываетъ уже сытъ.

Распоряженія по войскамъ свѣтлѣйшій дѣлалъ чрезъ полковника Вунша, бывшаго при немъ за начальника штаба; письменною частью онъ занимался съ камергеромъ А. Д. Камовскимъ.

Камовскій, какъ и всѣ мы, очень любилъ князя и всегда сокрушался о томъ, что свѣтлѣйшій, можно сказать, ни за что и ни про что, наживаетъ себѣ враговъ въ Петербургѣ, которые его заѣдятъ.

„До сихъ поръ“, говорилъ мнѣ Камовскій въ началѣ октября, „князь не соглашается подписать реляціи объ Алминскомъ дѣлѣ: всѣ проекты ему не нравятся; этого, говоритъ, не было, зачѣмъ писать? а о томъ, что̀ было—писать неутѣшительно. Такъ и откладываетъ со дня на день, а въ Петербургѣ реляцію ждутъ...“.

Такъ, ждали реляцію, да и не дождались. Въ военномъ министерствѣ была составлена своя реляція, при сочиненіи которой не былъ даже принятъ во вниманіе рапортъ князя отъ 9-го сентября о битвѣ подъ Алмою. Камовскій, однако, настоялъ на отсылкѣ настоящей реляціи, которая пришла послѣ обнародованія составленной въ Петербургѣ.

Печально было настроеніе духа свѣтлѣйшаго, и не могло быть иначе: со времени высадки союзниковъ прошелъ мѣсяцъ, а къ намъ прибыло лишь два баталіона, да 10 эскадроновъ молодежи; за ними еще нѣсколько баталіоновъ, которые, изъ жалости къ намъ, Хомутовъ рискнулъ урвать у своего отряда.

Организованной арміи въ Крыму не было; да и главное начальство надъ всѣми наличными силами края не было сосредоточено въ рукахъ князя. Между тѣмъ, война уже кипѣла; нѣсколько тысячъ полегло, а намъ приходилось довольствоваться обрывками, выпрошенными княземъ у Хомутова.

Домашними средствами ограждали Севастополь; домашними же средствами обороняли и его, и весь Крымъ. Наконецъ, сжалился князь Горчаковъ и изъ южной арміи прислалъ къ намъ двѣ дивизіи: пѣхотную и кавалерійскую; но что значила эта малость, когда надобно было спѣшить задавить врага, покуда онъ еще не осмотрѣлся и не получилъ подкрѣпленія.

Пѣхотная дивизія была 12-я; князь ожидалъ ее съ нетерпѣніемъ и ей уже готово было назначеніе.

Въ Севастополѣ ожидали бомбардированія и штурма. Необходимо было имѣть свободный отрядъ, который-бы могъ дѣйствовать въ тылу союзниковъ и отвлекать ихъ отъ штурма. Кавалерійская дивизія была драгунская, сорока-эскадронная; она тоже могла быть какъ нельзя болѣе кстати. Едва головныя части 12-й дивизіи вступили въ Бахчисарай, какъ князь, не теряя времени, уже вытребовалъ оттуда за приказаніемъ командира 1-й бригады, генерала Константина Романовича Семякина, и поручилъ ему сдѣлать рекогносцировку въ тылу непріятеля и, занявъ высоты впереди Чургуна, угрожать союзникамъ.

4-го октября свѣтлѣйшій самъ поѣхалъ на сказанную позицію встрѣтить войска Семякина и на самомъ мѣстѣ объяснить ему наз-

наченіе отряда. 6-го октября была удачно сдѣлана диверсія, а черезъ два дня Семякинъ опять потревожилъ непріятеля.

Между тѣмъ, безпрестанно пріѣзжали къ намъ гонецъ за гонцомъ справиться: что Севастополь? какъ Севастополь?—можно-бы отвѣчать имъ: дайте прежде войскъ, а ужъ потомъ справляйтесь. Не любилъ свѣтлѣйшій справокъ и не слишкомъ-то ласково принималъ посланцевъ. Страдая за него, Камовскій ворчалъ: „съѣдятъ князя, живьемъ съѣдятъ! Вѣдь они разнесутъ его по косточкамъ.... Ихъ нужно чествовать: какъ бы ни былъ малъ человѣкъ, а все-же у него языкъ есть! Богъ вѣсть, что они тамъ про насъ поразскажутъ. Не могу уговорить князя не терять изъ виду своей славы, вѣдь это—исторія!"

Но свѣтлѣйшій не отступалъ отъ своего правила ни на шагъ, до послѣдней минуты военной своей дѣятельности въ Крыму. Соглядатаевъ-посланцевъ, или пріѣзжавшихъ по какому нибудь пустому дѣлу, пуще же всего подъ предлогомъ что нибудь схватить, уловить, подмѣтить, пронюхать—онъ спѣшилъ выпроваживать ни съ чѣмъ. За то, пріѣзжавшихъ съ извѣстіями о подкрѣпленіи, или съ увѣдомленіемъ о подвозѣ припасовъ—свѣтлѣйшій всегда ласкалъ, давалъ порученія, придерживалъ при себѣ и впредь не забывалъ. Таковъ былъ его характеръ—неизмѣненъ и непреклоненъ.

Нежданнымъ, въ самыя тяжелыя для князя минуты, прикатилъ изъ Петербурга полковникъ генеральнаго штаба Поповъ, присланный съ предвзятою мыслію состоять при князѣ въ качествѣ совѣтника. Самъ Поповъ зналъ про свѣтлѣйшаго только то, что онъ адмиралъ—стало, по мнѣнію Попова, на сушѣ ничего не смыслитъ, поэтому радъ будетъ въ его лицѣ, имѣть руководителя.

Свѣтлѣйшій, любя мундиръ генеральнаго штаба и нуждаясь въ хорошемъ офицерѣ, ласково встрѣтилъ Попова. Нежданный гость брякнулъ съ маху: „присланъ", молъ, „къ вамъ въ качествѣ начальника штаба"... И это куда бы ни шло; но Поповъ, видя простое обращеніе князя, ободренный его привѣтливымъ пріемомъ, началъ шагъ за шагомъ критически разбирать распоряженія свѣтлѣйшаго съ минуты выступленія на Алму, указывая при этомъ, какъ онъ долженъ былъ поступать. Рецензіи свои знатокъ военной науки приправлялъ, впрочемъ, снисходительными намеками на незнаніе адмираломъ сухопутнаго дѣла. Князь былъ пораженъ, но, терпѣливо выслушавъ рецензента до конца, сказалъ ему:

— „Ну, теперь идите къ Панаеву".

Поповъ, взволнованный своими объясненіями, но еще не понимая своей ошибки, и со мною продолжалъ разговоръ на ту же тему и съ

большимъ одушевленіемъ порицалъ дѣло, въ курсѣ котораго вовсе не былъ, не зная ни обстоятельствъ, ни мѣстности, ни средствъ нашихъ. Словомъ, выражаясь по просту,—такъ опростоволосился, что князь, подойдя къ Камовскому, сказалъ: „намъ учителя прислали; его надо отправить назадъ"...

Но А. Д. Камовскій уговорилъ князя дать Попову какое нибудь назначеніе въ арміи, и свѣтлѣйшій приказалъ написать Корнилову, чтобы онъ, принявъ Попова въ гарнизонъ, назначилъ его къ Моллеру—начальникомъ штаба сухопутныхъ войскъ. Поповъ, переконфуженный, ворчалъ; а свѣтлѣйшій, въ этотъ день обѣдая съ нами, объяснилъ гостю, на что преимущественно, въ новой своей должности, онъ обязанъ обратить вниманіе. Переночевавъ у насъ, Поповъ отправился въ Севастополь.

Между тѣмъ, въ Севастополѣ, именно 4-го октября, оборонительная линія была изготовлена къ бомбардированію. Корниловъ, послѣ лихорадочной дѣятельности въ теченіе цѣлаго мѣсяца, осмотрѣвъ въ этотъ день укрѣпленія, наконецъ перевелъ духъ, и прислалъ сказать князю:

— „Мы готовы, да и непріятель, кажется,—тоже. Завтра надо ожидать бомбардированія".

А. А. Панаевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Замѣтка о пріѣздѣ Тотлебена въ Севастополь.

По поводу замѣтки Н. К. Шильдера, помѣщенной въ III-й книгѣ „Русской Старины" 1877 года: „Пріѣздъ Э. И. Тотлебена въ Севастополь", позволю себѣ объяснить, что, руководясь въ разсказахъ своихъ одною голою истиной, я вывелъ причину появленія подполковника Тотлебена въ Севастополѣ изъ собственныхъ же словъ его, тогда мнѣ высказанныхъ, подъ вліяніемъ, быть можетъ, свѣжихъ впечатлѣній, съ которыми онъ оставилъ южную армію. Но еще прежде, чѣмъ я успѣлъ познакомиться съ Тотлебеномъ, я изъ сообщеннаго мнѣ, по поводу его пріѣзда, княземъ Меншиковымъ не могъ сдѣлать инаго заключенія, кромѣ того, что этотъ саперный офицеръ просто пріѣхалъ въ Севастополь въ качествѣ любознательнаго спеціалиста.

Искренно благодарю автора замѣтки за сообщеніе редакціи „Русской Старины" письма князя Горчакова, привезеннаго тогда Тотлебеномъ къ свѣтлѣйшему: оно только подтверждаетъ разсказанное мною, такъ какъ изъ него легко усматривается, что князь Горчаковъ не командируетъ Тотлебена для устройства укрѣпленій въ Севастополѣ, а предоставляетъ усмотрѣнію князя или воспользоваться, съ этою цѣлью, услугами Тотлебена, — и то только на время, свободное отъ дѣятельности его въ южной арміи, — или, если онъ не находитъ въ немъ нужды, отпустить его обратно къ нему. — Князь Горчаковъ, сильно озабочиваясь, такимъ образомъ, „участью, которая ожидала открытый съ сухаго пути Севастополь, рѣшается отправить въ Крымъ опытнаго военнаго инженера, который могъ бы укрѣпить Севастопольскую позицію" и въ то же время предупреждаетъ князя Меншикова, чтобы онъ былъ готовъ, по его востребованію, возвратить ему этого инженера! — Слѣдовательно, Севастополь не могъ расчитывать на постоянное присутствіе посланнаго княземъ Горчаковымъ техника, и Тотлебенъ не получалъ прямаго и опредѣленнаго назначенія укрѣплять Севастополь, а уже князь Меншиковъ, оцѣнивъ по достоинству Тотлебена, спѣшитъ для этого предмета заручиться хорошимъ инженеромъ, удерживаетъ его, и сообщаетъ, 26-го августа 1854 г. военному министру, что онъ „подполковника Тотлебена уже опредѣлилъ къ дѣлу".

Что же касается того, что изъ приведенныхъ писемъ, какъ выражается авторъ, „видно, что нельзя утверждать, будто князь Горчаковъ не дорожилъ Тотлебеномъ", то я этого въ своихъ разсказахъ и не утверждаю, а только привожу подлинныя слова Эдуарда Ивановича, объяснившія мнѣ, что онъ тогда еще не имѣлъ случая узнать, какую цѣну придаетъ ему князь Горчаковъ, а былъ подъ вліяніемъ того недоразумѣнія, которое существовало между главнокомандующимъ южною арміею и генералъ-адъютантомъ К. И. Шильдеромъ.

А. А. Панаевъ.

АННА ѲЕДОРОВНА ЯГУЖИНСКАЯ

ЖЕНА ПЕРВАГО ГЕНЕРАЛЪ-ПРОКУРОРА ПАВЛА ЯГУЖИНСКАГО

1722—1725 гг.

Графъ Павелъ Ивановичъ Ягужинскій или, какъ пишутъ иные эту фамилію, Егузинской или Ягушинскій, былъ по происхожденію литвинъ, сынъ бывшаго органиста лютеранской церкви, въ Москвѣ, Ивана Ягужинскаго, съ 1713 года маіора. Павелъ Ивановичъ родился въ 1683 году и въ 1701 г., на восемнадцатомъ году жизни, былъ опредѣленъ царемъ Петромъ въ гвардію, гдѣ и дослужился до офицерскаго чина. Сметливость и расторопность Ягужинскаго обратили на себя вниманіе государя и тотъ сдѣлалъ его своимъ деньщикомъ, званіе соотвѣтствовавшее флигель-адъютантскому; въ 1711 или 1712 г. Ягужинскій сдѣланъ былъ генералъ-адъютантомъ и камергеромъ. Съ этого времени положеніе Ягужинскаго окончательно упрочилось. Государь давалъ ему дипломатическія порученія, взялъ съ собой въ 1716 г. за границу, произвелъ въ генералъ-маіоры (1719 г.) и пожаловалъ въ 1717 г. мызами и деревнями въ Лифляндіи. Это имѣніе гр. Ягужинскій продалъ въ 1728 г. за 54,800 руб. генералъ-поручику гр. Левенвольду. 8-го января 1722 г. императоръ Петръ пожаловалъ Ягужинскаго генералъ-прокуроромъ въ сенатѣ. То былъ первый, по времени, генералъ-прокуроръ въ Россіи. Къ этому-то году относится разводъ Ягужинскаго съ его первою женою. «Разводъ этотъ,—по словамъ Д. Н. Бантыша-Каменскаго,—совершился въ маѣ мѣсяцѣ 1722 г. и причиною его былъ задумчивый и странный нравъ жены Ягужинскаго. Императоръ, уговорившій его приступить къ этому разводу, нашелъ, въ слѣдующемъ году, любимцу своему лучшую подругу, фрейлину, графиню Анну Гавриловну Головкину, дочь великаго канцлера, которая любезностію своею вознаградила его за всѣ печали, понесенныя имъ отъ первой супруги. ...Имя первой супруги Ягужинскаго,—добавляетъ его біографъ,—мнѣ неизвѣстно. Она скончалась въ Москвѣ, въ одномъ дѣвичьемъ монастырѣ, куда заключена была по именному повелѣнію» [1]).

Изъ родословія фамиліи Ягужинскихъ, впервые напечатаннаго, между многими другими, въ «Русской Родословной книгѣ», изд. ред. «Русской Старины» (Спб. 1873 г. томъ I, стр. 69—70), мы узнаемъ, что первая жена П. И. Ягужинскаго была Анна Ѳедоровна Хитрово, а изъ статьи, составленной профессоромъ Н. И. Барсовымъ по подлинному дѣлу 1722—1725 гг. и нами здѣсь помѣщаемой, читатель ознакомится съ подробностями этого интереснаго, почти перваго, по времени, бракоразводнаго процесса въ Петербургѣ. Ред.

---

[1]) Словарь достопам. людей русской земли, изд. 1847, ч. III, стр. 568—569.

1722—1725.

Бракоразводное дѣло генералъ-прокурора Ягужинскаго, надѣлавшее полтораста лѣтъ тому назадъ много шуму въ русскомъ обществѣ, представляетъ интересъ не только какъ замѣчательный фактъ въ личной біографіи одного изъ „птенцовъ гнѣзда Петрова", но и въ отношеніи къ характеристикѣ общественныхъ и юридическихъ нравовъ Россіи начала XVIII-го столѣтія. Объ этомъ дѣлѣ доселѣ ничего не было извѣстно, если не считать краткихъ упоминаній о немъ извѣстнаго историка кн. М. М. Щербатова въ извѣстной его запискѣ: „О поврежденіи нравовъ въ Россіи" [1]), и приведеннаго выше краткаго разсказа Д. Н. Бантышъ-Каменскаго.

22-го сентября 1722 года генералъ-лейтенантъ и генералъ-прокуроръ Павелъ Ивановичъ Ягужинскій обратился въ св. синодъ съ слѣдующимъ прошеніемъ. „Хотя брачное супружество по правиламъ кромѣ ясно доказанныхъ законныхъ винъ не разводно до смерти содержать повелѣно, но я, нижепоименованный, нынѣ въ состояніи такомъ нахожуся, что отъ жены своей не токмо въ супружествѣ непозволяемыя обиды имѣю, но и прочіе закону христіанскому противные поступки и иныя мерзости ею чинятся, которые вашей святости для подлиннаго увѣренія и свидѣтельства за руками священника и прочихъ моего дома служителей при семъ предлагаю. И понеже сіе дѣло отъ рѣшенія святѣйшаго правительствующаго синода зависитъ и я въ несумнѣнной надеждѣ пребываю, что ваша святость о настоящемъ моемъ состояніи разсудить изволите, что мнѣ болѣе не токмо сихъ показанныхъ причинъ, но и прочихъ противностей ради, о которыхъ всѣхъ объявить не упомяну, съ нею жить невозможно. Того ради уповая на милостивое разсужденіе св. синода, покорнѣйше прошу, дабы по своему высокому разсмотрѣнію мнѣ рѣшеніе въ семъ дѣлѣ учинить изволили и меня съ нею развязать, дабы мнѣ болѣе въ такомъ бѣдственномъ и противномъ житіи не продолжиться, наипаче же бы бѣдныя мои малыя дѣти отъ такой непотребной матери вовсе не пропали".

При прошеніи приложены были „изъявленія" священника домовой церкви Ягужинскихъ, Ѳедора Антонова, дьячка и нѣсколькихъ человѣкъ домовыхъ служителей Ягужинскихъ, о безчинствахъ генеральши Анны Ѳедоровны, произведенныхъ ею въ церкви, во время богослуженія, въ своихъ комнатахъ и въ дворовыхъ избахъ.

---

[1]) См. «Русскую Старину» 1870 г. (изд. третье), т. II, стр. 26.

По этимъ „изъявленіямъ" оказалось, что „оная генеральша Анна Ѳедорова въ разныя времена и на разныхъ мѣстѣхъ чинила такія мерзости и скаредства, какія не точію словомъ произносить, но и писать зѣло гнусно и мерзко, яко зѣло непотребныя и приклада неимущія, между которыми и слово прелюбодѣйное, хотя за невозможность натуры и недѣйствительное, однако-же весьма дѣйства желательное, и бракоразрѣшенію, по Господню словеси и по отеческимъ правиламъ, виновное, чѣмъ она и мѣру прелюбодѣянія наполнила и многіе соблазны зазорнымъ лицамъ, русскимъ и иностраннымъ, учинила. Такъ однажды, ночнымъ временемъ, въ четвертомъ часу, пришедъ къ садовнику своему, Козлову, въ избу, ночевала, и то ночеваніе причитаться можетъ за чужой домъ, а господствующимъ неприлично въ рабскихъ храминахъ, внѣ собственныхъ палатъ, кромѣ великой и едва когда случающейся нужды ночевать; оная же генеральша ночь въ избѣ садовника своего пролежала не яко въ своей храминѣ, но яко внѣ дому своего, за что и бракоразрѣшенію повинна, ибо законъ градскій (грань II-я, глава 9-я) и новая Юстиніанова заповѣдь, аще жена, нехотящу мужеви, внѣ дому своего, кромѣ родителей своихъ, нощь пролежитъ, подвергаютъ сотворшую тако брачному разлученію". Затѣмъ еще оказалось, что мужъ Ягужинской „женѣ своей во всякомъ довольствѣ въ домѣ жить и по собственной волѣ ѣздить и гулять волю далъ,—какъ честнымъ женамъ въ честные мѣста съ домовыми своими служителями ѣздить надлежитъ. Но она въ домѣ чинно жить не хотѣла, но одну токмо ночь въ домѣ ночевала, а потомъ съѣхала во дворъ къ нѣкакой вдовѣ, женѣ магистратскаго канцеляриста Ксеніи Тимоѳеевой, про которую сама она означила, что кто былъ у той вдовы мужъ именемъ и отчествомъ и прозваніемъ, не знаетъ, у которой жила нѣкое время, а послѣ того, къ такой же безпутной княгинѣ Щербатовой съѣхавши, жила, а наконецъ поѣхала въ Рождественскій монастырь, и, отпустя карету и людей своихъ въ домъ, жила въ монастырѣ трои сутки, и потомъ-де, невѣдомо откуду, еще непотребнѣе себя сыскала вдову, княгиню Солнцову, которая ее, когда она шла изъ монастыря пѣша, взявши къ себѣ въ коляску, отвезла на постоялый дворъ ея, на Мясницкую, гдѣ дѣти ея живутъ. И посему явно, что она, генеральша, дружество и пребываніе имѣла съ незнаемыми ей женами, которыхъ оный мужъ ея признаетъ за подозрительныхъ, и жила у нихъ самовольно, такъ какъ мужъ ея на такія ея самовольства, чтобъ ей, выѣзжаючи и домъ свой оставивши, въ разныхъ мѣстахъ ночевать, позволенія не давалъ, и такимъ она самовольнымъ въ незнакомые домы выѣздомъ, у подозрительныхъ людей не только ночеваньемъ, но и не маловре-

меннымъ безъ вѣдома мужа житьемъ, показала мужу своему явную противность и разлученію брака весьма явилась повинна".

Прежде, чѣмъ постановить свой приговоръ, свят. синодъ отправилъ къ генеральшѣ Ягужинской ея духовника, ключаря Архангельскаго собора Петра Меркурьева, съ синодальнымъ секретаремъ Герасимомъ Семеновымъ, для допроса „по нарочито составленнымъ св. синодомъ пунктамъ и для увѣщанія ея страхомъ Божіимъ и народнымъ стыдомъ". На этомъ допросѣ Анна Ѳедоровна Ягужинская, хотя въ бо̀льшемѣ и запиралася, но во многомъ признала́ся, извиняя себя тѣмъ, что оныя-де непотребства чинила она въ безпамятствѣ своемъ. въ меленколіи, которая ей случилась въ Петербургѣ, въ 1721 году, и въ скорби да въ печали отъ разлученія съ сожителемъ и дѣтьми своими, отъ скуки и одиночества.

Послѣ допроса генеральша Ягужинская не переставала вести прежній зазорный образъ жизни. Того же самаго числа, когда послѣдовало ей запрещеніе выѣзжать изъ своего дома безъ вѣдома мужа, она съѣхала изъ своего дома въ домъ магистратскаго канцеляриста Волкова, у котораго и напредъ того посыланными отъ синодскихъ дѣлъ канцеляристами была нѣсколько разъ видѣна. Мало того: 3-го января 1723 года служитель Ягужинскаго, Горицынъ, подалъ въ св. синодъ доношеніе, что 21-го и 28-го декабря та госпожа его, „пришедъ къ служителю своему, испражнилась въ избѣ его и въ другихъ мѣстахъ снова безъ зазрѣнія совершала мерзости, била стекла, и дѣлала разныя другія безчинства и буйства". По осмотрѣ посланными отъ св. синода, вслѣдствіе этого доношенія, канцеляристомъ и инквизиторомъ, оказалось, что дѣйствительно стеклянныя оончины въ палатахъ и въ избахъ выбиты, разодранъ и вызженъ мужской полушубокъ, женщины биты и кусаны, и все это, по общему свидѣтельству дворовыхъ, учинено госпожой. При этомъ осмотрѣ Ягужинская инквизитору и канцеляристу, при копіистѣ, объявила: „донесите его величеству, что имѣю до его императорскаго величества слово, а ежели не донесете, взыщется на васъ".

Когда объ этомъ послѣднемъ заявленіи Ягужинской дошло свѣдѣніе до ея мужа, онъ вошелъ въ св. синодъ новымъ прошеніемъ слѣдующаго содержанія. „Понеже хотя по прежнему моему покорному доношенію довольно явно видѣть можно о поступкахъ жены моей, и что съ таковою мнѣ брачное житіе продолжать невозможно, нынѣ же, въ пополненіе того повторительно покорнымъ моимъ прошеніемъ прихожу, дабы святѣйшій правительствующій синодъ изволили какъ о прежнихъ ея поступкахъ, такъ и о нижеслѣдующихъ, въ милостивую рефлекцію принять, можетъ ли она впредь женою мнѣ быть и моему

связанному съ нею житію продолжаться, наипаче, что не могу я себѣ никакой вины въ томъ приписать, ибо въ небытность мою, какъ я былъ при цезарскомъ дворѣ, оная начала пакости свои чинить, по пребытіи же моемъ въ домъ, хотя всякими увѣщаніи и уступками тщился оную какимъ нибудь образомъ поправить, но грѣхъ моихъ ради не токмо поправки не воспослѣдовало, но часъ отъ часу такъ прибавляться стало, что паче скотскаго поступку чинила, о чемъ уже не токмо обычайными допросы доказано, и подъ смертію всѣ свидѣтели доказали. Сверхъ всего сего, по вторичномъ моемъ отлученіи по именному его императорскаго величества указу, возвратясь, принужденъ я, къ глубочайшему моему оскорбленію, слышать, что жена моя, сказавъ за собою государево слово, взята въ Преображенское на дворецъ, и хотя я усильно о томъ требовалъ, чтобы ее спросить, какое она за собою слово знаетъ, но вмѣсто объявленія за собою какого слова, во дворцѣ будучи, равные же пакости чинила людямъ, въ избѣ на нихъ ѣздила, и иныя мерзости чинила. Потомъ взялъ я ее паки къ себѣ въ домъ и, не хотя еще достойнымъ образомъ съ нею поступить, далъ ей волю во всякомъ довольствѣ въ домѣ жить и ѣздить и гулять по ея собственной волѣ, но она не токмо чтобы въ домѣ чинно жить, одну нощь токмо въ домѣ ночевала. Сего ради съ покорностію предаю въ высокое разсужденіе, правильное-ли имѣю требованіе отъ такова человѣка свободы, и ежели за достойное принято быть можетъ, покорно прошу милостиваго разрѣшенія".

Св. синодъ, по разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла, рѣшилъ его на основаніи точнаго смысла дѣйствующихъ церковно-гражданскихъ постановленій. Считая, съ одной стороны, всѣ обвиненія, изложенныя въ прошеніи Ягужинскаго, несомнѣнно доказанными какъ свидѣтельскими показаніями домоваго священника Ягужинскихъ, спрошеннаго по священству, а дьячка и пятнадцати человѣкъ дворовыхъ—подъ присягой [1]), такъ и сознаніемъ самой Ягужинской; принимая, съ

[1]) Священникъ Θедоръ Антоновъ и дьячокъ Михаилъ Львовъ показали, что «однажды Анна Θедоровна придя въ церковь во время Богослуженія, когда дьячекъ апостолъ читалъ, его, дьячка, толкнула и руки ломала и за волосы драла и въ тѣхъ дракахъ паникадило серебряное сбросила, которое отъ того помялось, а крестъ съ мощами что въ иконостасѣ, съ налоя на землю бросила».

Одинъ изъ слугъ Ягужинскаго показалъ, что 28-го іюля во время всенощнаго пѣнія Анна Θедоровна въ сѣняхъ дѣлала нечисто и при всѣхъ и сама производила всякое непотребство... «мамзель Ягужинской, иноземка Марія Петрова дочь Петровская, сказывала, подъ лишеніемъ живота своего, что 12-го августа Анна Θедоровна пришедъ къ ней въ горницу (себя обнажила и дѣлала всякое непотребство) говоря, что-де слаще ей сахара, а когда иноземка тѣ непотребства ей воспрещала, то она ее кусала и бранила скверною бранью. Другіе слу-

другой стороны, во вниманіе, что всѣ засвидѣтельствованныя означенными лицами обстоятельства по дѣйствующимъ церковно-гражданскимъ постановленіямъ вполнѣ достаточны для признанія Ягужинской виновною и для постановленія приговора о разводѣ супруговъ Ягужинскихъ въ пользу просителя, св. синодъ, 21-го августа 1723 года, опредѣлилъ: „да будетъ съ нынѣшняго времени она отъ мужа своего отлучена, и да пребываетъ она, яко святыми правилами заключено, безбрачна. А рожденнымъ отъ нихъ дѣтямъ быть при ономъ отцѣ ихъ, яко при невинномъ лицѣ, и о томъ мужу ея сей его императорскаго величества указъ и синодальный приговоръ объявить, также и той женѣ о отлученіи ея отъ мужа сказать съ запискою, а о прочихъ ея продерзостяхъ, за которыя она подлежитъ наказанію, доложить особливо“.

Сентября 17-го обрѣтающійся при дворѣ ея величества отъ гвардіи поручикъ Чевкинъ [1]) объявилъ въ св. синодѣ словесно именной ея величества указъ, чтобы бывшую жену генералъ-прокурора Ягужинскаго опредѣлить на жительство въ Успенскій дѣвичь монастырь, что въ Александровѣ слободѣ. Съ своей стороны, Ягужинскій, 18-го сентября, вошелъ въ св. синодъ доношеніемъ, въ которомъ писалъ: „вчерашняго числа просилъ я у всемилостивѣйшей государыни императрицы о позволеніи отсылки жены моей въ Александрову слободу въ монастырь, на которое мое прошеніе ея величество всемилостивѣйше соизволила и чрез г. Чевкина въ св. синодъ резолюцію свою объя-

---

жители показали о томъ, что она стекла у нихъ въ домахъ била, что ходитъ по двору простоволоса и валяется по землѣ или сорокою скачетъ; что образъ Сергія Чудотворца сорвала со стѣны и бросила, что дѣлаетъ все нечистое при людяхъ, не отходя на сторону и (обножа) себя около зеркала смотритъ, худа ли или нѣтъ. Въ послѣдствіи, въ дополненіе къ своему показанію, священникъ заявилъ, что въ церьковь она, Анна, приходитъ съ непокрытою головою и распустя волосы, а когда и покрыта голова, но безъ убранія волосовъ, а иногда не имѣя на себѣ верхняго одѣянія въ одной рубашкѣ, а грудь вся обнажена, и на плечахъ безъ верхняго по поясѣ одѣянія, и приходя не такъ какъ христіанину подобаетъ стоитъ, со всякимъ говѣніемъ слушая пѣніе, но съ превеликимъ вытьемъ, и онъ, священникъ, никогда видѣть не могъ, чтобы она когда лицо свое перекрестила, но такъ все приходитъ просто и по церкви токмо ходитъ, а на единомъ мѣстѣ никогда не стаивала.»

[1]) Иванъ Наумовичъ Чевкинъ, въ 1751 г. подполковникъ, дѣдъ генералъ-адъютанта Константина Владиміровича Чевкина. См. «Русскую Родословную книгу» изд. ред. «Русской Старины». Спб. 1876 г. томъ II, стр. 211—215. Изъ этого распоряженія, переданнаго синоду Чевкинымъ, равно какъ и изъ всего послѣдующаго видно, что увѣреніе Бантышъ-Каменскаго о томъ, будто Ягужинская «скончалась въ Москвѣ, въ одномъ дѣвичьемъ монастырѣ», (Словарь, ч. III, стр. 569), не имѣетъ основанія.

вить повелѣла. А дабы для содержанія жены моей въ пищѣ и прочемъ довольствѣ въ монастырѣ монахинямъ лишняго отягощенія не было, то обязуюсь симъ оную своимъ иждивеньемъ содержать во всякомъ довольствіи, яко же и должность моя то есть, а не иного, и тако всепокорно прошу св. синодъ, да повелитъ въ семъ дѣлѣ моемъ милостивое и скорое окончанье учинить".

Св. синодъ того же числа привелъ въ исполненіе высочайшее повелѣніе, сдѣлавъ по смыслу его свое постановленіе. Но 24-го сентября Ѳеодосій, архіепископъ Новгородскій и архимандритъ Александроневскій, словесно объявилъ въ св. синодѣ именной ея цесаревина величества указъ, что 23-го числа сего сентября „ея величество всепресвѣтлѣйшая великая государыня Всероссійская, императрица Екатерина Алексѣевна, будучи въ своемъ ея величества домѣ, указала: отлученную генералъ-прокурора Ягужинскаго жену, за извѣстныя ея продерзости, послать въ которой пристойной крѣпкожительной монастырь, кромѣ Александро-слободскаго, а въ тотъ Александрослободской монастырь посылать ее не повелѣла". Св. синодъ избралъ для жительства Ягужинской Ѳедоровскій монастырь, что въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ, съ тѣмъ, чтобы въ томъ „монастырѣ быть ей до скончанія жизни ея неисходно, и жить не продерзостно и не безчинно, но смиренно и воздержно, въ обычномъ начальствующей персонѣ послушаніи". Вмѣстѣ съ тѣмъ св. синодъ подтвердилъ и обязательство данное Ягужинскимъ: пропитаньемъ и прочими потребностями довольствовать ее и особливый при ней присмотръ опредѣлить ему, Ягужинскому. Въ этомъ постановленіи, въ числѣ мотивовъ къ нему, приводится еще одна вина Ягужинской, о которой не было упомянуто выше: кромѣ провинностей противъ мужа, Ягужинская явилася виновною „во учиненіи церковнаго мятежа и въ нанесеніи церковнику озлобленія, и въ метаніи креста съ мощми и иконы", что̀, какъ она извинялась, она „учинила въ меленколіи и безпамятствѣ".

24-го октября Ягужинская выѣхала изъ Москвы къ мѣсту своего назначенія, а 11-го ноября въ св. синодѣ было получено уже доношеніе о прибытіи ея въ Ѳедоровскій монастырь.

Между тѣмъ Ягужинскій, получивъ изъ св. синода, 24-го сентября, извѣстіе о ссылкѣ его жены, обратился въ св. синодъ съ новымъ прошеніемъ. „Понеже по правильнымъ моимъ покорнымъ прошеніямъ и по ясному по онымъ освидѣтельствованію жены моей законныхъ винъ и моей противъ того сущей невинности, указъ его императорскаго величества въ св. синодѣ о разлученіи съ нею, женою моею, мнѣ сказанъ и тою высокою резолюціею нынѣ я уже отъ нея свободенъ учиненъ, но притомъ о позволеніи къ другому браку мнѣ рѣ-

шенія не учинено, того ради покорно прошу, да соизволитъ св. синодъ о позволеніи ко второму браку милостивую резолюцію мнѣ дать". 25-го сентября св. синодъ по этому прошенію приговорилъ: „Ему, г. Ягужинскому, второбрачное сочетаніе по объявленнымъ въ выпискѣ (сдѣланной по этому случаю изъ законовъ) правильному разсужденію и по царскимъ законамъ дозволить, и о томъ ему обычайный дать изъ св. синода указъ".

Но этимъ дѣло не кончилось. Мая 25-го 1724 года, Ягужинскій подалъ въ св. синодъ новое прошеніе, въ которомъ изъяснялъ, что онъ женился, по данному ему разрѣшенію (на Головкиной, дочери вице-канцлера), вторымъ бракомъ, но что бывшая его жена, заключенная въ монастырь, Анна Ѳедорова, порицаетъ его, будто она невинно послана въ монастырь. Поэтому онъ рѣшился представить, чего прежде не хотѣлъ дѣлать, нѣсколько писемъ, одно къ ней, Аннѣ Ѳедоровой, отъ неизвѣстнаго человѣка, другое ея къ этому неизвѣстному, обличающія его бывшую жену въ прелюбодѣйной связи. Письмо отъ женскаго лица сличено было съ почеркомъ руки Ягужинской и оказалось писаннымъ несомнѣнно ею. Въ письмахъ выражается взаимное чувство страстной и нѣжной привязанности. Заслуживаетъ вниманія, что изложеніе въ письмахъ мужскаго лица доказываетъ крайне плохое знаніе не только грамматики, но и русскаго языка: „хотя ви я три дне твоихъ писемъ читалъ, то ви мнѣ не скушна билъ на свѣтъ", или: „магу тебѣ правду и вѣрну Божица, что я сколку на свѣтъ жилъ, и сколку я луди видалъ, никто мне такъ милъ не былъ, какъ ты мая сердце дорогая"..., или: „я теперъ ктебе посылаю на почту ножи да вилки надеюсъ что поштмейстеръ квамъ еихъ пошлутъ пожелуй сердце мая не сердица, што я тебе бездѣлни ножи пасилаю, ти претивъ хето зволишь хоть капеку мне единово пришлать".... Подъ однимъ изъ этихъ писемъ подпись—„Іванъ", подъ другимъ — „Леворьхенъ", подъ остальными лишь начальныя буквы имени и фамиліи. Въ дальнѣйшемъ производствѣ дѣла неизвѣстный корреспондентъ Ягужинской прямо называется — „Левольдъ" (Левенвольдъ [1]).

Выслушавъ докладъ о семъ, св. синодъ постановилъ: отправить всѣ эти письма „съ вѣроятнымъ канцеляристомъ" при указѣ въ Переславль-Залѣсскій, къ Даниловскому архимандриту, съ тѣмъ, чтобы означенный архимандритъ въ тамошнемъ Ѳедоровскомъ монастырѣ, „собравъ всѣхъ того монастыря монахинь и служителей монастыр-

---

[1]) Гергардъ-Іоганнъ Левенвольде, род. 5-го окт. 1699 г. См. «Русскую Родословную книгу» изд. 1876, томъ II, стр. 60.

скихъ и церковныхъ на соборъ, сказать ей на томъ соборѣ во всеуслышаніе всѣмъ, что порицаетъ она, Анна, судъ святѣйшаго синода и того генералъ-прокурора напрасно, что заявленіе будто она безвинно и за одну болѣзнь въ тотъ монастырь на неисходное до смерти житье сослана—чинитъ продерзостно, не представляя важныхъ своихъ винъ, за которыя, по правиламъ св. отецъ, и жесточае того съ нею поступить надлежало; что ея прелюбодѣйная жизнь и прежде доставленія писемъ ея мужемъ была извѣстна и если не была объявлена, то единственно по желанію ея мужа. А такъ какъ теперь она рѣшеньемъ св. синода явилась недовольна, то и опредѣлено собственноручное ея письмо къ Левольду и его къ ней, содержащія въ себѣ блудническія рѣчи, прочесть при ней на всемъ соборѣ вслухъ, дабы и она знала, что тотъ ея порокъ всѣмъ вѣдомъ, и монастырь бы оный весь вѣдалъ, что она—порочная жена и не безъ вины правильно отъ мужа отлучена. Также и всѣмъ, въ томъ монастырѣ живущимъ, подтвердить, чтобы они, вѣдучи объ ономъ ея порокѣ, не дерзали ни коимъ образомъ ни въ чемъ ей помогать.... И учинить въ томъ монастырѣ заказъ, дабы ежели кто къ ней будутъ для какихъ отчаянныхъ ея и подозрительныхъ писемъ приходить, тѣхъ монастыремъ ловили-бъ и отдавали подъ караулъ въ томъ городѣ духовному суду. Письма же, прочитавъ, съ тѣмъ канцеляристомъ возвратить въ св. синодъ немедленно и содержать при прежнемъ ея вершенномъ дѣлѣ".

Не смотря, впрочемъ, на столь строгія мѣры, предпринятыя противъ Ягужинской, и самый строгій за нею надзоръ, она дважды убѣгала изъ монастыря, но каждый разъ была поймана и возвращаема въ монастырь. Получивъ объ этомъ свѣдѣніе, св. синодъ нашелъ, что „впредь содержаніе ея въ томъ монастырѣ ненадежно" и рѣшилъ перевести ее въ другой монастырь, подалѣе. 7-го апрѣля 1725 года св. синодъ согласно приговорили: „ради объявленныхъ ея, Анны, изъ Переяславскаго дѣвича монастыря двукратныхъ побѣговъ, изъ чего видно, что у ней, Анны, обрѣтаются въ томъ монастырѣ нѣкоторые къ тому помощники, взявъ ее оттолѣ, послать въ обрѣтающійся въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ, близь Кириллова Бѣлозерскаго монастыря, дѣвичь монастырь, зовомый „въ горахъ", что на Шекснѣ рѣкѣ, въ которомъ велѣть содержать ее по силѣ прежняго опредѣленія неисходно, а пищу ей, Аннѣ, и одежду и прочая потребная давать, также и служительницу къ ней и служителей собственныхъ опредѣлить ему, генералъ-прокурору, отъ себя, которымъ служителямъ и караулъ при ней для объявленныхъ ея побѣговъ содержать накрѣпко, дабы тому монастырю никакого отъ того отягощенія не наносилось".

Въ заключеніе разсказа позволимъ себѣ напомнить читателю взглядъ на бракоразводное дѣло Ягужинскихъ извѣстнаго автора сочиненія „О поврежденіи нравовъ въ Россіи“, князя Щербатова. Почтенный историкъ обвиняетъ Ягужинскаго, усматривая въ его разводѣ съ женой не больше, какъ подражаніе примѣру императора Петра I, съ тѣмъ различіемъ, что Ягужинскій для своего поступка вовсе не имѣлъ тѣхъ основаній, какія руководили Петромъ. „Постригши первую жену свою и женившись на другой, имѣлъ ли Ягужинскій государственныя причины стараться сохранить себѣ потомство, въ нарушеніе божественныхъ законовъ?“—спрашиваетъ историкъ. Конечно, не имѣлъ, отвѣтимъ мы, но могли быть, и дѣйствительно были, другія вполнѣ основательныя и самыя законныя причины для развода, какъ читатель видѣлъ изъ предшествующаго изложенія, изъ котораго онъ усмотритъ и дѣйствительную причину неодобренія поступку Ягужинскаго со стороны Щербатова: почтенный историкъ былъ родичъ той княгини Щербатовой, которая въ дѣлѣ называется такой же безпутною, какъ и Ягужинская. Inde irae!

Н. И. Барсовъ.

Замѣтки по поводу изданія: «Памятники старинной русской рѣзьбы по дереву во Владимірской губерніи. Рисовалъ и издалъ И. Голышевъ. Слобода Мстера, Владимірской губ. 1876».

Дуга и пряничный конекъ.

(Съ таблицей рисунковъ).

Авторъ книги, которой заглавіе выписано выше, г. Голышевъ, принадлежитъ къ числу наиболѣе почтенныхъ провинціальныхъ нашихъ дѣятелей. Уже болѣе 15-ти лѣтъ тому назадъ началъ онъ издавать книги, очень важныя для изученія того интереснаго уголка Россіи, гдѣ онъ родился и живетъ, и которыя дѣлаютъ ему тѣмъ болѣе чести, что онъ происходитъ изъ крестьянскаго сословія. Г. Иванъ Голышевъ — уроженецъ слободы Мстеры, Владимірской губерніи, и онъ не удовольствовался тѣмъ, что старался изучить въ очень разнообразныхъ отношеніяхъ свой край, но еще самъ выполняетъ рисунки для своихъ изданій, сначала на бумагѣ съ натуры, а потомъ на камнѣ въ литографіи, заведенной въ слободѣ Мстерѣ его отцомъ, крестьяниномъ же, Александромъ Кузьмичемъ Голышевымъ; сверхъ того, въ началѣ 1862 года онъ основалъ въ Мстерѣ безплатную воскресную рисовальную школу и библіотеку для чтенія, для крестьянъ. Объ успѣшномъ ходѣ обоихъ этихъ учрежденій можно найти любопытныя свѣдѣнія во «Владимірскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ» разныхъ годовъ. Въ 1865 году онъ же основалъ, при рисовальной своей школѣ, музей иконописи, составленный изъ образчиковъ такъ называемой «суздальской живописи», т. е. той живописи, которая составляетъ главное занятіе жителей Мстеры, Холуя и Палеха, и распространяется офенями-ходебщиками по всѣмъ краямъ Россіи, въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Въ небольшой книгѣ своей: «Богоявленская слобода Мстера», изданной въ 1856 г., г. Голышевъ собралъ очень много любопытныхъ матеріаловъ для исторіи, древности, статистики и этнографіи этой оригинальной слободы, и особенно пространно изслѣдовалъ, до мельчайшихъ подробностей, вопросъ объ иконописаніи въ Мстерѣ, въ историческомъ и техническомъ

отношении. Другія изданія г. Голышева, заслуживающія, какъ и это, всякаго уваженія: «Серапіонова пустынь, Владимірской губерніи, Вязниковскаго уѣзда» (1869), «Древности Богоявленской церкви въ слободѣ Мстерѣ» (1870), «Миѳическія изображенія 12-ти лихорадокъ» (безъ года), «Изображеніе иконъ св. Флора, Лавра, Модеста и Власія, и значеніе этихъ образовъ въ народѣ» (безъ года), «Борковская Николаевская пустынь, основанная по завѣщанію князя Димитрія Михаиловича Пожарскаго» (1871), наконецъ: «Лубочныя старинныя народныя картинки: происхожденіе, гравированіе и распространеніе ихъ» (1870), «Атласъ рисунковъ съ старинныхъ пряничныхъ досокъ Вязниковскаго уѣзда, Владимірской губерніи» (1874) и то сочиненіе, которое служитъ поводомъ къ настоящимъ замѣткамъ; сверхъ того, въ разное время, не мало мелкихъ статей помѣщено имъ во «Владимірскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ».

Послѣднія три сочиненія имѣютъ наибольшій интересъ и значеніе, потому что авторъ не только воспользовался очень удовлетворительно наличнымъ матеріаломъ, представляемымъ нашею печатью, но также изложилъ результаты собственныхъ изысканій по подлиннымъ стариннымъ документамъ и мѣстнымъ свѣдѣніямъ, а главное—по имѣющимся у него подъ руками памятникамъ стариннаго русскаго искусства и производительности. Такъ, напримѣръ, въ «Лубочныхъ картинкахъ» онъ сообщилъ описаніе нѣсколькихъ рѣдкихъ народныхъ картинокъ, принадлежащихъ ему, и сверхъ того приложилъ къ книгѣ оттиски съ трехъ старинныхъ гравированныхъ досокъ; въ «Атласѣ рисунковъ съ старинныхъ пряничныхъ досокъ» (книги теперь очень рѣдкой, потому что она была отпечатана въ количествѣ всего 50-ти экземпляровъ), онъ представилъ, на 20-ти большихъ листахъ, оттиски съ чрезвычайно любопытныхъ деревянныхъ досокъ, вырѣзанныхъ для печатанія народныхъ пряниковъ—нѣкоторыя изъ этихъ досокъ съ годомъ, и относятся къ серединѣ прошлаго столѣтія, по сочиненію же и формамъ рисунка прямо принадлежатъ XVII вѣку (т. е. имѣютъ одинакое историческое значеніе съ извѣстными «Бабой-Ягой», «Мыши кота погребаютъ», «Книгой Бытія» и «Апокалипсисомъ» Кореня, и прочими старѣйшими русскими гравюрами на деревѣ Императорской публичной библіотеки и другихъ коллекцій); наконецъ, въ послѣднемъ своемъ изданіи «Памятники старинной русской рѣзьбы по дереву» г. Голышевъ представилъ, на 19-ти большихъ листахъ, образцы множества любопытнѣйшихъ предметовъ древняго русскаго быта: мы видимъ тутъ старинные рѣзные и раскрашенные деревянные подсвѣчники, аналои, столы, стулья, коньки и рѣзныя полотенца крестьянскихъ крышъ, ставни, шкафы, прядильные гребни, наконецъ, сани и дуги.

Извѣстно, что предметы прежняго русскаго быта, съ оригинальными, своеобразными ихъ формами, въ послѣднее время стали исчезать: старинный костюмъ, женскіе головные уборы, шитыя узорами рубашки, простыни, наво-

локи, пологи, полотенца—все это мало по малу выходитъ изъ употребленія, и что̀ дальше, то быстрѣе; объ этомъ уже не разъ было говорено у насъ въ печати. Въ небольшомъ введеніи къ послѣднему своему изданію, г. Голышевъ замѣчаетъ то же самое и относительно деревянныхъ издѣлій, преимущественно во Владимірской губерніи: «Рѣзьба минувшаго времени,—говоритъ онъ,—постоянно уничтожается, причина тому: то пожары, то равнодушіе къ отечественнымъ памятникамъ, и, по большей части, невѣжественное съ ними обращеніе, во имя того, что рѣзьба никуда не годна, металлическаго вѣса въ ней нѣтъ,—новыя же рѣзныя украшенія въ селеніяхъ и деревняхъ далеки отъ прежнихъ: въ нихъ не видно рисунковъ и фантазіи, составлявшихъ народную гордость». То же самое пришлось бы, конечно, сказать и о предметахъ металлическаго, эмальнаго, гончарнаго, стеклянного, кожанаго и иного производства. Кажется, лѣтъ черезъ 30—50 отъ нихъ не останется и слѣда, и будущіе изслѣдователи національныхъ бытовыхъ и художественныхъ формъ нашихъ сильно рискуютъ, вмѣстѣ съ современными имъ поколѣніями, почти ровно ничего не знать о разнообразныхъ предметахъ прежней русской жизни. Поэтому мы тѣмъ болѣе должны цѣнить трудъ и энергію такихъ почтенныхъ дѣятелей, какъ г. Голышевъ, которые не теряютъ свое время въ праздности или пустотѣ провинціи, а посвящаютъ его собиранію и изданію интересныхъ образцовъ старинной нашей бытовой обстановки. Судя по разнообразію изданій г. Голышева, можно ожидать отъ него впереди еще нѣсколько изданій столько же интересныхъ и полезныхъ, какъ прежнія, только обращенныхъ къ другимъ отраслямъ старой русской производительности. Поэтому должно пожелать ему успѣха. Но при этомъ ему необходимо обратить вниманіе вотъ на что̀: рисунки его должны исполняться нѣсколько болѣе умѣлою и художественною рукою. Въ настоящее время они обличаютъ очень не великое умѣнье рисовальщика, бросающееся въ глаза незнаніе пріемовъ перспективы и тушеванія, и часто въ самыхъ контурахъ такую неудовлетворительность, что трудно положиться на лежащій передъ глазами рисунокъ. А между тѣмъ, такъ хотѣлось бы получить настоящее понятіе о всѣхъ этихъ звѣряхъ, птицахъ, растеніяхъ, плодахъ и орнаментахъ, наконецъ, сиренахъ и другихъ миѳологическихъ фигурахъ, какими наполнена рѣзьба на фасадахъ крестьянскихъ избъ, на русскихъ саняхъ, дугахъ, лодкахъ, скамьяхъ, солонкахъ и проч. При неумѣлости рисовальщика, при полной почти невѣрности очертаній, нѣтъ средства судить ни о времени, ни о стилѣ, ни о содержаніи предметовъ. Пусть г. Голышевъ и тѣ собиратели, которые будутъ подобно ему заниматься почтеннымъ дѣломъ изданія русскихъ національныхъ памятниковъ, пусть они взглянутъ, ка̀къ подобныя изданія дѣлаются заграничными любителями отечественной древности, ка̀къ они ничего не прикрашиваютъ,

ничего не прибавляють и не измѣняють, но также ничего не убавляють и не искажають. Вѣрность до послѣдней ниточки—первое качество издателя.

А покуда мы дождемся изданій, гдѣ умѣнье и надежность рисунковъ будутъ равняться одушевленію и энергіи ихъ собирателей, мнѣ хочется сказать здѣсь нѣсколько словъ о двухъ предметахъ старинняго русскаго быта, до сихъ поръ еще не вышедшихъ изъ народнаго употребленія и имѣющихъ важное историческое значеніе. Это — дуга и пряничный конекъ. Какъ я упоминалъ выше, г. Голышевъ издалъ уже нѣсколько рисунковъ съ дугъ и пряниковъ. Но у него, случайно или по недостатку выбора, по нѣкоторой бѣдности уцѣлѣвшаго во Владимірской губерніи матеріала этого рода, или по другимъ какимъ нибудь причинамъ, не встрѣчаются самыя старинныя формы какъ тѣхъ, такъ и другихъ. А именно самая большая важность и заключается здѣсь въ старѣйшихъ формахъ. Я приведу здѣсь нѣсколько рисунковъ съ болѣе древнихъ образцовъ и попробую описать и объяснить происхожденіе ихъ оригиналовъ: быть можетъ, моя первая попытка вызоветъ, со стороны собирателей и знатоковъ разныхъ нашихъ мѣстностей, нѣсколько новыхъ соображеній, или, по крайней мѣрѣ, побудитъ иныхъ изъ ихъ числа къ опубликованію имѣющихся у нихъ матеріаловъ и рисунковъ.

Подобные бытовые предметы часто могутъ служить къ опредѣленію древнѣйшихъ сношеній и связей народовъ и къ установленію истинныхъ понятій о зависимости однихъ племенъ отъ другихъ, въ отношеніи разныхъ формъ жизни.

I. Дуга.

Дуга извѣстна каждому въ Россіи, отъ мала и до велика, у всѣхъ она постоянно передъ глазами въ продолженіе всей жизни, однако наврядъ-ли нашелся бы у насъ такой человѣкъ, который въ состояніи былъ бы отвѣтить на вопросы: Откуда у насъ взялась дуга? Собственно ли русскаго она происхожденія, или иноземнаго? Имѣютъ ли какое либо значеніе орнаменты, покрывающіе ее, и если имѣютъ, то какое именно? А главное—давно ли эта дуга въ употребленіи у русскаго народа? По крайней мѣрѣ я, на свою долю, нигдѣ и ни у кого не нашелъ отвѣта на эти вопросы, въ печати нѣтъ объ этомъ предметѣ ни одного слова, и мнѣ поэтому пришлось доискиваться объясненія самому.

Дуга существуетъ у очень немногихъ народностей: у великоруссовъ, литовцевъ, латышей и финновъ (западныхъ и восточныхъ), значитъ—единственно только въ предѣлахъ Русской имперіи, а потому ничего нѣтъ удивительнаго, если всѣ издавна привыкли считать дугу созданіемъ чисто-русскимъ, продуктомъ славянскаго племени, существовавшимъ у насъ издревле, и только въ послѣдствіи заимствованнымъ у насъ нѣкоторыми сосѣдями. Но

у этого мнѣнія нѣтъ ровно никакой прочной основы — оно держится, какъ многія другія мнѣнія, чисто на воздухѣ. Мудрено признать дугу специальною принадлежностью славянскаго племени, когда ея нѣтъ и никогда не существовало не только у прочихъ славянскихъ народностей (болгаръ, сербовъ, чеховъ, поляковъ, русиновъ и т. д.), но и у малоруссовъ, такъ давно съ нами связанныхъ исторіею и географіею. Сверхъ того, ни въ одномъ изъ древнихъ литературныхъ нашихъ памятниковъ (лѣтописяхъ, сказаніяхъ, повѣстяхъ, житіяхъ, пѣсняхъ, сказкахъ, легендахъ и т. д.) нигдѣ нѣтъ ни малѣйшаго помина о дугѣ. Старѣйшія русскія иллюстраціи рукописей также ни разу не представляютъ намъ дуги въ тѣхъ картинахъ своихъ, гдѣ изображено много всяческихъ подробностей древне-русской бытовой жизни и въ томъ числѣ лѣтнихъ и зимнихъ повозокъ. Таковы: «Житіе Бориса и Глѣба», «Манасіина лѣтопись» (въ спискахъ XIV вѣка), Радзивиловскій списокъ лѣтописи Нестора въ спискѣ XV вѣка), и другіе.

Въ литовскихъ и латышскихъ пѣсняхъ можно найти безчисленное множество бытовыхъ подробностей всякаго рода: такъ, напримѣръ, что касается коня и его убранства, здѣсь очень часто идетъ рѣчь о цвѣтномъ сѣдлѣ, золотой подпругѣ и стремени, серебряной и звѣздчатой попонѣ, шелковыхъ кистяхъ до земли, золотыхъ, серебряныхъ и шелковыхъ возжахъ, уздѣ съ бубенчиками и проч. [1]), — даже болѣе того, здѣсь нерѣдко говорится о саняхъ, телѣгахъ и возахъ [2]), и всетаки нѣтъ помина о дугѣ. Едва-ли не единственное, или, по крайней мѣрѣ, чрезвычайно рѣдкое исключеніе составляетъ одна латышская (свадебная) пѣснь, гдѣ говорится о «золотой и серебряной дугѣ» [3]), но эта пѣснь кажется намъ довольно новою, и притомъ же составляетъ исключеніе, слишкомъ поразительное въ ряду нѣсколькихъ тысячъ пѣсень, просмотрѣнныхъ мною.

Все это доказываетъ, мнѣ кажется, неоспоримымъ образомъ, что употребленіе дуги у великоруссовъ, литовцевъ и латышей — не самостоятельное и не древнее, и что дуга заимствована ими у какой нибудь другой національности.

---

[1]) Литовскія народныя пѣсни, собранныя и изданныя Вс. Миллеромъ и Фортунатовымъ. М. 1873, стран. 43, 109, 185, 189; 43; 189, 191; Латышскія народныя пѣсни, собралъ и перевелъ Ѳ. Трейляндъ, въ Сборн. антропол. и этнограф. статей о Россіи, Дашкова. М. 1873. Книга II-я, стран. 28, 34, 72, 151, 153; Памятники латышскаго народнаго творчества, собр. Спрогисъ. Вильна, 1868, стран. 59, 113, 117—119, 121, 125, 153, 261.

[2]) Вс. Миллеръ и Фортунатовъ, стр. 179; Трейляндъ, стр. 27, 38, 74, 86, 111, 139, 141, 153, 156, 177, 217 (сани зеленыя мѣдныя, пестрыя, узорчатыя, свадебныя); Спрогисъ, стр. 105, 113, 117, 123, 125, 152, 189, 204, 211, 301.

[3]) Трейляндъ, стр. 38: «Братецъ запрягаетъ, молодецъ запрягаетъ, оба запрягаютъ коней въ сани; братецъ запрягаетъ съ золотою дугой, молодецъ съ серебряной. Отъ радости я не знала, въ какія сани сѣсть, въ какія не садиться»....

Какая-же это національность?

По моему мнѣнію—національность финнская. Есть много предметовъ, считающихся у насъ до того коренными русскими, до того явно принадлежащими намъ по происхожденію, что объ этомъ не можетъ быть и спора. Однакоже на дѣлѣ часто оказывается совершенно другое, такъ что приходится оставлять въ сторонѣ много произвольныхъ фантазій и предубѣжденій. Стоитъ только вспомнить отношенія Руси, во время первыхъ столѣтій ея исторіи, къ разнымъ иноплеменнымъ, всего чаще азіятскимъ народамъ, стоитъ подумать о томъ громадномъ вліяніи, какое эти народы имѣли вообще на бытъ, языкъ, вѣрованія, нравы, народную поэзію и даже физическій складъ великорусскаго племени, чтобы уже a-priori быть готовымъ къ очень частой встрѣчѣ иноплеменныхъ элементовъ подъ наружной оболочкой чего-то русскаго. И дѣйствительно, при провѣркѣ этнографическихъ фактовъ, при сличеніи того, что у насъ существуетъ, съ существующимъ у нынѣшнихъ или прежнихъ нашихъ сосѣдей, оказываются громадныя массы заимствованій. Нашъ сарафанъ оказывается происхожденія персидскаго; женская кика—финнскаго; наша баня, гдѣ парятся вѣниками, и большинство нашихъ узоровъ на вышитыхъ полотенцахъ и рубашкахъ—также финнскаго; нашъ кафтанъ, армякъ, рубашка съ косымъ воротомъ—татарско-монгольскаго. Подобныхъ примѣровъ, крупныхъ и мелкихъ, безчисленное множество. Надобно, однакоже, замѣтить, что всѣ подобные предметы, отъ долгаго употребленія, впродолженіе столѣтій, до того получили у насъ право гражданства, до того вошли во всѣ привычки русской жизни и быта, что въ представленіи у всѣхъ очень основательно считаются коренными русскими, наравнѣ съ тѣми, которые дѣйствительно коренные русскіе. Дуга—одинъ изъ подобныхъ предметовъ. Какъ множество другихъ вещей, она заимствована—отъ финновъ, у которыхъ она постоянно и вездѣ встрѣчается, столько же у западныхъ, сколько и у восточныхъ племенъ. Что касается послѣднихъ, то во многихъ этнографическихъ описаніяхъ мы находимъ разсказы о той дикости и уединенности, въ которой живутъ иныя изъ этихъ племенъ. Такъ, напримѣръ, про вятскихъ вотяковъ намъ говорятъ, что они «живутъ совершенно отдѣльно, не сближаясь ни съ русскими, ни съ татарами, ни съ чувашами, ни съ черемисами» [1]), и, не смотря на такую необщительность съ другими людьми, мы находимъ у вотяковъ и другихъ восточныхъ финновъ троечную упряжку и обычную ея принадлежность—дугу. Троечная упряжка до того составляетъ исключительную принадлежность финнскихъ и столь родственныхъ имъ угорскихъ народностей, что мы ее встрѣчаемъ и у венгерцевъ, только безъ дуги. Но восточные финны давно уже утратили прежнюю свою широкую и богатую жизнь, о которой свидѣтельствуютъ теперь однѣ только раскопки, а вмѣстѣ съ другими историческими памятниками они утратили также почти

[1]) Вятскія губернскія вѣдомости 1861 г., № 10, статья: «Вятскіе вотяки».

всѣ слѣды эпическихъ сказаній. Уцѣлѣвшія сказки [1]) не оригинальны и не древни, эпики почти вовсе не существуетъ: они прошедшаго своего не знаютъ, въ быту ихъ нѣтъ живой, преемственной связи потомковъ съ предками, они живутъ однимъ настоящимъ, немногочисленныя пѣсни ихъ прозаичны, безотрадны, имѣютъ сюжетомъ своимъ только бѣдность, семейныя несчастія, солдатчину [2]); то же самое мы встрѣчаемъ и въ пѣсняхъ мордовцевъ [3]) и т. д. Этнографическій матеріалъ можно найти здѣсь вообще съ трудомъ.

За то эпосъ существуетъ у западныхъ финновъ въ самомъ великолѣпномъ, въ самомъ совершенномъ разцвѣтѣ, и въ предисловіи къ своему собранію финнскихъ народныхъ пѣсень Альтманнъ приводитъ мнѣніе европейскихъ великихъ авторитетовъ, въ томъ числѣ Гримма, что финнскій народный эпосъ наврядъ-ли уступитъ какому-бы то ни было народному эпосу въ силѣ, красотѣ, разнообразіи и величіи [4]). И въ этомъ-то эпосѣ мы находимъ, среди безчисленныхъ оригинальнѣйшихъ подробностей великолѣпнаго, могучаго, чудесно разнообразнаго и многосложнаго быта древнихъ финновъ, множество упоминаній о дугѣ. Того мало, что въ «Калевалѣ» сани и упряжь описываются самымъ подробнымъ образомъ [5]), но еще и дуга встрѣчается на каждомъ почти шагу въ этой знаменитой древней поэмѣ, и часто описывается съ любопытными подробностями. Такъ, напримѣръ, разсказывается, какъ Юкагайненъ «сидѣлъ у воротъ своего дома и дѣлалъ узорныя вырѣзки на красивой дугѣ» [6]); какъ Вейнемейненъ до того шибко ѣхалъ, со своей богатырской поѣздки, домой, что «громко гремѣли сани и трещала сухая дуга» [7]); какъ слуга Ильмаринена запрягалъ сани и приладилъ дугу, на которой изображены были шесть кукующихъ кукушекъ [8]); какъ шесть щебечущихъ птицъ было представлено на дугѣ, про которую говоритъ лапландская волшебница Саріола [9]); какъ весело покрикивающіе рябчики были

---

[1]) Ahlquist, Versuch einer Mokscha-Mordwinischen Grammatik, 1861, приложеніе.

[2]) Вятскія губ. вѣдом., 1861, № 20, статья: «Черемисскія игрища».—Памятная книжка Вятской губерніи на 1860 г., стр. 161.

[3]) Вѣкъ, 1861, № 48, статья г. Шишкина: «Замѣтка о мордвахъ».

[4]) Altmann, Runen finnischer Volkspoesie. Gesammelt und übersetzt von D-r Julius Altmann. Leipzig, 1856.

[5]) Kalewala, ins deutsche übertragen von A. Schiefner, Helsingfors, 1852. Сани золотыя, желѣзныя, росписныя, красныя, стр. 11, 79, 100, 101, 103, 120, 225; мѣховое сидѣнье и полость, стр. 100; дышло росписное, стр. 151; узда золотая, стр. 28, 72.

[6]) IV-я руна, стран. 18.

[7]) X-я руна, стр. 47.

[8]) XVIII-я руна, стр. 100.

[9]) XXI-я руна, стр. 120.

изображены на дугѣ Ильмаринена[1]), и т. д. Мудрено было бы найти болѣе неоспоримыя доказательства древняго и постояннаго употребленія дуги у финнскаго племени, тогда какъ у русскаго, литовскаго и латышскаго она появилась въ періодъ гораздо болѣе поздній, конечно, уже какъ заимствованіе.

Самый ранній, неоспоримо достовѣрный памятникъ, гдѣ впервые до сихъ поръ мы видимъ дугу — это извѣстное путешествіе Герберштейна. Герберштейнъ былъ два раза въ Россіи, въ первой четверти XVI столѣтія, и въ числѣ приложеній къ его путешествію мы видимъ нѣсколько рисунковъ саней и упряжекъ съ дугой, очень вѣрно нарисованныхъ. Посмотрѣть на эти рисунки — точно будто видишь нынѣшнія чухонскія или русскія сани и дуги. При этомъ тотъ, кто правитъ, сидитъ верхомъ — тоже древне-финнская и древне-русская привычка: въ житіи св. Өеодосія, котораго старѣйшая изъ извѣстныхъ редакцій относится къ XII-му вѣку, говорится о томъ, какъ св. Өеодосій, будучи монахомъ, самъ управлялъ однажды возомъ, сидя верхомъ на конѣ, по общему обычаю[2]). По отсутствію изображеній дуги до XVI вѣка и по частому ихъ появленію въ русскихъ нашихъ иллюстраціяхъ рукописей начиная съ XVI вѣка, особенно подъ конецъ этого вѣка (см. «Житіе св. Сергія» Троицко-Сергіевской лавры, «Царственная книга» и т. д.), можно, кажется, безошибочно утверждать, что дуга введена въ нашемъ отечествѣ въ употребленіе, по крайней мѣрѣ всеобщее, не ранѣе конца XV-го и начала XVI-го вѣка.

Рисунки, украшающіе нашу дугу, довольно многочисленны и разнообразны; но большинство ихъ — поздняго происхожденія и представляетъ по большей части цвѣты и цвѣточки. Наистарѣйшія, замѣченныя мною до сихъ поръ формы — слѣдующія двѣ, представленныя здѣсь въ уменьшенномъ видѣ съ рисунковъ въ настоящую величину, снятыхъ, по моей просьбѣ, съ натуры, въ краскахъ, нашимъ извѣстнымъ археологомъ В. А. Прохоровымъ. Я подарилъ ихъ Художественно-промышленному музею Общества поощренія художниковъ.

Особенно отличается оригинальностью, характерностью и древностью дуга, представленная у насъ подъ № II. Главный основной мотивъ ея — дерево, безъ сомнѣнія, имѣющее религіозное значеніе, точно такъ же, какъ и всѣ деревья, изображенныя на нашихъ шитыхъ полотенцахъ, простыняхъ, наволочкахъ и рубахахъ, которыхъ такое значительное количество я издалъ при своемъ сочиненіи: «Русскій народный орнаментъ» (1872). Замѣчательно, что на всѣхъ старѣйшихъ узорахъ нашихъ, дерево представлено стоящимъ на треугольной пирамидальной основѣ[3]), и это же самое мы видимъ и на нашей дугѣ № II. Сверхъ того, надо обратить еще вниманіе и на то, что вообще дерево на нашей дугѣ всего болѣе имѣетъ сходства съ тѣмъ деревомъ, которое встрѣчается на рисункахъ XVI-го вѣка[4]). Вообще же говоря, всѣ эти деревья (какъ я старался доказать въ приведенномъ выше сочиненіи моемъ) имѣютъ, по моему мнѣнію, происхожденіе буддійское, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ сравненіе ихъ формъ съ приведенными на рис. № VI и очень распростра-

---

[1]) XXV-я руна, стр. 151.

[2]) Чтенія общ. исторіи и древ., 1858, книга III, стр. 14 обор. и 15.

[3]) Русскій народный орнаментъ, рисунки №№ 113, 116—118, 145, 149, 161 163, 165, 198, 201, 205, 212.

[4]) Тамъ же, № 113.

менными буддійскими эмблемами «священнаго дерева» [1]): здѣсь дерево, точно такъ же, какъ и у насъ [2]), въ большинствѣ случаевъ стоитъ на треугольной пирамидальной основѣ (олицетвореніи «ступы»), но разница только въ листьяхъ, такъ какъ у буддійцевъ всегда изображается священное дерево «ficus indica», а почти круглые безъ заостренія листья нашего дерева всего болѣе напоминаютъ столько же почти круглые листья болотнаго дерева—черной ольхи, очень распространеннаго и въ финскихъ, и русскихъ мѣстностяхъ. Впрочемъ, надо замѣтить, не будь тутъ на лицо древообразнаго ствола, можно было бы подумать, что на дугѣ изображенъ «трилиственникъ», миѳологическое отношеніе котораго къ солнцу извѣстно. Ромбъ на вершинѣ дерева, составленный изъ зеренъ съ ананасною гранью, напоминаетъ намъ подобные-же ромбы изъ зеренъ, принадлежащіе къ числу любимѣйшихъ мотивовъ древне-финской орнаментистики на кольцахъ, серьгахъ, брошкахъ, аграфахъ и т. д. [3]).

Другая дуга, представленная у насъ подъ № I, всего примѣчательнѣе по тому кругу, который на ней три раза повторяется: по концамъ и по срединѣ, на верху. Эта фигура имѣетъ такую-же древность, какъ «священное дерево» предыдущей дуги, и обозначаетъ—«солнце». Прототипы ея, въ формѣ, имѣющей много родственности съ нашею, встрѣчаются въ огромномъ количествѣ въ индійскихъ скульптурахъ и рисункахъ буддійскаго времени, въ видѣ большихъ дисковъ, наполненныхъ концентрическими кругами изъ лучей или небольшихъ листьевъ [4]). Какое именно, когда и какими путями происходило вліяніе буддизма на финскія племена—этого вопроса я не имѣю возможности разсматривать здѣсь.

II. Пряничный конекъ.

Каждый изъ насъ, конечно, тысячу разъ на своемъ вѣку видалъ пряничные коньки, столько распространенные въ нашемъ простомъ народѣ. Но кому приходило въ голову, что эта курьезная, узорчатая фигурка не ничтожна, не есть плодъ фантазіи бѣдныхъ, грубыхъ пекарей, которые и сами не знали, чтó такое они лѣпятъ изъ тѣста, а что она имѣетъ важность, и даже большую, потому что это одинъ изъ уцѣлѣвшихъ образчиковъ древне-русской языческой миѳологіи!

Представленный здѣсь подъ № III конекъ тщательно срисованъ съ оригинала, поразившаго меня уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, и купленнаго, безъ всякаго особаго выбора, съ мужицкаго лотка. Мнѣ съ перваго-же взгляда бросилось въ глаза сходство подробностей его съ памятниками глубокой древности, именно съ орнаментами коней на ассирійскихъ барельефахъ.

---

[1]) Journal of the Asiatic Society. London. 1841. Vol. VI, таблица: «Buddhist emblems» при статьѣ: «Notes on the religious, moral etc. state of India, by Colon. Sykes.

[2]) См. рисунокъ II-й.

[3]) Пермскій Сборникъ, Москва, 1859. Книга II, рисунки №№ 4—6, 9.—Меряне и ихъ бытъ, графа А. С. Уварова. Москва, 1872, рисунокъ XXXI, №№ 20, 33, 37, 40, 41.

[4]) Tree and serpent worship, by I. Fergusson. London. 1868, стр. 84, рисунки №№ 11, 12; стр. 168, рисунокъ № 19; таблицы: VIII, XLVIII—LV; буддійскія «Янтры», извѣстныя мнѣ по экземпляру профессора И. П. Минаева.

Посмотрите на грудь нашего конька: она вся наполнена орнаментомъ изъ зигзазовъ, въ которомъ мы не можемъ сначала дать себѣ отчета. Но полное имъ объясненіе мы получаемъ въ изображеніяхъ ассирійскихъ коней, напримѣръ, на стѣнахъ Хорсабадскаго дворца: беру на удачу одинъ изъ нихъ (представленный здѣсь подъ № IV [1]), и замѣчаю, что тутъ у коней точно также грудь покрыта орнаментомъ изъ зигзаговъ, и эти зигзаги ничто иное, какъ ряды кистей, на иныхъ барельефахъ отчетливо выдѣланные. Эти кисти имѣли орнаментальное, а также чародѣйственное значеніе (отвращеніе зла), и остатки ихъ мы видимъ до сихъ поръ во многихъ подробностяхъ старинной русской упряжи: взгляните, напримѣръ, на лошадь, въ полномъ убранствѣ, франтоватыхъ нашихъ ломовыхъ извощиковъ. Какое вездѣ изобиліе кистей, кажущихся теперь празднымъ орнаментомъ!

Другая, очень любопытная подробность—это звѣзда, среди зигзаговъ, помѣщенная на вискахъ у нашего пряничнаго конька. Точно такія-же фигуры мы видимъ и на ассирійскихъ коняхъ Хорсабадскаго дворца; одного изъ нихъ я здѣсь представляю для сравненія подъ № V. [2]). Эта деталь встрѣчается также очень часто на коняхъ, вышитыхъ на рускихъ полотенцахъ и рубахахъ [3]), и напоминаетъ мнѣ выраженіе нашихъ сказокъ: «во лбу солнце, въ затылкѣ мѣсяцъ, въ косицахъ (на вискахъ) звѣзды». И это тѣмъ болѣе идетъ въ настоящемъ случаѣ къ дѣлу, что конь, изображенный на нашемъ пряникѣ, не есть простой конь, какъ кони ассирійскихъ историческихъ барельефовъ, а конь миѳологическій, что̀ всего лучше доказывается тѣмъ рядомъ перьевъ, который окаймляетъ полосу орнаментовъ и кистей на груди его. Подобныя перья на груди мы видимъ на многихъ миѳологическихъ коняхъ и быкахъ на вершинѣ ассирійскихъ колоннъ. Какъ и тамошніе кони, нашъ конь, по всей вѣроятности, олицетворяетъ собою—солнце. Какими путями древне-азіятскія олицетворенія великаго небеснаго свѣтила, главнаго предмета религіознаго поклоненія, перешли къ великоруссамъ—я не имѣю возможности подробно разсматривать это здѣсь. Мнѣ хотѣлось только, на этотъ разъ, указать на важное значеніе иныхъ предметовъ, на которые, въ народномъ общежитіи, не обращается обыкновенно ровно никакого вниманія.

Въ заключеніе я замѣчу, что, не смотря на прекрасное изданіе пряничныхъ рисунковъ г. Голышевымъ и его же цѣнныя замѣтки о пряникахъ, въ предисловіи къ этому изданію, на основаніи мѣстныхъ владимірскихъ извѣстій и преданій, наши пряники слишкомъ мало еще изслѣдованы. Они играли у насъ очень важную религіозную и бытовую роль, особенно на свадьбахъ [4]), и слѣдовало бы собрать всѣ касающіяся до нихъ извѣстія и издать рисунки ихъ, по разнымъ губерніямъ. Они безъ сомнѣнія дадутъ не мало самого важнаго матеріала для изслѣдованія древней русской миѳологіи и быта.

В. В. Стасовъ.

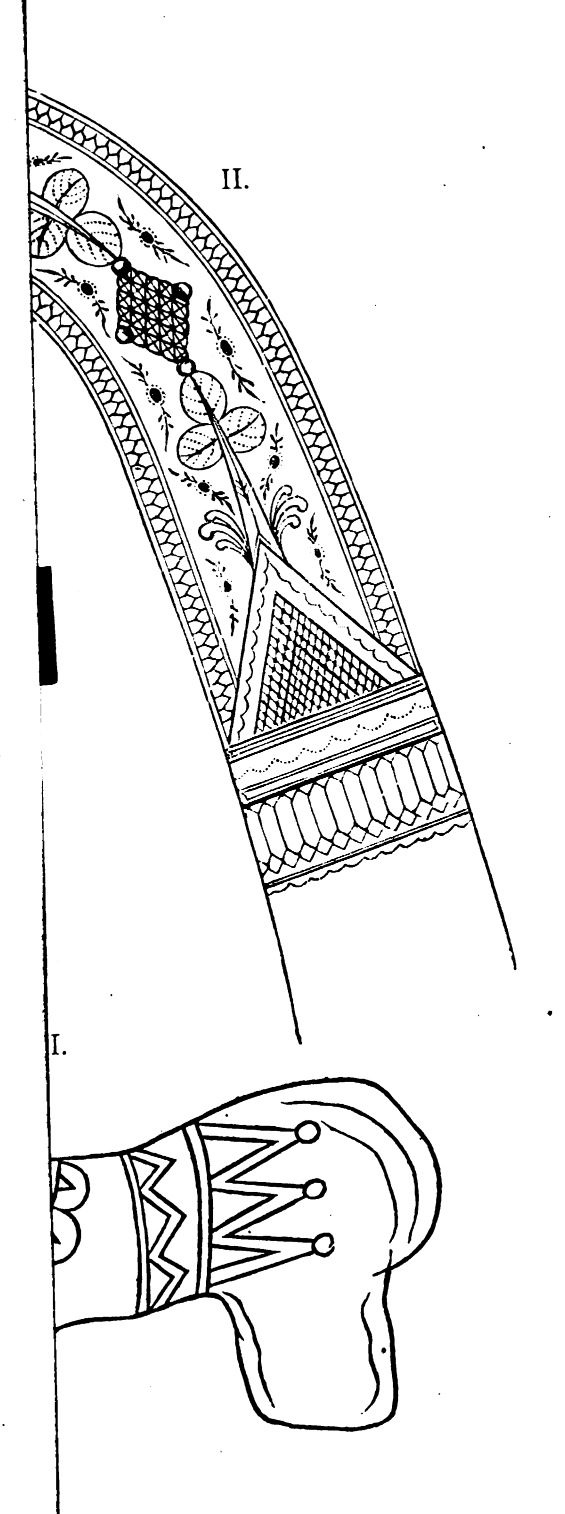
---

[1]) Monument de Ninive, par Botta et Flandin, Paris, 1849, T. I, таблица 59.

[2]) Ninive et l'Assyrie, par Victor Place. Paris, 1867, T. III, таблица 53.

[3]) Русскій народный орнаментъ, рисунки 206—208, 211.

[4]) Любопытный образчикъ ржевскаго обряднаго свадебнаго пряника, носящаго названіе «моленá», поднесенъ былъ нѣсколько времени тому назадъ Его Высочеству Великому Князю Владиміру Александровичу, г. Красицкимъ. Этотъ пряникъ имѣлъ 1½ аршина длины, 1 аршинъ вышины, 1½ вершка толщины, и вѣсилъ 1 пудъ 35 фунтовъ. Его многочисленные орнаменты и двуглавый орелъ посрединѣ были украшены цвѣтнымъ сахаромъ и позолочены.



ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

РУССКАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

въ 1876 г.

Начала русскаго государственнаго права. А. Градовскаго, профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета.—Томъ I: о государственномъ устройствѣ, 1875 г.—Томъ II: органы управленія, 1876 г.

Имя профессора А. Д. Градовскаго занимаетъ почетное мѣсто въ области публичнаго права. По количеству своихъ ученыхъ трудовъ, онъ сдѣлалъ для русскаго государственнаго права столько же, сколько когда-то Неволинъ сдѣлалъ для русскаго гражданскаго права. Вмѣстѣ съ этимъ, философское образованіе А. Д. Градовскаго, его любовь къ дѣлу, его умѣнье освѣтить, съ научной точки зрѣнія, самые живые и жгучіе вопросы общественной жизни—дали ему, какъ публицисту, видное положеніе и за стѣнами университетской аудиторіи.

Выписанное въ заголовкѣ сочиненіе призвано содѣйствовать къ уничтоженію вообще вредныхъ сторонъ въ различныхъ направленіяхъ преподаванія юридическихъ наукъ и къ ознакомленію читателей съ основаніями русскаго государственнаго права.

Въ предисловіи авторъ изъясняетъ, что онъ, останавливаясь главнымъ образомъ на догматическомъ изложеніи положительнаго права, не обходилъ и теоретическихъ началъ, насколько они были нужны для освѣщенія и группировки положительнаго матеріала.

Въ изложеніи авторъ держится общепринятаго въ германской литературѣ дѣленія государственнаго права на государственное устройство и государственное управленіе и, для разъясненія началъ различныхъ учрежденій, весьма часто обращается къ классическому сочиненію вѣнскаго ученаго Лоренца Штейна (Verwaltungslehre).

Первый томъ посвященъ ученію о государственномъ устройствѣ. Онъ раздѣленъ на три книги. Въ книгѣ первой изложено ученіе о законѣ, во второй о верховной власти, и въ третьей—о подданствѣ и правахъ состоянія.

Должно отдать полную справедливость г. Градовскому, что первый томъ

вполнѣ удовлетворяетъ своей задачѣ познакомить читающую публику съ началами русскаго государственнаго устройства. Юристъ, администраторъ, земскій дѣятель, публицистъ—съ большою пользою прочтутъ это простое, ясное и точное изложеніе.

Надо сказать, что такой обстоятельной обработки нашего государственнаго устройства мы не встрѣчали еще въ нашей литературѣ. Ученіе о законѣ особенно внимательно разсмотрѣно авторомъ, такъ какъ, дѣйствительно, этимъ ученіемъ опредѣляется существо неограниченной монархіи, какъ юридической формы государства, въ отличіе отъ восточныхъ деспотій.

Мы позволимъ себѣ, однако, сдѣлать одно маленькое замѣчаніе.

Подробно разбирая порядокъ составленія и обнародованія закона, останавливаясь на силѣ закона и опредѣляя дѣйствіе закона, профессоръ, какъ намъ кажется, совершенно напрасно обошелъ молчаніемъ одно крупное явленіе, замѣчаемое у насъ въ послѣднее время, а именно, что правительство (въ особенности въ періодъ времени отъ 1859—до 1868 годовъ) уже отчасти отказалось отъ того кабинетнаго составленія законовъ, которое исключаетъ всякое участіе общества въ законодательной дѣятельности.

Стоитъ вспомнить, при какихъ условіяхъ писалось Положеніе о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости; съ какимъ живымъ участіемъ отнеслось у насъ все пишущее, работающее и преподающее къ проектамъ судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 года,—чтобы убѣдиться, что въ этомъ участвовали лучшія силы Россіи и что прохожденіе этихъ и нѣкоторыхъ другихъ законовъ по различнымъ законодательнымъ инстанціямъ далеко не исчерпывало всей законодательной работы. Проекты, составляемые въ различныхъ коммисіяхъ, составленныхъ изъ спеціалистовъ, подвергались подробному обсужденію не только въ печати, но вездѣ и повсюду. Словомъ, во всей этой внутренной работѣ живо звучалъ тотъ голосъ народа, о которомъ такъ еще недавно повѣствовалъ самъ профессоръ Градовскій, въ своей превосходной статьѣ «Объ общественномъ мнѣніи въ Россіи».

Конечно, это фактическое участіе общества въ составленіи законовъ не можетъ быть выведено изъ постановленій положительнаго законодательства, ни почерпнуто изъ книгъ, излагающихъ законы Россійской имперіи, но оно, не смотря на то, что имѣло нѣсколько отрывочный характеръ, должно найти мѣсто въ учебникѣ, выясняющемъ начала русскаго государственнаго права, и притомъ непремѣнно подъ рубрикою «о порядкѣ составленія закона».

Ученіе объ органахъ управленія авторъ раздѣлилъ на два тома. Вышедшій въ настоящее время въ свѣтъ второй томъ разбираемаго нами сочиненія содержитъ въ себѣ общее ученіе о должностяхъ и обозрѣніе высшихъ государственныхъ установленій. Третій томъ, который уже приготовляется къ печати, будетъ заключать въ себѣ обзоръ установленій мѣстныхъ и ученіе о службѣ гражданской.

Государственную должность профессоръ Градовскій, слѣдуя Лоренцу Штейну, опредѣляетъ какъ постоянное установленіе, предназначенное къ непрерывному осуществленію опредѣленныхъ цѣлей государства. Этимъ государственная должность рѣзко отличается отъ случайныхъ и временныхъ порученій (коммисій) и опредѣленіе это не должно быть упускаемо изъ виду при разрѣшеніи на практикѣ вопроса о несовмѣстимости извѣстныхъ должностей.

При обозрѣніи высшихъ установленій, авторъ весьма обстоятельно и съ особенною любовью останавливается на исторіи и современномъ положеніи правительствующаго сената и въ заключеніи высказывается противъ мысли о раздѣленіи сената на два отдѣльныя установленія: на правительствующій и судебный. Такую мысль авторъ называетъ несчастною, такъ какъ полагаетъ, что съ раздѣленіемъ сената усилится антагонизмъ между вѣдомствами судебнымъ и административнымъ, и въ кругу нашихъ учрежденій не будетъ посредствующаго элемента, способнаго разрѣшать всѣ спорные вопросы, не въ интересахъ того или другаго вѣдомства, не въ видахъ той или другой власти, а исключительно въ духѣ закона и для пользы дѣла.

Надо быть благодарнымъ автору за подробное и обстоятельное изложеніе учрежденія правительствующаго сената, но нельзя и не пожалѣть, что изложеніе это, занимающее чуть не полъ-книги, нанесло видимый ущербъ для обозрѣнія другихъ высшихъ учрежденій. Намъ кажется, авторъ могъ бы, безъ вреда для дѣла, сократить, во многомъ слишкомъ подробное, изложеніе отживающихъ уже свое время судебныхъ департаментовъ прежняго устройства.

Разсматривая отдѣльныя вѣдомства (главнымъ образомъ—министерства), профессоръ Градовскій какъ бы отказывается отъ взятой имъ на себя задачи выяснить начала русскаго государственнаго права и, вмѣсто ожидаемаго разрѣшенія и разработки каждаго отдѣльнаго вопроса, составляющаго цѣль того или другаго установленія, читатель находитъ, въ большинствѣ случаевъ, простое систематизированіе статей свода законовъ, а иногда простой перечень департаментовъ, совѣтовъ, канцелярій и т. д. Одному только министерству государственныхъ имуществъ нѣсколько посчастливилось, такъ какъ въ изложеніи этого вѣдомства мы усматриваемъ дѣйствительно разработку разрѣшаемаго авторомъ вопроса. Но ежели изложеніе министерства государственныхъ имуществъ составляетъ исключеніе въ книгѣ, то противъ встрѣчающагося перечисленія установленій другихъ вѣдомствъ можно сказать очень много. Подобное перечисленіе, не отступающее отъ плана свода законовъ, не можетъ, какъ уже было замѣчено, выяснить начала русскаго государственнаго права. Оно невольно путаетъ принятую профессоромъ классификацію нашихъ установленій.

Подобныя установленія, какъ напримѣръ: военный совѣтъ и адмиралтействъ-совѣтъ, конкурирующіе во многомъ съ органами законодательства и верховнаго управленія, должны быть разсматриваемы—въ учебникѣ, стре-

мящемся изложить начала нашего государственнаго права,—не какъ части военнаго и морскаго министерствъ, а на ряду съ государственнымъ совѣтомъ, комитетомъ министровъ и совѣтомъ министровъ. Министерство Императорскаго двора, какъ имѣющее свою совершенно специальную задачу и эмансипированное отъ отношенія, въ которое поставлены другія министерства, — къ комитету министровъ, государственному контролю и правительствующему сенату,—очевидно не можетъ быть разсматриваемо на ряду съ другими министерствами, а должно быть изложено отдѣльно отъ другихъ органовъ управленія, вслѣдъ за учрежденіемъ объ Императорской фамиліи. Отдѣльную группу установленій, не умѣщающуюся въ одной главѣ съ министерствами, хотя бы въ видѣ особаго отдѣла, должны были бы составить коммисія прошеній и собственная Е. И. В. канцелярія. Находясь въ непосредственномъ вѣденіи Е. И. Величества, они не могутъ быть отнесены ни къ органамъ верховнаго управленія, ни къ высшимъ мѣстамъ управленія подчиненнаго.

Не отступая отъ перечисленія установленій каждаго отдѣльнаго вѣдомства, отъ системы свода законовъ, разсматриваемое нами сочиненіе грѣшитъ иногда и неполнотою этого перечисленія, неполнотою, правда, встрѣчающеюся въ самомъ сводѣ законовъ, но которая могла бы быть пополнена въ учебникѣ. Такъ, напримѣръ, подробно останавливаясь на различныхъ установленіяхъ военнаго и морскаго министерствъ, сочиненіе упускаетъ изъ виду особое положеніе въ этихъ вѣдомствахъ духовенства и ни однимъ словомъ не упоминаетъ объ управленіи главнаго священника гвардіи и гренадеръ и главнаго священника арміи и флотовъ.

Профессоръ Градовскій началъ печатать свой курсъ русскаго государственнаго права, между прочимъ, въ виду того, что по этому предмету имѣется всего два пособія, притомъ оба не доведены до конца. Курсъ профессора Андреевскаго (изданъ только первый томъ «о правительствѣ»), представляющій добросовѣстное и обстоятельное собраніе матеріала, конечно, не заслуживалъ тѣхъ одностороннихъ и во многихъ отношеніяхъ несправедливыхъ упрековъ, которымъ онъ подвергся при своемъ появленіи въ свѣтъ, но, будучи изданъ профессоромъ не государственнаго, а полицейскаго права, и оставаясь трудомъ неоконченнымъ, всетаки не исключалъ настоятельной необходимости новаго курса русскаго государственнаго права, точно такъ же, какъ, въ этомъ отношеніи, нельзя было останавливаться и передъ недоведенными далеко еще до конца пособіями профессора Романовича-Славатинскаго, представляющими, впрочемъ, не болѣе, какъ коротенькій конспектъ читаемыхъ этимъ профессоромъ лекцій въ Кіевскомъ университетѣ.

А. П. Зубовъ.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

1777 г.

Двѣнадцатаго декабря 1877-го года исполнится столѣтіе со дня рожденія Александра I. Достопамятный въ отечественныхъ лѣтописяхъ 1777-й годъ, кромѣ упомянутаго событія, былъ ознаменованъ рожденіемъ многихъ сподвижниковъ Александра I, кончиною нѣкоторыхъ замѣчательныхъ дѣятелей царствованія Екатерины II, основаніемъ одной изъ близкихъ къ столицѣ резиденцій и бѣдствіемъ, постигшимъ Петербургъ, которое, по странной случайности, повторилось за годъ до кончины Александра I-го.

Изъ сподвижниковъ Александра въ его борьбѣ съ Наполеономъ, въ одинъ годъ съ государемъ родились: Алексѣй Петровичъ Ермоловъ († 11-го апрѣля 1861 года), графъ Карлъ Ивановичъ Толь († 23-го апрѣля 1842 года), Александръ Александровичъ Тучковъ 4-й († 26-го августа 1812 года), графъ Алексѣй Петровичъ Никитинъ (†) и нѣкоторые другіе, каковы, напримѣръ: Максимъ Константиновичъ Крыжановскій († 1840 г.), Николай Семеновичъ Сулима (род. 1-го декабря, въ одинъ день съ Александромъ I—† 21-го октября 1840 года), Николай Михайловичъ Бороздинъ († 14-го ноября 1830 года).

Изъ прочихъ замѣчательныхъ лицъ, достойны упоминанія: князь Алексѣй Григорьевичъ Щербатовъ († 15-го декабря 1848 года), князь Сергѣй Николаевичъ Салтыковъ († 25-го апрѣля 1825 года), графъ Павелъ Андреевичъ Шуваловъ († 1823), Анна Петровна Лопухина, въ замужствѣ княгиня Гагарина († 23-го апрѣля 1805 года), князь Александръ Александровичъ Шаховской († 22-го января 1846 года). Имя послѣдняго занимаетъ почетное мѣсто въ лѣтописяхъ отечественнаго театра, точно такъ же какъ и имя одного изъ основателей русскаго

театра, Александра Петровича Сумарокова, умершаго въ томъ же 1777-мъ году (родился въ 1718 году). Кромѣ Сумарокова, въ упомянутомъ году сошли въ могилу: генералъ-прокуроръ князь Яковъ Петровичъ Шаховской, авторъ „Записокъ" (род. 8-го октября 1705 года), Иванъ Захаровичъ Ермоловъ, адмиралъ Семенъ Ивановичъ Мордвиновъ (род. въ 1701 году), и нѣкоторые другіе.

Весною 1777-го года начата постройка домиковъ: „Паульлустъ" и „Маріенталь", близь Царскаго Села—чѣмъ положено основаніе нынѣшнему Павловску, имя котораго неразлучно съ воспоминаніями объ императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ.

Несчастнымъ событіемъ 1777 года было наводненіе 10-го сентября: Нева, поднявшись болѣе чѣмъ на 10 футъ, залила низменныя части столицы; потери, понесенныя жителями Петербурга, были неисчислимы; по словамъ современниковъ, „не одна тысяча людей погибла". Помимо естественныхъ и неотстранимыхъ причинъ наводненія, нераспорядительность тогдашней полиціи много способствовала широкимъ размѣрамъ бѣдствія столицы. Негодованію и огорченію Екатерины II не было предѣловъ. Призвавъ къ себѣ ген.-полиціймейстера Николая Ивановича Чичерина, императрица, кланяясь ему въ поясъ, встрѣтила словами: „спасибо, Николай Ивановичъ! по милости твоей погибло нѣсколько тысячъ моихъ добрыхъ подданныхъ!"

Чичеринъ не вынесъ этого упрека: съ нимъ случился ударъ паралича и онъ дня черезъ два умеръ. Его клевретъ, извѣстный всей столицѣ взяточникъ А. В. Марковъ, былъ уволенъ отъ службы.

За годъ и двѣнадцать дней до кончины Александра I, именно 7-го ноября 1824 года, наводненіе вторично постигло сѣверную столицу: суевѣры всѣхъ классовъ общества видѣли въ этомъ случайномъ совпаденіи роковое предзнаменованіе. Еще при жизни Александра I, мистицизму была богатая пожива въ изысканіи таинственныхъ соотношеній не только между естественными и политическими событіями, но и между числомъ лѣтъ и числами мѣсяцевъ, событіями ознаменованныхъ. Въ „Русской Старинѣ" (изд. 1871 г., т. III, стр. 532—534) уже были напечатаны: „число 12-ть въ жизни Александра I, также сумма буквъ текста „и посла Богъ мірови ангела кротости", составляющая цифру 1777—годъ рожденія Александра I. Тѣ-же охотники до кабалистическихъ вычисленій болѣе или менѣе остроумно примѣняли къ имени Наполеона I апокалипсическое „число звѣрино"—666.

Эти кабалистическія вычисленія приводятъ на память случай изъ жизни императора Николая I, умъ котораго, какъ извѣстно, былъ чуждъ мистическихъ заблужденій. Одинъ изъ его иностранныхъ біографовъ разсказываетъ, что однажды, года за три до кончины императора, на вечерѣ въ Зим-

немъ дворцѣ зашелъ разговоръ именно о таинственномъ значенiи чиселъ въ жизни нѣкоторыхъ великихъ людей и даже въ судьбахъ цѣлыхъ государствъ. Императоръ Николай Павловичъ, называя подобныя сближенiя простою случайностью или слѣдствiемъ вычисленiй, не чуждыхъ натяжки, пожелалъ доказать легкость подобныхъ вычисленiй. Подойдя къ ломберному столу и взявъ мѣлъ, онъ для примѣра написалъ годъ восшествiя на престолъ Людовика XVI—1774. Подписавъ этотъ годъ подъ единичнымъ—4 и сложивъ цифры, государь получилъ въ суммѣ 1793—годъ злополучной кончины короля французскаго. Заинтересованный этимъ опытомъ, императоръ взялъ число 1794—годъ паденiя Робеспьера, и, дѣлая сложенiя, получалъ слѣдующiя цифры:

1794
1
\+ 7
9
4

1815—паденiе Наполеона I.
1
\+ 8
1
5

1830—паденiе Карла X.
1
\+ 8
3
0

1842—смерть принца Орлеанскаго [1]).

Затѣмъ Государь, вмѣсто 1+8+4+2, написалъ 1840 и, получивъ въ суммѣ 1855, задумался; но замѣтивъ ошибку, исправилъ ее и получилъ—1857 годъ, не ознаменованный, какъ доказало время, никакимъ роковымъ событiемъ.

К.

[1]) Старшiй сынъ Людовика-Филиппа, Фердинандъ, герцогъ Орлеанскiй (род. 3-го сент. 1810 г.), умеръ вслѣдствiе неосторожнаго скачка изъ кабрiолета 1-го (13-го) iюля 1842 года.

Неосторожная ѣзда встарину

1683—1800.

Случаи неосторожной ѣзды и безобразія рысачниковъ были довольно обыденными явленіями въ старое время. Рядъ правительственныхъ распоряженій къ пресѣченію этого зла на столько любопытенъ, что считаемъ не лишнимъ обратить на него вниманіе читателей „Русской Старины“.

Еще въ 1683 году, 3-го января, послѣдовалъ именной указъ, „сказанный разныхъ чиновъ людямъ“, царей Іоанна и Петра Алексѣевичей, что „великимъ государямъ вѣдимо учинилось, что многіе учали ѣздить въ саняхъ на возжахъ съ бичами большими, и, ѣдучи по улицамъ небрежно, людей побиваютъ, то впредь съ сего времени, въ саняхъ на возжахъ не ѣздить, а ѣздить съ возницами, по прежнему обычаю“. — Вскорѣ потомъ (11-го января) послѣдовалъ другой указъ, что запрещеніе ѣздить на возжахъ относится только до извощиковъ [1]).

До 1730 года никакого указа или постановленій относительно ѣзды по городу, кажется, обнародовано не было. Въ 1730 году изданъ именной указъ императрицы Анны Іоанновны (20-го августа), чтобы „извощикамъ и прочимъ всякихъ чиновъ людямъ ѣздить, имѣя лошадей взнузданныхъ, со всякимъ опасеніемъ и осторожностью, смирно“.

У насъ, случается, ѣздятъ на невзнузданныхъ лошадяхъ ломовые извощики, а, тогда, вѣроятно, ѣздили и прочіе „всякихъ чиновъ люди“. Не смотря на то, что въ заключеніе указа сказано было: „виновные за первую вину будутъ биты кошками, за вторую кнутомъ, а за третью сосланы будутъ на каторгу“, — 16-го ноября того же года послѣдовалъ другой указъ въ подтвержденіе вышеписаннаго, и кромѣ того повелѣно: „имѣющимъ охоту бѣгать на рѣзвыхъ лошадяхъ въ запуски, или въ закладъ, выѣзжать въ Ямскую слободу, или по рѣкамъ, гдѣ

---

[1]) Такимъ образомъ, оказывается, да и изъ другихъ указовъ видно, что встарину извощики сидѣли на лошади верхомъ. Въ лѣтнее время у извощиковъ были одноколки. Въ 1775 году послѣдовалъ указъ (о экипажахъ), чтобы извощичьи сани и одноколки были въ желтой окраскѣ. У обывателей въ это время были, кромѣ одноколокъ, роспуски и дрожки. Извощичьи одноколки существовали до конца прошлаго столѣтія. **П. М.**

мало людей ходить, но и въ тѣхъ мѣстахъ осторожно, а на улицахъ такого бѣганья отнюдь не чинить".

Нѣсколько времени спустя, извѣстно стало, что постановленіе „дабы всякихъ чиновъ люди ѣздили какъ въ саняхъ, такъ и верхомъ, смирно и никого лошадьми не давили и не топтали", — не соблюдается. 9-го марта 1730 года обнародованъ именной указъ, дабы впредь всякихъ чиновъ люди ѣздили сами и люди ихъ передъ ними [1]) — смирно и на лошадяхъ не скакали, ни на кого не наѣзжали, не били и лошадьми не топтали".—Виновныхъ велѣно ловить и для того изъ полиціи посылать разъѣзды изъ драгунъ и солдатъ.

Однакожъ и это оказалось недѣйствительнымъ. 25-го іюня 1732 года опять опубликованъ именной указъ о подтвержденіи, съ добавленіемъ: „А ежели кто впредь въ противность сего Ея И. В—ва указа дерзнетъ такъ рѣзво и несмирно ѣздить и люди ихъ необыкновенно передъ ними скакать и плетьми кого бить и санями и лошадьми давить, такимъ, по состоянію вины ихъ, чинено будетъ жестокое наказаніе или смертная казнь".

Казалось бы, за такими строгими мѣрами, какъ назначеніе смертной казни, должна прекратиться шибкая ѣзда со всѣми безобразіями, однакоже въ именномъ указѣ правительствующему сенату 6-го февраля 1737 года снова о томъ подтверждалось „дабы никто невѣдѣніемъ не отговаривался".—„Ежели же, сказано въ указѣ, кто будетъ на лошадяхъ скоро ѣздить, такихъ ловить и отводить въ полицію, гдѣ лакеевъ сѣчь нещадно кошками, а самихъ помѣщиковъ штрафовать денежнымъ штрафомъ, по разсмотрѣнію сената".

Въ какомъ размѣрѣ предполагалось назначеніе штрафа, да и были ли въ разсмотрѣніи правительствующаго сената дѣла о скорой ѣздѣ, намъ неизвѣстно. Между тѣмъ, въ томъ же году дошло до высочайшаго свѣдѣнія, что „какіе-то люди, наѣхавъ въ саняхъ парой съ дышломъ, чуть не убили фельдмаршала Миниха, а стоявшаго у него на запяткахъ адъютанта ушибли такъ, что чуть живъ остался" [2]). Вслѣдствіе этого послѣдовалъ, 15-го декабря 1737 года, высочайшій указъ, объявленный генералъ-полиціймейстеромъ Салтыковымъ, „чтобы дышла, кромѣ колясокъ и возковъ, въ саняхъ ни у кого не было, а у

[1]) Верховые, ѣздившіе впереди экипажа, «верщики.»

[2]) Встарину, когда генералъ ѣдетъ въ саняхъ (одинъ даже), адъютантъ его могъ стоять на запяткахъ. Впрочемъ, еще въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, стоять на запяткахъ саней было такое же обыкновенное дѣло, какъ нынче сидѣть на козлахъ, разумѣется, при извѣстныхъ условіяхъ.

П. М.

кого въ саняхъ дышла есть, тѣ вынять и быть санямъ съ оглоблями, такожде и скоро никому не ѣздить".

Въ именномъ указѣ, данномъ полиціймейстерской канцеляріи, 4-го декабря 1738 года, съ подтвержденіемъ прежнихъ указовъ о ѣздѣ по городу, высочайше повелѣно: „по большимъ улицамъ и прочимъ пристойнымъ мѣстамъ, гдѣ больше проѣзда бываетъ, учредить отъ обывательскихъ домовъ денные караулы, и накрѣпко приказать всѣхъ тѣхъ, кто на бѣгунахъ, или въ саняхъ съ дышломъ, или извощиковъ на саняхъ, а не верхомъ, поѣдутъ—ловить и приводить въ полицію". Любопытно бы знать, какимъ образомъ, вмѣсто прежде назначенныхъ драгунъ, могли справляться съ рысачниками дворники обывателей?

При императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ сдѣлано было новое распоряженіе. По указу 19-го марта 1742 г. изъ сената, повелѣно: „Ежели кто на рѣзвыхъ лошадяхъ ѣздить будетъ, тѣхъ черезъ полицейскія команды ловить и лошадей ихъ отсылать на конюшню государыни".

Въ именномъ указѣ, объявленномъ генералъ-фельдмаршаломъ принцемъ Гессенъ-Гомбургскимъ, 25-го января 1744 года, сказано: „ея императорскому величеству извѣстно учинилось, что въ Москвѣ на лошадяхъ ѣздятъ весьма скоро, отчего попадающіеся на встрѣчу лошадей не точію бьютъ верховые плетьми, но и лошадьми топчутъ безъ всякаго разсужденія и сожалѣнія и скверно бранятся, что и самымъ дѣломъ найдено. Того ради Ея И. В. указать изволили накрѣпко подтвердить, чтобы отнюдь, какого бы кто званія ни былъ. на лошадяхъ скоро ѣздить и браниться не дерзали, а верховымъ людямъ плетей, кромѣ кучеровъ и форейторовъ, не имѣть".

27-го декабря 1752 г., именнымъ указомъ, объявленнымъ генералъ-полиціймейстеромъ Татищевымъ, снова подтвердить, „чтобы скоро отнюдь никто не ѣздилъ и у лакеевъ плетей не было и по сторонамъ у дуги лакеямъ верховымъ отнюдь не скакать и по встрѣчающимся напротивъ дорогу давать, а ежели кто въ томъ пойманъ будетъ, то лакеевъ сѣчь немилостиво и отсылать въ рекруты безъ зачета, а хозяевъ штрафовать деньгами по разсмотрѣнію".

Кромѣ того, что давили народъ и били плетьми проходящихъ. являются еще новыя безобразничанья. 8-го августа 1755 года объявленъ былъ указъ правительствующаго сената такого содержанія: „Объявляется во всенародное свѣдѣніе. Понеже правительствующему сенату не безъизвѣстно есть, что въ С.-Петербургѣ разныхъ чиновъ люди, нанимая для ѣзды здѣсь и около С.-Петербурга въ лежащія мѣста извощиковъ съ лошадьми, ѣздятъ такъ скоро, что отъ той скорой ѣзды многія (?) помираютъ, а сверхъ того нѣкоторые изъ тѣхъ извощиковъ, ежели кто скоро не поѣдетъ, не токмо сами, но и люди ихъ немило-

стиво бьютъ, отчего они несутъ крайнюю обиду и раззореніе. Того ради правительствующій сенатъ приказали: кто, всякаго чина, въ С.-Петербургѣ или около С.-Петербурга въ лежащія мѣста для ѣзды будутъ нанимать извощика съ лошадьми, тѣмъ на оныхъ ѣздить конечно не скоро, и притомъ, тѣмъ извощикамъ никакого оскорбленія отнюдь не чинить".

Въ 1756 году (22-го марта и 31-го декабря), обнародованы были именные указы, чтобы на бѣгунахъ, а также тройкою въ Петербургѣ ѣздить запретить, а кто пожелаетъ—ѣздили бы внѣ города. Тоже самое подтверждено въ именномъ указѣ 21-го января 1759 года. Въ 1760 году послѣдовалъ указъ, чтобы кучера близь дворца бичами не хлопали.

Около этого времени появилась въ Петербургѣ мода ѣздить съ факелами. Въ первые годы царствованія императрицы Екатерины II состоялся, по этому случаю и по нѣкоторымъ другимъ, высочайшій указъ, 25-го февраля 1763 г., такого содержанія: „понеже де усмотрѣно, яко многіе здѣсь разныхъ чиновъ люди въ каретахъ по ночамъ ѣздятъ съ зажженными факелами, отъ чего къ пожарному случаю есть не безъ опасности; къ тому же многіе господскіе кучера, лакеи, также извощики, ѣздя по улицамъ, скачутъ весьма скоро и чинятъ великіе свисты, что̀ въ здѣшнемъ резидующемъ Ея И. В. городѣ чинить весьма неприлично, а отъ скорой ѣзды могутъ идущимъ людямъ чинить вредъ, и для того, сего 15-го октября, ея императорское величество всемилостивѣйше повелѣть соизволила: во всѣхъ здѣшнихъ обывательскихъ домахъ объявить, чтобы никто въ ночное время съ факелами отнюдь не ѣздили и не ходили, а имѣли-бы фонари, и чтобъ никто по улицамъ скоро не скакали и кучера-бъ, лакеи и извощики не свистали, а ежели за тѣмъ объявленіемъ, кто въ скорой ѣздѣ и свистѣ будетъ пойманъ, въ такомъ случаѣ кучера и лакеи господскіе, извощики и прочіе подлые люди отъ полиціи будутъ неотмѣнно по указамъ наказаны".

Не смотря на воспрещеніе ѣздить тройкою, стали ѣздить не только тройкою, но еще съ двумя вершниками по бокамъ, даже мимо оконъ государыни. Вслѣдствіе сего объявленъ высочайшій указъ, 25-го февраля 1764 года, о подтвержденіи, и что „ежели впредь то чинить будутъ, за третью пристяжную лошадь по 500 рублей штрафу доправлять".

Въ вышедшихъ въ послѣдствіи указахъ и постановленіяхъ говорится только о взысканіяхъ за скорую ѣзду, а также объ установленной для извощиковъ, въ 1798 году, таксѣ; о томъ кому какія по чину или званію можно имѣть экипажи; запрещеніе (кому не слѣдуетъ) ѣздить цугомъ (въ 6 лошадей); объ одеждѣ кучеровъ и лакеевъ и проч. Все

это довольно интересно для характеристики своего времени, но до настоящей замѣтки не относится. Слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ обычаѣ особеннаго рода, показывающемъ или распущенность дѣйствующихъ лицъ, слабый надзоръ полиціи, а можетъ, жалкое состояніе улицъ того времени: 27-го марта 1800 года обнародованъ указъ, чтобы почталіонамъ, ѣздовымъ и курьерамъ запретить, именно каждому, во время ихъ ѣзды верхомъ, ѣздить по набережнымъ и тротуарамъ.

М—въ.

Дмитрій Васильевичъ Волковъ

ген.-полиціймейстеръ въ 1778 г.

XIII. [1])

С.-Петербургъ, ноября 27-го 1778 г.

Дмитрій Васильевичъ. Мнѣ сказываютъ, что по случаю третьёго дняшняго празднованія, у Логинова [2]) считается померших отъ пьянства до трехъ сотъ семидесяти человѣкъ; и хотя я думаю, что число сіе увеличено, желаю однако-жъ, чтобъ вы наиточнѣйшимъ образомъ о томъ извѣдали и мнѣ, въ самой подлинности, донести не умедлили. Пребываю впрочемъ вамъ доброжелательная. "Екатерина".

XIV.

„Дмитри Васильевичъ, рѣка стала, но понеже отъ дварца внизъ до Галернаго двора полинья такъ велика, что до генваря едва-ли замерзнитъ, то не луче-ли будетъ паки мостъ навѣсти? чего вашему размышленію предаю".

XV.

„Дмитри Васильевичъ, при семъ посылаю къ вамъ несколько листовъ здѣшней бумаги, естьли впредъ тамъ дѣлатъ будутъ, то я первая у нихъ не листа купить не велю, я три листа изадрала преждѣ нежели оныхъ отдѣлить могла отъ прочихъ листовъ".

(Оба письма безъ подписи, рукою Екатерины II).

Сообщ. **С. А. Руданова.**

---

[1]) См. «Русскую Старину» изд. 1877 г., томъ XVIII, стр. 372 и 576.
[2]) Подрядчикъ по обдѣлкѣ въ Спб. каналовъ набережными.

Б.

В.

Д.

Е.

Л.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Щ.

Э.

ОПЕЧАТКИ И ПОПРАВКИ.

Приложенный при третьей книгѣ «Русской Старины» изд. 1877 г., портретъ Шамиля исполнилъ художникъ-граверъ на мѣди Іоаннъ Эйссенгардтъ [Johannes Eissenhardt] изъ Франкфурта-на-Майнѣ. Гравюра сдѣлана съ фотографіи, снятой г. Скамони съ Шамиля, при посѣщеніи имъ, 11-го ноября 1866 г., Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ въ С.-Петербургѣ.

Въ XVIII томѣ «Русской Старины», на стр. 259, строка 1-я сверху, напечатано: прислугъ... читай: прослугъ.

Въ «Родослов. таблицѣ» при III-й книгѣ «Русской Старины» изд. 1877 г., въ 1-мъ столбцѣ при имени Петра III-го, напечатано: † 3-го іюня 1762 г... читай: † 6-го іюля 1762 г.

Тамъ-же, въ 9-мъ столбцѣ: при имени Софіи-Августы (Екатерины II-й), напечатано: † 6 (11) ноября 1796 г.; читай: † 6 (17) ноября 1796 г.

„РУССКАЯ СТАРИНА" изд. 1877 года.

ТОМЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ, АПРѢЛЬ.

Записки и Воспоминанія.

Историческія изслѣдованія и біографическіе очерки.

Указы, переписка, донесенія, разсказы и замѣтки.

Царствованіе Петра I.

Царствованіе Анны Іоанновны.

Правленіе Анны Леопольдовны.

Царствованіе Елисаветы Петровны.

Царствованіе Петра III.

Царствованіе Екатерины II.

Царствованіе Павла I.

Царствованіе Александра I.

Царствованіе Николая I.

Русскіе писатели XIX вѣка.

Артисты и художники.

Русская историческая и юридическая литература въ 1876 г.

Замѣтки и поправки.

Портреты и снимки.

I. Представители державной власти въ Россіи, 1682—1855 гг. Рисунокъ составилъ профессоръ А. Шарлемань, рисовалъ на деревѣ К. О. Брожъ, гравировалъ академикъ Л. А. Сѣряковъ.

(См. заглавный рисунокъ).

II. Портретъ княгини Екатерины Романовны **Дашковой.** Геліографическій снимокъ съ лучшаго портрета, писаннаго Левицкимъ и гравированнаго S. G. Mayr.; — снимокъ исполненъ художникомъ Скамони въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

III. Портретъ графа Александра Матвѣевича **Дмитріева-Мамонова.** Гравюра на мѣди академика И. П. Пожалостина, точный снимокъ съ гравюры 1792 года J. Walker-a, оригиналъ писанъ Шебановымъ.

(См. объ этомъ портретѣ стр. 372).

IV. Портретъ Кавказскаго имама и вождя горцевъ **Шамиля.** Гравюра на мѣди, исполнена художникомъ И. Эйссенгардтъ, съ фотографіи, снятой съ Шамиля 11-го ноября 1866 г. при посѣщеніи имъ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ въ Петербургѣ.

V. Снимки съ рѣдкихъ медалей: Князь **Кутузовъ-Смоленскій** и атаманъ графъ **Платовъ.** Изъ изд. Я. Б. Иверсена.

VI. Рисунки: предметы стариннаго русскаго быта—дуга и пряничный конекъ,—таблица съ шестью рисунками.

(См. о нихъ стр. 730—732).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на ежемѣсячное изданіе Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО

„ДНЕВНИКЪ ПИСАТЕЛЯ“

на 1877 годъ.

Двѣнадцать выпусковъ въ годъ.

Каждый выпускъ заключаетъ въ себѣ отъ полутора до двухъ листовъ убористаго шрифта, еженедѣльныхъ газетъ нашихъ.

Каждый выпускъ выходитъ въ послѣднее число каждаго мѣсяца и продается отдѣльно во всѣхъ книжныхъ магазинахъ по 25 копѣекъ. Желающіе подписаться на все годовое изданіе впередъ пользуются уступкою и платятъ лишь **два рубля** (безъ доставки и пересылки), а съ пересылкою или доставкою на домъ **два рубля пятьдесятъ копѣекъ**.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ для городскихъ подписчиковъ въ С.-Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ Я. А. Исакова (Гостиный дворъ, № 24) и въ Книжномъ магазинѣ для иногородныхъ, Невскій пр., № 44.

Въ Москвѣ: въ «Центральномъ книжномъ магазинѣ», Никольская, д. Славянскаго Базара.

Гг. иногородные подписчики благоволятъ обращаться исключительно къ автору по слѣдующему адресу: С.-Петербургъ, Греческій проспектъ, подлѣ греческой церкви, домъ Струбинскаго, № 6. **Ѳедору Михайловичу Достоевскому**,

У автора «Дневника Писателя» можно получать слѣдующія его сочиненія:

Романъ **«БѢСЫ»** въ трехъ томахъ, цѣна 3 руб. 50 коп.

——— **«ИДІОТЪ»**, въ двухъ томахъ, цѣна 3 руб. 50 коп.

——— **«ЗАПИСКИ ИЗЪ МЕРТВАГО ДОМА»**, 4-е изданіе въ одномъ томѣ, цѣна 2 рубля.

Вышелъ въ свѣтъ четвертымъ изданіемъ и поступилъ въ продажу романъ Ѳ. М. Достоевскаго, **«ПРЕСТУПЛЕНІЕ И НАКАЗАНІЕ»** два тома, цѣна 3 руб. 50 коп.

Подписчики «Дневника Писателя», обращающіеся за означенными сочиненіями къ автору, получаютъ 20% уступки; иногородные же пользуются, кромѣ того, безплатною пересылкою.

Январскій, февральскій и мартовскій выпуски вышли въ свѣтъ: 31-го января, 28-го февраля и 31-го марта.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ полные экземпляры „Дневника Писателя“ за 1876 г. сброшюрованы въ одну книгу и продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ по 2 р. 50 к. за экземпляръ. Выписывающіе прямо отъ автора пользуются безплатною пересылкою.

Предварительный Комитетъ Высочайше разрѣшеннаго IV-го Археологическаго Съѣзда увѣдомляетъ всѣхъ желающихъ въ немъ участвовать лично или присылкою своихъ трудовъ и находокъ, что Съѣздъ положено открыть въ Казани 31-го іюля 1877 года, и проситъ посылать всѣ заявленія для Съѣзда на имя Предсѣдателей Предварительнаго Комитета: графа Александра Сергѣевича **Уварова**—въ Москвѣ (въ Московское Археологическое Общество) и Попечителя Казанскаго учебнаго округа **П. Д. Шестакова**—въ Казань, а посылки—въ Казань, на имя секретаря Предварительнаго Комитета, доцента Императорскаго Казанскаго университета **Д. А. Корсакова.**

Подробная программа Съѣзда напечатана и разсылается.

ОТЪ РЕДАКЦІИ
ЦЕРКОВНАГО ВѢСТНИКА.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на
„ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ" и „ХРИСТІАНСКОЕ ЧТЕНІЕ"
на 1877 годъ.

Выписывающіе получатъ всѣ номера журнала и прибавленій, начиная съ 1-го.

Цѣна за 51 номеръ „Церковнаго Вѣстника" съ прибавленіями „Христіанскаго Чтенія" (всего—больше 250 печатныхъ листовъ)—**семь** рублей съ пересылкою и доставкою.

Отдѣльно: Еженедѣльное изданіе, съ пересылкою и доставкою—**пять рублей**; „Христіанское Чтеніе", съ пересылкою и доставкою—**тоже пять рублей.**

Можно получить полные экземпляры „Церковнаго Вѣстника" и „Христіанскаго Чтенія" за 1875 и 1876 годы—по **пяти** рублей за оба годовыхъ изданія вмѣстѣ, и по **три** за каждое годовое отдѣльно.

Адресоваться: въ Редакцію „Церковнаго Вѣстника" при С.-Петербургской духовной академіи.

ОБЪ ИЗДАНІИ „ИЗВѢСТІЙ И УЧЕНЫХЪ ЗАПИСОКЪ" КАЗАНСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

въ 1877 году.

„Извѣстія" и **„Ученыя Записки"** Казанскаго университета выходятъ шесть разъ въ годъ, начиная съ января мѣсяца, выпусками, содержащими въ себѣ до 15 и болѣе листовъ. По окончаніи года каждое изданіе составитъ отдѣльный томъ, до сорока листовъ съ особымъ заглавіемъ.

Извѣстія представляютъ собою оффиціальную исторію университета, протоколы совѣтскихъ засѣданій, мнѣнія о диссертаціяхъ на ученыя степени, отчеты, програмы курсовъ, замѣтки, касающіяся университетской жизни. — **Ученыя Записки** — труды казанскихъ профессоровъ по наукамъ историческимъ, филологическимъ, математическимъ, естественнымъ, юридическимъ и медицинскимъ; магистерскія и докторскія диссертаціи, пробныя и вступительныя лекціи; документы и неизданные памятники; отчеты факультетскихъ клиникъ и лабораторій и критико-библіографическій отдѣлъ, составляемый спеціалистами.

Подписная цѣна за оба изданія шесть рублей съ пересылкою.

Подписка принимается въ Редакціи **„Извѣстій"** и **„Ученыхъ Записокъ"** Казанскаго университета, а также въ книжныхъ магазинахъ Кожанчикова въ Петербургѣ, Варшавѣ и Казани и Дубровина—въ Казани.

Подъ редакціей **А. ОСИПОВА.**

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ КНИГА:

ЧАСОВОЙ. ДОНСКОЙ СБОРНИКЪ.

Труды любителей донскаго прошлаго и современнаго быта. Изд. Ф. Траилина. Новочеркаскъ. 1876.

Содержаніе 1-го выпуска.

I. ПРОШЛОЕ.

Донской казакъ съ ружьемъ на бочкѣ. Драматическая хроника. (Въ 4-хъ картинахъ):

1-я картина — Кондратій Булавинъ. 2-я картина—Войсковой Кругъ.

Морскіе подвиги казаковъ.

Донская старина: I. Казачьи пѣсни. II. Матеріалы для донской исторіи.

II. СОВРЕМЕННОЕ.

Чего должно желать донцамъ для прогрессивнаго улучшенія ихъ экономическаго благосостоянія. (3 главы).

Глава 1-я.—Причины критическаго положенія нашихъ сельскихъ хозяевъ. — Отчетъ Донскаго отдѣла Россійскаго Общества покровительства животнымъ. За 1875 г. — Къ вопросу объ образованіи глухонѣмыхъ.— Стремленіе калмыковъ къ образованію.—Значеніе донскаго частнаго коннозаводства въ дѣлѣ ремонтированія кавалеріи.

Пять выпусковъ «**Донскаго Сборника**» составятъ книгу въ **30** печатныхъ листовъ. **2-й** выпускъ готовится къ печати и выйдетъ въ свѣтъ въ половинѣ **1877** г.

Подписная цѣна на полный сборникъ, до выхода 2-го выпуска, 2 р. съ пересылкою; послѣ же выхода въ свѣтъ 2-го выпуска —2 р. 25 коп.

Подписка адресуется въ Редакцію „**Донскаго календаря**“ въ Новочеркаскѣ, Комитетская улица, д. № 40-й.

ОСТАЛОСЬ НЕМНОГО ЭКЗЕМПЛЯРОВЪ И МОЖНО ПОЛУЧИТЬ СЪ 1-Й КНИГИ:

12-ть кн. „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1876 года.

Въ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» 1876 г., двѣнадцать книгъ, между прочими статьями напечатаны:

Записки Михаила Гарновскаго, одного изъ ближайшихъ лицъ къ кн. Потемкину-Таврическому: дворъ императрицы Екатерины II въ 1786—1790 гг.—Подлинная переписка Екатерины II съ кн. Потемкинымъ, 1782—1791 гг.,—Бесѣды Екатерины II о дѣлахъ государственныхъ, 1772—1777 гг.—Домашній памятникъ т. е. записки Н. Г. Левшина о событіяхъ начала царствованія Александра I.—Записки А. С. Стурдзы о судьбѣ православной церкви русской въ царствованіе Александра I-го.—Автобіографія и переписка академика А. Витберга, строителя храма Христа Спасителя въ Москвѣ.—Воспоминанія Татьяны Петровны Пассекъ: очерки жизни московскаго общества и университетской молодежи, 1835—1842 гг.—Записки Ивана Степановича Жиркевича: порядки военнаго управленія, 1827—1837 гг.—Моя жизнь и художественно-археологическіе труды, разсказъ профес. Ѳедора Григорьевича Солнцева: Академіи художествъ до 1820-хъ гг.; поѣздки по Россіи съ археологическою цѣлью; возстановленіе древностей въ кіевскихъ соборахъ; посѣщенія кіевскихъ святынь императоромъ Николаемъ I; разсказы о нѣкоторыхъ іерархахъ; разсказы о художникахъ (К. П. Брюловъ) и проч. дѣятеляхъ.—Воспоминанія артиста П. А. Каратыгина и вдовы адмирала Л. И. Рикордъ и проч. Митрополитъ Ростовскій Арсеній Мацѣевичъ—историческій очеркъ профессора Н. И. Барсова.—Крѣпостные крестьяне при Екатеринѣ II, очеркъ изъ историческаго изслѣдованія В. И. Семевскаго.—Бунтъ Беньевскаго въ Камчаткѣ въ 1771 г.—Москва въ 1770—1771 гг. статья академика С. М. Соловьева.—Павелъ Полуботокъ—статья Н. И. Костомарова. Главные пособники Емельяна Пугачева—въ ихъ собственныхъ пока-

заніяхъ на судѣ (по подлинному о нихъ дѣлу).—Михельсонъ, побѣдитель Пугачева—біографическій очеркъ.—Князь Платонъ Александровичъ Зубовъ (1767—1822 гг.)—историко-біографическій очеркъ.—Самсонъ-ханъ Макинцевъ и русскіе бѣглецы въ Персіи въ 1806—1855 гг., статья Ад. П. Берже.—Профессоръ Илья Васильевичъ Буяльскій, его біографія, составленная профессоромъ Я. А. Чистовичемъ.—Т. Ѳ. Осиповскій, ректоръ Харьковскаго университета.—Холерный бунтъ въ 1831 г., разсказъ очевидца.—Артемій Волынскій, М. М. Сперанскій, А. П. Ермоловъ, Г. А. Глинка, архимандритъ Новгородскаго Юрьева монастыря Фотій, протоіерей Самборскій, А. С. Грибоѣдовъ—въ ихъ неизданныхъ, вновь открытыхъ, письмахъ. Письма, планы и предначертанія императора Николая Павловича, а также записки и донесенія кн. М. Д. Горчакова и кн. И. Ѳ. Паскевича, о войнѣ съ Турціей въ 1853—1854 гг.—Въ отдѣлѣ листковъ изъ записной книжки въ «Русской Старинѣ» 1876 г. помѣщено до 100 историческихъ разсказовъ, анекдотовъ, біографическихъ и генеалогическихъ замѣтокъ.—По исторіи отечественной словесности—«Русская Старина» 1876 г. представила новыя данныя о В. Г. Бѣлинскомъ (двѣ большія статьи); Н. В. Гоголь—по неизданнымъ письмамъ (1827—1828 гг.) и проч. Относительно художниковъ и артистовъ, въ этомъ же изданіи 1876 г., напечатанъ разсказъ о М. И. Глинкѣ, очерки и замѣтки о музыкѣ—А. Н. Сѣрова и проч.

Къ «Русской Старинѣ» 1876 г.—(12 книгъ)—приложены портреты: Лжедмитрія I, гравюра Киліана 1606 г.—точный снимокъ; портреты: Михельсона, кн. Платона Зубова, Алексѣя Петровича Ермолова—всѣ эти гравюры на мѣди исполнены академикомъ И. П. Пожалостинымъ; потреты Екатерины II и графа Аракчеева—геліографическіе снимки съ гравюръ 1762 и 1818 гг.; портретъ Емельяна Пугачева, Клугенау и В. Г. Бѣлинскаго—гравюры академика Л. А. Сѣрякова.—Снимокъ съ указа о смерти Петра Великаго, 1725 г.—Крестьянинъ Телушкинъ на шпицѣ Петропавловскаго собора (чертежи).

Цѣна „Русской Старины“ 1876 г., 12 книгъ съ портретами, восемь рублей съ доставкою и съ пересылкою.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ 1870 Г.

третье изданіе „Русской Старины“, годъ **первый**, **1870** г., **двѣнадцать** книгъ, въ **трехъ** томахъ.

Въ третьемъ изданіи „Русской Старины“ 1870 г., между многими другими статьями и матеріалами, помѣщены: Записки о жизни и службѣ генералъ-фельдмаршала кн. Н. Ю. **Трубецкаго**;— Записки исторіографа кн. М. М. **Щербатова** о поврежденіи нравовъ въ Россіи; — сенатора П. С. **Рунича** о Пугачевѣ и Пугачевскомъ бунтѣ; — Записки придворнаго бриллiанщика **Позье** (1729—1764 гг.);—Отчеты **Лагарпа** о воспитаніи великихъ князей Александра и Константина Павловичей; — Петербургъ въ 1781 году, замѣтки **Пикара**;—Записки Михаила Александровича **Бестужева** (1824—1826 гг.);—Разсказъ очевидца о 14-мъ декабрѣ 1825 г.; — Записки композитора Михаила Ивановича **Глинки** (1804—1854 гг.);—Замѣтки императора **Николая Павловича** о прусскихъ дѣлахъ (1848г.);—Блокада и штурмъ Карса въ 1855 г., записки Я. П. **Бакланова**;—Оборона Камчатки въ 1854 г., разсказъ контръ-адмирала **Арбузова** и проч., и проч.—Болѣе сотни сообщеній: разсказовъ, статей, замѣтокъ, собраній писемъ и проч. матеріаловъ ко всѣмъ царствованіямъ въ Россіи со времени Петра Великаго до императора Николая включительно.—Статсъ-дамы и фрейлины русскаго двора XVIII вѣка, біографическія замѣтки **П. Ѳ. Корабанова**. — Письма, стихотворенія, басни, посланія и прочія литературныя произведенія: И. А. Крылова, Батюшкова, Пушкина, Гоголя, Рылѣева, А. Одоевскаго, Кюхельбекера, Баратынскаго, Н. Полеваго, Вигеля, Я. Ростовцева и друг.

Приложеніе къ третьему изданію „Русской Старины“ **1870** г. составляетъ первый томъ Записокъ **Болотова**, вновь пересмотрѣнный, свѣренный съ подлинникомъ и украшенный болѣе полусотни вновь награвирован. акад. **Л. Сѣряковымъ** рисунками и виньетами.

Цѣна **третьяго** изданія „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ **1870** г. съ приложеніями, портретами и рисунками **ВОСЕМЬ** рублей съ пересылкою.

[*Осталось немного экземпляровъ*].

независимость въ средніе вѣка. А. Небосклонова. Каз. 1874. 200 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Начало исторической дѣятельности Богдана Хмельницкаго. Геннадія Карпова. М. 1873. 400 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Неизданныя и рѣдкія русскія медали. Ю. Иверсена. Спб. 1874. 210 экз. Ц. 2 р.

Некрологъ Н. А. Милютина. М. 1873. 400 экз.

Несторова лѣтопись и Поученіе Владиміра Мономаха. Изд. для учащихся, съ примѣч. и словаремъ, сост. П. Басистовымъ. Изд. 2-е, испр. М. 1874. 2450 экз. Ц. 60 к.

Нѣсколько данныхъ для исторіи русской журналистики. Библіографическія примѣчанія на книгу: «Историч. розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг. А. Н. Неустроева». Л. Майкова. Спб. 1876. 44 стр.

Общее приложеніе къ каталогамъ по минцъ-кабинету Имп. академіи художествъ. Д. Прозоровскаго. Спб. 1874. 510 экз. Ц. полнаго каталога 1 р. 50 к.

Объ угорскомъ народѣ, обитавшемъ въ средней и сѣверной Россіи, въ Финляндіи и въ сѣверной части Скандинавіи до прибытія туда нынѣшнихъ ихъ жителей. Д. П. Европеуса. Спб. 1874. 560 экз. Ц. 1 р.

О значеніи общенія нашего съ славянами и средствахъ къ его развитію. Обзоръ дѣятельности Кіевскаго отдѣла Славянскаго комитета за 1873 годъ. Кіевъ. 1874. 460 экз.

О Коперникѣ, какъ славянинѣ. 2 брошюры. І. Дубицкаго. Рига. 1873. Ц. 25 к.; отдѣльно кажд. брошюра по 15 к.

Описаніе русскихъ и иностранныхъ книгъ, находящихся въ библіотекѣ любителя NN, или дополнительные матеріалы для библіографіи. Составилъ Яковъ Березинъ-Ширяевъ. Спб. 1873. In-8°. 416 и LVIII стр. Ц. 8 р.

Дополнительные матеріалы для библіографіи, или описаніе русскихъ и иностранныхъ книгъ, гравюръ и портретовъ, находящихся въ библіотекѣ любителя NN. Составилъ Яковъ Березинъ-Ширяевъ. Спб. 1876. In-8°. X, 324 и LI стр. Ц. 8 р.

Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи. Изслѣдованія, описанія и критич. статьи. И. Е. Забѣлина. Ч. І-я. М. 1872. 1200 экз. Ц. 2 р.—Ч. ІІ-я. М. 1873. 1200 экз. Ц. 2 р.

О суевѣріяхъ и предразсудкахъ, существующихъ въ Вологодской епархіи. Н. А. Заварина. Вологда. 1870. Тип. губернскаго правл. In-8°. 38 стр. Ц. 30 к.

Очерки и разсказы изъ старипнаго быта Польши. Е. П. Карновича. Спб. 1873. 1435 экз. Ц. 2 р. 50 к.

Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ Имперіи, изд. П. Н. Батюшковымъ. Вильна. Выпуски 3, 4 и 5. Текстъ къ 18 рисункамъ. Спб. 1871—1872. Вып. 6-й. (Рисунки исполнены въ Берлинѣ и въ Петербургѣ у Траншеля). 1874. In-fol. 600 экз. Ц. 3-му и 4-му выпускамъ по 3 р., 5-му и 6-му по 5 р.

Памятникъ Екатерины II 24-го ноября 1873 г. Спб. 1873. 350 экз. Ц. 20 к.

Письма Александра Ивановича Тургенева къ Николаю Ивановичу Тургеневу. Лейпцигъ. 1872. In-8°. XII и 646 стр.

Письма и бумаги Императрицы Екатерины II, хранящіяся въ Имп. Публ. библіотекѣ. Изданы А. Ѳ. Бычковымъ. Спб. 1873. 250 экз. Ц. 3 р.

Пособіе къ изученію русской исторіи критическимъ методомъ. Составлено Ив. В. Лашнюковымъ. 2 части. Кіевъ. 1870.

Разсказы о польской старинѣ. Записки XVIII в. Яна Дуккана Охотскаго; съ рукописей, послѣ него оставшихся, переписанныя и изданныя І. Крашевскимъ. Пер. съ польск. 2 т. Спб. 1874. 2010 экз. Ц. 4 р.

Сказанія Массы и Геркмана о смутномъ времени въ Россіи. Изд. Археограф. Коммисіи. Спб. 1874. 400 экз. Ц. 2 р.

Русская исторія. К. Н. Бестужева-Рюмина. Т. І-ый. Спб. 1872.

Русская патріотическая библіотека, изд. Вс. Мамышевымъ.—Георгіевскіе кавалеры. Спб. 1874. 600 экз. Ц. полн. изд. «Георг. кав.» 10 р.

Русская патріотическая библіотека, изд. Вс. Мамышевымъ.—Золотое оружіе. Т. І, кн. 1-я. Спб. 1874. 1200 экз. Ц. 10 р.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА
„РУССКУЮ СТАРИНУ“
1877 г.

ВОСЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, три большіе тома, съ портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей, гравированными на мѣди и на деревѣ, также со снимками и рисунками—**ВОСЕМЬ** руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ „Русской Старины“ на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостинаго двора, при книжномъ магазинѣ **Николая Ив. Мамонтова, д. № 46**. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ главной конторы при книжныхъ магазинахъ: **И. Г. Соловьева**, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева, и **Ник. Ив Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

☛ Гг. **Иногородные** имѣютъ присылать свои требованія, адресуя такъ: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина“**, Надеждинская улица, д. № 42, кв. 12.

Въ „Русской Старинѣ“, помѣщаются:

I. Записки (мемуары) и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и разсказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII и XIX-го вѣковъ. —III. Историческіе матеріалы изъ архивовъ и частныхъ собраній.—IV. Жизнеописанія и новые матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—V. Очерки изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ: неизданныя почему-либо въ свое время произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники. —VI. Критика и библіографія русско-исторической литературы.—VII. Историческіе разсказы, преданія и анекдоты.—Характерныя челобитныя, домашніе дневники, черты нравовъ русскаго общества прошлаго времени и проч. листки изъ записной книжки „Русской Старины“.—VIII. Народная русская словесность: историческія, бытовыя и сатирическія пѣсни XVII-го и XVIII-го вв.—Стихи и пѣсни духовные и сектанскіе.—Замѣтки и выписки изъ подлинныхъ дѣлъ о суевѣріяхъ русскаго народа.—IX. Перечень новыхъ русско-историческихъ книгъ.—X. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

Можно получить третье изданіе „РУССКОЙ СТАРИНЫ“ 1870 года,
цѣна **ВОСЕМЬ** р. за 12 кн. безъ переплета и **11** р. въ переплетѣ, съ перес.
„Русская Старина“ 1876 г., двѣнадцать книгъ, 8 руб.

Семевскій.